

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

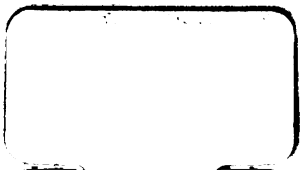
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855451 0

100

2100

160
1865

* 2CA

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ и С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

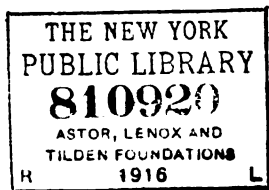
ТОМЪ СЛХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. А. КРАЕВСКАГО (Литейная, № 38).

1865.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 28 апрѣля 1865 года.

NOY WEN
310920
ASTOR

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ШЕСТИДЕСЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	Стр.
ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЦОВЫ. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть четвертая. Заключеніи. Главы I—XVII. В. В. Крестовскаго.</i> . . . . . 1 и 335	X
О ДАНТЕ. По поводу шестисотлѣтняго юбилея. М. Пинто , профессора с.-петербургскаго университета. . . . . 71 и 391	✓
НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Дженкса. <i>Книга третья. Главы I—VI.</i> . . . . . 105 и 589	X
МЕЖДУ СТАРЫМЪ И НОВЫМЪ. (Повѣсти, рассказы и очерки Н. Помяловскаго. Т. I и II). <i>Статья вторая и последняя. Incognito.</i> 133	✓
РУСАНОВЪ. Раскольничій ле-архіерей. (Изъ острожныхъ). <i>Очеркъ. Окончаніе. Э. Ливанова.</i> 155	✓
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМІИ И КОМПЛЕКТОВА- НІЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ. Д. В. Платилова. . . . 203 и 365	
ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Запис- ки Эрикетты Караччолю. Переводъ съ итальянска- го. <i>Окончаніе.</i> . . . . . 223 и 456	X
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ИСТОРИИ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ», Наполеона III. 257	✓
АЗАРТНЫЯ ИГРЫ ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ. Н. П. Ш....А. 284	✓

✓ ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ. <i>Статьи первая и вторая.</i> «Эстетическія отношенія искусства къ дѣятельности». Изда- ніе второе. 1865 года. Н. И. ОДОВЬИНА. . . . 307 и 468
✓ СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛЯ. Повѣсть. Главы I—XVI. В. П. АВЕНАРИУСА. . . . . . 422 и 493
ДИКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕДАГОГИИ. Листки изъ вакаціонныхъ замѣтокъ. Е. Л. МАТВѢЕВА. 568
✓ ГИЗО, О СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСТВА. <i>Méditations sur</i> <i>l'essence de la religion chrétienne.</i> Н. И—ОВА. . . 631
✓ ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ. Романъ изъ американской жизни и нра- вовъ. Главы I—II. 649

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. . . . . 1, 79, 79 и 219
ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. . . 19, 95 и 257
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. . . . . 30, 127, 127 и 275
ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ. . . . . 52, 111 и 235
НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ. . . . . 77, 137 и 289
КУРЬОЗЫ. 208

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть четвертая.

ЗАКЛЮЧЕННИКИ.

I.

Дядинъ домъ (*).

Между петербургскими каналами, есть одинъ, называемый Крюковымъ. Отличительныхъ достоинствъ не имѣеть, если не считать достоинствомъ его ноголомную набережную. Каждый добросовѣстный петербуржецъ, движимый чувствами человѣколюбія, конечно, не посовѣтуетъ ни одному вновь-пріѣзжему прогуляться темнымъ вечеромъ по этой гранитной набережной, если только, изъ личнаго мщенія, не пожелаетъ, чтобы тотъ свернулъ себѣ шею. Эта достопримѣчательная набережная имѣеть столь своеобразный видъ, что любой человѣкъ, незнакомый съ геологическими свойствами петербургской формаціи, ни на минуту не усумнится отнести Крюкову набережную къ плачевнымъ слѣдамъ недавняго землетрясенія — дотога осѣлись въ глубь, разщелились и повывались торчащими косяками ея массивныя гранитныя плиты. Это — память 7-го ноября 1824 года (**).

Крюковъ каналъ служить границей между нарядной, показной частью города и тою особенной стороною, которая извѣстна подъ именемъ Коломны.

(*) Первые одиннадцать главъ четвертой части не заключаютъ въ себѣ исключительно романческаго интереса. Это — такъ-сказать, этнографическій очеркъ быта и жизни петербургской тюрьмы. Такое же значеніе отчасти имѣють и тѣ главы, которыя впоследствии коснутся женскаго отдѣленія тюремнаго замка. Дядинимъ домомъ, на воровскомъ агготъ, называется тюрьма; сидѣть у дяди на порукахъ — сидѣть въ тюремномъ заключеніи.

(**) Наводненіе.

Морскіе солдаты, да ластовныя рабочіе, часто подъ хмѣлькомъ; лабазники изъ Литовскаго рынка, которые пруть передъ собою двухколесныя ручныя тележки, съ кладью; театральныя мастодонты-колымаги, развозящія съ репетицій балетныхъ статистовъ и оперныхъ хористовъ; мелкій чиновничекъ съ кокардой на фуражкѣ, гурьба гимназистовъ, гуляющіе «маэстрофой челоуѣкъ» да фабричныя съ Бердова завода—вотъ характерныя признаки уличнаго движенія Коломны. Впрочемъ, и здѣсь есть обитатели весьма комфортабельныхъ бельэтажей, даже красуются пять-шесть барскихъ домовъ, напоминающихъ «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», но главный-то слой населенія все-таки составляютъ тѣ классы, представителей которыхъ мы только что показали читателю.

Чуть перевалитесь вы черезъ любой изъ горбатовъ, неуловимыхъ мостовъ Крюкова канала, особенно вечеромъ, качъ разомъ почувствуете, что васъ охватываетъ иной міръ, отличный отъ того, который оставили вы за собою. Вы ѣдете по Офицерской: улица узкая, сплошныя каменныя громады, въ окнахъ газъ, бездна магазинчиковъ и лавочекъ, по которымъ сразу видно торговлю средней руки; посерединѣ улицы то и дѣло снуютъ извозчики, по неширокимъ тротуарамъ еще чаще сталкивается озабоченный, разночинный народъ — и это пѣчное движеніе ясно говоритъ вамъ про близость къ городскому центру, про жизнь дѣятельную, всепоглощающую, промышленную—однимъ словомъ, про жизнь большого, многолюднаго города. Но вотъ узкая улица съ ея шумомъ и суетней впала въ окраину громадной площади. Тутъ движеніе еще сильнѣй, еще быстрѣе. Огни газовыхъ фонарей цошли еще чаще. Ярво освѣщенные подъѣзды и еще ярче залитые свѣтомъ ряды оконъ двухъ огромныхъ театровъ, быстрый топотъ рысаковъ, отовсюду торопливое громыханіе каретъ, ряды экипажей, «берегись» и «пади» кучеровъ да начальственный крикъ жандармовъ—все говоритъ вамъ, что эlegantный Петербургъ торопится убивать свое многообильное праздностью время. Но чуть перевалились вы за горбъ литовскаго моста, какъ вдругъ запахло не центромъ, а близостью къ окраинѣ города. Офицерская улица, кажись, и та же — да не та. Пошла она гораздо шире, просторнѣе; дома въ общей массѣ менѣе высоки и громадны, инде виднѣются сады, инде постройки деревянныя. Свѣту—вдесятеро меньше, народу тоже, и нѣтъ ни этого снованья, ни этого грохоту экипажей.

Въ самомъ дѣлѣ, какой рѣзкій контрастъ! Тамъ, за вами —

шумъ и движеніе, блескъ огней и блескъ суетливой жизни, балетъ и опера, всѣ признаки веселья и праздности; а здѣсь—тишина, и мракъ, и безлюдье; здѣсь первое, что встрѣчаетъ васъ за мостомъ—это казенно-угрюмое зданіе городской тюрьмы, которую вечеромъ, подъѣзжая къ одному изъ двухъ театровъ, и не замѣтите вы въ окутаншемъ ее мракѣ.

Еслибы кто вздумалъ вообразить себѣ нашу тюрьму чѣмъ-нибудь въ родѣ Ньюгетъ или Бастильи, тотъ жестоко бы ошибся. Внѣшность ея совсѣмъ не носитъ на себѣ того грандіозно-мрачнаго характера, который вѣетъ воспоминаніями и стариной, этиамъ жкомъ и плесенью исторіи, этою поэзіей мрачныхъ легендъ былого времени и эпизодами картинныхъ страданій. Наша тюрьма, напротивъ, отличается сѣро-казеннымъ, казарменнымъ колоритомъ обыденно-утвержденного образца. Такъ и хочется сказать, что «все, молъ, обстоитъ благополучно»—при взглядѣ на эти бесконечно-скучныя прямыя лініи, напоминающія своею правильностью одну только отчетливую правильность ружейныхъ темповъ «разъ-два!» Но знаете ли, мнѣ кажется, что впечатлѣніе нашей тюрьмы чуть ли не будетъ еще потяжелѣе впечатлѣнія, производимаго лондонскимъ Ньюгетъ, или какой либо другой изъ средневѣковыхъ европейскихъ тюремъ. Тамъ—эта архитектура, эти воспоминанія наводятъ на васъ хотя и тяжелое, но все-таки, благодаря нѣкоторымъ изъ картинныхъ историческихъ эпизодовъ, своего рода поэтическое впечатлѣніе. Здѣсь же ничего подобнаго нѣтъ, и вотъ именно эта-то самая казенность и давитъ вашу душу какимъ-то тагуче-скучнымъ гнетомъ.

Неправильный и не особенно высокій четырехугольникъ, нѣчто въ родѣ каменнаго ящика, съ выступающими пузатымъ полукругомъ наугольными башнями, низкими, неуклюжими—зданіе, выкрашенное сѣровато-бѣлою краскою; ряды черныхъ оконъ за толстыми, желѣзными рѣшотками; внизу—форменныя будки и апатично бродящія часовые—таковъ наружный видъ главной петербургской тюрьмы. Только два ангела съ крестомъ, на фронтонѣ передняго фаса, нѣсколько разнообразятъ этотъ обще-казенный, скучный видъ всего зданія. Въ передней башнѣ, выходящей къ литовскому мосту, вдѣланы низкія и тяжелыя ворота, обокъ съ ними—образъ Спасителя въ темницѣ и въ узакъ, да нѣсколько кружекъ «для арестантовъ, Христа-ради», и надъ воротами—черная доска съ надписью: «тюремный замокъ». Въ народѣ, впрочемъ, онъ слыветъ исключительно подъ именемъ «литовскаго

замка» — название, данное отъ сосѣдства съ литовскимъ рынкомъ.

Надъ домомъ вѣчнаго пово­ра
Стоять два ангела съ крестомъ,
И часовые для дозора
Внизу съ заряженнымъ ружьемъ.
Сѣро, мрачно... Въ окнѣ рѣшетка,
За нею—воли впереди —
Но звукъ шаговъ считаешь четко,
То будто звукъ: «сиди, сиди, сиди!»...

Такъ когда-то сложили стихи про тюремный замокъ одинъ изъ арестантовъ, и стихи эти сдѣлались весьма популярны въ средѣ заключенниковъ.

Около трехъ часовъ пополудни со скрипомъ растворились ворота литовскаго замка, за ними завизжали на несмазанныхъ петляхъ ворота внутреннія—желѣзныя, рѣшетчатыя—и въ низкую, полутемную подворотню вѣхалъ запряженный понурю ключей четырехколесный, черный ящикъ съ номеромъ, окруженный шестью штыками военного эскорта. Не успѣлъ арестантъ въ послѣдній разъ черезъ маленькое рѣшетчатое оконце ящика бросить взоръ «на волю», то-есть на мѣръ затюренный, на эту жизнь городскую, какъ ворота снова захлопнулись, съ грохотомъ желѣзнаго засова — и въ сводчатой подворотнѣ стало еще темнѣе.

Конвойный унтер-офицеръ отомкнулъ желѣзную задвижку въ дверцѣ ящика и крикнулъ:

— Живѣе, вы!... Маршъ, въ контору!

Изъ двери вылѣзли три-четыре человѣка, въ безобразныхъ сѣрыхъ шапкахъ, а одинъ — въ своемъ «вольномъ» партикулярномъ платьѣ.

Пока тюремный служитель, извѣстный въ замкѣ подъ именемъ Подворотни, осматривалъ внутренность фургона и ощупывалъ возницу: нѣтъ ли чего запрещенаго, въ родѣ картъ, табаку или водки — военный эскортъ повелъ пріѣхавшихъ арестантовъ по звучному корридору.

— Отвести на второй этажъ! (*) распорядился письмоводитель

(*) На второмъ этажѣ тюремнаго замка помѣщаются камеры *особаго отдѣленія*, куда сажаютъ по тяжкимъ преступленіямъ. Первый этажъ занятъ бродяжничимъ отдѣленіемъ, тамъ же и татаре. Третій этажъ — по подозрѣнію въ воровствѣ, мошенничествѣ и кражѣ; четвертый — по воровству, мошенни-

тюремной конторы, прочтя бумагу, при которой былъ присланъ молодой арестантъ въ «вольномъ» ядять.

— При себѣ ничего мѣтъ? отнесся онъ къ послѣднему.

— Ничего.

— Осмотрѣты! кивнулъ письмоводитель.

Однѣ изъ сторожей выворотилъ карманы арестанта и приказалъ разуть ему ноги. Оказались: карандашъ, клочка четыре бумажки, какал-то веревочка и въ старомъ портмоне рублевая асигнація да копеекъ шесть мѣди.

Всѣ эти вещи, за исключеніемъ мѣдаковъ, были записаны и оставлены въ конторѣ (*).

Дежурный повелъ арестанта черезъ главный тюремный дворъ, посерединѣ котораго стоитъ голубятня, поставленная на собственный счетъ однимъ изъ «благородныхъ» подсудимыхъ, ради общаго развлеченія заключенныхъ. Кое-гдѣ, за рѣшотками оконъ видѣются ихъ невеселыя лица. Вокругъ двора идетъ бревенчатый палисадъ, болѣе двухъ сажень вышиною; за нимъ разбиты маленькіе садки, отгороженные одинъ отъ другого точно такимъ же высокимъ палисадомъ, и служащіе единственнымъ официальнымъ развлеченіемъ арестантовъ. То тамъ, то самъ, въ разныхъ концахъ огромнаго двора прохаживались часовые съ ружьями, а «первое частное» съ красными воротниками на сѣрыхъ пиджакахъ, пилило дрова и таскало ихъ на всю тюрьму, по камерамъ (**).

честу и кражѣ. Второй, третій и четвертый слыгутъ въ тюрьмѣ просто подъ именемъ этажей.

(*) Деньги, мѣше рубль, отдаются на руки арестанту, съ рубля же отбираются въ конторѣ. Арестантъ ежедневно можетъ брать некоторую сумму на свои житейскія потребности, на чай, булку и т. п. Мелкія вещи, цѣнныя или ничего нестоющія, отбираются сполна, особенно бумага чистая, хоть будь это простой клочокъ. Почему, для чего послѣдняя строгость? — неизвестно, тѣмъ болѣе, что во камерамъ бумага все-таки есть, и иногда въ чинарномъ количествѣ.

(**) Отдѣленія отличаются по воротникамъ: татѣбное отдѣленіе—черный воротникъ. По этому случаю татѣбныхъ называютъ «егарами». По подозрѣнію въ воровствѣ—сѣній; по воровству—желтый. Первыхъ зовутъ «гарнизоломъ», послѣднихъ—«улашима».

1-е частное отдѣленіе, куда забираютъ преимущественно безпаспортныхъ, изъ Вяземскаго дома и т. п., носятъ красные воротники. Военнаго названія не имѣетъ, но, какъ видно изъ одной арестантской рукописи, находящейся у автора, ирзывается «мрачнымъ свѣтомъ».

2-е частное отдѣленіе—малиновый воротникъ, извѣстно подъ именемъ «старога благороднаго»; называютъ его также «безхлопотнымъ». Сидятъ тамъ иностранцы, купцы, мѣщане и даже крестьяне случаются; но попасть на это от-

— Деньги есть? вполголоса обратился «проводжатай» къ своему спутнику, покосясь на него въ полоборота, что явно обозначало интимно-секретное свойство вопроса.

— Отобрали, коротко отвѣчалъ арестантъ.

— Экой дурень! И чему васъ, право, учать въ этихъ сибирякахъ по частямъ?... Отобрали!... А того не знаетъ, что на экое дѣло мутузка (*) есть: замоталъ въ нее сигнацію да и обяжи поимомъ во тѣлу: тамъ не жунають!... Дурень, право дурень! А сколько денегъ-то? спросилъ онъ еще тише.

— I убль... да шесть копеекъ еще—этихъ не взяли.

— Фю! презрительно свиснулъ солдатъ:—шесть копеекъ! Туды же даньгашн величаютъ!... Ну, да богъ съ тобой, давай ужъ и ихъ что-ли сюда, а я словцо такое замолвяю за тебя приставнику.

дѣленіе преимущественно можно по протекціи, потому что со второго частного не гоняютъ ни на какую работу и позволяютъ ходить въ собственномъ «вольномъ» платьѣ.

Вродящее—воротникъ зелѣный—чтобъ, значить, вольныя поля да гѣса напоминало», говорятъ арестанты.

Подсудимое отдѣленіе — сѣрый; прозывается, по той же рукописи, «хамовымъ отродьемъ», потому что изъ этого отдѣленія назначаются люди въ прислу на благородное и секретное отдѣленія, въ банщики, кашевары, портные, хлѣбопѣки, сапожники.

На благородномъ отдѣленіи — черныя пиджаки съ чернымъ, отложнымъ воротникомъ; допускается также и свой собственный костюмъ. Тюремная работа заключается въ качаньи воды да въ пиланъ и разноскѣ дровъ. Третій и четвертый этажи таскаютъ сами на себя; для прочихъ же отдѣленій—эту обязанность исполняютъ первое частное. А работаютъ первые два «по перемянкамъ»: сегодня 4-й, напримѣръ, воду качаетъ, а 3-й пилитъ дрова; завтра наоборотъ. Этничъ только и разнообразится работа по замку.

(*) Мутузка—поясокъ, которымъ служитъ веревочка тоненькая. Есть два способа протаскивать съ собою деньги. О наиболее употребительномъ, благодаря его оригинальности, нѣтъ никакой возможности сказать что-либо не въ строго-спеціальному трактатѣ. Второй же способъ представляетъ именно мутузку или мутузюкъ. Вокругъ нея свертывается ассигнація и заматывается ниткою. Впрочемъ, для арестантовъ невыгодно брать съ собою болѣе крупныя деньги, потому денежное воровство сильно развито между арестантами и часто соединяется даже съ открытымъ грабежомъ. Былъ случай, что одинъ, съ помощью нецензурнаго способа, протаскилъ съ собою на этажъ триста рублей и зашилъ ихъ тамъ въ жилетку. Объ этомъ провѣдали трое арестантовъ и подкараулили его окнами въ корридоръ, при выхождъ изъ ретираднаго мѣста. Они кинулись на него, двое схватили за руки, третій—сорвалъ жилетку и затѣмъ дашилъ ему тумакъ въ голову, отъ котораго тотъ упалъ безъ чувствъ, грабители успѣли скрыть жилетку. Все это дѣлается на глазахъ приставниковъ и корридорныхъ, которыхъ ни въ грошъ не ставятъ арестанты, и которые, состоя частенько въ сообщей дѣлѣжкѣ, находятъ, что такая кража весьма даже законное явленіе, «потому не бери съ собою много денегъ, коли начальство запретило». Ну, опытные арестанты и точно не берутъ, а не те вращуть тамъ ловко и осторожно, чтобъ ужъ никто не догадался.

Арестантъ отдастъ, не прекослова.

— Живѣе, маршъ! прикрикнулъ дѣжурный, подымаясь съ нимъ по лѣстницѣ, на площадкѣ которой у дверейhalb видѣлась каска и штыкъ часового—спеціальная привилегія татейнаго отдѣленія, куда сажаютъ «по тяжкимъ преступленіямъ», и тутъ сдалъ приведеннаго съ рукъ на руки приставнику, дюжему солдату, съ черными погонами и въ высокой фуражкѣ. Корридорный, по приказу послѣдняго, вылинулъ изъ камеры старосту, «сидѣлаго чловѣка» съ широкими балмшцными скулами, и поздравилъ его «съ новымъ жильцомъ». Приставникъ показалъ старостѣ «новичка», переговорилъ гдѣ нспособіе посадить его, то-есть въ какомъ номерѣ вѣтается незанятая койка и, получивъ надлежащее свѣдѣніе, вмѣстѣ съ «сидѣлымъ чловѣкомъ» провелъ «новаго жильца» по корридору, въ дверь небольшой конурки, которая зовется «приставницкой». Сюда же былъ «выкликанъ» и «дневальный» той камеры, гдѣ предполагалось помѣстить приведеннаго (*). Въ приставницкой обыкновенно совершается переодѣваніе «въ новыя вѣды», то-есть первое посвященіе въ жизнь заключенную. Новичка заставили снять съ себя вольное платье съ бѣльемъ, а взамѣнъ выдали костюмъ арестантскій.

Черезъ минуту молодой чловѣкъ очутился въ толстѣйшей дерюгѣ-сорочкѣ, сѣрыхъ штанахъ грубаго сукна и такомъ же пиджакѣ.

— Вотъ, ты, стало быть, въ егаря поступилъ, замѣтилъ солдатъ, указавъ на черный воротникъ пиджака, и кидая ему пле-

---

(*) На каждое отдѣленіе полагается по одному приставнику, который играетъ роль гувернера при арестантахъ: присутствуетъ при ихъ обѣдѣ, два раза въ сутки ходитъ въ лавочку за припасами для желающихъ, выгоняетъ на работу, наблюдаетъ въ репрещіонное время, на прогулкѣ по садикамъ, по средямъ и патицамъ сопровождаетъ въ контору желающихъ писать о себѣ прошенія. У него есть два помощника: корридорный и подчасокъ, обязанность которыхъ главнѣйшимъ образомъ заключается въ томъ, чтобы во время обходовъ начальства, двери въ камерахъ, ради порядка, были заперты на ключъ. Во внутреннемъ управленіи арестантовъ искони ведется выборное начало. Большинство голосовъ на каждое отдѣленіе выбирается староста, а въ каждой камерѣ—дневальный и подневальный. На работу они не ходятъ, за то обязаны приносить на свое вѣнечіе «новичковъ», получаютъ больше на свою камеру, ходятъ за хлѣбомъ, принимаютъ со старостой подавье, каждый день поимать у себя ноль, а по субботамъ мочтъ его. Обязанность старости довольно мудрема: онъ—судья и вершитель междоусобныхъ недоразумѣній и споровъ, отвѣчаетъ вѣрадъ начальствомъ за духъ своего отдѣленія и за разныя провинствія, проступки и т. н. Ему нужно потрафлять и на начальство и на арестантовъ, чтобы и то, и другіе были довольны, по пословицѣ: и волки сыты, и овцы цѣлы.

тены лапти съ неуклюжею сѣрою шапкой.—Береги вещи, потому онѣ казенныя: взыскивать будутъ. Видишь?

И онъ ткнулъ пальцемъ на номеръ и клеймо, выставленное на каждой принадлежности костюма: «РАЗ. Т. З.».

— Это значить, ты — «разночинецъ тюремнаго замка» — такъ оно и обозначено. Понимаешь? пояснилъ дневальный.—А теперь пойдемъ на «татенное», къ милымъ пріятелямъ, познакомиться.

За арестантомъ затворилась дверь предназначенной для него камеры — и хриплое шелканье запираемаго замка возвѣстило ему окончательное вступленіе въ міръ новый, своеобразный, оригинальный и мало кому знакомый «на волѣ».

У вновь приведеннаго помутилось въ глазахъ: его ошибло этою духотою и вонью, этимъ прокисло-затхлымъ и спертымъ воздухомъ тюремной камеры. Дневальный далъ ему толстую суконную подстилку да тощій тюфячокъ съ подушечной и указалъ мѣсто на одной изъ свободныхъ коекъ, которыя тѣсно идутъ по двумъ противоположнымъ стѣнамъ. Почти безсознательно сталъ онъ оглядывать настоящее свое жилище, избѣгая взглянуть на лица новыхъ товарищей.

Это была не особенно просторная комната, въ два окна съ давно-потускнѣлыми стеклами, съ низкимъ закоптѣлымъ сводомъ и желѣзною печью въ углу. Кое-гдѣ, по стѣнкамъ, торчали убогія, маленькія полочки съ хлѣбомъ и «подаянными» сайками да разной посудой, въ родѣ чашекъ и кружекъ; кое-гдѣ надъ койками красовались прилѣпленныя картинки и вырѣзанные изъ бумаги пѣтушки, то и другое — издѣлія самихъ арестантовъ. На передней стѣнѣ висѣлъ темный образъ и лампада, замѣняющая собою ночникъ; въ углу — боченокъ съ водою, а на дверяхъ, повыше надзирательской форточки, росписаны были ряды цифръ и слѣдующіе знаки:

В. П. В. С. Ч. П. С.

Это — календарь, лежащій, по приговору членовъ камеры, на обязанности дневальнаго, который отмѣчаетъ мѣломъ начальныя буквы дней недѣли, и подъ каждую ставитъ цифру. На утро каждаго дня стирается цифра, обозначавшая вчерашнее число, и такъ до конца мѣсяца. Въ камерѣ помѣщалось тридцать человекъ заключенныхъ. На двухъ побрякивали цѣпи. Это — «рѣшповные»; сидятъ и ждутъ себя скорого и дальняго странствія въ палестины забайкальскія. Иныя спятъ въ растяжку какимъ-то тяжелымъ,

безжизненнымъ сномъ, какой мнѣ случалось подмѣчать доселѣ у однихъ арестантовъ, да у людей натруженныхъ. Иные «дуются» въ шашки, «на антересь», которымъ служить грошъ, или мидорстинная булка. Шашечницу устроить нехитро: взялъ ножъ да и наскоблилъ имъ клѣтки на боечной доскѣ, а изъ сосноваго полѣна повырѣзывалъ кружки да квадратики—и готово дѣло. Нѣсколько человѣкъ книжку читають и предаются этому занятію съ видимымъ наслажденіемъ. Книжками снабжаетъ ихъ тюремный священникъ; но «божественныя» если и читають арестанты, то больше подъ праздникъ, а въ мірскіе дни предпочитаютъ чтеніе «съ воли» и ищуть въ немъ то, что позанятнѣе. А съ воли можетъ протащить книжку, хоть тюремный солдатъ, хоть любой посѣтитель; и тутъ есть всякая книжка: и историческая, и номеръ стараго журнала, и путешествіе, и романъ, какой попадетса; все это поглощается съ равнымъ удовольствіемъ, которое выражается въ своеобразныхъ комментаріяхъ и поощрительныхъ возгласахъ. Иногда очень ужъ занятую книжку цѣлая камера, какъ одинъ человѣкъ, слушаетъ, никто слова сторонняго не шепчетъ, никто не спитъ, никто даже въ кости не играетъ, а объ картахъ, на этукую пору, и помину нѣтъ (*).

А лица, а фізіономіи? Какихъ тутъ только нѣтъ, между этими тридцатью существами, которыхъ случайная судьба свела, на неопредѣленное время, подъ низкіе своды тѣсной камеры и заставила денно и нощно пребывать всѣхъ вкупѣ, нераздѣльно! Лица старыя и молодыя, по которымъ угадаешь всѣ степени человѣческаго возраста, за исключеніемъ дѣтскаго да глубоко-старческаго, угадаешь разныя національности и оттѣнки личнаго ха-

(*) Это показываетъ, какъ сильна у арестантовъ потребность къ чтенію и вообще къ умственной дѣятельности. Между прочимъ, надо замѣтить, что арестанты очень любятъ стихи читать. Я знаю нѣсколькихъ, которые говорили мнѣ нахвалу стихотворенія нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ, а одинъ валялъ даже въ прозѣ цѣлыя отрывки изъ «Мертваго дома» Ф. Достоевскаго. Замѣчательно еще то, что предпочитаютъ стихи не юмористическіе, которыми такъ богаты нѣкоторыя сатирическіе листки, а сантиментальныя, чувствительныя, элегическіе, или же такіе, гдѣ говорится по горю людское, страдающее, несомно; особенно въ ходу Лермонтовъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Полежаевъ, наравнѣ со своими собственными тюремными произведеніями. Преимущественно же литература и потребность чтенія развита на четвертомъ и третьемъ этажахъ. Это даже можетъ замѣтить каждый случайный наблюдатель—стоитъ только, для сравненія, хоть разъ обойти всѣ отдѣленія зѣмка. А между тѣмъ тюремной бібліотеки не имѣется, да едва-ли и думаетъ кто объ этомъ, кромѣ священника, снабжающаго книгами духовно-нравственнаго содержанія.

рактора въ каждомъ. Вотъ открытая, добродушная и красивая физиономія молодого парня. Это—убійца. Спросите его, не официально, а по душѣ, за что онъ содержится?

— А изъ ружья стрѣляли, откровенно отвѣтитъ вамъ парень, если только на ту пору будетъ въ хорошемъ юморѣ и захочетъ отвѣтить.

— Какъ стрѣляли? кого?

— А начальства свое стрѣлили—потому жонку скралъ, подѣ свою милость. Теперичи рѣшенья ждемъ.

Рядомъ съ нимъ чухна изъ-подъ Выборга. Этого какъ ужъ ни спрашивай, вѣчно молчишь одинъ только отвѣтъ: «сеймуста, ничего не знаю!» А содержится «по подозрѣнiю» будто въ убійствѣ. Но стоитъ только взглянуть на эту неулыже-обтесанную, словно дубовый обрубокъ, приземистую, коренастую и крѣпкую фигуру, ростомъ меньше чѣмъ въ два аршина, на этотъ приплюснутый книзу черепъ, на эти узенькія, маленькія щелки-глаза и апатично-животное выраженіе лица, чтобы съ полнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ сознать въ немъ убійцу.

Вотъ тамъ, въ углу, растянувшись, руки подѣ голову, лежитъ на койкѣ литвинъ, промышлявшій на пограничномъ кордонѣ смѣлою контрабандой. Что за беззаботно-отважная физиономія! А тамъ вотъ нѣмецъ, Bairische Unterthan, который сидитъ-себѣ сидишь сеиъ лѣтъ уже въ одной и той же камерѣ; поступилъ—ни слова не зналъ порусски, а теперь рѣжетъ, какъ истый русакъ, безъ малѣйшаго акцента—въ тюрьмѣ научился.

Дагѣ выглядываетъ тоненькій носикъ черненькаго жидка: на фальшивой монеткѣ попался.

А это что за крупныя, сладострастно очерченныя губы? Что за ненормальное развитіе задней части черепа! И спрашивать нечего! Съ разу угадаешь тебя, богатырь Чурило Омленковичъ. Только ты не тотъ хорошій Чурило, не древній Дон-Жуанъ земли русской; никакая-то князя жена Опраксія у души своей тебя не держала, и не было у тебя своей Катерины Микуличны, Бермятиной жонки купечной; и когда поведутъ тебя, раба божьяго, на мѣсто лобное, высокое, такъ кievскія бабы не взмолятся: «оставь-де Чурилу намъ хоть на семена!» не взмолятся потому, что не горѣла въ тебѣ ни одна-то душа бабы, ни одно сердце дѣвичье, хотя и тебя, какъ древняго Чурилу, тоже, быть можетъ, погубила какая-нибудь дѣвка-чернавка. А не горѣла ничья душа потому, что ужъ больно неказистъ ты съ полныя; сластолюбіе

твое было и есть въ тебѣ явленіе уродливое, болѣзненное: лю- тыи звѣремъ на межѣ да въ пералѣсѣ видался ты на прохожую, волонилъ ее себѣ не красными словами, не хваткой молодец- кою, а насильствомъ да ножовой угрозою. Ну, за то за самое, другъ любезный, и обрѣтаешься теперь въ «домѣ дядиномъ» въѣ- сто дома сумасшедшаго.

Рядомъ съ Чурилой, пригорюнился еще одинъ обитатель ты- рениннй. Этоть—краснаго пѣтуха пушалъ на всю деревню роди- мую, когда стала она для него пуще ворога лютаго. Было вре- мя, что вились его кудери, вились - завивались, да пришла на кудри черная невзгода, сбрили съ головы его красу свѣтлорусую и повели въ городъ во солдаты. Изъ города нарень убѣтъ; осен- нею ночью на деревню вернулся, стукнулъ подъ окошко, бра- нулъ во колючко: «пустите, родимые, сына—обогрѣться!»— Не пустилъ батюшко—бурмистра испужался, не поврѣла матушка— ховяина побоялась.—«Ты жь гори огнемъ, батюшкино подворье, пропадай пропадаюмъ, матушкина свѣтлица!»—И пошелъ митарить- ся по бѣлу-свѣту, разные виды на себя принимать, пока не ны- мали въ городѣ Петербургѣ. Что-то думаетъ онъ да гадаеть, про то знаетъ одна голова его забубенная, а что впередъ при- ключится и чѣмъ кончится—про то Богъ святой вѣдаетъ.

Всакаго народу въ этой камерѣ вѣсталь, и есть представите- ли многихъ родовъ преступленья. Тутъ и святотатцы, и корчем- ники, и убогой мужичонко, что казенную сосѣншку съ казен- наго бора срубилъ, и покуатели на самоубійство; сидятъ и за во- ровство большое и за «угонъ скамеекъ», то-есть лошадей, и за гра- бежъ съ разбоемъ; тутъ же и отцеубійца-раскольникъ, котораго мать родная, старуха древняя, сама упрѣсомъ-просила отвести ее въ меленную и тамъ порѣшить топоромъ дуну ея ованннуу, мнотегрѣшннуу, чтобы черезъ страсотеринную кончину праведную мученическій вѣнецъ пріати. Онъ такъ и исполнилъ матерній завѣтъ, да и самъ помишлялъ о такомъ же блаженномъ вондѣ черезъ своего сына, какъ до старости доживеть, а тутъ началь- ство, на грѣхъ, не сподобило: таскало, гоняло по разнымъ су- дамъ и острогамъ, пока не попалъ, какими-то судьбами, въ пе- тербургскій.

И на каждой изъ этихъ фізіономій своя печаль и своя дума— а дума одна: какъ бы выинрнуть изъ дѣла да изъ когтей острож- ныхъ. Иныи лица, впрочемъ, кромѣ полиѣншей, безразличной аватин, ничего не выражаютъ; на другихъ—животненная тупость;

вныя же дышуть такимъ добродушіемъ и откровенностью, что невольно рождается вопросъ: «да ужь полно, точно ли это преступникъ?» Но за то есть и такого сорта фізіономіи, на которыхъ явно лежитъ печать отверженія. Приплюснутый сверху черепъ, съ сильнымъ развитіемъ задней его части, на счетъ узкого, низкаго и маленькаго лба, узкіе же глаза изподлобья, широкія, вздутыя ноздри, широкія скулы и крупно выдавшіяся губы являются по большей части характерными признаками такихъ преступниковъ. Это—преступники грубой, звѣрской силы и животныхъ инстинктовъ—совершенный контрастъ съ мошенниками и ворами городскими, цивилизованными, изъ которыхъ, если вы спросите любого: кто онъ таковъ? — то можете почти навѣрное услышать въ отвѣтъ: «кронштадтскій мѣщанинъ». Мнѣ кажется, что больше трети петербургскихъ мошенниковъ называютъ себя кронштадтскими мѣщанами. Почему ужь у нихъ такая особенная привязанность къ Кронштадту? — навѣрное не знаю, но чуть-ли не оттого, что легка приписка въ общество этого города. Контрастъ между фізіономіей убійцы или грабителя по профессіи, и между фізіономіей плутяги-мошенника, то-есть такъ-называемаго «мазурика», слишкомъ легко замѣтенъ: у этого послѣдняго умный, хитрый, уклончиво-бѣгающій и пронизательный взглядъ, который и всему лицу придаетъ выраженіе пронзливаго ума, взворотливой хитрости и смѣтки.

Но каковы бы ни были эти тюремныя фізіономіи, сколь бы ни разнообразенъ являлся ихъ характеръ, однако на всѣхъ ихъ лежитъ нѣчто общее, и это именно — тотъ болѣзненный, сѣрый колоритъ съ легкимъ изъзелена-желтымъ оттѣнкомъ, который устанавливается на лицѣ, вслѣдствіе тюремнаго заключенія. Воздуху, свѣту, движенію просить организмъ, а ихъ-то вотъ и нѣтъ, въ надлежащей степени. Впрочемъ, верхніе этажи тюремнаго замка, относительно, представляютъ нѣсколько болѣе выгодныя условія для сидѣнья, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи свѣта. Но попробуйте войти въ этажъ подвальный, куда вводитъ васъ низкая дверь съ надписью надъ нею: «по бродяжеству» — вы очутитесь въ темномъ и узкомъ корридорѣ, въ который еле-еле западаетъ слабый дневной свѣтъ, проходя черезъ рядъ маленькихъ стѣнныхъ трубъ, прямикающихъ къ крохотнымъ оконцамъ (не болѣе четверти въ квадратѣ), находящимся выше уровня корридорнаго потолка. Комната, въ одно окно, весьма щедро заслоненное желѣзною рѣшоткой, и въ этой комнатѣ живетъ цорю до

двѣдцати и болѣе человекѣвъ. Рядомъ — камера татарская, гдѣ группируютъ ихъ въ одну семью «на высѣдкахъ» (*).

II.

ТЮРЕМНЫЙ ДЕНЬ.

Да, невеселая это жизнь. Скучно, томительно-однообразно тянется день заключенника—вчера, какъ сегодня, сегодня, какъ вчера—и такъ проходятъ многіе недѣли и мѣсяцы, а для иныхъ даже и многіе годы.

Чуть остановится поутру стрѣлка замковыхъ часовъ на цифрѣ VII—во дворѣ раздаются три удара въ колоколь. Тюремный день начался—прозвонили утреннюю провѣрку. Унтер-офицеръ отъ военного караула вмѣстѣ съ Подворотней (**), обходятъ всѣ отдѣленія замка. На двери каждой камеры прибита снаружи красная доска, съ цифрой, которая показываетъ число заключенныхъ. Отмыкается замокъ, и Подворотня начинаетъ считать людей, свѣряясь съ надверною цифрой. Если случился ночной побѣгъ, отвѣчаетъ офицеръ караульный; за побѣгъ же, совершенный въ теченіе дня, вина падаетъ на тюремное начальство. Впрочемъ, арестанты знаютъ «добрыхъ» офицеровъ и стараются присноравливать дѣло такъ, чтобъ ужъ если бѣжать, то бѣжать, коли можно, въ «злое дежурство» — «чтобы, значить, добраго да хорошаго человекѣва въ отвѣтъ подъ сумленіе не ввести».

Изъ прѣлой температуры, которая въ теченіе ночи сдѣлалась совсѣмъ уже банною въ этой герметически закупоренной камерѣ, выбѣгаетъ распотѣвшій народъ въ настуженныя сѣни—мыться у мѣдныхъ умывалень, и это выбѣганье на холодогъ очень нравится арестанту, потому послѣ долгой ночи, даже и воздухъ сѣней покажется необыкновенно чистымъ и живительнымъ: «по крайности хоть вздохнешь послободнѣе.» А дневальный въ это время по обязанности подметаетъ полъ. Пока арестантъ умылся да лобъ перекрестилъ—глядишь—прошелъ уже часъ времени, и вотъ въ восемь «кипятокъ звонать». У кого есть щепотка чаю да кусокъ сахару, тотъ бѣжить на кухню съ посудиною; у кого

(*) «На высѣдкахъ» на тюремномъ argot значить заключеніе на извѣстномъ срокѣ, но приговору суда.

(**) Прозваніе, данное помощнику фельдфебеля тюремной команды, которъ ое вошло въ тюремный argot, какъ общее нарицательное имя для служителя, исполняющаго обязанности главнаго привратника.

нѣтъ—добрый человекъ нѣтъ товарищѣй похлѣится, напоить. После «кипятка»—это хочеть—въ школу, а остальные дрова нилить да воду качать, до одиннадцати часовъ. Въ школу, которую служить столовая замка, ходить какой-то чиновникъ, якобы учить, а въ сущности только перья да бумагу раздавать учащимся, потому арестантъ предпочитаетъ учиться у своего же брата арестанта-грамотѣя. И ходять туда они добровольно, по своей охотѣ, когда десять, когда двадцать, а когда и пятьдесятъ человекъ. А тѣ, что выгнаны къ дровамъ на работу, отбываютъ свое дѣло по задачѣ: на каждыхъ четырехъ человекъ полагается урокъ—распилить полсажени дровъ, и кто отбылъ задачу раньше одиннадцати часовъ, тотъ продираетъ себѣ въ садикъ своего отдѣленія. Эти садикъ очень пришлись по нраву заключеннымъ: они, въ большинствѣ своемъ, очень любятъ ухаживать за тошенькими кустиками на садовыхъ клумбахъ; иные достаютъ себѣ съ воли разныхъ сѣмянъ и по веснѣ сажаютъ ихъ въ землю, рогать и холать молодые всходы съ необыкновенной заботливостью, и — странное дѣло! — есть неоднократно примѣры, что самые зачерствѣлые преступники съ искреннимъ удовольствіемъ предаются этому буколическому уходу за своими цвѣтами.

Вотъ какъ описывается тюремный садикъ въ одной рукописи, создавшей въ тюрьмѣ и весьма популярной между арестантами четвертаго этажа, гдѣ и слагались помѣщенные въ ней пѣсни: (*)

Сѣлъ къ окну я.—Голубь спокрытый
Приметѣлъ и что-то мнѣ воркуетъ;
О голубкѣ, вѣрно, все о милой —
Какъ и я, онъ, бѣдненькій, тоскуетъ.
Взялъ я хлѣба, на окно посыпалъ —
Не клевалъ онъ, къ крошкамъ не касался...
Я заплакалъ — и кусокъ вдругъ выпалъ —
И вспорхнулъ мой голубь, испугался.
А внизу-то садикъ зеленѣетъ
На вусточкахъ свѣжіе листочки —
И желтѣютъ, вижу, и алѣютъ
Раскрасавчики цвѣты-цвѣточки.
Въ томъ садочкѣ узники гуляютъ:
На скамейкахъ тамъ сидятъ инне,
А другіе въ косточки играютъ —
Много ихъ — все больше молодые;
Лица желты, лица у нихъ блѣды —
Не красива сѣрая одежда! и т. д.

(*) Рукопись эта называется «Домъ позора». О ней нѣсколько говорится впоследствии, въ самомъ текстѣ романа.

Любимое занятіе арестантовъ, во время этихъ послѣдурочныхъ прогулокъ въ садикѣ — игра въ кости; ей отдается столько же симпатіи, сколько и укладу за двѣтами... Вокругъ зеленой скамейки «отобудятся» нѣсколько человекъ, и изъ среды ихъ то и дѣло вылетаетъ взрывъ горячихъ восклицаній: «очко!... куш! двѣнадцать очковъ! вятка! шестокъ!» и все это съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, съ азартомъ, въ которомъ выражается — то удовольствіе отъ удачи, то яркая досада на проигрышъ.

— А что, нынче гороховый день? интересуются арестанты, замѣчая, что время ближится къ обѣденному сроку.

— Не надо быть гороховому: день сегодня, кажись, у Бога скоромный стоять: вторникомъ промывается.

— То-то; совсѣмъ ужъ смотался съ пищей-то съ этой, ажно и забыли. Стало быть, щи?

— Кабы щи! хоть и сѣряки они—эти щи-то наши, а все жь нутро чувствуетъ, какъ чемоданъ нагрѣшь. А то вотъ Гришва Саноговъ на кухню бѣгалъ, сказывалъ—потѣмчиха! (*)

— Ой, ее къ чорту! совсѣмъ щенячья это пища, а не людская, право!

— Это точно что! соглашаются арестанты и, въ ожиданіи потѣмчихи, апатично тянутъ время до обѣденнаго часа.

Бьетъ одиннадцать—и раздается звонокъ къ обѣду. Народъ валить въ столовую, захвативъ съ собою изъ камеръ деревянныя ложки и свои порціи хлѣба (**). На столахъ уже дымятся горячимъ паромъ большіе мѣдные баки — на восемь человекъ по одному—между баками разставлены жестянки съ квасомъ.

— Го-го! ребята, щами пахнетъ, словно бы вкуснѣе: не столь кнслѣ.

— Начальство будетъ... вѣрно начальства ждуть...

— Ой-ли? радости-веселости мои! давай, на счастье, *сламу лосить*, ребята — только чуръ, по разу! не плутуй! (***) раздается

(*) Этимъ прозваніемъ окрестили арестанты похлебку изъ овсяной крупы съ картофелемъ, которая введена была предварительно на женскомъ отдѣленіи, и которую заключенники весьма неодобряютъ. Распредѣленіе блюдъ на недѣлю таково: понедѣльникъ — щи, вторникъ — потѣмчиха, среда, постный день—горохъ и т. д., а въ воскресенье—щи да каша и то, впрочемъ, не всегда, а смотря по обилію приношеній, которыя дѣлаются иногда и припасами.

(**) Хлѣбъ черезъ дневальныхъ получается отдѣльно на каждую камеру дневными порціями по 2½ фунта на человѣка.

(***) Это—одинъ изъ арестантскихъ обычаевъ: берется складной ножикъ, а за

говоръ между арестантами, въ разныхъ концахъ столовой, пока гурьба усаживается на длинныя скамейки.

— Ну-у! селитра (*) привалила! съ явнымъ неудовольствіемъ замѣчаютъ кое-гдѣ по столамъ, при входѣ военнаго караула.

Въ столовой появляются восемь человѣкъ солдатъ, съ ружьями и офицеромъ. Четверо становятся у однихъ дверей, четверо у другихъ, противоположныхъ. Таково тюремное обыкновеніе, котораго весьма не жалуютъ арестанты: оно оскорбляетъ ихъ самолюбіе.

— Чтой-то, словно къ тигрѣ какой лютой приставляютъ!... И зачѣмъ это, право?

— А зачѣмъ, чтобъ память не отшибло съ ѣды: пожалуй, забудешь, что у дяди на порукахъ сидишь. Глади еще, бунту затѣнешъ какую.

— Какъ же, *гарнизонъ да улань*, что ни есть, первые бунтовщики; это ужъ завсегда; на то ихъ и караулятъ.

И много еще слышится у нихъ, промежъ себя, замѣчаній въ подобномъ же родѣ. Офицеръ, межъ тѣмъ, шагаетъ-себѣ по среднему проходу, вдоль столовой, и часто поневолѣ, урывками слышитъ недовольныя рѣчи; поэтому, многіе изъ нихъ зная, что большой караулъ выказываетъ точно бы какое-то недовѣріе къ арестантамъ, входятъ въ столовую не съ восемью, а только съ четырьмя людьми, и то лишь ради соблюденія формальности. Арестанты — какъ дѣти: имъ льститъ это довѣріе, они цѣнятъ его, ибо очень тонко умѣютъ понимать человѣчность отношеній къ себѣ, которая служитъ для нихъ первою отличкой «добраго, хорошаго офицера».

Тюремный начетчикъ Китаренко (изъ заключенныхъ же), стоитъ у налоса и толково читаетъ, своимъ внятнымъ, монотоннымъ голосомъ Четы-миней, которыхъ, однако, ни одна душа спасенная не слушаетъ, потому — либо занимается она ѣдою, либо разговоръ пріятный съ сосѣдами ведетъ; Китаренко же читаетъ такъ-себѣ, «для близиру», чтобы начальство улагодушествовать, по-

---

ненинѣишемъ его ложка и погружается въ бакъ со щами. Это — потеря на кусокъ говядины, которая попадаетъ не въ особенномъ изобиліи, а иногда и вовсе не обрѣтается въ бакѣ. Довать на счастье, и потому каждый погружаетъ ножикъ или ложку только по разу, при чемъ остальные семь человѣкъ наблюдаютъ, чтобы «ловитель» не старался выскрывать мясо, а въ какое мѣсто погружалъ, съ того непосредственно и вынимаю наружу.

(*) Такъ заключенные и смѣльные называютъ гарнизонныхъ и этапныхъ солдатъ.

тому оно разъ ужъ такъ постановило, и значить, нечего тутъ разсуждать.

Отъ обѣда, до двухъ часовъ — время вальготное. Двери въ камерахъ не на замкъ, а только приперты для виду. Арестанты дѣлають визиты: приходять, по сосѣдству изъ камеры въ камеру, сидять, балагурять, сплетничаютъ. Люди смирные занимаются чтеніемъ, либо спать завалются на койки, а для людей азартныхъ— существуютъ карты, да кости, да пашки въ придачу. И вотъ, раздается хоровая пѣсня. Это запѣвало Симакинъ, собралъ охотчихъ людей въ одну камеру, и заправляетъ голосами. А пѣсни здѣсь не вольныя, а свои тюремныя, арестантскія — и первая пѣсня поется про Ланцова; слышно, будто онъ самъ про себя и сложилъ ее, на утѣху заключенниковъ. Вторая пѣсня, про общую недолю тюремную, про то, какъ

Сидить воронъ на березѣ,
Кричить воинъ про войну.

А третья пѣсня называется «душевною». Но если вы услышите послѣднюю, то навѣрное придете въ немалое удивленіе. Это ни болѣе ни менѣе, какъ Fagewell байроновскаго Чайльд-Гарольда, въ искаженномъ видѣ. Какими судьбами попали эти стихи въ заключенный міръ, а оттуда перешли на волю, въ міръ мошенниковъ, и — главное — почему они такъ сильно принажились имъ всѣмъ по душѣ, что даже самая пѣсня получила названіе «душевною»? (*)

(*) Вотъ эти три арестантскія пѣсни:

Пѣсня про Ланцова.

Звонить звонокъ—на счетъ собирайся!
Ланцовъ задумалъ убѣжать.
Не сталъ зори онъ дожидаться,
Послѣшно печку сталъ ломать.
Въ трубу онъ тѣсную пробрался—
И на церковный на чердакъ;
По стѣнкѣ тихо прокрался
На стариковскій банный дворъ.
Пришлось на разумъ распротяться,
Послѣдній разъ взглянуть на дворъ:
Прощай ты, главная абвахта!
Прощай губернский корридоръ!
Трубу обвязывалъ, самъ трасса —
Съ ограды страсть было смотрѣть.
Перекрестился, сталъ снушаться —
Солдатъ увидѣлъ, закричалъ.
Въ казармахъ сдѣлалась тревога,
На-быхтъ пробилъ барабанъ.

Всѣ три издавна уже составляютъ любимое пѣніе всѣхъ арестантовъ. Попоютъ они себѣ до двухъ часовъ, а тамъ — отъ

Въ частяхъ давно было извѣстно:
Ланцовъ изъ замку убѣжалъ.
Казать на сѣрнемъ на вѣнѣ
Съ конвертомъ къ князю поскакалъ.
И онъ бѣжалъ до самыхъ парокъ (?)
Потомъ и скрылся въ темный лѣсъ.
Три года онъ по волѣ шился—
Что шилъ, что ѣлъ онъ, что хотѣлъ;
Съ п... д... онъ связался,
Черезъ нее опять попалъ:
П... д... доказала—
Ланцова взяли во полночь.
Тутъ руки-ноги заковали,
Потомъ отправили въ острогъ.—
Тутъ дѣлать нечего Ланцову,
Давай секреты открывать:
Въ семи душахъ онъ повинился,
Потомъ подъ слѣдствіе попалъ;
Недолго слѣдствіе ходило—
И скоро выслушалъ указъ.

Въ хору арестанты поютъ ее обыкновенно до словъ: «Ланцовъ изъ замку убѣжалъ», а въ одиночку—всю до конца. Ланцовъ, молодой человекъ, по преданію, былъ писарь кавалергардскаго полка и сложилъ эту пѣсню про свой побѣгъ изъ московскаго замка. Эту тюремную эпопею доводилось мнѣ слышать и «на волѣ» отъ «жоржей», которыхъ научили, конечно, «сидѣльце». Она довольно-таки распространена въ этой частіи общества.

Вторая пѣсня болѣе всѣхъ популярна и давно уже прошла даже въ народъ; заключенники называютъ ее «арестантскою». Вотъ она:

Сидитъ воронъ на березѣ,
Кричитъ воинъ про войну.
Запропалъ бѣдный мальчишка
Въ чужой дальней сторонѣ.
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Своей родины бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего.
Жилъ мальчишка, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ,
Капиталу я рѣшился—
Во неволю жить попалъ.
Трудно, трудно жить въ неволѣ,
Да кто знаетъ про нее?
(Вар. Хороша она, неволя,
Кто не знаетъ про нее).
Насъ не видно за стѣнами,
Каково мы здѣсь живемъ.
Богъ, Творецъ небесный съ нами—
Мы и здѣсь не пропадемъ.

двухъ до четырехъ — либо воду качать, либо дрова пилить, да «на этажъ» таскать ихъ. Въ четыре опять «кипятокъ прозвонять»,

Одни оканчиваютъ пѣсню на этомъ стихѣ, а иные поютъ и далѣе:

Свѣтъ небесный только воссілетъ,
 Поутру рано встаемъ;
 Корридорный двери отворяетъ,
 Писарь съ требованьемъ идетъ,
 Всѣхъ по имени называетъ,
 По мѣстамъ назначаетъ.

Третья пѣсня — байроновское Farewell; основаніемъ ея послужилъ переводъ Ивана Козлова. Называется она:

ДУШЕВНАЯ.

Послѣдній день красн моей
 Украсилъ божій свѣтъ.
 Увижу море, небеса,
 А родины ужъ нѣтъ.
 Отцовскій домъ снокнулъ я —
 Травой зарощонъ,
 Собачка вѣрная моя
 Залаетъ у воротъ.
 На кровлѣ филинъ прокричалъ—
 Радайся по лѣсамъ!
 Забѣтъ сердце, загрузитъ—
 Не будетъ меня тамъ,
 Ахъ, въ той странѣ, странѣ родной,
 Въ которой я рождѣнъ.
 Терплю мученья безъ вины,
 На вѣнн осужденъ.
 Малытки спросятъ про меня—
 Расплачется жена,
 Потомъ и вся семья.
 Судьба несчастная моя
 Къ разлукѣ привела—
 И разлучила молодца
 Чужая сторона.

«Голосъ, которымъ ее поютъ — протяжный, грустный, заунывный, прежалостный голосъ, ровно что жизнь наша». Такъ комментировалъ эту пѣсню перекладывавшій мнѣ арестантъ.

Кромѣ этихъ трехъ, по преимуществу тюремныхъ пѣсенъ, поютъ еще лермонтовскія: «По синимъ волнамъ океана», «Отворите мнѣ темницу», «Спи, младавица мой прекрасный» и двухсмысленную пѣсенку, надѣлие московскихъ грачихинскихъ погребковъ: «Что ты черенъ воронъ вьешься надъ моею головою». Вообще арестанты очень любятъ пѣніе; а лѣтомъ, когда окна растворены и въ нихъ долетаютъ мотивы бродящихъ по сосѣднимъ домамъ музыкантовъ или жарихъ проходящихъ солдатъ—арестанты чутко и съ удовольствіемъ начинаютъ прислушиваться, часто бросая все, чѣмъ бы до той минуты ни занимались. Звукъ, повидимому, вліяетъ на нихъ очень мягко и благотворно.

и хоть спи, хоть гуляй до шести, когда вторично наступает штыковый церемониалъ въ столовой, за ужинными щами, либо горохомъ; а тамъ, послѣ ужина — вечерняя провѣрка, да выключка — кому назавтра ѣхать въ судъ или къ слѣдствію; затѣмъ — внести дневальный парашку (ушать), и — дверь на запоръ, на всю долгую ночь, до утренней переключки.

Въ этомъ порядкѣ и протекаетъ тюремная жизнь. Изрѣдка развѣ навѣститъ начальство какое-нибудь, обойдетъ два-три этажа — все, конечно, обстоитъ благополучно — и начальство уѣзжаетъ... Въ недѣлю разъ или два подааніе кто-нибудь изъ купечества сайсами принесетъ, да изрѣдка буйство произойдетъ какое-нибудь, или согрубленіе — согрубителя, сутокъ на пять, въ «карцюзю» посадятъ, хотя вообще, буйному народу вальготнѣе живется, чѣмъ смиренному; къ буйному — и приставникъ, и корридорный уваженіе даже какое-то чувствуютъ, потому, надо полагать, боятся: съ шальнымъ человѣкомъ, въ недобрый часъ не шутя. А въ «карцюзѣ» житье неприглядное: первое дѣло — потѣмни, второе — пройтия негдѣ, третье дѣло — ни скамейки, ни подстилки нѣтъ: валяйся на каменномъ полу, какъ богъ приведетъ, да услаждайся хлѣбомъ съ водою. И все-таки, несмотря на всѣ эти неудобства, случаются желающіе «на посѣден». Иной нарочно, мимоидущему начальству (своему тюремному) закричитъ вдогонку: «блинникъ!» или сгрубить чѣмъ-нибудь, или въ корридоръ покурить выйдетъ — лишь бы только посадили его въ «карцюзю». Дѣло понятное: сидитъ-сидитъ человѣкъ, денно и ночью, все въ томъ же самомъ разновалиберномъ обществѣ тридцати человѣкъ — индо одурь возьметъ его: уединенія захочется, которое въ этомъ случаѣ является чисто психической потребностью. Какъ попасть въ уединеніе? Просить, чтѣ ли? — Никто во вниманье не приметъ. Одно только средство: пакость какую-нибудь сдѣлать. Ну, такъ и дѣлаютъ.

И вотъ въ этомъ заключается все дневное разнообразіе тюремной жизни.

Но чуть, послѣ вечерней повѣрки, щелкнетъ послѣдній затворный поворотъ двернаго замка — въ камерѣ спочинается развеселая жизнь заключенника. Покой, просторъ, отсутствіе приставничьяго глаза — «гуляй арестантская душа во всѣ лопатки!»

III.

ПРОДАЖА ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

— Вотъ вамъ, заключеннички почтенные, начальство мило-сливое новаго жилища жалуетъ! обратился дневальный къ обитателямъ одной изъ камеръ татѣбнаго отдѣленія, введя туда молодого человѣка, послѣ переодѣванья въ приставнической, и указавъ ему койку.

— Нашего полку прибыло, замѣтилъ на это одинъ изъ сидящихъ. Прочіе ничего не сказали. Иные, ради форсу, даже не удостоили его взглядомъ, а иные, кто полюбопытнѣе, стали молча, каждый со своего мѣста, глазѣть на приведеннаго.

— А тебѣ, другъ, продолжалъ дневальный, обратясь уже непосредственно къ новичку: — коптѣть — не робѣть, судиться — не печалиться, терпѣть — не жалиться, потому, у насъ такой заказъ, чтобы пѣла, да не ѣла, съ пѣсни сыта была (*). Слѣшишь?... Какъ звать-то тебя?

Молодой человѣкъ, пришибленный впечатлѣніемъ новаго своего жилища съ его атмосферой и обитателями, сидѣлъ, какъ ошале-лѣный, и либо не слыхалъ, либо не понималъ вопроса дневального, который ткнулъ его въ бокъ, для пушаго вразумленія, и спросилъ вторично:

— Какъ звать?... Иванъ Вересовъ, отвѣтилъ тотъ, очнувшись отъ наплыва своихъ тяжелыхъ ощущеній.

— Ты за кѣмъ сидишь? за палатой, аль за магистратомъ, аль можеть за голодной? (**)

— Подъ слѣдствіемъ... изъ части.

— А за какія дѣла?

— Не знаю.

— Ой, врешь, гусь! Чудакъ-человѣкъ, врешь! никакъ этому нельзя быть, чтобъ не зналъ; взять же вѣдь ты въ какомъ подозрѣніи... Ты не скрывайся—народъ у насъ теплый—какъ разъ научимъ по всѣмъ статьямъ и пунктамъ отвѣтъ держать—глади, чистъ выйдешь, съ нашимъ низайшимъ почтеніемъ отпустить, только и всего! (***) Недаромъ нашъ дядинъ домикъ нивероятте-

(*) Одна изъ арестантскихъ поговорокъ.

(**) Голодной называется у арестантовъ уголовная палата.

(***) «Отпущенъ съ нашимъ почтеніемъ»—на байковомъ языкѣ мошенниковъ

томъ, слыветь, мазовой академіей называется. Мы съ тобой въ недѣлю всю курсу пройдемъ.

Вересовъ не подался на увѣщаніе дневальнаго, и это возбудило противъ него неудовольствіе арестантовъ.

— Ишь-ты, брезгуешь, ворчливо замѣтили иные: — погоди, кума, поживешь — такова же будешь, къ намъ же придешь да поклонись! Оставь, Сиздой! Ну, его!... Не видишь, что ли, что самъ на рогожкѣ сидитъ, а самъ съ ковра мѣчетъ!

Свой отошелъ отъ Вересова, тоже видимо оскорбленный.

Все это не предвѣщало ничего хорошаго новому арестанту.

Когда онъ нѣсколько поуспокоился и пріобыкъ къ настоящему своему положенію, къ нему лисицей подсмѣлъ человѣчекъ среднихъ лѣтъ, съ меланхолической фізіономіей, по имени Самонъ Фаликовъ, по профессіи крупный воръ и мошенникъ.

— Чтѣ ты, словно статуя какой сидишь, милый человѣкъ, не двинувшись? началъ онъ съ участіемъ: — ты скажи, по чемъ у тебя душа горитъ, да чтѣ за дѣла твои? Всѣ мы — люди-человѣчки, иной и безъ вины коптитъ; стыда въ этомъ промежъ себя нѣту никакого.

Фаликовъ говорилъ тихо, и явно билъ на то, чтобы придать разговору своему интимное значеніе. Остальные дѣлали видъ, будто не обращаютъ на него никакого вниманія, а тотъ, пользуясь этимъ, очень искусно строилъ жалкія рожи и говорилъ жалкія слова, приправляя ихъ слезкой и сочувственными вздохами.

Вересову показалось очень жалкой и несчастенькой фигурка человѣчка Фаликова. Ему давно уже не приходилось слышать ласковое слово, обращенное лично къ нему—въ памяти оставались свѣжи только официальные допросы слѣдователя да нуканье полицейскихъ солдатъ, такъ-что теперь, послѣ жалкихъ словъ Самона Фаликова, онъ весьма склоненъ былъ видѣть въ немъ такого же несчастнаго, какъ и самъ, и рассказать ему свое горе. Такъ и случилось.

— Эхъ, милый человѣкъ, тебѣ еще горе—не горе, а только полгоря! вздохнулъ Фаликовъ:—ты—какъ персть, одинъ-одиношенекъ, а у меня семейство: баба да ребятагъ четверо, такъ мнѣ-то каково оно сладко?

Вересовъ сочувственно покачалъ головой.

значитъ: оставленъ въ подозрѣніи; «съ нижайшимъ почтеніемъ»—въ сильномъ подозрѣніи.

— Слышь-ко, голубчикъ, съ таинственнымъ шопотомъ подвинулся къ нему арестантъ: — сотвори ты мнѣ, по христіанству, одолженіе! Ты—человѣкъ молодой, одинокій... Мы тебя выручимъ, сгорѣть не дадимъ... Ужь будь ты надеженъ, наши пріатели такъ подстроитъ дѣло, что сухо будетъ; много-много, коли подъ позоръ občества маленько предоставитъ тебя; такъ вѣдь это не бѣда. А теперича по твоему дѣлу невѣсть еще куды хуже рѣшать тебя: можетъ, запрещенъ въ столицѣ будешь, а можетъ, и тово...

Фаликовъ пріостановился, наблюдая, какое впечатлѣніе производятъ слова его на Вересова; но этотъ, не понимая, въ чемъ еще дѣло, смотрѣлъ на него недоумѣлыми глазами.

— А я—человѣкъ семейный, хворый человѣкъ; дѣтямъ пропитанье нужно, продолжалъ еще тише Фаликовъ: — на волю хочется: помрутъ вѣдь безъ родителя... Будь ты мнѣ другомъ, купи ты мое дѣло!... Я тебѣ пятьдесятъ рублей за него съ рукъ на руки дамъ. Выручи ты меня теперь, христа-ради, а ужъ мы потомъ, всѣ вкупѣ, тебя выручать станемъ.

— То-есть какъ же это купить? не понялъ Вересовъ

— А вотъ я теперича, примѣромъ сказать, быдто бы за кражу содержусь — ну, и... таскаютъ меня по судамъ, принялся объяснять Фаликовъ: — я тебѣ, съ добраго согласія, и продаю свое дѣло; ты, значить, прими на себя мою кражу и объявись о томъ слѣдственному... Меня, стало быть, выпустятъ на поруки, а не то и совсѣмъ слободятъ; а тебѣ вѣдь всё единственно, по одному ли, али по двумъ дѣламъ показанья давать... Потомъ за- всегда отречься можешь, скажи: въ потемнѣиіи разсудка, молъ, показаніе на себя ложное далъ. Они за меня, конечно, тутъ хватятся; а меня — *фю!* ищи-свищи! И дѣлу капутъ!

Вересовъ молчалъ. Онъ, по неопытности своей, никакъ не ждалъ отъ несчастнѣекаго чѣловѣчка такого подхода и молча удивился.

— Такъ что же, душа, берешь, что ли, за пятьдесятъ-то дѣлковыхъ? обнялъ его Фаликовъ: — я тебѣ, значить, все дѣло скажу и всѣ дѣла—какъ быть, то-есть, надо—заразъ покажу. Есть тутъ у меня одинъ арестантикъ, самъ напрашивается, христомъ-богомъ: продай да продай; а я не хочу, потому если ужъ дѣлать такое одолженіе, такъ я, по крайности, любезному мнѣ чѣловѣку сдѣлать желаю. А охочихъ-то людей на кушлю эту у насъ на-

всегда много найдется! Такъ какъ же, другъ, по рукамъ ударимъ, что ли?

— Нѣтъ, ужъ ты лучше тому, другому продавай, а я не хочу, рѣшительно отелонился Вересовъ.

Арестантъ поглядѣлъ на него пытливо и присвистнулъ.

— Эге, да ты видно тово... на молокъ-то жѣнный! дерзко-вызывающимъ тономъ проговорилъ онъ, разомъ скидая съ себя личину угнетенной забитости и несчастія, которая, своей кажущейся искренностью, успѣла-было обмануть Вересова на первыхъ порахъ.

Какъ у ссыльныхъ въ Сибирь, есть обыкновеніе продавать на пути охочему товарищу свое имя и съ именемъ дальнѣйшую участь, такъ и у тюремныхъ подсудимыхъ арестантовъ водится продажа дѣла, то-есть преступленія. На эту продѣлку ловятся обыкновенно неопытные новички, которыми пользуются люди, основательно «прошедшіе курсу», ублажая ихъ общаніемъ денегъ и надеждой выпутать впоследствии изъ дѣла. Если согласіе получено, начинается обученіе: какъ и что показывать, кого запутывать въ дѣло, кого чѣмъ уличать и какъ, наконецъ, отвертываться отъ прямыхъ статей закона, примѣняя въ свою пользу разные пункты и закорючки. Словомъ, начинается основательный курсъ «юридическаго образованія», которымъ постоянно отличаются и даже весьма гордятся мошенники, «откопѣвшіе свой терминъ у дяди на порукахъ».

V.

Развеселая жизнь.

... Вечеръ. Слышно, часъ десятый въ исходѣ. Дверь давно ужъ на замѣѣ, и коли подойти къ ней да послушать въ тишинѣ— можно различить, какъ похрапываетъ-себѣ корридорный, обреченный по службѣ на неукоснительное бдѣніе. Въ камерѣ тоже започивали ужъ иные, только мало: бѣлая часть ловить свои свободныя минуты и предпочитаетъ высыпаться днемъ. На одномъ изъ смѣшкихъ «ножные браслетки» позвякиваютъ, какъ перевернется во снѣ съ боку на бокъ.

Передъ образомъ тускло мигаетъ лампада и при ея слабомъ освѣщеніи въ одномъ углу собрались игроки. На полу разсыпаны тѣсный кружокъ, за нимъ навалились зрители, и съ увлеченіемъ

ладно слѣдять, какъ тѣ рѣжутся «въ три листика» — любимую игру арестантовъ.

— Ну, скинь, что ли, конь, да затѣмни ставку — по чѣреду! раздаются оттуда азартныя восклицанія.

— Козыри вскрышные: вѣни! бардадымъ — крѣсти!

— Промель! возвѣщаетъ одинъ, и бѣдаетъ на конь семитку.

— Съ нашимъ! отвѣтствуетъ противникъ, бросая четыре копейки.

— Жирмашнигъ подь васъ (*).

— Ой, баринъ, пужать хочешь! У самого, гляди, пустая! Ну, да ладь подь васъ ламышнигъ (**).

— Сталь-быть, въ гору? Да нешто и впрямь тридцать-два съ половиной? Ой, гляди, зубы заговариваешь, по ярославскому закону!

— Это ужь наши дѣла!

— Замиралъ!

— То-то! Кажу карты!

— Тузь, краля, бардадымъ!

— Фаля!

— Хлюсть, лядь его дери!

— Прокюрдонилъ!

— Мишка! Разломай! Водки да табаку давай сюда, псыра! (***)

И Мишка Разломай съ большой предупредительностью отпускаетъ играющимъ свои спеціальныя продукты, получая тутъ же за нихъ и наличную плату. Больше всѣхъ одушевленъ одинъ молодой арестантикъ, прозванный товарищами «Вулочкой» за то, что не имѣя ни гроша за душою, сталъ однажды играть на булку подающую, и съ этой булки въ годъ разжился игрою на семьдесятъ рублей — деньги, для тюрьмы, весьма-таки немалыя; поэтому смышленный Разломай ему и особенное «поваженье съ величатностью оказываетъ». Разломай — пронира-человѣкъ: онъ майданъ содержитъ, то-есть отпускаетъ въ долгъ разные припасы, а за деньги водку, вино и карты, иногда вѣрнаго человѣка и взаимы ссудитъ непрочъ за жидовскіе проценты, а запрет-

(*) Гривеникъ.

(**) Полтиннигъ. Все это—техническіе термины игры, обозначающіе возвышеніе ея.

(***) Собака.

ные продукты свои получаетъ особымъ, контрабанднымъ образомъ (*).

Вересову не спится. Заложивъ руки подъ голову, лежитъ онъ пластомъ на своей убогой койкѣ. Въ душѣ какое-то затишье, въ головѣ—ни одной неотвязной думы, словно она устала мыслить, а душа занывать тоскою, да и самъ-то онъ словно бы жить усталъ, подъ этимъ гнетомъ неволи, даже тѣло—такъ и то кака-то усталая потягота разбираетъ, а сна между тѣмъ нѣтъ какъ нѣтъ. Лежить-себѣ человекъ и поневолѣ прислушивается къ говору арестантовъ.

Это часъ, въ который они особенно любятъ потѣшаться сказками да похвалбой о бывалыхъ приключеніяхъ на волѣ.

— Теперича эти самые фараоны (**)—тфу! вниманія нестоющее! никакого дѣла не сваришь съ ними, потому порча кака-то на-нала на нихъ: маленькимъ людишкомъ нашимъ брезгуютъ, съ-туетъ жиденкій Фалнаовъ, среди собравшейся около него кучки:—а вотъ въ прежніе годы—точно, замирали дѣла отъѣнными! Былъ этта, братцы мои, годовъ съ десятокъ тому, пріятель у меня квартальный, Тимоѣйкиннмъ прозывался. Такъ вотъ ужъ жилъ за нимъ, что у Христа за пазухой—помирать не надо! И какія мы съ нимъ штуки варганили—то-ись просто чертамъ на удивленіе! Раздобылся я разъ темными финажками и прихожу къ нему: такъ и такъ, ваше благородіе, желательно влей хорошій заварить?—«Заваримъ, говорить, я не прочь.» Прошлися мы съ нимъ по пунштамъ. Вѣдь вотъ тоже, хотя и власть-человѣкъ былъ, а простой; нашимъ братомъ-мазурикомъ не брезгалъ. Показалъ я ему финаги (***)—все какъ есть трѣки да синьки (****), и

(*) Мишка Разломая и «дворянскій поваръ» татаринъ Бабай—были теремные ростовщики и снабдители запретнымъ плодомъ. У мошенниковъ даже до сихъ поръ осталась поговорка: «Къ Бабаю на блины», что равносильно выраженію «къ дядѣ на поруки». Нельзя сильно обвинять за это арестантовъ. Вода въ тюрьмѣ очень дорога, сравнительно со средствами, и вѣчное пьянство развито въ весьма почтенномъ количествѣ, собственно потому, что вино—плодъ запретный. Между тѣмъ, рюмка водки передъ обѣдомъ—для большей половини составляетъ органическую потребность; точно также и табакъ, который, при настоящихъ гигиеническихъ условіяхъ нашей тюрьмы, былъ бы даже до извѣстной степени полезенъ, какъ противоскорбутное средство. Иные арестанты говорили, что еслибы въ замкѣ была допущена свободная продажа вина отъ маршанта, въ умѣренномъ количествѣ и даже подъ официальнымъ надзоромъ, пьянство значительно уменьшилось бы, сравнительно съ нынѣшнимъ—«потому иной нарочно оттого и напивается, что запрещено».

(**) Полицейскіе.

(***) Ассигнаціи.

(****) Трехрублевня и пѣтирублевня.

до сотни ихъ у меня было. «Какой же ты съ ними обороть шевелить думаешь?» спрашиваетъ. — «А продавать станемъ, ваше скородіе! Я продавать, а вы — накрывать насъ по закону, славъ пополамъ, а барыши выгорятъ хорошіе.» — Разцаловалъ меня, право! «Тебѣ бы, говорить, по твоему разуму, не жохомъ, а министромъ финанцы быть!» — «Много чувствительны, говорю, на ласковомъ словѣ.» — И стали мы съ нимъ это дѣло варганить. Подыщу я покупателя — все больше по торговцамъ: хочешь, молю, за полтину пять рублей пріобрѣсть? — «Какъ такъ?» — «А такъ, молю, темныя, да только вода такая, что и не различишь съ настоящей-то, а у тебя сойдетъ — въ сдачѣ покупателю подсунешь.» — Ну, плугага-торговецъ и радъ. Условимся назавтра объ мѣстѣ, куда то-исъ товаръ принести. А Тимошейкинъ при продажѣ-то и тутъ какъ тутъ! — «Здравія, молю, желаемъ, на уголовномъ дѣлѣ накрываемъ!» — Ну, покупатель, извѣстно, ужъ и платитъ, только не губи, родимый, потому подъ плети живая душа идетъ. И этакъ мы съ нимъ гдѣ пять рублей продадимъ, тамъ сто возьмемъ, а ино и больше случилось.

— Важнецъ-дѣло! Волшебно, право волшебно! съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчаютъ арестанты, которымъ необыкновенно нравятся подобнаго рода «развивающіе» и умудряющіе человѣка рассказы.

— Взятки онъ шибко бралъ, бестія, продолжаетъ поощренный Фаликовъ: — въ квартирѣ у него вещей этихъ разныхъ, ровно что въ любомъ магазинѣ. Такъ вотъ тоже клѣвыя дѣла съ этими вещами-то у насъ бывали. Отдастъ онъ мнѣ, примѣрно, либо часы, либо ложки серебряныя съ вензелемъ своимъ, либо изъ одежды что, ну, и пойдешь съ этимъ самымъ товаромъ на толкунъ, продавать; коли не продашь, такъ ухитришься въ лавку подбросить, въ темное мѣсто, а онъ потомъ нагрянетъ и — обыскъ. «А, молю, такой-сякой, ты краденое перекупать? Лавку печатать! въ тюрьму тебя, злодѣя!» Ну, и тутъ, конечное дѣло, сдеретъ, сколько душа пожелаетъ, тоже вѣдь охулки на руку не клалъ. Никто себѣ не врагъ — и дѣлился потомъ, честно дѣлился! Да бѣда, званія рѣшили и со службы долой, а кабы не это — не сидѣть бы мнѣ съ вами, братцы! А ты вотъ слушай да учись у старшихъ, наука-то эта пригодится! обратился онъ въ заключеніе къ молодому парнишкѣ, лѣтъ шестнадцати, который содержался за то, что въ ссорѣ съ товарищемъ хватилъ его въ грудь булкинкомъ, чутъ не до смерти.

— Поди-ка, скоро двѣнадцать часовъ, замѣчаетъ кто-то.

• — Полночь... скоро домовой пойдетъ.

— А можетъ, ужъ и пошелъ... Страсть вѣдь теперь на четвертомъ-то этажѣ: вѣдь какъ разъ надъ ними.

— Н-да, коптѣль я разъ тамъ: натерпѣлся... Кажинную ночь, какъ пойдетъ этта по чердаку—ровно ядра катаетъ, возня поднимется—страсть... Одначе, тамъ ужъ привыкли.

— Ой, не приведи ты, господи! (*)

— А что, братцы, кабы этакъ сказку послушать бакую, пока сонъ не сморилъ? предлагаетъ кто-то изъ слушателей, зѣвая и «печатая» ротъ крестнымъ знаменіемъ.

— Чтò сказку, лучше разговоры!

— Нѣтъ, сказку смурдыкать непримѣрь лучше! почти общимъ голосомъ откликается кружокъ, необыкновенно охочій до этого дѣла. — Иная сказка десяти разговоровъ стоитъ, да и заснешь подъ нее хорошо—покрайности, во снѣ увидишь.

— Ну, сказку, такъ сказку! Это все едино... Облако! валай!—міръ приговорилъ!

Кузьма Облако, человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, съ нѣсколько задумчивымъ, симпатичнымъ лицомъ, необыкновенный мастеръ сказывать сказки. За чтò онъ сидитъ въ тюрьмѣ—этого и самъ хорошенько не знаетъ, только сидитъ давно ужъ, лѣтъ около осьми, и потому въ шутку говорить, что давно позабылъ свои провинности. Все, чтò выжилъ онъ въ заключеніи — это тюремныя сказки, которыя составляютъ исключительное достояніе тюрьмы: въ ней онѣ задумались, въ ней онѣ сложились, отлились въ извѣстную форму и черезъ старожиловъ, въ родѣ Кузьмы Облака, передаются изъ одного тюремнаго поколѣнія въ другое (**).

Кузьма Облако любить сказки и отъ мірскаго приговора никогда не отказывается. Онъ хоть цѣлую ночь радъ говорить, лишь бы слушали. Поэтому и теперь, встряхнувъ волосами, Кузьма пріосанился, вздохнулъ какъ-то особенно и началъ.

(*) Арестанты увѣряютъ и искренно божатся, что сами слышали, какъ надъ четвертымъ этажомъ, на чердакѣ, каждый разъ, около полуночи, начинается шумъ и возня. Отчего этотъ шумъ—неизвѣстно. Арестанты говорятъ, что домовой ходитъ. Фактъ.

(**) Двѣ тюремныя сказки переданы здѣсь почти съ буквальной точностью, такъ, какъ были записаны мною со словъ рассказчика, со всѣми ихъ полукнижными оборотами. Ту и другую едва-ли кому доводилось слышать гдѣ-либо за стѣнами тюремнаго замка, и кажется, что обѣ онѣ совсѣмъ неизвѣстны «на волѣ».

V.

СВАЗКА ПРО ВОРА ТАРАСКУ.

У одного господина былъ поваръ Тараска. Тараскѣ—что хлѣбъ сожрать, то вещь своровать. Чтò ни дѣлалъ господинъ, чтобы отучить Тараску отъ скверной его привычки къ воровству—ни-что не беретъ! «Ну, думаетъ господинъ, либо совсѣмъ отучить, либо совсѣмъ погубить!»—Зоветь къ себѣ Тараску.

— Что, Тараска, хорошо ли научился воровать?

— Хорошо, да не совсѣмъ. А вотъ ежели бы вы отдали меня въ ученіе къ дядѣ моему жоху, извѣстному вору, тогда бы я точно-что, вполне научился.

Господинъ весьма этому обрадовался, чтобы, значить, сбыть Тараску съ рукъ, и на другой же день, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ, отправилъ съ богомъ въ дорогу. Случился Тараска съ дядею жохомъ и предался практикованію своего искусства. Послѣ непродолжительнаго времени бездѣйствія, наконецъ дядя предлагаетъ Тараскѣ въ дѣсь сходить. Пошли. Отыскалъ дядя жохъ нужное для себя дерево, и указывая на макушку дерева, началъ говорить:

— Видишь на макушкѣ дерева воронье гнѣздо?

— Ну, хорошо, дядя жохъ, вижу.

— Въ которомъ, значить, ворона на яйцахъ сидитъ?

— Ну, хорошо, дядя жохъ, на яйцахъ сидитъ.

— Она, теперича спитъ, и нужно сподъ-ней яйца тѣ украсть.

— Ну, хорошо, дядя жохъ, украсть—такъ украсть.

— Сталь-быть, учишь у меня: я полѣзу на дерево и сразу ихъ такъ, что ворона воснѣхъ и не услышитъ.

Полѣзъ. Ни мало, ни много—пять минутъ прошло—глядь—яйца въ рукахъ у дяди.

— Молодецъ, дядя жохъ! У сонной вороны не штука яйца сграсть; а вотъ ты и не спалъ-не дремалъ, а гдѣ у те подметки сподъ-сапогъ?

Дядя глядь—анъ подметокъ и нѣтуту! Пова онъ лазилъ, Тараска подметки сгладилъ, попросту, отрѣзалъ жуликомъ (*).

— Ну, братъ Тараска, тебя нечему учить—ты самъ поучить любого маза можешь.

• •

(*) Маленькій острый ножикъ.

Черезъ нѣкоторое время, дядя жохъ позвалъ Тараску на клей въ монастырь, недалеко-стоящій (*). И короче сказать, обчистили они обитель спасенную, и чуть выбрались за ограду — Тараска въ задоръ: давай на мѣстѣ добычу тырбанить! Дядя—уговаривать, потому безразсудно дѣлать на мѣстѣ похищенное, а можно раздѣлить въ мѣстѣ безопасномъ. Но, однако, Тараска упрямъ—на своемъ стоитъ. Нечего дѣлать, начали дѣлѣжку, подѣлили весь клей — дошелъ чередъ до настоятельской шубы. Дядя говоритъ: «моя!» а Тараска: «моя! потому я краль, а ты только принималъ кражу». А дядя завѣряетъ, что не тотъ воръ, который воруетъ, а тотъ, который принимаетъ, бабкой-повитушкой при кражѣ состоитъ.

— Когда такъ, говоритъ Тараска: — пойдемъ къ настоятелю, пушай онъ насъ по божеской правдѣ разсудить; и кому, значить, самъ онъ предназначить, тотъ и владай!

Пошли. А настоятель любилъ, чтобы ему на сонъ градущіи сказки сказывали, и объ ту самую пору какъ придти дядѣ съ Тараской къ кельѣ настоятельской, изъ онней монахъ-сказочникъ выходитъ. Дядя съ племянникомъ и шастъ туда украдучись. Настоятель совсѣмъ ужъ засыпаетъ, а Тараска и хлопъ его легонько по плечу:

— Ну, такъ слышь, отецъ святой, говоритъ ему:—жили-были дядя съ племянникомъ и задумали монастырь, обитель честную обокрасть. Выкрали между прочіимъ и шубу настоятельскую. Пошелъ изъ-за шубы споръ, кому то-ись владать ею. Одинъ говоритъ: «моя, потому краль», а другой: «моя, потому принималъ». Ну, такъ слышь, отецъ святой! Ты чу, какъ думаешь, по правдѣ божеской, по закону, кому краденой шубой владать?

— Кто краль, тотъ и владай, мычить воснѣхъ настоятель.

Какъ порѣшилъ онъ, такъ дядя жохъ съ Тараской по этому разсчету и подѣлились честно.

Пошелъ Тараска къ прежнему своему господину. Не по вкусу тому этотъ гость, и зоветъ онъ къ своей милости Тараску.

— Ну, что, Тараска, хорошо-ль теперь умѣешь воровать?

(*) Мы, ради удобства читателя, поневогѣ принуждены повторять объясненія нѣкоторыхъ словъ, уже прежде нами приведенныхъ. Клей — ворованныя вещи.

— Хорошо ли, худо ли—не хвалюсь, а только не влади плохо.

— А что я велю тебѣ украсть, ты украдешь ли?

— Съ нашимъ удовольствіемъ, охули на руку не положимъ.

— Ну, хорошо. Украдешь—твоя фортуна, не украдешь—въ солдаты сдамъ. Видишь, вонъ попъ корову ведетъ? Выкради ты мнѣ корову, чтобы поповскіе глаза того не видѣли.

— Можно, говоритъ Тараска:—только дайте мнѣ пару маленькихъ сапожковъ.

Дали ему, и пошелъ Тараска. Вотъ, попъ ведетъ корову по дорогѣ, а воръ забѣжалъ пролѣскомъ, и не доходя пона сажень пятьдесятъ, выбросилъ сапожокъ на дорожку. Поднялъ его попъ.

— Ой, кабы парочка—такъ моему поповскому сыну годилось бы, а какъ одинъ, такъ пусть его тутъ и остается.

А Тараска, слѣдомъ за нимъ, поднялъ сапожокъ съ дороги и побѣгъ впередъ пролѣскомъ. Забѣжалъ впередъ, и не доходя пона сажень пятьдесятъ, выбросилъ сапожокъ на дорожку. Поднялъ его попъ:

— Экой дурень, не подобралъ давшняго! Вотъ, была бы пара! Ну, да я его найду!

И за словомъ, привязалъ корову къ дереву, а самъ побѣгъ взадъ по дорогѣ. Тараска, тѣмъ часомъ, веревку пополамъ, корову за рога и привелъ на господскій дворъ.

— Ну, молодецъ Тараска! говоритъ баринъ:—на тебѣ отпущную, ступай, воруй себѣ на волѣ. Такъ вотъ Тараска оттогъ и благодумствуетъ (*).

(*). Далѣе, эта сказка варьируется слѣдующимъ образомъ:

Послѣ того, какъ Тараска привелъ попову корову, баринъ ему и говоритъ: «а украдешь ли у меня со стола серебро за обѣдомъ?» А Тараска отвѣчаетъ: «безпримѣнно украду».—«Ладно, коли украдешь—молодецъ, не украдешь—въ солдаты!» На другой день въ барскомъ домѣ много было гостей. Тараска суется на кухнѣ, обѣдъ готовилъ, а самъ промежду-тѣмъ нужнаго человѣчка для себя изготовилъ. Вымазалъ его медомъ, вывалилъ въ пуху да въ перья птичьи, и велѣлъ ему загнѣтъ въ трубу и сползать все такъ, какъ онъ ему приказалъ. Вотъ садятся гости обѣдать, садится и настоятель, тотъ самый, что шубу свою праведно присудилъ. А сѣлъ онъ насупротивъ каминна, гдѣ въ трубѣ-то человѣкъ Тараскинъ загнѣши. Вотъ только послѣ кулебяки благословенной, изъ каминна и выгнали чучела. Настоятель-то и замѣтъ. Черезъ мало времени чучела опять оттогъ перье свое кажетъ да языкомъ настоятеля дразнить. Настоятель перекрестился и думаетъ-себѣ: «Ужъ не удостоился ли, молъ, я Господу, что сподобился нечистой силу видѣть?» Не успѣлъ онъ еще и до конца это додумать, какъ чучела выскочили изъ каминна да и ну бѣгать вокругъ стола! Дамы всѣ: «ахъ, ахъ!» господа всѣ: «страхъ, страхъ!» ныни въ омаврогъ попадали. Хозяинъ схватилъ пистолеть и побѣгъ за чучелой, а за нимъ и

— Важная сказка! одобряютъ арестанты, только эта ужь больно занятная: никакъ не заснешь съ нея, а ты смурлычь другую,

всѣ остальные. Но чучела успѣлъ скрыться, а Тараска тѣмъ часомъ все серебро смакнулъ со стола — и правъ. Приходитъ хозяинъ съ гостями въ столовую обѣдъ дождать — глядь — анъ чисто! Позважь баринъ Тараску: — «Честь, молю, имѣю ракомондоваться, по вашему приказу барскому строгающе сполноно!» Гдѣ же серебро? спрашиваетъ баринъ. «Да продалъ». А деньги гдѣ? — «Да прошилъ. Ну, дѣлать нечего, отвѣтъ коротокъ. Зоветь баринъ опять къ себѣ Тараску: «Укради ты у меня шкатулку съ деньгами и тогда она твоя, и отпущу я тебя на волю, а не съумѣешь украсть, тогда заporю до смерти и сдамъ въ солдаты». — Ради стараться! говоритъ Тараска и пошелъ въ свое мѣсто. Баринъ ходитъ, руки потираетъ: теперь-то я тебя спаная, думаетъ. Пришла пора спать ложиться, взялъ онъ шкатулку съ деньгами и — въ спальню. Въ спальнѣ жена его започивала уже; разбудилъ, совѣта спрашиваетъ, гдѣ лучше спрятать. «Давай ее ко мнѣ, у меня не отыщеть». Ну, и отдалъ онъ, а самъ подлѣ нея легъ, и положилъ на столъ пистолеты вмѣстѣ съ саблею, и не снитъ — дожидается ночныхъ приключеньевъ. Тараска межъ-тѣмъ ободравъ барана и сдѣлавъ изъ него чучело, потомъ налилъ кровью бутылку, а товарища своего, дядю жохъ, охдѣвъ въ исправническое платье, постѣ чего, въ половинѣ ночи, отправились они къ барскому дому. Дѣло было лѣтнее, окно раскрытое; Тараска и ну, потихонько въ окно баранью чучелу казать. Баринъ взялъ саблю, подкрался къ косяку: «ишь ты, чортово рыло, думаетъ, бараномъ вырядиться вздумалъ! Нѣтъ, братъ, теперь не надуешь, покажись только — такъ и хвачу по башкѣ, чтобы разлетѣлась въ дребезги; этимъ, покрайности, думаетъ, отдѣлаюсь отъ тебя». Только что показала за тѣмъ чучела, баринъ его трахъ саблею по головѣ! за чѣмъ послѣдовалъ страшный стонъ. — «Что такое случилось?» закричалъ дядя жохъ, въ исправническомъ платьѣ, и подошелъ къ окну: «послушайте, молю, подъ вашимъ окномъ человѣка убили, а вы помочъ оказать не хотите? Не угодно ли вамъ пожаловать сюда?» Нечего дѣлать, надо барину выйти на улицу. Видитъ полицію, видитъ чучелу: верхъ бараній, низъ человѣчій — ну, и думаетъ взаправду человѣка зарубилъ, а дядя жохъ крови-то изъ бутылки порядкомъ и на землю и на башку баранью полилъ. Перепугался баринъ, что и отвѣчать не знаетъ. «Ступайте въ земскую избу, говоритъ жохъ, приготовьте, все чтобы показанья дѣлать да актъ составить, а я за понятиимъ пойду на деревню». А Тараска тѣмъ часомъ пробрался въ домъ, охдѣвъ въ кибинетъ бариновъ халатъ да въ спальню. Ночь, извѣстное дѣло — темно, онъ и ну, шопотомъ усноковывать бариню: «ничего-де, душенька, не бойся». Самъ ласкаетъ ее да целуетъ, а самъ спрашиваетъ: «сподай мнѣ шкатулку, теперь ужь воръ Тараска не украдетъ». Бариня намилованнись-то вволю, и отдала. Тараска ей и говорить: «а пойду, душенька, въ кибинетъ отнесу ее». — «Ступай, душенька, да приходи скорѣй, а то мнѣ скучно одной». Тараска тѣмъ часомъ, халатъ за дверью долой да черезъ окно къ себѣ на кухню! и сприташии шкатулку, завалился себѣ спать, какъ ни въ чемъ не бывало. Барину, межъ тѣмъ, насучило ждать, потому, видитъ — никто нейдетъ: «дай, схожу, посмотрю, цѣла ли шкатулка?» Приходитъ. — «Гдѣ, душенька шкатулка?» — «Да вѣдь ты же взялъ ее, душенька, намилованнись со мною». — «Ахъ, я старый баратъ!» схватился тутъ баринъ за голову: «такъ этотъ распрованальскій воръ Тараска укралъ у меня и шкатулку съ деньгами, да ему же, вору Тараскѣ, на придачу пошли и жонкины ласки! Важно!...» Видитъ баринъ, что ничего не подѣлаешь; наградилъ Тараску — только молча, значить, и отпустилъ его на волю. Съ тѣхъ поръ Тараска вольничъ воровъ слыветъ.

про Ваньку-горюна; покрайности, поучительная ну, и... сонъ по-скорѣй одолѣеть.

Кузьма Облако снова встряхнулся, снова откашлялся, вздохнулъ и началъ:

VI.

ВАНЬКА-ГОРЮНЪ ГОРЕГОРЬКАЯ ГОЛОВА.

Въ нѣвѣоторомъ огромномъ и могучіемъ царствѣ, жилъ парешокъ-мужичокъ. А жилъ онъ ужъ болѣ ста лѣтъ назадъ. И былъ онъ бобыль, такой бѣдный, такой бѣдный, какихъ и теперь очень много. И звали его Ванькой-горюномъ горегорькой головой, а хозяйства у него—всего навсего одна лошаденка да одна тележка. Промышлялъ онъ извозомъ, жимиши близко города, изъ кѣнва купцы ѣздили по базарамъ, въ разныя села торговать. Возилъ Ванька-горюнь одного скареда сѣдаго и зналъ, что у него казна куды богатая водилась! И казну ту скаредъ всегда при себѣ, на тѣлѣ содержалъ.

Любилъ Ванька-горюнь одну дѣвку на селѣ, а она ему: «не пойду замужъ за бѣднаго, пойду за богача. Накопи казны да добра всякаго, тогда и повѣнчаемся».

Повезъ однажды горюнь своего скареда на ярмонку. Дорога шла лѣсомъ—версть съ десятокъ, если не болѣ. И вдругъ, пришла ему благая фантазія—убить старика. Дрожь беретъ Ваньку—страшно. А дьяволъ шепчетъ въ лѣвое ухо: «убей да убей—у него казна богатая; а и Парашка—дѣвка красивая». Призадумался Ванька. «Что жъ, думаетъ: вѣдь скаредъ куды старъ да древень, скоро помретъ—на что ему деньги? а я человѣкъ молодой, жѣ онѣ попригодиже будутъ». А духъ добра андель-божій шепчетъ въ правое ухо: «грѣхъ, Ванька-горюнь, великій грѣхъ! человѣкоубійцей наречешься! Анаѣема-проклять тебѣ будетъ и отъ людей, и отъ бога!» А дьяволъ-то шепчетъ: «убей да убей, ты парень молодой, жизнь-то еще большая, грѣхъ замолатъ успѣешь, въ монахи на старости можешь пойдти! А отъ людей—бѣдности не ждаты почѣту; любовь—и та, за бѣдность не любить!»—«И то правда!» думаетъ Ванька. Соскочилъ онъ съ облучка, ровно бы въ облегченіе лошадекъ, и идетъ себѣ сзади телеги, кнутомъ цвѣтныя лазоревыя постегиваетъ. А старикъ сидитъ да дремлетъ. «Валая! подтолкнулъ дьяволъ: — не то проснется сейчас!» Скочилъ Ванька на задокъ и набросилъ петлю старику на шею. На темную пошелъ, значить. А петля изъ кнута у него

приготовлена была. Лѣсъ замуѣлъ, старикъ захрапѣлъ, а вороньѣ-то, вороньѣ закаркало — сила! не приведи ты господи, страсть кака! Тутъ заразъ къ старику и курносая подкатила (*). Схватилъ Ванька теплый трупъ, бросилъ его на дорогу и два раза нарочито переѣхалъ телегой поперегъ старика. Потомъ обратно вскинулъ его на телегу, и ну, шарить подъ сибиркой да подъ сорочкой! Нащупалъ гайтанъ, на гайтанѣ крестъ крещонный да шмель золоченный висить (**). Его-то Ваньгѣ и надо! Оборвалъ этта гайтанчикъ-то, да какъ развернулъ — батюшки-свѣты! Радужныя, пестрыя, красныя, синія, золото чистое, сѣребро звонкое — такъ все это и посыпалось изъ шмеля!

Дрожить, трасется убійца проклятый, а везетъ свою жертву въ городъ. Объявилъ. «Уснулъ, говорить, дорогой, да и упалъ съ передка подъ колѣса». Глянулъ на Ваньку исправникъ и позвалъ въ вибинетъ свой. Ни много, ни мало они тамъ поговоривши, выходятъ оттудова вмѣстѣ. «Поѣзжай себѣ, мужичокъ, съ богомъ домой — говорить исправникъ — а дня черезъ два я тебѣ вызовъ дамъ». Только призывалъ ли его, либо нѣтъ — и по сей день неизвѣстно.

Зажилъ Ванька на славу. Праздникъ былъ на Ванькиномъ селѣ, дѣвки хороводы водили. Гуляетъ и Ванька-горюнъ; самъ гуляетъ, а самъ Паранькѣ на ухо шепчетъ: «приходи ужотко на задворки, къ старому дубу». — Приду, безпремѣнно.

Вотъ стала, это, теметь. Устали парни, уморились дѣвки — разошлись себѣ, кто по домамъ, кто по кабакамъ, а кто и по горѣхамъ, да по старымъ овинамъ...

Стоитъ древній дубъ, словно великанъ какой, стоитъ да сучьями по вѣтру качаетъ — ни дать, ни взять, какъ-бы кто руками самъ съ собой о чемъ разсуждаетъ.

А подъ дубомъ — Иванъ-горюнъ горе-горькая голова, съ Параней расприкрасной.

— Пойдешь, что ли, за меня?

— Не пойду я, дѣвка, за бѣднаго, пойду за богача. Накопи казны да добра всякаго, тогда и повѣнчаемся.

И показалъ тутъ ей Ванька-горюнъ казну свою богатую, приступленіемъ добытую. Пристала: «скажи, душа, не утай, откуда взялъ экую кучу?» Крѣпился Ванька, крѣпко крѣпился, однако,

(*) *Курносая* — смерть.

(**) *Гайтанъ* — тесьма, на которой виситъ натѣльный крестъ или натѣльная кляса съ деньгами.

облачила дѣвка, лаской всю правду подноготную вывѣдала. А вывѣдавши, сама говорить Ивану:

— Потоль не пойду за тебя, поволь на могилу купца не сходишь, и всю ночь до зори тамъ не промолишься, и тѣмъ прощенье себѣ отъ Бога и отъ убиеннаго выпросишь.

Согласился горюнь горе-горькая голова, и пошелъ въ городъ на кладбище. Ночь—ни зги божией не видать. Спотыкнулся объ могилу, объ свѣжую. Въ могилѣ—жертва, надъ жертвою—крестъ новъ-тесовъ деревянный поставленъ. Дрожь проняла убійцу окаяннаго. Съ трепетомъ сталъ Иванъ на колѣнны и молится. Самъ молится, а самъ шепчетъ:

— Прости ты меня, жертва бѣдная, кровь неповинная, что я теби убительски убилъ!

Какъ сказалъ онъ это—земляной бугоръ на могилѣ осѣлся.

— Отпусти ты мнѣ грѣхъ анаемскій! Я затѣмъ къ тебѣ пришелъ помолиться, чтобы душу свою облегчить. Прости ты меня, жертва, потому и убійцѣ даже зла за гробомъ не помять.

Какъ сказалъ онъ это—черкнула по небу молонья, взгрянулъ громъ и крестъ на могилѣ покачнулся.

Не земля стономъ стонетъ, не вѣтеръ воемъ воетъ—то гудить изъ могилы голосъ:

«Кровь за кровь, голова за голову! Черезъ пятьдесятъ лѣтъ ты будешь наказанъ, со всѣмъ родомъ и потомствомъ твоимъ».

И тутъ сдѣлалось землетрясеніе. Горемыка ничкомъ лежитъ на могилѣ безъ всякаго чувства, а какъ пришелъ въ себя—утро красное настало. И пошла горе-горькая голова домой—и что головушка думала, то знаютъ только мысли ея тайныя.

Женился Ванька на Парашѣ. А стали звать его ужъ не Ванькой-горюномъ горе-горькой головой, а Иванъ-свѣтъ-Иванычемъ. Сосѣди и начальство—всякое уваженъе и величатность ему показываютъ, на житье его завидуютъ. Всего-то у Иванъ-свѣтъ-Иваныча волю: домъ—не домъ, хоромы—не хоромы; самъ въ лисьей шубѣ купецкой щеголяетъ, и жена въ парчѣ, да въ атласѣ. Ну, и дѣти чередомъ пошли—славные ребята, просто заглядѣнье. Патриархомъ въ семьѣ, головой-мудрилой на міру сталъ Иванъ-свѣтъ-Ивановичъ. Не житье ему, а масляница. Держитъ онъ, между прочимъ, дворъ постоялый.

Заѣзжаетъ къ нему однажды какой-то священникъ, старичокъ сѣденскій, благочестливый:

— Ну, хозяинъ, обогрѣй, накорми, напои меня, человекъ заѣзжаго!

Пока пошли ему пищу приготовить, старикъ сидитъ за столомъ и книжку божественную читаетъ, а книжка та называется «Требникъ».

Вдругъ, этта, взгрянулъ громъ съ молоньей и послышался съ улицы голосъ:

— Отецъ Иоаннъ! Видь изъ сего дома! — домъ сей анаема-проблять естъ!

Поблѣднѣла хозяйка, почернѣлъ хозяинъ.

Священникъ глянулъ въ окно — теметь, хуже осенней ночи — и опять-себѣ тихо за книгу.

Пуще громъ, пуще молонья, а того пуще голосъ:

— Отецъ Иоаннъ! Вонъ изъ дома каинскаго, да не погибнетъ доброе съ недобримъ! Пятьдесятъ лѣтъ прошло!

Вышелъ священникъ со своимъ извощикомъ изъ дому, и поѣхали они, не оглянувшись, куда имъ слѣдовало. А ѣхали они за требой.

Вдругъ дорогой и вспомнилъ старецъ, что Требникъ-то забылъ второпяхъ на дворѣ на стояломъ.

Вернулись, глядеть — а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворъ стоялъ, теперича стоитъ огромное казенное зданіе, съ желѣзными рѣшетками. У желѣзныхъ воротъ часовые съ ружьями ходятъ. А недалече отъ часовыхъ — столъ и на столѣ книга лежитъ, та самая, что старикомъ позабыта была.

И лежитъ эта книга, раскрыта на той самой страницѣ, гдѣ читалъ священникъ.

И въ этой самой книгѣ огненными буквами написана, невѣдомо кѣмъ, эта самая повѣсть.

И при ней сказано:

«Убийцы, душегубцы, святотатцы, воры, обманщики, негодяи и всѣ подобные имъ люди, должны жить въ такихъ мрачныхъ домахъ, какъ этотъ самый.

«И гдѣ есть такіе люди, тамъ должны быть и такіе дома.

«И дома эти должны называться острогами и тюрьмами, а люди въ нихъ сидящіе — арестантами». (*)

На этихъ словахъ Кузьма Облако скончалъ свою сказку.

(*) *Вариантъ*: «когда священникъ воротился, го на томъ самомъ мѣстѣ увидѣлъ большущее озеро воды, и на тьмѣ озерѣ плаваель столикъ, на столигѣ лежитъ та самая книга-требникъ, въ которой, на раскрытой страницѣ, напечатано огненными словами и т.д.

VII.

ПАЛЕСТИНЫ ЗАВУГОРНЫЯ.

— Это что ваши-то сказки! потирая поясницу, обратился къ слушателямъ Дрожинъ, пятидесятилѣтній старикъ, который только что отошелъ отъ играющей въ углу группы, гдѣ онъ продулъ все, до послѣдней копейки, и даже *будущую* подаанную сайку. Дрожинъ—высокій и лысый старикъ, съ крѣпко-сѣдою, жидковатою бородой-клинкомъ, казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Морщинистое лицо его носило на себѣ слѣды многихъ страстей и несчастій, хотя и до сихъ поръ сохраняло какую-то удалую осанку. На лбу и на щекахъ его можно было разглядѣть слѣды ваторжныхъ клеймъ; а спина—ею въ иные минуты любилъ съ гордостью похвалиться этотъ старикъ—носила на себѣ буровато-синія перекрестныя полосы—печать палача, которую онъ, по словамъ Дрожина, неоднократно прикладывалъ къ этой выносливой спинѣ человѣческой. Дрожинъ отличался силой, и эта сила, вмѣстѣ съ печатями палача и богатою приключеніями жизнью, давали ему какое-то нравственное превосходство передъ остальными товарищами по камерѣ и право на первенство между ними, на общее ихъ уваженіе. Многие, не шута, побаивались Дрожина за его силу.

— Это что ваши-то сказки! заговорилъ онъ:—одно слово — тфу нестоящее!... Сидятъ въ тюрьмѣ, что бабы на печи да побасками занимаютъ! Нашъ братъ-варнакъ сказокъ не сложить, потому ваша бивальщина, что твоя сказка! Чудно да и только!

— На то ты и жиганъ (*), чтобы всю суть тебѣ произойти; такая, значить, планда твоя, замѣтилъ ему на это Облако, пѣсьюлюбо задѣтый за живое этимъ высокоумѣрнымъ отношеніемъ къ его сказкамъ.

— Жиганъ... Не всякъ-то еще жиганомъ можетъ и быть!... Ты води да дойди-ка сперва до жигана, а потомъ и толкуй, съ гордостью отвѣтилъ, въ свою очередь задѣтый Дрожинъ: — ты много ли, къ примѣру, душъ хрестыанскихъ затемнилъ?

— Отъ этого пока Господь Богъ миловалъ.

— Ну, стало быть, и молчи!

— А ты веште много?

— Я-то?... Что хвастать—миѣ же доводилось, не привелъ Гос-

(*) Жиганъ — сибирское прозваніе ваторжниковъ.

подъ, а вотъ есть у меня на томъ свѣтѣ, у Бога пріятель, тоже стрѣлецъ самотѣйный былъ за буграми (*), такъ тотъ, не хвалючися, самъ покаался мнѣ въ двадцати-семи. Вотъ это ужъ жиганъ — такъ жиганъ, на всю статью!

— Дѣй-чего же каяться въ этакомъ дѣлѣ? возразилъ чухна изъ-подъ Выборга.

— А дѣй-того, что передъ смертью исповѣдь держалъ. Поди чай, на томъ свѣтѣ, къ чертамъ-то тебѣ тоже вѣдь не хочется на крюкъ? ась?... Вотъ то-то же и есть!... А впрочемъ, вы—нехристи, чухны, вамъ вѣдь все едино, не то, что хрестьянамъ!... Н-да, братцы вы мои, это не то, что ваша тюряшная жисть! продолжалъ Дрожинъ, послѣ минутнаго раздумья, медленно поглаживая рукой по колѣну и сосредоточенно уставя взоръ свой на пальцы вытянутой ноги, словно бы передъ нимъ проносились теперь картины прошлаго. — Я вотъ теперь — кулимъ четырехугольной губерніи (**), и всегда былъ и есть кулимомъ; въ томъ и всѣ мои вины состоятъ государскія. Спородила меня мать подъ ракиновымъ кустомъ, сказывали добрые люди, а кто такова—про то и вѣдать невѣдаю. Стало быть, я—божій. Забрали мнѣ было лобъ, а я не будь глупъ, да и въ бѣгъ! Изымали. Кто таковъ? спрашиваютъ.—«Иванъ, непомящій родства». Пытали, пытали—ничего не допытались. Ну, постебали маменько и отправили съ посельской за бугры. Поселили меня покрай тайги сибирской. Голодно, холодно, рукъ зацѣпить незашто—я и убѣгъ. Опять же изымали и плетми постебали, и положили такую ризалюцию, чтобъ мнѣ ужъ не въ поселцы, а на каторгу. Тутъ и пошла моя жисть прогѣльная. Кажинную вѣсну бѣгали изъ каторги на охоту—самотѣекъ стрѣлять. Изымали опять, и опять постебали, да спровадили за море, въ Нерчинской...

— Экъ, тебя часто какъ! перебилъ его Облако, чувствовавшій себя въ нѣкоторомъ родѣ оскорбленнымъ, такъ-какъ Дрожинъ нерехватилъ теперь его монополию—занимать общество:—это чело-вѣку помереть надо!

— Не бойся, щеня, отъ многъ курноса не сгрѣбаешь! по-

(*) *Бугры*—Уральскія горы, и горы вообще. *Сюртъ съ бугры*—уйти въ Сибирь. *Самотѣйки*—сибирскія булкі. *Стрѣлять самотѣекъ*—отправиться въ бѣгъ по Сибири. *Стрѣлецъ самотѣйный или самотѣйникъ*—бѣглый, сибирскій бродяга.

(**) *Кулимъ четырехугольной губерніи*—бродяга, непомящій родства.

хвальбой отвѣтилъ Дрожинъ:—я ужъ, почитай, и счетъ позабылъ, сколько разъ меня тово...

— Да вѣдь страсть? съ живымъ сочувствіемъ возразилъ молодой арестантъ, что помѣщика изъ ружья стрѣлилъ.

— Никакой страсти тутъ нѣту, съ компетентнымъ видомъ авторитета отвѣтствовала Дрожинъ:—первые раза, съ непривычки—точно что... щекотно. А потомъ—я даже люблю, какъ этакъ по спинушкѣ-то пробирать начнутъ—жарко, покрайности!

— Ну, ври, дядя жиганъ!

— Чего «ври»?—Вотъ какъ передъ истиннымъ!... Потому—привычка. Сказывали, будто скоро народъ пороть не будутъ: это нехорошо, потому, больше помирать стануть, а поротый невприжѣръ выносливѣй. Да вотъ, хошь я теперь, къ примѣру: меня ни зима студеная, ни жары горячія, ни лихоманка голодная—ништо, ни какъ тонсъ болѣзнь не возьметъ. А почему-што—поротый. Такъ-то оно! и ты, младъ-человѣкъ, испѣрва старшаго послушай, да потомъ и споръ, поучившись-то!

Вересовъ невольно приподнялся на своей подушкѣ и во всѣ глаза, съ изумленіемъ сталъ глядѣть на стараго жигана. Теперь ему во очію сдѣлалось ясно, до какого моральнаго и физическаго отупѣнія и безчувственности можетъ доводить человѣка страшное наказаніе плетью, если въ этомъ истязаніи человѣкъ мало-по-малу становится способнымъ видѣть какой-то родъ своеобразнаго сладострастія и находить пріятнымъ ощущеніе тяжкой боли. Вотъ она гдѣ высшая ступень уродливой порчи и нравственнаго омертвенія!

— Да ты, дядя жиганъ, про Сибирь расскажи, потому не равно кому туды въ гости на побывку смахать придется, такъ чтобы, по крайности, знатѣ было, замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Сибирь... Про которую Сибирь? возразилъ жиганъ:—у насъ, по настоящему, Сибири-то двѣ. Первымъ дѣломъ—батюшка Сибирь-тобольскій, а второе — мать Сибирь-забайкальская. Такъ я тебѣ, милый человѣкъ, про матушку нашу рассказывать стану.

... Широки, братъ, эти палестинны забугорныя!... Рѣки у насъ широки—Волга супротивъ нашихъ — тфу! Горы наши, слышно, самъ чортъ громоздилъ, какъ мѣсиво мѣсилъ, чтобы стѣны въ аду шугатурить, а лѣса-то, лѣса—ухъ, какіе потѣмные, привольные! Иной на двѣсти верстѣ, словно черная туча, тебѣ тянется, и свончанья, кажись, ему нѣтъ. И дерево растетъ тамъ крѣпкое да высокое; всякое дерево, а больше все кедръ. Этоть самый

кедръ напередъ всѣхъ вращенъ былъ у Бога; потому, слышно, ему и прозваніе такое по писанію есть: кедр ливанскій.

... Сидимъ мы, братъ, по зимамъ-зимскимъ въ острогахъ, жремъ пищу казенную, сѣрую, да и съ той умудрамся жиру да слыи себѣ набираться, чтобы, значить, къ веснѣ бѣжать посподручнѣе было. А какъ придуть этта весновки, снѣга сибирскіе таятъ почнуть, рѣки потошъ на десятокъ верствъ тебѣ пустать, ты значить, и выжидай своего случая. Выгонять куды ни на есть на работу изъ острога, въ поле дерну копать, али въ лѣсъ ломать вѣники — тутъ ты и удирай. Такое ужъ у насъ абнаковеніе, чтобы по веснѣ безпремѣнно савотѣекъ стрѣлять. И утекаемъ мы партіями: два-три товарища. Запасся хлѣбушкомъ дня этакъ на четыре порцшей—и правъ. Въ Нерчинскомъ-то работа чишолая: руду копать, а на волѣ хотъ и съ голоду мрѣшь, да все жъ она, какая ни на есть, а воля прозывается. Главная статья—до моря (*) добратся, потому нашъ братъ-жиганъ въ бѣгахъ, все больше къ Икрутскому путь держать, чтобы поближе, значить, къ Рассѣюшкѣ любезной. Только до моря-то неблизкій путь. Перво-на-перво черезъ яблоновые бугры перебираться нужно — глушь такая, что не приведи ты Господи! Одиѣ ноги-то — во какъ поискалечишь себѣ! а потомъ, какъ значить, перевалился за бугры—тутъ тебѣ еще того хуже поидеть—самое распроклятое мѣсто братская степь. За степью лѣса непродѣрные. А ты все больше по лѣсамъ этимъ самымъ скитаешься, потому иначе изымають. Нашему же брату ловля по осени нужна, а весной она совсѣмъ не резонть. Господи-Боже ты мой, мѣла-то мученская какая! Иное мѣсто бураты эти—самый что ни есть разсибирный народъ!—словно супротивъ звѣря лютаго облаву на тебя держать. А ты, знай, вдихоронись себѣ по лѣсамъ потѣмнымъ. Другой разъ, гдѣ опасливо, и на дерево влѣзешь, да ночь просидишь, потому — звѣрьѣ. Много нашего брата звѣрь лютый потравляетъ, кабанъ да медвѣдь, потому онъ, звѣрь этотъ до мозговъ человѣчкихъ лакомъ, ну и до тѣла тоже, значить, жреть: мясо-то наше сладкое, говорятъ, ровно что голубиное. А пуще чѣмъ отъ звѣря еще, съ голоду мрѣть савотѣйникъ. Пищи никакой, окромя черемши—трава такая вонючая по лѣсамъ растетъ—водой больше питаешься, а съ воды брюхо пучить; ну и слабѣетъ человекъ. И какъ только пошагалъ ты на бугры, такъ тебѣ рѣдкій день безъ того не

(*) Озеро Байкалъ извѣстно у сибиряковъ и, особенно у смѣльныхъ, подмѣнемъ моря.

пройдесть, чтобы на мертвеца не наткнуться. И на степи, и въ лѣсу потомъ, и по берегу морскому все мертвецы попадаются. И это все голодный мертвецъ. Лежить-себѣ синь-синѣшенекъ, оскалившись, ровно бы смѣется надъ тобою... Иной ободранный, это значить, звѣрь его глодалъ; смрадъ идетъ... Страсти, прости!... Перекрестись за упокой да и продираешь себѣ мимо. «Вотъ, не нынче-завтра, думаешь, самому то же будетъ!» а самъ все далѣ и далѣ бредешь. Обувь порвалась, никуда-негодная — нужды нѣтъ, потому ужъ плавида твоя такая, чтобы муку эту пріймать.

... Вотъ такъ-то разъ и шли мы съ Коряевымъ, пріятель-то мой. Девять дѣнь не ѣмши были. Я-то еще пободрѣй, а онъ совсѣмъ ужъ черезъ силу ноги двигаетъ. На восьмой день, сѣлъ подъ дерево и... не видалъ бы, не ковѣрилъ! — горько всплакался. «Видно, говорить, помирать мнѣ тутъ! Не могу больше идти.» Взглянулъ ему я на ноги: въ кровь появлены, распухли всѣ, и самъ-то отъ голоду пухнуть началъ. Защемило во мнѣ — жаль его, бѣднягу, стало; бросить живьемъ — совѣсть зазрѣла: человѣкъ вѣдь, опять же и товарищъ. Чтѣ тутъ дѣлать? Самъ слабъ, того гляди, свалишься; иначе, сгрѣбалъ я его въ охапку, взвалилъ на плечи да и поволѣкъ... Какъ ужъ волѣкъ, худо ли, хорошо ли, а только, съ роздыхами, день протащилъ на себѣ. Заночевали въ лѣсу. Наутресь полегчало ему — «самъ, говорить, пойду, спасибо за послугу.» Ну, и пошли. А кругомъ-то лѣсъ, трущоба такая, что ни тропинки нѣтъ, ни слѣда человѣчьяго. Нога во мху, что въ пуху тонетъ, трава высокая, почитай до носу тебѣ — колѣнки да руки захлѣстываетъ; путаешься въ ней на каждомъ тоньш шагѣ, а тутъ еще сучья эти сухія да вѣтви колючія; все лицо хвоемъ поранишь... Упалъ мой Коряевъ — «помираю», говорить. Взглянулъ я — точно, какъ быть надо, взаправду умираетъ человѣкъ. — Чтѣ жъ, говорю, отходи себѣ съ богомъ, а я пойду. «Нѣтъ, постой, сповѣдаться передъ смертью желаю; будь ты мнѣ, говорить, замѣсто отца духовнаго, а потомъ на духу весь мой грѣхъ батюшкѣ передай; пушай его разрѣшить, коли можно... Я, говорить, убивца, я двадцать-семь душъ хрестьянскихъ загубилъ... мнѣ мѣсто у дьявола въ когтяхъ, потому кровь на мнѣ...» Сказалъ онъ это и померъ, мало времени спустя. А меня голодъ морить разъанаемскій, просто! И нашель тутъ на меня соблазнъ: топоръ при себѣ былъ — «дай, думаю, отрублю кусокъ мяса у покойника да поѣмъ!» Иначе, совѣсть зазрѣла. Все едино околѣвать-то придется, такъ пошто, думаю, лишній грѣхъ великій на

душу брать? Перекрестилъ я тутъ прѣтеля и пошелъ. Не доходи дни за два до моря, встрѣнулся я съ товариществомъ—тоже бѣглие были, восемь человѣкъ, и доплыли мы кое-какъ до Байкала, собираючись съ голоду травой этой самою да лукомъ полевымъ. Скрыли мы себѣ ночью лодку негожую. Чтѣ будетъ, тѣ будетъ! Коли не сръпчатъ вѣтеръ—переплывемъ, а поднимутся волны—къ дну поидемъ. Поплыли. Четверо гребутъ, пятеро воду выкачиваютъ, потому коли не выкачивать, въ минуту и со скорлупой-то своей дырявой потонешь. Ну, добрались кое-какъ до другого берега—тутъ ужъ повальготнѣе стало, полуднѣе и народъ-то все милосерднѣе живетъ, свои православные. Только нѣтъ того, чтобы грабить, или разбойство чинить какое, а все инакъ христовымъ просишь. И ежели украсть, или чего хуже ограбить, такъ свои же бродяги, не токма что селенцы, убьютъ безпретнѣно, потому идешь не ты одинъ, а и за тобою, важное лѣто, много народу ходить, и стало-быть изъ-за тебя всѣ другіе пристанища и хлѣба куса должны рѣшиться. Поэтому мы въ Сибири оченно смиренны и любятъ насъ за то православные, савѣтъники, и деньгу подаютъ, и въ избу къ себѣ примутъ, а ты имъ за это на покосахъ, аль на жнитвѣ помогаешь, да бабы еще колдовать просятъ и подарки за то носить—мы тамъ за колдуновъ слышемъ—и всѣ много довольны. Такъ-то и бродимъ до осени, а какъ утреннички осенніе пойдутъ, тутъ ужъ ты самъ наровишь, чтобы начальство тебя изымало да въ острогъ до весны засадило. Вотъ, таковы-то онѣ есть наши палестины забугорныя!

... Много разъ, этакимъ-то манеромъ, лататѣ задавалъ я по Сибири, важинную вѣсну почитай! Разъ я до Томскаго доходилъ, разъ до Перми, а вотъ на старости лѣтъ Господь привелъ и въ бѣлокаменной побывать, да и съ вами въ Питерѣ покопѣтъ. Распродлѣтнѣй этотъ Питеръ! Ужъ какъ вѣдь кажется хоронился, анъ нѣтъ-таки, изловили звѣра матерова, волка сѣро-травленаго. Такъ-то оно, братцы!...

— Да кой чортъ тебя дергалъ бѣгать-то? Сидѣлъ бы себѣ смиренно на каторгѣ! съ участіемъ проговорилъ Кузьма Облако.

— Э, милнѣй человѣкъ, ужъ и какъ тебѣ это сказать, самъ того не знаю! развелъ руками Дрожанъ:—вся жисть моя, почитай, въ бѣгахъ происходитъ, потому—люблю!... до смерти люблю это, и голодъ, и холодъ, и страхъ-то, какъ облавать тебя невпору, а ты хитростью, не хуже лисицы, хвостомъ вылаешь—любо мнѣ все это, и только! Теперича меня опять на Владимірку, значить,

безотвѣнно рѣшать, я я до матеря-Сибири пойду. Я и дойду, а только съ первымъ случаемъ убѣгу—какъ-Богъ святъ, убѣгу—не могу я иначе: человекъ ужъ такой, значить, калѣный.

— Да что жъ тебя это тянетъ въ бѣги-то?

— Какъ «что»?—воля! Теперича тебѣ хочется изъ тюрьмы-то этой на волю? Ну, и мнѣ тоже, потому, говорю, любезное это самое дѣло!

Мало-по-малу арестанты улеглись и скоро въ камерѣ настала сонная тишина, часто впрочемъ прерываемая азартными возгласами доразсвѣтныхъ записныхъ игроковъ.

— Хлюсть!... Фала!.. Съ бардадммомъ! раздавались хриплые, осерчатые голоса, до самой утренней провѣрки, не давая ни на минуту сомкнуть глаза новому жильцу Вересову, который послѣ всѣхъ этихъ сценъ и разсказовъ находился подъ какимъ-то нервно-напряженнымъ, болѣзненнымъ впечатлѣніемъ.

VIII.

АРЕСТАНТСКІЯ ИГРЫ.

На другой день, послѣ тюремнаго обѣда, Вересовъ, по вчерашнему, лежалъ на своей койкѣ. Послѣ разговора съ Фаликовимъ, онъ ни слова ни съ кѣмъ не сказалъ, и съ нимъ никто не заговаривалъ. Онъ робѣлъ и дичился, а они, повидному, не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Вересову какъ-то дико и странно казалось первому заговорить съ ними: какъ начать, что сказать имъ? потому, чувствовалъ онъ, что между нимъ и его товарищами по заключенію, словно стѣна какая-то поставлена, которая совсѣмъ отдѣляетъ его отъ ихъ міра, отъ ихъ интересовъ. Между ними, этими тридцатью заключенными, какъ-будто есть что-то общее, единое, а онъ—круглый особнякъ посреди ихъ. И въ то же время это отчужденное одиночество среди людей, среди случайнаго общества, съ которымъ предстояло неразлучно прожить, быть можетъ, долгое время—начинало тяготить, и все больше и больше давило Вересова.

— А что, братцы, поиграть бы намъ, что ли, какъ? обратился Фаликовъ ко всей камерѣ:—скука вѣдь!

— Дѣй-чего нѣтъ? Вотъ и жильцу-то новому тоже скучновато, кажись, лежать безъ дѣла, согласились нѣкоторые.

Вересову стало какъ-то легче, свободнѣе, когда услышалъ онъ этотъ первый знакъ вниманія къ своей особѣ.

— Эй, чудагъ, вставай!... полно дичиться — народъ-то все свой да божій, дернулъ его за рукавъ Дрожинъ.

— Ходи, что ли, поиграть съ нами, ласково обратился къ нему же и дневальный Сизой:—за одно съ ребятами познакомишься.

— А послѣ игры уже баста дичиться! прибавилъ Фаликовъ:— тогда мы всѣ съ тобой милыми друзьями будемъ.

Вересовъ охотно поднялся съ койки.

— Что же, братцы, какъ присудите? снова обратился Фаликовъ ко всей камерѣ:— надо бы сперва, чтобы новый жилецъ присягу принялъ на вѣрноподданство по замку?

— Ну, это опосля! авторитетно порѣшилъ Дрожинъ:—сперва давай покойника отпѣвать! Правильно ли мое слово, ребята?

— Правильно, жиганъ; покойникъ не въ примѣръ занятіе будетъ, а присягу на закуску оставимъ, согласились почти всѣ остальные члены камеры.

— Кто же попомъ у насъ будетъ?

— Попомъ-та? А хоша Фаликовъ!

— Фаликовъ! — ну, ладно!... быть такъ, ребята?

— Быть!

— Стало-быть, коли на міру порѣшили. А упокойничкомъ кого положимъ?

— Да хошь тебя самого, жигана стараго.

— Ладно! мнѣ все-едино помирать! Ну, теперича вы, пѣвчіе— по обѣ стороны становись: на два клира, значить. А ты, Сизой, какъ есть ты дневальный — человекъ начальный, такъ ты — къ форточкѣ на стрѣму! Да зѣмко стреми, чтобы начальство милое не тово...

Въ минуту вся камера раздѣлилась на двѣ половины, Фаликовъ свилъ себѣ изъ полотенца крѣпкій и толстый жгутъ, а на плечи накиннулъ арестантское одѣяло, старому жигану бросили на полъ подушку, на которую онъ легъ головой, какъ покойникъ, сложивъ на груди руки, закрывъ глаза — и затѣмъ началось отпѣваніе.

— «Помяни, господи, душу усопшаго раба твоего!» заговорилъ на церковный распѣвъ Самонъ Фаликовъ, становясь въ ногахъ у покойника, и принимаясь кадить жгутомъ, какъ словно бы настоящимъ кадиломъ.

Присутствующіе набожно перекрестились.

— Умеръ родимый нашъ, умеръ нашъ Карповичъ, продолжалъ тѣмъ же речитативомъ Фаликовъ, обходя вокругъ лежащаго Дрожина — какъ обыкновенно дѣлается при отпѣваніи.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
Какъ тебя, сударь, прикажешь погребать? —

затянулъ правый клиръ какимъ-то мрачнымъ, похороннымъ нагѣвомъ.

Въ гробъ, батюшки, въ гробикъ,
Въ могилъ, родимые, въ могилушкѣ —

дружно откланялась лѣвая сторона.

А попъ все ходитъ вокругъ покойника, ходитъ, крестится съ поклонами да кадитъ своимъ жгутищемъ.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
Чѣмъ тебя, сударь, прикажешь зарывать? —

начинаютъ опять тѣмъ же порядкомъ правые.

Землею, батюшки, землею,
Землею, родимые, кладбищенскою —

подхватываетъ въ голосъ лѣвый клиръ, отдавая, при окончаніи каждаго стиха, поклонъ сторонѣ противоположной.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
Какъ съ тобой проматъся-разставаться?
Все съ рыданьемъ, батюшки, съ надгробнымъ,
Съ каюваньемъ, родимые, съ разстаношнымъ.

При этомъ послѣднемъ стихѣ попъ положилъ надъ покойникомъ земный поклонъ и поцаловалъ его лобъ. За нимъ поодиночкѣ стали подходить остальные арестанты. Каждый крестился, кланялся въ землю, и простираясь надъ Дрожиннымъ, цаловалъ его лобъ или губы, смотря по своему личному вкусу, и сопровождая все это хныканіемъ, которое долженствовало изобразить горкій плачь и рыданіе.

А два клира, межъ тѣмъ, поочередно продолжаютъ свое мрачное, монотонное отпѣванье:

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
А и чѣмъ тебя, сударь, прикажешь помянуть?

Водочкой, батюшки, водочкой,
Сивухою, родимые распрегорьскою.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
А и чѣмъ прикажешь намъ закусывать?

— Новаго жильца съ почетомъ! обратился къ двумъ сторонамъ Фаликовъ — и по слову его, два дюжіе арестанта взяли подъ руки Вересова, такъ что онъ даже — хоть бы и хотѣлъ —

а не могъ шелохнуться въ ихъ мускулистыкъ лапцахъ—и подвѣда его въ покойнику, насильно положили ничкомъ на этого послѣдняго.

Многоами, батюшки, многоами,
Множками, родимые, горячими —

fortissimo откликнулся лѣвый клиръ, и вслѣдъ за этимъ возгласомъ, покойникъ внезапно облапилъ Вересова за шею, дѣвко оплѣлъ его ногами — и на спину новаго жильца посыпались частые нещадные удары жгута. Толпа хохотала. Многіе торопились наскоро свивать изъ полотенцевъ новые жгуты, стараясь привести и свою посильную лепту въ пользу спины несчастнаго Вересова.

— Это для того, чтобы вѣчная память была, наклонясь къ его уху, прокричалъ Фаликовъ, и вслѣдъ за тѣмъ, по его знаку, оба хора завывли «вѣчную память», цодъ акомпаниментъ хохота остальной камеры.

Истязаніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всё не натѣшились въ волю.

— Это, милый, не бѣда, что вздули, сказалъ Дрожинъ, отпуская Вересова изъ своихъ медвѣжьихъ объятій: — потому самъ надъ другими будешь то же дѣлать.

Вересовъ все время не издавалъ ни единого звука, но теперь—весь блѣдный, дрожащій, поднялся съ полу и, какъ звѣрь, не разбирая ринулся на перваго попавшагося арестанта.

— Го-го!... Да ты драться еще! весело воскликнулъ Фаликовъ.—Ребята! отабунься! (*) Колоколь лить!

Въ то же мгновенье новаго жильца плотно окружили десять человекъ, схѣпясь другъ съ дружкой руками—такъ что онъ очутился какъ-бы въ живой клеткѣ — а къ нимъ вскоробались на плечи еще трое арестантовъ — и вся группа образовала родъ акробатической пирамиды. Это было дѣломъ одной минуты. Раздался пронзительный крикъ боли, тотчасъ же заглушенный пѣсней:

Попъ Мартынъ!
Понадъ Маланья!
Смѣшь ли ты?
Звони въ колокольчикъ!
Бимъ! бамъ! бомъ!
Ти-ли, ти-ли, бомъ!

(*) *Отабунится*—собраться въ кучу.

Верхніе трое, для ступней которыхъ служили пьедесталомъ плечи десяти нижнихъ арестантовъ, вцѣпились въ волосы Вересова, и приподнявъ его такимъ образомъ вверху, на воздухъ, стали раскачивать въ стороны и постукивать объ полъ его ногами. Изъ глазъ несчастнаго сыпались искры и выбрызнули крупныя слезы. Волоса его трещали подъ руками мучителей; грудь выдавливала изъ себя глухіе, короткіе стоны, отъ нестерпимой боли этой чудовищной, варварской пытки.

— Лихо языкъ болтается, да и звонить-то гулко! острилъ Самонъ Фальковъ: — пушай это ему за то, что дѣла моего купить не желалъ, океанный!

— Вотъ, вѣдь оно тиранство—а люблю! диллетантически замѣтилъ Дрожинъ, съ разныхъ сторонъ любуясь на картину пытки: — право, люблю! Меня самого еще куды тебѣ жутче тиранили! Пушай и другой знаетъ, каково оно жарко!

— Двадцать-шесть! (*) громко выкрикнулъ Сизой, быстро отсочинивъ отъ своего наблюдательнаго поста, у дверной форточки.

Верхніе мигомъ спрыгнули съ плечъ, нижніе подхватили почти безчувственнаго Вересова и бросивъ его на койку, разбѣжались, какъ ни въ чемъ не бывало. (**)

(*) *Двадцать-шесть!*—предостерегательное восклицаніе тюремнаго argot, то же самое, что у «вольныхъ» мошенниковъ «стрѣма» — берегись.

(**) Вотъ перечень тюремныхъ игръ:

а) *«Кириниъ портретъ»*. Новичка спрашиваютъ: «Хочешь Кириниъ портретъ поглядѣть?»—«Хочу.»—«Ну, ладно, повидь на минуту за дверь». Новичокъ выходитъ, а въ это время арестанты вымазываютъ въ трубѣ сажею новичкову шапку и подкарауливаютъ у двери его возвращеніе. При входѣ, внезапно шараютъ шпилькой лицо и подводятъ въ зеркальцу: «Смотри, молъ, вотъ онъ, кириниъ портретъ!» Новичокъ ругается, остальные смѣются. — Это — самая веселая и самая мягкая изъ арестантскихъ игръ.

б) *«Присяга на верноподданство по замку»*.

в) *«Пальто шить»*—двѣ игры до того единичныя, что нѣтъ ни малѣйшей возможности передать ихъ печатно.

г) *«Покойника отпавать»*.

д) *«Колоколъ лить»*.

е) *«На оленяхъ прокатить»*. Становятся два человѣка, плотно другъ къ другу спиной, и около пояса связываютъ себя полотенцемъ, потомъ каждый наклоняется въ свою сторону. Ихъ накрываютъ одеяломъ и — олени готовы. Старые арестанты садятся на нихъ поочередно и катаются по камерѣ. Доходитъ очередь до новичка, но чуть садеть его на оленей — связанные арестанты распрямляются и начинаютъ жать его, какъ словно въ тискахъ, а остальные начинаютъ избивать его жгутами.

ж) *«Голоса слушать»*. Каждый становится на свою койку и начинаетъ издавать музыкальныя ноты. Очередь доходитъ до новичка — его схватываютъ, дернуть за уши и за волосы, бьютъ и денаютъ, и когда онъ начнетъ кричать,

IX.

Р а м з я.

Дверь въ камеру отворилась—и въ корридорѣ показался сидѣлый острожничъ староста, вмѣстѣ съ дюжимъ приставникомъ и новымъ арестантомъ.

Это былъ человѣкъ высокаго роста; на видъ ему казалось года сорокъ-три-четыре, и вся наружность его: глубоко впалые, задумчивые глаза сѣраго цвѣта, высокій, нѣсколько лысый лобъ, широкая черная борода, подернутая значительною просѣдью—имѣла въ себѣ что-то доброе, душевное и въ то же время сановитое. Взглянувъ на него, нельзя было не угадать присутствія страшной, желѣзной физической силы въ этомъ сухомъ, мускулистомъ тѣлѣ; но вообще, въ немъ сказывался скорѣе человѣкъ духа, чѣмъ плоти.

Вызвали дневальнаго Сиздго, и вчетверомъ, по обычаю, отправились въ приставницкую.

— Ну, стало быть, двухъ теперь къ присягѣ поведемъ—любо, ей-богу! потерь себѣ руки старый жиганъ.

— Къ присягѣ?... Почеси ногу, (*) братъ, этого въ присягѣ не подведешь! съ достоинствомъ прочнаго убѣжденія замѣтилъ молодой убійца «начальства свою».

— Ой ли? Чтò же онъ, воронъ какой, али нехристь?

— Ни воронъ, ни нехристь; а только не подведешь.

— Да ты чего?... Ты его знаешь, что ли?

— Не зналъ бы, не сказывалъ.

арестанты говорятъ, что у него голось лучше всѣхъ. «Такъ лихо поешь, что всѣмъ подольше послушать хочется». И бьютъ, покуда не натѣшатся. Арестанты до тѣхъ поръ не успокоиваются въ отношеніи новаго своего сочлена, пока не продѣлаютъ надъ нимъ всѣ вышеназванныя игры. Это какъ-бы своего рода искусство: «арестантскія мытарства пусть каждый пройдетъ сперва, а потомъ ужъ будь ты намъ другъ и товарищ».

h) «Игра съ жгутами»—общая арестантская. Одинъ садится на койку и кладетъ себѣ подушку на колѣни. Остальные кидаютъ «жеребья». Кому вынется послѣднему, тотъ наклоняетъ голову въ подушку, а прочіе становятся во кругъ со жгутами. Кто нибудь ударяетъ «уткнутого» по спинѣ; уткнутый долженъ отгадать—кто. Коли попалъ—угаданный становится на его мѣсто, а не попалъ—оставайся до тѣхъ поръ подъ жгутами, пока не угадаешь ударившаго.

Таковъ характеръ всѣхъ тюремныхъ, арестантскихъ игръ.

(*) «Почеси ногу» на тюремномъ argot почти то же, что на байковомъ «труба», а на обыкновенномъ русскомъ—выраженіе: какъ же, дожидайся! Дудки! не хочешь ли чего послаже! и т. в.

— А что онъ за птица? какъ прозывается?

— Рамза.

— Не слыхалъ таковой; надо такъ думать—заморская.

— Поближе маленько: олонецкая.

— Ми!... Каковъ же таковъ человѣкъ онъ есть?

— А ужъ это, милость твоя—благодушный человѣкъ, не намъ чета: благодѣтель.

— Фу, ты, ну, ты—кочевряга! А ты какъ его знаешь?

— Рамзю-то?—Сами съ тѣхъ мѣстъ, олонцеііе.

— Олонцеііе? Это, значить, тѣ самые молодцы, что не бьются, не дерутся, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ? съ презрительной ироніей замѣтилъ Дрожинъ. Вообще, весь послѣдній разговоръ его отзывался какимъ-то весьма высокоумнымъ тономъ. На душѣ у стараго жигана какъ-то беспокойно и завистливо стало: онъ почти мелькомъ только видѣлъ вновь приведеннаго арестанта; но съ перваго же взгляда, разомъ почувалъ въ немъ нравственно сильнаго, могучаго человѣка, который невольно, хоть и самъ, быть можетъ, не захочетъ, а навѣрно возьметъ первый голосъ и верхъ надъ камерой, вмѣстѣ со всеобщимъ уваженіемъ, которое до этой минуты попреимуществу принадлежало старому жигану.

— Что жъ такое дѣлалъ Рамза-то этотъ, что въ благодѣтели попалъ? спросилъ онъ прежнимъ тономъ, только съ значительной долей раздраженія, накопившейся послѣ минутнаго раздумья.

— А то дѣлалъ, что вотъ, примѣромъ, у меня теперича хона бы коровенка пала, принялся объяснять олончанинъ, съ тѣмъ же достоинствомъ прочнаго убѣжденія:—онъ узнаетъ тамъ стороною, что вотъ, молъ, у Степки Бочарника коровенка пала, и ты, значить, черезъ это самое нужду терпишь—пойдетъ, купить коровку-то гдѣ ни на есть, да и приведетъ къ тебѣ: на, вотъ, владай теперь ея; а нѣтъ—вотъ тебѣ деньга; подь да купи. Въ какой человѣкъ-то онъ!... кормилецъ, одно слово... Да это что: теперь хлѣбушка нѣтъ у мужика — мужикъ подь къ нему: онъ дастъ, а не то, опять же деньгу тебѣ дастъ. Совсѣмъ благодѣтель нашъ былъ, по всему, какъ есть, право!

— Коли такъ, за что же его опосля этого въ тюрьму-то забрили? раздумчиво, но уже безъ желчи, спросилъ дядя жиганъ.

— А вѣрно ужъ за то за самое и забрили, предположилъ Степка Бочарникъ:—потому человѣкъ господамъ согрубленіе дѣлалъ;

опять же и супротивность всякую... А только онъ благодѣтель намъ: вѣчно Бога молить станемъ, право...

Сизой ввелъ уже переодѣтаго арестанта. Рамзя вошелъ съ тѣмъ кротко-строгимъ, сдержаннымъ видомъ, который всегда отличалъ его сановитую фигуру; первымъ дѣломъ, перекрестился на образъ и молчаливо отдалъ степенный поклонъ на обѣ стороны.

Арестантамъ, непривычнымъ къ такого рода вступленію въ тюремную жизнь, показалось донельзя страннымъ благочестивое движеніе Рамзи. Многіе фыркнули, а многіе и прямо захохотали. Рамзя словно бы и не слыжалъ, и съ полнымъ достоинствомъ, спокойно обратился къ Сизому, за указаніемъ своей койки.

— Сизой! перебилъ его жиганъ: — ты что это, лѣшій, изъ-за чортъ-знать чего двадцать-шесть орешъ? Мы думаемъ: начальство, а тутъ всего-то навсе какого-то мазуру оголтѣлаго привели.

Эта выдержка, и строгое достоинство, которыя съ перваго шагу проявилъ въ себѣ Рамзя, снова подняли въ старомъ жиганѣ всю желчь раздраженія и боязнь за утрату своего первенства. Онъ чувствовалъ, что если самымъ убѣдительнымъ способомъ не поддержать все свое вліяніе и значеніе теперь же, на первыхъ порахъ, то — того и гляди — утратишь ихъ безвозвратно. Поэтому-то Дрожинъ и пустилъ съ днику дерзкую, оскорбительную выходку противъ Рамзи.

Но этотъ послѣдній, не удостоив своего противника ни однимъ словомъ, только оглядѣвъ его тихимъ, спокойнымъ взглядомъ своимъ, и помѣстился на указанное ему мѣсто, рядомъ съ Вересовымъ.

— Ну, что жъ, теперь пора и за присягу, предложилъ Фалиновъ.

— Вотъ, за одно и другаго жильца приведемъ, откликнулся Дрожинъ, съ ироніей кивнувъ на Рамзя. — Булочка! становись-ко по правилѣ, да крестъ на спину! продолжалъ онъ, обратясь къ молодому, ожирѣлому арестантику, съ бабьимъ лицомъ, который пользовался особеннымъ и даже ревнивымъ покровительствомъ стараго жигана.

Булочка снялъ съ себя все верхнее платье, растегнулъ воротъ сорочки, закинулъ съ груди на спину свой натѣльный крестъ, сталъ среди камеры, упираясь въ полъ руками и ногами.

— Ну, вставай, дѣвчонка!

Дрожинъ сдернулъ съ койки ослабѣвшаго Вересова.

— Фалиновъ, вяжи ему глаза полотенцемъ!

— Братцы!... не бейте меня... помилуйте... Христа-ради! черезъ силу простоналъ Вересовъ. На глазахъ его показались слезы.

— Бить не станемъ, только подъ присягу подведемъ — и конецъ, утѣшилъ его Дрожинъ.

Фаликовъ подошелъ уже къ нему со сложеннымъ полотенцемъ.

Вересовъ тревожно обвелъ вокругъ камеры взоръ, помучивный тоскою... Положеніе было безысходно. Случайно, съ робкою мольбой и смутной надеждой скользнули его глаза по вновь приведенному арестанту и, словно обезсиленные, опустились къ землѣ, вмѣстѣ съ поникшею на грудь головою.

Рамза поднялся со своей койки.

— Оставь его, сказалъ онъ ровнымъ, тихимъ, спокойнымъ голосомъ, взявъ за руку Дрожина.

Жиганъ никакъ не ждалъ такого внезапнаго и прямого подхода. Отъ неожиданности онъ даже оторопѣлъ нѣсколько, въ первую минуту.

Вся камера, живо заинтересованная началомъ столь необыкновеннаго столкновенія, стала въ напряженномъ, молчаливомъ вниманіи.

— Да ты что мнѣ за указчикъ?! азартно поправился Дрожинъ: — что хочу, то и дѣлаю!

— Самъ надъ собою дѣлай что хочешь, а этому — не бывать, съ прежней спокойной увѣренностью сказалъ Рамза, отводя отъ него Вересова, котораго заслонилъ собою.

— Да ты что? ты чего? бобу захотѣлъ, что ли? взъялся жиганъ, показавъ ему свой кулачище: — кишки выпущу!... Проходи лучше, незамай!... Видали мы и не таковскихъ!

— Видали-ль, не видали-ль — про то вамъ знать. А надъ слабымъ человѣкомъ не велика честь свою силу казать; ты надъ ровней покажи.

— Это правильно!... Что дѣло — то дѣло!... Резонтъ говорить! замѣтили нѣкоторые изъ арестантовъ.

Для Дрожина наступилъ роковой моментъ: его значеніе начало колебаться.

— Да ты что ко мнѣ съ проповѣдами-то? Ты мнѣ смѣртный конецъ, аль духовный отецъ? Прочь, ирразъ! Плевкомъ разшибу — не попахнетъ! Пусти его! бѣшено кинулся Дрожинъ на Вересова.

Рамза схватилъ его за кисть руки и не выпуская, опустилъ ее внизъ.

Жиганъ съ размаху шибко хватилъ его въ грудь кулачищемъ; но противникъ, пошатнувшись немного, только сдвинулъ слегка свои брови и сжать суховатой, жилистой рукою кисть руки Дрожина.

На лицѣ послѣдняго мгновенно промелькнуло чувство страданія; но онъ пересилилъ себя, скрывъ свою боль, и ради постороннихъ глазъ, заставилъ свои личные мускулы принять мрачно-спокойное выраженіе.

Между тѣмъ желѣзная рука Рамзи сжимала все сильнѣй и сильнѣе.

Глухо раздался второй ударъ въ грудь — и Дрожинъ заскрежеталъ, съ какимъ-то давящимся отъ бѣшенства рыканьемъ, какъ раненный звѣрь; но противникъ, попрежнему слегка пошатнувшись, твердо стоялъ на своемъ мѣстѣ. Только чуть замѣтное судорожное движеніе передѣрнуло его спокойныя брови.

Въ камерѣ царствовало глубокое, напряженное молчаніе — слышно было, какъ тяжело, перерывчато дышалъ старый жиганъ, какъ изрѣдка похрустывали суставы его пальцевъ. По лицу разлилась болѣзненная блѣдность, а онъ еще старался улыбиться.

— Ишь ты... жарко... черезъ силу проговорилъ онъ, захлѣбываясь хриплыми звуками своего голоса, и кривя ротъ насильственной улыбкой — ради поддержанія своего достоинства въ глазахъ всѣхъ арестантовъ. Рука его снова замахнулась, но описавъ по воздуху какое-то безсильное движеніе, какъ плеть опустилась внизу. Рамзя, ни на йоту не измѣняя своему сосредоточенному спокойствію, постепенно все болѣе и болѣе усиливалъ свое сжиманье. Казалось, эта рука, съ каждой минутой, какъ-то цѣпко впивалась въ руку жигана, словно какая-то высшая, нервная сила управляла силой его могучихъ мускуловъ.

Изъ-подъ ногтей Дрожина просочились алны капли крови...

А блѣдность все сильнѣй и сильнѣй покрывала его лицо зеленовато-мертвеннымъ отгѣнкомъ; налитые кровью глаза начинали безжизненно тускнеть; посинѣлыя губы кривило конвульсивною дрожью.

Съ глухимъ стономъ онъ упалъ предъ Рамзей на колѣна, и надорванно прошепталъ: «руку... руку... христа-р...ади» — безъ чувствъ повалился на полъ.

Рамзя тихо разжалъ свои пальцы, тихо отошелъ къ своей койкѣ, и сѣлъ на нее, въ спокойномъ раздумьи, подперевъ ладонями лобъ.

Рука безчувственного Дрожина была разможжена, и налилась сине-багровыми полосами — тамъ, гдѣ приходились сжимавшіе ее пальцы.

Изъ арестантовъ никто не шелохнулся. Надъ ними еще все-

властно царило впечатлѣніе неожиданной сцены. Они были изумлены, поражены, раздавлены спокойною силой и волей незнакомаго имъ человѣка — и теперь, стоя отъ него въ почтительномъ отдаленіи, безъ словъ, но общимъ единодушнымъ сознаниемъ, каждый про себя, признали его первенство. Одинъ Фаликовъ веретрусилъ до смерти, и — тише воды, ниже травы — дрожалъ и прятался за спинами товарищей.

— Плесните, братцы, водой на старика-то, кротко кивнулъ головой Рамзя, бросивъ взглядъ на все еще безчувственнаго Дрожина.

— Это дѣло какое... вѣдь мнѣ, пожалуй, теперь отвѣчать за него, пробурчалъ себѣ подъ-носъ дневальный Сизой, смачивая водою темя и виски жигана.

— А за этого не отвѣчать? строго спросилъ Рамзя, указавъ ему глазами на Вересова.

— Да что жъ... мы, ваша милость, его не били: мы съ нимъ маненько играли только, оправдывался Сизой.

— Знаю я ваши игры — хорошія игры!... И вамъ не совѣстно, братцы? вскинулъ онъ свой глубокой, неотразимый взоръ на всю камеру.

Большая часть арестантовъ потушили головы; кто почесалъ въ затылкѣ, а кто ухмыльнулся какою-то застѣнчиво-оправдательной ухмылкой.

— Жаль мнѣ васъ, братья... забыли вы, что людьми прозыветесь, вздохнулъ Рамзя, съ грустной укоризной покачавъ головою.

— Да вѣдь скука, ваша милость, несмѣло замѣтилъ кто-то изъ болѣе шустрыхъ арестантовъ: — сидишь-сидишь — индо одурь возьметъ; со скуки больше и бѣсимся.

— А ты какой вѣры? внушительно задалъ ему вопросъ Рамзя. Арестантъ смутился.

— Вѣры-то?... Да тутъ всякой есть, ваша милость... А мы всѣ, почитай, больше русской... вѣры-то.

— Русской... Слыхалъ я, что точно, всякія вѣры бываютъ на свѣтѣ, а экого закона, чтобы ближняго своего ради потѣхи мучить — не слыхалъ ни въ одной вѣрѣ человѣческой... Волкъ волка — и тотъ не зарѣжетъ мучительски занапрасно, а вы — люди, братцы!

— Какіе мы люди!... мы — арестанты! съ горечью вырвалось у Кузьмы Облака.

Строгое, простое и прямое слово Рамзи, казалось, видимо подействовало на человѣческія струны заключенниковъ. Многіе не шутя задумались надъ его укоромъ.

— А за старика не бойся, прибавилъ Рамзя, обратясь къ Сизому:—за него, коли что, я самъ своей головой отвѣчу.

Между тѣмъ Дрожина привели въ сознаніе. Не смѣя глазъ поднять на людей, отъ жгучаго чувства стыда и оскорбленнаго самолюбія, онъ какъ-то стѣсненно, неловко сѣлъ на первую койку, словно бы ощущая устремленные на него взоры всей камеры—и мрачно задумался.

Этотъ человѣкъ, стонически переносившій на своей спицѣ удары палача и еще наканунѣ искренно похвалявшійся неестественной любовью къ плети, удовольствіемъ при процесѣ полосованія своего собственнаго мяса — сегодня, въ глазахъ тридцати товарищей, упалъ въ обморокъ отъ пожатія руки. Но... обезсилѣло его не столько чувство страшной и совсѣмъ еще невѣдомой доселѣ боли, сколько невозможность сломить своего противника, обезсилѣло сознаніе нравственнаго превосходства этого противника, сознаніе потери своего первенства, значенія и вліянія на своихъ сотоварищей. Вотъ чего не вынесла закаленная душа стараго жигана! Коса нашла на камень—и камень сломилъ ее.

— Охъ, кабы топоры!... съ глубокой, тоскливой горестью, глухо и словно бы самъ съ собою заговорилъ понурый Дрожинъ:—взять бы мнѣ теперь эту самую руку да и отхватить ее по локоть!... Не выдержала, проклятая—выдала старика... Сведите, братцы, въ больницу: неможется... А не то, пожалуйста лучше на меня приставнику, хоть за буйство, примѣрно—нущай меня въ карцію запруть.

Дрожину невыносимо тяжело было оставаться на глазахъ товарищей, свидѣтелей его пораженія — хотѣлось замкнуться наединѣ, съ самимъ собою, чтобы не видѣть лица человѣческаго, пока не перегоритъ это чувство стыда, пока не угомонится уязвленное и униженное самолюбіе — а угомонится оно вѣрно нескоро.

— Пойдемъ, что-ли, я сведу тебя, подошелъ къ нему Сизой.

Дрожинъ поднялся медленно, тяжело, какъ человѣкъ, подавленный исключительно своимъ глубоко-горькимъ чувствомъ, и не подымая глазъ, обратился ко всей камерѣ:

— Коли ежели что—начальство, такъ скажите, что самъ невзначай тѣмъ нибудь... ну, хоть дверью прищемилъ. Слышите?

— Ладно, дядя жиганъ, скажемъ.

— То-то, не забудьте, да... Простите, коли чѣмъ изобидѣлъ кого...

Послѣ этихъ словъ, Дрожинъ замедлился въ какомъ-то нерѣшительномъ раздумьѣ.

— Прости ужь что-ль и ты, добрый человекъ! поклонился онъ Рамзѣ, весь зардѣвшись при этомъ поклонѣ.

Рамзя отвѣтилъ ему тѣмъ же.

— Не попомни, братъ, и ты на мнѣ, отпусти зло мое, совѣстливо и тихо сказалъ онъ:—что жь дѣлать, не хотѣлъ я тебя обидѣть—самъ того пожелалъ... А мнѣ теперь, можетъ, еще такъелче твоего... Прости, братъ!

И послѣ этихъ словъ его, дядя жиганъ, избѣгая взглянуть на кого либо, вышелъ изъ камеры.

Х.

Исторія Рамзи.

Черезъ нѣсколько дней и Вересовъ, и Рамзя свыклись съ обиходомъ тюремной жизни. Старый жиганъ все еще не показывался въ камеру: ему лечили въ больницѣ переломленные суставы. Арестанты безусловно уважали Рамзю, но не боялись, какъ прежде стараго жигана: они полюбили его. Ни въ споры, ни въ карты никогда не мѣшался Рамзя. Никто не слыжалъ отъ него ругательства, насмѣшки или прязднаго, скоромнаго слова: со всѣми онъ былъ тихъ и ласковъ, никого не чуждался, никого не презиралъ. Это именно было спокойное благодушіе великой силы. Объ одномъ только скучалъ онъ, что пряздно время коротать приходится, потому что изъ татейнаго отдѣленія не гонять ни на какую тюремную работу, а кабы дрова пилить или воду качать—онъ бы одинъ за троицъ справлялся — такова ужь натура у человека была. Въ церкви, отъ которой никогда не увертывался Рамзя, онъ не молился, а если и молился, что весьма вѣроятно, то наружно не показывалъ виду, но стоялъ все время съ глубокимъ, строгимъ и сосредоточенно-благоговѣйнымъ вниманіемъ. Голосъ былъ у него высокій и чистый, симпатичный. Часто въ садикѣ, или сѣда на своей койкѣ, погруженный въ какую-то грустно-свѣтлую, мечтательную задумчивость, онъ негромко затягивалъ пѣсню, не тюремную пѣсню, а изъ тѣхъ,

что пѣвалъ когда-то на широкой волѣ. Любилъ онъ также *стихи* пѣть, что калитки-перехожіе по Руси разносятъ — про книгу голубиную, про Асафа-царевича да про Иосифа странника прекраснаго:

Ты поди, младъ юношь, во чисто поле,
Ты поди, прекрасный, ко своей братьи,
Снеси ты имъ хлѣба на трапезу
Снеси имъ родительско прощенье
Ты прощенье имъ, благословенье,
Чтобы жили братья во совѣтѣ,
Во совѣтѣ жили бы во любви,
Другъ друга они бы любили,
За едино хлѣбъ-соль воскушали.

Такъ-какъ случай привелъ его заступиться за Вересова въ первую минуту своего вступленія въ жизнь острожную, то Рамзя и на все послѣдующее время приголубилъ его около себя. Больше всѣхъ любилъ онъ водить разговоры съ нимъ да еще съ Кузьмой Облакомъ и съ олончаниномъ Степкой Бочарникомъ, котораго еще прежде знавалъ когда-то на волѣ.

Часто ночью, когда у майданщика Мишки Разломая море идетъ разливанное, и «три листика» въ полномъ разгарѣ соберутъ въ «игральный уголь» многочисленную кучку любителей — они въ четверомъ усядутся себѣ на двухъ койкахъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ этого завѣтнаго угла — и пойдутъ у нихъ тихіе разговоры. Рамзя потому удалялся отъ Разломая, что водки онъ не пилъ и табачнаго духу сильно-таки недолюбливалъ.

— Ахъ, ужъ скоро-ли меня рѣшатъ-то! съ затаенною тоскою, вырвался у него однажды вздохъ, во время одной изъ такихъ полуночныхъ бесѣдъ:—кажись, самъ вѣдь во всемъ повинился, ни одного своего преступленья не сталъ—чего бы еще?—Нѣтъ-таки, въ Питеръ вотъ пригнали зачѣмъ-то; здѣсь еще, слышно, слѣдоваться да судиться будемъ. А ужъ мнѣ—хоть бы и въ Сибирь скорѣй!...

— Чай, не хочется? замѣтилъ Кузьма Облако.

— А пошто не хотѣться-то? возразилъ Рамзя:—вѣстимо дѣло, родного мѣста жалко, да вѣдь и въ Сибири люди—живи только побожески, вездѣ сподручно будетъ... Срокъ каторги отбудешь, а тамъ на поселеніе...

— Да вѣдь идти-то долго и тяжело: въ кандалахъ вѣдь, сказалъ Вересовъ.

— Эхъ, родимый!... Намъ ли еще о тѣлесахъ своихъ таку заботу принимать!... Отцы святые во все житіе свое въ желѣз-

вить верягахъ ходили, и Господа еще славословили; а тутъ, намъ-то, нешто по грѣхамъ своимъ и въ кандалахъ не пройти? —Пройдемъ!... на то и испытаніе.

— За что жь тебя погонять? Зла вѣдь ты никому никакого не сдѣлалъ?

— Нѣтъ, видно, что сдѣлалъ, коли вотъ забрали. Безъ того—по совѣсти надо полагать—не погонять въ Сибирь нашего брата... Работалъ я на мѣрѣ, продолжалъ Рамзя, съ какинь-то, свойственнымъ одному ему спокойнымъ увлеченіемъ: — однихъ отъ обиды огорожалъ, а другихъ въ обиду вдавалъ—на томъ-то и зло мое... Знаю и самъ, что рукѣ мое съ одного бока непохвальное, да что станешь дѣлать? Видно ужь, на что душа родилася, того богъ и далъ.

— Ты господскій былъ, аль нѣтъ? спросилъ Облако.

— Господскій...

— Что жь ты не жилъ въ ладу съ господами? жилъ бы себѣ почтеннымъ образомъ до старости лѣтъ; дѣтей бы, внуковъ выросталъ, съ участіемъ заговорилъ Вересовъ.

— Хм... это точно что такъ... А вотъ ты, чай, въ книжкахъ читаешь, такъ тамъ сказано... Божественныя читаешь?

— Случается.

— А читалъ, что сказано: «никто же можетъ двема господинома работати: либо единого возлюбить, а другаго возненавидѣть, или единого держити, о друземъ же нерадѣти начеветь».—Это великое слово—такъ ты и знай!... Работалъ я на мѣрѣ, и мѣрѣ возлюбилъ, а мамонѣ ужь опослѣ этого и работать не приходится.

Вересова порядкомъ-таки озадачилъ этотъ смысленный отвѣтъ, который показывалъ въ Рамзѣ глубокую силу убѣжденія.

— Ты вотъ — хоть и никогда еще самъ не сказывалъ — а я такъ думаю, что надо быть, грамотный, Акимъ Степанычъ? спросилъ Облако.

— Грамотный. Съ измаламалства еще къ грамоти въ науку пошелъ, отвѣчалъ Рамзя.—Отецъ у насъ былъ, покойникъ, старецъ благочесливый, и домъ въ страхѣ божіемъ соблюдалъ, и какъ готовилъ насъ больше по торговой части, такъ и грамотѣ безпремѣнно учиться наказалъ:—перво, говорить, божественное дѣло будешь смыслять, а второе дѣло—по торговой части безъ грамоты новѣ ни шагу ступить... Такъ я и обучался у дьяча у приходскаго...

— Ну, и какъ же ты отъ отца остался? жилъ-то послѣ какъ? съ любопытствомъ подбѣлъ къ нему поближе Вересовъ.

Рамзя поглядѣлъ на него тихимъ, благодуннымъ взоромъ и слегка улыбнулся.

— Тебѣ, вижу я, началъ онъ: — исторію мою послушать хочеться?... Не столь-то я охочъ рассказывать исторію-то эту. Ну, да вы люди простые, незлобные; опять же и свой братъ-заключенникъ не начальство какое. Да съ чего же начать-то — нивѣкъ не сообразишь... Нешто про то, какъ я на свою дорогу вышелъ?...

И онъ, на нѣсколько времени, задумчиво подперся рукою.

— Это самое дѣло, какъ бы припоминая, съ глубокимъ вздохомъ, началъ Рамзя:—почитай, что съ измальства пошло... Былъ у насъ дѣдко—ужь лѣтъ подъ сто старику было, одначе бодрый, и въ памяти... Бывало, какъ подойдетъ это весна, станетъ древо листовою одѣваться, цыкорей замахровѣтъ — такъ дѣдко тотчасъ въ лѣсъ, и въ лѣсу это у него пчельникъ... Пчёлка жужжитъ, тишина такая и благоуханіе!... Тамъ и келейка была у него срублена, и мѣсто изгородью огорожено—хорошо было объ вешнюю пору!... Бывало, идетъ дѣдко на пчельникъ и меня возьметъ съ собою. Перво-на-перво, молитву сотворить; отецъ Гервасій молебень ему отслужить и все мѣсто на четыре страны, и кажинный улей пѣтой водой окропить, затѣмъ, чтобы пчёлка ронялась благодатливо...

Тамъ, бывало, мы съ дѣдкой и днюемъ, и ночуемъ, вплоть до самыхъ заморозковъ, какъ улы въ амшаникъ хоронить время приспѣтъ.

И такъ мнѣ полюбілся душевно этотъ самый лѣсъ, что, кажется, и не вышелъ бы оттолѣ никогда: такъ вотъ и тянетъ, такъ вотъ и тянетъ!... Моченьки моей нѣтъ въ деревнѣ — все бы мнѣ это къ лѣсу да къ лѣсу! все бы мнѣ это на тишь да благодать лѣсную очами своими дивоваться и время такъ проводить...

Пустыня ты, мати прекрасная!
 Ты прими меня, мати возлюбленная!
 Какъ придетъ на свѣтъ весна красная—
 Одѣнутся дрѣвесы райскими листьями,
 Запоютъ птицы голосами архангельскими—
 И я изъ пустыни вонъ не выду,
 А тебя, мати пустыня, я же покину.
 Разгуляюсь я, младъ въюношь, во дубравушкѣ,

Частыя древа со мной будутъ думу думати,
 Мелкія листья со мной стануть говорить,
 Райскія птицы стануть распѣвати —
 Меня, млада вьюноша, потѣшати.

Вотъ эта самая пѣсня въ тѣ поры у меня съ ума не сходила— все, бывало, съ дѣдкой и поѣмъ ее. Оттоль-то я и *стихи* пѣть полюбилъ, какъ у него научился.

И одно время такое это было, что просто и не вѣсть что со мной сдѣлалось: сталъ ровно полоумный какой—по шестнадцатому году было. Какъ выигралася только эта весна, такъ меня ровно силой какой въ лѣсъ да въ поле! Сбѣжалъ парень съ села, совсѣмъ сбѣжалъ; куда и про что—того и самъ не разумѣть, а и на селѣ никто невѣдаеть.

Дня черезъ два отыскали меня наши ребята, къ отцу привели. Засадилъ меня онъ дома за работу. Работаю день, работаю два, а самого такъ и томить нстома какая-то, словно тошно становится—ажно обомлѣлъ весь: и все-то бы мнѣ въ лѣсу... Палъ я отцу въ ноги — «пусти, говорю, батюшка-осударь, отпусти во пчельникъ, на дѣдино мѣсто! Пчёлка безъ присмотру, безъ прихолы, а мнѣ не въ моготу дома!» (Дѣдко-то объ егорьевѣ днѣ богу душу отдалъ). Подумалъ отецъ, да и отпустилъ меня въ лѣсъ. Такъ я лѣто цѣльное въ лѣсу провождалъ, за пчёлкой ходилъ. И вовсе мнѣ это занятіе не скучно было: взялъ я съ собою книжечъ божественныхъ разныхъ; читаю, какъ свободное время выдася, а свободнаго времени въ лѣсу-то много...

Читаю это я, а самому словно чудатся это обители всякія благословенныя, иноки благообразныя, и древа, и цвѣтики тутъ всякіе; кресты на обителяхъ позлащённые, и житіе мирное, сподобливое... Все это въ юности моей такое помышленіе на умѣ у меня было, чтобы мнѣ это безпремѣнно въ иноки идти; и кажинный праздникъ я все, бывало, на влиросѣ пою и читаю — значить, такъ ужъ самъ собою, съ измальства въ божественному житію приобылчался... Ну, а потомъ и ничего: въ торговому дѣлу все пригладу вышлѣ—отецъ въ городъ посылалъ торговать, значить.

Вель это самое дѣло я умѣючи. Не поставьте, братцы, въ похвалбу, а только скажу, не хвастаясь: не обогалъ никого насчетъ товару, и въ обманъ, али въ сумленіе какое, някого не вводилъ, а вель дѣло по цѣнѣ, на чистоту — и потому самому больше—кунцы въ городѣ любили со мною эту камерщню водить.

Только отецъ объ зыпнень Мниолѣ преставился. Мы съ братомъ въ раздѣлъ пошли. Раздѣляли добро честно, похристіански,

и на томъ порѣшили промежъ собой, чтобы мнѣ — какъ я читъ, холостой — жить съ братомъ вкупѣ. Къ женитьбѣ я пристрастія не имѣлъ никакого — такъ и жили мы. Лѣто пчельшигѣ, а зиму въ торгахъ; а братъ при домашнемъ оби

Надъ отцомъ я и псалтирь читалъ, и опослѣ этого сталъ еще къ божественному чтенію принимать — потому сожа и печаль въ ту пору такая меня брала, что въ томъ все с утѣшеніе полагалъ. Сталъ читать я евангеліе святое — и тутъ на меня такое раздумье горькое, что я тебѣ, милый вѣкъ, и сказать не умѣю. И все-то изъ сердца у меня не то, что тамъ сказано: «аще хочешь совершенъ быти — иди даждь имѣніе твое и даждь нищимъ» — вотъ все это и мере мнѣ; потому, знаю, какъ самъ Господь сказалъ: «аще ищеть по мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возьметъ крестъ и по мнѣ грядеть» — такъ и не могу спокойно дома сидѣл

— Вѣдь вотъ ты, Иванъ Осипычъ, и въ книгахъ лучшаго читаешь, прибавилъ Рамзя, относясь къ Бересову, со обычной строгой и въ то же время привѣтно-кроткой улыбки а знаешь ли, что хоть бы это значило: «возьми крестъ и по мнѣ гряди?» Такъ вотъ и не кори меня за то, что иду я по своему пути...

А на ту пору неурожай былъ, да погорѣло у насъ на селѣ ровъ съ тринадцать. Сталъ я смеять, что тутъ на мѣръ по тать надо — ну, и продалъ имѣніе свое, и роздалъ нищимъ

Такъ вотъ отъ той поры это самое дѣло и пошло со м

Сталъ братъ домекать, что я свое добро расточаю. Изъ самага въ семьѣ у насъ эта свѣра пошла. Думаю себѣ: и гоже намъ, братьямъ единокровнымъ, ровно псамъ какимъ честно лаяться. Нечего дѣлать, въ раздѣлъ ити надобно. И въ раздѣлъ. Я свои остатки забралъ, и въ годъ съ двумя пами самъ остался нищъ и убогъ.

Думалъ я себѣ это насчетъ монастыря, чтобы, значитъ, иноки ити; однако, послѣ такое размышленіе на меня и что думаю: человекъ я мірской и міру пользу приносилъ, брату единокровному; про что же мнѣ отщетить себя отъ Въ иночествѣ мнѣ для своей души спасеніе, а міру помои какой нѣтъ. И надумалъ я себѣ, чтобы смачала на мѣръ поры а потомъ, коли Богъ грѣхамъ потерпитъ, о душѣ своей грѣ

помыслить. Еще пуще навело меня на эту мысль то безобразіе, которое надъ міромъ чинилось.

Работа на міръ — дѣло хорошее: «и сынъ человѣческій не приде да послужать ему, но послужити и дати душу свою изъбавленіе за многихъ». Ты вотъ это уразумѣй!...

А безобразіе вижу я такое, что вотъ хоть бы иной мужикъ, раздобрѣвши да разбогатѣвши, своего же брата мужика тѣснить да презираеть—потому стяжаніе имѣеть многое и самъ въ купцы поровитъ.

Придетъ къ нему разорѣнный за помочью, а онъ насмѣется ему и прогонитъ, а не то на жидовскихъ процентахъ отпустить. А что теперяча бурмистры, гбловы эти самыя чинять худа нашему брату, мужику сѣрому, особенно который побѣдѣй да побезотвѣтѣй—и исчислить-то, такъ престо нѣсть тому конца.

За что же, думаю, терпять мужикъ ото всѣхъ? ужъ не говорю, отъ господъ иныхъ, либо отъ земскихъ, а то отъ своего же брата мужава? Какая тому причина есть, и за что одинъ кичится, а другой преклоняется, когда и въ писаніи сказано: «довлѣеть ученику да будетъ яко учитель его, и рабъ, яко господъ его?»... Вижу я, что все это въ мірѣ противу божескихъ писаній творится, дьявольскимъ поущеніемъ; ибо забыли люди, что сказано: «яже бо вознесетъ—смирится, и смирился—вознесетъ... Всякая гора да унижится и всякъ доль да возвысится»...

Вотъ, господинъ ты мой, такъ я и помятовалъ себѣ про то, что Господъ низложитъ сильныя со престолъ и вознесетъ смиренныя; а позабылъ Христовы же слова великія: «претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ». За то-то вотъ за самое и терплю я теперь, по грѣхамъ своимъ.

— Ну, а преступленье же ты какое сгрѣшилъ? перебилъ разсказчика Кузьма Облако, которому совсѣмъ чуднымъ дѣломъ казалось, что такой человѣкъ попалъ къ острожникамъ на татѣбное отдѣленіе, какъ тяжкій преступникъ.

— А такое преступленіе, пояснилъ ему Рамзя:—что ужъ больно мнѣ стало отвратно все это нечестіе да безобразіе глазами своими зрѣть, и слова единого не измочь вымолвить противу него. Помочь ужъ ничѣмъ не могъ я, по той причинѣ, что самъ былъ нищъ и убогъ, и опять же на себя великое нареканіе за то за самое отъ брата и отъ господъ своихъ принималъ, что имѣніе свое расточилъ понапрасно и глупо...

Смирения во мнѣ мало было, а больше все удалъ бродила и гордость: озлился я противу всего—да во темны лѣса!...

Отъ тѣхъ поръ и сталъ рукоумѣломъ своимъ заниматься.

Рамзя опустилъ свою голову и задумался. Когда же черезъ минуту онъ поднялъ се снова, глаза его стали еще свѣтлѣе, задумчивѣе и вротче. Онъ вздохнулъ, облегчающимъ грудь, глубокимъ вздохомъ и продолжалъ:

— Только не загубилъ я ни одной души человѣческой, и не уворовалъ тайно и подлю, яко тать въ нощи, ни у кого даже верха единого, а шелъ на прямую!... И все больше именемъ Христовымъ вымогалъ, потому наставить на путь истинный всегда желалъ, и ужъ рѣдко-рѣдко когда кистенемъ пригрозилъ—и то ужъ на такого прода, который многу пакость чинить, да еще тою пакостью похваляется и о имени Христовомъ въ соблазнъ вводитъ. Да и то самого потомъ за кистень-то совѣсть мучаетъ-мучаетъ—индо мѣста нигдѣ не найдешь.

И не было у меня разбору никому: господинъ ли ты, земской ли, священнаго ли ты званія, али воинъ, али нашъ же братъ мужикъ—это все едино... Памятовалъ я только одно: «все же вы братья есте. И отца не назовите себѣ на земли, единъ бо есть отецъ вашъ, еже на небесехъ». Одно слово: коли ты обидчикъ, лихонимецъ или тѣснитель—повиненъ еси! И никого я не опасался. Одно только, что жить ужъ мнѣ открыто на деревнѣ было нельзя, а принужденъ былъ больше по лѣсамъ скитаться—а лѣса-то мнѣ куды какъ милы вѣдь! либо у мужиковъ тайно притонъ имѣлъ, и то больше на зиму. Любили они меня, потому какъ и я ихъ всѣмъ сердцемъ своимъ и помышленіемъ возлюбилъ, и на пользу міру животъ свой радъ былъ положить.

И какъ прослышу, бывало, что такой-то господинъ избидѣлъ, къ примѣру, мужика своего, такъ я выберу часъ посподручнѣе—и шастъ къ нему! разузнавши на перво, какъ и чѣмъ избуженъ мужикъ.

— Войду такъ, чтобы не запримѣтилъ меня никто и чтобы онъ, значить, тревоги какой поднять не могъ. Войду, перво на перво, по обычаю, на образъ перекрещусь трижды, потомъ самому поклонъ, и говорю: «здравствуй, господинъ честной! я, молъ, Рамзя». Какъ узнаетъ онъ, что—Рамзя, такъ ажно и обомлѣетъ весь! Потому имя мое далече страшно было, и слухъ такой обо мнѣ повсюду прошелъ, что золь человѣкъ имени одного моего трепеталъ и слышать не могъ.

«Такъ и такъ — говорю, бывало — ты, мошь, мужичка своего тѣмъ-то и тѣмъ избидѣль».

— Грѣшенъ, говорить, избидѣль.

«А коли такъ, подавай мужику те, чѣмъ избидѣль ты его». Ну, и прочту тутъ ему натащью-то эту... А который шумъ подымать захочеть, да заупрямится, такъ ты ему вистенешъ пригрозишься—ну, и примолкнетъ...

Возьму деньгами съ него, сколько тамъ понадобится, а не то хлѣбомъ, или скотинкой, глядя по тому, чѣмъ избидѣль. Ну, и отдасть, и не веречить; такъ и проводить съ поклономъ. На глазахъ у всей дворни проводить вѣдь!—вотъ оно что!... И хоть бы кто пальцемъ тронулъ — ни одинъ! потому, значить, дворня чувствовала и любила меня по простотѣ. Муки, бывало, куля три отложу, такъ вѣдь, что бы ты думалъ?—подведу дасть и челоуѣку еще проводить прикажетъ. Вотъ каковы-то дѣла дѣлавались!

Такимъ-то родомъ всѣ и боялись меня, а мужику благодарствовали.

Денегъ водилось у меня много, только не про себя, а держалъ больше про тотъ случай, какъ понадобится кому, такъ чтобы тутъ же ему и помочь безотмѣнно. На себя же ни единой копейки, ни единого зерна не потратилъ, а кормили Бога-для люди добрые; они же и одѣвали, и обували доброхотно, у кого отъ достатковъ своихъ хватало; а коли нѣтъ—я не спрошу, и кожу себѣ въ чемъ Богъ сподобилъ. И не одну зиму студеную въ дыравомъ запушишкѣ зубами прощелкалъ, иначе же ничего: живъ и здоровъ, потому нутро у меня крѣпкое. Спать же, на то Господь и испытаніе челоуѣку посылаетъ.

Но такъ-какъ чувствовалъ я, что рукомѣсло мое, съ одного бова все-таки непохвальное, такъ я старался тѣло свое извурять стужей и гладомъ, и молитвою — тѣмъ и въ печали своей облегченіе получалъ...

Такимъ-то способомъ, девять лѣтъ промышлялъ я — до прошлой зимы, пока не изловили меня.

Сталъ ужъ больно лютъ я обидчикамъ нашимъ, и положили они на томъ, чтобы духу Рамзи не было. Такимъ-то манеромъ, исправникъ Глотовъ образъ со стѣны снималъ, что ужъ во что ни стало бы, а изловить меня, живаго или мертваго, безпремѣнно — ну, и изловилъ...

Была у меня мазанга въ лѣсу — дѣло-то зимой было. Сплю я

это въ мазанкѣ, и вижу такой странный-престранный сонъ, будто лики небесные невидимо поють: «блаженни плачущіе, яко тѣи утѣшатся», а я невѣсть гдѣ обрѣтаюсь, и за облакомъ распознать ничего не могу... И вдругъ, вельми громкій гласъ съ небеси возглашаетъ: «воспрани отъ сна, рабе Авиме! се, часть твоя приблизися!»

И воспрянулъ я, и тутъ же восчувствовалъ, что нынѣ бытъ мнѣ взыту. Перекрестился — да будетъ по слову твоему! — и вхожу изъ мазанки, чтобы волю господню на счетъ себя исполнить — гляжу, а тутъ исправникъ съ командой вѣнской. Я поклонился, да прямо и пошелъ къ нимъ: я, молъ, Рамза. Тутъ меня взяли; потомъ въ острогъ, съ годъ таскали по разнымъ мѣстамъ, по слѣдствіямъ да по судамъ, валили на меня то, чего и во снѣ-то мнѣ не грезилось — это все вѣроги-то; а теперь, вотъ, багъ самъ видишь: въ семъ видѣ, межъ вами обрѣтаюсь. Вотъ и вся моя исторія...

Конечно, кабы жилъ я въ свое токмо удовольствіе, такъ ничего бы этого не было; жилъ бы я на селѣ, и самъ бы всякое безобразіе чинилъ, и потакалъ ему... Конечно, не наше дѣло самимъ творить судъ и расправу, да вѣдь и то же опять вспомнить надо, что въ писаніи сказано: «всякое убо древо, еже не творить плода добра, посѣбають є и во огнь вметають — тѣмъ же убо отъ плода ихъ познаете ихъ». Ну, да авось, богъ-дасть, все перемѣнится! Слышно, мужикамъ царская воля, не нынче-завтра выйдетъ, стало бытъ, моему дѣлу скончаніе пришло. Я такъ понимаю. Пословица говорить: все перемелится — мука будетъ, да недаромъ же и самъ Христось-то сказалъ: «мнози же будутъ перви—послѣдніе, а послѣдни — первии». Когда же нибудь и это время настанеть.

— Ну, да вѣдь много, чай, и тебѣ претерпѣть-то пришлось? раздумчиво замѣтилъ Облако.

— А мнѣ чтó терпѣть? съ силой глубокаго убѣжденія возразилъ Рамза: — мнѣ терпѣть нечего. Сказано: «не убойтеса отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити» — стало бытъ, тутъ и терпѣть-то нечего.

ХІ.

Выводъ изъ предъидущихъ главъ.

Кто бъ ни былъ ты, мой читатель — лицо ли властное и вліятельное, филантропъ, или нравовзучатель, или же, наконецъ,

просто такъ-себѣ, частный человекъ; но еслибы тебѣ пришла охота посѣтить тюремный замокъ, ради ли простого любопытства, или съ какой-нибудь предвзатою цѣлью — ты ничего не увидишь тамъ, кромѣ внѣшней, официальной обстановки, да блѣдно-сѣрыхъ, дрябловатыхъ лицъ арестантскихъ. Поразить тебя тяжелый воздухъ, остановить вниманіе нѣсколько характерныхъ, достопримѣчательныхъ фizioномій, взглянувъ на которыя, ты, подъ вліяніемъ новаго для тебя впечатлѣнія, конечно, не замедлишь, съ проникательнымъ видомъ, воскликнуть: «какой отъявленный, записной злодѣй! по лицу уже видно!» — и что же? почти навѣрное ошибешься, потому что, можетъ быть, двѣ трети поразившихъ тебя фizioномій будутъ принадлежать очень добрымъ, мирнымъ и честнымъ людямъ, попавшимъ сюда случайно, въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Конечно, есть исключенія; но въ большинствѣ своемъ, фizioноміи самыхъ тяжелыхъ злодѣевъ, кромѣ тупой апатіи, или голой животности съ какимъ-то отгнкомъ разврата — ничего болѣе не выражаютъ, ибо мрачно-картинныя, такъ-сказать, академически-злѣдѣйскія фizioноміи, суть величайшая рѣдкость.

Какъ бы ни напрягалъ ты свое вниманіе и свою наблюдательность, желая проникнуть въ *суть* тюремной жизни, тюремнаго быта, тюремныхъ нравовъ — тебѣ едва-ли удастся подмѣтить какую либо дѣйствительно-характерную, существенную черту. При обходѣ твоемъ, равно какъ и при обходѣ каждаго начальственнаго, или филантропическаго посѣтителя, все будетъ обстоять благополучно, и благодѣтельный порядокъ будетъ царствовать — словомъ, тебѣ останется только умилиться духомъ твоимъ, посѣтовать, пожалуй, о «несчастныхъ» и затѣмъ — увязать-себѣ съ богомъ, на чистый воздухъ. Внутренняя *суть*, то-есть все то, что ревниво укрывается отъ официальныхъ взоровъ начальства, для тебя останется неизвѣстно, оборотной стороны медали ты не увидишь, потому арестантъ — человекъ скрытный, и поболѣе тебя проникательный (неволя учить), человекъ себѣ на умѣ и, стало быть, вѣчно насторожѣ. И такъ, посѣщая ты тюрьму хоть десять разъ сряду, хоть и больше, тебѣ, волей-неволей, придется отложить всякое попеченіе: все и всегда передъ тобой, повторяю, будетъ обстоять благополучно.

А между тѣмъ, это — цѣлая жизнь; цѣлый своеобразный міръ кроется подъ оборотной стороной медали: здѣсь найдется своя исторія, свои преданія, пѣсни, сказки, пословицы, свои нравы и

законы, свой языкъ, который нѣсколько отличается отъ языка «вольныхъ» мошенниковъ, и наконецъ, своя тюремная литература, тюремное искусство.

Да, литература и искусство! Тутъ вращаются тюремныя пѣсни арестанта Симакина, рисунки образнаго чеванщика Нечевокина. Вотъ передо мною лежитъ теперь одна довольно толстая, отчетливо написанная рукопись: «Домъ позора. Панорама безъ картинъ и стеколъ. Тайныя записки арестанта. Соч. Г. Суцовскаго. Тюремный замокъ. 1863. Спб.»

Таково ея заглавіе. Вещь весьма оригинальная, тѣмъ болѣе, что будучи всецѣло созданіемъ тюрьмы, она совершенно наивно, непосредственно, хотя и весьма ярко передаетъ почти все нравственное мировоззрѣніе арестантовъ. Въ этомъ заключается ея главный интересъ. Читатель прочелъ уже изъ нея маленькій отрывокъ въ стихахъ «о зеленомъ садикѣ» (*). Конечно, цѣль этой вполне изолированной литературы, пословицъ и сказокъ и менѣе изолированныхъ пѣсней весьма невелика и немногобразна; но тѣмъ не менѣе, онъ есть, онъ существуетъ, онъ, какъ органическій продуктъ нашей тюрьмы, отражаетъ въ себѣ ту нравственную сторону жизни и души заключенника, которую не раскроютъ никакія формальныя слѣдствія, никакія присяги съ увѣщаніемъ и безъ онаго.

Въ самомъ дѣлѣ, странная эта нравственная сторона, и невольно призадумаетесь надъ нею. Какойнибудь старый жиганъ Дрожинъ, на шестомъ десяткѣ готовящійся къ третьему пѣшеходно-кандальному путешествію въ Сибирь. Поневолѣ остановившись надъ такою личностію. Вся жизнь человѣка проходитъ въ томъ, что онъ бѣгаетъ изъ какой-то необъяснимой любви къ бѣгамъ, изъ смутной, инстинктивной жажды «воли вольной». И онъ не жетъ, когда говорить, что въ этомъ только всѣ вины его государскія заключаются. Братъ ему нечего, потому что сидѣльце и бывалые арестанты любятъ скорѣе наклепать на себя въ камерѣ какое нибудь небывалое и непремѣнно жестокое преступленіе, ради пушлага значенія межъ товарищами, чѣмъ прикидываться смиренниками и «ничевѣшными». Человѣкъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ежегодно рискуетъ своею спиной, мало того — рискуетъ умереть голодною

(*) Вслѣдствіи, въ отдѣльных, самостоятельныхъ статьяхъ, авторъ найдетъ гораздо ближе и основательнѣе познакомить читателя какъ съ воровскимъ языкомъ, такъ и съ тюремной литературой, при чемъ главную роль будетъ играть интересная рукопись «Домъ позора».

смертью, потонуть въ Байкалѣ, быть растерзану звѣремъ лю-
 тимъ — и все-таки бѣжить. У много съ бѣгами соединяется на-
 дежда на что нибудь, на перемиѣнѣ состоянїя, что ли; у Дрожи-
 на ничего этого нѣтъ: онъ бѣжить для того, чтобы только бѣ-
 жать. Чтѣ это за странная потребность? Какъ хотите, но—потреб-
 ность чисто-психологическая, а можетъ быть—и психиатрическая,
 и притомъ весьма-таки сродная русскому человѣку. Вѣдь Дро-
 жинъ не одинъ—Дрожинныхъ цѣлыя сотни, если не тысячи. Не жи-
 вется на мѣстѣ: въ лѣсѣ таятъ; въ лѣсу поймають, затѣмъ
 обычная судейская процедура, затѣмъ, бывало, спину всполосуютъ.
 И вотъ, дополосовался человѣкъ до дикой, неестественной, чудо-
 вищной любви къ плети, до сладострастья истязанїй. Фактъ не-
 вѣроятный, а между тѣмъ, все-таки, къ сожалѣнїю, фактъ. Въ
 немъ сильно развиты какіе-то своего рода кровожадные инстинк-
 ты: онъ съ наслажденїемъ, дилетантически любитъ на пытку
 человѣка, наслаждается воплями страданья. Вѣдь казалось бы, это
 извергъ, чудовище, въ которомъ ничего нѣтъ человѣческаго—не-
 правда: какъ бы ни былъ нравственно безобразенъ, онъ все-таки
 человѣкъ. Тотъ же самый жиганъ, когда рассказываетъ про свои
 палестинны забугорныя, вспоминаетъ мрачную поэзію своихъ бѣ-
 говъ—человѣкомъ становится. Тотъ же самый жиганъ, больной и
 голодный, стало-быть въ томъ положенїи, когда каждое существо
 наиболѣе склонно къ эгоизму и самохраненїю—волочилъ на себѣ
 дѣлїй день умирающаго товарища потому только, что человѣка
 пожалѣлъ въ немъ. Онъ же смягчается на мгновенїе, когда услы-
 шалъ короткій рассказъ Степки Бочарика про дѣянья Рамзи. Въ
 немъ же заговаривають человѣческія струны, послѣ его пораже-
 нїя, при отходѣ въ больницу, при прощаньѣ съ Рамзею. Нѣтъ,
 старый жиганъ все-таки человѣкъ и не совсѣмъ еще заглохли въ
 немъ хорошія движенья. Но онъ человѣкъ надорванный, порчен-
 ный, и бездна въ немъ привитаго, наноснаго варварства. Онъ до
 сихъ поръ еще не былъ убійцей, но легко можетъ имъ сдѣлать-
 ся—и по холодному расчету, и по наслажденїю убить человѣка.
 А какая причина тому? чтѣ изъ него выработало этакого звѣря?
 Полосованье, и только одно полосованье.

Замѣчательно то, что полосованные являются звѣрьми по пре-
 муществу; отъ нихъ это качество, какъ зараза, переходитъ ма-
 ло-по-малу на остальныхъ товарищей по заключенїю. Главная при-
 чина, стало-быть—общество; потомъ есть еще и другія, столь
 же, пожалуй, не маловажныя причины. Вообще, въ объективномъ

характеръ арестантовъ является странное сліаніе этого звѣрствъ съ чѣмъ-то дѣтскимъ, наивнымъ, довѣрчивымъ. Звѣрство же, само по себѣ, есть прямой продуктъ нашей, русской системы общаго заключенія. Понятно, почему первую роль въ камералъ играетъ физическая сила, здоровый кулакъ и прошлое арестанта: богатое ловкими приключеньями и, главное, отчаяннымъ злодѣйствомъ. Такой человѣкъ, который и въ тюрьмѣ готовъ рѣшиться на все, что угодно, которому нипочемъ дальнѣйшая его судьба всегда становится большакомъ не только по своей камерѣ, но и по всей тюрьмѣ. Онъ играетъ первую роль, пользуется общимъ уваженіемъ и почти безусловнымъ вліаніемъ на нравственную, не показную оффиціально сторону арестантовъ, которые, въ маскѣ своей, необыкновенно склонны подчиняться вліанію силы. Читатель видѣлъ уже, какъ слѣдила вся камера за исходомъ борьбы Дрожина съ Рамзею и какъ подчинилась она силѣ и авторитету послѣдняго, тотчасъ же послѣ окончанія единоборства. Но Рамзи попадаются очень и очень рѣдко, чаще же всего господствуютъ по камерамъ Дрожины—ну, а каковъ попъ, таковъ и приходъ, по пословицѣ. Рядомъ съ этимъ вліаніемъ идетъ общее озлобленіе арестантовъ на свое незавидное положеніе, лишеніе свободы и наконецъ, на суды, на эту часто невозможную медленность рѣшеній (*). Есть примѣры, что сидятъ по семи, восьми и болѣе годовъ. Эти уже на столько свыкаются со своей жизнью, что имъ даже тюрьма успѣетъ полюбиться; и вотъ они уже сами начинаютъ всячески затягивать дѣло, отдаляя срокъ рѣшенія, лишь бы только не разставаться со своимъ «дядинимъ домомъ». Бѣлая часть дѣлали это тоже изъ страха плетей и длинной Владимірки. Вообще же, арестантъ, недавно посаженный, томится своей неволей, томится до болѣзненной тоски, на которую, разумѣется, никто не обращаетъ вниманія, томится до ожесточеннаго сдавленнаго озлобленія. На комъ всего безопаснѣе сорвать свое зло?—Конечно, на своемъ же братѣ, арестантѣ, и пуще всего, на новичкѣ, съ которымъ еще не опредѣлились нравственныя связи и отношенія. Отсюда и вошли въ обыкновеніе ихъ игры, звѣрски-жестокія и полныя возмутительнаго цинизма, которыя служатъ имъ

(*) Все это господствовало при прежней системѣ судопроизводства и, вѣроятно, уничтожится при системѣ новой, тѣмъ болѣе, что въ данную минуту правительство обратило вниманіе на существенное преобразование нашихъ тюремъ, имѣя въ виду настоящіе ихъ недостатки.

однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій, представляя собою своего рода зрѣлища, спектакли.

Въ тюрьмѣ вѣдь скука смертная, работы почти никакой; а табачное отдѣленіе и совѣтъ отъ нея избавлено. Это называется строгостью присмотра за «тяжкими» преступниками. Сидятъ-сидятъ-себѣ люди въ полнѣйшей праздности и бездѣйствіи—ну, и точно, бѣсятся со скуки, болокозь лютятъ, падыто шьютъ, покойника отпѣвають. Эта праздная скука доводитъ иногда до весьма печальныхъ результатовъ. Вотъ примѣръ: однажды изъ она былъ пушенъ «дождевикъ» въ одного изъ тюремныхъ начальниковъ. Къ счастью, булжникъ только сильно контузилъ его. Но какъ вы полагаете, ради чего былъ пушенъ камень? Одинъ арестантъгъ подержалъ со скуки пари съ пріятелемъ, на полтинникъ, что онъ убьетъ «дождевикомъ» перваго, кто пройдетъ, въ подходящемъ разстояніи, по двору. Скука убиваетъ на пари, за пятьдесятъ копеекъ, безъ мести, безъ злобы, перваго попавшагоса человѣка! Вѣдь ужъ это, какъ хотите, фактъ такого аномалическаго свойства, который прямо указываетъ человѣку мѣсто не въ тюрьмѣ, а въ больницѣ умалишенныхъ.

Прямой результатъ изъ всего этого—лѣнь, отвычка отъ работы, затѣмъ уже идетъ боязнь труда и, наконецъ, неспособность къ труду. Выпустить изъ тюрьмы съ волчьимъ видомъ—что дѣлать? Легче всего — воровать. И это тѣмъ болѣе сподручно, что арестантъ въ тюрьмѣ необходимо пріобрѣлъ всѣ нужны знакомства, теоретическое знаніе дѣла, юридическую снаровку въ казуистикѣ полицейскихъ и судейскихъ формальностей—словомъ, все, чтобы сдѣлаться отпѣннымъ воромъ. Недаромъ же вѣдь тюремные мазы почитаются высшими мазами, а самъ «дядинъ домъ» слыветъ у воровъ «мазовой академіей».

А результаты гигиеническіе?—Разстройство груди, тюремный тифъ, скорбутъ и неестественный тайный развратъ и порокъ, явно убивающій душу и тѣло.

Удивляются иные добрые, филантропическіе люди, почему это достаточно пробыть въ тюрьмѣ весьма незначительный срокъ, чтобы человѣкъ слабохарактерный, или безъ предварительной и прочной закваски нравственной, вышелъ оттуда формальнымъ негодяемъ, готовымъ на каждый низкій поступокъ и преступленіе? Удивляются добрые, филантропическіе люди и находятъ это страннымъ;—потому, кажется, и заботы надлежащія о нравственности арестантской они прилагаютъ, и въ церковь-то арестантовъ го-

няютъ, пастырѣ поученія читаетъ имъ, книжки душеспасительныя и назидательныя выдаетъ на руки. Нѣтъ, хоть что хочешь, ни что не беретъ!—Книжекъ этихъ арестанты почти не читаютъ, а читаютъ свои, «которыя позанятнѣе», поученій уразумѣть не хотятъ—вообще народъ къ религiи холодный, хотя промежъ себя и вѣруетъ въ Бога—и къ пастырямъ особеннаго довѣрiя не оказываютъ.

— Ты гляди, на исповѣди не открывайся, учать они своихъ новичковъ:—неравно потомъ бѣды какой не вышло бы: вѣдь онъ для того и наручниковъ не надѣваетъ.

Вотъ и поди тутъ съ ними!

А между тѣмъ, какойнибудь Акимъ Рамзя однимъ своимъ взглядомъ, однимъ своимъ словомъ, смѣло-прямымъ, хоть и негромко сказаннымъ, сразу повліяетъ въ тысячу разъ болѣе и благотворнѣе, чѣмъ всевозможныя поученія и предупредительно-нравственныя мѣры — «потому свой братъ, а не начальство», говорятъ арестанты.

Но, повторяемъ, Рамзя — очень рѣдкое исключеніе и, единственно благодаря его вліянію, Иванъ Вересовъ не сдѣлался негодяемъ и успѣлъ сохранить свои честныя начала. Сама судьба какъ будто послала тутъ на выручку крѣпкаго человѣка Рамзю, а безъ того бытъ бы ему неповинною жертвою нашей системы общаго заключенія. Впрочемъ, и наше одиночное вполнѣ стоитъ общаго, если даже не почище его, хотя, конечно, въ другомъ совершенно родѣ.

Но объ этомъ послѣ. Настоящая и безъ того уже длинная глава приняла неподходящій къ романамъ характеръ публицистической замѣтки. Я вижу, какъ хмурится лицо иного читателя, и потому спѣшу принести его благосклонности мое чистосердечное извиненіе.

Вояволодь Крестовскій.

О ДАНТЕ (*).

По поводу шестисотлѣтняго юбилея.

Статья первая.

Наступившій 1865 годъ имѣетъ особенное и торжественное значеніе для Италіи. Онъ вызываетъ величавое воспоминаніе, довершаетъ великое событіе, упрочиваетъ славную судьбу.

Онъ вызываетъ воспоминаніе о Данте, шестисотлѣтній юбилей котораго приготовляются праздновать. Онъ довершаетъ событіе, заключающееся въ выполненіи желаній и пророчествъ великаго поэта. Онъ упрочиваетъ судьбу итальянскаго народа.

Данте Алигieri, родившійся во Флоренціи, но умершій въ изгнаніи, первый поднялъ знамя итальянскаго единства. Это единство онъ провозгласилъ, проповѣдывалъ и силою своего слова и ума заставилъ отечество трудиться надъ его осуществленіемъ. И нынѣ, на разстояніи двадцати поколѣній, итальянцы, тѣсно столпившись вокругъ своего короля, передъ изображеніемъ Алигieri, у подножія его памятника своими доблестями увѣнчиваютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи фактовъ: торжество итальянской національности посредствомъ сліянія въ одно общее и цѣлое законовъ и политикъ страны и перенесенія ея столицы. И такъ этотъ мечтатель былъ правъ! Этотъ, по словамъ Вольтера, безумецъ, — является нынѣ мудрецомъ! Его мечта оказывается пророчествомъ, его безуміе — системой, его книга — оракуломъ.

Но подобное торжество не можетъ ограничиться берегами Арно или остаться въ предѣлахъ Апеннинскихъ горъ: такіа событія находятъ себѣ отголосокъ въ цѣломъ мірѣ и составляютъ эпоху въ прогрессивномъ ходѣ общества. И Россія, подобно Англии и Фран-

---

(*) Статья эта есть извлеченіе изъ моего болѣе обширнаго труда; нѣкоторые выписки изъ поэмы переданы мною въ известномъ переводѣ г. Мина, другія же я представляю читателю въ прозѣ, которая, равно какъ и переводъ самой статьи, принадлежатъ г-нѣ С. Н. — *М. Пинто.*

ціи, подобно Германіи и другимъ странамъ, куда проникло образование, въ славный день рожденія Данте, безъ сомнѣнія, огласится его именемъ.

Прошло шесть вѣковъ; двадцать поколѣній исчезло съ лица земли, источникъ прежнихъ силъ изсякъ, лучи новой цивилизаціи измѣнили все: науку, нравы, обычаи, общество и политику, многіе поэты, славные въ свое время, замокли на вѣѣ, а Данте Алигieri, этотъ гигантъ среднихъ вѣковъ, продолжаетъ стоять твердо, плѣняя слухъ всего образованнаго міра чудной гармоніей своего стиха и поражая умъ мыслящихъ людей могучимъ полетомъ своего генія.

Цѣль, къ которой онъ стремился, состояла въ религіозной и гражданской реформѣ и въ политическомъ возрожденіи Италіи. Но сначала народъ оставался глухъ къ призыву великаго поэта, и только по мѣрѣ того какъ время оправдывало его пророчества, какъ мысль его, проходя вѣка, разрабатывалась и уяснялась людямъ, они начинали съ благоговѣніемъ передъ нимъ преклоняться и признавать въ немъ своего вождя.

Вообще славѣ Данте суждено было пройти черезъ многіе фазисы. При жизни изгнанникъ, онъ тотчасъ послѣ смерти сдѣлался предметомъ поклоненія своихъ соотечественниковъ, и *Божественную комедію* начали читать въ церквахъ и изяснять съ каедръ. Но впечатлѣніе, производимое этими чтеніями, было столь сильно, что возбудило опасенія духовенства и побудило приверженцевъ папской власти написать на нее комментаріи. Вслѣдствіе этого мысль поэта явилась міру въ искаженномъ видѣ и проклатіе св. отца готово было пасть на всякаго, кто осмѣлился бы открыть ея настоящей смыслъ. Не мудрено, что съ тѣхъ поръ поэма Данте имѣла мало читателей.

Въ XV вѣкѣ изученіе классическихъ произведеній древности стояло на первомъ планѣ, а италіанскій языкъ и поэзія были въ пренебреженіи. Нѣсколько позже, въ блестящій вѣкъ Льва X, суровое и величавое произведеніе Данте не могло имѣть успѣха: оно находилось въ совершенномъ разногласіи съ распущенными нравами и изысканнымъ, черезчуръ утонченнымъ вкусомъ эпохи. Все XVII столѣтіе прошло въ полномъ забвеніи національнаго достоинства, а слѣдовательно и Данте — забвеніи, которое тщетно старались прикрыть геніемъ Галилея и школой имъ основанной.

Только около половины прошлаго столѣтія «Божественная комедія» снова начала обращать на себя вниманіе. Но по странному стеченію обстоятельствъ, ей пришлось тогда же испытать нападки іезуита Беттинелли и скептика Вольтера. Они оба жестоки

написанками встрѣтили яркое свѣтло, которое, снова восходя на горизонтъ итальянской литературы, уже начинало разгонять покрывавшую его тьму и, казалось, предвѣщало зарю новой и блестящей будущности.

Мы говорили уже выше, что Данте есть поэтъ реформы. Его стремленія, преимущественно выраженные въ книгѣ «О монархii» и въ «Божественной комедii», могутъ быть опредѣлены слѣдующими словами: *христианство* и *единство*: порядокъ нравственный и политическій — первый воздвигнутый на евангельскихъ истинахъ, чуждыхъ всякаго эгоистическаго интереса—второй, основанный на монархическомъ началѣ, которое одно, по мнѣнiю Данте, могло положить предѣлъ злоупотребленiямъ духовенства, анархiи партiй и муниципальному соперничеству, терзавшему Италию. Оно одно могло соединить страну въ одно цѣлое и сдѣлать ее сильной внутри и уважаемой извнѣ.

Любовь и горе были главными элементами, изъ которыхъ въ эпоху смутъ и волненiй сложилась величественная личность Алигieri. Любовь къ Беатриче и изгнанiе изъ Флоренциі были главными двигателями его умственныхъ силъ. Изъ любви къ Беатриче, говоритъ онъ самъ, «вылетѣла небольшая искра, которая разгорѣлась въ огромное пламя», и внушила ему «Божественную комедiю». Казалось бы, что смерть Беатриче должна была погасить это странное пламя и положить конецъ очарованiю. Но напротивъ: чувство, которое при ея жизни едва начинало пробуждать поэтическій даръ Данте, послѣ смерти ея, охвативъ все его бытiе, съ непреодолимой силой повлекло его къ избранной цѣли.

Изгнанiе довершило то, что начала любовь. Вдали отъ родины и отъ общественныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ болѣе не могъ принимать участiя, Данте исключительно предался любимому труду. Онъ, по своимъ собственнымъ словамъ, «долженъ былъ познать все, что было дорого его сердцу, испытать какъ горекъ хлѣбъ изгнанника и какъ тяжело всходить и спускаться по ступенямъ чужой лѣстницы» (*). Но за то генiй его, закаленный въ страданiяхъ и возбуждаемый негодованiемъ, достигъ высшей степени развитiя.

(*) Пѣснь XVII Раа.

Dovei lasciare ogni cosa diletta
 Più caramente, e questo è quello strale
 Che l'arco dell'esilio pria saetta:
 E provai poi siccome sa di sale
 Lo pane altrui, e com'è duro calle
 Lo scendere e'l salir per l'altrui scale.

(Par. C. XVII).

Его испитующій умъ не побоялся проникнуть въ вѣчность, и заимствовавъ свѣтъ въ самомъ его источникѣ, онъ озарилъ чело-вѣчество лучомъ истины.

Впродолженіе двадцати лѣтъ трудился поэтъ надъ воплощеніемъ своей идеи. Обширная рама его поэмы вмѣщаетъ въ себѣ трагедію, драму, комедію, апологъ и сатиру. Личныя неприязни Данте, его патриотическое негодованіе и великодушные порывы, нѣжныя воспоминанія о друзьяхъ и наставникахъ—все находитъ себѣ въ ней мѣсто и какъ-бы опоясываетъ ее рядомъ прелестныхъ барельефовъ. Всѣ отрасли человѣческаго знанія послужили ему матеріаломъ при созданіи его поэмы: исторія, философія, политика, богословіе, астрономія, искусства, ремесла принесли ему въ даръ свои сокровища, а поэзія открыла свой неисчерпаемый источникъ богатства.

Что касается до языка «Божественной комедіи», слѣдуетъ замѣтить, что когда Данте задумалъ свой громадный трудъ, то у него не было для выраженія мысли никакихъ другихъ средствъ, кромѣ испорченнаго латинскаго и еще неустановившагося народнаго нарѣчія. Того и другаго было слишкомъ недостаточно для удовлетворительнаго выполненія задачи. Онъ не могъ заключить свою необъятную мысль ни въ истлѣвшую уже раму древняго языка, ни въ узкія и грубыя формы новѣйшаго. Для выраженія новыхъ понятій понадобились новыя слова и образы, и Данте ихъ самъ создалъ. Онъ собралъ всѣ древніе и новыя элементы отечественнаго языка, очистилъ ихъ, оживилъ прикосновеніемъ своего гения, и идея его вылилась въ форму, нарочно для нея приготовленную. Вслѣдствіе этого «Божественная комедія» получила совершенно особенный характеръ, который не поддается ни переводу, ни подражанію, и составляетъ отчаяніе критики.

Три различные рода сочиненій соотвѣтствуютъ политическимъ, литературнымъ и ученымъ превратностямъ, которыхъ Данте былъ жертвою.

«Трактатъ о Монархіи» (*) есть родъ ученой теоріи народнаго права Италіи. Въ этомъ произведеніи Данте является политическимъ философомъ; онъ отыскиваетъ происхожденіе общества и силы, имъ управляющей, и приходитъ къ тому заключенію, что то и другое простирается изъ замысловъ самого Провидѣнія.

«Новая жизнь» (**), исповѣдь юности автора; такъ-называемыя *римы*; *мирическія произведенія*; *латинскія эклоги* и филологичес-

---

(*) De Monarchia.

(**) Vita Nuova.

кій трудъ о народномъ нарѣчїи (*) составляютъ чисто-литературныя произведенія Данте.

«Пиръ» (**) — книга, въ которой авторъ пытается сдѣлать доступнымъ какъ можно большому числу людей «привилегированный хлѣбъ науки».

Связокъ этикъ сочиненій заключается «Божественной комедїей», вѣнцомъ всѣхъ твореній Данте. Онъ написалъ ее среди тревогъ и волненій, и едва окончивъ ее, умеръ: задача его была выполнена.

Жизнь Алигьери такъ тѣсно связана съ событіями, въ его время волновавшими Италію, что для полнаго уразумѣнія его поэмы необходимо знать о нихъ нѣкоторыя подробности. Но сначала бросимъ взглядъ на колыбель и на любовь несчастнаго и великаго гражданина и поэта.

«Въ маѣ 1265 г. — говоритъ Петръ-Анджело Фіорентино — въ церкви св. Іоанна Крестителя во Флоренціи было принесено дитя для совершенія надъ нимъ таинства крещенія. Ему дали имя Дурранта Алигьери. Господь воснулъ его чела и ребѣнокъ, ставъ мужемъ, явилъ міру великія дѣла. Онъ сказалъ народу: «возстань!» и народъ внезапно воспрянулъ, страхнувъ съ себя прахъ, наложенный на него десятью вѣками варварства и невѣжества. Онъ сказалъ искусству: «иди впередъ» — и церкви, монастыри, кладбища украсились дивными произведеніями кисти и рѣзца. Его книга, новый залогъ надежды и славы, возвѣстила міру приближеніе нѣмыхъ и лучшихъ временъ. Его могучій голосъ, переходъ изъ рода въ родъ, воззвалъ къ будущности, и она ему откликнулась. Изъ одной изъ его мыслей возникъ Макіавели, одно изъ его словъ вдохновило Микель-Анджело.»

Отецъ Данте, послѣ битвы при Монтеаперто, долженъ былъ удалиться изъ отечества. Дворянинъ и ревностный гвельфъ, онъ происходилъ изъ древняго рода Каччіагвидо, родоначальникъ котораго былъ посвященъ въ рыцари Конрадомъ III и умеръ въ половинѣ XII вѣка. Альдигерія, дочь этого знаменитаго рыцаря, дала имъ всему семейству Альдигьери или Алигьери.

Данте очень рано лишился отца. Мать окружила его дѣтство самыми нѣжными попеченіями, и когда онъ сталъ приходитъ въ возрастъ, ввѣрила заботу о его воспитаніи Брунетто Латини, одному изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, извѣстному ученому, философу и поэту. Ученикъ оказался вполне достойнымъ учителя. Боккаччо говоритъ, что Данте и тогда уже выказывалъ столько проникательности ума, разсудительности, силы

(*) De vulgari Eloquentia.

(**) Il Convito.

воли и такую зрѣлость мысли, что съ тѣхъ поръ можно было предвидѣть его будущую славу.

Данте прилежно изучалъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и древнюю философію, съ жаромъ читалъ латинскихъ авторовъ и собиралъ, гдѣ могъ, остатки греческо-римскаго образованія. Его любимой книгой его въ молодости была Энеида. Онъ питалъ къ ея автору, Виргилію, восторженную любовь и въ началѣ «Божественной комедіи» привѣтствуетъ его своимъ вождемъ, наставникомъ и авторомъ:

О, дивный свѣтъ, о, честь другихъ пѣвцовъ!
 Будь благъ ко мнѣ за долгое ученье
 И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ.
 Ты—авторъ мой, наставникъ въ пѣснопѣнь,
 Ты былъ одинъ, у коего я взялъ
 Прекрасный стиль, списавшій мнѣ хвалеенье (*).

Проникнувъ въ самыя глубокія тайны философіи, богословія, физики, медицины, геометріи, мнѣологій, исторіи, географіи, астрономіи и увлекаемый неутомимой дѣятельностью своего духа, Данте искалъ ему новой пищи въ области искусствъ. Слава художника ему улыбалась, и кромѣ поэзій, доставившей ему безсмертіе, онъ успѣшно занимался музыкой и живописью. Казелла, Одеризи, Чимабуэ, Джіотти помогали ему своими совѣтами, и Данте, въ благодарность, посвятилъ имъ въ Чистилищѣ нѣсколько прекрасныхъ стиховъ.

Итальянцы, подъ вліяніемъ своего жаркаго солнца и яркаго неба, развиваются очень быстро и сердце начинаетъ въ нихъ шевелиться очень рано. Богатая натура Данте почти на самомъ порогѣ жизни встрѣтила поэзію и любовь, и онъ постоянно въ нихъ почерпалъ мужество, которое поддерживало его въ изгнаніи и во всѣхъ печаляхъ, неразлучно сопровождавшихъ его впродолженіе всей жизни. Любовь Данте совершенно исключительная: это почти не что иное, какъ влеченіе генія къ его идеалу. Чтобы вполне съ ней ознакомиться, намъ слѣдуетъ прослѣдить за Данте шагъ за шагомъ въ его небольшомъ сочиненіи «Новая жизнь». Это—прелестный образчикъ семейнаго романа, который нынѣ въ такой большой модѣ. Обращаемся къ мастерскому из-

(*) Адъ. II. I.

Oh, degli altri poeti onore e lume
 Valgomi'l lungo studio e'l grande amore
 Che m'han fatto cercar lo tuo volume.
 Tu se'lo miò maestro e il mio autore.
 Tu se'solo colui, da cui io tolsi
 Lo bello stile, che m'ha fatto onore.

(Inf. Can. I).

веченію, сдѣланному изъ «Новой жизни» Делеклюзомъ, и занимаемъ изъ него небольшой отрывокъ.

«Во Флоренціи, въ началѣ весны, при открытіи майскихъ празднествъ, которыя обыкновенно справлялись съ особеннымъ торжествомъ, отецъ девятилѣтняго Данте повелъ его въ гости къ нѣкому Фолько Портинари. Тамъ, въ числѣ другихъ дѣтей, Данте встрѣтилъ дѣвочку, дочь хозяина, по имени Баче или Беатриче, которой едва минуло восемь лѣтъ. Оба маленькія существа, одаренныя преждевременною впечатлительностью, встрѣтились посреди дѣтскихъ игръ, понравились одно другому. Мальчикъ особенно, пораженный благородной красотой дѣвочки, унесъ о ней неизгладимое воспоминаніе.

«Годы текли своимъ чередомъ. Любовь молодого Данте, по-прежнему чистая и робкая, возростала по мѣрѣ того, какъ расцвѣтала красота Беатриче. Вполнѣ предавшись своимъ страстнымъ восторгамъ, онъ однако не переставалъ хранить скромное молчаніе. Тѣмъ не менѣе въ городѣ начали ходить слухи о его привязанности къ Беатриче. Тогда, желая отвлечь вниманіе любопытныхъ и дать другой оборотъ возникшимъ толкамъ, Данте воспользовался покетствомъ одной дамы, которая, стоя въ церкви недалеко отъ Беатриче, бросала на поэта многозначительные взгляды. Дѣлая видъ, будто онъ занимается этой особой, Данте написалъ въ ея честь нѣсколько стихотвореній.

«Слухи о мнимомъ непостоянствѣ поэта доходятъ до Беатриче и возбуждаютъ въ ней ревность. Желая показать ему, что она не одобряетъ даже и притворной вѣтренности, Беатриче отказываетъ ему въ поклонѣ. Наказаніе производить желаемое дѣйствіе: Данте сознаетъ свою вину и рѣшается никогда болѣе не впадать въ подобнаго рода проступки.

«Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ друзей Данте повелъ его на свадьбу, гдѣ онъ, встрѣтясь съ Беатриче, почувствовалъ столь сильное волненіе, что съ нимъ сдѣлалось дурно. Дамы, свидѣтельницы этой сцены, своими разспросами и насмѣшками до того усилили его смущеніе, что онъ принужденъ былъ удалиться домой. Впрочемъ, не столько докучливость гостей, сколько нападки самой Беатриче, неотстававшей отъ подругъ, причинили это необыкновенное волненіе. Съ сокрушеннымъ сердцемъ Данте упрекалъ ее въ нежеланіи понять, что она одна была причиною тревоги, которая, наполнивъ его сердце, такъ некстати отразилась на лицѣ.

«Съ этой минуты отбросивъ всякое притворство, онъ принялъ рѣшимость избрать даму своего сердца одну предметомъ своихъ гѣсноупнѣй, и эта рѣшимость внушила ему рядъ прелестныхъ

стихотвореній, которыя одни могли бы упрочить за нймъ славу поэта.

«Одно печальное обстоятельство придало новую силу его привязанности къ Беатриче. Фолько Портинари умеръ (*) и горе, неожиданно поразившее Беатриче, глубоко отозвалось въ сердцѣ ея вѣрнаго поэта. Внезапная смерть Фолько наводитъ Данте на горькія размышленія о ничтожествѣ человѣческой жизни, и его поражаетъ мысль, что подобная же участь можетъ постигнуть Беатриче во цвѣтѣ молодости, красоты и силъ. Мысли его, постоянно устремленныя на одинъ и тотъ же предметъ, начинаютъ путаться. Онъ погружается въ лихорадочный сонъ и ему кажется, будто онъ присутствуетъ при кончинѣ своей возлюбленной. Въ ужасѣ онъ старается произнести ея имя, и просыпается. Но ударъ уже былъ нанесенъ: сновидѣніе приняло всю силу пророчества и Беатриче получила въ его глазахъ новую прелесть и величіе.

«Облеченная въ скромность — говоритъ онъ — сіяющая красотой, она шествуетъ среди похвалъ, какъ ангелъ, сошедшій на землю для того, чтобы явить міру зрѣлище своихъ совершенствъ. Ея присутствіе пріятно поражаетъ взоры, одинъ ея взглядъ разливаетъ отраду въ сердцахъ. Тотъ, кто ее не видѣлъ, не можетъ понять всей сладости ея присутствія. Вокругъ нея витаетъ духъ любви и какъ будто шепчетъ душѣ: вздыхай!»

И поэтъ вздыхалъ, и каждый изъ его вздоховъ превращался въ нѣжные и чистые звуки, которые составляютъ одно изъ драгоценнѣйшихъ сокровищъ итальянской лирической поэзіи. Но въ то самое время, когда Данте настроивалъ свою лиру для новыхъ цѣснопѣній, струны ея внезапно порвались и голосъ его потухъ среди рыданій. Когда же онъ снова раздался, то въ немъ звучали торжественная важность и неизмѣримая печаль. Сонъ поэта сбился: не стало Беатриче. Она робкой ногой едва коснулась земли, какъ смерть оледенила ее своимъ прикосновеніемъ и положила предѣлъ свѣтлымъ мечтамъ поэта.

Этимъ оканчивается эпизодъ, самимъ Алигieri названный его первой любовью. Отнынѣ начинается новая жизнь, въ которой Беатриче, не переставая быть попрежнему пламенно-любимой дочерью Фолько Портинари, въ то же время незамѣтно превращается въ существо исключительно духовное и мало-по-малу сливается въ понятіяхъ поэта съ самою чистотою и высокою изъ средневѣковыхъ наукъ, съ богословіемъ или превѣчной мудростью. Пламенное воображеніе Данте переноситъ ее въ небеса, гдѣ она, возсѣдая въ лучахъ неугасимаго солнца, постоянно привлекаетъ его взоры.

(*) Фолько ди-Рикверо Портинари умеръ 31-го декабря 1289 г.

Беатриче была замужемъ за Симономъ ди-Барди. Она умерла въ 1290 г., едва достигнувъ двадцати-четырёхлѣтняго возраста. Умирая, она оставила мужу—незапятнанную репутацію, Данте—наслѣдство безграничной любви и чистыхъ воспоминаній.

Горе, такъ неожиданно поразившее Алигieri, было встрѣчено глубокимъ сочувствіемъ его соотечественниковъ. Вся Флоренція стремилась выразить ему свое участіе, знаменитѣйшіе граждане посѣщали его, красавицы самаго знатнаго происхожденія наперерывъ старались овладѣть его сердцемъ. Одна изъ нихъ успѣла привлечь на свою сторону мать Алигieri, который, послѣ продолжительнаго сопротивленія, наконецъ, рѣшился, въ угоду ей, вступить въ бракъ съ Джеммой, дочерью Манетто Донати (*). Но хотя внаслѣдствіи онъ и сдѣлался отцомъ многочисленнаго семейства (**), тѣмъ не менѣе, его супружеская жизнь далеко не была счастлива.

Корсо Донати, глава семейства, изъ котораго происходила Джемма, питалъ къ Данте глубокую ненависть. За то братья его, Форезе, и сестра, Пиварда, оставили въ душѣ поэта самое свѣтлое воспоминаніе.

Исторія Пиварды, или Рикарды, принадлежитъ къ самымъ трогательнымъ эпизодамъ «Божественной комедіи». Одаренная необыкновенной красотой, въ высшей степени набожная, она во цвѣтъ лѣтъ удалилась въ монастырь св. Клары во Флоренціи и произнесла обѣтъ, навѣки разлучившій ее съ міромъ. Корсо Донати стаялъ тогда во главѣ правленія города Болоньи и предназначалъ свою сестру въ супруги одному флорентинскому кавалеру, Рочеллино-делла-Тоза. Привыкнувъ деспотически управлять семействомъ и народомъ, онъ не терпѣлъ противорѣчій. Лишь только узналъ онъ о постриженіи Пиварды, какъ тотчасъ отправился во Флоренцію, съ шестью вооруженными товарищами ворвался въ монастырь св. Клары и похитилъ несчастную дѣвушку. Пиварда обратилась къ Богу съ горячей мольбой ниспослать ей смерть и такимъ образомъ избавить ее отъ страшной участи, которая ее ожидала. Молитва ея была услышана: она внезапно захворала и, нѣсколько дней спустя, умерла. Данте встрѣчаетъ ее въ раю, въ сферѣ духовъ, которые при жизни должны были, вопреки собственному желанію, нарушить обѣтъ, данный Богу (***).

Въ эпоху Данте Италия находилась въ томъ переходномъ состояніи, когда люди стремятся только разрывать настоящее, не

(*) Этотъ бракъ былъ заключенъ въ 1298 г.

(**) Дѣтей Данте звали: Піетро, Якопо, Габріелло, Алигерио, Елизео, Бернардо и Беатриче.

(***) Рай. П. III.

помышляя еще о новомъ зданіи, которое должно воздвигнуться на развалинахъ стараго. Оно пока живетъ только въ мечтѣ одного какаго нибудь избраннаго ума и можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ только другихъ поколѣній. Мысль Данте, проникнутая религіей и философіей, запечатлѣнная нравами его вѣка и тѣсно связанная съ природой и личными стремленіями самого поэта, заключала въ себѣ зародышъ новой цивилизаціи. Возникнувъ съ нимъ, она развивалась съ нимъ и посредствомъ него въ эпоху, которая едва начинала выходить изъ средневѣковаго мрака и хаоса, когда все имѣло громадныя размѣры и люди, безсильные противиться влеченію страстей, слѣпо имъ повиновались. Всѣ чувствованія: любовь и ненависть, великодушіе и месть, добродѣтель и пороки, благочестіе и цинизмъ, не зная границъ, порождали поступки поразительнаго величія или ужасающаго безобразія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, о которыхъ можно говорить или съ восторгомъ, или съ отвращеніемъ, но о которыхъ умалчивать нельзя.

«Божественная комедія» — поэма по преимуществу историческая. Въ ней исторія и литература дополняютъ и изъясняютъ одна другую. Спускаясь вслѣдъ за Данте въ адскую пропасть, буда смерть низвергаетъ тщеславіе и гордыню сего міра, или восходя съ нимъ по ступенямъ чистилища въ райскому блаженству, мы встрѣчаемъ не отвлеченныя или вымышленныя существа, а живыя и дѣйствительныя личности, которыя трепещутъ отъ истинныхъ ощущеній муки, надежды или счастья. И потому намъ предстоитъ хоть слегка коснуться событій, характеризующихъ эту полуварварскую, полугероическую эпоху, въ которую произошло столкновеніе двухъ цивилизацій. Одна изъ нихъ — древняя, источенная, медленно угасая, какъ за якорь спасенія упорно хваталась за классическія развалины Рима и Аѳинъ. Другая — новая, сильная и богатая надеждами, съ благоговѣніемъ преклоняясь на Форумъ и въ Пантеонъ передъ остатками уже исчезнувшаго міра, разрушала феодализмъ и съ довѣріемъ опиралась на символы религіи, исполненной истины и любви.

Италія, которая въ началѣ XII вѣка управлялась сама собою и находилась почти въ совершенной независимости отъ имперіи, подвергалась опасности лишиться своихъ правъ. Фридрихъ-Барбароса, коронованный въ императоры папой Адрианомъ IV (*), уничтожилъ въ вольныхъ городахъ званіе консуловъ и замѣнилъ ихъ судьями, которыхъ самъ избиралъ. Семь разъ посылалъ онъ въ Италію многочисленныя войска и разрушилъ Миланъ, не оста-

(*) 18-го іюня 1155 г.

внѣ въ немъ камня на камнѣ, на подобіе тѣхъ провлятыхъ городовъ, о которыхъ говорится въ св. писаніи. Данте, воспламененный негодованіемъ, влагаеть въ уста Зено Веронскаго слѣдующія слова, исполненныя горькой ироніи:

«Я былъ аббатъ монастыря Сан-Зено въ Веронѣ и жилъ въ царствованіе добраго Барбаросы, о которомъ Миланъ и понынь хранитъ тревожное воспоминаніе» (*).

Весь цвѣтъ молодѣжи палъ на полѣ брани; восемьдесятъ тысячъ дѣтей, женщинъ и стариковъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, принуждены были удалиться изъ отечества.

Но героическія усилія ломбардскаго союза, послѣ достопамятной битвы при Леньяно, даровали Италіи констанскій миръ и торжественно водворили въ ней новое общественное право (**). Виродженіе пятнадцати лѣтъ ничто болѣе не угрожало независимости вольныхъ городовъ и не стѣсняло свободы, которая была возвращена имъ. Но тѣмъ не менѣе пламя войны, на минуту сдержанное, несовсѣмъ потухло и ожидало только малѣйшаго повода, чтобы снова вспыхнуть и разгорѣться огромнымъ пожаромъ. Спокойствію и порядку страны постоянно угрожало высокоуміе дворянъ, раздраженныхъ потерей своихъ привилегій, и неудовольствіе народа, который не могъ простить дворянамъ ихъ стремленія къ господству. Смерть Генриха IV, возбудивъ духъ партій, послужила предлогомъ къ возобновенію жестокой борьбы. Гвельфы и гиббеліны, каждае со своей стороны, избрали ему преемника. Одинъ изъ нихъ, Филиппъ I, вскорѣ палъ жертвою личной мести, а соперникъ его, Отгонъ IV, поддерживаемый Инокентіемъ III, успѣлъ вступить на императорскій престолъ. Но едва достигнувъ верховной власти, онъ объявлялъ себя противникомъ папы, занялъ Романью и приготовлялся идти на Неаполь. Тогда Инокентій III противопоставилъ ему опаснаго врага въ лицѣ Фридриха II, короля Обѣихъ Сицилій, сына Генриха IV и супруга прекрасной и знаменитой Констанціи.

Дочь Роже Нормандскаго, перваго короля Апуліи и Сициліи, Констанція, чувствуя влеченіе къ монашеской жизни, съ раннихъ лѣтъ посвятила себя Богу. Но, несмотря на произнесенный ею обѣтъ, она принуждена была покинуть палермскій монастырь, который избрала себѣ убѣжищемъ, и вступить въ бракъ съ Фридри-

(*) Част. Пѣс. XVIII.

J'fui Abate in San Zeno a Verona,
Sotto lo imperio del buon Barbarossa,
Di cui dolente ancor Melan ragiona.

(Pur. Can. XVIII).

(**) 25-го іюня 1183 г.

Т. СЛX. — Отд. I.

хоть. Того требовали политическіе расчеты, вслѣдствіе которыхъ Констанція, принесла своему супругу въ приданое Неаполь и Сицилію, водворила тамъ Швабскую династію. Пикарда Донати говоритъ о ней Данте въ третьей пѣснѣ «Рая»:

«А эта новая слава, которую ты зришь направо отъ меня — что я говорила о себѣ, то самое и къ ней относится. Она была сестрой-монахиней, но священныя покрывы были сорваны съ ея главы. Возвращенная міру посредствомъ насилія и вопреки собственному желанію, она въ сердцѣ постоянно оставалась вѣрной произнесенному обѣту. Это—слава великой Констанціи, которая была супругой втораго государя изъ горделиваго дома Швабинъ и произвела на свѣтъ его третьяго и послѣдняго отпрыска» (*).

Впродолженіе всего царствованія Фридриха, Италия представляла печальное зрѣлище обширнаго поля сраженія, на которомъ раздавались крики двухъ враждующихъ партій, гвельфовъ и гиббелиновъ. Разказы объ ужасныхъ кровопролитіяхъ, описанія опустошенныхъ городовъ, разрушенныхъ замковъ и обращенныхъ въ пепель жилищъ мирныхъ гражданъ—вотъ все, что мы находимъ въ исторіи этого грустнаго періода времени. Римскій епископъ въ теченіе трехъ вѣковъ мало по малу исчезалъ подъ царской мантией, и свѣтскій властитель, наконецъ, совершенно заступилъ мѣсто духовнаго пастыря. Великая демократическая и антифеодалная идея, которая навела Григорія VII на мысль о міровой ееокраціи, была обращена его недостойными преемниками въ орудіе для осуществленія ихъ корыстолюбивыхъ плановъ.

Политика ихъ и всѣхъ клерикаловъ состояла въ томъ, чтобы возбуждать народъ противъ бароновъ, бароновъ противъ королей, королей противъ императора. По окончаніи борьбы папы принимали всегда сторону побѣжденнаго, ободряли его совѣтами и помощью и возбуждали его на новую борьбу съ побѣдителемъ.

(*) Рай. Пѣс. III.

E quest'altro splendor, che ti si mostra
Dalla mia destra parte, e che s'accende
Di tutto il lume della sfera nostra,

Ciò ch'io dico di me di sè intende:
Sorella fu, e così le fu tolta
Di capo l'ombra delle sacre bende.

Ma poi che pur al mondo fu rivolta,
Contro suo grado e contra buona usanza,
Non fu dal vel del cuor giammai disciolta.

Quest'è la luce della gran Costanza,
Che del secondo vento di Soave
Generò il terzo, e l'ultima passanza.

(Par. Can. III).

Тѣмъ самымъ постоянно ослабляя и разоряя Италію, духовенство собирало повсюду обломки падающихъ величій и на нихъ воздвигало зданіе своего двойного могущества.

Приверженцы папы, угадавъ послѣднюю мечту престарѣлаго Фридриха, который надѣялся, посредствомъ сліянія двухъ династій, соединить Италію въ одно могущественное государство, устремили всѣ свои усилія на то, чтобы не допустить осуществленія этой мечты. Они поспѣшили овладѣть наслѣдникомъ швабско-нормандскаго дома въ надеждѣ сдѣлать изъ него свое орудіе, извлечь изъ него всевозможную пользу, и потомъ разбить его. Но благородный и твердый характеръ молодаго Фридриха II, который тщательно воспитывался подъ опекой папы Иннокентія III, скорѣ разрушилъ надежды клерикаловъ. Другъ и покровитель ученыхъ, артистовъ и поэтовъ, одаренный высокимъ умомъ и рѣдкой независимостью нрава, Фридрихъ не могъ и не хотѣлъ безпрекословно подчиниться вліянію римскаго двора. Его пылкое и великодушное сердце влекло его къ самостоятельной и болѣе полезной дѣятельности. Воинъ, законодатель и поэтъ, онъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ личностей среднихъ вѣковъ.

Римъ, который надѣялся воспитать себѣ въ немъ приверженца и защитника, испугался неожиданной смѣлости его поступковъ, и поспѣшилъ воздвигнуть на его пути неопределимыя преграды. Клерикалы возбуждали противъ него фанатизмъ монаховъ, разжигали къ нему ненависть германцевъ, и жителей итальянскихъ республикъ, и подстрекали къ измѣнѣ слугъ. Они даже старались подкупить секретаря Фридриха, Піетро делле-Виньи, съ тѣмъ, чтобы онъ его убилъ. Не щадя никакихъ средствъ, они для окончательнаго пораженія своего противника, созвали соборъ и воспылая ему одно проклятіе за другимъ, наконецъ, достигли своей цѣли, и не допустили осуществиться соединенію Италиі въ одно независимое государство.

Фридрихъ не вынесъ всѣхъ этихъ оскорбленій и преслѣдованій. Онъ вступилъ въ открытую борьбу съ церковью, изгналъ изъ своего королевства всѣхъ доминиканцевъ и кордильеровъ, и въ припадкѣ гнѣва, приказалъ выколоть глаза Піетро делле-Виньи, котораго подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Несчастный секретарь, въ отчаяніи разбилъ себѣ голову о стѣны своей тюрьмы. Съ достовѣрностью неизвѣстно, справедливы или нѣтъ обвиненія, взводимыя на Піетро делле-Виньи. Вся его предыдущая жизнь и неоднократно на дѣлѣ доказанная преданность королю, котораго онъ былъ гораздо болѣе другомъ, нежели слугою, скорѣ ихъ опровергаютъ, нежели подтверждаютъ. Данте взялъ на себя трудъ оправдать

его въ глазахъ потомства. Вотъ что говорить самъ Пьетро делье-Виньи, когда поэтъ встрѣчаетъ его въ Аду:

Я тотъ, кому отъ сердца Фридрихъ
Вручилъ ключи, чтобъ отпиралъ по волѣ
И запиралъ я думъ его тайникъ,
Для всѣхъ другихъ ужъ недоступный боги;
Теря сонъ и силы для трудовъ,
Я исполнялъ свой долгъ въ завидной долѣ.
Развратница, что съ кесарскихъ дворцовъ,
Бестыдныхъ глазъ во вѣкъ не отвращала —
Смерть обща и язва всѣхъ вѣковъ—
Противъ меня сердца воссламенила
И, Августу то пламя передавъ,
Свѣтъ радости въ мракъ скорби обращала.
Тогда мой духъ, въ отчаянiе впавъ,
Мечталъ, что смерть спасетъ отъ поношенья,
И, правый, сталъ передъ собой не правъ.
Клянусь корнями юнаго растенья:
Всегда хранилъ я вѣрности объѣтъ
Монарху, столь достойному почтенья.
Когда жъ изъ васъ одинъ придетъ на свѣтъ,
Пусть честь мою спасетъ отъ поруганья
И отразитъ завистниковъ навѣтъ (*).

Какъ бы то ни было, звѣзда гогенштауфеновъ видимо блѣднѣла. Пораженiе при Витербо, низложенiе съ престола Фридриха, вслѣд-

(*) Адъ. Пѣс. XIII.

J'son colui, che tenni ambo le chiavi
Del cor di Federigo, e che le volsi
Serrando e disserando si soavi,
Che dal segreto suo quasi uom tolsi:
Fede portai al glorioso ufizio,
Tanto ch'io ne perdei le vene e i polsi.
La meretrice, che mai dall'ospizio
Di Cesare non torse gli occhi putti,
Morte comune, e delle corti vizio,
Infiammò contra me gli animi tutti,
E gl'infiammati infiammor si Augusto,
Che i lieti onor tornaro in tristi lutti.
L'animo mio, per disdegnoso gusto,
Credendo col morir fuggir disdegno,
Ingiusto fece me contra me giusto.
Per le nuove radici d'esto legno
Vi giuro che giammai non ruppi fede
Al mio signor, che fu d'onor si degno.
E se di voi alcun nel mondo riede,
Conforti la memoria mia, che giace
Ancor del colpo che invidia le diede.

(Inf. Can. XIII).

ствіе приговора, произнесеннаго мюнскимъ соборомъ, избраніе новаго императора, возмущеніе Апуліи и роковая битва при Фоссальто принудили государя, нѣкогда стоявшаго во главѣ европейскихъ монарховъ, удалиться въ замокъ Фіорентино. Тамъ окончили онъ дни свои въ печали и уединеніи, томимый подозрѣніемъ, что умираетъ отъ руки любимаго сына (*). Изъ всѣхъ обширныхъ владѣній Фридриха II, только одинъ Неаполь достался его наслѣднику Конраду, который, впрочемъ, немногимъ его пережилъ.

По смерти Фридриха и Конрада, на сицилійскій престолъ вступилъ побочный сынъ Фридриха, Манфреда, который сначала управлялъ государствомъ, отъ имени своего племянника, Конрадина. Ему удалось вновь завоевать Апулію, отнятую отъ Неаполитанскаго королевства папой Иннокентіемъ III и уже вошедшую было въ составъ земель, принадлежащихъ къ наслѣдству Св. Петра.

Сильный вліяніемъ и любовью, которыя успѣлъ приобрести, Манфредъ захотѣлъ пересоздать Италію, и сдѣлать ее одинаково независимою отъ Имперіи и отъ Рима. Настоящая минута казалась самою благоприятною для выполнения столь смѣлаго предпріятія. Германія была занята внутренними беспорядками; приверженцы папы, утомленные продолжительными войнами, не были въ силахъ противодействовать вліянію Манфреда. Знамя гиббелиновъ, уже развивавшееся въ Неаполѣ, со дня на день готово было водрузиться въ Ломбардіи.

Въ союзѣ съ Римомъ оставалась одна Тоскана, но и та начала колебаться въ своей преданности къ папѣ. Во Флоренціи, оппозиціонное движеніе первоначально обнаружилось въ наслѣдственной враждѣ между семействами патрициевъ римскаго происхожденія, и тѣми гражданами, которые вышли изъ Фіезолы. Данте, упоминая объ этомъ въ «Божественной комедіи», влагаетъ слѣдующія слова въ уста Брунетто Латини:

Но твой народъ жестокий, беззаконный,
Отъ Фіезолы свой ведущій родъ
И въ гордость скалъ донимъ облеченный —
Тебѣ жъ во благо брань съ тобой начнетъ (*).

(*) Фридрихъ II умеръ 13-го декабря 1250 г. Нѣкоторые историки утверждаютъ, будто онъ былъ отравленъ своимъ побочнымъ сыномъ, Манфредомъ.

(*) Ал. Пѣс. XV.

Ma quell'ingrato papolo maligno,
Che discese da Fiesole ab antico
E tiene ancor del monte e del macigno,
Fi si farà per tuo ben far nemico.

(Inf. Can. XV).

И гроза не замедлила разразиться. Поводомъ къ тому послужилъ разрывъ брака, предполагаемаго между главой семейства Буондельмонти, и дѣвицей дельи-Уберти. Родители послѣдней, желая отомстить жениху, убили его. Вся Флоренція взволновалась этимъ событіемъ, приняла въ немъ участіе, и раздѣлилась на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая, сражаясь подъ знаменами одного изъ враждующихъ семействъ, разоряла Италію, и обагрляла ее кровью. Такимъ образомъ, изъ частной ненависти возникла страшная междоусобная война.

Гвельфы сначала принуждены были удалиться изъ Флоренціи. Но нѣсколько времени спустя, они не только возвратились назадъ, но еще успѣли стать во главѣ правленія всей республики. Впродолженіе ихъ десятилѣтняго господства, Флоренція пользовалась совершеннымъ спокойствіемъ, и въ полномъ смыслѣ слова процвѣтала. Но когда, по истеченіи этого времени, Манфреди, утвердась на престолѣ королевства обѣихъ Сицилій, началъ угрожать Риму, гиббеллины, думая, что настала удобная минута для пораженія ихъ противниковъ, составили заговоръ. Но гвельфы во-время узнали объ угрожающей имъ опасности, и вытѣснили гиббеллиновъ въ Сиенну.

Во главѣ этой партіи, стоялъ Фарината дельи-Уберти, краснорѣчивѣйшій ораторъ своего времени, и самый искусный воинъ во всей Тосканѣ. Онъ обратился за помощью къ Манфреди, получилъ отъ него значительный отрядъ войска, и сразился съ гвельфами при Монтаперто. Послѣ продолжительной борьбы, гиббеллины одержали верхъ, благодаря измѣнѣ одного изъ своихъ противниковъ. Флорентинецъ Бокка дельи-Абати, подкупленный врагами, въ самомъ пылу сраженія, подошелъ къ знаменику республики и отрубилъ ему руку. Знамя Флоренціи упало, ужасъ овладѣлъ солдатами, и они потерпѣли полное пораженіе. Десять тысячъ гвельфовъ пало въ этой отчаянной стычкѣ, о которой Данте упоминаетъ въ десятой пѣснѣ Ада. Что же касается до измѣнника Бокка дельи-Абати, то поэтъ, осуждая его на жестокаго страданія, предаетъ имя его вѣчной ненависти потомства (*).

Въ то самое время, какъ гиббеллины одерживали верхъ въ Тосканѣ, жители Падуи стремились избавиться отъ гнета жестокаго тирана. Эдзелино де-Онара, императорскій намѣстникъ въ Тревизанѣ, родился въ замкѣ ди-Романо, и былъ владѣтелемъ Падуи. Жестокости, какія онъ совершалъ, кажутся невѣроятными. Онъ посредствомъ наслія, присвоивалъ себѣ чужія имущества, разорялъ земли, жегъ города, грабилъ замки, уничтожалъ цѣлыя

(*) Адъ. Пѣс. XXXII.

семейства, побѣжденнымъ выкалывалъ глаза, и рѣзалъ носъ и уши, честныхъ гражданъ подвергалъ пыткамъ, дворянъ взводилъ на эшафотъ. Въ подвластныхъ ему народахъ всѣ тюрьмы были наполнены заключенными, и когда въ нихъ становилось слишкомъ тѣсно, папачъ, на удачу выбирая своихъ жертвъ, очищалъ мѣсто для вновь прибывшихъ.

Наконецъ, не будучи въ силахъ долѣе выносить подобныя жестокости, падуанцы попытались сбросить съ себя ненавистное иго. Но Эдзелино провѣдалъ о заговорѣ, и приказалъ всѣхъ принимавшихъ въ немъ участіе затворить въ большую ограду, гдѣ были собраны разныя горючія вещества, и развести тамъ огонь. Число несчастныхъ простиралось до двадцати тысячъ, и эта масса человѣческихъ тѣлъ горѣла впродолженіе трехъ дней. Въ концѣ третьяго дня, тиранъ увѣнчалъ свою месть страшнымъ сарказмомъ. Онъ отдалъ приказаніе, чтобы секретарь, по его желанію составлявшій списокъ осужденныхъ, былъ въ свою очередь брошенъ въ огонь. «Въ благодарность за оказанныя мнѣ услуги — сказалъ Эдзелино — я послалъ дьяволу души этихъ бездѣльниковъ. Пусть же мой секретарь сопровождаетъ ихъ въ царство тьмы, и тамъ со спискомъ въ рукѣ докажетъ, что всѣ обѣщанныя мной души доставлены сполна».

Но подобныя зрѣлища еще не удовлетворяли кровожаднаго Эдзелино. Недоступный никакому нѣжному чувству, онъ оставался глухъ къ голосу природы, и преслѣдовалъ и терзалъ даже членовъ собственнаго семейства. Его братъ, племянникъ, тестъ и сыновья находились въ числѣ жертвъ, которыя были задушены въ веронскихъ тюрьмахъ. Одна сила могла положить предѣлъ подобнымъ злодѣяніямъ, и папа объявилъ полное отпущеніе грѣховъ тому, кто избавитъ Италію отъ столь ужаснаго бича. Ломбардское дворянство не замедлило отозваться на призывъ папы: Эдзелино вскорѣ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ, и заключенъ въ тюрьму, гдѣ умеръ отъ отчаянія, что не можетъ болѣе дѣлать зла. Данте помѣстилъ этого тирана въ седьмой кругъ Ада, гдѣ, томимый жаждою, онъ погруженъ въ кровавый потокъ, который его душитъ (*).

Послѣ битвы при Монтаперто, гиббелины, возвратясь во Флоренцію, подчинили еѣ власти Манфреди. Потомъ, собравъ въ Эмполи представителей другихъ городовъ Тосканы, преданныхъ ихъ партіи, они положили, для полнѣйшаго пораженія гвельфовъ, стереть съ лица земли Флоренцію, жители которой слишкомъ часто увлекались преданностью къ папѣ. Всѣ единодушно на это

(*) Алъ. Пѣс. XXXII.

согласились; одинъ побѣдитель при Монтаперто, храбрый Фарината, возвысилъ голосъ на защиту родимаго города, и отстоялъ право его существованія.

Между тѣмъ, Римъ видя, какъ со всѣхъ сторонъ ему угрожала опасность, вѣрныи своимъ политическимъ преданіямъ, по обыкновенію обратился за помощію къ иноземцамъ. Германія на этотъ разъ не могла быть употреблена въ дѣло, и потому папа Урбанъ IV, будучи самъ французскаго происхожденія, искалъ опоры во Франціи, и нашелъ ее въ лицѣ Карла Анжуйскаго.

Искусный воинъ, хитрый, жадный къ богатству и почестямъ, братъ Св. Лудовика съ радостью поспѣшилъ на помощь къ Урбану. Его жена, Беатриче, дочь Раймунда Тулузскаго, одержимая безграничнымъ честолюбіемъ и мечтавшая о королевской коронѣ, съ своей стороны много содѣйствовала успѣшному окончанію приготовленій для похода въ Италію. Заложивъ всѣ свои драгоценныя вещи, она доставила деньги, необходимыя для составленія тридцатитысячнаго войска, и во главѣ его сама отправилась въ Ломбардію. Карлъ предшествовалъ ей въ Римъ, и тамъ получилъ изъ рукъ Климента IV апулійскую и сицилійскую корону, и званіе римскаго сенатора.

Тщетно старались гиббеллины остановить въ Ломбардіи шествіе французовъ. Перейда рѣку Оліо съ помощію измѣны Буозо-да-Довара, который въ Дантовомъ Аду претерпѣваетъ въ вѣчномъ льдѣ достойное наказаніе за свое вѣроломство (*), армія Карла Анжуйскаго вступила въ неаполитанское королевство.

Манфреди встрѣтился съ непріателемъ при рѣкѣ Калорѣ, близъ Беневенто. Французы, хотя и утомленные продолжительнымъ и труднымъ переходомъ, немедленно вступили съ нимъ въ борьбу, и этой поспѣшности были отчасти обязаны одержанной побѣдой. Кромя того, въ рядахъ войска Манфреди находилось много недовольныхъ: апулійцы, лишеныя государями швабской династіи нѣкоторыхъ изъ своихъ муниципальных льготъ, и возбуждаемыя папскими эмиссарами, дрались вяло и неохотно. Манфреди, сражавшійся во главѣ своей арміи, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ французы ворвались въ ея середину. Въ то же мгновеніе серебряный орелъ, украшавшій его шлемъ, упалъ подъ ноги лошади. Суевѣріе примѣнилось къ негодованію и стыду: «Это—знаменіе воли божьей!» воскликнулъ Манфреди, бросился въ средину битвы и вскорѣ палъ подъ ударами непріателя.

Трупъ его былъ найденъ три дня спустя, съ лицомъ, обезображеннымъ сабельнымъ ударомъ. Одинъ крестьянинъ, прива-

(*) Адъ. Пѣс. XII.

завъ его къ хвосту своего мула, возилъ его по лагерю и кричалъ: «кто хочетъ купить короля Манфреди?» Французы, возмущенные подобнымъ зрѣлищемъ, просили Карла воздать царственному трупу послѣдній долгъ, предписываемый религіей и законами рыцарства. Но гордый побѣдитель не только не согласился, но еще приказалъ бросить Манфреди въ яму, близъ Беневентскаго моста. Солдаты, уважавшіе въ немъ храбраго и искуснаго воина, наполнили яму землей и каменьями, и образовали надъ ней родъ пирамиды. Но Климентъ IV приказалъ разобрать и этотъ незатѣяливый памятникъ и вынуть изъ могилы тѣло Манфреди. Полуистлѣвшіе остатки героя, который и по смерти еще казался страшнымъ своимъ врагамъ, были перенесены въ уединенную долину, и тамъ оставлены непогребенными на одномъ изъ рукавовъ Тронта. Данте посвятилъ памяти Манфреди нѣсколько прекрасныхъ стиховъ (*). Они дышатъ столь величавой и чистой красотой, преисполнены такой глубокой грусти и нѣжности, что вызываютъ изъ глазъ читателя невольныя слезы.

Такимъ образомъ, надежды на національное единство Италіи погябли въ самомъ зародышѣ. Но гиббеллины все еще не теряли мужества. Во тьмѣ, покрывшей политическій горизонтъ Италіи, они искали новой звѣзды, которая могла бы ихъ снова вывести на дорогу славы. Выборъ ихъ палъ на молодаго Конрадина, внука Фридриха II, память о которомъ хранилась въ народѣ съ благоговѣніемъ и любовью. Послѣдній потомокъ знаменитаго и нѣкогда могущественнаго рода, Конрадинъ жилъ съ матерью при баварскомъ дворѣ, казалось, всѣми забытый и вполне довольный своей судьбой. Но совѣты и просьбы старыхъ друзей и приверженцевъ его дома, блестящія обѣщанія и щедрые дары гиббеллиновъ не замедлили пробудить въ немъ честолюбіе, и заставили его предъявить свои права на неаполитанскій престолъ. Во главѣ десяти тысячнаго войска, онъ перешелъ черезъ Альпы, и вступилъ въ Италію. Гиббеллины вездѣ съ восторгомъ его привѣтствовали, и со всѣхъ сторонъ собирались подъ его знамена.

Конрадинъ напалъ на армію Карла Анжуйскаго въ долинѣ Тальянцо, посреди абруцкихъ горъ, и нанесъ ей сильное пораженіе. Но подъ конецъ битвы, обманутый военной хитростью, и увлеченный собственнымъ пыломъ, онъ потерялъ все выгодное положеніе и въ бѣгствѣ долженъ былъ искать спасенія. Хозяинъ дома, гдѣ онъ надѣялся укрыться отъ преслѣдованія, выдалъ его французамъ, которые привезли его въ Неаполь, подвѣрили суду и приговорили къ смертной казни.

(*) Част. Пѣс. III.

Конрадинъ вошелъ на эшафотъ съ достоинствомъ и мужествомъ, которыя почерпнулъ въ преданіяхъ своего семейства. Яснымъ взоромъ окинувъ многочисленную толпу, собравшуюся у подножія эшафота, видя слезы и слыша рыданія тѣхъ, которые оплакивали въ немъ свою послѣднюю надежду, онъ снялъ перчатку, бросилъ ее въ народъ, какъ-бы вызывая его на месть, и положилъ голову на плаху. Топоръ сверкнулъ въ рукахъ палача, и вмѣстѣ съ молодою жизнью Конрадина пресѣлся знаменитый родъ гогенштауфеновъ. Невинная кровь его легла на убійцахъ неизгладимымъ пятномъ, а потомство не замедлило отозваться на его вызовъ, и отмстило за смерть несчастнаго юноши страшнымъ днемъ Сицилійской вечерни. Данте устами Гуго Капета безпощадно порицаетъ Карла Анжуйскаго за это жестокое убійство и за отравленіе св. Фомы, въ которомъ его многіе не безъ основанія подозрѣваютъ (*).

Пораженіе при Тальякоццо и казнь Конрадина нанесли гибельнымъ окончательный ударъ, и приготовили полное торжество ихъ противниковъ. Но со смерти папы Климента IV, политика гвельфовъ нѣсколько измѣнилась. Карлъ Анжуйскій, прикрываясь своей мнимой преданностью къ папскому двору, употреблялъ гвельфовъ для осуществленія собственныхъ коварныхъ и честолюбивыхъ цѣлей. Римъ увидѣлъ слишкомъ поздно, что призвалъ его въ Италію, ничего не выигралъ. Его противники только перемѣнили названіе: Франція замѣнила Германію, анжуйцы — гогенштауфеновъ. Папа Григорій X, одаренный необыкновеннымъ умомъ и характеромъ твердымъ, но умѣреннымъ, старался уравновѣсить политическое значеніе гвельфовъ и гиббеллиновъ. И потому, чтобы хоть нѣсколько ослабить вліяніе, которое французы пріобрѣли въ Италіи, онъ постышился положить конецъ междуарствію, терзавшему Германію, и содѣйствовалъ вступленію на императорскій престолъ Рудольфа Габсбургскаго.

Но преждевременная смерть Григорія X помѣшала ему выполнить его благодѣтельное намѣреніе. Иннокентій V и Адрианъ V, послѣ него по очереди занимали папскій престолъ, но во время своего кратковременнаго правленія мало заботились объ осуществленіе плановъ своего предшественника. И только Николай III, увлекаемый честолюбіемъ, съ рвеніемъ принялся приводить ихъ въ исполненіе. Но его пылкій и необузданный нравъ составлялъ полную противоположность обдуманнаго и осторожнаго характера Григорія X. Онъ началъ безпощадно преслѣдовать Карла, и всѣчески старался ограничить его власть. Вполнѣ преданный инте-

(*) Част. Пѣс. XX.

ресамъ римской политики, Николай III еще былъ одержимъ страстью возвышать и обогащать членовъ собственнаго семейства, и въ пользу ихъ расхищалъ церковную собственность. Данте помѣстилъ этого папу (*) въ третьемъ кругѣ своего Ада, гдѣ онъ, погруженный головою внизъ въ пламенный и смрадный колодезь, искупаетъ свою преступную жизнь. Пѣснь эта, которая называется пѣсью о *симонистахъ*, принадлежитъ къ числу самыхъ поразительныхъ въ поэмѣ. Она даетъ полное понятіе о неблаговидныхъ поступкахъ папъ, и объ отвращеніи, какое возбуждало въ современникахъ ихъ корыстолюбіе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ воззваніе поэта, когда онъ въ порывѣ благороднаго негодованія порицаетъ духовенство за его потворство своимъ страстямъ и дурнымъ наклонностямъ, и за злоупотребленіе свѣтской власти.

Тѣмъ не менѣе идея Григорія X объ уравниваніи политическаго значенія гвельфовъ и гиббелиновъ готова была осуществиться, когда смерть, внезапно положивъ предѣлы жизни и корыстолюбивымъ замысламъ Николая III, снова разрушила надежды тѣхъ, которые стремились водворить въ Италиі миръ и спокойствіе.

Карль, опасаясь чтобы вновь избранный папа не былъ также изъ числа его враговъ, отправился въ Витербо, захватилъ трехъ кардиналовъ изъ дома Орсини, а другихъ принудилъ возложить тиару на главу Симона, бывшаго нѣкогда каноникомъ въ Турѣ, человекъ ему вполне преданнаго и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ папы Мартына IV.

Вступая на престолъ, Мартинъ IV имѣлъ въ виду одну цѣль: вполне посвятить себя интересамъ анжуйскаго дома и удовлетворенію собственной наклонности къ удовольствіямъ стола. Первымъ его дѣломъ было уничтожить всѣ положенія и учрежденія своего вредшественника, и потому онъ объявилъ несправедливыми притязанія на сицилійскій престолъ Констанціи и отлучилъ отъ церкви ея супруга, Петра Арагонскаго. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія Мартына IV клонились къ тому, чтобы лишить Италию всякой самостоятельности и отдать ее въ полное распоряженіе французовъ. Хроника того времени изобилуютъ, между прочимъ, разсказами о застольныхъ подвигахъ св. отца, намѣтъ на которые мы находимъ также въ Божественной комедіи. Мартинъ IV излишнимъ употребленіемъ пищи и питья нерѣдко разстроивалъ свое здоровье. Его любимымъ кушаньемъ было *ragù* изъ угрей, приготовленныхъ особеннымъ образомъ въ винѣ *vernacchio*, которое считалось наилучшимъ въ Тосканѣ.

(*) Николай III вступилъ на престолъ въ 1277 г., а умеръ 19-го августа 1280 г.

«..... а тамъ, за нимъ видѣется другой, съ лицомъ еще болѣе измощеннымъ. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу церкви и былъ изъ Тура. Нынѣ онъ постомъ искупаетъ излишнее употребленіе въ пищу угрей больсенскихъ и вина верначіо» (*).

Разсказываютъ также, какъ однажды, страдая отъ тяжелаго пищеваренія, Мартинъ съ набожнымъ и смиреннымъ влдомъ сложивъ руки на груди, тоскливо вздыхая, воскликнулъ: «O sancte Deus quanta mala patimur pro Ecclesia Dei!» (**)

Покровительство такого папы, конечно, не могло быть надежной опорой для Карла, и событія не замедлили доказать это.

Сицилійцы съ самаго начала владычества надъ ними французъ ясно понимали намѣренія прованскаго принца и никогда не были ослѣплены ни блескомъ его двора, ни несбыточными надеждами на его великодушіе. И дѣйствительно Карлъ Анжуйскій дѣлалъ все, чтобы заслужить всеобщую ненависть. Французскіе выходцы, пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ и постоянно недовольные своей частью въ общей добычѣ, проводили время въ распряхъ и не щадили побѣжденныхъ. Пользуясь довѣріемъ своего государя и свободные поступать по собственному произволу, они обращались съ сицилійскими своими вассалами согласно съ обычаями французскаго феодализма того времени. Все это, а болѣе всего дерзость и распушенность солдатъ, увѣренныхъ въ безнаказанности, наконецъ, истощили терпѣніе сицилійцевъ и побудили ихъ въ открытому сопротивленію. Народъ съ негодованіемъ смотрѣлъ не только на жестокихъ чужестранцевъ, но и на самую форму монархическаго правленія, и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своихъ старшихъ республиканскихъ учрежденіяхъ. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на незаслуженныя оскорбленія и уже начинали раздаваться угрозы. Воспоминанія о Манфреди и Конрадинѣ, съ любовью хранимыя въ народѣ, еще болѣе разжигали ненависть къ Карлу.

Гроза, медленно собиравшаяся, вскорѣ разразилась совершенно неожиданно для французозъ. Это произошло 30-го марта 1282 г., во вторникъ на св. недѣлѣ. Палермцы, слѣдуя древнему обычаю своей страны, вышли въ этотъ день за черту города праздни-

(*) Чист. Пѣс. XXXIV.

..... e quella faccia
Di là da lui, più che l'altre trapunta,
Ebbe la Santa Chiesa in le sue braccia.
Dal Torso fu, e purga per digiuno.
L'anguille di Bolsena e la vernaccia

(Pur. Can. XXIV).

(**) Великій Боже, какія страданія не претерпѣваемъ мы ради церкви господней!

вать возвращеніе весны въ поляхъ, окружающихъ церковь Св. Духа. Всѣмъ сицилійцамъ было строго запрещено носить при себѣ оружіе и французы позволяли себѣ по этому случаю разныя вольности и злоупотребленія. Такъ и въ этотъ разъ: одна молодая дѣвушка благороднаго происхожденія шла къ вечерни въ сопровожденіи своего семейства и жениха. Французскій солдатъ, по имени Друэ, прельстась ея красотой, осмѣлился коснуться ее подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ удостовѣриться, нѣтъ ли на ней оружія. Оскорбленная и испуганная дѣвушка безъ чувствъ упала на руки матери.

Внезапно раздался ужасный крикъ—крикъ цѣлаго народа, который, не имѣя силъ долѣе таить свою ненависть, съ яростью устремился на врага. Одинъ молодой человѣкъ, проходившій въ то время мимо Друэ, бросился на него съ быстротою молніи, вырвалъ у него саблю и пронзилъ его. Въ то же мгновеніе ударили въ колокола, призывая народъ къ вечерни. Это послужило сигналомъ ко всеобщему убійству. Въ нѣсколько часовъ погибло три тысячи французовъ. Гарнизонъ и чиновники, застигнутые върасплохъ, не оказывали никакого сопротивленія; дѣти, женщины, старики, никто не находилъ себѣ пощады.

Мессина, увлеченная примѣромъ Палермо, не отставала отъ нея. Въ ея стѣнахъ погибло при звукахъ набатнаго колокола до четырехъ тысячъ французовъ, а вскорѣ и весь островъ обогрился ихъ кровью. Изъ всѣхъ французскихъ переселенцевъ спасся только одинъ человѣкъ, который успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе и любовь. Это былъ нѣкто Вильгельмъ Порселе: его отправили на корабль въ Марсель, лишь только раздались первые злобѣщіе крики, призывавшіе къ убійству и мести.

Сбросивъ съ себя ненавистное иго, сицилійцы поспѣшили замѣнять монархическій образъ правленія союзомъ муниципальныхъ городовъ, основаннымъ на самыхъ демократическихъ началахъ. Данте, которому во время достопамятной вечерни было семнадцать лѣтъ, упоминая о ней въ «Божественной комедіи», говоритъ, что скипетръ сицилійскаго королевства гораздо долѣе оставался бы въ рукахъ анжуйцевъ, еслибы дурное правленіе, которое всегда возбуждаетъ въ побѣжденномъ народѣ желаніе избавиться отъ своихъ притѣснителей, не побудило и сицилійцевъ къ ихъ образцовой мести (*).

(*) Раі. Пѣс. VIII.

E la bella Trinacria...
Attesi avrebbe li suoi regi ancora,
Nati per me di Carlo e di Ridolfo;

Карль Анжуйскій, однако, не считалъ себя побѣжденнымъ. Восстаніе сицилійцевъ, правда, лишило его нѣсколькихъ тысячъ французовъ, но онъ не замедлилъ вознаградить себя за эту потерю, собравъ съ помощью французскаго короля новое семидесяти-тысячное войско. Надѣясь опять завоевать отложившіяся отъ него земли, онъ осадилъ Мессину.

Нападеніе это было сдѣлано такъ быстро и такъ неожиданно, что испугало сицилійцевъ и помѣшало восторжествовать у нихъ демократическому элементу. Дворянство, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, успѣшило возстановить монархическій образъ правленія въ пользу Арагонскаго дома, который находился въ родствѣ съ угасшей швабской династіей. Обстоятельства благопріятствовали этому новому измѣненію вещей, и пять мѣсяцевъ спусти послѣ революціи, совершившейся въ пользу республики, Петръ III, супругъ Констанціи Швабской, высаживался на берегъ въ Трапани и короновался въ палермскомъ соборѣ сицилійскимъ королемъ.

Къ этому времени относится замѣчательное событіе, которое ознаменовало послѣдніе дни нѣкогда блистательнаго политическаго существованія республики Пизы.

Вражда и соперничество, изстари существовавшія между этимъ народомъ и могущественной Генуей, получили новую силу вслѣдствіе споровъ за владѣніе островомъ Сардиніей. Неудовольствіе быстро возрастало и вскорѣ разрѣшилось войной, въ самомъ началѣ которой пизанцы потерпѣли жестокое пораженіе и лишились всего флота. Но движимые жаждой мести и воодушевляемые любовью къ отечеству, они не потеряли мужества, съ неимоверной быстротой составили новый флотъ изъ 103 кораблей и направились къ генуезскому порту.

Могущественныя соперницы встрѣтились близъ острова Мелоріи. Сраженіе было кровопролитно и долго оставалось нерѣшительнымъ, какъ вдругъ, въ самую критическую минуту, когда непріятель шелъ на абордажъ, одинъ изъ начальствующихъ надъ пизанскимъ флотомъ, графъ Уголино дела-Герардеска, совершенно неожиданно подаль сигналъ къ бѣгству и увлекъ за собою другихъ защитниковъ независимости Пизы. Поступокъ этотъ положилъ конецъ битвѣ и даровалъ побѣду Генуи.

Цѣль столь низкой измѣны заключалась въ томъ, чтобы осла-

Se mala signoria, che sempre accora
 Li popoli suggestti, non avesse
 Mosso Palermo a gridar: Mora, mora.
 (Par. Can. VIII).

бить пизанскую республику и разбить ее могущество, на развалинах котораго Уголино надѣялся самъ укрѣпиться.

Послѣдующія событія доказали, что онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ. Пиза, одна изъ всей Тосканы, всегда оставалась вѣрною гиббеллинамъ. Гвельфы, питавшіе къ ней вслѣдствіе этого глубокую ненависть и выжидавшіе только удобнаго случая, чтобы унижить ее, послѣдили воспользоваться нанесеннымъ ей ударомъ и соединились съ Генуей для окончательнаго ея пораженія. Графъ Уголино, по происхожденію гиббеллинъ, находился въ родствѣ съ гвельфами и приобрѣлъ на нихъ нѣкоторое вліяніе. Поэтому Пиза видѣла въ немъ человѣка, который одинъ могъ вывести ее изъ затрудненія и отвратить угрожавшую ей опасность. Такимъ образомъ Уголино, несмотря на недостойную роль, разыгранную имъ при Мелорин, былъ избранъ на десять лѣтъ правителемъ Пизы.

Достигнувъ власти, графъ началъ до такой степени самовольно и жестоко распоряжаться судьбой своего нѣкогда цвѣтущаго и свободнаго отечества, что вскорѣ сдѣлался ненавистнымъ обѣимъ партіямъ, которыя были въ его рукахъ только орудіемъ для выколненія его личныхъ замысловъ. Пиза уже нѣсколько времени стонала подъ его деспотическимъ управленіемъ, когда въ 1288 г. внутреннія смуты, морская война, необыкновенно суровая зима и послѣдовавшій за ней голодъ, окончательно ее истощили. Народъ, который всегда ищетъ на комъ нибудь выместить свои страданія, видѣлъ въ Уголино виновника всѣхъ своихъ несчастій и начиналъ ронять и волноваться. Онъ обвинялъ его въ томъ, что онъ будто бы утаиваетъ хлѣбъ, а потомъ продаетъ его по возвышенной цѣнѣ въ собственную пользу. Но Уголино внушалъ своимъ приближеннымъ столь сильный страхъ, что никто изъ нихъ долгое время не осмѣливался ему говорить о возникшемъ противъ него неудовольствіи. Наконецъ одинъ изъ его племянниковъ рѣшился открыть ему глаза и посовѣтывалъ для восстановления порядка пріостановить сборъ податей. Уголино пришелъ въ ярость, бросился на несчастнаго съ оружіемъ въ рукахъ, ранилъ его и убилъ на мѣстѣ другаго молодаго человѣка, племянника архіепископа Руджіери, который пытался смягчить его гнѣвъ.

Архіепископъ, нѣжно любившій своего родственника, былъ глубоко опечаленъ его смертью и поклялся отмстить убійцѣ. Однако, онъ на время успѣлъ скрыть свой гнѣвъ и отчаяніе и отложилъ мсть до болѣе удобной минуты, которая, впрочемъ, не заставила себя долго ждать. Терпѣніе народа истощилось и всеобщее негодованіе, достигнувъ крайнихъ предѣловъ, разразилось открытымъ возстаніемъ. Поводомъ къ тому послужили слухи о

намѣреніи Уголино призвать въ Пизу всѣхъ гвельфовъ, которые были изъ нея изгнаны. Архіепископъ Руджіери немедленно собралъ вокругъ себя своихъ друзей и приверженцевъ, велѣлъ ударить въ набатъ и во главѣ многочисленной и вооруженной толпы пошелъ противъ тирана. Застигнутый въ распlochъ, но не теряя присутствія духа, Уголино защищался съ рѣдкимъ мужествомъ. Но тѣснимый со всѣхъ сторонъ, онъ тѣмъ не менѣе принужденъ былъ сдаться вмѣстѣ съ двумя сыновьями и тремя внуками.

Архіепископъ Руджіери, руководимый слѣпымъ желаніемъ мести, ввергнулъ ихъ всѣхъ въ тюрьму, ключи отъ которой бросилъ въ рѣку. Несчастные плѣнники были осуждены на голодную смерть. Пятеро невинныхъ: двое молодыхъ людей во цвѣтѣ силъ и надеждъ и трое дѣтей должны были искупить преступленіе одного человѣка, всѣ злодѣянія котораго блѣднѣютъ передъ этой жестокостью лица, облеченнаго въ духовный санъ. И Уголино представляетъ чуть ли не единственный на страницахъ исторіи примѣръ измѣнника, убійцы и тирана, воспоминаніе о которомъ вызываетъ въ потомствѣ состраданіе. Данте суровыми, но прекрасными и исполненными неподражаемаго величія стихами наложилъ клеймо позора на имя архіепископа Руджіери и въ раздрающей сердце картинѣ яркими красками изобразилъ страданія Уголино. Передъ нами отецъ, который, самъ истощенный шестидневнымъ голодомъ, присутствуетъ при агоніи своихъ дѣтей и, наконецъ, истерзанный отчаяніемъ, въ нестерпимыхъ мукахъ испускаетъ послѣдній вздохъ. Приводимъ драматическое описаніе самаго поэта.

Мы прочь пошли, и въ ямѣ я узрѣлъ
Двоихъ замерзшихъ тѣлъ, что покрываетъ
Глава главу—мученіи предѣлъ!

И какъ голодный жадно хлѣбъ съѣдаетъ,
Такъ верхній зубы въ нижняго вонзалъ
У выи тамъ, гдѣ въ черепъ мозгъ вступаетъ...

«О, ты, который съ столь свирѣпымъ взоромъ
Грызешь главу сосѣду своему,

Скажи, за что?» спросилъ я: «съ уговоромъ,

Что если ты по праву мстишь ему,

То я, узнавъ о васъ, о вашей долѣ,

Предамъ его позорному клеюму,

Коль не отсохнетъ мой языкъ догола!

Уста подъялъ отъ мерзостнаго брашна.

Сей грѣшникъ, кровь отеръ съ нихъ по власамъ

Главы, имъ въ тылъ изгрызенной тѣлъ страшно,

И началъ онъ: «Ты хочешь, чтобы я самъ
Раскрылъ ту скорбь, что грудь томить, какъ бремя,
Лишь вспомню то, о чемъ я передамъ.

Но коль слова мои должны быть слыма,

Чтобъ шедъ его злодѣю въ срамъ возникъ—
И рѣчь и плачь услышишь въ то же время.

Не знаю, кто ты, какъ сюда проникъ;
Но убѣжденъ, что слышу гражданина
Флоренціи: такъ звученъ твой языкъ!

Ты долженъ знать, что графъ я Уголино,
А онъ — архіепископъ Руджіеръ,
И почему сосѣдъ мой, вотъ причина.

Не говорю, какъ въ силу подлыхъ мѣръ
Довѣрчиво я вдался въ обольщенье
И какъ сгубилъ меня онъ, лицемеръ.

Но, выслушавъ, рассій свое сомнѣнье,
О томъ, какъ страшно я окончилъ дни;
Потомъ суди: то было ль оскорбленье!

Печальное отверстіе западни —
По мнѣ ей имя *Башня Глада* стало:
Погибли въ мукахъ въ ней не мы одни! —

Семь разъ луны рожденье мнѣ являло
Сквозь щель свою, какъ вдругъ злобѣщій сонъ
Съ грядущаго сорвалъ мнѣ покрывало

Приснилось мнѣ: какъ вождь охоты, онъ
Гналъ волка и волчатъ изъ горъ, которой
Для Пизы видъ на Лукку загражденъ.

Со стаей псидъ, голодной, чуткой, скорой,
Гваландъ, Сисмонди и Лафранкъ неслись
Предъ бѣшеннымъ ловцомъ, въ погонѣ скорой.

По малой гонкѣ — мнѣ потомъ приснился —
Отецъ съ дѣтьми попалъ усталый въ сѣти
И пси клыками въ ребра имъ впились.

Проснулся я и слышу на разсвѣтѣ:
Мучительнымъ встревоженнымъ стою,
Рыдая громко, просать хлѣба дѣти.

Жестокъ же ты, когда ужъ мысль о томъ,
Что мнѣ грозило, въ скорбь тебя не вводитъ!
Не плачешь здѣсь—ты плакалъ ли о комъ?

Ужъ мы проснулись; вотъ и часъ приходитъ,
Когда намъ въ башню приносили хлѣбъ,
Но страшный сонъ въ сомнѣнье всѣхъ приводитъ.

Вдругъ слышу: сверху забиваютъ слезою
Ужасной башни! Я взглянулъ съ тоскою
Въ лицо дѣтей, безмолвенъ и свирѣпъ.

Не плакалъ я, окаменѣвъ душою;
Они жъ рыдали, и Ансельмій мой:
«Что смотришь такъ, отецъ мой? что съ тобою?»

Я не рыдалъ, молчалъ я, какъ нѣмой
Весь день, всю ночь, доколѣ свѣтъ денницы
Не проблеснулъ на тверди голубой.

Чуть слабый лучъ проникъ во мглу темницы—
Свое лицо, ужасное отъ мукъ,
Я виныгъ узналъ, узрѣвъ ихъ страшны лица,

И укусалъ я съ горя пальцы рукъ;
Они жъ, мечтавъ, что голода терзанье
Меня тожить, сказали, вставши вдругъ:

«Отец! насытись нами: тѣмъ страданье
 Намъ утолишь; одѣвъ дѣтей своихъ
 Въ плоть бѣдную, сини съ нихъ одѣянье».
 Я горе скрылъ, чтобъ вновь не мучить ихъ;
 Два дня молчали мы въ темницѣ жертвой:
 Что жъ не разверзлась, мать-земля, въ тотъ мигъ!
 Но только день лишь наступилъ четвертый,
 Мой Гадго палъ къ ногамъ моихъ, стена:
 «Да помоги жъ, отецъ мой!» и, простертый,
 Тутъ умеръ онъ, и какъ ты зришь меня,
 Такъ видѣлъ я: всѣ другъ за другомъ вскорѣ
 Отъ пятога и до шестаго дня
 Попадали. Остѣгнувъ, на просторѣ
 Бродилъ я три дни, мертвыхъ звалъ дѣтей...
 Потомъ... но голодъ былъ сильнѣй, чѣмъ горе!
 Сказавъ, схватилъ съ сверканіемъ очей
 Несчастннй черепъ острыми зубами,
 Что какъ у пса окрѣпи для костей. —
 О, Пиза! срамъ предъ всеми племенами
 Прекрасныхъ странъ, гдѣ сладко зі звучить!
 Когда сосѣдъ не жстятъ тебѣ громами,
 То пусть Капрая двинетъ свой гранитъ,
 Чтобъ устье Арно грудой скалъ заставить,
 И всѣхъ гражданъ волнами истребить!
 Коль Уголинъ себя могъ обезславить
 Позорной сдачей стѣнъ твоихъ врагамъ,
 За что жъ на казнь съ нимъ и дѣтей оставить?

(Адъ Пѣс. XXXIII).

Между тѣмъ какъ въ Тосканѣ совершалось столь ужасное злодѣяніе, Карлъ Анжуйскій продолжалъ упорно стоять за свои права на сицилійскій престолъ. Но когда сынъ его, впоследствии Карлъ II, попалъ въ плѣнъ въ руки Руджіеро ди-Лоріа, адмирала Петра Аррагонскаго, то онъ потерялъ всякую энергію, впалъ въ тяжкую болѣзнь и умеръ въ Фоджии 7-го января 1285 года.

Карлъ II былъ приговоренъ къ смерти, но Констанція Швабская, великодушно забывъ, что его отецъ отказалъ въ погребеніи ея отцу, своимъ заступничествомъ спасла ему жизнь. Отвезенный въ Аррагонію, Карлъ II оставался тамъ до 1288 г., когда, благодаря вмѣшательству англійскаго короля Эдуарда, ему возвратили свободу, предварительно взявъ съ него клятву въ томъ, что онъ постарается склонить папу и французскаго короля къ признанію взаимной независимости неаполитанскаго и сицилійскаго королевствъ, изъ которыхъ первое должно было остаться за анжуйской династіей, а второе — за аррагонской. Но папа Николай IV по собственной сговорчивой совѣсти снялъ съ него клятву и онъ вскорѣ началъ съ аррагонскимъ домогъ войну, которая продолжалась до его смерти безъ всякаго, впрочемъ, результата.

Около этого же времени флорентинцы рѣшились разъ навсегда покончить съ гиббелинами въ Тосканѣ. Они разбили аретинцевъ при Камполдино и обратились съ своими союзниками противъ Пизы. Но послѣ двадцатидневнаго похода они успѣли овладѣть только замкомъ Капрона. Данте, принимавшій участіе въ обѣихъ экспедиціяхъ, упоминаетъ о нихъ въ пятой пѣснѣ Чистилища и въ двадцать-первой пѣснѣ Рая.

Нѣкоторые критики утверждаютъ, что Данте впервые задумалъ свою пѣснь о графѣ Уголино подъ стѣнами Капроны въ видѣ воинственнаго гимна или поэтическаго проклятiя, направленаго противъ Пизы. Но предположеніе это, хотя и весьма правдоподобное, не вполне доказано. За то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что второй изъ двухъ самыхъ популярныхъ и трогательныхъ эпизодовъ Божественной Комедiи, эпизодъ Франчески ди-Римини, возникъ въ воображенiи поэта именно нѣсколько дней спустя послѣ взятiя Капроны.

Франческа, дочь Гвидо да-Поленты, владѣтеля Равенны, была уже вирожденіе двѣнадцать лѣтъ замужемъ за Джіаномъ, старшимъ сыномъ подестата Римини, Малатесты да-Верукіо. Бракъ этотъ, основанный на политикѣ и на расчетѣ, представлялъ сочетаніе самыхъ противоположныхъ элементовъ. Франческа, одаренная отъ природы нѣжной и страстной душою, тонкимъ умомъ, рѣдкой граціей и красотой лица, казалась исключительно рожденной для любви. Джіанъ соединялъ съ отталкивающей наружностью крутой и мстительный нравъ, былъ золъ, тщеславенъ и недовѣрчивъ, говорилъ рѣзко, поступалъ грубо и нерѣдко жестоко. Кромѣ того, онъ хромалъ, вслѣдствіе чего и получилъ прозваніе Чіотто (хромага).

Но природа, столь скупая въ отношенiи къ Джіану Чіотто или Ланчіотто, оказалась очень щедрой къ его младшему брату, надѣливъ его всеми дарами и качествами, въ которыхъ отказала ему самому. И дѣйствительно, Паоло отличался необыкновенной красотой и изяществомъ манеръ и представлялъ собою типъ настоящаго рыцаря. Его характеръ, нѣсколько склонный къ грусти, мечтательный умъ и пылкое сердце, имѣли неотразимую прелесть, которой никто не могъ противиться. Ланчіотто послалъ его въ Равенну ухаживать за Франческой и вести переговоры о своемъ бракѣ съ ней.

Франческа, сама того не замѣчая, была очарована красивымъ и нѣжнымъ Паоло. Когда же, очнувшись отъ сладкаго забытья, она могла отдать себѣ отчетъ въ своихъ къ нему чувствахъ, то было уже слишкомъ поздно для того, чтобы вырвать изъ сердца любовь, которая пустила въ немъ глубокіе корни. Тѣмъ не ме-

нѣе, вооружившись твердостью и сознаниемъ долга, она отвѣчала притворнымъ равнодушіемъ на привязанность, въ свою очередь возникшую въ сердцѣ Паоло, и безпрекословно повиновалась волѣ отца. Несчастную въ продолженіе многихъ лѣтъ поддерживали горячія молитвы и любовь къ дочери, которая была ея опорой, утѣшеніемъ и единственной отрадой въ жизни. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока политическія смуты и беспорядки, возникшія въ Римини, изгнавъ оттуда Ланчіотто и Паоло, не принудили ихъ всѣхъ удалиться въ Пезаро.

Скука и тоска, овладѣвающія человѣкомъ въ изгнаніи, составляютъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній въ жизни. Вдали отъ родины, отъ всего, что близко и дорого сердцу, среди незнакомыхъ лицъ и предметовъ сильнѣе чувствуется пустота душевная, томительнѣе становится нравственное одиночество. Наболѣвшимъ сердцемъ изгнанника овладѣваетъ непреодолимая жажда любви и сочувствія; онъ ищетъ друга, съ которымъ могъ бы раздѣлить свое горе—сердца, которое бы его успокоило, согрѣло и открыло бы ему, взамигъ потеряннаго счастья, новый источникъ надеждъ и утѣшеній.

Такое сердце было недалеко отъ Франчески: она знала о его присутствіи, она чувствовала его біенія и не въ силахъ долѣе противиться нѣжнымъ мольбамъ и укоромамъ Паоло, внезапно отдалась страсти, которую въ продолженіе десяти лѣтъ тщетно старалась побороть. Но въ то самое время, когда молодые люди въ безумномъ порывѣ радости забывъ весь міръ, дали волю своимъ пламеннымъ рѣчамъ и восторгамъ, они были застигнуты Ланчіотто. Оскорбленный мужъ въ припадкѣ бѣшенства бросился на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ и почти однимъ и тѣмъ же ударомъ убилъ брата и жену. Души несчастныхъ любовниковъ, покидая землю, слились въ поцалуѣ невыразимой сладости и вмѣстѣ вступили въ вѣчность (*). Тамъ встрѣтилъ ихъ Данте, и тронутый ихъ безпредѣльной любовью, запечатлѣнной кровью и столькими страданіями, обезсмертилъ ихъ дивными звуками своей лиры. Его трогательный и исполненный граціи и неподдѣльнаго чувства рассказъ извѣстенъ во всемъ литературномъ мірѣ и переведенъ на всѣ европейскіе языки. Франческо и Паоло, убитые вмѣстѣ, похоронены вмѣстѣ въ одномъ гробѣ. Когда два вѣка спустя открыли ихъ тѣла, то они какъ-бы силою чуда, совершеннаго любовью, оказались совершенно нетронутыми: они въ объятіяхъ одинъ другаго какъ будто покоились безмятежнымъ сномъ. Вотъ какъ тѣнь Франчески, и въ аду неразлучная со своимъ возлюб-

(*) Паоло и Франческа были убиты 4-го сентября 1289 г.

леннымъ, сама рассказываетъ поэту о несчастной участи, ее постигшей. Данте, обращаясь къ Виргилю, говорить:

«Поэтъ», я началъ, «мысль моя невольно
Устремлена къ четѣ, парящей тамъ,
Съ которой вихрь такъ мчится произвольно».

И онъ: «Дождись, когда примчатся къ намъ:
Тогда моли любовью, ихъ ведущей —
И прметать онѣ къ твоимъ мольбамъ».

Какъ скоро къ намъ принесъ ихъ вѣтръ ревущій,
Я поднялъ гласъ: «Не спряй своей тоски,
Чета тѣней, коль то велить всесущій!»

Какъ, на призывъ желанья, голубки
Летятъ къ гнѣзду на сладостное лоно,
Простерши крылья, вѣжны и легки:

Такъ разлучась съ толпою, гдѣ Дидона,
Сивозъ мракъ глетворный къ намъ примчались вновь:
Такъ смиенъ зовъ сердечнаго былъ стона!

«О, существо, постигшее любовь!
О, ты, который здѣсь во тьмѣ кроющійной
Увидѣлъ насъ, пролившихъ въ мѣръ кровь!»

Когда бъ Господь внималъ молитвъ грѣшной,
Молили бъ мы послать тебѣ покой
За грудь о нашей скорби неутѣшной.

Что скажешь намъ? что хочешь знать? открой:
Все выскажемъ и выслушаемъ вскорѣ,
Пока замолкъ на время вѣтра вой.

Лежитъ страна, гдѣ я жила на горе,
У взморья—тамъ, гдѣ мира колыбель
Находить По со спутниками въ морѣ.

Любовь, сердцецъ прекрасныхъ связь и цѣль,
Моей красой его обворожила
И я, лишась ея, грущу досель.

Любовь любимому любить судила
И такъ меня съ нимъ страстью увлекла,
Что, видишь, я и здѣсь не разлюбилъ.

Любовь къ одной насъ смерти привела;
Того, кѣмъ мы убиты, ждуть въ Каинѣ!»
Такъ намъ одна изъ двухъ тѣней река.

Склонивъ чело, внималъ я о причинѣ
Мученій ихъ, не подымалъ главы,
Пока мой вождь: «О чемъ ты мыслишь нынѣ?»

И, давъ отвѣтъ, я продолжалъ: «Увы!
Какъ много сладкихъ думъ, какія грѣзы
Ихъ назвали къ мученьямъ сей толпы?»

И къ нимъ потомъ: «Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой рассказъ
Въ очахъ рождаетъ состраданья слезы.

Но объясни: томленій въ сладкій часъ
Черезъ что и какъ неясны влеченья
Уразумѣть страсть научила васъ?»

И мнѣ она: «Нѣтъ большого мученья,

Какъ о порѣ счастливой вспоминать
 Въ несчастіи; твой вождь того же мнѣнья.
 Ты хочешь страсти первый корень знать?
 Скажу, какъ тотъ, который вѣсть печали
 И говорить, и долженъ самъ рыдать.
 Однажды мы, въ мигъ счастія, читали,
 Какъ Ланчелотъ въ безуміи любилъ:
 Опасности быть вмѣстѣ мы не знали.
 Не разъ въ лицѣ румянца гаснулъ пылъ
 И взоръ его встрѣчалъ мой взоръ безпечный;
 Но злой романъ въ тотъ мигъ насъ побѣдилъ
 Когда прочли, какъ поцалуй сердечный
 Былъ приманенъ улыбкою къ устамъ,
 И тотъ, съ кѣмъ я ужъ не разстанусь вѣчно,
 Затрепетавъ, къ моимъ приникнулъ самъ...
 Былъ Галеотто авторъ книги гнусной!...
 Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ!
 Такъ духъ одинъ сказалъ, межъ тѣмъ такъ грустно
 Рыдалъ другой, что въ скорби наконецъ
 Я обомлѣлъ отъ повѣсти изустной
 И палъ безъ чувствъ, какъ падаетъ мертвецъ.

(Адъ. Пѣс. V).

Послѣ Мартына IV; папскій престолъ занимали по очереди Гонорій IV и Николай IV (*), главной заботой которыхъ было обогащеніе собственныхъ семействъ. Они съ особеннымъ рвеніемъ предались пороку, созданному Николаемъ III и извѣстному въ исторіи подъ именемъ *непотизма*. Съ ихъ легкой руки порокъ этотъ сдѣлался необходимой принадлежностью папскаго престола и до конца прошлаго столѣтія составлялъ отличительную черту почти всѣхъ папъ.

За смертью Николая IV послѣдовало двухлѣтнее междуцарствіе, въ продолженіе котораго кардиналы, собранные на конклавъ, не могли прійти ни къ какому удовлетворительному результату въ своихъ совѣщаніяхъ. Утомленные продолжительными преніями и не видя имъ успѣшнаго исхода, они пришли въ уныніе, которое вскорѣ еще болѣе усилилось, появившейся и начавшей быстро распространяться эпидеміей. Умы находились въ напряженномъ состояніи, когда внезапно раздался пророческій голосъ, грозившій смертью всѣмъ кардиналамъ, если они по истеченіи двухъ мѣсяцевъ еще не успѣютъ избрать папы.

Пророчество это было сдѣлано человѣкомъ, совершенно неизвѣстнымъ. Старый отшельникъ, Петръ Морроне, принадлежалъ къ монахамъ бенедиктинскаго ордена и жилъ въ совершенномъ

(*) Мартынь IV царствовалъ съ 1268 г. по 1271, а Николай IV умеръ въ 1292.

удиненіи посреди Абрुцкихъ горъ. Жизнь его была рядомъ безконечныхъ лишеній и молитвъ. Онъ слылъ за святого и въ народѣ ходили слухи о разныхъ чудесахъ, которыя онъ будто бы совершалъ. Рассказывали также, что онъ явился на свѣтъ въ монашеской одеждѣ; что ночью, когда наступала часъ молитвы, его будилъ невидимый колоколь и наконецъ что самъ Иисусъ Христосъ сходилъ съ неба и пѣлъ съ нимъ псалмы.

Предсказаніе Петра Морроне произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что смертность, свирѣпствовавшая между кардиналами, какъ-бы оправдывала его слова. Въ испугѣ они поспѣшили отвратить угрожавшую имъ опасность быстрымъ избраніемъ папы и, странно сказать, выборъ ихъ палъ на самого пророка. Три важные духовные сановника были къ нему отправлены объявить ему о рѣшеніи конклава. Бѣдный отшельникъ долго не соглашался принять на себя высокое званіе римскаго первосвященника, но наконецъ принужденъ былъ уступить просьбамъ кардиналовъ. Съ сердцемъ, преисполненнымъ страха и смиренія, онъ подъ именемъ Целестина V совершилъ торжественное шествіе въ городъ Аквиу. Его сопровождали Карль II, король неаполитанскій, и сынъ его Карль-Мартель, король венгерскій; оба въ знакъ уваженія вели за поводья его мула. Простодушный и робкій Целестинъ чувствовалъ себя неловко въ своемъ новомъ положеніи. Онъ не могъ болѣе исключительно посвящать свое время на благочестивыя размышленія и предаваться пророческому вдохновенію. Почести и заботы, столь неожиданно выпавшія ему на долю, были для него тяжелымъ бременемъ и онъ усердно молилъ Бога избавить его отъ нихъ.

Такое настроеніе ума не могло долго оставаться тайной для окружающихъ и особенно для тѣхъ, которые смотрѣли на папскій престолъ какъ на добычу и всячески стремились овладѣть ею. Кардиналъ Каэтани, человекъ одержимый пылкими страстями и безграничнымъ честолюбіемъ, вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости для того, чтобы окончательно сбить съ толку суевѣрнаго и уже безъ того слабаго старика и принудить его отречься отъ престола. Посреди ночи, въ то самое время, когда Целестинъ, стоя на козлѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками, орошалъ слезами плиты своей моленной, онъ внезапно услышалъ голосъ, который повелѣвалъ ему сложить съ себя папскій санъ. Бѣдный отшельникъ, взволнованный, измученный, почти безумный отъ страха, передъ лицомъ Бога и людей объявилъ, что чувствуетъ себя неспособнымъ управлять судьбами церкви. Данте встрѣчаетъ Целестина въ Аду и строго упрекаетъ тѣнь этого папы, который

Изъ низости великій даръ отвергъ (*).

Десять дней спустя послѣ отреченія Целестина, хитрый Каэтани сталъ Бонифаціемъ VIII. Но эта легкая побѣда надъ полуумнымъ старикомъ еще не удовлетворила его вполне: ему хотѣлось во что бы то ни стало окончательно раздавить соперника подъ каблукъ своей папской туфли. Целестина окружили стражей, но онъ успѣлъ обмануть ея бдительность и убѣжать. Тогда его начали преслѣдовать какъ дикаго звѣря, гоня по горамъ и лѣсамъ, пока онъ снова не попалъ въ руки Бонифація, который заключилъ его въ узкую тюрьму, гдѣ онъ не могъ ни встать, ни лечь и гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Бонифацій велѣлъ похоронить его какъ злодѣя, но когда восемнадцать лѣтъ спустя тѣло его открыли для того, чтобы поклониться ему какъ святому, то черепъ его оказался протынутымъ гвоздемъ (**).

Флоренцію между тѣмъ терзала новая междоусобная война. Партіи *Бьянчи* и *Черники*, перейдя туда изъ Пистойи, впродолженіе десяти лѣтъ разоряли ее, обаграли кровью и наконецъ сдѣлали ее добычей алчныхъ чужеземцевъ.

А Бонифацій VIII съ высоты Ватикана съ улыбкой смотрѣлъ на всѣ эти раны, терзавшія Италію, и только старался ихъ еще болѣе растравлять, надѣясь тѣмъ самымъ увеличить свою власть. Онъ началъ съ того, что вмѣшался въ споры партій въ качествѣ примирителя и посредника. Лястя *Бьянчи* на словахъ, въ тайнѣ и на дѣлѣ покровительствуя *Черникамъ*, онъ и не думалъ примирять ихъ, а только хотѣлъ приобрести ихъ довѣріе для того, чтобы послѣ успѣшнѣе ихъ обмануть. Но планъ этотъ ему не удался. Тогда онъ обратился къ иностранному вмѣшательству и старался интригами склонить Карла-Валуа, брата Филиппа-Красиваго, сдѣлать высадку въ Италію.

М. Пинто.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

(*) Адъ. Пѣс. III.

Che fece per viltade il gran rifiuto.

(Inf. Can. III).

(**) Извлеченіе изъ жизни Целестина V, сдѣланное Петромъ Альдамо, кардиналомъ и современникомъ. Кн. 2, глава 15. Apud sturium, vitae sanctorum.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

Книга третья.

ДЛИННЫЙ ЗАВОУЛОКЪ.

I.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ ВЕСЕЛЯ.

Быль туманный день и туманъ отличался еще особенной тяжестью и густотою. Весь одушевленный Лондонъ съ раскраснѣвшими глазами и раздраженными легкими шурился, кашлялъ, задыхался; неодушевленный же казался какимъ-то покрытымъ сажею призракомъ, недоумѣвающимъ—явиться ли ему открыто на свѣтъ божій или невидимкой, и оставаясь потому полувидимымъ, полуневидимымъ. Газъ какъ-то угрюмо, мрачно горѣлъ въ лавкахъ, какъ-бы чувствуя, что онъ—ночная птица и не имѣетъ права показываться при солнцѣ, хотя оно теперь только напоминало о своемъ существованіи багровыми кругами, смутно видѣвшимися время отъ времени въ мрачной пеленѣ тумана. Даже въ окрестностяхъ города стоялъ туманъ, но тамъ онъ былъ сѣрый, а въ Лондонѣ, на рубежѣ предмѣстій, темно-желтый, далѣе все коричневѣе и коричневѣе, и, наконецъ, въ сердцѣ Сити, вокругъ церкви св. Маріи, ржаво-черный. Съ холмовъ, окружающихъ городъ съ сѣвера, видно было, какъ высокія зданія силились повременамъ поднять свои гордыя главы надъ океаномъ тумана, и особливо старался болѣе всѣхъ величественный куполь св. Павла; но этого невозможно было замѣтить снизу, съ улицъ, ибо оттуда весь городъ казался лишь однимъ громаднымъ облакомъ пара, грозившимъ гигантскимъ катаромъ.

Въ подобное утро, въ девять часовъ, контора Пубсей и К^о, конечно, представляла не очень веселое зрѣлище, даже въ кварталѣ св. Маріи, далеко невеселомъ мѣстѣ: въ окошкѣ мерцалъ газовый рожокъ, унылое пламя котораго едва боролось съ облаками

тумана, врывавшимися въ замочную скважину наружной двери. Но вотъ огонь потухъ, дверь отворилась и Ріа вышелъ съ большимъ мѣшкомъ на улицу.

Почти въ ту же минуту онъ исчезъ въ мрачной мглѣ, исчезъ даже изъ глазъ св. Маріи. Только око повѣствователя можетъ въ слѣдить его шаги по Корнгилю, Чипсайду, Флит-Стриту, Странду и Пикадили до Альбани. Онъ шель тихо, медленно, своей обычной, задумчивой поступью, съ посохомъ въ рукѣ и въ длинномъ платьѣ, волочившимся за нимъ по землѣ. Многіе проходящіе останавливались и съ недоумѣніемъ смотрѣли ему въ слѣдъ, когда уже его странная фигура исчезла въ туманѣ; имъ невольно вазалось, что это былъ какой нибудь обыкновенный человѣкъ, которому только туманъ придавалъ фантастическія очертанія.

Прійдя къ дому, во второмъ этажѣ котораго жилъ его хозяинъ, Ріа взобрался на лѣстницу и остановился передъ квартирой очаровательнаго Фледжеби. Не прибѣгая къ помощи звонка, ни молоточка, онъ ударилъ въ дверь своимъ посохомъ и усѣлся на порогѣ, такъ же спокойно и смиренно, какъ его предки и отцы сидѣли въ тюрьмахъ, терпѣливо перенося все, что угодно судьбѣ низпослать имъ.

Долго сидѣлъ онъ такъ на холодной, мрачной лѣстницѣ, пока, наконецъ, до того озябъ, что сталъ дуть на свои пальцы; тогда онъ всталъ и снова постучалъ посохомъ, послѣ чего снова усѣлся на ступенькѣ. Три раза повторилъ онъ это дѣйствіе, прежде чѣмъ до его слуха долетѣлъ голосъ Фледжеби, кричавшаго изъ своей кровати:

— Полно шумѣть, я приду сейчасъ и отворю дверь! Но вмѣсто того чтобъ придти сейчасъ, очаровательный Фледжеби снова заснулъ и проспалъ болѣе четверти часа, впродолженіе котораго Ріа продолжалъ преспокойно сидѣть на лѣстницѣ и терпѣливо ждать.

Наконецъ, дверь была открыта и фигура Фледжеби, вся въ бѣломъ, послѣшно ретировалась въ постель. Слѣдуя за нею на почтенномъ разстояніи, Ріа прошелъ въ спальню, гдѣ огонь въ каминѣ весело пылалъ.

— А который часъ ночи, по вашему? спросилъ Фледжеби, закутываясь одѣяломъ и представляя собою соблазнительное зрѣлище для озябшаго старика.

— Сэръ, давно утро, уже половина одинадцатаго.

— Чортъ-возьми! Такъ должно быть, очень туманно?

— Да, сэръ, сильный туманъ.

— И мокро, вѣрно?

— Холодъ, стужа, отвѣчалъ Ріа, отирая платкомъ свое лицо

и длинную сѣдую бороду и устремля взглядъ на привлекательный огонь.

— Идетъ снѣгъ, дождь или тамъ какая другая гадость? спрашиваетъ снова Фледжеби, съ наслажденіемъ поворачиваясь въ своей теплой постель.

— Нѣтъ, сэръ, погода совсѣмъ не такая гадкая, и на улицахъ довольно чисто.

— Нечего хвалить-то, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Фледжеби, которому хотѣлось, чтобъ контрастъ между его постелью и улицей былъ еще разительнѣе:—вы всегда что-нибудь да хвалите. Принесли книги?

— Вотъ онѣ, сэръ.

— Хорошо. Я обдумую все дѣло, а вы покуда выньте книги изъ мѣшка и приготовьте все. Мнѣ не нужно много времени, минути двѣ, не болѣе.

Съ этими словами Фледжеби отвернулся и снова заснулъ. Старикъ, исполнивъ его приказаніе, сѣлъ на кончикъ стула, и сложивъ руки на груди, поддался чарующему вліянію теплоты, и также задремалъ. Онъ очнулся, увидѣвъ передъ собою Фледжеби, вытянушагося во весь ростъ, въ турецкихъ туфляхъ, розовыхъ турецкихъ шароварахъ (купленныхъ очень дешево у кого-то, обманомъ доставшаго ихъ у другаго кого-то), въ халатѣ и шапочкѣ въ томъ же вкусѣ. Въ этомъ костюмѣ онъ былъ бы неподражаемъ, еслибъ ему дать еще въ руки свѣчку и спички.

— Ну, старина, воскликнулъ Фледжеби:—чего вы тамъ сидите съ закрытыми глазами. Или заснули? Небось, жиды, что лисицу, не поймашь спящимъ, только народъ надуваетъ.

— Нѣтъ, сэръ, увѣрю васъ, немного задремалъ, отвѣчалъ старикъ.

— Не повѣрю, замѣтилъ Фледжеби съ хитрой улыбкой:—эта хитрость вѣрно удается со многими, но не со мной, меня въ распахъ не поймашь. Впрочемъ, это недурная манера, когда закупаешь какую нибудь сдѣлку, хоть кого собьешь съ толку. О, хитрецъ!

Старикъ покачалъ головой, отрицая справедливость сказаннаго, и затѣвъ тяжелый вздохъ, подошелъ въ столу, за которымъ уже Фледжеби наливалъ себѣ кофе изъ горшка, кипѣвшаго въ каминѣ. Трогательное зрѣлище представлялъ этотъ юноша, пьющій кофе въ покойныхъ креслахъ, и передъ нимъ сѣдой старикъ, стоящій въ почтительной позѣ, ожидая его приказаній.

— Ну! сказалъ Фледжеби:— считайте деньги да докажите по счетамъ, что ихъ столько, сколько нужно. Прежде же всего зажмите свѣчу.

Ріа повинувался, и вынувъ маленькій мѣшочекъ изъ-за пазухи, высыпалъ деньги на столъ и сосчиталъ ихъ, ссылаясь постоянно на представленіе счета. Фледжеби снова ихъ пересчиталъ очень внимательно, бросая со звономъ каждую монету на столъ.

— Вы, вѣроятно, не почистили этихъ денегъ, сказалъ онъ, беря одну монету и разглядывая ее поближе: — но вѣдь это привычка у вашего брата жида. Вы вѣдь знаете, какъ поубавить маленькую монету, пооблегчить ее, а?

— Точно какъ вы, сэръ, отвѣчалъ старикъ, почтительно смотря на своего хозяина:—позвольте вы мнѣ сказать слово?

— Можете, отвѣчалъ снисходительно Фледжеби.

— Не смѣшиваете ли вы, сэръ, безъ всякаго намѣренія, конечно, безъ всякаго намѣренія, мои дѣйствительныя качества, выказываемыя мною съ честью въ вашей службѣ съ тѣми, которыя въ виду вашего интереса и по вашей воли принимаю на себя?

— Я не считаю нужнымъ входить въ такія тонкости и разбирать подробно этотъ вопросъ, отвѣчалъ сухо очаровательный.

— Вы не хотите сдѣлать этого изъ чувства справедливости?

— Чортъ съ нею!

— Даже изъ милосердія?

— Жидъ и милосердіе! Какъ это идетъ одно къ другому! воскликнулъ Фледжеби: — ну, доставайте ваши поручительства и не врите болѣе чепухи.

Поручительства были представлены и въ продолженіе добраго получаса мистеръ Фледжеби сосредоточилъ все свое вниманіе на нихъ. Все было найдено въ исправности, и какъ поручительства такъ и счетныя книги снова убранны въ мѣшокъ.

— Теперь поговоримъ о покупкѣ векселей, сказалъ Фледжеби:—я всего болѣе люблю эту отрасль нашихъ дѣлъ. Какіе тебѣ на рынкѣ сомнительные векселя и по какой цѣнѣ? Вы принесли списокъ?

— Вотъ, сэръ, длинный списокъ, отвѣчалъ Ріа, вынимая изъ большаго, толстаго бумажника листъ, исписанный очень мелкимъ почеркомъ.

— Ага! воскликнулъ Фледжеби:—много-таки ихъ! А какъ они продаются, гуртомъ или партіями?

— Въ партіяхъ, какъ тутъ означено, отвѣчалъ Ріа, смотря на записку черезъ плечо Фледжеби:—или всѣ разомъ.

— Ну, можно навѣрно сказать, что половина—макалатурная бумага, замѣтилъ Фледжеби: — можно ихъ скупить на вѣсъ, какъ макалатурную бумагу?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Ріа покачалъ головою, а Фледжеби устремилъ свои маленькіе

глаза на списокъ. Они мало-по-малу заблестѣли, и сознавая, что они заблестѣли, онъ обернулся, и взглянувъ на старика, серьезно слѣдившаго за нимъ, отошелъ къ камину. Ставъ такимъ образомъ спиною къ старику и облокотившись на каминъ какъ на контору, онъ продолжалъ просматривать по нѣсколько разъ одну и ту же строчку, словно она его очень интересовала. Въ подобныхъ минуты онъ взглядывалъ изподлобья въ зеркало, желая знать, замѣчаетъ ли это старикъ. Ріа, повидимому, не обращалъ никакого вниманія, и сознавая подозрительность своего хозяина стоялъ съ опущенными глазами. Мистеръ Фледжеби былъ еще занятъ этимъ дѣломъ, когда послышались шаги на лѣстницѣ и дверь послѣдственно отворилась.

— Это что! это ваше дѣло, старый жидъ! воскликнулъ Фледжеби:—вы вѣрно не закрыли двери. Тутъ шаги послышались въ сосѣднихъ комнатахъ и голосъ мистера Альфреда Ламля громко кричавшаго:—Фледжеби, гдѣ вы? Очаровательный, приказавъ шопотомъ Ріа поддерживать его во всемъ, что бы онъ ни говорилъ, отвѣчалъ громко:—я здѣсь, и отворилъ дверь своей спальни.

— Взойдите, продолжалъ онъ:—этотъ джентльменъ Пубсей и К^о изъ прихода св. Маріи, я хлопочу въ пользу одного бѣднаго пріятеля, векселя котораго въ рукахъ Пубсей и К^о, но они такъ строги со своими должникамъ, что я, кажется, напрасно теряю время. Скажите же, мистеръ Ріа, неужели я не могу пойти съ вами на какуюнибудь сдѣлку отъ имени моего пріятеля?

— Я только представитель другого человѣка, сэръ, отвѣчалъ жидъ очень тихо:—я только исполняю приказанія моего хозяина. Не мой капиталъ въ дѣлѣ и не я пользуюсь барышами.

— Ха-ха-ха, засмѣялся Фледжеби:—а Ламль, ха-ха-ха!

— Ха-ха! отвѣчалъ такимъ же смѣхомъ Ламль. — Да, да, конечно. Мы знаемъ.

— Чартовски хорошо, Ламль! Ха-ха-ха! продолжалъ Фледжеби въ восторгѣ отъ никому непонятной шутки.

— Всегда одно и то же, отвѣчалъ Ламль:—мистеръ...

— Ріа, Пубсей и К^о изъ прихода св. Маріи, подсказалъ Фледжеби, отирая слезы, выступившія на его глазахъ—до того онъ радовался своей таинственной шуткѣ.

— Мистеръ Ріа обязанъ соблюдать формы, однажды на всегда установленныя для подобныхъ дѣлъ, сказалъ Ламль.

— Онъ только представитель другаго лица! воскликнулъ Фледжеби:—дѣлаетъ то, что ему велитъ его хозяинъ? Не его капиталъ въ дѣлѣ! Ха-ха-ха! Это ужъ слишкомъ! Ха-ха-ха!

Мистеръ Ламль присоединился къ Фледжеби, и они впродолженіе нѣсколькихъ минутъ вмѣстѣ хохотали; при этомъ Ламль

очень многозначительно, какъ-бы знаючи, подмигиваль Фледжеби, что еще болѣе увеличивало прелесть его шутокъ.

— Однако, произнесъ наконецъ очаровательный, снова отирая глаза:—если мы будемъ такъ продолжать, то пожалуй сочтутъ, что мы надсмѣхаемся надъ мистеромъ Ріа или Пубсей и К^о, или тамъ надъ кѣмъ-нибудь другимъ, тогда какъ мы очень далеки отъ подобнаго намѣренія. Мистеръ Ріа, еслибъ вы были такъ добры подождать въ слѣдующей комнатѣ, пока я скажу два слова мистеру Ламлю, то я бы еще разъ постарался на чемъ-нибудь съ вами покончить.

Старикъ, который во все время, что продолжалась шутка Фледжеби, ни разу не поднялъ глазъ, молча поклонился и прошелъ въ дверь, которую очаровательный отворилъ для него. Закрывъ ее, Фледжеби воротился къ Ламлю, который стоялъ спиною къ камину и щипаль безжалостно свои бакенбарды.

— Ну! посибѣнно произнесъ Фледжеби:—что-нибудь неладно.

— Вы почему знаете? спросилъ Ламль.

— Довольно на васъ посмотрѣть, отвѣчалъ очаровательный.

— Ну такъ дѣйствительно, неладно, да не что-то, а все.

— Какъ? медленно произнесъ Фледжеби, садясь въ кресла и устремивъ глаза на своего пріятеля.

— Я вамъ говорю, Фледжеби, повторилъ Ламль, махая правой рукой:—все неладно. Игра проиграна.

— Какая игра проиграна? такъ же медленно, но мрачнѣе спросилъ Фледжеби.

— Игра. Наша игра. Прочтите.

Фледжеби взялъ записку и прочелъ въ слухъ: «Адольфъ Ламлю, эсквайру. Сэръ, позвольте мистриссъ Подзнапъ и мнѣ выразить, какъ глубоко мы чувствуемъ то вниманіе, которое мистриссъ Ламль и вы оказываете нашей дочери Джорджіанѣ. Позвольте намъ также отказаться отъ этого вниманія впредь и сообщить вамъ наше твердое желаніе, чтобъ наши семейства прекратили съ сего времени всякое знакомство. Честь имѣю, сэръ, оставаться вашимъ покорнѣйшимъ и преданнымъ слугою *Джонъ Подзнапъ*». Фледжеби молча посмотрѣлъ на три бѣлыя странички записки и потомъ точно такъ же молча взглянулъ на Ламля, который снова махнулъ рукой.

— Чья это работа? спросилъ очаровательный.

— Невозможно отгадать, отвѣчалъ Ламль.

— Быть можетъ, замѣтилъ Фледжеби задумчиво:—кто нибудь заговорилъ дурнаго о васъ Подзнапамъ.

— Или о васъ, прибавилъ Ламль, злобно улыбувшись.

Мистеръ Фледжеби только что приготовлялся сказать каку-

то колкость, какъ онъ печально тронулъ рукою носъ, и вспомнивъ нѣчто касавшееся его носа, закрылъ его рукой и задумался. Ламль слѣдилъ за нимъ изподлобья.

— Ну, произнесъ наконецъ Фледжеби: — болтовней не поможешь. Если мы когданибудь найдемъ человѣка, кто это сдѣлалъ, то воздадимъ ему съ лихвою. Нечего болѣе и говорить объ этомъ; развѣ только замѣтить, что вы взялись сдѣлать то, что обстоятельства не позволяютъ вамъ исполнить.

— И что вы взялись сдѣлать то, что могли исполнить, еслибы поскорѣе пользовались обстоятельствами и не теряли времени, промолвилъ сквозь зубы Ламль.

— Гм! Это еще вопросъ, отвѣчалъ Фледжеби, заложивъ руки въ карманы своихъ турецкихъ шароваръ.

— Мистеръ Фледжеби, началъ Ламль грознымъ тономъ: — долженъ ли я изъ этого понять, что вы считаете меня виноватымъ въ этомъ дѣлѣ или что вы недовольны моими дѣйствіями?

— Нисколько, если вы только принесли вексель, данный мною вамъ, на случай успѣшнаго окончанія дѣла.

Ламль вынулъ изъ кармана вексель и подаль его, хотя и не очень охотно. Фледжеби посмотрѣлъ на подпись, призналъ ее за свою и бросилъ бумагу въ огонь. Они оба молча смотрѣли на нее пока она сгорѣла и въ видѣ пепла улетѣла въ трубу.

— Ну, мистеръ Фледжеби, сказалъ Ламль: — долженъ ли я понять, что вы бросаете на меня какую-нибудь тѣнь или недовольны мною въ этомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ.

— Положительно и окончательно нѣтъ?

— Да, да.

— Фледжеби, вотъ моя рука.

Очаровательный взялъ протянутую ему руку и произнесъ:

— Если мы когданибудь найдемъ человѣка, сдѣлавшаго это, воздадимъ ему съ лихвою. Теперь позвольте мнѣ вамъ сказать два слова, самымъ дружественнымъ образомъ. Я не знаю вашихъ денежныхъ обстоятельствъ и не спрашиваю о нихъ, но вы понесли въ этомъ дѣлѣ потерю. Многіе люди часто не по своей винѣ запутываются въ своихъ дѣлахъ и вѣдь это можетъ случиться съ вами, конечно, оно можетъ и не случиться. Но во всякомъ случаѣ, что бы вы ни дѣлали, въ какомъ бы вы положеніи ни были, Ламль, никогда не попадайтесь въ руки Пубсей и К^о, что сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Они просто грабители, они высосутъ изъ васъ послѣднюю каплю крови, любезный Ламль, прибавилъ Фледжеби съ особеннымъ удовольствіемъ, которое онъ конечно старательно скрывалъ: — они сдерутъ съ васъ кожу по верхеч-

камъ, отъ макушки и до пятокъ, они сотрутъ въ порошокъ каждую вашу косточку. Вы видѣли, что за человекъ мистеръ Ри. Никогда не попадайтесь имъ въ руки, Ламль, я прошу васъ, какъ друга.

Мистеръ Ламль, выказывая нѣкоторый испугъ при такомъ торжественномъ заклинаніи, спросилъ:—на кой чортъ ему когда-нибудь попадать въ руки Пубсей и К.?

— По правдѣ сказать, меня очень обезпокоило, какъ жидъ взглянулъ на васъ, услыхавъ ваше имя, отвѣчалъ добродушный Фледжеби:—мнѣ не понравился его взглядъ, но вѣдь это, можетъ быть, мнѣ только такъ показалось. Конечно, если вы увѣрены, что по свѣту не гуляетъ вашихъ векселей, которыхъ вы не въ состояніи уплатить, и которые могли попасть въ его руки, то вамъ нечего безпокоиться и я навѣрно ошибся. Но какъ хотите, все же его взглядъ мнѣ очень не понравился.

Ламль очень мрачно задумался и на его толстомъ носу показались быстро перебѣгавшія съ мѣста на мѣсто бѣлыя пятна, словно его щипалъ какой-то невидимый чертенокъ. Низкое, можно сказать подлое, лицо Фледжеби подергивало чѣмъ-то въ родѣ злобной улыбки, онъ пристально слѣдилъ за Ламлемъ и невольно казался тѣмъ самымъ невидимымъ мучителемъ, который такъ безжалостно преслѣдовалъ Ламля.

— Однако, я не долженъ очень его задерживать, сказалъ Фледжеби:—или онъ отомститъ за это на моемъ бѣдномъ пріятелѣ. Какъ здоровье вашей умной и пріятной жены? Она знаетъ, что все кончено?

— Я показалъ ей письмо.

— Она очень удивилась? спросилъ Фледжеби.

— Я думаю, она еще болѣе удивилась бы, еслибы вы приняли за дѣло поживѣе, отвѣчалъ Ламль.

— А! Значить, она взваливаетъ всю вину на меня?

— Мистеръ Фледжеби, я не позволю извращать моихъ словъ.

— Не выходите изъ себя, Ламль, отвѣчалъ смиреннымъ тономъ Фледжеби:—это вовсе не нужно. Я только спросилъ, взваливаетъ ли она всегда вину на меня, вотъ и все.

— Нѣтъ, сэръ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Фледжеби, заключая изъ этихъ словъ, что мистриссъ Ламль дѣйствительно обвиняла его:—паникуйте ей отъ меня. Прощайте.

Они пожали другъ другу руки и Ламль вышелъ изъ комнаты очень задумчивый, мрачный. Фледжеби, проводивъ его до гѣстницы, возвратился къ огню.

— У тебя, голубчикъ, бакенбарды, которые мнѣ никогда не

правдись, бормоталъ себѣ подъ носъ Фледжеби: — и которыхъ нельзя купить за деньги. Ты хвалишься своимъ манерами и краснорѣчіемъ, ты хотѣлъ меня провести, и по твоей милости я потерпѣлъ неудачу, въ которой я самъ виноватъ, по мнѣнію твоей жены. Погоди, я тебя подкошу, хотя у меня и нѣтъ ни манеръ, ни краснорѣчія, ни бакенбардъ, прибавилъ очаровательный, проводя рукою по тому мѣсту, гдѣ они должны были расти.

Успокоивъ себя подобнымъ образомъ, Фледжеби вликулъ старика Ріа, дожидавшему въ сосѣдней комнатѣ: «Сэръ, а сэръ, пожалуйста сюда!» При видѣ мистера Ріа, онъ не могъ не сравнить его скромный, смиренный видъ съ тѣми качествами, которыя онъ ему только-что приписывалъ, и снова покотился со смѣху: «Отлично! Право, неподобно! Ай-да шутка! Ха-ха-ха!»

— Ну, старина, продолжалъ Фледжеби, когда онъ нахохотался вдоволь:—вы скупите тѣ партіи векселей, которыя я вотъ означу карандашомъ, и потомъ я готовъ биться объ закладъ, вы начнете сосать этимъ христіанъ, какъ подобаешь вашему брату жиду. Потомъ вамъ нужна, или вы говорите, что вамъ нужна отъ меня чека, потому что я убѣжденъ, что у васъ есть капитадецъ, хотя вы прежде дадите себя сжарить и съѣсть, чѣмъ признаетесь въ этомъ— ну, дѣлать нечего, я чеку-то вамъ напишу.

Съ этими словами онъ отперъ ящикъ, изъ котораго вынулъ ключъ, и отперъ имъ другой ящикъ, снова досталъ новый ключъ и отперъ новый ящикъ, гдѣ хранилась книжка съ чеками. Вынувъ ее, онъ вырвалъ листокъ, подписалъ его и снова заперъ книжку тремя замками.

— Ну, старина, сказалъ онъ, отдавая ему чеку, которую тотъ спряталъ въ свой бумажникъ:—довольно теперь о моихъ дѣлахъ: поговоримъ-ка о другомъ, что прямо до меня не касается. Гдѣ она?

Не успѣвъ еще застегнуть своего верхняго платья, въ боковомъ карманѣ котораго онъ спряталъ бумажникъ, Ріа остановился въ изумленіи.

— Ага! воскликнулъ Фледжеби: — вы этого не ожидали. Куда же вы ее припрятали?

Ясно выказывая, что его схватили врасплохъ, старикъ посмотрѣлъ съ замѣтнымъ смущеніемъ на своего господина, который, казалось, очень этимъ былъ доволенъ.

— Находится она въ домѣ, который я нанимаю подлѣ церкви св. Маріи? снова спросилъ Фледжеби.

— Нѣтъ, сэръ.

— Или она въ саду на крышѣ—играетъ въ смерть или какую другую дурацкую игру? продолжалъ допрашивать очаровательный.

— Нѣтъ, сэръ.

— Такъ гдѣ же она?

Ріа опустилъ глаза, словно размышляя, могъ ли онъ отвѣчать не нарушая даннаго слова, и потомъ безмолвно взглянулъ на своего господина, какъ-бы говоря, что совѣсть заставляетъ его молчать.

— Ну-ну, я не стану очень-то допытываться, произнесъ Фледжеби:—но я желаю знать одно, и это я требую, чтобы вы мнѣ сказали: какую вы роль тутъ играете?

Старикъ не понимая, на что намекаетъ Фледжеби, безмолвнымъ движеніемъ головы и рукъ просилъ объясненія.

— Вѣдь не можете же быть, чтобы вы ухаживали за этой дѣвчонкой, продолжалъ Фледжеби: — вы старій плутъ, дряхлый патриархъ! Не можете же вы быть влюблены въ Лизу?

— Ахъ, сэръ! сэръ! сэръ! воскликнулъ Ріа.

— Такъ зачѣмъ же вы не признаетесь, по какой причинѣ вы запустили свою лапку въ эту исторію, отвѣчалъ Фледжеби, слегка покраснѣвъ.

— Сэръ, я вамъ скажу всю правду; но, простите меня, что я вамъ смѣю предлагать условія, вы сохраните это втайнѣ, я вамъ повѣрю эту тайну только на честное слово.

— Честное слово у жидовъ! воскликнулъ Фледжеби съ презрѣніемъ:—ну, ну, рассказывай.

— На честное слово, сэръ? повторилъ торжественно старикъ.

— Конечно. Честное слово, отвѣчалъ Фледжеби.

Старикъ, котораго ни разу не приглашали сѣсть, положилъ руку на стулъ молодаго человѣка и продолжалъ почтительно стоять, пока тотъ смотрѣлъ на огонь, ожидая съ любопытствомъ разсказа и притомъ глядясь поймать его и срѣзать на каждомъ шагѣ.

— Ну, говорите же, воскликнулъ онъ:—да начинайте съ причины, которая побуждаетъ васъ дѣйствовать.

— Сэръ, у меня нѣтъ другой причины, какъ желаніе помочь нуждающимся въ помощи.

Мистеръ Фледжеби могъ выразить впечатлѣніе, произведенное на него этими неожиданными словами, только презрительно щелкнувъ языкомъ.

— Какъ я узналъ и сталъ уважать эту дѣвицу, я вамъ уже объяснилъ, когда вы увидѣли ее въ моемъ бѣдномъ садикѣ на крышкѣ дома.

— Неужели? сомнительно произнесъ очаровательный:—впрочемъ, можетъ быть.

— Чѣмъ больше я ее зналъ, тѣмъ болѣе интересовался всѣмъ, что ея касается. Обстоятельства привели ее, наконецъ, въ кризису. Я нашелъ ее въ самомъ затруднительномъ положеніи:

съ одной стороны ее преслѣдовалъ неблагодарный, себялюбивый братъ и непризнанный вздыхатель, съ другой—иной вздыхатель, гораздо могущественнѣе перваго, окружалъ ее опаснѣйшими съ-тми обоюдной любви.

— Такъ она повисла на шею одному изъ молодцовъ?

— Очень естественно, что она его полюбила, онъ имѣлъ много хорошихъ качествъ, но онъ былъ неравнаго съ нею положенія въ свѣтѣ и никогда не думалъ на ней жениться. Опасности окружали ее со всѣхъ сторонъ, черныя тучи обуружали ее небосклонъ—тогда я, который слишкомъ старъ и дряхлъ, какъ вы изволили выразиться, чтобы во мнѣ могли подозрѣвать другія чувства въ ней, какъ отцовскую любовь—я посовѣтовалъ ей спастись бѣгствомъ. Я сказалъ: «Дочь моя, есть минуты нравственной опасности, когда самое высокое, добродѣтельное дѣло — бѣгство, когда самый храбрый, мужественный шагъ—то же бѣгство». Она отвѣчала, что сама объ этомъ думала, но куда бѣжать? безъ помощи ей этого сдѣлать было невозможно, а у ней не было никого, кто бы ей помогъ. Я отвѣчалъ, что одинъ я могу ей оказать эту помощь—и она бѣжала.

— Чтò вы съ ней сдѣлали? спросилъ Фледжеби.

— Я помѣстилъ ее далеко, отвѣчалъ старикъ:—очень далеко—и онъ при этомъ описалъ рукой дугу—у моихъ соплеменниковъ, гдѣ она будетъ жить своимъ трудомъ, внѣ всякой опасности.

Фледжеби замѣтилъ движеніе руки старика и, повторивъ его, восклицнулъ, качая головою:

— Вы помѣстили ее въ томъ направленіи? о, круглый хитрецъ.

Ріа не отвѣчалъ ни слова и Фледжеби не сталъ спрашивать болѣе, куда именно помѣстилъ Ріа молодую дѣвушку, ибо онъ зналъ, что не поколеблетъ въ этомъ отношеніи твердой рѣшимости старика.

— Лизи, промолвилъ Фледжеби:—хм, Лизи—вы мнѣ не сказали ея фамиліи, когда я засталъ ее у васъ въ саду, но я буду откровеннѣе васъ и скажу, что знаю, какъ ее зовутъ—Лизи Гексамъ.

Ріа молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Знаете, сэръ, продолжалъ Фледжеби:—мнѣ кажется, я знаю кое-что и о счастливомъ вздыхателѣ. Онъ вѣдь адвокатъ?

— Да, онъ, кажется, пользуется этимъ званіемъ, но только номинально.

— Я такъ и думалъ. А зовутъ его Лайтвудомъ?

— Нимало.

— Ну, ну старина, восклицнулъ Фледжеби, взглянувъ на него:—говорите скорѣе имя.

— Вребурнь.

— Боже мой! произнесъ Фледжеби:— такъ это онъ. Я очень подозрѣвалъ Лайтвуда, но объ этомъ никогда и не помышлялъ. Я бы не прочь былъ, еслибъ вы бы обошли любаго изъ нихъ: ужь очень они хитры на взглядъ; но такого скрытнаго человѣка, какъ вашъ Вребурнь, я и не видывалъ. Къ тому же онъ имѣетъ бороду и очень ей гордится. Хорошо, старина, хорошо. Продолжайте какъ начали, я вамъ желаю полного успѣха.

Обрадованный этой неожиданной похвалой, Ріа спросилъ: нѣтъ ли еще какихъ приказаній?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фледжеби:— вы можете теперь убираться, старый жидъ, и пытаться тѣми приказаніями, которыя уже вамъ дали.

При этихъ милостивыхъ словахъ, старикъ взялъ свою широкую шляпу и посохъ и удалился изъ комнаты; прощаясь съ своимъ хозяиномъ, онъ казался скорѣе какимъ-то высшимъ существомъ, благословляющимъ Фледжеби, чѣмъ бѣднымъ слугою, откланивающимся передъ своимъ господиномъ. Оставшись одинъ, Фледжеби заперъ дверь на лѣстницу и снова воротился къ камину.

«Молодецъ Фледжеби, хорошо ты ведешь дѣла», говорилъ онъ самъ себѣ: «правда, ты непроворенъ, идешь тихо, да вѣрно.» Повторивъ раза три тѣ же слова, онъ продолжалъ разсуждать самъ съ собою: «а ловкую шутку я сдѣлалъ, нечего сказать, жиды перехитрилъ. Небось, когда я услышалъ исторію объ исчезновеніи этой дѣвчонки, я не накинулся съ-разу на старика, а повелъ дѣло помаленьку; я не люблю прыжковъ». (Въ этомъ онъ былъ совершенно правъ; онъ никогда въ жизни не дѣлалъ смѣлыхъ свачковъ, не бралъ ничего съ бою, а подкрадывался ко всему на четверенькахъ и завладѣвалъ хитростью или обманомъ).

«Я помаленьку вывѣдалъ все отъ него. Еслибъ Ламль или Лайтвудъ наткнулись бы на него, то они, конечно, спросили бы прямо, принималъ ли онъ какое нибудь участіе въ бѣгствѣ молодой дѣвушки. Я поступилъ гораздо лучше и съ разу поразилъ его, давъ почувствовать, что все знаю. О! противъ меня и жидъ ничего не сдѣлаетъ. Что жъ касается до христіанъ, берегитесь, собратія христіане, особенно тѣ, которыхъ векселя ходятъ по бѣлу свѣту! У меня теперь ихъ въ рукахъ порядочное количество, и я задамъ вамъ себя знать. Ужь одно то, что можешь дѣлать, что угодно съ своими ближними, ни мало неподозрѣвающими твоей власти — такое удовольствіе, что стоило бы за него и дорого заплатить. А когда еще этимъ путемъ и копейку высосешь пзъ васъ же, голубчики, такъ ужь это такое дѣлье, что мое почтеніе!

Съ этими словами мистеръ Фледжеби приступилъ къ своему утреннему туалету. Онъ снялъ свое турецкое облаченіе и надѣлъ христіанскую одежду; совершилъ свои обычныя умовенія и очень тщательно вымазалъ себѣ обѣ щеки и подбородокъ самымъ лучшимъ, вѣрнымъ средствомъ для рощенія волосъ (потому что очаровательный Фледжеби вѣрилъ однимъ только мудрецамъ на свѣтѣ, кромѣ, конечно, ростовщиковъ — шарлатанамъ, обѣщавшимъ исполнить его завѣтную мечту — выростить, на безплодной почвѣ его лица, густой лѣсъ бакенбардъ и бороды). Совершивъ все это, Фледжеби вышелъ на улицу и густой туманъ принялъ и скрылъ его въ своихъ хладныхъ мрачныхъ объятіяхъ. Еслибъ онъ никогда не выпускалъ его изъ этихъ объятій, то міръ не понесъ бы великой потери и легко замѣнилъ бы одного Фледжеби, другимъ подобнымъ же Фледжеби.

II.

Почтенный другъ съ новой точки зрѣнія.

Вечеромъ въ тотъ же туманный день, когда желтая занавѣска въ конторѣ Пубсей и К^о была опущена и работа кончена, старикъ Риа снова вышелъ на улицу. Но теперь онъ не несъ мѣшка и не шелъ по дѣламъ своего хозяина. Перейдя чрезъ Лондонскій мостъ, онъ снова воротился на Мидльсекскій берегъ Вестминстерскимъ мостомъ, и такъ продолжалъ свой путь до тѣхъ поръ, пока очутился у порога жилища кубольной швеи.

Миссъ Рень ожидала его. Онъ видѣлъ въ окошко, какъ она сидѣла передъ огнемъ, едва мерцавшемъ изъ-подъ зола, которой она прикрывала уголья, чтобы они медленнѣе горѣли. Она была уже въ шляпкѣ и полудремала, погружившись въ свои мысли; она очнулась отъ легкаго толчка въ окно и поспѣшила отворить дверь, стуча своимъ маленькимъ костью.

— Доброга вечера, крестная, сказала она старику.

Онъ засмѣялся и подалъ ей руку, чтобы она на нее уперлась.

— Не войдете ли вы погрѣться, крестная маменька? спросила миссъ Джени Рень.

— Нѣтъ, если вы только готовы, милая моя Сандрильйона.

— Ну, воскликнула въ восторгъ миссъ Рень: — вы дѣйствительно умный старина! Еслибъ мы давали призы въ нашемъ заведѣніи, то вы бы получили первую серебряную медаль за то, что вы такъ скоро меня поняли.

Говоря это, миссъ Рень вынула ключъ отъ наружной двери, спрятала его въ карманъ и захлопнула дверь изо всей силы.

Убѣдившись, что ее открыть нельзя, она одной рукой оперлась на старика, а другой взяла востыль; но ключъ былъ такой громадный, что прежде чѣмъ они двинулись, Ріа предложилъ его понести.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я сама понесу, отвѣчала миссъ Ревъ:— Я ужасно валга и всегда наклонена на одну сторону, а тяжелый ключъ будетъ оттагивать и уравновѣситъ корабль. Вѣдь надо вамъ сказать секретъ, крестная: у меня карманъ-то нарочно съ высокой стороны.

Тутъ они отправились въ путь и медленно заковыляли.

— Да, честь вамъ дѣлаетъ, крестная, что вы меня такъ скоро поняли, начала снова миссъ Ревъ, съ видимымъ сочувствіемъ:— но вы ужасно походите на крестныхъ маменекъ, колдуній, о которыхъ пишутъ въ маленькихъ книжкахъ. Вы какъ-то отличаетесь отъ всѣхъ другихъ людей и точно приняли свою фигуру только въ данную минуту и съ благой цѣлью. Да, да, крестная, воскликнула миссъ Джени, прижимаясь къ самому лицу старика:— я вижу сѣвось вашу маску и привязную бороду ваше настоящее лицо.

— Ну, а я могу дѣлать чудеса и измѣнять окружающіе предметы, или ваша фантазія не идетъ такъ далеко?

— Еще бы! Еслибъ вы только взяли мою палку и ударили ею по мостовой — вонъ по тому грязному камню — онъ тотчасъ обратился бы въ карету шестерней. Это такъ, я вѣрю и вы вѣрьте.

— Всей душой готовъ вѣрить, отвѣчалъ добрый старикъ.

— И знаете, что вы должны сдѣлать для меня, крестная. Я буду васъ просить, очень просить, чтобъ вы дотронулись жезломъ до моего ребѣнка и совершенно измѣнили его. Онъ такой нехорошій, нехорошій ребѣнокъ, особливо въ послѣднее время онъ совершенно вывелъ меня изъ терпѣнія. Я не знаю, что съ нимъ дѣлать. Въ цѣлые десять дней ни разу не принялся за работу. И потомъ онъ бѣсился, воображая, что хотять его бросить четьре залитыхъ мѣдью воина, въ огненную печь.

— Однако, это опасно, Джени.

— Опасно, крестная? Мой гадкій ребѣнокъ всегда грозитъ мнѣ какой-нибудь опасностью. Почему я знаю, можетъ, онъ въ эту самую минуту домъ поджигаетъ, и она обернулась, чтобъ посмотреть, нѣтъ ли на небѣ зарева.—Я, право, не знаю, кто послѣ такого примѣра захочетъ имѣть дѣтей! И какъ ни толкаешь его, ничего не помогаетъ. Ужъ я его толкала-толкала, даже изъ силъ выбилась, и все повторяла: — отчего ты не поступаешь по запо-

вѣдигъ и не уважаешь родителей, гадкй ребѣнокъ? Онъ только хныгаль все время и молча смотрѣль на меня.

— Ну, а послѣ него, что еще надо измѣнить? спросилъ Ріа шутливымъ голосомъ.

— Я, право, боюсь признаться; но послѣ него надо приняться за меня, хотя это и очень эгоистично съ моей стороны. Я попрошу уже васъ, крестная, выправить мою спину и ноги. Для васъ, съ вашимъ могуществомъ, это бездѣлица, а для меня—важное дѣло, вѣдь мнѣ иногда очень больно.

Въ этихъ словахъ неслышно было никакой жалобы, никакого ропота; но тѣмъ не менѣе они невольно тронули старика.

— Ну, а потомъ? спросилъ онъ.

— Да вы сами знаете, крестная. Мы оба садимъ въ карету нестерней и покатимъ къ Лизи. Это напоминаетъ мнѣ, что я хотѣла у васъ спросить очень важную вещь. Вы мудры, какъ нельзя быть мудрѣе, ибо васъ нянчили феи, такъ скажите—что лучше: имѣть хорошую вещь и потерять ее, или вовсе не имѣть ее?

— Объясните, милая крестница.

— Я чувствую себя теперь безъ Лизи гораздо болѣе одинокой; мнѣ гораздо скучнѣе и грустнѣе, чѣмъ прежде, когда я ее еще не знала. (Слезы показались на глазахъ Джени при этихъ словахъ).

— Всякй, милая моя, лишается въ жизни кого нибудь дорогаго, любимаго, произнесъ торжественно старикъ:—я потеряль жену, красавицу дочь и надежду сына, но все же счастье было.

— Ахъ! тихо-задумчиво промолвила Джени, ни мало, однако, неубѣжденная словами старика:—въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, съ чего надо начать ваши чудесный превращенія: обратите есть въ было и было въ есть, да закрѣпите навсегда что было, чтобъ оно никогда не уничтожилось.

— А для васъ было-ли бы это хорошо? Вѣдь тогда вы бы вѣчно страдали и мучились!

— Правда! воскликнула миссъ Ренъ:—вы уже сдѣлали меня гораздо умнѣе, хотя по истинѣ сказать, на это не требовалось много труда, прибавила она, и глазки ея заблестѣли и подбородокъ какъ-то вытянулся впередъ.

Разговорившая такимъ образомъ, они перешли черезъ Вестминстерскй мостъ, и прошли по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ такъ недавно шелъ Ріа; но очутившись на Лондонскомъ мосту, они свернули въ другую сторону и углубились въ густой туманъ, покрывавшй весь берегъ.

Но прежде еще этого Джени вдругъ остановила своего старо

проводника передъ блпстательно-освѣщенными окнами игрушечнаго магазина.

— Вотъ посмотрите, воскликнула она: — все моя работа.

Эти слова относились къ блестящему ряду куколъ, сіявшихъ всѣми цвѣтами радуги и разодѣтыхъ по послѣдней модѣ и самыми разнообразнѣйшимъ образомъ. Тутъ были туалеты и придворныя, и бальныя, и выѣздныя, и гуляльныя, и вѣнчальныя, и амазонки, и всякіе-всякіе другіе: «Красиво, очень красиво!» сказалъ старикъ, хлопая въ ладоши: «и съ какимъ вкусомъ все одѣлано!»

— Очень рада, что вамъ нравится, торжественно произнесла миссъ Ренъ: — но всего смѣшнѣе и забавнѣе, какъ я примѣряю свои платья на великосѣтскихъ барыняхъ, хотя, правда, это самая трудная часть моихъ занятій, особливо съ моей спиною и ногами.

Старикъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, не понимая, что она хотѣла сказать.

— Вѣдь мнѣ приходится рысать по городу во всякое время дня и ночи, продолжала Дженн: — еслибъ я могла сидѣть за своей скамейкой и кроить да шить, такъ дѣло было бы легкое; но всего мучительнѣе эта примѣрка, эта возня съ барынями.

— Какъ, примѣрка?

— Какая же вы, однако, непонятная, крестная маменька, отвѣчала миссъ Ренъ: — слушайте! приѣмъ ли при дворѣ, или праздникъ въ паркѣ, или выставка, или большой балъ, гдѣ бы то ни было, я тутъ какъ тутъ; проберусь въ толпѣ и смотрю въ оба. Какъ только я увижу на какой-нибудь барынь подходящій для меня туалетъ, я тотчасъ пристально все высмотрю и бѣгу домой. Тамъ тотчасъ за работу: выкрою, сошью, пригоню, да на слѣдующій разъ уже и прихожу примѣрять. Тогда я все и высматриваю свою барыню, которая часто замѣчаетъ, какъ я на нее пристально смотрю, но онѣ это любятъ, конечно не всѣ, но большинство. Пока она-то удивляется, отчего на нее такъ глазѣтъ нищая дѣвчонка, а я себѣ и говорю: — тутъ уточать, тамъ прибавить и т. д.—однимъ словомъ, примѣряю на ней платье по всѣмъ правиламъ. Вотъ балы для меня всего мучительнѣе; вопервыхъ, потому, что видишь плохо въ торопяхъ въ маленькую дверь или ворота; а вовторыхъ, часто приходится бѣгать между лошадьми и меня когда-нибудь да задавятъ; но все же здѣсь есть порядочная выставка и бальныхъ нарядовъ. Эти барыни, выскакивая изъ экипажа и взбѣгая по лѣстницѣ, иногда замѣчаютъ мое лицо, высунувшееся изъ-за локтя какого-нибудь полпсмена, и, вѣроятно, думаютъ, что я восхищаюсь ими и зави-

дур имъ, а, конечно, никому и въ голову не придетъ, что они работаютъ на моихъ куколь! Есть какая-то леди Белпиды Вайтроузъ; я ее однажды заставила въ одну ночь нести двѣ службы. Какъ только я ее увидѣла, выходящей изъ кареты, я тотчасъ сказала: «ты годишься, милая», и съ мѣстѣ побѣжала домой и сдѣлала выкройку. Когда это было готово, я вернулась назадъ, и ждала развѣзда. Очень была холодная, скверная погода, но вотъ наконецъ кричатъ: «карету леди Белпиды Вайтроузъ!» Я тотчасъ за примѣрку и ужъ помучила ее порядочно; она садилась въ карету. Вотъ она виситъ, за талью, посканпивуть. Напрасно только восковую булку ставить такъ близко къ огню.

Пройдя порядочное пространство по берегу, Ріа спросилъ у проходящихъ, какъ найти кабаковъ подъ вывѣской «Шесть Веселыхъ Товарищей». Слѣдуя данному указанію, они послѣ двухъ или трехъ остановокъ, очутились наконецъ на порогѣ владѣній миссъ Аббэ Потерсонъ. Сквозь стеклянную часть двери они могли видѣть миссъ Аббэ, возсѣдавшую торжественно посреди всего великолѣпія буфета съ газетой въ рукахъ. Ріа отворилъ дверь и они почтительно предстали передъ нею.

Поднявъ глаза и остановившись, какъ-бы недоумѣвая, не слѣдуетъ ли ей кончить параграфъ, прежде чѣмъ приниматься за всякое другое дѣло, миссъ Аббэ очень недовольнымъ тономъ спросила:

— Ну, что вамъ нужно?

— Нельзя ли намъ видѣть миссъ Потерсонъ? сказалъ старикъ Ріа, снимая шляпу.

— Нетолько что можно, но вы ее уже видите, отвѣчала хозяйка.

— Вы позволите сказать вамъ два слова?

Замѣтивъ маленькую фигуру Джени Рэнъ, миссъ Аббэ такъ ею заинтересовалась, что положила въ сторону газету и встала, чтобъ лучше рассмотретьъ ее черезъ отверстіе надъ прилавкомъ. Костыль, казалось, безмолвно просилъ, чтобъ его бѣдную, маленькую госпожу пустили погрѣться къ камину и миссъ Аббэ, словно отвѣчая на просьбу костыля, громко сказала:

— Да, войдите и присядьте у огонька.

— Меня зовутъ Ріа и я занимаюсь дѣлами въ Сити, произнесъ старикъ, почтительно влянаясь. — Моя юная сопутница, ..

— Позвольте! воскликнула миссъ Рэнъ: — я лучше дамъ этой барнѣ свою карточку.

Съ этими словами она подала карточку, доставъ ее изъ кармана послѣ довольно продолжительной борьбы съ громаднымъ

ключомъ, занимавшимъ весь карманъ; миссъ Аббэ съ видимымъ изумленіемъ взяла миниатюрный документъ и прочла слѣдующее:

Миссъ Джени Ренъ.

Кукольная швея.

Одѣваетъ куколъ по приглашенію.

— Боже мой! воскликнула миссъ Потерсонъ, широко открывъ глаза отъ удивленія и ровня карточку.

• — Мы осмѣлились васъ беспокоить, сударыня, началъ Ріа: — чтобъ исполнить порученіе Лизи Гексамъ.

Миссъ Потерсонъ, которая только что нагнулась, чтобъ развязать шляпку кукольной швеи, гнѣвно взглянула на старика.

— Лизи Гексамъ очень гордая молодая дѣвушка.

— Она хотѣла бы гордиться тѣмъ, что вы ее уважаете, отвѣчала смѣло Ріа:—и потому прежде, чѣмъ уѣхать изъ Лондона...

— Куда, ужъ не на мисъ ли Доброй Надежды? воскликнула миссъ Патерсонъ, полагавшая почему-то, что она вѣрно эмигрировала.

— Въ провинцію, отвѣчалъ съ замѣчательною осторожностью Ріа:—и передъ отъѣздомъ она взяла съ насъ слово, что мы придемъ сюда и покажемъ вамъ бумагу, которую она оставила намъ нарочно для этой цѣли. Я—преданный ея другъ, хотя и узналъ ее недавно, только съ тѣхъ поръ, что она переѣхала изъ вашего околотка. Она жила долгое время у моей спутницы и была ей лучшимъ другомъ и помощникомъ, а повѣрьте, прибавилъ онъ вполголоса: — это бѣдное созданіе очень нуждается въ помощи. Еслибъ вы знали все, то легко бы мнѣ повѣрили.

— Я и такъ вѣрю, отвѣчала миссъ Аббэ, бросая нѣжный взглядъ состраданія на маленькую фигурку кукольной швеи.

— И если тотъ человѣкъ гордъ, кто имѣетъ нѣжное сердце, ничѣмъ невозмутимое терпѣніе и самое ловкое умѣніе обходиться съ больными, то, конечно, она горда, воскликнула Джени, вся вспыхнувъ:—а если нѣтъ, то нѣтъ.

Ея смѣлая выходка, ея рѣзкое противорѣчіе миссъ Аббэ ни мало не оскорбило эту почтенную даму, напротивъ, оно вызвало самую милостивую улыбку.

— Вы хорошо дѣлаете, дитя мое, сказала она: — что заступаетесь за тѣхъ, кто достоинъ этого.

— Хорошо или худо, промолвила едва слышно миссъ Джени:—только я намѣрена такъ поступать, и вы это знайте, старуха.

— Вотъ бумага, сударыня, сказалъ Ріа, подавая документъ, написанный Роксмитомъ и подписанный Ридергудомъ: — не будете ли вы такъ добры, чтобъ прочесть его?

— Но прежде всего, отвѣчала миссъ Аббэ, обращаясь къ Джени:—отвѣдвали ли вы когданибудь *шрубъ*? (*)

Миссъ Рень повачала отрицательно головой.

— Желали ли бы отвѣдать?

— Да, если вкусно, отвѣчала кукольная швея.

— Я вамъ дамъ попробовать, и если вамъ понравится, то я вамъ сдѣлаю этого питья, смѣшавъ съ горячей водой. Протаните ваши бѣдныя ножки на рѣшотку. Ужасно холодная ночь и такъ сыро. Съ этимъ миссъ Аббэ помогла Джени повернуть стулъ, при чемъ ее шляпка упала на полъ.

— Ахъ, какіе прелестныя волоса, воскликнула миссъ Аббэ: — да и какое множество, ихъ хватить на парики всѣмъ кукламъ на свѣтѣ.

— Это вы называете множествомъ, отвѣчала миссъ Рень: — фи! Что же вы скажете объ остальныхъ волосахъ? И она, говоря это, развязала ленту и золотистый дождь упалъ на ея плечи, и скрылъ ее и стулъ. Восхищеніе миссъ Аббэ, казалось, увеличивалось пропорціонально съ ея изумленіемъ. Она подозвала знакомъ къ себѣ старика, и доставая бутылку изъ шкафа, шопотомъ спросила:

— Ребѣнокъ или взрослая?

— Ребѣнокъ годами, взрослая по силѣ воли и вынесеннымъ испытаніямъ, отвѣчалъ Ріа.

«Вы говорите обо мнѣ, добрыя люди», думала Джени, грѣя свои ноги: «я не могу разслышать, что вы говорите, но знаю всѣ ваши замашки и обычаи!»

Напитокъ очень понравился кукольной швеѣ, и миссъ Потерсонъ приготовила его порядочное количество, такъ что досталось и на долю старика. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, миссъ Аббэ прочитала документъ принесенный ея неожиданными посѣтителями. Впродолженіе этого чтенія она часто поводила бровями и каждый разъ какъ-бы въ тактъ, Миссъ Рень, слѣдившая за нею пристально, отпивала съ шумомъ немного питья.

— На сколько я смыслю, произнесла миссъ Аббэ, когда она перечла нѣсколько разъ документъ и обдумала его хорошенько: — это доказываетъ только то, что вовсе не требовало доказательствъ, что Ридергудъ подлець. Я имѣю даже подозрѣнія, что онъ одинъ совершилъ это дѣло; но я не надѣюсь, чтобъ эти подозрѣнія когданибудь были оправданы или опровергнуты надлежащимъ образомъ. Я вижу, что сдѣлала много зла отцу Лизи, но не самой Лизи, ибо когда обстоятельства были самыя мрачныя, я доказала,

(*) *Shrub*—напитокъ изъ рома съ апельсиновымъ сокомъ и сахаромъ.

что довѣряю ей, была съ ней откровенна и старалась всѣми силами уговорить ее поселиться у меня. Мнѣ очень жаль, что я несправедливо обошлась съ человѣкомъ, особливо когда этого нельзя исправить. Передайте, пожалуйста, Лиззи мои слова и прибавьте, что если она придетъ къ Веселымъ Товарищамъ, то найдетъ и кровь, и друга, а прошедшее все забыто. Она знаетъ миссъ Аббэ, напомните ей только обо мнѣ, и она легко пойметъ, какой найдетъ себѣ здѣсь домъ и какого друга. Я всегда говорю коротко и сладко, или коротко и горько, какъ придется и какъ кому кажется, прибавила миссъ Аббэ: — вотъ все, что я хотѣла сказать, да и довольно ужъ, кажется.

Но прежде, чѣмъ былъ выпитъ весь шрубъ, миссъ Аббэ вдругъ вошло въ голову, что недурно было бы имѣть у себя копию принесеннаго документа.

— Онъ вѣдь не длинный, сказала она, обращаясь къ старпку: — и вамъ, быть можетъ, это не составило особенно большаго труда. Старикъ очень любезно падѣлъ очки, и подойдя къ копторкѣ, на которой миссъ Аббэ писала свои росписки и гдѣ хранила свою образцовую посуду — написалъ копию чоткнмъ, круглымъ почеркомъ. Пока онъ стоялъ тамъ, углубившись въ дѣло, а маленькая кукольная швея, съ распущенными золотистыми волосами отдыхала въ креслѣ, миссъ Аббэ смотрѣла на нихъ съ удивленіемъ; ей все казалось, не сонъ ли это, не исчезнуть ли, когда она проснется, эти страшныя, необычныя въ бабачкѣ фигуры.

Она два раза закрывала глаза и снова ихъ открывала, думая не найти уже болѣе своихъ чудесныхъ посѣтителей, но они были тутъ-какъ-тутъ на тѣхъ же мѣстахъ. Но вотъ вдругъ раздался шумъ въ общей залѣ. Миссъ Аббэ вздрогнула; ея посѣтители подняли головы и всѣ трое вопросительно посмотрѣли другъ на друга. Шумъ все усиливался, теперь уже слышался громкій говоръ и тяжелые поспѣшныя шаги, потомъ съ шумомъ отворились всѣ окна и съ рѣвн донеслись отчаянные крики. Еще минута, и Бобъ Глибери бѣжалъ по корридору, безжалостно стуча своими тяжелыми, подбитыми гвоздями сапогами.

— Что такое? воскликнула миссъ Аббэ.

— Наѣхали въ туманѣ, опрокинули кого-то на рѣкѣ, сударыня, отвѣчалъ Бобъ: — много народа пошло ко дну.

— Поставить всѣ котлы! воскликнула миссъ Аббэ: — смотри, чтобъ вода кипѣла. Вытащи ванну. Повѣсь къ огню простыни. Разогрѣй каменные кувшины. Да, не теряй головы, ступай внизъ и дѣлай все живѣе.

Пока миссъ Аббэ отдавала эти приказанія Бобу, котораго она для большаго вразумленія схватила за волосы и нѣсколько разъ

ударила головой о стѣну, вѣроятно съ дѣлюю, чтобъ опъ не теряла головы — все общество въ залѣ, толкая другъ друга и крича изо всей силы, выбѣжало на берегъ, такъ что шумъ снаружи усилился, а внутри дома наступила тишина.

— Пойдемъ посмотримъ, сказала миссъ Аббэ своимъ посѣтителямъ, и они всѣ трое отправились въ пустую залу и черезъ одно изъ отворенныхъ окошекъ вышли на деревянную галерею, выходившую на рѣку.

— Знаетъ ли кто нибудь, что случилось? спросила миссъ Аббэ повелительнымъ тономъ.

— Пароходъ, миссъ Аббэ, послышался голосъ изъ тумана.

— Это всегда пароходъ, миссъ Аббэ, воскликнулъ другой.

— Вонъ его фонари мерцаютъ, миссъ Аббэ, подхватилъ третій.

— Онъ выпускаетъ пары, миссъ Аббэ, и оттого-то такой и шумъ, да и туманъ какъ-то гуще, объяснилъ четвертый.

Лодки отчаливали, факелы уныло мерцали тамъ и сямъ, люди со всѣхъ сторонъ бѣжали къ водѣ. Кто-то упалъ съ страшнымъ шескомъ и его вытащили мокраго при общемъ хохотѣ толпы. Притащили веревокъ. Кричали, требовали спасительную бочку. Невозможно было понять, что происходило на рѣкѣ, ибо каждая лодка, едва она отчаливала отъ берега, исчезала изъ глазъ въ мрачной, непроницаемой мглѣ. Одно было только ясно, что во всемъ былъ виноватъ пароходъ, ибо толпа не жалѣла брани и ругательства. Одни увѣрили, что это — *убійца*, отходившій на *Островъ Галеръ*, другіе — *душегубецъ*, спѣшившій въ *колонію каторжныхъ*; шкипера надо отдать подъ судъ, кричали третіе: — онъ всегда нарочно топить бѣдныхъ людей, ломаетъ лодки, поджигаетъ дома на берегу искрами — онъ всегда былъ и будетъ злымъ истребителемъ, грозящимъ опасностью и людямъ, и ихъ собственности, подобно всѣмъ своимъ собратамъ паровымъ суднамъ. Подобные восклицанія и упреки такъ и сыпались одни за другими. Между тѣмъ пароходные фонари все двигались взадъ и впередъ на одномъ мѣстѣ, словно они ожидали, чѣмъ кончится несчастье, какого бы рода оно ни было. Но вотъ изъ трубы показался синій свѣтъ, окружающая мгла, казалось, воспламенилась и мѣстами стали проглядывать тѣни лодокъ и людей. Послышались крики: «Вонъ! Правѣ! Еще! Еще! Ура! Смотри! Загребай! Отдай! Тащи!» Наконецъ пламя трубы освѣтило въ послѣдній разъ мрачныя облака тумана и снова наступилъ мракъ, колеса парохода завертѣлись и онъ плавно пошелъ къ морю.

Миссъ Аббэ и ея гостямъ показалось, что ужасно много времени прошло въ продолженіе всей этой исторіи. Но вотъ вся толпа

бросилась внизъ съ берега къ самой водѣ, и только когда причалила первая лодка, узнали въ чемъ дѣло.

— Если это Томъ Тутль, воскликнула миссъ Аббэ, самымъ повелительнымъ тономъ: — то, чтобъ онъ сію минуту пришелъ сюда!

Послушный Томъ Тутль подошелъ къ галерейкѣ, сопровождаемой всей толпой.

— Что это, Тутль? спросила миссъ Аббэ.

— Иностраннй пароходъ опрориннулъ лодку.

— Сколько людей въ лодкѣ?

— Одинъ, миссъ Аббэ.

— Найдень?

— Да. Онъ былъ долго подъ водой, миссъ, но тѣло словили.

— Пускай несутъ. Бобъ Глибери, запри дверь въ домъ, стой снаружи и не смѣй отворять, пока я скажу. Полиція есть?

— Здѣсь, миссъ Аббэ, отвѣчалъ офиціальнй голосъ.

— Когда внесутъ тѣло, то не пускать толпу въ домъ, слышите? Помочь Бобу Глибери держать двери!

— Слушаюсь, миссъ Аббэ.

Самодержавная повелительница удалилась въ буфетъ и поставила своихъ посѣтителей рядомъ съ собою за прилавокъ.

— Вы стойте тутъ по сторонамъ, сказала она: — вы все увидите и васъ не ушибутъ. Бобъ, стой у дверей.

Юннй часовой, поправивъ второпяхъ воротнички рубашки, сталъ на мѣсто.

Извнѣ раздались приближающіеся шаги, шумъ, говоръ. Но вотъ все затихло и только послышалось два сухихъ удара въ дверь, словно мертвнй, котораго несли на спинѣ, ударалъ пятками своихъ неподвижныхъ, окостенѣвшихъ ногъ.

— Это стукъ подножки или ставни; я не знаю, на чемъ они его несутъ, сказала миссъ Аббэ, которой ухо уже привыкло къ подобнымъ звукамъ: — отвори дверь, Бобъ.

Дверь отворилась. Медленно-тяжело ступало нѣсколько человекъ, повидимому, несшихъ большую тяжесть. Они остановились. Толпа хлынула. Ей дали отпоръ. Дверь съ шумомъ захлопнулась. Крики и ругательства раздались извнѣ.

— Войдите! произнесла миссъ Аббэ, которая держала всѣхъ въ такомъ повиновеніи, что и носильщики ждали ея позволенія.

— Несите въ первый этажъ.

Корридоръ былъ низенькій, лѣстница низенькая, потому носилки пришлось держать очень низко, такъ что при проходѣ мимо прилавка, мертвецъ лежа на доскѣ, былъ въ уровнѣ съ нимъ.

Увидавъ тѣло, миссъ Аббэ съ ужасомъ понятилась.

— Боже мой! воскликнула она, обращаясь къ своимъ гостямъ:— да это тотъ самый человѣкъ, который написалъ бумагу, только что нами прочитанную. Это — Ридергудъ.

III.

Тотъ же почтенный другъ вѣдъ съ новой точки зрѣнія.

Дѣйствительно, это былъ Ридергудъ и никто другой или, лучше сказать, это была внѣшняя скорлупа, шкура Ридергуда и никого другаго. Изворотливый, легкоподвижный Ридергудъ лежитъ теперь неподвижно на доскѣ; его осторожно несутъ по лѣстницѣ въ комнату перваго этажа; но, однако, доска нѣсколько разъ наклоняется то въ ту, то въ другую сторону, и явная опасность грозила при поворотахъ, что тѣло скатится и рухнетъ внизъ.

— Послать за докторомъ, командовала миссъ Аббэ:— за дочерью, прибавила она черезъ минуту. И тотчасъ ея вѣрноподданые бросились исполнять ея приказанія.

Доктора поймали на полудорогѣ; онъ уже шелъ подъ прикрытiемъ полицiи. Осмотрѣвъ мокрый, бездыханный трупъ, онъ произноситъ, что хотя и безъ большой надежды, но стоитъ употребить всѣ усилiя для возвращенiя къ жизни уопленника. Тотчасъ приложены всевозможныя старанiя; всякiй торопится предложить свои услуги—свои руки, сердце, душу. Никто не питаетъ никакого чувства привязанности къ этому человѣку; напротивъ, они всѣ его избѣгали, презирали, подозрѣвали во всякихъ преступленiяхъ; но искра жизни въ немъ теперь кажется имъ отдѣльной отъ него, неизмѣющей съ нимъ ничего общаго, а этой искрѣ они живо, пламенно сочувствуютъ вѣроятно потому, что *это* жизнь, а они живутъ и должны когда нибудь умереть.

На вопросъ доктора, какъ это случилось и виноватъ ли кто-нибудь въ этомъ несчастiи? Томъ Тутль произноситъ свой приговоръ—непредвидѣнный, неизбѣжный случай, никто не виноватъ, кромѣ пострадавшаго.—Онъ прокрадывался потихоньку въ лодкѣ, прибавилъ Томъ:—я не желаю порочить покойника, но ужъ у него была такая манера—и прямо наткнулся на носъ пороходъ, который и разрѣзалъ его пополамъ. — Мистеръ Тутль выражался фигурально, подразумѣвая, что разрѣзана была лодка, а не человѣкъ, ибо человѣкъ лежалъ передъ ними цѣлый.

Капитанъ Джо, постоянный посѣтитель бабачка, съ толстымъ носомъ въ бутылку и въ лакированной шляпѣ, принадлежалъ къ старинной почтенной школѣ, и потому пробравшись въ комнату подѣ

тѣмъ предложомъ, что исполняетъ важное дѣло, торжественно неся галстухъ утопленника, предлагаетъ доктору мудрый совѣтъ; повѣснить тѣло внизъ головой, «какъ вѣшаютъ баранну въ мясныхъ», объясняетъ онъ. Потомъ прибавляетъ тотъ же глубокомысленный и опытный совѣтникъ: «слѣдуетъ его положить на бочки и батать взадъ и впередъ, это—лучшее средство, чтобъ возвратить дыханіе». Эти образцы великой мудрости предковъ капитана возбуждаютъ такое презрѣніе къ нему въ миссъ Аббэ, что она въ ту же минуту и не говоря ни слова, схватываетъ несчастнаго за шиворотъ и выталкиваетъ за дверь.

Теперь для помощи доктору и Тому остаются только трое друзей постоянныхъ посѣтителей кабака: Бобъ Гламеръ, Вильямъ Вильямсъ и Джонатанъ (его фамиліная кличка, если есть таковая—покрыта мракомъ неизвѣстности). И этихъ совершенно довольно. Сама миссъ Аббэ посмотрѣвъ, что все нужное приготовлено, сходитъ внизъ и ожидаетъ результата въ обществѣ стараго жиди и миссъ Джени Ренъ.

Если ты несовсѣмъ, не навсегда покинулъ землю, мистеръ Ридергудъ, то любопытно бы знать, гдѣ ты теперь находишься! Этотъ мокрый, слизистый кусокъ мяса, который мы съ такимъ усліемъ стараемся привести къ жизни, не подаетъ о тебѣ никакихъ признаковъ. Если ты не на шутку повинулъ насъ, Ридергудъ, то вѣдь это—торжественная, великая минута; но если ты и вернешься опять къ намъ, едва-ли минута не торжественнѣе. Нѣтъ, передъ таинственнымъ вопросомъ: воротись ли ты, ступевывается и великій вопросъ, гдѣ ты въ эту минуту; онъ придаетъ самой смерти еще болѣе торжественности, заставляетъ насъ, стоящихъ надъ тобою, трепетать, бояться взглянуть на тебя и не смотрѣть на тебя, заставляетъ всѣхъ внизу содрогаться отъ ужаса при малѣйшемъ скрипѣ старой доски въ полу.

— Стой! Вѣва дрогнула? такъ спрашиваетъ себя докторъ, пританъвъ дыханіе и пристально слѣдя за мертвецомъ.

Нѣтъ.

— Повелъ ноздрей?

Нѣтъ.

— Послѣ искусственнаго дыханія, не колышется ли незамѣтно грудь подъ моею рукой? спрашиваетъ себя снова докторъ.

Нѣтъ.

Снова и снова нѣтъ и всегда нѣтъ. Но попробуемъ опять, опять.

Чу! признавъ жизни! Несомнѣнный признакъ жизни! Искра эта можетъ погаснуть, но можетъ и разгорѣться въ пламя! Но что это! Грубые, необтесанные люди, стоящіе вокругъ, громко

плачутъ — и всѣ четверо. Ридергудъ ни живой, ни мертвый, ни на семь свѣтѣ, ни на томъ, не могъ бы ихъ заставить пролить единой слезы о немъ; но человѣческая душа борется между жизнью и смертью — вотъ о чемъ они плачутъ.

Онъ силится возвратиться къ жизни. Вотъ онъ уже почти между нами, нѣтъ, снова исчезъ. Опять возвращается все ближе, ближе. И, однако, какъ мы всѣ, когда приходимъ въ себя отъ обморока, какъ мы всѣ ежедневно просыпаясь, онъ какъ-то инстинктивно желалъ бы не возвращаться къ сознанию, а вѣчно оставаться въ забытѣ, еслибъ это было только возможно.

Бобъ Глибери приводитъ Плезантъ Ридергудъ, которую онъ съ трудомъ нашель, ибо ея не было дома. Голова ея была покрыта большимъ платкомъ и первое ея движеніе послѣ того, какъ она пріѣхала вся въ слезахъ, было поправить свою свалившуюся косу.

— Благодарствуйте, миссъ Аббэ, что вы пустили сюда отца, произнесла бѣдная молодая дѣвушка.

— Я должна вамъ сказать, что не знала въ первую минуту, съ кѣмъ случилось несчастіе, отвѣчала миссъ Аббэ: — но, впрочемъ, еслибъ и знала, я думаю, поступила бы точно такъ же.

Бѣдная Плезантъ, выпивъ глотокъ водки, поднесенной ей самою хозяйкой для подкрѣпленія силъ, вошла въ комнату перваго этажа. Она не выказала бы большаго чувства къ отцу, еслибъ ей пришлось произнести торжественную рѣчь надъ его могилой, но она дѣйствительно всегда питала къ нему гораздо болѣе привязанности, чѣмъ онъ къ ней и потому, увидавъ его неподвижное, бездыханное тѣло, она залилась горькими слезами и, ломая руки, воскликнула:

— Развѣ нѣтъ надежды, докторъ? О, мой бѣдный отецъ! Онъ умеръ, бѣдный?

Докторъ, стоя на одномъ колѣнѣхъ подлѣ тѣла и пристально слѣдя за нимъ, не поворачиваясь, отвѣчаетъ:

— Если вы, моя милая, не можете быть спокойной и молчать, то я не позволю вамъ оставаться въ комнатѣ.

Плезантъ тотчасъ отираетъ слезы волосами и, заправивъ ихъ на затылкѣ, слѣдитъ съ испугомъ — съ напряженнымъ вниманіемъ, за всѣмъ, что происходитъ. Вскорѣ ея женскій инстинктъ даетъ ей возможность уже помогать доктору. Предугадывая, что ему понадобится, она тихонько приготовляетъ и подаетъ ему; наконецъ, ей поручаютъ держать голову ея отца.

Новое и пріятное чувство испытываетъ теперь Плезантъ, видя, что ея отецъ служитъ предметомъ сочувствія и интереса, что нисколько его присутствіе на свѣтѣ терпится окружающими, но

что его почти упрасиваютъ, умоляютъ жить съ ними. Въ ея головѣ рождается мысль, что еслибъ могло такъ остаться надолго, то въ ихъ положеніи была бы очень радостная перемиѣна. Еще ей мерещится, и она смутно надѣется, что все зло въ немъ вымерло, и если онъ снова возвратится въ бездушное тѣло, лежащее недвижимо на постелѣ, то будетъ совершенно инымъ человѣкомъ. Въ этомъ напряженномъ состояніи ума и сердца она пламенно палуетъ окоченѣвшія уста и твердо вѣритъ, что охладѣвшая жестокая рука, которую она старается согрѣть, оживетъ доброй, любящей рукой, если ей суждено когда ожить.

Сладкое заблужденіе, Плезантъ Ридергудъ. Но они такъ усердно за нимъ ухаживаютъ, безпокойство такъ ясно написано на ихъ лицахъ, они такъ пристально слѣдятъ за нимъ, ихъ радость такъ чистосердечна при каждомъ новомъ признакѣ возвращающейся жизни, что какъ же ей было бѣдной неувлечься! И вотъ онъ начинаетъ дышать мало по малу и докторъ объявляетъ, что онъ возвратился изъ таинственнаго, необъяснимаго путешествія, въ которомъ онъ такъ долго останавливался на мрачной дорогѣ.

При этихъ словахъ Томъ Тутль, стоящій ближе всѣхъ къ доктору, съ жаромъ пожимаетъ ему руку. Бобъ Глибери, Вильямъ Вильямсъ и Джонатанъ, неимѣющій влички, жмутъ руки другъ другу и доктору. Бобъ Глибери громко сморкается; Джонатанъ, что безъ влички, намѣренъ то же сдѣлать, но не имѣя платка, отказывается отъ этого способа выразить свое волненіе. Плезантъ проливаетъ слезы радости и ея блаженное заблужденіе достигаетъ своего апогея.

Глаза его открылись. Онъ удивляется и спрашиваетъ, гдѣ онъ.

— Отецъ, тебя опрокинули на рѣкѣ; ты у миссъ Аббэ Патерсонъ.

Онъ широко открываетъ глаза отъ изумленія, смотритъ бессознательно на дочь, на всѣхъ окружающихъ, и снова закрывъ ихъ и, какъ-бы въ забытѣ, опускаетъ голову на руку дочери.

Мгновенная иллюзія, минутное заблужденіе быстро разсѣвается. Низкое, неприятное выраженіе снова является на этомъ лицѣ — является со дна рѣки или другого какого роковаго дна. Чѣмъ болѣе возвращается къ жизни этотъ человѣкъ, чѣмъ теплѣе становится за минуту передъ тѣмъ окоченѣвшій трупъ, тѣмъ холоднѣе относятся къ нему окружающіе его люди. Чѣмъ болѣе черты его смягчались съ возвращеніемъ жизни, тѣмъ болѣе жесткое выраженіе принимаютъ ихъ лица, тѣмъ болѣе ожесточаются ихъ сердца.

— Ну, теперь ожилъ, провозноситъ докторъ, обмывая руки, и смотря на больного все съ возрастающимъ неудовольствіемъ.

— Много людей лучше его не были такъ счастливы, глобокомысленно замѣчаетъ Томъ Тутль, мрачно качая головой.

— Надо надѣяться, что онъ поведетъ лучшую жизнь, чѣмъ до сихъ поръ, говорить Бобъ Глибери.

— Хоть этого и трудно отъ него ожидать, прибавляетъ Вильямъ Вильямсъ.

— Не такой человѣкъ! вставляетъ свое слово и Джонатанъ, чѣмъ не имѣеть ключи.

Всѣ они говорятъ вполголоса ради того, что дочь въ комнатѣ, но она не можетъ не замѣтить, что они столпились въ гучку въ одномъ углу и видимо избѣгаютъ его, стараясь отойти какъ можно подалѣе. Нельзя подозрѣвать, чтобъ они сожалѣли, что онъ не умеръ, когда онъ уже былъ такъ близокъ въ этому, но они, очевидно, желали бы имѣть болѣе достойный предметъ своихъ попеченій. Между тѣмъ послали донести о случившемся миссъ Аббэ, и она, явившись въ комнату, смотритъ издали на воскресшаго, шопотомъ разговаривая съ докторомъ. Искра жизни привлекала всеобщее вниманіе и сочувствіе пока она боролась за свое существованіе; но теперь, когда она окончательно остановилась въ тѣлѣ мистера Ридергуда, то всѣ, кажется, одинаково жалѣютъ, что эта искра не развилась во что нибудь другое, лучшее.

— Все же вы сдѣлали свое дѣло, какъ честные, хорошіе люди, произносить торжественно миссъ Аббэ: — и вамъ теперь лучше сойти внизъ и выпить чего нибудь на счетъ Веселыхъ Товарищей.

Всѣ охотно соглашаются и оставляютъ дочь одну караулить отца. Вскорѣ къ ней, однако, является Бобъ Глибернъ.

— Жабры-то у него свело, неправда ли? замѣчаетъ онъ послѣ довольно пристального осмотра больного.

Плезантъ едва замѣтно киваетъ головой.

— А небось когда проснется, то ихъ еще дръпче сведетъ? Плезантъ надѣется, что нѣтъ, и спрашиваетъ, почему Глибернъ такъ думаетъ.

— Помилуйте, очень просто, когда онъ увидитъ себя здѣсь, объясняетъ Бобъ:—вѣдь миссъ Аббэ выгнала его отсюда и запретила приходить. Но то, что называютъ судьбою, привело-таки его сюда.

— Онъ бы не пришелъ, еслибы это зависѣло отъ него, отвѣчаетъ Плезантъ съ пополновеніемъ на гордость.

— Нѣтъ, замѣчаетъ Бобъ:—его бы не пустили, еслибъ онъ и пришелъ.

Мимолетная иллюзія теперь совершенно разсѣялась. Такъ же ясно, какъ она видѣть своего больного отца, опершагося на ея руку, такъ сознаетъ она и тотъ грустный фактъ, что всѣ накинута на него, какъ только онъ очнется. «Я лучше его уведу отсюда, какъ можно скорѣе», думаетъ она съ грустью: «ему всего лучше дома».

Вскорѣ всѣ снова возвращаются и ждутъ пока онъ придетъ въ сознаніе, чтобъ разомъ отъ него отдѣлаться. Кое какія платья приготовлены для него, ибо его собственныя пропитаны насквозь водою, а теперь онъ завернуть въ одиѣхъ простыняхъ.

Мало по малу онъ начинаетъ беспокоиться во снѣ и метаться, словно ему кто-нибудь подсказываетъ о чувствахъ, питаемыхъ къ нему всѣми присутствующими, наконецъ онъ открываетъ глаза и приподнимается съ помощью дочери.

— Ну, Ридергудъ, какъ вы себя чувствуете? спрашиваетъ докторъ.

— Хвастаться нечѣмъ, отвѣчаетъ онъ рѣзко, возвратившись къ жизни въ чрезвычайно дурномъ расположеніи духа.

— Я не намѣренъ вамъ читать мораль, говоритъ докторъ, мрачно качая головою:—но я надѣюсь, что это приключеніе будетъ имѣть хорошее вліяніе на васъ, Ридергудъ.

Больной промывалъ что-то въ отвѣтъ, но совершенно не слышно, хотя его дочь, еслибы захотѣла, конечно, могла передать его слова, смыслъ которыхъ состоялъ въ томъ, что онъ терпѣть не можетъ, когда врутъ вздоръ какъ попки.

Черезъ минуту Ридергудъ спрашиваетъ рубашку и прехладнокровно ее надѣваетъ съ помощію дочери, словно онъ только что подрался съ кѣмъ нибудь.

— Это пароходъ? спрашиваетъ онъ, останавливаясь.

— Да, отецъ, отвѣчаетъ она.

— Я потяну ихъ въ судъ и заставлю заплатить! восклицаетъ Ридергудъ. Потомъ онъ очень мрачно застегиваетъ рубашку, останавливаясь нѣсколько разъ, чтобы посмотреть на свои руки, какъ бы ища на нихъ слѣдовъ драки. Рѣзко, надуту спросивъ остальное свое платье, онъ молча напяливаетъ его съ видомъ живѣйшей неприязни къ своему недавнему сопернику и всѣмъ зрителямъ. Ему почему-то кажется, что у него изъ носу течетъ кровь и онъ нѣсколько разъ проводитъ по немъ рукою и съ любопытствомъ смотритъ потомъ на руку, не остались ли на ней слѣды.

— Гдѣ моя мѣховая шапка? спрашиваетъ онъ, покончивъ свой туалетъ.

— Въ рѣкѣ, отвѣчаетъ кто-то изъ окружающихъ.

— И не нашлось честнаго человѣка, который словилъ бы ее? Конечно, нашлось, да онъ далъ тагу съ ней! Ужъ хороши вы всѣ, нечего сказать!

Выхвативъ съ гнѣвомъ изъ рукъ дочери какую-то шапку, которую одолжилъ одинъ изъ стоящихъ, Ридергудъ, ворча себѣ подъ носъ, нахлобучилъ ее на уши и вставъ съ постели тяжело налегъ на бѣдную дочь. — Ну, держись, чего закачалась-то? съ сердцемъ произноситъ онъ и медленно удаляется изъ комнаты, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ вынесъ тяжелую роковую борбу со смертью.

МЕЖДУ СТАРЫМЪ И НОВЫМЪ (*).

(Повѣсти, Разказы и Очерки Н. Г. Помяловскаго. Т. I—II).

II.

МОЛОТОВЪ. — БРАТЬ И СЕСТРА. — Очерки вурсы.

Для второй части «Мѣщанскаго счастья» у Помяловскаго не было написано ни одной строчки, когда онъ напечаталъ первую. За своего «Молотова» онъ принялся въ Обуховской больницѣ, и стало быть, тотчасъ, въ первыя же минуты отрезвленія отъ вина и горячки. Совершенно вѣроятно, что Помяловскій, въ то же время, почувствовалъ сильнѣйшую потребность отрезвиться и отъ многоаго другаго. Его повѣсть почти не оставляетъ сомнѣнія, что въ эти минуты тяжкаго похмѣлья и внезапнаго просвѣтленія, онъ съ отвращеніемъ взглянулъ и на свое собственное умственное шатаніе, и на всю эпидемію свистунства, которое въ то время было въ самомъ разгарѣ, казалось ему высшею мудростію и, однако, довело его до разочарованія. Очнувшись среди больничныхъ стѣнъ, на больничной койкѣ, быть можетъ, увидѣвъ себя въ рубашкѣ умалишонныхъ, онъ долженъ былъ призвать себѣ на помощь весь свой здравый, непосредственный смыслъ. Ему припомнились всѣ послѣднія слова и рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, на которыхъ проявлялось въ то время безчинное свирѣпство нашего прогресса, и онъ не могъ не придти къ рѣшенію, что лечиться нужно заодно. Онъ обжогся на дешевой мудрости послѣднихъ словъ слишкомъ горячо — до воспаления всей своей крови, до горѣнія мозга. Теперь, накануне выхода изъ больницы, ему было нужно, ему глубоко было нужно убѣдить самого себя — точно ли онъ не помѣшанный. И вотъ онъ спѣшитъ выработать себѣ новые взгляды и на эмансипацію женщины, и на семейный строй, и на безсмертіе души, и на уголовную вмѣлемость, и по вопросу о Богѣ, и даже по вопросу о томъ, вполнѣ

(*) См. «Отчет. Зап.» № 7-й.

или не вполне высшія вліянія отнимають свободную волю у чело-
вѣка. По всѣмъ этимъ вопросамъ онъ приходитъ къ такимъ умѣ-
реннымъ рѣшеніямъ, что изъ нихъ ни одно не можетъ быть отвергну-
то даже «Сыномъ Отечества». Такъ, напримѣръ, въ семействѣ
онъ осуждаетъ только деспотизмъ, на самый же институтъ семей-
ства смотритъ совершенно поправославному, т.-е. съ признаніемъ
главенства мужа. По вопросу о вмѣняемости, его герой однажды
усомнился видѣть преступницу — въ несомнѣнной убійцѣ, и Помя-
ловскій, устами другого своего лица, возражаетъ ему въ такомъ
родѣ: «ваши чувства дѣлають честь вашему сердцу, но вѣдь этакъ
у насъ завтра же ограбятъ всю губернію». Въ другомъ мѣстѣ,
одному «надорванному», смотрящему на нашъ земной міръ, какъ
на гнилую картофелину, гдѣ все ничего незначить — ни честь, ни
подлость, ни трудъ, ни тунеядство, потому что «всѣ тлѣнно и
скоропреходяще» — онъ заставляетъ уже героя своего отрѣзать при-
близительно такъ: «поди и утопись; ты ничего лучшаго не сважешь
и не сдѣлаешь въ этомъ мірѣ».

Замѣчательно, что именно такое діалектическое настроеніе По-
мяловскаго и сообщило нѣкоторую живость и теплоту его повѣсти;
повидимому, оно должно бы было сгубить ее, а вышло напротивъ:
«Молоотовъ» ничего бы не значилъ, не подогрѣтый діалектикой.
Онъ и теперь ничего не значить, потому что пора его прошла,
вмѣстѣ съ журнальными рѣшеніями вопросовъ о сущности всѣхъ
вещей; но то вниманіе, котораго онъ былъ удостоенъ назадъ тому
три года, было отчасти заслуженное. Секретъ заключается въ томъ,
что вы видите челоувѣка въ самой живой схваткѣ съ своими сомнѣ-
ніями — челоувѣка, которому трудно жить и которому представляется
въ перспективѣ домъ умалишонныхъ, если онъ не выработаетъ се-
бѣ мнѣній, согласныхъ съ здравымъ смысломъ, взаимнѣ своихъ
прежнихъ шатаній; вы видите, что челоувѣкъ этотъ за свои умствен-
ныя шатанія, нахватанныя безъ критики и по довѣрію къ автори-
тетамъ, въ которыхъ разочаровался, сжигается укоризнами совѣсти;
вы, наконецъ, видите, что въ этомъ челоувѣкѣ, на этотъ разъ, нѣтъ
ничего или очень мало такого, что мы называемъ «напущеннымъ»;
какого бы качества ни были его сужденія, но томленія его ума
искренни; а прѣ этомъ условіи, въ насъ не можетъ не возбуждать
интереса и участія та душа, въ которой совершаются подобныя
томленія, хотя бы предметомъ ихъ были вопросы о вмѣняемости и
свободѣ воли. Вашъ интересъ, въ этомъ случаѣ, не можетъ быть
ни упорнымъ, ни глубокимъ, ни продолжительнымъ, потому что
предметъ его не достигаетъ художественнаго выраженія, и кромя
того, онъ слишкомъ индивидуаленъ для того, чтобы сдѣлать ваше
впечатлѣніе полнымъ и глубокимъ; сомнѣнія Помяловскаго не дѣ-

лаются вашими сомнѣніями; вамъ даже нѣтъ никакой возможности забыть, что это—сомнѣнія недоучки, который сомнѣвается не потому, что проглотилъ всю наличную мудрость, всѣ существующія ученія о предметѣ своихъ сомнѣній, и не нашелъ удовлетворенія, а только потому, что глубоко обиженный въ своемъ образованіи, онъ долго принималъ послѣдній вздоръ за послѣднюю мудрость, и теперь, образумленный цѣною бѣлой горячки, принужденъ хвататься за соломенку, то-есть обратиться къ силамъ своего собственного разума: словомъ, это не Оберманъ и не Фаустъ, это—одинъ изъ типовъ нашей третьегодичной молодёжи, которая, подобно Помяловскому, тоже творила себѣ кумировъ изъ передовыхъ журнальныхъ статей, тоже пережила кризисъ разочарованія въ своемъ идолопоклонствѣ, и тоже взялась, наконецъ, за умъ, подходитъ теперь подъ исключеніе только въ лицѣ послѣднихъ изъ Могиканъ — въ Могиканахъ «Русскаго Слова». Все это правда. Но недостатокъ глубины въ умственныхъ шатаніяхъ Помяловскаго, какъ мы замѣтили, тѣмъ не менѣе искушается, до нѣкоторой степени, ихъ несомнѣнною искренностію; вы почти постоянно можете относиться къ нимъ только объективно, но все же не совершенно равнодушно, не такъ, какъ вы читаете многотомныя статьи «Русскаго Слова», если только вы ихъ читаете.

Одна искренность навела Помяловскаго на другую. Отрезвившись отъ одной фальши, онъ пришелъ къ другой здоровой мысли, что нельзя быть сочинителемъ повѣстей по одной начиткѣ, и рѣшился, насколько для него было возможно, довѣриться одному себѣ. Слѣдствія такой его рѣшимости не могли быть блистательны, но натура Помяловскаго здѣсь опять представляется въ хорошемъ свѣтѣ. Фальшивить передъ собой и другими, рисовать незнакомый ему бытъ, изображать картины невиданной имъ природы, или природу невѣдомыхъ ему людей, или жизненные положенія, о которыхъ онъ имѣлъ понятіе только изъ прочитанныхъ повѣстей и романовъ, ему показалось страннымъ, уродливымъ и зазорнымъ. А между тѣмъ кругъ жизни, доступной его наблюдательности, почти насколько не расширился. Чтò же ему остается дѣлать? Никакое участіе къ подобному положенію не можетъ быть чрезмѣрно; передъ вами несомнѣнный талантъ, которому заказаны всѣ пути и закрыты всѣ выходы; при другихъ обстоятельствахъ, онъ проявился бы какъ сильный порывъ, который и васъ увлекъ бы за собою; теперь онъ останется ломовою силой, ступающей тяжелой поступью по невѣрной мостовой. Помяловскій лучше всего въ мѣрѣ зналъ свою бурсу. Рѣшившись быть искреннимъ, онъ постоянно въ своей повѣсти будетъ выкрывать себѣ дѣйствующихъ лицъ по образу и подобию бурсака: кутящая молодёжь, начальникъ отдѣленія, худож-

никъ, протоколисть, гарнизонный офицеръ, даже родоначальница его героини—Мавра Матвѣвна и, наконецъ, директоръ департамента — все это у Помяловскаго бурсаки. Въ его «Очеркахъ бурсы» можно даже узнавать довольно вѣрно прототипы персонажей его повѣсти. Такъ, отецъ героини—Дороговъ напоминаетъ собою отчасти *Бенелявдова*, отчасти *Симича*, Мавра Матвѣвна очень похожа на бурсака-скопидама *Эмагу*, художникъ Череванинъ вается взрослымъ и развившимся *Карасемъ*, директоръ департамента—это одинъ изъ «жениховъ бурсы». Кто въ этой повѣсти не бурсакъ, у того вовсе лица нѣтъ; оно замѣняется, какъ у героини повѣсти, простымъ книжнымъ складомъ. Другое подспорье своей безысходной неопытности Помяловскій открываетъ въ томъ, что гдѣ нужно изображать дѣйствіе, онъ обходится посредствомъ разсказа. Его герой долженъ пробить себѣ дорогу и сдѣлать себѣ положеніе; мы разсчитываемъ увидѣть, какъ силы его обнаружатся въ дѣйстви. Въмѣсто того, при открытіи повѣсти, Молотовъ прямо стоитъ уже на пробитой дорогѣ, у конца своихъ ограниченныхъ желаній. О томъ, какъ ему приходилось пролѣзть сквозь игольные уши, проходить огонь и мѣдныя трубы—мы узнаемъ только изъ разсказа, отчасти—его самого, отчасти—его пріятеля Череванина.

Что герой повѣсти, Молотовъ — лицо неудавшееся, съ этимъ соглашались даже тѣ, которые самую повѣсть признаютъ событіемъ нашей литературы. Мнѣніе это вполне справедливое и вполне относится къ области празднословія. Тѣ, которые любятъ разсматривать вещи поглубже, доходили въ своемъ празднословіи даже до нѣкотораго излишества; напримѣръ, разсуждали о томъ, хотѣлось ли Помяловскому представить въ своемъ героѣ образцоваго человѣка, или только дюжиннаго. Разсуждали объ этомъ лишь для того, чтобы въ первомъ случаѣ признать Молотова вполне неудавшимся, а во второмъ—не вполне удавшимся, или наоборотъ. Разсужденіями этими, конечно, все-таки устанавливается фактъ художественнаго значенія; но говоря строго, они оканчивались именно тамъ, гдѣ главнѣйшій-то интересъ только начинается, потому мы считаемъ ихъ празднословными. Молотовъ, безспорно, неудался Помяловскому; но трагедія не въ этомъ, а въ томъ, что иначе не могло случиться; трагедія въ томъ, что въ Молотовѣ вы видите заколдованную силу, напоминающую вамъ точь въ точь то положеніе, когда во снѣ вамъ хочется кричать, бѣжать или размахнуться — и вы ничего этого не можете сдѣлать; трагедія въ томъ, что изъ-за плечъ неуклюжаго Молотова вашему воображенію представляется другая фигура, напоминающая, въ нѣкоторомъ родѣ, Сампсона съ выколотыми глазами и привязаннаго на цѣпь; силачу хочется пустить свое дѣтище на вольный свѣтъ и онъ пытается дать ему такой толчокъ, чтобы его

дѣтище сшибало съ ногъ всякаго встрѣчнаго; но у силача скованы руки и выколоты глаза, и онъ работаетъ только плечами и, вмѣсто двери, толкаетъ свое дѣтище въ стѣну. Трагедія въ томъ, что Помяловскій не зналъ, куда и зачѣмъ толкать своего Молотова; его полгѣйшее незнаніе жизни, совершенный недостатокъ бывалости, если можно такъ выразиться, для него были въ одно и то же время и слѣпотой, и стопудовыми кандалами. Это не вина его, но это судьба его.

«Молотовъ» всѣми своими строчками доказываетъ, что повѣсть эта въ мысли Помяловскаго была сильнѣй и размашистѣй, чѣмъ явилась въ исполненіи. Легко можно сказать, почему это предположеніе нужно считать вполне вѣроподобнымъ. Въ нашей литературѣ есть традиціонный образъ олицетворенной бездѣйственности, переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію. Надъ нимъ трудились всѣ лучшіе беллетристы наши, по примѣру нашихъ великихъ поэтовъ. Затаенная и, кажется, не вполне сознаваемая мысль ихъ была, при этомъ, та, чтобы показать ничтожество индивидуальной силы передъ лицомъ господствующаго порядка, снять съ человѣка упрекъ, которому онъ подвергался за свою пассивную покорность общему направленію времени. Достоинно замѣчанія, что такой взглядъ на человѣческую личность теоретически признавалъ въ то время гораздо слабѣе, чѣмъ теперь, и почти вовсе не признавалъ; а между тѣмъ, беллетристы наши въ своей практикѣ исповѣдывали его весьма глубоко и всегда находили сочувствіе въ обществѣ; теперь, напротивъ, мнѣніе это, какъ теоретическое, стало почти господствующимъ, но въ то же время требованія отъ человѣческой личности становятся все болѣе и все притязательнѣй; въ обоихъ случаяхъ теорія расходится съ практикой, поведеніе противорѣчитъ правилу: когда думали, что у человѣка не отнята воля — дѣлать все, тогда заключали, что человѣку нужно простить, если онъ не дѣлаетъ ничего; когда же стали думать, что человѣкъ не можетъ ничего, что у него даже вовсе нѣтъ воли, тогда начали съ него взыскивать, отчего онъ не отваживается на все. Помяловскому пришлось вступить въ литературу какъ разъ въ то время, когда, съ одной стороны, вѣра въ свободу воли у насъ была поколеблена, а съ другой, когда требованіе отъ людей гражданской доблести доходило, можно сказать, до наглости, до хватанія за воротникъ, до обличенія за покупу фунта икры, какъ очень счастливо выразился г. Щедринъ. Имѣя передъ собою такое направленіе умовъ, и не имѣя, притомъ, никакихъ другихъ понятій о жизни, кромѣ формальныхъ, вычитанныхъ, Помяловскій очень естественно остановился на формальномъ, традиціонномъ характерѣ, такъ долго легѣвшимъ нашей литературой въ безсмѣнной роли «героя *нашего* вре-

мени»; подобный сюжет, при отсутствіи въ Помяловскомъ содержанія, нажитого собственнымъ опытомъ, могъ казаться ему легче всякаго другого. Но само собою разумѣется, что онъ могъ стать только въ полемическое отношеніе къ этому характеру; изъ пассивнаго и покорнаго, онъ долженъ былъ, приспособляясь къ «героизму *нашего* времени», передѣлать его въ дѣятельнаго и воинствующаго, изъ человѣка мысли или фразы—въ человѣка дѣйствія. Среда и господствующій порядокъ слишкомъ долго заѣдали людей. Помяловскій возымѣлъ гордую мысль доказать намъ, что дрянъ тѣ люди, которые могутъ быть заѣдены. Вотъ какъ мы представляемъ себѣ «Молотова» въ зародышѣ, основываясь на всемъ содержаніи и планѣ этой повѣсти.

Но одно дѣло — возымѣть гордый замыселъ, и другое — исполнить его. Муки Танталя начались для Помяловскаго еще въ первой части его повѣсти. Съ первыхъ же страницъ онъ долженъ былъ почувствовать, что ему хочется писать одно, а выходитъ другое, что въ умѣ у него эпопея, а на бумагѣ — ученическій опытъ, что для плаванія по житейскому морю онъ долженъ обладать опытностію искуснаго кормчаго, а между тѣмъ сциаллы и харибды этого моря ему знакомы только по романамъ г. Тургенева. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ еще довольно смѣлости, чтобы закончить первую часть порывомъ — исполнѣть безсильнымъ и беззвучнымъ, лишеннымъ всякаго выраженія, но все-таки порывомъ. Въ промежуткѣ между двумя частями повѣсти онъ самъ предался порыву, отъ котораго и безъ того заколдованная сила его еще раздвоилась. И въ этомъ самое патетическое мѣсто трагедіи, которое должно было отозваться, и отозвалось, на всемъ существѣ Молотова при появленіи его во второй части.

Ему сразу дается длинное прошедшее, слишкомъ въ десять лѣтъ. Это бы ничего; но за эти слишкомъ десять лѣтъ съ Молотовымъ случились всѣ испытанія, изъ которыхъ собственно и должна бы состоять его эпопея, и которыя, однако, переданы только полунамеками и въ разсказѣ; онъ прошелъ все поле дѣйствія, составилъ себѣ идеальное, въ своемъ родѣ, положеніе, которому недостаетъ только, чтобы оно увѣнчалось счастливой любовью: задача, исполненная Помяловскимъ, какъ замѣчено было еще прежде насъ, съ какою-то странною апатіей и какъ-будто съ досадой преждевременнаго старчества. Видно, что его мало занимаетъ собственно романъ этой любви; видно, что онъ не мирится съ необходимостью — разсказывать простую любовную сказку; видно, кромѣ того, что онъ сознаетъ, что по этой части онъ можетъ напомнить только объ искусствѣ медвѣя, показывающаго, какъ малые ребята горохъ ворвали. Онъ упорствуетъ воплотить въ своего Молотова какое-то дру-

гое слово, которое бы не было такъ избито и даже было бы совершенно новое. Но развѣ довольно одного желанія, чтобы сказать такое слово? Знай Помяловскій подтверже и по собственному опыту входы и выходы того лабиринта, который называется жизнью, понимай онъ житейскія отношенія живымъ и существеннымъ образомъ, а не формальнымъ—тогда его Молотовъ, какъ человѣкъ дѣйствія, если бы и не выразилъ собою новаго слова, такъ-какъ это очень трудно, то непременно не остался бы безъ всякаго выраженія. А теперь всѣ приданные ему атрибуты и качества, по необходимости, виснутъ на немъ какъ на вѣшалкѣ, не проникая внутрь его и не становясь частію его природы. Въ самомъ дѣлѣ, ему, въ запрошлое время, дается столько благороднаго, юношескаго увлеченія, что онъ не могъ быть даже переписчикомъ казенныхъ бумагъ, въ которыхъ видѣлъ уклоненіе отъ высшихъ началъ справедливости или гуманности; потомъ, по многому можно заключать, что и слишкомъ въ тридцать лѣтъ, какимъ мы встрѣчаемъ его въ повѣсти, онъ не сдѣлалъ уступки изъ своихъ правилъ и убѣжденій, а только умѣрилъ свое поведеніе; онъ настолько уменъ, образованъ и развитъ почеловѣчески, что, кажется, доступенъ всѣмъ лучшимъ интересамъ своего времени, онъ не пропускаетъ ни одной замѣчательной книги, и любитъ предметы искусства; но въ то же время, онъ такой узкій, ограниченный, эгоистическій кротъ, что стремленіе къ домовитости—лучшая его добродѣтель, любовь къ своей норѣ—его господствующая страсть; онъ таскаетъ въ эту нору свою—книги, красивые подсвѣчники, ковры, бобры, экраны, картины, прес-папье, гравюры, и даже самъ признается, что смотреть на эти вещи съ одинаковымъ безразличіемъ, сознавая только одно, что онѣ одинаково удовлетворяютъ его жадѣ благосостоянія; даже заставляетъ подозрѣвать себя, покушаетъ ли онъ эти вещи? Не приобретаетъ ли онъ ихъ ростовщичествомъ, такъ-какъ у него очутился откуда-то уже значительный капиталъ? Ему тридцать-три года; онъ только управляющій домомъ на Мойкѣ, и архивариусъ въ департаментѣ; но это не мѣшаетъ ему утопать въ блаженномъ сознаніи, что ему—счастливому кроту—для украшенія своей норы, недостаетъ только кротики. Самая кротики ему уже нашлась, но что же этимъ сказано? Не болѣе, чѣмъ однимъ фактомъ изъ жизни самого Помяловскаго—фактомъ, про который мы узнаемъ изъ его біографіи: съ нимъ самимъ была пора, когда онъ съ удовольствіемъ мечталъ о дьяконскомъ мѣстѣ; рожденный бездомнымъ истребомъ, онъ тоже лелѣялъ въ себѣ чувства домовитой и скопидомной ласточки; было время, когда онъ даже готовъ былъ сдѣлать шагъ къ осуществленію такихъ мечтаній своихъ. Отчего Помяловскій рѣшился на подобный шагъ? Оттого, что всѣ другіе

выходы изъ его положенія для него были наполнены мрачнѣйшими потѣмками. Отчего онъ своего человѣка дѣйствія запрягалъ въ кротовую нору, и заставилъ его вращаться, какъ жерновъ, въ который не подсыпано зѣренъ и который мелеть самого себя? Все оттого же, что ему не были знакомы всѣ разнообразныя пути, на которыхъ люди, идя къ своимъ цѣлямъ, сталкиваются между собою, обгоняютъ одинъ другого, подшибаютъ другъ другу ноги, или помогаютъ одинъ другому и, въ концѣ всего, устанавливаются и уясняются вполне въ своихъ характерахъ.

Помяловскій скоро почувствовалъ свою немощь, и спѣшить отвести душу, отдохнуть на діалектикѣ. Онъ вытягиваетъ изъ своего Молотова все, что въ немъ есть заколдованнаго, все, что не поддалось художественному изображенію въ дѣйствіи, и изъ этого матеріала создаетъ Череванина. Въ біографіи Помяловскаго въ одномъ мѣстѣ замѣчено, что Череванинъ—это онъ самъ. Нѣтъ, это только половина его самого. Именно—лучшая половина, та самая, которою Помяловскій жилъ почеловѣчески, мучился, сомнѣвался, упивался «Современникомъ», увлекался и разочаровывался до бѣлой горячки, и теперь истязуетъ себя, чтобы придти окончательно въ состояніе трезвости и здравомыслія. Бесѣда въ кабацкѣ между Череванинымъ и Молотовымъ, въ которой совершается актъ самоистязанія, безъ сомнѣнія—самое искреннее мѣсто во всей повѣсти; по крайней мѣрѣ, мы прочитали «Молотова» въ то самое время, когда онъ только-что былъ напечатанъ, и намъ не понадобилось перечитать, для настоящей статьи, только одну эту бесѣду; обо всемъ остальномъ уцѣлѣло только самое смутное представленіе: такъ оно сѣро и неспособно оставлять прочнаго впечатлѣнія. Но что же такое въ этой бесѣдѣ? Можно сказать—ничего, кромѣ искренности и глубокой сердечной исповѣди. Бесѣда происходитъ подъ пьяную руку; Череванинъ только-что вырвался изъ пьяной компаніи, предпринимавшей устроить «скандалиссимумъ», побить перваго встрѣчнаго, и заводитъ Молотова въ кабачокъ: эту черту мы признаемъ нелишней мастерства. Предметы бесѣды самые обыкновенныя, или, пожалуй, самые необыкновенныя: это вопросы о конечныхъ цѣляхъ—бытія вообще и человѣческаго бытія въ особенности. Свобода воли, безсмертіе души, любовь и эгоизмъ, само собою разумѣется, не могли быть, при этомъ, обойдены или забыты. Неголго изъ словъ, но изъ самаго способа произносить ихъ видно, что Череванинъ больно и сильно зашибся объ эти вопросы. Будь онъ одного племени съ Манфредомъ или Фаустомъ, онъ непременно ударился бы въ колдовство или науку; но онъ—произведеніе родимой почвы, гдѣ послѣднія слова по самымъ первѣйшимъ вопросамъ вычитываются въ журнальныхъ книжкахъ, подъ рубрикою

«Литературныхъ мелочей», потому онъ ударился въ пьянство. Бойко, обдуманно и безъ запинки льются его шальные рѣчи, одно ярое сомнѣніе съ какою-то пьяною послѣдовательностію взлѣзаетъ на другое, «волна на волну набѣгаетъ—волна погоняетъ волну»; но это не простая умственная гимнастика, не полное празднословіе равнодушнаго скептика изъ «Русскаго Слова»; вамъ чувствуется, что прежде чѣмъ произвести сотрясеніе въ воздухѣ, шальные слова эти вспыхиваютъ на воспаленномъ мозгу Череванина зелеными огоньками зажженнаго спирта; вамъ чувствуется кромѣ того, что тотъ, кто заставляетъ говорить Череванина, не себя только истязуетъ, а еще и мститъ кому-то: трезвая его половина не заодно съ Череванинымъ.

«— Ей-богу, не понимаю, о чемъ мы толкуемъ, отвѣчалъ Молотовъ, когда Череванинъ послѣ долгой, полушальной рѣчи поникнулъ головою. — Никто такъ не говоритъ и не страдаетъ такими болѣзнями.

«— Такъ и зналъ: никто не страдаетъ, какъ ты; поэтому никому и нѣтъ дѣла до тебя. Всѣ въ отвѣтъ только и поютъ стихъ о страшномъ судѣ. Ужъ очень вамъ хочется, чтобы отъ насъ грѣшныхъ «было не слышати ни зыгу, ни крику, ни рыданія»...

«— Но, право, не понимаю, чѣмъ ты страдаешь. Неужели можно совсѣмъ потерять вкусъ къ жизни? Это невѣроятно.

«— А потерялъ же!.. Во мнѣ нетолько положительнаго, во мнѣ и отрицательнаго ничего нѣтъ, полное безразличіе и пустота! У меня такъ голова устроена, что я во всякомъ словѣ открываю безсодержательность, во всякомъ явленіи — какую-нибудь гадость. Торричеллиева пустота и сожженная совѣсть. Прежде, бывало, ломался и кричалъ: трудъ, отечество, любовь, свобода, счастье, слава и много иныхъ прекрасныхъ словъ; но и тогда уже чувствовалъ, что лгалъ, а теперь ничего не хочу, кромѣ сна, забвенія, обморока...

«— Любовь, дѣва, луна, поэзія... перебиралъ Череванинъ.— На свѣтѣ нѣтъ любви, а есть только аппетитъ здороваго человѣка; нѣтъ дѣвы, а есть бабы; вмѣсто поэзіи въ жизни мерзость какаятоскука и тоска неисходная; ну, луна, пожалуй, и есть, да мнѣ плевать на луну: какого чорта я въ ней не видалъ? Все мнѣ представляется ничтожнымъ до невѣроятности, потому что все на свѣтѣ «скоропреходяще и тлѣнно!»

«— Я никого не люблю, продолжалъ Череванинъ:—человѣкъ я честный и въ товариществѣ добрый, но ни къ кому я не привязанъ и никого мнѣ не надо... Дѣлалъ и я людямъ добро и никогда не любилъ тѣхъ, кому помогаль.

«— Зачѣмъ же и помогаль?

«— Себя тѣшилъ!.. Себя только люблю, продолжалъ художникъ:—одинъ эгоизмъ полный, безапелляціонный эгоизмъ!.. Да, нѣтъ, и не эгоизмъ... Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ эгоизмъ, бываетъ полное довольство, сознание собственнаго достоинства, а я не жи-

ву и не умираю, и всегда самъ себѣ гадокъ. Для кого же, зачѣмъ я буду работать? Себя я не люблю, не уважаю, васъ тоже... О комъ же заботиться, для кого хлопотать? Ужь не для будущаго ли поколѣнія трудиться? Вотъ еще діалектической фокусъ, пунктъ помѣпательства, благодушная дичь! Часто отъ лучшихъ людей слышимъ, что они работаютъ для будущаго—вотъ странность-то!.. Вѣдь насъ тогда не будетъ?.. Благодарно будетъ будущее поколѣніе? Но вѣдь мы не услышимъ ихъ благодарности, потому что уши наши будутъ заткнуты землею»...

Вы изумляетесь, чего же этотъ человѣкъ ждетъ еще, отчего не повѣсится на первой попавшейся перекладинѣ? Оттого, что въ его большую голову приходили всякіе вопросы, кромѣ этого. И какъ только вопросъ въ этомъ родѣ былъ предложенъ ему, онъ тутъ же, съ дрожью человѣка, окунувшагося въ крещенскую прорубь, вскрикиваетъ: «гадко! Не буду! Перестану и пить и завираться!» Неумолимая послѣдовательность мысли, которою онъ похвывается какъ своею, и честность, которая замѣняетъ для него всѣ другіе принципы и всякую вѣру и добродѣтель, отъ этого конечно страдаетъ. Вѣдь онъ сдѣлалъ признаніе, что потерялъ всякій вкусъ къ жизни. Слѣдственно, почему же ему можетъ казаться, что, напримѣръ, повѣситься гадко? А если это и гадко, ему все-таки слѣдовало бы сказать: «а плевать на то, что это гадко», подобно тому, какъ онъ плеветъ на луну. Ясно, что обѣщаніе Череванина — исправиться, при всей его искренности, нельзя принимать за твердое и непреложное; оно — только временная уступка, вынужденная перспективой дома умалишонныхъ.

Есть другая причина недоувѣрять рѣшимости художника и считать его обреченной жертвой своего несчастнаго порока. Его привычка—во всякомъ словѣ открывать пустоту, во всякомъ явленіи—гадость, привела его къ тому, что онъ изъ своихъ гадостей выработалъ для себя родъ идеала, окруженнаго для него всѣми приманками; онъ искренно думаетъ о себѣ, что онъ пьетъ и сумасбродствуетъ потому, что «всегда честно мыслилъ»; слѣдственно, всѣ нежняницы, всѣ истинно-разсудительные и дѣлающіе свое дѣло люди, всѣ, которые не созерцали, наравнѣ съ нимъ, нашъ земной міръ, какъ гнилую картофелину, ему представлялись глушцами и бездѣльниками. Теперь ему нуженъ сильный идеалъ совершенно обратнаго свойства. Гдѣ онъ возьметъ его? Его не дадутъ ему ни его умъ, ни его воображеніе, ни его рѣшимость, потому что идеалы не выдумываются, а наживаются. Неограниченныя способности самого Данте, безъ сомнѣнія, не создали ни одной такой черты для его Беатриче, не придали ни одной блаженной душѣ такой добродѣтели, которая бы не была вдохновлена ему дѣйствительностію.

Но мы знаемъ все прошедшее Череванина: оно было таково, что заразило его духомъ «кладбищенства». Знаемъ заколдованный кружокъ, въ которомъ онъ осужденъ вращаться: это компанія людей, которые подъ выпивкой не прочь устроить «скандалиссимумъ» на всю столицу — отнять бока первому встрѣчному. Мы видимъ всѣ предстоящія ему трудности выдти изъ этого кружка и покориться другимъ влияніямъ. Лучшій человекъ, какого встрѣчалъ Череванинъ, это Молотовъ. Но развѣ въ Молотова вложена хоть искра способности—давать инициативу? Онъ — хорошій примѣръ для начинающаго канцелярскаго писаря, для конторскаго мальчишка; на него могутъ указывать, какъ на образецъ, всѣ отцы шаловливыхъ ребятешекъ или взрослыхъ шалопаевъ, но что же онъ для Череванина?

Такимъ образомъ, самое отреченіе Помяловскаго отъ своихъ умственныхъ шатаній не послужило ему къ добру. Онъ рѣшился отстать отъ нихъ; но недостатокъ положительнаго содержанія, отсутствіе лучшихъ идеаловъ, зависѣвшее въ немъ отъ незнанія жизни, будутъ попрежнему оставаться его кошмаромъ и держать всѣ духовныя силы его въ состояніи мукъ или апатіи. Вся энергія рассказанной нами вспышки привела его только къ убѣжденію, что если безысходная скука — непреложный законъ жизни, то надо мириться и со скукой.

Колоритомъ этого убѣжденія подернуть весь конецъ его романа, очевидно, сведеннаго усталой и неумѣлой рукою. Онъ вымышляетъ жалкое препятствіе къ женитьбѣ Молотова. Именно, создаетъ ему соперника въ лицѣ директора департамента, взятаго напрокатъ изъ «Очерковъ бурсы»: разница только та, что въ бурсацкихъ женитьбахъ начальство указываетъ невѣсть женихамъ, и предписываетъ о томъ мѣстнымъ благочиннымъ, а здѣсь подчиненный рапортуетъ его превосходительству, что въ исполненіе возложеннаго на него порученія, невѣста ему нашлась, которой и благоволитъ онъ произвести смотрины. Романическая пряность, въ видѣ этого неожиданнаго препятствія любящимся сердцамъ, конечно, могла быть вырвана у Помяловскаго только тяжелой неволею, недостаткомъ болѣе дѣльнаго матеріала; въ какой степени сознаніе такой неволи давило самого Помяловскаго, видно изъ того, что онъ вовсе не умѣлъ скрыть отъ читателя, что предлагаемая имъ пряность, въ сущности — вещество очень прѣсное, что она даже въ его собственномъ мозгу не производитъ ни малѣйшаго возбужденія, въ его собственной крови — ни единого колыханія. Только подобнымъ настроеніемъ автора, чуждымъ вдохновенія и лишеннымъ самодовольства, только подобнымъ сознаніемъ своего безсилія, мы можемъ объяснить всѣ тѣ мѣста, дающія общій тонъ заключительнымъ страницамъ

романа и, слѣдственно, всему впечатлѣнію отъ него, въ которыхъ возрожденный Череванинъ является утѣшителемъ невѣсты Молотова. Онъ только о томъ и старается, чтобы понизить ея нравственный строй, чтобы убѣдить ее, что все это вздоръ и пошлость, и что въ ея положеніи даже невозможно и случиться чему-нибудь такому, что отзвучало бы подвигомъ или глубокимъ несчастіемъ, а не пошlostію. Какъ же намъ было не сказать, что въ возрожденіе Череванина невозможно повѣрить? Онъ разсуждаетъ съ возлюбленной своего пріятеля:

«Если вы убѣждены, что подло идти за Подтяжина, то и не идите за него... Сидите себѣ спокойно въ комнатѣ и ждите, что будетъ. Что они съ вами сдѣлаютъ? Кормить что ли не будутъ? Страшнаго ничего не случится; выйдетъ, какъ и во всемъ, пошлость, надъ которой вы сами посмѣетесь. Какая тутъ трагедія? Событій-то даже мало будетъ. Въ трагедіяхъ участвуютъ боги, цари и герои, а вы—чиновникъ и чиновница; потому и романъ вашъ будетъ мирный, безъ классическихъ принадлежностей, безъ яду, бѣшеной борьбы, проклятій и дуэлей... Ваше положеніе уже таково, что ничего грандіознаго не можетъ случиться... Въ монастырь вы не пойдете, изъ окна не броситесь, къ Молотову не убѣжите и не обвиняетесь съ нимъ тайно—все это принадлежности высокихъ драмъ... Теперь, возьмите положеніе Молотова, то же самое что и ваше... Классическаго тоже ничего не предстоитъ. Ему даже дѣлать нечего. Вся эта пошлая туча мимо его пройдетъ, она будетъ носиться надъ вашей головой. Егоръ Ивановичъ можетъ только перебирать всѣ средства, какія употребляются людьми при связи, разорванной благочестивыми родителями, и видѣть, что онъ неприложимъ въ его положеніи. Нѣчто потѣшное выходитъ.»

Всѣ слова этихъ строчекъ выражаютъ неболѣе, какъ самую видную апатію, громко говорящую о безсиліи. Это не пронизательность взгляда, а темная вода во взглядѣ, не опошленіе, а пошлость, не потеря вкуса къ жизни, а никогда не извѣданное ощущеніе того чувства, которое называется вкусомъ. «Суету суеть», отсутствіе высоты и поэзіи, и вообще пошлость нашей человѣческой жизни исповѣдывали многіе мудрецы и поэты, въ стихахъ и въ прозѣ. Люди, хотя и осужденные жить единственно только почеловѣчески, а не иначе, всегда, однако, охотно мирились съ порицаніями мудрецовъ—древнихъ и новыхъ. Мирились, несмотря на то, что болѣшую часть ихъ порицаній признавали за софизмы; но мирились потому, что въ выраженіи самыхъ этихъ софизмовъ видѣли самую высокую, и вмѣстѣ возвышающую, поэзію, какая только можетъ быть вдохновлена нашею человѣческою жизнью. Это понятно всякому смертному, и со стороны смертныхъ вполне разсудительно. Но если вамъ предлагаютъ опошленіе безъ поэзіи, безъ вдохнови-

тельной мудрости, вы можете только отвернуться отъ него, какъ отъ пошлости. И если вамъ говорить, что поэзія и возвышенность есть только удѣлъ царей и героевъ, вы въ правѣ отвѣчать тому, кто говоритъ это, что глубоко сожалѣете о его жалкой, природной посредственности, или о его жалко-посредственной судьбѣ.

Романъ, однако, кончается такъ, какъ было заранѣе предсказано, и какъ обезсиленному автору только и возможно было кончить его: смиренному кроту дается его кротиха, безъ луча поэзія въ придачу, и даже съ опошленіемъ и безъ того убогой его доли.

«Тутъ и конецъ мѣщанскому счастью. Эхъ, господа, что-то скучно!» — заключаетъ Помяловскій.

Не будемъ утверждать, что не скучно; но что же этимъ сказано? какой смыслъ у этой басни? Кому скучно, и отчего скучно? Если всѣмъ не-царямъ и не-героямъ, и именно оттого, что они не-цари и не-герои, то мы не можемъ представить ничего веселѣе, чѣмъ скука отъ подобной причины. А между тѣмъ другого, болѣе глубокаго смысла у этой басни нѣтъ. Потому-то мы и видимъ въ ней лишь доказательство безсодержательности Помяловскаго, до того глубокой безсодержательности, что ему не былъ покоренъ даже собственный умъ его: ему хотѣлось парить, а онъ принужденъ былъ пресмыкаться; ему хотѣлось выговорить что-нибудь свѣжее, молодое и ободряющее, а онъ могъ только, вмѣстѣ съ старыми старухами, повторить старую пѣсню: «скучно!»

Успѣхъ «Молотова» былъ, однако, такъ значителенъ, что Помяловскій, какъ увѣряетъ его биографъ, «сразу сталъ наряду съ нашими лучшими беллетристами». Здѣсь мы кстати позволимъ себѣ позаимствовать изъ его биографіи не одно только указаніе на обширность его успѣха, а и нѣсколько послѣдующихъ строкъ, которыя характеризуютъ личность такъ быстро прославившагося писателя, и которыя какъ нельзя ближе подходятъ къ нашему взгляду на него, а между тѣмъ, написаны его другомъ и глубокимъ почитателемъ.

«Послѣ этого — говорится въ биографіи нашего писателя — всѣ редакціи наперерывъ приглашали его къ себѣ, просили сотрудничества; пришлось даже ему побывать въ нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ гостиницахъ. Но Николай Герасимычъ скоро впрочемъ отшатнулся отъ этихъ гостиницъ; въ нихъ ему показалось и скучно и душно. По натурѣ онъ былъ чистый, кровный плебей, и не жаловалъ барства. Всякое стѣсненіе привычекъ, и необходимость держать себя чинно, съ отѣнкомъ свѣтскаго формализма — томилъ его, и онъ по возможности избѣгалъ случаевъ, испытывать на себѣ это томленіе. Онъ даже вовсе почти не заглядывалъ въ наши театры, потому только, что тамъ сидѣть надо прилично... Иногда въ шутку, подъ веселымъ ладомъ, говорилъ, бывало, что «вотъ и я уже благовоспитанность на себя напушу, перчатки на руки напялю, и на

Невскій выгачу прогуливаться. Но такую благовоспитанность онъ напускалъ на себя очень рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, и своимъ костюмомъ и наружностью вообще не занимался.

Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что Помяловскому представилась, наконецъ, возможность пожить настоящею жизнью въ обществѣ, отвѣдать ея истинное содержаніе, быть ея участникомъ, а не штурдировать ее въ своемъ темномъ углу по романамъ, при жалкомъ освѣщеніи передовыхъ статей. Но эти же самыя строки показываютъ намъ, что такая возможность пришла къ нему слишкомъ поздно. Настоящая жизнь потребовала отъ него нѣкоторыхъ жертвъ, какъ-то — надѣванія перчатокъ, каждодневнаго умыванія лица, приличнаго сидѣнья, и отказа отъ кое-какихъ первобытныхъ привычекъ, которыя онъ нажилъ, не живя настоящею общественною жизнью: какъ ни малы, повидимому, эти жертвы, въ Помяловскомъ не оказалось способности сдѣлать ихъ. Можетъ быть, повторенный успѣхъ, въ свою очередь, отнял у его воли послѣднюю силу, а у его ума немалую долю сообразительности. Если справедливо, что за нимъ ухаживали всѣ редакціи (хотя мы положительно знаемъ, что нѣкоторыя подходили подъ исключеніе), онъ могъ думать, что не сговорились же редакціи морочить и себя и его, какъ въ арабской сказкѣ, что вѣрно же въ немъ есть что нибудь такое, чтъ всѣми другими достигается путемъ изученія, опытности и самоличнаго наблюденія, а на него свалилось свыше. Редакціямъ, конечно, трудно избавиться отъ упрека въ унижительномъ ухаживаніи за Помяловскимъ, которое, какъ теперь оказывается, ни имъ самимъ не послужило къ прибыли, или къ чести, а Помяловскаго, быть можетъ, совсѣмъ доканало. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что редакціи тутъ только побочная причина: возможность другой, настоящей жизни, а слѣдственно и возможность сдѣлаться изъ сочинителя настоящимъ писателемъ, не далась Помяловскому потому, что слишкомъ поздно представилась ему.

Послѣ «Молотова» намъ остается не оцѣнивать Помяловскаго, а указать только на его упадокъ, который, впрочемъ, по нашему мнѣнію, не былъ предваренъ возвышеніемъ. Помяловскій упадалъ, не стоявши никогда на высотѣ. Молотовъ былъ почти началомъ для него, но онъ же былъ и его апогеемъ. Успѣхъ этой повѣсти создалъ ему критическое положеніе совершенно особаго рода: съ одной стороны, съ тѣхъ поръ, для него стало ясно, что онъ, въ силу самаго своего успѣха, сталъ подъ надзоръ общаго вниманія и возбудилъ немалыя — все равно, основательныя или нѣтъ — надежды, а съ другой, какъ ему было оправдать эти надежды, когда для него писать значило — строить, не имѣя строительнаго матеріала? Трудно представить что нибудь печальнѣе тѣхъ мучитель-

нихъ заботъ, съ вторыми онъ искалъ себѣ, послѣ «Молотова», какого бы ни было литературнаго сюжета. Эти заботы, можно сказать, наполнили весь остатокъ его жизни и, весьма вѣроятно, немало способствовали къ ея окончательному отравленію. Сбитый съ толку и обманутый въ самомъ себѣ своею удачею, онъ, на первыхъ порахъ, покусился было на большой и сложный романъ и даже придумалъ ему заглавіе — «Братъ и Сестра». Но трудность задачи не замедлила сказаться Помяловскому: онъ отставалъ отъ своего замысла, какъ превосходящаго его силы, и снова возвращался къ нему, съ тѣмъ, чтобы снова отстать и опять воротиться. Объ этомъ рядѣ колебаній мы узнаемъ изъ его біографіи; но о томъ, что онъ готовилъ большой романъ, было извѣстно въ журнальномъ мірѣ, еще въ свое время. Однажды былъ указанъ даже номеръ «Современника», въ которомъ должны были появиться первыя главы заранѣе оповѣщеннаго произведенія. Романъ, однако, такъ никогда и не явился. Теперь, въ сочиненіяхъ Помяловскаго, мы встрѣчаемъ отрывки изъ него и кое-какіе наброски изъ его неясной программы, и намъ становится понятнымъ, почему онъ не явился. Если болѣзнь, окрещенная Помяловскимъ именемъ «торричеллиевой пустоты», что нибудь значить, то нигдѣ нельзя понять яснѣе, какъ изъ этой работы, уцѣлѣвшей со всѣми живыми нитками на ней, что именно значить эта болѣзнь. Здѣсь мы можемъ понимать даже степень ея мучительности. Сценою дѣйствія своего романа Помяловскій думалъ сдѣлать громадную палестину въ пол-Россіи, начать съ ея ядра въ одной изъ «коренныхъ» ея губерній и дойти до великаго прыща на ея скорлупѣ — именуемаго Сѣверной Пальмирой; къ дѣйствию предназначалось привлечь всѣ сословные классы и даже всѣ подраздѣленія ихъ, отъ княжескихъ родовъ рюриковой крови до архіерейскихъ пѣвчихъ, отъ деревенскихъ барышень до столичныхъ кухарокъ; характеры должны были выясняться жизненными вліяніями, начиная отъ рожденія и пеленокъ, отъ азбуки, школы и университета, или домашней обстановки, до окончательнаго сформированія жизненнымъ опытомъ. Чей же это замыселъ? Человѣка, рожденнаго въ оградѣ петербургскаго кладбища, воспитаннаго въ отгороженной отъ всего свѣта, и даже отъ свѣжаго воздуха, бурсѣ, невидѣвшаго другого горизонта, кромѣ туманнопильнаго свода надъ Петербургомъ, узнавашаго кое-что о широтѣ и разнообразіи жизни только изъ романовъ и долго невѣрившаго даже ихъ показаніямъ, наконецъ, никогда немогшаго промѣнять жизнь и привычки бурсава на что нибудь менѣе анти-общественное. Но человѣкъ этотъ не былъ лишень здраваго смысла, потому онъ сто разъ долженъ былъ осудить передъ самимъ собою дерзновеніе своихъ помысленій. Однако, человѣкъ этотъ былъ одержимъ

болѣзнію воли, потому — онъ сто разъ снова предавался своимъ дерзновеннымъ помышленіямъ. Побѣдить въ этой борьбѣ, какъ и во всякой другой, должна была сила вещей, потому — обѣщаніе Помяловскаго «Современнику» никогда не могло быть исполнено.

Но любопытно взглянуть хоть мелькомъ, какъ, однако, изъ како-нибудь ничею Помяловскій пытался создать како-нибудь что, какъ онъ могъ даже упорствовать въ этой своей попыткѣ.

Романъ его открывается описаніемъ великолѣпной усадьбы князя Кореналова, въ «одной изъ коренныхъ русскихъ губерній»; въ сосѣдней рощи свиснуть соловьи, въ саду князя происходятъ оживленныя игры: молодые люди взапуски бѣгали за барышнями, а въ ближнемъ оврагѣ совершаются разныя романическія сцены. «Въ это время» — говорится въ программѣ романа:

«когда свистали соловьи и звучали погалун въ воздухѣ, въ семьѣ Потесинныхъ совершалась тайна народження чловѣка.—(Описаніе родинъ. Изъ воспоминаній, какъ у насъ родился братъ)».

Новорожденный будетъ героемъ романа, а родился онъ въ помѣщичей семьѣ, одержимой «дворянскимъ гоноромъ». Мы просимъ теперь читателя обратить вниманіе на слова приведенной выдержки, напечатанныя курсивомъ и въ скобкахъ. Авторъ думаетъ, что его воспоминанія о томъ, что онъ видѣлъ при родинахъ своего брата, могутъ послужить ему къ чему-нибудь при описаніи такихъ же родинъ совершенно въ другой сферѣ. Положимъ, что по деревьямъ Таврическаго сада еще можно создавать какіе угодно парки и рощи, населенныя соловьями: у деревьевъ нѣтъ нѣмалыхъ сословныхъ или зависящихъ отъ ихъ положенія на свѣтѣ — обычаевъ, нравовъ, привычекъ, повѣрій и проч. Но у людей все это есть: они не такъ рождаются и живутъ во дворцахъ, какъ въ деревенскихъ избахъ, даже не такъ чувствуютъ и не такъ принимаютъ впечатлѣнія отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ. Сколько же мы узнали бы жизненной правды изъ описанія автора? Что могли бы означать для насъ всѣ слова этого описанія?

Въ другомъ мѣстѣ того же романа мы встрѣчаемъ «источникъ изобрѣтенія», который еще болѣе способенъ изумить. Авторъ просто выбираетъ себѣ типы и характеры изъ прочитанныхъ имъ романовъ, и придавъ имъ кое-какія варьяціи, или извративъ ихъ хорошія стороны въ дурныя, а дурныя въ хорошія, по своимъ книжнымъ симпатіямъ и антипатіямъ къ жизни, думаетъ обратить ихъ въ свою собственность. Это могло бы казаться совершенно невѣроятнымъ, еслибы не было изображено въ признаніяхъ самого автора самымъ понятнымъ образомъ, недопускающимъ двухъ толкованій. Именно: набрасавъ голословно черты одного женскаго образа, Помяловскій замѣчаетъ въ скобкахъ:

«Здѣсь мы должны изобразить типъ женщины, на которую, съ одной стороны намекнулъ Гончаровъ въ своей Софѣ Николаевнѣ, съ другой Тургеневъ въ Одинцовой. Мы этотъ типъ выведемъ на чистоту—дѣло-то лучше будетъ.»

Взятое само по-себѣ, мѣсто это поражаетъ какою-то дерзкой тупостью. Но Помяловскій никогда не былъ тупъ. Одно уже то, что онъ не напечаталъ ни одной строчки изъ своего романа, говорить въ его пользу, потому что неопределимыхъ препятствій — окончить это произведение онъ все-таки не имѣлъ, и оно, безъ сомнѣнія, все-таки было бы напечатано и, пожалуй, сдѣлало бы отношенія критики «Современника» къ г. Тургеневу еще ожесточеннѣй, чѣмъ прежде. Мы не позволимъ себѣ объяснять ограниченностью Помяловскаго даже такое обстоятельство, передъ которымъ самая приведенная сейчасъ выдержка уже не кажется странной, именно — то обстоятельство, что онъ думалъ ввести въ свой романъ кое-какіе изъ своихъ этюдовъ, написанныхъ еще въ бурсѣ: въ его время въ бурсѣ, какъ это бываетъ и въ другихъ школахъ, издавались писанныя тетрадки, именуемыя «журналомъ»; онъ былъ сотрудникомъ въ этихъ тетрадкахъ, и изъ нихъ-то онъ и рассчитывалъ перевести свои строки на страницы «Современника», куда назначалъ свой романъ. Все это не глупость, а то самое, что Помяловскій съ такою горечью пьяными устами своего Череваннина называетъ «божеженной совѣстью и торричеллиевой пустотой».

Приведенныхъ примѣровъ, быть можетъ, было бы вполне достаточно, если бы взглядъ, въ подтвержденіе котораго они приводятся, былъ сколько-нибудь привыченъ читателю прежде, чѣмъ намъ привелось высказать его въ этой статьѣ. Но пишущаго эти строки, вѣроятно, считаютъ обязаннымъ приводить по десяти доказательства тамъ, гдѣ достаточно простого указанія. Мы можемъ увѣрить читателя, что примѣры и доказательства насъ не могутъ затруднять ниоимъ образомъ. Но мы думаемъ: будетъ ли наше обилие, въ этомъ случаѣ, соответствовать важности предмета? И положимъ, что предметъ, занимающій насъ, не ничтоженъ; но самое отношеніе, въ которое мы къ нему стали, не предписываетъ ли намъ быть воздержными, подъ опасеніемъ показаться неделикатными? И допустимъ опять, что въ изслѣдованіи общенитересной истины главная забота должна быть обращена на то, чтобы не пострадала истина, а не на то, угрожаетъ или не угрожаетъ какое-нибудь злоязычіе самому изслѣдователю со стороны его ближнихъ. Допустимъ. Но если мы имѣемъ право считать вполне установленнымъ фактомъ, что Помяловскій внѣ Петербурга, ни въ какомъ другомъ обитаемомъ мѣстѣ никогда не бывалъ, а въ самомъ Петербургѣ былъ знакомъ только съ наружностью его домовъ, то не покажетъ

ся ли оскорбительнымъ иному взыскательному читателю, если его и затѣмъ будутъ убѣждать еще десятками довазательствъ, что Помяловскій не иначе могъ понимать жизнь и людей, во всѣхъ возможныхъ обитаемыхъ мѣстахъ, какъ только отражательнымъ пониманіемъ, по начиткѣ изъ книгъ, а не по опыту?—Однако не всѣ читатели одинаково взыскательны; иные не оскорбляются никакими плеоназмами и только ихъ и принимаютъ за достаточное развитіе мысли. Въ угодность такимъ мы рѣшаемся еще привести образчикъ того, къ какимъ схоластическимъ приемамъ и къ какимъ сложнымъ комбинаціямъ вычитанныхъ представленій долженъ былъ прибѣгать Помяловскій, вынуждаемый къ тому недостаткомъ собственнаго, самобытнаго содержанія. Въ программѣ все того же романа намъ попадается набросокъ одной приниженной и въ добавокъ идіотической личности департаменскаго канцелириста, по имени—*Епифана Ремнищева*. Къ далеко неоконченному рисунку этого персонажа, Помяловскій дѣлаетъ, собственно для себя, такое приращеніе въ скобкахъ:

«Характеристика.—Его мечты и хозяйство.—Любовь къ сосѣдкѣ-уроду.—Теорія психически провѣренная, что дуракъ, быть можетъ, умнѣ насъ, умниковъ, но у него свой складъ души.—Положительная честность и добродушіе. — Онъ умѣлъ разговаривать съ неодушевленными вещами, для него каждая изъ нихъ имѣла смыслъ.—Сюпидомство. — Скандалъ, учиненный имъ въ департаментѣ, вслѣдствіе внушеній Потешина о томъ, что онъ не долженъ позволять унижать свою личность и проч.»

Этотъ проектъ человѣческой личности названъ, какъ мы сказали, Епифаномъ Ремнищевымъ. Но ясно, что, за исключеніемъ собственнаго имени, всѣ остальные черты его напоминаютъ, то Макара Алексѣевича Дѣвушкина, то самого Абакія Абакіевича, то вызываютъ представленіе о *Левкѣ Косомъ* (если мы не забыли это имя) въ «Запискахъ доктора Крупова.» Комбинація весьма сложная, но тѣмъ не менѣе легко поддающаяся анализу. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не вспомнить даже про Левку Косого по поводу этой «психически провѣренной теоріи», по которой дуракъ, быть можетъ, умнѣ умнаго? У доктора Крупова было столько ума, что онъ не зналъ куда расточать его, и между прочимъ изъ одной искры этого ума родилась означенная теорія. Родилась она безъ тяжелыхъ мукъ и безъ всякаго предьявленія какой-бы ни было претензій, какъ вообще рождаются острия слова и легкіе парадоксы. Но раздуть эту искру въ «психически провѣренную теорію» значитъ — разводять антимонію на водѣ, значитъ — упражняться въ схоластигѣ, значитъ—объяснять тайну самой схоластики, которой жизнь и смерть въ движеніи или застоѣ фактическаго знанія.

Въ промежутки, когда Помяновскій отшатывался отъ романа, «Братъ и Сестра», онъ думалъ написать анти-нигилистическій романъ, подъ названіемъ «Каникулы или гражданскій бракъ». — «Въ этомъ романѣ», по словамъ его біографа, —

«онъ задумывалъ изобразить невинную, нѣсколько экзальтированную дѣвушку, которая пошла въ общество людей, въ родѣ *Ситниковыхъ* и *Кукишиныхъ*, которые отуманили ее напыщенными фразами, не давъ никакого положительнаго понятія о жизни, и соблазнили ее вступить въ гражданскій бракъ; думалъ онъ сдѣлать этихъ людей отблескомъ того свѣтлаго и честнаго люда, который извѣстенъ подъ именемъ новыхъ людей, и показать, что они, мнимые передовые люди, нахватавшисъ умныхъ рѣчей, усвоивали, по своему узылобію, только верхки ихъ и свой цинизмъ прикрывали именемъ прогреса».

Но разумѣется, какъ человѣкъ неглупый, Помяловскій опять не могъ не понять, что задача подобнаго романа въ немъ была не что иное, какъ «плѣнной мысли раздраженіе», что она давно уже исполнена рукою мастера и что *Ситниковы* и *Кукишины*, какъ обманчивый отблескъ истинно-передовыхъ людей, заклеены заслуженнымъ ими позоромъ, къ которому онъ едва-ли могъ что прибавить.

Тогда авторъ безъ сюжета принялъ предложеніе «Русскаго Слова» — написать для него повѣсть, къ которой тотчасъ же и приступилъ, назвавъ ее «Порѣчане». Эту повѣсть онъ даже началъ довольно удачно, и, кажется, могъ бы совершенно хорошо кончить, потому что событія повѣсти не выходили, на этотъ разъ, изъ круга его самоличнаго наблюденія. Однако, для него скоро сдѣлалось ясно, что въ основу задуманнаго имъ произведенія легъ довольно глухой и безразличный фактъ: убійство въ кулачномъ бою. И онъ отступилъ и отъ этой повѣсти, вѣроятно, единственно по этой причинѣ. Можно, однако, очень и очень пожалѣть, что при несомнѣнномъ безсиліи своемъ, Помяловскій, благодаря своимъ льстецамъ и замескивателямъ, воспиталъ въ себѣ столько самообольщенія и увѣренности, что считалъ себя обязаннымъ творить только великія вещи и дѣлать открытія: въ его «Порѣчаняхъ» мы, навѣрное, имѣли бы прекрасный рассказъ.

Намѣреніе написать что-нибудь оригинальное доводило Помяловскаго до отчаянія. Есть основаніе думать, что отъ «Брата и Сестры», равно какъ и отъ всего, что должно начинаться и происходить «въ княжескихъ домахъ и барскихъ усадьбахъ», а также и вообще «въ коренныхъ губерніяхъ», онъ отшатнулся наконецъ совсѣмъ и безвозвратно. Неужели Петербургъ недостаточно необъятенъ для того, чтобы въ немъ нельзя было найти сюжета для самаго

необъятнаго произведенія? И Помяловскій, дѣйствительно, глядѣлъ, одно время, на Петербургъ, какъ на предопредѣленный сюжетъ для себя. Онъ хотѣлъ изучать его язвы и его «трущобы», тѣ самыя, которыя такъ интересуютъ теперь читателей на страницахъ «От. Записокъ», выходя изъ-подъ пера другого талантливаго писателя, никогда неощущающаго недостатка въ сюжетахъ. Сначала Помяловскій, для осуществленія своей мысли, думалъ составить даже компанію литераторовъ, которые бы респредѣлили по себѣ всѣ сорта добродѣтельныхъ людей изъ области «петербургскихъ трущобъ». На свою часть Помяловскій бралъ петербургскихъ нищихъ. Но компанія не состоялась и Помяловскому пришлось остаться при своемъ оригинальномъ замыслѣ одному.

«Тогда — говорится по этому поводу въ его биографіи — сталъ онъ пропадать по цѣлымъ недѣлямъ, и гдѣ пропадалъ онъ, не зналъ никто. Родные и знакомые его встревожились, дѣлали розыски, но напрасно. Потомъ оказалось, что онъ все это время проживалъ гдѣ-то на Сѣнной, въ самомъ центрѣ безчувственнаго разврата, и нищеты неисходной. Безвыходно жилъ онъ тамъ въ кабакахъ, грязныхъ харчевняхъ, публичныхъ домахъ, въ какихъ-то отвратительныхъ катакомбахъ съ лицами, при одномъ разсказѣ о которыхъ вчужь ужась беретъ. Онъ знакомился и кутилъ съ этими лицами, изучалъ ихъ съ психологической точки зрѣнія, выпытывалъ у нихъ прошлое; тамъ у него явились пріатели, съ которыми онъ гулялъ и попадалъ даже на съѣзжую. Мысли горькія вынесъ онъ изъ наблюдений надъ этой жизнью. — За то — говорилъ онъ — такими пейзажиками я до того укрѣпилъ свои нервы, что могу спокойно смотрѣть на самый отвратительный цинизмъ и анализировать его. Вотъ ужъ я выставлю эти картинки на показъ нашему обществу — пусть любитесь» (Т. I. стр. XLIV).

Но обществу не довелось увидѣть эти картинки, и оно, какъ имъ замѣтили, любитесь ими въ изданіи другого писателя. Взамѣнъ того, самому Помяловскому, вслѣдствіе слишкомъ прилежнаго изученія имъ этихъ картинокъ, часто приходилось представлять изъ себя такую картину отчаянія, которой что-нибудь подобное можетъ встрѣчаться только въ темныхъ катакомбахъ, гдѣ живетъ сама погибель. Дорого обходилась ему его несчастная слабость, потому что въ немъ это была слабость — къ изученію общественныхъ язвъ. Объ этомъ можно судить по его неистовымъ крикамъ, вырывающимся у него послѣ каждаго изъ его похмѣлій въ катакомбахъ или на съѣзжей — крикамъ, отъ которыхъ дѣйствительно вчужь дрожь проникаетъ. Пусть читатель испытаетъ на самомъ себѣ дѣйствіе хоть одного изъ нихъ:

«О, препогоная мать-природа, зачѣмъ ты создала мать свуху, чтобъ тебѣ насквозь прошло! О, сваторусскій народъ — брось

пить — я одинъ изъ бросающихъ. Разшиби ты поганую посуду съ поганой сивухой; наплой въ окна кабаковъ, и въ рожн ихъ провзводителей! Отреавись — и пой хоть ту же унылую пѣсню, какую пѣлъ, до сихъ поръ, только не съпѣяна! Но чую, чую взбѣшонной душой, что это все напрасно написано... проклятая жизнь, и проклятая ты природа! — Чую, что смерть идетъ ко мнѣ быстрыми шагами. И такъ, много ли нажилъ? О, проклятая жизнь!...»

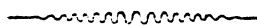
Затѣмъ Помяловскій, все изъ той же жажды сюжета, подражался поставлять фельетоны въ нашу официальную военную газету, и не написалъ ни одного фельетона, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой не кончилъ Порѣчанъ; былъ приглашаемъ и согласился поступить въ критики «Современника», и тоже не кончилъ начатую статью. Сила вещей привела его, напоследокъ, къ тому, что онъ принялся писать «Очерки Бурсы».

Мы называли, наконецъ, это произведеніе, которое навсегда останется сочувственнымъ для всѣхъ претерпѣвшихъ или претерпѣвавшихъ отъ бурсы, и отъ насъ, можетъ быть, ждутъ — какъ-то мы теперь разойдемся съ общимъ приговоромъ нашей критики, съ которымъ до сихъ поръ не были согласны ни на одну йоту. Но ожиданія эти будутъ напрасны. Мы хотѣли уяснить писателя, который, дѣйствительно, озадачилъ нашу критику и къ которому она, въ самомъ дѣлѣ, не знала какъ приступить, и до сихъ поръ не умѣетъ рѣшить — новый онъ реалистъ или «новѣйшій», первый ли онъ человекъ одной только нашей литературы, или и во всѣхъ остальныхъ не было такого писателя. И мы, дѣйствительно, не можемъ не признать сами, что нашъ критическій приемъ былъ совершенно новый, и совершенно объясняющій дѣло, потому что онъ самый простой. Мы хотѣли сказать всѣми предъидущими словами своими, что Помяловскій, въ силу вещей, въ силу неумолимой логики обстоятельствъ, былъ писатель, и притомъ замѣчательный, только — въ возможности, а не на дѣлѣ; писатель безъ сюжета, писатель, которому не о чемъ было писать. Но та же сила вещей, которая тяготѣла надъ нимъ пудами, когда онъ заносился, указала ему, наконецъ, и его истинный сюжетъ. Да; этотъ сюжетъ, какъ онъ ни кажется скромнымъ, былъ одинъ только истинный, по которому могла тосковать душа Помяловскаго. И открывъ его, онъ припалъ къ нему съ дрожью и жаждой африканскаго пустытника, напавшаго на холодный ключъ. Мы получили четыре «Очерка Бурсы», и считаемъ, что это болѣе, чѣмъ довольно. Но Помяловскій хотѣлъ написать ихъ двадцать — такъ по-крайней-мѣрѣ сказано въ его биографіи: это было бы больше «Илиады», больше «Донъ-Жуана» и «Мертвыхъ Душъ». Но это все бы не было больше того, сколько Помяловскому хотѣлось мстить и мстить, тысячу разъ мстить своей по-

губительницѣ—бурсѣ. Но кто будетъ видѣть въ немъ только мстятелю Немезиду, тотъ близорукъ, и вовсе неспособенъ понимать природу человѣка. Въ разногласицѣ его проклятій мы слышимъ часто голосъ самаго нѣжнаго чувства: бурса остается его матерью, и какая бы она ни была Медея, его ненависть къ ней не можетъ быть чистою и безпримѣсною; ея промзглыя стѣны напоминаютъ ему о дняхъ его дѣтства, которые, во всякомъ случаѣ, не всѣ же были днями колѣнопреклоненія, розогъ и зубовнаго скрежета. Неужели въ этомъ щегольствѣ цинизмомъ, въ этомъ лирическомъ упоеннѣ грязью, вы не замѣчаете какой-то женственной сантиментальности къ тому, чтò хотя и дѣйствительно грязно, но все же почему-то дорого? Такъ уже устроенъ человѣкъ—спросите у всѣхъ психологовъ. Оттого, цинизмъ, такъ обильно разлитый по «Очеркамъ бурсы,» намъ не подѣ силу. Понятно: для насъ въ немъ нѣтъ ничего дорогаго; онъ слишкомъ реаленъ для насъ, такъ-сказать, фотографиченъ, тогда какъ для автора онъ не былъ лишонъ смягчающаго, идеальнаго элемента.

Можетъ быть, намъ слѣдовало бы теперь понеять на общество, въ которомъ возможны столь прискорбныя явленія, какъ «неудавшійся писатель». Конечно, слѣдовало бы. Но вѣдь это никогда не уйдетъ отъ насъ.

Incognito.

О П Е Ч А Т К А. Въ первой апрѣльской книжкѣ «От. Зап.» въ статьѣ «Между старымъ и новымъ» на страницѣ 529-й въ строгѣ 24-й:—

напечатано:

читай:

эстетическому и реальному; эстетическому и художественному;

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Характеръ войны въ сѣверной Америкѣ.—Значеніе Чарльстона.—Вліяніе сѣверо-американской войны на дѣла Европы. — Положеніе, принятое европейскими кабинетами. — Проектъ Стефенса. — Паденія Ричмонда. — Послѣдствія этого событія.—Смерть Линкольна.—Его личность. — Вопросъ объ обязательномъ первоначальномъ обученіи, возбужденный въ европейской прессѣ.—Общія замѣчанія по поводу этого вопроса. — Нужно ли и возможно ли обязательное первоначальное обученіе у насъ въ Россіи? — Земскія учрежденія и народное образованіе. — Возможность первыхъ основаній для обязательнаго первоначальнаго обученія въ нашемъ народѣ.—Положеніе поземельной собственности въ Россіи.—Межевое дѣло.—Историческая о немъ замѣтка.—Предполагаемая реформа по межевымъ учрежденіямъ.

Въ лѣтописяхъ кровавыхъ браней, которыя когда-либо вело чело-вѣчество, нынѣшняя война въ Америкѣ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ. Война эта представляетъ не только множество особенностей въ способахъ ея веденія, но и самая причина ея слишкомъ отличается отъ тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ обыкновенно воюютъ между собою народы. Если южные штаты подняли оружіе съ цѣлью пріобрѣсти для себя политическую независимость, то сѣверные штаты вступили въ борьбу съ ними не столько для покоренія ихъ, сколько для осуществленія той великой идеи, которую олицетворялъ собою покойный президентъ Линкольнъ. Единственнымъ поводомъ для разрыва между Югомъ и Сѣверомъ было невольничество: сѣверяне положили уничтожить это позорное состояніе чело-вѣчества, а южане наоборотъ—поддержать его. Такимъ образомъ, здѣсь столкнулась нравственная идея съ экономическими разсчетами.

Въ настоящее время, эта четырехлѣтняя борьба приближается, повидимому, къ концу, если только политикою сѣверныхъ штатовъ будетъ управлять такой же настойчивый и такой же энергическій чело-вѣкъ, какимъ былъ Авраамъ Линкольнъ. Ему сѣверные штаты обязаны тѣмъ, что они взяли перевѣсъ надъ своими противниками, употребившими громадныя усилія для того, чтобъ доставить Югу политическую независимость, и продолжить рабство на неопредѣ-

лимое время. Борьба оканчивается въ интересахъ человѣчества, въ пользу правъ личной свободы, защищаемыхъ сѣверомъ.

Успѣхи сражавшихся сторонъ были при началѣ этой борьбы весьма переменчивы. Только съ весны 1864 года сталъ оказываться почти постоянный перевѣсъ сѣверянъ надъ южанами. Генералъ Грантъ принялъ главное начальство надъ вновь образованной арміей въ двухсотъ-тысячномъ составѣ, и съ той поры возникла мысль о походѣ на Ричмондъ, столицу южныхъ штатовъ. Отдѣльные отряды сѣверянъ стали занимать пункты, лежащіе на пути къ Ричмонду; занятіе это сопровождалось порчею путей и уничтоженіемъ желѣзныхъ дорогъ, ломкою мостовъ и истребленіемъ городовъ и мѣстечекъ. Впрочемъ, во Флоридѣ сѣверяне потерпѣли значительныя неудачи. Вообще борьба сопровождалась сильнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, но пока средства юга не были истощены до конца, нельзя было предвидѣть скорого исхода этой кровопролитной и опустошительной войны.

Занятіе Чарльстона, въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, и паденіе Вильмингтона, дали сѣверянамъ такой перевѣсъ надъ югомъ, какового они не имѣли еще ни разу съ самаго начала междоусобія. Уже тогда многія французскія газеты стали предсказывать близкое окончаніе войны, такъ-какъ, по ихъ мнѣнію, южане потеряли возможность вести неравную борьбу и принуждены просить мира. Напротивъ того, англійскія газеты, опасаясь торговаго кризиса, который былъ бы неизбежнымъ послѣдствіемъ открытія конфедеративныхъ портовъ и появленія американскаго хлопка на европейскіхъ рынкахъ, поддерживали мысль, что югъ еще долго не смирится передъ сѣверомъ.

Если въ настоящее время занятію Ричмонда придають огромную важность и видятъ въ этомъ фактѣ какъ-бы окончательную развязку четырехлѣтняго междоусобія, то нельзя не сказать, что предшествовавшія этому событію имѣли большое значеніе, и весьма много содѣйствовали тѣмъ успѣхамъ, которыхъ достигли теперь сѣверяне. Такъ, паденіе Чарльстона произвело рѣшительный переворотъ во всемъ ходѣ войны. Чарльстонъ былъ самымъ надежнымъ оплотомъ сепаратистическихъ стремленій и рабовладѣльческихъ интересовъ. По своему политическому и стратегическому значенію, онъ даже имѣлъ гораздо болѣе права называться столицей южныхъ штатовъ, нежели Ричмондъ. Такое значеніе Чарльстона привнала даже газета «Times», покровительствующая сепаратистамъ. Паденіе Чарльстона измѣнило характеръ войны: южанамъ представилась невозможность держаться въ своихъ приморскихъ городахъ, и они должны были сосредоточить всѣ свои силы для защиты внутреннихъ областей конфедераціи. Указывая на это обстоятельство, газета «Times» прибавляла, что южане при этихъ условіяхъ обнаружатъ непобѣдимую энергію. «Теперь — восклицала упомянутая газета — война будетъ происходить между народомъ, получившимъ неограниченное господство надъ моремъ, и другимъ народомъ, который, будучи отрѣзанъ отъ всякаго сооб-

женіи съ остальными міромъ, и не садясь ни на чью-либо существенную помощь извнѣ, удерживать однако за собою обширныя территоріи и готовъ отстаивать ихъ съ тѣмъ упорствомъ, какое онъ обнаружилъ уже въ продолженіи предшествовавшихъ четырехъ лѣтъ».

Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить то значеніе, какое имѣетъ взятіе сѣверными Ричмонда — какъ событіе, взволновавшее теперь всю Европу — необходимо сообразить предшествовавшіе факты. Они показываютъ, что силы Юга были значительно подорваны и ослаблены еще прежде взятія Ричмонда, занятіемъ Чарльстона. Можно сказать, что существенную потерю понесли южане при отнятіи у нихъ этого города, и что потеря ихъ отозвалась еще сильнѣе вслѣдствіе того нравственнаго впечатлѣнія, которое должна была произвести на умы утрата Ричмонда. Въ совокупности этихъ двухъ фактовъ, южные штаты понесли двойное пораженіе, которое только и можетъ заставить ихъ сознаться въ своемъ безсиліи передъ Сѣверомъ.

На торговля дѣла Европы, а также и Россіи, междоусобная борьба въ Америкѣ произвела неблагоприятное вліяніе. Только Англія умѣла поправить свои дѣла, тогда какъ другія государства не могли не чувствовать того страшнаго кризиса, который тяготѣетъ теперь надъ торговыми и промышленнымъ міромъ, отъиваясь на финансовомъ положеніи государствъ, заинтересованныхъ торговлею съ сѣверными и южными штатами. Сочувствіе Европы въ продолженіе междоусобной войны въ Америкѣ, было, за исключеніемъ торговой среды, на сторонѣ Сѣвера, какъ защитникъ личной человѣческой свободы. Впрочемъ, европейская политика дѣйствовала весьма осторожно. При первомъ взрывѣ, ожидали вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ во взаимную распрю Сѣвера съ Югомъ, но скорѣй установился въ Европѣ одинъ общій взглядъ на дѣла Америки, такъ-какъ всякое постороннее въ нихъ вмѣшательство было признано неумѣстнымъ. Первенствующія европейскія державы: Франція, Англія и Россія, стали дѣйствовать единодушно, являясь миролюбивыми посредницами между двумя враждующими сторонами. Такой ходъ дѣлъ устранилъ то столкновеніе, которое угрожало Европѣ при вмѣшательствѣ ея въ борьбу, происходившую за Океаномъ. Что же касается правительственныхъ симпатій, то симпатіи Франціи и Англіи были на сторонѣ южныхъ штатовъ, тогда какъ симпатія Россіи клонилась на сторону сѣверянъ. Англія, въ подрывѣ могущества сѣверныхъ штатовъ, видѣла ручательство для усиленія своей торговой дѣятельности, и кромѣ того, положеніе дѣлъ въ Канадѣ не могло способствовать сближенію лондонскаго кабинета съ вашингтонскимъ. Франція, по своимъ интересамъ въ Мексикѣ, не могла благоприятствовать и сочувствовать успѣхамъ сѣверо-американскихъ штатовъ, соперничество которыхъ должно быть опасно для утвержденія того порядка дѣлъ, который введешь и поддерживаемъ въ Мексикѣ императоромъ Наполеономъ. Несмотря на такіа сходственныя отношенія Франціи и Англіи къ

сѣверо-американскимъ штатамъ, военное вмѣшательство въ ихъ дѣла со стороны той или другой державы непременно должно было вызвать между ними взаимную вражду, такъ-какъ каждая изъ нихъ стала бы опасаться перевѣса своей соперницы по дѣламъ торговымъ и коммерческимъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, Европа спаслась отъ тѣхъ тревогъ, которыя могло накликать на нее вооруженное вмѣшательство Франціи или Англіи въ междоусобную борьбу американскихъ штатовъ.

При такихъ условіяхъ только рѣшительные удары, нанесенные той или другой сторонѣ, должны были положить конецъ кровавой и опустошительной войнѣ, и водворить въ Америкѣ миръ. При той рѣшительности, которая обнаружилась въ этой борьбѣ, миръ можетъ возстановиться или вслѣдствіе признанія независимости Юга, какъ самостоятельной конфедераціи, или вслѣдствіе возвращенія Союза къ первобытному его составу, то-есть вслѣдствіе возвращенія западныхъ областей подъ власть вашингтонскаго правительства, и возстановленія тѣхъ взаимныхъ связей, которыя существовали прежде между всѣми штатами. Иной исходъ дѣлъ представился бы не болѣе какъ шаткимъ, непрочнымъ перемиріемъ, которое можетъ быть прервано каждую минуту.

Осуществиться миръ могъ бы по плану гражданина Стефенса. Президентъ Линкольнъ былъ готовъ привести въ исполненіе этотъ планъ, который состоитъ въ слѣдующемъ. Президентъ сѣверныхъ штатовъ долженъ обратиться съ прокламаціею къ южанамъ, приглашая ихъ вступить въ союзъ, на принятыхъ для этого основаніяхъ съ тѣмъ, чтобы вступающіе въ союзъ штаты обязались признавать правила, установленныя федеративнымъ правительствомъ. Представители союзнаго правительства должны отправиться въ Нашвилъ, Луивиль и Цинцинатъ, и тамъ встрѣтиться съ представителями Юга. Послѣ заключенія условій, каждый изъ южныхъ штатовъ долженъ отправить отъ себя депутата въ Вашингтонъ. Этотъ проектъ представляетъ то удобство, что даетъ возможность каждому изъ южныхъ штатовъ располагать собою, какъ онъ заблагоразсудитъ, не подчиняясь одной общей идеи отпаденія отъ Сѣвера, которая не для всего Юга имѣетъ одинаковую важность. При составленіи этого проекта имѣлось въ виду, что Сѣверная Каролина, Георгія, Флорида, Алабама и Миссисипи очень охотно приступятъ къ сѣверному союзу, и что потомъ прочіе южные штаты, увидѣвъ невозможность продолжать борьбу, также не откажутся войти въ составъ союза, который такимъ образомъ будетъ возстановленъ въ прежнемъ составѣ. Безъ такой сдѣлки отдѣльно съ каждымъ изъ штатовъ, вашингтонское правительство, взявъ перевѣсъ надъ Югомъ силою оружія, не будетъ встрѣчать печальной необходимости — смотрѣть на южные штаты какъ на покоренныя области, и поддерживать тамъ свою власть управленіемъ на военный образецъ.

Паденіе Ричмонда должно побудить южанъ къ уступчивости и, конечно, имъ лучше будетъ возвратиться въ союзъ на тѣхъ осно-

ваніяхъ, которыя предлагаетъ Стефенсъ, нежели признать себя побѣжденнымъ народомъ, и отдаться на милость побѣдителей.

Первый бой подъ Ричмондомъ произошелъ 31-го (18-го) марта. 3-го апрѣля Ричмондъ, объятый пламенемъ, былъ занятъ сѣверянами. Взятіе Ричмонда стоило имъ значительныхъ потерь: у нихъ вышло изъ строя 7,000 человекъ. Потеря противниковъ была громадна. У южанъ взято 25,000 въ плѣнъ, число убитыхъ и раненыхъ доходить до 15,000 и, кромѣ того, сѣверяне отбили у нихъ 100 орудій. Въ настоящее время, для пораженныхъ окончательно жланъ остается единственнымъ убѣжищемъ южный хребетъ, идущій отъ Западной Виргиніи между Сѣверной Каролиной и Тенесси до Георгіи. Эти — такъ-называемыя Алеганскія горы, покрыты лѣсами, не имѣютъ удобныхъ путей сообщенія, по скатамъ ихъ живетъ малочисленное населеніе, благопріятствующее Югу, такъ что въ этихъ горахъ могутъ продержаться небольшіе отряды южанъ, даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но это, конечно, не принесетъ никакой пользы южной конфедераціи, которая теперь, по выраженію генерала Гранта, не что иное, какъ мыльный пузырь, который исчезнетъ при первомъ къ нему прикосновеніи. Нѣкоторые, впрочемъ, полагаютъ, что генералъ Ли, собравъ остатки своей разсѣянной арміи, перейдетъ на правый берегъ рѣки Миссисипи и отпретъ военныя дѣйствія въ Техасъ или Луизианѣ. Какъ бы то ни было, но настоящее положеніе южныхъ штатовъ не представляетъ возможности продолжать войну при тѣхъ средствахъ, которыми они располагали прежде.

Въ наше время, когда арміи должны быть снабжены матеріальными средствами въ огромныхъ размѣрахъ, и когда онѣ гораздо значительнѣе по своей численности, нежели въ прежнее время — невозможно вести войны, не имѣя въ своемъ распоряженіи большихъ городовъ, которые могли бы служить операціонными базами. Теперь у южанъ отняты прибрежные порты, Ричмондъ взятъ, и у конфедератовъ не остается ни одного города, въ которомъ было бы 20,000 блага поселенія. Южные штаты не имѣютъ возможности содержать, какъ прежде, огромную армію въ рабовладельческихъ штатахъ, среди кой-гдѣ попадающихся плантацій, и небольшого числа разоренныхъ деревень и мѣстечекъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, нельзя снабжать армію необходимыми запасами всякаго рода. Потеря большихъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстностей, должна сопровождаться разсѣяніемъ арміи южанъ.

Такимъ образомъ, унижена гордость президента южныхъ штатовъ Джеферсона Девиса, который, какъ теперь видно, жестоко ошибался, когда онъ въ 1861 году говорилъ въ Стевенсонѣ, въ штатѣ Алабама, штатамъ, смежнымъ съ Сѣверомъ и Югомъ: «вступите въ нашу конфедерацію, мы будемъ вашими единственными друзьями. Англія признаетъ насъ; намъ предстоитъ блестящая будущность. Въ городахъ Сѣвера, гдѣ цвѣтетъ теперь торговля, вскорѣ задрѣтеть трава. Мы двинемъ наши арміи на Сѣверъ, всюду гдѣ легко доступъ; мы овладѣемъ многочисленными городами,

и тамъ насытитъ наши мечи, алчущіе крови, и дадимъ пинцу нашимъ пылающимъ факеламъ».

Торжество Сѣвера было помрачено смертью Линкольна, застрѣленного въ театрѣ, въ ночь на 4-е апрѣля. Газеты сообщили нынѣ подробности этого постыднаго убійства, которое было задумано надъ энергическимъ и стойкимъ президентомъ, какъ мщеніе за пораженія, нанесенныя южнымъ штатамъ. Съ именемъ Линкольна соединится на всегда память правдиваго человѣка, который мужественно шелъ къ своей цѣли, поставивъ права человѣчества выше политическихъ расчетовъ. За эту идею, онъ поплатился жизнью, сдѣлавшись жертвою убійства. Конечно, теперь нельзя предвидѣть, какое вліяніе будетъ имѣть преждевременная смерть Линкольна на дѣло освобожденія негровъ отъ рабства. Во всякомъ случаѣ онъ, среди страшной борьбы, довелъ это дѣло до того, что завершить его уже не такъ трудно, какъ это было прежде.

Личныя качества покойнаго президента — терпѣніе, честность и настойчивость — настойчивость безграничная, служили порукой, что Линкольнъ сбумѣлъ бы до конца остаться вѣрнымъ своей цѣли, и что онъ однажды, порѣшивъ съ рабствомъ, доставилъ бы штатамъ покой и благоденствіе, которыхъ нельзя достигнуть при порядкѣ, существовавшемъ на Югѣ. Линкольнъ не былъ и не считалъ себя военнымъ человѣкомъ, но такимъ и не долженъ быть глава правительства. Для людей, поставленныхъ въ такое положеніе, въ какомъ находился Линкольнъ, не нужно боевой храбрости и военныхъ дарованій — имъ нужны гражданское мужество и проницательность, а этими качествами природа щедро наградила покойнаго президента. Онъ твердо держался принятой имъ однажды системы дѣйствій, не уклонился ни разу отъ своей цѣли, и умѣлъ въ выборѣ генераловъ руководиться не личными симпатіями и расчетами, но подчинился требованіямъ самихъ военныхъ событій, и народной молвѣ о достоинствахъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ предоставлялъ начальство надъ арміею союза. Руководясь этимъ, онъ ввѣрилъ распоряженіе военными дѣйствіями генералу Гранту, который блистательнымъ образомъ оправдалъ довѣріе, оказанное ему президентомъ. Грантъ, по замѣчанію газеты «Times», былъ главнымъ двигателемъ тѣхъ необычайныхъ военныхъ усилій Сѣвера, которыя, начавшись въ маѣ прошлаго года, окончились нынѣ взятіемъ столицы южанъ. Начальствуя вѣдми сухопутными силами союза, онъ составилъ планъ достопамятной компаніи, обнявшій въ своемъ развитіи до той небывалые размѣры военныхъ дѣйствій, и охватившій собою огромное пространство, сдѣлавшееся мѣстомъ боевыхъ событій.

Война и смуты выдвигаютъ всегда способныхъ и даровитыхъ людей; между ними Линкольнъ является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей. Насильственная смерть осѣнила его память вѣчной славой, показавъ какаго опаснаго врага видѣли въ немъ противники его идей, желающіе основать благоденствіе и политическое могущество страны на позорномъ рабствѣ...

— Однимъ изъ важныхъ вопросовъ, клонящихся къ развитію общественной нравственности и народнаго благосостоянія, считается образованіе. Различныя степени его возможны только тогда, когда въ государствѣ положены прочныя основы элементарнаго обученія. Благодаря докладу, представленному французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи объ элементарномъ бесплатномъ и даже нонудительномъ обученіи во Франціи, вопросъ этотъ въ настоящее время сдѣлался предметомъ самыхъ тщательныхъ обсужденій со стороны всей европейской прессы. Французскія, англійскія, нѣмецкія, а отчасти и наши русскія газеты обратили вниманіе на это дѣло, такъ-что упомянутый вопросъ можно считать однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, хотя негромкихъ въ своей обстановкѣ, но тѣмъ не менѣе существенно важнымъ для каждаго государства.

Обширный рапортъ г. Дюрюи разсматривать прежде всего обученіе дѣтей во французскихъ элементарныхъ школахъ. Изъ рапорта видно, что число учащихся въ этихъ школахъ постоянно возрастало съ 1832 года, такъ-что въ 1863 году на 1,000 жителей приходилось 100 учащихся, тогда-какъ въ 1832 году на то же число жителей учащихся было только 59. Во второмъ отдѣлѣ своего рапорта министръ говоритъ о числѣ дѣтей, посѣщающихъ элементарныя школы. Число такихъ дѣтей въ цѣлой имперіи онъ считаетъ до 884,887, выключая 200,000 тѣхъ изъ нихъ, которыя, по его расчетамъ, получаютъ первоначальное образованіе на дому. Въ этому онъ, ссылаясь на факты, замѣчаемые при рекрутскихъ наборахъ, прибавляетъ, что изъ 100 учащихся только 60 получили первоначальное образованіе въ дѣйствительной степени, тогда-какъ для остальныхъ 40 посѣщеніе школъ не принесло никакой пользы.

Указывая на необходимость усилить во Франціи первоначальное образованіе, г. Дюрюи, какъ и всякій другой заявитель своего проекта, подводитъ подъ свою главную мысль и прочія замѣчаемыя имъ явленія, подчиняя ихъ вліянію того требованія, объ осуществленіи котораго онъ старается.

Такъ г. Дюрюи указываетъ на то, что въ Швейцаріи, со времени реформы по обученію въ первоначальныхъ школахъ, тамошнія тюрьмы, которыя были тамъ нѣкогда наполнены преступниками и подсудимыми, оказываются нынѣ совершенно пусты. Въ Баденѣ, по словамъ министра, система первоначальнаго школьнаго обученія имѣла огромное вліяніе на нравственность тамошняго населенія и на уменьшеніе числа преступниковъ до такой степени, что баденское правительство сочло возможнымъ закрыть нѣсколько тюремъ. Въ Баваріи, по замѣчанію г. Дюрюи, вслѣдствіе успѣховъ первоначальнаго народнаго обученія, уменьшилось число незаконныхъ дѣтей. Во Франціи, какъ видно изъ министерскаго рапорта, на 100 преступниковъ приходилось 81 такихъ, которые ничему не учились.

Всюду признавая благотворное вліяніе на нравственность на-

рода, вслѣдствіе распространенія въ его массахъ первоначальнаго образованія, едва-ли можно принять безусловно тѣ блестящіе доводи, которые представляетъ въ этомъ отношеніи г. Дюрин. Число заключенныхъ въ тюрьмахъ могло уменьшиться, независимо отъ распространенія элементарнаго образованія, и вслѣдствіе другихъ причинъ, вліятельно дѣйствующихъ на нравственность народа и, кромѣ того, подъ вліяніемъ улучшеній по судебной и слѣдственной части. Такъ, наприимѣръ, еслибы у насъ, одновременно съ судебной реформой, уменьшающей случаи тюремнаго заключенія, а также и случаи прикосновенности къ уголовнымъ дѣламъ, было бы введено и первоначальное образованіе въ обширныхъ размѣрахъ, и еслибы вслѣдъ за тѣмъ произошло значительное уменьшеніе въ числѣ лицъ, содержащихся въ тюрьмахъ и острогахъ, то г. Дюрин, подъ вліяніемъ предвзятой имъ идеи, могъ бы выключить и наше отечество въ разрядъ тѣхъ странъ, на которыхъ такъ благотворно подѣйствовало развитіе первоначальнаго обученія. Между тѣмъ, въ сущности такое заключеніе было бы не только односторонно, но и ошибочно. Что же касается перевѣса въ числѣ преступниковъ такихъ, которые ничему не учились, надъ такими, которымъ было дано кое-какое образованіе, то этотъ фактъ, какъ мы полагаемъ, не есть слѣдствіе той причины, подъ которую подводитъ его г. Дюрин. Онъ объясняется очень просто общимъ перевѣсомъ числа необразованныхъ вовсе людей надъ числомъ умѣющихъ читать и писать, а также и тѣмъ, что бѣольшая часть ничему неучившихся преступниковъ принадлежитъ къ такому классу народа, который преимущественно терпитъ бѣдность, и который, вслѣдствіе этого, встрѣчаетъ болѣе побужденій къ совершенію преступленій и проступковъ, привлекающихъ къ отвѣтственности передъ судомъ.

Въ шестомъ параграфѣ своего доклада г. Дюрин указываетъ на тѣ средства, которые должны способствовать развитію элементарнаго образованія. Къ средствамъ административнымъ онъ причисляетъ улучшеніе методы преподаванія, увеличеніе окладовъ учительскаго жалованья, усиленіе надзора за учебною частію, возбужденіе соревнованія какъ между учащимися, такъ и между преподавателями. Къ финансовымъ средствамъ онъ относитъ: открытіе училищъ тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ, улучшеніе зданій, предназначенныхъ для училищъ, ихъ омеблировку и устройство училищныхъ бібліотекъ. Наконецъ, онъ предлагаетъ ввести обязательныя посѣщенія элементарныхъ училищъ, какъ такую мѣру, которая не была бы одною только формальностію для записки дитяти въ училищѣ, но дѣйствительно обязывала бы его посѣщать училище впродолженіе извѣстнаго срока.

Что касается системы обязательнаго обученія, то это, какъ извѣстно, не только относительно частныхъ ея примѣненій, но и относительно основныхъ ея принциповъ, возбуждаетъ разнорѣчивыя мнѣнія. Одни считаютъ его необходимымъ условіемъ для развитія въ массахъ умственной жизни, другіе же, или не придавая ей такого важнаго значенія или признавая только ея пользу, считаютъ

одного обязательное обученіе какимъ-то насиліемъ правительства надъ обществомъ.

Требованіе о обязательномъ обученіи въ школахъ является первый разъ во Франціи въ 1560 году, какъ мѣстная мѣра, принятая орлеанскимъ парламентомъ. При Лудовикѣ XIV и Лудовикѣ XV, въ 1695 и 1724 годахъ, вышли постановленія о обязательномъ посѣщеніи школъ дѣтьми. Въ 1793 году конвентъ подтвердилъ эти постановленія. Въ Пруссіи король Фридрихъ II ввелъ въ 1763 году систему обязательнаго обученія для дѣтей какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, назначивъ срокомъ постояннаго посѣщенія школъ время отъ пятилѣтнаго до тринадцатилѣтнаго возраста. Въ 1819 году было подтверждено это требованіе съ тѣмъ, чтобы родители, опекуны и хозяева мастерскихъ, уклоняющіеся отъ исполненія этого предписанія, должны быть подвергаемы денежнымъ штрафамъ и даже тюремному заключенію. Въ настоящее время обязательное обученіе представляетъ такую общественную повинность, какою считается тамъ военная служба. Вслѣдствіе строгихъ мѣръ, предпринятыхъ въ Пруссіи по обязательному обученію въ послѣднее время, тамъ изъ 3,090,294 дѣтей, находящихся въ томъ возрастѣ, въ которомъ они должны посѣщать школы, только 130,437 дѣтей не ходили въ училища; изъ этого числа надобно исключить и такихъ дѣтей, которыя получаютъ первоначальное образованіе на дому, и тогда оно должно еще уменьшиться на нѣсколько десятковъ тысячъ. Въ прусской арміи на 100 нижнихъ чиновъ приходится только 3 такихъ, которые не умѣютъ читать и писать.

Въ прочихъ частяхъ Германіи система общественнаго обученія была принята населеніемъ очень охотно, такъ что она теперь изъ правительственной мѣры обратилась уже въ народный обычай.

Во всѣхъ частяхъ Австрійской имперіи обязательное обученіе въ школахъ введено съ 1774 года, подъ опасеніемъ взысканія денежныхъ штрафовъ; но это требованіе остается доселѣ только на бумагѣ безъ дѣйствительнаго исполненія, исключая лишь нѣмецкія провинціи. Въ Баваріи обязательное обученіе введено съ покойни прошлаго столѣтія. Тамъ за уклоненіе отъ этого требованія полагается даже тюремное заключеніе, но никто однако не подвергается ему, такъ-какъ всѣ очень охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы для обученія. Въ Виртембергѣ также введена система обязательнаго обученія, и наказанія, положенныя за неисполненіе требованій по этому предмету, состоятъ въ денежныхъ штрафахъ и тюремномъ заключеніи. Въ Саксоніи обязательное обученіе принято съ 1835 года; на первыхъ порахъ оно встрѣтило нѣкоторый отпоръ со стороны родителей, непризнававшихъ его пользы, но теперь во всемъ Саксонскомъ королевствѣ не найдется такого дворянина, которое не посѣщало бы училище въ положенный для этого срокъ. Особенно строгія взысканія за неисполненіе предписаній на счетъ послыки дѣтей въ училище существуютъ въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ. Тамъ родители за каждый просроченный въ этомъ отношеніи день, подвергаются небольшому де-

нежному высканию. Если же они оказываются несостоятельными къ уплатѣ штрафа, то ихъ отправляютъ на общественныя работы на срокъ по расчету задѣльной платы съ причитающимся съ нихъ высканіемъ.

Вообще въ Германіи относительно обученія приняты слѣдующія правила:

Списки дѣтей ведутся лицами, занимающимися составленіемъ актовъ гражданскаго состоянія. Затѣмъ списки эти передаются учителямъ, которые обязаны слѣдить по нимъ за отсутствующими дѣтьми. Учителя сообщаютъ свои замѣчанія предсѣдателю училищной комиссіи, состоящей изъ отцовъ семействъ, проживающихъ въ городахъ и сельскихъ общинахъ.

Понудительныя мѣры состоятъ въ слѣдующемъ: въ напоминаніи или предостереженіи родителямъ, письменномъ или отъ имени предсѣдателя комиссіи, вызовѣ въ комиссію родителей для личныхъ внушеній; жалобѣ со стороны комиссіи магистрату, который назначаетъ денежный штрафъ въ размѣрѣ его вины отъ 30 копеекъ до 1 рубля, удвоивая его каждый разъ при продолжающемся неисполненіи требованій комиссіи; и наконецъ въ арестѣ на 24 часа.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что въ настоящее время всѣ эти строги мѣры не находятъ примѣненія и остаются только буквою закона, которому всѣ подчиняются очень охотно, сознавая его пользу.

Въ Швеціи, Норвегіи и Даніи съ тѣхъ изъ родителей, которые не посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, взыскиваютъ денежные штрафы, а пасторы отказываютъ въ конфирмаціи неумѣющимъ читать. При такихъ условіяхъ грамотность достигла тамъ обширнаго развитія; такъ напримѣръ, въ 1862 году въ Швеціи изъ 385,000 дѣтей, только 9,131 не получали элементарнаго образованія. Въ Швейцаріи, за исключеніемъ кантоновъ Женевскаго, Швицъ, Ури и Унтервальденъ, введено обязательное носѣщеніе школъ. Въ Цюрихскомъ кантонѣ, на основаніи постановленія, изданнаго въ 1859 году, срокъ для обязательнаго школьнаго обученія полагается съ 5 и до 14-лѣтняго возраста. Нетолько родители и опекуны, но и завѣдывающіе фабриками обязаны, подъ опасеніемъ денежных штрафовъ, заботиться о коськѣ дѣтей въ училища. Тамъ общественное обученіе развито до такой степени, что если даже отецъ учитъ на дому сына, то все же онъ долженъ вносить въ пользу мѣстнаго училища установленную за ученіе плату. Въ Бернскомъ кантонѣ молодые люди, поступающіе солдатами въ военную службу, подлежатъ особому испытанію: они должны умѣть составить рапортъ, написать письмо и дѣлать простыя ариметическія вычисленія. Если же кто нибудь изъ новобранцевъ не можетъ удовлетворить это требованіе, то онъ обязанъ, состоя уже на службѣ, ходить въ школы, учреждаемыя въ казармахъ.

Въ Голландіи правительство и благотворительныя общества не выдаютъ пособія такимъ бѣднымъ родителямъ, которые не стараются о томъ, чтобы дѣти ихъ ходили въ школы. Впрочемъ, такое

правильно соблюдается и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, а въ Парижѣ оно было введено на основаніи административныхъ распоряженій. Въ королевствѣ Итальянскомъ, по закону 1859 года, введено безплатное обязательное обученіе; за неисполненіе этого закона установлены денежные штрафы и аресты. Кромѣ того, неумѣющіе читать не имѣютъ права участвовать въ выборахъ. Впрочемъ, упомянутый законъ не вошелъ еще въ полное дѣйствіе. Въ Португаліи, въ силу существующихъ тамъ постановленій, родители, пренебрегающіе образованіемъ своихъ дѣтей, подвергаются денежнымъ штрафамъ и ограниченію нѣкоторыхъ политическихъ правъ на срокъ до пяти лѣтъ. Въ Испаніи, съ 1857 году, введено обязательное обученіе; родители, неисполняющіе предписанныхъ на счетъ этого правилъ, подвергаются выговорамъ и денежнымъ штрафамъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, при учрежденіи первой колоніи, Новой Англіи, первоначальное обученіе было сдѣлано обязательнымъ. Въ 1850 году въ Массачузетѣ приняты были повелительныя мѣры для посылки дѣтей въ училища. Въ другихъ штатахъ въ разное время прибѣгали тоже къ подобнымъ мѣрамъ. Мѣры эти болѣе или менѣе строги и рѣшительны. Такъ въ штатѣ Массачузетъ каждый мальчикъ и каждая дѣвушка обязаны посѣщать училище въ промежутокъ времени отъ семи до семнадцати-лѣтняго возраста; за нарушеніе этого правила родители подвергаются штрафу въ 20 талеровъ и, кромѣ того, мальчикъ или дѣвушка могутъ быть, по распоряженію мѣстныхъ властей, отданы въ школу помимо желанія родителей, или помѣщены въ исправительное заведеніе. Въ штатѣ Кентукки съ 1858 года отказано въ выборныхъ правахъ каждому неумѣющему читать.

Въ недавнее время въ Придунайскихъ княжествахъ введена система первоначальнаго обязательнаго обученія.

Ознакомившись съ положеніемъ вопроса о обязательномъ обученіи въ европейскихъ государствахъ, невольно приходится спросить: какъ слѣдуетъ смотрѣть на этотъ предметъ собственно въ отношеніи къ Россіи, поставленной какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ въ нѣмныя условія сравнительно съ прочими державами? Слѣдуетъ спросить, нужно ли и возможно ли у насъ первоначальное обязательное обученіе?

На первый вопросъ, конечно, приходится отвѣчать утвердительно, такъ-какъ первоначальное обученіе необходимо не только въ практической обихденной жизни, въ большей или меньшей степени, для каждаго русскаго, такъ и потому, что отъ усиленнаго его распространенія зависитъ главнымъ образомъ развитіе умственной дѣятельности и въ высшихъ ея сферахъ. Чѣмъ болѣе будетъ находиться людей, научившихся въ дѣтствѣ читать и писать, тѣмъ болѣе будетъ вѣроятности на счетъ прилива учащихся, какъ въ среднія, такъ и въ высшія учебныя заведенія. При слабомъ развитіи первоначальнаго обученія, возбуждающемъ въ человѣкѣ любознательность и дающемъ ему ключъ въ дальнѣйшему образованію,

необходимо должны оставаться въ массѣ народа множество такихъ людей, умственные способности которыхъ пропадутъ безслѣдно. Въ настоящее время уже смѣшно разсуждать у насъ о вредѣ или пользѣ отъ распространенія грамотности въ народѣ. Это было возможно, хотя и странно, лѣтъ восемь тому назадъ, а теперь этотъ вопросъ до такой степени установился у насъ, что незачѣмъ и трогать его въ исходной точкѣ.

Можно, однако, при различныхъ условіяхъ быта и при неодинаковой дѣятельности существующихъ у насъ сословій, спросить только, въ какой мѣрѣ первоначальное образованіе можетъ быть полезно для тѣхъ или другихъ сословій, для тѣхъ или другихъ мѣстностей? Такой вопросъ, какъ кажется, можетъ имѣть практическое значеніе, потому что признавъ вполнѣ нетолько пользу, но и необходимость первоначальнаго обученія, слѣдуетъ, однако, сообразить, для какихъ сословій и въ какихъ мѣстностяхъ Россіи оно могло бы быть обязательно.

У насъ въ настоящее время дѣти изъ дворянскаго, духовнаго и купческаго званій, въ виду предстоящей имъ дѣятельности, получаютъ первоначальное образованіе, такъ-что собственно потребность первоначальнаго обязательнаго обученія можетъ чувствоваться только въ двухъ сословіяхъ, мѣщанскомъ и крестьянскомъ. Первое изъ этихъ сословій принадлежитъ почти исключительно къ городскимъ, а другое—къ сельскимъ обывателямъ, такъ-что при этомъ условіи открывается гораздо болѣе удобствъ для распространенія первоначальнаго обученія между мѣщанскимъ, нежели крестьянскимъ сословіемъ. Между тѣмъ потребность въ этомъ обученіи для представителей обоихъ сословій почти-что равномѣрна. Какъ изъ того, такъ и изъ другаго сословія поступаютъ молодые люди нижними чинами въ военную службу, гдѣ знаніе грамоты въ настоящее время почти-что необходимо. Представители обоихъ сословій участвуютъ въ торговой дѣятельности, волостныхъ судахъ, земскомъ управленіи, гдѣ безграмотному человеку бываетъ очень неудобно. Правда, что, повидимому, лица, принадлежащія къ мѣщанскому сословію, принимаютъ болѣе участія въ торговыхъ дѣлахъ; но если сообразить, что огромное число крестьянъ изъ губерній ярославской, калужской, владимірской и рязанской или сами занимаются торговлей, или находятся сидѣльцами въ лавкахъ и прикащиками у купцовъ, то, по всей вѣроятности, окажется, что въ общей сложности крестьяне участвуютъ въ торговлѣ не менѣе, нежели мѣщане, такъ что въ этомъ отношеніи является равномѣрная потребность въ умѣннн читать и писать, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

Въ военномъ, весьма многочисленномъ у насъ сословіи, благодаря современному направленію, элементарное обученіе достигло значительнаго развитія, и есть много основаній къ тому предположенію, что черезъ десятокъ-другой лѣтъ все наше войско будетъ состоять изъ людей грамотныхъ.

Въ виду всего этого, надобно сказать, что если открывается по-

требность въ введеніи обязательнаго первоначальнаго обученія, то она открывається только относительно двухъ сословій, мѣщанскаго и крестьянскаго, но и эта потребность слишкомъ важна потому, что оба упомянутыя сословія составляютъ массу всего населенія, такъ-что при этомъ условіи развитіе у насъ элементарнаго образованія весьма слабо, можно даже сказать совершенно ничтожно.

Объ устройствѣ, способѣ содержанія и направленія нашихъ народныхъ школъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, было въ послѣднее время писано такъ много, что начать говорить объ этомъ, значило бы повторять то, что болѣе или менѣе сдѣлалось уже давно извѣстнымъ. Замѣтимъ только, что вообще число нашихъ первоначальныхъ школъ, особенно для сельскихъ обществъ и преимущественно для женскаго пола, весьма ограничено, и что состояніе большей части этихъ учебныхъ заведеній не можетъ считаться удовлетворительнымъ, какъ въ образовательномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи ихъ внѣшней организаціи. Это происходитъ отъ недостаточности тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя могутъ быть употреблены на этотъ предметъ изъ общихъ государственныхъ источниковъ, и отъ ограниченности тѣхъ способовъ, которыми могутъ располагать городскія и сельскія общества, въ виду тѣхъ расходовъ, которые въ обыденной жизни кажутся гораздо нужнѣе, нежели издержки на народное обученіе.

Вообще можно сказать, что о безусловномъ введеніи у насъ обязательнаго обученія въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи, такъ-что если мы, несмотря на примѣры, подаваемые намъ въ этомъ отношеніи другими государствами, не примемъ никакихъ общихъ мѣръ, то насъ нельзя будетъ упрекнуть въ равнодушіи къ этому дѣлу. Скорѣе всего насъ придется похвалить за то, что мы, не увлекаясь посторонними примѣрами, дѣйствуемъ осмотрительно, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, которыми мы можемъ располагать въ извѣстномъ случаѣ.

Несмотря, однако, на невозможность принять у насъ по обязательному первоначальному обученію какія-либо общія административныя мѣры, можно, кажется, подумать о томъ, чтобы такія мѣры принимались къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ представляются къ этому всѣ удобства. При этомъ, само собою разумѣется, желательно, чтобы подобныя мѣры исходили не отъ административныхъ распоряженій и не предлагались бы къ исполненію, а исходили бы изъ народнаго сознанія въ необходимости научить грамотѣ ребенка, которому она можетъ пригодиться не только въ обыденной жизни, но и въ кругу той дѣятельности, къ которой проложенъ въ настоящее время путь и мѣщанину и крестьянину. Вниманіе по этому дѣлу должно быть предоставлено самимъ городскимъ и сельскимъ обществамъ, которыя гораздо лучше могутъ знать потребности и средства, представляющіяся въ той или другой мѣстности Россіи для того, чтобы сдѣлать первоначальное обученіе народа и бесплатнымъ и обязательнымъ. Всякая общая регламентація по

этому вопросу была бы и бесполезна и неумѣстна, и осталась бы не болѣе, какъ пустою формальностію.

Мы уже имѣли случай указывать на инструкціи, данныя земскимъ уѣзднымъ управамъ. Нѣкоторыми изъ этихъ инструкцій требуются довольно подробныя свѣдѣнія о народномъ образованіи, но свѣдѣнія эти ограничиваются вопросами о положеніи народныхъ училищъ, и еще ни въ одной инструкціи мы не встрѣтили порученія касательно собранія свѣдѣній о числѣ грамотныхъ и неграмотныхъ, проживающихъ въ томъ или другомъ уѣздѣ. Между тѣмъ мы полагаемъ, что безъ этихъ свѣдѣній, всѣ прочія свѣдѣнія, относящіяся къ народному образованію, будутъ весьма мало пригодны, такъ-какъ они не дадутъ полнаго понятія о развитіи первоначальнаго образованія въ школахъ и, слѣдовательно, не представятъ возможности обсудить этотъ проектъ въ практическомъ его примѣненіи. Поэтому весьма желательно, чтобы земскія уѣздныя собранія, обращая вниманіе на развитіе въ томъ или другомъ уѣздѣ народнаго обученія, позаботились, между прочимъ, и о собраніи свѣдѣній на счетъ числа грамотныхъ или неграмотныхъ лицъ обоего пола. Тогда онѣ могли бы направить свои дѣйствія съ болѣею практическою пользою, не ограничиваясь одною только стороною вопроса. Свѣдѣнія, о которыхъ мы говоримъ, должны имѣть особенную важность въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, проживаютъ раскольники. Между раскольниками и раскольницами, какъ извѣстно, грамотность распространена въ большихъ размѣрахъ, между тѣмъ они обучаются не въ школахъ, а на дому, у своихъ ставленниковъ. Между тѣмъ очень легко можетъ быть, что иныя земскія управы, въ виду значительнаго мѣстнаго населенія и малаго числа училищъ или учащихся, станутъ заботиться объ устройствѣ первоначальныхъ училищъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ проживаютъ раскольники и гдѣ, слѣдовательно, грамотность развивается сама по себѣ, не требуя особаго попеченія со стороны земства.

Вообще же едва-ли можно возлагать особыя надежды на содѣйствіе народному образованію со стороны земскихъ учреждений. Нисколько не отвергая того, что иныя изъ нихъ съ горячію вьмутся за это дѣло, нельзя, однако, не сказать, что денежные средства самого земства не находятся еще въ такомъ положеніи, чтобы изъ нихъ можно было удѣлить значительную часть на устройство и поддержку школъ. Мы полагаемъ, что было бы весьма неудобно, особенно на первыхъ порахъ, вводить какіе-либо новые налоги и сборы на этотъ предметъ. Такимъ образомъ дѣйствій земскія учрежденія, достигая одной цѣли, т.-е. заводя училища, въ то же время отталкивали бы отъ нихъ плательщиковъ новаго налога или сбора, тѣмъ болѣе, что на глазахъ у народа находится въ настоящее время много другихъ потребностей, которыя они считаютъ для себя болѣе необходимыми, нежели устройство школъ.

Другое дѣло, если какое либо городское или сельское общество устроить, въ силу общественнаго приговора, училище мѣстными

средствами. Въ приговорахъ объ устройствѣ такихъ школъ можно бы было, какъ кажется, ввести правила о обязательномъ обученіи, а то теперь многія изъ такихъ училищъ имѣютъ весьма мало учащихся, потому что при составленіи приговоровъ объ открытіи такихъ училищъ имѣется собственно въ виду только учрежденіе школы, а не пользованіе ею. Пусть у насъ на первыхъ порахъ обязательное первоначальное ученіе будетъ только мѣстной добровольною мѣрою; пусть сами общества устанавливають на счетъ этого свои собственные правила, сообразно съ мѣстными условіями быта и тѣми потребностями, которыя ощущаются въ умѣніи читать и писать.

Правительство же, какъ мы думаемъ, можетъ съ своей стороны содѣйствовать такимъ намѣреніямъ, постановивъ, напримеръ, что къ извѣстному сроку знаніе грамоты должно быть обязательнымъ при занятіи общественныхъ должностей и ввести на первый разъ правила, что при общественныхъ выборахъ имѣетъ предпочтеніе грамотный человѣкъ предъ неграмотнымъ. Эти постановленія не будутъ стѣснительны, а между тѣмъ они въ значительной степени будутъ содѣйствовать развитію въ массахъ первоначальнаго обученія, потребность котораго у насъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

— При открытіи земскихъ учреждений большое значеніе получаетъ у насъ поземельная собственность. Между тѣмъ, собственность этого рода не только не опредѣлена у насъ по своей стоимости и доходности, но и относительно своего пространства и распредѣленія между владѣльцами. Причиной этому — неудовлетворительное состояніе межевой части, на улучшеніе которой обращено нынѣ вниманіе правительства.

Въ ряду важнѣйшихъ нашихъ государственно-хозяйственныхъ потребностей, должно поставить межевое дѣло. Оно у насъ во всѣ времена имѣло огромное значеніе, какъ въ государственномъ хозяйствѣ, такъ и въ отношеніи къ главному виду недвижимой собственности — собственности поземельной. Въ административныхъ распоряженіяхъ, межевое дѣло постоянно составляло весьма важный предметъ. При опредѣленіи государственныхъ и областныхъ границъ, при пожалованіи вотчинъ, помѣстій и впослѣдствіи незаселенныхъ земель, межеваніе служило охраною государственныхъ и частныхъ интересовъ.

Первые слѣды государственнаго межеванія встрѣчаются у насъ при вложеніи на Русь дани монголами. Присоединеніе различныхъ удѣльныхъ княжествъ къ государству московскому, повело за собою приведеніе въ извѣстность земель, достававшихся великимъ князьямъ московскимъ. Такъ, при Иванѣ III были описаны земли, принадлежавшія Тверскому княженію, а также земли вологодскія, ростромскія, бѣлозерскія и новгородскія.

Помѣстная система, то-есть вознагражденіе за службу землею, отдаваемою въ пожизненное или потомственное владѣніе, потребовала нарядки помѣстныхъ земель и ихъ разграниченія отъ вот-

чинъ. Съ тѣхъ поръ начались въ Россіи постоянныя межевыя работы, продолжающіяся донынѣ. Первымъ послѣдствіемъ этихъ работъ было составленіе «писцовыхъ книгъ» въ царствованіе Федора Ивановича и Бориса Годунова. Въ то же время, была описана большая часть русскаго государства. Производство межевыхъ работъ въ Россіи было въ ту пору крайне неудовлетворительно, такъ какъ пространство земель опредѣлялось по показаніямъ владѣльцевъ или стороннихъ людей, на основаніи количества высѣваемого хлѣба. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ производились дѣйствительныя измѣренія. Межи опредѣлялись большею частію живыми урочищами и другими естественными признаками, кромѣ того употреблялись и искусственные признаки: курганы, изгороди, столбы и ямы.

Съ XVII столѣтія, межеваніе у насъ значительно усилилось. Оно перестало служить почти исключительно для административныхъ и финансовыхъ цѣлей, и приняло характеръ правительственной мѣры, клонившейся къ обезпеченію спокойнаго владѣнія поземельною собственностію. Мѣра эта была вызвана послѣдствіями помѣстной системы. Число земель, розданныхъ на помѣстномъ и вотчинномъ правѣ, увеличилось, и при неопредѣленности документовъ на поземельное владѣніе, обстоятельство это повело къ спорамъ и тяжбамъ, для отвращенія которыхъ необходимо было обратиться къ обозначенію границъ поземельныхъ участковъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ Михаила Федоровича, назначено было произвести «большой поземельный сыскъ» и, на основаніи особаго наказа, была описана тогда большая часть государства, не исключая Сибири и сѣверныхъ городовъ. Въ царствованіе Федора Алексѣевича, были разосланы «валовые» писцы и мѣрщики, чтобы привести въ извѣстность различныя поземельныя владѣнія частныхъ лицъ, и отдѣлить эти владѣнія отъ казенныхъ порожнихъ земель. Мѣра эта не имѣла однако никакихъ послѣдствій.

Текущими дѣлами по межевымъ спорамъ завѣдывалъ помѣстный приказъ. Межещиками же на мѣстѣ — были люди безъ всякихъ свѣдѣній, и даже иногда безграмотные. Межеваніемъ занимались, между прочимъ, пушкари и священники. Въ концѣ царствованія Петра-Великаго, дѣла по межевой части были ввѣрены вотчинной коллегіи, и было велѣно составить писцовый наказъ по правиламъ геометріи. Кромѣ того, при Петрѣ-Великомъ предполагалось произвести кадастровое межеваніе подъ вѣдѣніемъ камер-коллегіи, учрежденной для высшаго надзора за всѣми окладными и неокладными расходами.

Между тѣмъ, необходимость общаго межеванія съ каждымъ годомъ становилась чувствительнѣе, и въ 1752 году объявлено было о послыкѣ въ скоромъ времени во всѣ губерніи межевщиковъ, а 13-го мая 1754 года, была, наконецъ, утверждена первая инструкция для генеральнаго межеванія. Правила этой инструкціи не имѣли въ сущности ничего новаго по отношенію въ юридической

споромъ межеванія, но ими были приведены въ систему прежнія постановленія. Вслѣдствіе этого, многое изъ того, что возникло прежде изъ жизни, сложилось изъ обычаевъ, установилось самою обстоятельствомъ, но уже потеряло значеніе необходимости — инструкция обратила въ строго-дѣйствующій законъ.

Императрица Екатерина II скоро убѣдилась въ непримѣнности инструкции, изданной Елизаветой, и въ 1765 году она для обсуждения вопроса о межеваніи, учредила особую комиссію. Комиссія предприняла коренную реформу межеваго дѣла, и прежде всего признала необходимымъ устранить недовѣріе землевладѣльцевъ къ дѣламъ правительства и къ образу дѣйствій межевщиковъ. Манифестомъ отъ 19-го сентября 1765 года, было объявлено о генеральномъ межеваніи земель въ государствѣ, на совершенно новыхъ началахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обнародованы правила для составленія новой межевой инструкции. За основаніе дѣла принято было не прежнее измысканіе примѣрныхъ земель, а единственно полюбовные разводы, при чемъ владѣльцамъ строго воспрещено распространять по спорамъ владѣнія свои за границы, въ которыхъ засталъ ихъ упомянутый манифестъ.

Цѣль императрицы состояла въ томъ, чтобъ какъ можно болѣе уничтожить случаи тяжбъ по межевымъ спорамъ. Новые правила предписывали не розыскъ земель, не передѣлку границъ, но они сводились къ тому, чтобы каждый собственникъ могъ остаться при томъ, что имѣлъ, лишь бы не желалъ большаго, и не спорилъ бы о землѣ съ своими сосѣдями. Это было исключительною цѣлью межеванія. На составленномъ тогда рисункѣ межеваго штемпеля съ государственнымъ гербомъ — Екатерина написала девизъ: «каждый при своемъ», и подтвердила рисунокъ словами: «укрѣпи, Господи, достояніе людемъ своимъ».

Межеваніе должно было производиться не въ одной какой-либо мѣстности, но повсюду, во всемъ государствѣ; оно было генеральнымъ, общимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Оно допускало въ отдѣльныхъ дачахъ общее владѣніе, и должно было привести въ извѣстность количество всѣхъ вообще земель, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ.

По закрытіи комиссіи, для высшаго управленія и суда по межевымъ дѣламъ, была образована при сенатѣ особая «межевая экспедиція». Межевыя работы начались съ московской губерніи. Благодаря новымъ началамъ, принятымъ для межеванія, межеваніе шло успѣшно тамъ, гдѣ находились землемѣры, но вообще въ нихъ чувствовался большой недостатокъ. Общій успѣхъ генеральнаго межеванія увеличилъ его мѣстную дѣятельность. Въ 1806 землемѣрамъ предоставлено было производить, по просьбамъ владѣльцевъ, спеціальныя раздѣлы дачъ, обведенныхъ окружными межами. Этотъ новый видъ межеванія, извѣстный въ нашихъ законахъ подъ именемъ «спеціальнаго межеванія чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ», не былъ обязателенъ для владѣльцевъ, и составлялъ только

продолженіе частнаго межеванія. Въ 1810 году, были учреждены межевые суды.

Къ 1836 году генеральное межеваніе кончало свои работы, но на смѣну имъ готовы уже были новыя межевые труды. Въ этомъ году во всѣхъ окончательно обмежованныхъ губерніяхъ были учреждены особые комитеты, и былъ назначенъ трехгодичный срокъ для полюбовнаго развода земель. Опытъ показалъ бесполезность комитетовъ, и черезъ три года были образованы посредническія комиссіи и назначены посредники, по выбору отъ дворянъ, въ качествѣ постоянныхъ ходатаевъ по дѣламъ полюбовнаго межеванія. Затѣмъ, съ 1839 года и по 1850 годъ, правительство постоянно облегчало поземельнымъ собственникамъ средства для полюбовныхъ соглашеній. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, оно четыре раза продолжало срокъ для окончанія этихъ сдѣлокъ и, кромѣ того, начавъ съ дозволенія размѣна и уступки земель безъ платежа крѣпостныхъ и гербовыхъ пошлинъ, постепенно расширяло эти льготы, такъ что въ 1850 году допущено даже общее безспорное владѣніе, лишь бы оно соотвѣтствовало желанію всѣхъ безъ изыатія соучастниковъ. Въ этомъ году, за недостиженіемъ полюбовныхъ соглашеній, правительство обратилось къ принудительнымъ мѣрамъ, и ввело межеваніе по суду, такъ-какъ были истощены всѣ предписанныя закономъ средства къ убѣжденію владѣльцевъ на полюбовный раздѣлъ земли. Въ этомъ же году, совершенно со взглядами того времени, межевое вѣдомство и межевыя учебныя заведенія получили военное устройство, конечно, наручавшееся за успѣхъ хозяйственно-административнаго дѣла.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости вызвало производство новыхъ межевыхъ работъ, по поводу отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, и отграниченія выкупленныхъ крестьянами участковъ во всей имперіи. Для безотлагательнаго выполненія этого новаго и обширнаго дѣла, были приняты мѣры къ умноженію числа землемѣровъ.

Въ настоящее время, генерально-обмежовано 34 губерніи и шенкурскій уѣздъ архангельской. Все обмежованное такимъ образомъ пространство составляетъ площадь въ 257, 281, 908 сажень. Оно состоитъ изъ 188, 264 дачъ. По полюбовному специальному межеванію, въ промежутокъ времени отъ 1836 по 1863 годъ, размежовано 63,486 дачъ, составляющихъ пространство въ 41,604,052 десятины. Осталось размежевать 15,294 дачи на пространствѣ 18,137,793 десятинъ. Въ малороссійскихъ губерніяхъ окончено межеваніемъ въ натурѣ 2,206, 263 десятины.

Предполагая произвести коренныя преобразованія по межевому дѣлу въ Россіи, межевое вѣдомство, по распоряженію и указанію управляющаго межевымъ корпусомъ сенатора Геденова, издало нынѣ «Матеріалы для преобразованія межевой части въ Россіи». Матеріалы эти должны служить для руководства и соображеній высочайше учрежденной комиссіи, для начертанія главныхъ началъ преобразованія по межевой части. Въ число «Матеріаловъ»

вошло обширное историческое обозрѣніе межеванія въ Россіи, основанное на памятникахъ законодательства, и наполненное свѣдѣніями, имѣющимися въ дѣлахъ межеваго управленія.

Межевое управленіе, издавая «Матеріалы» и имѣя въ виду, что при разработкѣ ихъ могли быть сдѣланы случайныя упущенія, хотунці имѣть вліяніе на направленіе работъ къ предстоящему преобразованію, выразило желаніе, чтобы лица, сочувствующія успѣху этого дѣла, сообщили въ межевое управленіе свои замѣчанія, которыя могли бы служить дополненіемъ исполненнаго имъ кнѣга труда.

По всей вѣроятности, такое приглашеніе не останется безъ послѣдствій, такъ-какъ межевою частію, по тѣмъ причинамъ, на которыя мы указали, должны быть заинтересованы всѣ поземельные владѣльцы въ Россіи.

ОБЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вопросъ о пьянствѣ.—Политическое и экономическое значеніе этого порока.—Заяска адмирала Мордвинова по этому предмету, и радикальныя мѣры для отрезвенія народа.—Новый спеціальнй журналъ «Архивъ судебной медицины и гігіены». —Нѣсколько данныхъ изъ исторіи нашихъ медицинскихъ учрежденій.—Сельское хозяйство въ Голландіи.—Способъ землевладѣнія, какъ прична развитія культуры.—Разрѣшеніе вопроса о вольно-наемномъ трудѣ журналюгъ «Министерства Государственныхъ Имуществъ». —Причины лѣсонстребленія и курьезное рѣшеніе узаднаго суда.

Вопросъ о пьянствѣ.—Праздники и неразлучное съ ними повсюду пьянство, вѣроятно, напомнимають всякому болѣе или менѣе хорошему гражданину о необходимости какихъ либо дѣйствительныхъ мѣръ противъ этого историческаго порока русской земли. Самыя древнія наши лѣтописи и другіе письменные памятники свидѣтельствуютъ, что пьянство было присуще русскому народу, начиная съ самыхъ первыхъ періодовъ его гражданственности; изъ этого слѣдуетъ, что столь постоянная наклонность къ пьянству есть нѣчто болѣе, чѣмъ привычка; равнымъ образомъ было бы весьма поверхностно придавать этому злу лишь преходящее, не особенно важное значеніе. Успленіе пьянства прежде всего выражаетъ собою неустойчивость и упадокъ народной нравственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ является причиною дальнѣйшей порчи народа. Народный бытъ не только не можетъ прогрессивно улучшаться при поголовномъ-почти пьянствѣ, но даже неизбѣжно долженъ клониться къ худшему. Пьянство обращаетъ народъ въ индифферентную массу, ослабленную въ самой себѣ. Въ былыя времена, разсуждая объ упадкѣ народной нравственности, на земскихъ соборахъ приходили къ заключеніямъ, что нравы падаютъ отъ нарушенія старинныя и отъ недостатка аскетизма въ народѣ, а потому предлагались, съ цѣлью попра-

вить дѣло, и мѣры, согласныя съ этими заключеніями; нельзя сказать, чтобы и нынѣ всё перестали вѣрить въ силу подобныхъ лекарьствъ, какъ старина и воздержаніе во имя абстрактной идеи; но за то многіе современники, уразумѣвъ нашу старину лучше, чѣмъ знали ее члены стоглаваго собора, и убѣдившись, наконецъ, что проповѣди о воздержаніи для воздержанія не дѣйствительны, способны изыскивать средства для отрезвленія народа въ мѣрахъ экономическихъ и социальныхъ. Еслибы цифра дохода отъ питей не играла такой значительной роли въ нашемъ бюджетѣ (около $\frac{1}{3}$), то, конечно, мѣры противъ пьянства могли бы быть смѣлѣе, чѣмъ это возможно при ограниченности другихъ государственныхъ доходовъ; при настоящихъ же обстоятельствахъ историческая фраза «Руси есть веселіе пияти» имѣетъ не одианъ лишь этнографическій, но и финансовый смыслъ; поэтому и въ изысканіи средствъ противъ пьянства, будетъ ли это составлять заботу правительства или частныхъ обществъ, необходимы нѣкоторыя границы.

Въ Петербургѣ учреждена, по высочайшему повелѣнію, коммиссія для изысканія средствъ противъ пьянства; сверхъ того образовывается въ настоящее время, какъ извѣстно изъ весьма распространеннаго слуха, частное общество противодѣйствія пьянству; надо ожидать, что и во многихъ губернскихъ городахъ будутъ возникать подобныя же общества; даже можно предполагать, что в селеніи не будутъ чужды этому движенію, если оно дѣйствительно начнется, въ чемъ, впрочемъ, нельзя сомнѣваться, потому что многіе серьезныя русскіе люди смотрятъ на пьянство какъ на зло, имѣющее огромное общественное значеніе.

Мы находимъ вполнѣ современнымъ привести здѣсь нѣсколько извлеченій изъ записки извѣстнаго адмирала Мордвинова, о средствахъ противъ неумѣреннаго употребленія въ народѣ вина, писанной въ 1800 г. (*)

О характерѣ мѣръ, которыя, по мнѣнію Мордвинова, должны быть принимаемы противъ пьянства, онъ говоритъ: «Никакое насиліе, либо принужденіе, никакой просто-обыкновенный грутой, и отъ единой власти происходящій распорядокъ, не можетъ въ семь случаевъ быть успѣшенъ и дѣйствителенъ. Въ народѣ, у котораго вино единымъ и всеобщимъ училилось средствомъ къ разогнанію скуки и унынія, къ облегченію болѣзней и печалей, къ ослабленію сильныхъ въ духѣ и тѣлѣ напряженій, къ доставленію веселости компаніямъ, къ извлеченію откровенности въ бесѣдахъ — опасно пережѣвывать величайшее изобиліе на скудость, а и того паче вовсе и круглымъ образомъ лишитъ его толико уважаемаго напитка. Самое возвышеніе цѣны на водку, не только не способствуетъ отнюдь къ воздержанію народа отъ излишества въ питьѣ ея, но ващую еще придаетъ ей прелесть и уваженіе.

(*) Сборн. свидѣн. и матер. по М. Ф. 1865 г. № 8.

Обыкновенно, что дешево и чего изобильно, то презираютъ: ни кнѣзь, ни вѣдоч не подчиваютъ, водку же пьютъ, и оною угощаютъ потому болѣе, что она есть питье, дорогой цѣны стоящее. Нисколько въ государствѣ сословія подчиваются ею по тому самому побужденію, по которому у дворянъ и у всѣхъ знатныхъ и богатыхъ людей, съ того времени, какъ начали привозить въ Россію винограднаго вина, кофе, чай, шоколадъ и проч., вошло въ обычай щеголять шампанскимъ и другими драгоценнѣйшими напитками. Всякъ, при гостепріимствѣ, тщится изъяснить нѣкое превосходство и нуждства своего щедролібія. Въ древнія времена въ Россію пьвалъ блѣзъ дворяннѣ, кунецъ, мѣщанинъ и крестьяннѣ; но дворяннѣ чаще пьвалъ бисвалъ, нежели кунецъ, а крестьяннѣ рѣже всѣхъ. Нынѣ противное: кунецъ пьветъ вода блѣзъ дворянина, крестьяннѣ же болѣе всѣхъ, по той причинѣ, что водка, въ среднемъ родѣ людей, не потеряла своего уваженія столько, какъ въ высшихъ сословіяхъ, пренебрегающихъ ею по дешевизнѣ; въ простонародіи же остается она самымъ завиднѣйшимъ и драгоценнѣйшимъ напиткомъ.

Мѣры, предлагаемыя Мордвиновымъ, состоятъ въ слѣдующемъ: привести водку повсемѣстно въ самую дешевую и низкую цѣну, для чего право винокурения сдѣлать свободнымъ для всѣхъ сословія, также какъ и продажу вина; доходъ же казны отъ питей разложить на души, хотя бы съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ. Винокурение, по мнѣнію Мордвинова, должно будетъ упасть отъ сильной конкуренціи. Въмѣсто водки, которая должна сдѣлаться самымъ обыкновеннымъ, дешевымъ и неуважаемымъ напиткомъ, вводить въ употребленіе пиво, какъ напитокъ здоровый и нераспаляющій, употребляя мѣры къ тому, чтобы вареніе пива было распространяемо и поощряемо повсемѣстно, а на обученіе искусныхъ пивоваровъ обратить особое вниманіе. Кабаки должны быть тѣсныя, чтобы не могли служить сборищемъ народа, и безъ печей; даже вовсе воспретить входъ въ нихъ, учредить продажу водки чрезъ окна. Напротивъ того, съ трактировъ, винныхъ погребовъ и со всѣхъ неспиртуозныхъ напитковъ снять всѣякіе налоги и стѣсненія.

Въ подкрѣпленіе своихъ предположеній, маститый прогрессистъ начала нашего вѣка указываетъ на Венецію, гдѣ кофе и пріумноженіе кофейныхъ домовъ, сдѣлали народъ трезвымъ; другой примѣръ—говоритъ онъ—видимъ въ нѣмцахъ, изъ коихъ многіе, сколь бы ни были преданы пьянству въ своемъ отечествѣ, но какъ только побываютъ въ Италіи, дѣлаются трезвыми; въ самой Франціи, въ тѣхъ провинціяхъ, кои изобильны виноградомъ и дѣлаются вина, пьяницъ почти нѣтъ; въ сѣверныхъ же предѣлахъ ея, и ошутительнѣе всего въ Бретани, гдѣ вино въ цѣнѣ, великая примѣчается приверженность къ оному.

Винокурение, предоставленное помѣщикамъ, по мнѣнію Мордвинова, вредно вліяетъ на русское хозяйство по двумъ причинамъ: оно привлекаетъ многіе капиталы, которые могли бы быть

обращени съ наибольшей для сельскаго хозяйства пользой, и служить причиной односторонности въ производствѣ продуктовъ: не нѣтъ въ виду сбыта огромнаго количества хлѣба для винокурениа, помѣщики помешанѣ обратились бы къ производству болѣе цѣнныхъ и разнообразныхъ продуктовъ. Кроме того, Мордвиновъ видитъ въ пьянствѣ причину того, что народъ, пропивая деньги, дѣлается чуждымъ стремленію въ приобретенію и сбереженію ихъ и потому лѣнивымъ и небрежнымъ къ труду. Привилегированное винокурение и такая же продажа вина отнимаетъ отъ производительнаго труда массу людей; при вольномъ же винокурении и продажѣ заниматься этимъ будутъ въ самой слабой степени сами крестьяне, не оталеаясь отъ дѣла и, разумѣется, не затрачивая капиталовъ; при чемъ конкуренція крестьянъ отниметъ всякую возможность у капиталистовъ заниматься винокурениемъ, потому что крестьяне, не оцѣняя высоко ни личнаго своего труда, ни вычитывая процента съ капитала, сдѣлаются въ дѣлѣ винокурениа конкурентами немобѣдными.

Въ опроверженіе пользы для народа отъ вольнаго винокурениа и продажи вина, обыкновенно приводятъ Малороссію и западныя губерніи, гдѣ винокурение и продажа были, какъ полагаютъ, свободными и гдѣ пьянство также распространено; но изъ записки Мордвинова мы видимъ, что свобода эта распространялась лишь на помѣщиковъ, которые неволили своихъ крестьянъ въ покушкѣ извѣстнаго количества водки, почему пьянство въ этомъ краѣ, какъ преимущественно помѣщичьемъ, неизменно должно было распространяться.

Въ настоящей системѣ управленія, также имѣющей цѣлью уменьшеніе пьянства, въ помощь распространенія пива, принимаютъ мѣры, противоположныя предлагаемымъ Мордвиновымъ: акцизъ на водку возвышается и понижается акцизъ съ пива, но не размноженію пивныхъ заводовъ на счетъ кабаковъ и къ поощренію варенія лучшаго пива въ Россіи мѣръ не принимается. Если пиво и входитъ нынѣ въ употребленіе, то только въ столицахъ, въ великороссійскихъ же губерніяхъ пивовареніе стоитъ на такой низкой степенн, что нѣтъ никакихъ надеждъ, чтобы при настоящемъ искусствѣ нашихъ пивоваровъ пиво могло хоть сколько-нибудь замѣнить вино; на большей части пивоваренныхъ заводовъ средней Россіи готовится пиво до того отвратительное, что вовсе вывелось изъ употребленія между городскими сословіями.

Предположенія Мордвинова и распространяющееся пьянство, какъ пороки историческія, имѣющія для насъ весьма важное экономическое и обширное социальное значеніе, а также система настоящаго управленія питейными сборами, представляютъ собою такой огромный матеріалъ для изслѣдованій и практическихъ соображеній, что всякій серьезный трудъ *общества противъ распространенія пьянства*, гдѣ таковыя уже есть или будутъ возникать, не останется безплоднымъ, если, разумѣется, общества

эта будутъ доискиваться основныхъ причинъ зла, предполагая ить не въ одной линіи привычекъ народа, но во всей его нравственной обстановкѣ, и будутъ содѣйствовать къ изысканію средствъ, которыя также замѣняли бы для русскаго человѣка кабацкій широкій разгулъ другими видами отдыха и удовольствія.

Жизнь въ нашихъ селахъ такъ еще далека отъ всякихъ формъ смягчающей цивилизаціи, что едва-ли искорененіе зла возможно начинать съ селъ и деревень; но города наши, не только губернскіе и портовые, но и многіе уѣздные, гдѣ народонаселеніе представляетъ смѣсь всѣхъ сословій, могутъ послужить нынѣ же исходнымъ точкамъ отрезвленія народа, съ замѣной кабаковъ другими сборными мѣстами для высшихъ классовъ народа, въ родѣ большихъ кофейныхъ домовъ, съ спенческими представленіями, музыкой, чтеніемъ и т. п., что, безъ сомнѣнія, многихъ отвлекло бы отъ употребленія водки, и служило бы вообще къ смягченію нравовъ.

Новый спеціальныи журналъ.—Въ настоящемъ обозрѣвіи намъ приходится говорить о новомъ спеціальномъ періодическомъ изданіи «Архивѣ судебной медицины и общественной гигіены», предпринятомъ съ марта этого года медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Судебная медицина, какъ самостоятельная наука, естественно не могла занять у насъ своего должнаго мѣста при закрытомъ и глухомъ судѣ, ни въ практичскомъ ея приложеніи къ требованіямъ общественной жизни, ни въ чисто-научномъ отношеніи; при ожидаемыхъ же новыхъ судахъ ни одно уголовное дѣло, касающееся личности, не можетъ обойтись безъ участія судебного врача. Извѣстно, какую важную роль играютъ въ уголовныхъ процессахъ судебно-медицинскія изслѣдованія; такую же важность получаетъ въ настоящее время у насъ и судебная медицина, какъ отрасль врачебновѣдѣнія, находящаяся въ тѣсной связи съ законодательствомъ и отправленіемъ правосудія. Спеціальныя свѣдѣнія по части судебной медицины необходимы нашимъ будущимъ экспертамъ, какъ для научнаго развитія ея въ Россіи, такъ и для самаго законодательства, нуждающагося въ точныхъ выводахъ наукъ, не говоря уже о потребности судопроизводства въ самихъ свѣдущихъ специалистахъ. Между тѣмъ настоящее состояніе у насъ судебной медицины представляетъ столь низкую степень, что ни въ какомъ случаѣ практическія потребности въ этой наукѣ при новыхъ судахъ не могутъ быть удовлетворены надлежащимъ образомъ. Поэтому появленіе спеціальнаго журнала, посвятившаго себя разработкѣ предметовъ судебной медицины, мы встрѣчаемъ съ最热ившимъ сочувствіемъ и желаемъ, въ интересахъ общества, чтобы онъ былъ встрѣченъ съ такимъ же сочувствіемъ всеми русскими врачами, въ особенности городскими и уѣздными, которые суть главнѣйшіе представители судебной медицины въ нашихъ провинціяхъ и которые, по своему положенію, лишены всякихъ научныхъ средствъ

и пособій для того, чтобы пополнить свои знанія и слѣдить за наукой. Въ особенности мы считаемъ важнымъ распространеніе журнала для направленія дѣятельности судебныхъ врачей въ дѣлѣ юстиціи. Въ этомъ отношеніи существуетъ много весьма обивчныхъ понятій объ отношеніяхъ судебного врача къ суду, иѣшающихъ ему стать въ предѣлы собственно судебно-медицинскаго вопроса, не вторгаясь съ своими мнѣніями въ обязанности суда. Судебная медицина также необходима въ пзвѣстной степени и юристамъ, т.-е. судьямъ, слѣдователямъ и адвокатамъ, для того, чтобы судъ и слѣдователь предлагали врачу вопросы правильно, не требуя отъ него лишняго и ограничивая его одной лишь его специальностью; поэтому техническая часть судебной медицины представляетъ предметъ, съ которымъ должны болѣе или менѣе ознакомиться наши юристы, слѣдователи и въ особенности адвокаты, какъ защитники общества передъ судомъ и закономъ.

Другая задача, которую принялъ на себя названный журналъ— общественная гигиена представляетъ предметъ вполнѣ новый для Россіи. Гигиена извѣстна у насъ только по наслышкѣ; въ университетскихъ медицинскихъ факультетахъ нѣтъ даже отдѣльныхъ кафедръ гигиены; между тѣмъ гигиена есть самостоятельная наука, необходимая для общества и для администраціи; всѣ медико-полицейскія мѣры основываются на выводахъ гигиены; на обязанности городскихъ и земскихъ управленій лежатъ весьма важныя для общества обязанности, охраняющія общественное здоровье; для каждаго жителя болѣе или менѣе населеннаго города общественныя гигиеническіе вопросы суть личные вопросы первой важности, также какъ и распоряженія торговой полиціи и постановленія законодательныя, охраняющія общество отъ злоупотребленій въ торговлѣ, въ поддѣлкахъ, вредныхъ примѣскахъ, отъ вреда, наносимаго здоровью рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ и т. п. Чтобы убѣдиться въ полномъ отсутствіи вліянія гигиены на наши общественныя распоряженія, стоитъ взглянуть на Петербургъ. Каждому петербуржцу безъизвѣстно, какую онъ имѣетъ воду, какой воздухъ, какой хлѣбъ, выпиваемый въ мелочныхъ лавочкахъ, какія испаренія въ ближайшихъ окрестностяхъ города, даже въ самомъ городѣ, на такъ-называемыхъ мусорныхъ поляхъ около быковъ и около таврическаго сада, гдѣ также всякій желающій исчитать весьма-рѣдкій и крайне злобредный запахъ гніющей воды, можетъ произвести этотъ омытъ около всей канавы, окружающей громадный четырехугольный сада, и т. п. Все это показываетъ, что общественная гигиена не проникла еще въ должной степени ни въ наше законодательство, ни въ администрацію.

Содержаніе вышедшей нынѣ первой книжки журнала можетъ дать вѣрное понятіе читателю о выводахъ науки относительно вредныхъ предметовъ нашихъ первыхъ общественныхъ потребностей, какъ по части общественной гигиены, такъ и по части судебной медицины. Не имѣя возможности въ одномъ настоящемъ обзорѣ-

нимъ сообщить читателю содержаніе всѣхъ статей вняши, любознательныхъ по научнымъ выводамъ и нравическому, современному значенію для общества, мы должны будемъ еще возвратиться къ этой книжкѣ, ограничась нынѣ лишь весьма немногими.

Въ «Историческомъ Обзорѣніи развитія врачебныхъ учрежденій въ Россіи» мы видимъ добросовѣстное и полное изслѣдованіе предмета по всѣмъ возможнымъ источникамъ. Въ изслѣдованіи этомъ обнаруживаются весьма замѣчательныя черты древняго устройства на Руси медицинской части. При Владимірѣ I эта часть нераздѣльно съ призраженіемъ старшихъ и убогихъ принадлежала исключительнѣе церкви, вмѣшательство же свѣтской власти въ это дѣло считалось почему-то столь вреднымъ, что по уставу Владиміра всякій преступившій это правило предавался проклятію. Впрочемъ, изъ самаго текста устава спорѣе можно заключить, что охрана эта имѣла общую цѣль—независимость церкви отъ свѣтской власти и ея доходовъ, которые та получала на содержаніе богоугодныхъ заведеній отъ десятины, царской милостыни и завѣщаній и пожертвованій частныхъ лицъ. Со времени Петра I медицинская часть, какъ и всѣ отрасли управленія, получаетъ другой характеръ, отличающійся регламентаціей, формализмомъ и преобладаніемъ внѣшней формы административнаго порядка надъ практической цѣлью. По этому типу медицинская администрація развивалась до настоящаго царствованія, представляя многія печальныя явленія преобладанія въ медицинскомъ дѣлѣ нашей бюрократіи и борьбы съ нею медицинскаго элемента.

Въ началѣ XVIII столѣтія главными центрами врачебнаго управленія были аптекарская и медицинская канцеляріи, для которыхъ возможны были, между прочимъ, вопросы о томъ, что важнѣе: лекарь или лекарство, и какому боарину управлять тѣмъ и другимъ—военному или гражданскому? Для примѣра приводимъ два восстановленія, опредѣляющія положеніе русскихъ врачей около того же времени: врачѣи во флотѣ велѣно еженедѣльно ревизовать корабельному секретарю, а понуждать къ тщательному управленію дѣла кригс-коммисарамъ; полковымъ лекарямъ приказано брить бороды полковника, подполковника и майоровъ. Этими восстановленіями хитрая администрація стремилась унижить и подчинить себѣ служителей медицины, не давая имъ никакой самостоятельности; въ послѣдствіи почти то же дѣлала бюрократія уже при управленіи министерскомъ.

Сельское хозяйство въ Голландіи. — «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» (*) сообщаетъ подробный очеркъ сельскаго хозяйства въ Голландіи. Оставляя въ сторонѣ подробности голландской культуры, какъ невмѣстныя въ наше обозрѣніе, мы извлекаемъ описаніе провинціи Греннингъ, которая,

(*) 1865 г. № 2.

по словамъ исследователя, вообще мало развито даже въ Европѣ, несмотря на то, что нравственное, матеріальное и социальное положеніе этой области столь замѣчательно, что заслуживаетъ самаго подробнаго изученія.

Еще въ прошломъ столѣтіи Греннигенъ былъ бѣдной провинціей, болѣе половины ея территоріи занято и понынѣ земли безплодными, песчаными и торфянистыми; но, несмотря на это, Греннигенъ доставляетъ овса, рпса и ячменя около половины всего количества, производимаго цѣлымъ королевствомъ. О сътоводствѣ этой мѣстности можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующаго факта: въ 1860 г. одна изъ общинъ, всего въ 2,000 душъ, доставила на рынокъ: 300 молочныхъ коровъ, 420 шт. откормленнаго скота, 78 телъ, 86 лошадей, 1,254 овецъ и до 2 т. пудовъ масла. И то не самое дѣлается ежегодно. Зажиточность фермеровъ-землевладельцевъ доходить до баснословныхъ цифръ; рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ тоннъ золота (54,000 руб.), многіе имѣютъ двѣ-три и болѣе тоннъ. Быть фермеровъ очерчивается слѣдующимъ описаніемъ сельскихъ строеній. Между дорогой и жилимъ строеніемъ находится цвѣтникъ, засаженный экзотическими растеніями и лужайка котораю усыяны куртинами цвѣтовъ; въ сторонѣ огородъ съ плодовитыми деревьями и разнообразными овощами. Ширина фасада, большое число оконъ въ два этажа, шитыя оконныя занавѣски, мебель изъ американскаго дерева, фортепьяно, бібліотека, короче—все свидѣтельствуетъ о довольствѣ и привычкахъ утонченнаго вкуса. Позади жилаго дома, но въ связи съ нимъ, возвышается громадное зданіе, высокое, какъ церковь, и длинное, какъ верфь. Тутъ находятся хлѣвъ, коюшня; сарай—все это подъ одною крышею. При входѣ вы видите передъ собою, во первыхъ, огромныя пространства, достаточныя для помѣщенія урожая со 100 дес., и цѣлую коллегію усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ; а далѣе—60 или 70 коровъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, а по близости до 20 вороныхъ коней, составляющихъ гордость хозяина. Здѣшніе фермеры сохранили всю простоту нравовъ ихъ предковъ. Обладая нѣсколькими тоннами золота, они не считаютъ униженнымъ для себя лично ходить за плугомъ и наблюдать за всѣми работниками въ полѣ. Дѣти фермеровъ нерѣдко воспитываются въ университетѣ. Вообще фермеры стоятъ во главѣ области; выше ихъ здѣсь нѣтъ класса; изъ нихъ выбираются члены всѣхъ мѣстныхъ комиссій и даже депутаты въ собраніе генеральныхъ штатовъ; сельско-хозяйственныя занятія нѣсколько не мѣшаютъ имъ принимать самое живое участіе и въ политикѣ и въ администраціи страны; они содержатъ на свой счетъ превосходную земледѣльческую школу, состоящую въ завѣдываніи извѣстнаго агронома Бека. Короче: Греннигенъ нѣчто въ родѣ республики, заселенной и управляемой классомъ крестьянъ, зажиточныхъ и просвѣщенныхъ, чуждыхъ всякаго духа рутини. Здѣсь вы не увидите башенъ феодальнаго замка, не найдете

простою, а не искусственною; деревья; богатство распространено равномерно, и почти все, что ни производитъ земля, приходится на долю тѣхъ, которые ее воздѣлываютъ. Здѣшняя культура можетъ выдержать сравненіе со всѣмъ, что есть замѣчательнаго въ этомъ отношеніи во всей Европѣ. Для усиленія плодородія почвы съ нѣкотораго времени стали употреблять очень оригинальный способъ. Земля, на которой расположена названная провинція, завоевана у моря, при помощи плотинъ; завоеваніе это производилось постепенно, именно: по мѣрѣ того, какъ море отодвигалось далѣе и далѣе, устраивались новыя и новыя плотины, и такимъ образомъ образовалось нѣсколько родовъ плотинъ, изъ которыхъ заднія, какъ совершенно излишнія въ настоящее время, разбрасываются и разсыпаются по лугамъ. Но заботы объ удобреніи не ограничиваются этимъ. Въ подпочвѣ находятся всѣ элементы плодородія, свойственные свѣжеотложившемуся морскому илу, ибо корни растений почти вовсе не проникали въ нея. Чтобы возвратитъ почвѣ ея первобытное плодородіе, достаютъ дѣвственную подпочву и разсыпаютъ ее по полямъ. Для этого копаютъ ровъ, засыпаютъ его истощенною землею, а вынутую раскидываютъ по полямъ, подобно удобренію, и она дѣйствительно имѣетъ всѣ свойства сильнаго удобренія.

Причины столь замѣчательнаго благоденствія края всѣ голландскіе политическіе экономы наводятъ въ способъ владѣнія землею — *Beklem-regt*. Это есть право владѣть имѣніемъ изъ-за ежегодной платы, которую собственникъ никогда не можетъ вышнать. Право это переходитъ по наслѣдству; владѣтель права, кромѣ того, можетъ завѣщать его, продать, отдать въ наемъ, передать въ ипотеку, и все это безъ согласія собственника; но всакій разъ, когда право переходитъ путемъ наслѣдства или продажи изъ однихъ рукъ въ другія, собственникъ имѣетъ право на вполученіе одного или двухъ лѣтъ фермерной платы. Всѣ строенія составляютъ собственность владѣтеля права *Beklem-regt*, такъ-что онъ можетъ требовать вознагражденія за нихъ, еслибы право его почему-либо окончилось; онъ же платитъ всѣ подати; но онъ не можетъ ни измѣнить формы собственности, ни понизитъ ея стоимости. *Beklem-regt* — недвижимо; оно принадлежит некрѣпкимъ одному лицу, такъ-что владѣть имъ можетъ только одинъ изъ наследниковъ; впрочемъ, уплативъ сумму, установленную на случай перехода права владѣнія изъ однихъ рукъ въ другія, мужъ можетъ завѣщать свое право женѣ, а жена—мужу, и въ такомъ случаѣ, вѣрившійся вдругъ дѣлается обладателемъ права. Если фермеръ разорился или не въ состояніи платитъ ежегодной платы, то *Beklem-regt* не прекращается совершенно; кредиторы могутъ продать это право, но покупатель обязанъ прежде всего уплатитъ всѣ долги прежняго владѣльца собственнику.

Происхожденіе *Beklem-regt* относится къ среднимъ вѣкамъ и возникло сначала на монастырскихъ земляхъ. Право это дается вновь еще и теперь. Но наслѣственное фермерство начинается

мало по малу перерождаться итѣ въ обыкновенное, когда владѣтели *Beklem-regt* отдають свои земли въ аренду. Стоимость права собственности на земли, при существованіи этого права, является весьма разнообразной, что зависитъ отъ ежегодной платы за *Beklem-regt*. Итѣ въ полную собственность продается земля по 2,500 руб. за десятину.

Мы привели этотъ очеркъ голландскаго землевладѣнія и хозяйства на случай, не пригодится ли онъ кому нибудь изъ нашихъ читателей и не можетъ ли онъ послужить сколько нибудь примѣромъ и для нашихъ землевладѣльцевъ, незанимающихся лично хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ мы нашли заслуживающимъ вниманія характеристику благосостоянія страны, гдѣ нетолько люди, но даже коровы, находящіяся въ почтенномъ положеніи, ходять, какъ извѣстно, въ холодную погоду на своихъ пастбищахъ не иначе, какъ въ суконныхъ пальто, особо для нихъ приготовляемыхъ.

Разрѣшеніе вопроса о вольнонаемномъ трудѣ.—«Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» называется итѣ, какъ извѣстно, и журналомъ «Сельское хозяйство и лѣсоводство», поэтому мы вправѣ считать разрѣшаемый имъ вопросъ о современномъ состояніи нашего сельскаго хозяйства, въ статьѣ «Изъ науки и практики» разработаннымъ специально. Мнѣнія специального журнала особенно важны въ такомъ сложномъ вопросѣ, по которому и въ обществѣ и въ печати царствуетъ полнѣйшая неурядица. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, заключается главнѣйшимъ образомъ въ томъ, возможно ли вести у насъ сельско-хозяйственную промышленность вольнонаемнымъ трудомъ. О журнальныхъ спорахъ по этому предмету специальный журналъ отзывается такъ: въ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что разрѣшеніе вопроса туго подвигается впередъ, что онъ почти остается все въ томъ же наивномъ, невмысленномъ положеніи, въ какомъ стоялъ, напримѣръ, до вѣчно-памятнаго 19 февраля 1861 г. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ толки отдѣльныхъ хозяевъ, всѣ бесѣды обществъ, всѣ печатныя заявленія въ сущности — одні жалобы и жалобы, съ небольшими лишь вариациями. Напримѣръ, одни прямо, наогрѣвъ утверждаютъ, что вольнонаемное хозяйство — дѣло рѣшительно невозможное, убыточное, разорительное и даже, *vide sciascndo* — гибельное. Другіе твердятъ то же, но съ небольшою уступкой, примѣрно такъ: не во всѣхъ мѣстностяхъ нашей православной Россіи есть хозяйничанье при вольнонаемномъ трудѣ разорительно: есть хозяйства, около городовъ и въ умѣренной волостѣ Россіи, которыя даютъ доходъ, хотя и небольшой; но за то во всѣхъ остальныхъ, и слѣдовательно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, по недостатку сбыта для сельско-хозяйственныхъ произведеній и по нивости цѣнъ на нихъ, веденіе хозяйства невмыслимо. Только очень немногіе стоятъ за возможность хозяйничать при итѣ, но и у нихъ въ каждомъ

словѣ проглядываетъ недоувѣріе. Подобныя воззрѣнія, развитыя въ обществѣ, но мнѣнію журнала, вредно вліяютъ не только на молодое поколѣніе землевладѣльцевъ, но и на опытныхъ хозяевъ, застрашивая и тѣхъ и другихъ гибелью отъ вольнонаемнаго труда. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній многіе продаютъ землю за безцѣнокъ, чтобы отъ нея отвязаться; другіе съ этой же цѣлью стараются сдать ее въ аренду; третьи предлагаютъ премію тому, кто рѣшитъ задачу объ организованномъ трудѣ; четвертые предлагаютъ *стачку* землевладѣльцевъ; пятые предлагаютъ сократить размѣръ заправки, чтобы понизить запросъ на работниковъ и заработную плату. Въ успѣхѣ всѣхъ этихъ мѣръ спеціальныи сельско-хозяйственный журналъ сильно сомнѣвается, съ чѣмъ, впрочемъ, и всякому неспеціалисту нетрудно согласиться.

Нѣкоторые во всемъ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи мнѣній и фактовъ видятъ законъ дарвиновскаго естественнаго подбора: кому не подъ силу слагающіяся въ настоящее время политико-экономическія условія страны, тотъ удаляется со сцены сельско-хозяйственной дѣятельности, уступая свои земли и свое мѣсто болѣе способному, энергическому и предприимчивому дѣятелю. Этими переходами думаютъ они, и опредѣляется внутренняя переработка нашего земства, которая весьма удачно названа переходной эпохой. Совершенно такимъ же порядкомъ, говорятъ они, расплодился описанный Дарвиномъ безкрылый жуки на островахъ океана, перерождаясь изъ крылатыхъ, большая часть которыхъ, благодаря своимъ крыльямъ, гибла въ морѣ, а тѣ, которые имѣли слабыя крылья и болѣе крѣпкія ноги, оставались на островахъ и сдѣлались родоначальниками племени уже вовсе безкрылаго, но тѣмъ не менѣе вполне одареннаго тѣми физическими средствами, которыя необходимы въ обитаемой ими мѣстности.

Оставивъ въ сторонѣ сравненіе русскихъ помѣщиковъ съ жуками не болѣе какъ за поэтическую вольность, мы сообщаемъ выводы сельско-хозяйственного журнала о томъ, что нужно для веденія у насъ хозяйства посредствомъ вольнаго труда; по мнѣнію журнала, необходимо: во 1-хъ, измѣнить наши полевныя системы, и именно сократить посѣвы колосовыхъ хлѣбовъ, предпринять воздѣлываніе болѣе цѣнныхъ растений; во 2-хъ, вводить травосѣяніе въ широкихъ размѣрахъ, а также поправлять, и даже обсеменять естественные луга. Это одно, что можетъ содѣйствовать къ лучшему содержанію домашняго скота, а слѣдовательно, и къ большому полученію удобренія, къ поднятію плодотворительности нашихъ истощенныхъ полей; и въ 3-хъ заводятъ техническія учрежденія, каковы винокурни, маслобойни, и проч. Они дадутъ возможность перерабатывать сырые продукты въ болѣе цѣнные, болѣе громоздкіе (?), и потому болѣе удобные для сбыта.

Нельзя сказать, чтобы указанія журнала отличались *практичностью*, то-есть полнымъ согласованіемъ совѣтовъ съ положеніемъ и условіями тѣхъ, въ чью пользу предлагаются совѣты. Можетъ

быть; эти софты согласны исполнѣ съ выводами науки, но они такъ несомнѣ, что едва-ли стоило ихъ излагать какъ вѣчто новое.

Причины лѣсонстребленія. — Въ томъ же журналѣ мы находимъ статью «Быть или небыть лѣсамъ», въ которой говорится о причинахъ лѣсонстребленія: скудномъ жалованнѣ лѣсной стражѣ, сложности канцелярской переписки лѣсничихъ, которые обратились совершенно въ канцелярскихъ чиновниковъ; отсутствіе права лѣсничихъ налагать по маловажнымъ дѣламъ штрафы на порубщиковъ и бездѣйствіе суда въ дѣлахъ о порубкахъ. Примѣромъ этой послѣдней причины сообщено дѣло слѣдующаго содержанія: Полѣсовщикъ поймалъ порубщика на мѣстѣ преступленія, сталъ отбирать у него топоръ, тотъ не давалъ. На шумъ прибѣжалъ лѣсникъ изъ соседней помѣщичьей дачи, когда топоръ былъ уже отнятъ у порубщика. Началось слѣдствіе. Порубщикъ смѣло отперся отъ всего, отказался отъ своего топора, полѣсовщика въ глаза не хотѣлъ знать, а о помѣщичьемъ лѣсникѣ отозвался, что когда-то съ нимъ ссорился; по причинѣ этого послѣдняго показанія спросили лѣсника безъ присяги. На повальномъ обыскѣ порубщикъ одобренъ въ поведеніи. Уѣздный судъ рѣшилъ: за неимѣніемъ доказательствъ, оставить порубщика въ сильномъ подозрѣніи, а полѣсовщика за слабое смотрѣніе за лѣсомъ наказать розгами и подвергнуть денежному взыскаіію, равному цѣнѣ порубки.

Мы находимъ, что уѣздный судъ этимъ рѣшеніемъ прямо высказалъ полѣсовщику: ты, дескать, въ другой разъ дѣлъ не заводн, а просто возьми съ порубщика взятку, да и не безпокой начальство. Въ подобныхъ причинахъ слѣдуетъ искать разгадки многихъ неуспѣховъ нашего развитія, но у насъ этотъ методъ изслѣдованія еще куда не въ ходу.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Тадить и его сочиненія. *Историко - литературное изслѣдованіе В. Модестова. Спб. 1864 г.*

Изслѣдованіе г. Модестова представлено было имъ въ историко-филологической факультетъ петербургскаго университета, для полученія степени магистра древней филологіи, и въ февралѣ этого года защищено имъ на публичномъ диспутѣ. — Въ ряду другихъ сочиненій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней по древней филологіи, оно представляетъ одну особенность, прежде всего бросающуюся въ глаза. Оно написано не полатыни, какъ это обыкновенно дѣлается, а порусски. Не составляетъ ли это его недостатка? Не потому ли авторъ его писалъ порусски, что латинское изложеніе затрудняло бы его са-

мого, то-есть что знаніе латинскаго языка у него самого довольно обширно и недовольно глубоко? — Нѣтъ, безъ сомнѣнія, не эта причина заставила автора измѣнить общему правилу, уклониться отъ рутинны. Знаніе латинскаго языка у претендентовъ на ученые степени по древней филологіи исчитывается и доказывается не диссертациою, а устнымъ экзаменою, который непременно долженъ ей предшествовать; и если претендентъ допущенъ къ защищенію диссертациі, это означаетъ, что знанія его не только въ языкѣ, но и въ словесности удовлетворительны. А диссертациа имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе, которое состоитъ въ томъ, чтобы претендентъ показалъ въ ней свои критическія способности, вообще свою способность къ ученой работѣ и въ то же время сдѣлалъ дѣйствительно какое-нибудь приобрѣтеніе для науки. Притомъ диссертациа и защищеніе ея непременно должны имѣть особенный характеръ публичности, вслѣдствіе чего требуется, чтобы диссертациа непременно была напечатана (publiée), и защищена на публичномъ диспутѣ, при чемъ диспутантъ обязанъ отвѣчать на возраженія всякаго посѣтителя, кто бы онъ ни былъ. — Отсюда совершенно ясны цѣли, преслѣдуемыя законодательствомъ относительно диссертациі на ученые степени; и нельзя не согласиться, что цѣли эти весьма разумны. Но въ какомъ случаѣ онѣ лучше достигаются: въ томъ ли, когда диссертациі написаны полатыни, или въ томъ, когда онѣ написаны по русски? — Очевидно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ. И въ этомъ мы легко убѣдимся, если дадимъ себѣ трудъ заглянуть въ магистерскія диссертациі по древней филологіи, писанныя на латинскомъ языкѣ. Мизерабельность такихъ диссертациі превосходитъ всякое вѣроятіе. Дѣйствительно, въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ упражненія въ латинскомъ языкѣ; да и латинскій языкъ такихъ диссертациі по достоинству своему соотвѣтствуетъ содержанию. Видно, что авторы долго бились надъ сочиненіемъ каждой фразы съ лексикономъ въ рукахъ; и оттого онѣ поражаетъ своею искусственною конструкціою и вычурностью, которымъ ничего подобнаго нельзя найти ни въ одномъ изъ періодовъ римской литературы. Предметомъ диссертациі обыкновенно берется въ такихъ случаяхъ вещь, какъ будто нарочно предпочтенная по своей маловажности или избитости. Бываютъ и такіе примѣры, что претендентъ на ученую степень сдѣлаетъ извлеченіе изъ какого-нибудь нѣмецкаго учебника, переведетъ его на свой особенный, своеобразный языкъ, пережвѣнитъ порядокъ словъ и издастъ подъ видомъ диссертациі; такова, на примѣръ, диссертациа, разсуждающая о древней греческой Дигаммѣ, составляющая не болѣе, какъ переводъ изъ нѣмецкаго учебника Тирша. Оттого, если мы посмотримъ на нашихъ современныхъ филологовъ и ихъ труды, то не найдемъ у нихъ почти ничего. Обыкновенно такіе филологи всѣ свои ученые труды ограничиваютъ подобными диссертациями на латинскомъ языкѣ иногда въ двадцать-пять страничекъ, и затѣмъ успокоиваются на лаврахъ. Оттого и

состояніе классической филологіи въ учебныхъ заведеніяхъ у насъ самое плачевное, и общество не имѣетъ никакихъ средствъ знакомиться съ древними литературами. Ни латинскихъ, ни греческихъ классиковъ у насъ не издають, курсовъ древнихъ литературъ тоже нѣтъ. А всѣмъ этимъ мы до сихъ поръ должны заниматься у иностранцевъ. Переводы классическихъ писателей въ послѣднее время стали появляться, но они принадлежатъ не нашимъ титулованнымъ ученымъ, а любителямъ, скромнымъ труженникамъ, неуграшеннымъ титулами магистровъ и докторовъ древней филологіи.

Совершеннѣйшая бесплодность нашихъ ученыхъ филологовъ всего лучше доказываетъ, что у насъ слѣдовали ложной системѣ при раздачѣ ученыхъ дипломовъ. И одною изъ главныхъ нерациональностей здѣсь было требованіе, чтобы диссертациі писались на латинскомъ языкѣ. Это спасало ихъ отъ контроля публики.

Диссертациі на русскомъ языкѣ должны избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ. Впервыхъ, отъ контроля публики онѣ не избавлены; вовторыхъ, по этому самому ничтожность содержанія въ нихъ должна исчезнуть; втретьихъ, недостатокъ научныхъ приемовъ, умѣнье работать надъ наукою тоже долго въ нихъ не продержатся. Передъ дѣйствіемъ гласности все это должно исчезнуть. Такимъ образомъ, наша литература, касающаяся древней филологіи и вообще древностей, мало по малу наполнится, и публика будетъ имѣть средства къ ознакомленію съ одною изъ важнѣйшихъ отраслей знанія.

Такия надежды оправдываются при первомъ опытѣ, сдѣланномъ нашею официальною наукою. Въ то время, какъ наши латинскіе писатели, преемники Цицерона и Квинтиліана, писали свои жалкія упражненія съ импонирующими названіями, какъ «de Venere Colyade» или «de templis Concordiae et Fidei» или «de Digammate», г. Модестовъ въ своемъ изслѣдованіи строго научнымъ образомъ разобралъ жизнь и литературные труды Тацита, одного изъ самыхъ важныхъ, если не самаго важнаго изъ всѣхъ писателей римскихъ; и русская публика имѣетъ прекрасную монографію объ этомъ писателѣ, изъ которой она можетъ узнать все, что пожелаетъ знать весьма требовательный человѣкъ.

Изслѣдованіе раздѣляется на нѣсколько главъ, гдѣ авторъ рассматриваетъ сначала жизнь Тацита, потомъ его сочиненія: *dialogus de oratoribus, historiae* и *annales*, затѣмъ его убѣжденія какъ человѣка и гражданина, достоинства его какъ писателя и, наконецъ, критикуетъ нѣкоторыя современныя мнѣнія о Тацитѣ, несогласныя съ мнѣніемъ, принимаемымъ авторомъ. Желая познакомить нашихъ читателей съ книгою г. Модестова, мы не будемъ однако останавливаться на біографіи Тацита, которая очень скучна. Извѣстно, что Тацитъ жилъ во время императоровъ Нерона, Веспасіана, Тита, Домиціана, Нервы и Траяна, то-есть родился онъ во второй половинѣ перваго столѣтія нашей эры, а умеръ

въ началѣ втораго; извѣстно, что онъ былъ затемъ Агриколы и другомъ Плинія-Младшаго, что онъ занималъ видныя мѣста въ магистратурѣ и былъ извѣстенъ какъ хорошій ораторъ. Тѣмъ почти и ограничиваются извѣстія о жизни Тацита. Извѣстія о сочиненіяхъ его тоже очень скудны, и еслибы сочиненія не дошли до насъ, то мы знали бы о нихъ и объ авторѣ ихъ очень мало. Но сочиненія сохранились, хотя не вполне, и представляютъ дѣйствительно лучшій образецъ лучшаго періода римской литературы. Наибольше важными сочиненіями, имѣющими большую важность до сихъ поръ, которыя, безъ сомнѣнія, никогда и не потеряютъ своего значенія, нужно признать сочиненіе о Германіи, и исторію римской имперіи, *Annales* и *historiae*. Г. Модестовъ въ своемъ изслѣдованіи подробно разбираетъ эти сочиненія, и на основаніи послѣднихъ двухъ представляетъ картину римскаго государства при Цезаряхъ. Чтобы познакомить читателей съ приемами автора, мы выпишемъ небольшой отрывокъ изъ времени междоусобныхъ войнъ по смерти Нерона. За Нерономъ въ ряду Цезарей слѣдовалъ Гальба, испанскій полководецъ, провозглашенный Цезаремъ своими войсками еще при Неронѣ и притомъ ввѣ Италіи. Это былъ первый примѣръ (если не считать примѣръ самого Юлія Цесаря) пріобрѣтенія власти надъ Римомъ съ помощію легионовъ, находившихся вдали отъ Рима. Гальба скоро погибъ; вслѣдъ затѣмъ погибъ и Оттонъ, провозглашенный императоромъ преторіанцами, и лишившій себя жизни послѣ неудачной битвы съ войсками Вителлія, другого претендента на престолъ Цезарей. Смерть Оттона передала власть надъ Италіей, Галліей и Испаніей въ руки Вителлія. Но на Востокѣ, подъ стѣнами Іерусалима, стоялъ въ то время Веспасіанъ, любимый солдатами за свои военныя способности и уважаемый народомъ за свои человѣческія достоинства, бывшій большою рѣдкостью между тогдашнею знатію Рима. Веспасіану трудно было признать власть Вителлія, извѣстнаго только своими гастрономическими способностями; но необходимости между ними должна была возникнуть война, потому что права ихъ на власть надъ Римомъ были по крайней мѣрѣ равны; но у Веспасіана было больше средствъ къ пріобрѣтенію власти, хотя Вителлій его и предупредилъ. Такимъ образомъ Веспасіанъ провозгласилъ себя императоромъ и послалъ войско противъ Вителлія. Передовой отрядъ этого войска подъ начальствомъ Антонія Прима завоевалъ уже всю Верхнюю Италію и приближался къ Риму. Вителлій готовъ былъ отказаться отъ власти за извѣстное вознагражденіе и уже подписалъ договоръ объ этомъ. Но вслѣдствіе непредвидимаго обстоятельства договоръ не могъ быть исполненъ и Вителлій волею-неволею долженъ былъ сражаться. Вотъ какъ излагаетъ эти событія г. Модестовъ на основаніи Тацита, и частью его собственными словами:

«Нетерпѣніе солдатъ было такъ велико, что подошедши къ Риму, они никакъ не хотѣли остановиться лагеремъ у Мульвіева моста, какъ того хотѣлъ Антоній, чтобы вступить въ городъ уже

на слѣдующій день. Антоній долженъ былъ уступить, и его войско пошло на Римъ тремя отрядами: одинъ—прямо по фламминевой дорогѣ, другой—по берегу Тибра, а третій—пошелъ по *via Solaria*, направляясь къ *porta Collina*. Такимъ образомъ и предположено было вступить въ Римъ съ сѣвера и сѣверо-востока. Вооружившійся за Вителлія народъ былъ безъ труда разогнанъ, но съ солдатами Вителлія завязалась кровопролитная борьба передъ Римомъ и на улицахъ самаго города—борьба, при которой римскій народъ выказалъ себя съ тѣхъ ужасающихъ сторонъ, которыя явно свидѣтельствовали о моральной смерти вѣчнаго города.

«Народъ присутствовалъ при битвахъ въ качествѣ зрителя и какъ-бы на потѣшномъ сраженіи одобрялъ то ту, то другую сторону крикомъ и рукоплесканіями. Всякій разъ, какъ одна сторона была опрокинута и солдаты укрывались въ лавкахъ, или убѣгали въ какой-нибудь домъ, онъ требовалъ, чтобъ ихъ оттуда вытаскивали и убивали, а самъ овладѣвалъ большею частью добычи. Тогда-какъ солдатъ весь предавался рѣзни, награбленное переходило къ народу. Весь Римъ представлялъ свирѣбое и отвратительное зрѣлище; здѣсь сраженія и раны, тамъ—бани и кутежъ, тутъ кровь и кучи труповъ, рядомъ публичныя женщины и имъ подобныя; съ одной стороны, величайшій развратъ разгульной праздности, съ другой—всѣ ужасы завоеваннаго города. Рѣшительно можно было подумать, что одинъ и тотъ же городъ находится и въ бѣшенствѣ и въ разгулѣ. Сражались и прежде вооруженныя войска въ городѣ, два раза, когда Сулла, и разъ когда Цинна оставались побѣдителями, и тогда не меньше было жестокости: но теперь было видно нечеловѣческое чувство безопасности, и удовольствія не были прерваны ни на одну минуту, словно какъ будто къ праздничнымъ днямъ (тогда былъ праздникъ Сатурналій) прибавилась новая радость—веселились, наслаждались, нисколько не заботясь о борьбѣ партій, радуясь общественнымъ бѣдствіямъ.» Эта мастерская картина Рима, изображающая одинъ изъ ужасныхъ дней его, говорить многое, ее всякій понимаетъ.»

«Вителліанцы, возбужденные съ одной стороны чувствомъ отчаянія, съ другой чувствомъ военной чести, дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Дорого стоило побѣдителямъ овладѣть преторіанскимъ лагеремъ, для осады котораго употреблены были въ дѣло всякія машины и военное искусство, какое требовалось для завоеванія укрѣпленныхъ городовъ. Защитники Вителлія не хотѣли сдаваться и пали всѣ въ жестокой борьбѣ съ непріателемъ. Наконецъ Вителлій, оставшись безъ защитниковъ и неупившій скрыться, былъ схваченъ. Его потащили по городу связаннаго, въ изодраной одеждѣ, кололи шпагами, заставляя тѣмъ прямо держать голову, и въ такомъ видѣ подводили къ его статуямъ, которыя при немъ же были низвергаемы, къ роstrамъ и къ мѣсту, гдѣ убитъ былъ Гальба. Къ довершенію безчестія, его протолкали къ Гемоніямъ, гдѣ еще лежало тѣло Сабина (брата

Воснаисаинова, убитаго солдатами Вителлія) и тутъ онъ палъ подъ множествомъ ударовъ.»

Этимъ мы и закончимъ извлеченіе изъ книги г. Модестова, и не будемъ слѣдовать за нимъ дальше ни въ критикѣ сочиненій Тацита, ни въ критикѣ мнѣній о Тацитѣ; это слишкомъ увеличало бы нашу замѣтку о книгѣ.

Въ заключеніе выскажемъ наше мнѣніе вообще о книгѣ г. Модестова: она отличается серьезностью и знаніемъ дѣла, которыми вообще отличаются далеко немногія между сочиненіями этого рода. Но мы не можемъ не указать и на нѣкоторые недостатки ея. Свое изслѣдованіе г. Модестовъ начинаетъ и дѣлаетъ такъ, какъ будто бы кромѣ него никто и не брался за это дѣло. Правда, онъ приводитъ и чужія мнѣнія, изъ которыхъ одни отвергаетъ, другія принимаетъ; но онъ дѣлаетъ это такъ, какъ будто стороною. Отъ этого изслѣдованіе имѣетъ весьма ученый видъ, но въ сущности оно было бы ученіе, еслибы г. Модестовъ излагалъ полнѣе сочиненія о Тацитѣ иностранныхъ ученыхъ, и подвергнувши ихъ критикѣ, измѣнилъ ихъ и дополнилъ сообразно своимъ собственнымъ изслѣдованіямъ. Тогда сочиненіе г. Модестова было бы дѣйствительно ученой монографіей, которая обстоятельно излагала бы и литературу сочиненій о Тацитѣ, и собственное обозрѣніе, и критику сочиненій Тацита. А теперь этого объ ней сказать нельзя. И притомъ самъ г. Модестовъ меньше заботился о томъ, чтобы сдѣлать обстоятельное обозрѣніе сочиненій Тацита, нежели о критикѣ. Это опять-таки даетъ книгѣ видъ болѣе ученый, но дѣлаетъ ее менѣе полезною.

Непріятно поражаетъ въ книгѣ г. Модестова еще одна особенность, которую трудно было ожидать у него. Извѣстно, что г. Модестовъ, бывши за границею, отнесся весьма несочувственно къ ученому педантизму нѣмцевъ, а между тѣмъ онъ самъ невольно впалъ въ него. Это видно, вопервыхъ, и въ этой склонности къ излишнему критицизму, ни въ какомъ отношеніи не важному, въ нѣкоторой довторальности, вслѣдствіе чего книга является какъ будто единственнымъ изслѣдованіемъ о предметѣ, и наконецъ въ высокопарности тона, которымъ особенно отличаются нѣмецкіе гелертеры, и мѣстами въ неумѣнны выразиться точно и опредѣленно, вслѣдствіе чего читатель легко можетъ быть введенъ въ обманъ, если, разумѣется, самъ не выйдетъ изъ него своими средствами. Такъ высказывая свое полное несочувствіе къ эпохѣ римской имперіи, тѣмъ не менѣе г. Модестовъ называетъ ее «величайшею эпохою въ исторіи человѣчества». Очевидно, въ этомъ случаѣ г. Модестовъ хотѣлъ сказать «важнѣйшая эпоха». Такихъ выраженій попадается у него довольно.

Впрочемъ, несмотря на эти незначительные недостатки, книга г. Модестова далеко выше подобныхъ сочиненій, писанныхъ на латинскомъ языкѣ для полученія ученыхъ степеней. И нѣтъ со-

иѣнія, что г. Модестовъ, если обстоятельства не помѣшаютъ ему, сдѣлаетъ много для распространенія познаній о древностяхъ римскихъ.

О мировыхъ судьяхъ и ихъ сѣздахъ. *Справочная книга для всѣхъ сословій. Составилъ Н. Максимовъ. С.-Петербуръ. 1865.*

Стюартъ Милль въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о представительномъ правленіи (глава I) говоритъ: «Всѣ учрежденія государственныя — дѣла рукъ человѣческихъ, происхожденіемъ и всѣмъ существованіемъ своимъ обязанны волѣ человѣческой. Люди, проснувшись въ прекрасное (а можетъ быть, прибавимъ и отъ себя, и въ ненастное) лѣтнее утро, не нашли учрежденія эти исполнѣ сложившимися; напротивъ того, во всякомъ періодѣ ихъ существованія они являлись именно тѣмъ, чѣмъ дѣлала ихъ человѣческая воля. Съ другой же стороны, не должно упускать изъ виду, что весь государственный механизмъ не можетъ дѣйствовать самостоятельно, одинъ, самъ по себѣ. Созданный людьми, онъ долженъ быть приводимъ въ движеніе также людьми, и притомъ самыми обыкновенными. Механизмъ этотъ нуждается не только въ простомъ согласіи людей на принятіе его, но и въ дѣятельномъ ихъ участіи, а потому и долженъ быть примѣненъ къ качествамъ и свойствамъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ въ дѣятельности. Совершенно справедливы слова эти, высказанныя Миллемъ относительно формы правленія, очевидно примѣняются и во всѣмъ прочимъ учрежденіямъ; всякія учрежденія налагаютъ на гражданъ извѣстнаго рода обязанности, успешное отправленіе которыхъ невозможно безъ предварительнаго знакомства съ сущностью самихъ учрежденій. Объ относительномъ достоинствѣ и значеніи самихъ учрежденій можно быть, конечно, весьма различныхъ взглядовъ: можно находить ихъ исполнѣ прекрасными или желать болѣе или менѣе полнаго и быстрого развитія ихъ въ непродолжительномъ времени, и т. д.; но все это предполагаетъ точное и близкое знакомство если не съ теоретическими началами учрежденій, то по крайней мѣрѣ съ постановленіями, существующими о нихъ въ положительномъ законодательствѣ. Вотъ почему мы считаемъ изданную г. Максимовымъ справочную для всѣхъ сословій книгу о мировыхъ судьяхъ и ихъ сѣздахъ весьма полезною въ настоящее время. Книга эта содержитъ въ себѣ полное извлеченіе изъ всѣхъ судебныхъ уставовъ, Свода Законовъ и другихъ постановленій, съ поясненіемъ какъ отдѣльныхъ юридическихъ, такъ и дѣльныхъ законоположеній, относящихся до мировыхъ судей и ихъ сѣздовъ, и въ этомъ отношеніи представляетъ аналогію съ книгою г. Демиса «О земствѣ», имѣвшею успѣхъ, какъ это можно судить по тому, что книга г. Демиса вышла вторымъ изданіемъ. Такого же успѣха желаемъ мы и труду г. Максимова, который все относящееся до мировыхъ судей сгруппировалъ въ слѣдующихъ главныхъ отдѣлахъ,

именно: 1) о мировыхъ судьяхъ и ихъ съѣздахъ, 2) о производствѣ ими дѣлъ гражданскихъ, 3) дѣлъ уголовныхъ, 4) о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; въ послѣдній отдѣлъ вошелъ въ полномъ составѣ и соответствующій ему судебный уставъ. Уставъ этотъ заключаетъ въ себѣ: 1) менѣе важныя преступленія и проступки, за которые въ законахъ опредѣлены выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взысканія, не превышающія 300 руб., и арестъ до трехъ мѣсяцевъ; 2) тѣ преступленія и проступки, о которыхъ производство, начинаясь не иначе, какъ по жалобамъ лицъ обиженныхъ, можетъ быть прекращаемо примиреніемъ, и 3) вражда, мошенничество, лѣсныя порубки, присвоеніе найденныхъ вещей и другія сего рода преступленія, совершенныя лицами, подлежащими за это заключенію въ рабочемъ домѣ. Усмотрѣнію мировыхъ судей предоставлено опредѣлять наказанія (высшій размѣръ которыхъ, впрочемъ, ограниченъ уставами) за такого рода дѣйствія, преступный характеръ которыхъ уловить трудно, какъ напримѣръ (глава X, стр. 115) несоблюденіе предосторожности при бросаніи и складываніи тяжестей или при выставленіи ихъ на окна, непринятіе мѣръ къ безопасности отъ домашнихъ животныхъ или содержимыхъ дикихъ звѣрей, травленіе (безъ злого умысла) человѣка собакой, неохраненіе продавцами питейныхъ заведеній пьянаго, котораго нельзя было предоставить самому себѣ безъ очевидной опасности, неприставленіе подпоръ къ ветхимъ заборами, скорая ѣзда въ городахъ и селеніяхъ и т. д. Къ сожалѣнію, въ этомъ перечнѣ мы не нашли никакихъ наказаній за жестокое обращеніе съ животными и чрезмѣрное напряженіе ихъ силъ, безъ чего окажутся на дѣлѣ совершенно тщетными всѣ старанія обществъ-содержателей къ защитѣ животныхъ отъ жестокаго обращенія. При дурномъ состояніи у насъ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году не только сельскихъ и большихъ дорогъ, но даже и улицъ, при столь внезапныхъ, по нашему климату, перемѣнахъ въ температурѣ, хотя и трудно опредѣлять значеніе того, что должно быть почитаемо *чрезмѣрнымъ* напряженіемъ силъ животныхъ, тѣмъ не менѣе нельзя одною оставять *себе* безъ наказанія столь часто встрѣчаемое у насъ, возмущающее душу, обращеніе съ животными. Нерѣдко возражаютъ на это, что животныя эти (обыкновенно лошади) составляютъ собственность человѣка и находятся въ полной его власти. Человѣкъ, конечно—*хозяйинъ* животнаго, но онъ не долженъ быть его *мучителемъ*. Всякое злоупотребленіе правъ собственности можетъ законами воспрещаться, а жестокость къ существу живому, притомъ для человѣка въ высшей степени полезному, но безсловесному, неизбѣжному возможности ни къ защитѣ, ни къ жалобѣ, можно безспорно считать злоупотребленіемъ, вреднымъ не только для животныхъ, но и для самого общества, ибо, не говоря о матеріальныхъ убыткахъ, нерѣдко отъ этого случающихся, подобное обращеніе, часто невторающееся, притупляетъ въ людяхъ благороднѣйшее чувство состраданія. Опытъ показываетъ,

что дѣти, мучація животныхъ, нерѣдко становятся слюбцы болѣе другякъ къ разнымъ преступленіямъ, и что неудерживающіеся отъ жестокостей въ отношеніи къ домашнимъ животнымъ переносятъ эту необузданность какъ на членовъ своего семейства, такъ и другякъ подчиненныхъ имъ людъ. Это и было одною изъ главныхъ причинъ къ тому, что во всѣхъ западныхъ государствахъ установленъ за жестокое обращеніе съ животными довольно строгія наказанія, и мы полагаемъ, что введеніе подобнаго рода правилъ и у насъ было бы очень полезно, потому что мало-по-малу привычку бы къ мысли о гнусности подобныхъ поступковъ и, между прочимъ, способствовало бы къ воспитанію нравственнаго чувства въ народѣ. Безъ подобнаго же рода постановленій мы, по неразвитости нашей народной массы, долго будемъ еще свидѣтелями частыхъ усилій придать измученной лошади средства сдвинуть по-помѣрно-тяжело нагруженный возъ, осывая ее нещадно ударами желѣзнымъ крюкомъ по мордѣ!...

Но въ этомъ г. Максимовъ невиновать; его обязанность была передать съ дипломатическою точностію содержаніе уставовъ, что онъ и выполнилъ хорошо. Книга его очень полезна.

Судебный сборникъ, издаваемый подъ редакціею Н. Ламанскаго. *Законоположенія о присяжномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. С.-Петербургъ. 1865 года.*

Судебные уставы 20-го ноября 1864 года, опредѣливъ тѣ формы, которыя въ непродолжительномъ времени, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, должна принять вся система нашего судопроизводства и судоустройства, вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ каждого сколько возможно короче ознакомиться съ новымъ порядкомъ производства дѣлъ и устройствомъ суда на нѣхъ противъ прежняго основаній, да притомъ освоиться не просто съ одними формами и положеніями, а невозможности уяснить себѣ теоретическое значеніе и цѣль основныхъ началъ судопроизводства. Вслѣдствіе того для нашей юридической литературы явилась обязанность представить публикѣ необходимыя къ тому пособія—обязанность, удовлетворить которую можно было, за недостаткомъ собственно русскихъ сочиненій по этой части, единственно только добросовѣстными переводами соотвѣтствующихъ произведеній лучшихъ иностранныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что уголовному праву посчастливилось гораздо болѣе чѣмъ гражданскому: оно приобрѣло двухъ свѣдущихъ издателей въ лицѣ гг. Унковскаго и Ламанскаго. Изданныя г. Унковскимъ сочиненія: Миттермайера—«О словесіи адвокатовъ», «Руководство къ судебной защитѣ», «Уголовное судопроизводство»; Уильза—«Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ» и Шауэнштейна—«Руководство къ судебной медицинѣ», по всеобщей навѣстности ихъ авторовъ, избавляютъ насъ отъ обязанности на нихъ указывать. Въ свою очередь г. Н. Ламанскій наданіемъ «Судебнаго Сборника» намѣревается познакомить публику съ судомъ присяжныхъ, въ слѣ-

лу котораго народъ становится посредникомъ въ вопросахъ о собственности, свободѣ и жизни гражданъ.

Леташій передъ нами 1-й выпускъ «Судебнаго Сборника», въ которомъ предполагается наложить законоположенія о присяжномъ судопроизводствѣ и судопроизводствѣ важнѣйшихъ государствъ Европы и Америки на новѣйшимъ законодательнымъ работамъ и лучшимъ трудамъ иностранныхъ публицистовъ и юристовъ, только что вышедшій въ свѣтъ, содержитъ въ себѣ: 1) характеристику присяжнаго суда съ національной и политической точки зрѣнія, составленную по одному изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ — В. Форшита (*History of trial by Jury, by William Forsyth*) и 2) судъ присяжныхъ въ Россіи, то-есть сводъ законоположеній о присяжныхъ засѣдателяхъ и присяжномъ судопроизводствѣ; это—извлеченіе изъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, очень удобно приспособленное для пракческаго употребленія вообще и присяжныхъ въ особенности. Такимъ образомъ, невидимому, вмѣстѣ съ теоретическимъ наложеніемъ предмета г. Н. Ламанскій намѣренъ знакомить публику и съ постановленіями современныхъ государствъ о судѣ присяжныхъ. Достоинства такого наложенія—очевидны.

Вообще говоря, первый выпускъ сборника составленъ очень хорошо, что и заставляетъ насъ желать ему полнаго успѣха, но размаху котораго мы считаемъ возможнымъ опредѣлить степень дѣятельнаго (а не вустаго, фразернаго) сочувствія нашей публики къ самому учрежденію суда присяжныхъ.

Ирландская тюремная система, сочиненіе Франца Гольцендорфа; переведено подъ редакцію Н. Ламанскаго. Спб. 1865.

Вмѣстѣ съ преобразованиемъ уголовного судопроизводства, отменою тѣлесныхъ наказаній, которыя замѣнены заключеніемъ въ тюрьмахъ и денежными штрафами, обращающимися, при несостоятельности къ ихъ уплатѣ, также въ содержаніе въ тюрьмѣ, совершена была реформа и въ нашей системѣ уголовныхъ наказаній. Реформа эта должна имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ устройство тюремъ не только въ большемъ количествѣ, но и совсѣмъ на новыхъ для насъ началахъ, тѣмъ болѣе, что неудовлетворительное состояніе нашихъ тюремъ, представляющихъ собою какъ-бы заведенія для взаимнаго обученія различнымъ преступленіямъ и порокамъ, давно извѣстно, и необходимость тюремной реформы считается всѣми, хорошо знакомыми съ этою важною отраслью государственнаго благоустройства, настоятельною необходимостію. Сознавая, конечно, что опыты, сдѣланные въ этомъ отношеніи въ другихъ государствахъ, находящиеся подъ вліяніемъ иныхъ политическихъ и социальныхъ условій, не могутъ имѣть вполне убѣдительной силы для Россіи съ ея рѣдкимъ народонаселеніемъ, огромными разстояніями города отъ другаго, при скудости общественныхъ средствъ—что немало затруднитъ устройство новыхъ тюремъ, которыя не обой-

дуга дешевле—мы тѣмъ не менѣе считаемъ полезнымъ, при выборѣ системы заключенія, принимать во вниманіе опытъ, сдѣланный уже въ разныхъ странахъ надъ различными системами заключенія какъ въ отношеніи вѣншнаго устройства тюремъ, такъ и касательно внутренняго ихъ управленія. Поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили недавно вышедшій переводъ сочиненія извѣстнаго юриста Гольцендорфа объ ирландской тюремной системѣ, основанной Крофтономъ, которая представляетъ собою соединеніе въ одномъ цѣломъ всѣхъ относительныхъ достоинствъ нѣзъ прочихъ системъ заключенія какъ общаго, такъ и одиночнаго. Система эта состоитъ сначала изъ одиночнаго заключенія въ моунтджойской тюрьмѣ близъ Дублина, затѣмъ въ общихъ каторжныхъ работахъ, производимыхъ обыкновенно на Спэйкѣ, укрѣпленномъ островѣ въ Коркской гавани, при чемъ допускается одиночное заключеніе только какъ наказаніе испортившееся, за дурное поведеніе; третью степень исполненія наказанія составляетъ пребываніе въ *переходныхъ заведеніяхъ*, при чемъ стремятся къ высокой цѣли освободить отъ пассивности личность каждаго отдѣльнаго арестанта, послѣ того какъ она подготовлена къ тому строгими дѣйствіями наказанія, и вывести ее постепенно изъ состоянія повинности въ сферу самостоятельной дѣятельности. Основная мысль этихъ переходныхъ заведеній та, что большей вѣншной свободѣ дѣйствій должна соответствовать и большая внутренняя отвѣтственность; каждое нарушеніе извѣстныхъ обязанностей влечетъ за собою вѣрное и ощутительное наказаніе. Важнѣйшими отличительными чертами ирландскихъ учрежденій служатъ: во первыхъ—возможность, вслѣдствіе хорошаго поведенія преступника, сокращенія наказанія, опредѣленнаго судомъ, которое основывается на временномъ отпущеніи арестанта на свободу; во вторыхъ—возможность сокращенія степени сроковъ наказанія по извѣстнымъ различнымъ періодамъ, выше нами уже указаннымъ; третьихъ—непеченіе или надзоръ надъ отпущенными арестантами.

Желающимъ ближе ознакомиться съ этимъ въ высшей степени замѣчательнымъ учрежденіемъ, мы советуемъ прочесть самую книгу (*), доступную нѣсколько однимъ спеціалистамъ, но и всякому занимающемуся общественными вопросами. Намъ же остается только поблагодарить переводчиковъ за то, что они обогатили нашу юридическую литературу новымъ дѣльнымъ переводомъ и пожелать вмѣстѣ съ г. Н. Ламакскимъ нашему обществу приступить къ тюремной реформѣ съ собственными силами и мѣстными средствами, безъ содѣйствія которыхъ законодателью невозможно осуществить лучшихъ своихъ цѣлей.

(*) Мы можемъ при этомъ замѣтить, что послѣ этого сочиненія Гольцендорфа появились въ 1866 году его замѣчанія объ ирландскихъ тюрьмахъ на нѣмецкомъ языкѣ, а также сдѣланный имъ переводъ съ предисловіемъ и замѣчаніями сочиненія голландца Van Brughen—*Le système pénitentiaire Irlandais*.

Уголовно-статистическіе этюды, Н. Неклюдова. *Общ.* 1865 г. Этюдъ первый — (Статистическій опытъ изслѣдованія физиологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію). *Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра уголовного права.* *Общ.* 1865.

Къ числу наиболѣе пренебреженныхъ отдѣловъ статистики, можно, безъ сомнѣнія, причислить судебную статистику вообще. Хотя и въ этомъ отношеніи можно найти нѣсколько достойныхъ вниманія сочиненій въ иностранныхъ литературахъ, но этимъ по настоящее время все и ограничивается; общихъ результатовъ ея не представлено, несмотря на всю важность этого предмета, къ глубокому и подробному изученію котораго наиболѣе побуждаетъ практическая его полезность. Представляя свѣдѣнія о дѣйствительномъ примѣненіи законовъ судебными инстанціями, эта отрасль статистики указываетъ не только на достоинства или недостатки существующихъ постановленій, ставя насъ чрезъ это неизбѣжнымъ руководящимъ основаніемъ для государства въ дальнѣйшемъ развитіи законодательства, но она имѣетъ съ тѣмъ даетъ ясное понятіе объ экономическомъ и нравственномъ состояніи народонаселенія — понятіе, которое едва ли можетъ быть приобрѣтено другими какими либо средствами. Представить экономическое состояніе народа — задача статистики гражданско-судебной; нравственное же состояніе — представляетъ статистика судебно-уголовная. Различныя статистическія свѣдѣнія о разнообразныхъ отношеніяхъ и обязательствахъ, возникающихъ по частному гражданскому праву, даютъ понятіе о положеніи и развитіи имущественныхъ силъ народа; число же преступленій, роды и виды ихъ, личныя отношенія обвиняемыхъ, ихъ происхожденіе, занятія, образъ жизни и положеніе въ обществѣ, возрастъ и полъ преступниковъ указываютъ намъ на то, въ какихъ частяхъ государства (или вообще земнаго шара) и въ какихъ слояхъ народонаселенія нравственность возвышается или упадаетъ, гдѣ и какія необходимо принять мѣры къ исправленію народной нравственности и увеличенію ея общаго уровня и на сколько дѣйствительно достигаютъ этихъ цѣлей, то-есть удовлетворяютъ своему назначенію, всѣ учрежденія, существующія въ данное время съ этою цѣлію. Безспорно, что матеріалы, собранные для разрѣшенія подобныхъ великихъ общественныхъ вопросовъ, крайне недостаточны и еще менѣе того разработаны и приведены въ порядокъ. Политическая арифметика только что начала сознать ясно свою задачу, и въ этомъ направленіи едва сдѣланы первые опыты къ разработкѣ ея отдѣльныхъ сторонъ. Этимъ объясняется также и то обстоятельство, почему наша отечественная литература, богатая замѣчательными матеріалами по разнымъ вопросамъ нашей экономической статистики, не имѣетъ ровно ничего по части уголовной статистики. Это-то и застави-

до насъ съ особеннымъ любодитствомъ обратиться къ сочиненію г. Неклюдова. Но уже первая страница, посвященная вмѣстѣ предисловія перечню учебныя пособія, источниковъ и матеріаловъ, которыми пользовался, вѣроятно, авторъ для составленія своей книги, показала намъ, что русская уголовная статистика въ этомъ первомъ этюдѣ г. Неклюдова ничего не приобретаетъ: изъ книгъ на русскомъ языкѣ поименованы въ перечнѣ только три, именно *Бокль*—въ переводѣ г. Бестужева-Рюмина, *Мороде-Жоннесъ*—переводъ г. Щенкина, и *Кольбъ*—сравнительная статистика. Такимъ образомъ, авторъ, отстранивъ вовсе въ своемъ изысканіи статистическія свѣдѣнія о Россіи, долженъ былъ, по самому свойству темы, ограничиться лишь тѣмъ, что пользовался данными, заимствованными изъ другихъ образцовыхъ сочиненій (ибо, живя въ Россіи, едва-ли возможно самому собирать и возвращать статистическія данныя о Франціи, Англіи и Германіи), и на основаніи ихъ дѣлать, какъ онъ самъ говоритъ, нѣсколько тысячъ вычисленій (стр. 250). Это, конечно—работа утомительная, но далеко не представляетъ собою такого почтеннаго труда, какъ разработка отечественной уголовной статистики, при чемъ приходится въ одно и то же время и собирать матеріалы, и обобщать ихъ. Статистикъ, какъ говоритъ Бокль, долженъ быть и архитекторомъ, и каменщикомъ; ему приходится не только составлять планъ зданія, но и заготовлять матеріалы. Конечно, выборъ темы сочиненія и его планъ вполне зависятъ отъ усмотрѣнія автора; въ этомъ отношеніи укора ему дѣлать нельзя. Это такъ, но тѣмъ не менѣе всякій *русскій* читатель, по нашему мнѣнію, можетъ желать, чтобы *русскій* молодой ученый, окончившій свое образованіе на *русскія* деньги, представлялъ бы, для полученія *русской* ученой степени, сочиненіе, по возможности касающееся *русскому* государства и его жизни, особенно по тѣмъ отраслямъ знанія, которыя представляютъ собою для каждаго инакаго изслѣдователя еще нетронутую почву.

Представляя нашимъ спеціалистамъ по части уголовной статистики подробнѣй разборъ сочиненія г. Неклюдова, мы въ настоящее время, имѣя предъ собою одинъ лишь этюдъ, скажемъ, что едва-ли можно сдѣлать правильное заключеніе объ отношеніи преступленій къ возрасту, къ физиологическому значенію человѣческаго организма, и это потому, что на совершеніе преступленія вообще имѣетъ влияние множество различныхъ обстоятельствъ, что при этомъ, какъ и вообще во всякомъ проявленіи человеческой дѣятельности, участвуетъ безконечное множество тонкихъ и часто неудовимыхъ факторовъ, а потому вслѣдствіе изслѣдованіе влияния одного фактора даже невозможно, ибо нѣтъ средствъ отдѣлить отъ него другаго фактора. Никто не совершалъ преступленій единственно въ силу возраста, а всегда дѣйствовали другія причины, находившія собою большую или меньшую возможность проявиться въ томъ или другомъ возрастѣ. Каждое поколѣніе людей, каждое народонаселеніе страны

имѣть всегда лишь различныя возрастныя, количественное отношеніе которыхъ рѣдко измѣняется, но число преступленій, роль и виды ихъ измѣняются, что зависитъ отъ многихъ причинъ, какъ - то голода, развитія нравственности и образованности народа, его матеріальныхъ средствъ, политическихъ обстоятельствъ и т. д. Известно, что въ жизни государствъ бывають эпохи, которыя сопровождаются почти всегда и вездѣ неизвѣстными, одинаковыми послѣдствіями въ сферѣ уголовного права. Разбой усиливается обыкновенно при потрясенномъ, напряженномъ состояніи государственнаго организма. Въ древнѣе Римѣ разбой поднялся съ ужасающей силой во время междоусобицъ, гражданскихъ войнъ. Разбойники современной Греціи возникли вмѣстѣ съ турецкимъ порабоженіемъ. Подобныя явленія представляетъ Испанія и Италия. У насъ въ Россіи, въ семнадцатомъ и первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, разбой достигаютъ громадныхъ, неслыханныхъ дотошъ размѣровъ; они ослабѣвають по мѣрѣ того, какъ расколыхавшійся разливъ народной жизни сталъ успокаиваться и входить въ свои берега и т. д. Подвергать факты статистическіе произвольнымъ сочетаніямъ, ставить ихъ въ отношеніе причинъ и слѣдствій или, по крайней-мѣрѣ, приводить односторонне одинъ рядъ фактовъ и объяснять известное явленіе однимъ обстоятельствомъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности былъ цѣлый рядъ разнообразныхъ обстоятельствъ и условій, которыя и надлежало разсматривать въ общей совокупности—все это несогласно съ правилами строго научными и немало способствуетъ тому только, что статистическіе выводы теряють уваженіе и довѣріе. Поэтому даже Вагнеръ въ сочиненіи своемъ о самоубійствѣ (*A. Wagner: Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkührlichen menschlichen Handlungen vom Standpunkte der Statistik* (*). 2 тома 1864), трудъ котораго, по словамъ же г. Нелюдова (стр. 35), можетъ по своей обработкѣ этого вопроса быть названъ вполне классическимъ изслѣдованіемъ (онъ почти отнимаетъ у человѣка волю), поставилъ случай самоубійства въ зависимость не отъ одной какой-либо причины, но отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на этотъ родъ преступленія, начиная съ климата, географическаго положенія страны, погоды и т. д.

Почему г. Нелюдовъ не захотѣлъ послѣдовать этой методѣ изслѣдованія — неизвѣстно. Хотимъ думать, что ему воспрепятствовали въ этомъ тѣ же неблагоприятныя обстоятельства, которыя заставили его представить этюды въ формѣ ученаго труда гораздо ранѣе, чѣмъ бы онъ этого желалъ (стр. 39).

Римъ. Начало, распространеніе и паденіе всенародной монархіи римлянъ, для любителей классической древности и простотеніе

(*) Нельзя не замѣтить, что немецъ Вагнеръ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ свиданія и о Россіи, чего не дѣлаетъ русскій г. Нелюдовъ.

юношества. Сочиненіе Д-ра Вегнера. Переводъ Естафьева. 2 тома. 1865 г. Цѣна 7 руб.

Авторъ «Эллады», встрѣченной въ свое время одобреніемъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ судей, издалъ также подобное сочиненіе и о Римскомъ государствѣ, въ основаніе котораго взяты труды Гиббона, Нибура, Момаена, Шведлера и мр. и мр., а также и собственныя изысканія самаго Вегнера. Масса свѣдѣній, содержащихся въ этомъ сочиненіи, изумительна; особенно интересны главы, въ которыхъ говорится о религій, архитектурѣ, музыкѣ, живописи, семейномъ бытѣ и военномъ искусствѣ бывшихъ нѣкогда повелителей міра.

Путевыя впечатлѣнія на северъ и югъ. Сочиненіе Миллюкова. 1865 г. Цѣна 2 руб.

Въ книгу эту вошло уже давно прежде изданное путешествіе по Финляндіи того же автора, который теперь къ этому присоединилъ еще статьи «по обѣ стороны Альповъ», т.-е. недѣлю въ Женевѣ, переходъ чрезъ Альпы и Миланъ, а потомъ свои поѣздки въ Аѳины и Константинополь, при чемъ смотритъ Агрополь, ареопагъ, тюрьму Сократа, гротъ нимфъ, и т. д. Издатель, г. Вольфъ полагаетъ (*) «что въ настоящее время, когда (не благотворительная гласность уже, какъ можно было ожидать по началу знакомой фразы, но) возрождается Италия, Греція въ связи съ Ионическими островами входитъ въ новую эпоху жизни, а Константинополь служить узломъ восточнаго вопроса (мы полагали, что онъ и прежде былъ таковымъ, а нетолько что сталъ имъ въ настоящее время)—книга г. Миллюкова *должна* получить особенный интересъ въ глазахъ любознательныхъ читателей». Что успѣхъ, т.-е. распродажа этой книги должна очень заинтересовать ея издателя, особенно если онъ купилъ ее, быть можетъ, не совсѣмъ дешево — въ томъ никто не сомнѣвается, это безспорно; но изъ этого мы не можемъ вывести заключенія о томъ, что книга должна также интересовать и читателей, хотя она и много представляетъ къ тому ручательствъ. Мы жалѣемъ только, что такъ рекомендуетъ ее г. Вольфъ, извѣстный издатель сочиненій Наполеона III.

Конекъ-горбунокъ, П. Ершова съ 7-ю картинками. С. Петербургъ. 1865 г. Цѣна за три части 1 руб.

Эта сочиненная русская сказка, безспорно всѣмъ и каждому извѣстная, въ послѣдніе годы сдѣлалась почти что библиографическою рѣдкостью и продавалась очень дорогою цѣною. *Напопечъ* она опять появилась, шестымъ изданіемъ, и продается въ магазинѣ М. М. Крашенинникова.

(*) См. № 78 Слб. Вѣдом.

Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти.
Сочиненіе Бишэ. Переводъ съ французскаго Бибикова, съ примѣчаніями переводчика и со статьёю о жизни, трудахъ и значеніи Бишэ. С. Петербургъ. 1865 г. Цѣна 1 руб. 75 к.

Извѣстность, которою пользуется въ этой отрасли наукъ громкое имя Бишэ, представляетъ достаточное ручательство въ занимательности содержанія означеннаго сочиненія.

Человѣкъ, таинственныя явленія физической ея природы.
Сочиненіе Циммермана, изданіе Вольфа. Цѣна за 2 тома 5 руб. Вышелъ только пока одинъ томъ. 1865 г.

Въ этомъ новомъ сочиненіи Циммерманъ (авторъ книги: *Миръ до сотворенія человека*), пользующійся въ ученomъ мѣрѣ заслуженною извѣстностію, разсматриваетъ вопросы о происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго, о постепенномъ переходѣ его изъ естественнаго состоянія къ цивилизаціи, о типахъ человѣческихъ породъ и тому подобныя вопросы, которые и разъяснены имъ, на сколько это возможно при современныхъ успѣхахъ наукъ.

Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. 1 томъ. 2 руб. 50 к. Изданіе Бакста.

Сочиненіе это составляетъ какъ-бы приложение и продолженіе Всеобщей исторіи литературы Шерра. Такъ объявляютъ гг. Пыпинъ и Спасовичъ. Но мы рѣшительно не можемъ понять, съ какой стати они взяли на себя отвѣтственность быть продолжателями Шерра? Особенно г. Спасовичъ ужь совсѣмъ не извѣстенъ намъ по этой части.—Должно быть, курьезная исторія славянскихъ литературъ! Мы такъ говоримъ потому, что едва начали ее читать, а ужь нашли много промаховъ. Неужели за нихъ долженъ отвѣчать Шерръ?

Столѣтняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову 4-го апрѣля 1865 года. Владиміра Ламанскаго. 1865 г. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное примѣчаніями. Цѣна 25 к.

Брошюрка очень интересная и во многихъ отношеніяхъ поучительная. Мы о ней сказали въ свое время.

Начальныя основанія физики. Д-ра Ж. Криста съ 291 рисункомъ въ текстъ. С.-Петербургъ. 1865 г. Цѣна 1 р. 25.

Сочиненіе это предназначено по преимуществу для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сочиненія Фенимора Купера въ переводѣ Д. Коковцева. Изданіе Вольфа.—При этомъ издатель счелъ обязанностію своею предупредить читателей, что творенія англійскаго (не американскаго ли? г. Вольфъ) писателя нѣсколько сокращены и передъ-

лами въ тѣхъ собственно видахъ, чтобы сдѣлать чтеніе повѣстей его доступнымъ и для юношества, но при этомъ, конечно, сохранена главная нить разсказа. О томъ, составляетъ ли этотъ переводъ романовъ Купера отрадное и полезное явленіе для нашей переводной литературы и вообще можно ли риснуть деньги на приобрѣтеніе вышедшихъ пока двухъ томовъ этого перевода—лучше всего, по нашему мнѣнію, можно себѣ составить понятіе по переводу *заглавій* Куперовскихъ романовъ, которыми Д. Ковцевъ подарилъ публику. Такъ *Deerslager* названъ *зѣвробой* (трава?)—почему же не просто охотникъ? слово зѣвробой означаетъ на русскомъ языкѣ извѣстное *растеніе*, а никогда не употреблялось для означенія человѣка, охотящагося за красивымъ зѣвромъ. Другой романъ *Pathfinder*—явился подъ заглавіемъ какъ бы вы думали какимъ?..—*Смодомтъ*. Почему это такъ, и что это такое—неизвѣстно, можно съ одинаковымъ основаніемъ называть его, пожалуй, *Тропонаходчикъ*!... (ибо слово *path* означаетъ дорогу, тропинку, *chemin, sentier*; а *finder*—отъ глагола *find*—находить, и т. д.)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ПО РЕЗУЛЬТАТАМЪ НАУЧНЫХЪ ИЗОЛЪДОВАНІЙ, УСЛѢХОВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО И ОПЫТОВОГО. Сочиненіе Миттермайера, переводъ Саранчова.

Достоинства этого сочиненія были уже подробно нами указаны (смот. Отеч. Записк. за 1863 годъ); теперь остается только сказать, что наша переводная юридическая литература обогатилась еще однимъ хорошимъ переводомъ.

Человѣкъ и сохраненіе его здоровья. Общепонятныя медицинскія письма д-ра Фр. Эстерлена, орд. профессора медицины тюбингенскаго университета. Переведено подъ редакціею Н. Бакста. Выпускъ 1-й. Спб. Цѣна 75 к.

Въ 1859 году *такто* Фридрихъ Эстерленъ, живущій въ Цюрихѣ, какъ это видно изъ предисловія самого автора, а отнюдь не докторъ и не ординарный профессоръ медицины тюбингенскаго университета, какимъ сдѣлалъ его г. Бакстъ, рѣшительно неизвѣстно на какомъ основаніи—издалъ подъ заглавіемъ (*): «Человѣкъ и сохраненіе его здоровья», 26 писемъ, составляющихъ цѣлую книгу въ 483 страницы. Письма эти, въ которыхъ говорится о вліяніи на человѣка внѣшней природы, какъ-то: атмосферы, теплоты, почвы, климата; о пищѣ, народномъ пропитаніи и его значеніи; о мѣстахъ жительства, отношеніи ихъ и вліяніи на здоровье; о вліяніи городовъ на здоровье; о нѣкоторыхъ мѣрахъ благоустройства, предпринимаемыхъ вообще полиціею и т. д.—предполагаютъ съ одной стороны въ читателѣ знакомство съ

(*) Полное заглавіе этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее: «Der Mensch und seine physische Erhaltung-Hygienische Briefe für weitere Leserkreise», von Friedrich Oesterlen. Leipzig. Brockhaus. 1859 г.

главными основаниями физики, химии и т. д., следовательно предназначаются для человека, уже получившаго некоторое образование; съ другой же стороны не выполнены такими общезвѣстными мѣстами, пустою болтовнею и разглагольствованіями о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, что чтеніе этихъ писемъ становится крайне скучнымъ и утомительнымъ. Изъ всего сочиненія можно, пожалуй, сдѣлать краткую компиляцію листа въ два или три, но отнюдь не предпринимать перевода въ трехъ выпускахъ, какъ это замыляетъ г. Бакстъ, каждый отъ 10 до 12 листовъ. Къ тому же въ сочиненіи этомъ встрѣчается немало такихъ мѣстъ, которыми основательный писатель, конечно, не Бюхнеръ только — едва ли позволить себѣ написать въ книгѣ общедоступной, какъ, напримеръ: «до сего времени не открыто вѣрнаго и дѣйствительнаго средства противъ рака, нервной горячки, холеры и т. д. и навѣрное никогда таковыхъ не найдутъ, ибо это невозможно» (*und wird ganz gewiss ni solche finden, weil es unmöglich ist*, стр. 16). Прекрасно. Почему же это *unmöglich* остается читателю неизвѣстнымъ, равно какъ и то, какимъ путемъ логическаго мышленія достигъ до разумѣнія этой невозможности Фр. Эстерлена, который, между прочимъ, заканчиваетъ 2-е письмо слѣдующими словами: «*So gewiss aber die Welt nicht geschaffen worden, sondern einfach entstanden ist* (вотъ уже что называется объяснилъ) *ebenso gewiss regiert sie sich selbst nach einer bestimmten Gesetzmäßigkeit*» и т. д. Въ русскомъ переводѣ г. Бабста этихъ словъ мы не нашли, но встрѣтили извѣстіе, что Потемкинъ за завтракомъ унычталъ дѣлаго гуса съ начинкою, что, конечно, сказано для смягченія гиперболическаго сказанія Эстерлена объ аппетитѣ князя Таврическаго, который едва не съѣдалъ *zum Frühstück eine Gans sammt einen Schinken* (то-есть гуса и цѣлый окорокъ). Также узнаемъ мы изъ книги этой, которую не предлагаемъ для чтенія, что *der wilde Naturmensch kann sich wie das Thier auf seinen Instinct verlassen, wie Künstmenschen nicht mehr*. Г. Бабстъ опять смягчаетъ переводъ и дѣлаетъ все изреченіе довольно современнымъ, говоря: дикіе, близкіе къ природѣ, могутъ еще руководствоваться своимъ инстинктомъ; но для насъ, людей цивилизованныхъ, его уже недостаточно (стр. 237). Опять ученіе о какомъ-то необъяснимомъ истинитѣ, о дикомъ и искусственномъ чловѣкѣ, и т. д. Но этого вполне довольно, чтобы дать читателю понятіе о достоинствѣ какъ книги, такъ и перевода.

Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

К. Ф. Неймана. *Томъ первый. С.-Петербургъ. Изданіе Бакста. Выпускъ 1-й (цѣна 75 коп., съ билетомъ на 2 и 3 выпуски 2 рубля).*

Сколько намъ извѣстно, переводъ сочиненія Неймана представляетъ собою первое въ нашей литературѣ произведеніе, относящееся до исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Жакацій предъ нами выпускъ содержитъ пока только 2 первыя главы, изъ коихъ въ 1-й представленъ краткій очеркъ различныхъ

колоній, ихъ демократическихъ учреждений и показано естественное развитіе республиканскихъ началъ въ Соединенныхъ Штатахъ; во 2-й же — говорится о вліяніи европейскихъ войнъ на колоніи, о населеніи, правахъ и торговыхъ ихъ сношеніяхъ, о событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ за освобожденіе и объявленію независимости (о нарушеніи метрополіею разныхъ правъ колоній), между прочимъ, и обложеніи чаемъ пошлиною, вызвавшемъ американцевъ къ явному сопротивленію и возстанію. Этимъ и оканчивается первый выпускъ перевода, слогъ котораго весьма удивительнаго. История эта читается весьма легко.

Законодательство и юридическая практика въ новейшемъ ихъ развитіи въ отношеніи къ уголовному судопроизводству. Сочиненіе Миттермайера, переводъ Бартенева. Изданіе редакціи Журнала Министерства Юстиціи. Спб. 1864.

Имя автора — знаменитаго Миттермайера, представляя собою полное ручательство въ достоинствѣ этого новаго сочиненія, дѣлаетъ нашъ отзывъ, хотя и самый краткій, о достоинствѣ этой книгѣ совершенно излишнимъ; намъ остается только замѣтить, что редакція «Журнала Министерства Юстиціи» сдѣлала изданіе столь же полезное, какъ и необходимое для насъ, въ виду предстоящей судебной реформы. Капитальное сочиненіе Миттермайера имѣетъ задачу представить, въ достаточной обработкѣ, матеріалы, какъ для уясненія работъ законодательныхъ, такъ и для юридической практики по уголовному судопроизводству. Изложивъ исторію законодательства по уголовному судопроизводству въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ съ 1848 года, авторъ опредѣляетъ предварительныя условія, отъ коихъ зависитъ дѣйствіе законовъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, и тѣ общія положенія, на которыхъ подобнаго рода законы должны быть основаны, разсматриваетъ производство дѣлъ при предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, самый порядокъ постановленія рѣшеній и способы ихъ обжалованія. Сдѣлавъ опытъ вывода основныхъ руководительныхъ началъ уголовного судопроизводства и показавъ причины, по которымъ такъ часто нововведенія не даютъ ожидаемыхъ результатовъ, Миттермайеръ указываетъ, какимъ путемъ можетъ быть достигнуто такое судопроизводство, которое всего лучше обезпечивало бы дѣйствительность уголовного законодательства. Необходимымъ къ этому условіемъ онъ считаетъ внушеніе частному лицу довѣрія къ гражданскому обществу, именно увѣренности въ томъ, что общество имѣетъ не только средства и силу открывать преступленія и наказывать виновнаго, но и охраняетъ гражданскую свободу, устраняя препятствія къ развитію необходимыхъ для сего учреждений, покровительствуя защитѣ обвиняемыхъ, отказываясь отъ ненавистной страсти преслѣдованія, а постоянно стремясь къ тому, чтобы отправленіе уголовного правосудія имѣло исключительно въ виду осуществленіе правды и справедливости.

Вообще сочиненіе это есть плод глубокой размышленности автора и самаго близкаго знакомства его съ опытами дѣйствительной жизни; здѣсь изложено все то, что авторъ съ 1808 года собралъ по этому предмету въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ.

Разсужденія и изслѣдованія — политическія, философскія и историческія. Дж.-Стюарта Милля. Въ 3 частяхъ. Выпускъ 1 и 2. С.-Петербургъ. 1865. Изданіе Ковалевскаго. Цѣна 75 коп. каждому.

Первая часть твореній англійскаго мыслителя, слыхавшаго много публичнѣ, чтобы пускаться въ разсужденія о его достоинствахъ, содержитъ въ себѣ слѣдующія историческія статьи, свое временно помѣщенныя въ Единбургскомъ обзорѣнн: *Древнѣйшая и легендарная исторія Греціи*, а также исторія Греціи Грота (это—отзывы о сочиненіи извѣстнаго историка Греціи); *Очерки и лекціи Гизо по исторіи Франціи и исторія Франціи Мишле*. Форма изложенія этихъ статей нѣсколько напоминаетъ собою критическія статьи Маколея. Первый выпускъ 2-й части, содержащей, какъ озаглавлено, статьи политическія и политико-экономическія, заключаетъ въ себѣ очень любопытную статью: *Цивилизація*, нѣсколько замѣчаній о французской революціи, написанныхъ по поводу первыхъ двухъ томовъ исторіи Европы — Алиссона. Милль объявляетъ крайне неспособнымъ судить о французской революціи 1789 года всякаго, кто видитъ въ ней дѣло причинъ, исключительно французскихъ, или что-нибудь другое, а не особенный бурный періодъ въ прогрессивномъ развитіи дѣлаго челоуѣчества. Всѣ политическія революціи, производимыя не иностраннми завоеваніемъ, имѣютъ свое начало въ нравственныхъ революціяхъ. Разрушеніе существующихъ учрежденій есть слѣдствіе предварительнаго разрушенія существующихъ мнѣній. Другая статья: *Французская революція 1848 года и ея порицатели*, представляетъ собою отвѣтъ лорду Бруму и другимъ, считающимъ эту революцію неожиданнымъ дѣломъ минуты, явленіемъ безъ причины, безъ всякихъ обстоятельствъ, могущихъ оправдать или объяснить ее, исключая привычки къ переменамъ и склонности къ насиліямъ, дѣломъ нѣсколькихъ полудюжинъ работниковъ, сошедшихся въ типографіи, горсти вооруженныхъ негодяевъ, подъ предводительствомъ башмачника и помощника редактора.

По мнѣнію Милля, причина паденія французскаго правительства 1848 года заключается, главнымъ образомъ, въ двухъ обстоятельствахъ: именно: во-первыхъ — это было правительство безъ всякаго духа реформы; оно не только оказывало упорное сопротивленіе всякой органической реформѣ, даже самой умѣренной, во всякой чисто-законодательной, или чисто-административной реформѣ было на практикѣ равнымъ образомъ враждебно; оно не начинало само ничего и успѣшно противилось всему, что предлагали другіе, забывши, что напирющія волны постоянно собираются и поднимаются позади плотины, пока, наконецъ, низверг-

нуть ее и унести съ собой. Другое обстоятельство, не менѣе перваго подрывающее кредитъ правительственный, вообще заключалось въ томъ, что правительство Луи-Филиппа дѣйствовало почти исключительно посредствомъ низкихъ и своекорыстныхъ истиннотворъ человѣческой природы. Оно никогда не обращалось къ честнымъ, возвышеннымъ и благороднымъ принципамъ дѣятельности, не старалось имѣть ихъ на своей сторонѣ, но, напротивъ, подавляло и ослабляло ихъ, считая опасными для себя. Система подкуповъ была доведена до самой высшей степени, какую только допускали средства, накопившіяся въ распоряженіи правительства.

Много дополнительныхъ объясненій къ вопросу о причинѣ революціи 1848 года можно найти въ статьѣ *Арманъ-Каррелъ* (біографическія замѣтки гг. Низара и Литтре), которая представляетъ собою живое и наглядное изображеніе всей дѣятельности этой замѣчательной политической личности тридцатыхъ годовъ, память о которой, несмотря на краткую пременность его жизни и дѣятельности, не погибнетъ безслѣдно, пока шесть лѣтъ, слѣдовавшихъ за революціей 1830 года, будутъ занимать мѣсто въ исторіи.

Последняя статья, заключающаяся въ лежащемъ передъ нами выпускѣ, посвящена вопросу о *правѣ труда*, которую Миэль и заключаетъ словами: «дайте *воспитаніе* и *хорошіе законы*, а затѣмъ рабочіе классы уже сами должны заботиться объ удовлетвореніи своихъ нуждъ, и объ улучшеніи своего положенія». Подобный взглядъ Миэля, воплотивъ нами раздѣляемый, можетъ служить объясненіемъ, почему мы сочли долгомъ сказать нѣсколько подробнѣе о непосредственно слѣдующемъ явленіи въ области нашей литературы, именно о книгахъ, предназначенныхъ по преимуществу для чтенія нашему народу, каковыми является:

Первый десятокъ книгъ, изданныхъ товариществомъ Общественная польза на счетъ суммъ, пожертвованныхъ для народныхъ книгъ. 1865 года.

Совершенно излишнимъ было бы съ нашей стороны повторять при этомъ случаѣ всѣмъ давнымъ-давно извѣстныя истины о пользѣ и благодѣтельномъ вліаніи образованія на экономическое и нравственное состояніе народа, о необходимости распространять оное въ народѣ, и т. д. Громкія фразы эти долго оставались однѣми пустыми фразами, то-есть ничего не дѣлалось къ осуществленію и достиженію на дѣлѣ тѣхъ истинъ, которыя таеъ громко провозглашались, и только лишь въ настоящее время общество наше, повидимому, рѣшилось приступить къ самому дѣлу, именно къ изданію *общепонятныхъ и полезныхъ книгъ*, предлагая этимъ народу средства къ его образованію и развитію. О достоинствахъ книгъ перваго выпуска намъ также говорить не приходится; имена авторовъ служатъ наилучшею тому гарантіею; таеъ Бестужевъ-Рюминъ, извѣстный публикѣ статьями по отечественной исторіи,

написалъ для народа: *О крещеніи Руси Владиміромъ-Святѣмъ* и т. д. и *О змѣхъ временахъ татарщины*; г. Максимовъ, авторъ книгъ «Годъ на Сѣверѣ» и «Поѣдка на Амурѣ», даровитый наблюдатель живого народнаго бита, издалъ теперь двѣ книжки, именно *О русской землѣ и о русскихъ модахъ*, а словами: «разказами своими, мы войдемъ полегоньку къ изученію отечества нашего», далъ основаніе въ пріятному ожиданію дальнѣйшаго ряда подобныхъ занимательныхъ разсказовъ. Очень хорошо составлена также книжка *Какъ надо жить, чтобы добро нажить*, въ которой самымъ простымъ, но яснымъ слогомъ говорится о нуждахъ человѣка и трудѣ, о бережливости, раздѣленіи труда или сотрудничествѣ, объ общинѣ, деньгахъ, капиталѣ и процентахъ, о богатствѣ и бѣдности, машинахъ и т. д. Къ сожалѣнію, авторъ скрылъ имя свое отъ любознательности публики.

Очевидно, что ограничиться однимъ лишь изданіемъ книгъ, помѣстивъ ихъ въ магазинъ товарищества въ Мильонной Улицѣ (книгъ этихъ мы не могли найти ни у одного изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ), крайне недостаточно; необходимо еще, чтобы народъ имѣлъ возможность купить полезныя для него книги, зналъ бы объ ихъ существованіи; главное, чтобы такіа книги расходились въ народѣ, безъ этого цѣль изданія достигнута не будетъ, ибо если книга не покупается, то это все-равно, что ея и нѣтъ. Сколько мы могли замѣтить, народъ нашъ покупаетъ большею частію книжку вообще, а не извѣстную какую либо книгу, руководствуясь при выборѣ столько же замисловатыми заглавіемъ, сколько и красотою обертки и дешевизною книги; продавцы же, рекомендуя книгу, руководствуются болѣе своими экономическими нежели педагогическими соображеніями, и настойчиво выхваляютъ *Черный зрѣкъ или кровавая звезда*, или нѣчто въ родѣ *Войны кухарки съ барынею* (новое произведеніе, громадныи успѣхъ котораго превышаетъ колоссальною нелѣпностію содержанія). Поэтому мы полагаемъ, что на обязанности общества лежитъ теперь и познакомить народъ съ полезными для него изданіями, приохотить его къ чтенію подобныхъ книгъ, что весьма нетрудно сдѣлать хоть бы слѣдующимъ путемъ. Большая часть читателей и особенно читательницъ покидаютъ столицу и на лѣтнее время удаляются на дачи или въ деревню, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ немало знакомыхъ изъ числа крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, продающихъ имъ ягоды, грибы, раки, рыбу и т. д. Дѣтей этихъ учить теперь грамотѣ въ школахъ, учрежденныхъ, какъ пишутъ, вездѣ при приходскихъ церквахъ; быть можетъ, даже и нѣкоторые изъ нашихъ читательницъ занимались этимъ дѣломъ, хотя бы и для развлеченія въ деревнѣ; по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, года два тому назадъ подобное занятіе было въ модѣ. Раздайте имъ въ видѣ подарковъ по нѣскольکو экземпляровъ изданныхъ «товариществомъ общественная польза» книгъ, и начало дѣлу будетъ сдѣлано; книги эти прочтутъ сперва ихъ владѣльцы, передадутъ другимъ, которымъ также желательно будетъ

имѣть такія же, и этимъ путемъ образуется истинный спросъ на полезныя для народа книги, дешевизна книгъ изумительна; на 75 копеекъ или на 1 рубль вы можете сдѣлать дюжину и болѣе различныхъ подарковъ (есть книги въ 8 копеекъ) и этимъ способствовать успѣхамъ истиннаго прогресса и развитію цивилизаціи въ несравненно большей степени, чѣмъ покупкою фотографическихъ карточекъ Гарибальди, Кавура, Прудона и т. п. Неужели русское общество откажется отъ подобнаго дѣла потому только, что ему жаль истратить какой-нибудь полтинникъ для пользы русскаго государства и народности? Товарищество общественная польза будетъ имѣть возможность осенью дать на это отвѣтъ.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

Чтенія г. Карновича «О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ». — О солнечныхъ пятнахъ. — О скорости свѣта. — Смерть натуралиста Малли. — Извѣстія о животныхъ парижскаго зоологическаго сада. — Млекопитающіе острова Мадагаскара. — О воздухоплаваніи. — «Джагатай» Вамбергъ. — Новый король. — Споръ Athanasius'a съ г. Фульксомъ о томъ — признаеть ли православленная церковь англичанъ дѣйствительно грешенными людьми? — Диспутъ специалистовъ о полярной экспедиціи. — Начало опернаго сезона въ Лондонѣ. — Первый концертъ Іоакима въ Парижѣ.

Чтенія г. Карновича о женскомъ трудѣ.—Первое чтеніе г. Карновича происходило въ залѣ императорскаго русскаго географическаго общества, и сборъ съ этого чтенія былъ предназначенъ въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Число желавшихъ присутствовать на чтеніи г. Карновича оказалось столь значительнымъ, что, какъ мы слышали, за недостаткомъ билетовъ, слишкомъ сто человекъ, явившихся на чтеніе, должны были вернуться назадъ. Это доказываетъ тотъ интересъ, который возбужденъ въ обществѣ *женскимъ* вопросомъ; кромѣ того, весьма многіе, а въ томъ числѣ и дамы, изъявили желаніе слушать чтеніе, хотя бы стоя, но вскорѣ оказалось невозможнымъ удовлетворить и этому желанію.

Изъ вступительныхъ словъ г. Карновича видно, что настоящія его чтенія составляютъ извлеченіе изъ обширнаго, предпринятаго имъ изслѣдованія о развитіи женскаго труда въ Петербургѣ. Въ первомъ своемъ чтеніи г. Карновичъ опредѣлилъ ту важность, какую долженъ имѣть женскій трудъ, собственно въ Петербургѣ, такъ-какъ трудъ этотъ поставленъ въ инныя условія, нежели тѣ, которыя существуютъ въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ европейскихъ столицахъ. Онъ указалъ на тѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ развитію женскаго труда въ Петербургѣ, и между прочимъ упомянулъ о неблагоприятномъ на него вліяніи крѣпост-

ного права въ прежнее время — влияния, которое не остается безъ вредныхъ послѣдствій и въ настоящее время. Говоря о необходимости предоставить свободу женскому труду, о тѣхъ, по его выраженію, трусливыхъ личностяхъ, которыя даже въ свободѣ, предоставленной женской иголкѣ, хотятъ видѣть зародыши какихъ-то социалистическихъ и коммунистическихъ стремленій, и готовы лишить женщину возможности трудиться, изъ опасенія, что она своимъ трудомъ приобрѣтетъ себѣ нѣкоторую независимость и самостоятельность, и въ семействѣ и въ обществѣ—г. Карновичъ съ своей стороны указалъ на необходимость столь возможно большаго развитія женскаго труда, какъ одного изъ главныхъ условий для нравственной охраны женщинъ и изъ матеріальнаго обезпеченія. Онъ обѣщаль фактически, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ, показать, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся многія петербургскія женщины потому только, что при всемъ ихъ желаніи трудиться онѣ не могутъ принести для себя занятій, какъ вслѣдствіе малаго запроса на женскій трудъ въ Петербургѣ, такъ и вслѣдствіе особыхъ условий здѣшняго быта.

Такъ, между прочимъ, онъ указалъ на то, что главная масса петербургскаго населенія состоитъ изъ простонародья, среди котораго женскій трудъ встрѣчается весьма мало примѣненія, даже по швейной работѣ, преимущественно распространенной между женщинами. По его замѣчанію, въ главной массѣ петербургскаго населенія не найдутъ для себя заработковъ женщины, занимающіяся болѣе утонченными работами, какъ-то: шитьемъ шляповъ, корсетовъ, чепчиковъ, приготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ и т. д., точно также какъ не приищутъ для себя занятій въ большинствѣ петербургскаго населенія ни учительницы, ни гувернантки.

Г. Карновичъ привелъ на видъ огромное число нижнихъ военныхъ чиновъ, которые въ казарменномъ быту обходятся очень удобно безъ женскаго труда, занимаясь сами многими работами, которыя собственно предоставлены женщинамъ, какъ-то: стиркой, мытьемъ половъ, шитьемъ и стиркою бѣлья, такъ-что даже здѣшнія прачки встрѣчаютъ для себя конкуренцію въ военномъ служивомъ народѣ.

Вообще г. Карновичъ привелъ ту мысль, что размѣръ потребностей на женскій трудъ въ Петербургѣ никакъ нельзя соизмѣрять съ общимъ числомъ петербургскаго населенія, такъ-какъ въ этомъ населеніи потребность на женскій трудъ распространена весьма неравномѣрно, при чемъ онъ весьма слабо поддерживается главною массою здѣшнихъ жителей.

Въ чтеніи своемъ г. Карновичъ представилъ общіе выводы о численности петербургскаго населенія и привелъ тотъ фактъ, что въ послѣднее пятилѣтіе число женщинъ увеличилось въ Петербургѣ слишкомъ на 45,000 душъ, между тѣмъ какъ число мужчинъ осталось то же. Фактъ этотъ, по мнѣнію г. Карновича,

служить дурнымъ предвѣстіемъ для женскаго труда въ Петербургѣ, такъ-какъ при могущей возникнуть при этомъ конкуренціи, задѣльная плата, получаемая въ Петербургѣ женщиною, должна будетъ понизиться еще болѣе.

При томъ вопросѣ, котораго коснулся г. Карновичъ, нужно было опредѣлить число женскихъ рабочихъ рукъ въ Петербургѣ. Для этого г. Карновичъ употребилъ особый методъ. Изъ общаго числа петербургскаго женскаго населенія онъ отчислилъ такихъ обитательницъ Петербурга, которыя, по своему специальному положенію, не встрѣчаютъ надобности въ трудѣ, какъ единственномъ средствѣ къ жизни. Онъ отчислилъ и такъ-названныхъ имъ «официально-извѣстныхъ вѣтреницъ», а также приблизительно и, какъ кажется, въ удовлетворительномъ количествѣ, конечно приблизительно, и такихъ вѣтреницъ, которыя не входятъ въ упомянутый выше разрядъ. Онъ принялъ также за рабочую пору женщины возрастъ отъ 16-ти до 60-ти лѣтъ, отчисливъ изъ общей массы здѣшняго женскаго населенія, способнаго къ работѣ, такихъ женщинъ, которыя или не достигли еще 16-ти лѣтняго возраста, или перешли за 60 лѣтъ. Оказалось, что вслѣдъ всѣхъ этихъ исключеній все-таки живетъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, 100,000 такихъ женщинъ, которыя способны къ работѣ и для которыхъ она болѣе или менѣе составляетъ необходимую поддержку жизни.

Г. Карновичъ представилъ въ общемъ очеркъ печальное положеніе этой массы петербургскаго населенія. Онъ опровергалъ обыкновенно-господствующее мнѣніе, что простымъ женщинамъ легко переносить несчастія жизни и указывалъ на то, что всякое несчастіе отзывается еще сильнѣе тамъ, гдѣ къ нему присоединяются нужда и лишения. Говоря о несчастіяхъ и огорченіяхъ женщины или дѣвушки, онъ высказалъ, между прочимъ, ту мысль, что самая несчастная—та изъ нихъ, которая должна и хочетъ трудиться, но не находитъ для этого никакой возможности, такъ-что она, послѣ долгой и упорной нравственной борьбы, бываетъ нерѣдко принуждена, для поддержанія своего существованія, жертвовать своимъ добрымъ именемъ.

Въ вопросѣ о развитіи и организаціи женскаго труда, г. Карновичъ указывалъ на неумѣстность мечтаній объ идеальномъ счастьѣ женщины и на бесполезность отвлеченныхъ теорій по этому вопросу, находя, что его нужно разсматривать съ практической точки зрѣнія. Эта точка значительно отрезвляетъ умъ, и въ то же время заставляеть изучать статистику, которая иногда не бываетъ лишнею въ социальныхъ вопросахъ.

По окончаніи перваго чтенія, г. Карновичъ сообщилъ присутствовавшимъ программу своего втораго чтенія. Въ программу эту входятъ, между прочимъ, замѣчанія о положеніи петербургской актрисы и женщины, занимающейся литературными трудами, а также учительницы и гувернантки. Сюда также войдутъ свѣдѣнія о занятіяхъ инокъ здѣшняго монастыря и о работѣ жен-

ини въ городской тириѣ. Вообще нельзя не благодарить г. Карновича за предпринятые имъ чтенія; изъ нихъ наши интеллигенты могутъ, но крайней мѣрѣ, выучиться тому методу, которому должно слѣдовать при изученіи вопроса о женскомъ трудѣ.

Второе чтеніе г. Карновича началось свѣдѣніями о женщинахъ, работающихъ на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ. Число ихъ сравнительно съ числомъ общаго женскаго населенія въ Петербургѣ весьма незначительно, а именно: 3,195 взрослыхъ и 280 малолѣтнихъ, между тѣмъ какъ число фабричныхъ рабочихъ мужскаго пола простирается свыше 20,000. Въ Петербургѣ нѣтъ ни одной фабрики, на которой работали бы исключительно женщины; на всѣхъ фабричныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ лишь резиновой фабрики, число работниковъ превышаетъ число работницъ. Главнымъ образомъ петербургскія женщины заняты на бумагопрядильныхъ фабрикахъ. Г. Карновичъ представилъ общій очеркъ тѣхъ изъ фабричныхъ производствъ, въ которыхъ участвуютъ женщины, указавъ на удобства и неудобства, встрѣчающіяся при этихъ занятіяхъ.

Между тѣмъ изъ общаго числа 377 фабрикъ и заводовъ, дѣйствующихъ въ Петербургѣ, только 24 принадлежатъ лицамъ женскаго пола. Замѣтимъ, что женщины владѣютъ такими фабриками и заводами, производительность которыхъ должна скорѣе составлять занятіе лицъ мужскаго, нежели женскаго пола.

Говоря о женскомъ трудѣ на здѣшнихъ фабрикахъ, г. Карновичъ замѣтилъ, что въ отношеніи его нельзя принять никакой искусственной организаціи, такъ-какъ размѣръ фабричной производительности находится въ зависимости отъ постороннихъ обстоятельствъ.

Ремесленное населеніе Петербурга состоитъ изъ 43,884 душъ, на это число приходится только 4,713 женщинъ, между ними 1,469 мастерицъ, 1,737 подмастерицъ и 1,507 ученицъ. Первое мѣсто по своей численности занимаютъ модистки, которыхъ находится въ Петербургѣ 1,506. Въ большей части ремесленныхъ заведеній женщины работаютъ вмѣстѣ съ мужчинами. Отдѣльно отъ мужчинъ работаютъ только: цеховыя прачки, бѣлошвейки, золотошвейки и корсетницы.

Затѣмъ г. Карновичъ указалъ на размѣры жалованья, получаемого женщинами въ здѣшнихъ мастерскихъ. Оказывается, что самое большее жалованье получаютъ мастерицы у модистокъ, отъ 6 до 10 руб., затѣмъ у корсетницъ отъ 5 до 8 руб., у башмачницъ онѣ получаютъ отъ 5 до 7 руб., у бѣлошвейекъ отъ 3 до 8 руб. Г. Карновичъ указалъ, между прочимъ, на то, что дѣвушки, отдавая свои въ ученіе мастерству, прежде чѣмъ начать учиться, терять много времени находясь въ услуженіи или на вобѣгушкахъ у хозяина, такъ что онѣ не всѣ успеваютъ хорошо обучиться ремеслу въ концѣ контрактнаго срока.

Далѣе г. Карновичъ говорилъ о примѣненіи швейныхъ машинъ въ главной отрасли женскаго труда — къ работѣ иголкой. Изъ

приводимыхъ имъ свѣдѣній по этому вопросу видно, что машины, наведя сначала страхъ на женщинъ, занимающихся шитьемъ, не подорвали этого рода работы, а въ Англіи даже увеличили задѣльную плату швецкѣ. Что же касается Петербурга, то лекторъ замѣтилъ, что притокъ сюда швейныхъ машинъ увеличивается все болѣе и болѣе, но что еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго на счетъ того вліянія, какое онѣ будутъ имѣть въ Петербургѣ.

Перехода къ занятіямъ женщинъ внѣ фабрикъ и мастерскихъ, г. Карновичъ указалъ на такъ-называемыхъ въ Петербургѣ штучницъ, то-есть такихъ женщинъ, которыя или ходятъ только работать въ мастерскія поденно, или берутъ оттуда работу поштучно. Опредѣлять число такихъ штучницъ нѣтъ никакой возможности, такъ-какъ сообщить объ этомъ свѣдѣній не могутъ даже сами хозяева мастерскихъ, въ которыхъ штучницы получаютъ работу, потому что въ числѣ штучницъ происходитъ постоянное колебаніе и, кромѣ того, многія штучницы работаютъ разомъ въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Вообще же, по мнѣнію г. Карновича, до 91,712 женщинъ занимаются въ Петербургѣ или личными услугами, или руководѣльною работою на домахъ.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. Карновичемъ, оказывается, что самая выгодная работа штучницъ бываетъ по корсетному ремеслу. Хорошая мастерица, занимаясь кройкой и шитьемъ корсетовъ, можетъ выработать въ день до 2 руб. 50 коп. Такой поденной платы, какъ замѣтилъ г. Карновичъ, не получаютъ въ Петербургѣ учительницы и инныя актрисы. Корсетница получаетъ съ корсета отъ 70 до 75 коп.; работу эту чрезвычайно облегчаютъ и ускоряетъ швейная машина, такъ-какъ при шитьѣ корсетовъ требуются главнымъ образомъ прямыя стежки, быстро исполняемыя машиною, которая можетъ дѣлать до 600 стежекъ въ минуту. Къ сожалѣнію, и эта выгодная для женщинъ работа не можетъ развиться въ Петербургѣ въ значительной степени, потому что приготовленіе корсетовъ встрѣчается у насъ огромную конкуренцію съ парижскою производительностію по этой части. Поэтому, несмотря на легкость и выгоды, представляемыя при шитьѣ корсетовъ, здѣшнія мастерицы чувствуютъ большой недостатокъ въ работѣ и остаются иногда безъ дѣла.

Шитье женскихъ платьевъ, шляпокъ и салоновъ не представляетъ въ Петербургѣ занятій, выгодныхъ для штучницъ. За шитье платья штучница получаетъ отъ 2 до 5 рублей, но плату въ послѣднемъ размѣрѣ женщина получаетъ только за такую работу, для исполненія которой требуется нѣсколько дней, потому что шитье сопровождается отдѣлкой болѣе или менѣе роскошной, на которую надобно употребить немало усидчиваго труда. Съ салапа получаетъ штучница отъ 5 до 9 рублей, но и здѣсь требуется много времени, такъ что этотъ родъ шитья не представляетъ выгоды, если сообразить число рабочихъ часовъ съ получаемымъ вознагражденіемъ. Съ шляпки штучница получаетъ обыкновенно 1 рубль, рѣдко когда болѣе.

Вообще женскій трудъ въ здѣшнихъ мастерскихъ не представляетъ для женщинъ выгодныхъ заработковъ. Размѣръ этихъ заработковъ еще болѣе уменьшается, если женщины приходится работать не въ мастерскихъ, а для магазиновъ и по частнымъ заказамъ. Круглымъ числомъ можно положить, что при самой удачной работѣ женщина не изъ штучницъ можетъ заработать своимъ руководѣлемъ около 5 рублей въ мѣсяцъ.

Женскій домашній трудъ въ Петербургѣ имѣетъ, по замѣчанію г. Карновича, ту важность, что имъ занимаются не только женщины или дѣвушки изъ простонародья, но что въ немъ приносятся нескать средствъ для своего существованія и многія лица женскаго пола, принадлежащія къ образованному классу. Невозможность получить работу ставитъ нерѣдко этихъ лицъ въ самое отчаянное положеніе. Такъ г. Карновичъ, на основаніи свидѣній, собранныхъ имъ въ дѣлахъ одного изъ здѣшнихъ благотворительныхъ обществъ, указалъ на положеніе нѣкоторыхъ образованныхъ женщинъ и дѣвицъ, принужденныхъ жить единственно своими трудами.

Случается, что у трехъ сестеръ, живущихъ вмѣстѣ, бываетъ только одна пара башмаковъ, такъ что онѣ могутъ ходить за работою иначе, какъ поочередно. Былъ случай, что мать изъ привилегированнаго сословія, не имѣя возможности кормить сына, отнесла его въ воспитательный домъ, какъ незаконное дитя. Были два случая, что женщины принуждены были кормить грудью своихъ взрослыхъ дѣтей. Послѣ такихъ поразительныхъ примѣровъ, до которыхъ доводитъ бѣдность и невозможность для женщины принести себѣ работу, г. Карновичъ не нашелъ уже нужнымъ останавливаться на общихъ картинахъ бѣдности, замѣтивъ, что вообще здѣшнія образованныя женщины и дѣвушки, поставленныя въ необходимость жить ручною работою, жалуются на то, что имъ худо учили руководѣльмъ и что между тѣмъ другія отрасли занятій для нихъ недоступны.

Отъ домашнихъ занятій женщины г. Карновичъ перешелъ къ торговой дѣятельности петербургскихъ женщинъ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ еще представить въ настоящее время подробныхъ свидѣній о женской торговлѣ въ Петербургѣ въ малыхъ размѣрахъ, но и то, что было сказано имъ ибъ участіи здѣшнихъ представительницъ женскаго пола въ значительныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, представило женскую торговую дѣятельность въ новомъ, весьма любопытномъ видѣ, особенно въ отношеніи распредѣленія предметовъ торговли между занимающимися ею мужчинами и женщинами. Сооставленіемъ этихъ предметовъ, онъ опредѣлилъ существенную сторону затронутого имъ вопроса, указавъ на невообразность по распредѣленію коммерческихъ занятій въ Петербургѣ между лицами мужскаго и женскаго пола.

Изъ свидѣній, собранныхъ г. Карновичемъ, видно, что въ Петербургѣ торговлею, на правахъ двухъ первыхъ гилдій, зани-

нается 220 женщинъ, но что онѣ почти всѣ торгуютъ не предметами, подходящими къ женской обстановкѣ, какъ-то: матеріями, миткалями, кружевами, искусственными цвѣтами и т. п., но салными свѣчами, мѣдью, саблями, шпагами, веревками, бутылками, кирпичами, рогатымъ скотомъ, дѣтскимъ, кожами, тогда какъ мужчины захватили въ свои руки предметы женской производительности и женскихъ потребностей.

Замѣтную степень участія въ женской торговой дѣятельности въ Петербургѣ составляетъ винная продажа, которою занимаются 21 женщина. Между ними есть одна очень молодая титулованная дама, содержащая, какъ значится въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, питейныя заведенія въ разныхъ частяхъ города. Есть еще другая дама среднихъ лѣтъ, которая содержитъ въ Петербургѣ пять заведеній такого же рода. По поводу этого г. Карновичъ замѣтилъ, что, видно, петербургскихъ представительницъ прекраснаго пола коснулся не одинъ духъ нигилизма, но и духъ положительнаго направленія современной эпохи.

Добавимъ, что въ Петербургѣ почти вдвое болѣе нитейныхъ заведеній, содержимыхъ женщинами, нежели первоклассныхъ модныхъ магазиновъ, принадлежащихъ лицамъ женскаго пола. Притомъ изъ числа всѣхъ такихъ магазиновъ только одинъ принадлежитъ русской, а всѣ прочіе содержать двое русскихъ мужчинъ, иностранцы и иностранки.

Говоря объ иностранномъ вліяніи на развитіе женскаго труда въ Петербургѣ, г. Карновичъ указалъ, между прочимъ, на то, что сюда привозится въ годъ однихъ женскихъ головныхъ уборовъ на 45,000 руб., искусственныхъ цвѣтовъ слишкомъ на 100,000 рублей, корсетовъ, воротничковъ, нарукавниковъ на такую же сумму, готоваго бѣлья на 83,000, перчатокъ на 113,000 руб., такъ-что вообще Петербургъ въ пользу заграничной торговли расходуетъ ежегодно болѣе полутора миллиона рублей на такіе предметы, которые могли бы быть предметами мѣстной производительности.

Къ числу такихъ предметовъ надобно отнести дѣтскія игрушки, которыхъ привозится сюда въ годъ на 173,000 рублей изъ Парижа, гдѣ приготовленіемъ этихъ издѣлій заняты почти-исключительно женщины, и между прочимъ и лучшія модистки.

Вообще изъ чтеній г. Карновича видно, что иностранное вліяніе на развитіе женскаго труда въ Петербургѣ весьма сильно. Оно дѣйствуетъ на этотъ трудъ и посредствомъ торговыхъ оборотовъ, и посредствомъ лучшихъ магазиновъ, и мастерскихъ, существующихъ въ Петербургѣ подъ иностранными фирмами, въ которыхъ продаются издѣліями дамамъ разныхъ принадлежаний къ ихъ туалету издѣлія, приготовляемыя мѣстными иезависимы за весьма незначительную плату сравнительно съ той высокой цѣной, которая получается за эти издѣлія при продажѣ ихъ изъ мастерскихъ и магазиновъ, содержимыхъ въ Петербургѣ иностранцами обоаго пола.

Особенная несоразбность въ распредѣленіи занятій между

мужчинами и женщинами замѣчается въ Петербургѣ во торговлѣ въ магазиннахъ и лавкахъ. Здѣсь сплошь и рядомъ мы видимъ, что дюжій паренъ всю жизнь торгуетъ лештами, кринолинами, юбками и т. д., между тѣмъ, какъ женщины отстранены почти вовсе отъ продажи такихъ предметовъ. Коснувшись этого нежеланнаго предмета, г. Карновичъ разобралъ въ подробностяхъ тѣ причины, по которымъ обыкновенно предпочитаютъ мужчины женщинамъ при постоянныхъ занятіяхъ въ торговлѣ. Онъ указалъ на то, что такъ-называемое интересное положеніе женщины не можетъ служить препятствіемъ къ предоставленію ей постоянныхъ занятій, потому что не всякая женщина бываетъ въ такомъ положеніи; притомъ срокъ этого положенія, препятствующій трудиться женщиной, особенно привыкшей къ работѣ, вовсе не такъ продолжителенъ, какъ это обыкновенно полагаютъ. Г. Карновичъ добавилъ, что и за границей и здѣсь, въ Петербургѣ, женщины имѣютъ постоянныя занятія на фабрикахъ, которыя, конечно, такъ же нежелательна продажа матерій, цѣтвовъ, корсетовъ, и что между тѣмъ, вовсе не слышно жалобъ со стороны фабрикантовъ на интересное положеніе работницъ.

Ничто не затрудняетъ до такой степени общественнаго развитія, какъ ходячія, самая обыкновенныя воззрѣнія. Съ ними всего необходимѣе и всего труднѣе бороться; иной пустой нравственный аргументъ приходится оспаривать гораздо сильнѣе и настойчивѣе, нежели какой-нибудь болѣе или менѣе основательный взглядъ. Г. Карновичъ понялъ это, и потому коснувшись доводовъ общественныхъ моралистовъ о томъ, что женщина или дѣвушка, сѣвшая за прилавкомъ, подвергается легко соблазну посятителей, опровергъ негѣдность подобнаго опасенія, рассмотрѣвъ довольно подробно доводы, приводимые слишкомъ заботливыми моралистами.

Представивъ неотрадное положеніе женщины и дѣвушекъ, принужденныхъ жить въ Петербургѣ своими трудами, г. Карновичъ коснулся вопроса о томъ, что вообще можно пожелать возмужавшей на свѣтъ дѣвушкѣ. Онъ привелъ рядъ желаній, которыми обыкновенно ее напутствуютъ. Желанія эти начинаются поэтическими мечтами со стороны тѣхъ, которыя смотрятъ на женщину какъ на какую-то небожительницу, слегка прикасающуюся ко всему земному, и оканчиваются желаніемъ ей успѣховъ въ домашнемъ хозяйствѣ со стороны тѣхъ, которыя считаютъ исключительнымъ призваніемъ женщины заботы въ кухнѣ и кладовой.

Обращаясь къ будущей судьбѣ дѣвушки, г. Карновичъ пожелалъ ей съ своей стороны, чтобъ она, если нужно, была хорошей хозяйкой, но чтобы въ то же время она не забывала, что за стѣнами ея дома есть другой міръ, въ которомъ она, какъ гражданка, должна и можетъ имѣть долю участія. Онъ пожелалъ, чтобъ жизнь дѣвушки прошла въ радостяхъ, которыхъ ищетъ молодость, но чтобы она была въ то же время готова и на серьезный трудъ, котораго могутъ потребовать отъ нея семья и общество.

Говоря далѣе о возможности развитіи женскій трудъ, г. Карновичъ упомянулъ о томъ, что въ Петербургѣ съ нѣкотораго времени стали устраиваться женскія рабочія артели. Извѣстно, что у насъ находятся сильныя противники проявленія женскаго труда въ такомъ видѣ, которые утверждаютъ, что настоящее мѣсто женщины должно быть, не замѣствованному ими у французавъ выраженію, у «домашняго очага». Г. Карновичъ опровергалъ это воззрѣніе, указывая, между прочимъ, на то, что иныя самыя простыя женскія работы требуютъ раздѣленія труда, и что, поэтому, такого рода работы гораздо легче, и лучше могутъ быть исполнены сообща, нежели въ одиночку.

По замѣчанію г. Карновича, женскій трудъ поставленъ въ особыя условія въ монастыряхъ и тюрьмахъ. Что касается монастырей, то опредѣлявъ въ общихъ словахъ ихъ значеніе, г. Карновичъ замѣталъ, что въ настоящее время слѣдуетъ спросить о томъ, что преимущественно господствуетъ въ этихъ учрежденіяхъ: трудъ или богомольная праздность. Замѣтивъ, что женскій монашескій элементъ развитъ въ Петербургѣ гораздо болѣе, нежели обыкновенно это думаютъ (въ общей сложности во всей Россіи 1 монашеская приходится на 2,512 женщинъ православнаго исповѣданія, тогда-какъ въ Петербургѣ отношеніе это значительно измѣняется, а именно здѣсь 1 монашеская приходится на 1,348 женщинъ православнаго исповѣданія), г. Карновичъ перешелъ къ занятіямъ инокинь здѣшняго воскресенскаго монастыря. Оказывается, что въ этомъ монастырѣ преимущественно развито занятіе живописью. Этому искусству посвящаетъ свой досугъ почти десятая часть изъ всего числа монашескихъ. Между монашескими художницами есть дѣвушки 18 и 19 лѣтъ. Далѣе слѣдуетъ тканье ковровъ; кромѣ того монахини занимаются вышиваніемъ, башмачнымъ ремесломъ, золотошвейной работой, шитьемъ ризъ и замоченіемъ образовъ. Вообще въ монастырѣ замѣтно трудолюбіе.

Къ сожалѣнію, въ иномъ видѣ представляются работы женщинъ въ здѣшней городской тюрьмѣ. Арестантки, число которыхъ въ годъ простирается до 600, не имѣютъ никакихъ постоянныхъ занятій. Изъ нихъ только половина бываетъ занята время отъ времени шитьемъ бѣлья для арестантовъ и арестантокъ, получая за то такую скудную плату, что за отчисленіемъ изъ заработанной ими суммы денегъ на улучшеніе пищи, въ годъ приходится на каждую женщину около 55 копеекъ.

Г. Карновичъ упомянулъ о томъ нравственномъ вредѣ и о тѣхъ экономическихъ неудобствахъ, которыя должна влечь за собою праздная жизнь женщинъ въ тюрьмѣ. Онъ обратилъ вниманіе на необходимость организовать женскій тюремный трудъ, тѣмъ болѣе, что при новомъ порядкѣ судоустройства, тюрьмы наши будутъ мѣстомъ не только предварительнаго, но и карательнаго заключенія.

Какъ на особое, покровительствующее женскому труду учреж-

дене, г. Карновичъ указалъ на существующій въ Петербургѣ Дежидовскій домъ для призрѣнія трудящихся, гдѣ находятъ для себя работу до 150 лицъ женскаго пола преимущественно такихъ дѣвицъ, которыя остаются сиротами или находятся въ самомъ безпомощномъ положеніи. Вообще, по мнѣнію г. Карновича, учрежденіе въ Петербургѣ женскихъ общественныхъ рукодѣльнъ принесло бы немалую пользу для развитія женскаго труда въ здѣшней столицѣ.

Обращаясь къ такимъ занятіямъ, доступнымъ въ Петербургѣ женщинамъ, которыя требуютъ умственнаго развитія и образованія, г. Карновичъ указалъ на положеніе петербургской актрисы, гувернантки, учительницы и женщины, занимающихся литературными трудами.

Положеніе актрисы въ Петербургѣ весьма неблагоприятно, вслѣдствіе административнаго устройства здѣшнихъ театровъ, такъ какъ для актрисы нѣтъ возможности, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, переходить съ одной сцены на другую, и она поневолѣ должна покоряться силѣ обстоятельствъ, а иногда и совершенно оставлять избранное ею сценическое поприще, если не рѣшится испытать печальную жизнь провинціальной актрисы. Касаясь артистокъ здѣшней русской труппы, г. Карновичъ выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что онѣ, вслѣдствіе конкуренціи съ французской труппой, встрѣчаютъ весьма мало сочувствія въ той долѣ петербургскаго общества, которая всего лучше могла бы оказать покровительство и вниманіе ихъ дарованіямъ.

Особенно незавидно положеніе хористокъ и танцовщицъ кордебалета, которыя, получая по 15 рублей жалованья въ мѣсяцъ, обязаны постоянно участвовать въ спектакляхъ и быть на репетиціяхъ, такъ что онѣ не могутъ имѣть никакихъ другихъ занятій.

Участь здѣшнихъ учительницъ и гувернантокъ тоже не слишкомъ хороша. Имъ весьма много вредитъ приливъ иностранокъ, занимающихся въ Петербургѣ воспитаніемъ и обученіемъ, а также и то, что преподаваніемъ въ среднихъ и въ высшихъ классахъ здѣшнихъ, какъ казенныхъ такъ и частныхъ заведеній, завладѣли мужчины. При 18,222 дѣвицъ, обучающихся въ Петербургѣ, число лицъ женскаго пола, занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ, простирается только до 838. Трудность въ полученіи частныхъ уроковъ усилилась съ открытіемъ въ Петербургѣ женскихъ гимназій.

Занятіе уроками музыки представляетъ весьма скудные заработки. По расчету г. Карновича, учительница музыки, дающая уроки съ мѣсячной платой, получаетъ круглымъ числомъ за часовой урокъ отъ 10 до 20 копеекъ.

Сказавъ о правахъ женщины на участіе въ литературѣ, г. Карновичъ упомянулъ о томъ невыгодномъ для петербургскихъ писательницъ положеніи, въ которомъ находится наша современная литература, сосредоточиваемая теперь тоже исключительно

въ журналистикѣ, которая главнымъ образомъ составляетъ свои столбцы публицистикѣ. Публицистика, замѣтилъ г. Карновичъ, требуетъ извѣстной подготовки въ политико-экономическихъ наукахъ, а между тѣмъ науки этого рода недоступны еще женщинамъ не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Это обстоятельство лишаетъ здѣшнихъ дамъ и дѣвицъ возможности принимать болѣе дѣятельное участіе въ литературныхъ трудахъ, такъ какъ журналистика отводитъ весьма мало мѣста для такихъ произведеній, къ которымъ преимущественно способны женщины.

Какъ на возникновеніе въ Петербургѣ самостоятельной литературной дѣятельности женщинъ, г. Карновичъ указалъ на образовавшееся здѣсь недавно товарищество дамъ и дѣвицъ съ цѣлью издавать такія русскія книги, которыя способствовали бы къ умственному развитію дѣтей и къ распространенію знаний по историческимъ и естественнымъ наукамъ. Въ настоящее время товарищество это состоитъ изъ 40 лицъ женскаго пола и печатало уже до 10,000 экземпляровъ разныхъ сочиненій и переводовъ. Переводы поручаются исключительно женщинамъ. Участницы въ товариществѣ должны дѣлить прибыль отъ изданій соразмѣрно вкладамъ, внесеннымъ ими въ кассу товарищества.

Особымъ видомъ умственного и практическаго труда, доступнымъ женскому полу, г. Карновичъ считаетъ изученіе медицинскихъ наукъ съ цѣлью сдѣлаться врачами. Г. Карновичъ указалъ на необходимость имѣть женщинъ-врачей для больныхъ женскаго пола, вслѣдствіе понятной неохоты женщинъ, особенно въ случаѣ важныхъ женскихъ болѣзней, довѣряться врачамъ-мужчинамъ, такъ какъ здѣсь требуется большая откровенность.

По замѣчанію г. Карновича, главными препятствіями при изученіи женщинами и медицины, и при практическихъ занятіяхъ врачеваніемъ, считаютъ врожденную женскому полу стыдливость и нервическую слабость, свойственную женщинамъ.

Во опроверженіе этого г. Карновичъ замѣтилъ, что понятіе о женской стыдливости слишкомъ условно. Онъ сослался на то, что дама или дѣвушка является, не чувствуя стыда, въ многолюдное собраніе съ открытымъ бюстомъ, голыми плечами и руками, между тѣмъ, какъ она постыдится принять у себя въ домѣ самаго близкаго знакомаго мужчину въ такомъ видѣ. Онъ добавилъ, что на балахъ мужчина, вовсе почти незнакомый дамѣ, имѣетъ право брать ее за талію, между тѣмъ, какъ во всякомъ другомъ случаѣ такое привосновеніе къ порядочной женщинѣ было бы для нея чрезвычайнымъ оскорбленіемъ. Въ виду этого г. Карновичъ находитъ, что обществу въ болѣе важныхъ случаяхъ давно бы пора установить различіе между истинной и ложной женской стыдливостію (?).

Кромѣ того, г. Карновичъ указалъ еще и на то, что при существованіи исключительно врачей-мужчинъ, чувство женской стыдливости нарушается гораздо чаще и сильнѣе, нежели въ томъ случаѣ, еслибы нѣсколько дамъ и дѣвицъ занялись изуче-

нѣтъ медицины, а потомъ врачебною практикою около больницъ женщинъ.

Что касается слабости женскихъ нервъ, то господствующее объ этомъ мнѣніе г. Карновичъ опровергъ ссылкой на сестеръ крестоводвиженской общины, существующей въ Петербургѣ. Сестры этой общины, вызвавшись служить больнымъ и раненымъ, дѣлили, при севастопольскомъ разгромѣ, опасности наравнѣ съ мужчинами, не уступая имъ въ твердости духа. Въ настоящее же время онѣ уходомъ за больными доказываютъ, что женщина можетъ одолѣть врожденную ей слабость нервовъ, если она видитъ, что ея заботы приносятъ страдающимъ пользу и облегченіе. Сослаться въ этомъ случаѣ на грубость чувствъ нельзя, потому что многія изъ сестеръ крестоводвиженской общины, по рожденію и образованію имѣютъ полное право на мерзаческую слабость свѣтскихъ дамъ и свѣтскихъ барышень.

Общій выводъ г. Карновича былъ тотъ, что женскій трудъ въ Петербургѣ представляетъ весьма слабое развитіе въ тѣхъ отрасляхъ, которыя нынѣ открыты женщинамъ, и что, кромѣ того, для женщинъ недоступны многія занятія, на которыя онѣ имѣютъ право по своимъ физическимъ силамъ и умственнымъ способностямъ.

Въ заключеніе своего чтенія г. Карновичъ коснулся здѣшнихъ нигилистовъ. Онъ счелъ нужнымъ заговорить о нихъ потому, что, къ сожалѣнію, противники самостоятельнаго труда готовы видѣть въ каждомъ къ нему шагѣ зловерднй нигилизмъ. Не отвергая, что въ Петербургѣ могутъ существовать нигилистки въ полномъ смыслѣ и привести сдѣланный о нихъ отзывъ какою-то провинціальною дамою въ одной изъ московскихъ газетъ, г. Карновичъ замѣтилъ, что въ Петербургѣ дѣло дошло теперь до того, что только лишь дѣвушка возьмется за серьезную книгу, станетъ заниматься переплетнымъ ремесломъ, или сядетъ за прилавокъ въ книжномъ магазинѣ, какъ на нее извѣстные господа и госпожи указываютъ какъ на нигилистку, которая непременно рѣжетъ лагушекъ и якшется съ студентами.

Г. Карновичъ находить, что такое смѣшеніе вздорнаго нигилизма съ честными попытками къ самостоятельному труду, мѣшаетъ вѣрному взгляду на дѣло, и рождаетъ его въ общественномъ мнѣніи. Г. Карновичъ находить, что необходимо отличать неумѣстное увлеченіе представительницъ здѣшняго молодого женскаго поколѣнія отъ тѣхъ похвальныхъ стремленій къ труду и самостоятельности, которыя стали проявляться теперь въ среди того же поколѣнія.

Все это, какъ умышленное, такъ и легкомысленное смѣшеніе поштокъ къ развитію женскаго труда съ нигилизмомъ, г. Карновичъ приписываетъ тому переходному состоянію, въ которомъ находится современное наше общество. Онъ сравнилъ настоящее его положеніе съ положеніемъ странника, котораго застаютъ разсвѣтъ въ незнакомой ему мѣстности, и онъ не знаетъ куда ему

направиться, до тѣхъ поръ, пока солнечный восходъ не освѣтитъ ему дороги.

Пользуясь этимъ сравненіемъ, г. Карновичъ пожелалъ, «чтобы солнце истиннаго просвѣщенія взошло надъ нашей родиной, и чтобы при этомъ умственномъ разсвѣтѣ женщина воспользовалась тѣми дарами, которыми надѣлила ее природа, и которые люди сепариваютъ у нея. Онъ пожелалъ, чтобы трудъ женщины у насъ возрасталъ и процвѣталъ; а мы мужчины, заключилъ г. Карновичъ, мы, вожди умственныхъ и нравственныхъ силъ народа, преклонимся передъ тѣми женщинами, которыя своимъ честнымъ трудомъ внушаютъ намъ еще болѣе уваженія къ личности женщины»...

Несмотря на то, что г. Карновичъ кончилъ второе свое чтеніе, какъ истинный петиметръ новаго женскаго поволѣнія, мы должны прибавить отъ себя, что онъ сказалъ и много правды. Впрочемъ, мы старались передать чтенія г. Карновича въ возможной полнотѣ, безъ всякихъ, съ нашей стороны, замѣчаній.

О солнечныхъ пятнахъ. — Въ одномъ изъ номеровъ «Journal of Science» помѣщена статья сэра Джона Гершеля «О солнечныхъ пятнахъ» (*). Знаменитый англійскій астрономъ подробно изучилъ литературу этого замѣчательнаго вопроса, и такъ-какъ его мнѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія, то мы постараемся представить здѣсь взглядъ Гершеля на то, что было сдѣлано по этому предмету до послѣдняго времени. Солнечныя пятна, прежде нежели Фабрицій, Галилей и Шейнеръ положительно признали ихъ существованіе въ 1611 г., всегда обращали на себя вниманіе. Но только съ 1843 г. астрономы стали вести полный и непрерывный дневникъ всѣмъ ихъ измѣненіямъ, вслѣдствіе открытой г. Швабе періодичности этого явленія. Однакоже и въ прежніе годы было собрано множество интересныхъ извѣстій о величинѣ и формѣ солнечныхъ пятенъ, о ихъ тѣни (umbra), полутѣни (penumbra) и свѣтлыхъ волокнахъ (faculae), которыя обнаруживаютъ ихъ, сопутствуютъ имъ, или отдѣляются отъ нихъ. Солнечныя пятна можно видѣть очень просто. Для этого стоитъ только пропустить свѣтъ въ темную комнату съвозъ маленькое отверстіе ставни, и дать проникающимъ въ темноту лучамъ ударить въ листъ бѣлой бумаги. Такой способъ былъ употребленъ въ началѣ XVII вѣка Кеплеромъ, и онъ замѣтилъ два пятна, но принялъ одно изъ нихъ за проходившій будто бы по солнечному диску Меркурій. Въ настоящее время употребляютъ, конечно, для наблюдений оптическіе инструменты. Въ солнечныхъ пятнахъ замѣчаютъ, при помощи телескопа, двѣ весьма различныя степени темноты. Внутренняя или центральная тѣнь, умбра, называется обыкновенно чернымъ пятномъ, хотя она и не такъ темна, какъ тѣнь Венеры и

(*) «On the solar Spots», by Sir John Herschel. Эта статья предупредила позднѣйшія мнѣнія о солнечныхъ пятнахъ, которыя мы сообщимъ уже отчасти.

Меркурія въ періодъ ихъ прохожденія, или дискъ луны во время солнечныхъ затмѣній. Тѣнь эта не всегда, впрочемъ, окружается другою, слабѣйшей тѣнью, пенумброю, которая обыкновенно шире первой. Иногда совсѣмъ нѣтъ ея, но какъ скоро бываетъ она, то всегда рѣзко отдѣляется отъ центральной, густѣйшей тѣни. Это обстоятельство очень важно въ отношеніи къ физической теоріи пятенъ. Рѣзкое отдѣленіе двухъ тѣней другъ отъ друга совершенно противорѣчитъ идеѣ слиянія блестящаго газа или жидкости (фотосферы) съ прозрачною, но несвѣтлою атмосферою; напротивъ, оно согласно съ мыслью о соединеніи частей блестящей матеріи въ большія массы, висящія или движущіяся посреди несвѣтлой жидкости, на уровнѣ, *опредѣленною ихъ специфической тяжестью*. Чѣмъ бы ни была эта полутьня, газомъ, паромъ, жидкостью, или тѣмъ среднимъ веществомъ между жидкостью и паромъ, которое показали опыты Каньяра де-ла-Тура, но все же—если принять въ соображеніе чрезвычайно высокую температуру солнечной атмосферы и ея страшное давленіе на внутренній глобусъ солнца (допустивъ, что онъ дѣйствительно существуетъ)—эта пенумбра должна быть слѣдствіемъ самой могучей силы, присущей солнечной природѣ. Это мнѣніе подтверждается лучистыми волокнами полутьни, направленными всегда къ центру или отъ центра умбры и позволяющими сквозь разсѣлины, раздѣляющія ихъ другъ отъ друга, видѣть темный фонъ пятна, исполосованный ими. Г. Дэвсъ говорить, что каждое изъ этихъ волоконъ похоже на растянутое кольцо изрубленной соломы, а г. Несмитъ сравниваетъ ихъ съ новыми листьями, беспорядочно, крестъ-на-крестъ валоженными другъ на друга и расположенными радіусами въ пенумбрѣ, изъ которой, по его мнѣнію, состоитъ вся фотосфера. Большая часть наблюдателей, вслѣдъ за Уильямомъ Гершелемъ, признаютъ главную тѣнь отверстіемъ, сквозь которое видно темное тѣло солнечнаго глобуса, а г. Дэвсъ открылъ третью, еще болѣе опредѣляемую тѣнь, называемую *ядромъ* (nucleus) (*). Пенумбра замѣтно отдѣляется отъ блестящей фотосферы, хотя и не такъ рѣзко, какъ отъ ядра. Вся солнечная атмосфера состоитъ повидимому изъ трехъ слоевъ, находящихся между внѣшней, прозрачною атмосферою и центральнымъ тѣломъ солнца. Изъ нихъ два наружные слоя—блестящія, а третій, внутренній, видимъ вѣроятно вслѣдствіе отраженія свѣта. Каждый изъ этихъ трехъ покрововъ способенъ двигаться независимо отъ другихъ слоевъ, повинувъсь вліянію дѣйствующей на него связи или сверху силы, производящей въ фотосферѣ отверстія, надъ которыми, какъ скоро прекратится дѣйствіе этой силы, расширяется снова блестящая масса. Впрочемъ, надобно полагать, что даже въ центрахъ этихъ отверстій темнота не дѣйствительная, но только относительная, то-есть что и средина пятенъ свѣтла, но

(*) Въ прежней статьѣ мы назвали *ядромъ* внутренній шаръ или глобусъ солнца. Это не ошибка—можно и такъ сказать. Но здѣсь, для избѣжанія смѣшности понятій, мы не употребили этого слова въ прежнемъ значеніи.

только свѣтъ этотъ кажется тьмою потому, что онъ не въ состояніи выдержать ни малѣйшаго сравненія съ неизмовѣримымъ блескомъ окружающей его фотосферы. Еслибы совершенно потухла она, то солнечныя пятна вѣроятно показались бы намъ свѣтлѣе самаго яркаго огня нашихъ каминовъ. Непонятно, впрочемъ, какимъ образомъ поверхность солнечнаго шара (если только дѣйствительно есть такая опредѣленная поверхность) могла бы не раскалиться до бѣла, будучи окружена фотосферой столь высокой температуры. Потому-то удивительно, что шаръ этотъ такъ несвѣтелъ. Не поглощается ли свѣтъ его средою, состоящею изъ металлическихъ паровъ и разлитой между солнечнымъ глобусомъ и пенумброю? Замѣчено, что раскаленные, прозрачныя и бездѣйствительныя газы или жидкости не испускаютъ свѣта изъ своей внутренней части. Солнечныя пятна имѣютъ чрезвычайно неправильную форму. Впрочемъ, неправильность частей ихъ неодинакова. Nucleus или ядро пятна, болѣе кругло, нежели тѣнь, которая въ свою очередь правильнѣе полутѣни. Последняя бываетъ иногда растянута зигзагами и испещрена пятнышками разной величины, порою принимаетъ она видъ человѣческаго остова, скорпіона и т. д. Большія пятна бываютъ часто раздѣлены на четыре неравныя части мостами, или тремя узкими жилами, которыя блескомъ своимъ превосходятъ иногда фотосферу. Преимущественно же изъ пятенъ составляются группы, окруженныя изогнутыми и чрезвычайно блестящими нитями или волокнами (faculae). Онѣ лучше видимы *близъ* краевъ фотосфернаго диска, но никогда не обозначаются ясно на самыхъ краяхъ его, гдѣ поглощеніе солнечной атмосферы такъ сильно, что—по словамъ г. Шагорнава—свѣтъ ея становится почти вдвое слабѣе. Потому-то и не должно смѣшивать этихъ волоконъ съ каплями красноватаго пламени, которыя, въ видѣ вѣнца или ореола, являются вокругъ чернаго диска луны при полномъ затмѣніи солнца. Слѣдя за солнечными пятнами постоянно, день за день, наблюдатель замѣчаетъ большія перемены въ ихъ формѣ, величинѣ и относительномъ положеніи другъ къ другу. Они какъ-бы описываютъ круговую линію, повиная общему движенію, что зависить, конечно, отъ обращенія солнца вокругъ своей оси постоянно въ одномъ и томъ же направленіи. Немногія, и то преимущественно большія пятна, или группы ихъ остаются посреди фотосферы долѣе двухъ послѣдовательныхъ оборотовъ солнца. По три и по четыре раза возвращаются они очень рѣдко. Впрочемъ, г. Швабе видѣлъ въ 1840 г. восемь разъ одно и то же пятно, сдѣлавшее семь полныхъ оборотовъ въ промежутокъ времени отъ 11 мая до 16 ноября. Отдѣльныя пятна и маленькія группы ихъ такъ измѣняются въ нѣсколько дней, что трудно бываетъ узнать ихъ. Многія являются и пропадаютъ въ продолженіе одного оборота. Зараждающееся пятно походить на тѣ поры или крапинки, которыми испещрена поверхность фотосферы. Начиная расширяться, оно пріобрѣтаетъ темноту умбры, и форма его становится очень неправильна. Пенумбра является только въ то время, когда пятно сдѣлается довольно уже вели-

во. Это обстоятельство сильно говоритъ въ пользу происхожденія пятенъ отъ вліянія силы, дѣйствующей снизу вверхъ, или изнутри наружу. Исчезая, пятна дробятся, умбра уменьшается въ объемѣ и заволакивается пенумброю, которая въ свою очередь суживается и исчезаетъ. Исчезновеніе пятна совершится обыкновенно съ большей послѣдовательностью, нежели его образованіе. Формы и взаимныя положенія большихъ пятенъ или группъ очень измѣняются въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и пережъны эти съ каждымъ днемъ становятся замѣтнѣе. Профессоръ Вольфъ наблюдалъ 10-го марта 1861 г. пятно, которое въ теченіе 1 часа и 17 минутъ приняло совершенно другой, новый видъ. Если мы вспомнимъ, что одна секунда, то-есть $\frac{1}{3,600}$ градуса солнечной поверхности соответствуетъ 460 милямъ, а квадратная секунда (почти minimum видимаго съ земли пространства) больше 20,000 кв. миль, то нетрудно понять, что подобныя измѣненія пятенъ должны сопровождаться такимъ быстрымъ движеніемъ, о скорости котораго не могутъ дать ни малѣйшаго понятія самые бѣшеные ураганы. Потому-то эпитетъ «тягучая», употребляемый иногда для означенія жидкости, въ средѣ которой движется фотосфера, менѣе всего идетъ къ ней. Дэвсъ и Байртъ замѣтили, что полутѣнь порою вращается вокругъ центра пятенъ. Еще старинные астрономы, производившіе наблюденія надъ солнечными пятнами, говорили, что въ полярныхъ пространствахъ фотосферы никогда не бываетъ ихъ, и уже г. Шейнеръ объявилъ, что они появляются на 30 или 35 градусахъ широты по обѣимъ сторонамъ солнечнаго экватора. Это несомнѣно вѣрно—пятна показываются значительно ближе къ полюсамъ и къ экватору; но чаще всего образуются они на двухъ параллельныхъ кругахъ, отстоящихъ отъ экватора на 28 гр. Однакожъ, ни на одномъ изъ солнечныхъ меридіановъ не появляются они исключительно или даже преимущественно. Солнце не всегда бываетъ покрыто пятнами одинаково. Проходятъ иногда мѣсяцы, даже годы, а на немъ невидно ни одного пятна. Въ другое же время въ продолженіе мѣсяцевъ и цѣлыхъ лѣтъ оно бываетъ постоянно испещрено ими. Профессоръ астрономіи въ Цюрихѣ г. Вольфъ составилъ чрезвычайно замѣчательную таблицу эпохъ *уменьшенія* солнечной дѣятельности, которое обнаружилось недостаткомъ пятенъ, означивъ *интервалы* или число лѣтъ, отдѣлявшее эти эпохи другъ отъ друга.

Minima.	Интервалы. Годы.	Minima.	Интервалы. Годы.
1610.8	8.2	1733.5	11.5
1619.0	15.0	1745.0	10.7
1634.0	11.0	1755.7	10.8
1645.0	10.0	1766.5	9.3
1655.0	11.0	1775.8	9.0
1666.0	12.5	1784.8	13.7
1679.5		1798.5	

Minima.	Интервалы. Годы.	Minima.	Интервалы. Годы.
	10.0		12.0
1689.5	8.5	1810.5	12.7
1698.0	14.0	1823.2	10.2
1712.0	11.0	1833.8	10.0
1723.0	10.5	1844.0	12.2
1733.5		1856.2	

Вообще периоды, отдѣляющіе другъ отъ друга самыя крайнія уменьшенія солнечныхъ пятенъ, полагаются среднимъ числомъ въ 11,11 лѣтъ. Посреди каждаго изъ этихъ периодовъ, раздѣленныхъ на двѣ неравныя части: 4.77 г. и 6.34 лѣтъ, солнечныя пятна являютъся въ наибольшемъ количествѣ. Что же касается обилія и недостатка ихъ въ продолженіе годичнаго срока, то вообще они формируются отъ сентября до января въ большемъ числѣ, сравнительно съ другими мѣсяцами.

Замѣчено также, что характеръ уклоненій магнитной стрѣлки и сила сѣверныхъ сіяній имѣютъ тѣсную связь съ одиннадцати-лѣтними интервалами солнечныхъ пятенъ. Когда профессоръ Фирлией сообщилъ сдѣланныя имъ наблюденія надъ очень замѣчательнымъ пятномъ, которое, появляясь три раза, совершало свой круговой путь въ 25—26 дней, то эта неравномѣрность его появленій заставила предположить независимое отъ оборотовъ солнечнаго шара вокругъ своей оси, собственное движеніе пятенъ въ вѣдѣ сѣ окружающей ихъ атмосферой. Дальнѣйшія наблюденія повели къ открытію законовъ ея теченій. Около того же времени явился гипотеза о происхожденіи пятенъ вслѣдствіе правильныхъ солнечныхъ вѣтровъ, которые, будучи тождественны съ нашими пассатными вѣтрами, происходятъ отъ различной степени выдѣленія тепла въ экваторіальномъ и полярныхъ пространствахъ, отчего, слѣдовательно, и должна быть различная температура въ солнечной фотосферѣ. Гипотеза эта основана на распространеніи пятенъ въ двухъ тропическихъ кругахъ, посреди которыхъ лежитъ лишенный пятенъ экваторіальный поясъ. Г. Каррингтонъ замѣтилъ, что за 20⁰ сѣверной и южной широты съ 1856 г. не являлось пятенъ, тогда какъ въ ближайшемъ разстояніи отъ экватора все больше и больше формировались они. Такъ продолжалось до окончанія періода ихъ уменьшенія. Вслѣдъ затѣмъ произошла внезапная и рѣшительная перемѣна. Пятна исчезли съ круговъ, близкихъ къ экватору, и появились за широтою выше 20 градусовъ. Этотъ фактъ, дополненный дальнѣйшими наблюденіями, заставилъ предположить, что періоды обращенія фотосферы удлиняются вмѣстѣ съ широтами, что вокругъ экватора движется она быстрѣе, нежели около полюсовъ, и что разность эта не менѣе 5,99 дней. Сэръ Джонъ Гершель полагаетъ, что если внутренній шаръ солнца, о движеніи котораго ничего неизвѣстно, совершаетъ полный оборотъ около своей оси въ кратчайшій изъ двухъ периодовъ, именно въ 24,97 дня, то солнечный экваторъ и окружающая

его фотосфера должны находиться въ повѣѣ относительно другъ друга. Въмѣстѣ съ увеличеніемъ широты, фотосфера, обращаясь все медленнѣй и медленнѣй, должна все больше и больше отставать отъ поверхности солнечнаго тѣла. Вслѣдствіе этого должно произойти атмосферное теченіе, въ родѣ нашего восточнаго вѣтра, и быстрота его на солнечной широтѣ 52°49, то-есть тамъ, гдѣ переставтъ формироваться пятна, будетъ равна 357 милямъ въ часъ. Такое же взаимное отношеніе находится между землею и окружающею ее атмосферой. Воздухъ покоенъ на экваторѣ, но по мѣрѣ удаленія отъ него начинаютъ усиливаться сѣверо-восточные и юго-восточные вѣтры, не достигая конечно 53° широты. Вѣроятно полярныя теченія фотосферы, направленные къ солнечному экватору, совершаются въ ея нижнемъ слою, составляя полутьнѣ пятенъ. Самыя же пятна суть тѣ мѣста, гдѣ останавливаются нижніе притоки и приходятъ въ вихреобразное состояніе. Поэтому температура экваторіальной атмосферы должна быть, кажется, ниже полярной, вслѣдствіе большаго выдѣленія изъ нея тепла. Еслиже внутренній шаръ солнца совершаетъ свой полный оборотъ въ болѣе медленный изъ двухъ періодовъ, именно въ 30,⁸⁸ дней, въ такомъ случаѣ фотосфера должна вообще вращаться быстрѣй его, а потому на всей поверхности солнечнаго глобуса долженъ преобладать постоянно западный вѣтеръ, усиливающийся отъ 10 при полюсахъ до 880 миль въ часъ на экваторѣ (*): Эту страшную быстроту внѣшней матеріи, какова бы ни была ея плотность, можно принять, на основаніи теоріи тренія, за *vis viva*, живую силу солнечнаго жара. Но, конечно, причина эта неполнѣ объясняетъ слѣдствіе, и происхожденіе солнечнаго жара все-таки остается для науки загадкою.

● **О СКОРОСТИ СВѢТА.** — Въ «*Annuaire du Bureau des Longitudes*» 1865 г. помѣщена статья г. Делоне «О скорости свѣта». Она вочень замѣчательна по своему отношенію къ современной астрономіи. Ученый авторъ обратилъ вниманіе на слѣдующія стороны этого вопроса: опредѣленіе быстроты свѣта Рёмеромъ, подтвержденіе взгляда Рёмера открытіемъ аберраціи Брадлея. Экспериментальный проектъ быстроты свѣта, предложенный Араго, измѣреніе скорости Физо, реализація проекта Араго посредствомъ опытовъ Фуко, Физо и Бреге, измѣреніе скорости Фуко, и статьи, написанныя имъ по этому предмету. Авторъ указываетъ на причины ошибки въ двухъ мето-

(*) Въ обоихъ случаяхъ говорится, конечно, о географическихъ миляхъ. Въ каждой изъ нихъ по 7 верстѣ. Слѣдовательно, разность въ быстротѣ между движеніями поверхности солнечнаго шара и окружающею его фотосферы, которая вертится вокругъ своей оси въ одномъ направленіи, но не съ одинаковою скоростью, должна равняться въ первомъ случаѣ 2,400 верстамъ въ часъ, или 847 саженамъ въ секунду, а во второмъ — 6,160 верстамъ въ часъ, или 855 саженамъ въ секунду. Пушечное ядро пролетаетъ въ секунду 357 сажень — сравните.

дахъ, предложенныхъ г. Фузо и Физо для опредѣленія скорости свѣта, надѣясь, что г. Фузо дополнитъ свое сочиненіе, изучивъ вліяніе причинъ этой ошибки, и произведетъ болѣе вѣрные измѣренія. Онъ полагаетъ, что этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ соединеніемъ обоихъ методовъ, взаимно контролирующаго другъ друга. Замѣтимъ, что по вычисленіямъ Рѣмера свѣтъ проходитъ 280,000 верстъ въ секунду. Опыты же Физо доказываютъ, что скорость свѣта равняется 289,824 верстамъ въ ту же единицу времени. Отъ солнца до земли достигаетъ свѣтъ въ 8 минутъ 13 секундъ.

Смерть Мак-Ли. — Близъ Сиднея, въ Новомъ-Южномъ-Валлисѣ, умеръ 25-го января весьма замѣчательный натуралистъ Уилльямъ Шарпъ Мак-Ли (M'Leay). Его сочиненія произвели, 40 лѣтъ назадъ тому, совершенный переворотъ въ мнѣніи зоологовъ. Онъ первый указалъ на близкое сходство между животными, основанное на ихъ средствѣхъ, и назвалъ сходные признаки *аналогіями*. Сознавши невозможность провести родственную связь по прямой линіи, онъ усвоилъ круговую систему, которую развилъ съ удивительнымъ искусствомъ въ «*Notae Entomologicae*» и дополнилъ многими статьями, помѣщенными въ «*Transactions of the Linnean Society*» и въ «*Zoological Journal*». Система его была принята знаменитыми натуралистами, какъ напримѣръ, г. Вигорсомъ въ орнитологіи, докторомъ Горсфильдомъ въ чешуекрылыхъ, и особенно г. Свенсономъ. Старааясь способствовать уничтоженію торговли невольниками, г. Мак-Ли переселился на островъ Кубу и посвятилъ нѣсколько лѣтъ на этотъ благородный трудъ. Тамъ составилъ онъ большую коллекцію насѣкомыхъ, которую перевезъ потомъ въ Австралію. Хотя въ послѣдніе годы онъ ничего не печаталъ, но заготовилъ много матеріаловъ для посмертнаго изданія, особенно объ австралійскихъ насѣкомыхъ.

— Въ «*Courrier des Sciences*» помѣщено нѣсколько извѣстій о животныхъ, которыя находятся въ парижскомъ зоологическомъ саду. Несмотря на крупъ, главную болѣзнь змѣй, черный тритонцефалъ, пріобрѣтенный въ 1842 г., все еще живъ. Три большія лягушки, на которыхъ любятъ тамъ обращать вниманіе посѣтителей, и рѣчная черепаха продолжаютъ пользоваться удовлетворительнымъ здоровьемъ слишкомъ восемь лѣтъ. Нѣсколько пнеоновъ, имѣвшихъ, 4 года назадъ, когда вылупились они изъ яицъ, не больше 12 вершковъ длины, вытянулись теперь отъ 3 до 5 аршинъ. Южно-американскій борокдилъ, бывшій въ 1857 г. короче полуаршина, сталъ теперь слишкомъ вчетверо больше.

Млекопитающія Мадагаскара. — Книга г. Мак-Леода «Мадагаскаръ и его жители», содержаніе которой будетъ разсказано подъ рубрикою «Иностранная литература», имѣя чисто-историческій характеръ, не даетъ ни малѣйшаго понятія о физической природѣ этого острова. Потому-то мы считаемъ

неизвѣстнымъ пополнить отчасти этотъ недостатокъ статью г. Склетера: «Млекопитающіа Мадагаскара». Она помѣщена въ «Journal of Science» и очень замѣчательна въ теоретическомъ отношеніи. Авторъ ея, секретарь лондонскаго зоологическаго общества, говоритъ, что страны, ближайшія другъ къ другу, имѣють, по флорѣ и фаунѣ, несравненно болѣе сходства между собою, нежели земли, раздѣленныя большимъ пространствомъ. По отношенію къ зоологін, земной шаръ раздѣляется на шесть частей: 1) Неотропическую, къ которой принадлежатъ Южная Америка, Мексика и Вест-Индіа, 2) Неоарктическую — остальная Америка, 3) Палеарктическую — Европа, сѣверная Африка и сѣверная Азія, 4) Эоіопскую — остальная Африка, Аравія и Мадагаскаръ, 5) Индійскую — южная Азія и западная половина Малайскаго архипелага, Австралія и острова Тихаго океана. Мадагаскаръ, отнесенный къ эоіопской части, отдѣленъ отъ юго-восточной Африки проливомъ, который мѣстами нешире 200 миль, и притомъ въ этихъ промежуткахъ находится много небольшихъ острововъ. Казалось бы, что на немъ должна быть распространена фауна чисто-африканскаго типа, однако же на дѣлѣ совсѣмъ не такъ выходитъ. Хоботныхъ, жвачущихъ и толстокожихъ, которыми такъ богата эоіопская фауна, совсѣмъ нѣтъ на Мадагаскарѣ. Большею плотоядныхъ также не водится на этомъ островѣ, тогда какъ Африка изобилуетъ ими. Наконецъ тамъ не существуетъ и тѣхъ высоко-организованныхъ четверорукыхъ, которыми населены африканскіе лѣса. Ихъ замѣняютъ на Мадагаскарѣ *лемуры*, сравнительно низшее семейство обезьянъ. По изслѣдованіямъ натуралистовъ Поллена, Станзена, Бернье, Гудо, Русо и Петерса, тамъ живетъ только 49 видовъ млекопитающихъ, и почти три-пятыхъ этого числа составляетъ семейство лемуровъ. Подобнаго факта нѣтъ ни въ одной изъ другихъ странъ. Сверхъ того изъ 28 видовъ этихъ животныхъ, только 12 находятся въ Африкѣ и не болѣе 3 въ Индіи. Мадагаскарскіе лемуры, которыхъ нѣтъ въ двухъ помянутыхъ странахъ, отличаются тѣмъ, что у нихъ по пяти коренныхъ зубовъ съ каждой стороны, и вмѣсто четырехъ, только два передніе зуба въ нижней челюсти. За ними слѣдуетъ извѣстный Ай-Ай, котораго Овенъ относитъ къ порядку лемуровъ. Летучихъ мышей или рукокрылыхъ на Мадагаскарѣ только пять видовъ, и два изъ нихъ, плодѣды, принадлежатъ не къ африканскому, но къ индійскому отдѣлу этой группы, а три, насѣкомоѣды, не представляютъ близкаго сродства съ рукокрылыми другихъ странъ. Наконецъ докторъ Петерсъ доказалъ, что мадагаскарскіе ежи имѣють самое близкое отношеніе къ роду *Solenodon*, который существуетъ только въ Вест-Индіи. Ссылаясь на эти факты, на отсутствіе собакьихъ и кошачьихъ семействъ, также антилопъ, буйволовъ, жирафовъ, зебръ, носороговъ, гипопотамовъ, и на родовое единство между мадагаскарскими и американскими змѣями и насѣкомыми, г. Склетеръ приходитъ къ заключенію, что африканскій материкъ нахо-

длился подь водою въ то время, когда Ост-Индія была соединена съ восточной Америкою цѣпью острововъ, одна часть которыхъ вошла потомъ въ составъ теперешняго континента Африки, а другая слилась съ южной Азіею, и что Мадагаскаръ и Маскаренскіе острова представляютъ древнѣйшія звенья этой длинной цѣпи, пощаженыя мировыми геологическими переворотами.

— Во Франціи назначена премія въ 5,000 фр. за изобрѣтеніе лучшаго аэростата. Французы хотять замѣнить шаръ воздухоплавательной машиною, тогда какъ англичане продолжаютъ придерживаться шара.

— Въ Лондонѣ будетъ скоро изданъ г-мъ Вамбери «Джагатай», или восточно-туркскій лексиконъ, подь редакціею азіятскаго общества. Въ него войдутъ нарѣчія племенъ, обитающихъ за восточной границею турецкой имперіи: туркменовъ, бухарцевъ, хивинцевъ и коканцевъ. Основательное знаніе этихъ языковъ дастъ возможность европейскимъ ориенталистамъ разсѣять туманъ, покрывающій исторію этихъ націй, которыя играли нѣкогда столь важную роль въ судьбахъ человѣчества.

— Прусскій артиллеристъ капитанъ Шульце, получилъ привилегію на изобрѣтенный имъ порохъ. Онъ состоитъ преимущественно изъ дерева, пскрошеннаго чрезвычайно мелко и лишенаго всѣхъ составныхъ частей своихъ, за исключеніемъ клѣточекъ, насыщенныхъ химическимъ составомъ. Утверждаютъ, что сила этого пороха равняется силѣ пушечнаго хлопка, не имѣя однако же невыгодныхъ его качествъ.

Раздѣленія христіанства. — Г. Ффульксъ издалъ книгу подь заглавіемъ «Раздѣленія христіанства» (*). Онъ говоритъ въ предисловіи: «На основаніи греческой теоріи, таинство брещенія только тогда дѣйствительно, когда совершаютъ его по обрядамъ греческой церкви. Въ такомъ случаѣ католики и протестанты не могутъ даже называться христіанами». Эти слова удивили «Athenaeum». Онъ ссылается на «Загѣчанія и вопросы» г. Дентона, гдѣ сказано, что одинъ англійскій пасторъ, усомнившійся въ непогрѣшительности обрядовъ своей церкви, отнесся къ русскому святѣйшему синоду съ просьбою совершить надъ нимъ таинство брещенія. Синодъ отвѣчалъ, что онъ не сомнѣвается въ дѣйствительности его брещенія, а потому и не можетъ перебрестить его. Таковъ же былъ отвѣтъ и московскаго митрополита. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, англійскій пасторъ посѣтилъ Сербію. Тамашній митрополитъ, признавая его духовнымъ лицомъ, ввелъ съ собою въ алтарь, прощаясь, благословилъ его, какъ священника, и потомъ адресовалъ ему письма, какъ къ священнику. Другіе православные епископы поступили съ нимъ такъ же. Перепечатавъ этотъ разсказъ г. Дентона, «Athenaeum» требуетъ, чтобы

(*) Christendom's Divisions.

г. Фульдсъ объявилъ, почему думаетъ онъ, что православная церковь отвергаетъ дѣйствительность англійскаго крещенія и не признаетъ будто бы духовной іерархіи англійанской церкви. Еслибы сотрудникъ «Аthenaeum'a» зналъ положительо, что православная церковь, принимая въ нѣдра свои христіанъ другихъ вѣроисповѣданій, никогда не перекрещиваетъ ихъ, онъ опровергъ бы неправильное мнѣніе г. Фульдса, не требуя отъ него никакихъ доказательствъ.

Экспедиція къ сѣверному полюсу. — Мы говорили уже, что въ одномъ изъ засѣданій лондонскаго географическаго общества было прочтено письмо г. Петермана къ сэру Мурчисону по поводу предстоящей экспедиціи къ сѣверному полюсу. Г. Петерманъ старается доbazать, что полярное море въ высшихъ градусахъ широты не замерзаетъ, и что вѣрнѣйшій путь къ полюсу лежитъ мимо Шпицбергена. Это письмо было потомъ причиною диспута между членами географическаго общества, который замѣчательнъ особенно тѣмъ, что въ немъ принимали участіе опытные, практическіе люди, бывавшіе въ полярныхъ странахъ во время прежнихъ экспедицій. Адмиралъ сэръ Джорджъ Багъ сказалъ, что хотя между Новой-Землею и Шпицбергеномъ существуетъ, можетъ быть, морское теченіе, направленное къ сѣверу, что Шпицбергець, отстоя отъ Англій на 1,200 миль, доступенъ съ ранняго лѣта до поздней осени, что на немъ есть удобныя гавани, водятся олени, зайцы и множество птицъ—однакоже при всемъ этомъ нельзя сказать заранѣе, какъ далеко на сѣверъ можетъ проникнуть пароходъ этой дорогою. Въ 1818 г. онъ сопутствовалъ Франклину и Бичю во время первой полярной экспедиціи XIX вѣка, и несмотря на самыя энергическія усилія, они не могли пробраться далѣе 80° 30'. Тамъ плавали льдины, имѣвшія по пяти миль въ діаметръ и толщиною въ шесть саженъ, выходя изъ воды не болѣе, какъ на два вершка. Три мѣсяца хлопотали они о томъ, чтобы пробиться съвозъ этотъ ледъ, но не могли ничего сдѣлать. Наконецъ, у береговъ Гренландіи ихъ встрѣтила сплошная масса льда и принудила возвратиться въ Англію. Г. Багъ объявилъ, что онъ рѣшительно противъ направленія экспедиціи съ западной стороны Шпицбергена и высказалъ мнѣніе въ пользу пути Смитовымъ проливомъ. Адмиралъ сэръ Эдуардъ Бельчеръ не согласился съ нимъ. По его мнѣнію, ошибка помянутой экспедиціи заключалась въ томъ, что англичане держались слишкомъ близко Гренландіи. Онъ усомнился въ успѣхъ предпріятія, если будутъ предпочтены Девисовъ и Смитовъ проливы. Что же касается санной системы, входящей въ проектъ г. Осборна, то очень сомнительно, будетъ ли она пригодна. Если на полозья поставятся люди, способныя въ случаѣ надобности къ плаванію въ открытой водѣ, то надобно припомнить слова Джемса Росса, что ихъ почти невозможно вытаскать изъ снѣгу, если онѣ завязнутъ въ немъ. Сэръ Бельчеръ встрѣтилъ барона Врангеля въ Петропавловскѣ, въ 1826 г., во время поѣздки на саняхъ, запрещен-

ныхъ собаками, и его простое замѣчаніе: «Что пришлось бы намъ дѣлать при встрѣчѣ съ открытымъ моремъ?» имѣеть общее значеніе для всѣхъ санныхъ проектовъ. Еслиже корабли пойдутъ къ Шпицбергену, то, при неудачѣ, они могутъ вернуться и приготовить къ новой экспедиціи въ этотъ же годъ, какъ сдѣлалъ это Россъ; въ случаѣ же успѣха, имъ можно будетъ достичь полюса и возвратиться въ Англію въ полтора мѣсяца. Адмиралъ Коллинсонъ сказалъ, что вопросъ объ открытомъ полярномъ морѣ былъ поднятъ замѣчательной экспедиціею барона Врангеля съ азиатскаго берега и подтвержденъ впоследствии другими изысканіями. На море ли это?—вотъ вопросъ. Можетъ быть, это—просто широкіи полынни. Въ Гэтсгидскомъ зундѣ сани г. Коллинсона увязли, и онъ принужденъ былъ вернуться, убѣдясь, что открытаго моря нигдѣ невидно. Зимой, въ періодъ своего образованія, ледъ занимаетъ больше пространства, нежели впоследствии, когда уже сформировался онъ. Потому-то, продолжая въ зимнюю пору идти отъ полюсовъ, онъ не оставляетъ за собою открытаго моря. Г. Коллинсонъ напомнилъ, что хотя Россу удалось пробиться сквозь ледъ и достигнуть Шпицбергена, но на 78° широты онъ все-таки встрѣтилъ ледяную стѣну. Основываясь на этихъ данныхъ, ораторъ отдалъ преимущество дорогѣ по Смитову проливу. Адмиралъ Омманей, напротивъ, вполне соглашался съ проектомъ г. Петермана, совѣтуя сдѣлать Шпицбергенъ операціоннымъ базисомъ экспедиціи. Не проходитъ года, сказалъ онъ, чтобы не погибло хотя одного изъ китоловныхъ судовъ, которыя пытаются пройти въ Смитовъ зундъ Девисовымъ проливомъ. Притомъ же, по отношенію къ научнымъ результатамъ, путешествіе на саняхъ не можетъ выдержать сравненія съ корабельной экспедиціею. Шведское правительство организовало ученую семью для съемки плановъ съ Шпицбергена, и говорятъ, что эти изслѣдователи готовятся при первомъ случаѣ предпринять выѣздку къ полюсу. Англія не должна никому уступать въ этомъ дѣлѣ первенства. Адмиралъ Фиррей объявилъ, что онъ со времени Парри, Сабейна и другихъ мореплавателей, постоянно, впродолженіе сорока лѣтъ, слѣдилъ за этимъ дѣломъ и убѣдился, что къ полюсу стремятся преимущественно сѣверо-западнымъ путемъ, оставляя безъ вниманія то, что было сдѣлано прежде голландскими, англійскими и русскими мореходцами, которые въ теченіе трехъ предшествовавшихъ столѣтій избирали восточный путь и очень близко къ полюсу. Барригтонъ и Бьюфой сообщили въ 1818 году весьма правдоподобныя извѣстія о голландскихъ морякахъ, которые такъ далеко углубились на сѣверъ, что находились въ двухъ или трехъ градусахъ отъ полюса. Тамъ нашли они открытое море, сравнительно теплой температуры. Былъ даже случай, что голландскій корабль прошелъ два градуса за полюсъ. Г. Фиррей сказалъ наконецъ, что предпочелъ бы путь на Шпицбергенъ. Капитанъ Мори защищалъ, напротивъ, дорогу Смитовымъ проливомъ и указывалъ на выгоды саннаго путешествія. Ему возражалъ капитанъ Ричардсъ. Допустивъ, что г. Осборну удалось бы доѣхать на са-

нихъ до полюса, онъ спросилъ: какую же пользу принесло бы такое путешествие? Достигли бы сѣвернаго полюса, потомъ воротились бы—вотъ и все. На саняхъ можно дѣлать миль во семь въ день, и сидя въ нихъ, видѣть небольшое пространство по сторонамъ дороги. Корабль же можетъ плыть по 100 миль въ сутки, можетъ принимать разныя направленія, необходимыя для полнѣйшаго изслѣдованія этой обширной мѣстности, и сверхъ того на немъ могутъ находиться ученые люди со всѣми вспомогательными средствами, которыхъ потребуютъ ихъ спеціальныя занятія. Онъ полагалъ, что въ настоящее время ни одинъ здравомыслящій человекъ не пойдетъ къ сѣверному полюсу Бафиновымъ заливомъ, или Смитовымъ заливомъ, потому что къ нему одна дорога—открытое море между Гренландіею и Шницбергеномъ. Еслибы ему ввѣрили начальство надъ полярною экспедиціею хоть завтра же—онъ пошелъ бы рѣшительно отъ Шницбергена.

Лондонскій оперный сезонъ. — Лондонскій оперный сезонъ открылся «Фаустомъ», 30-го марта, въ Ковен-Гарденѣ. Забѣлательно, что произведеніемъ того же композитора, г. Гуно, заключилась тамъ — какъ мы говорили уже — комическая опера. Особенно удачно были исполнены роли Маргариты, Зибеля и Фауста. Въ первой дебютировала совершенно неизвѣстная англичанамъ, даже по имени, г-жа Берини. Говорятъ, она была ангажирована вслѣдствіе фурора, произведеннаго ею въ Парижѣ, когда давали тамъ «Волшебную Флейту» Моцарта. Голосъ ея не совсѣмъ свѣжъ, но довольно приятенъ, силенъ и хорошо вработанъ. Ее приняли очень благосклонно. Особенно же понравилась англичанамъ г-жа Оноре, меззо-вогано, въ роли Зибеля. На афишѣ было напечатано, что она перенеслась въ Лондонъ со сцены московскаго театра «from the Imperial Opera at Moscow». Чрезвычайно мягкій, симпатичный голосъ и благородная игра г-жи Оноре произвели на публику очень приятное впечатлѣніе. Этотъ талантъ считать «приобрѣтеніемъ». Маріо былъ неожиданно хорошъ. Во время сцены въ саду, гдѣ пѣлъ онъ съ глубокимъ чувствомъ, дились тѣ страстные, трететные звуки, которые и двадцать лѣтъ назадъ тому едва-ли дѣйствовали сильнѣе на нервы слушателей. Казалось, эти длинные годы промчались надъ Маріо, не коснувшись механическихъ средствъ его таланта. Къ несчастію, приятное заблужденіе было непродолжительно. Черезъ двѣ недѣли давали въ Геймаркетѣ «Пророка», и тутъ-то обнаружилось, какъ разрушительно подѣйствовало время на этотъ нѣкогда чудный голосъ. Извѣстно, что Мейерберъ считаетъ пѣвцовъ инструментами, въ родѣ кларнетовъ и тромбоновъ. Онъ требуетъ всѣхъ силъ голоса, онъ нисколько не щадитъ его. Потому-то со стороны г-на Маріо было непростительно взятыя за дѣло самоуничтоженія. Природа лишила его той магической силы, которую прежде владѣлъ онъ. Въ его голосѣ нѣтъ прежней силы, необходимой для этой роли. Маріо чувствуетъ, безъ сомнѣнія, свою слабость, онъ убѣж-

день въ неуспѣхѣ, знаетъ, что дѣйствительное впечатлѣніе сильнѣйшій воспоминаній — и не жалѣетъ разрушать ихъ. Этотъ недостатокъ сожалѣнія къ самому себѣ — не говоря уже о слушателяхъ — тѣмъ болѣе непростителенъ, что Маріо можетъ еще пѣть почти такъ же хорошо, какъ пѣвалъ въ былое время, но не въ тѣхъ операхъ, гдѣ композиторъ слишкомъ рассчитывалъ на силу голоса. Мы знаемъ, какъ снисходительны англичане къ талантамъ, которые дарили имъ свѣтлыя минуты въ жизни, давая уразумѣть высокое значеніе искусства. Они аплодировали Гризи послѣ того, какъ въ Мадридѣ забросали ее гнилыми апельсинами. Но нельзя же утаить правды — и она высказана англійскими журналами. Маріо былъ очень слабъ вездѣ, гдѣ требовался сильный голосъ. Это было не пѣніе, но какая-то странная борьба съ природою. И сколько разъ ни возобновлялась она — Маріо изнемогалъ и падалъ.

— Г. Іоакимъ въ Парижѣ. Онъ выбралъ для своего дебюта во Франціи скрипичный концертъ Бетгоvena. Поступокъ чрезвычайно смѣлый. Онъ доказываетъ полную увѣренность артиста въ самомъ себѣ, въ своемъ искусствѣ передать строгое, серьезное созданіе великаго композитора и увлечь имъ слушателей. Эта смѣлость была награждена полнымъ успѣхомъ. Рукоплесканіямъ конца не было. Г. Іоакима вызвали два раза. Онъ игралъ въ залѣ консерваторіи, и она была наполнена слушателями до-нельзя. Оркестръ исполнилъ свое дѣло превосходно. Но говорить о немъ, особенно о его духовомъ элементѣ — значило бы предполагать въ читателяхъ совершенное незнаніе одной изъ примѣчательнѣйшихъ принадлежностей Парижа. Нельзя похвалить только излишней пылкости французовъ. Они аплодируютъ во время блестящихъ пассажей, и этимъ неумѣстнымъ хлопаньемъ заглушаютъ музыку. Когда игралъ г. Іоакимъ, слушатели не сдерживали своихъ восторговъ, и потому нѣсколько лучшихъ тактъ бетговенскаго концерта пропало для нихъ совершенно.

НОВЫЕ ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

DER GEMINGSBAU DER ALPEN, von *E. Desor*. 1865. (Горное строеніе Альпъ, *Э. Дезора*).

DAS JUDENTHUM und seine Geschichte, von Dr. *A. E. Geiger*. 1864. (Иудейство и его исторія, *А. Э. Гейзера*).

МОНОГРАФИИ der Molluskengattung *Venus* Linné, von Dr. *Ed. Römer*. 1864. (Монографія рода моллюсковъ *Venus* Linné, *Э. Рёмера*).

DIE RÖMISCHE VILLA zu Nennig, von *Wilnowsky*. 1864. (Римская вилла въ Неннигъ, *Вильновскаго*).

DAS SPARKASSENWESEN in Deutschland. 1864. (Сохранныя казны въ Германіи).

DIE THEORIE des Bewusstseyns, von *Stägmann*. 1864. (Теорія сознанія въ абсолютномъ субъектѣ, *Стельмана*).

UNTERSUCHUNGEN über die Feldzüge des Hannibal in Italien, von *Pr. Dr. I. Rospart*. 1864. (Походы Ганнибала въ Италію, *И. Роспатта*).

DIE VÖGEL DEUTSCHLANDS und ihre Eier. Neue billige Ausgabe. Von *Grässer*. 1865. (Германскія птицы и ихъ яйца, *Гресснера*).

DAS WESEN DER WÄRME, von *Dr. P. Reis*. 1864. (Сущность тепла, *П. Рейса*).

BEATRICE, by *Julia Kavanagh*. 1865. (Беатрица, романъ *Ю. Каванагъ*).

A DREAM of Idleness and other Poems, by *W. Costo Monkhouse*. 1865. (Мечта праздности и другія поэмы, *В. Монкхоса*).

KING JOHN OF ENGLAND: a History and Vindication, based on the Original Authorities, by *W. Chadwick*. 1865. (Англійскій король Іоаннъ: исторія и защита, *В. Чэдвика*).

MILES BULLER: a Novel. 1865. (Мильсъ Боллеръ, романъ).

MISS MACKENSIE, by *Anthony Trollope*. 1865. (Миссъ Макензи, *А. Троллопа*).

REPORT on the Birds of Palestine, by *H. B. Tristram*. 1865. (О палестинскихъ птицахъ, *Д. Б. Тристрама*).

WALKS AND TALKS about London, by *John Timbs*. 1865. (Прогулки по Лондону и рассказы о немъ, *Дж. Теймбса*).

LA NATURE HUMAINE, essais de physiologie appliquée, par *Nourisson*. (Человѣческая природа, опыты прикладной физиологіи, соч. *Нуриссона*). Paris. 1865.

LES FONDATEURS de l'astronomie moderne, par *J. Bertrand*, membre de l'Institut. (Освотатели современной астрономіи, соч. *Ж. Бертрана*). Paris. 1865.

HISTOIRE de la caricature antique, par *Champfleury*. (Исторія древней шарикатуры, соч. *Шамфлэри*). Paris. 1865.

LA LIBERTÉ DU TRAVAIL, l'Association et la Démocratie, par *H. Baudrillard*, membre de l'Institut. (Свобода труда, ассоціація и демократія, соч. *Г. Бодрильера*). Paris. 1865.

ÉTUDES ET PORTRAITS, par *Cuvillier-Fleury*. (Очерки и портреты, соч. *Люсилье-Флэри*). Paris. 1865.

MONAME ET LE CORAN, précédé d'une introduction sur les devoirs mutuels de la philosophie de la religion, par *J. Barthélemy Saint-Hilaire*, membre de l'Institut. (Магометъ и Коранъ, съ введеніемъ о взаимныхъ обязанностяхъ религіи и философіи, соч. *Ж. Бартеlemi Сент-Илера*). Paris. 1865.

DU PLAISIR ET DE LA DOULEUR, par *Francisque Bouillier*. (О наслажденіи и боли, соч. *Ф. Булле*). Paris. 1865.

LES TROIS GRANDS PEUPLES MÉDITERRANÉES et le Christianisme, par *d'Eichthal*. (Три великіе средиземные народа и христіанство, соч. *Эйхтала*). Paris. 1865.

LA FAMILLE, ses devoirs, ses joies et ses douleurs, par le comte *A. de Gasparin*. (Семья, ея обязанности, радости и горести, соч. графа *А. де Гаспарена*). Paris. 1865.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО ВЪ РОССІИ ДУХОВЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЗНАМЕНИТАГО МАСТЕРА Антуана Куртуа въ Парижѣ.

Корнетъ а Пистонъ въ В; со всѣми кронами.	60 руб.
» » въ С, Эсъ и Асъ.	55 »
Альтъ (obligat). 55 руб. Труба	отъ 45 до 65 »
Тромбон-Альтъ 55 р., тромбон-теноръ 60 р., тромбон-басъ 65	»
Баритонъ въ В	80 »
Васъ въ В 85 р., басъ въ Эсъ.	100 »
Контрабасъ въ Эсъ или В по	115 »
Вальторнъ со всѣми кронами	90 »

Всѣ инструменты въ новомъ камертонѣ (Diapason normal) и съ хорошими лаццеками.

Скрипки	отъ 10 до 200 руб.
Смычки	отъ 2 до 15 »
» для виолончели	отъ 5 до 15 »
Гармони-флейты въ 3 окт.	48 »
» » » $3\frac{1}{2}$ и 4 окт. съ педалемъ	отъ 75 до 100 »
Фисгармонки	отъ 120 до 250 »
Гитары семиструнныя съ футляромъ	35 »
» шестиструнныя безъ футляра	20 »

**Въ этомъ же магазинѣ можно имѣть инструменты
извѣстнаго фортепьяннаго мастера Вега:**

Рояль 7 окт. палисандроваго дерева	600 руб., упаковка 15 руб.
Кабинетный рояль 7 окт. палисандров. дерева	400 р., упак. 12 »
Пианино 7 окт. палис. дер.	350 р., упак. 12 »

За прочность инструментовъ ручаются. Заказы будутъ исполнены съ точностію, на упаковку и доставку будетъ обращено особенное вниманіе. Всѣ эти инструменты удостоены на лондонской выставкѣ въ 1862-мъ году серебряной медали.

Парижскіе метрономы (J. Wagner, neuve)	10 руб. съ пересылкою.
» » съ колокольчикомъ	11 » »

Итальянскія струны лучшаго достоинства.

КВИНТЫ неаполитавскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязны за бунтъ 6 р., за струну	Р. К.	— 25
КВИНТЫ падуанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязныя, за бунтъ 7 р., за струну		— 30
СЕКУНДЫ за бунтъ 6 р., за струну		— 25
ТЕРЦИИ за бунтъ 7 р., за струну		— 80
1 БАСОКЪ скрипичный		— 25
1 БАСОКЪ скрипичный, серебряный шлифованный		— 60
1 АККОРДЪ струнъ для АЛЬТА		1 —
1 струна G для АЛЬТА		— 25
1 „ C то же		— 30
1 АККОРДЪ струнъ для ВИОЛОНЧЕЛИ		1 75
1 струна A для ВИОЛОНЧЕЛИ		— 30
1 „ D „		— 50
1 „ G „		— 50
1 „ C „		— 70
1 „ невѣтая для КОНТРБАСА		1 45
1 „ витая для КОНТРБАСА		2 85
1 аккордъ струнъ для шестиструнной ГИТАРЫ		1 50
1 аккордъ струнъ для семиструнной ГИТАРЫ		1 70
1 басокъ виолончельный для ГИТАРЫ		— 25
СТРУНОМЪРЪ въ футлярѣ		1 50

Увертюры для оркестра Л. Ветговена, аранжированныя для фортепьяно въ четыре руки.

№ 1. Coriolan. Op. 62. C moll	1 р.	15 коп.
» 2. Leonore (Fidelio). № 1. Op. 138. C dur	1 „	15 „
» 3. Leonore (Fidelio). » 2. » 72. C dur	1 „	45 „
» 4. Leonore (Fidelio). » 3. » 72. C dur	1 „	75 „
» 5. Op. 115. C dur	1 „	45 „
» 6. König Stephan. Op. 117. Es dur	1 „	15 „
» 7. Op. 124. C dur	1 „	45 „
» 8. Prometheus. Op. 43. C dur	— „	85 „
» 9. Fidelio (Leonore). Op. 72. E dur	— „	85 „
» 10. Egmont. Op. 84. F moll	1 „	15 „
» 11. Ruinen von Athen. Op. 118. G dur	— „	85 „

Въ этомъ же магазинѣ можно получать все музыкальное сочиненія, какъ и какъ бы то ни было издаваемыя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проц.; на десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногороднихъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на всѣ другіе инструменты вообще и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

А. ВИТЕМЪРЪ.

РУСАНОВЪ.

РАСКОЛЬНИЧІЙ ЛЖЕ-АРХІЕРЕЙ.

(ИЗЪ ОСТРОЖНЫХЪ).

ОЧЕРКЪ.

(Окончаніе).

—
X.

Торный путь.

— Въ Я-ской губерніи я прожилъ 1855-й годъ, и поповство-
валъ благополучно до 1856 года. Тутъ я нашелъ столько вѣръ,
что не успѣвалъ изучать. Самая большая, однако, вѣра въ этой
губерніи—*поповщинская*... Раскольники этой секты, скажу вамъ,
принимая ученіе, заключающееся въ символѣ вѣры и заповѣдяхъ,
не признаютъ архіереевъ и священниковъ православныхъ, потому
что ихъ посвященіе совершается-де по книгамъ, въ коихъ имя
Спасителя «Исусъ» измѣнено въ «Исусь»; таинство крещенія не
отвергаютъ, но считаютъ нечистымъ и неполнымъ, потому что
молитвы при этомъ читаются по тѣмъ же книгамъ; бывають на
исповѣди у священниковъ православныхъ, для устраненія подозрѣ-
ній, безъ вѣры въ таинство причащенія, и послѣ очищаются
отъ того молитвою и поклонами... Бракъ въ православной церкви
считаютъ *гражданскимъ дѣломъ*, необходимымъ для признанія
законности дѣтей; для законности же духовной благословляются у
своихъ поповъ, и я благословилъ такихъ молодыхъ паръ до двад-
цати. Вѣрують, что крестъ долженъ быть осьмиконечный, крест-
ное знаменіе признаютъ двухперстное, иконамъ поклоняются
только древнимъ, или писаннымъ съ нихъ, книги почитаютъ одиѣ
старья, и безъ лѣстовоковъ и подручниковъ не молятся. Люди они
довольно зажиточные, и чествуютъ своихъ поповъ и архіереевъ

хорошо; только по этой губерніи такъ много шатаются самозванцевъ, что они побавляются, наконецъ, новопріѣзжихъ, и меня вездѣ пытали, спрашивали про Криницу, про Кирилла, про ученіе разное, про книги, про черниговскіе свиты и пр... Я все это досканально имъ рапортовалъ, ну — и повѣрили... Только меня сбивали постоянно ихъ толки разные, какихъ я не встрѣчалъ еще. У нихъ въ губерніи есть нѣтовщина, поморяне, ео-досіевщина, филиповщина и странники, на которыхъ я долго сбивался и наконецъ-то-наконецъ выучился ихъ различать... Не разъ приходилось пріѣхать въ село; вдругъ слышишь: тутъ живутъ нѣтовцы. Значитъ, тутъ, сударь, дѣлать нечего, заворачивай оглобли, да и мимо!... Нашего брата они не принимаютъ...

— Какъ же, спросилъ я Русанова: — они живутъ?

— Такъ и живутъ безъ всякаго духовенства, сами собою.

— Но вѣдь, говорю, кто-нибудь да у нихъ за духовенство-то дѣйствуетъ?

— А вотъ видите, продолжалъ Русановъ: — эти нѣтовцы принимаютъ, какъ я узналъ, таинства крещенія, покаянія, причащенія и брака отъ православной церкви, но вѣруютъ, что это не таинства, и что теперь нѣтъ средствъ къ спасенію, кромѣ молитвъ, потому что съ пережѣною книгъ и вѣры при Никонѣ, въ церкви невидимо воцарился антихристъ, истребившій въ ней всякую святиню... За уничтоженіемъ таинствъ антихристомъ, по мнѣнію нѣтовцевъ, нѣтъ надобности и въ священникахъ, а крещеніе можно совершить въ православной церкви, оканчивая его потомъ домашними молитвами по старымъ книгамъ, читаемымъ черезъ избранныхъ наставниковъ и наставницъ. Это же чтеніе исполняется ими и послѣ исповѣди, причастія и брака, считаемыхъ только житейскою необходимостію. Иконы у нихъ маленькія, большею частію мѣдныя селадни, лѣстовки, подручники и кадильницы, какъ у всѣхъ; стриженія маковки и темная одежда — необходимое условіе. Ни съ православными, ни съ раскольниками другихъ сектъ они не ѣдятъ. Эти люди, доложу вамъ, даже опасны для нашего брата. По маковкѣ и лѣстовкамъ примешь его за поповца кореннаго, а онъ вдругъ нѣтовецъ, да частенько слышно, и къ становому препроводятъ. «Незачѣмъ, говорятъ, вамъ тутъ шататься, благодати-то у васъ ни у кого нѣтъ, а вы только соблазните народъ!» А хуже того, сударь, раскольники поморской вѣры, сплошь да рядомъ попадающіеся въ ярославской губерніи. Всѣ они говорятъ, что съ пережѣною книгъ, въ церкви

православной и вообще на землѣ невидимо воцарился антихристъ, ииѣющій, вскорѣ явится и видимо, въ видѣ царя земнаго; что, поэтому, крещеніе совершается на землѣ не въ очищеніе, а въ оскверненіе; что теперь иѣтъ, и не можетъ быть на землѣ ни священниковъ, ни таинствъ; что приобщаться можно только *слезами*, а поваліе замѣнять исповѣдью другъ у друга. Моленіе за царя принято, однако, у нихъ давно, по настоянію комиссара Самарина. Отъ этихъ поморанъ отдѣлилась, видите ли, еще вѣра *еодосіевщинская*, въ которой, какъ я узналъ, ученіе объ антихристѣ поясняется такъ: въ церкви православной приносить поклоненіе не истинному Богу, но антихристу, который выдаётъ себя за Бога въ богоподобномъ имени Иисуса, и что поэтому крещеніе, совершаемое во имя антихриста, должно быть смыто перекрещеніемъ по старымъ книгамъ. За царя они молятся, но не упоминаютъ слова «благочестивѣйшаго». Начальство признаютъ, но сообщеніе съ православными и прочими раскольниками считаютъ за оскверненіе... Извольте вотъ тутъ, сударь, ихъ разбавить!... *Что не человекъ—то вѣра, что не баба—то сомасіе*... Просто спутаешься!... Со мной встрѣтилось на дорогѣ нѣсколько поповъ — бѣглыхъ, какъ я. Спросить этакъ стороной:

«— Не знаете ли, дескать, въ этомъ селѣ, какого толка раскольники?»

«— А вамъ, скажешь, зачѣмъ?»

«— Да такъ, говорятъ. Мы по дѣлаемъ торговымъ...»

«— Такъ торговать-то, молъ, все равно у кого бы ни было...»

А самъ, знаете ли, дашь знать и понять, что разумѣемъ, молъ, кто вы... Они этакъ помнутся-помнутся да и признаются...

«— Ты, говорятъ, изъ нашихъ, видно?»

«— Да, молъ, изъ нашихъ...»

«— Ну, такъ выпьемъ...»

И сойдешься этакъ и покалякаешь!... Нѣкоторые изъ нихъ попадались совсѣмъ ничего незнающіе въ книгахъ, должно быть—просто изъ солдатъ бѣглыхъ. Ну, сейчасъ увидишь, что за птица, в скорѣе разойдешься. А ѣздить вѣдь, сударь мой, крестятъ матушку Россію во всѣхъ направленіяхъ... обираютъ безпастушныхъ овецъ!...

— Выгодное-таки, значить, ремесло, сказалъ я Русанову.

— Да, сударь, выгодное... Жалконько иногда бываетъ народъ; да какъ подумаешь, что не я, такъ вѣдь другой будетъ ѣздить и собирать деньги, ну—и опять пройдетъ, отляжетъ отъ сердца...

особливо когда опасности не предстоить... Вотъ только начнешь тогда раскаиваться, когда *отискаешься!*... Тутъ молишь Бога, чтобы вытащилъ изъ тюрьмы и не далъ сгнбнуть, и зарокъ даешь... Со мною это и случилось въ я—ской губерніи. Приѣзжаю я, доложу вамъ, на одну станцію въ село Кр—ое, гдѣ жили филиповцы. Это, видите ли, какъ я и прежде о нихъ, кажется, вамъ сказалъ, раскольники же, но называются такъ отъ Филипа-кедейника, настоятеля поморскаго монастыря. Негодуя на поморянъ за согласіе ихъ на моленіе о царѣ, онъ отдѣлился отъ братіи въ особый скитъ, гдѣ и сжегъ себя съ 50 братіями, когда Самаринъ хотѣлъ войти туда. По его примѣру филиповцы не молятся за царя, и власть его признаютъ только наружно. Не признаютъ они дуковенства и таинствъ.

— Съ однимъ мужикомъ изъ филиповцевъ мнѣ привелось также говорить, въ селѣ Подосиновкѣ на станціи; въ это время проѣзжалъ чиновникъ какой-то изъ Ярославля. Мужикъ при разговорѣ съ чиновникомъ не снималъ шапки и постоянно употреблялъ слово *братецъ*. Когда чиновникъ замѣтилъ, что онъ ему не ровня, то мужикъ отвѣчалъ: «а что такое? по вашему, кто генералъ, кто ваше благородіе, а по нашему—всѣ равные братья». Даже бабы филиповщинскія, и тѣ, скажу вамъ, сударь, *сердитыя*... Одна спросила меня: «а что, говорить, скоро ли будетъ гоненіе на насъ?»

«— А что? говорю.

«— Да такъ хотѣлось бы...

«— Почему же, говорю, хочется?

«— Охъ! еслибы Господь привелъ пострадать за св. вѣру! завопила баба... И начала пересчитывать мнѣ мучениковъ своихъ, начиная отъ осады соловецкаго монастыря, увѣряя, что у нихъ считается *болѣе 8000 тысячъ мучениковъ*... Вотъ вы и извольте, сударь, толковать съ такимъ народомъ!... Однако же, сказалъ Русановъ:—я заговорилъ съ вами, сударь, о томъ, какъ я попалъ въ острогъ въ я—вой губерніи.

— Да, говорю, любопытно слышать, а еще любопытнѣе знать, какъ ты выбрался оттуда?...

— Попался я, сударь, такимъ образомъ. Когда я приѣхалъ въ село Кр—ое на станцію, то замѣтилъ одного человѣка въ родѣ попа раскольничьяго, который то и дѣло входилъ въ общую избу изъ особенной задней горницы. На дворѣ повозка у него стояла распряженная. Человѣкъ этотъ, гляжу, всматривается въ

меня и хочеть что-то заговорить. Я отвертываюсь нарочно, чтобы избѣжать любопытнаго. Онъ посмотрѣлъ этапъ на меня, на мою рубитку, и что-то смекнулъ... Потомъ подходитъ и такъ вкрадчиво спросилъ:

— Что, говорить, добрый человекъ, изъ торговыхъ, знать?...

— Да, молъ, торгуюемъ понемногу, въ Нижній собираемся, товары распродали...

— И я, говорить, торгую понемножку, стало-быть мы *по одной дорожкѣ ѣздимъ*...

Я этапъ гляжу на него и смекаю, что онъ что-то признаётъ во мнѣ.

— Зайдемъ, говорить, въ мою комнату, у меня особая тутъ есть; я съ хозяиномъ коротко знакомъ, и онъ мнѣ всегда уступаетъ особую горницу. Поговоримъ, говорить, о дѣлахъ торговыхъ...

Какъ мнѣ ни не хотѣлось идти съ нимъ, однако, чтобы не дать случая подумать ему, что я боюсь его, я согласился съ нимъ. Входинъ въ его горницу. Смотрю, у него лѣстовка виситъ на крючкѣ, дароносица лежитъ на окошкѣ, кадило виситъ у образа и раскольничья книга: *О подвигахъ страдальцевъ покровскаго монастыря, климовскаго, зыбковскаго и замискаго посадовъ, совершившихся въ 1791 году, по переселеніи изъ Вятки*—лежитъ развернутая на столѣ. Я, знаете, спрашиваю:

— Съ вами, вѣроятно, изъ духовныхъ особъ раскольничьихъ кто-нибудь ѣздитъ?

— Я, говорить, самъ духовная особа раскольничья, служу помощъ у нихъ...

А самъ, знаете, тотчасъ началъ рассказывать свои похождения... и вдругъ спросилъ меня:

— А вы, говорить, добрый человекъ, не изъ нашихъ развѣ? Я давно уже догадался...

Я сконфузился, помался немного, и ничего не подозрѣвая, вида его откровенность, признался ему, вотъ какъ примѣрно теверь вамъ...

— Какъ, говорить, вы провозите антиминсъ и чашу съ дароносицею? Я вотъ, говорить, всегда антиминсъ въ шапку зашиваю, а самъ, знаете ли, сейчасъ и вынулъ антиминсъ изъ шапки своей:— вотъ только, говорить, чашу и дароносицу никогда не могу хорошенько спрятать. Подъ козлами въ ящикѣ держу...

— А я, говорю, антиминсъ держу въ сапогахъ между стелькой

и подошвей — и показать ему правую ногу: — а дароносцу, моль, чашу, лжицу и копие въ подушкѣ задней оси... Тамъ у меня вдолбленіе такое есть, задѣлано такъ, что никто не догадается...

«— Поворно, говорить, благодарю, что надразумили меня. Я впредь и самъ такъ буду дѣлать. А самъ сейчасъ вывернулся изъ горницы. Черезъ три минуты, смотрю—онъ шастъ въ горницу-то съ солдатами, да и скидаетъ съ себя верхнюю кучеческую одѣжу. Вижу—становой изъ военныхъ и крестъ на груди... Такъ я и ахнулъ! Вотъ, думаю, чего въ жизни еще не встрѣчалъ...

«— Потрудись, говорить, любезнѣйшій, теперь разуть сапоги-то твои; мы, говорить, посмотримъ, что находится между подошвами и стелькой?

Что тутъ дѣлать? Я молчу.

«— Разуйте-ка, говорить, его, да вспорите сапогъ съ правой ноги.

Солдаты, перереженные мужиками, вспорили сапогъ мой и вынули антиминсъ...

«— Теперь, говорить, надѣньте-ка на попа-то кандалы, да взломайте подушку у задней оси повозки.

Солдаты взломали подушку оси и вынули мою дароносцу, чашу, лжицу и копие...

«— Ну, теперь, говорить, потрудитесь сѣсть на телегу, и вась свезуть солдаты въ острогъ...

А самъ, смотрю, улыбається и руки отъ удовольствія потираетъ... Дѣлать было нечего! Я догадался, что филиповецъ этотъ, хозяинъ дома, былъ въ заговорѣ съ становымъ и выдавалъ, вѣроятно, не одного меня изъ своей западни становому... Но было уже поздно поправить дѣло. Меня заключили въ острогъ. *Торни*, думаю, *дорожки поповскія*, но и въ остроги дорога *торни*...

XI.

На кого кадятъ, тотъ и вланияйся.

— Въ острогѣ жизнь, конечно, скверная, а больше всего тѣмъ несносна, что изъ острога дорожка прямая въ Сибирь... Ну, и поеть сердце день и ночь и не даетъ покоя... Острогъ, куда меня заключили, былъ каменный и крѣпкій; дворъ занесенъ высокою каменною стѣною, рѣшотки на окнахъ въ руку толщины. Дѣло было плохое!... Однако, думаю, что же? вѣдь я не про-

стой мужикъ, а пошь раскольничій; можетъ, какъ и улизу отсюда!... И сталъ я подумывать объ этомъ дѣлѣ крѣпко, какъ бы *помощію этою титула*, избавиться отъ темничнаго заключенія... Первымъ дѣломъ, разумѣется, мнѣ нужно было найти друзей и почитателей въ острогѣ самомъ, потому, сами знаете, одинъ въ полѣ не воинъ — одному ничего не сдѣлать... И вотъ я сталъ присматриваться, когда выпускали всѣхъ арестантовъ на дворъ острожный, нѣтъ ли изъ нихъ кого *попросте*... Вижу, однако, все народъ сердитый, смотритъ изподлобья... Я сталъ каноны распѣвать про себя на дворѣ — меня стали слушать; а жгтія и страданія раскольническихъ подвижниковъ рассказывать — меня услышали два раскольника, бывшіе среди арестантовъ... Я къ нимъ, знаете, въ дружбу вхожу. Такъ и такъ, молъ, вотъ я кто... Они умилились и прослезились; товарищамъ рассказали, что вотъ-де заточена здѣсь духовная особа съ нами... Смотрю, на меня уже стали указывать пальцемъ и проходили мимо меня съ поклонами... Я тутъ выбралъ арестанта, раскольника Никиту Караса, въ приближеніе къ себѣ и открываюсь ему.

«— Хочешь ли, молъ, ты спасеніе уготовать себѣ на небѣ?...»

«— Хочу, говорить. Я и такъ все по острогамъ обрѣтаюсь; хотъ бы въ будущей-то жизни привелось насладиться райскимъ жгтіемъ...»

«— Помоги, молъ, мнѣ уйти изъ острога; ты знаешь, что теперь паства моя безъ пастыря, овцы безъ пастуха среди волковъ хищныхъ, среди слугъ антихриста...»

«— Знаю, говорить, знаю.»

«— Нужно, молъ, дать знать раскольникамъ, любезнымъ моимъ чадамъ, что я заточенъ и страдаю здѣсь въ тѣсной и мрачной темницѣ.»

«— Ужели, говорить, никто не знаетъ объ этомъ?»

«— Вотъ въ томъ-то и бѣда вся, что никто не знаетъ!... Меня, молъ, ввали тайно съ дороги и обманомъ.»

И я, знаете ли, рассказалъ тутъ Карасю мою исторію съ становымъ. Смотрю, расплакался Карась, и слезы полили ручьемъ... «Діе, говорить, волки хищные, не дають они жгтія смиренномудренному и вроткому стаду божію.» И началъ Карась причитать...

«— Все это, говорю, такъ, да вотъ однако какъ же выбраться-то отсюда? Поможешь ли ты мнѣ?»

«— Все что ни захотите, дѣлайте изъ меня, говоритъ Карась.— Я за васъ въ огонь и въ воду.

• «— Если такъ, то вотъ, молю, узнай, кто скоро изъ острога выходить будетъ. Я съ нимъ посланіе напишу къ стаду своему.

«— Извольте, говоритъ, завтра же.

«— И добудь, молю, мнѣ карандаша и бумаги.

«— Постараюсь, говоритъ.

— На другой день Карась, свидѣвшись со мною на дворѣ, разсказалъ мнѣ, что одинъ мѣщанинъ города, въ которомъ я сидѣлъ въ острогѣ, отживалъ срокъ и чрезъ недѣлю выходилъ на волю, и что онъ упросилъ его смести тогда посланіе мое къ одному богатому купцу-раскольнику, Каратаеву. И бумаги при этомъ Карась принесъ мнѣ, только карандаша не досталъ, а принесъ вмѣсто его кусочекъ свинцу.

— Я сталъ готовить посланіе къ Каратаеву и начертилъ свинцомъ на бумагѣ слѣдующее:

«Возлюбленные братіе!

«Да сбудется слово, реченное въ священномъ писаніи: пораду премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну. Изыщите средства освободить изъ темницы заключеннаго за вѣру истинную и *ваше спасеніе*. Покажите отъ вѣры вашей, что вы мудрѣе мудрыхъ и разумнѣе разумныхъ. Умудритесь и искитите изъ узъ заключеннаго невинно. Азъ не о себѣ пекуся на землѣ, никто же бо мой духъ одолѣетъ ни въ судахъ стародубскихъ и губернскихъ, ни въ дѣсахъ и борахъ могилевскихъ, а пекуся и болю о стадѣ моему, оставленномъ среди хищныхъ волковъ безъ пастыря. Имѣяй уши слышать, да слышитъ!

«Заключенный іерей Русановъ.»

— Вручилъ я это посланіе Карасю, а тотъ мѣщанину, отбывающему срокъ въ острогѣ. Чрезъ недѣлю, смотрю—ко мнѣ прислана ватрушка, и прислана такъ, что прямо по назначенію дошла. Разламываю ватрушку—въ ней запечены лоскуты бумаги съ словами: «Не бойся, отче праведный! овцы искититъ своего пастыря изъ зубовъ волчьихъ, помощію божію, съумѣютъ. Не скорби духомъ. Завтра получишь булку со вложеніемъ».

Получивши этокое посланіе, я приободрился и у меня отлегло отъ сердца... Авось, думаю, не угожу въ Сибирь и выберусь отсюда!...

Вечеромъ сказалъ я объ этомъ Карасю.

«— Отче праведный, завопилъ Карась!—Можешь ли ты съ нами

сидѣть въ темницѣ? Богъ, видя съ высотъ престола своего...» И пошелъ и пошелъ...

— Вижу, молъ, сынъ вѣрный, твое рвеніе къ своимъ іереямъ, и Богъ пошлетъ тебѣ спасеніе за это. На другой день, получаю я булку, дошедшую опять прямо ко мнѣ по назначенію, въ которой было запечено 100 руб. бумажками, *на отраду въ темницѣ*, и записка съ увѣреніемъ, что скоро я буду исхищенъ изъ зубовъ антихриста...

— Я раздѣлилъ деньги съ Карасемъ и велѣлъ раздать половину заключеннымъ въ темницѣ. И пошло, сударь, веселье въ острогѣ такое, что точно на свободѣ! Арестанты вина накупили, ко мнѣ съ такимъ почтеніемъ стали относиться, что когда изъ двора приходилось подниматься по лѣстницѣ въ камеру темничную, они подъ руки меня брали и сопровождали по лѣстницамъ, точно архіерея во время служенія... Караульные тоже съ уваженіемъ относиться стали... Запоешь этакъ, бывало, ирмосы или псалмы въ своей темницѣ, а они умиляются и ружья опустятъ, точно прада офицеромъ...

— Наконецъ получаю я, подъ воскресенье, цѣлый большой пакетъ. Разрѣзываю—пустой, оболочка одна, а въ немъ запечено двадцать аршинъ толстой проволоки и пила маленькая стальная; тутъ же и записка, въ которой сказано, что ночью двое верховыхъ будутъ ждать меня у острога и чтобы я, распилывъ кандалы, спустился на проволоку чрезъ ретиряды внизъ, а они ужъ примутъ меня... Я такъ и сдѣлалъ. Кандалы надпилилъ въ комнатѣ, и когда караульные проводили меня въ ретиряды, то назадъ ужъ не дождались... Приняли меня посланные и увезли въ лѣсъ, обмыли, обчистили и наконецъ перерядивъ въ приготовленное платье мѣщанское, подъ именемъ молодца, чрезъ день, привезли въ тотъ же городъ къ Каратаеву, безъ всякой болзни, гдѣ я днемъ сидѣлъ у него въ солянномъ лабазѣ за молодца, а вечеромъ совершалъ въ домѣ его богослуженіе и деньги собираю. Раскольники, зная мое заключеніе въ тюрьмѣ, все ахали и вздыхали и пуше еще *ублажам* меня...

— Такъ вѣдь ловко, сударь мой, дѣла дѣлаютъ эти раскольники. У меня, скажу вамъ, тотчасъ и страхъ прошелъ. Сидишь въ лабазѣ и ухомъ не ведешь!... По городу розыски чинятся, съ ногъ сбились городничій и исправникъ, мимо лавки проходили не разъ, а я, знаете, и въ усъ не дую; сижу, да на счетахъ похлопываю... Вѣдь и прятать не стали меня... «Зачѣмъ, говорятъ, прятать:

только подозрѣніе наведешь, а вотъ, говорятъ, сидите въ лаба-
зѣ и прикащикъ дѣло исправляете, больше ничего. Пусть посмо-
тритъ, можно ли что съ нашимъ братомъ сдѣлать съ ихними
осторожными и крутыми мѣрами всякими? Чрезъ двѣ недѣли
вручили мнѣ раскольники паспортъ прикащикій и отпустили съ
миромъ въ путь-дорогу вечеркомъ на тройкѣ, одаривъ щедро;
даже нарочно мимо городническаго дома провезли... Кажись бы,
послѣ такой исторіи надо было мнѣ кинуть все это дѣло попов-
ское, такъ вѣтъ вѣдь, сударь, послѣ опасности откуда явилась
у меня опять охота странствовать... Не боюсь ужъ ничего, да и
только!... Про костромскую губернію слышался, что тамъ есть
корень всякихъ особенныхъ сектъ, ну — и махнулъ туда...

ХІІ.

ДВА ЛЖЕ-АРХІЕРЕЯ.

— Въ костромской губерніи, сударь мой, я наткнулся на сек-
ту *бѣгуновъ*, или странниковъ, съ которыми доселѣ еще не былъ
знакомъ. Эта секта, какъ я потомъ разузналъ, родилась и разви-
лась въ казенномъ селѣ Сопелкахъ, ярославскаго уѣзда, такимъ
образомъ. Лѣтъ 90 назадъ, отставной солдатъ Евфимій, пере-
крещенецъ, поселился въ Сопелкахъ, сталъ учить, что антихристъ
видимый, котораго филиповцы ожидаютъ, давно уже царствуетъ,
и именно въ Россіи, что сначала онъ воцарился въ греческомъ
царствѣ, чрезъ 1000 лѣтъ послѣ Христа, а потомъ еще чрезъ
666 лѣтъ явился въ Россіи подъ именемъ патріарха Никона, а
вслѣдъ за его паденіемъ явился третій антихристъ, который и
царствуетъ нынѣ на землѣ, имѣя слугами правительство. Для
избѣжанія власти этихъ слугъ антихриста, послѣдователи его,
т.-е. бѣгуны или странники, находятъ лучшимъ бѣжать изъ вся-
каго города, потому что всѣ города составляютъ одинъ Вави-
лонъ, и жить, укрываясь въ деревняхъ и селахъ и управляясь
сами собою по духу и ученію господню безъ правительства и
разореній. И вотъ, сударь мой, разбрелся русский народъ, на-
звавшійся бѣгунами, по лѣсамъ и пустынямъ костромской и яро-
славской губерніи. Молодые люди и дѣвчѣ, старики и старухи,
покидали въ городахъ свои дома, родины гнѣзда, и стали укры-
ваться въ лѣсахъ и дебряхъ пустынныхъ, и всякій поступающій
въ ихъ общество сначала перекрещивается, потомъ перемѣняетъ

ни, отрывается от имущества, родины и родных... Вступя въ странство, всякій, имѣющій у себя какой либо видъ или паспортъ, уничтожаетъ его, какъ заклеенный печатью антихриста, и надѣваетъ себѣ на шею крестъ кипарисный съ бѣлою оловянною или желѣзною оправою, на лицевой сторонѣ котораго находится рѣзное изображеніе осьмиконечнаго креста на Голгоѣѣ съ копіемъ и тростию по бокамъ; подъ тростию вырѣзана буква Т, а подъ копіемъ буква К, у подножія же креста—Адамова голова; подъ крестомъ надпись «Царь Славы», подъ верхнимъ краемъ правой стороны—*ни*, а подъ лѣвымъ—*ка*, т.-е. *ника*, что значить побѣдѣль, на другой же сторонѣ креста вырѣзаны слова молитвы: «да воскреснетъ Богъ и раздуются враги его». У каждаго странника, мужчины и женщины, содержится своя икона, обыкновенно мѣдная, лѣстовка, подручникъ, деревянная чашечка и съладная ложка. Бѣольшая часть изъ нихъ, какъ я узналъ, отправляются въ странство въ лѣса пошехонскаго уѣзда, гдѣ пребываніе ихъ нѣсколько годовъ, смотря по большому или меньшему ихъ усердію, служить имъ въ родѣ искуса, какъ поступившимъ въ иноческое званіе, вслѣдствіе чего они и называютъ себя часто старцами и старицами. По выходѣ изъ лѣсовъ, по окончаніи искуса, они ходятъ по деревнямъ и нищенствуютъ по большей части въ сосѣдственныхъ, съ родовымъ ихъ домою, мѣстахъ, или живутъ у знакомыхъ имъ *страннопримцевъ*, скрываясь тамъ по тайникамъ... Эти *страннопримцы*, сударь мой, составляютъ особый видъ бѣгуновъ и отличаются отъ нихъ многими. Они не бѣгутъ изъ мѣста въ мѣсто, а живутъ покрестьянски и главныя обязанности ихъ состоятъ не въ бѣганіи, а въ *укривательствѣ* бѣгуновъ, почему они обязываются имѣть тайныя мѣста и оказывать имъ помощь въ случаѣ преслѣдованія, именно, устроенныя въ домахъ разныя подъибицы, двойныя крыши, избы подъ названіемъ келій, построенныя особо отъ главной избы, или на огородахъ и сараи для зарытія тѣлъ. *Страннопримцы* эти не могутъ участвовать въ общихъ молитвословіяхъ съ бѣгунами и обязаны содержать отступничество свое тайно, подъ ложнымъ наименованіемъ себя христіанами. Имъ поставляется также въ обязанность въ жизнь свою перекреститься; но если они этой обязанности своей не умѣютъ исполнить, то при смертномъ одрѣ перекрещиваютъ ихъ въ новомъ чанѣ и по перекрещеніи переносятъ умирающаго ночью къ единомысленнику въ избу, а по смерти хоронятъ ночью же тѣло его въ сараѣ дома или въ рощѣ,

завернуть оное рогожею. Умершіи страннопріимецъ, такимъ образомъ похороненный, заявляется ушедшимъ въ самовольную отлучку, какъ заявляются всё вообще и уходящіе въ странство бѣгуны. Это заявленіе, по мнѣнію ихъ, служитъ свидѣтельствомъ предъ Богомъ, что человекъ умеръ въ странствѣ истиннымъ христіаниномъ, отрехшись отъ антихриста и всего его подданства. Чтобы больше скрыть себя отъ полиціи, страннопріимцамъ этимъ дозволяется ходить въ церковь для вида; но крестить младенцевъ, вѣнчаться и исповѣдаться допускается съ такимъ условіемъ, чтобы крещеніе младенцевъ, совершенное священникомъ, исправлять потомъ дома по странническимъ обрядамъ, отъ исповѣди у священниковъ избѣгать подъ разными предлогами, или добывать возможность быть записанными въ исповѣдныя церковныя росписи бывшими на исповѣди, вѣнчаніе же въ церкви не принимается за таинство... Жалокъ, поглядѣлъ я, этотъ народъ, а помочь нечѣмъ!... Скитаются, вѣдь, какъ звѣри лютые въ грозу и бурю, въ морозъ и холодъ, терпятъ нужду и голодъ, а становымъ не поддаются. «Не хотимъ, говорятъ, признать надъ собою начальниками слугъ антихриста. Христось не такъ училъ управляться и жить на землѣ!» Но что они больше всего ненавидятъ, такъ это анатомирование умершихъ изъ нихъ безъ исповѣди и св. причастія. Богатые, отъ полиціи, за большія деньги, еще кое-какъ откупаются, но бѣдняки подвергаются анатомированію, которое и называютъ антихристовымъ рѣзаніемъ. Снисхожденіе духовенства православнаго они пріобрѣтаютъ въ такихъ случаяхъ легче; именно: за мѣсяць, или за два запишутся въ селѣ *битчиками*, заплатятъ за это десять-двадцать рублей, и избавляются отъ рѣзанія. По этому случаю, я встрѣтилъ у нѣкоторыхъ бѣгуновъ картины и образа, писанныя домашними иконописцами, на коихъ изображенъ лекарь съ ножомъ въ рукахъ, разрѣзывающій брюхо крестьянину-бѣгуну; исправникъ вынимаетъ деньги изъ брюха брестянина, и прачетъ въ задній карманъ, а становой у него изъ кармана сзади переворачиваетъ краденное... Подъ картиной подпись, которая всегда на устахъ у всѣхъ почти раскольниковъ: «Се зришь ты разъяренныхъ вельможей и князей! Воздаждь самъ Господи злодѣямъ, ихъ злость... на ихъ же обратя!» Мнѣ случилось, сударь мой, быть въ домѣ одного священника православнаго, который долго таскался по консисторіи своей, и наконецъ рѣшилъ, что бѣгунъ его прихода правъ, убѣгая въ лѣса, и самъ поступилъ въ секту бѣгуновъ, съ женою своею и двумя дочерьми... Въ его приходѣ

было 1,300 душъ; изъ нихъ 1,100 давно были бѣгуны, а когда священникъ ихъ и самъ поступилъ въ ихъ секту, то и послѣднія 200 душъ сдѣлались бѣгунами... Въ городѣ Плесѣ особенно много этихъ бѣгуновъ, и мѣста эти, находясь на границѣ трехъ уѣздовъ, особенно удобны для укрывательства этихъ странниковъ. Противъ этихъ Плесъ, на другомъ берегу Волги, раскинута до 16 деревень, гдѣ бѣгуны укрываются зимою, переходя на лѣто въ лѣса. Впрочемъ, у нихъ есть и покровители—богатые купцы разныхъ городовъ, которые имѣютъ связи тайныя съ единомышленниками въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Архангельскѣ и Вологдѣ и вездѣ держатъ на жалованьѣ *ходатаевъ* по ихъ дѣламъ, а отъ мѣстнаго духовенства отдѣлываются деньгами. Мнѣ много поразказали про брянскіе лѣса въ магарьевскомъ уѣздѣ, лежащіе на лѣвомъ берегу Унжи, и я отправился туда. Въ уѣздѣ этомъ я встрѣтилъ почти однихъ бѣгуновъ, и самъ попался тутъ въ просакъ... Дѣло было такъ. Приѣзжаю я въ домъ одного поповщинскаго раскольника, который считался главою всѣхъ раскольниковъ въ губерніи и былъ выведенъ въ люди и поставленъ на эту дорогу извѣстнымъ богачомъ въ Петербургѣ и ересіархомъ Кок...вымъ. Человѣкъ онъ, какъ я съ перваго раза увидѣлъ, былъ *пройди-святъ*, что называется... Онъ былъ изъ бѣглыхъ солдатъ, самъ долго поповствовалъ и архіерействовалъ у раскольниковъ, нажилъ деньги, и сдѣлался главою и *ходатаемъ* по дѣламъ раскольниковъ. Онъ, какъ увѣрили меня, обладаетъ капиталомъ болѣе 1,000,000 руб. Домъ его построенъ въ два этажа, съ мезониномъ и подвалами, и устроенъ въ видѣ лабиринта, съ безчисленнымъ множествомъ выходовъ, дверей, лѣстницъ и переходовъ, съ прямою цѣлью укрывательства, на случай нечаяннаго обыска полиціи... На дворѣ у него живутъ старухи, богомолки и странницы, тутъ же есть и молежня. Я, нужно вамъ сказать, сударь, рѣшился въ это время *архіерействовать* вмѣсто поповства, потому съ одной стороны почотнѣе, а съ другой и денегъ больше пріобрѣтаешь... Прожилъ я день у этого главы раскольниковъ, и на другой сталъ въ молежнѣ служить *поархіерейски*. Ну, извѣстно, народу привалило съ окрестныхъ мѣстъ много; молежню освѣтили двумя пудами восковыхъ свѣчъ, я освѣщаю народъ трикиріями; только вдругъ, среди богослуженія, пріѣхалъ на дворъ другой архіерей, который, видите ли, происходилъ изъ бѣглыхъ солдатъ и сидѣлъ прежде въ острогѣ, вмѣстѣ съ главою раскольниковъ, у котораго я

остановился... Стало быть, у него мѣсто-то архіерейское было тутъ уже давно нагрѣто... Входитъ онъ, смотрю, въ моленную — въ рясъ чернаго атласу, и сталъ на почетномъ мѣстѣ. Народъ, знавшій его уже давно, разступился предъ нимъ и далъ ему дорогу около моего мѣста. У меня недаромъ тутъ сердце такъ ёкнуло. Плуть, думаю себѣ, первой степени, должно быть, прибылъ; какъ бы онъ меня не срѣзалъ?... Однако, продолжаю богослуженіе и не конфужусь; только слышу, онъ шепчетъ постоянно хозяйну дома, что это дескать не такъ, тутъ не такъ я кажѹ, тутъ не такъ благословляю, не такъ народъ осѣняю... Меня кинуло, я вамъ скажу, въ лихорадку, и я едва кончилъ богослуженіе, послѣ котораго пришедши въ залу хозяина дома, я засталъ уже тамъ архіерея пріѣзжаго на первомъ мѣстѣ. Меня посадили однако рядомъ съ нимъ и свели насъ поговорить другъ съ другомъ о вѣрѣ, чтобы испытать меня, чтѣ-де я за человекъ... Я рассказалъ про Бѣлую-криницу, про черниговскихъ и ярославскихъ раскольниковъ, про книги раскольникчи, и кое-какія распоряженія правительства относительно раскольниковъ... Ничего, слушаютъ!...

«— А какого года и числа было посвященіе въ архіереи вашего преосвященства? спросилъ меня хозяинъ дома, и переглянулся тотчасъ тихонько съ пріѣзжимъ-то архіереемъ.

«— Прошлый, говорю, 1858-й годъ, въ третью недѣлю по пасхѣ...

«— Недавно, говоритъ, недавно!

«— Да, молъ, не очень давно.

«— И въ присутствіи, говоритъ, многихъ архіереевъ нашихъ?

«— Нѣтъ, говорю, въ присутствіи только одного.

«— А какого, говоритъ, позвольте узнать?

«— Евфимія, молъ.

«— Гм!...

— А сами канальи точно поперхнулись... Подали ужинъ, винъ наставили, и стали вкупѣ трапезу чинить. Явилась хозяйнова жена и дѣти — всѣ въ бархатѣ; народъ, изъ богатыхъ, усѣлся кругомъ вдоль стѣнъ. Архіерей пріѣзжій много рассказывалъ, и всѣ слушали его съ умиленіемъ...

— Послѣ ужина, когда намъ отвели особня комнаты для ночлега, пріѣзжій архіерей постучалъ ко мнѣ. Я впустилъ его. Онъ со мною слово-за-слово, да потомъ вдругъ спросилъ:

«— А чтѣ, говоритъ, ваше преосвященство, вы изъ нашихъ, должно быть?

«— Какъ же это изъ вашихъ, говорю? я что-то не понимаю.

«— Какъ, говорить, не понять? Въ архіереи-то вы сами себя посвятили?

«— Это, говорю, что значить?

А самъ, знаете, сейчасъ въ амбицію вхожу...

«— Полноте, говорить, ваше преосвященство, не горячитесь! Вотъ списочекъ посвященныхъ въ Криницѣ архіереевъ, васъ тутъ нѣтъ и въ поминѣ...

— А самъ сейчасъ изъ кармана вынулъ списокъ архіереевъ, дѣйствительно посвященныхъ въ Криницѣ, скрѣпленный печатью митрополичьею, и должно быть провезенный тайно къ вамъ...

«— Мы, говорить, на всякій случай, имѣемъ эту грамотку, которую вы встрѣтите нынче у многихъ раскольниковъ, особливо главныхъ ихъ орудователей; потому предостерегаю васъ, будьте вынѣ осторожны... Проходятъ ужъ времена, когда раскольники жли спуска рукава, и когда ихъ легко надували кто хотѣлъ...

«— А ваше-то, говорю, преосвященство, находитесь въ этомъ списочкѣ?

«— Нѣтъ еще, говорить, не попалъ; ну, да обо мнѣ-то вы не беспокойтесь, я тутъ твердо пока стою...

«— Ишь ты вѣдь шельма, думаю, какъ подѣлъ! А самъ говорю:

«— Не беспокойтесь, молъ, ваше преосвященство; въ такомъ случаѣ, я завтра же уѣду отсюда, и мѣшать вамъ не буду...

«— Это такъ, говорить, а все-таки можетъ случиться мало-ли что...

И самъ вдругъ замолчалъ.

Я догадался, что онъ задумалъ кое-что обо мнѣ.

«— Народъ вѣдь, говорить, глупъ, сами знаете, все-таки лучше, если поменьше людей, которые его обираютъ...

— Видите-ли, жалость у каналья отсюда-то явилась!...

— Такъ мы и разошлись. Я далъ слово уѣхать на другой же день изъ губерніи, и дѣйствительно, чѣмъ свѣтъ уѣхалъ. Только видите-ли, сударь, этотъ каналья солдатъ бѣглый, насиженный-то архіерей, вѣдь далъ знать становому своему, съ которымъ, вѣроятно, давно былъ въ ладахъ, и становой настигъ меня верстъ за 50 въ одной деревнѣ.

«— Вы, говорить, почтеннѣйшій, ночевали у Пѣтухова въ предпрошедшую ночь?

А самъ читаетъ по бумажкѣ мои примѣты...

«— Да, говорю, ночевалъ.

«— Такъ васъ-то, говорить, просили препроводить въ острогъ...

«— За что же?

«— Да за то, говорить, чтобы вы не *мѣшали* другимъ. А самъ этакъ примигнулъ лѣвымъ глазомъ... Я понялъ, да три сторублевыхъ ему въ руку.

«— Э! говорить, мы этимъ не мараемся...

Я еще три сотенныхъ.

«— Нѣтъ, говорить, этикія деньги мой писарь только беретъ. Я еще шесть сотенныхъ.

«— Не могу, говорить. Пожалуйте въ острогъ, тогда дали бы больше, да поздно будетъ.

— Такъ-таки онъ съ меня двѣ тысячи сер. и спологъ.

«— А не ворóтитесь ужъ вы теперь въ здѣшнюю губернію? спросилъ онъ меня, когда порѣшилъ со мною и взялъ двѣ тысячи.

«— Нѣтъ, молъ.

«— То-то, говорить, а то я далъ слово здѣшнему архіерею, что онъ васъ не встрѣтитъ на своей дорожкѣ болѣе...

И мы распростились.

— Выбравшись изъ этой губерніи, я, сударь мой, поспѣшилъ на свою родину въ р—скую губернію, и пріѣхалъ къ своему селу родному, взглянуть на него; пробылъ дня два въ лѣсу, а потомъ ночью постучался къ сестрѣ своей, которая была выдана у меня за мужикомъ. Какъ увидала она меня, такъ и обмерла.

«— Ты ли, говорить, это, братецъ?

«— Я, молъ, самый.

«— Да мы, говорить, тебя считали давно мертвымъ.

«— А я, молъ, живъ, да и добра нажилъ...

— А самъ ей сейчасъ тысячу серебромъ на столъ въ подарокъ, и рассказалъ ей все свое житье-бытье, безъ утайки...

«— А эту вотъ тысячу снеси, молъ, отъ меня въ подарокъ отцу съ матерью Параша, и вели имъ молиться Богу за ея душевну, и сорокоустовъ десять заказать по церквамъ. Я, молъ, съ своей стороны двѣнадцать сорокоустовъ заказывалъ ужъ, по православнымъ монастырямъ...

— Тутъ я ей рассказалъ, какъ Параша умерла на моихъ почти рукахъ, поплакалъ горькими слезами объ ней, и увѣривъ сестру, что возьму ее скоро въ Москву жить навсегда съ собою, простился съ ней, и ушелъ въ лѣсъ опомниться и размыслить, что съ собою дѣлать?... Денегъ у меня оставалось еще на лицо шесть

тысячъ руб. сер. Жилъ я съ недѣлю въ пустомъ шалашѣ карауль-
нымъ, и размышлялъ день и ночь о себѣ и о томъ, что я до-
селе видѣлъ и слышалъ... И сообразивши все, я увидѣлъ одно —
что худо жить на землѣ мужику, и ищетъ онъ лучшей жизни, и
надуваешь его при этомъ своя же братія, по той причинѣ, что
онъ слѣпъ, необразованъ... Вѣру истинную я все-таки не по-
зналъ еще и видѣлъ, что раскольники дурятъ, но есть отъ чего
имъ дурить!... Думаль-думаль я, и рѣшился еще испытать многія
вѣры, о которыхъ читалъ въ книгахъ и слышался много отъ
другихъ. Самому надувать народъ мнѣ ужъ не хотѣлось, а по-
смотреть и испытать вѣры русскаго человѣка хотѣлось еще...
Деньги же у меня были. Думаль-думаль я, да и рѣшился съ го-
дянь-другой еще попутешествовать по матушкинѣ-Россіи — *испы-
тать стѣры*, а тамъ, думаю, и успокоюсь въ какомъ-нибудь мѣстѣ,
которое выберу для своего жительства... Помогилъ я Богу въ
последнюю ночь въ шалашѣ своемъ, и со слезами восклинулъ:
«Помоги мнѣ, Господи, еще поискать вѣру правую!... Какъ найду
я ее, тогда, можетъ быть, успокоюсь совсѣмъ». И зарывъ пять
тысячъ въ берестовой корѣ подъ дубомъ примѣтнымъ, я съ
шестю тысячею пустился въ путь-дорогу.

ХІІІ.

Баловливая овца волку корысть.

— Положивши себѣ, сударь ты мой, такимъ образомъ, *испы-
тать стѣ стѣры*, я отправился изъ рязанской въ тамбовскую гу-
бернію, гдѣ, по рассказамъ, жили скопцы. Ъхалъ я путемъ-до-
рогой и наконецъ остановился въ моршанскомъ уѣздѣ. Село, въ
которомъ я рѣшился пытать вѣру и о которомъ всѣ говорили, что
оно самое ядро-то и есть скопцовъ—было справное село. Избы
большія, все крытыя тесомъ; заборы высокіе, тесовые и ворота
огромныя въ каждомъ дворѣ. Смотрю, въ селѣ на улицѣ ни ду-
ши, даже курицы не было видно и собакъ, только одна собачон-
ка съ кучнымъ хвостомъ выскочила-было изъ-подъ воротки, но
увидѣвъ меня, опрометью бросилась подъ ворота. Я зашелъ въ
избу недалеко отъ края, отворилъ дверь въ сѣни и окликнулъ ко-
зель—никто не отвѣтилъ мнѣ. Я влибнулъ еще разъ—послыша-
юсь шумуканье и голосъ за другой дверью. Я толкнулъ дверь
ногой; черная кошка шмыгнула мимо меня, сверкнувъ зелеными
Т. СЛХ. — Отд. 1.

глазами. Я всунулъ голову въ избу. Смотрю—мужикъ съ длинной бородой сидитъ въ углу и читаетъ книгу; двѣ бабы ворочаются по хозяйству въ чуланѣ, а на конникѣ мальчашка ѣдятъ молочную кашу.

«— Примите, говорю, странника божія, честные люди.

«— Жаловать добро, божій сынъ! проговорилъ мужикъ.—Откуда несеть тебя духъ божій?

«— Иду, говорю, изъ лѣсовъ дремучихъ, а ищу вѣры истинной.

«— Вѣры истинной! сказалъ мужикъ:—а какой же ты вѣры ищешь?

«— Вашей, говорю.

— Мужикъ всталъ и затворилъ за мною дверь. Бабы высунулись изъ-за перегородки.

«— Добро пожаловать, божій сынъ, ласково заговорилъ мужикъ:—мы рады овцамъ заблудшимъ, которыя ищутъ истиннаго пути...

— Я раздѣлся. Мужикъ Трофимъ Зайцевъ, какъ опослѣ оказалось, сталъ меня спрашивать о всемъ. Я сказалъ ему, какія пыталъ вѣры. Онъ все слушалъ и ворочалъ во все время библію. Наконецъ заговорилъ:

«— Мы примемъ тебя, божій сынъ, и дадимъ тебѣ *справиться*... Живи у насъ, и когда испытаешь нашу вѣру, такъ и самъ не уйдешь.

И я поселился у Трофима Зайцева. Меня засыпали деньгами, снарядили одѣжею, и какъ я былъ безбилетный, то и указали особую влѣтъ, гдѣ бы я, до окончательнаго поступленія въ секту скопческую, могъ спрятаться на случай розысковъ полиціи. Живу я мѣсяць, живу другой въ качествѣ *испытуемаго*... Поить, кормятъ хорошо и денегъ даютъ въ волю!... Осмотрѣлся я и сталъ вникать въ ихъ житье-бытье. Прежде всего мнѣ не понравилось, что они ничего не ѣдятъ мясного и не употребляютъ никакихъ горячительныхъ напитковъ, отчего лица у всѣхъ у нихъ такіа блѣдныя и сухія. Живутъ они всѣ скрытно и осторожно, отчего и самые дома ихъ строятся большею частію окнами во дворъ, заборы чуть не наравнѣ съ крышей, а ворота вѣчно на заперти. Въ каждомъ домѣ есть тайники, или подвалы, гдѣ совершается у нихъ оскотленіе и гдѣ оскотленные послѣ этого обряда или вымечиваются, или умираютъ никому неизвѣстно... Изъ разспросовъ и разговоровъ съ ними я узналъ, что они имѣютъ сношенія съ скопцами въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ таврической гу-

берни и даже съ иркутскими и тобольскими скопцами. Сношенія эти производятся чрезъ странниковъ и бѣглыхъ, которые обыкновенно, въ случаѣ опасности, прячутся въ тайникахъ между накатомъ и обшивкой потолка, въ двойныхъ и тройныхъ подпольяхъ и, наконецъ, просто въ землѣ, вырытой въ глубину сажень въ десять, или двѣнадцать. Когда я познакомился съ ними покороче, то узналъ, что у каждаго скопца есть своя радѣльная рубаха и радѣльные покровы, бѣлые платки, усѣянные мушками, а иногда и просто полотенцы; у многихъ кака-нибудь святиня изъ вещей искупительскихъ, или ладонка съ волосами и обрѣзками ногтей, или пузырекъ съ грязною мыльною водою отъ искупителя, и у каждаго непременно монеты Петра III, тщательно сберегаемыя отъ всѣхъ другихъ денегъ отдѣльно...

«— Ну, что, нравится ли тебѣ у насъ жить? стали спрашивать меня всѣ.

«— Нравится, говорю.

«— А вѣра наша?

«— Да я церкви вашей, говорю, не видалъ еще.

«— А вотъ увидишь скоро!...

— И они введеніе меня въ свою церковь все откладывали до большаго испытанія меня. Наконецъ, черезъ мѣсяць рѣшились допустить меня до своего богослуженія.

«— Ну, теперь, божій сынъ, поведемъ тебя и въ свою моленную, гдѣ присутствуетъ самъ христовъ, сказалъ мнѣ Трофимъ Зайцевъ.— Увидишь все христово царство!...

«— Очень, говорю, любопытно.

И мы стали собираться. Моленья ихъ, сударь мой, происходятъ большею частію наканунѣ большихъ православныхъ праздниковъ, но гдѣ — я никакъ никогда не могъ самъ собою этого узнать: такъ тщательно они скрываютъ эти мѣста. Настала наконецъ ночь подъ Ногровъ Пресвятыя Богородицы — и въ селѣ стали приготовляться тайно въ моленную. Ночь была темная, такъ что въ трехъ шагахъ не было видно человѣка. Мы пошли лѣсомъ за село, гдѣ находилась мезельня. Наконецъ, подходимъ къ оврагу. Смотрю — съ фонарями подъ полою спускаются въ оврагъ со всѣхъ сторонъ скопцы, и направляють въ западную, которая сдѣлана изъ земли въ полугорѣ. Спускаюсь и я въ западную. Вижу, огромный корридоръ съ фонарями потянулся въ глубину горы. Народъ шель свободно по корридору, какъ по улицѣ. Полъ насланъ изъ досокъ, бока досчатые изъ срубовъ. Вездѣ горитъ огонь и стоятъ караульные по

угламъ. Наконецъ дошли мы къ двери избы, которая окнами выходитъ на рѣчной берегъ и изображаетъ собою съ виду будто пчельникъ крестьянскій. Входимъ мы. Смотрю, изба полна ужъ народу. Времени было около часовъ девяти ночі. Мужчины одѣты въ бѣлыхъ рубашкахъ, длинныхъ-предлинныхъ и широкихъ, такъ что аршинъ десять будетъ въ подолѣ, женщины тоже въ бѣлыхъ рубашкахъ и въ синихъ китайчатыхъ сарафанахъ сидятъ по лѣвой сторонѣ передняго угла. Какъ мужчины, такъ и женщины босякомъ и держатъ въ рукахъ большіе бѣлые покровы, въ родѣ колотенцевъ. Когда мы вошли, то Трофимъ далъ знакъ, чтобы я привѣтствовалъ всѣхъ земнымъ поклономъ и самъ бухнулся въ землю. Намъ отвѣтили тѣмъ же и мы сѣли. Трофимъ облачился тотчасъ въ бѣлую одежду и разулся, какъ слѣдуетъ скопцу. Черезъ часъ, наконецъ, по знаку одного плюгавенькаго мужичонка, съ бородкой клиномъ, всѣ заѣли:

Дай намъ Господи, въ намъ (*)
 Иисуса Христа!
 Дай намъ снѣ божій
 Свѣтъ помилуй насъ!
 Сударь духъ святыи
 Свѣтъ помилуй насъ!
 Охъ, ты матушка,
 Свѣтъ-помощница
 Пресвятая свѣтъ
 Богородица!
 Упроси свѣтъ объ немъ
 Свѣтъ-сына твоего
 Бога нашего!
 Свѣтъ тобой мы спасены
 На сырой на землѣ,
 На матушкѣ
 На сударинѣ
 На кормилицѣ!...

Я сижу въ углу и смотрю на потолокъ молельни. Вижу—посрединѣ нарисовано всевидящее око съ парящими ангелами въ трехъ кругахъ, а внизу Адамъ и Ева рукоплещущіе; дальше нарисованъ отрокъ въ радѣльной рубахѣ съ поднятыми къ небу руками, на котораго изливаетъ благодать свою духъ святыи въ видѣ голуба, окруженный группами ангеловъ; рядомъ нарисованъ распинающійся отшельникъ, у котораго ротъ запертъ замкомъ, въ груди обнаженное сердце, а въ рукахъ чаша съ горящимъ пла-

(*) Пѣсни скопческія, съ извращеннымъ понятіемъ о вѣрѣ.

менемъ; посреди разныхъ иносказательныхъ фигуръ и подписей, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, представлены агнцы съ разными украшеніями, преимущественно крестами. Тутъ же было изображеніе «Бездны» и «Ключа ада», что означало нечистые грѣшныя ограны человѣческіе, такъ что Бездну выносить на свѣтъ дьяволы, а Ключъ ада воздымаетъ и направляетъ самъ сатана. Главныя же картины были: изображенія ихъ умершихъ учителей Селиванова и Александра Ивановича, на которыя всѣ молились. Селивановъ этотъ нарисованъ старичкомъ въ темнозеленомъ халатѣ, съ черною соболіною опушкою, съ бѣлымъ галстукомъ на шеѣ, повязаннымъ большимъ бантомъ. Онъ сидитъ въ креслахъ, положивъ правую руку на красный, объ одной ножкѣ, столъ, на которомъ изображалась корзинка съ вѣткою винограда и двумя персиками, въ лѣвой же рукѣ его бѣлый платокъ съ голубыми и красными цвѣточками. Изба вообще была очень большая и въ ней находилось человѣкъ сто. Предъ иконами висѣли лампы, а къ потолку привѣшены два паникадила со свѣчами. Посрединѣ избы у стѣны было устроено особое сѣдалище, или ложе, которое называлось у нихъ престоломъ—и стояло оно такъ, что съ него можно было видѣть всѣхъ. Долго, скажу вамъ, сударь мой, пѣли скопцы свою молитву и наконецъ, громкимъ голосомъ вдругъ закричали: *катитъ нашъ батюшка, катитъ нашъ сынъ божій!* Мужичонка, съ длинной черной бородой, явился въ богатомъ халатѣ, въ колпакѣ и въ спальныхъ сафьянныхъ сапогахъ. Это—видите ли, былъ ихъ Христосъ, сѣдешій, дескать, къ нимъ съ неба. Вошелъ онъ этапъ важно на свой престолъ, облокачился подушками и сталъ благословлять собраніе обѣими руками, говоря, что теперь присутствуетъ посреди дѣтей живой Богъ и бормоча: «Милость-милость! покровъ-покровъ!» Тутъ, знаете, у нихъ началось пророчествованіе. Мужичонка этотъ, что сидѣлъ на тронѣ, назначилъ кому пророчествовать. Вышелъ мужикъ, съ рыжей бородой, на середину, перепоясанный чрезъ плечо полотенцемъ съ платкомъ и покровомъ въ рукѣ, и поклонясь до земли прежде иконамъ, потомъ Христу въ халатѣ и всему собранію, заплѣлъ:

Благослови, мой государь,
 Благослови, батюшка родной!
 На кругъ святой твой шагъ,
 Изволь мною святымъ духомъ завладать!...

Мужичонка этотъ пѣлъ долго-таки, а прочіе все ждали, когда сойдетъ на него духъ святой, а потомъ и сами всѣ заплѣли гуртомъ:

Благослови вниши Творецъ
 Милосердый Богъ отецъ
 Твою пѣсенку намъ спѣть,
 На честный образъ глядѣть!
 Благослови нашъ искупительъ
 Сударь-батюшка родимой
 Колоколь прозвонити
 Птицу райскую сманити!...

Какъ пропѣли они эту пѣсню, мужичонка въ халатѣ, что Христа изображаетъ, началъ пророчествовать и заболталъ всякій вздоръ, какой ему приходилъ въ голову и какъ попало. А всѣ его люди опять запѣли:

Ого! го! го! го!
 Благослови государь батюшка
 Искупительъ изъ раа
 На святомъ кругу положить
 И про твои великия дѣла возвѣститъ,
 Какъ ты страдаешъ въ Суздаль-градѣ,
 Подая вѣрнымъ отрады...

Наконецъ, въ толпѣ послышалось: *разблажился, батюшка, разблажился!* И стали подходить ко Христу одинъ за другимъ слушать пророчества. Подошелъ парень въ бѣлой одеждѣ, такой плотный и красный, и просилъ пророчества. Христось заговорилъ ему:

Ну, Богъ помочь тебѣ братъ!
 Эка Богъ тебѣ радъ
 Подаетъ душѣ твоей много награды;
 Ты будешь имѣть много отрады,
 Пошлетъ въ нутро твое благодать,
 Не изволь, братъ, унывать!...

Парень облизывался отъ удовольствія, что хорошо пророченіе ему, поклонился до земли и отошелъ. Смотрю, подошла дѣвка и просила тоже пророчества. Христось въ халатѣ проговорилъ ей:

Оставайся Богъ съ тобой,
 Покровъ божий надъ тобой!...

Дѣвка отошла, а за нею стали подходить и прочіе. Этотъ мужичонка, вижу, несъ всякую ахинею, наборъ словъ, связываемый наборомъ, но все отвѣчалъ стихами и римами. Когда онъ говорилъ, то всѣ внимали и было въ молельнѣ такъ тихо, что будто въ избѣ никого нѣтъ; до кого касались эти пророчества, тѣ падали ницъ и распростирались по полу, а прочіе сидѣли. Смотрю, подходить мой Трофимъ и растаялся какъ пласть по полу. Христось заговорилъ ему:

На зарѣ-зарѣ вечерней
 Золотѣ труба трубила
 Вѣрныхъ праведныхъ будила
 Съ неба матушка скатила,
 На святой кругъ накатила
 Избранныхъ возвѣщала
 Ждать батюшку общала...
 Приказала всѣмъ молиться
 Скоро батюшка лягнется
 Красно солнце прикатится,
 Въ домъ Давидовъ возвратится
 На престолѣ воцарится,
 Освѣтитъ тебѣ лучами
 Зазритъ батюшка очами
 И избавитъ тя отъ печали —
 Ступай и прощай...

Трофимъ отошелъ и разглаживалъ бороду отъ хорошаго пророчества. А дай, говорю, подойду и я. Чтѣ скажетъ мнѣ Христось? Я не имѣлъ на себѣ бѣлой одежды, но Христось *сметнулъ* про меня и заговорилъ мнѣ:

Видитъ батюшка изъ рая,
 Что катитъ птица моя,
 Ее батюшка встрѣчаетъ
 Крестнымъ знаменемъ благословляетъ.
 На кругъ птицу отражаетъ и проч.

Ишь ты шельма, думаю, какія турусы подпустилъ. Видитъ новую птицу у себя и облажаетъ. Однако, вижу, мужичонка, наконецъ, усталъ и утихъ. Въ сборницѣ начались радѣнія.

— Вы не знаете, сударь, чтѣ это за *радѣнія*? сирсилья меня Русанѡвъ?

— Нѣтъ, говорю.

— А вотъ послушайте, я вамъ расскажу. Какъ только умолкъ этотъ ихъ христось въ халатѣ, выступила на средину дѣвка, черномазая, смазливая такая, и начала вертѣться на пяткѣ правой ноги на одномъ мѣстѣ такъ шибко, точно мельница. За ней завертѣлись другіе поодиначкѣ, и бабы и мужики, и все на пяткѣ порознь одинъ отъ другого. Это у нихъ называется *радѣніе одиначное*. Въ это время прочіе заплѣли:

Ай у насъ на Дону
 Самъ Спаситель во дому! и проч.

Когда устали вертящіяся поодиначкѣ, тогда Христось ихъ на своемъ тронѣ заплѣлъ:

Богоотець убо Давидъ
 Предъ сѣннимъ ковчегомъ
 Сказаше играя...

— Вдругъ, сударь мой, началась потѣха! Всѣ стали въ стѣнку другъ возлѣ друга и начали бѣгать одинъ за другимъ кругообразно, останавливались другъ передъ другомъ, заскакали, завертѣлись, заворачивались разными манерами и пришли въ буйный, неистовый восторгъ. Все ломалось, корчилось, бѣсновалось, сколько хватало силъ, до изнеможенія, до безпамятства. Посрединѣ круга вертѣлись двое, точно какъ жорновъ мельничный, такъ что глазъ терялъ ихъ изъ виду. Волосы у кружившихся поднимались дыбомъ, на мужчинахъ рубахи и на женщинахъ сарафаны раздувались какъ трубы. Въ избѣ воздухъ сдѣлался въ родѣ вихря, такъ что нѣкоторыя свѣчи задулись сами собою. Смотрю, одинъ судорожно толчется, другой трясется и топаетъ ногами, третій прыгаетъ вверхъ, четвертый скачетъ въ присядку. Изъ устъ бѣснующихся слышались гоготанья и взвизгиванья:

Ой духъ,
Ой духъ!
Царь Богъ!
Царь Духъ!

Поть со всѣхъ лился рѣками, такъ что полъ хотъ вытираи ветощками, и бѣснующіеся дѣлались точно выкупанные, или изъ бани. Съ полчаса это длилось. У меня инда голову заломило. Чтѣ за чудо, думаю, какъ это ихъ хватаетъ? Наконецъ вижу, поувыхались, лица поблѣднѣли какъ полотно, и многіе стали падать какъ мухи. А мужичонка въ халатѣ широкомъ, чтѣ Христомъ называется, стоитъ себѣ на своемъ тронѣ да рукой помахиваетъ и ногой притопываетъ, приговаривая:

Мои дѣтушки разгулялись,
Со святимъ Духомъ разблужались!...

а ему отвѣчаюгъ всѣ пѣсню:

Ай! кто пиво варилъ,
А кто затиралъ? и проч.

— Это радѣніе, сударь, у нихъ называется *корабельнымъ*.

То-то пивушко-то,
То-то дивушко-то...

кричали всѣ, высовывая отъ усталости языкъ и падая на земь:

Человѣкъ устами не пьетъ,
А пьянехонекъ живетъ!...

Когда всѣ почти изъ бѣсновавшихся повалились на полъ, то четверо, которые послѣднѣе другихъ и меньше умались, вы-

ступили на средину и стали радѣть крестообразно, изображая Петровъ крестъ. Они стали другъ противъ друга на крестъ и начали прыгать и крутиться до тѣхъ поръ, пока тоже не повалялись на землю. Когда, такимъ образомъ, всѣ упались пивомъ небеснымъ и обезнамятили, у нихъ начались пророчества *самихъ людей*. Поднялась дѣвка и стала среди избы. Всѣ попадали на колѣна передъ иконами и сидѣли на полу. Дѣвка заговорила:

Прости солнце, мѣсяцъ, простите звѣзды,
Прости матушка сыра земля!
Господи, благослови мнѣ говорить не своими устами,
А всели въ меня святой духъ твой!...

Затѣмъ начала эта дѣвка бѣгать среди сидѣвшихъ на колѣнахъ на полу и приговаривать:

Слушайте, православные христіане!
Вотъ есть духъ святой! Молитесь христіане!
То былъ дождь, а теперь я вамъ дамъ погоду,
Чтобы коношю помолотить. Не переставайте, молитесь.
Два года былъ неурожай,
А теперь я вамъ дамъ великій урожай хлѣба.
Не кушайте зеленъ виноградъ. За ваше маловѣріе
Пошлю сильную тучу и градъ!...

Услышавъ послѣднюю угрозу, всѣ, общими силами, стали умолять пророчицу, чтобы она отвратила тучу и градъ, потому что у нихъ и то два года сряду были неурожайные. Затѣмъ двѣ изъ бывшихъ тутъ женщинъ начали просить со слезами, одна — объ избавленіи ея семейства отъ рекрутской повинности, другая — о возвращеніи ея сына, отданнаго въ солдаты. Пророчица общала всѣмъ исполнить ихъ просьбы. Кончивши прорипанія, дѣвка начала приглашать каждаго помолиться ей чѣмъ-нибудь: тутъ кто общалъ ей служить поклонами, кто милостынею. По окончаніи пророчества, Христось ихъ началъ раздавать маленькіе четверугольные кусочки блага хлѣба, крестообразно изрѣзанные линиями, въ видѣ четверугольныхъ пряничковъ, съ изображеніемъ креста и цвѣтовъ. Эти кусочки скопцы считаютъ истиннымъ святымъ причастіемъ, а освящались они будто чрезъ опущеніе въ могилу святителя ихъ Александра Ивановича Шилова, находящуюся въ Шлиссельбургѣ, гдѣ будто нарочно для того сверху могилы находится отверстіе. Послѣ причастія всѣ стали угощать себя братскою трапезою, которая была приготовлена за стѣной, въ особой комнатѣ за перегородкою, и состояла изъ рыбы, молочныхъ кушаньевъ и овощей. Также всѣ стали пить чай, до

котораго они вообще большіе охотники, и который замѣняетъ имъ употребленіе горячихъ напитковъ. На зарѣ почти всѣ разошлись, и я воротился...

— Да-съ, сударь мой. Вотъ она какова вѣра-то! воскликнула Русановъ.— *Блажѣтъ* вѣдь люди, какъ вы думаете?

— Да, говорю, блажать...

— А все отчего?

— Отчего говорю?

— Отъ невѣжества. *Ничему не учены, настоящей вѣры не знаютъ*, ну, и бродятъ въ *потемкахъ*, кто во что гораздъ... Да наживу полиціи доставляютъ. Сколько денегъ съ нихъ собираютъ— сами рассказываютъ!... Извѣстно, баловливая овца волку корысть.

— Я, однако, не слыхалъ, говорю, чѣмъ же кончилось твое пребываніе у скопцовъ-то?

— Чѣмъ кончилось-то?

— Да.

— Конечно, чѣмъ!... Я, испытавши ихъ вѣру пустую, увернулся отъ нихъ, изловчился любо-дорого.

— Какъ же именно? любопытно, говорю, знать.

— Дѣло было такъ, продолжалъ Русановъ.— Послѣ Покрова-то, когда меня допустили въ моленную свою, скопцы эти стали присылать ко мнѣ, чтобы я сдѣлалъ надъ собою *приводъ*. Это повнхему значитъ посвященіе себѣ въ скопцы, только уже чрезъ оскопленіе.

— А никакихъ тутъ болѣе не будетъ? спросилъ я.

— Никакихъ, говорятъ.

— Ну, говорю, ладно. А самъ думаю: посмотрю, что за штука этотъ *приводъ*? Вѣдь меня отъ этого не убудетъ. Чрезъ двѣ недѣли слышу: по всему селу и по окрестнымъ селамъ разнесли они вѣсть, чтобы собирался народъ подъ воскресенье слѣдующее въ моленную, гдѣ, дескать, будетъ *приводъ* надъ странникомъ Богданомъ, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ былъ я у скопцовъ. Ладно, думаю, пускай собираются!...

XIV.

На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

— Приближалось, наконецъ, сударь мой, и воскресенье. Я сказалъ Трофиму, что неготовъ еще вступить въ ихъ вѣру и что желаю еще съ мѣсяцъ быть на испытаніи. Онъ доложилъ старѣй-

шимъ и меня оставили еще на мѣсяць, а между тѣмъ недѣли черезъ двѣ прилучилось сдѣлать приводъ надъ бѣглымъ, изъ Сибири, парнемъ лѣтъ двадцати-пяти, который уже больше полгода былъ у скопцовъ на испытаніи: я изъявилъ желаніе участвовать при «приводѣ», чтобы потомъ, дескать, самому знать этотъ обрядъ, когда прилется его держать. Согласились и на это. А я, между тѣмъ, живу да поживаю и всѣ ихъ обряды и закоулки высматриваю... Любопытство меня сильно разнимало! Подъ Кузьму и Демьяна, наконецъ, назначили приводъ бѣглому парню. Мы съ Трофимомъ отправились въ моленную въ тотъ же лѣсъ, гдѣ я бывалъ уже нѣсколько разъ при богослуженіи. Приходимъ. Всѣ скопцы были въ полномъ сборѣ, какъ мужчины такъ и женщины. Свѣчь пылало такъ много, что въ моленной былъ точно день. Приводимый *новичъ* въ ближней горницѣ переодевался въ торжественный нарядъ, состоявшій въ бѣлой, длинной и широкой, особаго покроя, рубашкѣ, а соборъ братіи протѣжно заплѣлъ:

Ужь ты бѣлый голубокъ
 Нашъ связаный воркунокъ!
 По саду леташъ воркуешъ,
 Припалъ къ терему, послушалъ:
 Чтѣ въ терезѣ говорятъ?
 Волю божию творять.
 Входи къ намъ, братецъ, поради,
 Живымъ Богомъ завладѣй!...

—Потомъ по знаку, данному Христомъ, который сидѣлъ на своемъ тронѣ, ввели парня въ соборъ, съ босыми ногами. Уловитель *новича* подвелъ его къ тремъ учителямъ, съ сѣдыми длинными бородами, и велѣлъ положить три поклона, потомъ оба обратились къ Христу и поклонились ему до земли, сотворивъ крестное знаменіе обѣими руками. Всѣ присутствующіе братья и сестры сидѣли по чину съ зажженными восковыми свѣчами, а Христось, прежній мужичонка, держалъ кромѣ того въ правой рукѣ крестъ. «Новикъ» съ привѣтствіемъ и поклономъ подводился ко всѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые отвѣчали ему тѣмъ же, вставали съ своихъ мѣстъ и снова садились по мѣстамъ безмолвно. Христось потомъ началъ держать рѣчь и сталъ изъяснять приводимому, какъ тяжелъ яремъ, который онъ хочетъ принять на себя, къ какимъ трудамъ долженъ себя готовить, какъ будутъ его гнать, хулить и ненавидѣть, и все это надобно будетъ переносить терпѣливо и безропотно. Хоръ заплѣлъ:

Ты воспой, воспой соловейшко въ саду,
Не давай сердцу печали моему!...

—Христось началъ излагать потомъ обязанности, которыя отъ того часа надо будетъ исполнять свято и ненарушимо до конца жизни. Вонервыхъ, говорилъ онъ, нужно удалаться отъ обращенія съ женщинами, какъ отъ самой гнусной свержны, и потому *кто не женатъ, тому средѣ не жениться, а кто женатъ уже, тому разжениться*, то-есть прекратить супружескія сношенія съ женою; вовторыхъ, не употреблять никакихъ горячихъ напитковъ, ни вина, ни пива, также и табаку, не ѣсть мяса, а питаться только растеніями, молочнымъ и рыбнымъ; втретьихъ, не проносить никакихъ ругательствъ, тѣмъ паче непристойно-бранныхъ словъ, даже не выговаривать имени дьявола, а называть его, въ случаѣ надобности, «врагомъ», другъ же друга не уорять никакимъ чернымъ словомъ, развѣ вроткимъ именемъ «суеты»; вчетвертыхъ, съ «міромъ», то-есть со всѣми прочими людьми, не водить никакой дружбы и пріязни, не ходить къ нимъ ни на свадьбы, ни на крестины, ни на другіе праздники и торжества, пѣ сень обыкновенныхъ нетолько не пѣть, но и не слушать, равно какъ сязовъ, такъ и другихъ вымышленныхъ повѣстей не читать; впятыхъ, называть другъ друга не иначе, какъ «братьями» и «сестрами» и притомъ каждому «брату» и каждой «сестрѣ», при свиданіи, только бы не при мірянахъ, воздавать честь земнымъ поклономъ, съ изображеніемъ крестнаго знамени, по той причинѣ, что человекъ есть образъ божій живой, а не писанный. Если все это можешь исполнить, говорилъ Христось «новикъ», то милости просимъ въ избранное христово стадо!...

«— Могу! отвѣтилъ новикъ.

«— Въ самой строжайшей точности? повторилъ Христось.

«— Въ самой строжайшей точности.

«— Въ братствѣ, въ которое ты вступаешь, говорилъ Христось: — хранится живое таинство, *утаенное* отъ премудрыхъ и разумныхъ и открываемое со временъ святыхъ апостоловъ только младенцамъ, то-есть избраннымъ святымъ божіимъ человекамъ. Общаешься ли ты это таинство, когда оно будетъ тебѣ открыто, сохранять въ своемъ сердцѣ и никому неповѣдать, хоть бы то стоило гоненій, мукъ и даже самой смерти?

«— Общаюсь, говорилъ новикъ.

«— Такъ! отвѣчалъ Христось.—Но вого представишь ты порукою за себя?

«Новикъ» указалъ на своего *уловителя*.

«— Ну, ливуйте людѣ! обратился Христось къ собору.

И всѣ хоромъ зашѣли:

Благословенъ еси Христе Боже нашъ,
Иже премудры ловцы ловей.
И тѣми уловлей вселенную...

«— Клянись! закричалъ Христось къ «новнику».

Малый, смотрю, ведрогнулъ и мобѣлѣлъ.

«— Произноси за мной клятву.

И уловитель далъ въ руки новнику икону.

«Пришелъ я къ тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія.
Не по неволѣ, но по своему желанію
И обѣщавшъ служить вѣрно милосердому государю
Батюшкѣ испускителю!...
И про дѣло сіе святое никому не сказывать
Ни царю, ни князю, ни отцу, ни матери, ни родству, ни пріятелю
И готовъ принять гоненія и мученія:
Огонь, кнутъ, плаху и топоръ,
Только не повѣдать врагамъ тайну!»

— Послѣ клятвы «новикъ» поцаловалъ крестъ, находившійся въ рукѣ у Христа, и опять заговорилъ за нимъ прощальныя слова, означавшія совершенное его отреченіе отъ прежней жизни и возрожденіе въ новую жизнь:

Прости меня Господи,
Прости меня пресвятая Богородица,
Простите меня ангелы, архангелы,
Херувимы, серафимы и вся небесная сила.
Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна,
Простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы,
Простите всѣ стихіи небесныя и земныя!...

— Смотрю я, послѣднія слова малый едва выговорилъ. Кажется, онъ запугался не на шутку. Тутъ весь соборъ всталъ и началъ ходить кругомъ, распѣвая:

Во Иорданѣ крещашуща тебѣ Господи!

— И кружатся, сударь мой, и поютъ во весь голосъ. Потомъ вдругъ остановились и зашѣли:

Елицы во Христа крестистесея,
Во Христа облекостесея, аминюа!

— Христось послѣ этого, а за нимъ братія и сестры всѣ по порядку, положивъ земной поклонъ предъ иконами, начали поздравлять новаго собрата громкимъ возгласомъ:

Христось воскресе!

— Новикъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому порознь по очереди:

Во истину воскресе!

— И всѣ зацаловались съ ~~новикомъ~~ *братцемъ*, а хоръ запѣлъ:

Взбранный воевода, нашъ сударь батюшва

Избранный воевода, нашъ даръ небесный!... и пр.

«— Помолитесь, заговорилъ наконецъ Христось, въ родѣ ектеніи:—вопервыхъ, о матушкѣ великой страданицѣ Акулинѣ Ивановнѣ и государѣ-батюшкѣ некупителѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, о благословенномъ батюшкѣ Селивановѣ и Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ, о разныхъ корабляхъ, плавающихъ по морю житейскому, и заключенныхъ въ ссылку нашихъ братіяхъ. Аминь!

Послѣ этого, малаго «новика» повели въ сосѣднюю комнату и оскопили косою... но такъ плѣхо, что онъ потомъ три недѣли лежалъ не вставая съ постели, пока залечивался всякими мазями и пластырями ихними...

«— Худо, подумалъ я, наглядѣвшись на мученія малаго:—если этакъ и меня оварнають!... Нѣтъ, шалишь, смеялъ я, ужъ оскопиться-то не дамся!...

— И я сталъ придумывать, какъ бы улізнуть отъ нихъ. Скопленіе это уродовало, сударь мой; людей немилосердно; а главное, причиняло нестерпимыя боли. Дѣлать этого они хорошо не умѣли и производили обрадъ этотъ то бритвою, то ножомъ или другимъ острымъ орудіемъ, то косою, топоромъ и долотомъ—и прижигали потомъ тѣло раскаленнымъ желѣзомъ. У женщинъ оскопляемыхъ отрѣзають груди, иногда вжигаютъ ихъ, а иногда и вытравлиють... Правда, они поятъ предъ этимъ виномъ подавшихся имъ и даютъ кучу денегъ, дарятъ иногда цѣлый новый выстроенный домъ, со всѣмъ и со скотомъ, накупленнымъ нарочно для новаго собрата - бездомника, особенно бѣглого или ссыльнаго, но все-таки чрезъ день оскопленный востучиваетъ же боль и кричитъ сердечный благимъ-матомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Бываетъ у нихъ и то, что слишкомъ робкихъ и упорныхъ, опоневъ пьяными и другими усыпительными напитками, они завертываютъ въ простыню, связываютъ по рукамъ и по ногамъ, надѣваютъ на голову мѣшокъ и такимъ образомъ уносятъ или отвозятъ въ какое нибудь захоlustье, въ подвалъ, въ погребъ, гдѣ средства спасенія, крикъ и призваніе на помощь были бы бесполезны. Жаловаться начальству послѣ этого нельзя, потому что законъ

подавшагося скопчеству ссылаеть въ ваторгу. Мой хозяинъ — уловитель, мужикъ Трофимъ, сталъ за мною смотрѣть, сударь мой, во всѣ глаза и ни на шагъ не отпускать отъ себя, зная, что приближалось время оскопленія меня и опасаясь, чтобы я не далъ тягу. Онъ, видите ли, соблазнялъ меня уже двѣнадцатаго, а по ихъ вѣрѣ, кто уловить въ скопчество двѣнадцать человѣкъ, тотъ приобретаетъ званіе *апостола* съ правомъ старѣйшины и наставника.

— Трофиму очень хотѣлось, конечно, получить званіе апостола, и онъ укаживалъ за мною сильно. Миѣ приготовили уже и домъ со всѣми службами, и скотъ накупили. По правдѣ говоря, и всѣ скопцы помѣшаны на томъ, какъ бы больше уловить людей. Они вѣрятъ, что когда секта ихъ будетъ простираться до апокалипсическаго числа, то-есть до 144,000 человѣкъ, тогда явится въ славѣ ихъ христосъ, который есть истинный агнецъ божій, и тогда наступитъ окончательно ихъ торжество и вѣчное блаженство...

— Случилось, однако, сударь мой, скоро прѣхать становому въ село. Онъ заглядывалъ къ скопцамъ частенько, но обысковъ мало дѣлалъ. Скопцы отдѣлывались за посѣщеніе его сторублевою, и онъ убѣждалъ. Миѣ пришла мысль указать становому мѣста оскопленія. Съ одной стороны, я думалъ, сдѣлаю хорошее дѣло, когда прекращу этотъ обрядъ скверный, потому что, какъ хотите, сударь, а рѣзать этакъ человѣка не годится, *дурятъ люди сдору*; а съ другой стороны держу на умѣ, чтобы воспользоваться судомъ и убѣжать отъ нихъ по добру по здорову. Вотъ настигъ я становаго вечеркомъ у гуменъ и говорю ему:

«— Извините, ваше высокоблагородіе, если я остановлю васъ.

«— Чтò, говорить, тебѣ нужно?

«— Да вотъ, молъ, желаю сообщить вамъ мѣста, гдѣ производять скопленіе людей.

— Становой ласково взялъ меня сейчасъ за руку, да и началъ выпрашивать, и такъ дружественно. Я росписалъ ему всѣ мѣста и склепы скопцовъ.

«— А кто, говорить, ты самъ-то?

«— Тоже изъ ихнихъ, говорю.

«— Ну, говоритъ, я тебя не трону, все сдѣлаю такъ, какъ-будто я самъ обо всемъ узналъ, и тебя вовсе не знаю. Понимаешь?

«— Понимаю, говорю.

«— А то, если узнают они, тебя могут убить пожалуй, а если по суду принять отъ тебя доносъ, то тебя потомъ будутъ судить за пребываніе въ сектѣ... А самъ сунулъ мнѣ 25ти-рублевую бумажку въ руку.

«— Вотъ тебѣ, говорить, за доброе извѣстіе.

— Смотрю, сударь мой, становой ночью же шастъ съ понятими по всѣмъ указаннымъ мною мѣстамъ. И пошла потѣха въ селѣ! Я какъ-будто и знать ничего не знаю. Становой отыскалъ у нихъ, по моему указанію, и чуланчики, и чердаки, и влѣтушки, и тайники, устроенные между накатами и обшивкой потолка, гдѣ хранились орудія оскпленія, а у Христа забралъ всѣ радѣльные рубашки, радѣльные покровы, ладонки съ волосами и обрѣзками ногтей, сухарики, врендельки и другія съѣдобныя крохи, составлявшія причастіе скопцовъ, мази, и примочки всякія, служившія къ заживленію ранъ, окровавленные тряпки, подушки и одѣяла съ кровавыми пятнами, и забралъ его самого въ острогъ. Боже ты мой! какъ завопили, доложу вамъ, скопцы эти! Собрали не одну тысячу денегъ и отдали становому, чтобы выпустилъ ихъ Христа. Становой, не будь, значить, глупъ, деньги взялъ отъ посланнаго, подарки принялъ, а Христа-то все-таки не выпустилъ и доложилъ начальству, что такъ-де и такъ, Христа поймалъ. Прочихъ же мужиковъ, у которыхъ нашелъ тайники разные, отпустилъ, взявъ съ каждаго выкупу по 500 руб. сер., а то, говорить, въ острогъ всѣхъ пересажаю. Долго тужили скопцы о Христѣ своемъ и ходили съ деньгами по начальству. Собирали денегъ кучу и все отвозили въ губернской городъ... Только, доложу вамъ, сударь, они канальи послѣ этой переполохи такъ озлились, что готовы были оскпнить весь свѣтъ и изрѣзать по своему обряду. Меня чрезъ мѣсяць же потянули къ оскпленію.

— Шалишь, думаю, я теперь съ вами справлюсь! Становой сказалъ мнѣ, чтобы я ничего не боялся и донесъ ему еще объ молельникахъ ихъ.

— И сѣвъ веркомъ на лошадь, я въ одну ночь, за два дня до оскпленія меня, скаталъ къ становому, который жилъ всего въ 8-ми верстахъ отъ этого села.

«— Такъ и такъ, говорю, ваше высокоблагородіе, подѣ субботу послѣ-завтра, назначается меленъе въ лѣсу и оскпленіе меня. Пріѣзжайте и перевяжите всѣхъ, а я въ это время убѣгу.

«— Прекрасно, говорить! Вотъ тебѣ 50 руб. за это, и позволеніе

убѣжать. Ты убѣги прямо ко мнѣ въ станъ, будешь безопасенъ; только какъ же это ты сдѣлаешь?

«— Ужь это, говорю, наше дѣло! А самъ думаю: услугу становому, пригодится вѣдь онъ въ моемъ житьѣ. Человѣкъ я бѣглый...

— Становой тотчасъ меня отпустилъ и спросилъ, въ которомъ часу это будѣтъ?

«— Въ десять часовъ, говорю, приѣзжайте. Какъ разъ будете въ вѣнь. Подходить суббота. Трофимъ мой руки потираетъ отъ радости. А я, значить, себѣ на умѣ—помалчиваю... Народъ, по обыкновенію, собрался со всего села. Гляжу, на мѣсто увешаннаго становымъ Христа избранъ ужъ другой мужичонка, борода опять клиномъ, какъ пишутъ на иконахъ у настоящаго Спасителя нашего. Свѣчи пылали во всей моельнѣ, какъ и прежде, и всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ свѣчами въ рукахъ, начали, по обыкновенію, пѣть разныя пѣсни, и лишь только затанули:

Благословенъ еси Христе Боже нашъ
Иже премудры ловцы ловлей...

какъ вдругъ дверь съ петлей моельни соскочила и становой съ ротою солдатъ, вооруженныхъ заряженными ружьями, влетѣлъ въ моельню и закричалъ:

«— А вотъ я васъ, сукины дѣти, и уловлю!...

— Господи владыко! что только сдѣлалось вдругъ въ моельнѣ? Женщины пали на земь и завизжали, мужики хотѣли сопротивляться, но становой велѣлъ дать залпъ изъ ружей въ стѣну и у всѣхъ руки опустились. Мужичонку-Христа сейчасъ въ кандалы, а прочихъ становой заперъ на мѣстѣ преступленія и дѣпью охватилъ моельню. Къ губернатору тотчасъ послалъ нарочнаго съ доношеніемъ. Я выбѣгъ, съ дозволенія становаго, изъ моельни, вскочилъ на казацкую лошадь верхомъ и уѣхалъ въ квартиру становаго на житье... до поры до времени...

XV.

Дорогà ложка за овцомъ.

— Въ квартирѣ становаго меня помѣстили безопасно. При квартирѣ было особое отдѣленіе для арестантовъ, въ родѣ пересильной тюрьмы или этапа, гдѣ содержались обыкновенно преступники до отсылки ихъ въ остроги, или во время допросовъ. Тогда еще не было вѣдь судебныхъ слѣдователей и становой все

Т. СЛХ. — Отд. I. 13

справлялъ одинъ. Смотрю: сначала начались допросы двумъ Христамъ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Я постоянно находился при этихъ допросахъ для очныхъ ставокъ и уличенія ихъ въ глаза. Ужъ какъ же они сверкали на меня глазами, доложу вамъ, такъ бы, кажется, еслибы воля была, разорвали меня живого на клочки!... Я, знаете, посматриваю на нихъ, да посмѣиваюсь. А ихъ-то это пуще бѣсить... Первый допросъ начался Христу, что прежде былъ взятъ. Звался онъ Игнатій Шмелевъ. Ввели его въ присутствіе къ становому. Тутъ засѣдатель, депутатъ, четверо писцовъ сидятъ за столомъ. Солдаты ввели Шмелева скованнаго и стали у порога съ ружьями. Становой обратился къ нему съ вопросомъ:

«— Ты Игнатій Шмелевъ?

«— Нѣтъ.

«— Какъ нѣтъ? Я тебя вѣдь взялъ въ селѣ Б.... и отобралъ у тебя разныя вещи скопческія? говорилъ становой.

«— Нѣтъ.

«— У кого же?

«— Не знаю.

«— Ты скопецъ?

«— Нѣтъ! отвѣчалъ Шмелевъ.

«— Что ты врешь, братъ, такъ безсовѣстно, горячился становой.—Ты скопецъ?

«— Нѣтъ.

«— Этакая безсовѣстная скотина, говорилъ становой. — Раздѣвайте его, обратился онъ къ двумъ солдатамъ.

Казаки раздѣли Шмелева и всѣ стали осматривать его. Оказалось, что онъ оскотленъ...

«— Какъ же ты говорилъ, что не оскотленъ? спросилъ становой.

«— Я не оскотленъ, а духомъ и огнемъ *крещень*, отозвался злобно Шмелевъ...

«— Ну, тамъ чѣмъ ты ни *крещень*, все равно, только все-таки оскотленъ?

«— Нѣтъ.

«— Тфу ты, скотъ! сказалъ становой и плюнулъ на полъ.

Потомъ велѣлъ записать, что Шмелевъ по осмотру оказался оскотленнымъ и сдѣлалъ признаніе, что онъ духомъ и огнемъ *крещень*, т.-е. оскотленъ...

«— Въ кого ты вѣруешь? далъ становой второй вопросъ Шмелеву.

«— Единъ учитель, отецъ нашъ искупитель, и матушка Агулина Ивановна, да батюшка Александръ Ивановичъ, а прочимъ я никому не вѣрю, отозвался Шмелевъ.

«— Чтò же это значить? спросилъ становой.

«— Какъ хотите, такъ и понимайте...

«— Да тутъ ничего не поймешь!

«— *Просвѣтитесь* духомъ, отвѣчалъ Шмелевъ.

«— Да гдѣ же его взять?

«— Не знаю!...

«— Зачѣмъ же ты говоришь, коли не знаешь?

«— Вы спрашиваете...

Становой опять плюнулъ на полъ и записалъ, что Шмелевъ на вопросъ: въ кого онъ вѣруеть, говорилъ чепуху.

«— Чѣмъ ты занимался среди скопцовъ? далъ становой третій вопросъ Шмелеву.

«— Ничѣмъ.

«— Какъ ничѣмъ?

«— Ничѣмъ, кромѣ душевнаго спасенія, посредствомъ воздержанія и чистоты...

«— А сотоварищи твои?

«— Не знаю.

«— Да вѣдь ты живешь съ ними, видишь чтò они дѣлають?

«— Не вижу.

«— У тебя есть глаза?

«— Нѣтъ.

«— Какъ нѣтъ? Вѣдь ты глядишь?

«— Гляжу.

«— Чѣмъ?

«— Духовными очами...

«— Да вѣдь это все равно?

«— Нѣтъ, не одно...

Становой взялъ-было перо, но ткнулъ имъ въ столъ и бросилъ его на полъ.

«— Такъ ты не намѣренъ ничего путнаго сказать ни о себѣ, ни о твоихъ собратяхъ по вѣрѣ?

«— Я ничего не знаю и не вѣдаю, отозвался упорно Шмелевъ.

«— Ну, а если тебя въ острогъ заморать, ни ѣсть, ни пить не будутъ давать, пока не сознаешься?

«— Все равно. Я умру за искупителя...

«— Да кто такой этотъ искупитель-то?

«— Не знаю...

«— Ты видѣлъ этого человѣка, указалъ становой на меня:— когда онъ жилъ у васъ?

«— Нѣтъ.

«— Какъ нѣтъ? Ты совершалъ богослуженіе и онъ былъ у тебя.

«— Нѣтъ.

«— Ты его и не знаешь?

«— Нѣтъ.

«— Уберите его прочь, сказалъ становой солдатамъ.—Этакое упорство!...

И Шмелева отвели опять въ кутузку.

«— Вы напрасно, говорю, ваше благородіе, такъ подступаете къ нимъ. У этихъ людей принято *держать въ секретъ свою вѣру отъ правительства*, и они ни за что не разгласятъ ее человѣку, особливо на бумагѣ...

«— А упоренъ этотъ скотина! проговорилъ становой. — Хоть колъ на головѣ теши...

И становой, долго раздумывая, велѣлъ, наконецъ, позвать Кузьму Лопатина, второго Христа, но не въ допросную избу, а къ себѣ въ комнату, гдѣ сталъ пить его чаемъ, уговаривалъ и общалъ отпустить изъ кандаловъ тотчасъ же, если онъ откроетъ по истинѣ свою вѣру ему одному по секрету, такъ что и на бумагу этого онъ не напишетъ и начальству не донесетъ, а только будетъ знать изъ любопытства и для соображенія при дѣлѣ...

«— Вотъ сейчасъ и кандалы долой съ тебя велю снять, говоритъ становой: — если расскажешь... А то вѣдь подумай, иначе тебя въ каторгу на 20 лѣтъ сошлютъ.

Кузьма Лопатинъ былъ мужичонка трусливый и Христомъ только еще избранъ недавно, потому не успѣлъ еще *укрѣпиться*... и сталъ поддаваться... Становой мигнулъ мнѣ въ дверь и шепнулъ, чтобы писарь сѣлъ за занавѣску, которой отгораживались комнаты его, и записывалъ показаніе. Писарь сѣлъ съ чернильницей и перомъ и сталъ писать, а Кузьма рассказывать...

«— Это истинное ваше вѣрованіе? спросилъ становой.

«— *Истинное*, отвѣчалъ Лопатинъ.

И онъ сталъ проситься отпустить его на волю и цѣпи желѣзные снять.

«— А ты оскопленъ? даль еще послѣдній вопросъ Лопатину становой.

«— Оскопленъ...

«— Взглянемъ, сказалъ становой.

И Лопатина раздѣли.

На шолковомъ шнуре чрезъ шею у него найдена ладонка бархатная.

«— Это что? спросилъ становой.

«— Искупителевы *страды*, отвѣчалъ Лопатинъ.

Разрѣзали ладонку и въ ней нашли два листа бумаги, самыми убористымъ почеркомъ исписанныхъ. Это было дѣйствительно «жизнь и страданія искупителя» ихнева, и ладонка та имѣлась во всякомъ кораблѣ и носилъ ее на груди всякій избранный скопцами Христось. Становой забралъ «страды» и ладонку и приложилъ къ дѣлу, а Лопатина увѣрилъ, что онъ напишетъ только бумагу такую, по которой чрезъ два или три дня и выпустить его на волю... Лопатинъ ушелъ въ полной увѣренности въ словахъ становаго.

На другой день, смотрю я, сударь мой, становой потребовалъ на второй допросъ Шмелева и сталъ урезонивать сознаться во всемъ и открыть свою вѣру, доказывая, что вотъ Лопатинъ сказалъ ужъ все, стало быть-де тебѣ напрасно запыраться...

«— Разказалъ! вскрикнулъ Шмелевъ.

«— Да, разказать, отвѣчалъ становой, и сталъ читать Шмелеву показанія, данныя Лопатинимъ и принитыя уже къ дѣлу.

Какъ яръ, сударь мой, позеленѣлъ вдругъ Шмелевъ и зубами заскрипѣлъ отъ злости, что Лопатинъ *выдалъ* ихъ ученіе...

«— Скажи и ты всю правду, говорилъ становой: — я и теби отпущу и изъ кандаловъ освобожу такъ же, какъ обѣщалъ это сдѣлать для Лопатина.

«— Рѣжь тѣло мое въ куски, кидай по полю; пусть черные вороны и собаки разнесутъ кости мои по лѣсамъ и горамъ, а сказать тебѣ я ничего не скажу, отвѣчалъ Шмелевъ и засверкалъ глазами, какъ лютый звѣрь... А самъ ннда зашатался...

«— Ну, какъ знаешь, сказалъ становой. — Только напрасно срыпать будешь! Мы ужъ всю вашу вѣру знаемъ... а тебѣ не мновать каторги. Такъ подумай лучше хорошенько и выбирай или свободу, или каторгу...

«— Хоть тысячу смертей... все равно! отвѣчалъ Шмелевъ и глаза его налились кровью отъ злости...

«— Все сказалъ... все сказалъ... выдалъ... твердилъ онъ шопотомъ и сжималъ кулаки, какъ помѣшанный...

«— Чтобы тебѣ доказать, что я не лгу, сказалъ становой: — вотъ мы прочтемъ тебѣ и «страды» вашего испукителя.

«— «Страды!» вскрикнулъ испуганный Шмелевъ.

«— Да, «страды», что намъ выдалъ Лопатинъ. Вотъ послушай, писарь прочтетъ тебѣ.

И писарь сталъ читать «страды», найденныя въ ладонѣ Лопатина, а Шмелевъ слушать.

Какъ кончилъ писарь эти «страды», такъ, вѣрите ли, сударь, Шмелевъ зашатался какъ осина въ полѣ отъ вѣтра... Такъ тяжело ему было услышать и увидѣть «страды» скорческія въ рукахъ у правительства...

«— Слышалъ? спросилъ становой.

«— Слышалъ, отвѣтилъ чуть внятно Шмелевъ.

«— И все-таки намъ отъ себя ничего не скажешь о себѣ и о вашей вѣрѣ?

«— Ничего...

«— А вотъ это что? сказалъ становой, показывая на лоскутки засаленныхъ и испачканныхъ потомъ бумагъ, забранныхъ у другихъ скорцовъ въ домахъ, на конхъ были написаны разныя пѣсни, молитвы, вѣрованія и посланія...

Шмелевъ взглянулъ на лоскутки, пришитые къ дѣлу, и поблѣднѣлъ.

«— Прочти-ка хоть одинъ лоскутокъ, сказалъ становой писарю. — Вотъ хоть этотъ.

И становой указалъ на посланіе испукителя къ чадамъ своимъ изъ темницы, которыя въ большомъ количествѣ отысканы у скорцовъ списанными...

Писарь сталъ читать.

«Христось воскресе! Вонстинну воскресе! Во славу божію, а намъ на спасеніе и вѣчную радость!

«Возлюбленнымъ моимъ дѣтямъ.

«Посылаю вамъ заочно миръ и отеческое благословеніе. Не заглядывайте на женскій полъ: отъ женскаго пола приходитъ человѣкъ въ слабость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Бога прочь отвращаетъ; а намъ только дано чистоту нести, а душу спасти. А вы люди ученые; вамъ можно знать, кто какъ себя спасалъ. Какое житіе велъ Дмитрій Ростовскій и Богу служилъ! Такъ Инновентій Иркутскій, который взялъ благодать въ Москвѣ,

а спасеніе имѣть въ Иркутскомъ. Но и всё угодники на землѣ не въ славѣ были, а слава вѣчная на небесн. Возлюбленныя мои дѣти! Воззрите на житіе отца своего испуителя. Какъ я жизнь свою проводилъ! Какъ принималъ нужды въ дальней сторонѣ? И обратите вниманіе и сердечныя очи на глаголы истиннаго своего отца и посмотрите на понесенныя мною скорби и раны и раздробленные мои члены. Сколько пролито моея крови, раздроблены всё мои восты! А все сіе сотворилъ для того, чтобы показать чистоту и дѣвство и утвердить истинный законъ и разорить лѣпость и нечистоту. Такъ остаюсь истинный отецъ, прошу и молю небеснаго своего отца, дабы похранилъ жизнь вашу во всякомъ благополучіи до конца!... За сямъ остаюсь истинный вашъ отецъ, живъ и здоровъ, а вамъ посылаю навѣки мой покровъ отъ нынѣ и до вѣка! Аминь.»

«— Тебѣ знакомо это? спросилъ становой.

«— Знакомо, отвѣчалъ Шмелевъ.

«— Это испуитель вашъ писалъ?

«— Не знаю...

«— Экая скотина упорная, сказалъ становой, и велѣлъ увести Шмелева въ арестантскую... Только, сударь мой, что же сдѣлалъ этотъ Шмелевъ? Въ эту же ночь извѣстилъ какъ-то своихъ братья изъ арестантской, что вотъ-де такъ и такъ Лопатинъ измѣнилъ, продалъ свою вѣру правительству и за сіе долженъ умереть! На другой день скопцы ухитрились и *отравили* Лопатина въ арестантской, да такъ смѣло, что онъ черезъ три часа умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ арестантской избѣ... Ужъ какъ это они сдѣлали—самъ становой ума не могъ приложить... Вотъ они каковы!...

— Однакоже, я сильно интересовался всѣмъ *дѣльцемъ*, что собралъ становой о скопцахъ этихъ. По вечерамъ, живучи въ домѣ становаго, пока производилось слѣдствіе, я саду этапъ къ столу, когда всё спать лягутъ, возьму дѣльце это и читаю. Что только за вѣра? думаю себѣ. Сколько тутъ пѣсенъ пришито къ дѣлу, символъ вѣры, «страды» эти... все какъ быть слѣдуетъ!... И сказаніе про Агулину Ивановну, и про Александра Ивановича, и про Селиванова, и свѣдѣніе, гдѣ и сколько скопцовъ живетъ, въ какой губерніи ихъ больше. И о другихъ раскольникахъ упомянуто. Что, если все это стануть? родилось у меня вдругъ въ головѣ? Вотъ *учесть* бы я захватилъ, есть чѣмъ было бы похвалиться среди раскольниковъ, особенно когда сдѣлаюсь настоящимъ

архіереємъ раскольничьимъ... Снжу я все, бывало, и раздумываю объ этомъ, и часто до утра просиживалъ за чтеніемъ дѣльца этого; свѣчи у писарей становаго всѣ пережегъ...

Дѣло стало разгораться и комиссія чрезъ мѣсяць стала съѣзжаться на мѣсто для производства важнаго слѣдствія. Губернаторъ назначилъ много чиновниковъ изъ губерніи. Становой сталъ мнѣ говорить, что пора мнѣ, пожалуй, и убѣжать, а то, пожалуй, прихлестнуть къ дѣлу, не отпустить на волю года два, пока производится слѣдствіе, и все будутъ къ допросамъ таскать, а тамъ, пожалуй, и сошлютъ за пребываніе въ скопчество... Воспользуйся случаемъ, говорилъ становой, пока теперь моя воля еще...

— Чтò правда, тò правда, думалъ я. Только вы искать меня не будете? сказалъ я становому.

«— Зачѣмъ, говорить, искать? Въ благодарность тебѣ это сдѣлаю...

«— Ну, ладно, говорю.

— И я сталъ собираться. Сосчиталъ я деньжонки, которыя мнѣ давали скопцы, когда хотѣли въ свою вѣру залучить, ну и другія тутъ у меня были еще деньги. Всего оказалось болѣе 2 тысячъ... Вырылъ я эти деньги изъ земли въ огородѣ, гдѣ они хранились у меня, и положилъ ихъ наготовѣ.

«— Взять ли дѣльце съ собой? Не будетъ ли въ отвѣтѣ большомъ становой?» думалъ я. «Жаль, человѣкъ добрый»...

— Однако, меня кто-то ровно все подталкивалъ свади и шепталъ: возьми, возьми!...

— Съ недѣлю думалъ-думалъ я все, и наконецъ, рѣшился. Случай вѣдь такой, думаю, какого поискать. *Дорога ложка за обѣдомъ*, сами знаете. Приготовилъ я двѣ казацкія, самыя лучшія, лошади, бывшія въ ставѣ при становомъ и, выбравъ ночь потемнѣй, стануль изъ шарафа становаго все дѣльце со всѣми документами, допросами, показаніями Христа, положилъ его въ мѣшокъ, сѣлъ верхомъ на свакуновъ и катнуль, благословясь, въ дорогу... Ночь была осенняя, длинная, такъ-что я къ утру былъ за сто верстъ отъ села. Первая лошадь моя выдержала 60 верстъ и пала на дорогѣ, на второй я отиѣрялъ еще 40 верстъ до утра, но на восходѣ солнца пала и эта. Я скрылся на день въ гѣсу, а въ слѣдующую ночь взялъ еще двѣ лошади на выгонѣ у крестьянъ, и отиѣрялъ на нихъ еще верстъ 80. Чтò было у становаго съ прочими его братьями—не знаю подробно, слышалъ

только черезъ годъ, проѣзжая этими мѣстами, что становой, не будь глушь, успѣлъ снять до прїѣзда комиссія съ Христа и прочихъ новыя допросы, отпустилъ на волю кто побогаче, а про пропажу дѣла никому ни слова... Начальство, по окончаніи комиссія, за открытіе свопища сектантовъ, прислало ему, говорятъ, крестъ. Такимъ образомъ, сударь мой, становой отъ моего дѣла получилъ съ мужиковъ тысячь десятокъ, да и крестикъ на грудь съ бантомъ. Я думаю, что онъ на меня все-таки не полагается за украденное дѣльце... которое я зарылъ, *до поры до времени*, въ лѣсу.

— Вотъ, сударь, дѣла-то какія! Глушь вѣдъ народъ, доложу вамъ; *стригутъ* его какъ овецъ... а вотъ что чудно! шерсть онытъ у него нарастаетъ... Однако, я не удовольствовался, скажу вамъ, этими похождениями и меня тянуло давно побывать въ Петербургъ, посмотрѣть столицу... и познакомиться тамъ съ сектами... *Любопытство* мое, знаете, еще не кончилось... И я отправился въ Петербургъ.

XVI.

Дѣвкой мнѣнше, молодницей вольше.

— Въ Петербургъ я сошелся, сударь мой, случайно въ гостиницѣ съ убѣжавшимъ изъ Сибири Сидоркой Бѣлоглазовымъ, съ которымъ сидѣлъ въ острогѣ въ Т... Парень онъ былъ смышленный. И въ Петербургъ на выборгской сторонѣ домъ свой имѣлъ. Дни два я пробылъ у него и узналъ, что онъ считался ходатаемъ по дѣламъ скопцовъ въ Петербургѣ, откуда и ѣздилъ часто съ вѣстями и на богомолье въ петергофскій уѣздъ въ село Р..., гдѣ былъ корень секты. Само собою разумѣется, что получая денюжки отъ скопцовъ безъ счету, онъ тратилъ ихъ въ Петербургѣ чиновникамъ кому слѣдовало со счетомъ, отъ чего и нажилъ себѣ домикъ. Входы онъ дѣйствительно зналъ къ начальству и звалъ твердо и юлилъ, передъ кѣмъ слѣдовало, ловко. Сидорка пригласилъ меня съ собою въ уѣздъ въ село Р..., куда собирался ѣхать съ вѣстями изъ Питера. Я согласился охотно, и мы выѣхали, на собственной его тройкѣ лошадей. Въ домѣ своемъ онъ оставилъ хозяйствовать дѣвкѣ, взятую отъ скопцовъ, молодую и смазливую, которую и держалъ вмѣсто жены. Прїѣхали мы въ село Р... ночью и остановились въ собственномъ домѣ Сидорки. У него и тамъ былъ собственный домъ. Тотчасъ собрались къ намъ

скопцы послушать вѣстей изъ Питера. Сидорка рассказывалъ мнѣ долго, и въ концѣ-концовъ оказалось все благополучно. Обо мнѣ онъ доложилъ, что нашелъ *новую овцу* въ стадо свое, почему меня и допустили скопцы въ собраніе свое, которое назначалось ночью на другой день. Сидорка расхвалилъ мнѣ богослуженіе скопцовъ-скакуновъ и взялъ на другой день съ собою. Наступила ночь слѣдующаго дня и мы отправились. Входимъ въ большую просторную избу. Изба тепло нагоплена. Дѣло, сударь мой, было подь вербное. Свѣчь горѣло пропасть. Смотрю, главный наставникъ скакуновъ стоитъ посрединѣ избы въ бѣлой одеждѣ и читаетъ молитвы на чухонскомъ языкѣ обыкновеннымъ голосомъ, переходящимъ постоянно въ веселый напѣвъ. Долго это дѣло тянулось. Я началъ ужъ и скучать. Наконецъ, безбородый мужичонка началъ понемногу привскакивать, слушателей тоже задержало. Смотрю, тотъ припрыгнетъ, другой припрыгнетъ, третій заскачетъ потихоньку... Бабы тоже запрыгали, заскавали...

«— Ты что же не скавнешь? толкнулъ меня въ богъ Сидорка.— Аль благодать-то, говорить, не дѣйствуетъ?...

«— Не дѣйствуетъ, говорю.

«— Ну, погоди, подѣйствуетъ еще!... проговорилъ онъ и подмигнулъ глазомъ...

— Я сажу, знаешь, на лавкѣ и жду: что дальше будетъ. Бабы стали подбѣгать къ мужикамъ и ловить изъ за руки; мужики хватили ихъ за грудь и вмѣстѣ скакали. Дальше да больше: вижу, всѣ запрыгали, заскавали, завизжали, закричали, запѣли дикимъ голосомъ и опрокинулись на четвереньки. Скаванье такое поднялось, что точно въ табунѣ, падаютъ одинъ черезъ другаго, а главный-то ихъ начальникъ поетъ все шибче, да шибче..., кричить все громче да громче.

Наконецъ всѣ притихли. Стали причащаться. Сперва мужики подходили къ Христу, потомъ бабы и всѣ сосали у него языкъ... Что-то дальше будетъ, думаю. Пока еще, вижу, люди дурятъ безъ толку!.. Смотрю: наконецъ, изъ другой комнаты, задержанной бѣлой простыней, выводятъ толстую и жирную дѣвку, наряженную кобылицей, и узда надѣта на лицо; двое ведутъ ее подь узду, она идетъ на четверенькахъ и ярится, тагъ и подскакиваетъ. Любопытно мнѣ стало. Главный наставникъ валѣвъ тотчасъ на нее верхомъ и поѣхалъ по избѣ. Она выдерживаетъ, ничего... и вся тагъ сама и скачетъ подь нимъ. Здоровую шель-

мы дѣву, знать, выбрали! Ёдетъ снѣ на ней, знаете, а скопцы кидаютъ ей подъ ноги платки, и кричатъ и прыгаютъ.

Наконецъ, наставникъ слѣзъ съ кобылицы, п три раза ударилъ ее, крича: *возстани осяя и жребя подъяремника!*... Дѣвка еще пуше заскакала, и всѣ вдругъ опять заскакали на ногахъ и на четверенькахъ и ловили бабъ и дѣвокъ. Начальникъ закричалъ: «я слышу пѣніе ангеловъ на небѣ, пади народъ ницъ лицомъ!» И всѣ попадали на полъ... Сторожъ церковный началъ тушить свѣчи.

Староста приперъ еще покрѣпче дверь избы и всѣ стали спать въ свалкѣ и проспали до утра...

Понравилась мнѣ эта вѣра, сударь мой, по веселости своей, и я прожилъ мѣсяца три, или дольше въ селѣ Р... въ домѣ Сидорки, гдѣ и хозяйствовалъ за него, получалъ письма изъ Петербурга, читалъ ихъ скопцамъ-скакунамъ и жилъ да поживалъ весело. Наконецъ, *надомло* мнѣ все это, и я уѣхалъ опять въ черниговскую губернію къ раскольникамъ. Доложу вамъ, сударь, что *мутье* вѣры скауновъ я ничего не выдалъ...

XVII.

Внигрышъ съ проигрышемъ на однихъ саняхъ вздять.

— До черниговской губерніи я, сударь, не добрался и только было запасся антиминомъ, какъ и втискался опять въ острогъ и вотъ, какъ видите, иду въ Сибирь... Такъ, знать, грѣхъ ужъ попуталъ за то, что, *испытавъ встъ отри*, я все-таки не образумился, а захотѣлъ опять *надувать* народъ простой!... Случилось такъ, что сами раскольники и выдали меня. У нихъ, скажу вамъ, сударь, теперь большія начались перемѣны. Кто не признавалъ царя, сталъ признавать его по той причинѣ, что онъ освободилъ русскій народъ отъ власти антихриста, то-есть помѣшниковъ; теперь они ждуть, что царь дастъ скоро народу новый правый судъ, освободить его отъ притѣсненій разныхъ, ну, и духовенство русское, можетъ быть, образуется; тогда, какъ я полагаю, сударь, совсѣмъ этотъ расколъ и кончится. Теперь только у нихъ пошелъ разладъ между собою, и нашего брата бѣглыхъ стали они разбирать, а тогда, полагаю, прямо будутъ вязать насъ, да въ острогъ сами сvezуть. И что досадно вѣдь, сударь, такъ это то, что я не поквинулъ своего ремесла и не добровольно, а вотъ вандалами уже пересѣбли мою волю!... Это меня только сердитъ, точно такъ же, какъ вотъ и раскольни-

ковъ: чѣмъ больше ихъ гонять, тѣмъ они сердитѣе становятся, а чѣмъ меньше на ихъ вѣру обращаютъ вниманія, тѣмъ они лучше. Я даже думаю, что если этотъ слѣпой народъ образуютъ, школы надѣлаютъ среди ихъ, то слѣпота ихъ сама собою падеть.

— И вашъ братъ, говорю, переведется?

— Переведется, разумѣется! Вотъ и кандалы незачѣмъ будетъ на ноги набивать и съ нашимъ братомъ возиться...

Русановъ кончилъ свой рассказъ и, вперивъ въ меня свои черные глаза, ловилъ впечатлѣніе, какое произвелъ имъ на меня. Я молчалъ.

— Не понравилась, должно быть, вамъ, сударь, моя пѣсенка? спросилъ онъ потомъ меня.

— Нѣтъ, говорю, хороша; только жаль, что скоро кончалась.

— Можеть быть, вы будете винить меня за всѣ мои дѣла?

— За что, говорю, винить?

— Соблазнъ, сударь, соблазнъ большой!... Я никакъ не думалъ сначала, что буду такъ жить!... Я и теперь, вспомнивъ старика отшельника, стыжусь самаго себя, но что дѣлать? Глупъ народъ-то больно, *балуетъ*... Сыплеть деньги, *ходитъ съ слѣпотъ*, ну, какъ тутъ устоять?... Ну, да и повадка ужъ свое беретъ, не утерпишь, такъ и *тянетъ*...

— Что же, говорю, ты теперь раскаешься въ Сибирь-то?

— Хочу раскаяться, если соблазнъ *не перетянетъ*. Убѣгу отъ стражи въ лѣса и поселюсь въ пещерѣ...

И Русановъ всталъ. Кандалы звякнули на ногахъ и заставили его вздрогнуть, какъ-бы послѣ забытья... Такъ сладка ему была его пѣсня, такъ убаюкала она и его и меня, что онъ забылъ, что у него скованы ноги, а я забылъ, что сижу съ арестантомъ. Вошли караульные по моему зову: они ужъ выспались порядочно на крыльцѣ. На часахъ было два часа ночи, когда, въ сопровожденіи трехъ конвойныхъ, вышелъ отъ меня Русановъ.

Я остался одинъ и тяжелыя думы легли свинцомъ на душу.

«Кто тутъ виноватъ?» думалъ я, припоминая весь рассказъ Русанова... «кто?... кто?...» и ни на одно «кто» я не могъ удовлетворительно отвѣтить; видѣлъ только, что *пора намъ проснуться и перестать жить полинами!*... И понятны мнѣ стали всѣ наши нищіе, странники, калѣки-перехожіе, люди божіи... и всѣ сорты раскольниковъ, разсыпанныхъ по всему лицу русской земли... «Отъ чего», думалъ я: «у народа и сапоги и порты и рукавицы догмать... и борода святая... и маковки съ благодатію?... Кто въ этомъ ви-

новать?... Долго ли еще будетъ это? Долго ли Русановы будутъ нарождаться на рыхлой почвѣ и гулять по просторной Россіи?... Долго ли?»...

XVIII.

Въ царствѣ слѣпыхъ и кривой — царь.

Въ селѣ С... тамбовской губерніи всѣ сконцы, встревоженные вѣстью о второмъ пришествіи Христа Искушителя, ночью собирались, въ началѣ августа 1862 года, въ большую ригу, выстроенную на задахъ одного крестьянина на берегу рѣчки. И старшій и малшій спѣшили видѣть предтечу Сына Божія, имѣющаго судить живыхъ и мертвыхъ... Мѣсяцъ высоко поднялся уже на небѣ и разливалъ блѣдныя лучи на землѣ.

Въ селѣ тамъ и самъ медленно скрипѣли ворота и шелкали осторожно калитки, изъ коихъ выползали въ праздничныхъ одеждахъ, и ерлись вдоль заборовъ и плетней сконцы. Въ избахъ крестьянскихъ мелькали огоньки, зажженные въ каждомъ домѣ у образовъ, мелкія блѣдныя звѣздочки слабо мигали сквозь тянувшіяся рѣдкія осеннія облачка; въ воздухѣ пахло отсырѣвшею послѣ дождей травкою. Надъ ярко освѣщенной ригой, плотно закутанной со всѣхъ сторонъ, стояло чуть замѣтное зарево, образованное изъ пробивавшагося сквозь соломенную крышу риги свѣта. Нестройный смутный голосъ несся изъ риги и замиралъ на рѣчкѣ. Въ ригѣ горитъ нѣсколько пудовъ воску изъ свѣчъ, натканыхъ предъ иконами и вдоль стѣнъ для освѣщенія собранія. Болѣе двухсотъ фигуръ, въ бѣлыхъ саванахъ, двигались въ ригѣ, толпились, суетились, ждали, приготовлялись. Посрединѣ риги мѣстный Христось, глава скопцовъ, въ шелковомъ халатѣ, съ распахнувшейся грудью, сидѣлъ на скамейкѣ предъ столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью, и принималъ приношенія для *предтечи*. Большая мѣдная кружка стояла на столѣ и наполнялась съ каждою минутою серебромъ и бумажками, предназначившимися, по повелѣнію предтечи, для *выкупа* истинныхъ сыновъ новаго царства, то-есть скопцовъ, изъ *остроговъ*...

«*Катитъ, катитъ* батюника предтеча!» послышалось въ толпѣ, и всѣ засуетились, потомъ присмирѣли, усѣвшись на досчатыхъ скамейкахъ. На возвышеніи, сколоченномъ изъ досокъ и усланиомъ пестрыми кошками и коврами, когда отдернулась кашемировая занавѣсъ, появился предтеча и сѣлъ на скамейкѣ, обнятой нарчемъ. То былъ убѣжавшій съ дороги въ Сибирь

Русановъ, воспользовавшійся *украденнымъ* у становаго о скопцахъ дѣломъ, зарытымъ въ землѣ до поры до времени, и выдавшій себя за *предтечу*. Женщина, съ нимъ сидѣвшая, была его *любовница*, московская мѣщанка Прасковья Анучина, съ которою онъ познакомился у раскольниковъ рогожинскихъ, гдѣ она играла видныя роли и затѣвала-было скитъ, на каковой предметъ и собрано было много денегъ... У ней Русановъ хорошо познакомился, по украденнымъ документамъ, съ вѣрованіями скопцовъ, а бытъ ихъ былъ ему извѣстенъ по наблюденію во время прежняго житія у скопцовъ, когда онъ еще *пыталъ* разныя вѣры... И вотъ онъ, *соблазнившись простотою людей*, ловко пользуется случаемъ!... Хоръ при появленіи его зашѣлъ:

Отъ бѣлой зари, отъ бѣлой зари
Отъ востока-страны, отъ Иркутскія
Выватило къ намъ красно солнышко,
Красно солнышко сударь батюшка,
Аллилуйа аллилуйа, слава тебѣ Боже!...

Русановъ, когда смолнулъ хоръ, заговорилъ съ народомъ о пришествіи Сына Божія, который собираетъ уже свое царство въ Москвѣ, плетъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ сынамъ поклонъ... и надѣется скоро видѣться съ ними лично... Потомъ сталъ пытатъ скопцовъ, истинно ли они содержали вѣру, завѣщанную Сыномъ Божиимъ, и началъ читать имъ *вырванные изъ украденнаго дѣла листы*, на конхъ были написаны *страды*, приглашая всѣхъ внимать, такъ ли у нихъ сохранился текстъ «страдовъ» и не исказили ли его какъ люди невѣрные?... Скопцы вынули изъ-за-пазухи, изъ ладонокъ, свои «страды» и стали слѣдить за Русановымъ.

— Меня послалъ Сынъ Божій, говорилъ Русановъ:—*попытать* вѣру истинную, такъ ли она сохранилась въ сынахъ его и нѣтъ ли ослабленія, поврежденія?...

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали всѣ. — Содержимъ свято и ненарушимо!...

И Русановъ зачиталъ «страды», а прочіе всѣ стали слушать и *стырятъ* съ находившимися у нихъ въ ладошкахъ на груди «страдами»...

Русановъ громкимъ голосомъ зачиталъ:

«СТРАДЫ».

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Христось воскресъ, Христось воскресъ, Христось воскресъ!»

Начало страданія о возлюбленномъ нашемъ государѣ-батюшкѣ, искупителѣ нашемъ», и проч.

По окончаніи чтенія «страдовъ», долго еще длилась бесѣда Русанова съ скопцами, которыхъ онъ наставлялъ по *украденному дѣльцу* въ вѣрѣ и, наконецъ, всѣ разошлись. Русановъ, въ особо отведенномъ домѣ, отправился съ любовницею въ свою *опочивальню*...

Черезъ недѣлю послѣ прибытія Русанова въ село С... нагрянула полиція, встревоженная слухами о *предтечѣ*, и отправила любовницу Русанова въ острогъ, Русанова же не нашли. Его успѣли спустить на дно колодца, гдѣ онъ, на пустой бочкѣ, спущенной на воду, прожилъ двѣ noci и пытался бросаемиыъ тайно скопцами хлѣбомъ, въ седьмую же ночь, наконецъ, когда полиція кончила понски, переодѣтый купцомъ онъ отправился въ Москву, съ донесеніемъ будто объ этомъ Христу Искупителю и для принятія мѣръ къ выкупу посаженной въ острогъ Прасковьи Анучиной... На сей предметъ онъ забралъ съ собою все подаваніе, собранное черезъ кружку въ ригѣ, количествомъ до *одной тысячи рублей серебромъ*, на каковыя деньги, съ присоединеніемъ къ нимъ прежде набранныхъ и зарытыхъ въ землю пяти тысячъ рублей, и *кутилъ въ Москвѣ домъ*, въ коемъ открылъ *пріютъ* для скопцовъ, выкупилъ изъ острога свою любовницу, и спустившись изъ міра раскольничьяго, какъ представляющаго *въ настоящее время большія трудности* въ отношеніи спекуляцій... въ міръ болѣе простаго и *спящаго* народа—въ міръ скопцовъ, скакуновъ и т. д., зажилъ, по примѣру Θεодосія (примѣръ заразителенъ) благополучно, и завелъ торгъ, черезъ подставныхъ людей, на большую ногу... Изъ всякаго объѣзда, по скопцамъ производимаго, онъ вывозилъ немало денегъ и капиталъ его росъ не по днямъ, а по часамъ... *До поры до времени* онъ сталъ твердо на избранной имъ *почетъ*...

XIX.

Свято мѣсто не вѣдетъ пусто.

Прошло послѣ разговора моего съ Русановымъ почти полтора года. Я ѣхалъ въ сентябрѣ 1863 года по большой дорогѣ въ бѣднѣйшее село «Мосты» подъ вечеръ. Солнце стояло низко на бѣдно-ясномъ небѣ; лучи его давно поблѣкли и похолодѣли; они уже не сіяли, а разливались ровнымъ воднистымъ свѣтомъ.

До вечера оставалось на болѣе получаса, а заря едва-едва за-
жигалась. Осень была въ полной своей силѣ. Порывистый вѣтеръ
скользилъ мнѣ на встрѣчу чрезъ желтое, высохшее жнивю. То-
ропливо, влѣбаясь въ воздухъ, стремились мимо меня, чрезъ до-
рогу, вдоль опушки небольшой рощи, желтые, сорванные съ де-
ревъ, листья. На поблекшей травѣ, на соломенкахъ сжатыхъ
хлѣбовъ, блестя и волновались безчисленныя нити осеннихъ
паутинь... Я задумался. Мертвенность природы уныло дѣйстви-
вала на душу... Ямщикъ, въ дырявомъ зипунѣ, тянулъ какую-то
безконечную пѣсню, которая щемила душу... Дырявая шляпенка
его, тупой взглядъ, беспорядочная борода и вообще неряшество
придавали его фигурѣ что-то заброшенное, тупое, неумытое,
слѣпое, нѣющее, болящее... Вдругъ изъ-за кустовъ вывернулась
почтовая тройка и неслась къ намъ на встрѣчу. Ямщикъ, вѣ-
роятно щедро надѣленный, гналъ лошадей почти въ упоръ.
Тройка поравнялась съ нами. Въ почтовой кибиткѣ сидѣлъ, одѣ-
тый въ лисью шубу и бобровую шапку, купецъ съ молодою жен-
щиною, одѣтою къ лисій, съ соболемъ, салоу; смотрю—Русановъ.

— Здравствуйте, сударь! проговорилъ онъ, приподнимая свою
шапку. Онъ все еще не отвыкъ отъ поговорки двороваго челоуѣка.

— Куда? спросилъ я.—Вѣдь не хотѣлъ?

— Да вотъ нашель *кою* нужно, такъ и *рѣшился!*... И онъ,
улыбнувшись насильно, покраснѣлъ нѣсколько отъ стыда. Трой-
ка, со свистомъ, прокатила мимо моего экипажа и гулъ почтоваго
колокольчика быстро смолкнулъ за лѣсомъ. Мой ямщикъ погля-
дѣлъ въ догонку тройкѣ, повернулся лѣнливо на козлахъ и про-
говорилъ:

— Экъ, шельма, словно вихорь!... А куда?

— Въ *царство тьмы!*... сказалъ я... *Стричь безпастушихъ...*
овець...

— *Чаво??*

— Ничего, говорю: — поймешь опослѣ!...

И мужикъ опять затянулъ свою нескончаемую пѣсню, въ ко-
торой не было никакого смысла, а слышалась только одна *кою-*
щая боль..

Дальнѣйшіе подвиги Русанова прекратились ссылкой его въ
каторжныя работы...

ФЕДОРЪ ЛИВАНОВЪ.

С.-Петербургъ.
26-го февраля 1865 года.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМИИ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ.

Статья первая.

Немного нужно имѣть проницательности, чтобѣ видѣть недостатки и несовершенства въ жизни извѣстнаго общества, или въ функціяхъ какаго-либо учрежденія, существующаго въ этомъ обществѣ. Но не всегда легко можно понять причины этого недостатка и—что самое важное—схизуть отстранить его. Впрочемъ, для того, чтобы исполнѣ правильно оцѣнить недостатки извѣстнаго учрежденія и найти существенныя средства къ устраненію вредныхъ послѣдствій замѣченнаго несовершенства — необходимо прослѣдить какъ можно тщательнѣе и какъ можно глубже причины этихъ недостатковъ; только устраняя эти вредныя причины, можно надѣяться достигнуть прочнаго исправленія системы. Какъ для радикальнаго излеченія болѣзни единичнаго организма недостаточно такъ называемыхъ паліативныхъ средствъ, облегчающихъ только на время мѣстное страданіе, а слѣдуетъ отъ частныхъ симптомовъ болѣзни восходить къ главнымъ причинамъ болѣзненныхъ явленій и дѣйствовать на эти основныя причины — такъ и для рациональнаго устраненія зла, происходящаго отъ недостатковъ извѣстнаго учрежденія, извѣстнаго общественнаго института, не слѣдуетъ ограничиваться только поверхностными изслѣдованіями и довольствоваться однѣми внѣшними мѣрами, а надобно искать причины явленія глубже и отстранять уже ихъ. Въ такомъ только случаѣ мы вправѣ будемъ сказать, что знаемъ зло въ самомъ корнѣ его, и можемъ опредѣлить, въ состояніи ли мы принять надлежащія мѣры для его устраненія; и только тѣ мѣры, которыя дѣйствуютъ на корень зла, могутъ быть признаны рациональными и способными достигнуть своей цѣли, то-есть произвести существенныя улучшенія.

Едва-ли кто будетъ спорить противъ справедливости подобныхъ соображеній; а между тѣмъ многіе, повидимому и раздѣляющіе этотъ взглядъ — на практикѣ далеко уклоняются отъ него. Откуда же такое противорѣчіе?—Изъ очень простаго источника, отвѣтимъ мы: иное дѣло—хорошо разсуждать и иное дѣло—правильно прилагать эти разсужденія на дѣлѣ.

Очень многіе, открывая какой-нибудь недостатокъ въ жизни общества, или въ функціяхъ извѣстнаго учрежденія, не думаютъ даже углубляться въ изслѣдованіе причинъ, а объясняютъ недостатокъ или случайностію, или неспособностію исполнителя и соотвѣтственно этому предлагаютъ мѣры, не только неотстраняющія зла, но даже нерѣдко увеличивающія старое, или порождающія новое. За примѣрами ходить недалеко. Восточная война открыла намъ несостоятельность существовавшей у насъ военной системы какъ въ тактическомъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ. Недостатки видѣли всѣ, никто не думалъ отрицать ихъ; но очень многіе были увѣрены, что неуспѣхи наши зависѣли главнымъ образомъ отъ недостатка боевыхъ генераловъ, отъ неимѣнія хорошихъ ружей, отъ неумѣнья солдатъ стрѣлять. Дальше идти они не хотѣли; имъ не приходило въ голову: да отчего же произошли эти-то послѣднія упущенія?—и вотъ они убѣждены, что стоитъ только дать солдатамъ хорошіе штуцера, да поучить ихъ стрѣлять—и дѣло въ шляпѣ. Но правительство, какъ зачастую бываетъ у насъ, видѣло дальше насъ: оно поняло, что корень зла не въ томъ или другомъ частномъ недостаткѣ, который замазывать сверху ни къ чему не поведетъ; но что это — слѣдствіе несостоятельности всей системы, отжившей своей вѣкъ, и что для искорененія зла необходимо измѣнить ее во всей цѣлости, и дѣятельно принялось за работу. Точно также и неудобства, вкравшіяся въ систему администраціи войскъ, правительство стало искать не въ частныхъ недостаткахъ отдѣльныхъ функцій ея, а въ излишней для наступившаго времени централизаціи, и, не задумываясь, рѣшилось децентрализовать военное управленіе, вводя округа, до-сихъ-поръ еще многимъ кажуціяся излишнею роскошью.

То, что вѣрно для всей системы, можетъ быть почти всегда съ успѣхомъ примѣнено и къ отдѣльнымъ частямъ ея. Армія составляетъ только одну часть цѣлаго государственнаго организма, и въ ней легко различить двѣ стороны: одна исключительно военная, требующая исключительно тактическихъ и военно-административныхъ соображеній; другая же имѣетъ болѣе или менѣе тѣсную связь съ народною жизнію и съ другими частями организма государства. Для рѣшенія вопросовъ, относящихся къ этой послѣдней, недостаточно руководствоваться только спеціально военными сооб-

раженіями, но надобно не упускать изъ виду и бытовых нравственныхъ условій народа, изъ среды котораго пополняется армія. Никто, вѣроятно, не вздумаетъ отвергать зависимость организаци и духа арміи отъ условій народнаго быта, и усумниться въ томъ вліяніи, которое имѣетъ на войско социальное и экономическое положеніе націи. Невозможно не видѣть, что многія изъ учреждений въ арміи прямо вытекають изъ того или другаго условія народнаго быта, и что измѣненія этого послѣдняго необходимо отражаются на состояніи войска и влекутъ за собою измѣненія въ арміи. Нигдѣ, можетъ быть, не выступаетъ такъ рельефно эта зависимость, какъ въ личномъ составѣ арміи, потому что нигдѣ не можетъ быть такъ замѣтна связь, соединяющая армію съ народомъ, пополняющимъ ея ряды, какъ здѣсь. Такъ напримѣръ, положительно можно сказать, что уровень образованія и нравственнаго развитія воинскихъ чиновъ вполне зависитъ отъ степени умственнаго и нравственнаго развитія прочей массы націи, и что всякое измѣненіе въ этомъ отношеніи въ народѣ необходимо вліяетъ и на измѣненіе этой стороны и въ арміи. Это вліяніе такъ очевидно, что, зная способъ комплектованія арміи, принятый въ извѣстномъ государствѣ и степень образованія тѣхъ классовъ общества, изъ которыхъ выходятъ солдаты и офицеры, можно весьма близко опредѣлить степень умственнаго и нравственнаго развитія чиновъ, составляющихъ армію. Совершенно вѣрно можно à priori вывести, что англійскіе солдаты, набираемые вербовкою изъ низшихъ классовъ общества и изъ числа людей, неумѣвшихъ найти себѣ никакого другаго занятія, должны по своему образованію стоять гораздо ниже солдатъ прусской арміи, пополняемой конскрипціею, которой подлежатъ всѣ сословія. Выведенная разница приметъ еще большіе размѣры, если мы поставимъ на видѣ, что низшіе классы народа въ Пруссіи стоятъ несравненно выше по своему образованію тѣхъ же классовъ въ Англійи, и что въ Пруссіи никто не можетъ откупиться отъ военной службы. Числовыя данныя какъ нельзя болѣе подтверждаютъ этотъ апіористическій выводъ. По свѣдѣніямъ за 1859 годъ, въ англійской арміи было достаточно образованныхъ солдатъ около 3%, а совершенно неграмотныхъ до 28% (*), тогда какъ въ прусскомъ контингентѣ за 1851—52 года, нижнихъ чиновъ, получившихъ достаточное образованіе, было болѣе 75%, посредственно образованныхъ—20% и только менѣе 5% совершенно безграмотныхъ (**).

Но кромя этой прямой зависимости образованія солдатъ отъ

(*) Воен. Сборн. 1861 г. № 8 стр. 315.

(**) Воен. Сборн. 1861 г. № 6 стр. 307.

образования народа, можно указать еще много других фактов, подтверждающих заключение, что бытовые формы жизни народа отражаются на бытѣ солдатъ, на отношеніяхъ ихъ къ своимъ начальникамъ, а слѣдовательно и на тѣхъ законоположеніяхъ, которыя имѣютъ цѣлю опредѣленіе этихъ отношеній. Комисія для преобразования военно-судной части въ нашей арміи впервые, сколько намъ извѣстно, заявила фактъ, что существующія отношенія нижнихъ чиновъ къ офицерамъ вытекаютъ изъ существовавшихъ до сихъ поръ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ—отношеній, обусловленныхъ, конечно, бывшею крѣпостною зависимостію. По поводу вопроса о введеніи унтер-офицеровъ въ составъ полковыхъ судовъ, нѣкоторые члены этой комисіи положительно высказали, что «сословное различіе между офицерами и нижними чинами не есть *произведеніе служебныхъ отношеній*, а слѣдствіе нашего быта гражданскаго, и что различіе это *приносятъ съ собою солдаты изъ своей крестьянской жизни*» (*). Они прямо говорятъ, что «войско принимаетъ это сословное различіе какъ фактъ, на измененіе котораго оно никакого вліянія имѣть не можетъ», и что это уваженіе солдата не только къ чину, но и къ личности офицера дозволяетъ избѣгать «расширенія личной административной власти каждаго офицера надъ нижними чинами и принятія для мирнаго времени смертной казни за совершеніе преступленій противъ воинской дисциплины» (**). Нѣтъ никакой возможности отвергать дѣйствительнаго существованія этого факта; кто не знаетъ, что солдаты, говоря объ офицерахъ своего полка, постоянно употребляютъ выраженіе «господа» — выраженіе, прямо указывающее на прежде бывшія отношенія крестьянина къ барину, и что солдаты иначе смотрятъ на офицера, произведеннаго изъ ихъ среды, чѣмъ на офицера дворянина? Поэтому нельзя не сказать, что фактъ этотъ весьма метко подмѣченъ членами комисіи. Можно, и даже должно не находить ничего хорошаго въ существовавшихъ до сихъ поръ крѣпостныхъ отношеніяхъ, породившихъ этотъ фактъ; но нельзя не отдать справедливости словамъ комисіи: «прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ во многихъ случаяхъ нѣтъ надобности до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сословное различіе между офицерами и солдатами; а потому врядъ ли полезно стремиться служебными условіями достигнуть уничтоженія или даже ослабленія начала, полезнаго для службы и ею самою не созданнаго, а приносимаго рекрутами изъ ихъ гражданскаго быта» (***). Не сочувствуя ни-

(*) Воен. Сборн. 1868 г. № 7. Рус. воен. обозр. стр. 238.

(**) Idem.

(***) Idem.

сколько этимъ неслужебнымъ отношеніямъ солдатъ къ офицерамъ — тѣмъ болѣе, что съ умчтоженіемъ крѣпостнаго права и поднятіемъ уровня народнаго образованія эти отношенія не могутъ долго держаться — мы не можемъ по поводу пути, избраннаго комисією, не сказать, что много бы хорошаго можно было ожидать, еслибы всѣ шли по этому пути, и еслибы всѣ умѣли такъ твердо становиться на почву существующихъ явленій и фактовъ. Съ нашей точки зрѣнія, мы не можемъ не сказать, что этотъ путь, основанный на глубокомъ анализѣ основныхъ причинъ того, что существуетъ на дѣлѣ — есть единственный, которымъ надобно руководствоваться при рѣшеніи всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся жизни и взаимныхъ отношеній военно-служащихъ. Нѣтъ никакой надобности гоняться за идеально-теоретическимъ рѣшеніемъ вопросовъ, относящихся къ жизни, и воображать, что можно ихъ рѣшить одинъ разъ на всегда, на основаніи метафизическихъ умозрѣній: жизнь слишкомъ своенравна, слишкомъ сильна въ своемъ теченіи для того, чтобы подчиниться безотвѣтно теоріи кабинетнаго мыслителя; она не такъ-то легко поддается подобнымъ рѣшеніямъ. Лучше ограничиться, какъ это дѣлаетъ комисія, временнымъ рѣшеніемъ вопроса, чѣмъ стремиться — идти въ разрѣзъ съ требованіями и понятіями, существующими въ жизни, и ломать силою то, что не зависитъ отъ воли одной личности, а обуславливается самымъ теченіемъ жизни.

Вопросъ о комплектованіи арміи офицерами занимаетъ, по нашему мнѣнію, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду вопросовъ, зависящихъ отъ склада жизни народа, его цивилизаціи, его умственнаго и соціального развитія. Теперь, приступая къ примѣненію теоріи исторической необходимости къ существующему у насъ порядку комплектованія арміи офицерами, постараемся объяснить этою теорією явленія, замѣчаемыя въ настоящее время всѣми въ этомъ отношеніи, и найти на основаніи этой же теоріи тотъ путь, которымъ можно будетъ дойти до рѣшенія возникшихъ по этому поводу вопросовъ.

Существовавшій до сихъ поръ у насъ порядокъ пополненія убыли офицеровъ въ арміи, слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы распространяться объ немъ. Замѣтимъ только, что, несмотря на то, что военно-учебныя заведенія доставляютъ ежегодно порядочное число офицеровъ, и что наши законоположенія предоставляютъ унтер-офицерамъ изъ военно-обязанныхъ право по выслугѣ извѣстнаго срока, быть произведенными въ офицеры — все-таки эти оба источника весьма мало доставляютъ офицеровъ собственно въ армейскую линейную пѣхоту и кавалерію. Воспитанники военно-учебныхъ заведеній до сихъ поръ преимущественно выходили въ

гвардію и спеціальными войска. Такъ изъ статьи: «Нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о корпусѣ офицеровъ русской арміи», помѣщенной въ русскомъ военномъ обзорѣни «Военнаго Сборника» (*) и изъ статьи г. Ильиневича въ томъ же журналѣ: «Числовыя данныя о составѣ корпуса офицеровъ нашей арміи по воспитанію и сословіямъ» (**), видно, что они составляютъ въ гвардейской пѣхотѣ 71,8% всего числа офицеровъ; въ гвардейской кавалеріи — 63%; въ артиллеріи 83,3% (изъ нихъ собственно въ артиллерійскихъ бригадахъ 90,7%); въ саперныхъ батальонахъ 80,3%, и въ армейскихъ стрѣлковыхъ батальонахъ 61,7%. Такой большой процентъ офицеровъ изъ кадетъ въ названныхъ нами родахъ оружія очевидно происходитъ отъ особенныхъ условий, которыми обставлена служба въ этихъ частяхъ; въ массѣ же офицеровъ армейскихъ линейныхъ полковъ, мы видимъ совершенно другое отношеніе. Такимъ образомъ, разбирая таблицу состава офицеровъ въ пѣхотныхъ полкахъ—кавказскаго и бывшихъ шести армейскихъ корпусовъ (***), находимъ, что максимумъ числа офицеровъ изъ кадетъ представляетъ пятый армейскій корпусъ, гдѣ это число доходитъ до 15,6%. Принимая же въ расчетъ и гренадерскій корпусъ, гдѣ половина офицеровъ изъ кадетъ, получимъ слѣдующія числа для состава 7,411 офицеровъ:

Изъ кадетъ	17,5%	
Изъ вольноопредѣляющихся	75,6%	} (максимумъ въ полкахъ бывшаго 3-го арм. корп. 82,2%)
Изъ военно-обязанныхъ	6,9%	

Итого 100

Въ кавалеріи отношеніе это нѣсколько иначе:

Изъ кадетъ	27,7%
Изъ вольноопред.	66,9%
Изъ военно-обязан.	5,4%

Итого 100

Отсюда можно заключить, что до сихъ поръ наша армейская пѣхота пополнялась офицерами преимущественно изъ вольноопредѣляющихся (около $\frac{4}{5}$ всего числа); число же выслужившихся нижнихъ чиновъ весьма ничтожно, въ сравненіи съ этимъ главнымъ источникомъ.

Нѣтъ никакого основанія полагать, что въ прежнее время число офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся было менѣе; напротивъ, есть причины думать, что лѣтъ двадцать-пятнадцать тому назадъ

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 5. Русск. воен. обзор. стр. 289 и 290.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Русск. воен. обзор. стр. 289 и слѣд.

(***) Idem. стр. 240.

это число было болѣе, чѣмъ теперь. Въ то время, несмотря на большую численность арміи, военно-учебныя заведенія доставляли меньшее число офицеровъ; а производство изъ нижнихъ чиновъ было всегда такъ незначительно, что даже въ военное время, когда оно наиболѣе усиливалось, число офицеровъ этой категоріи едва-ли достигало 10%. Такъ мы видимъ изъ той же статьи г. Ильиневича (*), что на 100 офицеровъ каждаго чина.— произведенныхъ изъ военно-обязанныхъ, состоитъ:

Въ чинѣ штабс-капитана	8,8%
» » поручика	6,8%
» » подпоручика	9,7%
» » прапорщика	2,8%

Изъ малаго процента прапорщиковъ сравнительно съ высшими чинами можно прямо заключить, что число произведенныхъ изъ солдатъ, въ послѣдующіе за крымскою войною годы, значительно уменьшилось.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что мы не будемъ далеко отъ истины, если скажемъ, что главный элементъ, пополнявшій армію офицерами, былъ до сихъ поръ вольно-опредѣляющіеся; и что этотъ элементъ повидимому удовлетворялъ требованіямъ: недостатокъ въ офицерахъ чувствовался только въ то время, когда приходилось увеличивать значительно численность арміи; но и въ этихъ случаяхъ стоило только, какъ говорится, кличъ кликнуть, уменьшить срокъ выслуги до офицерскаго чина, да еще отмѣнить, или ослабить экзаменъ — и охотники являлись въ достаточномъ числѣ. Венгерская и крымская кампаніи могутъ служить доказательствами.

Но то было время, а теперь — другое. Теперь, несмотря на значительное сокращеніе арміи, чувствуется недостатокъ въ офицерахъ; число желающихъ добровольно поступать въ военную службу, годъ отъ году уменьшается. Изъ свѣдѣній инспекторскаго департамента военного министерства видно, что въ 1856 году поступило на службу юнкеровъ и вольноопредѣляющихся 2,576; въ 1860 же году ихъ было всего 926, а въ 1861 только 389 (**). Авторъ статьи, откуда мы заимствовали эти цифры, совершенно справедливо замѣчаетъ, что такое быстрое уменьшеніе не можетъ быть объяснено исключительно уменьшеніемъ арміи, потому что въ то время, когда войско сокращено на половину, число добровольно поступившихъ уменьшилось почти въ семь разъ.

Наибольшую часть изъ числа добровольно-поступившихъ, до сихъ поръ постоянно составляли потомственные дворяне и такъ-

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Русск. воен. обзор. стр. 242.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 4. Статя г. М. стр. 405.

называемые обер-офицерские дѣти; такъ, по вычисленію г. Ильгашевича, изъ 7,778 офицеровъ, находящихся на службѣ въ разбираемыхъ имъ частяхъ — произведенныхъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся — до 95% поступили на службу съ правами дворянъ и обер-офицерскихъ дѣтей, и только 5% изъ вольноопредѣляющихся другихъ разрядовъ (*). Но въ послѣднее время и процентъ дворянъ, поступающихъ на службу, понизился: изъ отчета военнаго министерства за 1860 и 1861 годы (**) видно, что изъ поступившихъ добровольно въ 1860 году на службу 926 человекъ — дворянъ и вольноопредѣляющихся перваго разряда было 815; а въ 1861 г. изъ всего числа 389 — этихъ же классовъ было 328 человекъ, что составляетъ для 1860 г. 88%, а для 1861 — 84,3%.

Очень естественно, что такое быстрое уменьшеніе числа желающихъ добровольно поступать на службу — главнаго, какъ мы видѣли, источника комплектованія арміи офицерами — должно было необходимо повлечь за собою недостатокъ въ офицерахъ. — И дѣйствительно, въ послѣднее время, по случаю увеличенія численности арміи, недостатокъ этотъ сдѣлался особенно ощутительнымъ; всѣ заговорили о немъ и о необходимости устранить его; въ военныхъ кружкахъ и въ военной литературѣ стали толковать о необходимости сократить сроки выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи для вольноопредѣляющихся всѣхъ разрядовъ, и стали даже предлагать уменьшить срокъ службы до офицерскаго чина для унтер-офицеровъ изъ сдаточныхъ — мѣру, противъ которой сильно-бы возстали въ военномъ обществѣ лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ. Это явленіе показываетъ, какъ велико влияніе силы вещей на понятія общества. Правительство, конечно заинтересованное болѣе чѣмъ кто либо въ этомъ дѣлѣ, признало необходимымъ принять эти мѣры къ устраненію недостатка въ офицерахъ, и приказъ г. военнаго министра отъ 10 октября прошедшаго года за № 343, сокращая до *plus ultra* сроки службы для лицъ, производимыхъ въ офицеры по учебнымъ аттестатамъ, устанавливаетъ для вольноопредѣляющихся всѣхъ разрядовъ *безъ различія происхожденія годичный* срокъ службы для производства въ офицеры на вакансіи, рассчитываемыя не по полкамъ и батальонамъ, какъ было прежде, а по дивизіямъ — явленіе до сихъ поръ небывалое: въ прежнее время обыкновенно сокращали на половину, при чемъ права происхожденія оставались въ своей силѣ. Въ случаѣ, если и за тѣмъ еще будетъ некомплектъ офицеровъ, то предписано производить унтер-офицеровъ общаго срока, прослужившихъ въ гвардіи *семь* (вмѣсто

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Русск. воен. обозр. стр. 248.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 9. Русск. воен. обозр. стр. 252.

прежнихъ десяти), а въ арміи *восемь* (вмѣсто двѣнадцати) лѣтъ и выдержавшикъ экзаменъ по особой программѣ. Невозможно не видѣть въ этомъ приказѣ рѣшительнаго шага къ переходу отъ нынѣшняго порядка къ иной, болѣе современной системѣ снабженія войскъ офицерами. Правда, что эти льготы допущены пока въ видѣ *временной мѣры*, вызванной только что минувшими обстоятельствами; но принимая во вниманіе отмѣну принципа сословнаго различія, мы можемъ надѣяться, что сокращеніе сроковъ въ этомъ духѣ, хотя, можетъ быть, и нѣсколько въ меньшей мѣрѣ, получить скоро гражданство въ нашихъ военныхъ законахъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что приказъ г. военнаго министра отъ 5 мая 1864 г. за № 142, оставляя въ прежней силѣ эти льготные сроки, прекращаетъ только дѣйствіе того пункта прежняго приказа, гдѣ допущено было производство *вслухъ*, хотя бы и не было *вакансій* въ частяхъ, гдѣ они служатъ; отмѣна этого правила можетъ отчасти указывать на то, что первая настоятельная нужда въ офицерахъ уже удовлетворена, а между тѣмъ сокращенные сроки еще оставлены въ прежней силѣ.

Но еще ранѣе вопроса о количествѣ офицеровъ зашла рѣчь о качествѣ ихъ. Лѣтъ шесть-семь тому назадъ, стали появляться какъ въ военномъ обществѣ, такъ и въ Военномъ Сборникѣ жалобы на недостатки въ офицерахъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, которые служатъ въ армейскихъ пѣхотныхъ полкахъ, какъ общаго такъ и военнаго образованія. Справедливость этихъ обвиненій никто и не думалъ отвергать; да и мудро бы было отрицать то, что доказывается неопровержимыми фактами. Статистическія данныя по этому предмету представляютъ весьма неутѣшительные результаты.

Изъ чиселъ, приводимыхъ г. Ильшевичемъ (*), видно, что между 7,778 офицерами изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, число бывшихъ въ лицейхъ и университетахъ составляетъ всего 269 человекъ, т.-е. около $3\frac{1}{2}\%$; но и изъ этого небольшого числа на гвардейскую и армейскую пѣхоту приходится всего около 2 процентовъ, причѣмъ въ этихъ цифрахъ показаны всѣ *бывшіе* только въ университетахъ; но всѣ ли они кончили курсъ тамъ, или нѣтъ—это неизвѣстно. За тѣмъ изъ числа 3,823 офицеровъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, служащихъ въ пѣхотѣ бывшихъ 3-го, 4-го, 5-го и 6-го армейскихъ корпусовъ и кавказской арміи—число обучавшихся только (хотя и неокончившихъ курса) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ доходитъ до 583 человекъ, т.-е. $15,3\%$. Но изъ этого числа 110 человекъ не могли удовлетворить требовані-

(*) Воен. Сборн. 1868 г. № 11. Русск. воен. обзор. стр. 245 и 246.

изъ юнкерской программы и поступили рядовыми, такъ что только 12% всего числа пѣхотныхъ офицеровъ поступили на службу изъ среднихъ учебныхъ заведеній, выдержавшихъ экзаментъ. Остальные же 3,240 человекъ, или около 85% получили воспитаніе или дома, или въ частныхъ пансіонахъ (*).

Въ кавалеріи эти отношенія нѣсколько благопріятнѣе. Для сравненія мы приводимъ изъ статьи г. Ильшевича слѣдующую таблицу для небывшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ нихъ:

	въ кавалеріи.	въ пѣхотѣ.
выдержали экзаментъ .	884 т.-е. 92%	2,347 или 72%
поступили рядовыми .	73 — 8%	893 — 28%
	953	100
	3,240	100

Цифры, найденныя нами въ отчетѣ военнаго министерства за 1860 и 1861 годы (**), даютъ не лучшіе результаты. Изъ 926 дворянъ и вольноопредѣляющихся, поступившихъ въ 1860 году, было принято по учебнымъ атестатамъ всего 39 человекъ (изъ нихъ 17 на правахъ студентовъ), что составляетъ 42%; а въ 1861 г. изъ 389 человекъ 21, т.-е. 5, 4%; въ общей же сложности за два года это составитъ съ небольшимъ пять процентовъ. Конечно, этотъ процентъ будетъ нѣсколько выше, если принять въ соображеніе, что въ числѣ поступившихъ по учебнымъ атестатамъ въ отчетѣ показаны только тѣ изъ кончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые пользуются сокращеннымъ срокомъ выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи противу вообще установленнаго для дворянъ двухгодичнаго срока—т. е. получившіе при выпускѣ право на чинъ XIV класса (они служатъ, какъ извѣстно, одинъ годъ до офицерскаго чина); прочіе же, имѣющіе атестаты изъ гимназій, зачислены въ разрядъ поступившихъ по происхожденію. Но въ то же время нельзя сомнѣваться и въ томъ, что, если не всё, то большая часть поступившихъ по учебнымъ атестатамъ избрали себѣ военную карьеру не съ цѣлію служить въ армейскихъ полкахъ, и пойдутъ, вѣроятно, въ гвардію или по военно-ученой части.

(*) Здѣсь въ статьѣ г. Ильшевича встрѣчается противорѣчіе: выше онъ сказалъ, что 3,240 составляетъ число небывшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а на страницѣ 246 въ первой выноскѣ онъ говоритъ, что въ это число вошли и тѣ, которые окончили гимназическій курсъ съ атестатами и потому экзамена не держатъ; здѣсь же считается и студентъ-семинарій; но число гдѣхъ и другихъ весьма незначительно. Но такъ-какъ слѣдъ за тѣмъ онъ опять въ приводимой нами таблицѣ принимаетъ для небывшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ то же самое число 3,240, то мы и приписываемъ вышеупомянутую выноску какому нибудь недоразумѣнію и принимаемъ число 3,240 человекъ за дѣйствительное число гдѣхъ изъ офицеровъ, которые вовсе не были въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 9. Рус. воен. об. стр. 252.

Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что это—фактъ неоспоримый, что уровень образованія офицеровъ нашихъ армейскихъ полковъ находится на довольно низкой ступени. Большинство образованныхъ офицеровъ предпочитаетъ службу въ строю—военно-ученую карьеру, или службу въ привилегированныхъ войскахъ, или наконецъ въ штабахъ и управленияхъ. Въ то время, какъ въ числѣ приводимыхъ г. Ильиневичемъ находящихся на службѣ 260 человекъ, получившихъ образованіе въ университетахъ и лицеехъ, на долю гвардейской и армейской пѣхоты приходится 122 человека, что составляетъ 20% всего числа офицеровъ этихъ частей, въ числѣ служащихъ въ штабахъ и управленияхъ этого рода офицеры составляютъ 20% (*). Коммисія по преобразованію военно-судной части въ нашихъ войскахъ, разбирая неудобства назначенія официальныхъ защитниковъ для подсудимаго изъ среды военныхъ офицеровъ, заявляетъ опасеніе, что это можетъ многимъ подать поводъ, утвердивъ за собою репутацію искуснаго защитника, бросить военную службу, и перейти въ корпорацію гражданскихъ адвокатовъ, что можетъ повредить военной службѣ, потому что, говорятъ коммиссія: *и безъ того уже лучшіе наши офицеры чуждаются строевой службы* (**).

Съ дѣлію помочь горю, поднять уровень образованія офицеровъ—въ Военномъ Сборникѣ появилось нѣсколько статей, предлагающихъ различныя мѣры. Одни предлагали ввести экзамены на известныя чины; другіе же находили, что экзамены не могутъ достигнуть своего назначенія и даже признавали ихъ невозможными. Иные находили необходимымъ завести въ полкахъ порядочныя бібліотеки, на что также были возраженія: говорили, что бібліотеки тогда только нужны, если будутъ охотники до сколько нибудь серьезнаго чтенія, что не всегда теперь встрѣчается. Не знаемъ, на сколько справедливъ относительно всей арміи фактъ, что офицеры армейскихъ полковъ—небольшіе охотники до книгъ; но знаемъ только, что недавно мы имѣли случай убѣдиться, что есть такіе полки. Находясь въ одномъ изъ глухихъ уѣздныхъ городковъ, гдѣ стоялъ весь полкъ въ сборѣ, т.-е. всѣ офицеры жили въ городѣ, мы встрѣтили надобность въ Военномъ Сборникѣ, и, обратясь въ полковую бібліотеку, имѣли удовольствіе получить всѣ книжки за прошедшій годъ, не только неразрѣзанными, но большую часть *написко замечательными* въ тѣхъ самостъ (sic) кувартахъ, въ которыхъ онѣ были получены изъ Петербурга. Это—фактъ, а вовсе не желаніе сказать красное слово.

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Рус. воен. обзор. стр. 245.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 7. Рус. воен. обзор. стр. 251.

Въ спорахъ и предложеніяхъ прошло много времени, исписано много бумага, а все-таки не найдемъ хотя сколько нибудь удовлетворительнаго средства помочь горю. Самое разнорѣчіе въ мнѣніяхъ по поводу этого вопроса указываетъ на трудность рѣшенія его въ настоящее время; и мы даже болѣе чѣмъ сомнѣваемся въ томъ, что при настоящей обстановкѣ возможно найти средство рѣшить этотъ вопросъ благоприятнымъ образомъ. По нашему мнѣнію, всѣ предлагаемыя мѣры не имѣютъ прочнаго основанія: онѣ не исчерпываютъ зла до корня, который лежитъ глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Мы убѣждены, что этого вопроса нельзя рѣшить, не связавъ его тѣсно съ вопросомъ, занимающимъ насъ въ настоящую минуту—г. е. съ измѣненіемъ системы комплектованія арміи офицерами. Люди, тракующіе о необходимости образованія офицера, составили себѣ абстрактное понятіе о степени этого образованія и силятся найти средства привести въ исполненіе свою идею; а не видятъ того, что эта идея совершенно непримѣнима къ существующему порядку, что желаемаго ими образованія нельзя требовать отъ среды, изъ которой выходитъ большинство нашихъ офицеровъ; однимъ словомъ, они хотятъ того, чего нельзя получить. Далѣе мы приведемъ соображенія, на основаніи которыхъ мы считаемъ разрѣшеніе этого вопроса невозможнымъ, а теперь скажемъ только, что одна изъ причинъ этой невозможности кроется въ томъ, что за это дѣло взялись, какъ говорится, не съ того конца, въ ложномъ пути, по которому думаютъ придти къ его рѣшенію. Зависимость между образованіемъ офицеровъ и системой снабженія ими арміи слишкомъ очевидна для того, чтобы объ ней говорить; а между тѣмъ изслѣдованіе явленій недостатка образованія и недостатка числа офицеровъ шла постоянно независимо другъ отъ друга. При томъ изслѣдователи этихъ явленій, не углубляясь далеко, смотрѣли на нихъ поверхностно; они объяснили ихъ случайностію и не хотѣли видѣть въ нихъ признаковъ того, что принятая ими за исходную точку, существующая система комплектованія арміи офицерами отжила уже; какъ и все на свѣтѣ, свой вѣкъ. А что это дѣйствительно такъ—это можно видѣть изъ работъ комисіи по преобразованію рекрутской повинности у насъ, наложенныхъ въ статьѣ Военнаго Сборника: «Новыя начала военной повинности въ Россіи» (*). Высказанныя комисіею основныя начала этого преобразованія—распространеніе повинности на всѣ сословія и уничтоженіе всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, основанныхъ на различіи происхожденія—очевидно разрушаютъ нынѣшній порядокъ комплек-

(*) Воен. Сборн. 1864 г. МЖ 2, 3 и 4.

тованіи арміи офицерами, основанный, за немногими исключеніями, въ пользу студентовъ, главнѣйшимъ образомъ на сословныхъ правахъ.

Но въ те время, когда уже самыя явленія недостаточнаго образованія и малаго числа желающихъ поступать въ военную службу могли бы навести проникательнаго исследователя на мысль, что это кроется въ несостоятельности, несовременности самой системы, мы не встрѣчаемъ даже намека на это во всемъ, что было написано съ цѣлію отвратить вредныя послѣдствія недостатка въ офицерахъ. Изъ всѣхъ статей, написанныхъ по этому поводу, одна только статья г. М. «Нѣсколько мыслей относительно производства въ офицеры нижнихъ чиновъ» (*) взгляды въ вопросъ довольно глубоко, и смотритъ на дѣло съ той точки зрѣнія, съ какою, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть на него. Неогласные съ нѣкоторыми выводами автора, мы не можемъ однакоже не признать, что онъ весьма близокъ къ истинному пути, ведущему къ рѣшенію вопроса, хотя почему-то онъ никакъ не хочетъ въ своей статьѣ доходить до конечныхъ выводовъ, логически вытекающихъ изъ его взгляда и его предложеній. Задавая вопросъ: «не слѣдуетъ ли неофицерскіе чины сдѣлать такими же ступенями общей лѣстницы чиновпроизводства, какими служатъ чины прапорщика, подпоручика и т. д.?»—онъ, безъ всякаго сомнѣнія, разрушаетъ существующую систему даже, можетъ быть, болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; а между тѣмъ онъ нигдѣ не сказалъ положительно, что эта система откинула свой вѣкъ, что ее надобно замѣнить другою—болѣе современною. Переворачивая этимъ предложеніемъ вверхъ дномъ существующій порядокъ, онъ какъ будто не хочетъ сознаться въ этомъ; онъ какъ-будто говоритъ, что надобно только кое-что измѣнить въ нашей системѣ, а не хочетъ видѣть, что эти измѣненія потрясаютъ ее основаніе. Но другіе и этого не дѣлають: они только думаютъ, какъ бы замазать щели, не мѣняя всего зданія. Откуда же это происходитъ? Да, очень просто—отъ поверхностнаго взгляда на предметъ, оттого, что не хотѣли дать себѣ труда подумать, почему-де лѣтъ пятнадцать тому назадъ, при этой же системѣ не было ни недостатка въ охотникахъ поступать въ военную службу, ни жалобъ на плохое образованіе офицеровъ, а теперь вдругъ явилось и то и другое? А еслибы подумали хорошенько объ этомъ, можетъ быть, и додумались бы искать причины этихъ явленій въ движеніи общества и народа. Не стоить же въ самомъ дѣлѣ они на одномъ мѣстѣ.

У насъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда проявленіе умственной

(*) Воен. Сборн. 1863. № 4.

жизни въ Россіи было еще весьма слабо, армія наша, покрытая сѣвкою славой 12-го года, занимала весьма почетное мѣсто въ глазахъ народа, и дѣйствительно, уровень образованія офицеровъ стоялъ, вообще говоря, выше уровня развитія прочей массы общества. Въ то время образованіе не носилось еще народной массой: оно было заключено исключительно въ извѣстныхъ кружкахъ, и одно только сословіе дворянъ пользовалось кое-какими плодами его; а это-то сословіе и занимало исключительно офицерскія мѣста въ арміи. Дворяне, на самомъ дѣлѣ стоявшіе по развитію выше прочихъ классовъ, гнушались быть подъячными — какъ они называли чиновниковъ — и шли почти исключительно въ военную службу: рѣдкая дворянская фамилія того времени не имѣла одного или даже нѣсколькихъ представителей въ рядахъ арміи. Отсюда не мудрено понять, почему въ средѣ тогдашней арміи сосредоточивалось почти все, чтѣ было лучшаго и образованнаго въ Россіи, и почему замѣчательнѣйшіе дѣятели наши на государственномъ и другихъ поприщахъ вышли большею частію изъ среды военныхъ. Но время шло; университеты мало по малу развивали свою дѣятельность; и образованіе болѣе чистое и болѣе высокое, чѣмъ прежде, стало проникать въ массу общества; понятія его все болѣе и болѣе очищались: общій уровень развитія поднимался выше и выше, и ничего нѣтъ мудренаго, что когда открылся просторъ для умственной дѣятельности, многіе устремились на нее, предпочитая эти занятія военной службѣ, и что въ понятіяхъ и мнѣніяхъ общества совершается переворотъ, весьма, впрочемъ, понятный и очень естественный.

Намъ могутъ возразить и привести въ примѣръ Прусію, гдѣ, несмотря на значительную степень народнаго образованія и на строгій экзамень для полученія офицерскаго чина — не только нѣтъ недостатка въ образованныхъ офицерахъ, но даже бываетъ излишекъ въ желающихъ занимать эти мѣста. Это — совершенно справедливо; но на это есть свои причины. Въ Прусіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, образованіе разлито въ массѣ народа. Тамъ на всѣ мѣста, несмотря на строгость требованій въ научномъ отношеніи, находится гораздо болѣе охотниковъ, чѣмъ сколько нужно. Чтобы получить въ Прусіи мѣсто теолога или юриста, или врача, или наконецъ чиновника, надобно пробыть по меньшей мѣрѣ восемь лѣтъ въ гимназій, потомъ года три слушать лекціи въ университетѣ; затѣмъ года два-три уйдутъ на приготовленіе и сдачу экзаменовъ на правительственныя званія (*); тогда только желающій получаетъ право занять должность въ государственной службѣ;

(*) Такъ называемый Staatsexamen.

но и послѣ всѣхъ этихъ экзаменовъ ему еще приходится иной разъ ждать нѣсколько лѣтъ безъ всякаго содержанія, пока до него дойдетъ очередь, чтобы занять одну изъ отсрѣванных вакансій. Такъ что въ Пруссіи никто почти не получаетъ мѣста съ содержаніемъ отъ правительства ранѣе двадцати-семи-восьми лѣтъ отроду, тогда какъ, поступивъ въ военную службу и выдержавъ сравнительно легкій экзаменъ на офицерскій патентъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ-трехъ, получаетъ уже жалованье и занимаетъ извѣстное мѣсто въ обществѣ; причемъ еще надобно замѣтить, что въ Пруссіи, благодаря закону, по которому всѣ обязаны служить въ военной службѣ и никто не можетъ откупиться отъ нея, войска пользуются большимъ почетомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы. Но и въ Пруссіи также многіе, отслуживъ необходимое время въ арміи, избираютъ другія карьеры.

Итакъ слѣдовательно причина того, что въ Пруссіи не нуждаются въ образованныхъ офицерахъ, заключается въ высокомъ уровнѣ народного образованія: *тамъ предложеніе умственнаго труда представляетъ спросъ на него*. Совсѣмъ не то у насъ: мы еще нуждаемся и очень сильно — въ образованныхъ людяхъ. У насъ еще такъ высоко цѣнятся умственный трудъ, что при помощи его человѣкъ можетъ приобрѣтать гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Не говоря уже о высшихъ родахъ умственнаго труда, приведемъ дороговизну работы, не требующей почти никакой умственной подготовки — умѣнья переписывать набѣло. При небольшомъ сравнительно числѣ грамотныхъ людей у насъ, мы, напримѣръ, въ Петербургѣ, платимъ отъ 20 до 30 коп. сер. за переписку писаннаго листа, тогда какъ въ Пруссіи эта цѣна не превышаетъ 3 зильбергрошей, т.-е. менѣе 10 коп. сер. Поэтому-то мы и думаемъ, что въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время надобно отложить надежду на комплектованіе всей арміи офицерами, достаточно образованными, и въ зависимости отъ этого слѣдуетъ замѣнить нѣдѣлшнюю систему, созданную при совершенно иныхъ условіяхъ — другою, болѣе современною; при чемъ необходимо принять тѣ мѣры, которыя могутъ отвратить вредныя послѣдствія недостаточнаго образованія офицеровъ.

Повторяемъ, что, судя по дѣятельности военнаго министерства въ этомъ отношеніи, смѣло можно заключить, что правительство раздѣляетъ нашъ взглядъ относительно несостоятельности старой системы: послѣднія распоряженія по этому предмету прямо указываютъ, что оно отрицаетъ въ принципѣ систему комплектованія войскъ офицерами, основанную на сословныхъ привилегіяхъ. Вышеупомянутые приказы г. военнаго министра, сократившіе срокъ службы для всѣхъ безъ различія происхожденія до одного года,

тогда какъ до сихъ поръ вольноопредѣляющіеся 3-го разряда долины были служить до офицерскаго чина двѣнадцать лѣтъ; примѣчанія г. редактора «Военнаго Сборника», какъ лица офіяціального, къ статьѣ г. М., въ которомъ сказано: «что же касается до основнаго начала соображеній автора, то, сколько намъ извѣстно, оно едва-ли уже не рѣшено въ самомъ благоприятномъ смыслѣ, вполне согласномъ съ современными понятіями» (*); а соображенія г. М. совершенно разрушаютъ существенную систему; наконецъ приведенныя нами начала, положенныя въ основаніе новаго порядка рекрутской повинности—начала, какъ мы видѣли, безспорно несогласныя съ нынѣшнею системою службы — все это не дозволяетъ болѣе сомнѣваться въ рѣшеніи правительства отгнать старыя порядки и перейти къ новому, главныя начала котораго можно уже отчасти опредѣлить.

Слѣдовательно теперь дѣло литературы и людей, знакомыхъ съ предметомъ—не въ томъ, чтобы замазывать щели въ старой системѣ, уже почти канувшей въ вѣчность, а въ разработкѣ пути для развитія новой, въ зависимости отъ тѣхъ началъ, которыя по всей вѣроятности будутъ положены въ ея основаніи. При этомъ слѣдуетъ отбросить въ сторону всѣ идеальныя мечтанія и желанія, не гнаться за тѣмъ, чего покамѣстъ нѣтъ, да и быть не можетъ, а разрабатывать только тѣ матеріалы, которые дѣйствительно находятся подъ рукою, или по крайней мѣрѣ предвидятся въ весьма близкомъ будущемъ. Вопросъ этотъ тѣмъ настоятельнѣе требуетъ скорѣйшаго и всесторонняго обсужденія, что всѣ настоящія учрежденія, относящіяся къ организаціи арміи, должны быть примѣнены къ новому личному составу корпуса офицеровъ, и что при всѣхъ будущихъ и ожидаемыхъ реформахъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что недалеко то время, когда армія будетъ комплектоваться офицерами на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ теперь.

Изложивъ главныя начала нашего взгляда на предметъ, мы намѣрены съ этой точки зрѣнія разобрать, каковы должны быть общія основанія той системы, которая, по нашему убѣжденію, должна придти на смѣну стараго порядка; мы намѣрены разобрать въ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя, по нашему мнѣнію, возможно требовать въ настоящее время отъ желающаго быть офицеромъ, показать тѣ матеріалы, которыми въ зависимости отъ этихъ усло-

---

(*) Воен. Сборн. 1868 г. № 4. Ст. г. М. стр. 414.

вѣи мы можемъ располагать, и указать средства примѣнить къ дѣлу эти имѣющіеся подъ рукою матеріалы.

Главное и даже, можно сказать, единственное для пользы службы условіе, которое можно требовать отъ желающихъ поступить на службу — образованіе. Давно доказанная истина, что для дѣльнаго и истинно образованнаго офицера, какъ и для всякаго другаго спеціалиста, нужно съ одной стороны образованіе общечеловѣческое, а съ другой — спеціально военное, и что безъ прочнаго общаго образованія нельзя ожидать дѣльныхъ спеціальныхъ познаній — обратилась въ аксіому, и мы бы не считали нужнымъ останавливаться на ней, еслибы были убѣждены, что всѣ знаютъ ее. Но, къ сожалѣнію, какъ ни избита эта истина, а есть еще люди, неподозрѣвающие ея существованія, или по крайней мѣрѣ несчитающіе еще ее за истину. Да, повторяемъ, къ сожалѣнію нетолько въ обществѣ, но и въ литературѣ встрѣчаются еще люди, которые, не понимая надлежащимъ образомъ значенія общаго образованія и науки, входящихъ въ кругъ его, и задаваясь узкою цѣлію приготовить спеціалиста, не даютъ должнаго мѣста общему образованію. Такимъ образомъ г. В. Комаровъ въ своей статьѣ (*), говоря весьма дѣльно о недостаткахъ образованія и воспитанія въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ, и доказывая весьма справедливо всю несостоятельность и вредъ поверхностнаго энциклопедизма, выносиваго прежде кадетами изъ корпуса, до того увлекается, что самъ впадаетъ въ другую крайность и проводитъ чрезвычайно узкій взглядъ на образованіе офицера. Авторъ говоритъ, напримѣръ, что *въ военной службѣ не столько важно общее образованіе, сколько знаніе военного дѣла*, и подкрѣпляетъ это положеніе слѣдующими аргументами: «если офицеръ имѣетъ слабыя познанія, или даже вовсе не имѣетъ познаній въ физикѣ, химіи и механикѣ, то это *отнюдь* не можетъ быть поставлено ему въ упрекъ, потому что въ предѣлахъ пѣхотной и кавалерійской службы ему никогда не придется заниматься ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ. Точно также, если офицеръ очень хорошо знаетъ эти и тому подобныя науки, это отнюдь не составляетъ его достоинства, какъ *военнаго офицера*». Эти слова очевидно доказываютъ, что авторъ смѣшиваетъ непростительнымъ образомъ понятія объ общемъ и спеціальномъ образованія, и рѣшительно не понимаетъ значенія наукъ общаго образованія. Авторъ воображаетъ, что вся польза такихъ наукъ, каковы физика, химія и проч., состоитъ въ прагматическомъ примѣненіи, и что ихъ и слѣдуетъ изучать только съ этою цѣлію. Онъ и не подозреваетъ, что изученіе естественныхъ наукъ рѣзко распадается на двѣ

(*) Воен. Сборн. 1864 г. № 5.
Т. СЛЖ. — Отд. 1.

части: общую, гдѣ человѣкъ знакомится съ общими истинами науки, развивающими и очищающими его умъ, и дающими ему болѣе широкій взглядъ на вещи, и другую, практическую, которая примѣняетъ эти истины къ частнымъ случаямъ на практикѣ. Этого послѣдняго рода знанія необходимы дѣйствительно только специалисту; другимъ же нѣтъ надобности въ нихъ; знаніе же общихъ истинъ необходимо для каждаго истинно образованнаго человѣка. Польза ихъ въ жизни важна не въ примѣненіи ихъ къ дѣлу, а въ томъ, что разумное знаніе ихъ расширяетъ умственный горизонтъ человѣка, воздерживаетъ его... ну, хотя бы отъ высказыванія печатно таковыхъ одностороннихъ и узкихъ взглядовъ на значеніе науки въ образованіи людей, не позволяя ему смѣшивать понятія объ общемъ и специальномъ образованіи до такой степени, чтобы въ подтвержденіе мысли, что «въ военной службѣ должны цѣниться лишь тѣ свѣдѣнія и познанія, которыя прямо или косвенно приложимы къ военному дѣлу» — приводить аргументы въ родѣ слѣдующихъ: «вѣдь никто не поставитъ въ упрекъ отличному технологу, управляющему большимъ заводомъ, что онъ не знаетъ военной исторіи (!!!) и понятія не имѣетъ о тактикѣ (sic!). Совершенно справедливо! Отличному сапожнику нѣтъ никакой надобности знать столярное мастерство, потому что это знаніе ненужно для его специальности. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; вотъ еслибы авторъ доказалъ, что отличному технологу, занимающемуся практической механикой, ненужно знать теоретической механики, тогда, пожалуй, мы согласились бы съ его логикой. Но, къ сожалѣнію, никто еще до сихъ поръ не называлъ *отлично знающимъ* механику — человѣка, незнающаго аналитическаго изложенія этой науки, хотя и есть на свѣтѣ множество механиковъ, неслыхавшихъ о существованіи теоріи той науки, практическими примѣненіями которой они занимаются. Далѣе авторъ говоритъ: «всѣмъ понятно, что офицеръ, получившій болѣе чѣмъ посредственное общее образованіе, но хорошо изучившій и вполне понимающій военное дѣло, есть отличный военный офицеръ». Здѣсь, употребляя весьма неопредѣленное выраженіе: *болѣе чѣмъ посредственное общее образованіе* — авторъ какъ-бы невольно сознается, что для *отличнаго* военнаго офицера нужно *болѣе, чѣмъ посредственное* общее образованіе; но вслѣдъ за тѣмъ, не желая, вѣроятно, поддаваться минутной слабости, прибавляетъ: «офицеръ же, получившій общее образованіе, хотя бы даже въ университетѣ, но непонимающій военнаго дѣла, никуда не годится, какъ военный». Да кто же спорить противъ того, что нельзя назвать сапожникомъ человѣка, неумѣющаго шить сапоговъ? Развѣ кто нибудь говоритъ, что каждый кончившій курсъ въ университетѣ долженъ непременно умѣть шить сапоги или дѣлать мебель?

Для всякаго ремесла, для всякой профессіи человѣкъ обязанъ приобрести особенныя познанія, которыя дать ему вовсе не дѣло университета: для этого существуютъ спеціальныя заведенія. Приведенныя слова автора прямо показываютъ, что онъ не умѣетъ отличать цѣли отъ средства, и не знаетъ, что спеціальныя знанія есть конечная цѣль занятій человѣка, а общее образованіе — лучшее, если только не единственное средство для разумнаго достиженія этой конечной цѣли; и говорить о возможности достигнуть истиннаго спеціального знанія безъ помощи прочнаго общаго образованія — значитъ то же самое, что убѣждать въ возможности испечь хлѣбъ безъ помощи необходимой для этого высокой температуры. Общее образованіе потому-то и называется *общимъ*, что оно одинаково необходимо для всѣхъ безъ изъятія истинно образованныхъ людей: оно образуетъ человѣка вообще. Вотъ почему вполне рациональна идея упраздненія кадетскихъ корпусовъ, какъ воспитательныхъ заведеній, и замѣна ихъ военными училищами, какъ заведеніями, спеціальными для людей, уже получившихъ общее образованіе.

Спеціальныя же познанія приобретаются человѣкомъ сообразно съ избранною имъ профессією, и здѣсь уже одна спеціальность исключаетъ всѣ другія, неизмѣющія къ ней отношенія. Такимъ образомъ въ примѣрѣ автора — технологу, незнающему военной исторіи или тактики, не только никто не поставитъ въ упрекъ этого незнанія, но, напротивъ, всякій похвалитъ его за то, что онъ не беретъ не за свое дѣло. А офицеръ съ плохо развитыми общимъ образованіемъ способностями — никуда негодится, какъ начальникъ, хотя бы онъ и зналъ отлично тактику и военную исторію, если только возможно разумное знаніе этихъ наукъ для подобнаго субъекта, потому что одной узкой спеціальности безъ развитія методической идеи — достоянія развитаго ума — далеко не уйдешь. Иной саперный унтер-офицеръ отлично сумѣетъ разбить и построить какойнибудь редантъ, или люнетъ; но изъ этого еще нельзя заключить, что ему можно довѣрить укрѣпленіе важной стратегической позиціи. Становясь же на узкую точку зрѣнія г. В. Комарова, и руководствуясь его логикою, можно совершенно послѣдовательно дойти до заключенія, что солдата не слѣдуетъ учить грамотѣ: его прямыя обязанности не требуютъ непосредственнаго примѣненія умѣнья читать и писать; все, что нужно знать ему, чтобы быть хорошимъ, конечно, по мнѣнію г. В. Комарова, солдатомъ, ему объясняютъ — чего же больше? Нѣтъ-съ, въ томъ-то и дѣло, что знаніе военнаго дѣла, какъ и всякое другое спеціальное знаніе, требуетъ прежде всего прочнаго общаго образованія, и должно быть

на немъ основано, и для того, чтобы занять впоследствии мѣсто начальника, это общее образование нужно для офицера гораздо въ большей степени, чѣмъ, повидимому, думаетъ авторъ. И если авторъ говорить, что большая часть маршаловъ Наполеона не получила почти никакого, ни общаго, ни военнаго образования, то и мы съ своей стороны прибавимъ, что нельзя сказать, чтобы многіе изъ нихъ выказали особенныя способности, какъ генералы; и что если ихъ дѣйствія и были удачны, то потому только, что они были ни больше, ни меньше какъ исполнители предначертаній и приказаній Наполеона, плановъ котораго они сплошь да рядомъ не понимали, и вслѣдствіе этого не разъ путали дѣла. Военная исторія, какъ вѣроятно извѣстно автору, представляетъ не одинъ примѣръ того, что маршалы Наполеона портили планы его своими ошибками. Такииъ образомъ въ кампанію 1805 года, одинъ изъ гениальнѣйшихъ плановъ Наполеона — отрѣзать подъ Ульмомъ корпусъ Макка, чуть-чуть не разстроился совершенно, благодаря единственно полному непониманію дѣла Мюратомъ, давшимъ приказаніе Нею, командовавшему шестымъ корпусомъ, очистить лѣвый берегъ Дуная; тогда какъ весь планъ основанъ былъ на томъ, что Нею долженъ былъ, оставаясь во что бы то ни стало на лѣвомъ берегу Дуная, отрѣзать Макку пути отступленія въ Богемію и внизъ по Дунаю, что и было приказано Наполеономъ. Да и мало ли еще можно насчитать такихъ промаховъ и примѣровъ грубаго непониманія дѣла маршалами Наполеона, и потому едва-ли всегда ихъ можно представлять образцами искусныхъ и даровитыхъ генераловъ.

Да простятъ намъ читатели, что мы такъ далеко отвлеклись отъ дѣла; но что же дѣлать? Мы отъ чистаго сердца убѣждены, что для военной службы, какъ нельзя болѣе вредно распространеніе идей, подобныя высказаннымъ г. В. Комаровымъ, и мы считали долгомъ опровергнуть подобное превратное пониманіе дѣла, тѣмъ болѣе, что оно высказано въ такой серьезной и дѣльной статьѣ, какова статья г. В. Комарова въ прочіихъ отношеніяхъ.

Д. В. Шатиловъ.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО.

(Изъ рода князей Форкино, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

Votum feci,
Gratiam accepi.
(Я дала обѣтъ и приняла благодать).

XXI.

Арестъ.

Печально чередовались дни мои въ пріютѣ Благовѣщенія; еще печальнѣе проходили ночи, въ думахъ о невѣрной моей будущности.

Собравъ нужныя бумаги, Кассано написалъ длинное письмо, думая отправить его вмѣстѣ съ документами въ Римъ, въ конгрегацию епископовъ. Въ этомъ письмѣ достойный прелатъ поддерживалъ просьбу мою о возвращеніи въ міръ, исчислялъ всѣ вины и необдуманнныя поступки кардинала Ріаріо, и въ заключеніе говорилъ, что надо считать чудомъ, если я, неизмѣвшая отъ природы ни малѣйшаго монашескаго призванія, не нарушила съ отчаяніемъ главнѣйшихъ пунктовъ монашескаго устава; и что слѣдовательно, видя невозможность уговорить меня провести въ монастырѣ остальную мою жизнь, онъ считаетъ должнымъ и справедливымъ дозволить мнѣ сложить съ себя бенедиктинскую одежду, носить простое черное платье и оставаться незамужней въ домѣ моей матери въ качествѣ и съ титуломъ канониссы. Прочитавъ ему и мою просьбу, я поблагодарила Кассано теплыми словами, внушенными мнѣ моею признательностью. Я сама видѣла, какъ викарій собственноручно запечаталъ пакетъ, и, въ ожиданіи почтоваго дня, положилъ его на конторку, послѣ чего, я, вполне успокоенная, возвратилась въ пріютъ.

Марія-Джузеппа предалась ребяческому веселью. Она вообразила, что уже все кончено—да и не ошиблась. Весь вечеръ, до

позднего часа мы съ ней бесѣдовали, съ наслажденіемъ отдаваясь золотымъ мечтамъ о будущемъ, столь дорогимъ сердцу несчастныхъ... Но къ чему ведутъ всевозможные планы, хотя бы зрѣло обдуманые и вполне разумные, когда обстоятельства не помогаютъ осуществленію ихъ?...

Два дня спустя я узнала, что Кассано заболѣлъ и слегъ въ постель. Эта вѣсть смутила насъ.

Пять дней спустя, его уже не было въ живыхъ.

А мои бумаги?—Остались на конторкѣ.—А викарій?—Временно отрѣшонъ отъ должности; на мѣсто его временно назначенъ—врагъ Кассано! Кто же сдѣланъ преемникомъ кардинала? — Козенца...

Простите, надежды мои!...

Что было мнѣ дѣлать въ Капуѣ? Какъ на иголокѣхъ провела я тамъ еще двѣ недѣли. Бывшій викарій совѣтовалъ мнѣ не оставаться долѣе, такъ-какъ Ріаріо, зная, что мнѣ покровительствовалъ Кассано, не преминетъ снова начать прерванное гоненіе противъ меня. Съ другой стороны, я не имѣла никакихъ средствъ искать счастья въ другомъ мѣстѣ, такъ-какъ я уже вынуждена была продать ролю и нѣсколько цѣнныхъ вещей для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ.

И такъ я возвратилась въ Неаполь, и поселилась въ монастырѣ «S.-Nicola da Tolentino», принадлежащемъ отцамъ миссіонерамъ, въ кварталѣ «S.-Pietro all'Arena». Тутъ жилъ отецъ Спакапьетра, человѣкъ достойный уваженія не только по своей добродѣтели, но и по своей учености, и имѣвшій большую силу въ Римѣ, гдѣ у него было много связей. Подробно разсказавъ ему всѣ мои бѣдствія, я просила его совѣта и помощи. Спакапьетра былъ тронутъ; онъ потиралъ себѣ лобъ, какъ человѣкъ, тщательно взвѣшивающій свое мнѣніе прежде нежели высказать его, потомъ обратился къ моей матери:

«— Я думаю, сказалъ онъ:—что говоря объ арестѣ, генералъ Торкуароло ошибся. Правда, случилось прибѣгать къ такимъ строгимъ мѣрамъ, но только противъ монахинь, подававшихъ поводъ къ публичному скандалу, въ особенности если онѣ находились въ критическомъ положеніи. Будьте такъ добры, дайте мнѣ вашъ адресъ, я сегодня же поговорю съ его преосвященствомъ, и на дняхъ увѣдомлю васъ о результатѣ моего свиданія съ нимъ.

Успокоенная словами достойнаго миссіонера, я возвратилась домой, нѣсколько утѣшенная надеждой, что провидѣніе не вполне меня покинуло. Немного дней спустя, Спакапьетра пріѣхалъ извѣстить меня, что онъ съ кардиналомъ долго говорилъ обо мнѣ. Ріаріо формально отрекся отъ своего свиданія съ королемъ,

и отрицалъ, что выпросилъ у него приказъ арестовать меня. Все это была ложь, наглая ложь!... Спакашьетра замѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права лишать меня процентовъ съ моего приданого—Piarо согласился препроводить ко мнѣ должную мнѣ за пять мѣсяцевъ сумму, и обѣщалъ не тревожить меня болѣе.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошли спокойно. Мать моя была такъ рада видѣть меня избавленной отъ клерикальныхъ гоненій, что во время карнавала не давала у себя обѣдовъ и вечеровъ, какъ она это дѣлала въ другіе годы. Я была ей крайне признательна за это вниманіе, потому что твердо рѣшилась избѣгать всякихъ новыхъ исторій и вести жизнь уединенную, раздѣляя ее на хозяйственную дѣятельность и умственные занятія. Такъ-какъ изученіе исторіи своего отечества я считала обязанностью не только для всякаго итальянца, но и для всякой итальянской женщины нашего времени, то я достала лучшихъ писателей по этой отрасли національнаго образованія. Тогда я въ первый разъ познакомилась съ Макиавелли, Гуиччардини, Ботта, Сантароза, Коллетта, и нѣкоторыми историками американской войны, а также войны за независимость и возрожденіе Греціи.

Въ іюнѣ одна изъ моихъ сестеръ, живущая въ Гаэтѣ, написала намъ, что мужъ ея опасно боленъ. Мать моя поѣхала къ зятю, я же отказалась сопутствовать ей. Тамъ находился въ то время Фердинандъ II, наскучившій пребываніемъ въ Неаполѣ, подобно тому царственному злодѣю, который, сдѣлавшись убійцей собственнаго брата и бичомъ своихъ подданныхъ, возымѣлъ отвращеніе къ своей столицѣ и дворцу, и удалился въ Сицилію, день и ночь преслѣдуемый тѣнью умерщвленнаго брата. Послѣ отъѣзда моей матери, я съ Маріей - Джузеппой переселилась къ другой моей замужней сестрѣ, жившей въ Неаполѣ, въ «Vico Canale», близъ улицы Толедо, гдѣ она занимала шестой этажъ небогатаго дома, такъ-какъ въ то время она терпѣла большую нужду по случаю запрещенія заниматься своей профессіей, сдѣланнаго ея мужу, адвокату, замѣшанному въ смутахъ 1848 года, и еще томившемуся подъ надзоромъ бурбонской полиціи.

Ограниченность моихъ средствъ и стѣсненные обстоятельства сестры не дозволяли мнѣ брать карету каждый разъ какъ мнѣ приходилось отлучаться изъ дома по нужнымъ дѣламъ. Въ число этихъ дѣлъ входила необходимость препроводять по принадлежности переписку членовъ одного патріотическаго общества, въ то время дѣятельнаго и полезнаго, теперь же бесполезнаго, если даже не вреднаго: мужчина не могъ бы заняться этимъ, не возбуждая подозрѣній котораго нибудь изъ безчисленныхъ шпионовъ, кишѣвшихъ въ то время на улицахъ, въ домахъ, и даже

въ церквахъ Неаполя. Не имѣя возможности часто выѣзжать въ экипажѣ, могла ли же я расхаживать по улицамъ въ бенедиктинской одеждѣ въ такомъ городѣ, гдѣ праздная молодежь дѣлала себѣ забаву изъ того, чтобы не давать прохода женщинамъ? Поэтому я сложила съ себя монашескую одежду и надѣла простое черное шелковое платье, слѣдуя совѣтамъ кардинала Кассано и другихъ здравомыслящихъ лицъ.

Между тѣмъ отецъ Спакапашетра отплылъ въ Японію, членомъ миссіи, оставивъ мнѣ на память книгу «Подражаніе Иисусу Христу» и воспоминаніе о своей примѣрной добротѣ. Вечеромъ 13 іюня, удалившись въ свою комнату съ Марією-Джузеппой, мы съ нею перепробовали приключенія, встрѣченныя нами въ различныхъ монастыряхъ, радуясь нашему настоящему положенію и обоюднo поздравляя другъ друга съ возможностью дышать свободно. Дѣйствительно, все вокругъ насъ вѣяло спокойствіемъ, благодушіемъ, тишиной; всюду царило счастье. Воздухъ былъ теплъ и пропитанъ благоуханіемъ, распространяемымъ растениями, украшавшими бельведеръ, а въ окнахъ у нижнихъ этажей шептались невнятные дѣвушки, изрѣдка издавая вздохъ, вѣстникъ тайныхъ желаній. Луна, одинокая и горделивая въ своемъ ясномъ сіяніи, плыла по небесной лазури, сопутствуемая легкими облаками, озаямленными серебромъ съ неподражаемой легкостью и изяществомъ. Я возрождалась къ новой жизни при одной мысли, что мнѣ возвращено мѣсто, назначенное мнѣ провидѣніемъ, что я наконецъ могу свободно посвятить свое, хотя и малое, содѣйствіе служенію ближнему.

Но судьба, такъ часто играющая человѣческимъ счастьемъ, готовилась и меня заставить заплатить дорогою цѣною за это мгновенное упоеніе... Марія-Джузеппа, вѣрная, неизмѣнная подруга, раздѣлявшая всѣ мои бѣдствія, полагала все свое счастье въ томъ, чтобы увѣрять меня, что она никогда не повинетъ меня, пока я буду несчастлива.... Кто бы сказалъ ей, что она проводитъ со мною послѣдній вечеръ?

На слѣдующій день, въ часъ пополудни, я съ сестрой и затемъ сидѣла за обѣдомъ... раздался звонокъ. Старая служанка сестры моей, выглянувъ изъ окна на лѣстницу, въ смущеніи объявила намъ, что меня спрашиваетъ какой-то священникъ.

«—Просите, сказала я, полагая, что это бывший капуанскій викарій, иногда навѣщавшій насъ. Но сердце-вѣщунъ, привычное къ горю, вѣрнѣе забилось въ моей груди... Я услышала шаги не одного, а нѣсколькихъ человѣкъ. Я подошла къ двери залы, чтобы прислушаться—и услышала споръ между пришедшими и моимъ затемъ. Я вышла изъ двери и увидѣла передъ собою че-

ловѣка исполнскихъ размѣровъ, съ огромной головой, съ лицомъ, подобнымъ полной лунѣ — существо въ родѣ Бриарея, хозанномъ развалившееся на диванѣ; близь него сидѣлъ блѣдный, худощавый священникъ зловѣщей наружности, а зять мой стоялъ смущенный, опершись обѣими руками на спинку стула. Хотя обѣ незнакомыя мнѣ, эти физиономіи заставили меня содрогнуться.

Гигантъ, испуская изъ гортани голосъ, похожій на ревъ морской раковины, спросилъ меня:

«— Вы-ли монахиня Энрикетта Карачоло Форино?

«— Я, отвѣчала я:— съ кѣмъ имѣю честь говорить?

«— Съ комиссаромъ Морбилли.

Боже! какое имя! Я вздрогнула какъ отъ сильнаго электрическаго удара... Этотъ человѣкъ былъ ужасомъ всего Неаполя.

Герцогъ Морбилли (о, бѣдное дворянство родины Вико!), преданнѣйшій изъ клеветовъ короля, вѣрный сподвижникъ Дель-Каррето, вошелъ въ славу не столько по своей неумоимости въ службѣ, какъ по паническому ужасу, всюду навводимому его посѣщеніями, и баснословной обжорливости, обратившейся у него въ болѣзнь. Кто-бы изъ неаполитанцевъ не предпочелъ видѣть въ своемъ домѣ, не скажу злого духа, но, по крайней мѣрѣ, пожаръ или оспу или любую смертоносную язву, скорѣе чѣмъ комиссара Морбилли?

«— А это, продолжалъ онъ, указывая на своего спутника:— это священникъ изъ куріи.

Вмигъ поняла я, что меня ожидало.

«— Чего вы хотите отъ меня? спросила я тономъ карбонара, застигнутаго комиссаромъ на мѣстѣ преступления.

«— Вы находитесь подъ арестомъ.

«— Подъ арестомъ? Это невозможно! За что?

«— Очень возможно. Вы должны слѣдовать за нами.

«— Куда?

«— Въ монастырь.

«— Въ какой?

«— Въ Мондрагоне.

«— Могу я узнать, по приговору какаго судьица, или по крайней мѣрѣ по чьему повелѣнію?

«— Это до васъ не касается.

Бываютъ критическія минуты, когда Господь вселяетъ въ слабого крѣпость духа, чтобы онъ не далъ раздавить себя сильнѣйшему.

«— Это касается меня побольше, чѣмъ васъ, съ гордымъ достоинствомъ отвѣтила я:— не менѣе того я пойду за вами; нду одѣваться.

Посвященный во всѣ тайны ремесла сыщика, Морбилли самъ

захотѣлъ удостовѣриться, не представляет ли моя комната возможности въ бѣгству, и увидавъ, что въ ней одна только дверь, соизволилъ разрѣшить мнѣ одѣваться на свободѣ. За мной вошла Марія-Джузеппа, которая обезумѣвъ и онѣмѣвъ отъ перепуга, привела и мой и свой нарядъ въ страшный беспорядокъ. Полчаса спустя мы обѣ были готовы.

«— Не принимай такого унылаго вида, сказала я бѣлицѣ, слегка глади ей щеку:—старайся совладать съ собой, чтобы не доставить удовольствія этимъ людямъ.

«— Ваша правда, снѣбора, отвѣчала она, и, въ угоду мнѣ, силилась улыбнуться, хотя съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

«— Можете идти впередъ, сказалъ Морбилли священнику:—снѣбора не оказала сопротивленія.

Вампиръ раскладался и скрылся. Морбилли обратился къ Маріи-Джузеппѣ, готовившейся идти за мною и нагруженной шальми и другими предметами.

«— А ты кто такая? спросилъ онъ ее.

«— Я—ихъ бѣлица.

«— Ты не поѣдешь съ снѣборой въ монастырь, рѣшилъ цѣлопѣ.

«— Почему? спросила одна изъ насъ.

«— Почему? откликнулась другая.

«— Снѣбору повезутъ въ пріютъ (ritiro), тебя же отвѣдутъ въ комисариатъ на допросъ, а потомъ отправятъ на родину.

Вопли, стоны бѣдной дѣвушки, крѣпко прильнувшей ко мнѣ, какъ-бы ища во мнѣ убѣжища и заступничества, ея плачь и отчаяніе чуть не лишили меня присутствія духа. Отъ душевнаго моего волненія, подавляемаго только усиленіемъ самолюбія, мускулы рта моего до того сжались, что еслибъ я захотѣла говорить, это было бы мнѣ невозможно. Бѣдная Марія-Джузеппа не переставала цѣпляться то за мое платье, то за мою руку, приговаривая среди громкихъ рыданій:

«— О, милая, обожаемая снѣбора! если вы не хотите разлучаться съ вашей бѣдной бѣлицей, то почему же вы не прогоните этихъ негодаевъ!

Комисаръ, подозвавъ инспектора, дожидавшагося у двери, сдалъ ему бѣлицу. Я не сказала ни слова; боясь расплакаться, и только дала Маріи-Джузеппѣ послѣдній прощальный поцалуй, да попросила старую служанку не оставлять ее, пока ее не отправятъ къ роднымъ. Затѣмъ, обращаясь къ комисару:

«— Надѣюсь, сказала я:—что, зная чья дочь я, вы не захотите заставить меня идти пѣшкомъ.

«— И что вы не позволѣете мнѣ и ея сестрѣ проводить ее, подхватить зятя мой.

Морбилли послалъ за каретой, и дозволилъ роднымъ проводить меня. Все это время Марія-Джузеппа не переставала жать мнѣ руки и покрывать ихъ поцелуями; до того поразительно было отчаяніе несчастной, что надъ нею сжался... даже Морбилли.

«— Мужайся, сказала я ей наконецъ, и, оторвавшись отъ нея, первая вышла изъ двери.

Лѣстница была набита сбирами, какъ будто готовились захватить въ лѣсу шайку разбойниковъ, а за воротами столпилось болѣе ста человекъ, чтобы поглазѣть на странное зрѣлище.

Приютъ Мондрагоне, основанный въ 1653 г. Эленой Альдобрандини, герцогиней Мондрагоне, для неаполитанскихъ дамъ, которыя, овдовѣвъ и оставшись въ нуждѣ, пожелаши бы вести въ немъ спокойную, уединенную жизнь—состоитъ изъ обширнаго зданія и церкви «Santa Maria delle Grazie di Mondragone», близъ «S. Carlo alle Mortelle». Въ настоящее время туда изрѣдка принимаютъ и воспитанницъ, но вообще приютъ служить монашескимъ острогомъ.

Приѣхавъ туда около трехъ часовъ, я вошла по лѣстницѣ, ведущей наверхъ отъ первой двери на улицу; у второй двери были поставлены два священника, и около нихъ стояла настоятельница, которую величали «приоршей». Въ одномъ изъ священниковъ я узнала ту самую тѣнь Банко, которую Морбилли привезъ съ собою для моего ареста; другой былъ духовный начальникъ приюта—тотъ самый, который, яростнымъ рвеніемъ своимъ въ дѣлѣ реакціи, оставилъ въ лѣтописяхъ 1848 г. такую незавидную славу—тотъ самый, который, въ качествѣ королевскаго цензора, всегда вымарывалъ въ рукописяхъ коренное итальянское слово «*esiamdio*» (даже), быть можетъ, потому, что окончаніе его напоминаетъ о верховномъ судѣ (!)... Пожалованный орденомъ Франциска I, за безрѣдѣльную преданность бурбонамъ, и всѣмъ извѣстный обскурантизмъ, онъ требовалъ, чтобы его не иначе называли, какъ «кавалеромъ».

Изъ того, какъ этотъ человекъ раскланивался съ комиссаромъ, и изъ нѣсколькихъ словъ, которыми они обмѣнялись, я поняла, что они—старинные друзья ищейки одной ссоры. Зятя мой, съ трудомъ до этой минуты сдерживавшій свое негодованіе, тутъ разразился горькими жалобами на поведеніе кардинала.

(*) Dio—Богъ.

«— Если вы не замолчите сію же минуту, сказалъ ему «савалеръ»:— я пощочными заставлю васъ прикусить языкъ.

«— Если вы не отправитесь сейчасъ же по своимъ дѣламъ, прибавилъ комисарь:— я васъ въ тюрьму запрочу.

Я схватила заты за руку, и вѣрно потрясла ее, сказала:

«— Чего вы горячитесь, когда я молчу, я—жертва? Теперь я сдана въ темницу—можете увезти сестру.

Всѣ хранили молчаніе. Комисарь, взявъ съ худошаваго священника росписку въ полученіи моей особы, уѣхалъ, и я сестрѣ сдѣлала знакъ, чтобы и она встала, чтобы не дать мужу ея случая снова скомпрометировать себя.

«— Пиши скорѣе въ Газету, сказала я, обнимая ее:— все опши матери, и, ради самаго Бога, позаботься о Маріи-Джузеппѣ, какъ бы ты позаботилась обо мнѣ.

Оставшись одна со сборомъ и двумя тюремщиками, я принуждена была взойти на третій этажъ, и отведена въ обширную и мрачную комнату, имѣвшую видъ темницы приговореннаго къ смерти: только два отверстія впускали туда свѣтъ, и то скудный и тусклый, потому что напротивъ возвышался палаццо Вилланова. Голыя, загрязненныя стѣны, бревенчатый потолокъ, полъ изъ изломанныхъ кирпичей, два хромыя стула вмѣсто мѣбели — вотъ и все!

Пріорша и священникъ, завѣдывавшіи литературной инквизиціей, вышли, чтобы о чемъ-то переговорить вполголоса; со мной остался только священникъ изъ куріи.

Кто бы повѣрилъ любезности вампира?

Видя меня одинокой, всѣми покинутой, безутѣшной, лишенной всякой защиты, этотъ священникъ, еще нестарый, вздумалъ воспользоваться случаемъ, чтобы дать мнѣ понять всю пользу для меня его покровительства; онъ принялъ сладко лкрадчивую мину, отчего сдѣлалась еще противнѣе его отталкивающая физономія, и протягивая ко мнѣ свои костлявыя руки, сказалъ:

«— Если вамъ что нибудь понадобится, обратитесь не стѣняясь къ пріоршѣ, къ которой вы вѣроятно почувствовали уже симпатію, какъ, надѣюсь, почувствуете ее и къ вашему покорному слугѣ.

Послѣдняя фраза сопровождалась глубокимъ поклономъ и улыбой, обнажившей всѣ его отвратительныя зубы.

«— Гнусное чудовище! закричала я, уставивъ на него глаза, и указывая ему на дверь.—Исходи отсюда, окаянный, и разскажи пославшему тебя, что я надѣюсь, съ божьей помощью, скоро увидать и его, и тебя, и всѣхъ вамъ подобныхъ провалившимися въ адъ кромѣшный.

Она не выказала ни малѣйшаго смущенія, и взявъ шляпу, тихохонько пробралась къ двери, которую я съ бѣшенствомъ заклоннула за себя.

Тогда, возвратившись на среднюю комнату, я стала на колѣни, сложила руки, и поднявъ глаза къ небу, вознесясь сердцемъ къ Богу, стала изъ глубины души молиться за очерченную невинность...

Господь не отвергаетъ смиренное, уничиженное сердце, а внимаетъ его мольбѣ!...

XXII.

Приютъ Мондрагоне.

Втеченіе почти полутора года сравнительной свободы я успѣла отвыкнуть отъ тлетворнаго и разрушающаго вліянія одиночества; оживотворенной общеніемъ съ людьми, мнѣ несравненно тяжелѣе прежняго показалось безмолвіе, снова охватившее меня. Вокругъ меня не слышался ни одинъ голосъ, не было слѣда живой человѣческой мысли, не звучала привѣтливый говоръ человѣческой дѣятельности: въ новой пустынѣ, окружившей меня, слышалось лишь однообразное жужжаніе мухъ—странный контрастъ съ ураганомъ, свирѣствовавшимъ въ моей душѣ.

Одна, всепоглощающая мысль съ первой же минуты овладѣла мной: какая власть издала приказъ о моемъ арестѣ—гражданская или духовная? Была ли я еще разъ жертвой Ріаріо и его блики, или же какое-нибудь обвиненіе иного рода, имѣвшее начало свое въ шпіонствѣ, ввергло меня въ когти политической власти?

Вѣроятно, возможно было и то и другое предположеніе; вѣрнѣе же всего соединеніе того и другого. Какое бы изъ нихъ ни оказалось вѣрнымъ, положеніе мое было прискорбно, въ полномъ смыслѣ ужасно. Къ тому же, я была женщина! Какое сужденіе могъ составить себѣ свѣтъ, слишкомъ уже склонный къ подозрительности и злословію, о моемъ заключеніи въ приютъ, пользующійся самой двусмысленной репутаціей, могущей дать клеветѣ обильную пищу? Снова выкинутая изъ среды общества, какія средства имѣла я, чтобы опровергнуть лживые слухи, которые священники непременно распускали, я была въ этомъ увѣрена, въ ущербъ моему доброму имени, для собственнаго оправданія? Мысль объ этомъ послѣднемъ и жесточайшемъ ударѣ судьбы до того сразила меня, что я уже не находила въ себѣ той неустрашимости, той нравственной энергіи, которая до тѣхъ поръ помогала мнѣ сносить всѣ несчастія. Для того чтобы быть мужиной, а не женщиной (хотя бы только на нѣсколько дней), чтобы

очутиться въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Америкѣ, въ свободной странѣ, не имѣя въ своемъ владѣніи ничего кромѣ пера и нѣсколькихъ листовъ бумаги, я бы отказалась, не скажу отъ существованія, которымъ можетъ располагать только даровавшій его, не умъ конечно отъ престола, еслибы таковой находился въ моемъ распоряженіи.

Около часу спустя послѣ моего приѣзда, въ мою дверь слегка постучались; я не отозвалась. Стукъ повторился—я пряталась. При третьемъ стукѣ, я услышала голосъ пріорши, просившей меня отворить дверь.

«— Неужели я не хозяйка и въ этомъ логовницѣ? сказала я сердитымъ голосомъ.

«— Конечно, синьора, вы у себя хозяйка, но все же должны отворить мнѣ.

«— Можете ломать дверь, если хотите, а я не отворю.

Пріорша въ смиренныхъ выраженіяхъ стала упрашивать меня отворить ей, извиняясь въ причиняемомъ мнѣ безпокойствѣ необходимостью устроить меня на моей новой квартирѣ. Тогда я отворила, и увидѣла ее объятою ужасомъ отъ тона, принятаго мною. Двѣ бѣлицы внесли кровать, небольшой столикъ и лампу (lucerna).

«— Сдѣлайте одолженіе, сказала я:— доставьте мнѣ письменныя принадлежности.

Она скорчила гримасу, каковую дѣлаютъ люди, имѣющіе сообщить непріятное извѣстіе. Наконецъ она проговорила неохотно, точно жевала слова:

«— Къ крайнему моему сожалѣнію, я должна увѣдомить васъ, что, до новаго распоряженія, начальство запрещаетъ вамъ читать и писать.

«— Значить, мнѣ нельзя будетъ даже имѣть письменныя сообщенія съ родными?

«— Это разрѣшено, съ тѣмъ только, чтобы я прочитывала ваши письма, прежде нежели они запечатываются, и отвѣты на нихъ, прежде чѣмъ они вручатся вамъ.

«— Запрещены всѣ книги, безъ исключенія?

«— У насъ много книгъ духовнаго содержанія: ихъ вы можете читать сколько вамъ угодно.

Все болѣе служивался кругъ моей жизни. Я ее спросила, какія въ точности отданы приказанія относительно меня.

«— Самыя строгія, отвѣчала пріорша.—Вамъ запрещается видѣться и говорить съ кѣмъ бы то ни было; вы не можете принимать ни родныхъ, ни друзей, ни знакомыхъ, и тѣмъ болѣе чужихъ, которые бы пожелали посѣтить васъ; мало того, чтобы

отнять у васъ всякую возможность имѣть тайны сношенія съ наружнымъ міромъ, вамъ будетъ строжайше запрещено гладѣть изъ оконъ, выходить на террасу, проходить черезъ пріемную. Въ довершеніе всего...

«— Скоро ли конецъ? прервала я ее.

«— Вамъ не будетъ дозволено держать особой прислуги.

«— Скажите на милость, спросила я:—какъ называется ваше заведеніе?

«— Пріютъ Мондрагоне.

«— Вѣрнѣе было бы назвать его темницей инквизиціи! Можете вы еще сказать мнѣ, долго ли меня здѣсь продержатъ?

«— Почему знать! Можете пробыть и три года, и пять и десять лѣтъ, какъ заблагоразсудится начальству; чтобы скорѣе пріучиться къ терпѣнію, вамъ бы слѣдовало отложить надежду скоро выдти отсюда.

«— Не утаивайте отъ меня правды, молю васъ! Не къ позорному ли заключенію я приговорена?

«— Поручите себя Господу, и заботьтесь о спасеніи души своей!

«— Довольно!... вскричала я, и при этихъ словахъ безъ чувствъ упала на кирпичный полъ.

Когда я очнулась, я лежала въ растяжку на постели, и снова была одна. Тогда съ содроганіемъ стала я примѣчать, что мысли мои путаются, что умъ мой дѣбенѣетъ, хотя при всемъ моемъ желаніи, я не могла бы открыть причину этого явленія. Что у меня голова разстроена—это я сознавала ясно; но чему было приписать омраченіе моихъ умственныхъ способностей? Было ли оно послѣдствіемъ обморока, или слишкомъ сильнаго огорченія? Или его причинилъ ушибъ, нанесенный моей головѣ при паденіи на кирпичи? Чѣмъ болѣе я усиливалась удержать ускользящій отъ меня разумъ, тѣмъ я болѣе убѣждалась, что я уже не владѣю имъ какъ прежде: разсудокъ мой слабѣлъ, воспоминанія путались, чувства мои, способности превратились въ какой-то хаосъ. И среди этого хаоса властвовала одна неотступная галлюцинація, мучительная какъ правильно повторяемый ударъ тяжелаго молота: мнѣ казалось, что около меня стоитъ тотъ, котораго я нѣкогда такъ страстно любила — Доменико, одѣтый священникомъ, и читаетъ мнѣ смертный приговоръ.

Съ этой минуты начинается ужасный періодъ моего существованія, обнимающій собою долгій промежутокъ, который мнѣ нелегко въ точности опредѣлить, и въ которой разсудокъ мой постоянно колебался между здравымъ состояніемъ и совершеннымъ разстройствомъ. Не стану надобѣдать читателю разсказами о моихъ

бредахъ; но да будетъ мнѣ дозволено обратиться къ нему съ просьбою, прежде чѣмъ приступить къ продолженію моего разсказа, чтобы не прерывать нити его: пусть не падеть на меня отвѣтственность за дѣйствія, совершенныя мною во время моего безумія, и которыя я хотя и приведу здѣсь ради правдивости разсказа, но сама первая порицаю.

Съ наступленіемъ вечера бѣлица вошла ко мнѣ съ лампой, и за ней пріорша, со спиртами и разными стеклянками, которыя она заставляла меня нюхать. Я объявила ей, что придумала средство, чтобы избѣгнуть позора публичной казни. Серьезный, сосредоточенный тонъ, съ которымъ я сообщила ей это открытіе, разсмѣшилъ ее. Это была свѣжая, румяная женщина лѣтъ подь сорокъ, и довольно привѣтливая. Положеніе мое возбуждало ее жалость и она нерѣдко обращалась ко мнѣ съ ласковыми словами; но съ другой стороны она дорожила своею должностію и старалась заслужить одобреніе начальства, исполняя его приказанія съ педантической точностію. Я бы на ея мѣстѣ не приняла на себя обязанность тюремщицы.

Нѣсколько погодя она прислала мнѣ тарелку бульона; я отказалась отъ нея. Ночь, послѣдовавшая за этимъ днемъ, была самой ужасной ночью моей жизни; меня одолѣла поистинѣ предсмертная тоска. Я нѣсколько разъ вставала съ постели, чтобы молить Бога сохранить мнѣ разумъ. На разсвѣтѣ мнѣ принесли кофе; я отослала его нетронутымъ, и позже сдѣлала то же п съ обѣдомъ.

Два часа спустя привезли мои вещи. Пріорша вручила мнѣ письмо отъ сестры, уже распечатанное ею. Много утѣшило меня въ моемъ горѣ извѣстіе, что Марію-Джузеппу, послѣ допроса, сдали на руки ея дядѣ. Сестра еще говорила мнѣ, что она уже написала къ матери, которая, узнавъ о всемъ случившемся, не преминетъ просить аудіенціи у короля. У меня голова кружилась, рука отказывалась писать. Тѣмъ не менѣе я въ нѣсколькихъ строкахъ увѣдомила ее, что, изъ опасенія, чтобы я не обрагилась къ папѣ или высшему начальству, письма мои распечатываются и прочитываются, и что, слѣдовательно, нужно писать осмотрительно.

На слѣдующей день, въ двери моей снова показалась антипатичная рожа духовнаго начальника. При видѣ его кровь во мнѣ закипѣла, и я, не въ силахъ удержать бушевавшій во мнѣ гнѣвъ, разразилась проклятіями противъ кардинала и короля: странный приемъ для директора публичной цензуры! Донъ Пьетро Кландрелли вообразилъ, что можетъ заставить меня замолчать такъ же легко,

какъ онъ каждый день заставлялъ молчать авторовъ грамматикъ и лексиконовъ, къ удивленію своему долженъ былъ убѣдиться, что коса нашла на камень.

«— Я считаю оскорбленіемъ, сказала я ему:— посѣщенія священниковъ-цензоровъ и инквизиторовъ. Избавьте же меня отъ вашего присутствія, если не хотите, чтобы я на оскорбленіе отвѣчала оскорбленіями.

«— Вашъ несправедливый гнѣвъ, возразилъ онъ:— не дозволяетъ вамъ рассудить, что вы оскорбляете своихъ благодѣтелей; когда уймется ваше раздраженіе, васъ навѣститъ и его преосвященство.

Я отступила на шагъ назадъ, и протанувъ руку съ указательнымъ перстомъ:

«— Скажите ему, чтобы онъ не осмѣливался этого дѣлать, закричала я:— иначе я превращусь въ тигрицу!

Священникъ обратился къ пріоршѣ:

«— Да она въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая, сказалъ онъ:— лучше уйдемте отсюда!

Это восклицаніе окончательно сбilo мысли мои съ пути.

«— Такъ я въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая! повторила я про себя.

Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ я упорно стала отказываться отъ всякой пищи. Отъ долгой томительной болѣзни не болѣе бы исхудали мои щеки, чѣмъ отъ этихъ немногихъ дней; лицо мое сдѣлалось бронзоваго цвѣта, бѣлки глазъ — шафраннаго. Если я ложилась, силясь хотя на время развлечься отъ мучительной мысли, преслѣдовавшей меня, мнѣ немедленно снова представалъ образъ Доменика, одѣтаго священникомъ, и посылающаго меня на казнь. Словомъ, лишенная малѣйшаго проблеска надежды, больная тѣломъ и душою, я каждую минуту призывала немедленную смерть или возвращеніе свободы. На шестой день мнѣ не достало силъ встать съ постели, но это не заставило меня принять лекарства, предлагаемыя мнѣ пріоршей. На другой день послали за докторомъ. Пріѣхалъ докторъ Сабини, человекъ съ открытой душой, и, какъ я впоследствии узнала, полный горячей любви къ отечеству. Выслушавъ рассказъ пріорши о моей болѣзни, и о томъ, что я упорно отказываюсь отъ ѣды—

«— Тѣмъ лучше, замѣтилъ онъ:— это сдѣлаетъ ей больше пользы, нежели вреда. Какъ только прекратится лихорадка, мы заставимъ ее принимать пищу.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ изъ двери снова выглянула голова священника.

«— Спнсьоръ Сабини, сказалъ онъ, не переступая черезъ порогъ:— кардиналъ желаетъ узнать отъ васъ, въ какомъ положеніи находится больная.

Услыжавъ этотъ голосъ, я заметалась въ постели и кринула во все горло:

«— Убирайся отсюда, поповская образина!

«— Успокойтесь ради-бога, сказалъ мнѣ Сабини.—*Signor Cavaliere*, прибавилъ онъ, обращаясь къ посланному кардинала:—большая страдаетъ жервно-желчной лихорадкой, усложненной нѣсколькими симптомами прилива крови къ головѣ. Если она послушно послѣдуетъ моимъ предписаніямъ, а главное, если она откажется отъ своего намѣренія положить конецъ жизни своею, удерживаясь отъ пищи—я надѣюсь, что мы сладимъ съ болѣзною.

При этихъ словахъ священникъ поспѣшно переступилъ черезъ порогъ и войдя въ комнату, по которой онъ быстро зашагалъ—

«— Что такое! воскликнулъ онъ:—какъ! она хочетъ положить конецъ своей жизни! *Signora prioga*, прибавилъ онъ суровымъ, повелительнымъ тономъ, напоминавшимъ о Торкенадѣ:—уберите сейчасъ же изъ этой комнаты всѣ опасные предметы!

Королевскій цензоръ обвелъ глазами мои чемоданы и уставился на книги, по его мнѣнію несравненно пагубнѣйшія мшьяка, и подвергавшія опасности то, что онъ считалъ гораздо драгоценнѣе моей жизни. Чтобы избѣгнуть тяжелой сцены, я перешла въ другую комнату, пока пріорша и священникъ съ помощію другихъ лицъ готовились къ осмотру моихъ чемодановъ. Начали съ самой комнаты, въ которой были обшарены каждый уголокъ и каждая щелка; затѣмъ, завладѣвъ ключами, въ надеждѣ захватить какой-нибудь документъ, относящійся къ тайнымъ обществамъ, они подвергли строгому обыску даже бѣлье. Единственные предметы, привлекшіе ихъ вниманіе, были нѣсколько книгъ, печатанныхъ за границей, между прочимъ—какъ теперь помню—книга о Данте, книга о воспитаніи, Томмазо, Священные гимны Манцони и пѣсня въ честь свободы, Діоннсія Соломоса, замѣчательнаго поэта новѣйшей Греціи. Прибравъ къ рукамъ эту добычу, они прикрасили свой безсовѣстный поступокъ благовиднымъ предлогомъ, отобравъ у меня ножи, вилки, ножницы, перочинный ножичекъ и разныя тому подобныя вещицы.

Каратель слова *eziandio* сходилъ съ лѣстницы, когда я возвратилась въ свою комнату. Обернувшись ко мнѣ съ усмѣшкой, въ которой промелькнула вся его врожденная злость —

«— Съ вашего позволенія, сказалъ онъ:—я донесу его преосвященству, вашему и моему благодѣтелю, что у васъ отнята возможность посягать на ваши драгоценныя дни.

Съ этими словами онъ сошелъ съ лѣстницы.

Однако, отъ его изслѣдованій спаслась связка бумагъ, поважнѣе захваченныхъ предметовъ. Я была увѣрена, что безъ по-

мощи специалиста, этого дѣла мнѣ не открытъ отаенное дно, находившееся въ одномъ изъ чемодановъ. Но объ этомъ скажу въ свое время.

Рано, каждое утро Сабини навѣщала меня. Мое крѣпкое тѣло-сложеніе помогло мнѣ удѣлѣть въ этой страшной физической и нравственной борьбѣ, которую не вынесла бы ни одна женщина. Неменѣе того, я продолжала упорно отказываться отъ всякой пищи, и докторъ замѣтилъ, что отсутствіе ея истощало мои силы съ возрастающей быстротой. На утро одиннадцатаго дня, онъ засталъ меня въ крайнемъ изнеможеніи. Я не могла поднять искоудалой руки, и если пыталась повернуть голову на подушкѣ, лишалась чувствъ. Истощеніе мое дошло до того, что не имѣя силы сойти съ кровати, я уже не могла вечеромъ, по своему обыкновенію, запирать на задвижку дверь моего притона.

Чтобы спасти меня, Сабини рѣшился на хитрость.

Приютомъ управлялъ мой однофамилецъ, Карачоло, князь Челламаре, у котораго Сабини былъ домашнимъ докторомъ. Неоднократно рассказывалъ онъ мнѣ, что говорилъ обо мнѣ съ княземъ. Вотъ, однажды, утромъ, входитъ онъ ко мнѣ, весело посмѣиваясь и потирая руки.

«— Ну, веселѣе, снѣборина! сказалъ онъ мнѣ:—я къ вамъ съ доброй вѣсточкой!

Съ усиленіемъ обернулась я лицомъ въ нему.

«— Вчера вечеромъ, продолжалъ онъ:—князь горячо просилъ за васъ властей, которыя согласны выпустить васъ, какъ только вы поправитесь.

Сердце мое забило такъ сильно, что не знаю, какъ я не упала въ обморокъ.

«— Такъ меня выпустятъ! проговорила я, силась перевести спиравшееся дыханіе, и протянуть доктору руку.

«— Навѣрное, отвѣчалъ онъ:—и такъ нужно скорѣе поправить ваши силы, потому что я не хочу, чтобы вы отсюда вышли людей пугать. Скорѣе, *signora prigiona*, ведите подать ей бульона.

Минуту спустя, явилась бѣлица съ бульономъ, который самъ докторъ сталъ вливать мнѣ въ ротъ по ложечкамъ, съ отеческой заботливостью подпирая мнѣ голову на подушкѣ рукой. При третьей ложечкѣ у меня потемнѣло въ глазахъ, и прежде нежели я успѣла опуститься на подушки, желудокъ мой выбросилъ эту скудную пищу.

«— Оставимъ ее въ покоѣ, сказалъ Сабини:—истощеніе силъ слишкомъ велико. Я ей пропишу усноконгельную микстуру, которую вы должны давать ей всякіе полчаса.

Я поддавалась на хитрость. Болѣе нежели бульонъ или микстура,

меня оживили слова доктора. На слѣдующій день мнѣ было лучше; еще тревожили меня галлюцинаціи, дѣйствіе умственного разстройства; но надежда — это всемірное лекарство — какими страданіямъ не приноситъ она облегченія? Послѣ четырехъ дней я уже значительно поправилась; на шестой день Сабини осѣдомился обо мнѣ въ пріемной, но не вошелъ наверхъ. Подъ конецъ недѣли я понемногу начинала принимать пищу... а Сабини все не показывался. Нѣсколько разъ жаловалась я на это пріоршѣ, и наконецъ допросилась, чтобы его позвали.

Онъ пришелъ. Какъ только я отдала ему отчетъ въ моему здоровью, я спросила его, въ какой день мнѣ будетъ дозволено выдти. Онъ отвѣтилъ уклончиво; не отнялъ у меня надежды на освобожденіе, чтобы не причинить мнѣ возвращенія болѣзни, но сказалъ, что не можетъ въ точности опредѣлить время... Увы, я скоро получила горькое убѣжденіе, что онъ спасъ мнѣ жизнь обманомъ! Я плакала, какъ едва-ли когда-нибудь плакала другая женщина; я снова предалась беспредѣльному отчаянію, перебирала въ головѣ моей самыя сумасбродныя планы, не зная за какой ухватиться, но у меня уже не хватило мужества — или трусости — на то, чтобы голодомъ положить конецъ моему злополучному существованію.

Между тѣмъ мать моя возвратилась изъ Газты. Предупрежденная сестрой о томъ, что письма мои въ пріемной подвергались той же участи, какую терпѣла переписка публики вообще въ почтовыхъ конторахъ всего государства, она увѣдомила меня о мѣрахъ, принятыхъ ею для моего освобожденія въ совершенно непонятныхъ выраженіяхъ. Это не привело меня въ уныніе. Зная ея надменный и рѣшительный характеръ, могла ли я предположить, что она останется сидѣть скрестя руки послѣ жестокаго оскорбленія, нанесеннаго намъ?

Въ одну изъ моихъ ясныхъ минутъ (которыя въ то время у меня стали повторяться чаще прежняго), я набрела на очень умную мысль. Спросивъ у пріорша, кто будетъ стирать мое бѣлье, и получивъ въ отвѣтъ, что ея бѣлицамъ некогда, я связала его въ узелъ, чтобы послать къ матери, а въ уголъ платка завязала записку, въ которой спрашивала ее, что она предприняла въ мою пользу. Черезъ три дня бѣлье было мнѣ возвращено, и въ томъ же узлѣ я пашла отвѣтъ.

Мать писала мнѣ, что она говорила съ королемъ и съ королевой, что они оба отвѣтили, что ей скорѣе слѣдуетъ переговорить съ архіереємъ, такъ-какъ ихъ величества не имѣютъ привычки вмѣшиваться въ церковныя дѣла, что, впрочемъ, они сами такого мнѣнія, что игра на органѣ и пѣніе на влпросѣ—занятія

болѣе приличныя монахинѣ, нежели открытое составленіе заговоровъ съ врагами престола и алтара.

Итакъ, болѣе не было сомнѣнія: меня преслѣдовала уже не одна, а обѣ мѣстныя власти—полицейская и архіепископская. По правдѣ сказать, подозрѣнія бурбонской полиціи были не лишены основанія. Надѣленная природою пылкими страстями, живымъ воображеніемъ, волей достаточно сильной, чтобы бороться противъ обаянія сантиментальности и теченія привычки, я стремилась къ восстановленію свободы въ моей родной землѣ еще прежде, нежели римская исторія и лѣтописи нашихъ республикъ познакомили меня съ ея судьбами. Книги, газеты, общеніе съ людьми крѣпкаго закала, и болѣе всего дивный примѣръ другихъ народовъ, опередившихъ насъ на пути къ цивилизаціи, еще болѣе разожгли въ душѣ моей священный огонь любви къ отечеству. Съ этой минуты я возненавидѣла австрійскій императорскій орелъ, и клеветовъ его, и мелкихъ князьковъ, и развратъ нашего духовенства, и раболѣпное подобострастіе нашихъ вельможъ той ненавистью—неумолимой, непреклонной, которою ненавидѣли испанцы—сарациновъ, греки—турокъ, а весь христіанскій міръ—варварскихъ корсаровъ. Въ моемъ пламенномъ желаніи присоединиться къ апостольству этой высокой миссіи, я съ той поры никогда не переставала, огражденная отъ подозрѣній мовъ монашескимъ капюшономъ, искать того тайнаго центра, который употребилъ бы мою дѣятельность въ дѣло. Долгое время тщетно стучалась я въ таинственныя врата, но они, наконецъ, разверзлись мнѣ. Тогда для меня настали минуты восторженной экзальтаціи, въ которыя я дерзнула возмечтать о томъ, что еслибы всѣ женщины мыслили и чувствовали подобно мнѣ, то ни одно варварское полчище не спустилось бы въ Италію или, по крайней мѣрѣ, Италія давно бы покончила съ опустошительной властью своихъ тирановъ.

Итакъ, подозрѣнія полиціи не были лишены основанія: но кто навелъ ее на мой слѣдъ? Не знаю; да и къ чему мнѣ знать? Какъ бы то ни было, я теряла послѣднюю надежду снова когда нибудь взглянуть на божій свѣтъ.

Къ этимъ источникамъ печали присоединился еще другой, болѣе раздражающаго свойства. Такъ-какъ я до сихъ поръ постоянно ослушивалась нѣсколько разъ повторенныхъ мнѣ приказаній куріи снова надѣтъ на себя монашеское платье, то, наконецъ, получила рѣшительное предписаніе не позже трехъ дней надѣтъ рясу и нарамникъ, съ угрозой, въ противномъ случаѣ, запереть меня въ монастырь куда нибудь въ провинцію, гдѣ мнѣ предстояло провести остатокъ дней моихъ въ безсрочной

разлукѣ съ родными и міромъ... Снова облачаться въ ненавистную ливрею праздности, невѣжества, эгоизма, возведеннаго на степень религіознаго ученія! Снова и навсегда, безъ надежды на искупленіе, подпасть подъ жезлъ невѣжественной изувѣрки-аббатисы! Зарыть разумъ, сердце и волю въ глушь и гниль обнесеннаго рѣшотками и стѣнами монастыря! Бѣдный разумъ мой, уже жестоко поколебленный, не вынесъ этой ужасной мысли.

Я уже упомянула, что въ потаенномъ отдѣленіи, находившемся въ одномъ изъ монаховъ чемодановъ, были спрятаны нѣкоторые предметы, ускользнувшіе отъ зоркости поповъ при обыскѣ. То были: связка революціонныхъ бумагъ, писанныхъ цифрой, кинжалъ и пистолетъ; послѣдніе предметы принадлежали моему зятю, и были отданы имъ мнѣ на сохраненіе еще во время пребыванія моего въ консерваторіи «di Constantinopoli».

Это было ночью на 17-е іюля, 'за часъ до полуночи. Ставъ на колѣни возлѣ кровати, и вознесая къ Богу милосердія въ предсмертной молитвѣ, я написала къ матери прощальное письмо — письмо животрепещущее, омоченное моими слезами. Между прочимъ, я говорила ей:

«... Увы! безвѣрности моего гора не повѣрнуть никто, не испытавшій хоть часть его! Жить какъ будто во снѣ, безпрестанно напрягаться, чтобы осилить волны, набѣгающія на разумъ, чтобы поглотить его, и это безъ всякой надежды добраться до берега — чувствовать себя заживо схороненной, и каждый день просыпаться, какъ будто подъ гробовой крышкой — о, повѣрьте, это — лютое исгазаніе!

«Сага шамша, эта жизнь, которую вы даровали мнѣ, сдѣлалась для меня одной лишь пыткой. Къ чему мнѣ существованіе, если у него отняты свобода и совѣсть, если ему суждено исчахнуть безъ плода, тогда какъ другимъ божьимъ созданіямъ дано дышать родной стихіей, на волѣ, пользуясь счастьемъ и здоровьемъ, какъ птицы небесныя? Простите же мнѣ первая, и заступитесь за мою память, когда единственнымъ слѣдомъ, оставленнымъ мною на землѣ, будетъ ваша жалость!»

Окончивъ это письмо, обливъ его слезами, я оставила его раскрытымъ на столѣ, растворила чемоданъ, вынула кинжалъ — и ранила себя въ бокъ...

О, ты, читающій эти строки, не осуждай меня! Пожаляй меня. Вспомни обо всѣхъ моихъ страданіяхъ, вообрази себя въ моемъ жалкомъ, безысходномъ положеніи, и плачь со мною, которая не могу даже описывать это ужасное мгновеніе безъ глубокаго волненія. Да! я столько выстрадала, столько выболѣла, что во мнѣ

угасъ свѣтлыиикъ разума! Простите же мнѣ, читатель, какъ, я надѣюсь, простилъ меня Богъ!...

Безсиленная, дрожащая рука моя могла нанести только слабый ударъ, но ужасъ и содроганіе, причиненные мнѣ холоднымъ прикосновеніемъ лезвія оружія, пробудили меня отъ моего бреда. Развѣ истиникъ самосохраненія не есть часть божескаго закона? Внутренній голосъ, вопіющій среди самаго отчаянія: «береги самого себя», не голосъ ли это ангела-хранителя, посланнаго небомъ? Кинжалъ выпалъ изъ моей руки; я сѣла, дрожа всѣмъ тѣломъ. Мнѣ не было предопредѣлено умереть въ припадкѣ безумія, умереть самоубійцей. Мнѣ было суждено еще жить, еще плавать, еще страдать; и, благодареніе божественному промыслу, я пережила эту пору позора и рабства.

Меня ожидали новыя мученія.

Мало того, что священники заставили меня нарядиться въ монашеское облаченіе, они еще вздумали дать мнѣ въ духовники монаха, своего повѣреннаго — отца Куаранту, августиніанца. Такъ-какъ дѣло шло о душѣ океанной, обращеніе которой на путь истинный непрѣнно было бы отнесено къ чуду, то они избрали этого монаха, прославившагося за свое краснорѣчіе, и слышавшаго вочти за святаго, въ томъ убѣжденіи, что ему нетрудно будетъ восторжествовать надъ всякимъ упорствомъ. Я рѣшилась не ходить въ исповѣдальню. Отецъ Куаранта сталъ приходить ко мнѣ въ комнату каждый день, въ неопредѣленные часы. Это былъ безмозглый старичокъ, на полныхъ парусахъ плывшій къ совершенному полоумію, и слишкомъ занятый отсчитываніемъ своихъ заранѣе составленныхъ рѣчей, которыя онъ говорилъ, скороговоркой, не переводя духу, точно музыкальная табакерка, чтобы обращать вниманіе на мои возраженія, которыя онъ ежеминутно забывалъ. Болтовня этого впадшаго во второе дѣтство старика, уничтожала даже благія послѣдствія, которыя могъ имѣть для моего бѣднаго ума послѣдній пережитый мною кризисъ. Я протестовала противъ этого ежедневнаго нарушенія моего покоя, но мнѣ было отвѣчено, что меня нельзя оставить безъ постоянныхъ увѣщаній духовника; впрочемъ, обѣщали прислать мнѣ другаго, нѣкоего Кутилло, пользовавшагося такой же репутаціей, какъ отецъ Куаранта.

«— Коли вы такъ восхваляете его, такъ сами и исповѣдайтесь у него, сказала я священнику, смотрителю пріюта.—Если ужъ надо мнѣ исповѣдываться, то давайте мнѣ человѣка, избраннаго мною, а не вами.

Я отъ пріорихи слышала объ одномъ престарѣломъ каноникѣ, жившемъ по сосѣдству, который часто служилъ обѣдню въ церкви

пріюта, и каждый разъ освѣдомлялся не только о моемъ здоровьѣ, но и о моемъ нравственномъ состояніи, съ большимъ участіемъ ко мнѣ уговаривая пріоршу оказывать мнѣ всѣ вниманія, какихъ требовало мое тяжелое положеніе. Я его по слухамъ знала за человѣка ученаго, разсудительнаго и незапятнанной честности. Я попросила пріоршу пригласить его отъ моего имени быть моимъ духовникомъ; онъ прислалъ сказать мнѣ въ отвѣтъ, что принимаетъ на себя эту должность, съ тѣмъ, однако, чтобы я не считывала на его посредство близъ главн неволитанской церкви. Я ему на это сообщила, что ничто не можетъ быть далѣе отъ моихъ намѣреній, какъ мысль унижить себя въ глазахъ этого человѣка. Тогда каноникъ пришелъ ко мнѣ. Но выборъ мой, павшій на такую достойную личность, не былъ одобренъ священникомъ, смотрителемъ заведенія. Причина — самая простая: каноникъ былъ христіанинъ по сердцу и совѣсти, а не по гордости или духу партіи; онъ отдавался служенію страдающаго человечества, а не былъ свирѣпымъ орудіемъ извѣстной гасты. Они же, напротивъ того, стояли неизмѣнно ниже его по нравственному своему поведенію, по уму и познаніямъ. Изъ этого слѣдовало, что такъ-какъ образъ дѣйствій начальниковъ находился въ прямомъ противорѣчій съ образомъ мыслей подчиненнаго, то напрасно бы они старались проникнуть въ мою душу черезъ посредство моего духовника. Впрочемъ, они, должно быть, сами устыдились запрещенія, котораго не могли ничѣмъ оправдать, потому что въослѣдствіи взяли его назадъ, и въ утѣшеніяхъ, съ теплымъ участіемъ расточаемыхъ мнѣ этимъ добрымъ старцемъ, я видѣла доказательство того, что не совсѣмъ еще покинуло меня небо.

Но, повторяю, одна бѣда влечетъ за собой другую.

Генералъ Саллуци, при столь многихъ и многихъ случаяхъ относившійся ко мнѣ съ истинно отеческой привязанностью, послѣ послѣднихъ событій получилъ такой строгій выговоръ за покровительство, оказываемое имъ монахинѣ, участвующей въ заговорахъ противъ монарха, и возставшей противъ властей церкви, что уже не смѣлъ открыто называться моимъ другомъ. Лишивъ меня этой опоры, потеря которой была мнѣ крайне прискорбна, король еще отнялъ у меня годовую мою пенсію въ 60 дукатовъ — послѣднее мое средство къ существованію. Съ этого времени, несмотря на пособіе, получаемое мною отъ семьи, не было конца моимъ лишеніямъ. Пришлось обойтись безъ всякой прислуги, что съ непривычки было нелегко; цѣлое лѣто я ограничила пищу свою хлѣбомъ да кой-какими плодами, позволив

себѣ мясо только по воскресеньямъ. Что касается до моего одиочества, оно было полное—первые шесть мѣсяцевъ. За исключеніемъ доктора, посѣщавшаго меня первое время, я во весь этотъ промежутокъ не видала ни одного человѣческаго лица, кромѣ противныхъ фizioномій священниковъ, монаховъ и монахинь, что заставило меня безвыходно запереться въ свою комнату и довело меня до совершеннаго отшельничества. Одна только тайная нить осталась мнѣ для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ: узелъ съ бѣльемъ, неоцѣненный мой посолъ и новѣреннѣйшій, дававшій мнѣ возможность безопасно поддерживать переписку съ моею матерью.

Съ помощью немногихъ отборныхъ книгъ, какая скука не разгоняется, какая тоска не разсѣвается, какое безмолвіе не оживляется? Лишенной и этого невиннаго развлеченія, волеи-неволеи пришлось мнѣ прибѣгнуть къ тѣмъ книгамъ, какими могла снабдить меня мондрагонская библиотека. Я далеко не жалѣю объ этомъ; напротивъ того, у меня всегда останется въ памяти «житіе святыхъ мученицъ», найденное мною тамъ; эту занимательную книгу я нѣсколько разъ перечла съ великой для себя пользой и удовольствіемъ. Цѣломудренная поэзія, чистое, святое рвеніе, отличавшее первую христіанскую эру, успокоивали мой духъ среди волновавшей меня внутренней борьбы. То былъ чудный вѣкъ искушенія, въ который женщина, возвышенная пламенной вѣрою, надеждою, любовью, не только оспаривала у мужчины пальму героизма, но, жертвуя молодостью, красотой, имуществомъ, подавая примѣръ всѣхъ добродѣтелей, сумѣла затмить скромность іерарховъ, ученость школъ, выпренность бѣтлеченности богослововъ. Кто можетъ отрицать, что къ величайшимъ чудесамъ откровенія принадлежитъ добровольное посвященіе женщины дѣлу общаго преобразованія, обновленія человѣческаго рода? А самая эта вѣра, это самоотреченіе, заставлявшія женщину отказываться отъ удовольствій брака, чтобы, окруженной небеснымъ сіяніемъ всходить на костеръ—не достойны ли онѣ бѣдшаго удивленія, нежели тотъ героизмъ, въ честь котораго имена Сципіона и Эпанимонда праславляются на страницахъ Плутарха? Вотъ единственныя образцы, которые денно и ночью должны бы изучать наши молодые дѣвушки! На что бы ни отважилась, чего бы ни достигла женщина и въ наше время, еслибы, принявъ себѣ образцовъ эту вѣру, она приносила цвѣтъ своихъ чувствъ въ жертву на алтарь отечества? Вмѣсто того, чтобы писать романы, извѣшивающіе сердце мимолетными ощущеніями, ослабляющіе духъ растлѣвающими чувствами, лучше старайтесь закалить сердце, оладотворить его мужественными чувствами! Такимъ образомъ,

вы поднимете женщину изъ позорнаго бездѣйствія, вы подготовите ее къ участию въ великомъ дѣлѣ цивилизаціи!

Въ часы празднаго досуга (а сколько такихъ часовъ довелось мнѣ пережить впродолженіе трехлѣтняго совершеннаго уединенія!) мнѣ доставляли пріятное развлеченіе насѣкомыя—единственные живые обитатели моей пустыни. Сколько часовъ скоротала я, слушая равномѣрное теченіе червя въ полусгнившемъ деревѣ дверей и потолка! Сколько разъ напрягала я слухъ свой, внимая руладамъ канарейки, рѣшотчатую темницу которой мнѣ не удалось увидать, несмотря на всѣ свои усилія, но терпѣнію и веселой безпечности которой я завидовала отъ глубины души! Въ весеннее и осеннее время часть моей скудной порціи хлѣба исправно откладывалась для муравьевъ. Прирученные моимъ гостепріимствомъ, они стекались ко мнѣ въ комнату въ нѣсколькихъ отрядахъ, овладѣвали ею безъ помѣхи, прорывали себѣ въ ней разныя подземныя ходы по своему усмотрѣнію, длинными вереницами взбирались по стѣнамъ, и толпясь вокругъ меня безчисленными племенами, подъ предводительствомъ различныхъ вождей, осаривали другъ у друга крохи, которыми я угощала ихъ. Иной разъ я, по примѣру Сильвіо Пеллико, слѣдила за мухой, бившейся въ сѣткахъ паука, и при этомъ зрѣлищѣ вспоминала изреченіе Анахарсиса: «правосудіе подобно наутницѣ: маленькія насѣкомыя запутываются въ нее, а крупныя прорываютъ ее и вылетаютъ на волю». Въ зимнее же время болѣе всего помогали мнѣ проводить долгия безсонныя ночи упражненія памяти, которую я до того усовершенствовала, умственно умножая заданныя себѣ числа, что наконецъ, стала находить произведеніе двухъ факторовъ, состоящихъ каждый изъ пяти цифръ.

Но возвратимся къ прерванному моему разсказу.

Давно уже правильно продолжалась моя тайная переписка, какъ вдругъ въ узлѣ платка я нашла записку слѣдующаго содержанія:

«Постарайся добиться свиданія съ апостольскимъ нунціемъ: онъ человѣкъ достойный. Ты можешь сдѣлать это посредствомъ письма, которое отпратишь черезъ меня».

Я просила нунція о свиданіи, которое было мнѣ тотчасъ же обѣщано. Нунцій пріѣхалъ въ Мондрагоне самъ, едва получивъ мое письмо. Пріѣздъ такого высокаго сановника церкви привело въ смятеніе весь пріютъ. Пріорша, готовая уже приписать себѣ честь этого посѣщенія, бѣгомъ бросилась въ пріемную. Каково же было ея изумленіе, когда посоль его святѣйшества потребовалъ вѣренную ей затворницу! Въ недоумѣвіи, вызвать ли меня въ пріемную, или держаться строгихъ предписаній начальства относительно меня, бѣдная женщина совсѣмъ растерялась и не

знала, что ей отвѣчать. Но я поджидала нунція, и едва до слуха моего донеслась изъ корридора необычная бѣготня, я быстро высочила изъ своей комнаты, бросилась внизъ по лѣстницѣ, расталкивая встрѣчавшихся мнѣ монахинь, глядѣвшихъ на меня разиня ротъ, и врываясь въ приемную, надменнымъ тономъ обратилась къ пріоршѣ:

«— Дѣла ваши требуютъ вашего присутствія; прошу васъ, оставьте меня одну.

Она, смутившись, распростилась съ нунціемъ, назвавъ его «signor dottore», и уходя, проговорила вполголоса:

«— А что какъ она да опять рехнулась?»

Нунція былъ человекъ въ цвѣтѣ лѣтъ и крайне вѣжливый въ обхожденіи. Онъ пришелъ въ великое изумленіе, слушая мою одиссею; но такъ-какъ пріютъ не находился подъ его прямымъ вѣдомствомъ, то онъ выразилъ искреннее сожалѣніе о томъ, что не можетъ подать мнѣ такую помощь, какой требовало мое положеніе. Несмотря на это, онъ прежде нежели простился со мною, завѣрилъ меня, что употребить всѣ старанія, чтобы выпросить мнѣ, если не немедленное освобожденіе, то, по крайней мѣрѣ, облегченіе моей участи.

Всходя по лѣстницѣ, я увидала пріоршу, съ испуганнымъ лицомъ совѣщавшуюся съ своими монахинями. Я подошла къ этой группѣ.

«— Не безпокойтесь о случившемся, сказала я, улыбаясь.— Можете дать знать кардиналу, что я сама нарушила арестъ.

Этотъ насмѣшливый тонъ не былъ новостью для пріорши. Я въ послѣднее время приняла манеру дразнить монаховъ тюремщицъ, и вслѣдствіи бѣсила ихъ, вспоминая слова моей капуанской плутовки: «чтобы выйти замужъ—надо буянить».

Пріорша сообщила Каландрелли о моей выходкѣ, и онъ тотчасъ же явился ко мнѣ, пылая гнѣвомъ. Я приняла его сидя и смѣясь, поглядывала на него изподлобья, и покачиваясь изъ стороны въ сторону, скрестивъ одну ногу на другую.

«— Кто вамъ далъ смѣлость сойти въ приемную, несмотря на приказаніе архіепископа? навинулса онъ на меня.

«— А знаете вы по пословицѣ: Кто смѣлимъ владѣть?»

«— Да знаете ли вы, наконецъ, что давъ монашескій обѣтъ, вы обязаны слѣпо повиноваться начальникамъ, Богомъ поставленнымъ надъ вами?»

«— Въ какомъ это евангеліи написано, что Господь Іисусъ Христосъ далъ мнѣ въ начальники ночтеннаго «cavaliero», Дон-Петро Каландрелли?»

«— Я вашъ начальникъ отъ имени святой католической церкви.

«— Что вы разумёте подъ католической церковью?»

«— Я разумю, сударыня, владычицу царей, представительницу Бога на землѣ; разумю священный престолъ, и весь повинующійся ему католицизмъ.

«— Не вѣрю я въ священный престолъ, съ вашего позволенія.

«— Значитъ, вы не католичка?»

«— Если то, что вы называете католицизмомъ, есть не что иное, какъ орудіе невѣжества и рабства въ рукахъ папы, кардиналовъ, епископовъ и священниковъ, то ужь конечно я не католичка.

«— Да что жь вы такое?»

«— Христіанка. Получше будетъ.

«— О, ужась, о, ужась! воскликнулъ онъ.— Да вы ужь не протестантка ли?»

«— Не раскольница ли? дополнила пріорша.

«— Ни то, ни другое, возразила я: — я буду христіанкой того вѣроисповѣданія, которое будетъ благоприятствовать цивилизаціи, благоденствію, свободѣ народовъ. Вотъ вѣра моя; она будетъ и вѣрой будущности.

«— Вы—нечестивая, безбожная монахиня!—Signora priora, поручаю вамъ строго наблюдать, чтобы зараза этихъ дьявольскихъ идей не распространилась на невинныхъ дѣвушекъ, воспитывающихся въ пріютѣ.

«— Будьте покойны, вставила я:—еще годъ-другой, и эти самыя дѣвушки разоблачатъ и заклемятъ ваши козны не хуже меня.

Но, увы, далеки мы еще были отъ подобнаго результата! Пріютъ почти исключительно былъ населенъ молодыми дѣвушками, воспитанными въ такомъ ханжествѣ и до того лишенными всякаго здраваго ученія, что едва знали грамоту. Да и какъ могло быть иначе, когда Каландрелли былъ товарищемъ пресловутаго монспньора Франческо-Саверіо Апуццо? Вѣдныя дѣти, каждый разъ какъ проходили мимо моей двери, со вздохомъ восклицали:

«— Madonna delle Grazie! Спаси душу ея! Господи Боже мой, направь ее на путь истинный!

Между тѣмъ Каландрелли ломалъ себѣ голову, чтобы отереть, какими способами могла я препроводить письмо свое къ нунцію. Одну за другой переспросили всѣхъ бѣлицъ, но ничего не узнали. Наконецъ, подозрѣнія его пали на узелъ съ бѣльемъ, и онъ, отложивъ всякій стыдъ и приличіе, приказалъ пріоршѣ уведомить его въ первый же разъ, какъ бѣлье мое будетъ воссылаться въ стирку. Такъ и было сдѣлано; и кавалеръ ордена Франциска I имѣлъ поистинѣ сбирское нахальство, собственноручно развязать узелъ бѣлья, ставъ однимъ колъномъ на полъ, и развернуть от-

дѣльно каждую штуку безъ исключенія. Но я ожидала этого обмѣна, и приготовила ему хорошую закуску.

Въ складкахъ сложеннаго полотенца духовный отецъ нашелъ письмо, адресованное къ моей матери. Вскочивъ на ноги съ ликующимъ видомъ, онъ дрожащей отъ нетерпѣнія рукой раскрылъ уличающую меня бумагу.

«— Наконецъ-то, сказалъ онъ пріоршѣ: — наконецъ-то попалась!»

И нимало не медля, онъ вслухъ принялся за чтеніе.—На четвертой строчкѣ онъ поблѣднѣлъ; на половинѣ письма голосъ у него замеръ за зубами, и онъ продолжалъ чтеніе уже про себя. Дѣло въ томъ, что въ этомъ письмѣ я его честила на чемъ свѣтъ стоитъ: велпчала его безстыдникомъ, пьяницей, оболъстителемъ, между прочимъ рассказывала про него одинъ подлинный фактъ, а именно, что онъ каждый день послѣ обѣда являлся въ монастырь навеселѣ, и требовалъ къ себѣ въ комнату то одну, то другую изъ молодыхъ монашенокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ онѣ помогали ему читать часословъ. Списокъ бѣлья оканчивался слѣдующей эпиграммой:

«Vuol ragazze l'Esandio...
Non e' prete anchei per Dio?
Prete o frate, tanto bastà:
Sono tutti d'una pasta»

Прошу читателя не взыскать за эту выходку: я было-хотѣла умолчать о ней; но запски не обязаны, подобно исторіи, выключать комическую сторону разсказа.

Письмо было съ яростью изорвано, а на другой день пріорша сообщила мнѣ, что его преосвященству, въ уваженіе къ ходатайству нунція, угодно «*лвитъ мнѣ примѣръ своего неистощимаго милосердія,*» и разрѣшить мнѣ сходить въ пріемную и вручать письма свои запечатанными слугѣ моей матери.

Между тѣмъ достойный мой духовникъ исправно навѣщалъ меня, два или три раза въ недѣлю. Я имѣла съ нимъ долги совѣщанія, или, вѣрнѣе пренія, о главныхъ пунктахъ духовной дисциплины, и о той степени уваженія, которую можетъ настоящее сохранить къ авторитету прошлаго. Онъ, между прочимъ, требовалъ отъ меня, чтобы я не только позабыла объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ мнѣ моими врагами, но еще искренно любила ихъ, и снова бы причисляла себя къ нимъ, а такъ-какъ мнѣ было невозможно перейти бездчу, раздѣлявшую меня отъ монашества, то онъ отказывалъ мнѣ въ отпущеніи грѣховъ и въ причастіи.

Около того времени мнѣ пришла мысль еще разъ написать въ

Римъ, и этотъ вѣрный другъ, вслѣдствіи старавшіеся успокоить меня, взявъ на себя доставить по принадлежности мою новую просьбу, въ которой я прямо просила папу объ одной изъ двухъ милостей: или о возвращеніи меня въ міръ, или о дозволеніи лично явиться въ Римъ, чтобы объяснить мое дѣло самому папѣ.

Я получила отвѣтъ только послѣ многихъ мѣсяцевъ ожиданія— и какой отвѣтъ! Святой отецъ не разрѣшалъ мнѣ ни поѣздки въ Римъ, ни возвращеніе въ міръ; но все же снисходилъ къ моей просьбѣ на столько, что позволялъ освободить меня отъ затворничества. Это снисхожденіе, по крайней мѣрѣ, давало мнѣ надежду на возможность выѣзжать, какъ во время моего пребыванія въ консерваторіи «di Constantinopoli»; поэтому я послала въ архіепископскій дворецъ спросить, въ какой день мнѣ будетъ дозволено съ утра отлучиться изъ приюта.

«— Не могу, отвѣчалъ на это кардиналъ.—Удаленіе отъ міра для другихъ, для васъ—затворничество!»

Этотъ отвѣтъ вывелъ меня изъ себя. Прошло уже два съ половиной года со вступленія моего въ этотъ притонъ. Въ головѣ моей составилъ планъ бѣгства, цѣлью котораго я поставила себя Англию или Америку. Въ любой изъ этихъ двухъ свободныхъ странъ я бы нашла братьевъ и товарищей по изгнанію, но желанія мои влекли меня къ той изъ нихъ, въ которой поконится прахъ Фосколо.

Рано каждое утро привратница сходила къ наружной двери, которую она отмыкала, а возвращаясь она запирала верхнюю дверь, такъ что лѣстница оставалась безлюдной. На среднѣй этой лѣстницы находятся двери пріемныхъ комнатъ. Я бы сошла, незамѣченной за привратницей, и пока она отпирала наружную дверь, скрылась бы въ одной изъ пріемныхъ, не забывъ, еще до зари, спрятать въ привратный ящикъ, находившійся тутъ же, шляпу съ густой вуалью и шаль. Послѣ возвращенія привратницы, запиравшей за собою верхнюю дверь, я бы скинула расу, и осталась бы въ простомъ платьѣ, надѣтомъ снизу; шляпа и шаль довершили бы мой костюмъ. Одна знакомая дама ждала бы меня въ сосѣдней улицѣ, называемой «le Rampe di Brancaccio»; карета, нѣмая на «piazza del Vasto», отвезла бы меня на пристань, и тамъ я проворно бы сѣла на англійскій корабль, въ то время находившійся въ рейдѣ. Планъ мой, весьма удобоисполнимый, не былъ извѣстенъ никому, кромѣ вышеупомянутой дамы, которая, посадивъ меня на корабль, должна была отправиться къ моей матери съ письмомъ отъ меня. Только достойному моему духовнику, котораго я считала неспособнымъ выдать вѣрен-

нуд ему тайну, я рѣшилась сообщить о моемъ рѣшеніи, чтобы лучше сговориться объ исполненіи его.

Планъ мой не понравился ему, и онъ возсталъ противъ него, называя его неосторожнымъ и рискованнымъ.

«— Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ:—вы— женщина, и еще молодая, да къ тому же монахиня, вы не должны покидать отечества для того, чтобы переселиться въ далекіе края, лишенная всякихъ средствъ къ существованію, не имѣя ни руководителя, ни покровителя; врагамъ вашимъ это было бы праздникомъ. Оставайтесь, дочь моя; послушайте совѣта старика, полного живѣйшаго участія къ вамъ!

Слова эти тронули меня, такъ-какъ ихъ говорилъ священникъ, почтенный по своей мудрости и рѣдкой честности.

«— Но, отецъ мой, возражала я:—помните-ли вы, что вы говорите съ умирающей, которая только что не нуждается въ соборованіи?

— Что я говорю — съ умирающей? Съ мертвой! Понятаемся найти какой хотите исходъ, только не этотъ!

«— Да какой же остается другой исходъ?

«— Почему бы не отправить вамъ въ Римъ когонибудь изъ родныхъ, который бы принялся за ваше дѣло?

Когда позволили отговорить себя отъ перваго моего плана, эта мысль не показалась мнѣ худою, тѣмъ болѣе, что въ крайнемъ случаѣ, у меня все-таки бѣгство оставалось въ запасѣ. Но кому изъ родственниковъ могла я поручить хлопоты въ Римѣ? А расходы? Развѣ Богъ пошлетъ деньги, думала я.

Я столько ломала себѣ голову, что наконецъ вспомнила объ одной моей тѣткѣ, съ материнской стороны, воспитывавшейся въ Болонѣ, и одаренной такой дѣятельностью, что она лучше кого бы то ни было могла справиться съ такимъ порученіемъ. Тѣтка охотно приняла это дѣло на себя; мать моя и сестры снабдили ее нужными деньгами, и я кромѣ пакета со всѣми до сихъ поръ полученными папскими рескриптами, оставленными безъ вниманія, вручила ей свидѣтельство отъ двухъ врачей, состоявшихъ при общинѣ Мондрагоне, которое я, съ позволенія читателя, помѣщу здѣсь сполна, чтобы дать ему понятіе о моемъ тогдашнемъ положеніи, нравственномъ и физическомъ.

«Въ юнѣ 1851 г. изъ королевскаго пріюта Мондрагоне, мы, нижеподписавшіеся, получили приглашеніе посѣтить благородную затворницу, Донну Энрикетту Караччоло-ди-Форьяно, какъ больную, страдающую нервными недугами. Внимательно и со всей возможною тщательностію освидѣтельствовавъ ее, мы собрали всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ, когда и какъ начались и слѣдовали другъ за другомъ симптомы конвульсій.

«Продолжая впоследствии времени навѣщать вышеименованную монахиню, мы должны были убѣдиться въ томъ, что нервное ея разстройство имѣетъ центромъ мозгъ. Дѣйствительно, у нея сперва появляется въ головѣ сильная боль, за которой слѣдуетъ ознобъ, охватывающій весь организмъ и переходящій въ общую дремь; затѣмъ наступаетъ болѣзненное вздрагиваніе не только верхнихъ частей тѣла, преимущественно головы, но и остальныхъ членовъ, и нерѣдко всего тѣла, которое въ такихъ случаяхъ изгибается на тысячу ладовъ, такъ что для того чтобы удержать его во время этихъ потрясеній, бываетъ нужна соединенная сила нѣсколькихъ сильныхъ человѣкъ.

«Однажды утромъ, во время нашего посѣщенія, больная внезапно впала въ свои хроническія конвульсіи; онѣ были до того сильны и продолжительны, что внушили намъ опасенія за жизнь страдающей. Пульсъ замеръ; затихло самое движеніе сердца; она покрылась мертвенной блѣдностью, похолодѣла всѣмъ тѣломъ, по поверхности котораго распространился липкій потъ, наконецъ остановился процессъ глотанія, вслѣдствіе крѣпкаго сжатія рта, уже обнаружившаго начало судорогъ челюсти.

«Часто при этихъ прискорбныхъ зрѣлищахъ вмѣстѣ съ нами присутствовала настоятельница общины и другія монахини. Конвульсіи обыкновенно продолжаются отъ трехъ до четырехъ часовъ, послѣ чего медленно уступаютъ мѣсто сперва смутному бреду и страннымъ тѣлодвиженіямъ, такъ что больную можно бы считать пораженною умственнымъ разстройствомъ, а затѣмъ состоянію, похожему на экстазъ, а иногда явленіямъ каталептическаго свойства. Однажды, вслѣдствіе одного изъ подобныхъ припадковъ, больная нанесла себѣ въ бокъ ударъ кинжаломъ, къ счастью неподвергши ея опасности.

«Эти явленія часто повторяются, и всегда сопровождаются описанными здѣсь симптомами, наводящими на предположеніе, что кромѣ физическихъ причинъ, къ продленію такого болѣзненнаго состоянія способствуютъ и могущественныя нравственныя причины. Поэтому мы позаботились распросить самую больную о томъ, какія причины могутъ содержать ее въ такой постоянной печали и смущеніи; она созналась намъ, что душа ея находится въ крайне раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе необходимости оставаться затворницею въ ненавистной ей обители.

«Противъ этой болѣзни не только мы, но и нѣсколько другихъ превосходныхъ медиковъ употребили всѣ средства, какія только можетъ внушить медицинская наука, но всегда безуспѣшно; замѣтно даже нѣкоторое ухудшеніе въ состояніи пациентки.

«Поэтому мы, согласно съ мнѣніемъ другихъ нашихъ со-

братьевъ, созванныхъ на консилиумъ, заявляемъ о своемъ убѣжденіи, что, для предотвращенія дальнѣйшихъ бѣдъ, то-есть впаденія вышеименованной монахини въ постоянное умопомѣшательство, ее необходимо избавить отъ затворнической жизни, существенно способствующей къ развитію вышеописанной болѣзни.

«Что наше заявленіе, въ правдивости котораго мы присягаемъ по совѣсти — результатъ нашихъ наблюденій въ теченіе почти двадцати мѣсяцевъ—губитъ развѣ только излишней краткостью, такъ-даже въ немъ не описываются обстоятельно всѣ страданія больной.

«Неаполь, 23-го января 1853.

«Медикъ-консультантъ общины,
докторъ Пьетро Сабини.

«Медикъ общины,
докторъ Александръ Паризи.»

XXIII.

Краткій отдыхъ.

Тѣща моя выѣхала въ Римъ въ послѣднихъ числахъ января, и перьями же ея письма уже дали мнѣ новую надежду. Дѣла принимали хорошій оборотъ; но кому неизвѣстны безконечныя проволочки римскаго двора, который нерѣдко по нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ, заставляеть ждать простаго предварительнаго свиданія?

Въ мартѣ мать моя опасно заболѣла воспаленіемъ легкихъ; со всѣми днемъ доходили до меня худшія извѣстія о состояніи ея здоровья. Желая видѣться съ ней, притомъ считая себя освобожденной отъ ужасовъ затворничества, я надѣялась, что по крайней мѣрѣ въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ мнѣ не будетъ отказано въ позволеніи воспользоваться дарованнымъ мнѣ разрѣшеніемъ выѣзжать изъ пріюта. Я написала объ этомъ кардиналу; онъ съ безпощаднымъ законничествомъ отвѣтилъ: «Нѣтъ!» Княгиня Рипа поѣхала къ нему, надѣясь вымолить у него автъ чезельколюбія, который успѣшилъ бы совершить не только пастырскія христіанской церкви, но самый фанатичный изъ турецкихъ муфти-изувѣровъ. Хорошая женщина общала пріѣхать за мною въ собственной закрытой каретѣ; общала, что едва я приму послѣднія слова умирающей матери, она сама въ тотъ же день отвезетъ меня обратно въ Мондрагоне. Она просила, наставляла, молила кардинала въ выраженіяхъ, тронувшихъ всѣхъ присутствующихъ; въ заключеніе, она сказала, что дочь, безъ того больная,

умреть съ горя, если ей не будетъ дозволено принять предсмертное благословеніе матери. На все это его преосвященство возразилъ:

«— Пусть умираетъ: не выйти ей никогда.

Къ просьбамъ княгини нунцій въ тотъ же день присоединилъ и свое ходатайство, по влеченію человеколюбія предлагая свое ручательство въ моемъ возвращеніи въ пріютъ. Кардиналъ неизвѣнно отвѣчалъ одно: «Нѣтъ!»

Наконецъ мать моя скончалась съ печальной мыслью, что ей не довелось въ послѣдніи свои минуты обнять самую злополучную изъ своихъ дочерей. Объ этомъ событіи я написала къ моей тѣткѣ письмо, облитое горячими слезами, которое она ласково дала прочесть нѣсколькимъ кардиналамъ. Патетическій слогъ моего посланія затронулъ человѣчную струну въ сердцахъ этихъ сановниковъ, которые рѣшили между собой, что строгость Ріаріо не что иное, какъ личное гоненіе противъ меня.

Недолго спустя, къ архіепископу было препровождено изъ Рима свидѣтельство медиковъ, съ обыкновеннымъ вопросомъ: каково онъ мнѣнія о немъ? Отвѣтъ, какъ и всегда, былъ отрицательный; но такъ-какъ парусъ моей ладьи начиналъ надуваться благопріятнымъ вѣтромъ, то нѣкоторые вліятельныя лица римскаго двора, благоволившія ко мнѣ, сообщили ему, чтобы онъ самъ избралъ медика, пользующагося его довѣріемъ, для составленія другаго свидѣтельства. Это значительно измѣнило видъ дѣла.

А между тѣмъ прелатъ этотъ именно въ то время приобрѣталъ удивительную популярность. Во время холеры, снова посѣтившей столицу, онъ сумѣлъ показать такую нѣжную заботливость о больныхъ, что наши простолюдины, болѣе всѣхъ населеній полуострова склонныя къ вѣрѣ въ сверхъестественное, довели удивленіе свое къ нему до того, что стали приписывать ему чудеса. Довольно было прикосновенія руки этого ангела милосердія, этого «сосуда избранія» къ головѣ больного холерой, чтобы изгнать болѣзнь изъ зараженнаго тѣла и даже изъ всего дома.

Ріаріо понялъ, что я нашла себѣ хорошую протекцію въ Римѣ, и что счастье начинаетъ улыбаться мнѣ; понялъ и то, что отнынѣ не годится подставлять мнѣ новыя препятствія, и наконецъ, прижатый въ уголъ, послѣ долгихъ колебаній и проволочекъ, рѣшился поручить составленіе новаго свидѣтельства доктору Рамсалю, или доктору Джардини. Первый отказался, пріѣхалъ второй.

«— Не одно, а сто свидѣтельствъ готовъ я написать, одинакаго содержанія съ свидѣтельствомъ вашего врача, сказалъ мнѣ Джардини послѣ продолжительнаго и подробнаго вопроса.—Вы—жертва такого безчеловѣчія, которое могло бы возбудить жалость

даже въ варварѣ. Если свидѣтельство мое можетъ сколько нибудь содѣйствовать къ облегченію вашихъ страданій, будьте увѣрены, что вы его получите безотлагательно. Просторъ и воздухъ столь-ко же необходимы вамъ, какъ хлѣбъ. Куда хотѣлось бы вамъ по-ѣхать?

И онъ ждалъ моего отвѣта съ перомъ въ рукахъ, готовая писать. Чтобы выбраться изъ епархіи, подвластной Ріаріо, я предложила ему предписать мнѣ морское купанье въ Каstellамаре, и докторъ одобрилъ мой выборъ. Въ тотъ же день я отправила свидѣтельство къ архіепископу, который, не зная болѣе что ему дѣлать, вынужденъ былъ отослать его въ Римъ, съ присовокупленіемъ, впрочемъ, письма, наполненнаго язвительными намеками и сомнѣніями.

То лицо, которое въ Римѣ хлопотало о моемъ спасеніи, искало хотя бы чего нибудь, къ чему можно бы придаться для скорѣйшаго и благополучнаго окончанія дѣла. Надо было случиться въ письмѣ архіепископа такому выраженію, которое, своей двусмысленностью, какъ разъ подходило къ этой цѣли. Кардиналъ выражалъ «спасенія за мое спасеніе», разумѣя *душевное* мое спасеніе, но фраза эта была умышленно понята такъ, какъ-будто онъ разумѣлъ мое *тѣлесное* спасеніе (*), и на этомъ-то *недоразумѣніи* основывался вышедшій мнѣ новый рескриптъ.

Итакъ Богу угодно было положить конецъ моимъ мученіямъ, и дать мнѣ хотя отдыхъ, пока не настало еще время торжества. Черезъ три дня послѣ того, какъ я отправила къ кардиналу полученную мною папскую грамоту, въ то время какъ я совершенно одна работала въ моемъ скромномъ жилищѣ, раздался сильный стукъ въ мою дверь. Одна изъ бѣлицъ объявила мнѣ:

«— Приѣхалъ кардиналъ и спрашиваетъ васъ: идите проворѣе!»

Мнѣ мгновенно пришли на умъ всѣ притѣсненія, несдержанныя обѣщанія, предательство, долгое угнетеніе, которыми этотъ человекъ отравилъ мою жизнь, наконецъ, ужасная сцена моего ареста. Мнѣ хотѣлось бы прогнать его, на прощаніе излить на его голову всю черезъ край переполненную чашу моего негодованія, но я сказала себѣ:

«— Еще рано: съ лицомърами нужна политика.

Я застала его въ приѣмной. Четыре года я не видала его; онъ мнѣ показался постарѣвшимъ цѣлыми десятью годами. Сильными потрясенія, поколебавшія церковный и государственный строй

(*) Итальянское слово *salute* имѣетъ два значенія: *здоровье* и *спасеніе души*.

Италии, изрыли его лобъ іероглифами, признакомъ преждевременной старости. То былъ уже не прежній Ріаріо, а тѣнь его.

Я подошла къ нему, не преклонивъ колѣно, и сѣла, не дожидаясь приглашенія.

«— Вы помните старое, и забываете пословицу, сказалъ онъ, съ принужденной улыбкой. — Сознаюсь въ томъ, что не всегда поступалъ хорошо; вѣдь и я человѣкъ — *homo sum* — а каждый человѣкъ можетъ ошибаться.

Послѣ столькихъ разочарованій, было бы безуміемъ снова пасться на удочку.

«— Только изъ уваженія къ вашему священному сану, отвѣчала я, послѣ продолжительнаго молчанія:— да потому что вѣрнo выраженному вами сожалѣнію, я соглашаюсь набросить покровъ забвенія на прошлое.

«— Итакъ, вы непреложно рѣшились покинуть обитель, къ которой привязываетъ вашъ торжественный обѣтъ?

«— Повинуюсь голосу божьему, призывающему меня къ новой жизни.

«— И, кромѣ того, вы положили себѣ уйти изъ моихъ рукъ, переселяясь въ другую епархію. Знаю я. Но не дѣлайте этого, ради самого неба. Не покидайте родимой кровли, отца, взростившаго васъ и до сихъ поръ васъ поддерживающаго! Да; вы — дочь моя; съ вами, правда, было поступлено немного круто, но вѣрите, что съ сегодняшняго дня, я бы сталъ относиться къ вамъ со всей любовью и снисходительностью нѣжнаго отца.

Эти слова разоблачили, передо мною цѣль его посѣщенія: ему невыносима была мысль, что освобожденіе мое изъ-подъ его власти будетъ пораженіемъ, нанесеннымъ ему въ лицѣ свѣта. Врагъ, раскаявшійся и смирившійся, возбуждаетъ жалость, но, надѣвая личину бездушнаго лицемѣрія, онъ разжигаетъ потухшую ненависть.

«— Не прикажете-ли, воскликнула я съ живостью: — вѣрить обѣщаніямъ, завѣреніямъ людей, умѣющихъ держать данное слово такъ, какъ вы сдержали его отцу Спакапъетра, относительно моего ареста!

«— Когда я обѣщаль неарестовать васъ и непоручать сбирамъ отвезти васъ въ монастырь, милая моя, вы еще не сдѣлали того, что сдѣлали впоследствии. Кто бы вообразилъ, что вы будете добиваться возвращенія въ міръ, что васъ увидятъ на гуляньѣ, опирающейся на руку либераловъ, записанныхъ въ черную книгу?

«— Пари держу, что, попадись я вамъ завтра же на Толедо, вы сдѣлаете то же самое!

«— Теперь дѣла измѣнили видъ: я бы не могъ уже сдѣлать этого, еслибы и хотѣлъ.

«— Скажите лучше, какъ сказать водкъ ягненку, что я изба-
ламутила воду, которою предки ваши утоляли свою жажду!... Ска-
жите-ка, кардиналъ, когда, съ символомъ искупленья въ рукахъ,
вы ногами попирали беззащитную сироту, вспомнился ли вамъ
хоть разъ великій часъ смерти и суда?

«— Не будемъ говорить о быломъ. Я могъ согрѣшить вслѣд-
ствие дурныхъ совѣтовъ, или немощи человѣческой, но, клянусь
честью! и вы не безъ грѣха — вы, которая вздумали подъ мона-
шескимъ покрываломъ укрывать гнусныя козни демагоговъ и ре-
спубликанцевъ... Но, повторяю, бросимъ обоюдныя укоризны:
отнынѣ я буду относиться къ вамъ съ неизмѣнной любовью.

«— Ешпенза, изъ долгаго и чрезчуръ тяжелаго опыта, я
познала васъ... Отнынѣ и я, если хотите, буду цаловать у васъ
руку, но не позволю, чтобы вы мнѣ отвѣтили на это новыми
укушеніями.

Нѣтъ, мнѣ кажется, того кроваваго оскорбленія, къ которому
не остался бы нечувствителенъ этотъ прототицъ лицемѣрія, только
бы ему удалось снова прибрать меня къ рукамъ. Онъ предло-
жилъ выбрать мнѣ другую обитель, несравненно удобнѣйшую той,
въ которой я находилась; разрѣшить мнѣ ежедневныя выѣзды,
давать мнѣ болѣе значительное содержаніе.

Я оборвала его слѣдующими словами:

«— Нѣтъ, нѣтъ, любезный отецъ! Намъ вмѣстѣ не дорога...
Пусть каждый остается на своемъ мѣстѣ; и въ этомъ нашемъ
совѣщаніи, вѣроятно послѣднемъ, опредѣлимъ ясно и отчетливо,
какое мѣсто подобаешь каждому изъ насъ... Дружба счеты любить.

«— Я изрѣдка буду навѣщать васъ... вы позволите?

«— На это не рассчитывайте! отвѣчала я твердымъ тономъ, и
вставая, чтобы удалиться, обратилась къ нему съ достоинствомъ,
которое нехудо пристало бы королевѣ Елисаветѣ, гнѣвно отпу-
скающей изъ своего присутствія архіепископа кентербѣрійскаго:

«— Слишкомъ долго длилась, слишкомъ тяжела была мнѣ ваша
опека! сказала я. — Мнѣ совѣтуютъ рассчитаться съ вами за прош-
лое: я этого не сдѣлаю. Но пора вамъ, наконецъ, возврататься съ
миромъ на вашу каеэдру, позаботиться о собственномъ вашемъ
спасеніи, и не такъ, какъ позаботились вы о спасеніи вѣрренной
вамъ сироты! Если не хотите, чтобы на васъ пало обвиненіе въ
чудовищномъ безсердечіи, если вы уваженіе мое и публики счи-
таете нужными для своей чести—возвратитесь, monsignore, воз-
вратитесь къ своей каеэдрѣ, и старайтесь отдѣлаться отъ страсти
къ интригамъ и безумнаго властолюбія, которыя грязнятъ вашу
репутацію, и съ каждымъ днемъ подрываютъ общее уваженіе къ
вамъ.

Кардиналъ, убѣдившись, что свѣти его слишкомъ стары и истерты чтобы удержать меня, остановилъ меня за полу нарамника и сказалъ:

«— Еще одно, послѣднее слово! Надѣюсь, что въ Каstellамаре вы буде жить въ пріютѣ?»

«— Буду поступать такъ, какъ угодно будетъ моему новому епископу.

«— Надѣюсь, что вы будете закрывать лицо черной вуалью...

«— Коричневая еще хороша: я ее доношу.

Тогда онъ тоже всталъ, и на пути его всѣ монахини пали ницъ передъ нимъ: одна — набожно шупала полу его пурпурной мантии, другая — кончикомъ пальцевъ дотрогивалась до руки его, и цаловала ее; каждая старалась передъ другими — первая подойти подъ его благословеніе. Сойдя съ послѣдней ступени, онъ обернулся назадъ, чтобы осѣнить монахинь прощальнымъ благословеніемъ; увидавъ меня въ первомъ ряду:

«— Прочтите *Ave-Maria* за меня! сказалъ онъ, благословляя меня отдѣльно.

«— *Requiem aeternam!* отвѣтила я.

Открывъ переписку съ кастелламарскимъ епископомъ, я просила его не посылать меня въ монастырь; что же касается до моихъ выѣздовъ и прогулокъ, я сообщила, что одна дама, вдова, восемнадцать лѣтъ уже прожившая въ Мондрагонѣ, обѣщала каждый разъ сопутствовать мнѣ. Епископъ вполнѣ согласился на мое желаніе.

Послѣднимъ знакомъ расположенія кардинала, было запрещеніе моимъ сестрамъ ѣхать провожать меня; еще написалъ онъ епископу, чтобы онъ кого-нибудь прислалъ за мною. Первое изъ этихъ требованій показалось епископу такой странной прихотью, что онъ сказалъ моимъ сестрамъ, ѣздившимъ въ Каstellамаре повидаться съ нимъ:

«— Не сердите его... дождитесь сестры на границѣ его епархіи, и тамъ присоединитесь къ ней.

4-го ноября 1854, послѣ четырехлѣтняго жестокаго заточенія, я снова вышла на свѣтъ божій. Монахиня, изъ тѣхъ, которыя живутъ внѣ монастыря, и называются *домашними* (*monache di casa*), была прислана за мною епископомъ, такъ-какъ для этого, по мнѣнію Ріаріо, не годились ни мои сестры, ни старушка-дама, рѣшившаяся сопровождать меня. Но что же изъ этого вышло? Монахиня эта, страдавшая одышкой, пріѣхала за мной не въ закрытомъ, а въ открытомъ экипажѣ: ужасное нарушеніе устава!

Въ Резинѣ мы случайно встрѣтили кардинала. Кучеръ снялъ шляпу, и онъ поднялъ руку чтобы благословить насъ, но былъ до того пораженъ, увидя меня въ открытомъ экипажѣ, что такъ и остался съ поднятою въ воздухъ рукою.

ИЗЪ „ИСТОРИИ ЮЛІА ЦЕЗАРЯ“.

(Сочиненіе Наполеона III).

Нашн читатели уже ознакомились въ общихъ чертахъ съ сочиненіемъ императора Наполеона (1); предлагаемъ теперь переводъ одной изъ любопытнѣйшихъ главъ, выражающей взглядъ автора на аристократическій характеръ римскаго государственнаго порядка; и чтобы отрывокъ этотъ былъ понятнѣе, предпосылаемъ ему въ извлеченіи сужденіе Наполеона о періодѣ царей. Мы хотимъ, чтобы главная идея автора была совершенно ясна читателю, и съ этою цѣлію выбрана нами именно вторая глава перваго тома. Мы ее печатаемъ безъ всякихъ поясненій, которыя уже излишни послѣ того, что было нами сказано (2).

При царяхъ въ римскомъ государствѣ (respublica) выработались прочныя основы. Воинственный духъ побуждалъ его выйти изъ первоначальныхъ узкихъ предѣловъ. Быть можетъ, въ маленькихъ латинскихъ государствахъ, окружавшихъ Римъ, также появлялись свѣтлые люди, мужественные граждане; но, безъ сомнѣнія, въ нихъ не было ни столько воинственности, какъ въ римлянахъ, ни столько любви къ отечеству, ни такой вѣры въ высокое будущее, ни также непреодолимой увѣренности въ своемъ превосходствѣ, не было всѣхъ этихъ могучихъ двигателей, которые вбивались въ римскій народъ его великими людьми, постоянно, впродолженіе цѣлыхъ двухсотъ-сорока-четырехъ годовъ.

Римское общество основалось на началахъ уваженія къ семейству, къ религіи, собственности, правительству его—на избирательствѣ, политика—на завоевательномъ началѣ. Во главѣ государства стояла аристократія, жаждавшая славы, но, подобно всякой аристократіи вообще, тяготившаяся царской властью и презиравшая толпу. Цари старались, поэтому, создать народъ, чтобы его противопоставить стремленіямъ привилегированной касты, и

(1) См. «От. Зап.» 1865 г. № 5.

(2) Тамъ же.

съ этой цѣлью ввели плебеевъ въ сенатъ, отпущенниковъ включили въ число свободныхъ гражданъ, а большинство этихъ послѣднихъ въ ряды милиціи.

При царяхъ окрѣпло и семейное начало: отецъ былъ неограниченнымъ главою своего семейства, единственнымъ судьей своихъ дѣтей, жены, рабовъ—право, которое оставалось за нимъ до самой его смерти; но при всемъ томъ женщина не стояла такъ низко, какъ у варваровъ: она пользовалась имуществомъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ, была госпожею въ домѣ, имѣла право приобретать собственность и участвовала вмѣстѣ со своими братьями въ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства.

Подать государству отбывалась военною службою, а съ этой послѣдней приобретались и всѣ политическія права: другихъ солдатъ не было, кромѣ самихъ гражданъ, а гражданами были только собственники. Чѣмъ богаче человекъ, тѣмъ болѣе имѣлъ онъ власти и приобреталъ значенія въ государствѣ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ несъ и тѣмъ большія обязанности и служебныя тягости. И какъ въ военномъ отношеніи, такъ при подачѣ голосовъ, римляне дѣлились на классы, смотря по состоянію: и въ народныхъ собраніяхъ, и на полѣ битвы богатые занимали первыя мѣста.

Народъ пользовался только кажущеюся свободою; на самомъ же дѣлѣ его держали въ подчиненіи, питая въ немъ суевѣрія и уваженіе къ высшимъ классамъ. Божественное начало проводилось во всѣ дѣйствія жизни; самые обыкновенные предметы идеализировались, и такимъ образомъ людямъ постоянно напоминалось, что выше ихъ вещественныхъ выгодъ есть провидѣніе, управляющее всѣми ихъ дѣйствіями. Чувство права и справедливости вкоренилось въ совѣсти: клятва почиталась священной, а добродѣтель, подъ которою понималось высшее развитіе сознанія долга, являлась общимъ правиломъ, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Законъ дѣйствовалъ во всей своей силѣ: учрежденіе *феціаловъ* рассматривало международные вопросы съ точки зрѣнія права, прежде чѣмъ приступали къ ихъ разрѣшенію оружіемъ. Цѣль политики состояла въ томъ, чтобы всѣми возможными средствами подчинить Риму окружающіе народы; сопротивлялись они—ихъ побѣждали, тотчасъ присоединяли къ Риму, подъ различными условіями, и держали въ повиновеніи при помощи римскихъ поселеній въ ихъ средѣ. Такія поселенія были передовыми ставками будущаго римскаго владычества.

Первоначальному Риму не чуждо было и искусство, хотя сначала и грубое; оно водворилось вмѣстѣ съ этрускими обрядами, смягчало нравы и послушало воплощеніемъ религіи; всюду возник-

ли храмы, выстроились цирки, предприняты были великія сооруженія на пользу общественную. И своими учрежденіями Римъ подготовилъ себѣ будущее господство.

Почти всѣ служебныя мѣста замѣщались путемъ избирательнымъ. Если разъ лицо было избрано, оно широко пользовалось правомъ разумно предлагать къ дѣлу награду и наряду, эти два могучіе рычага къ направленію человѣческихъ дѣйствій. За недостатокъ мужества передъ непріателемъ и за нарушение дисциплины, любой изъ гражданъ подвергался наказанію розгами или топоромъ лектаровъ; за прекрасныя же поступки всякій могъ быть удостоенъ почетнаго вѣнка; военачальникамъ—овація, триумфъ и большая часть добычи; великимъ людямъ—апофеоза. Въ память умершимъ и для отдохновенія послѣ кровавой борьбы собирались на игры цирка, а тамъ іерархія указывала каждому его мѣсто.

Такъ Римъ въ три столѣтія своего существованія, получилъ отъ царей всѣ задатки будущаго величія. Теперь мы увидимъ, какъ учрежденія образовали людей.

УЧРЕЖДЕНІЕ КОНСУЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

(Съ 244 по 416 г.).

I.

Выгоды учрежденія республики.

Цари изгнаны изъ Рима. Они исчезаютъ потому, что ихъ призваніе окончилось. Въ нравственномъ и физическомъ мірѣ есть высшій законъ, который полагаетъ роковой предѣлъ и отдѣльнымъ личностямъ, и цѣлымъ учрежденіямъ—предѣлъ, за которымъ эти личности и учрежденія уже невозможны, потому что бесполезны. Пока не наступилъ этотъ предѣлъ, оппозиція порядку, еще неперезжившему свой смыслъ, невозможна: тщетны разговоры, возмущенія; имъ не удастся опрокинуть то, что поддерживается собственною, непреодолимою силою; но лишь только порядокъ, повидимому непоколебимый, перестаетъ быть полезнымъ движенію человечества впередъ, тогда онъ падаетъ; и паденія его, предзнаменнаго судьбами, не отсрочать ни сила, преданій, ни отвага, ни память славнаго прошлаго.

Повидимому, цивилизація перенесена была въ Римъ изъ Греціи, и изъ Рима она должна была распространиться по всему міру. Поэтому и духъ могущества и прочнаго устройства неизбежно долженъ былъ возникнуть при самыхъ началахъ Рима, что и случилось при царяхъ. И пока ихъ назначеніе не выполнилось, они торжествова-

ли надо всѣми препятствіями. Тщетно сенаторы домогались раздѣлить власть между собою, чередуясь чрезъ каждые пять дней ⁽¹⁾; тщетно вспыхивали страсти и возставали противъ власти одного лица—все напрасно; самое смертоубійство царей способствовало лишь укрѣпленію царской власти. Но наступила минута безцезности царей, и ихъ неиспровергнулъ самый обмывовенный случай. Одинъ человекъ насилуетъ женщину, и тронъ рухнется. Падая, онъ распадается на-двое: консулы наследуютъ всѣ преимущества царей ⁽²⁾. Ничто не измѣнилось въ республикѣ; только вмѣсто одного главы, избираемаго пожизненно, будутъ двое, избираемыхъ на годъ. Такой переворотъ, очевидно—дѣло аристократіи; сенаторы хотятъ управлять сами; благодаря ежегодному выбору, каждый изъ нихъ надѣется въ свою очередь воспользоваться властью. Вотъ узкій людской расчетъ! Вотъ мелкія побужденія! Посмотримъ же, какимъ высшимъ началамъ подчинялись люди, сами того не зная.

Уголокъ міра на берегу Тибра—уголокъ, которому суждена была власть надъ всѣмъ міромъ, заключать въ себѣ, и это видѣли, самые плодотворные зародыши; и зародыши эти нуждались въ быстромъ развитіи. Развитіе же это не иначе могло совершиться, какъ при полвѣйшей независимости самого просвѣщеннаго изъ классовъ, при царственномъ могуществѣ этого класса. Выгоды аристократическаго начала предъ монархією въ томъ именно, что первое долговѣчнѣе, прочнѣе второй, постоянно въ своихъ цѣляхъ и вѣрнѣе своимъ преданіямъ; сверхъ того оно можетъ отвѣживаться на все: гдѣ отвѣтственность раздѣлена между большимъ числомъ лицъ, тамъ никто не отвѣтственъ лично. При своихъ сомннутыхъ границахъ, Римъ не нуждался болѣе въ сосредоточеніи власти въ однѣхъ рукахъ; но за то ему нуженъ былъ такой новый порядокъ вещей, при которомъ лицамъ

(1) «Сенаторы въ числѣ ста раздѣлялись на десять декурій; изъ каждой было избрано по одному члену для управленія дѣлами. При собирательномъ составѣ власти, одно изъ лицъ возглагало на себѣ ея знаки и было предшествуемо ликторами. Срокъ власти полагался пяти-дневный. Каждый пользовался ею по очереди... Плебен вскорѣ поднялъ ропотъ; рабство ихъ лишь усилилось, и вмѣсто одного господина, у нихъ стало ихъ теперь сто; они не захотѣли имѣть болѣе одного царя, самими ими избираемаго» (Титъ Ливій, I, XVII).

(2) «Сперва свобода состояла лишь въ томъ, что консулы избирались ежегодно; собственно же царственная власть мало измѣнилась. Первые консулы воспользовались всѣми ея правами и знаками. Боялись только одного, чтобы народъ не пугало то, что при каждомъ изъ нихъ были розги. Брутъ имѣлъ ихъ первый, благодаря уваженію къ себѣ своего сотоварища» (Титъ Ливій, II, 1).

высшаго класса возможенъ бы былъ свободный доступъ къ верховной власти, и который обусловилъ бы прелестью почестей развитіе личныхъ способностей каждаго. Непремѣнно нужна была раса избранныхъ людей однѣхъ и тѣхъ же добродѣтелей и цѣлей—людей, которые продолжали бы изъ поколѣнія въ поколѣніе систему, наиболѣе способную возвеличить ихъ отечество. Слѣдовательно наденіе царской власти было событіемъ благоприятнымъ для дальнѣйшаго развитія Рима.

Впродолженіе долгаго времени всѣ гражданскія, военныя и религіозныя должности замѣщались одними только патриціями; и такъ-какъ почти всѣ эти должности замѣщались погодно, то не было почти ни одного сенатора, который бы не выполнялъ ихъ. Итакъ сенатъ составляли именно такія лица, которыя образовались среди борьбы форума и въ военныхъ битвахъ—лица, искусившіяся въ трудностяхъ правленія—лица, приобрѣтшія тяжкій опытъ, и слѣдовательно, достойныя управлять судьбами республики.

Въ Римѣ не существовало разныхъ спеціальныхъ должностей, подобныхъ должностямъ нашего времени; не было и зависти и соперничества: военный не могъ презирать гражданскую должность; правовѣдъ или ораторъ не держалъ себя особнякомъ отъ правника; и духовное лицо не избѣгало всѣхъ прочихъ. Прежде чѣмъ патрицій достигалъ высшихъ почестей и получалъ въ свою пользу голоса согражданъ, онъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, подвергался всевозможнымъ испытаніямъ. Отъ него требовались: тѣлесная ловкость, даръ краснорѣчія, воинскія способности, знаніе гражданскихъ и духовныхъ законовъ, умѣнье управлять войскомъ и флотомъ, городомъ и провинціею. Обязательность такого рода способностей и знаній не только вела къ всестороннему развитію ума, но была и причиною того, что въ глазахъ народа, въ лицѣ сановника, облеченнаго въ разныя должности, соединялось и все значеніе этихъ должностей. Впродолженіе долгаго времени было такъ, что тотъ, кто почтенъ довѣріемъ своихъ гражданъ, тотъ пользовался и тройственнымъ величіемъ званія судьи, священника и воина.

Почти совершенная независимость при исполненіи обязанности военачальника, была также причиною развитія способностей. Въ наше время, наши конституціонныя формы породили недовѣріе къ власти; въ Римѣ было наоборотъ. У насъ представитель власти всегда ограниченъ могущественными преградами; онъ повинуетъ точному закону, самымъ подробнымъ установленіямъ, повинуетъ началу, оставленному выше его. Римлянинъ же предоставлялся собственной своей отвѣтственности, будучи избавленъ за то отъ

всякихъ ограниченій: онъ былъ полный господинъ въ области своихъ дѣйствій. Но эта независимость умѣрлялась непродолжительностью самой власти и правомъ обвинять всякое должностное лицо по окончаніи имъ своихъ обязанностей.

Такимъ образомъ преимущество высшаго класса заключалось въ его законномъ превосходствѣ, и классъ этотъ умѣлъ направлять въ свою пользу человѣческія страсти. Свобода гражданская нужна была высшему классу настолько лишь, чтобы извлекать изъ нея выгоды для себя, и онъ такъ умѣлъ выставлять эту свободу передъ толпой, что има народа всегда видѣлось на рѣшеніяхъ сената. Аристократія гордилась тѣмъ, что способствовала уничтоженію единовластія, а вмѣстѣ съ тѣмъ старательно поддерживала въ толпѣ мнимый страхъ возвращенія царей. Въ ея рукахъ такая *ненависть къ тиранамъ* сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ противъ всякаго, кто захотѣлъ бы возвыситься надъ другими—или явись ненавистникомъ привилегій аристократіи, или же человѣкомъ народнымъ за свои благодѣянія. Такъ выданы народу за искателей царской власти и пали: въ 269 году—консулъ Спурій Кассій, предложившій первый законъ о раздѣлѣ земель; въ 315 году—Спурій Мелій, который возбудилъ тревогу въ патриціяхъ тѣмъ, что раздавалъ народу хлѣбъ во время голода ⁽¹⁾, и въ 369 году—Манлій, освободитель Рима, истратившій на неоплатныхъ должниковъ свое богатство ⁽²⁾. Жертвами того же обвиненія падутъ нововводитель Тиверій, Семпній Гракхъ и позже—самъ великій Цезарь.

Но если съ одной стороны мнимая боязнь возврата стараго порядка вещей удерживала всю государственную власть въ рукахъ патриціевъ, съ другой стороны, истинная боязнь возстанія плебеевъ противъ преимуществъ патриціата, заставляла этотъ послѣдній быть умѣреннымъ и справедливымъ.

И еслибы лишенный участія въ правительствѣ многочисленный классъ плебеевъ не положилъ своими требованіями предѣловъ преимуществамъ знати, еслибы онъ не принудилъ ее быть достойною власти, еслибы, наконецъ, онъ не освѣжилъ ее, прижѣшавъ къ ней своей крови, то порча нравовъ и произволъ низвергнули бы ее нѣсколькими вѣками прежде ея настоящаго паденія. Каста, неподновляемая чуждыми элементами, осуждена на погибель; и неограниченная власть, принадлежитъ ли она одному

(1) «Смерть Мелія, хотя бы онъ и неповиненъ былъ въ умыслѣ возстановить царскую власть, оправдана, говорилъ Квинкій, чтобы успокоить народъ» (Титъ Ливій. IV, XV).

(2) «Эти непоколебимыя сердца произнесли приговоръ, ненавистный самимъ удымъ» (Титъ Ливій. VI, XX).

человѣку, или цѣлому классу вообще — одинаково опасна для того, кто ею пользуется. Соперничество плебеевъ возбудило въ республикѣ именно то соревнованіе, которое порождаетъ великихъ людей. Макіавель сказалъ: «боязнь потери пробуждаетъ въ сердцахъ ту же самую страсть, какъ и жажда приобрѣтенія»⁽¹⁾. Не смотря на то, что аристократія защищала долго и съ упорствомъ свои привилегіи, она вѣвремя сдѣлала полезныя уступки. Но она умѣла и ловко вознаграждать свои потери; что она принуждена бывала терять, то она и возвращала себѣ—только въ иной формѣ. Она, правда, терала нѣкоторыя изъ своихъ правъ, но всегда сохраняла неприкосновеннымъ свое величіе.

Такимъ образомъ отличительною чертою римскихъ учреждений было то, что они порождали людей, способныхъ ко всякаго рода должностямъ. Пока аристократія, дѣйствуя на ограниченномъ поприщѣ, умѣла обуздывать свое честолюбіе, жертвуя имъ для истинныхъ выгодъ отечества, пока не возбудили ее черезъ мѣру прелесть, богатство и жажда неограниченной власти, до тѣхъ поръ аристократическій складъ держался со всѣми его правами и обусловливалъ неизмѣнность учреждений. Именно только при этомъ аристократическомъ складѣ и возможенъ былъ такъ долго порядокъ, при которомъ управленіе государствомъ и командованіе войсками ежегодно переходили изъ рукъ въ руки и зависѣли въ то же время отъ народнаго избранія—этого постоянно, въ высшей степени подвижнаго начала. Однако, законы порождали соперничества, скорѣе годныя породить анархію, чѣмъ утвердить истинную свободу. Изслѣдуемъ же учрежденія республики и въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

II.

Учрежденія республики.

Въ началѣ своего учрежденія, власть двухъ консуловъ совмѣщала въ себѣ обязанности военачальниковъ, судей и правителей; будучи совершенно одинаковыми въ своихъ правахъ, консулы часто враждовали другъ съ другомъ какъ на форумѣ⁽²⁾, такъ и на полѣ бит-

⁽¹⁾ Разсужденія о Титѣ Ливіи. I, V.

⁽²⁾ Доказательства раздоровъ, существовавшихъ между обоими консулами: «Кассій, желая набрать голосовъ въ свою пользу, созвалъ тайно какъ можно болѣе латинянъ и черниковъ; ихъ явилось такое множество, что городъ вскорѣ переполнился гостями. Извѣщенный объ этомъ Виргиній объявилъ чрезъ вѣстника, что всѣ, у кого нѣтъ жилища въ Римѣ, тотчасъ должны возвратиться къ своему мѣсту. Тогда Кассій противопоставилъ этимъ распоряженіямъ своимъ: запретилъ выходить изъ города всякому римскому гражданину, пока

вы (1). Такая вражда повторялась многократно даже до самых временъ консульства Цезаря и Бибула; и тѣмъ опаснѣе была эта вражда, что рѣшеніе одного изъ консуловъ уничтожалось сопротивленіемъ другого. Съ другой же стороны не была выгодна и кратковременность консульской власти: передъ окончаніемъ ея, консулы нерѣдко преждевременно отваживались на битву, чтобы лишить своего преемника славы побѣды (2), а также ускоряли окончаніемъ кампаніи, торопясь въ Римъ, на народныя собранія. Слѣдствіемъ недостатка единства въ военныхъ, дѣйствіяхъ, были пораженія при Требіи, Каннахъ и Сервилія Цепіона кимврами (3).

Желая устранить вредныя послѣдствія одновременнаго пользованія своими правами, консулы условились: во время войны командовать поочередно, черезъ день, а въ Римѣ править помѣсячно; но такой распорядокъ имѣлъ свою неблагоприятную сторону (4). Черезъ девять лѣтъ по паденіи царей, уже сочли нужнымъ прибѣгнуть къ диктатурѣ. Неограниченная власть диктатора, продолжавшаяся шесть мѣсяцевъ, то-есть самый долгій срокъ кампаніи, помогала злу лишь отчасти, и то въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, пополняя недостатокъ единства власти.

Двойственность и неустойчивость высшей власти ослабляли ее. Исчезли единство и опредѣленность въ дѣйствіяхъ, необходимыя народу, проводившему время въ вѣчной войнѣ. И зло было бы еще большее, еслибы его не умѣрало единство цѣли въ людяхъ, принадлежавшихъ къ одной кастѣ. Человѣкъ являлся лучшимъ, чѣмъ учрежденія, образовавшія его.

законъ не будетъ утвержденъ и принятъ» (268 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарнаскій. VIII, LXXII). «Квинціи, будучи снисходительнѣе своего сотоварища, хотѣлъ уступить всѣмъ справедливымъ и благоразумнымъ народнымъ требованіямъ; Аппій же, напротивъ, готовъ былъ лучше умереть, чѣмъ уступить» (288 годъ по основаніи Рима). (Діонисій Галикарнаскій. IX, XLVIII).

(1) «Оба консула отличались совершенно противоположными характерами и во всемъ расходились (*dissimiles discordosque*)...» (Титъ Ливій. XXII, XLI). «Между тѣмъ, какъ они теряютъ время скорѣе на перекоры, чѣмъ на обсужденіе дѣла...» (Титъ Ливій. XXII, XLV).

(2) Титъ Ливій. XXI, LI.—Діона Кассія, Отрывки. CCLXXI, изданіе Гро.

(3) Титъ Ливій. XXI, LI.

(4) «Въ римскомъ войскѣ, оба консула пользовались одинаковою властію; но, благодаря уваженію Агриппы къ своему сотоварищу, власть осталась въ однихъ рукахъ, что такъ необходимо для успѣха въ великихъ предпріятіяхъ» (Титъ Ливій. III, LXX).—«Зачастую оба консула командовали въ битвѣ» (Титъ Ливій, «Сраженіе при Везувіи», VIII, I; «Сраженіе при Сентинѣ», X, XXVIII).—«Пагубное нововведеніе: съ тѣхъ поръ всякій думалъ не объ общественной пользѣ, а о своихъ личныхъ выгодахъ; каждый готовъ былъ погубить свое отечество, лишь бы славою не воспользовался его сотоварищъ; оттого отечество испытало много бѣдствій» (Діона Кассія, Отрывки, LI, изд. Гро).

Новою причиною беспорядка было учрежденіе, въ 260 году, народныхъ трибуновъ, приобрѣвшихъ впоследствии такое огромное значеніе: плебен, составлявшіе большинство въ арміи, потребовали чтобы ихъ военачальниковъ допустили и къ гражданской службѣ (1); сначала значеніе трибуновъ было невелико: это очевидно изъ закона объ ихъ установленіи (2):

«Никто не можетъ заставить трибуна, какъ какого-либо изъ обыкновенныхъ людей, поступать противъ собственной воли; возбраняется бить его или же способствовать его оскорбленію, убивать его, или же способствовать его убійству» (3).

По этому можно судить о томъ униженномъ положеніи, въ какомъ находились плебен. Впрочемъ, *veto* трибуновъ останавливало предложеніе новыхъ законовъ, рѣшеніе консуловъ и сената, наборъ войска, созваніе собраній и избраніе должностныхъ лицъ (4).

Съ 297 года число ихъ возрастаетъ до десяти, то-есть по два съ каждыя изъ пяти классовъ, поставлявшихъ воиновъ (5); но эта мѣра не была выгодна для плебеевъ: чѣмъ болѣе возрастало число трибуновъ, тѣмъ аристократіи было легче найти между ними сторонниковъ своихъ интересовъ. Мало по малу ихъ вліяніе воз-

(1) «Народными трибунами названы тѣ изъ военныхъ трибуновъ, которымъ поручено было защищать народъ во время его отъезда на Кустумеру». (Варронъ: О латинскомъ языкѣ. V, 81, изданіе О. Миллера).

(2) «Недовольные заставили патриціевъ признать своихъ савонниковъ; потому они испросили у сената дозволеніе избирать ежегодно двухъ плебеевъ (эдиловъ), для постоянного вспоможенія трибунамъ, для обсужденія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, какія будутъ передаваемы имъ трибунами, для наблюденія за общественными зданіями, и для распоряженій касательно снабженія рынковъ съѣстными припасами» (260 годъ отъ начала Рима). (Діонисій Галикарнаскій. VI, XC).

(3) Діонисій Галикарнаскій. VI, LXXXIX.

(4) «Трибуны противятся набору войскъ» (269 отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. VIII, LXXXI). — «Лициній и Секстій, вторично выбранные въ народные трибуны, не допустили избрать ни одного курульваго чиновника; и такъ-какъ народъ постоянно избиралъ этихъ двухъ трибуновъ, въ свою очередь отвергавшихъ всякаго изъ военныхъ трибуновъ, то городъ и оставался безъ этихъ властей продолженіе пяти лѣтъ» (378 годъ отъ начала Рима) (Титъ Ливій. VI, XXXV). — «Всакій разъ, какъ консулы созывали народъ для передачи консульства своимъ преемникамъ, трибуны, опираясь на свою власть, препятствовали собраніямъ. Когда же эти послѣдніе собирали народъ для производства выборовъ, то возникало сопротивленіе со стороны консуловъ, которые заявляли, что право созывать собранія и собирать голоса принадлежитъ имъ однимъ» (271 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарнаскій. VIII, XC). — «Трибуны, то мѣшали патриціямъ собираться для избранія интеррекса — то запрещали даже самому интеррексу давать предписанія консульскимъ собраніямъ» (338 г. отъ начала Рима) (Титъ Ливій. IV, XLIII).

(5) Титъ Ливій. III, XXX.

расло; они присвоили себѣ, въ 298 году, право созывать сенатъ; но долго еще не были его членами (1).

Что касается комицій, народъ имѣлъ въ нихъ слабое вліяніе. Въ собраніяхъ по центуриямъ бралъ верхъ голосъ первыхъ классовъ населенія, то-есть голосъ богатѣйшихъ гражданъ; въ собраніяхъ по куриямъ патриціи являлись неограниченными властелинами; когда, въ концѣ третьяго вѣка, плебен настояли на образованіи собраній по трибамъ (2), они немного выиграли отъ такой уступки. Новое право состояло въ томъ, что плебен могли теперь собираться на площади, гдѣ, раздѣлившись на трибы и положивъ голоса въ урны, избирали своихъ трибуновъ и эдиловъ, выбиравшихся прежде по центуриямъ (3). Какъ рѣшенія по трибамъ относились до самихъ же плебеевъ, то ни къ чему и не обязывали патриціевъ. Городъ раздѣлялся тогда на два стана, и въ каждомъ были свои управители, свои законы (4). Сначала патриціи не хотѣли принимать участія въ собраніяхъ по трибамъ; но потомъ, вонявъ выгоду такого участія, вошли въ ихъ составъ со своими кліентами, въ 305 году (5).

(1) Діонисій Галикарн. X, XXXI.

(2) «Важнѣйшимъ событіемъ этого года (282 отъ начала Рима), въ который такъ колебались военные успѣхи, и обнаружился раздоръ въ лагерѣ, и въ городѣ особенно смѣрно, было учрежденіе собраній по трибамъ. Это нововведеніе дало плебемъ много почестей, но мало существенныхъ выгодъ. Удаленіе патриціевъ изъ собраній, лишило собранія всего ихъ блеска, а между тѣмъ ни увеличило народнаго могущества, ни ослабило сенатъ» (Титъ Ливій. II, LX).

(3) Собраніе изъ населеній, какъ городского, такъ и сельскаго; голоса въ немъ подаются не по центуриямъ, а по трибамъ: «Въ день третьяго рынка, съ ранняго утра, на общественную площадь собралась такая толпа сельскаго люда, какой никогда не видывали. Трибуны соединили народъ по трибамъ, и раздѣлили Форумъ протянутыми веревками, образовавъ столько участковъ, сколько было трибъ. Тогда въ первый разъ народъ подавалъ свои голоса по трибамъ, хотя патриціи и сопротивлялись этому и настаивали, чтобы, по древнему обычаю, состоялось собраніе по центуриямъ» (263 годъ отъ начала Рима). (Діонисій Галикарнасскій. VII, LIX).—«Съ этого времени (годъ 263, консулатство Аннія), и до нашихъ дней, трибуновъ и эдиловъ избирали собранія по трибамъ, что дѣлалось безъ всякихъ авспицій и наблюденій авгуровъ. Такъ кончились смуты, волновавшія Римъ» (Діонисій Галикарнасскій. IX, XLIX).—«Римскій народъ, возмущенный еще болѣе чѣмъ прежде, требовалъ установленія для города Рима еще третьей урны для каждой трибы, чтобы собирать голоса» (308 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. IX, LI).

(4) «*Unas civitates ex una factas: suos cuique, parti magistratus, suas eegle esse*» (Титъ Ливій, II, XLIV).—«Какъ видите, мы раздѣлены, на дѣлъ, на два города; однимъ управляетъ бѣдность и нужда, другимъ преизбытокъ всѣхъ благъ, гордость и дерзость» (260 г. отъ начала Рима). («Рѣчи Тита Ларція полкамъ вольсковъ»; Діонисій Галикарнасскій. VI, XXXVI).

(5) Кліенты начали подавать голоса въ собраніяхъ по трибамъ по изданіи закона Валерія Горация; изъ словъ Тита Ливія (V, XXX. XXXII) видно, что уже при Камиллѣ въ составъ собраній по трибамъ вошли и патриціи, и кліенты.

III.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АРИСТОКРАТИИ.

Такого рода политическое устройство — отраженіе общества, составившагося изъ разнообразныхъ элементовъ — не могло бы сдѣлать порядокъ вещей долговѣчнымъ, еслибы привилегированный классъ не господствовалъ надъ причинами раздоровъ. И самое вліяніе такого превосходства аристократіи скоро ослабѣло бы среди затрудненій, еслибы вынужденныя и добровольныя уступки не сгладили мало по малу преграды, раздѣлявшія оба класса.

Произволь консуловъ, назначавшихся вначалѣ, по всей вѣрности, однимъ сенатомъ⁽¹⁾, вызывалъ живыя столкновенія. «Власть консуловъ, кричали плебеи, была, на самомъ дѣлѣ, такъ же тяжела, какъ и власть царей. вмѣсто одного господина, ихъ двое, облеченныхъ неограниченною, всемогущею властью, безъ правилъ и узды; и консулы обращали на народъ всѣ угрозы закона, всѣ его казни»⁽²⁾. Хотя съ 283 года какъ патриціи, такъ и плебеи подвергнуты были одному суду⁽³⁾, однако, по недостатку въ опредѣленныхъ законахъ, какъ имущество, такъ и самая жизнь гражданъ были игралищами въ рукахъ консуловъ и трибуновъ. Оказывалось необходимымъ основать законодательство на прочныхъ началахъ. Въ 303 году, избраны были десять лицъ, децемвировъ, съ двойною властью консуловъ и трибуновъ, что давало имъ одинаковое право сзывать какъ собранія по центуріямъ, такъ и собранія по трибамъ. Имъ поручено составить сводъ законовъ, извѣстныхъ потомъ подъ именемъ *законовъ двенадцати таблицъ*; законы эти, начертанные на мѣди, сдѣлались основою римскаго публичнаго права. Но все же по этимъ законамъ не признавался, въ гражданскомъ отношеніи, бракъ между лицами обоихъ общественныхъ слоевъ; и эти законы отдавали должника въ полное распоряженіе заимодавца, въ противность постановленію Сервія Туллія.

Децемвиры злоупотребили своею властью; и съ ихъ паденіемъ притязанія плебеевъ усилились; трибунатъ, оставшійся уничтоженнымъ три года, снова былъ возстановленъ; было рѣшено, что, по поводу каждой мѣры кого-либо изъ должностныхъ лицъ мож-

(1) Ашнэяъ: «Гражданскіи войны». I, I.

(2) Титъ Ливій. III, IX.

(3) Декторій, старѣйшій изъ народныхъ трибуновъ, говорилъ о недавно постановленныхъ законахъ: «Первымъ закономъ, касающимся перемиръ въ законодательствѣ, сенатъ даровалъ народу право судить кого бы то ни было изъ патриціевъ» (288 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. IX, XI, VI).

но будетъ апеллировать къ народу; рѣшено также, что какъ законы, постановленные собраніями по трибамъ, такъ и законы собраній по центуриямъ — обязательны для всѣхъ (1). И такъ было три рода собраній: собранія по куриямъ, которыя, поручая власть, *imperium*, должностнымъ лицамъ, избраннымъ центуриями, такъ-сказать, освящали избраніе консуловъ (2). Собранія по центуриямъ, председательствуемья консулами, и собранія по трибамъ, председательствуемья трибунами; первыя наименовывали консуловъ, вторыя — плебейскихъ должностныхъ лицъ, и какъ тѣ, такъ и другія, будучи составлены почти изъ однихъ и тѣхъ же гражданъ, имѣли одинаковое право утверждать или отвергать законъ; но въ однихъ все вліяніе принадлежало богатѣйшимъ людямъ и знати, потому что знать составляла большинство центурій и подавала голоса первую; въ другихъ, напротивъ, голосъ каждаго былъ смѣшанъ со всѣми голосами той трибы, въ какой кто принадлежалъ. «Если — говорить одинъ древній авторъ — собирають голоса по аристократическимъ родамъ (*ex generibus hominum*), составляются собранія по куриямъ; если подаютъ голоса сообразно возрасту и цензу — собранія по центуриямъ; наконецъ, если по поземельнымъ округамъ (*regionibus*) — собранія по трибамъ (3). Не взирая на уступки плебеямъ, законное соперничество постоянно царствовало между властями, между собраніями и между разными классами общества.

Плебеи заявляли притязанія на всѣ должности и въ особенности на власть консульскую; они отказывались отъ военной службы до тѣхъ поръ, пока не исполнялись ихъ требованія, и

(1) «Законы, постановленные въ собраніяхъ по трибамъ, должны были быть обязательными для всѣхъ римлянъ, подобно законамъ собраній по центуриямъ. Постановлены даже смерть и конфискація имущества того, кто посягъ на нарушить это постановленіе. Такъ сразу нанесенъ ударъ прежнимъ ссорамъ плебеевъ и патриціевъ: послѣдніе не хотѣли подчиниться народнымъ рѣшеніямъ, утверждая, что рѣшенное въ собраніяхъ по трибамъ, касалось только плебеевъ, и никакъ не было обязательно для всего города; и что, наоборотъ, рѣшенія собраній по центуриямъ составляли законъ, не только для самихъ патриціевъ, но также и для плебеевъ» (305 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. XI, XLV). — «Вѣчнымъ спорнымъ пунктомъ между обоими сословіями былъ вопросъ о подчиненіи патриціевъ плебейскимъ рѣшеніямъ. Первая забота консуловъ состояла въ томъ, чтобы предложить комиціямъ по центуриямъ законъ, въ силу котораго опредѣленія народныхъ собраній по трибамъ были бы закономъ для всего государства. (305 годъ отъ основ. Рима) (Титъ Ливій. III, LV). — «Патриціи утверждали, что право издавать законы принадлежало имъ однимъ» (Титъ Ливій. III, XXXI).

(2) «Собранія по куриямъ разбирають все то, что касается военныхъ дѣлъ; собранія по центуриямъ занимаются избраніемъ вашихъ консуловъ и вашихъ военныхъ трибуновъ», и пр. (Титъ-Ливій. V, LII).

(3) Амъ-Геллій. XV, XXXII. — Фестъ, при словѣ *Scitum populi*.

даже доходили до того, что подымали голосъ о плебейскомъ происхожденіи царей: «Развѣ мы допустимъ, взывать къ народу трибуновъ Капулей — консуловъ, скорѣе похожихъ на децемвировъ, людей самихъ низкихъ, и все патриціевъ, чѣмъ на лучшихъ изъ нашихъ царей, которые всѣ были люди нове», другими словами, люди — немѣвшіе предковъ (1).

Сенатъ сопротивлялся. Онъ не хотѣлъ уступить плебеймъ консульскаго права созывать собранія и совершать великія авспиціи, этого чисто-религіознаго преимущества, этой исключительной принадлежности аристократіи (2).

Чтобы обойти затрудненія, сенатъ сначала уничтожилъ законное препятствіе къ браку между двумя сословіями, а потомъ, въ 309 году, установилъ шесть военныхъ трибуновъ, облеченныхъ консульскою властью; но существенное осталось за патриціатомъ: созывалъ собранія и наблюдалъ за авспиціями все-таки, попрежнему, интеррексъ (3). Впродолженіе семидесяти-семи лѣтъ, военные трибуны перемѣнялись съ консулами. Только въ

(1) Титъ-Ливій. IV, III.

(2) «Когда народу не позволили участвовать въ авспиціяхъ, его негодованіе по этому случаю было чрезвычайно — какъ будто его отвергали сами боги. — Трибуновъ спросили: почему плебей не могъ быть консуломъ? Ему отвѣчали, что плебей не должны участвовать въ авспиціяхъ; и именно для того и запрещенъ децемвирами бракъ плебеевъ съ патриціями, чтобы авспиціи не были возмущены людьми сомнительнаго происхожденія». (Титъ-Ливій, IV).—«Въ чьихъ рукахъ, по примѣру предковъ, должны оставаться авспиціи? Въ рукахъ патриціевъ, по моему мнѣнію; вѣдь не совершаютъ же авспицій, когда избираютъ кого либо изъ плебейскихъ чиновниковъ?»—«Развѣ назначить плебейскихъ консуловъ, не то же самое, что уничтожить авспиціи въ государствѣ? только патриціи и могутъ совершать ихъ». (386 годъ отъ начала Рима) (Титъ-Ливій. VI, XLI).

Совершать великія авспиціи имѣли право только консулы, преторъ или цензоръ; меньшимъ же должностнымъ лицамъ предоставлены были малыя авспиціи. Повидимому, совершеніе великихъ авспицій считалось однимъ изъ важнѣйшихъ преимуществъ аристократіи. Древніе не оставили намъ яснаго истолкованія различія между обоими родами авспицій; но это различіе, кажется, явствуетъ изъ словъ Цицерона («О законахъ». II, 12), который говоритъ, что подъ великими авспиціями разумѣлись тѣ, для которыхъ необходимо было содѣйствіе авгуровъ; малыя же, напротивъ, обходились безъ этого (См. Авль-Геллій. XIII, XV).

Что касается авспицій, совершавшихся при избраніи консульскихъ трибуновъ, то, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Тита-Ливія (V, XII, LII; VII, XI), онѣ были тѣ же самыя, какъ и при избраніи консуловъ, то-есть—великія авспиціи. Изъ Цицерона мы знаемъ («О гаданіи». I, 17; II, 35. — Титъ-Ливій. IV, VII), что тотъ савонникъ, который открывалъ собранія, приводилъ съ собою и авгура, объяснявшаго знаменія. Поручая руководство собраніями, избравшими военныхъ трибуновъ, интеррексу, тѣмъ самымъ оставили неприкосновенными права патриціевъ.

(3) Титъ-Ливій. VI, V.

387 году прочно установилось консульство, когда этой должности позволено было помогать плебеямъ. Таковъ былъ результатъ одного изъ законовъ Лицинія Столона.

Этому трибуну удалось настоять на принатіи многихъ такихъ мѣръ, съ которыми, повидимому, должны были наступить новыя времена, времена безъ раздоровъ. Однако патриціи все-таки до такой степени дорожили привилегією совершать авспиціи, что, когда не случилось въ 398 году консула изъ патриціевъ, былъ назначенъ иттерексъ для предсѣдательства въ собраніяхъ—лишь бы дорогое право не попало въ руки диктатора или же другаго консула, которые были изъ плебеевъ (1).

Дозволивъ народу достигать консульства, позаботились однако отнять у этого сана бѣльшую часть его преимуществъ, которыя и переданы патриційскимъ сановникамъ. Такъ, постепенно, отняли у консуловъ, въ 307 году, съ установленіемъ двухъ квесторовъ, управленіе военными расходами (2), въ 311 году, съ установленіемъ цензоровъ—право составленія цензоваго листа, опредѣленіе государственнаго дохода и наблюденія за общественною нравственностью; въ 387 году, съ установленіемъ преторовъ—высшее гражданское законодательство, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы только одна аристократія знала права квиритовъ; наконецъ, съ учрежденіемъ курульныхъ эдиловъ, у плебеевъ отняты: возможность предсѣдательства на играхъ, право главнаго надзора за зданіями, право полиціи и продовольствіе города, распоряженія о публичныхъ дорогахъ, и наконецъ, право надзора за рынками.

Цѣлью аристократіи было: ограничить вынужденныя у нея уступки; но послѣ сициніевыхъ законовъ, ей уже нельзя было помѣшать принципу допущенія плебеевъ ко всѣмъ должностямъ. Съ 386 года плебеи достигли важнаго права занимать должность начальника всадниковъ (*magister equitum*)—должность, такъ-сказать, на мѣстника диктатора (*magister populi*) (3); въ 387 году имъ открылся доступъ и къ религіознымъ должностямъ (4); въ 345 году они получили квестуру, а въ 398 и самую диктатуру; въ 403—цензуру; наконецъ, въ 417—претуру.

Въ 391 году народъ присвоилъ себѣ право наименовывать

(1) Титъ Ливій. VII, V.

(2) Титъ-Ливій. VII, XVII.

(3) Въ 338 году число ихъ увеличено до 4. Двое изъ нихъ, хранившіе казну, и руководившіе денежнымъ обращеніемъ, наименовывались консулами; остальные же двое, управлявшіе военною кассою, избирались трибами.

(4) Начальникъ всадниковъ носилъ это имя потому, что ему вполнѣ подчинялись всадники и *ассенсі*, какъ диктатору подчинялся весь римскій народъ, откуда и происходитъ другое его названіе: *начальникъ народа* (Варронъ: «О латинскомъ языкѣ». V, 82, изданіе Мюллера).

легионныхъ трибуновъ, до снѣхъ поръ избравшихся только консулами (1).

Въ 415 году, закономъ Кв. Публия Филона сенать лишень права не признавать силы законовъ (*auctoritas*), постановленныхъ собраніями; по Публиеву закону сенать обязывался объявлять предварительно о томъ, противорѣчить ли нѣтъ предлагаемый законъ правамъ гражданскому и духовному. Сверхъ того, тѣмъ же закономъ постановлялся непремѣнно одинъ цензоръ изъ плебеевъ, чѣмъ открывались для богатѣйшихъ плебеевъ и двери сената: цензоръ обязанъ былъ опредѣлять, въ какому сословію принадлежалъ тотъ или другой гражданинъ; онъ также произносилъ свое мнѣніе о принятіи въ сенать или объ исключеніи изъ него.

Публиевъ законъ стремился, слѣдовательно, сравнять аристократіи обонхъ сословіи и создать знать (*nobilitas*) изъ всѣхъ вообще семействъ, прославившихся тѣмъ, что члены ихъ занимали высшія должности.

IV.

Начала распадація.

Въ началѣ V вѣка существованія Рима общество получило, чрезъ сближеніе обонхъ сословіи, бѣдшую устойчивость. Но если при царяхъ перевѣшивали тѣ изъ началъ, которыя должны были возвеличить Римъ, теперь стали часто обнаруживаться опасности, которыя впредь постоянно будутъ возобновляться. Существованію республики то и дѣло будутъ угрожать злоупотребленія при избраніяхъ, законъ объ измѣнѣ, рабство, увеличеніе класса бѣдныхъ, аграрные законы, вопросъ о долгахъ. Замѣтимъ вообще, что всѣ эти вопросы, пріобрѣвшіе впоследствии такое неотрашимое значеніе, возникли уже въ самое раннее время.

Злоупотребленіе при избирательствѣ. Обманъ проникъ въ избирательныя собранія, какъ только возросла масса избирателей и породила со стороны избираемыхъ домогательство бѣдшаго числа голосовъ. Уже самый законъ народнаго трибуна К. Петелія о домогательствахъ мѣсть обнаруживаетъ существованіе злоупотребленій при избраніяхъ.

Законъ объ оскорбленіи величества. — Примѣненіе, съ 305 до 369, закона объ измѣнѣ или о носягательствѣ противъ ре-

(1) Дуумвиръ, на обязанности котораго лежали религіозные обряды, замѣненъ былъ дедеквирами, на половину патриціями, на половину плебеями (Титъ Ливій. VI, XXXVII).

спублики послужило произволу тѣмъ страшнымъ оружіемъ, которое было такъ ужасно употребляемо при императорахъ подъ именемъ закона объ оскорбленіи величества (1).

Рабство. Въ рабствѣ также заключались большія опасности для общества: съ одной стороны, работа руками рабовъ стоила дешевле, чѣмъ работа руками людей вольныхъ, и потому первое старались замѣнить послѣднюю; съ другой стороны, рабы не могли быть довольны своею судьбою, и потому, стремясь освободиться изъ-подъ гнета, всегда готовы были бы помогать каждому честолюбцу. Уже частныя возстанія рабовъ въ 253, 294 и 336 годахъ, показали, какъ грозенъ былъ этотъ классъ, лишенный всѣхъ правъ, связанный со всѣми потребностями общественной жизни (2). Численность рабовъ быстро возрасла. Они замѣняли тѣхъ свободныхъ людей, которыхъ отрывала отъ земледѣльческихъ занятій постоянная война. Впослѣдствіи, когда эти послѣдніе возвращались изъ кампаній въ свои дома, сенатъ вынужденъ былъ заботиться объ ихъ прокормленіи; и хлѣбъ для нихъ привозился даже изъ Сициліи и отпускался имъ или по умѣренной цѣнѣ, или же и совсѣмъ даромъ (3).

Аграрные законы. Что касается аграрныхъ законовъ и вопроса о долгахъ—и то и другое вскорѣ сдѣлалось причиною нескончаемыхъ смуть.

Цари образовали изъ покоренныхъ областей родъ государст-

(1) «Аппій, понадѣвшись, какъ трибунъ, на неприкосновенность своего лица, совзвалъ собраніе, передъ которымъ обвинилъ Валерія и Горация въ оскорбленіи республики» (806 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Галикарнаскій. XI, XXXIX).

(2) «Во время этихъ происшествій въ Римѣ образовался заговоръ рабовъ, которые положили овладѣть укрѣпленными мѣстами, и зажечь городъ съ разнѣхъ концовъ» (253 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Галикарнаскій. V, LI).—«Гердоній призывалъ рабовъ къ свободѣ, съ высотъ Капитолія. Онъ вѣдалъ вести дѣло несчастныхъ; онъ хотѣлъ возстановить въ отечествѣ то, что изгнала изъ него несправедливость: долженъ былъ освободить рабовъ отъ тяжкаго ига; честь такого подвига должна принадлежать римскому народу» (294 годъ отъ начала Рима.—Титъ Ливій. VII, XV).—«Рабы-заговорщики хотѣли зажечь Римъ съ разнѣхъ концовъ; и въ то время, когда народъ бросился бы тушить загорѣвшіяся зданія, они заняли бы вооруженною рукою крѣпость и Капитолій. Юпитеръ не допустилъ исполненія такихъ преступныхъ замысловъ. Двое изъ рабовъ выдали заговорщиковъ, и виновные схвачены и навазаны» (336 годъ отъ начала Рима. Титъ Ливій. IV, XLV).

(3) «Наконецъ хлѣбъ привезенъ въ изобиліи изъ Сициліи, при консулахъ М. Минуція и А. Семпронія; въ сенатѣ рассуждали—по какой цѣнѣ продавать его гражданамъ» (въ 263 году отъ начала Рима.—Титъ Ливій. II, XXXIV).—«Такъ-какъ, за недостаткомъ земледѣльцевъ, опасались голода, то и послали за хлѣбомъ въ Этрурію, Помитинъ, въ Кумы, и даже, наконецъ, въ Сицилію». (Въ 321 году отъ начала Рима.—Титъ Ливій. II, XXXV).

венныхъ земель (*ager publicus*); эти земли были главнѣйшимъ источникомъ доходовъ государства (1); эти же земли частію великодушно раздавались царями бѣднякамъ (2). Вообще у покоренныхъ народовъ отбирались двѣ трети ихъ земель (3). «Изъ этихъ двухъ третей воздѣланные участки — говоритъ Аппіанъ — или дарились новымъ поселенцамъ, или продавались, или отдавались въ аренду на извѣстныхъ обязательствахъ. Что же касается невоздѣланныхъ земель — а такихъ, вслѣдствіе войны, было большинство — ихъ, по обыкновенію, не раздѣляли, а предоставляли пользованіе ими всякому, кто бы ни пожелалъ вспахать ихъ, за что такой новый владѣлецъ ихъ обязывался вносить въ казну десятую часть всей жатвы и пятую часть всѣхъ собранныхъ на нихъ плодовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ облагали податями тѣхъ, кто разводилъ крупный и мелкій скотъ (для того, чтобы воспрепятствовать размноженію луговъ на счетъ пахатныхъ земель). Это дѣлалось въ видахъ размноженія италійскаго населенія, которое почиталось въ Римѣ самымъ трудолюбивымъ, а также для того, чтобы пріобрѣтать союзниковъ одноплеменныхъ. Но такая мѣра привела къ совершенно инымъ результатамъ. Богачи пріобрѣли себѣ большую часть нерозданныхъ земель. И въ надеждѣ, что, за давностію владѣнія, никто не изгонитъ ихъ изъ ихъ собственности, они или скупили у своихъ бѣдныхъ сосѣдей ихъ скромные участки, или же и отняли силою. Такъ образовались у нихъ обширныя владѣнія, вмѣ-

(1) «Ромулъ, раздѣливъ весь народъ на трибы и курии, раздѣлилъ и всѣ земли на тридцать равныхъ участковъ, изъ которыхъ отдалъ по одному на каждую курию; впрочемъ, необходимая часть земель выдѣлена и для храмовъ, а также изъ особой части образована земля *государственная*» (Діонисій Галикарнассскій. II, VII).

(2) «Нума раздѣлилъ бѣднякамъ земли, завоеванныя Ромуломъ, а также большую часть земель, принадлежавшихъ государству». (Діонисій Галикарнассскій. II, LXII). — Подобныя же мѣры приписываются Тулу Гостилію и Анку Марцію (Діонисій Галикарн. III, I, XLVIII). — Лишь только Сервій Тулій вступилъ на престолъ, онъ тотчасъ надѣлилъ тетовъ (наемниковъ) изъ государственныхъ земель» (Діонисій Галикарн. II, XIII).

(3) По свѣдѣтельству Діонисія Галикарнасскаго, Ромулъ послалъ въ Ценину и Антиину двѣ колоніи, взявъ у этихъ городовъ двѣ трети ихъ земель (II, XXXV). — Въ 252 году сабиняне утратили десять тысячъ десятинъ (*jugera*) своихъ годныхъ къ обработкѣ земель (Діонисій Галикарнассскій. V, XLIX). — По договору, заключенному въ 268 году съ гериниками, отъ нихъ отожени двѣ трети принадлежавшихъ имъ земель (Титъ-Ливій. II, XLI). — Въ 418 году привержатцы потеряли двѣ трети своихъ земель; въ 416, тибуртинцы и пренестинцы также утратили часть своихъ земель» (Титъ-Ливій. VIII, I, XIV). — «Въ 568 году П. Корнелій-Сципіонъ Назика отнялъ у бойевъ болѣе половины ихъ земель». (Титъ-Ливій. XXXVI, XXXIX).

сто прежнихъ простыхъ людей, кото́рыя они когда-то обработывали собственными руками» (1).

Цари всегда старались уничтожить такія хищничества (2). Быть можетъ, Сервій Туллій заплатилъ жизнью за подобную попытку. Когда пала власть царей, патриціи, сдѣлавшись могущественными, пожелали сохранить за собою неправо пріобрѣтенныя земли (3).

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что они имѣли большее право, чѣмъ другіе, на завоеванныя земли; на нихъ ложились и главнѣйшія военныя тягости, и большіе налоги; сверхъ того, имъ казалось, что для поддержанія земледѣльческаго сословія довольно было и колонистовъ, и они поступали скорѣе какъ государственные откупщики, чѣмъ какъ собственники-землевладѣльцы. И въ самомъ дѣлѣ, по гражданскому праву, *ager publicus* не могъ быть отчуждаемъ, и одинъ древній авторъ говоритъ: «Правовѣды не признають, чтобы земля, разъ принадлежащая римскому народу, могла принадлежать потомъ вслѣдствіе права пользования или владѣнія, еще кому бы то ни было» (4).

Но, не взирая на этотъ принципъ, справедливымъ казалось передать часть добычи бѣднымъ гражданамъ, сражавшимся за отечество. Требованія такого рода дѣлались постоянно. Съ 268 года они заявлялись почти ежегодно не только трибунами, но и самими консулами. Фабій Цезонъ, распорядившійся въ 275 году раздѣломъ вновь завоеванныхъ земель, выразился такъ: «Развѣ не справедливо, чтобы отнятая у непріятеля земля принадлежала тому именно, кто добылъ ее своимъ потомъ и кровью?» (5) Сенатъ, однако, не склонился на это предложеніе, и на подобнаго же рода предложенія Кв. Консидія и Т. Генуція въ 278 году,

(1) Аппіанъ «Гражданскія войны». I, VII.—Цитата эта, хотя и позднѣйшихъ временъ, однако относится къ временамъ, нами разбираемымъ.

(2) «Сервій издалъ эдиктъ, по которому всѣ, кому достались общественныя земли на правѣ владѣнія или собственности, должны были возвратитъ ихъ въ извѣстный срокъ; по тому же эдикту, всѣ граждане, неимѣвшіе наслѣдства, обязывались объявить свои имена» (Діонисій Галикарн., IV, X).

(3) «Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что бѣдняки желаютъ раздѣленія государственныхъ земель (между всѣми гражданами), и не могутъ перенести того, что землями этими владѣютъ нѣсколько вельможъ. Но если они увидятъ, что земель должны лишиться и тѣ, кто беретъ съ нихъ прибитокъ, и что земли становятся общественнымъ достояніемъ, то не будутъ болѣе завидовать, и ихъ желаніе о раздѣленіи земель между всѣми ослабнетъ, такъ-какъ они поймутъ пользу сохраненія земель въ видѣ государственной собственности». (268 годъ по осн. Рима.—Рѣчь Аппія.—Діонисій Галикарн. VIII, LXXIII).

(4) Агенній Урбикъ: *De controversiis agrorum*, въ *Grammatici veteres*, изд. Лахманна, т. I, стр. 82.

(5) Титъ Ливій. II, XLVIII.

Кнея Генуція въ 280 году и поддержанныхъ консулами Валеріемъ и Эмилиемъ народныхъ трибуновъ въ 284 году (1).

Между тѣмъ, чрезъ пятьдесятъ-четыре года борьбы, по изгнаніи Тарвиніевъ, трибуну Ицилію удалось настоять, въ 298 году, на раздѣленіи земель Авентинской горы. Лицамъ же, похитившимъ часть этихъ земель, назначено было извѣстное вознагражденіе за нихъ (2). Тщетно требовали, въ 298 году и въ послѣдующіе за сими годы, примѣненія Ициліева закона къ другимъ частямъ агег publicus (3); но въ 330 году на владѣльцевъ наложена новая подать, съ цѣлью уплаты жалованья войскамъ. Ничего не могло поколебать настойчивости трибуновъ: въ слѣдующіе тридцать-шесть лѣтъ сдѣлано еще шесть предложеній раздѣленія общественныхъ земель, хотя всѣ эти предложенія и не привели ни къ какимъ результатамъ, даже послѣднее предложеніе о раздѣленіи только что присоединенныхъ большихъ земель (4). Лишь въ 361 году сенатское рѣшеніе дозволило выдѣлить изъ вейентинской земли на каждаго отца семейства и каждаго свободнаго человѣка по семи десятинъ (5). Въ 371 году сенату нуж-

(1) Луцій Эмилиі признавалъ болѣе справедливымъ раздѣлить земли между всѣми, тѣмъ оставивъ ихъ во владѣніи лишь немногихъ. Что же касается лицъ, захватившихъ земли, то эти должны быть довольны уже и тѣмъ, что ихъ такъ долго оставили въ покоѣ, и не могутъ уворствовать. Сверхъ того, онъ считалъ, что не только сенатъ обязанъ быть раздѣлить земли потому, что онѣ по праву принадлежали всѣмъ, какъ частная собственность принадлежитъ по праву своему законному владѣльцу, но сенатъ обязывался къ тому еще и тѣмъ, что общій такое раздѣленіе, въ своемъ распоряженіи, еще за семнадцать лѣтъ назадъ». (Діонисій Галикарнаскій. XI, LI).

(2) Титъ-Ливій. III, XXXI.—Діонисій Галикарн. X, XXXIII и слѣдующая.

(3) «Плебеи громко жалуются, что завоеваніями ихъ завладѣли другіе; они считаютъ возмутительнымъ обычай, по которому имъ не оставляется и малѣйшаго клочка изъ земель, завоеванныхъ ими; говорятъ, что агег publicus находится въ рукахъ людей вліятельныхъ и богатыхъ, несправедливо пользующихся всѣми доходами съ него, причина же всему, этому — лишь могущество ихъ, да неслыханный произволъ. Наконецъ плебеи говорятъ, что участвуя, наравнѣ съ патриціями, во всѣхъ военныхъ опасностяхъ, они также имѣютъ право требовать и себѣ доли въ выгодахъ, вытекающихъ изъ этихъ опасностей» (298 г. отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн., X, XXXVI).

(4) «Весьма было разумно предложить раздѣленіе большихъ земель, послѣ подавленія возстанія; такимъ образомъ устранились бы вслѣдствіе домогательства о проведеніи аграрнаго закона, изгонившаго патриціевъ съ ихъ, силою присвоенныхъ имъ, участковъ. Неблагородное упорство знати, съ которымъ она оспаривала удержанъ за собою неправо прибрѣтенныя земли, поразило народъ въ самое сердце; къ тому же знать не допускала даже раздѣленія народу и тѣхъ земель, которыя недавно лишь были отняты у непріятеля; слѣдовательно, земли эти невинно должны были попасть въ тѣ же руки знати». (341 годъ отъ осн. Рима.—Титъ-Ливій. II, LI).

(5) Титъ-Ливій. V, XXX.

на была помощь народа въ войнѣ противъ вольсковъ, и онъ, послѣ пятилѣтняго сопротивленія, согласился на раздѣленіе присоединенныхъ Камилломъ помитинскихъ земель (Понтийскія болота), когда часть ихъ уже успѣла достаться на долю патриціевъ (1). Всѣ такія частныя уступки не могли ни удовлетворить плебеевъ, ни исправить несправедливости; послѣ старинадцатилѣтней борьбы, народныя притязанія восторжествовали наконецъ въ законѣ Лицинія (2). Законъ этотъ, не отнимая совершенно у патриціевъ неправо приобрѣтенныхъ ими земель, ограничивалъ однако владѣнія до пятисотъ югеровъ (сто двадцать-пять гектаровъ—около ста четырнадцати русскихъ десятинъ). Всѣ остальные затѣмъ земли должны были быть раздѣлены между бѣдняками. Собственники обязывались содержать въ своихъ владѣніяхъ по нѣскольбу свободныхъ людей для пополненія ими легионовъ; сверхъ того, чтобы приостановить вообще выгодное для частныхъ лицъ заведеніе луговъ, въ каждомъ владѣніи дозволено содержаніе лишь извѣстнаго числа головъ скота. Черезъ это пашни умножались, и Италия не должна была нуждаться въ иноземномъ хлѣбѣ.

Этотъ законъ Лицинія Столона порождалъ счастливыя послѣдствія. Имъ уничтожались хищничества богатыхъ и знатныхъ, а между тѣмъ онъ дѣйствовалъ умѣренно: не допускалъ опаснаго расширенія частныхъ владѣній на счетъ общественной собственности, и захватыванія нѣсколькими лицами того, что принадлежало всѣмъ; онъ предотвратилъ уменьшеніе италійскаго населенія, а, слѣдовательно, и ослабленія войска (3).

Лициніевъ законъ не остался неисполненнымъ, что явствуетъ изъ многочисленныхъ наказаній за его несоблюденіе. И благодаря ему, а также основанію многихъ новыхъ колоній, земледѣльческій классъ, эта главная сила государства, получилъ возможность существованія. Надзоромъ за распредѣленіемъ земель въ народѣ занимался теперь самъ сенатъ (4).

(1) Титъ-Ливій. VI, XXI. Повидимому, понтийскія болота были, въ тѣ времена, весьма плодородны; по свидѣтельству Плинія, въ нихъ насчитывалось двадцать-четыре цѣлѣтнихъ города (Естественная Исторія. III, V., 59, изд. Зиллинга).

(2) Титъ-Ливій. VI, XXX—XLIV. — Анниана «Гражданскія войны». I, XIII.

(3) См. замѣчательный трудъ Масе: *Объ аграрныхъ законахъ*. Парижъ, 1846.

(4) Такъ въ 416 году каждый бѣдный гражданинъ получилъ по два югера изъ земель латинянъ и ихъ союзниковъ. Послѣ удаленія Пирра, сенатъ велѣлъ, въ 749 году, надѣлать землями тѣхъ, кто сражался противъ эпирскаго царя. Въ 581 году закономъ Фламинія, напрасно осуждаемымъ Полибиемъ, за то будто бы, что законъ этотъ внесъ порчу въ Римъ — раздѣлены поголовно римскія земли, лежащія между Римини и Пиценомъ; послѣ взятія Каррагена, сенатъ

Долги. Вопросъ о долгахъ и объ уменьшеніи процентовъ съ давнихъ временъ подымалъ страстныя пренія.

Въ Римѣ, бѣдные граждане должны были воевать на свой счетъ, почему ихъ поля и фермы оставались въ забросѣ все время кампаніи; семью же приходилось продовольствовать въ долгѣ. Итакъ, причина долговъ — благородная служба отчизнѣ⁽¹⁾. Общественное мнѣніе, разумѣется, высказывалось въ пользу должниковъ и враждовало противъ тѣхъ, кто, спекулируя стѣсненными положеніемъ защитниковъ отечества, бралъ съ нихъ большіе проценты. Патриціи также злоупотребляли выгодами своего общественнаго положенія и знаніемъ законныхъ формъ; защищая шеееъ, они требовали съ нихъ за это большихъ суммъ⁽²⁾.

Утѣсненные граждане часто обращались съ жалобами къ царямъ, и тѣ спѣшили помогать имъ⁽³⁾. Но съ изгнаніемъ царей богачи стали гораздо неуступчивѣе. Случалось, что займодавцы продавали людей, разорившихся въ службѣ, какъ рабовъ, съ молота⁽⁴⁾. Когда же за то наступало военное время, бѣдняки не

набѣлалъ землями скипѣоновыхъ солдатъ въ 554 году. За каждый годъ службы въ Испаніи или Африкѣ солдатъ получалъ по два югера земли; такое раздѣленіе произведено было «децемвирами» (Титъ-Ливій. XXXI, XLIX).

(1) «Маркъ Валерій доказалъ имъ, что неблагообразно было отказывать въ такихъ пустякахъ гражданамъ, доблестно отстававшимъ республику при царяхъ» (256 г. отъ начала Рима.—Діонисій Гал. V, LXV).—«Съ одной стороны, плебеи показывали, что не въ состояніи уплачивать долги; жаловались на то, что, во время столькихъ войнъ, земли ихъ ничего не производили, скотъ погибъ, рабы разбѣжались или же погибли въ различныхъ походахъ противъ неприятеля, что, наконецъ, все достояніе ихъ истрчено на военныя издержки. Съ другой стороны, и займодавцы говорили, что потери были у всѣхъ вообще; что и они пострадали не менѣе своихъ должниковъ, и что, при столькихъ потеряхъ, они не могутъ согласиться потерять еще и то, что дано ими взаимн бѣднякамъ во время мира» (258 отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн. VI, XXII).

(2) Процессы частныхъ лицъ почти всегда защищались сенаторами; зато сенаторы получали, подъ видомъ благодарности, весьма большія суммы (Титъ-Ливій. XXXIV, II).

(3) «Въ слѣдующіе дни Сервій [Тулій] приказалъ собрать свидѣнія о несомнѣнныхъ должникахъ и ихъ займодавцахъ и составить приблизительную цифру долговъ. Когда получены были такіа свидѣнія, онъ устроилъ на Форумѣ ассесъ, и въ присутствіи всѣхъ возвратилъ займодавцамъ то, что имъ были должны» (Діонисій Гал. IV, X).

(4) «Сервий приказалъ объявить чрезъ глашатая, что всѣмъ запрещается продавать, брать въ залогъ или захватывать имущества римлянъ, которые будутъ служить противъ вольсковъ; равнообразно запрещалось забирать, на основаніи какихъ бы то ни было обязательствъ, всякаго члена изъ ихъ семействъ».—«Одинъ старикъ, нагуясь, что займодавецъ взялъ его въ рабство, и рассказавшиъ о своемъ свободномъ происхожденіи, говорилъ, какъ онъ служилъ во всѣхъ кампаніяхъ и участвовалъ въ двадцати-восьми битвахъ, въ которыхъ неоднократно отли-

хотѣли идти въ службу ⁽¹⁾. Они говорили: «Какая польза намъ въ побѣдахъ надъ врагами? Займодавцы заковываютъ насъ въ желѣза? Къ чему намъ упрочивать свободу Рима, когда мы не можемъ сохранить собственной своей свободы?» ⁽²⁾ Но какъ на патриціевъ падали вмѣстѣ съ тѣмъ самыя большія военныя тягости, то и они имѣли свое основаніе требовать уплаты себѣ долговъ. Оттого—вѣчные раздоры ⁽³⁾.

Закономъ двѣнадцати таблицъ росты уменьшены, въ 305 году, до десяти со ста. Лишь одинъ Столоновъ законъ удовлетворительно разрѣшилъ затруднительный вопросъ. Законъ этотъ постановилъ, что всѣ прежде выплаченные проценты вычтутся изъ долговыхъ капиталовъ, и что остающаяся затѣмъ сумма должна быть возвращена займодавцамъ въ три года, равномерными взносами. Распоряженіе одинаково выгодное для всѣхъ: еслибы должники попрежнему оставались неоплатными, займодавцы попрежнему рисковали бы потерять свой капиталъ; новымъ закономъ именно обезпечивался возвратъ долговъ; должники же, вступивъ во владѣніе землями, могли съ помощію ихъ расквитаться; тѣмъ болѣе, что на то данъ былъ срокъ. Согласіе, возобновленное въ 387 году, было только минутное. Разладъ увеличивался все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не уничтожили совершенно долговъ, въ 412 году; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено и брать какіе бы то ни было проценты—мѣры лишь переходныя и революціонныя.

V.

Общій обзоръ.

Общій обзоръ вредныхъ началъ, тапвшихся въ римскомъ обществѣ, наводитъ на размышленіе слѣдующаго рода: каковы бы

чался; для уплаты же податей, онъ вошелъ въ долги въ послѣдніе такіе дни республики. «Когда же мнѣ нечѣмъ было уплатить долговъ—говорилъ онъ—то мой безжалостный займодавецъ взялъ меня въ рабство, вмѣстѣ съ моими двумя дѣтьми; онъ даже подвергнулъ меня безчестнымъ ударамъ за мой отказъ вымолнить какое-то трудное дѣло». (259 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн. V, LIII).

⁽¹⁾ Вѣднали, въ особенности тѣ, кто находился въ неоплатныхъ долгахъ—а такихъ было всего больше—до тѣхъ поръ не хотѣли братья за оружіе и вообще имѣть какое либо сношеніе съ патриціями, пока сенатъ не уничтожитъ долговъ». (256 отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн. V, LXIII).

⁽²⁾ Діонисій Галикарн. V, LXIV.

⁽³⁾ «Аппій Клавдій Сабинъ сдѣлалъ предложеніе, совершенно противное предложенію Марка Валерія: онъ говорилъ, что, безъ сомнѣнія, богачи, такіе же какъ и народъ, граждане; и какъ они еще занимаютъ высшія мѣста въ республикѣ, заняты другими общественными обязанностями и сверхъ того уча-

не были правительственными начала — въ нихъ всегда рядомъ съ зародышами жизни таятся и зародыши разрушенія, зародыши будущей гибели. Въ періодъ выростанія республики развивались и дѣйствовали начала жизни; въ періодъ же паденія ея — начала разрушенія; то-есть, пока аристократія сохраняла свои добродѣтели и свою любовь къ отчизнѣ — преобладали и начала благосостоянія; но какъ только начала вырождаться аристократія, причины разрушенія перевѣсили, и поколебали все заботливо возведенное зданіе.

Если паденіе царской власти оживило аристократію и дало ей независимость, то, вначалѣ, демократія ничего отъ этого не выигрывала. Не ранѣе, какъ черезъ двѣсти лѣтъ, плебеи приобрѣли себѣ политическія права, достигли раздѣла государственныхъ земель и могли добиться смягченія участи должниковъ, невольныхъ жертвъ постоянной войны. Столько же лѣтъ понадобилось республикѣ, чтобы привести покоренныя націи къ той зависимости, въ какой онѣ были при послѣднихъ царяхъ ⁽¹⁾. Много нужно времени странѣ, чтобы оправиться отъ толчковъ и ослабленія, порождаемыхъ даже самыми законными революціями.

ствудтъ въ войнахъ, то неудивительно, если они вознегодуютъ на уничтоженіе долговыхъ обязательствъ». (256 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Гал. V, LXVI).

⁽¹⁾ Изъ свидѣтельствъ Поливія, Діонисія Галикарнасскаго, Тита Ливія, Флора и Евтропія явствуетъ, что во время паденія Тарквинія-Гордаго, римское владѣтельство простиралось уже на Лаціумъ, большую часть Сабинской земли, и даже до Окрикула (*Otricoli*) въ Умбріи; Этрурія же и земли герниковъ, и городъ Цере (*Cervetri*) играли роль совершенно подчиненныхъ союзниковъ.

Вѣсть съ учрежденіемъ консульскаго правленія, между подчиненными Риму народами начинаютъ вспыхивать возстанія. Въ 253 году противъ Рима состоялся союзъ изъ всѣхъ народовъ Лаціума; подчиненіе Лаціума началось съ побѣды 258 года при Регильскомъ озерѣ, то-есть четырнадцать лѣтъ спустя по изгнаніи Тарквиніевъ; завершилъ же это подчиненіе договоръ, заключенный Спуриемъ Кассіемъ съ латинянами, въ 268 г. отъ начала Рима. Сабиняне окончательно покорены лишь въ 305 году, консуломъ Горациемъ. Фидеми, признавшія надъ собой господство Тарквинія, взяты въ 319 году, потомъ завоеваны вторично, послѣ возмущенія 328 года. Анкуръ (Теггасине) окончательно подчиненъ только послѣ пораженія вольсковъ; а Вейи, Фалеріи — въ 358 и 359 г. Въ Цирцеяхъ, гдѣ основана римская колонія во времена царей, заведена новая колонія въ 360 году. Цере присоединенъ къ римскимъ владѣніямъ въ 364, а Анціи и Эдетра окончательно завоеваны уже послѣ вторженія галловъ. Сагритъ, находившійся при самомъ входѣ въ землю вольсковъ, взятъ 408 года, что и побуждало ему принять участіе въ возстаніи латинянъ. Въ 411 году вся долина Лаціума была занята римлянами или же ихъ союзниками; однако, въ горахъ существовали независимыя или же тайно враждебныя вольскія и латинскія поселенія. Можно сказать во всякомъ случаѣ, что въ это время Римъ возвратилъ себѣ всю территорию, принадлежавшую ему при царяхъ; только въ 416 году ему пришлось подавить послѣднее латинское возстаніе.

Впрочемъ, римское общество было настолько прочно, что могло бороться и съ вѣшними врагами, и съ внутренними неурядицами. Существованіа его не могли подкосить ни вторженія Порсенны и галловъ, ни заговоръ сосѣднихъ народовъ. Были уже и замѣчательные законодатели, и замѣчательные полководцы; таковы: Велерій Публикола, А. Постумій, Коріоланъ, Спурій Кассій, Цинциннатъ, Камилъ, а самъ Римъ могъ уже выставить десять легионовъ или, другими словами, 45,000 человекъ. Внутри государства достигнуты весьма важные результаты: при помощи значительныхъ уступокъ послѣдовало примиреніе обонхъ слоевъ общества; выработались письменные законы, точнѣ опредѣлилось значеніе разныхъ государственныхъ должностей; но общественный строй оставался тотъ же. Приобрѣтенное плебеями право на всѣ должности способствовало лишь усиленію аристократіи; эта послѣдняя возродилась, не измѣняясь; число ея противниковъ уменьшилось, а сторонниковъ возрасло. Богатыя и значительныя плебейскія фамиліи смѣшались скорѣ со старыми фамиліями патриційскими и, смѣшавшись, стали раздѣлять мысли, вѣды и даже предразсудки послѣднихъ. Одинъ нѣмецкій ученый вѣрно замѣтилъ, что если съ паденіемъ царской власти, въ сенатѣ явилось болѣе плебеевъ, чѣмъ прежде, за то уже труднѣе было выказаться личному достоинству безъ помощи богатства и знатнаго происхожденія (1).

Чтобы сдѣлать оцѣнку какого-либо общества въ данное время— мало изучить его законы: надо также обратить вниманіе на состояніе нравовъ. Законы предписывали равенство и свободу, правы же предоставляли аристократіи всѣ почести и всѣ преимущества. Доступъ къ общественнымъ должностямъ былъ дозволенъ плебеямъ; но ихъ почти никогда не избирали въ эти должности. Въ теченіе пятидесяти-деяти годовъ, двѣсти шестьдесятъ-четыре военные трибуна замѣщали консуловъ, и въ числѣ ихъ насчитывается только восемнадцать плебейскихъ трибуновъ; когда плебеи добились консульства, выборъ все-таки гораздо чаще падалъ на патриціевъ (2). Еще задолго до 456 года бракъ плебеевъ съ патриціями дозволенъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе кастовыхъ предразсудковъ, матроны не допустили въ этомъ году въ храмъ Pudicitiae patriciae. патриціанку Виргинію за то, что она вышла замужъ за плебея Волумнія (3).

Законы покровительствовали свободѣ; но самое возобновленіе

(1) Mommsen: Römische Geschichte. I, 241, 2 изд.

(2) Въ 14 глѣтъ, 399—412, римляне допустили къ консульству лишь 6 плебеевъ.

(3) Титъ Ливій. X, XXIII.

такимъ законовъ дѣйствуетъ, что они не исполнялись. Такъ въ 305 году постановлено, что плебисциты имѣютъ силу законовъ, а между тѣмъ то же самое снова постановляется законами: Гертевіевымъ—466 года, и Меніевымъ—468. И сверхъ того, этимъ же послѣднимъ снова подтверждается и законъ Публіевъ 416 года. То же случилось и съ закономъ Валерія Публикола (246 года), который дозволялось апеллировать къ народу, по поводу приговоровъ должностныхъ лицъ. Ему, повидимому, дана сила Валеріемъ и Гораціемъ, въ 305 году, а позже Валеріемъ Корвономъ, въ 454 году. По этому поводу великій римскій историкъ говоритъ: «Я не иначе могу объяснить себѣ такое частое повтореніе одного и того же закона, какъ тѣмъ, что власть патриціевъ постоянно брала верхъ надъ народными вольностями» (1).

Допущеніе въ сенатъ плебеевъ признано въ принципѣ; между тѣмъ въ сенатъ можно было попасть не иначе, какъ получивши декретъ цензора, или же послѣ занятія курульной должности, а то и другое считалось принадлежностію одной лишь аристократіи. Законъ, постановлявшій, чтобы одинъ изъ цензоровъ былъ плебей, часто не исполнялся и, чтобы сдѣлаться цензоромъ, по большей части надо было быть консуломъ.

Всѣ должности были погодны; но трибуны и консулы заставляли избирать себя по нѣскольку разъ и чрезъ короткіе промежутки: такъ Лициній Столонъ избирался трибуномъ цѣлые девять лѣтъ сряду; Сульпицій Петивъ былъ консуломъ пять разъ (съ 390 по 403 годъ); Попилій Лена и Марцій Рутиль, оба по четыре раза: первый съ 395 года по 406, второй—съ 397 по 412. Напрасно закономъ 412 года установленъ десятилѣтній срокъ для занятія вновь кѣмъ-либо того же самаго мѣста; различныя лица все-таки снова избирались раньше истеченія этого срока: Валерій Корвъ—въ консулы шестикратно (съ 406 по 455 годъ), и въ послѣдніе три года—непрерывно; Папирій Курсоръ—пять разъ (съ 421 по 441).

Законъ защищалъ жизнь гражданъ; но общественное мнѣніе не имѣло силы заступиться за тѣхъ, кто дѣлался жертвою ненависти сената. Напрасно существовалъ законъ Валерія Публикола: насильственная смерть трибуна Генуція или же богатаго плебея Спурія Мелія встрѣчены съ одобреніемъ.

Комиціи почтались свободными. Но сенатъ умѣлъ пользоваться *veto* трибуновъ и религіозными предрасудками. Каждый консулъ могъ воспрепятствовать собранію или же сорвать его своимъ рѣшеніемъ: ему стоило только сослаться на сдѣланныя имъ

(1) Титъ-Ливій. X, IX.

наблюдения въ небѣ, или же онъ могъ объявить, что слышалъ ударъ грома, видѣлъ молнію, или другое какое небесное знаменіе; наконецъ отъ авгуровъ зависѣло отсрочить и самые выборы (1). Народъ собственно могъ только указывать тѣхъ, кого желалъ бы избрать на должностныя мѣста; но чтобы вступить въ самое управленіе, консулы и преторы должны были прежде быть утверждены куриями (*lex sigiata de impregio*) (2). И патриціи всегда могли устранять невыгодные для себя результаты выборовъ. Это выясняетъ и самъ Цицеронъ, хотя и старается выставить дѣло въ благопріятномъ для народа свѣтѣ: «предки ваши требовали двойной подачи голосовъ, замѣщая каждую изъ вашихъ должностей; если подачею голосовъ по куриямъ узаконили избраніе патриціанскихъ чиновниковъ, то, въ сущности, значить, произносили голоса во второй разъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ. И еслибы народу вздумалось раскаяться въ своемъ выборѣ, онъ всегда имѣлъ возможность отказаться отъ него» (3).

Диктатура въ рукахъ патриціа также была средствомъ уничтоженія оппозицій и вліянія на собранія.

Диктаторъ никогда не избирался, а назначался консуломъ. Въ одно какое-нибудь двадцати-шестилѣтіе, съ 390 по 416 годъ, перебувало восемнадцать диктаторовъ.

Несмотря на побѣды плебеевъ, сенатъ все-таки оставался всемогущимъ. Независимо отъ другихъ къ тому средствъ, онъ всегда могъ избѣгать рѣшеній плебейскихъ, потому что былъ ихъ исполнителемъ. При ограниченіи политической свободы господствующимъ классомъ, существовало еще большее ограниченіе свободы личной. Неголько всѣ члены семейства подчинялись неограниченной власти главы его, но еще и каждый гражданинъ обязанъ былъ подчиняться цѣлому ряду религіозныхъ установленій (4). Цензоръ слѣдилъ за ненарушимостью браковъ, за воспитаніемъ дѣтей, за тѣмъ, какъ обращались съ рабами и вліентами, какъ воздѣлывались поля (5). «Римляне не считали возможнымъ—гово-

(1) «Кто же не видитъ, что для авгуровъ весь порокъ диктатора (Марцелла) въ его плебейскомъ происхожденіи? (Титъ-Ливій. VIII, XXIII.—Цицеронъ: «О гаданіи». II, 35 и 37; «О законахъ». II, 18).

(2) Консулы и преторы тогда только могли созывать собранія, начальствовать войскомъ, судить гражданскія дѣла въ послѣдней инстанціи, когда были облечены въ *impregium* и получали, курийскимъ постановленіемъ, право дѣлать авспіи (*ius auspicioium*).

(3) «Вторая рѣчь объ аграрномъ законѣ», IX.

(4) Титъ-Ливій. IV, XXXI.

(5) Если какой либо гражданинъ уклонялся отъ набора, его имущество конфисковалось; когда же онъ не платилъ долговъ, продавали его самого въ рабство. Женщинамъ запрещалось употреблять вино (Поливій, VI, II); число при-

рять Плутархъ—предоставить каждому право свободно жениться, имѣть дѣтей, право избирать родъ жизни, давать пиры, наконецъ, право имѣть свои собственные вкусы и желанія: все подчинялось надзору и предварительному обсужденію» (1).

Тогдашнее положеніе Рима весьма походило на положеніе Англіи до ея избирательной реформы. Многіе уже вѣка прославлялась англійская конституція, какъ палладіумъ свободы, а между тѣмъ въ Англіи, какъ и въ Римѣ, только происхожденіе и состояніе давали право на почести и могущество. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ аристократія управляла выборами при помощи обмановъ, подкуповъ и такъ называемыхъ *блантажъ мѣстечекъ*; въ Римѣ избирались патриціи, въ парламентѣ—благородные; и въ обѣихъ странахъ тотъ, кто не былъ въ состояніи платить большой цenzъ, не былъ и гражданиномъ. Однако, было основаніе, почему англійская свобода прославлялась на безмолвномъ континентѣ, до 1789 года и именно въ то время, когда въ Англіи народъ не участвовалъ въ управленіи дѣлами. Постороннему наблюдателю все равно — велика или тѣсна сцена, гдѣ рѣшаются важные политическіе вопросы, много или немного актѣровъ; все равно — онъ будетъ пораженъ величіемъ зрѣлища. И мы далеки отъ того, чтобы осуждать высшіе классы Рима и Англіи за то, что они умѣли сохранить свое превосходство при тѣхъ средствахъ, какія давали имъ законы и обычаи! Власть должна была принадлежать патриціямъ до тѣхъ поръ, пока они были достойны ея; надо сознаться, что дѣло цивилизаціи не исполнилось бы безъ постоянства политики и безъ отличительныхъ качествъ аристократіи: высоты взглядовъ и непоколебимой, суровой добродѣтели.

Сначала V вѣка, республика, устроившись, начинаетъ пожирать плоды своихъ усилій. Сплотившись внутренно, римляне обращаютъ, на будущее время, всю свою дѣятельность къ завоеванію Италіи, на что, однако, надобится около столѣтія. Возбуждаемые своими учрежденіями, направляемые своею умною аристократіею, римляне явятъ въ себѣ удивительный примѣръ народа, сохраняющаго, во имя свободы и среди всякихъ волненій, ту систему, которая сдѣлаетъ ихъ всесвѣтными владыками.

глашаемыхъ на пиры гостей было ограничено (Атены. VII, XXI, стр. 274). Должностныя лица могли принимать приглашенія на пиры только отъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ (Аль-Геллій. II, XXIV.—Макроній. II, XIII). Бракъ съ плебейкой или иностранкой сопровождался разными стѣсненіями; съ рабой же или отпущенницей онъ запрещался вовсе. Безбрачіе, въ извѣстные годы, называлось пеней (Валерій Максимъ. II, IX, I. Существовали правила относительно траура и похоронъ (Цицеронъ: «О законахъ». II, 24).

(1) Аль-Геллій. IV, XII.

АЗАРТНЫЯ ИГРЫ ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ.

Азартная игра и пьянство—вотъ два любимыя занятія русскихъ. Если исторія русскаго пьянства составляетъ немаловажную страницу въ исторіи нашей цивилизаціи, то по всей вѣроятности, такая же страница должна быть отведена и азартнымъ играмъ. Если доходъ съ вина составляетъ одну треть всего государственнаго дохода, то убытокъ отъ азартныхъ игръ, мы полагаемъ, составитъ другую треть народнаго расхода, бросаемаго на вѣтеръ. Поэтому мы думаемъ, что исторія азартныхъ игръ не лишена интереса для насъ, русскихъ.

Игры, извѣстныя уже съ незапамятныхъ временъ, представляютъ собою три различныя формы: *игры чисто-азартныя*, которыми управляетъ только случай; *игры, требующія соображеній и умннн*, и, наконецъ, *игры смѣшанныя, основанныя на случайности и на разсчетъ*.

Чѣтъ и нечѣтъ и кости считаются древнѣйшими азартными играми, *шахматы*—древнѣйшей игрой, требующей соображеній, и *триктракъ*—древнѣйшей смѣшанной игрой, въ которой случай соединенъ съ разчетомъ.

Во всѣ времена и въ каждой странѣ, страсть къ играмъ росла и развивалась съ ужасающей силой и была источникомъ многихъ бѣдствій. *Индійцы*, вопреки самыхъ страшныхъ карательныхъ законовъ, запрещающихъ игру, проигрываютъ своихъ женъ и дѣтей; *цейлонцы* до того страстны къ играмъ, что немѣющіе денегъ играютъ на свои собственные члены: уши, носъ, руки, ноги; *зунны* ставили на конъ самихъ себя и проигрывавшій дѣлался рабомъ выигравшаго или лишалъ себя жизни, оставляя счастливому сопернику своего коня и доспѣхи.

Въ Греціи *Фемистоклъ* настаивалъ, чтобъ всѣмъ гражданамъ, занимающимъ какія либо общественныя должности въ республикѣ, было воспрещено, подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній, принимать участіе въ какой либо азартной игрѣ, въ томъ убѣжденіи, что за играющаго въ такую игру нельзя поручиться,

чтобъ онъ не проигралъ когданибудь денегъ, вѣренихъ ему обществомъ. *Спартамимъ*, вида зло, бѣдствія и раздоры, которые были слѣдствіемъ игры, изгнали ее изъ своихъ предѣловъ. У *римлянъ* игра была строго запрещена, и *Катонъ* (цензоръ) не переставалъ на форумѣ повторять: «Граждане, бойтесь игры хуже огня!» И несмотря на это, нигдѣ не предавались азартной игрѣ съ такимъ, можно сказать, неистовствомъ, какъ въ Римѣ. *Августъ* очень любилъ игру; *Неронъ* ставилъ на кости въ одинъ ударъ 400,000 сестерій; *Клавдій* игралъ вездѣ, гдѣ только могъ; *Юсманъ* всюю силою своего краснорѣчія возстасть противъ игроковъ, которые брали съ собою кости даже въ засѣданія сената и на форумѣ. *Гораций* въ своихъ сатирахъ упоминаетъ объ одномъ старикѣ *Валлагеріусъ*, который до того былъ пристрастенъ въ азартной игрѣ, что страдая нагагрою и не будучи въ состояніи владѣть руками и держа въ корнетѣ, нанималъ раба и заставлялъ его играть вмѣсто себя.

По свидѣтельству *Тацита*, германцы до того любили игру, что часто ставили на конъ свою свободу и даже жизнь. Въ *Неаполѣ* еще и теперь лодочники, не имѣя денегъ, проигрываютъ самихъ себя и отдаются выигравшему въ работу на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ *Генуѣ*, *Миланѣ*, *Флоренціи* и другихъ городахъ Италіи игра была запрещена, но въ ней принимали участіе самыя значительныя лица, подавая пагубный примѣръ и простому народу играть и проигрывать заработанныя деньги, такъ что эти бѣдные люди и семейства ихъ часто оставались безъ куска хлѣба. У всѣхъ народовъ, послѣдователей Магомета, дозволена только одна игра, *шахматы*, но и они тайкомъ играютъ и въ другія азартныя игры, *кости*, *чѣтъ* и *нечѣтъ* и въ *три мста*.

Законы римскіе, сначала весьма строгіе въ отношеніи всѣхъ игръ въ деньги, не признавали игорныхъ долговъ и даже заставляли возвращать выигранныя деньги. Сдѣлавшись менѣе строгими при Юстиніанѣ, они опредѣляли однакоже, чтобъ ставка въ дозволенныхъ играхъ никогда не превышала одной золотой монеты, и обязывали полицію наблюдать, чтобъ всѣ деньги, проигрываемыя въ азартныя игры, были конфискованы и обращаемы на публичныя работы. Такіе же законы были часто постановляемы многими французскими королями: такъ *Карль-Великій* въ своихъ Капитуляріяхъ, строго запрещаетъ всякую азартную игру и нарушителя подвергаетъ отлученію отъ церкви.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ, по свидѣтельству лѣтописей и современныхъ писателей, страсть къ азартной игрѣ развилась въ огромныхъ размѣрахъ; даже духовныя лица предавались ей съ каинь-то неистовствомъ, такъ что Лудовикъ VIII, съ согласія вно-

тѣхъ дуковникъ самовниковъ и наин, издавъ противъ игроковъ самыя жестокія постановленія. Ригдари въ дни перемирія занимались только игрою въ кости, проигрывали даже свои владѣнія и земли, гдѣ оставались ихъ жены и семейства. При *Карлѣ VII*, игра во Франціи была въ страшномъ разгарѣ, и въ томъ самомъ дворцѣ, откуда исходили противъ игроковъ самыя строгія законы, шутъ короля въ 1391 году изобрѣлъ особаго рода карты для развлечения своего несчастнаго, безумнаго государя.

Жакминъ Гренонеръ, королевскій шутъ и живописецъ, не изобрѣлъ, какъ многіе полагаютъ, карты, но только измѣнилъ ихъ. Начало картъ теряется во мракѣ вѣковъ; онѣ были извѣстны въ Китаѣ, задолго до Рождества Христова, вырѣзывались на дощечкахъ и разрисовывались разными красками. Во Франціи карты были въ употребленіи еще въ началѣ XIII вѣка. Это видно изъ одного постановленія *Людвика-Святаго*, изданнаго въ Парижѣ въ 1234 году, по которому всѣ играющіе въ карты осуждались на публичное наказаніе розгами. Но кажется, постановленіе это вопреки, а даже, можетъ быть, и въ слѣдствіе своей излишней строгости, оставалось безъ исполненія; этому служитъ доказательствомъ эдиктъ Карла V отъ 1369 года, которымъ запрещались многія изъ азартныхъ игръ.

Карты, употребляемыя нынѣ, были изобрѣтены или, вѣрнѣе, усовершенствованы въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія. Карты добряка *Гренонера* имѣли до 92 сантиметровъ длины, и потому были неудобны для игры; впрочемъ, цѣль Гренонера была совсѣмъ другая; онъ даже и не помышлялъ о томъ, чтобъ его карты были пригодны для игры, а хотѣлъ только развлечь ими своего бѣднаго короля. На картахъ Гренонера, состоявшихъ изъ фигуръ, тузовъ и восьмерки, только одинъ бубновый король, изображавшій короля Карла VI, имѣлъ королевскую корону, въ той формѣ, кака въ то время была принята для нея (*); всѣ другіе короли имѣли короны герцогскія. Валеты изображали вліятельныхъ въ ту эпоху придворныхъ, дамы—фрейлинъ королевскія; а *тиковая дама*, имѣвшая на головѣ высокую шапку и надъ нею корону, а на ногахъ, вмѣсто пальцевъ, дьявольскіе когти, изображала королеву Изабеллу Баварскую (*Isabeau de Bavière*).

Другіе сдѣлали то, что не входило въ соображенія бѣднаго шута; около этого же времени въ Парижѣ отель Нельскій (*Hotel de Nesle*) сдѣлался мѣстомъ, гдѣ въ первый разъ стали употреблять для азартной игры карты, изобрѣтенныя Гренонеромъ, из-

(*) Нынѣшняя форма королевскихъ и императорскихъ коронъ принята гораздо позже, именно при Карлѣ VIII, и около этого же времени вошло въ употребленіе говорить императорамъ и королямъ: ваше величество.

жизнь ихъ форму и дополнявъ самую числительность картъ до двойки. Отель этою скоро сдѣлался притономъ разврата всѣмъ возможнымъ чувственнымъ наслажденіямъ и явваго мошенничества; игра шла въ немъ самая адская и онъ сдѣлался непріищемъ страшныхъ сценъ и кровавыхъ катастрофъ.

Нѣсколько вѣковъ спустя, картамъ, которыя успѣли уже распространиться повсюду и овладѣли всѣмъ обществомъ, пытались придать особенное значеніе, увѣряя, что онѣ скрывали въ себѣ алегорическій смыслъ и были изобрѣтены съ благою цѣлью. Почтенные отцы іезуиты приняли на себя трудъ доказать это, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ поддерживали свою мысль:

«*Тузъ* (As), полатыни означаетъ монету; тузы почти во всѣхъ играхъ имѣютъ преимущество даже предъ королями, и это означаетъ, что деньги составляютъ главную основу государственнаго благосостоянія; что онѣ особенно нужны во время войны, такъ что если король не имѣетъ денегъ, то могущество его ничтожно.

«*Масть тrefовая*—трава (le trefle—трилистникъ), растущая въ изобиліи на всѣхъ поляхъ, напоминаетъ, что искусный и опытный полководецъ никогда не долженъ располагать свою армію тамъ, гдѣ предвидится недостатокъ въ продовольствіи и въ подожномъ кормѣ.

«*Пики* (Les Piques) и *бубны* (Les Carreaux) обозначаютъ, что для успѣха войны, арсеналы и вообще военные склады должны быть хорошо снабжены всякаго рода оружіемъ. Всѣмъ извѣстно, что такое *пики* и какое это оружіе; что же касается до масти бубновой, пофранцузски *Les Carreaux*, то это въ старину были тяжелыя стрѣлы съ четыреугольнымъ желѣзнымъ наконечникомъ.

«*Черви*, пофранцузски *Les Coeurs*, обозначаютъ мужество и храбрость вождей и воиновъ. *Давидъ*, *Александръ*, *Цезарь* и *Карлъ-Великій* стоятъ во главѣ каждой масти и свидѣлствуютъ, что какъ бы ни были храбры и мужественны войска, имъ необходимо мудрыя и опытные предводители. Жизнь этихъ предводителей драгоцѣнна; надобно всячески стараться, чтобъ они не попали въ руки непріятеля; поэтому въ пикетъ и другихъ играхъ необходимо оставлять при короляхъ другія карты той же масти, въ родѣ ассистентовъ, чтобъ короли, будучи одиноки, не погибли.

«*Анаграмма Аргина* (Argine), названіе тrefовой дамы, означаетъ *Regina*, т. е. королева — это *Марія Амжуйская*, супруга Карла VII. *Рашель*, дама бубновая—*Анесса Сорель*; *Паласъ* (Pallas), дама пиковая—*Іоанна д'Аркъ*; наконецъ, *Іудифъ* (Judith), дама червонная — царица сердцець, *Изабелла баварская*, супруга Карла VI».

«Валеты *итозовы* и *трефовы* изображаютъ: первый—*Оазисъ*, второй—*Данколата*, двухъ храбрыхъ рыцарей Карла-Великаго. *Лазуръ*—валетъ червленый и *Гекторъ*—валетъ бубновый, два великіе полководца Карла VII. Эти четыре валета изображаютъ тоже древнее французское дворянство; прочія затѣмъ карты, отъ десятки до двойки—простыхъ воиновъ и народъ».

Изъ этого слѣдуетъ, что почтенные отцы іезуиты были на всѣ руки, и въ глубокихъ своихъ изысканіяхъ не ограничивались только одними религіозными предметами.

При *Генрихѣ III*, послѣднемъ изъ дома Валуа, всѣ строгія постановленія противъ азартныхъ игръ предшественниковъ его, Карла VIII и даже Карла IX, его роднаго брата, оставались мертвою буквою. Самъ король страстно любилъ игру, а миньоны его усердно въ томъ ему потворствовали и проводили цѣлыя ночи въ Луврѣ за картами.

Генрихъ IV, этотъ столь мудрый и бережливый король, *Марія Медичи*, герцоги *Гизъ*, *д'Эпернонь*, *Жуаньи*, *Бассомпьеръ* (*) были страстными любителями игры. Самъ король потворствовалъ этой страсти, и всѣ эти гордые и важные вельможи, такъ величавшіея своими громкими именами и феодальными правами, не стыдились унижаться до того, что явно плутовали и употребляли всевозможныя шулерскія уловки, чтобъ обыграть своего противника.

Кардиналъ Мазарини примѣромъ своимъ поддерживалъ при дворѣ регентши Анны Австрійской самую чудовищную игру, строго запрещенную незадолго предъ тѣмъ королемъ Лудовикомъ XIII. Онъ даже самъ выдумалъ новую игру хокъ (Нос). Скупой и жадный къ деньгамъ до скаредности, онъ проигрывалъ огромныя суммы, разумѣется, не свои собственныя, а деньги Франціи, и въ то же время заставлялъ малолѣтнаго Лудовика XIV, въ его сенжерменскомъ дворцѣ, нуждаться въ самомъ необходимѣйшемъ, даже въ обуви. Мазарини былъ извѣстенъ, какъ самый отъявленный шулеръ; всѣ придворные, толпившіеся каждый вечеръ въ его гостинныхъ, знали это; но какъ въ его рукахъ была вся власть, то всѣ они подличали предъ нимъ и проигрывали ему свои деньги, въ надеждѣ получить потомъ разныя выгодныя и значительныя мѣста (**).

При Лудавикѣ XIV игра при дворѣ и въ высшихъ кругахъ общества шла своимъ чередомъ. При дворѣ были назначены особые дни, въ которые вся толпа придворныхъ собиралась на по-

(*) Записки *Бассомпьера* и *Сюлли*.

(**) Мемуары герцогини де-Шеврѣвъ.

ловину королевы. Дни эти назывались *Le jeu de la Reine*; тамъ играли въ *триктракъ*, который особенно любилъ король, въ *бакара*, родъ ландскнехта, въ *биреби*—подобіе рулетки, только безъ колеса, которое замѣнялъ мѣшокъ съ нумерами, число конхъ составляло 68, и выигравшій, т.-е. угадавшій какой нибудь номеръ, получалъ въ 64 раза болѣе своей ставки, всѣ остальные проигрывали. Кромѣ этихъ азартныхъ игръ, играли и въ другія, и въ томъ числѣ въ *ландскнехтъ*. Эту игру въ особенности любили королевскіе мускетеры, и тогдашній ландскнехтъ былъ гораздо сложнѣе нынѣшняго (*). Впослѣдствіи министръ Кольберъ запретилъ ее, она долго была въ забвеніи, и только въ наше время опять вошла въ употребленіе, значительно измѣненная.

Нельзя сказать, чтобъ даже при дворѣ игра была всегда чиста; всѣ эти герцоги, маркизы, графы и виконты одни передъ другими плутовали на славу.

По обычаю и церемоніалу того времени, во дворѣ французскому имѣли право быть представлены всѣ дворяне, доказавшіе свое дворянство до 1399 года—эпохи, въ которую послѣдовало первое возведеніе въ это достоинство властію короля. Дворянство это называлось *Noblesse d'ancienne Roche*, и всѣ его представители имѣли право, какъ тогда выражались, *monter dans les Carrosses du Roi*. Желаніе быть представленными королю и имѣть право во всякое время, безъ особаго приглашенія, посѣщать дворъ, составляло для провинціального дворянства лакомую приманку. Со всѣхъ концовъ Франціи дворяне эти съѣзжались въ Парижъ и въ Версаль, чтобъ имѣть счастье лицезрѣть великаго *солнце-короля*. Тамъ-то, въ разолоченныхъ салонахъ Версаля и въ аристократическихъ отеляхъ Парижа, увлекаясь общимъ примѣромъ, дворяне эти играли и часто проигрывали огромныя суммы, которыя должны были пополнять несчастные ихъ вассалы, жившіе на ихъ земляхъ. Случалось часто, что какой нибудь проигравшійся въ пухъ маркизъ или виконтъ возвращался въ свой наслѣдственный замокъ, не имѣя въ карманѣ ни одного ливра, и тотчасъ же облагали своихъ бѣдныхъ, почти совершенно разоренныхъ крестьянъ новыми налогами и податями, не обращая вниманія на то, что этимъ несчастнымъ часто не оставалось чѣмъ прокормить свою семью.

Лудовикъ XIV, помня времена фронды, всегда стремился къ тому, чтобы въ высшемъ французскомъ дворянствѣ уничтожить тотъ духъ феодализма, который еще таился въ немъ. Прежде него *Лудовикъ XI* и *Ричилье* также пытались достигнуть этого,

(*) Мемуары герцога Сен-Симона..

и для приведенія въ исполненіе своего плана прибѣгали къ сѣ-
нирѣ палача, скосившей столько знаменитѣйшихъ головъ Франціи.
Лудовикъ XIV употребилъ другое средство, не столь жестокое:
онъ задумалъ изъ прежнихъ непокорныхъ и гордыхъ феодаловъ
сдѣлать придворныхъ. Великолѣпіемъ своего двора, разными по-
четными и чисто номинальными должностями при своей особѣ,
дававшими особыя права и почести тѣмъ, кто носилъ ихъ, раз-
дачею титуловъ и орденовъ, льстившихъ тщеславію, часто даже
деньгами, привлекъ онъ въ Версаль несметную толпу этихъ но-
билей, которые ожидали всего только отъ его прихоти и милос-
стей. Скоро посреди пышныхъ и великолѣпныхъ праздниковъ
Версаля и Марли и разныхъ интригъ, неразлучныхъ съ жизнью
при дворѣ, забыли они о своихъ уединенныхъ, часто неудоб-
ныхъ для житія феодальныхъ замковъ и о правахъ, соединен-
ныхъ съ ними, и сдѣлались во всей силѣ слова придворною че-
лядью. Пробѣгая записки и мемуары того времени, дивнисься, до
какой степени упало это гордое французское дворянство, еще не
такъ давно ставившее себя выше всѣхъ. Какими пошлыми мело-
чами оно занималось, сколько низостей и всякаго рода подлыхъ
интригъ употребляло, чтобъ добиться кадаго нибудь значитель-
наго мѣста при дворѣ или удостоиться ласковаго взгляда или
слова, не только отъ короля, но и его фаворитокъ. Не было та-
кого низкаго поступка, на который не рѣшился бы почти всякій
герцогъ, маркизь или графъ, чтобъ имѣть возможность залу-
стить лапу въ королевскую казну или добыть во что бы то ни
стало какъ можно болѣе денегъ; а какъ игра представляла къ
тому иногда легкій способъ, особенно при разныхъ шулерскихъ
продѣлкахъ, которыми не гнушался почти никто, то всѣ они,
отъ перваго до послѣдняго, предавались игрѣ съ неистовствомъ.
Огромные долги обременяли почти все тогдашнее высшее фран-
цузское дворянство, и тотъ, кто успѣвалъ приобрѣсти благосклон-
ность или милость, сначала *маркизи де-Монтеспанъ*, а потомъ
маркизи Ментенонъ, фаворитокъ короля, на того сыпались и
почести, и ордена, и титула, и деньги, которыя большею частью
пожирались игрою.

При старости Лудовика XIV, игра въ Парижѣ приняла самыя
страшныя размѣры въ разныхъ клубахъ, которые были учреж-
дены единственно для азартной игры. Въ числѣ ихъ первое мѣсто
занималъ *клубъ Тампльеровъ*, гдѣ главными членами были знаме-
нитѣйшіе вельможи двора: *герцогъ Грамонъ*, *кавалеръ де-Гизъ*,
потомокъ знаменитаго Гиза, прозваннаго *le Balafre*, начальни-
ка при Генрихѣ III, *герцогъ Витри*, *Манниканъ*, геркулесъ по
тѣмъсловенію и бездонная бочка, въ которую можно было лить

свадьмо угодно вина, и многіе другіе. Клубъ этотъ, гдѣ царствовала самая неистовая игра, пьянство и самый циническій развратъ, обратилъ, наконецъ, на себя вниманіе правительства, и по повелѣнію короля его велѣно было закрыть, а члены его были на нѣкоторое время удалены отъ двора; кавалеръ Гизъ, о которомъ мы упомянули, гордился титуломъ перваго развратника своего времени, и дѣйствительно былъ какой-то воплощенный дьяволъ. Это тотъ самый Гизъ, который принималъ участіе въ революціи, вспыхнувшей въ Неаполѣ и возведшей на тронъ *рыбака Масаниело*. Гизъ мечталъ, что самъ достигнетъ короны. Этого же Гиза общая молва обвиняла въ отравленіи *Генриэтты*, вдовствующей королевы, супруги несчастнаго Карла I англійскаго; но какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ *оттому добити* (*Le Grand Dauphin*) и его любимцемъ, то покровительство этого принца избавляло его отъ преслѣдованій.

Извѣстно, что Лудовикъ XIV уснобилъ всѣхъ своихъ побочныхъ дѣтей, которыхъ имѣлъ отъ *герцогини Лавальеръ* и *маркизы Монтеспанъ*. Всѣ они носили титулъ принцевъ крови и названіе *Enfants de France*. Первый изъ нихъ по времени рожденія былъ *графъ Вермандуа*, сынъ Лавальеръ; сходство его съ королемъ было изумительное. Этотъ молодой человекъ, прекрасный по наружности и по качествамъ души, былъ ненавидимъ и дофинномъ, и маркизой Ментенонъ, сосредоточившей всю свою любовь на другомъ побочномъ сынѣ короля, *герцогъ Менскомъ* (*Duc de Maine*), отъ маркизы Монтеспанъ (*), у которой она была наставницею при дѣтяхъ и носила скромный титулъ *вдовы Скаронъ*. Дофинъ и маркиза Ментенонъ употребили всѣ средства, чтобъ очернить въ глазахъ короля графа Вермандуа, котораго онъ любилъ нѣжно. Гизъ взялся посвятить его во всѣ таинства разврата, и до того успѣлъ своею врандчивостью и истинно дьявольскою хитростью овладѣть несчастнымъ принцемъ, что тотъ впродолженіе нѣкотораго времени совершенно подчинился его вліянію. Гизъ научилъ его играть въ карты и пьянствовать, и однажды умекъ его, ночью насильно, въ клубъ Тампьеровъ. Тамъ, окруженный всякаго рода соблазнами, графъ Вермандуа, по примѣру другихъ членовъ, пилъ безъ мѣры — къ вину подмѣшали какое-то зелье, и принцъ, отуманенный винными парами, былъ приглашенъ попробовать счастья. Можно себѣ представить, чтѣ изъ этого послѣдовало: принцъ игралъ цѣлую ночь, пока не свалился подъ столъ и проигралъ *милліонъ мерговъ*. Объ этомъ скандалѣ постарались довести до свѣдѣнія короля, и графъ Вермандуа былъ

(*) Замиски герцога Сен-Симона, Ришелье и другихъ.

сосланъ въ Фонтенебло, куда повременамъ наѣзжалъ и дофинъ. Тамъ оба принца встрѣтились въ паркѣ, между ними завязалась ссора, которая кончилась пощечной, данной графомъ дофину.

Дофинъ бросился къ королю и принесъ формальную жалобу за нанесенное оскорбленіе ему, наслѣднику престола Франціи. Лудовикъ XIV былъ поставленъ въ страшное положеніе, не зная, что дѣлать. Дофинъ требовалъ примѣрнаго наказанія и не отступалъ отъ своей жалобы, несмотря на всѣ убѣжденія короля оставить это дѣло въ тайнѣ. Но дофинъ зналъ, что подобное обстоятельство не могло остаться въ тайнѣ и непременно разнеслось бы при дворѣ. Драться на дуэли онъ не соглашался, какъ первый принцъ крови, а болѣе изъ трусости, несмотря на вызовъ графа Вермандуа.

Собрали тайный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе король, дофинъ, маркиза Ментенонъ, графъ Лувуа и отецъ Лашезъ, духовникъ королевскій. Госножа Ментенонъ и Лувуа настаивали на смертной казни, но король не соглашался, въ этомъ поддерживалъ его и Лашезъ. Но надобно было чѣмъ нибудь кончить это щекотливое дѣло. Тогда, по совѣту Лувуа, рѣшили послать графа Вермандуа въ армию, сражавшуюся противъ испанцевъ, чтобы тамъ въ какой нибудь стычкѣ онъ могъ быть убитъ. Въ самомъ же дѣлѣ между Лувуа и королемъ было условлено только объявить, что принцъ убитъ и обречь его на вѣчное заточеніе. Порученіе это, по выбору Лувуа, было дано кавалеру Гизу, который вмѣстѣ съ принцемъ, какъ участникъ въ скандалѣ, случившемся въ клубѣ Тампьеровъ, и какъ опальный, отправился въ армию. Вскорѣ при дворѣ было объявлено, что графъ Вермандуа въ одной стычкѣ убитъ; въ самомъ же дѣлѣ Гизъ, согласно данной ему инструкціи, отвезъ принца на островъ св. Маргариты и передалъ его въ руки губернатора Сен-Марса. Вотъ по повѣстнымъ изысканіямъ или, лучше сказать, предположеніямъ, разгадка тайны—*железной маски* (*).

Въ эпоху регенства *Филиппа Орлеанскаго*, игра въ карты и кости нисколько не ослабѣла; ей предавались, особенно придворные, съ такимъ же увлеченіемъ и страстью, какъ и прежде. Скоро однакоже другаго рода игра, не менѣе азартная, овладѣла массой парижской публичности и всею Франціей.

Продолжительное, болѣе полувѣковое царствованіе Лудовика XIV; огромные расходы, употребленные имъ на построеніе Вер-

(*) *Jacques Bibliophile: Le Comte de Vermandois*. Подъ этимъ названіемъ есть романъ, но въ немъ нѣтъ ни слова о железной маскѣ. Въ 1853 году намъ случайно попалась въ Діонѣ небольшая брошюра подъ этимъ же названіемъ и того же автора, на которую мы и ссылаемся.

саги и Марли; необъяснимая пышность двора; ненасытная жадность придворныхъ, считавшихъ государственную казну какъ-бы своею собственностью; неспособность министровъ послѣ Коллѣбера; потворство ихъ всѣмъ, кто имѣлъ при дворѣ значеніе; несчастныя войны, ознаменовавшія послѣдніе годы царствованія великаго короля, наконецъ отмѣна *нантскаго эдикта*, лишившая Францію до миліона самыхъ трудолюбивыхъ и полезныхъ своими ремеслами гражданъ—все это разстроило до чрезвычайности финансы и ставило одну изъ древнѣйшихъ монархію Европы въ самое затруднительное, почти безвыходное положеніе.

Филитъ Орлеанскій былъ человѣкъ большого ума, проницательный и съ блестящими способностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнивый, беспечный и развратный; преданный всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ и даже страсти къ вину; онъ большую часть своего времени проводилъ въ шумныхъ оргіяхъ, окруженный своими любовницами и короткими друзьями, наврагавшими всѣ свои умственные способности, чтобъ придумать какое нибудь новое, еще неиспытанное наслажденіе, какъ бы уродливо и безнравственно оно ни было. Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ, и еще болѣе его развратный министръ *аббатъ Любуа*, не были въ состояніи поправить разстроенныя дѣла Франціи. Скоро въ государственной казнѣ не оказалось денегъ для покрытія самыхъ необходимыхъ потребностей монархіи; дефицитъ все увеличивался въ ужасающихъ размѣрахъ и угрожалъ совершеннымъ банкротствомъ.

Тогда ко двору регента явился шотландецъ *Лоу* и предложилъ ему новую финансовую систему, состоявшую въ основаніи частнаго банка, вынустивъ асигнаціи и учрежденіи миссисипійской компаніи на акціяхъ. Предложеніе его было принято. Вся Франція какъ-бы ошалѣла, всѣ съ невѣроятнымъ безуміемъ бросились приобрѣтать асигнаціи и акціи, и цѣны на нихъ поднялись до чудовищныхъ размѣровъ. Улица *Квинсавройа* (*Quinssavoix*), гдѣ продавались акціи и находился Лоу, съ разсвѣта до полуночи была запружена народомъ; тамъ происходили страшныя сцены, и улица эта сдѣлалась мѣстомъ воровства, грабежа и даже убійствъ. Скоро однакоже горячка эта простыла, нѣкоторые изъ болѣе благоразумныхъ владѣтелей асигнацій и акцій стали сбывать ихъ, онѣ начали падать, падали съ невѣроятной быстротой, всѣ во что бы то ни стало, старались продать ихъ, и онѣ упали наконецъ совершенно. Ужасъ объятъ всѣхъ, всѣмъ грозило кощунное разореніе. Лоу, преслѣдуемый всеобщаю ненавистью, долженъ былъ бѣжать; и финансовыя дѣла Франціи пришли еще въ худшее чѣмъ прежде положеніе.

Итакъ, какую бы форму ни приняла игра—форму картъ, костей или биржевыхъ спекуляцій—натура человеческая, жадная къ приобритенію, всегда предается ей съ необузданною страстью.

Въ царствованіе Лудовика XV, игра продолжала саврѣнствовать при дворѣ, но уже не съ такою силой. Большая часть дворянства разорилась въ концѣ отъ спекуляцій, которыми предалось съ такимъ безумнымъ увлеченіемъ при Лоу; огромные долги обременяли почти всѣхъ, кредитъ совершенно пропалъ, ростовщики отдавали свои деньги за чудовищные проценты и то неначе, какъ съ самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ. Король былъ скуенъ, и рѣдко удѣлялъ своимъ придворнымъ какую-нибудь ленту изъ государственной казны, которая была крайне истощена. Къ тому же ему самому были нужны деньги. *Герцогиня Шатору, маркиза Помпадуръ* и *графиня дю-Бари* — этоя триумвиратъ котлионовъ или юбокъ, какъ называлъ его Фридрихъ-Великій—стоили ему недешево, а потомъ знаменитый *Parc aux cerfs* поглотилъ невѣроятныя суммы. Французская монархія видимо шла къ своей гибели; народъ, обремененный страшными налогами, начиналъ уже роптать; развратъ охватилъ все общество; всѣ религіозныя понятія были извращены; множество книгъ и сочиненій, проникнутыхъ духомъ отрицанія всего святаго и полныя новыхъ идей о гражданскомъ устройствѣ общества, стали появляться повсюду, и въ такомъ-то положеніи корона Франціи досталась честному, доброму, благородному, но слабому по характеру Лудовику XVI.

Король своимъ примѣромъ старался, сколько могъ, ослабить игру при своемъ дворѣ. Самъ онъ никогда не игралъ иначе, какъ только въ коммерческія игры и по самой низкой цѣнѣ; азартная же игра была совершенно изгнана изъ версальскаго дворца. Но зато въ Парижѣ расплодилось множество клубовъ и кофейнъ, гдѣ игра эта царствовала попрежнему. Въ это время пѣвчо *Азонъ* изобрѣлъ *Trente et Quarante* и устроилъ въ Парижѣ въ старинномъ суассонскомъ отелѣ родъ клуба, называвшагоса *Cercle*, куда собирались всѣ отъявленные игроки и люди страстные къ игрѣ и жаждавшіе обогащенія. Въ этомъ притонѣ и другихъ подобныхъ ему игорныхъ домахъ не было никакого надзора со стороны полиціи. Въмсто ея были *собаки* (*Les chiens*). Такъ назывались люди, большею частью изъ отставныхъ военныхъ авантюристовъ — бретѣровъ, для которыхъ дуэль была ремесломъ. *Собаки* эти состояли на жаловань содержателя клуба, и были обязаны во мановенію своего патрона затѣвать ссоры съ посѣтителями, жаловавшимися и кричавшими, что ихъ обиграли навѣрное. Слуталось даже, что этимъ бывшимъ служителямъ Марса поручалось иногда *заставить замолчать* безпокойна-

го игрова и себамъ распорядились такъ, что тотъ *умоляла на-себѣ*.

Но надъ Франціей висѣла уже грозная туча; долго собиралась она, чреватая всѣми неуродами, всѣми притѣвленіями, которыя терпѣлъ народъ въ теченіе почти 1,000 лѣтъ, и наконецъ разразилась страшною бурей, сокрушившею въ своемъ вихрѣ все: и прежній порядокъ, и законы, и религію, и самый тронъ.

Конституція 1791 года возобновила, относительно азартныхъ игръ и фальшивыхъ игроковъ, нѣкоторыя изъ постановленій падшей монархіи, и со стороны полиціи были приняты довольно строгія мѣры надзора за игорными домами; но несмотря на всю бдительность полиціи, дома эти продолжали процвѣтать и умножались безпрестанно. Тогда, для уничтоженія этихъ тайныхъ притоновъ игры и всякаго разврата, признали нужнымъ допустить учрежденіе публичныхъ игорныхъ домовъ, гдѣ игра производилась бы по-крайней-мѣрѣ безъ фальши, подъ надзоромъ правительства.

Братья *Перены* изъ Ліона были первые, которымъ парижская коммуна (la Commune), съ разрѣшенія правительства, отдала на откупъ игорные дома. Въ Пале-Роялѣ, по галереѣ Валуа, были открыты богатное казино, освѣщенные при входѣ фонарями, на которыхъ были выставлены крупными красными цифрами номера 9, 113 и 151. Номеръ 113 былъ тотъ, гдѣ велась самая высокая игра. Кромѣ Пале-Рояля, *академіи игры* (Academies du jeu), какъ онѣ назывались тогда, были открыты и въ другихъ частяхъ города. Извѣстнѣйшія изъ нихъ были *Фраскати* и академія *Феральской набережной* (Quai de Ferraille). Эта послѣдняя была учреждена собственно для низшаго класса публики и въ ней допускалась ставка въ *пять су*, немного болѣе нашихъ пяти копеекъ. Туда собирался во множествѣ весь обрванный людъ Парижа. Братья Перены были также первые, которые ввели въ эти игорные дома *рулетку*, главною же игрою въ нихъ была *Trente et Quarante*.

Эти Перены, имѣвшіе у себя на откупъ всѣ игорные дома Парижа до 1817 года, оставили свое ремесло, наживъ огромное состояніе и удалились на родину. Въ этомъ году право на содержаніе игорныхъ домовъ было отдано компаніи, во главѣ которой стояли *Беназе* и *Брисоль*, съ обязанностью платить городу 6 миліоновъ франковъ, кромѣ того отдавать въ его же пользу *десять третей съ чистого выигрыша*. При такихъ условіяхъ надзоръ полиціи былъ уже очень слабъ. Въ игорныхъ казино, гдѣ прежде не допускались никакія особенныя примавки, явились разнаго рода угощенія и толпа женщинъ извѣстнаго ремесла, привлекавшихъ

своею часто поддѣльною красотою толпы молодыхъ и даже пожилыхъ людей. Игра закипѣла съ ужасающею яростью, и эти, можно сказать, адскіе притоны, арена самой необузданнѣйшей изъ страстей человѣческихъ, бывали часто мѣстомъ страшныхъ катастрофъ и конечнаго разоренія многихъ тысячъ семействъ.

Зло это достигло наконецъ такихъ размѣровъ, что испугало правительство и въ 1838 году, по предложенію герцога *Дорашфуко*, король *Людвигъ-Филиппъ*, декретомъ отъ 1 января, закрылъ въ Парижѣ и во всей Франціи всѣ игорные дома и запретилъ всякаго рода азартныя игры. Еще прежде, закономъ отъ 21 мая 1836 года, были уничтожены во Франціи всякаго рода лотереи.

Хотя этою энергической мѣрой горячка игры и была нѣкоторымъ образомъ остановлена и прервана, но не излечена совершенно. Болѣзнь измѣнила только форму. Страсть къ приобрѣтенію и жажда денегъ заставили обратиться въ другую сторону и *биржа* сдѣлалась мѣстомъ, гдѣ закипѣла игра въ другомъ видѣ и въ гораздо большихъ противъ прежняго размѣрахъ. Кромѣ того, уничтоженіе публичныхъ игорныхъ домовъ повело и къ другой бѣдѣ. Въ Парижѣ опять появилось множество тайныхъ притоновъ (*des tripots de jeu*), содержательницами которыхъ сдѣлались тѣ же самыя прелестницы, которыя служили одною изъ приманокъ для посѣтителей знаменитаго 113 нумера въ Пале-Роялѣ. Эти новыя *Аспазии* и *Лаисы* окружили себя людьми, посвященными во всѣ таинства игры и во всѣ плутни шулерства, которые съ помощію кропленныхъ картъ и фальшивыхъ костей обьигрывали всѣхъ, кто только попадался имъ. Этими почтеннымъ господамъ дано въ Парижѣ названіе *Грековъ* (*les Grecs*), и число ихъ расплодилось теперь до невѣроятности, такъ что находясь даже въ порядочномъ домѣ, рискуешь попасть на когонибудь изъ нихъ, и даже не играя ни въ какую другую игру, кромѣ коммерческой. Зло отъ этихъ грековъ и тайныхъ притоновъ игры такъ распространилось и такъ велико, что въ Парижѣ начинаютъ уже поговаривать, не будетъ ли лучше опять допустить публичные игорные дома.

До сихъ поръ мы говорили большею частью о Франціи; но былъ другой городъ и другая страна, гдѣ азартныя игры свирѣпствовали съ страшною силой. Городъ этотъ—*Венеція*. Впродолженіе всего XVII и XVIII вѣковъ, Венеція была мѣстомъ, куда стремилось все, что хотѣло пожить весело и пріятно и что имѣло деньги—словомъ, Венеція была тогда то, что теперь Парижъ.

Правительство венеціанское, таинственное, мрачное, подозрительное и неумолимое въ отношеніи политическомъ, было чрезвычайно снисходительно во всѣхъ другихъ дѣлахъ и нигдѣ нель-

за было жить такъ весело и свободно, какъ въ Венеціи. Множество торжественныхъ праздниковъ, полныхъ роскоши и великолѣпной обстановки, какъ напримѣръ, *обрученіе Дожа съ Адриатикою*, происходившее всегда въ день Вознесенія; громадный *Буццателъ*—корабль, блиставшій золотомъ и шарчами, на которомъ дождь, въ сопровожденіи всѣхъ нобилей, великаго совѣта и посланниковъ иностранныхъ державъ, отправлялся въ Адриатику бросать въ ея волны обручальное кольцо; знаменитый *венеціанскій карнавалъ*, о которомъ теперь нѣтъ и помину, веселые *режиссы* или гонки гондолъ, серенады, пышныя иллюминаціи, фейерверки; очаровательныя, полныя граціи и страстнаго пыла женщины; площадь св. Марка—эта великолѣпнѣйшая въ мірѣ зала, съ мраморными и порфировыми помостами, съ базиликой св. Марка и дивными созданіями геніевъ *Сансовето* и *Палладіо*, которые служатъ ей вмѣсто стѣнъ, съ голубымъ безпредѣльнымъ итальянскимъ небомъ вмѣсто потолка; уютельныя лунныя ночи, подобныхъ которымъ нѣтъ даже въ Неаполѣ—все это влекло въ Венецію тысячи путешественниковъ со всѣхъ концовъ стараго и даже новаго свѣта. Маска, владычествовавшая въ Венеціи, допускала между всѣми опасное равенство. Всѣ носили маску, подъ маской каждый былъ совершенно безопасенъ; полиція, не уважавшая почти ничего, уважала маску; оскорбить маску считалось преступленіемъ и наказывалось строго. Тамъ, въ этой поэтической чудной Венеціи, составлявшей какъ-бы отдѣльный міръ, брошенный въ средину моря; тамъ, гдѣ страшный Совѣтъ десяти и три таинственные инквизитора наблюдали неуспшно за всѣмъ и знали нетолько что дѣлается, но и что думается—была полная свобода для всякаго разгула. И тамъ-то, посреди полуазиатской роскоши, подъ чуднымъ небомъ Италіи, страшная язва общества, азартная игра, вошла себѣ широкій пріютъ.

На площади св. Марка, въ залахъ подъ галереями старыхъ и новыхъ прокурацій, былъ устроенъ рядъ великолѣпныхъ *казино*, гдѣ публично метали банкъ и держали другія азартныя игры. Всевозможные соблазны и приманки были собраны тамъ; груди золота, кипрскія вина, прелестныя женщины, цвѣтъ знаменитѣйшихъ венеціанскихъ прелестницъ—все это было къ услугамъ посѣтителей. Маска прикрывала лица всѣхъ, кромѣ банкометовъ, и часто въ эту играющую толпу, подъ эгидой маски, вмѣшивалась важная фигура какого-нибудь сенатора и даже члена страшнаго Совѣта десяти и понтировала не хуже другихъ. Игра шла тамъ самая ужасная, самая адская; золотыя секины и червонцы своимъ одурѣвающимъ звукомъ производили на всѣхъ какое-то невыразимое обаяніе. Тамъ, въ этихъ цовлащенныхъ *казино*; въ этихъ

притонахъ всякаго разврата и всѣхъ возможныхъ чувственныхъ обольщеній, проигрывались миллионы (*).

Наконецъ правительство республики само было приведено въ ужасъ тѣмъ развитіемъ, какое приняла игра, и декретомъ великаго Совѣта азартныя игры были запрещены вездѣ—кромя одного мѣста.

На площади, небольшой площадкѣ противъ самаго дожескаго дворца, возвышаются двѣ колонны св. Марка и св. Теодора. Между этими колоннами предавались казни—повѣшеніемъ всѣ политическіе преступники, воры, грабители и разбойники. Это было царство палача. Тамъ-то, между этими двумя колоннами, по опредѣленію великаго Совѣта, было единственное мѣсто, гдѣ допускалась азартная игра, въ томъ предположеніи, что никто не рѣшится играть на такомъ поворномъ мѣстѣ. Но на этотъ разъ столь знаменитая и извѣстная мудрость великаго Совѣта ошиблась. На другой же день послѣ декрета, между колоннами появились золотые столы съ грудями золота, за которыми совершенно спокойно, безъ маски, сидѣли банкеты съ картами въ рукахъ. Несметная толпа въ маскахъ окружала столы; она покрыла собою всю площадь и тянулась черезъ площадь св. Марка, мимо базилики до часовой башни и даже далѣе въ улицѣ до самаго ріальтскаго моста (**). Игра пошла своимъ чередомъ и, казалось, разразилась еще съ большею силой.

Такъ продолжалось до того роковаго дня, въ который пробилъ послѣдній часъ одряхлѣвшей четырнадцативѣковой республики. Кампоформійскій трактатъ сокрушилъ ея самостоятельность. Бонапарте уступилъ завоеванную имъ Венецію Австріи. Несчастный семидесятилѣтній *Луиджи Мантв*, послѣдній изъ 233 дожей, сложилъ съ своей сѣдой головы герцогскій корно; четыре знаменитые коня, красовавшіяся надъ портикомъ базилики св. Марка, были сняты и увезены французами и оправдали пророчество, что паденіе республики совершится въ тотъ день, когда они сойдутъ съ своего великолѣпнаго пьедестала; австрійскія войска вступили въ Венецію; знамена *Китра*, *Канди* и *Морен*, развивавшіяся предъ базиликой, уступили мѣсто знамени австрійскому. Венеція опустѣла; всѣ ея великолѣпные праздники, карнавалы, регаты, серенады, вся ея прежняя пышность сдѣлалась преданіемъ, изъ метрополи могущественной республики сдѣлалась она провинціальнымъ городомъ Австрійской Имперіи, и теперь роскошные, полу-

(*) Записки *Казановы*; рукопись кавалера Саки, книга *Графа Чикольери: Feste Veneziani*.

(**) *Daru: Histoire de Venise*; рукопись кавалера Саки.

навританскіе дворцы ея обиліемъ, окаймляющіе большой каналъ, стоятъ пустыне и унылие; гондольеры не поютъ октавъ Тасса, съ каждымъ годомъ Венеція все надааетъ, и только ея поэтическія лагуны попрежнему плещутся у пиадеты и славянской набережной и какъ-бы съ грустію нашептываютъ о прежнемъ величіи своей развѣнчанной царицы:

Замѣчательно, что послѣдній дождь Венеціи, *Луидасы Манинъ*, изъ длиннаго ряда дождей былъ *единственный*, который не принадлежалъ къ аристократіи венеціанской, столь славной и древней. Онъ былъ изъ плебейскаго рода, и въ числѣ другихъ такихъ родовъ, въ эпоху разстройства финансовъ средствъ республики, былъ, за деньги, внесенъ въ *Золотую книгу*. Другой, довольно странный фактъ поражаетъ всякаго, кто посѣщалъ Венецію. Въ дожевскомъ дворцѣ, въ залахъ *Великаго совета* и *Прегадіи* (Pregadi), назначенныхъ для портретовъ дождей, оставалось всего только одно мѣсто, и мѣсто это занимаетъ портретъ *послѣдняго дождя*.

Въ Англіи игра была также сильно развита особенно при дворѣ *Карла II Стюарта*; но англичане, часто проигрывающіе своихъ женъ и любовницъ на кровныхъ лошадяхъ, любятъ играть болѣе на континентѣ, а не у себя дома. Вы можете встрѣтить ихъ тысячи въ Баденѣ, Гомбургѣ и другихъ прирейнскихъ мѣстахъ очень усердно понтирующихъ у *trente* и *quarante* и у *рулетки*. Впрочемъ, это только теперь; прежде было не такъ: игра также составляла любимѣйшее занятіе общества и придворныхъ и еще не такъ давно, знаменитый *принцъ-регентъ*, впоследствии *Георгъ IV*, котораго англичане, несмотря на его буйную молодость и разныя проказы, на тысячи самыхъ эксцентричныхъ продѣловъ, на скандальный процессъ съ королевою *Каролиною Брауншвейгскою*, на огромные, можно сказать, баснословные долги, величаютъ громкимъ именемъ *перваго джентльмена міра*—былъ страстный любитель азартной игры и проигрывалъ громадныя суммы.

Въ Испаніи, подавленной столько вѣковъ фанатическимъ изувѣреннымъ духовенствомъ и трепетавшей подъ гнетомъ инквизиціи, было не до игры; однакоже и тамъ игра была въ большомъ ходу, особенно со времени вступленія на испанскій престолъ Бурбоновъ, въ лицѣ Филиппа V, бывшаго принца анжуйскаго, сына Лудовика XIV. Известно, что за этимъ принцемъ послѣдовали въ Мадридъ многіе изъ французскихъ вельможъ, которые принесли съ собою во дворецъ Буэн-Ретирскій и въ Аранжуэцъ нравы и обычай версальскіе, а съ ними и карточную игру. Впрочемъ, въ испанскомъ народѣ азартныя игры никогда не достигали тѣхъ размѣровъ, до которыхъ онѣ доходили въ другихъ странахъ.

Выше мы сказали, что закрытіе публичныхъ игорныхъ домовъ

въ Парижѣ расплодилось множество тайныхъ притоновъ игры, не доходъ съ этихъ заведеній обогащала только грековъ и ихъ зоренькихъ патронесъ. Рыцари *рулетки* и *trente et quarante*, привыкшіе къ огромнымъ барышамъ, оставались въ бездѣйствіи и праздности, теряя даромъ золотое время. Въ такомъ горестномъ положеніи, послѣдніе содержатели публичныхъ банковъ въ Парижѣ, *Беназе* и *Брисоль*, стали думать думу, какъ бы снова ловить на удочку человѣческой людъ и прискаты удобное для этой операціи мѣстечко. Думали-думали, и придумали. Рейнъ, этотъ благодатный, нѣмецкій Рейнъ, на берегахъ коего разсѣено такъ много владѣній мелкихъ нѣмецкихъ князей, въ которыхъ большая часть получала самыя незначительныя доходы, обратилъ на себя вниманіе благородныхъ спекулянтовъ. Они сѣли въ покойный дормезъ и покатали черезъ Страсбургъ въ Баден-Баденъ, зная, что это мѣсто, по своимъ водамъ, а еще болѣе по очаровательнымъ окрестностямъ привлекало каждый годъ множество путешественниковъ, и гораздо болѣе здоровыхъ чѣмъ больныхъ. Тамъ сдѣлали они правительству самыя выгодныя, самыя щедрія предложенія, получили привилегію, и *рулетки* съ *trente* и *quarante* раскрыли свои заманчивыя столы, въ комнатахъ довольно страннаго еще въ то время курзала, и въ Баденъ стало съѣзжаться народу болѣе, чѣмъ въ 20 разъ противъ прежняго.

Въ недалекомъ разстояніи отъ курзала было воздвигнуто новое каменное зданіе, росписанное по одной изъ наружныхъ стѣнъ фресками, изображающими разныя событія изъ исторіи царственнаго баденскаго и дурхахскаго дома и нѣкоторыя народныя легенды. Курзалъ былъ увеличенъ разными пристройками; кругомъ раскинулся прекрасный садъ; отличныя оркестры музыки каждый день играли у курзала; позже труппы французскихъ актеровъ, знаменитыя пѣвцы явились въ Баденъ, устроили скачки—и большая часть этихъ удовольствій доставалась *gratis* насчетъ содержателей банка *великодушныхъ* и *безкорыстныхъ* *Беназе* и *Брисоля*.

Въ городѣ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, выросли огромныя гостиницы и отели со всевозможнымъ комфортомъ, и манили къ себѣ пріѣзжихъ—словомъ, въ Баденъ, куда прежде съѣзжалось много что 7 или 8 тысячъ путешественниковъ, считается теперь дурнымъ и неудачнымъ тотъ сезонъ, въ который не насчитается ихъ 50 или 60 тысячъ (*).

(* Если намъ не измѣняетъ память, кажется, что въ Баденѣ еще прежде 1838 года существовало что-то въ родѣ игорнаго заведенія, но довольно скромное и далеко не въ томъ размѣрѣ, какой приняла игра съ отдачей ее на откупъ компаніи *Беназе* и *Брисоля*.

Вскорѣ послѣ Бадена, публичная игра была дозволена и открыта въ *Гомбургъ*, *Висбаденъ*, *Ахенъ*, *Спа*, *Пирмонтъ*, *Эмонъ*, *Вилдштедтъ*, *Нонсаймъ* и наконецъ въ *Женевъ*, гдѣ Джемсъ *Фаши*, пріобрѣтшій столь печальную извѣстность во послѣднихъ событіяхъ и смутамъ въ этомъ городѣ, былъ содержателемъ игорнаго дома, помѣщавшагося въ одномъ изъ принадлежавшихъ ему домовъ.

Съ учрежденіемъ во всѣхъ названныхъ и еще другихъ мѣстахъ публичныхъ игръ, Рейнъ сдѣлался пунктомъ и цѣлью, куда устремились и богатые и бѣдные въ огромныхъ массахъ. Посѣщеніе всѣхъ этихъ водъ истинно большими отодвинулось уже на второй планъ, до нихъ не было никому никакого дѣла. Многіе изъ принадлежащихъ къ европейской аристократіи, и въ томъ числѣ и русской, избрали нѣкоторые изъ прирейнскихъ городовъ постояннымъ мѣстомъ своего пребыванія, преимущественно же *Баденъ* и *Гомбургъ*; купили себѣ тамъ прекрасныя виллы и дома, въ которыхъ проводятъ большую часть лѣтняго сезона, наслаждаясь и прекраснымъ умѣреннымъ климатомъ, и очаровательными окрестностями, особенно въ Баденѣ, и избраннымъ обществомъ и всѣми удовольствіями. Конечно, иногда случается, что любезные и столь привѣтливые во всѣмъ господа *Бенассе*, *Бриссонъ* и *Блакъ*, содержатели банка въ Гомбургѣ, порастрасутъ довольно порядочно карманы этихъ аристократовъ; но что же дѣлать?—это въ порядкѣ вещей—*Il faut bien faire bonne mine à mauvais jeu!*

Изъ всѣхъ мѣстъ на Рейнѣ, гдѣ производится публичная игра, самая сильная въ *Гомбургѣ*. Банкъ отвѣчаетъ тамъ до 400,000 франковъ и высшая маза или ставка 12,000 франковъ; тогда какъ въ Баденѣ, Висбаденѣ и Пирмонтѣ только 8,500 франк., въ другихъ мѣстахъ 6,000 ф. Въ Гомбургѣ игра продолжается каждый день круглый годъ съ 11 часовъ утра до 11 ночи; рулетка оканчиваетъ свои дѣйствія и позже. Въ другихъ мѣстахъ игра продолжается съ 1 апрѣля по 1 января; остальные три мѣсяца банкъ и его крупье, покоятся на лаврахъ. Въ Гомбургѣ самая сильная, отчаянная игра—зимомъ; къ этому времени съѣзжаются туда обыкновенно всѣ занимающіеся ею серьезно, и тамъ, для доставленія *необыкновенныхъ выгодъ* подтверждающимъ, какъ это гласитъ объявленіе, печатаемое во всѣхъ газетахъ, *trente* и *quarante* играется съ одною четвертью *ребета*, а *рулетка*—съ однимъ зеро. Впрочемъ, правило это введено не такъ давно и въ *Баденѣ* и *Висбаденѣ*.

Несмотря однакоже на эти *необыкновенныя выгоды*, предоставляемыя такъ великодушно банками понтерамъ, барыши, получаемые банками, огромны. Каждый годъ въ теченіе сезона обыкновенно

венно банкъ сривается нѣсколько разъ. Въ Гомбургѣ, дѣтъ пять тому назадъ, нѣкто *Гарсія* выигралъ болѣе миліона франковъ; въ томъ же году англичанинъ и одинъ нашъ русскій сорвали нѣсколько банковъ, и все-таки при расчетѣ *Monsieur Blanc* выдалъ своимъ акціонерамъ значительный дивидендъ.

Въ другикъ мѣстахъ, гдѣ игра не такъ значительна, *крутые* (*) болѣе всего любятъ мелкихъ игроковъ; они-то настоящіе кормилицы банка. Масса ихъ, конечно, въ тысячу разъ и даже болѣе превышаетъ играющихъ большими кушами; а какъ опытомъ дознано, что всѣ они подъ конецъ непременно останутся въ проигрышѣ, даже при самыхъ счастливыхъ шансахъ, то главный барышъ банка идетъ отъ бѣдняковъ, а не отъ богатыхъ. Не даромъ говорятъ пословица: *идь тонко, тамъ и вѣстся*.

Много говорили и писали о страшномъ злѣ, приносимомъ публичными азартными играми; нападали на безнравственную дѣль ихъ, на позорные барыши, получаемые отъ нихъ нѣкоторыми германскими правительствами; вопросъ этотъ былъ даже предметомъ обсуждения германскаго сейма—но все это было и будетъ *проповѣдью въ пустынь*. Трудно, наприимѣръ, чтобъ *Гомбургъ*, котораго територія такъ ничтожна, а государственный доходъ самъ по себѣ такъ малъ, легко отказался отъ 400,000 флоринновъ, получаемыхъ имъ ежегодно отъ банка. Кромѣ того, игра привлекаетъ каждый годъ въ Гомбургъ и другія мѣста, гдѣ она существуетъ, сотни тысячъ путешественниковъ, отъ этого прилива богатѣютъ мѣстные жители; а что большая часть ихъ гостей увѣзжаетъ часто съ опустошенными карманами и даже совершенно разоренными, до этого имъ нѣтъ дѣла: пусть себѣ разоряются—было бы только имъ хорошо.

Публичная игра въ Гомбургѣ, Баденѣ и другикъ мѣстахъ, куда съѣзжается гораздо болѣе здоровыхъ нежели больныхъ, могла бы быть, пожалуй, допущена, но такая игра въ *Эмсъ* настоящее преступленіе. Въ *Эмсъ* обыкновенно посылаются люди серьезно больные, съ слабою грудью, съ разстроенными нервами, для которыхъ первое и главное условіе—совершенное спокойствіе духа, правильный образъ жизни и чистый воздухъ. Немного такихъ натуръ, которыя могли бы устоять отъ искушенія попробовать счастья у игорнаго стола; а подошедши разъ къ нему, при выигрышѣ и проигрышѣ, непременно опять вернешься. Если выигра-

---

(*) Такъ называются очень приличные господа, служащіе при банкѣ. Обязанность ихъ—по очереди метать карты и вертѣть рулетку, присматривать и обирать деньги, для чего они вооружены длинными *Rateaux* (граблями), и вообще наблюдать за игрою, а также чтобъ кто нибудь не стануль у другого его мазу, что случается довольно часто.

ли—выиграть еще, проиграл — отыграться, и вотъ спокойствіе духа нарушено: мѣсто его заступаетъ какое-то лихорадочное волненіе, кровь обращается неправильно, голова отъ напряженнаго вниманія за ходомъ игры тяжелѣетъ и все леченіе остается безъ пользы, а больные, вмѣсто того чтобы поправиться, уѣзжаютъ послѣ курса большею частью въ гораздо худшемъ, противъ прежняго, положеніи.

Въ Эмсѣ великолѣпный, полный вкуса и роскоши курзалъ, одинъ изъ красивѣйшихъ на Рейнѣ; въ немъ почти каждый вечеръ играетъ отличный оркестръ музыки и даются прекрасные концерты; тамъ есть кабинетъ чтенія съ газетами и журналами на всѣхъ языкахъ, окрестности мѣстечка очаровательны, воздухъ адровый и бодрящій, а многіе ли изъ пріѣхавшихъ въ Эмсъ для поправленія здоровья пользуются всѣми этими удобствами и благами, которыя къ нхъ услугамъ и совершенно *gratis*. Тогда какъ въ игорныхъ залахъ, гдѣ отъ жара и духоты не знаешь куда дѣваться, такая толпа и давка, что едва можно протиснуться.

Мы сказали, кто былъ изобрѣтатель игры *trente et quarante*, царствующей теперь на Рейнѣ; что же касается до рулетки, то она была изобрѣтена также въ Парижѣ, и введена въ употребленіе въ первый разъ въ салонахъ отелей *Жюери* и *Суасонъ*, знаменитыхъ по страшной игрѣ, которая тамъ происходила. Впослѣдствіи братья Перены усовершенствовали ее. Сначала они имѣли только нумера, числомъ 36, и два цвѣта—черный и красный. Перены прибавили къ ней *четъ* и *нечетъ*, *танкие* и *разе*, *первую*, *вторую* и *третью дюжину*, *три колонны* и, главное—*два эро*, то-есть *два пме* или *два такса*, при которыхъ всѣ другіе проигрывали.

Игра въ рулетку—самая азартная изъ азартныхъ: въ нѣсколько минутъ можно не досчитаться значительной суммы; въ *trente et quarante* есть еще какой нибудь расчетъ, который можетъ руководить опытнаго и благоразумнаго игрока, въ рулеткѣ же—никакого. Есть однакоже люди, увѣряющіе, что *теорія вероятностей* примѣнима и къ рулеткѣ. Господа эти, долго и внимательно наблюдавшіе эту игру, утверждаютъ, что въ 360 оборотовъ колеса, непремѣнно должны выдти всѣ 36 нумеровъ, и что маркируя акуратно всѣ вышедшіе нумера и число оборотовъ, всѣ невышедшіе нумера въ 350 или 355 круговъ выйдутъ непремѣнно въ слѣдующіе обороты — на нихъ-то, по ихъ мнѣнію, надо ставить, *en plain*, большіе мазы, и выигрышь несомнѣненъ. Но сколько же времени, труда и терпѣнія нужно употребить, чтобы нѣсколько часовъ сряду, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ,

свѣдѣть за нумерами и оборотами, не сдѣлать ни малѣйшей ошибки посреди всеобщаго шума и суматохи, и въ концѣ концовъ все-таки и весьма часто не достигнуть желаннаго результата!

Теперь намъ остается сказать о томъ, какого рода игры, азартныя и другія, были извѣстны у насъ въ Россіи.

Съ эпохи Петра-Великаго, вмѣстѣ съ французскими кафтанамъ, париками, пудрой и другими западными ухищреніями, пробрались къ намъ и карты; по-крайней-мѣрѣ съ этого времени вошли онѣ во всеобщее употребленіе.

Лица высшихъ сословій изъ азартныхъ игръ играли большею частью въ *обикновенный банкъ*, въ *штосъ* и *квинтичъ*. Изъ другихъ игръ, введенныхъ въ общество, были въ употребленіи *ламуль*, *бостонъ*, *пикетъ*, *реверси* и гораздо поздне— *вистъ*. Среднее сословіе выдумало особеннаго рода игру подъ названіемъ *юрка*. Игра эта—одна изъ самыхъ азартныхъ, ее въ особенности любятъ нашъ торговый людъ, и еще теперь нерѣдко случается, особенно въ провинціяхъ, что въ веселой компаніи, понагрузившись разными романеями и *пунитомъ*, купчики наши проигрываютъ въ эту игру большія деньги.

Барыни наши и барышни, средняго сословія, также любили карточки и забавлялись ими въ длинныя осенніе и зимніе вечера. Любимыми ихъ играми были *дураны*, *свои козыри* и *три миста* или *носки*. Конечно, отъ этой послѣдней, очень пріятной игры, у нашихъ барынь и барышень иногда краснѣли и распухали носы, но за то сколько было смѣху и веселья, и онѣ отправлялись въ свои опочивальни совершенно довольныя, что провели такъ пріятно вечеръ.

Скоро однакоже карты овладѣли и у насъ всѣмъ обществомъ. При императрицахъ Елизаветѣ Петровнѣ и Еваторинѣ II, при дворѣ были пріемные дни, въ которые во дворецъ собирались наши вельможи и придворныя дамы, также гвардейскіе офицеры, и тамъ составлялись разныя партіи въ *ламуль*, *бостонъ*, *реверси* и *пикетъ*. Въ частныхъ домахъ, у нашихъ баръ, кромѣ этихъ игръ, играли, и очень сильно, въ *банкъ*, *штосъ*, *квинтичъ*, *кресъ*, *насъ-дисъ* и *ланскнехтъ*.

Съ появленіемъ картъ появились и у насъ, какъ и вездѣ, люди, сдѣлавшіе изъ карточной игры ремесло. Наши *шумеры* ни въ чемъ не уступали парижскимъ *зрекамъ*: они ловили, гдѣ только могли, простачковъ, заманивали ихъ разными хитростями, часто истинно гениальными, и обыгрывали навѣрное; многочисленныя наши ярмарки, *матарьевская*, *коренная* и другія, преимущественно въ Малороссіи, были поприщемъ ихъ подвиговъ и богатой жатвой. Они развѣзжали по этимъ ярмаркамъ всегда въ обще-

ствѣ товарищей, также шулеровъ, жили широко и открыто, знакомились съ богатыми помѣщиками, питали особенную привязанность къ ремонтерамъ и казначеямъ, отправляли свое благородное ремесло, наживали большія деньги, входили въ почетъ, оставляли своимъ дѣтямъ богатыя состоянія и умирали, ежели съ не совсѣмъ спокойной совѣстью, то въ довольствѣ и провожаемые слезами близкихъ и друзей. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ изъ такихъ молодцовъ выстроилъ себѣ въ Петербургѣ великолѣпный домъ, обруженный садомъ (домъ этотъ принадлежитъ теперь одному изъ нашихъ очень богатыхъ князей). Въ его кабинетѣ, между разными картинами, висѣла золотая рама съ вставленною въ нее *пятавкой*, въ знакъ признательности, что она рутировала ему въ штось, который онъ когда-то металъ на бакой-то армаркѣ и выигралъ миллионъ.

Хотя азартныя игры запрещены у насъ закономъ, онѣ были довольно сильны въ Петербургѣ; но здѣсь онѣ не достигали никогда тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ Москвѣ; въ этомъ отношеніи славился также въ былыя времена и Тамбовъ. Въ Москвѣ еще не такъ давно безпрестанно случались самыя скандальныя исторіи, гдѣ главная роль принадлежала картамъ. Даже и теперь, несмотря на всю бдительность полиціи въ Петербургѣ и Москвѣ, есть дома, гдѣ цѣлыя ночи проводятъ въ карточной азартной игрѣ. Многіе изъ петербургскихъ жителей вѣроятно еще помнятъ, какъ на одной изъ главныхъ, самыхъ многолюдныхъ улицъ, въ двухъ угловыхъ, стоявшихъ одинъ противъ другого и ярко освѣщенныхъ домахъ, почти каждый вечеръ, игрѣла очень сильная азартная игра, и манила проѣзжающихъ по улицѣ то направо, то налево, такъ что это мѣсто улицы было въ шутку названо *Le passage des Termopiles*.

Въ городѣ, назовемъ его хоть *Иксъ*, еще недавно жилъ одинъ *баринъ*, принадлежавшій къ высшему кругу общества, съ которымъ, даже въ коммерческія игры, садился играть не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ никогда не тасовалъ и не сдавалъ карты, и онъ покорялся этому требованію съ величайшимъ хладнокровіемъ. Другой такой же баринъ увѣрялъ, что только одни дураки могутъ играть въ карты не навѣрное, и очень навбно признавался, что онъ всего только два раза въ жизни передернулъ; «помилейте господъ—говорилъ онъ—войдите въ мое положеніе—я металъ банкъ, карта шла на 60 т.—я подумалъ: жена, дѣти, семейство!—подумалъ, и передернулъ; повѣрьте, всякій, кто обладалъ бы такимъ же талантомъ какъ я, сдѣлалъ бы то же самое на моемъ мѣстѣ».

Про этого же самаго господина разказываютъ слѣдующій анек-

доть. Однажды въ Москвѣ онъ долго металъ банкъ; понтеровъ было много, картъ стояло еще болѣе, за которыми надо было слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ. Утомившись, онъ посадилъ вмѣсто себя своего товарища, а деньги, бывшія въ банкѣ и выигранныя, положилъ подъ подсвѣчникъ, какъ это часто дѣлается. Игра шла своимъ чередомъ, игроки разгорячились и стали увеличивать куши. Товарищъ, метавшій банкъ, вида одну карту, которая пала на очень большой кушъ, передернулъ; но какъ-то неловко—такъ что мошенничество это тутъ же было замѣчено. Тотъ, у кого шла карта, схватилъ подсвѣчникъ и ударилъ имъ по лицу метавшаго, другіе понтеры схватили деньги и стали дѣлать ихъ между собою. Тогда нашъ господинъ, посадившій за себя товарища, обратился къ игравшимъ съ слѣдующею рѣчью: «господа! на что это похоже! онъ оселъ, *личность его* я предоставляю вамъ; дѣлайте съ нимъ что угодно, но деньги-то брать не слѣдуетъ, это неблагоугодно!»

Въ разныхъ клубахъ, существующихъ въ столицахъ, азартныя игры не допускаются, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ счумѣли и изъ неазартныхъ игръ сдѣлать азартныя. Така игра *съ папками* при какомъ-то особомъ расчетѣ сдѣлалась игрою, въ которую выигрываются и проигрываются огромныя суммы. Надобно замѣтить, что игра эта безкозырная, а потому не должна бы принадлежать къ разряду игръ комерческихъ.

Игра *съ лото*, допущенная сначала въ клубахъ, была потомъ запрещена. Теперь она снова позволена въ измѣненномъ видѣ и называется *домино-лото*. Игра эта не можетъ назваться азартной и съ перваго взгляда кажется невинной, но въ сущности оказывается совсѣмъ противное. *Домино-лото*, какъ прежде лото, овладѣло всѣми клубами, и доходы, получаемые ими отъ этой игры, весьма значительны. Въ эту игру играютъ большею частью люди средняго сословія и въ особенности чиновники, и играютъ въ нее съ увлеченіемъ и страстью. Цѣлыя ночи просиживаютъ они за домино-лото, въ дыму снгаръ и папирозъ, ставятъ ставку за ставкой, платятъ по уставамъ клуба штрафъ, проигрываютъ и весьма часто болѣе того, что могутъ проиграть, входятъ въ долги, закладываютъ вещи своихъ женъ и дѣтей и вносятъ разстройство въ семейство. Такъ что игра эта, по своимъ послѣдствіямъ, оказывается весьма вредной.

Въ послѣднее время, еще, однако, азартная игра очень распространялась въ разныхъ петербургскихъ трактирахъ, гостиницахъ и даже харчевняхъ; игра эта, которая царствуетъ тамъ преимущественно, называется *китайскій биксъ*—родъ рулетки.

Н. М....ъ.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья первая

«Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». — Изданіе второе. 1865 года.

Значеніе вопроса. — Опредѣленіе прекраснаго. — Опредѣленіе возвышеннаго. — Опредѣленіе трагическаго. — Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка. — Механическое искусство. — Искусство вообще и сравненіе его изображеній съ дѣйствительностію.

Нѣтъ сомнѣній, что вопросъ объ искусствѣ, затронутый въ прошедшемъ десятилѣтіи, для многихъ еще не рѣшенъ. Еслибы это было такъ, то нападки на искусство давно бы прекратились. Отвергнутое или признанное, оно не сдѣлалось бы болѣе предметомъ забавы для нашихъ публицистовъ-критиковъ. Самые даже рьяные изъ нихъ, какъ видно, еще сомнѣваются, придумываютъ новыя возраженія, а иногда дѣлаютъ и уступки. У «Современника», напримеръ, въ дѣлѣ искусства голосъ сталъ нѣсколько глуше послѣ смерти покойнаго Добролюбова; у «Русскаго Слова» голосъ этотъ переходитъ часто въ крикъ: оно какъ-бы натуживается, силится войти въ чужую роль. Естественный половой подборъ этихъ двухъ родичей перешелъ въ борьбу за существованіе. Такъ и должно было случиться; оба они схватились за одно и то же направленіе, за одну и ту же идею, которую можно формулировать такъ: наука безъ искусства, наука наединѣ сама съ собою, анализъ безъ синтеза, умъ безъ творческой фантазіи, голова съ мозгомъ но безъ крови, животворящей этотъ мозгъ.

Защищать искусство, считалось у насъ прежде дѣломъ почти празднымъ. Поклонники вѣровали въ него, въ доказательствахъ не нуждались, опроверженій не читали, возраженія дѣлали, но самыя слабыя. Вслѣдствіе этого-то положенія вопроса, многіе поэты и художники, которые еще не вымерли, перестали писать, считая свою дѣятельность неумѣстной, а успѣхъ—невѣроятнымъ; или поддались разнымъ тенденціямъ и вѣяніямъ—и таланты, прох-

ващенные чужимъ вѣтромъ, покоробило..... Новые же поэты и новые таланты совсѣмъ перестали нарождаться. Наступило наконецъ какое-то поэтическое безплодіе и прозаическая плодовитость. Подрывъ оригинальной дѣятельности дѣлается все болѣе замѣтнымъ, бездарность кричить теперь во весь ротъ!

Наука отъ такого положенія вопроса объ искусствѣ тоже ничего не выиграла; наплывъ чисто-литературныхъ талантовъ былъ такъ великъ, что она сдѣлалась какъ-бы *переводною*. Переводъ книгъ и переложеніе чужихъ мыслей рѣшительно взяли перевѣсъ надъ дѣятельностію самостоятельною. Оригиналами въ научномъ смыслѣ дѣятели наши базались только тому, кому неизвѣстны были источники, откуда они черпали. И такъ-какъ эта дѣятельность переводчиковъ и компиляторовъ была въ сущности литературная, то они и очутились такимъ образомъ между наукой и искусствомъ; отвернулись отъ соблазновъ искусства и не преодолѣли трудностей въ наукѣ; отъ одного не отстали, къ другому не пристали. Путь былъ торный, но неплодотворный. Поэтому даже въ интересахъ науки слѣдуетъ поставить вопросъ объ искусствѣ какъ можно яснѣе. Ни же читатель еще болѣе въ этомъ убѣдится.

Чтобы лучше выяснить этотъ предметъ, мы нарочно выбрали сочиненіе, гдѣ онъ серьезнѣе всего былъ затронуть. Сочиненіе это собственно и есть та новая теорія, которую мы разбирали въ другомъ мѣстѣ. Прежде мы коснулись до послѣднихъ только выводовъ ея и развѣтвленій на два журнала; теперь подойдемъ къ самому корню. Сочиненіе это не только что превосходить всѣ дальнѣйшія нападки на искусство (*), но дѣлаетъ ихъ какъ-бы ненужными. Послѣдователи являются дѣтьми, переживающими отцовскую идею. Это уже не г. Антоновичъ, не г. Писаревъ и не г. Зайцевъ. У искусства, можно сказать, не было еще такого сильнаго врага, какъ авторъ Эстетическихъ отношеній. Если вы апатичны и не хотите отнестись критически, станете читать это сочиненіе такъ сказать полудежа, то оно васъ ошеломитъ, какъ и ошеломило когда-то многихъ; но если вы приподниметесь, заглянете на него сверху—очарованіе разсѣвается; зданіе нетвердо, неплотно, стѣны подобны декораціямъ, за которыми пусто. вмѣсто истинъ вездѣ софизмы, поставленные ловко, и въ такой связи, что если пошатнуть одинъ, то падаетъ и все. Журналь, въ которомъ мы помѣщаемъ свою статью, былъ первымъ, непризнавшимъ идей автора въ дѣлѣ искусства (**). Сохраняя эстетическія преданія Бѣлинскаго, онъ, быть можетъ, давно уже ждалъ того времени, когда наконецъ этой теоріи наве-

(*) Оно явилось въ печати первымъ изданіемъ въ 1855 году.

(**) Чѣмъ «Отгч. Записки» и гордится. *Ред.*

сетса послѣдній ударъ. Мы имѣемъ дерзость поднять на это руку и доказать, по мѣрѣ силъ нашихъ, что вся она прикрыта только либеральной оболочкой, одѣта въ прогрессивную одежду, въ сущности же самая изъ всѣхъ консервативная, самая отсталая.

Изъ разбора нашего читатель, надѣмся, вполне познакомится съ самимъ сочиненіемъ. Все существенное намъ придется выписать и разобрать; только побочныя, второстепенныя мѣста мы оставимъ въ сторонѣ, какъ не требующія возраженій. Сама серьезность дѣла и положеніе требуетъ отъ насъ какъ можно большей осторожности. Возраженія наши, впрочемъ, мы просимъ принять гг. послѣдователей на свой счетъ.

Отдѣловъ въ этомъ сочиненіи нѣтъ; все оно высказывается разомъ, безъ занннки, съ замѣчательной послѣдовательностію, но безъ системы. Мѣстами авторъ возвращается къ одному и тому же предмету по нѣскольку разъ; мѣстами есть неясность, запутанность, но очень мало противорѣчій. Логика вообще менѣе, чѣмъ діалектика.

Какъ извѣстно, сочиненіе это — диссертация, и диссертация въ прежнемъ вкусѣ, когда фактическая сторона этого рода работъ не была существенная. Поэтому неудивительно, что на первыхъ же строкахъ предисловія мы встрѣчаемъ признаніе автора, что онъ ограничивается «общими выводами изъ фактовъ» и «общими указаніями на факты». Онъ бы желалъ, говорится далѣе, привести факты, но тогда бы объемы труда превзошли опредѣленныя границы. Это явное устраненіе отъ фактической стороны ясно показываетъ, что авторъ по преимуществу теоретикъ; начинаетъ не съ фактовъ, чтобы отъ нихъ идти къ теоріи, а наоборотъ. Разъ укоренившееся соображеніе уже не могло въ немъ видоизмѣниться никакими возраженіями со стороны жизни. Факты подъ перомъ его гнулись, но мысли никогда.

Первый главный тезисъ, изложенный въ сочиненіи, есть *опредѣленіе прекраснаго*. Въ этомъ, какъ и во всемъ, авторъ обращается къ Фишеру, котораго эстетическія воззрѣнія старается разбить, замѣнивши ихъ своими. Такъ и быть должно. Разрушающій долженъ непремѣнно и строить, давать свое. И авторъ даетъ, да только не разрушивши вполне прежняго. Авторъ говоритъ, что прежнее опредѣленіе прекраснаго — какъ единства или сліянія идеи и формы — указываетъ только на существенный признакъ, но не на мысль вообще о прекрасномъ. Находя такимъ образомъ опредѣленіе это неудовлетворительнымъ, онъ подставляетъ вмѣсто него

другое—до того мало удовлетворяющее, что самъ даже сомнѣвается въ его приложимости. «Очень можетъ быть, что мнѣніе мое о сущности прекраснаго, кажущееся мнѣ справедливымъ, не для всѣхъ покажется удовлетворительнымъ» (стр. 5). Но въ чемъ же состоитъ это опредѣленіе, такъ категорически выставленное въ статьѣ? «Прекрасное есть жизнь». — Но это не опредѣленіе. Тутъ неопредѣленное опредѣляется еще болѣе неопредѣленнымъ, прекрасное — жизнью. А что такое жизнь?... Какъ-бы сознавая неясность своей фразы, авторъ далѣе прибѣгаетъ къ оговоркамъ: формы ищерицы, черенухи, лягушки — отвратительны, а онѣ живутъ. «Прекрасное поэтому есть жизнь, и ближайшимъ образомъ напоминающая о человѣкѣ». — Но и въ человѣческой жизни есть много непрекраснаго: самъ авторъ, напримѣръ, замѣчаетъ уродовъ, дурно-сложившихся людей. Поэтому онъ прибѣгаетъ къ новой оговоркѣ, къ новому исключенію: больныхъ, уродовъ и дурно-сложившихся людей онъ какъ-бы вычеркиваетъ изъ списка жизни. «Если жизнь и ея проявленіе есть красота — очень естественно, что болѣзнь и ея слѣдствіе есть безобразіе». Но провести рѣзкую черту между здоровьемъ и болѣзнью — нельзя; этого не дѣлаютъ и натуралисты, которые даже патологическія явленія вводятъ въ область физиологическихъ, и наравнѣ съ экспериментальною физиологіею строятъ экспериментальную патологию (Бруунъ-Секаръ). По этому взгляду ненормально, напримѣръ, чтобы человѣкъ въ поту и на сквозномъ вѣтрѣ не простудился, подобно тому, какъ ненормально, чтобы человѣкъ въ нуждѣ и невѣжествѣ не извратился. Границу между здоровьемъ и болѣзнью, между красотой и безобразіемъ, провести, значитъ, не совсѣмъ легко. Какъ здоровье есть только одна сторона жизни физической, другую сторону которой составляетъ болѣзнь, такъ и красота есть только одинъ элементъ жизни нравственной, въ противоположность которому существуетъ безобразіе. Жизнь, поэтому, можетъ быть красива и некрасива, и нормальна и ненормальна — и все-таки оставаться жизнью. И патологическія наросты развиваются по тѣмъ же законамъ, по какимъ развиваются изящнѣйшія женскія лица. Красота и безобразіе есть свѣтъ и тѣнь жизни. Странно, поэтому, понятіе прекраснаго опредѣлять словомъ «жизнь».

Этакъ, пожалуй, въ паралель къ опредѣленію «прекрасное есть жизнь» можно сказать, что и разумное есть природа, а отсюда, наоборотъ, вывести человѣческое оправданіе всего на свѣтъ — все, что дѣйствительно — разумно. Изъ опредѣленія автора, тоже почти это выходитъ: если прекрасное есть жизнь, то и жизнь вообще прекрасна, и все въ жизни черезъ это является красотой. Этимъ, столь неудачнымъ къ автору довольствомъ жизнью, проникнуто

все сочиненіе. Изъ этого же опредѣленія прекраснаго вышло, какъ послѣ увидимъ, и дальнѣйшее его положеніе — что искусство ниже дѣйствительности.

Нѣтъ, опредѣлять красоту такъ нельзя. Сущность ощущенія, называемаго прекраснымъ, заключается въ гармоніи между чело-вѣкомъ и предметомъ. Въ чемъ тайна этой гармоніи, почему такіе формы, такіе-то звуки, такое-то сочетаніе красокъ, и такое выраженіе идей, производятъ на насъ пріятное, гармоническое впечатлѣніе — наука не опредѣлила. Извѣстно только положительно, что изогнутыя линіи ложатся на душу легче, чѣмъ ломанныя, аккорды лучше диссонансовъ, цѣльные характеры нравятся намъ болѣе, чѣмъ надломанные; идеи въ формѣ плодотворнѣе, чѣмъ идеи отвлеченныя. Все безформенное производитъ впечатлѣніе непріятное: матерія въ немъ такъ-сказать не дорастаетъ до идеи, не формируется. Форма безъ идеи — вещь немислимая. Форма въ искусствѣ то же, что организмъ въ природѣ. Теперь, спрашивается, какому же образомъ форма, съ сквозящею изъ-подъ ея звуковъ, цвѣтовъ, линій и словъ идеею, производитъ въ насъ ощущеніе прекраснаго? Она дѣйствуетъ разомъ и на чувства и на умъ, и производитъ между ними гармонію, сообщая такъ-сказать свою. Высшіе роды животныхъ и растений отчего намъ болѣе нравятся, нежели низшіе? Оттого, что въ первыхъ совершеннѣе выражается идея животнаго и идея растенія; идеи эти болѣе гармонируютъ съ своей формой, и эта форма въ свою очередь находится въ большей гармоніи съ нашимъ умомъ и чувствами. Левъ поэтому намъ кажется лучше ящерицы, пальма лучше гриба, хотя ящерица по строенію выше пальмы, умъ это знаетъ, но чувство этого и знать не хочетъ. Ему нравится лучше пальма, оно ее и считаетъ лучше. Изъ этого примѣра какъ нельзя болѣе видна разница между разумнымъ и прекраснымъ, между истиной и красотой. Прекрасное поэтому не есть жизнь вообще, а только лучшее въ жизни, болѣе нравящееся, болѣе гармонирующее съ нашей природой. Въ паралель же этому можно сказать, вопреки Гегелю, что разумное есть не все, что дѣйствительно, не все, что существуетъ, а только то, что воспринимается разумомъ. Полезное же, можно сказать — все то, что воспринимается разумомъ.

Еще ошибочнѣе въ разбираемомъ нами сочиненіи *опредѣленіе возвышеннаго*. Отвергая прежнее опредѣленіе этого слова, авторъ говоритъ, что «возвышенное есть то, что гораздо больше всего близкаго» (27 стр.). Далѣе, вмѣсто термина «возвышенное», онъ ставитъ «великое», и прибавляетъ, что превосходство великаго или

возвышеннаго состоитъ въ гораздо большей величинѣ, или гораздо большей силѣ (25 стр.). Кажется, ясно, что величину и силу, авторъ ставитъ существеннымъ признакомъ возвышеннаго. Но есть предметы и сравнительно небольшого размѣра, какъ напримѣръ храмы, однако они болѣе возбуждаютъ чувство возвышеннаго, чѣмъ холмы. Плоскій потолокъ, хотя бы и огромный, можетъ только удивить, сферическій куполъ дѣйствуетъ иначе. Масивныя зданія казарменной архитектуры ложатся на душу тяжело; рвущіеся же къ небу своды готическихъ построекъ возвышаютъ духъ. Если величиной опредѣлять сущность возвышеннаго, то къ этому отдѣлу можно, пожалуй, отнести всѣ огромныя стѣны безъ оконъ, которыми такъ безобразится Петербургъ. Подлѣ моей квартиры стоитъ домъ, съ изящнѣйшимъ фасадомъ и красною, кирпичною стѣною сбоку; и то и другое велико, но впечатлѣніе не одно. Такъ-то мало значить одна величина сама по себѣ.

То же можно сказать и въ отношеніи силъ: она, по мнѣнію автора, тоже признакъ возвышенности. Относя Ніагарскій водопадъ, Римскую имперію и Александра Македонскаго къ отдѣлу возвышеннаго, авторъ говоритъ, что тайна возвышенности здѣсь не въ перевѣсѣ идеи надъ формой (какъ прежде думали), а въ характерѣ самого явленія. Но отъ чего же зависитъ самый характеръ такого явленія, какъ Александръ Македонскій, какъ не отъ перевѣса въ немъ идеи надъ средствами, какъ не отъ безграничности его стремленій?... «Перевѣсъ идеи надъ формой—оговаривается авторъ — усиливаетъ только эффектъ возвышенности». Значитъ, авторъ на половину только опровергаетъ прежнее опредѣленіе. «Очень часто кажется намъ предметъ возвышеннымъ, не переставая въ то же время казаться *далеко* небезпредѣльнымъ (какая неточность въ выраженіи)... Такъ Монбланъ или Казбекъ возвышенный, величественный предметъ, но никто изъ насъ не думаетъ, въ противоположность собственнымъ глазамъ, видѣть въ немъ безграничное или неизмѣримо великое». Не въ немъ, не въ Монбланѣ, видятъ безграничное, а черезъ него, онъ возбуждаетъ въ насъ это чувство. Когда средства органа зрѣнія не въ состояніи измѣрить или объять предметъ, и мы его не можемъ подвергнуть глазомѣру, то предметъ невольно возбуждаетъ въ душѣ чувство безграничнаго. «Море кажется гораздо величественнѣе—говорится потомъ—когда видѣнъ берегъ (границы), нежели когда береговъ не видно». Тутъ явно смѣшивается красота берега съ красотой моря. Не берегъ придаетъ величіе морю, а взглядъ на него съ берега, съ высоты. Но вотъ еще любопытное мѣсто: «Гроза — одно изъ величественнѣйшихъ явленій въ природѣ; но необходимо имѣть восторженное воображеніе, чтобы видѣть какую-нибудь связь между грозой и

бесконечности. Человѣкъ, смотря на грозу, очень хорошо помнитъ, что она бессильна надъ землею (объ участи земнаго шара человекъ менѣе всего заботится), что первый ничтожный холмъ отразитъ напоръ урагана (и о холмахъ мы тоже мадо беспокоимся). Правда, что ударъ молнии можетъ убить человека, но что же изъ этого? Не эта мысль причиною, что гроза мнѣ кажется величественной. Когда я смотрю, какъ вертятся крылья вѣтренной мельницы, я также знаю очень хорошо, что, зацѣвъ меня, мельничное крыло переломитъ меня какъ щепку, и я сознаю ничтожность своихъ силъ передъ силою мельничнаго крыла, а между тѣмъ, едва-ли въ комъ-нибудь взглядъ на вѣтреную мельницу возбуждаетъ ощущение возвышеннаго» (21 стр.). Да какой же шутъ заставить меня подвернуться подъ мельничное крыло? Есть ли въ этомъ какая вѣроятность? Авторъ, впрочемъ, сейчасъ же понимаетъ свое неудачное сравненіе грозы съ мельницей: «Я знаю, мельничное крыло не зацѣвитъ меня; во мнѣ нѣтъ чувства ужаса, какой пробуждается грозою — справедливо; но этимъ говорится уже совершенно не то, что говорилось прежде (1); этимъ говорится: «возвышенное есть ужасное, грозное». — Вотъ уже и другое опредѣленіе готово. Но ужасомъ еще не опредѣляется характеръ возвышеннаго. Страшная сила стрихнина или синильной кислоты, возбуждая ужасъ, не производитъ чувства возвышеннаго. Теперь ясно, что возвышенность опредѣляется вовсе не силою, не ужасомъ и не величиною.

Во время грозы, кромѣ несомнѣримости своихъ силъ съ силами природы, на насъ дѣйствуетъ еще и красота явленія — движеніе облаговъ, торжественная беззвучность въ природѣ, вліяніе электричества на все живое, чувство ужаса переходитъ въ ощущение грандіозности. И всѣ эти ощущенія какъ-бы тонуть въ идеи безконечнаго, абсолютнаго. Авторъ говоритъ, что два опредѣленія: возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формою, и возвышенное есть проявленіе безконечнаго — различны между собой. Напротивъ, одно вытекаетъ изъ другого: перевѣсъ идеи безъ нарушенія связи и гармоніи съ формою именно и есть понятіе абсолютнаго. И подъ это понятіе нельзя подводить, какъ это сдѣлано на 16-й стр., понятіе безобразнаго; безобразное есть, наоборотъ, отсутствіе идеи въ формѣ, безформенность, аморфность предмета.

Понятіе безконечнаго вообще мало доступно человеку. Наблюдая все только конечное, разрушающееся, онъ невольно кладетъ всему границы, предѣлы; только предметы, которыхъ формы стремятся какъ-бы уйти въ даль, расширяться или уменьшиться до нуля, даютъ ему понятіе о безконечномъ и возвышаютъ духъ. Равнина, сливающаяся съ горизонтомъ; море, котораго конца не видитъ глазъ; сферическій куполъ, въ формахъ котораго нѣтъ ося-

земныхъ границъ; мимическое волоконецъ въ пятьдесятитысячникомъ линий, съ двумя родами частицъ, различно преломляющихъ свѣтъ— возбуждаютъ чувство безконечнаго. И трудно рѣшить, что больше возвышаетъ чувство и мысль: безконечно-ли великое, или безконечно малое, телескопическія-ли громады, или микроскопическія величины? Безконечность есть одно изъ коренныхъ свойствъ природы. Чувство возвышеннаго есть способность ощущать это свойство. Люди, лишеныя этой способности и смѣющіеся надъ абсолютнымъ, безконечнымъ, высказываютъ только ограниченность своего ума.

Такое же смѣшеніе понятій вводится сочиненіемъ, когда оно касается до *трагическаго*. На мѣсто метафизическихъ хитросмеленій вездѣ видна кака-то механическая простота мысли. Выше опредѣленій являются формулы. Какъ прекрасное опредѣляется жизнью, возвышенное—великостію, такъ и трагическое авторъ опредѣляетъ ужасомъ. «Трагическое есть ужасное въ человѣческой жизни» (43 стр.). Но не забудьте, что ужась уже введемъ въ понятіе возвышеннаго; но тамъ онъ былъ вторымъ дѣломъ, здѣсь же является первымъ (и то хорошо). Подставляя это курьезное опредѣленіе, авторъ вдается въ различныя діалектическія тонкости и доходитъ наконецъ даже до отрицанія трагизма. «Гдѣ же необходимость трагическаго въ природѣ?—воскликаетъ онъ между прочимъ.—Трагическое въ борьбѣ съ природой—случайность. Этимъ однимъ рушится теорія, видящая въ немъ «законъ вселенной» (38 стр.). Но случайностію нельзя уменьшить значеніе трагическаго. Случай бываютъ мгновенные, непродолжительные—ударъ грома, провалъ, и продолжительные, сопровождающіеся борьбой столкнувшихся явленій.

Удивляться поэтому нечего, что понятіе трагическаго соединяется съ понятіемъ случая. Дѣйствуя, человѣкъ приходитъ въ столкновеніе съ законами необходимости; и на какой бы степени развитія онъ ни стоялъ, всегда чувствуетъ самодѣтельность воли своей и упорную непоколебимость окружающаго. Въ тотъ темный и отдаленный періодъ, когда человѣкъ еще не предвидѣлъ возможности борьбы съ природой, онъ ее олицетворяетъ, одухотворяетъ, трепещетъ какъ ребенокъ и падаетъ передъ нею какъ рабъ. Ограничивающія его волю обстоятельства и явленія физическія невольно представляются ему какъ-бы враждебными, идущими отъ существъ ему подобнымъ; отсюда олицетвореніе силъ природы. Трагическое на такой степени развитія яв-

десъ человѣку верховъ скорби и радомъ нѣтъмъ незаслуженныхъ мученій. Читая трагедіи древнихъ, ми не можемъ не сочувствовать тому боъисксодно-начальному положенію, въ которомъ чувствовали себя первобытній человѣкъ, одолевасмій природой и спутывасмій обстоятельствами. Скорби въ этомъ положеніи было болѣе, чѣмъ ужаса.

Но вотъ онъ дѣлается пронипательнѣе, опитнѣе, страхъ конепногу разсѣвается, мномъ дѣлаются блѣднѣе, онъ изловчается, начинаетъ одолевать природу, смѣяться надъ обстоятельствами, и доходить до убѣжденія въ свободной волѣ и даже видить надъ собою покровительство въ провидѣніи. Рокъ исчезъ, является драма. Трагическое слилось съ комическимъ. Но трагическое черезъ эту струю радости и смѣха, влившурся въ искусство, не ослабѣло. По нѣрѣ развитія и усложненія жизни, индивидуумы все болѣе и болѣе приходили въ столкновение съ началами обществснности, и теиерь еще человѣкъ, подавляемій дурко сложившимися обстоятельствами—бѣдностію, рабствомъ и невѣжествомъ, падаетъ часто ницъ. Обстоятельства еще являются передъ нимъ олицетворенными и санкціонированными; хотя и эти вторичные, такъ сказать, мномъ рассѣиваются и человѣкъ какъ будто близится къ золотому вѣку доволства и свободы.

Казалось быи трагическое черезъ это должно близиться въ концу. Такъ нѣтъ же ветъ. Природа неумолнна! Въ предѣлахъ настоящаго отеривается новшій источникъ скорби, новшій элементъ трагизма. Законы необходимости, отеритые въ самомъ существѣ человѣка, болѣзненная сила страстей и ученіе о связи нравственныхъ движеній съ матеріальными измѣненіями—все это ставитъ человѣческое сознание въ новое положеніе, въ которомъ нѣтъ ужаса, но бездна скорби. Пльство и развратъ не возбуждаютъ ужаса, а между тѣмъ сколько трагической, внутренней борьбы производятъ эти страсти. Какими мучениками самихъ себя являются люди, дѣлаясь жертвами этихъ страстей, столь близкихъ съ болѣзнями! Откуда взялся трагическій лиризмъ Байрона, какъ не отъ того, что острасть и страданіе убили въ немъ вслгій источникъ радости. Гейне изображаетъ это страданіе—то въ видѣ сфинкса, который, обнимая, вонзаетъ когти въ его спинной мозгъ, то въ видѣ женщины, цолущей его предсмертное бѣлье. Въ человѣческихъ страстяхъ есть что-то роковое, трудно побѣдимое. Трагично не то, что Отелло убилъ Деядемону, какъ кажется автору, а та борьба и душевная боль, которую перенесъ Отелло отъ своей страсти. Трагично не то, что убиваютъ Макбета, а то, что онъ исцптываетъ мученія, нашедась между требованіемъ совѣсти и жаждою власти. Въ человѣкѣ самомъ поэтому есть не-

исключенный источник счастья, которое сам даже ищет в присутствии духа любиться. Въ этомъ сознании своей силы и безсилія, свободы и зависимости, добра и зла своей природы—осквѣщенный трагизмъ современной жизни: Безоумное желаніе замкнуто въ насъ какъ-бы въ ограниченные предѣлы. Сама природа наложила на насъ цѣпи, которыя мы будемъ вѣчно потрясать...

Затемнивъ такимъ образомъ понятіе о прекрасномъ, вычеркнувъ изъ его предѣловъ возвышенное (27 стр.) и отвергнувъ совсѣмъ трагическое, авторъ переходитъ къ разбору понятія объ искусствѣ. Говорить о немъ сперва вообще, потомъ въ частности объ искусствахъ, потомъ опять вообще. Поэтому мы для облегченія читателя выберемъ сначала изъ книги все, что онъ говоритъ объ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и музыкѣ.

Архитектуру авторъ думаетъ уничтожить тѣмъ, что ставитъ ее наравнѣ съ садоводствомъ, мебельнымъ и моднымъ искусствомъ и производствомъ тканей. Но этикъ сопоставленіемъ не столько унижается искусство, сколько возвышается мастерство. Если практическіе предметы будутъ исполняться—говоритъ авторъ—подъ вліаніемъ прекраснаго, а не полезнаго и нужнаго, то архитектура получить значеніе искусства. Если же наоборотъ, то она должна быть исключена изъ сферы искусства. Не такъ-какъ полезнымъ архитектура не ограничивается, какъ желалъ бы авторъ, то нельзя ее, значить, и вычеркивать изъ сферы искусства. Требовать отъ архитектуры, чтобы она служила только надобности, это то же, что одобрять зданіе въ видѣ огромныхъ четырехугольниковъ съ правильно размѣщенными пирами вмѣсто оконъ. Человѣку свойственно украшать свое жилище, и изъ практически полезныхъ предметовъ это было первое, на что обратилъ его взоръ. Прежде, правда, существовали зданія, въ которыхъ заширились такъ-сказать идеи, и они были верхомъ архитектурнаго искусства. Такъ ропщите же на человечество, что ему такъ дороги были идеи.

Самъ авторъ замѣчаетъ, что въ жизни есть стремленіе придать форму красоты даже и практическимъ вещамъ (эгурскія вазы). Польза въ этикъ вещахъ какъ-бы сливается съ красотой. Полезныя вещи красивой формы какъ-бы двойнѣ полезны. И это стремленіе дѣлать самые обыкновенные предметы красивыми, необходимо въ людяхъ. Въ столицахъ, гдѣ люди далеки отъ природы, стремленіе это особенно замѣтно. Стоитъ только войти въ любой галантерейный магазинъ, и мы сейчасъ убѣждаемся, какъ неодолима въ насъ потребность вещаго. Но

убежденныя также и въ дѣлѣ, какъ изречеся въ домѣ: эта потребность: вмѣсто излито простыхъ вещей, ми видить обманоченно притудливое-роскошныя. Говоря о шпалехъ въ десять тысячъ франковъ, авторъ замѣчаетъ: «Быть можетъ, скажетъ мыслитель, всѣ эти вещи не столько произведенія искусства, сколько роскоши (еще бы); быть можетъ, онъ скажетъ, что истинное искусство чуждается роскоши, потому что существенный характеръ прекраснаго — простота» (85 стр.). Да, именно это—существенный характеръ искусства, и еслибы чувство красоты болѣе дронидо въ душу людей, то этимъ напрямѣно уменьшилось бы ихъ стремленіе къ роскоши, не уменьшивъ несколько въ нихъ стремленія къ пользѣ. Самый отъявленный утилитаристъ конечно согласится, что было бы лучше, полезнѣе, еслибы всѣ нужныя вещи были красивы, а не роскошны. Роскошь есть карикатура, пародія на произведеніе искусства, созданная прихотью и модой; она эксплуатируетъ, уничтожаетъ искусство. (*)

Подобно тому, какъ Бенвенуто Челлини хотѣлъ возвысить мастерство до искусства, такъ и авторъ «Эстетическихъ отношеній» думалъ низвести искусство на степенъ мастерства. Но этого не должно быть. Чѣмъ полезнѣе вещи будутъ дѣлаться изящнѣй, тѣмъ онѣ скорѣе ливатся своей вредной стороны—роскоши. Цѣнность черезъ это будетъ въ искусствѣ приготовленія, а не въ матеріалѣ. Искусство возвыситъ цѣнность труда и понизитъ цѣнность капиталовъ и за этимъ убьетъ роскошь.

Теперь посмотримъ, чтó говорится въ этомъ же сочиненіи въ отношеніи *скульптуры*. «Обратилось въ какую-то аксіому, что красота очертавіи Венеры Медицейской или Милосской, Апполона Бельведерскаго и т. д. выше, нежели красота живыхъ людей. Въ Петербургѣ нѣтъ ни Венеры Медицейской, ни Апполона Бельведерскаго, но есть произведенія Кановы; потому мы жители Петербурга можемъ имѣть смѣлость судить до нѣкоторой степени о красотѣ произведеній скульптуры. Мы должны сказать, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одной статуи, которая по красотѣ очертавіи лица не была бы гораздо ниже живыхъ людей и что надобно пройти по какой нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ...» (87 стр.). Это со стороны автора слишкомъ большой и неудачный комплиментъ дѣйствительности. Дѣло тутъ не въ лицѣ; скульптура изображаетъ не одно лицо,

(*) См.: о роскоши въ моихъ статьяхъ: *Теорія пользы и ошибки* и *Дѣло Эпоха*. Ноябрь 1864 и январь 1865.

она заставляла насъ такъ-сказать думать всеобъемлющимъ образомъ всего человѣка; потому-то скульптура такъ и была свойственна самому объективному, т. е. всѣмъ народамъ — грекамъ. Цѣломудреннее христіанство одѣло облаченными формами. Сила генія сосредоточилась въ лицѣ; отсюда помято развитіе итальянской живописи.

«Математически строго—продолжаетъ авторъ—можно доказать, что произведеніе искусства (скульптурнаго) не можетъ сравниться съ живымъ лицомъ» (87 стр.).—Ни математически, ни логически нельзя этого доказать не только въ отношеніи лица, но и въ отношеніи всѣхъ формъ. Въ этомъ-то и причина недоразумѣній многихъ на счетъ искусства, что оно познается прежде всего чувствами, болѣе ощущаемо, чѣмъ мыслимо. Оттого всѣ доказательства наши не объясняютъ ничего тому, что одаренъ несчастливою способностію не вѣрить своимъ чувствамъ.

Смѣшивая скульптуру съ живописью, авторъ далѣе говоритъ: «Лица, прекраснѣе тѣхъ лицъ, которыя мнѣ случалось видѣть въ дѣйствительности, я не могу себѣ вообразить. Это выше силъ человѣческой фантазіи» (88 стр.).—Здѣсь требуется отъ скульптуры то, чего она не можетъ дать: въ скульптурѣ нѣтъ ни красокъ какъ въ живописи, ни движенія какъ въ музыкѣ, въ ней только гармонія линий и формъ. Съ этой стороны только и можно сравнивать скульптурныя лица съ живыми. И вотъ эта-то гармонія линий и формъ всего тѣла, въ скульптурѣ уже выше чѣмъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности природа не объ одной красотѣ и гармоніи заботится. Природа, какъ говоритъ Фишеръ, заботится о всей массѣ предметовъ; ей нужно сохраненіе, а не собственно красота.

«Обыкновенно, если лицо неизуродовано, то всѣ части бываютъ въ такой гармоніи между собой, что нарушить его значило бы портить красоту лица. Этому учить насъ сравнительная анатомія» (Слова автора, 88 стр.). Ужь чему-чему, а этому не учить насъ сравнительная анатомія. Рѣдко, напротивъ, можно встрѣтить красавицу, у которой бы не было линий, гармонизирующихъ со всѣмъ тѣломъ. Въ этомъ-то и задача скульптуры, что она не только не можетъ налюбоваться формами, но захотѣла еще вышнихъ формъ. Правда, что дѣйствіе скульптуры, какъ бы она ни была идеализирована, все-таки сенсуальное, страстное. Но страстности не всегда же можно бояться, а нѣкоторымъ, пожалуй, можно ее и искать. Сколько есть безстрастныхъ, холодныхъ натуръ, которыя живутъ неполною жизнью. Все, конечно, должно быть на своемъ мѣстѣ и всему должна быть мѣра; такъ и скульптура не должна идти въ ущербъ другимъ иску-

стать; но если скрывать совсѣмъ отъ людей статуи, или убить въ нихъ понижаніе скульптуры, гармоніи формъ и линій, она все равно стануть смотрѣть на двусмысленныя картинки. Имн-то теверь и довольствуется нашъ современный вкусъ, ищущій безстыднаго вмѣсто прекраснаго. Страстность тогда только грязна и вредна, когда она неполна. Полное развитіе страсти разрѣшается и великимъ наслажденіемъ, за которымъ слѣдуетъ столь же полное усношеніе. Вторичная страсть есть признакъ неудовлетворенности первой, какъ замѣтилъ Сѣченовъ. Развратъ есть не что другое, какъ неполное, одностороннее развитіе страсти, повторяющейся часто вслѣдствіе недостатка нравственнаго удовлетворенія чувствомъ любви.

Столь же невѣрны сужденія автора о живописи. Вотъ что, между прочимъ, говорится объ ея средствахъ. «Красота живописи въ сравненіи съ цвѣтомъ тѣла—грубое, жалкое подражаніе; вмѣсто нѣжнаго тѣла она рисуетъ что-то зеленоватое или красноватое (!)... Одинъ только нѣтъ оттѣнковъ передаетъ живопись хорошо—потерявшій жизненность, сухой цвѣтъ стариковскаго или загубааго лица. Покрытыя оспенными ямочками или болѣзненными лица также выходятъ на картинахъ несравненно удовлетворительнѣе, нежели свѣжія, молодыя» (91 стр.). Не на оборотъ ли? Большая часть портретистовъ, напротивъ, имѣютъ недостатокъ дѣлать лица моложе, красивѣй, чѣмъ они есть въ дѣйствительности; имъ бываемъ часто удивлены, увидя лицо, которое привыкли считать по портрету значительно моложе и лучше. А что касается до рыбихъ лицъ, то ихъ, кажется, труднѣе всего изобразить живописку. «Лучше другихъ оттѣнковъ жизни живописи удается изображать судорожное искаженіе лица при разрушительныхъ фактахъ, напримѣръ, выраженіе гнѣва, ужаса, свирѣдости, физической боли, нравственнаго страданія.» Это кажется автору потому, что эти движенія замѣтны даже и лишеннымъ эстетическаго вкуса, и еще потому, что за нихъ берется ббольшая часть живописцевъ. «Нивогда не можетъ живопись достигъ нѣжности штриховъ, гармоничности всѣхъ мельчайшихъ видоизмѣненій мускуловъ, отъ которыхъ зависитъ выраженіе нѣжной радости, тихой задумчивости, легкой веселости» (91 стр.). Мнѣніе это такъ голословно, что его почти нѣтъ надобности и опровергать.

Для тѣхъ, которые желали бы убѣдиться, напримѣръ, до чего великіе художники умѣютъ изображать тонкія движенія душевныя, советуемъ взглянуть при случаѣ хоть на слѣдующія картины въ эрмитажѣ. Перехъ нами Мадонна д' Альба Рафаэля: Іоаннъ Креститель

подастъ крестъ Божіей Матери и сидящему у нея на колѣняхъ младенцу Иисусу. Она взглянула на крестъ и взоръ ея, скользящій о поразившій ее предметъ, устремляется въ даль. Когда вскорѣншись въ этотъ взглядъ, полный глубокаго раздумья, те становится ясно, что она, глядя въ даль, думаетъ о будущности своего младенца. Глаза ея полны глубокой, безконечной печалью; они даже блестятъ, но не слезою, а тѣмъ неувловимымъ блескомъ, который является въ минуты тихой, сосредоточенной скорби, близкой къ слезамъ. Лицо младенца тоже обращено къ кресту; и на немъ видѣнъ слѣдъ дѣтской возмужалости: въ глазахъ—мысль, въ устахъ—какъ-будто выраженіе рѣшимости. Все внутреннее существо его точно рвется изъ своихъ границъ. Скажутъ: такое выраженіе въ ребѣнкѣ неестественно. Нѣтъ; кто имѣлъ случай наблюдать дѣтскія лица, тотъ знаетъ, что такимъ взоромъ смотрятъ и обыкновенныя дѣти. Вольшой лобъ, полные глубокаго смысла глазки и строгое, часто недѣтское сложеніе губъ указываетъ, что въ нихъ психическая дѣятельность беретъ часто перевѣсъ надъ всѣмъ. Только что появившійся на свѣтъ организмъ какъ-бы хочетъ быть выше своей природы. Отъ этого-то дѣти и гибнутъ часто отъ болѣзней мозга. Итальянская живопись тѣмъ-то и высока, что сумѣла идеальное, сверхъестественное, выразить въ реальныхъ, живенныхъ формахъ.

Какъ на лучшее выраженіе иѣжной радости, которой авторъ не видѣлъ въ живописи, совѣтуемъ посмотрѣть картину Соларіо, изображающую Божію Матерь, вермящую грудь Иисуса. Глазъ ея не видно, они какъ-бы всѣ ушли въ ея ребѣнка; все ея лицо, полное любви и того чувства, которое испытываютъ матери, давая грудь ребѣнку, тоже устремляется къ нему; руки, положеніе тѣла все показываетъ, что она живетъ не для себя, что она—мать. Или вотъ еще картина Мурильо подъ № 367: Святая Дѣва стоитъ передъ сияющимъ младенцемъ. Она смотритъ на него, и въ этомъ чудно-прекрасномъ и дивномъ дѣвственностію лицѣ выражается безконечно-тонкое, неувловимое удивленіе; лѣвая рука, поднятая вверхъ, тоже выражаетъ это чувство. Съ нимъ же гармонируетъ въ лицѣ еще болѣе неувловимый отгѣнокъ стыдливости и кроткаго восторга. Художникъ, видно, хотѣлъ передать то мгновеніе, когда Святая Дѣва такъ-сказать еще не привыкла, не освоилась съ совершившимся надъ ней. Наконецъ, какъ примѣръ изображенія неувловимыхъ движеній души, мы можемъ указать на картину Гвидо-Рени подъ № 191. Нѣсколько молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ сидятъ за рукодѣльемъ. Одна изъ нихъ рассказываетъ, и, какъ видно по лицу, что-то очень печальное. Остужающія ее слушаютъ. Одна хоть и продолжаетъ старательно шить,

но на лицѣ ея видныя какъ къ раскаяу, такъ и къ своей работѣ; другая рѣжетъ полотно, но неиницы ея идутъ невѣрно—она слушаетъ пристально. Третья скакиваетъ ткань, смотря на расквашу: видно, что ей работа нисколько не мѣшаетъ. Четвертая, красивая блондинка, совсѣмъ оставила свое шитье и съ зоростью, полнымъ участіемъ, слушаетъ расквашу; пятая, видно, совсѣмъ не слушаетъ: такъ она занята работой. Сколько дѣтъ существуетъ эта картина, это произведение чистаго искусства, а между тѣмъ при взглядѣ на нее невольно приходитъ на умъ мысль, какъ въ жизни женщины механическая работа сталкивается тѣсно съ умственной дѣятельностію; какъ одно мѣшаетъ другому, какъ одно не кланяется съ другимъ, и какъ одно что-нибудь, или умственная дѣятельность или работа, беретъ перевѣсъ надъ другимъ. Въ жизни женщины и теперь еще все это повторяется и долго еще будутъ маленькіе дѣвочки заставлять вмѣстѣ и шить и слушать чтеніе, и руками работать и головою дѣйствовать. Самны даже современныя женщины еще держатся этого принципа.

Всего этого, конечно, не было и слѣда въ головѣ живописца, но все это онъ могъ возбудить, подобно тому какъ возбуждаетъ мысль и чувство живая дѣйствительность. Въ этомъ-то и высокое значеніе живописи, что она, снимая художественный портретъ съ жизни, не говорить, не поетъ, а только заставляетъ васъ смотрѣть и созерцать жизнь. Въ выборѣ замѣченныхъ нами картинъ мы руководствовались не превосходствомъ ихъ передъ другими, а только желаніемъ объяснить примѣромъ, до какой степени способны великіе художники схватывать тончайшія движенія душевныя въ ихъ реальномъ проявленіи. Какъ ландшафтная живопись намъ даетъ понятіе о далекихъ странахъ и невиданныхъ картинахъ, такъ и живопись лица и фигуры открываетъ намъ не для всякаго близкія, не для всякаго доступныя душевныя движенія. Хотите быть фізіономистомъ—учитесь не у Лафатера и его послѣдователей, а у гениальныхъ и талантливыхъ художниковъ. Они—единственно вѣрные фізіономисты и могутъ быть большимъ пособіемъ въ эстетическомъ воспитаніи.

Картины великихъ художниковъ, что называется, заглавли наши безобразники. Пониманіе ихъ убито въ обществѣ. Картины только встрѣтъ въ глазахъ посѣтителей выставокъ; и тѣмъ болѣе, что онѣ всѣ безъ надписей. А картина безъ надписи—то же, что книга безъ заглавія. Каталогъ есть, но въ немъ только перечень, а не эстетическія объясненія. Вслѣдствіе этого живопись существуетъ у насъ не для массы, которая, при другихъ обстоятельствахъ, расквашая по эрмитажу и выставкамъ, могла бы волучить на

легонькое удовольствіе, а высшее и чистое наслажденіе, которое нельзя купить ни за такіе деньги.

Читая за этия сужденіе о живописи ландшафтной, можно подумать, что авторъ не видѣлъ ни одного ландшафта. Увѣряя своихъ доверчивыхъ читателей, что живописи не умѣетъ изображать ни отблесковъ полуденнаго неба, ни освѣщенія утра и вечера, а только темноту ночи, авторъ совѣтуетъ любоваться картинами природы въ дѣйствительности, въ которыхъ нечего осудить. «Войдите въ перадоцный лѣсъ—не говоримъ о лѣсахъ Америки, говоримъ о тѣхъ лѣсахъ, которые уже пострадали отъ руки человѣка, о нашихъ европейскихъ лѣсахъ... Проѣзжайте двѣсти триста верстъ по дорогѣ, не говоримъ въ Крину или Швейцаріи, нѣтъ, въ европейской Россіи» (98 стр.). Легко сказать: проѣзжайте! Не всякій можетъ ѣздить, а тѣмъ болѣе путешествовать ради картинъ природы. Ландшафтная живопись тѣмъ-то и хороша, что она замѣняетъ человѣку всадѣйствіе. Что всѣ книжныя описанія тропической природы передъ живописными изображеніями; первыя только и понятны, когда есть послѣдняя, когда бананы, пальмы и т. д. мы видимъ какъ-бы своими глазами, благодаря искусству, изображающему природу безъ всякой задней мысли. Картины русскихъ видовъ у Гоголя, на примѣръ, оттого-то такъ нравятся намъ особенно, что мы ихъ видѣли. Если ландшафтной живописи чего недостаетъ, то это—изображенія граціознаго въ природѣ. Всякій ландшафтъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, есть въ маломъ видѣ картина. Но этотъ недостатокъ, эту трудность въ нѣкоторой степени, быть можетъ, преодолѣтъ декорация въ высшемъ ихъ развитіи.

Говоря о музыкѣ, авторъ всадѣ смѣшиваетъ искусство съ искусственностію. Замѣчая такимъ образомъ въ искусствѣ одну только фальшивую сторону, неудивительно, что онъ даже и пѣніе съ музыкой выдѣляетъ изъ области искусства. «Пѣніе—говоритъ онъ—первоначально и существенно, подобно разговору, есть произведеніе практической жизни, а не произведеніе искусства; но валъ всякое умѣнье, пѣніе требуетъ привычки, занятія и практики... И естественное пѣніе становится въ этомъ отношеніи искусствомъ; но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется искусствомъ умѣнье писать, считать, нахать землю и всякая практическая дѣятельность, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ придается слову «искусство» эстетикой» (98 стр.). Значитъ, умѣнье писать, переписывать—то же, что и сочинять, искусство дѣлать...

тъ не, что искусство составляетъ омерз. «Какое сравненіе—говорится дагѣ — между аріей итальянской оперы, и простымъ бѣднымъ монотоннымъ мотивомъ народной пѣсни! Но вся ученость гармоній, все изящество ритмики, все богатство украшеній геніальной арии, вся гибкость, все несравненное богатство голоса, все исполняющее, не замѣнить недостатка искреннаго чувства, потерявъ проникнуть мотивъ бѣдной народной пѣсни и неблескѣй, мало обработанный голосъ человѣка, который поетъ не изъ желанія блеснуть, выказать свой голосъ, а изъ потребности вылить свое чувство». Какъ-будто не изъ той же потребности, только съ большимъ запасомъ чувства и средствъ, поетъ и геніальный пѣвецъ? Дагѣ, впречтѣ, авторъ и самъ съ собою несогласенъ, и самъ себя противорѣчитъ. «Искусный, впечатлительный пѣвецъ можетъ войти въ свою роль, проникнуться тѣмъ же чувствомъ, которое должна выразить его пѣсня. И въ такомъ случаѣ онъ пропоетъ ее на театрѣ передъ публикой лучше другаго человѣка, воющаго не на театрѣ, отъ избытка чувства, а не напоказъ публикѣ; но въ такомъ случаѣ пѣвецъ перестаетъ быть актеромъ и его пѣсня становится пѣсней самой природы, а не произведеніемъ искусства» (99 стр.). Вотъ тебѣ разъ! Тутъ уже нѣтъ и послѣдовательности. Авторъ очевидно путается въ понятіяхъ и требуетъ отъ искусства богъ-знаетъ чего—чтобъ оно было искусствомъ, а не дѣйствительностію. Итальянская арія тоже произведеніе народа и, наконецъ, самые актѣры изъ него большею частію вышли. И развѣ народныя пѣсни всегда искренни, всегда поются съ чувствомъ? и не служатъ часто прибавкой къ шалостямъ, попойкамъ и т. д.?

Что касается до инструментальной музыки, то онъ ее прямо и исключительно называетъ подражаніемъ пѣнію и суррогатомъ пѣнія, а всю вообще музыку только слабымъ воспроизведеніемъ явленной жизни (101 стр.). Напротивъ, музыка, начавшись съ подражаніемъ природѣ, болѣе нежели какое искусство вышло изъ этихъ границъ. Природа нѣма, въ ней только шумъ и громъ. Краски и формы природа богаче, чѣмъ звуки. Музыка дополняетъ, такъ-сказать, недостатокъ природы. Самое пѣніе, какъ бы оно ни было безъискусственно, есть начало музыки. Въ инструментальной музыкѣ творчество человѣка еще очевиднѣе. Человѣкъ посредствомъ органа голоса или другаго инструмента, приложеннаго къ его пальцамъ или губамъ, выражаетъ звуки, которые въ природѣ нѣтъ и подобія. Какая разница между журчаніемъ ручья, шумомъ вѣтра, звуками тростника, пѣніемъ птицъ и веромъ голосовъ или оркестромъ инструментовъ? Музыка есть самое бесстрастное, самое субъективное, самое лирическое изъ

всѣмъ нечувствъ, какъ они выразились въ видѣй прошлой статьи (Дѣти). Позволяемъ себѣ нѣмъ вышность нѣсколько оспорить.

«Древніе приписывали музыкѣ силу обузданія страстей: изъ этого основанъ мнѣ объ Орфѣѣ, укрощающемъ звѣрей. Диссонансъ, производимый въ душѣ страстями, дѣйствительно ничѣмъ такъ не можетъ быть уничтоженъ, какъ мелодією музыки. Гармонія музыки, повидимому, употребилась уже иначе, чему омувать примѣромъ марши, которыми пользовались для возбужденія рѣшимости. Какъ мелодія преимущественно падасть на чувство, такъ гармонія на волю; но ни та, ни другая не рисуютъ картинъ, не дѣйствуютъ на воображеніе или, точнѣе, дѣйствуютъ только на ту часть его, которую можно назвать по преимуществу фантазією, воображеніемъ чувства, а не страсти... Эта-то безстрастная идеальность есть сила и слабость музыки. Власть ея велика надъ человѣкомъ. Выростая изъ звуковъ природы, она не слишкомъ глухихъ людей заставляеть и плакать, и радоваться, и доходить до самоотверженія, но никогда не возбуждаеть животной страсти».

Въ музыкѣ никакая наблюдательность, никакое копированіе съ жизни не помогутъ. Все обученіе этому искусству состоитъ преимущественно въ преодоленіи механическихъ трудностей и въ знакомствѣ съ прежде прочувствованнымъ великими музыкантами; а кто хочетъ идти дальше, тотъ долженъ искать источниковъ не внѣ себя, не въ природѣ, а въ глубинѣ своей души. На музыкѣ мы видимъ яснѣе всего, что фантазія есть неблѣдная, неудачная передѣлка явленій дѣйствительности, а дополненіе къ ней. Музыкантъ творить все какъ-бы изъ ничего.

И послѣ этого думаютъ нѣкоторые замѣнить музыку механическимъ искусствомъ, органами. Органы въ музыкѣ то же, что дагеротипъ въ живописи и, пожалуй, стереоскопы въ скульптурѣ. Все это вмѣстѣ есть не что другое, какъ услуга, оказанная наукой искусству, подспорье къ нему, а не само искусство. И какаѣ различія въ приѣмахъ и исполненіи. Дагеротипъ требуетъ неподвижности и снимаетъ одно только положеніе фізіономіи; а извѣстно, что фізіономія мѣняется и человѣческое лицо далеко не одно и то же каждую минуту, потому что внутренняя жизнь, болѣе или менѣе отражающаяся въ фізіономіи, не имѣетъ покоя. Художникъ-портретистъ схватываетъ изъ этихъ положеній и оттѣнковъ лица типическое, существенное; потому онъ и не требуетъ неподвижности, а напротивъ, разговаривая, наблюдаетъ лицо во всѣхъ его видовыхъ мѣнахъ. Фотографы, подражая этому, стараются поспѣвать за человѣкомъ, посадить его въ свободную позу, но обыкновенно напрасно. Что же касается до снимковъ съ ли-

вѣстнѣ картинѣ, то снимки эти не могутъ соперничать съ геліями живописцевъ уже по несовершенству въ техникахъ. Есть картинѣ микроскопическіе тонніе оттѣнки и штрихи, которые свѣтъ лишь видоизмѣняетъ, быть можетъ, вслѣдствіе оптическихъ или физическихъ причинъ; иначе и объяснить нельзя несовершенства снимковъ и картинъ великихъ художниковъ. Главное же—фотографія не можетъ схватывать того, что составляетъ сущность живописи—красокъ (*).

Что же касается до органа, то механическое искусство тутъ еще слабѣе. Известно, что всякую пьесу артистъ можетъ играть на разные лады съ большею или меньшею экспрессію; органъ схватываетъ только одинъ оттѣнокъ пьесы, да и то несовершенно, потому что какой же механикъ можетъ слѣдить за вдохновеніемъ. Еслибы даже изобрѣли инструментъ, совершенно подобный человѣческому голосу, о чемъ любятъ мечтать многіе, то все-таки нельзя будетъ прибавить къ этому инструменту свойства безконечно измѣнять исполненіе пьесы, потому что сущность видоизмѣненія и экспрессіи лежитъ не въ механическихъ средствахъ гортани или рукъ, а въ глубинѣ мозга.

Теперь, разобравъ искусство въ частности, мы посмотримъ, что говорить авторъ объ искусствѣ вообще. Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза желаніе автора доказать, что поэзія выше другихъ искусствъ только по содержанію, а по исполненію ниже всѣхъ искусствъ. Содержаніе отъ исполненія, чувство отъ формы онъ вездѣ отдѣляетъ. «Скудный, блѣдный, мертвый языкъ поэзии», восклицаетъ онъ, зананчивая свое сочиненіе. «Всѣ другія искусства, подобно живой дѣйствительности, дѣйствуютъ прямо на чувства: поэзія дѣйствуетъ на фантазію; фантазія у однихъ людей гораздо впечатлительнѣе и живѣе, нежели у другихъ, но вообще должно сказать, что у здороваго человѣка ея образы блѣдны, слабы въ сравненіи съ возрѣніями чувствъ; потому надобно сказать, что по силѣ и ясности субъективнаго впечатлѣнія, поэзія далеко ниже не только дѣйствительности, но и всѣхъ другихъ искусствъ» (101 стр.). Но дѣйствовать на фантазію—то же, что дѣйствовать на всѣ чувства вмѣстѣ. Поэзія тѣмъ-то и сильна, что она дѣйствуетъ не посредствомъ одного слуха, какъ музыка, не одного зрѣнія, какъ живопись, или не одного осязанія, какъ скульпту-

(*) Г. Антоновичъ является въ послѣдней статьѣ непріателемъ фотографіи. Онъ утверждаетъ, что это не понравится многимъ его поклонникамъ и пріятелямъ.

ра, а посредством слова, которое осязается въ общѣ въ звукъ, и краснѣ, и формы. Тутъ не важно, какииъ органомъ прежде всего проникаетъ слово въ душу, посредствомъ ли слуха, когда слушаемъ чтеніе, или посредствомъ глазъ, когда сами читаемъ—все равно. Всѣ впечатлѣнія, производимыя на насъ внѣшнимъ міромъ, отражаются, конечно, черезъ чувства къ мозгу. Память держитъ эти впечатлѣнія какъ-бы въ скрытномъ состояніи, подобно тому, какъ въ скрытномъ состояніи можетъ быть теплота, по замѣчанію физиологовъ. Ассоціаціи этихъ впечатлѣній и то, что слѣдуетъ изъ этой ассоціаціи—есть фантазія. Путемъ слова, орудіемъ поэзіи эти скрытныя впечатлѣнія оживаютъ. Слово, дѣйствуя такимъ образомъ на фантазію, дѣйствуетъ на центральные концевые аппараты или на всѣ чувства вмѣстѣ. Значитъ по силѣ, широтѣ субъективнаго впечатлѣнія поэзія выше прочихъ искусствъ.

За этимъ обратимъ вниманіе на положеніе автора, что *искусство ниже дѣйствительной жизни* и не можетъ быть даже съ нею сравниваемо. Положеніе это, вышедшее изъ его ошибочнаго понятія о прекрасномъ, онъ доказываетъ на разные лады; хотя по настоящему даже странно сравнивать искусство съ дѣйствительною жизнью. Искусство тоже есть явленіе жизни, а не какой-нибудь чудодѣйственный феноменъ. Но посмотримъ же, что онъ говоритъ въ пользу дѣйствительности и въ порицаніе искусству. Останавливаться на этомъ долго не будемъ, чтобы не мѣшать чужихъ мыслей съ своими, которыя подберемъ къ концу.

«Какъ скоро есть хоть сколько-нибудь удовлетворительная дѣйствительность, крылья фантазій связаны... Лежа на голыхъ доскахъ, человѣку иногда приходитъ въ голову мечтать о роскошной постели, о кровати какого-нибудь неслыханнаго драгоцѣннаго дерева, о пуховикѣ изъ гагачьяго пуха» (52 стр.). Напротивъ, тому, кто лежитъ на голыхъ доскахъ, приходятъ въ голову только мечты о мягкой постели. Желанія наши идутъ большею частію постепенно; иногда, правда, обращаются въ капризы; но въ большинствѣ случаевъ они есть выраженіе способности нашей идти впередъ. Авторъ поэтому жестоко ошибается, говоря, что «мнѣніе, будто человѣку нужно непременно совершенство—мнѣніе фантастическое» (52 стр.). Возвращаясь послѣ опять къ этому предмету, онъ прибавляетъ, что «человѣкъ ищетъ только хорошаго, а не совершеннаго. Совершенства требуетъ чистая математика... Искать совершенства, къ какой бы то ни было сферѣ жизни—дѣло отвлеченное, болѣзненное или дѣло праздно-фантазій». Какое странное смѣшеніе понятій! Будто совершенство и точность одно и то же. Математика ищетъ точности, а не совершенства. Совершенство

предполагаетъ совершенствованіе; за это ниенно и берется искусство, которое по самой своей неточности и неопредѣленности не имѣетъ преградъ, и стремится къ осуществленію задачъ, называемыхъ идеалами.

«Человѣкъ — говорится далѣе—можетъ удовольствоваться не только наилучшимъ, что можетъ быть въ дѣйствительности, но и посредственной дѣйствительностію». Только посредственность довольствуется посредственностію; а что онходитъ сколько нибудь изъ обыкновеннаго, все рвется къ лучшему, къ будущему. «Мы—говорится потомъ—восхищаемся высокимъ произведеніемъ въ родѣ Горация и Виргилія, хотъ и видимъ ихъ недостатки» (55 стр.—Такъ способни ми, значить, довольствоватся). Но это видѣніе недостатковъ въ образахъ и заставляетъ насъ желать еще большаго совершенства. «Малотребовательность эстетическаго чувства доказывается (будто бы) тѣмъ, что, имѣя первокласснаго произведенія, она не пренебрегаетъ второклассными» (56 стр.). Этимъ ничего не доказывается. Только знакомство съ второклассными поэтами и даетъ большинству возможность пожелать прочесть первоклассныхъ. Вторые поэты истолковываютъ первыхъ, хотъ и не даютъ о нихъ полнаго понятія. Красоту можно понять только изъ ея первыхъ источниковъ, и въ ея настоящемъ, водлинномъ видѣ.

Но вотъ еще комплиментъ дѣйствительности. Въ то время, какъ Гёте говорить — «чрезвычайно непродолжительнъ періодъ, въ который человѣческое тѣло можетъ назваться прекраснымъ... Строго говоря, только одно мгновеніе прекраснъ прекрасный человѣкъ» — авторъ увѣряетъ, что «почти всякая женщина въ цвѣтъ молодости кажется большинству красавицей» (60 стр.). Какая равница вкуса!

Противъ положенія Фишера, что красота въ природѣ непостоянна, измѣнчива (перемѣна освѣщенія—и пейзажъ исчезъ, несчастіе или болѣзнь—и человѣкъ уваль), авторъ возражаетъ, что «красота надобла бы, опротивѣла намъ, еслибы она была въ дѣйствительности неподвижна, неизмѣнна и безсмертна» (63 стр.). Мелкая красота, украшеніе — такъ; но высокая — совсѣмъ иначе дѣйствуетъ: приучая человѣка къ производимому ею впечатлѣнію, она заставляетъ его желать еще высшей.

«Природа не старѣетъ, вмѣсто увядшихъ произведеній она рождаетъ новыя» (76 стр.). Это не похвала дѣйствительности. Искусство тоже не лишено способности воспроизведенія, восстановленія; и какъ за опадающими листьями, нарастаютъ новыя, такъ и за увядающими произведеніями являются свѣжія. Да и старое-то въ немъ не такъ угарѣваетъ, какъ думаетъ авторъ. «Мода — говорится потомъ — сдѣлала половину каждой

драмы Шекспира пригодною для эстетическаго наслажденія въ настоящее время». Это возмутительный абсурдъ, второсмысленный теперь на разные лады инстинги. Игра артистовъ, напротивъ, дѣлаетъ ихъ еще болѣе понятными, чѣмъ прежде. Да и въ чтеніи-то ошибки этихъ драмъ кажутся не болѣе, какъ опечатками.

«Всѣ произведенія искусства не нашей эпохи» и цивилизаціи требуютъ, чтобы мы перенеслись въ ту эпоху и цивилизацію, которая создала ихъ, иначе они покажутся намъ неконитными и непривлекательными» (78 стр.). Да въ этомъ-то и заключается сила гонія, что онъ переноситъ насъ, какъ-бы противъ воли, куда ему вздумается, и привождаетъ наше вниманіе къ тому, что ему нужно. Въ это и Добролюбовъ вѣрилъ. «Фаустъ Гёте — говоритъ авторъ — покажется страннымъ произведеніемъ человѣку, неспособному перенестись въ ту эпоху стремленій и сомнѣній, выраженіемъ которой служить Фаустъ». Не говоря уже о томъ, на сколько сомнительна эта недоступность Фауста, мы только припомнимъ читателю, что не всѣ идутъ въ одинъ уровень. Одни становятся въ первую шеренгу, другіе — во вторую, третьи — въ третью и т. д., и двигаются даже, подобно солдатамъ, болѣею частью, одинъ за другимъ. Тамъ-то настоящее; можно сказать, сохраняя въ себѣ всѣ слои прошедшаго. И самая старая мысль можетъ показаться для кого-нибудь новою. Истина тяжелая, но вѣрная.

Далѣе неизвѣстно, зачѣмъ пересчитываются разныя несовершенства эстетическихъ произведеній. «Романы Вальтера-Скотта слишкомъ растянуты, сентиментальны (!), Гомеровы поэмы — безсвязны... Эсхиль и Софокль слишкомъ суровы и сухи... у Эсхила, кромѣ того, недостатокъ драматизма. Эврипидъ плаксивъ!... Шекспиръ — риториченъ и напыщенъ... Широкое, безпредѣльное поле открывается тому, кто захочетъ доказывать слабость всѣхъ вообще произведеній искусства. Разумѣется, подобное предпріятіе могло бы свидѣтельствовать о ѣдкости ума, но не о безпристрастїи: *достойнъ сожалѣнія* человѣкъ, непреклонноющійся передъ великими произведеніями искусства» (79 стр.). Не явно ли авторъ говорить самъ противъ себя.

За этимъ онъ же самъ рушить все, что говорить въ превосходство дѣйствительности надъ искусствомъ. На 112-й стр. сказано: «Разборъ этотъ можно упрекнуть въ томъ, что онъ ограничивается самыми общими точками зрѣнія, не входя въ подробности, не ссылаясь на примѣры... Но когда помотришь на шаткость этого мнѣнія; когда вспомнишь, какъ люди, выставляющіе его, противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагу, то покажется, что было бы довольно, изложивъ мнѣніе о превосходствѣ иску-

ства надъ дѣйствительностію, ограничитьея прибавленіемъ слова: это несправедливо; вслѣдствіе чувствую, что красота дѣйствительной жизни выше красоты творческой фантазіи». Значить, авторъ, читаемая книга, основывается только на своемъ личномъ чувствѣ и вкусѣ, которымъ вообще не доверяетъ никдѣ.

Разбирая причины превеличанаго будто бы понятія людей о дѣйности произведеній искусства, авторъ говоритъ, что люди цѣнятъ ту же трудность исполненія (115). Объ этой трудности едва ли кто думаетъ нынѣ читатели. Кому какая надобность забираться въ мастерскую, или въ кабинетъ писателя! На произведенія искусства большинство смотритъ, какъ на явленіе жизни; на нихъ указываютъ почти какъ на факты дѣйствительной жизни. Говоря, напримѣръ, о Дон-Кихотѣ, Тартюфакѣ, Хлестаковнхъ и т. д., человекъ думаетъ не о томъ, кто и какъ писалъ ихъ, а о томъ, какія явленія они изображаютъ.

«Искусство льстить нашему искусственному вкусу» (116). Здѣсь опять дѣлается смѣшеніе искусства съ искусственностию. Такъ, говоря объ искусственности, авторъ упоминаетъ нравы Людовика XIV. Но, противъ нихъ же возстало искусство въ лицѣ Мольера. Далѣе говоритъ авторъ объ искусственности нашей одежды, нашего языка, привычекъ умнать природу, погоды за эффектностію, разсужденія на избыткахъ тѣмъ. Но не возстаютъ ли противъ всего этого наше современное искусство? Не стоитъ ли за простоту и безъэффектность авторъ Семейной Хроникки, авторъ Казаковъ и другіе? И кто любитъ говорить на избыткахъ тѣмъ, какъ не враги искусства?

«Искусство старается угодить нашимъ наклонностямъ... многіе требуютъ, чтобы въ сатирическихъ произведеніяхъ были лица, на которыхъ могло бы съ любовью отдохнуть сердце читателя— требование очень естественное; но дѣйствительность очень часто не удовлетворяетъ ему, представляя множество событій, въ которыхъ нѣтъ ни одного отраднаго лица; искусство почти всегда угождаетъ ему; и не знаемъ, найдется ли, напримѣръ, въ русской литературѣ, кромѣ Гоголя, писатель, который бы не подчинился этому требованію». Но это былъ его недостатокъ. О его рисовкѣ свѣтлыхъ сторонъ жизни, мы знаемъ только изъ черновыхъ тетрадей. Не сдѣлался жертвою мистицизма и болѣзни, Гоголь изобразилъ бы и прекрасное въ жизни такъ же реально, какъ изображалъ пошлое. Тому, кто былъ подъ этимъ гнетущимъ игомъ, трудно избариться отъ темнаго взгляда на жизнь. Вліяніе это убиваетъ прежде всего всякое чувство красоты. Мы могли бы привести самыя разнообразныя тому примѣры... На, самокъ дѣлѣ, нѣтъ такого совершеннаго характера, дѣ, которому бы не

было недостаткомъ, какъ и нѣтъ такого поверженнаго лица, въ которомъ бы не было достоинствъ. «Публика и въздѣхъ за ней эстетична — говоритъ авторъ — требуетъ отрадныхъ лицъ, сентиментальности — и та же самая публика свѣтается надъ произведениями искусства, удовлетворяющими этикъ желаніямъ» (119 стр.). Въ этомъ-то и заключается главное безобразіе нашей современной жизни образованнаго общества, что оно не вѣритъ въ свѣтлыя явленія жизни. Смиѣяться, не вѣрить въ свѣтъ жизни, значить тушить этотъ свѣтъ. Отрицательный, скептическій взглядъ на окружающее затемнилъ нашу жизнь. Мы тераемъ вѣру въ себя, и въ свои добрыя начала; мы слабѣемъ въ борьбѣ съ настоящими.

Но вотъ, наконецъ, и самое сильное мѣсто, сказанное авторомъ въ похвалу дѣйствительности надъ искусствомъ. «На красоту, на величіе дѣйствительности, мы обыкновенно обращаемъ вниманіе почти насильно. Пусть она сама, если можетъ, привлечетъ на себя наши глаза, обращенные совершенно на другіе предметы; пусть она насильно проникнетъ въ наше сердце, занятое совершенно другимъ. Мы обращаемся съ дѣйствительностію, какъ съ докучливымъ гостемъ, напрашивающимся на наше знакомство: мы стараемся запереться отъ нея. Но есть часы, когда пустота остается въ нашемъ сердцѣ, отъ нашего же собственнаго невниманія къ дѣйствительности — и тогда мы обращаемся къ искусству, умоляя его наполнить эту пустоту; мы сами играемъ предъ нимъ роль завсѣкающаго просителя. На жизненномъ пути нашемъ разбросаны золотыя монеты; но мы не замѣчаемъ ихъ, потому что думаемъ о цѣли пути, не обращая вниманія на дорогу, лежащую подъ нашими ногами» (120 стр.). На жизненномъ пути разбросаны монеты; да кто же намъ указываетъ на нихъ, кто называетъ ихъ золотыми, кто подбираетъ ихъ, какъ не художникъ и поэтъ? Люди, лишеныя эстетическаго вкуса, не вѣрятъ даже, чтобы эти золотыя монеты были разбросаны. Вспомните взглядъ критика «Русскаго Слова» на «Грозу» Островскаго, и на выраженіе, что «глупость есть основа всѣхъ драматическихкихъ и комическихкихъ событій». Только поэтъ можетъ понять вполне величіе дѣйствительности и показать читателю, что она отзывается не одной пользой, но и величіемъ красоты. Практическому человѣку нѣтъ времени заниматься наблюденіемъ трагическаго, комическаго или величественнаго въ жизни. Требовать, чтобы всѣкъ наблюдалъ характеры, отыскивалъ типы, анализировалъ происшествія — это то же, что требовать отъ всякаго способностей поэта. Сколько романовъ, трагическихкихъ сценъ, изящныхъ пейзажей представляеть дѣйствительность! восклицаетъ еще авторъ потомъ.

Но можно ли желать, чтобы какой-нибудь чиновникъ, измученный трудомъ, занимался еще изученіемъ жизни? Читаніе художниковъ и поэтовъ оказываетъ ему въ этомъ исключительную услугу: онъ разомъ схватываетъ то, что потребовало бы отъ него всего времени, потери должности, да и этого бы не достало. Въ действительности наблюдать драматическія происшествія потому еще нельзя всякому, что само лицо бываетъ иногда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ драмы, главнымъ страдальцемъ и жертвою жизни... Что же касается до мнѣнія, что жизнь дѣйствительная имѣетъ въ себѣ много законченныхъ происшествій, то это и опровергать не стоитъ. Большинству людей, жизнь кажется, напротивъ, до того запутаннымъ, сложнымъ, трудно объяснимымъ явленіемъ, что только художественный талантъ можетъ подмѣчать въ ней повременамъ законченныя явленія, и дополнять и заканчивать ихъ.

Авторъ ставитъ въ укоръ искусству частыя обвиненія противъ романистовъ, что они въ своихъ романахъ выставляютъ портреты своихъ знакомыхъ. Обвиненія эти большею частію несправедливы, и доказываютъ только силу обвиняемыхъ талантовъ. Нетолько люди знакомые, но и люди никогда непоказывавшіеся автору, узнаютъ себя. «Сила искусства, есть обыкновенно сила воспоминанія» (22 стр.). Легко сказать! Что же это такое за волшебная сила, которая, не зная васъ, вашего прошлаго, настоящаго, забирается вамъ въ голову и дѣйствуетъ тамъ? Что же касается до упрека, дѣлаемаго авторомъ за изображеніе поэтами самихъ себя (Байронъ и другіе), то это можно назвать художественнымъ выраженіемъ лиризма. Лирикъ есть поэтъ субъективный. Что же удивительнаго, если онъ вмѣстѣ съ чувствомъ обнаруживаетъ и самого себя?

«Сила искусства—сила общихъ мѣстъ». И Гамлетъ, значить, общее мѣсто! и великія задачи нравственнаго совершенства, отъ которыхъ теперь отступили — общее мѣсто? Намъ теперь нѣкогда заниматься рѣшеніемъ этихъ задачъ, возразятъ, быть можетъ, намъ пятящіеся назадъ прогрессисты. Мы голодны, needны, не знаемъ, какъ размѣститься. Отвяжитесь вы отъ насъ съ своимъ нравственнымъ совершенствомъ! Дайте намъ прежде удовлетворить насущнымъ потребностямъ. — Не удовлетворите вы никогда имъ, а только перегрызетесь. Если человѣкъ, какъ вы говорите — животное, то онъ еще болѣе дѣлается имъ, если только будетъ заниматься временными нуждами, и забудетъ о высшихъ интересахъ — интересахъ человѣчества.

Что же остается теперь изъ всего сказаннаго авторомъ въ порицаніе искусства и въ похвалу дѣйствительности? — Кажется, что ничего. Ясно только теперь, почему авторъ опредѣлялъ понятіе красоты словомъ «жизнь»; и жизнь, дѣйствительность представлялась ему высшей красотой. Но понятіе о дѣйствительности

и понятіе о настоящемъ совпадаютъ; значить, и *настоящее прекрасно!* и имъ человекъ долженъ довольствоваться. Не явно ли авторъ, при всѣмъ желаніи его добра, загораживалъ дорогу себѣ и другимъ?...

Теперь посмотримъ, чего требуетъ авторъ отъ искусства, и что вышло изъ этихъ требованій. Еще въ началѣ сочиненія, авторъ подводитъ прекрасное и возвышенное подъ общій терминъ *интереснаго*. Подъ конецъ, онъ этому безразличному слову придаетъ еще большее значеніе. *Общеприятное* въ жизни — вотъ содержаніе искусства, говорится на 133 стр. «Существенное значеніе искусства—воспроизведеніе того, чѣмъ интересуется человекъ въ дѣйствительности» (141 стр.). Въ тезисахъ то же повторяется. Великіе характеры, грандіозныя картины, потрясающія сцены, относятся такимъ образомъ въ области интереснаго. Въмѣсто эстетики, науки о прекрасномъ, является что-то въ родѣ науки объ интересномъ. Да этакъ, пожалуй, и романы Дюма придется назвать истинными произведеніями искусства; потому что они даже и серьезнаго человека могутъ втнать, ненадолго заинтересовать, если онъ себя немного принудитъ. И все возбуждающее и удовлетворяющее любознательности, придется тогда отнести въ сферу искусства, поэзіи. Что можетъ быть интереснѣе астрономіи, физики, медицины для понимающихъ! Вотъ куда наконецъ довела насъ путаница понятій и смѣшеніе терминовъ.

Послѣ, какъ показало время, безразличное понятіе интереснаго въ искусствѣ съузилось въ *понятіе полезнаго*, и основаніе этому положилъ самъ авторъ. Польза съ этого времени сдѣлалась сущностію и фундаментомъ сфабрикованнаго такимъ образомъ искусства, въ которомъ личный интересъ явился главнымъ двигателемъ. Забыли только всѣ, что это—точка зрѣнія политической экономіи, изъ которой у насъ такъ много царапали. Политическая экономія по своей спеціальности ставитъ личную выгоду или интересъ исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій. Въ гармоніи интересовъ, въ производствѣ и распредѣленіи матеріальныхъ средствъ—ея главная задача. Измѣряя все деньгами, какъ физикъ дюймami, экономистъ и трудъ науки съ искуствомъ называетъ невещественнымъ и даже непроизводительнымъ капиталомъ. Такъ и должно быть. Истина и красота не подлежатъ измѣреніямъ и оцѣнкѣ; это знаютъ и экономисты. Наши же поклонники пользы такъ напользовались ею, что вздумали измѣрять ею красоту и истину; черезъ это, разумѣется, они потеряли изъ виду и то и

другое и оказались наконецъ *самыми бесполезными моделями*, потому что сущность полезнаго не въ разговорахъ о немъ, а въ практической дѣятельности.

Второе, не менѣе сильное требованіе автора отъ искусства— это то, чтобы оно было *копией, сурогатомъ* дѣйствительной жизни. Сравнивая гравюру съ искусствомъ, авторъ говоритъ: «гравюра не думаетъ быть лучше картины (подобно искусству въ отношеніи дѣйствительности)—но гравюра однако расходится въ сотняхъ экземплярахъ. И предметъ, воспроизведенный слабо, блѣдно, грубо искусствомъ, доступенъ всякому. Искусство не поправляетъ дѣйствительности, не украшаетъ ее, а воспроизводитъ, служить ей сурогатомъ» (126 стр.). Придя къ такому опредѣленію, авторъ невольно вспоминаетъ, что его теорія подходитъ подъ псевдо-классическую теорію подражанія природѣ, господствовавшую въ XVII и XVIII вѣкахъ. И онъ ее не отвергаетъ вполне, хотъ и старается отличить свои воззрѣнія отъ псевдо-классиковъ и причислить себя къ новѣйшимъ эстетикамъ, на которыхъ нападаетъ (131 ст. и выше). Но напрасны его усилія. Воззрѣнія его такъ и отзываются прошлымъ столѣтіемъ. Копировка или копія такъ ему нравится, что онъ этому слову старается придать даже другое значеніе. «Копировка, также какъ и всякое человѣческое дѣло, требуетъ пониманія, способности отличать существенныя черты отъ несущественныхъ» (130 стр.). Нѣтъ, копія и есть копія, а подражаніе природѣ есть только поддѣлка подъ дѣйствительность, дающая, вмѣсто живаго существа, только мертвую маску, по выраженію Фишера. Автору важется, что прозаическій разсказъ историка, писателя мемуаровъ или анекдотовъ имѣетъ въ себѣ много художественнаго оттого, что это—копія съ жизни. Но большинство объ этомъ думаетъ не такъ. Исторія не бываетъ обыкновенно копией съ дѣйствительности; потому что копій нельзя снять съ цѣлыхъ столѣтій. Историки невольно прибѣгаютъ къ художественнымъ приемамъ и обрисовкѣ выдающихся характеровъ, а художники, держа историческую почву, часто дополняютъ историковъ.

Теперь же, если мы согласимся съ авторомъ и его послѣдователями, что теорія воспроизведенія отличается отъ псевдо-классической теоріи подражанія, то тогда для автора и его послѣдователей выйдетъ еще хуже. Если теорія воспроизведенія не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія сравниться съ натурой, какъ того хотѣла теорія подражанія, то чего же она хочетъ? Она хочетъ вотъ чего—подойти хотъ приблизительно, хотъ немного въ дѣйствительности, оставаясь однако позади ее. Теорія творчества стоитъ впередъ жизни, теорія псевдо-классиковъ въ уровень съ жизнью, теорія же воспроизведенія или теорія без-

образія *поэды жизни*. Последняя ставитъ искусство на степень далеко низшую, чѣмъ псевдо-классики. Эти все-таки создавали талантливыя произведешя, хоть и фальшиво построенныя; наши же воспроизводители обратили искусство въ парикатуру. Художники по этой теоріи являлись либо плохими копистами, либо парикатуристами. Копии и парикатуры, которыя совѣтуютъ теперь всѣмъ писать, не остаются; впрочемъ, безъ подписей и объясненія. Въ этомъ только смыслъ можно понять требованія автора, что поэтъ и художникъ долженъ произносить приговоръ надъ своимъ созданиемъ. Въ видѣ примѣра тутъ же указывается на Гогарта. «Искусство—говорить авторъ—приобрѣтаетъ тогда даже научное значеніе» (141—142 стр.). Не явно ли, что всѣмъ этимъ онъ хочетъ какъ будто втиснуть въ искусство не только критику, которой назначеніе—произносить приговоръ надъ явленіями искусства, но даже и науку. Отсюда понятно, почему сатира заняла въ нашей литературѣ такое широкое мѣсто. И всѣ принялись разгрызать роль Гогартовъ и Ювеналовъ и довели наконецъ до того, что сатиры у насъ совсѣмъ нѣтъ, а юмора тѣмъ болѣе. Такъ опошлелись у насъ эти роды искусства. Не говорю уже о парикатурѣ, этомъ рѣдкомъ, хоть и возможномъ дарованіи. Вольтеръ сказалъ: всѣ роды хороши кромѣ скучнаго; о нашей же модной литературѣ можно сказать, что у нея всѣ роды худы кромѣ скучнаго. Скукой, безконечной скукой вѣетъ отъ всѣхъ произведеній.

Николай Соловьевъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Государственное устройство сѣверо-американскихъ штатовъ. — Взаимныя отношенія Соединенныхъ Штатовъ между собою. — Идея національнаго единства. — Конституція 1789 года. — Устройство конгресса. — Сенатъ и палата представителей. — Участіе негровъ въ народномъ представительствѣ. — Избирательное право. — Президентъ и министры. — Степень власти, предоставленной президенту. — Порядокъ избранія президента и вице-президента. — Судебная власть федеральнаго правительства. — Юрисдикція штатовъ. — Распределение власти между президентомъ и конгрессомъ. — Право налоговъ и займовъ. — Законодательная власть конгресса. — Законъ о государственной измѣнѣ. — Общій характеръ сѣверо-американской конституціи. — Законодательство по дѣламъ печати въ Россіи. — Значеніе нашей журналистики въ Европѣ. — Начало цензуры въ Россіи. — Цензура духовная и по дѣламъ административнымъ. — Введеніе общей цензуры. — Цензурныя строгости при Екатеринѣ II. — Распоряженія по цензурѣ въ царствованіе императора Павла. — Цензурный уставъ 1804 года. — Особыя распоряженія въ царствованіе императора Александра I. — Цензурный уставъ 1826 года. — Что требовалось этимъ уставомъ? — Заботы цензуры о чистотѣ русскаго языка. — Распоряженіе противъ писателей, возбуждавшихъ необузданный патріотизмъ. — Сводъ уставовъ о цензурѣ. — Дополнительные постановленія. — Переходъ цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. — Правила, изданныя 6 апрѣля 1865 года. — Связь цензурнаго дѣла съ преобразованиями по судебной части. — Залоги и взысканія. — Предостереженіе, приоста новленіе и прекращеніе новременныхъ изданій. — О судѣ по дѣламъ печати. — Цензура драматическихъ сочиненій.

Личныя качества главы государства, въ какой бы формѣ ни установилось правленіе, въ монархической или республиканской, должны имѣть большое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, особенно въ то время, когда обстоятельства складываются такъ, что глава государства является двигателемъ какой нибудь идеи. Такое значеніе въ исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ имѣлъ покойный президентъ Линкольнъ, воплотившій въ себѣ идею уничтоженія рабства. Избраніе его въ званіе президента было первымъ новодомомъ къ междоусобной войнѣ въ Сѣверной Америкѣ, а его энергія и твердость не позволяли кончить начавшуюся борьбу какъ нибудь, не доведя ее до предположенной имъ цѣли. Линкольнъ явился глав-

нимъ дѣйствующимъ лицомъ среди событій, нарушившихъ обычный ходъ дѣлъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и потому нисколько неудивительно, что первымъ вопросомъ, послѣ извѣстія объ его кончинѣ, былъ вопросъ о томъ, какъ поведетъ новый президентъ дѣло, начатое его предшественникомъ?

Чтобъ опредѣлить то значеніе, какое имѣетъ глава первой, по своему могуществу, современной намъ республики, нужно ознакомиться съ конституціоннымъ бытомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, представляющимъ много особенностей.

Первымъ днемъ своей независимости и свободы сѣверо-американцы считаютъ 4 іюня 1776 года, когда депутаты тринадцати англо-американскихъ колоній подписали въ Филадельфій знаменитый актъ, извѣстный подъ именемъ «декларациі о независимости». Въ слѣдующемъ году, 15 ноября 1777 года, были составлены статьи конфедерациі и вѣчнаго союза между Сѣверо-Американскими Штатами, изъ которыхъ каждый сохранилъ самодержавіе, свободу и независимость. Штаты вступали во взаимный между собою союзъ съ цѣлью защищать совокупными силами свою самостоятельность и охранять свою торговлю. Для скрѣпленія возникшаго союза было объявлено, что гражданинъ одного штата есть вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданинъ всей конфедерациі. Для поддержанія союза былъ учрежденъ федеральный конгрессъ, законодательная власть котораго была обширнѣе, нежели власть исполнительная. На конгрессъ каждый штатъ имѣлъ одинъ только голосъ, а для постановленія рѣшеній необходимо было большинство двухъ третей голосовъ, то-есть чтобъ изъ тринадцати голосовъ девять были одинаковаго мнѣнія. По принципу, право объявлять войну, заключать мирныя, торговые и союзныя трактаты, производить наборъ рекрутъ, дѣлать займы, выпускать бумажныя деньги и чеканить звонкую монету, было предоставлено конгрессу, но въ практикѣ по дѣламъ денежнымъ и по набору рекрутъ штаты распоряжались независимо отъ конгресса. Стремленіе къ свободѣ заставляло штаты дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ, такъ что между ними—въ особенности вслѣдствіе личнаго вліянія Вашингтона—не было ни малѣйшаго разлада. Но въ 1783 году, едва только былъ заключенъ миръ, какъ взаимная зависть одного штата къ другому обнаружилась, и союз усталая угрожать гибелью. Тогда, по совѣту Гамильтона, бывшаго другомъ Вашингтона, была составлена конституція, которая даровала Сѣверо-Американскимъ Штатамъ семьдесятъ лѣтъ благосостоянія и величія.

По идеи Гамильтона, связью между всѣми штатами должно было служить національное единство, такъ чтобъ они представляли собою одну страну, а жители составляли бы одинъ народъ. Но идея эта уничтожила самодержавіе штатовъ, а централизація власти грозила поглотить ихъ независимость и всѣ ихъ мѣстныя верховныя права. Въ такомъ устройствѣ сѣверо-американцы видѣли возможный шагъ или къ монархіи, или къ республиканскому деспотизму. Въ виду этого, составители конституціи считали нужнымъ

придумать такую организацию, которая была бы чѣмъ-то среднимъ между федерализмомъ и централизациею и которая, придавая силу національному единству, въ то же время не уничтожала бы права мѣстной автономіи, составляющей одно изъ первыхъ условій политической свободы.

Составленная подъ влияніемъ этой мысли конституція была представлена на обсужденіе каждого штата въ народномъ конвентѣ, такъ что она явилась дѣломъ, въ которомъ принимала участіе вся нація. Вступительная формула этой конституціи начинается словами: «мы, народъ соединенныхъ штатовъ, одобрили и учредили эту конституцію и т. д.». Въ силу конституціи 1789 г., федеральное правительство получило верховныя права надъ всѣмъ союзомъ, оно стало считаться единственнымъ представителемъ всей страны, оно было облечено также законодательною властью, такъ что, по англійскому выраженію, въ руки его отданы были и мечъ и кошель. Отдѣльные штаты отказались отъ многихъ атрибутовъ своей власти въ пользу центрального правительства, ему одному поручено было набирать армію и флотъ и устанавливать налоги, необходимые для содержанія военныхъ силъ союза, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Въ главѣ союзнаго конгресса явился президентъ.

Вся законодательная власть ввѣрена конгрессу, который раздѣляется на двѣ корпораціи: сенатъ и палату представителей. Сенатъ представляетъ штаты въ смыслѣ государственнаго организма, палата представляетъ народъ. На каждый штатъ полагается два сенатора, несмотря на его обширность и степень населенности. Но каждый сенаторъ имѣетъ личный голосъ, такъ что если въ сенатѣ присутствуетъ отъ какого либо штата одинъ только сенаторъ, то голосъ его считается только за половину голоса. Сенаторы выбираются законодательными собраніями штатовъ на шесть лѣтъ, но такъ что въ сенатѣ переимѣняется каждые два года одна треть. Сенатъ представляетъ собою консервативную партію.

Число представителей, избираемыхъ отдѣльно въ каждомъ округѣ, опредѣляется каждыя десять лѣтъ конгрессомъ и распределяется между штатами, соразмѣрно съ ихъ населеніемъ. Въ этотъ расчетъ принимается и черное населеніе, но только на три пятыхъ, такъ что пять негровъ считаются за трехъ бѣлыхъ. Эта странная уступка была сдѣлана по настоянію южныхъ плантаторовъ и придала рабовладѣльцамъ сильное вліяніе на конгрессъ. Представители избираются на два года и получаютъ, какъ и сенаторы, по 6,000 долларовъ за конгрессъ, то-есть по 3,000 долларовъ въ годъ, кромѣ особой преміи, составляющей 8 долларовъ съ каждыя двадцати миль разстоянія между мѣстомъ избранія и Вашингтономъ.

Для права быть избраннымъ въ сенаторы или въ представители не установлено никакого ценза и никакихъ условій относительно вѣроспособностіи. Для того, чтобъ быть сенаторомъ, достаточно имѣть тридцать лѣтъ отроду и быть гражданиномъ Соединенныхъ штатовъ по крайней мѣрѣ девять лѣтъ. Для того, чтобъ

быть представителемъ, достаточно имѣть двадцать-пять лѣтъ и быть гражданиномъ семь лѣтъ. Но въ этому сроку нужно прибавить еще пять лѣтъ для иностранцевъ, такъ-какъ они должны прожить не менѣе этого числа лѣтъ для того, чтобъ получить право гражданства. Гражданская служба несомнѣнна съ званіями сенатора и представителя.

Въ силу конституціи, конгрессъ долженъ быть постоянно-дѣйствующимъ учрежденіемъ, однако онъ не всегда засѣдаетъ, но собирается по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, а именно въ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца. Впрочемъ, палаты и президентъ могутъ отсрочить засѣданія конгресса, но во всякомъ случаѣ засѣданія его должны закрываться 3 марта каждаго года, такъ-какъ въ этому времени оканчивается срокъ полномочія всѣхъ представителей и трети сенаторовъ. Президентъ не имѣетъ права распустить конгрессъ.

Въ сенатѣ предсѣдательствуетъ вице-президентъ Соединенныхъ штатовъ, но онъ подаетъ свой голосъ только въ случаѣ раздѣленія голосовъ сенаторовъ, и тогда его голосъ доставляетъ перевѣсъ той сторонѣ, на которую онъ приходится. Что же касается палаты представителей, то она сама избираетъ спикера или президента. Членамъ конгресса предоставлена полная свобода выразить ихъ мнѣнія, за которыя они ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать преслѣдованію.

Исполнительная власть предоставлена исключительно президенту, конституція не назначаетъ ему никакихъ совѣтниковъ, но обыкновенно онъ совѣщается съ министрами, которые назначаются президентомъ съ согласія сената. Въ настоящее время при президентѣ состоитъ семь министровъ: министръ иностранныхъ дѣлъ, военный, морской, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющій почтами и генерал-прокуроръ, въ качествѣ министра юстиціи. Они составляютъ кабинетъ президента.

Особенность въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ составляетъ слѣдующее положеніе президента и министровъ. Президентъ, въ случаѣ измѣны, грабительства казны или какаго либо другаго уклоненія отъ конституціи, подвергается отвѣтственности, какъ и каждый гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Между тѣмъ министры не подвергаются никакой отвѣтственности за свой образъ дѣйствій, какъ административныя лица; они не показиваются въ палатахъ, они въ сущности ничего болѣе, какъ ближайшіе агенты президента, который можетъ отрѣзать ихъ отъ должности по своему усмотрѣнію. Такое положеніе министровъ въ Соединенныхъ штатахъ избавляетъ ихъ отъ тѣхъ хлопотъ и нареканій, которыя приходится испытывать отвѣтственнымъ министрамъ въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ верховная власть поставлена внѣ всякой отвѣтственности и гдѣ, напротивъ, министрамъ приходится отвѣчать передъ палатами за дѣйствія правительства.

Эта система предоставляет президенту полную власть но дѣлать распорядительнымъ. Онъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не будучи обязанъ соглашаться ни съ мнѣніемъ министровъ, ни съ конгрессомъ. Этимъ объясняется то значеніе, какое имѣетъ президентъ, какъ глава исполнительной власти, такъ-какъ въ сущности власть его гораздо самостоятельнѣе и обширнѣе, нежели власть многихъ конституціонныхъ государей Европы.

Что же касается законодательной власти президента, то онъ не принимаетъ самъ никакого участія въ ходѣ дѣлъ законодательныхъ, но за то никакой приговоръ конгресса не можетъ получить силу закона безъ одобренія и подписи президента. Не соглашась съ мнѣніемъ сената или палаты, онъ дѣлаетъ письменныя возраженія, но ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права предлагать съ своей стороны поправки или дополненія. Неодобренный президентомъ билль поступаетъ для вторичнаго разсмотрѣнія, и если билль принимается большинствомъ голосовъ въ одной палатѣ, то отсылается въ другую палату вмѣстѣ съ возраженіями президента. Если же и другая палата принимаетъ съ своей стороны билль тѣмъ же большинствомъ голосовъ, то президентъ обязанъ подписать его въ теченіе десяти дней; въ случаѣ же несогласія президента, билль, по истеченіи означеннаго срока, получаетъ силу закона и безъ его подписи.

Президентъ и вице-президентъ избираются на четыре года, но они могутъ быть избраны и на новое четырехлѣтіе. Однако, изъ шестнадцати президентовъ только Вашингтонъ, Джексонъ и Динкольтъ воспользовались этимъ выраженіемъ всеобщаго сочувствія. Надобно впрочемъ замѣтить, что общественное мнѣніе достойно высказывалось и высказывается противъ вторичнаго избранія президента и даже вице-президента, видя въ этомъ признакъ упроченія ихъ власти и вліянія. Вице-президентъ, какъ это и случилось недавно, заступаетъ мѣсто президента въ случаѣ его смерти, отставки, отпуски или неспособности отправлять возложенныя на него обязанности.

Избраніе президента и вице-президента производится посредствомъ баллотировки избирателями каждого штата. Сами же избиратели назначаются въ каждомъ штатѣ по особо-установленнымъ правиламъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ ихъ назначаетъ палата, а въ другихъ—народъ. Число такихъ избирателей должно въ каждомъ штатѣ равняться числу сенаторовъ и представителей, отправляемыхъ штатомъ на конгрессъ. Такой порядокъ установленъ съ тою цѣлью, чтобъ предоставить право избранія небольшому числу разсудительныхъ и просвѣщенныхъ людей, и тѣмъ самымъ устроить борьбу партій и разгаръ страстей, которыми непремѣнно сопровождается бы избраніе президента при иной системѣ этого важнаго государственнаго акта.

Если при избраніи президента штатами, ни одинъ изъ кандидатовъ не получитъ большинства голосовъ, то палата представите-

лѣй, подавая голоса за штаты, избираетъ президента сама изъ трехъ лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Никто не можетъ быть избранъ въ званіе президента или вице-президента, не будучи уроженцемъ Соединенныхъ штатовъ, не имѣя тридцати пяти лѣтъ отроду, и не проживши въ Соединенныхъ штатахъ по крайней мѣрѣ четырнадцать лѣтъ. Президентъ получаетъ ежегодно содержанія 18,000 долларовъ. Это содержаніе, недостаточное въ настоящее время, не было увеличено со временъ Вашингтона.

Отправленіе судебной власти, вслѣдствіе особенности государственнаго устройства, представляетъ такія условія, какія въ этомъ отношеніи не встрѣчаются въ другихъ странахъ. Федеральная судебная власть состоитъ: 1) Изъ верховнаго суда съ первенствующимъ судьей, и восемью асесорами. Они назначаются президентомъ, съ согласія сената, и остаются на своихъ мѣстахъ, какъ связано въ конституціи, до тѣхъ поръ, пока хорошо ведутъ себя, такъ-какъ они могутъ быть отрѣшаемы отъ должности за дурное поведеніе и по судебному приговору сената. 2) Этому верховному суду, собирающемуся разъ въ годъ въ Вашингтонѣ, подвѣдомы окружные суды, составленные каждый изъ асесоровъ верховнаго суда и изъ судьи того участковаго суда, гдѣ собирается окружной судъ. Въ каждомъ судебномъ-округѣ бываетъ ежегодно двѣ сесіи окружныхъ судовъ. 3) Затѣмъ слѣдуютъ участковые суды, въ числѣ пятидесяти; участковый судъ состоитъ изъ судьи, который долженъ имѣть мѣстопробываніе въ томъ участкѣ, въ которомъ онъ избранъ.

Между тѣмъ, у каждаго штата есть еще своя особая юрисдикція, которая занимается разборомъ дѣлъ между гражданами одного и того же штата, такъ-какъ каждый штатъ имѣетъ свои собственные законы. Сущность же федеральной юридической власти заключается: во первыхъ, въ поддержаніи конституціи; во вторыхъ, въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ, изданныхъ конгрессомъ, и, втретьихъ, въ обсужденіи всѣхъ предметовъ, которые не могли быть рѣшены провинціальными судебными учреждениями.

Вслѣдствіе такого порядка, въ Соединенныхъ штатахъ представляется особый ходъ многихъ юридическихъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ, если возникаетъ процессъ и тяжущіяся стороны ссылаются: одна — на законъ конгресса или особыхъ штатовъ, а другая — на законъ конституціонный, то послѣднему принадлежитъ окончательное рѣшеніе. Федеральная юстиція судить также всѣ процессы, въ которыхъ ссылаются на законы Соединенныхъ Штатовъ, такъ-какъ эти законы основаны на конституціи, и, слѣдовательно, должны быть обязательны для каждаго гражданина. Федеральная юстиція разсматриваетъ также всѣ дѣла, возникшія вслѣдствіе трактатовъ съ иностранными державами, вопросы касающіеся посланниковъ, дѣла по морскому вѣдомству, процессы между штатами, и тяжбы гражданъ одного штата съ гражданами другого штата. Всѣ преступленія, кромѣ преступленій по службѣ, подлежатъ суду присяжныхъ, и судъ производится всегда въ томъ штатѣ, гдѣ было

совершенно преступление, так чтобы обвиненный не был никогда удаленъ отъ своего мѣстопребыванія и своихъ свидѣтелей.

Перехода къ распредѣленію власти между конгрессомъ и президентомъ, должно сказать слѣдующее.

Конгрессъ имѣетъ право объявлять войну, набирать и содержать армию и флотъ, созывать и вооружать милиціи, но ему не оставлено право заключать миръ. Въ этомъ случаѣ президентъ является представителемъ и органомъ націи, онъ только одинъ можетъ заключать какого бы то ни было рода международные договоры, мирные, союзные, торговые, нейтральные, оборонительные и наступательные. Но и трактатъ, заключенный президентомъ по предоставленной ему власти, до тѣхъ поръ недействителенъ, пока не будетъ одобренъ въ сенатѣ большинствомъ двухъ третей его членовъ. Если же при заключеніи какого-либо трактата предстоятъ денежные издержки или необходимъ новый законъ, то утвержденіе издержекъ и закона принадлежитъ уже не одному сенату, но и палатѣ представителей.

Какъ единственный глава исполнительной власти, и ближайшій распорядитель дѣлами союза, президентъ по конституціи есть главнокомандующій арміей, флотомъ и милиціей; одинъ только онъ имѣетъ право назначать генераловъ и офицеровъ арміи. Какъ единственный представитель націи, внѣ ея территоріи, онъ назначаетъ, съ согласія сената, посланниковъ, министровъ и консуловъ, принимаетъ представителей иностранныхъ державъ, а члены дипломатическаго корпуса имѣютъ право по своимъ официальнымъ дѣламъ входить въ сношенія съ однимъ только президентомъ, или съ назначаемымъ имъ государственнымъ секретаремъ. Они не могутъ апеллировать на рѣшенія, постановленныя президентомъ, въ конгрессъ, но въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, могутъ обращаться съ жалобой на него къ федеральному суду.

Неограниченное право устанавливать и взимать, какъ прямыя, такъ и косвенныя налоги, принадлежитъ конгрессу. Онъ также имѣетъ право заключать внутренніе и внѣшніе займы. Прямые налоги должны быть опредѣлены соотвѣтственно числу населенія, пользующагося правомъ народнаго представительства. Надобно замѣтить, что вслѣдствіе этого прямые налоги таготивли болѣе на югѣ, нежели на сѣверѣ, такъ-какъ пять негровъ считаются, въ этомъ случаѣ, за трехъ бѣлыхъ. Впрочемъ, прямые налоги чрезвычайно рѣдки. Въ мирное время федеральное правительство получало весь свой доходъ отъ косвенныхъ налоговъ, или, вѣрнѣе сказать, отъ таможенныхъ пошлинъ. Эти пошлины, въ силу конституціи, должны быть въ равномъ размѣрѣ для всѣхъ штатовъ. Налоги, опредѣленные конгрессомъ, должны служить: 1) для платежа федеральныхъ долговъ, 2) для общей защиты отъ неприятеля, и 4) для общаго благосостоянія. Пользуясь неопредѣленностію послѣдняго выраженія, конгрессъ устанавливаетъ иногда налоги на сооруженіе дорогъ и каналовъ, когда съ сооружениями этого рода бываетъ соединены международныя, а не мѣстныя выгоды и удобства.

Конгрессъ имѣетъ право распоряжаться государственными финансами, такъ что никакая сумма не можетъ быть расходуема безъ его разрѣшенія. Всякій билль, имѣющій цѣлью взиманіе налога, долженъ быть принятъ прежде палатою представителей, но сенатъ уполномоченъ конституціей измѣнять билль, касающійся налога, точно такъ же, какъ и всякій другой. Конгрессъ имѣетъ право чеканить монету, наказывать поддѣльвателей фальшивой монеты и бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Онъ регулируетъ торговлю съ иностранными націями, съ индійскими племенами, и между разными штатами союза. Ему принадлежитъ право издавать законъ о банкротствѣ, обязательный для всѣхъ штатовъ, но до сихъ поръ конгрессу не удалось еще издать такого закона, несмотря на многократныя попытки.

Конгрессу предоставлена власть издавать всѣ законы, необходимыя для приведенія въ исполненіе обязанностей, лежащихъ на федеративномъ правительствѣ; онъ обязанъ, между прочемъ, преслѣдовать и случаи государственной измѣны. Упомянувъ о преступленіи этого рода, сѣверо-американская конституція позаботилась прежде всего опредѣлить его сущность, и не придала ему такого широкаго значенія, какое имѣетъ оно въ уголовныхъ законахъ другихъ странъ. Конституція постаралась о томъ, чтобы подъ предлогомъ государственной безопасности, федеральная власть не овладѣла свободою гражданъ, и потому постановила, что измѣна, въ законномъ значеніи этого слова, бываетъ только тогда, когда гражданинъ съ вооруженными людьми возстаетъ противъ Соединенныхъ штатовъ, или оказываетъ помощь ихъ неприятелю. Никто не можетъ быть обвиненъ въ государственной измѣнѣ иначе, какъ только вслѣдствіе публичнаго признанія передъ судомъ, или по показанію двухъ свидѣтелей, подтверждающихъ фактъ государственной измѣны. За это преступленіе виновный наказывается повѣшеніемъ, но конфискація имущества ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста.

Отдѣльныя территорія, образовавшія еще штатовъ, состоятъ въ завѣдываніи конгресса; онъ учреждаетъ изъ нихъ штаты, и допускаетъ ихъ въ союзъ. Впрочемъ, жителямъ территорій предоставляется составить свою частную конституцію съ тѣмъ, чтобы конституція эта была республиканская, была бы представлена на разсмотрѣніе конгресса и одобрена имъ. Конгрессъ завѣдуетъ также исключительно округомъ Колумбін, который, какъ мѣстопробываніе федеральнаго правительства, не входитъ въ составъ какаго-либо отдѣльнаго штата. Конгрессъ имѣетъ также полную власть надъ федеральными фортами, доками, провіантскими и комисаріатскими магазинами и складами. Онъ, какъ самостоятельное, въ этомъ случаѣ, учрежденіе, покупаетъ у штатовъ въ свою собственность мѣста для устройства крѣпостей и другихъ стратегическихъ пунктовъ.

Почты состоятъ въ завѣдываніи федеральнаго правительства. Слышится, однако, жалобы на то, что тридцать лѣтъ тому назадъ, президенты сдѣлали изъ почтовой службы какую-то монополію,

вторую они дѣлятся со своими сторонниками. Законы, касающіеся натурализаціи, привилегій на изобрѣтенія, литературной собственности, принадлежать центральной власти, хотя въ прежнее время каждый штатъ былъ самостоятельнымъ распорядителемъ дѣлъ этого рода на пространствѣ своей территоріи.

Внимая въ духъ сѣверо-американской конституціи, надобно сказать, что въ сущности она представляетъ либеральное развитіе великой англійской хартии и билля о гражданскихъ правахъ англичанъ, изданнаго въ 1689 году. Развитію этому содѣйствовало отсутствіе аристократіи, господствующей церкви и привилегій по владѣнію поземельной собственностію, порождающихъ въ Англии сословное неравенство, которое очень неблагоприятно отзывалось на волеи государственномъ строѣ Англии.

Несмотря на свое англійское происхожденіе, конституція Соединенныхъ штатовъ оказывается въ своемъ практическомъ примѣненіи совершенно новымъ явленіемъ въ исторіи государственнаго устройства. Она разрѣшила задачу устройства республики на громадной территоріи и представляетъ удачное соглашеніе автономіи областей съ центральной властью. Хотя президентъ и конгрессъ имѣютъ въ своихъ рукахъ законъ, казну и военную силу, тѣмъ не менѣе штаты сохранили свою политическую и административную самостоятельность. Они имѣютъ свои собранія, свои суды, отдѣльную администрацію и милицію, и весьма мало заботились о томъ, что происходило въ Вашингтонѣ. Правда, что послѣднія событія нарушили обычный ходъ дѣлъ въ республикѣ и подали поводъ къ порицанію ея органическаго устройства. Федеральное правительство обвиняютъ въ томъ, что оно, слишкомъ поддерживая самостоятельность штатовъ, подготовило свою собственную слабость и тѣмъ самымъ далѣ Югу возможность приготовиться къ сопротивленію Сѣверу и къ расторженію союза. Полагаютъ, что причиной настоящихъ бѣдствій была нерѣшительность вашингтонскаго правительства, и что южане никогда не отважились бы противостать ему съ оружіемъ въ рукахъ, еслибъ видѣли его твердость и готовность поддерживать организацію союза. Какъ бы то ни было, но люди, хорошо знакомые съ политическимъ устройствомъ Соединенныхъ штатовъ, думаютъ, что если возстановится миръ, то не потребуются никакихъ измѣненій въ союзной конституціи, и для поддержанія добраго согласія между штатами нужно будетъ только поддерживать прежнюю организацію, которая, какъ мы замѣтили, доставляла уже союзу семьдесятъ лѣтъ благосостоянія и величія и была нарушена не вслѣдствіе дурнаго ея устройства, но вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, какихъ не могли предвидѣть составители конституціи.

По послѣднимъ извѣстіямъ, отряды южныхъ войскъ продолжаютъ сдаваться сѣверянамъ. Новый президентъ Джонсонъ обнаружилъ энергію, достойную его предшественника, но вмѣсто той примирительной кротости, которой отличались распоряженія Линкольна, онъ показываетъ готовность прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣ-

рамъ противъ предводителейъ возстанія. Въ объявленной Джонсономъ прокламаціи, президентъ Джеферсонъ-Девисъ обвиняется въ оучастіи во убійствѣ Линкольна, и за попыку его назначена награда въ 100,000 долларовъ. Теперь изъ Нью-Йорка сообщаютъ о готовящемся походѣ съверо-американскихъ флибустьеровъ противъ Мексики. Это обстоятельство заставляетъ предполагать перемѣну французской политики въ отношеніи къ вашигтонскому кабинету.

Отношенія нашей литературы и преимущественно журналистики къ вопросамъ изъ политической и общественной жизни указывали на необходимость ввести новый цензурный порядокъ. Кромѣ того, та часть нашего законодательства, которая относилась къ цензурѣ, представляла чрезвычайную нестройность и неопредѣленность. Хотя, какъ мы увидимъ, у насъ нѣсколько разъ были издаваемы цензурные уставы, но общія устанавливаемые ими правила въ скоромъ времени измѣнялись вслѣдствіе новыхъ отдѣльныхъ постановленій, не только небывшихъ въ связи съ общими уставами, но и очень часто противорѣчившихъ главнымъ ихъ основаніямъ. Значеніе нашей прессы въ настоящее время за-границей требовало также измѣненія законодательства по цензурѣ, въ главныхъ его началахъ. Во мнѣніи Европы, предварительная цензура отнимала у нашей публицистики то значеніе, какое она должна имѣть, какъ болѣе или менѣе самостоятельное выраженіе общественного мнѣнія посредствомъ печати. Политическія статьи нашихъ періодическихъ изданій, и помѣщаемыя въ нихъ опроверженія ложныхъ слуховъ и сужденій о событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, а также и о нашей политикѣ принимались на Западѣ, вслѣдствіе предварительной цензуры, не болѣе какъ отголоски официальныхъ мнѣній и взглядовъ. Эта мысль была даже высказана дипломатическимъ путемъ, такъ-что само министерство иностранныхъ дѣлъ сочло нужнымъ сообщить печатно о томъ, что журналистика наша, относительно взглядовъ на политическія событія въ Европѣ, находится внѣ всякой отъ него зависимости, и подлежить въ этомъ случаѣ только общимъ цензурнымъ правиламъ.

Первое распоряженіе о цензурѣ въ Россіи относится къ 1720 году. Въ этомъ году изданъ указъ о непечатаніи никакихъ книгъ ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, безъ полученія на то дозволенія отъ духовной коллегіи. Надобно впрочемъ замѣтить, что по точному смыслу упомянутаго указа, это распоряженіе относилось только къ церковнымъ книгамъ. Въ регламентѣ духовной коллегіи, вышедшемъ въ слѣдующемъ году, повелѣвалось: «аще кто о чемъ богословское письмо сочинить, и тое бѣ не печатать, но первѣе презентовать въ колегіумъ». Въ 1732 году, послѣдовало запрещеніе о ввозѣ въ Россію польскихъ календарей, потому что, какъ сказано въ указѣ объ этомъ, «въ прогностикахъ находится о нашей им-

верия, а особливо о Украинѣ, нѣкоторые зловыммишленные пассажи, чѣмъ неразумительно народъ можетъ легко придти въ какой соблазнъ и сумнѣніе». Въ 1742 году, состоялся указъ о выходѣ Россійскихъ Вѣдомостей академіи наукъ съ апробаціи сенатской конторы. Затѣмъ не дозволено было привозить изъ-за границы печатанныхъ въ чужихъ краяхъ на русскомъ языкѣ книгъ, неосвидѣтельствованныхъ синодомъ, и переводить безъ его дозволенія иностранныя духовныя книги. Въ 1751 году, запрещено было печатать въ газетахъ безъ высочайшаго одобренія «артикулы», касающіеся императорской фамиліи. Далѣе слѣдовало нѣсколько указовъ о представленіи на предварительное разсмотрѣніе книгъ духовнаго содержанія и о печатаніи въ вѣдомостяхъ только такихъ узаконеній, которыя объявляются во всеобщее свѣдѣніе.

Собственно же общая для всѣхъ книгъ цензура установлена съ 15-го января 1783 года, когда дозволено было во всѣхъ городахъ и столицахъ заводить типографіи, но съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ печатались книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ ииначе, какъ съ освидѣтельствомъ отъ управы благочинія. Въ издаваемыхъ книгахъ не должно было находиться ничего прѣтивнаго законамъ божіимъ и гражданскимъ или клонящагося къ явнымъ соблазнамъ. По всей вѣроятности, управа благочинія брала плохо въ толкъ книжную мудрость, потому что въ 1785 году «въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ *странныя* книги», повелѣно было опредѣлить духовныхъ и свѣтскихъ особъ для освидѣтствованія книгъ, выходящихъ въ Москвѣ изъ вольныхъ типографій». Съ того времени стали появляться указы о строгомъ разсмотрѣніи книгъ церковныхъ и относящихся къ священному писанію и вѣрѣ православной.

Первый разъ слова «цензура» и «цензоръ» было употреблены въ указѣ 15-го мая 1790 года. Въ этомъ указѣ сказано, что цензура книгъ должна зависѣть отъ управы благочинія, отъ которой и цензора слѣдуетъ назначить. Особая строгости по цензурной части были приняты въ 1796 году. Изданнымъ въ этомъ году указомъ повелѣно было: учредить цензуру изъ одного духовнаго и двухъ свѣтскихъ лицъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при развильовской таможенѣ; частныя типографіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, упразднить, не издавать никакихъ книгъ безъ цензурнаго разсмотрѣнія; это же правило было распространено и на періодическія изданія. Этимъ указомъ заключилось царствованіе императрицы Екатерины относительно русскаго печатнаго слова.

При императорѣ Павлѣ, цензура перешла въ ученое вѣдомство, такъ-какъ свѣтскихъ цензоровъ велѣно было назначить отъ академіи наукъ и университетовъ. Цензорамъ было назначено жалованье неравножѣрно: 1,000, 1,200 и 1,800 рублей. Духовнымъ же цензорамъ по 500 рублей. Императоръ не удовольствовался однако новымъ цензурнымъ порядкомъ, и въ слѣдующемъ году было повелѣно: книги, признаваемыя цензурою недозволенными или сомнительными, представлять на разсмотрѣніе совѣта его императорскаго ве-

личества. Въ томъ же году распространена цензура и на еврейскія книги, привозимыя изъ-заграницы. Еврейскимъ цензорамъ было назначено 300 рублей ежегоднаго жалованья. Съ 1798 г. книги на армянскомъ языкѣ стали подлежать духовной цензурѣ. Въ этомъ же году подвергли строгому преслѣдованію иностранныя газеты, получаемыя въ Россіи, вслѣдствіе того, что, какъ сказано въ указѣ, «газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ, по подущенію ли французовъ или по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ, подражать имъ». Вообще царствованіе Павла представляетъ рядъ мѣръ противъ привоза въ Россію иностранныхъ изданій, между тѣмъ какъ относительно русской пресмы, послѣ приведенныхъ выше указовъ, не состоялось никакихъ новыхъ распоряженій. Мѣры противъ иностранной печати кончились тѣмъ, что 18-го апрѣля 1800 г. было запрещено вывозить изъ-заграницы, впродъ до указа, не только всякаго рода книги, но и музыкальныя ноты.

Изъ указа 1802 года видно, что тогдашнее правительство смотрѣло на цензуру, установленную при Екатеринѣ и Павлѣ, какъ на временную мѣру, вызванную внѣшними обстоятельствами. По мнѣнію этихъ обстоятельствъ, императоръ Александръ разрѣшилъ отерывать снова вольныя типографіи и печатать въ нихъ книги на всѣхъ языкахъ, «наблюдая только, чтобъ въ нихъ не было ничего противнаго законамъ божіимъ и гражданскимъ и клонящагося къ явнымъ соблазнамъ». Должность цензоровъ была упразднена и разсмотрѣніе книгъ было возложено на губернаторовъ съ тѣмъ, чтобы они употребляли для этого директоровъ народныхъ училищъ.

Въ 1804 году, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, цензорская часть поступила въ вѣдѣніе университетовъ, а въ Петербургѣ, при несуществованіи еще университета, былъ учрежденъ особый цензурный комитетъ. Въ этомъ же году былъ изданъ уставъ о цензурѣ. Чтобъ дать общее понятіе о духѣ этого устава, запрещавшаго допускать въ печати «противное закону божіему, правленію, нравственности и личной чести», уважемъ на 21-ю его статью. Въ этой статьѣ сказано, что цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій, «должна руководствоваться благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненія или мѣстъ, которыя, по какимъ либо мнимымъ причинамъ, кажутся подлежащими запрещенію. Когда же мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двойкій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели преслѣдовать его».

Нельзя также остановиться и на слѣдующемъ правилѣ, заглавшемъ, что «скромное и благоразумное изслѣдованіе великой истины, относящейся до вѣры, челоуѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но и пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи пресвѣщенія.»

Вообще первый цензурный уставъ отличался такою правильно-
стію взгляда на значеніе литературы, которая могла бы быть во
многихъ случаяхъ примѣняема и къ позднѣйшему времени.

Въ 1810 году, дѣла по цензурнымъ установленіямъ поступили
въ вѣдомство министерства полиціи, хотя цензура всѣхъ издавае-
мыхъ въ имперіи книгъ и періодическихъ сочиненій была оставле-
на въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а министру полиціи
было предоставлено, что если онъ усмотритъ въ книгахъ, изда-
ныхъ съ цензурнымъ одобреніемъ, мѣста и выраженія, подающія
поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, доводить объ этомъ до вы-
сочайшаго свѣдѣнія и ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Въ 1812
году, учреждена цензура при военномъ комитетѣ, а въ 1814 году
учрежденъ комитетъ цензуры духовной, для разсмотрѣнія сочи-
неній духовныхъ и относящихся къ училищамъ духовнаго вѣдом-
ства.

Царствованіе императора Александра I заключилось слѣдующими
двумя указами по цензурной части. Первымъ, состоявшимся по
докладу графа Аракчеева, запрещено было чиновникамъ, находя-
щимся въ службѣ, издавать безъ дозволенія начальства сочиненія,
заключающія что либо касающееся до вѣншихъ или внутреннихъ
отношеній руссійскаго государства. Вторымъ указомъ внушалось
строгое наблюденіе, дабы, какъ въ изданныхъ, такъ и впредь из-
даваемыхъ переводахъ и сочиненіяхъ «не укрывалось» ничего ко-
лебляющаго вѣру и благонравіе.

Въ 1826 году, былъ изданъ новый цензурный уставъ, состав-
ленный министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ, кото-
рый, какъ видно изъ его доклада, еще въ 1815 году, въ качествѣ
члена государственнаго совѣта, заявлялъ, что, «существовавшая
цензура недостаточна къ отвращенію вреда, приносимаго худыми
книгами, воспитанію, нравамъ и просвѣщенію». Въ докладѣ сво-
емъ адмиралъ сѣдуетъ, что на мнѣніе его не обратило тогда вни-
маніе министерство народнаго просвѣщенія.

Шишковъ подвелъ подъ цензуру географическія карты, чертежи,
планы и музыкальныя ноты. Онъ находилъ, что обязанность цен-
зуры при разсматриваніи «всѣхъ сихъ произведеній» состоитъ въ
огражденіи святости, нравовъ, чести народной и личной не только
отъ злонамѣреннаго или преступнаго, но и всякаго неумышленна-
го на нихъ покусенія. Онъ учредилъ «верховнымъ цензурнымъ ко-
митетъ», для разсмотрѣнія дѣлъ по цензурѣ, «требующихъ сообра-
женій въ государственномъ видѣ, какъ по отношенію къ внутрен-
нему устройству Россіи, такъ и вѣншихъ ея сношеній». Верхов-
ный цензурный комитетъ долженъ былъ изыять изъ обращенія и
прежде изданныя книги, еслибы онѣ оказались вредными въ какомъ
бы то ни было отношеніи. По новому уставу требовалось, чтобы
и новременныя изданія представлялись въ рукописи, и чтобы мѣ-
ста духовнаго содержанія разсматривались даже и въ обычныхъ со-
чиненіяхъ духовною цензурой. Право на новременныя изданія пред-
оставлялось только «человѣку добрыхъ нравовъ». Статьи, касаю-

щіяся до государственнаго управленія, не могли быть печатаемы безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждалось. Запрещено было печатать замиски частныхъ людей во глужбнымъ дѣламъ. Такому же запрещенію подлежали всѣ вообще отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, «имѣющія полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной, или, по-крайней-мѣрѣ, безвредной цѣли». Не дозволено, въ противность уставу 1804 года, пропускать мѣста, имѣющія двойкій смыслъ, если одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ. Запрещенъ рядъ точекъ для того, чтобъ читатели не угадывали пропущенныхъ мѣстъ. Не допускались къ печати сочиненія, «нарушавшія правила и чистоту русскаго языка». Не дозволялось печатать сочиненія, въ которыхъ «предлагались неумѣстные совѣты и наставленія какому бы то ни было правительству». Въ историческихъ сочиненіяхъ не допускались «произвольныя умышленія». На медицинскія книги было обращено тоже немалое вниманіе.

Но замѣчательнѣе всего слѣдующее соображеніе составителя новаго устава: «Такъ какъ уставъ о ценсурѣ—сказано въ 213 §— не долженъ быть извѣстнымъ никому изъ писателей или художниковъ, издающихъ въ свѣтъ свои произведенія, то, въ случаѣ важныхъ обстоятельствъ, отвѣтственность ихъ за содержаніе напечатаннаго не прекращается отъ того, что они напечатаны по одобренію цензора».

Въ 1833 году отмѣнено было запрещеніе издавать сочиненія или книги, если въ нихъ не соблюдались правила и чистота русскаго языка. Затѣмъ слѣдовали нѣкоторыя распоряженія по частнымъ случаямъ, имѣвшія цѣлью усилить цензурное наблюденіе, и кромѣ того сочиненія и статьи по предметамъ спеціальнымъ дозволялось печатать не иначе, какъ съ разрѣшенія того административнаго вѣдомства, къ которому они могутъ относиться. Замѣчательно, между прочимъ, распоряженіе 1847 года, въ которомъ требовалось особой внимательности къ стремленію нѣкоторыхъ авторовъ возбудить въ читающей публикѣ «необузданные порывы патріотизма». Съ 1848 года почти всѣ цензурныя распоряженія выходять по частнымъ случаямъ, вслѣдствіе докладовъ государю императору или «по дошедшимъ до его величества свѣдѣніямъ». Журнальная полемика, бельетристика, статьи о народномъ бытѣ и т. д. были обусловливаемы особыми правилами.

Въ 1857 году вышелъ «Сводъ уставовъ о ценсурѣ». Этотъ сводъ возвратился къ мысли устава 1804 года, требуя, чтобъ цензура обращала вниманіе на духъ сочиненія, видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимала за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону. Она не должна была «дѣлать привязки къ словамъ и буквальныймъ выраженіямъ». Въмѣстѣ съ этимъ было однако постановлено, что статьи, назначаемыя отъ какаго-бы то ни было временнаго изданія, подвергаются предварительному разсмотрѣнію осо-

блики вѣдомствами, къ которымъ онѣ относятся по своему спеціальному содержанию. Въ скоромъ времени сводъ цензурныхъ постановленийъ былъ дополненъ особыми распоряженіями по разсмотрѣнію статей: о гласномъ судѣ, крестьянскомъ вопросѣ, обществѣхъ трезвости, откунахъ, правахъ дворянства и по другимъ вопросамъ, занимавшимъ въ ту пору нашу прессу.

10 марта 1862 года цензура была передана въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. При этомъ были отмѣнены назначенные отъ разныхъ вѣдомствъ чиновники для просмотра статей, касающихся этихъ вѣдомствъ, а пропускъ статей и извѣстій политическаго содержанія порученъ былъ общей цензурѣ. 12 мая были утверждены временныя правила по цензурѣ, ограничившія гласность, бывшую въ ту пору въ большомъ ходу и, кромѣ того, даны были особыя наставленія для цензуrowанія статей, касающихся: военно-сухопутной части, судебной, финансовой и предметовъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, изъ историческаго очерка нашей цензуры надобно придти къ тому заключенію, что она собственно не имѣла еще ни разу прочнаго законодательства, такъ-какъ по изданіи органическихъ для нея уставовъ, они тотчасъ же дополнялись и измѣнялись частными постановленіями, относившимися какъ къ общему порядку, такъ и къ спеціальнымъ вопросамъ.

6 апрѣля нынѣшняго года изданы новыя постановленія по цензурной части, представляющія измѣненія или дополненія прежнихъ узаконеній и особыхъ распоряженій по дѣламъ печати. Переходное положеніе нашего судопроизводства и судоустройства не позволяетъ еще въ настоящее время облекъ правила по дѣламъ книгопечатанія въ форму органическаго закона. Цѣль же вновь изданныхъ постановленийъ, какъ сказано въ высочайшемъ указѣ, данномъ сенату—заключается въ томъ, чтобы предоставить отечественной печати возможныя облегченія и удобства. Нетолько совершившіяся въ послѣднее время государственныя преобразованія, но и то значеніе, которое получила при этомъ наша литература и журналистика, указывали на необходимость иного порядка по дѣламъ цензуры, неудовлетворявшаго уже современнымъ потребностямъ и взглядамъ, установившимся въ образованномъ обществѣ на свободу книгопечатанія.

Еще съ начала 1862 года вопросъ о печати подвергался обсужденію особыхъ комисій, учрежденныхъ по высочайшей волѣ. На основаніи трудовъ этихъ комисій, должны будутъ составиться органическія постановленія по цензурной части сообразно съ тѣми особенностями, на которыя укажетъ опытъ по примѣненію нынѣ изданныхъ временныхъ правилъ. Отличительную черту этихъ правилъ составляетъ освобожденіе нѣкоторыхъ произведеній печати отъ дѣйствій предварительной цензуры по желанію авторовъ или редакторовъ, съ соблюденіемъ особыхъ, постановленныхъ на подобныя случаи правилъ.

Само собою разумѣется, что пользование этимъ правомъ будетъ весьма много зависеть отъ образа дѣйствій будущихъ нашихъ судилищъ, такъ-какъ безъ правильного суда нѣтъ гарантій ни для лицъ, подвергнувшихся обвиненію за нарушение цензурныхъ постановленій, ни для общества и отдѣльныхъ личностей, испытывающихъ злоупотребленіе печатнымъ словомъ.

Кромѣ того, пользование упомянутымъ правомъ будутъ находиться въ зависимости и отъ хозяйственныхъ дѣлъ редакцій, такъ-какъ для полученія этого права требуется представленіе денежныхъ залоговъ въ размѣрахъ довольно значительныхъ. На залоговныя эти будутъ падать взысканія, въ случаѣ присужденія къ нимъ редакторовъ за несоблюденіе цензурныхъ требованій. Притомъ освобожденіе отъ предварительной цензуры не распространяется на новыя изданія, такъ-какъ представленіе имъ этого права будетъ зависеть отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, до какой степени разовьется вообще освобожденіе періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры, какъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особыхъ условій, такъ и вслѣдствіе предпочтенія самими редакторами предварительной цензуры освобожденію отъ ея дѣйствія.

Отъ предварительной цензуры, безъ представленія залоговъ, освобождаются всѣ оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и всѣ переводы объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ.

Кромѣ денежныхъ взысканій или тюремнаго заключенія, за отступленіе отъ цензурныхъ постановленій, повременныя изданія подлежатъ еще новому виду взысканія. Министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право дѣлать имъ предостереженія съ указаніемъ на статью, подавшую къ этому поводу. Третье предостереженіе приостанавливаетъ изданіе на срокъ, назначенный министромъ. Здѣсь, впрочемъ, можетъ возникнуть вопросъ о томъ срокѣ, въ продолженіе котораго должны послѣдовать эти предостереженія для того, чтобъ троекратное ихъ повтореніе влекло за собою приостановленіе періодическаго изданія. Приостановленіе изданія не можетъ быть возобновлено иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; но о совершенномъ прекращеніи изданія, министръ входитъ съ представленіемъ въ 1-й департаментъ правительствующаго сената.

Весьма важнымъ вопросомъ является вопросъ о судѣ по дѣламъ печати. Отвѣтственными въ этомъ случаѣ лицами, въ указанной впрочемъ постепенности, признаются: сочинитель, издатель и типографщикъ. Редакторъ же отвѣчаетъ во всякомъ случаѣ, какъ главный виновникъ. Для сужденія проступковъ по дѣламъ печати—впредь до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года—учреждаются особыя присутствія. Самый большой размѣръ денежнаго взысканія съ редакціи полагается въ 500 рублей. Порядокъ суда по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати, а также о всякомъ печатномъ оглашеніи о частномъ или должностномъ

лицѣ, или обществѣ, или установленія такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или добродѣтели имени — весьма сходенъ съ тѣмъ порядкомъ, который принятъ на этотъ счетъ во французскомъ законодательствѣ. Само собою разумѣется, что только опытъ и новая судебная практика, а также отголосокъ общественнаго мнѣнія, должны будутъ показать, до какой степени возможна и полезна у насъ подобная примѣнимость.

Драматическія сочиненія къ представленію на театрѣ будутъ дозволяемы особыми цензорами, а сомнительныя при этомъ случаѣ будутъ разрѣшаемы министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Новыя постановленія по дѣламъ печати войдутъ въ силу съ 1-го сентября 1865 года.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Заботы князей о пользахъ Россіи.—Депутація германскаго торговаго сейма, въ началѣ 1864 г., адресовала русскому правительству записку о заключеніи торговаго и таможеннаго трактата между Россіею и германскимъ таможеннымъ союзомъ, увѣщевая самымъ убѣдительнымъ образомъ наше правительство оставить систему «уединенія отъ великаго международнаго обмѣна товаровъ» ради экономическаго развитія, требующаго свободнаго движенія. Предлагаемая въ этой запискѣ мѣра клонится къ коренному измѣненію тарифа и узаконенію нашихъ о торговлѣ и мореплаваніи, а также къ нѣкоторымъ частнымъ улучшеніямъ по относящимся къ международной торговлѣ предметамъ, каковы, напримѣръ: таможенные обряды и формальности, торговое судопроизводство, уменьшеніе гербовыхъ пошлинъ, введеніе метрической системы и т. п. Кромѣ этого, въ запискѣ выражено много сердечнаго доброжелательства русскому народу, но болѣе дѣйствительное побужденіе этой вылазки, конечно, слѣдуетъ искать въ практическихъ причинахъ, изъ которыхъ самой главной является торговый трактатъ, заключенный отъ имени таможеннаго союза Пруссіей съ Франціей, 2-го августа 1861 г. По поводу этого трактата германскія торговыя палаты въ прусскихъ провинціяхъ, пограничныхъ съ Россіей, заявляли тогда, что трактатъ съ Франціей «долженъ самъ собою обратить вниманіе германскаго торговаго и промышленнаго класа болѣе, чѣмъ прежде, на существованіе на сѣверо-восточныхъ границахъ союза весьма обширной торговой области, противопоставляющей естественному и успѣшному движенію международной торговли, посредствомъ своей запретительной и охранительной системы, величайшія препятствія и затрудненія, отъ которыхъ ни одна иностранная земля не страдаетъ болѣе Германіи». Дѣйствительно, Германія, переполненная ввозными товарами чрезъ французскую границу, не имѣетъ столь же свободнаго канала для сбыта, чрезъ русскія границы; но Россія въ

этомъ отношеніи находится въ положеніи еще болѣе невыгодномъ, чѣмъ Германія, потому что наши восточныя границы, отдѣляющія христіанскій міръ отъ Азіи, не представляютъ намъ никакихъ условій сбыта, хотя бы были такъ же свободны, какъ желаетъ того Германія относительно сопредѣльныхъ съ ней нашихъ границъ; слѣдовательно, кто нибудь изъ двухъ—Германія или Россія, неизбѣжно должны терпѣть невыгоды свободной торговли. Германія убѣждаетъ, чтобы мы приняли на себя эту долю; но намъ, конечно, позволительно желать, чтобы насъ миновала «сія чаша». Нѣтъ спору, что идея свободной торговли принадлежитъ къ самымъ великимъ идеямъ нашего вѣка, но безусловное принятіе ея всакой страной не допускаетъ сама жизнь, ея практическія указанія и слѣшкомъ осязательные доводы здраваго смысла. Россія, естественно, должна войти въ общее движеніе свободнаго всемірнаго обмѣна, но не прежде, какъ она сравняется съ остальной Европой въ степени своей производительности и въ своемъ государственномъ устройствѣ. Такимъ образомъ, признавъ въ принципѣ свободу торговли, мы должны, во имя своихъ практическихъ интересовъ, слѣдовать этой системѣ съ крайней постепенностью и осторожностью. Можетъ быть, ни въ чемъ другомъ мы не обязаны быть столько осторожны и постепенны, какъ въ торговыхъ международныхъ вопросахъ. Въ экономическомъ отношеніи вообще мы сильно отстали отъ Европы, и подвигаться на этомъ пути не можемъ такъ же быстро, какъ европейскія государства, потому что производительность наша повсюду находится еще въ весьма слабомъ состояніи и неизбѣжно должна оставаться, болѣе или менѣе продолжительное время, въ состояніи крайней неопредѣленности, вслѣдствіе новыхъ экономическихъ условій, возникающихъ изъ ряда коренныхъ гражданскихъ реформъ, совершающихся съ начала настоящаго царствованія.

Записка германскаго торговаго сейма сообщена была нашимъ правительствомъ на разсмотрѣніе биржевыхъ комитетовъ, изъ которыхъ петербургскій, рижскій и одесскій представили свои мнѣнія, публикуемыя нынѣ министерствомъ финансовъ (*). Въ этихъ мнѣніяхъ разсмотрѣна записка весьма многосторонне; петербургскій и рижскій комитеты пришли къ заключенію о необходимости для Россіи держаться охранительной системы, а одесскій соглашается съ германскимъ сеймомъ. Въ столь важномъ вопросѣ, какъ настоящій, основанія заключеній нашихъ комитетовъ имѣютъ несомнѣнный интересъ.

Петербургскій комитетъ высказался въ рѣзкомъ и *исключительно* отрицательномъ тонѣ. Отказавшись (вслѣдствіе пониженія ввозныхъ пошлинъ) отъ значительныхъ доходовъ—говоритъ онъ—и предоставивъ порты и рынки наши иностранцамъ, мы ограничиваемся сырыми продуктами земледѣлія и скотоводства. Запасы нашихъ продуктовъ будутъ, конечно, громадны повсемѣстно, но

(*) «Сборн. по М. Ф.» № 4-й, 1865 г.

несмотря на заманчивую перспективу огромнаго сбыта, можетъ, однако, случиться, что большаго требованія, по какимъ-либо причинамъ, не будетъ, и у насъ останется въ рукахъ значительное количество несбытыхъ товаровъ нашихъ. Что тогда? Странѣ придется терпѣливо ожидать лучшихъ временъ и, имѣя въ виду свѣжія произведенія слѣдующаго года, довольствоваться тѣми цѣнами, какія только предложить потребители. Пониженіе пошлинъ, желаемое германскимъ торговымъ сеймомъ, будетъ равняться почти беспошлинному ввозу иностранныхъ издѣлій, которыя, естественно, спльно стануть соперничать съ нашими, и прямое слѣдствіе будетъ остановка многихъ нашихъ мануфактуръ, заведенныхъ такими многолѣтними трудами и съ затратами огромныхъ капиталовъ, а что еще грустнѣе—размноженіе пролетаріевъ. У насъ есть селенія, занимающіяся почти исключительно выдѣлкою дешевыхъ матерій, и потому вопросъ о томъ, какая участь ожидаетъ нашъ промышленный классъ, если главнѣйшіе рынки наши будутъ наполнены иностранными издѣліями, серьезень. Для иностранцевъ дѣйствительно имѣется въ такомъ случаѣ блестящая перспектива снабжать своими продуктами не только всю обширную Россію, но и еще многіе азіатскіе народы, бывшіе донынѣ потребителями нашихъ фабрикацій, а какая перспектива готовится для Россіи! Дозволеніе ваботажнаго судоходства, при конкуренціи нѣмецкихъ судовъ, по мнѣнію петербургскаго комитета, отниметъ у насъ и тотъ малочисленный купеческій флотъ, который поддерживается, благодаря охранительнымъ постановленіямъ. Такимъ образомъ комитетъ приходитъ къ заключенію, что согласившись на предложеніе германскаго союза, Россія обрекаетъ себя на полную зависимость въ торговомъ и промышленномъ отношеніи отъ иностранцевъ.

Рижскій комитетъ, замѣчая, что Англія, Франція и Германія только недавно нашли возможнымъ оставить систему покровительства промышленности, вопрошаетъ, почему отъ Россіи требуютъ, чтобы она перешагнула естественную фазу развитія въ промышленномъ воспитаніи народа, на которой западно-европейскія государства считали нужнымъ подождать, прежде чѣмъ приступить къ измѣненію системы? О пользѣ, которую принесла для Россіи запретительная система, рижскій комитетъ говоритъ, что 50 лѣтъ тому назадъ, будучи преимущественно земледѣльческимъ государствомъ, съ сравнительно незначительною промышленною дѣятельностію, Россія, во время континентальной системы, увидѣла необходимость змансипироваться отъ иностранцевъ посредствомъ развитія собственной промышленности. Развитіе это потерпѣло сильный ударъ, когда, по возстановленіи мира, русская торговая политика попробовала послѣдовать началамъ свободной торговли. Россія сдѣлала такой же опытъ, какъ и Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ каждый періодъ свободной торговли оканчивался денежнымъ кризисомъ и всеобщимъ банкротствомъ. Тарифъ 1823 г. основалъ охранительную систему, подходящую къ

обстоятельствамъ, въ которыхъ страна находилась, и, по словамъ рижскаго комитета, чужіе капиталы и таланты потекли со всѣхъ цивилизованныхъ странъ въ Россію, чтобы вызвать тамъ къ жизни промышленность, которая имѣла самое прочное вліяніе на успѣхи народнаго благосостоянія. Милліоны работниковъ нашли на фабрикахъ выгодное занятіе, и земледѣліе не только не упало, но подтвердило и здѣсь опытъ всѣхъ западно-европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, что рациональное сельское хозяйство неразлучно съ разнообразно-развивающеюся промышленностью, и безъ ея содѣйствія едва-ли возможно. Именно въ промышленныхъ губерніяхъ земледѣліе сдѣлало самыя значительныя успѣхи, а вывозъ изъ Россіи съ каждымъ годомъ увеличивался въ быстрой прогрессіи.

Еслибы правительство пожелало измѣнить дѣйствующую нынѣ торговую политику, то по мнѣнію рижскаго комитета, необходимо отказать отъ всякихъ сепаратныхъ трактатовъ съ отдѣльными государствами и принять за высшее правило—однаково, безъ всякихъ исключеній, относиться ко всѣмъ націямъ, имѣющимъ съ нею торговыя сношенія. Но поддерживая покровительственную систему, рижскій комитетъ полагаеть, что не нарушая національныхъ интересовъ могли бы быть сдѣланы для международной торговли нѣкоторыя уступки: именно: 1) пониженіе ввозныхъ пошлинъ на колониальныя товары, равно какъ на необходимыя для туземной промышленности сырыя матеріалы и полуобработанные продукты, которыхъ Россія не можетъ производить сама; 2) назначеніе таможенныхъ пошлинъ на иностранныя промышленныя издѣлія въ размѣрѣ необходимаго для развитія внутренней промышленности покровительства, не уничтожая однако вполнѣ иностранной конкуренціи, предохраняющей отъ застоя туземное производство; и 3) уничтоженіе пошлинъ, существующихъ въ пользу привоза чрезъ сухопутную границу, которыя сами по себѣ и по своимъ практическимъ слѣдствіямъ суть не что иное, какъ финансовая жертва Россіи для поощренія пруской морской торговли на счетъ русской. Что же касается предложенія сейма о введеніи у насъ метрической системы вѣса, уменьшенія числа тарифныхъ статей, замѣны пошлинъ съ цѣнности пошлиною съ вѣса товаровъ, то рижскій комитетъ не возражаетъ противъ этихъ статей записки; онъ признаеть также справедливымъ упрекъ нашему правительству за то, что въ послѣдніе годы дѣлаемы были у насъ по нѣкоторымъ статьямъ тарифа прибавки, которыя неожиданно застигаютъ торговый классъ и вслѣдствіе того подвергаютъ его немалымъ затрудненіямъ и потерямъ.

Приводимъ общій взглядъ рижскаго комитета на торговую политику: «международная торговля есть одинъ изъ путей къ развитію всеобщаго матеріальнаго благосостоянія страны; но точно такой же путь есть и промышленность, а еще въ большей степени внутренняя торговля, развитіе которой обуславливается

развитіемъ промышленной дѣятельности. Экономическая система, имѣющая въ виду лишь тотъ или другой изъ этихъ путей и односторонне ему покровительствующая, очевидно, есть система неудачная и не принесетъ хорошихъ результатовъ. Было бы крайне ошибочно основывать развитіе промышленности на подавленіи международной торговли, какъ и обратно — развитіе международного объѣма на гибели туземной промышленности. Единственный правильный принципъ въ этомъ случаѣ заключается въ гармоническомъ развитіи всѣхъ факторовъ, содѣйствующихъ успѣхамъ всеобщаго благосостоянія страны. Соразмѣрность въ покровительствѣ одному на счетъ другого ни въ какомъ отношеніи не задержать прогресса, но дѣйствительно поощрить его; только она есть вѣрное и прочное средство, между тѣмъ какъ крайности и быстрыя переимѣны системъ ведутъ всегда къ экономическимъ потрясеніямъ и нерѣдко къ реакціямъ.

Мнѣніе одесскаго комитета, совершенно противоположное приведеннымъ мнѣніямъ петербургскаго и рижскаго, заключается въ порицаніи нашей протекціонной системы, впервыхъ, потому, что она развиваетъ контрабанду, и вовторыхъ, вмѣсто сосредоточиванія капиталовъ въ маломъ числѣ рукъ, у насъ замѣчается теперь недостатокъ капиталовъ, что ведетъ къ предположенію, что протекціонная система при нынѣшнихъ измѣнившихся условіяхъ быта, не можетъ содѣйствовать ни дальнѣйшимъ улучшеніямъ нашихъ фабрикацій, ни увеличенію народнаго богатства. Съ другой стороны, принимая Россію за страну преимущественно земледѣльческую, одесскій комитетъ находитъ, что она принесла уже достаточно жертвъ для искусственнаго поддержанія своей фабричной и заводской промышленности; если полученные результаты до сихъ поръ не оставили ее въ положеніе, чтобы выдерживать вышнюю конкуренцію, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что или для самостоятельнаго существованія этой промышленности не настала еще пора, либо она вовсе не можетъ развиваться у насъ. Въ первомъ случаѣ, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, наши фабрикаціи станутъ въ уровень процвѣтанія съ западными государствами безъ всякихъ искусственныхъ поддержекъ; въ послѣднемъ же случаѣ не слѣдуетъ приносить жертвъ, несоразмѣрныхъ съ успѣхами покровительствуемой промышленности. Соглашаясь съ мнѣніемъ германскаго торговаго сейма, одесскій комитетъ говорить, что при существованіи либеральныхъ торговыхъ трактатовъ, принятыхъ уже великими западными державами, торговая политика Россіи не можетъ долѣе оставаться изолированной, и во всякомъ случаѣ, въ интересахъ промышленности — торговля должна послѣдовать разумному экономическому прогрессу, сдѣлавъ радикальными измѣненія въ тарифѣ и таможенныхъ постановленіяхъ. Но чтобы Россія въ состояніи была извлечь всю пользу, ожидаемую отъ введенія либеральной тарифной системы, необходимо ослабить южную часть ея такимъ путемъ сообщеній, какими

пользуются нинѣ сѣверныя и центральныя губерніи, то-есть провести желѣзныя дороги отъ центра имперіи и хлѣбородныхъ мѣстностей къ главнымъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, улучшить рѣчные пути для болѣе успѣшнаго судоходства и исправить главные порты посредствомъ возведенія удобныхъ гидротехническихъ сооружений. Тогда послѣдствія облегченій новаго тарифа и таможенной реформы несомнѣнно обнаружатся тѣмъ, что вывозъ естественно-русскихъ произведеній южной Россіи, то-есть продуктовъ сельской промышленности, уравновѣситъ *какой-бы то ни было* привозъ иностранныхъ товаровъ и, слѣдовательно, возстановитъ торговый балансъ.

Мнѣнія свои одескій комитетъ заключаетъ тѣмъ, что чѣмъ шире и либеральнѣе будутъ основы торгово-таможенного договора, долженствующаго идти въ уровень съ улучшенными путями сообщеній южной Россіи, и чѣмъ скорѣе осуществится эта реформа, тѣмъ своевременнѣе и надежнѣе упрочится дальнѣйшее развитие русской промышленности и торговли.

Мы изложили мнѣнія самыхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ русскихъ торговыхъ корпорацій; но насколько эти мнѣнія разрѣшаютъ вопросъ, возбужденный германскимъ торговымъ сеймомъ? Мнѣнія эти напоминаютъ журнальную полемику о свободной торговлѣ, оживлявшую нашу періодическую литературу лѣтъ восемь тому назадъ. Петербургскій биржевой комитетъ отдѣляется общими мѣстами покровительственной системы, говоря впрочемъ только о вредѣ для Россіи безошлиннаго ввоза иностранныхъ товаровъ; но о томъ, требуютъ ли измѣненій настоящій тарифъ и какой должны имѣть общій характеръ эти измѣненія, для того чтобы быть цѣлесообразными—ничего не говорится. Мнѣніе петербургскаго биржеваго комитета, похожее болѣе на легучую газетную статейку, чѣмъ на серьезное изслѣдованіе, какимъ оно должно бы быть, могло быть высказано одинаково и въ 1823, и въ 1850, и 1857 годахъ, при измѣненіяхъ въ нашемъ тарифѣ, и одинаково не послужило бы ни къ чему, какъ всякое общее мѣсто. Рижскій комитетъ соглашается на необходимость уступокъ, но съ тѣмъ, чтобы тарифъ продолжалъ быть покровительственнымъ. Мнѣнія этого комитета имѣютъ практическій характеръ, хотя тоже не разрѣшаютъ весьма существеннаго вопроса о послѣдствіяхъ подобной системы собственно въ финансовомъ отношеніи, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя отдѣлять отъ вопроса о тарифѣ, при настоящемъ состояніи денежныхъ дѣлъ въ Россіи. Одескій комитетъ говоритъ о будущемъ, то-есть о томъ блаженномъ времени, когда искусственныя пути сообщенія соединятъ югъ Россіи съ ея центромъ, и когда вслѣдствіе этого соединенія торговый балансъ возстановится и устранитъ всякія финансовыя опасенія; но мнѣніе этого комитета отличается отсутствіемъ взгляда на послѣдствія свободной торговли для Россіи собственно въ промышленномъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе одесскаго комитета столько же смѣло, сколько и непрактично, потому что въ основаніи его

лежать только гадательные результаты еще будущаго устройства сообщеній.

Остается ожидать, какъ разрѣшить вопросъ правительство.

Жалобы англичанъ на русскій тарифъ.—Брадфордская торговая палата представила лорду Росселю записку по предмету торговыхъ сношеній этого округа съ Россіей, прося его обратить вниманіе на запретительную систему русскаго тарифа и выставляя на видъ, что торговля Англіи съ Россіей приходитъ въ упадокъ. По словамъ записки, ввозъ мануфактурныхъ тканей, несмотря на то, что тарифъ 1857 г. умѣрилъ прежнюю систему, встрѣчаетъ на дѣлѣ до сихъ поръ препятствіе въ высшемъ размѣрѣ пошлинъ (сравнительно съ другими странами) и въ притѣснительныхъ (?) формальностяхъ въ портахъ. Пошлины — говорится въ запискѣ — взимаемы нынѣ съ шерстяныхъ издѣлій, значительно выше средней цѣнности ихъ; почему торговля Англіи съ Россіей, постепенно слабая, дошла до того, что привозъ въ Россію шерстяныхъ, бумажныхъ и льняныхъ издѣлій ограничивается весьма небольшимъ числомъ модныхъ предметовъ, доступныхъ лишь людямъ богатымъ. Единственное основаніе высокихъ пошлинъ на ткани, предполагать надобно, состоитъ въ желаніи покровительствовать этой отрасли туземной промышленности; но малое количество шерстяной пряжи, вывозимой для тканья въ Россію, гдѣ шерстопрядильныхъ фабрикъ не существуетъ, доказываетъ, что вышеупомянутая цѣль вовсе не достигается. Промышленность, пользующаяся столь большимъ покровительствомъ, какъ выдѣлка шерстяныхъ тканей въ Россіи, и за всѣмъ тѣмъ остающаяся столь маловажною, не можетъ принести пользы народу, который такимъ образомъ лишенъ возможности законнымъ образомъ запастись теплымъ одѣяніемъ, столь необходимымъ ему по климату. Исчислено, прибавляетъ записка, что въ Россіи каждый потребляетъ шерстяныхъ издѣлій, какъ туземнаго, такъ и иностраннаго происхожденія, среднимъ числомъ лишь на 15 пенсовъ, тогда какъ во Франціи и Сѣверной Америкѣ приходится на человѣка въ 12 и въ 13 разъ болѣе, что составитъ отъ 15 до 16 шиллинговъ.

Можетъ быть, этотъ выводъ и вѣренъ, но потому только, что вовсе не принята въ расчетъ мѣховая одежда, которую носятъ русское населеніе почти всего государства чуть не цѣлый годъ.

Итакъ нѣмцы и англичане открыли противъ нашихъ таможенъ кампанію на бумагѣ; въ этомъ походѣ можно видѣть признаки того, что подъ вліяніемъ прогрессивнаго развитія фабричной и мануфактурной производительности въ Англіи и Германіи, страны эти нуждаются и въ расширеніи рынковъ. Не можетъ ли этотъ валоръ накопляющихся европейскихъ товаровъ оказать Россіи пользу другимъ способомъ, болѣе для насъ выгоднымъ, чѣмъ свободная торговля, предлагаемая намъ нѣмцами? Не найдутъ ли

возможнымъ и выгоднымъ для себя англійскіе и германскіе фабриканты и мануфактуристы завести свои мануфактуры и фабрики въ Россіи? Ихъ капиталы и искусство несомнѣнно были бы щедро вознаграждены. Правда, что весь нашъ officialный строй пугаетъ зажиточныхъ иностранцевъ, привывшихъ къ личной свободѣ, къ прочнымъ гарантіямъ собственности и т. п.; но вѣдь съ устройствомъ ожидаемаго нами новаго суда, во всякомъ случаѣ близкаго, опасаться за свою личность и за собственность будетъ излишне; если же наше законодательство и представляетъ еще вообще такое поле, на которомъ неизбежны большія передѣлки и перестройки, всегда болѣе или менѣе отражающіяся на частной собственности, то въ этомъ случаѣ рискъ не можетъ быть значительнъ.

Россія, съ ея громаднымъ населеніемъ, всегда представляла для предпримчивыхъ и богатыхъ европейскихъ промышленниковъ едва ли единственную обширную арену дѣятельности, и надо надѣяться, что наши учрежденія, съ начатыми въ нихъ и ожидаемыми реформами, перестанутъ пугать иностранцевъ, которые съ обоюдными выгодами будутъ переносить къ намъ свою дѣятельность, минуя такимъ образомъ вопросы о тарифахъ и таможахъ. Механическое производство, желѣзодѣліе, производство жестяныхъ издѣлій, наконецъ водочные и пивоваренные заводы—все это ожидаетъ опытныхъ, искусныхъ и богатыхъ дѣателей.

Америка привлекаетъ къ себѣ европейцевъ своими свободными учрежденіями и своимъ богатствомъ; послѣднее качество одинаково принадлежитъ и Россіи, и можно надѣяться, что Россія также не замедлитъ сдѣлаться для старой Европы новымъ свѣтомъ, если только нашъ тарифъ и таможи не дадутъ эксплуатировать страну извнѣ.

Исслѣдованія городского акушера г. Китера. — Профессоръ и старшій городской акушеръ Петербурга, г. Китеръ, печатаетъ въ «Архивѣ судебной медицины» (№ 1) разработанные имъ матеріалы по вопросу о дефлораціи (himen'a) въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Большинство нашихъ уголовныхъ преступленій, какъ известно, относится къ посягательству на несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ и обольщенію взрослыхъ; между тѣмъ даже научный вопросъ объ этомъ органѣ въ нормальномъ видѣ и о поврежденіяхъ его не можетъ еще считаться достаточно изслѣдованнымъ и разрѣшеннымъ, почему медики вообще и въ особенности судебныя, при недостаткѣ личныхъ изслѣдованій предмета, имѣютъ лишь о немъ весьма поверхностныя и часто ложныя понятія, считая за аксіому то, что далеко еще не определено, и увлекаясь ложнымъ авторитетомъ недостаточныхъ научныхъ данныхъ въ такихъ вопросахъ, которые вовсе не могутъ быть разрѣшены при настоящемъ состояніи науки. Слѣдствіемъ невѣ-

дѣнія медиковъ, естественно, бываютъ неправильные судебные приговоры, освобождающіе отъ законной кары виновнаго, или подвергающіе ей невиннаго. Поэтому намъ кажется весьма удачнымъ и практически-полезнымъ выборъ почтеннаго профессора, обратившагося къ изслѣдованію предмета, съ которымъ всестороннее знакомство не можетъ быть доступно всякому медику, особенно живущему въ уздномъ городѣ и даже губернскомъ съ ограниченными числомъ населенія. Многолѣтняя и спеціальная профессура и клиника, а также главное завѣдываніе акушерской частью въ Петербургѣ, какъ населеннѣйшемъ городѣ Россіи, усвоиваютъ г. Китеру неоспоримый авторитетъ въ предметѣ, которому посвящено его изслѣдованіе. Коснувшись критически литературы предмета, которая, какъ видно изъ статьи г. Китера, не представляетъ вполнѣ законченныхъ и вполнѣ основательныхъ трудовъ ни въ Германіи, ни во Франціи, авторъ предлагаетъ анатомическое описаніе частей женщины въ дѣвственномъ состояніи, сдѣланное имъ, въ совокупности прямо съ цѣлью настоящаго изслѣдованія, при чемъ обращено вниманіе на признаки, опредѣляющіе состояніе этихъ частей въ различныхъ возрастахъ и при совершенной или несовершенной цѣлости описываемаго органа.

Естественное стремленіе одного пола къ другому—стремленіе, въ извѣстномъ возрастѣ, неудержимое, обыкновенно дѣлаетъ предметомъ высшаго любопытства для юношей анатомическія особенности пола; слабое распространеніе во всѣхъ слояхъ нашего общества научныхъ свѣдѣній, нерѣдко бываетъ причиной самыхъ невѣжественныхъ понятій относительно физиологіи и анатоміи человѣка вообще, между тѣмъ вступленіе въ бракъ требуетъ отъ всякаго сколько нибудь образованнаго человѣка болѣе или менѣе сознательнаго пониманія важнѣйшаго изъ человѣческихъ процессовъ — брачнаго. Невѣжественныя понятія мужчинъ относительно анатоміи женщины нерѣдко бываютъ также причиной несчастныхъ браковъ, съ напрасными и безпричинными подозрѣніями и упреками женщины. Поэтому мы находимъ нелишнимъ извлечь изъ статьи профессора Китера опредѣленія его о *himen*’ѣ, основанныя на строгихъ научныхъ изслѣдованіяхъ и потому вполнѣ заслуживающія распространенія въ массѣ публики, какъ вообще заслуживаютъ того всякія основательныя научныя понятія о житейскихъ предметахъ. *Himen* есть не что иное, какъ удлинненіе или, такъ-сказать, отростокъ стѣнокъ органа. Она составляетъ главнымъ образомъ изъ удвоенія слизистой оболочки, между обонми листами которой находится довольно плотная соединительная ткань. Волокна *himen*’а эластическія и гладкомышечныя. У несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ онъ имѣетъ верепончатый видъ, съ наступленіемъ же такъ-называемаго возмужалатаго возраста немного утолщается, но вовсе не окръпвшись при этомъ, а напротивъ того, одѣвающая его слизистая оболочка принимаетъ болѣе бархатный и нѣжный видъ; нѣж-

ность и тонкость *himen'a* остается одинаковой у достигающих въ дѣвственности до преклонныхъ лѣтъ, такъ что, по увѣренію г. Китера, въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между 60 лѣтними дѣвцами и 20—30 лѣтними. Вообще на видъ *himen* есть гладкая и нѣжная кожа свѣтло-розоваго цвѣта, гладко натянутая, съ поверхностью влажною, какъ слизистая оболочка, и имѣющая посрединѣ, а иногда нѣсколько вверху или съ боку, круглое отверстіе отъ 4 до 5 миллиметровъ въ поперечникѣ, съ ровными гладкими краями. Таковъ нормальный видъ; но нерѣдко встрѣчаются уклоненія, которыя, впрочемъ, не составляютъ еще аномаліи, именно бываетъ, что часть пространства, занимаемаго *himen'омъ* въ обыкновенномъ его видѣ, остается открытымъ, что многими неопытными врачами принимается за поврежденіе. Кромѣ подобныхъ ошибокъ, въ судебно-медицинской практикѣ случалось, по свидѣтельству знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, что врачи-слѣдователи ошибочно утверждали, будто *himen* разорванъ или даже совершенно отсутствуетъ, между тѣмъ какъ при повторенномъ изслѣдованіи другими экспертами онъ, нѣсколько оказываясь присутствующимъ, но даже совершенно неповрежденнымъ. По словамъ г. Китера, и ему случалось констатировать то же самое. Чтобы показать, до какой степени сбивчивъ бываетъ вопросъ о цѣлости или поврежденіи *himen'a*, авторъ указываетъ на заключенія извѣстныхъ авторитетовъ въ судебной медицинѣ, какъ, напримѣръ, Орфили, который говоритъ, что «не слѣдуетъ утверждать, что женщина была лишена дѣвственности, кромѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ можно положительно доказать, что женщина эта родила». Между тѣмъ извѣстны несомнѣнные факты, что женщины родили, сохраняя *himen*, который также можетъ и возобновляться, какъ извѣстно изъ изслѣдованій. Два другіе ученые, Брианъ и Шоде, говорятъ, «что присутствіе *himen'a* никакъ не можетъ служить непоколебимымъ признакомъ дѣвственности, а отсутствіе онаго тѣмъ менѣе еще можетъ служить вѣрнымъ доказательствомъ того, что дѣвственность уже не существуетъ». Таково состояніе вопроса собственно въ наукѣ. Что же при этомъ могла представлять практика? Между тѣмъ законъ весьма суровъ за преступленіе противъ дѣвственности, а врачи-эксперты въ каждомъ случаѣ встрѣчаютъ бездну теоретическихъ противорѣчій, затрудняющихъ отправленіе правосудія.

Самой капитальной частью изслѣдованія г. Китера, при современномъ состояніи вопроса въ наукѣ, являются именно указанія и опредѣленія тѣхъ признаковъ, по которымъ можно безошибочно опредѣлить поврежденіе *himen'a*, какъ бы онъ ни былъ ненормаленъ. Опытный профессоръ указываетъ всѣ приемы и мельчайшія подробности для изслѣдованій при судебныхъ дѣлахъ. На основаніи многочисленныхъ наблюденій, г. Китеръ утверждаетъ, что слѣдуя его указаніямъ, судебный врачъ во всякомъ случаѣ будетъ въ состояніи съ надлежащей точностью формулировать свои заключенія о томъ, есть ли нѣтъ поврежденія, что это поврежде

ніе совершенное, поверхностное или несовершенное, что оно еще не зажило, т.-е. свѣже, или уже зажило. Даже 3-хъ сутокъ нельзя уже опредѣлить время поврежденія, если оно неполное, въ полныхъ же срокъ этотъ простирается до 10—12 дней. Это послѣднее опредѣленіе особенно важно вообще для слѣдователей, судовъ и экспертовъ, даже при дѣйствующемъ нынѣ судопроизводствѣ, тѣмъ болѣе, что новые суды не вездѣ одновременно получаютъ свое начало. Приговоры врачей о времени поврежденія *hipen'a*, слѣдовательно, не имѣютъ уже смысла, если изслѣдованія совершены спустя двѣ недѣли. Если при опоздавшемъ изслѣдованіи наука можетъ засвидѣтельствовать только, что поврежденіе совершено, но когда—неизвѣстно, что въ большинствѣ судебныхъ дѣлъ составляетъ вопросъ первой важности, то необходимо опредѣлить закономъ самыя краткіе сроки свидѣльствованія; во всякомъ случаѣ судамъ остается не довѣрять заключеніямъ врачей о времени поврежденія, если экспертиза совершена поздно. Понимая всю трудность судебно-медицинскаго изслѣдованія въ подобныхъ дѣлахъ, г. Китеръ предостерегаетъ врачей и прямо совѣтуетъ имъ отказываться отъ предлагаемыхъ имъ при слѣдствіяхъ востороннихъ вопросовъ, которыхъ они не могутъ разрѣшить на точныхъ опредѣленіяхъ науки.

Кромѣ дѣлъ уголовныхъ, изслѣдованіе г. Китера имѣетъ значеніе и для дѣлъ брагоразводныхъ, когда съ одной стороны предъявляется претензія на безсиліе, а съ другой доказывается противное.

Нѣтъ сомнѣнія, что никто не могъ пользоваться столь богатыми средствами для наблюденій; какъ г. Китеръ въ качествѣ петербургскаго городского акушера, почему и изслѣдованія его могутъ быть приняты съ полнымъ довѣріемъ всѣми, кому ближайшее знакомство съ предметомъ необходимо для наилучшаго управленія общественныхъ обязанностей.

Проектъ женскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.—По поводу составленнаго нынѣ проекта положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, журналъ этого министерства (*) помѣщаетъ записку по этому предмету, составленную председателемъ ученаго комитета, г. Вороновымъ, гдѣ, между прочимъ, сообщается слѣдующая краткая исторія женскаго образованія въ Россіи. До Петра I образованіе для женщины считалось у насъ излишнимъ; примѣръ грамотной женщины даже въ высшихъ слояхъ общества былъ большою рѣдкостью; да и послѣ реформы Петра долго еще образованіе женщины шло у насъ весьма туго. Самые зажиточные люди довольствовались науче-

---

(*) 1865 г. № 3.

ніемъ своихъ дочерей грамотѣ, т.-е. чтенію и нѣскольکو писмѹ, послѣднее считалось уже верхоиъ совершенства. Учителями были простые грамотники, большею частію изъ мѣщанъ и церковниковъ. (Замѣчательно, что у насъ средній класъ явился самобытнѹмъ дѣятелемъ просвѣщенія). Между тѣмъ развитіе сношеній съ западною Европою мало по малу ввело новыя требованія отъ ученія. Дворянство начало заботиться объ ученіи дѣтей своихъ наукамъ, преподаваемѹмъ въ западныхъ школахъ; знатные люди стали посылать дѣтей своихъ учиться за границу, и иностранные учителя, преимущественно иѣмцы и французы, явились въ Россію и завели пансіоны въ столицахъ; для доказательства своихъ знаній, они обязаны были выдержать испытаніе въ Петербургѣ—въ академіи наукъ, а въ Москвѣ—въ университетѣ. При Екаторинѣ II, въ 1780 г., считалось въ Петербургѣ 23 пансіона мужскихъ и женскихъ; всѣ содержатели ихъ были иностранцы; въ пансіонахъ низшихъ учили только чтенію и писмѹ, началамъ вѣры и ариметикѣ; въ высшихъ обучали исторіи, географіи, ариметикѣ и закону божію, или занимались однѹмъ только французскимъ языкомъ. Изъ числа 500 учащихся въ 23 пансіонахъ было 200 русскихъ, но русскій языкъ въ этихъ заведеніяхъ былъ въ небреженіи, и всѣ науки преподавались на французскомъ языкѣ и по французскимъ учебникамъ. Такимъ образомъ въ этотъ періодъ времени все женское образованіе предоставлено было частной дѣятельности и совершалось частію въ русскихъ школахъ, ограничивавшихъ ученіе одной грамотностью, частію въ иностранныхъ пансіонахъ и, наконецъ, дѣтей знатныхъ людей—дома, посредствомъ иностранныхъ наставницъ. Съ открытіемъ народныхъ училищъ по уставу 5-го августа 1786 г., явился еще источникъ для начальнаго женскаго образованія, потому что въ народныхъ училища принимались и дѣти женскаго пола. Злоупотребленія (авторъ записки не объясняетъ—какія злоупотребленія) въ частныхъ школахъ и пансіонахъ побудили правительство подвергнуть ихъ строгому надзору, а потому съ 1-го января 1785 г. частные пансіоны и школы подчинены были вѣдѣнію комисіи училищъ и непосредственному надзору приказовъ общественнаго призрѣнія. Съ 1804 г. частные пансіоны и школы перешли въ непосредственное вѣдѣніе университетовъ и директоровъ училищъ. Въ царствованіе Екаторини II положено было прямое и, по своимъ послѣдствіямъ, плодотворное начало женскому образованію учрежденіемъ въ Петербургѣ закрытаго воспитательнаго женскаго заведенія, подъ названіемъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ; съ того времени женскіе институты, служившіе, и до сихъ поръ служащіе, разсадникомъ образованія для многихъ тысячъ дѣвицъ благороднаго сословія, значительно умножились; но всѣ эти институты состояли всегда, и до сихъ поръ состоятъ, въ особомъ управленіи, министерству же народнаго просвѣщенія подлежало и въ прошломъ столѣтіи и нынѣ женское образованіе на столько, на сколько оно

производилось въ общественныхъ его заведеніяхъ, правительственныхъ и частныхъ училищахъ, а также домашнее учение. Мѣры министерства въ этомъ тѣсномъ кругѣ были слѣдующія: для лучшаго надзора за частными пансіонами и школами въ столицахъ, въ 1833 г. учреждены были особые инспекторы, и въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе: впредь до усмотрѣнія, приостановиться открытіемъ новыхъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ столицахъ и разрѣшать открытіе ихъ въ другихъ городахъ только въ случаяхъ крайней надобности. Мѣра эта отиѣнена была только въ 1857 г. Послѣдствія зауряднаго открыванія женскія учебныя заведенія выразились въ цифрѣ учащихся дѣвицъ: въ 1828 г. на 8,121 учащихся въ петербургскомъ округѣ приходилось дѣвицъ 2,020, то-есть около $\frac{1}{4}$, а въ 1853 г. на 37,445 учащихся было дѣвицъ 6,984, то-есть немного болѣе $\frac{1}{5}$; число женскихъ пансіоновъ и школъ, конечно, возрастать не могло, а только уменьшалось. Домашнихъ учительницъ во всемъ петербургскомъ округѣ было въ 1853 г. только 83. Главнымъ мѣстомъ женскаго образованія были частныя пансіоны и школы; большая часть учащихся въ послѣднихъ ограничивалась элементарнымъ ученіемъ. Средства для высшаго женскаго образованія были недостаточны и почти исключительно сосредоточивались въ столицѣ и вообще въ университетскихъ городахъ. Дочери бѣдныхъ дворянъ могли поступать въ институты, а болѣе достаточныя изъ нихъ имѣли возможность воспитывать ихъ дома; но лица средняго сословія сильно страдали отъ такого недостатка способовъ женскаго образованія.

Въ 1856 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: «приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіяхъ, по мѣрѣ способовъ, которые могутъ къ тому представиться». Такимъ образомъ женское образованіе въ Россіи начато Екатериной II и первое развитіе его совершается только по повелѣніямъ Александра II. Но въ исполненіи повелѣнія 1856 г. министерство народнаго просвѣщенія встрѣтило затрудненія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, который на отношеніе министра народнаго просвѣщенія съ просьбою пригласить дворянъ и городскихъ сословія принять въ настоящемъ дѣлѣ участіе чрезъ указаніе своихъ потребностей, или же, по мѣрѣ способовъ, и добровольными приношеніями, отвѣчалъ, что по недавнему окончанію войны, которая сопряжена была съ болѣе или менѣе значительными пожертвованіями для всѣхъ сословія, не признавъ возможнымъ исполнить просьбу министра народнаго просвѣщенія, прежде чѣмъ хозяйственныя отношенія государства придутъ въ нормальное положеніе.

Причины эти объясняютъ медленный ходъ дѣла о женскихъ училищахъ. Положеніе о нихъ утверждено было только 30 - го мая 1858 г.; чрезъ два года потомъ, 10 - го мая 1860 года, по

указаніямъ опыта, положеніе это было замѣнено новымъ, нинѣ дѣйствующимъ для всѣхъ учебныхъ округовъ, кромѣ дерптскаго, гдѣ, по отзыву попечителя, пансіоны, содержимыя частными лицами, и городскія училища вполне удовлетворяютъ требованіямъ женскаго образованія.

Основная идея обоихъ этихъ положеній заключается въ томъ, чтобы, оставивъ за женскими училищами характеръ преимущественно частныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ пожертвованій и взносов мѣстныхъ сословій, обществъ и частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ самую организациею ихъ управленія соединить всѣ сословія и общества къ поддержанію и развитію сихъ училищъ. По положенію, женскія училища составляютъ открытыя заведенія и, относительно объема учебнаго курса, раздѣляются на училища 1-го разряда, приближающіяся къ курсу гимназій, и училища 2-го разряда, соответствующія курсу уѣздныхъ училищъ. Число училищъ, возникшихъ со времени перваго устава, показало, что потребность въ образованіи женщинъ признана обществомъ, но относительно средствъ для содержанія училищъ мы находимъ въ запискѣ г. Воронова весьма неутѣшительное объясненіе: «большая часть частныхъ женскихъ училищъ совершенно не обезпечена и существуетъ кое-какъ; непрерывное закрытіе такихъ училищъ составляетъ явленіе самое обыкновенное».

Положеніе о женскихъ училищахъ 10-го мая 1860 г. утверждено было, въ видѣ опыта, на три года, а потомъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, оставлено въ дѣйствіи еще на двухгодичный срокъ, который слѣдовательно оканчивается 10-го числа сего мѣсяца. Теперь этотъ уставъ измѣняется и дополняется, по соображенію съ собранными министерствомъ мнѣніями отъ мѣстъ и лицъ учебнаго вѣдомства.

Изъ числа новыхъ статей настоящаго проекта устава, наиболѣе существенныхъ по своему значенію, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

7. Пособія со стороны правительства женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ опредѣляются, по мѣрѣ возможности, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

29. Сверхъ общаго семилѣтняго курса, при женскихъ гимназіяхъ находится *спеціальный* курсъ, продолжающійся еще одинъ годъ для лицъ, желающихъ приобрѣсти право на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

33. Въ женскія гимназіи и прогимназіи принимаются дѣти всѣхъ сословій; но если кабая либо гимназія или прогимназія содержится исключительно на счетъ одного сословія и при томъ не получаетъ никакаго пособия отъ казны, то ученицы другихъ сословій допускаются не иначе, какъ съ согласія попечительнаго совѣта, состоящаго изъ представителей того сословія, которое содержитъ учебное заведеніе.

36. Отличнѣйшія изъ ученицъ, съ успѣхомъ окончившія полный общій курсъ ученія въ женскихъ гимназіяхъ, награждаются медалями золотыми и серебряными, число которыхъ опредѣляется всякій разъ мѣстными педагогическими совѣтами.

53. Начальницѣ, воспитательницамъ и преподавательницамъ гимназій и прогимназій, дозволяется содержать у себя пансіонерокъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ по сему предмету министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Проектъ устава, какъ видно, устанавливаетъ среднее образованіе женщинъ, сходное съ образованіемъ, получаемымъ въ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ; даже права на педагогическую дѣятельность и специальная къ тому подготовка приближаютъ женскія гимназіи къ реальнымъ мужскимъ гимназіямъ; только одни денежныя средства женскихъ гимназій, къ несчастію, не могутъ быть поставлены ни въ какое сравненіе съ мужскими гимназіями.

Какъ отзовутся на потребность женскаго образованія земскія учрежденія, отъ которыхъ теперь зависитъ будущность этого важнаго дѣла—побуда еще неизвѣстна; но надо надѣяться, что при пособіи со стороны правительства, на основаніи ст. 7 устава, развитіе женскаго образованія дѣлается болѣе возможнымъ, чѣмъ при однихъ лишь средствахъ самихъ обществъ.

○ ГОМЕОПАТАХЪ—ДИЛЕТАНТАХЪ.—Извѣстно, что въ Россіи, вслѣдствіе недовѣрія вообще къ наукѣ и по наклонности къ невѣжественной самонадѣянности, есть много дилетантовъ-врачей, лечащихъ гомеопатіей. Эти господа, съ лечебникомъ въ рукавъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни въ анатоміи, ни въ физиологіи, ни въ патологіи, самонадѣянно предлагаютъ свои услуги, не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ врачей, но даже и въ городахъ {уѣздныхъ, и даже губернскихъ. Незнаніе закона, запрещающаго подобную практику, также немало способствуетъ тому, что дилетанты-гомеопаты, не опасаясь за свою свободу, не скрываютъ своей професіи, и даже заботятся о распространеніи извѣстности о своемъ искуствѣ. Но иногда сами обстоятельства становятся поперегъ ихъ карьерѣ, и дѣятельность ихъ достойно награждается тюрьмой, полицейскимъ надзоромъ и денежнымъ взыскаціемъ. «Жур. Мин. Юстиціи» (*) сообщаетъ уголовное дѣло, рѣшенное въ сенатѣ, по которому дилетантъ-гомеопатъ подвергся всей строгости закона при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Жена помѣщика Шляхтинскаго, не имѣя дѣтей, сдѣлала духовное завѣщаніе въ пользу дочери родственника своего Мясоедова, совершивъ съ тѣмъ вмѣстѣ закладную на имѣніе на

(*) 1865 г. № 3.

нмя своего мужа, который впрочемъ уничтожилъ этотъ документъ изъ желанія доказать своему родственнику Мясоедову расположение къ его дочери. Завѣщательница сдѣлалась больна и умерла, какъ дознано слѣдствіемъ, естественной смертью; но на бѣду, родственникъ ея Мясоедовъ былъ гомеопатъ и весьма усердно лечилъ умирающую благотѣлительницу своей дочери. Мужъ умершей, послѣ ея смерти, оставшись не при-чемъ, за уничтоженіемъ завладной, и припоминая нѣкоторыя обстоятельства, навлекшія подозрѣніе на лечение Мясоедова, началъ уголовное дѣло, обвиняя Мясоедова въ умышенномъ отравленіи жены. Хотя доказательства обвинителя оказались при изслѣдованіяхъ недостаточными и во многихъ случаяхъ неосновательными, но сенатъ, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, опредѣлялъ Мясоедову всѣ наказанія, опредѣленныя 1078 ст. улож., собственно за лечение гомеопатіей безъ права на то, именно: арестъ въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, надзоръ полиціи на 2 года, публикацію въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и въ губернскихъ, взыскаіііе судебныхъ издержекъ и занесеніе въ формуляръ подсудности Мясоедова.

Рѣшеніе это относится до всѣхъ врачей, лечащихъ безъ науки, а только лишь изъ любви къ искусству и по слѣпому довѣрію къ себѣ.

ОБРАЗЧИКЪ НЕПОВИНОВЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ. — Извѣстно всѣмъ и каждому, что Положеніе 19 февраля 1861 г., устанавливая порядокъ составленія уставныхъ грамотъ, предоставило дѣло или обоюдному согласію крестьянъ и помѣщиковъ, или, при отсутствіи этого согласія, однимъ помѣщикамъ — въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, и при наблюденіи и участіи мировой власти. Извѣстно также изъ публичныхъ официальныхъ отчетовъ, что крестьяне во многихъ мѣстахъ не подписывали уставныхъ грамотъ. Никому, конечно, не приходило въ голову считать преступленіемъ то, на что дано закономъ право; но не такого мнѣнія былъ мировой посредникъ тульской губерніи, вевевскаго уѣзда, 2 участка: онъ призналъ за буйство объясненіе крестьянъ относительно ихъ земельнаго надѣла и отказъ подписать уставную грамоту, о чемъ и донесъ начальнику губерніи, который съ своей стороны *предписалъ* уѣздному суду постановить судебное опредѣленіе о провинившихся крестьянахъ. По слѣдствію, дѣйствія крестьянъ оказались во всемъ согласными съ правами, предоставленными имъ Положеніемъ, безъ малѣйшаго нарушенія ихъ. Но уѣздный судъ все-таки призналъ ихъ виновными въ неповиновеніи начальству, т. е. мировому посреднику, приказывавшему крестьянамъ подписать уставную грамоту. Уголовная палата и начальникъ губерніи были согласны съ уѣзднымъ судомъ, вначе говоря находили, что хотя крестьяне и имѣютъ право не подпи-

смыслъ грѣхатъ, но несомнѣнно дѣла мартовому посреднику во всякомъ случаѣ есть уголовное преступленіе. Вслѣдствіе протеста прокурора (подобные прокуроры заслуживаютъ самаго живаго выраженія общесуднаго сочувствія и уваженія), участіе котораго только и остановило исполненіе рѣшенія дѣла, потому что протестъ прокурора, представленный министру юстиціи, былъ причиною того, что дѣло предложено было рассмотрѣнію сената, освободившаго крестьянъ отъ суда и слѣдствія, какъ ни въ чемъ ненарушавшихъ закона (*).

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

Мозгъ и духъ, теорія г. Пидерита. — Наблюденія г. Глашера въ высшихъ слояхъ атмосферы. — Новая теорія свѣта г. Максвелла. — Теорія мышечныхъ отправления г. Гейденгайна. — Замѣчанія Муртисона и Ламонта по поводу полярной экспедиціи. — Изверженіе Этны по наблюденіямъ г. Фуке. — Отчетъ императорской (русской), публичной бібліотеки за 1864 годъ.

Мозгъ и духъ. — Не русской литературою былъ брошенъ первый взглядъ на душу съ физиологической точки зрѣнія, не у насъ продолжаются и споры, вызванныя этимъ взглядомъ. Впрочемъ, даже въ Германіи позатишли они. Обѣ враждующія стороны, опираясь на гипотезы, основанныя, конечно, на противоположныхъ началахъ, сознають внутренно, что имъ недостаетъ вполне ясныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ для полнаго торжества надъ противниками. Отсюда бой ихъ, имѣя преимущественно отрицательный характеръ, могъ бы длиться до безконечности, не склоняя рѣшительной побѣды ни на чью сторону, еслибы въ передовыхъ рядахъ защитниковъ матеріализма не было людей, которые отрекаются порою отъ самихъ себя. Къ такимъ-то окончательно побѣжденнымъ матеріалистамъ должно отнести г. Пидерита, автора книги «Мозгъ и духъ» (**). Противъ его теоріи возсталъ г. Рейхлингъ-Мельдеггъ, доказывая, что по сонному мозгу нельзя судить объ отправленияхъ головного мозга, и что доктрина автора слишкомъ отзывается матеріализмомъ, нисколько, впрочемъ, не разъясняя самой сущности вопроса. Г. Пидеритъ не смолчалъ, и его защита вызвала окончательное возраженіе со стороны критика. Споръ этотъ помѣщенъ во второй книжкѣ журнала «Heidelberger Jahrbücher der Literatur». Авторъ говоритъ, что критикъ несовсѣмъ понялъ его. Такъ-какъ физиологія головного мозга остается до сихъ поръ книгою, запечатанною семью печатами, то это обстоятельство и побудило его къ объясненію невѣдомой дѣятельности помянутаго органа извѣстными закона-

(*) *Gesetze und Geist*, von Dr. Th. Piderit. 1864.

(**) «Журн. М. Ю.» 1865., № 3.

T. CLX. — Отд. II.

ми спиннаго мозга, на основаніи аналогіи. Критичъ убѣждаетъ, что на правдоподобномъ нельзя строить науки. Но пока не открыта истина, наука всегда довольствуется правдоподобнымъ, всегда прибѣгаетъ она къ гипотезѣ, какъ скоро недостаетъ ей точныхъ фактовъ. Указанный авторомъ путь имѣетъ то преимущество, что онъ ведетъ къ простымъ физиологическимъ законамъ, приближаясь по возможности къ вѣрному изслѣдованію природы. Вопросъ заключается въ томъ — можно ли имѣть объяснить ими сложныя отправленія духовной дѣятельности? Если можно, то, слѣдовательно, законы эти пригодны, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ опровергнуты новыми физиологическими открытіями. Спинной мозгъ состоитъ изъ двухъ частей, назначенныхъ для чувствованія и движенія. Г. Падаритъ заключаетъ по аналогіи, что и въ головномъ мозгу должны находиться два органа: органъ представленія и органъ воли. На первый изъ нихъ смотритъ онъ, какъ на общій центръ мыслящей способности. Принимаемые и удерживаемыя имъ чувственныя впечатлѣнія обращаются въ связныя, конкретныя представленія. Какъ возбуждается движущая часть спиннаго мозга посредствомъ раздраженія чувствующей его части, такъ долженъ возбуждаться органъ воли посредствомъ раздраженія органа представленія. Если же авторъ называлъ волю психическимъ рефлексомъ представленія, то это сдѣлано потому, что до сихъ поръ не найдено лучшаго для нея опредѣленія. Со словомъ *воля* онъ нигдѣ не соединяетъ понятія о самосознательной, опредѣляющей себя способности. Возбужденіе органа воли идетъ далѣе, или средобѣжно, или средостремительно. Въ первомъ случаѣ оно сообщается движущимъ нервамъ, вслѣдствіе чего происходитъ сокращеніе мускуловъ; во второмъ оно дѣйствуетъ обратно на свою причину, то-есть на органъ представленія. Эта обратно-влияющая на него дѣятельность воли есть мыслящая способность. Продукты и результаты направленной на представленія воли снова становятся представленіями, и такимъ образомъ дѣтскій умъ, при помощи опыта и упражненія, приобретаетъ способность соединять и сравнивать ихъ, мыслить послѣдовательно и логично, подобно тому, какъ ребенокъ привыкаетъ тѣмъ же путемъ производить цѣлесообразныя движенія мускулами, знакомясь напередъ съ ихъ безотчетнымъ, нѣсколько несистематичнымъ сокращеніемъ. Слѣдовательно, при такомъ условіи духъ является единствомъ двухъ силъ, которыя пробуждаются, раздражаются и совершенствуются вслѣдствіе непрерывнаго взаимодѣйствія. Всѣ сложныя его отправленія приводятся къ простому закону рефенса или обратнаго дѣйствія, отраженія. Авторъ упоминаетъ при этомъ, что для объясненія духовной дѣятельности онъ не прибѣгалъ къ причинамъ, неимѣющимъ аналогіи въ естественныхъ наукахъ. Самосознаніе, говоритъ онъ, не рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, но образовывается постепенно, какъ продуктъ развивающихся и взаимодействующихъ другъ на друга силъ нашего духа. Онъ сравниваетъ духовную дѣятель-

ность съ процессомъ зарожденія, въ которомъ воля является мужскимъ, а сила представленіи женскимъ началомъ: Такъ-какъ дѣятельность воли бываетъ всегда рефлексомъ (раздраженнаго) представленіи и подчиняется ему, то, стало быть, она и не можетъ быть производящимъ принципомъ. Однакоже мужская сила зарожденія получаетъ свой отличительный характеръ только вслѣдствіе противоположности женскому началу; мужской принципъ нуждается въ возбужденіи со стороны женскаго, для того чтобы воспроизвести себя, и какъ женское начало относится къ мужскому, въ такомъ же отношеніи находится представленіе въ волѣ, то-естъ оно является причиною дѣйствія, слѣдствіе котораго снова становится причиною. Впрочемъ, авторъ соглашается, что это сравненіе шатко и не можетъ выдержать строгой критики. Установивъ такимъ образомъ понятія объ элементарныхъ связяхъ челоѣческаго духа и объяснивъ механизмы его дѣятельности, авторъ приступаетъ къ изложенію своего взгляда на мышленіе словами или на языкъ, при помощи котораго челоѣкъ, преимущественно передъ всѣми животными, приобретаетъ способность къ отвлеченнымъ представленіямъ. Соглашаясь съ замѣчаніемъ г. Рейхлина-Мельдега, что языкъ—не причина, но слѣдствіе способности разума къ отвлеченію, онъ настаиваетъ однакоже, что эта способность была бы слишкомъ ограничена, еслибы челоѣкъ не умѣлъ неопредѣленныхъ, абстрактныхъ по своей природѣ представленій дѣлать болѣе предметными, сжатыми, и способными къ дальнѣйшей обработкѣ понятіями, соединяя ихъ съ словомъ, которое есть конкретный символъ отвлеченнаго представленія. Критикъ упрекнулъ г. Пидерита въ противорѣчій самому себѣ, замѣтивъ, что онъ говоритъ объ ограниченной *свободѣ* воли вслѣдъ за фразою: «Воля есть въ сущности необходимость». Но авторъ увѣряетъ, что здѣсь только мнимое противорѣчіе. Изъ многихъ различныхъ дорогъ, говоритъ онъ, можно рѣшиться выбрать одну только, и еслибы представилась возможность прослѣдить причины этой рѣшимости до ихъ крайняго предѣла, то оказалось бы, что природныя склонности, примѣръ, воспитаніе, физиологическое состояніе тѣла и т. д. — причины, по большей части неизвѣстныя челоѣку — такъ могущественно дѣйствуютъ на его силу представленія, что она совершенно деспотически управляетъ волею. Наконецъ г. Пидеритъ объявляетъ, что главная задача его заключалась въ объясненіи мыслящей дѣятельности съ физиологической точки зрѣнія, и что онъ имѣлъ въ виду установить начала физиологической психологіи, нисколько не увлекаясь мнѣніями новѣйшаго матеріализма о духѣ, о душѣ и т. д. Напротивъ, онъ полагаетъ, что усвоенный имъ взглядъ можетъ примирить и согласить противоположныя направленія матеріализма и спиритуализма. Идею духа онъ отдѣляетъ отъ идеи души. Духъ представляетъ для него нѣчто объяснимое, тогда какъ душу признаетъ онъ необъяснимымъ предметомъ. Дѣятельность духа тождественна, по его мнѣнію, съ отправлениями головного

мозга, который, какъ и великій другой гласный органъ, доступенъ физиологическимъ изслѣдованіямъ, а потому и отстранился отъ мозговыхъ отправленій усвоить имѣющимся физиологическимъ дѣйствіямъ. Что же касается души, то онъ считаетъ ее органической силой, при содѣйствіи которой развивается организмъ изъ своего зерна и поддерживаетъ продолженіе жизни свое существованіе. Каждая отдѣльная душа кидется ему частью одной общей, первоначальной души, дѣйствія которой проявляются въ бесчисленныхъ формахъ нашей органической природы. Эта всеобъемлющая душа составляетъ, по мнѣнію автора, одну изъ силъ, посредствомъ которыхъ личный Богъ содержитъ все сущее въ нѣдрахъ своихъ. За этимъ *chance-en-aggrégé* слѣдуетъ уже окончательное отреченіе автора отъ самого себя. Г. Пидеритъ говорить, что если старался онъ объяснить механизмъ дѣятельности нашего духа физиологически, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ причислить его къ послѣдователямъ невѣрнаго матеріализма.

Такъ объясняетъ г. Пидеритъ свою теорію. Изъ этого объясненія видно, что онъ не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ ученыхъ, но поверхностныхъ прожектеровъ, которые не умѣютъ свести концовъ съ концами. Онъ составилъ округленную, совершенно законченную систему, но дѣло въ томъ, что въ основаніе этой системы положена гипотеза, имѣющая чисто-материальный характеръ и ничего положительнаго, фактически необъясняющая. Потому-то г. Рейхлинъ-Мельдеггъ, возражая на это объясненіе, сознается, что оно только не измѣнило его прежняго взгляда на теорію автора. Если, говорить онъ, физиологія головного мозга остается до сихъ поръ апокалиптической книгой, замечательной семью печатами, то спрашивается, сняты ли съ нея эти печати ученымъ трудомъ г. Пидерита? Авторъ, за недостаткомъ точныхъ фактовъ, прибѣгаетъ къ гипотезѣ. Но есть ли факты вѣрныя и точныя тѣхъ, которые даетъ намъ сознаніе? Не оно ли опредѣляетъ самую вѣрность фактовъ? Развѣ міръ и наука не факты нашего сознанія? Потому-то лучше строить науку о душѣ на абсолютно-вѣрныхъ фактахъ, нежели прибѣгать для этого къ гипотезамъ объ органѣ, дѣятельность котораго совершенно неизвѣстна. Воля, по мнѣнію автора, есть начало духовной дѣятельности. Ея обратное вліяніе на представленіе есть мышленіе; ея дѣйствіемъ на нервы спиннаго мозга обуславливается движеніе. Но г. Пидеритъ слову *воля* даетъ совсѣмъ не то значеніе, какое имѣетъ оно на обыкновенномъ языкѣ. По его понятіямъ, воля есть «психическая рефлексивная способность»; онъ усвоилъ это опредѣленіе «за неизмѣнимъ лучшимъ»; онъ говоритъ, что когда идетъ рѣчь о волѣ, то не должно забывать, что подъ этимъ словомъ отнюдь не разумѣется самоознательной, опредѣляющей свою собственную дѣятельность духовной силѣ. Но какъ же можно мысли, понятія, сужденія, syllogизмы, идеи и идеалы нашего духа объяснить способностью, которая не сознаетъ самой себя? Еслибы духъ человѣчскій и дѣйствительно

быть «единственною душою силъ, взаимно дѣйствующихъ другъ на друга», все же это несколько же объясняло бы его. Сущность духа есть самосознание. Здѣсь же является она продуктомъ двухъ различныхъ функций головного мозга, главнѣйшее различіе которыхъ основано на инстинктѣ, ведущей къ малѣйшаго понятія о происхожденіи самосознанія. Оно, по словамъ г. Пидерита, должно быть результатомъ зарожденія, съ процессомъ возроста сравниваетъ онъ дѣятельность воли и представленія. Воля, думаетъ онъ, есть мужское, а сила представленія—женское начало. Но онъ же говоритъ, что воля—только рефлексъ представленія, которое опредѣляетъ ее, и отъ котораго зависитъ она—следовательно, воля не можетъ быть производящимъ, мужскимъ, оплодотворяющимъ началомъ. Дѣйствующій принципъ въ процессъ зарожденія мужской, а не женскій, находящійся отъ него въ зависимости, пассивный, воспринимающій, и такъ какъ воля зависитъ отъ органа представленія, то, стало-быть, ее и нельзя назвать мужскимъ принципомъ. Впрочемъ, авторъ сознается, что его сравненіе не совсемъ вѣрно. Онъ согласенъ также съ критикомъ, что языкъ есть не причина, но слѣдствіе способности нашего духа къ составленію отвлеченныхъ понятій—способности, объятъ которой не можетъ онъ «механической» дѣятельностью головного мозга. Наконецъ, авторъ доходитъ до заключенія, что «воля есть въ сущности необходимость», тогда какъ съ одной стороны онъ признаетъ эту силу нѣсколько *свободною*, заключить свободу мыслящаго духа въ опредѣленные границы, съ другой же стороны признаетъ волю силою, неопредѣляемою своей собственной дѣятельности, но подчиненною причинамъ, изъ нея выходящимъ. Это—явное противорѣчіе, котораго несколько не ослабляетъ ссылка г. Пидерита «на выборъ одной изъ многихъ дорогъ» и т. д. Нельзя на согласиться, что высказанныя авторомъ мысли о духѣ и о душѣ рѣзко противорѣчатъ взгляду материалистовъ. Но въ какомъ отношеніи находится онъ къ его чисто-матеріальному объясненію духовной дѣятельности и къ его взгляду на духъ, какъ «на неговое отправление»? Если дѣятельность духа тождественна съ функциею мозга, то едва-ли можно избѣжать матеріальнаго взгляда на духъ и примирить матеріализмъ съ идеализмомъ. Чтѣ же касается мыслей, высказанныхъ авторомъ въ концѣ его статьи, то онъ какъ-то не выжугся съ содержаниемъ книги «Мозгъ и духъ».

Наблюденія въ высшихъ слояхъ атмосферы.—Г. Гленаръ прочелъ недавно въ королевскомъ институтѣ лекцію о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ въ продолженіе воздушнаго путешествія на аэростатѣ. При ясномъ небѣ температура высшихъ слоевъ атмосферы понижалась бѣстрѣе, нежели въ то время, когда въ воздухѣ носилась облака. Въ первомъ случаѣ пониженіе равнялось 1° на 100 футовъ отъ земли; но на высотѣ въ 25,000 ф. надобно было подняться вертикально въ десять разъ выше, то-есть на 1000 ф., чтобы достигнуть того же пониженія тем-

ператури. На очень большой высоте воздуха, какъ при ясности, такъ и облаченъ небо, чрезвычайна сухъ, хотя и не совсѣмъ лишень влажности. Впрочемъ, законы дня и ночи неодинаковы. Температура повышается ночью по мѣрѣ удаленія отъ земли. Оинты доказали, что на теплорядѣ, исходящій изъ солнца, пространство не имѣеть вліянія, но что тепло увеличивается пропорціонально плотности атмосферы, которую пронзають солнечные лучи, или—другими словами—пропорціонально количеству воды, находящейся въ атмосферѣ. Если это дѣйствительно такъ, то Меркурій, Венера, Юпитерь и Сатурнъ должны были бы получать столько же тепла, какъ и земля, имѣя одинакую съ нею атмосферу, и болѣе, чѣмъ она, если ихъ атмосфера влажнѣе нашей. Поэтому на Юпитерѣ и Сатурнѣ солнечный жаръ долженъ быть сильнѣе, нежели на Меркуріѣ и Венерѣ, хотя двѣ первыя планеты болѣе послѣднихъ удалены отъ солнца. Оинты надѣ вътростъ показали, что скорость теченія воздуха у земной поверхности гораздо медленнѣе, чѣмъ въ высшихъ слояхъ атмосферы.

Новая теорія свѣта. — Въ одномъ изъ апрѣльскихъ номеровъ журнала «Reader», помѣщено мисымо г. Джона Максвелла о «Новой теоріи свѣта» профессора К. Максвелла, который признаеть свѣтъ электромагнитной матеріею, подчиненною тѣмъ же законамъ и производящую тѣ же явленія, которыя навѣстны вообще подъ словомъ «полярисованіе». Замѣчательнѣйшіе факты, принявъ гипотезу о равномерномъ истеченіи солнечныхъ лучей во всѣ точки эфира, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ фотосферу, не могутъ пенять, какииъ образомъ блескъ ея не ослабѣ до сихъ мѣръ. Но если исходящій изъ солнца теплъ и свѣту дать, согласно съ теоріею г. Максвелла, электро-магнитный характеръ, тогда объяснятся невозможность утраты ихъ. При такомъ условіи эфиръ долженъ быть проводникомъ теплоты и свѣта только во направленію къ тѣламъ разнороднымъ съ солнцемъ, то-есть солнце должно быть изолировано эфиромъ отъ всѣхъ другихъ пространствъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ данное время находятся планеты, спутники, метеоры и т. д. Въ томъ же направленіи, въ какомъ летать его лучи, оно должно получить обратно то, что даетъ другимъ тѣламъ. Это—навѣстное условіе электромагнитнаго и магнитнаго дѣйствія. Въ замѣнъ тепла и свѣта, которые солнце отдаетъ планетамъ, оно должно получать отъ нихъ отрицательное, обратное, гармоническое дѣйствіе, поддерживающее, увеличивающее или уменьшающее его собственную дѣятельность, согласно со сменкою различія, существующаго между нимъ и планетами въ данное время. Солнечная радіація, при томъ же столбѣ протяженія, должна быть сильнѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ, и болѣе въ холодныхъ, нежели въ жаркихъ широтахъ. Трудно объяснить гипотезу общей, всесторонней радіація, уменьшающей въ квадратахъ разстоянія блескъ отдаленныхъ планеть. Но видима намъ явленія природы вполне согласны съ электромагнитной теоріею свѣта. Далекія планеты, находясь въ положо-

нѣтъ, которыя способствуютъ ихъ темнотѣ и холоду, становится болѣе равноудаленъ съ солнцемъ, нежели тѣла, ближайшія къ нему. Вслѣдствіе этого онъ долженъ сильнѣе освѣщаться и согрѣваться имъ. Климатъ наиболее отдаленныхъ членовъ солнечной системы можетъ быть не хуже нашего, и дна такъ не темнѣе, чѣмъ у насъ. Такъ-какъ планеты, между которыми и солнцемъ существуютъ по этой теоріи дѣйствіе и противодѣйствіе, вращаются въ планахъ, соотвѣствующихъ взаимнымъ широтамъ солнца, то этия факты объясняются причиною бурь фотосферы, которыя происходятъ именно въ этия широтахъ солнечнаго диска. Теорія г. Максвелла открываетъ также путь къ объясненію солнечныхъ пятенъ тѣми причинами, на которыя указалъ недавно г. Вальфур-Стюартъ, найдя взаимное отношеніе между ими и положеніями Венеры.

Теорія мышечныхъ отравленій.—Г. Гейденгайнъ достигъ весьма замѣчательныхъ результатовъ, произвоя опыты надъ мускулами лягушки, которыя подробно описаны имъ въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ «Механическое отравленіе, развитіе теплоты и измѣненіе матеріи при дѣятельности мышцъ» (*). Такъ-какъ вопросъ этотъ имѣетъ очень близкое отношеніе къ теоріи сохраненія силы, усвоенной многими изъ новѣйшихъ физиологовъ, то, слѣдовательно, онъ не лишень современнаго интереса, а потому и стоитъ поговорить о немъ. Кусокъ говядины или другаго мяса заключаетъ въ себѣ, по отношенію къ его химическимъ элементамъ, нѣкоторое количество скрытой энергіи (**), которая постепенно высвобождается изъ него въ видѣ теплорода, во время его естественнаго разложенія. Эта скрытая энергія таятъ также и въ живомъ мускулѣ. Метаморфоза или видоизмѣненіе мышечныхъ тканей совершается впродолженіе жизни непрерывно, при помощи описанія, при чемъ нѣкоторую часть скрытой энергіи обращаетъ постоянно въ дѣятельную силу. Пока мускулъ находится въ покойномъ состояніи, не сокращается, заключенная въ немъ энергія выходитъ наружу въ видѣ электричества и теплоты. Каждому живому мускулу присущи такъ-называемыя «мышечныя токи», сопровождаемыя обыкновенно нѣкоторымъ обнаруженіемъ тепла. Но какъ скоро начинаетъ дѣйствовать мускулъ, когда сокращается онъ, тутъ является уже другой элементъ, именно — механическая работа, производимая скиманіемъ его фибръ или волоконъ. Поэтому при изслѣдованіи мышечныхъ сокращеній, должно обращать вниманіе на химическое дѣйствіе, на проявленіе элементарности, теплоты и меха-

(*) *MUSKELNISCHE LEISTUNG, Wärme-Entwicklung und Stoffumsatz bei der Muskelthätigkeit. Ein Beitrag zur Theorie der Muskelkräfte. Von Pr. Dr. Rudolf Heidenhain.*

(**) Энергіею называется въ динамикѣ способность производить работу. Работа состоитъ въ движеніи, направленномъ противъ препятствія, сопротивленія. Сила есть взаимодѣйствіе двухъ тѣлъ, производящее, или стремящееся произвести перемѣну въ ихъ относительномъ положеніи, или движеніи.

вической работы. Увеличивается ли нѣтъ, во время сокращенія, химическое дѣйствіе, свойственное мышцамъ? Если да, то что же дѣлается съ излишней дѣйствительной энергіей, которая обнаруживается при этомъ? Вся ли она обращается въ механическую работу, или отчасти въ тепло и электричество? Если же нѣтъ, то существуетъ ли какое-либо указаніе на прямой переходъ электричества и тепла, или того и другого вмѣстѣ въ механическую работу, во время акта сокращенія? Хотя опыты г. Гельмгольца доказали, что химическое дѣйствіе увеличивается при сокращеніи мышцъ, однако же Д. Фойтъ думаетъ иначе. Впрочемъ можно, кажется, допустить, что восстановление потраченныхъ продуктовъ, замѣтное въ мускулѣ послѣ цѣлаго ряда сокращеній, происходитъ не во время ихъ, но вслѣдъ за ними, представляя какъ-бы реакцію, слѣдующую за потрясеніемъ, которое произвелъ стимулъ. Во всякомъ случаѣ можно принять за вѣрное, что мышечное сокращеніе сопровождается увеличеніемъ химическаго дѣйствія, а слѣдовательно и общимъ увеличеніемъ дѣйствительной энергіи, исходящей изъ мускула.

Жаль, что г. Гейденгайнъ не обратилъ вниманія на одну изъ формъ энергіи—на электричество, которое многіе изъ физиологовъ ставятъ выше другихъ силъ. Впрочемъ, онъ справедливо замѣчаетъ, что вопросъ объ электричествѣ слишкомъ теменъ, для того, чтобы сдѣлать его краеугольнымъ камнемъ теории, и что до сихъ поръ никто не усилъ его. Тенлородъ, ясно обнаруживающій свое присутствіе при мышечныхъ сокращеніяхъ, обратилъ на себя въ послѣдніе годы особенное вниманіе естествоиспытателей, и г. Гейденгайнъ увѣряетъ, что онъ сумѣлъ избежать ошибокъ, сдѣланныхъ его предшественниками. Произведенные имъ опыты дали слѣдующіе результаты:

1) Во время сокращенія мышцъ, тенлородъ всегда высвобождается, и возвышеніе температуры колеблется между 0.01° и 0.005° Ц.

2) Если одинъ конецъ мускула превратить въ чему-нибудь, а на другой повѣсить грузъ, и потомъ раздражить его стимуломъ постоянной силы, перемежая грузъ, то выдѣленіе тенлорода и производимая работа будутъ увеличиваться вмѣстѣ съ тяжестью груза до степеня, опредѣляемой условіями мускула. Но какъ скоро переступить за эту черту, тогда тепло и работа уменьшатся.

3) Когда мускулу, возбуждаемому тѣмъ же стимуломъ и растянутаго тѣмъ же грузомъ, будетъ въ одномъ случаѣ дана свобода сокращаться, а въ другомъ отнять ее, прищипавъ оба конца мускула, тогда количество истекающаго на приложенный стимулъ тенлорода бываетъ больше въ послѣднемъ случаѣ.

4) Если соединить мускулъ съ двумя грузами: маленькимъ постояннымъ и большимъ переменнымъ, такимъ образомъ, чтобы первый висѣлъ на немъ во все продолженіе опыта, а второй былъ бы соединяемъ съ нимъ только при сокращеніяхъ, въ та-

вомъ случаѣ видѣнный теплородъ и производимая работа нѣмнѣются пропорціонально вѣсу тяжельнаго груза, при той же силѣ стимула.

5) Если же поступить напертнѣе, то-есть тяжельнѣйшій грузъ сдѣлать постояннымъ, а легчайшій переменнымъ, то теплота и работа нѣмнѣются пропорціонально тяжести легчайшаго груза.

Оставя въ сторонѣ электричество, и имѣя дѣло только съ теплородомъ и работою, какъ съ дѣйствительными силами, которые обнаруживаются во время сокращенія мускула, мы ясно видимъ изъ этихъ опытовъ, что общая сумма ихъ есть дѣйствительное *напряженіе мышечнаго волокна* (до и) *преодоленіе сокращенія*. Г. Гейденгайнъ, при помощи метода, описаннаго въ его брошюрѣ, убѣдился, что не только все это было результатомъ кислоты, но что количество ея было пропорціонально общей суммѣ силъ, дѣлавшейся дѣйствительною во время сокращеній, и зависѣло отъ напряженія мышечныхъ волоконъ. Давно уже признано, что простое физическое расширеніе мускульныхъ фибръ должно производить означенное вліаніе на превращеніе ихъ ткани, но никто до г. Гейденгайна не доказалъ этого факта съ такою основательностію.

Теперь сравнимъ добытые имъ результаты съ теорією г. Вебера, которая основана на общемъ законѣ, что мускулъ при постоянномъ стимулѣ и неизмѣнныхъ условіяхъ питанія производитъ тѣмъ болѣе работы, чѣмъ болѣе тяжелъ привѣшенный къ нему грузъ. Онъ говоритъ, что мускулъ, находящійся въ покойномъ состояніи и необремененный никакимъ грузомъ, за исключеніемъ тяжести его собственнаго тѣла, имѣетъ натуральную длину и нѣкоторую естественную эластичность. Когда онъ раздраженъ, эта натуральная длина, свойственная покойному состоянію мускула, измѣняется въ длину, которую можно назвать тоже натуральною въ періодъ его сокращенія. Одновременно съ раздраженіемъ способность его къ расширенію увеличивается. Если покойный мускулъ будетъ обремененъ грузомъ, онъ станетъ растягиваться до тѣхъ поръ, пока не установится равновѣсіе между его эластической силою, противящеюся растяженію, и силою груза, который расширяетъ его. При раздраженіи мускула, обремененнаго приложенной къ нему тяжестью, должно различать два процесса: физиологическій, посредствомъ котораго онъ стремится измѣнить длину, свойственную его покойному положенію, въ длину, столь же свойственную его дѣятельному состоянію, и чисто-физическій, при помощи котораго расширяющая сила груза возстановливаетъ новое равновѣсіе съ измѣненными эластическими силами. Хотя мускулъ при своемъ сокращеніи становится болѣе растяжимъ, нежели въ покойномъ состояніи, однако же, стремится сдѣлаться короче, онъ долженъ необходимо увеличивать свое собственное противодѣйствіе расширенію и своимъ эластическія силы. Потому-то на актъ сокращенія должно смотрѣть, какъ на обнаруженіе эластическихъ силъ, которыя были

времѣ срыты въ мускулѣ. Физиологическій элементъ остается неизмѣннымъ, когда мускулъ находится при томъ же условіи питанія, и возбуждается тѣмъ же стимуломъ, какову бы тяжесть онъ выдерживалъ онъ. Но чѣмъ тяжеле грузъ, тѣмъ далѣе за черту естественной длины, свойственной дѣтельному состоянію мускула, долженъ растягиваться онъ, и потому чѣмъ больше будетъ разность между естественной длиной мышцы и ея дѣйствительнымъ расширеніемъ, тѣмъ большее количество эластическихъ силъ приметъ участіа въ этомъ дѣлѣ. Отсюда физическій элементъ долженъ вмѣняться вмѣстѣ съ тяжестью груза.

Еслибы теорія эта была вѣрна, еслибы физиологическій элементъ оставался всегда тотъ же, при неизмѣнности питательнаго условія и стимула, каковъ бы ни былъ грузъ, въ такомъ случаѣ количество химическаго дѣйствія и количество выдѣляемаго теплорода не должны были бы вмѣняться. Однако же опыты г. Гейденгайна доказываютъ противное.

Существуетъ другая теорія, ближе подходящая къ доктринѣ защитниковъ сохраненія силы—теорія, допускающая гипотезу, что часть силы, обращающейся въ дѣйствительную силу посредствомъ химическаго дѣйствія, не выдѣляется въ формѣ теплорода, но исходить механически. При этомъ взглядѣ, количество истекающей изъ мускула теплоты въ продолженіе даннаго химическаго дѣйствія должно измѣняться въ обратномъ отношеніи къ производимой работѣ. Казалось бы, что это мнѣніе подтверждается № 3 вышеприведенныхъ опытовъ, гдѣ лишенный возможности сокращаться мускулъ (при тѣхъ же грузахъ, стимулѣ и условіи) выдѣляетъ болѣе теплорода, нежели когда находится онъ въ свободномъ состояніи, непрепятствующемъ сокращенію. Но должно замѣтить, что въ первомъ случаѣ натянутымъ волокнамъ придается искусственно напряжение, пропорциональное энергій сокращенія. А какъ скоро общіе результаты изслѣдованія показываютъ, что напряжение составляетъ все количество химическаго дѣйствія и всю сумму высвобождаемой имъ силы, тогда становится понятно, что если помянутый опытъ не опровергаетъ теоріи, по которой исходящій изъ мышцы теплородъ находится въ обратномъ отношеніи къ производимой работѣ, то все же онъ и не подтверждаетъ ее.

Нечего и говорить, что результаты опытовъ г. Гейденгайна прямо противорѣчатъ мнѣнію тѣхъ физиологовъ, которые думаютъ, что во время сокращеній мускула химическое дѣйствіе и общая сумма высвобождающейся силы не увеличиваются.

Можно было бы предположить, что дѣйствіе напряженія мышцы заключается въ томъ, чтобы сдѣлать ее болѣе воспримчивою, чувствительною къ вліянію стимула. Но № 4 опытовъ доказываетъ, что мускулъ начинаетъ выдерживать тяжелѣйшій грузъ только въ то время, когда онъ сокращается, то-есть когда онъ подвергается уже вліянію стимула.

Итирисы по поводу полярной экспедиции.—10-го апрѣля, въ засѣданіи лондонскаго географическаго общества, предсѣдателю его г. Мурчисонъ, когда шла рѣчь объ удобнѣйшемъ пути къ сѣверному полюсу, обратилъ вниманіе членовъ на слѣдующія стороны этого вопроса:

1) Мысль объ открытѣ морѣ вокругъ сѣвернаго полюса основана на извѣстіяхъ, сообщенныхъ г. Скоресби и другими мореплавателями, которые утверждаютъ, что ледъ, плавающий къ сѣверу отъ Шпицбергена, состоитъ изъ *одной замерзшей морской воды*, не имѣя ни малѣйшихъ признаковъ ни тѣхъ смѣшанныхъ съ землею ледяныхъ горъ, которыя несутся внизъ по Бафинову заливу, ни тѣхъ громадныхъ, плавающихъ вокругъ южнаго полюса льдинъ, въ которыхъ находятся каменные глыбы.

2) У сѣверныхъ береговъ Сибири, не видно ледяныхъ горъ, а на всемъ ихъ протяженіи не замѣчено ни эратическихъ камней и ничего такого, что намекало бы на существованіе болѣе высокихъ земляныхъ массъ близъ сѣвернаго полюса.

3) Г. Мурчисонъ, во время своихъ путешествій по Россіи и сѣверной Германіи, внимательно слѣдилъ за распространеніемъ эратическихъ камней, которые переносились ледяными горами, плывшими на югъ отъ Скандинавіи впродолженіе ледянаго періода. Онъ убѣдился, что этихъ камней не находится за Уральскимъ хребтомъ.

4) Г. Миддендорфъ, путешествовавшій по Сибири, говоритъ, что Таймурскій мысъ поросъ соснами, тогда какъ огромныя пространства къ югу отъ него совершенно лишены деревьевъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что ближайшая къ полюсу оконечность сѣверной Сибири имѣетъ сравнительно болѣе теплый климатъ.

Относительно выбора лучшаго пути для полярной экспедиціи, г. Мурчисонъ отдалъ предпочтеніе Смитову проливу, который—такъ-какъ онъ омываетъ берега Гренландіи—сулитъ принести болѣе пользы естественнымъ наукамъ, нежели чисто-морская экспедиція, направленная отъ Шпицбергена.

Г. Ламонтъ сообщилъ, что онъ, проживъ два лѣта на Шпицбергенѣ, часто разговаривалъ съ норвежцами, которые занимаются ловлею моржей. Всѣ они убѣждены, что вокругъ сѣвернаго полюса находится открытое море. Онъ видѣлъ собственными глазами, что у береговъ Шпицбергена плаваютъ не льдины, но настоящія ледяныя горы, однако же сознается, что не замѣтилъ въ нихъ ни малѣйшаго слѣда земляныхъ остатковъ, напереворъ своему убѣжденію въ существованіи твердой земли къ сѣверу отъ Шпицбергена. Рѣшить вопросъ о томъ—открыто, или нѣтъ полярное море, можно, по его мнѣнію, въ три мѣсяца при помощи маленькаго винтоваго парохода. Но такъ-какъ этотъ вопросъ не рѣшенъ еще, то г. Ламонтъ высказался въ пользу санной экспедиціи къ полюсу отъ Шпицбергена въ мартѣ и апрѣлѣ. Если будетъ предпочтенъ Смитовъ проливъ, то путешественники могутъ подвергнуться голоду отъ недостатка съѣстныхъ припа-

совъ; тогда какъ на Шпицбергенѣ опасаться этой бѣды нечего. Г. Ламонтъ и его спутники застрѣлили тамъ въ два гѣта дѣвсти штукъ крупной дичи. Въ нѣкоторыхъ долинахъ Шпицбергена видны большія стада сѣверныхъ оленей.

Изверженіе Этны. — Во французской академіи наукъ было прочтено недавно письмо г. Фуке къ Сен-Клер-Девиллю объ изверженіи Этны, которое началось 31-го января, вечеромъ, въ половинѣ одиннадцатаго. Наканунѣ были слышны два подземные удара, а передъ самымъ изверженіемъ произошло сильное землетрясеніе, направленное къ сѣверо-востоку. Послѣ этого легкое колебаніе земли продолжалось до 4 часовъ пополудни. Большіе огненные столбы вырвались съ сѣверо-восточной стороны Этны, на высотѣ 1,700 ф. надъ снѣговой линіею, и въ то же время хлынула изъ кратеровъ лава. Въ два или три дня прошла она около шести верстѣ потокомъ, который имѣлъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 6 аршинъ ширины и былъ мѣстами очень глубокъ — отъ 5 до 10 сажень. Уничтоживъ на своемъ пути всѣ незначительныя препятствія, она встрѣтила наконецъ одинъ изъ старыхъ кратеровъ и раздѣлилась на двѣ струи. Одна потекла на западъ очень медленно и, подраздѣляясь на нѣсколько вѣтвей, почти перестала двигаться; другая же, восточная струя низверглась въ глубокую долину, скоро наполнила ее и устремилась далѣе, пока высокая плотина отвердѣвшей лавы, образованная прежнимъ изверженіемъ, не преградила ей дороги. На Этнѣ семь кратеровъ, и пять изъ нихъ имѣютъ широкія эллиптическія жерла, главныя оси которыхъ направлены къ сѣверо-востоку. У подошвы прежняго кратера Фрументо образовалась глубокая расщелина въ 70 сажень длины. Пары, сопровождающіе изверженіе, двухъ родовъ: сухой и влажный. Первый состоитъ преимущественно изъ хлорныхъ испареній, во второмъ же преобладаютъ щелочная и угольная кислоты. Сухой паръ носится надъ раскаленной лавою, а влажный надъ тѣми ея частями, гдѣ температура выше 400° . Присутствіе щелочной кислоты обнаруживается въ парахъ нижней температуры, но вообще выше 100° ; угольная же кислота обыкновенной температуры была открыта въ одномъ изъ старыхъ кратеровъ. Во всѣхъ этихъ парахъ воздухъ лишенъ части кислорода, котораго содержится въ нихъ до 19% и даже меньше. Это изверженіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ не принимала участія сѣра. Химическія изслѣдованія и чувство обонянія не могли обнаружить ея присутствія. Въ настоящее время, пишетъ г. Фуке, дѣйствуютъ преимущественно четыре нижніе кратера; они извергаютъ жидкую лаву и почти безвѣтный дымъ. Изъ трехъ же верхнихъ кратеровъ вылетаютъ комья твердой лавы, черные камни и густой дымъ, наполненный водянымъ паромъ и дикимъ пепломъ. Верхнія жерла производятъ черезъ каждыя двѣ или три минуты гулъ, подобный громовымъ раскатамъ; тогда какъ изъ нижнихъ кратеровъ несутся постоянно звуки, похожіе на колокольный звонъ, или на частые и непрерывные удары

колота по наковальнѣ. Съ самаго начала изверженія центральный кратеръ извергаетъ бѣлый пауъ, покрывающій вершину Этны.

Отчетъ императорской (русской) публичной библиотеки за 1864 г.— Мы издавна привыкли съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдить за нашимъ почтеннымъ книгохранилищемъ, и потому всегда охотно заносимъ въ нашу лѣтопись свѣдѣнія изъ ея годового отчета. 1864 годъ былъ для библиотеки преимущественно годомъ перестроень, которая предположено произвести въ ней для устранения опасности отъ огня. Передѣлки начались съ іюня прошлаго года, и до начала нынѣшняго подвинулись уже въ значительной степени: въ двухъ залахъ окончены всѣ капитальныя работы и устроены шкафы; надъ заломъ овальною возведенъ куполъ, устроены двѣ спиральныя лѣстницы, всѣ прежнія пневматическія печи замѣнены новыми, безметальными, по всему зданію проведена система чугунныхъ водоносныхъ трубъ, наконецъ, устроено 13 крановъ съ резиновыми рукавами и мѣдными брандспойтами, на случай пожара. Въ числѣ мѣръ по внутреннему устройству библиотеки должно упомянуть о приведеніи въ порядокъ богатой библиотечной коллекціи александровскихъ изданій и о дѣятельномъ продолженіи дублетнаго отдѣленія; въ теченіе года изъ дублетовъ разослано во отдѣленія для сличенія 8,316 сочиненій, и изъ нихъ 2,887 оказались ненѣбующимися въ отдѣленіяхъ; кромѣ того, къ числу мѣръ по внутреннему устройству относится обсужденіе въ собраніи библиотечарей вопроса о печатаніи каталога иноязычныхъ сочиненій о Россіи. Работы по каталогизаціи библиотеки подвигались болѣе или менѣе по всѣмъ отдѣленіямъ, но не съ особеннымъ успѣхомъ, потому что были затрудняемы переноскою, вслѣдствіе производившихся перестроекъ. Между прошлогодними приобрѣтеніями библиотеки первое мѣсто принадлежитъ, во первыхъ, коллекціи древнихъ куфическихъ корановъ, прибрѣтенной отъ г-жи Дюбойе, васслѣдницы арабиста Марсея, бывшаго въ числѣ членовъ ученой французской экспедиціи въ Египетъ, снаряженной Бонапартомъ, а вторыхъ, коллекціи арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей, купленной отъ Н. В. Ханькова. Первое изъ этихъ собраній представляетъ отрывки изъ корана, писанные въ первые два вѣка исламизма и заключающіе въ себѣ важныя данныя для критики и исторіи текста корана, второе — цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и въ высшей степени замѣчательныхъ, но еще малоизученныхъ сочиненій восточной литературы. Изъ различныхъ прибрѣтеній библиотеки, особенно стоитъ указать на переданные въ нея изъ государственнаго архива: 1) точную копію съ рукописи, заключающей въ себѣ «Слово о Полку Игоревѣ», найденную въ фоліантѣ съ разными бумагами императрицы Екатерины II, и 2) современный отъ руки рисунокъ, изображающій отпущекъ стрѣльцевъ на Разина, отысканный между дѣлами Тайнаго приказа; въ этомъ рисунокѣ, доселѣ совершенно неизвѣстномъ, полуистлѣвшемъ и испорченномъ сыростью, представлены посадки, на палубѣ ко-

торяхъ стоять стрѣлціи сотни въ полномъ вооруженіи, съ барабанами и знаменами. Вообще пріобрѣтенія библіотеки въ 1864 году представляютъ слѣдующія цифры:

Печатныя книги, брошюры и эстампы 10,841 соч. въ 15,871 томахъ.	
Рукописи и автографы	391 —
Эстампы и фотографіи	515 —
Карты и планы	130 —
Ноты	614 —
Калиграфическія руководства	45 —

Наконецъ, пользованіе библіотекою, по прежнему, продолжало возрастать. Въ теченіе 1864 года выдано билетовъ для занятій въ общей читальной залѣ 6,370 (въ 1863 году 6,280). Число читателей было: въ общей читальной залѣ 61,887 (въ 1863 году 58,580) и въ кабинетѣ для художниковъ 2,192 (въ 1863 году 2,612), а всего 64,079. Въ числѣ читателей преобладала учащаяся молодежь: напримѣръ, было 554 студентовъ с.-петербургскаго университета, 171 студентъ с.-петербургской духовной академіи, 287 студентовъ медико-хирургической академіи, 201 воспитанникъ технологическаго института, 282 воспитанника двухъ военныхъ училищъ; число 176 поручиковъ, кажется, тоже должно объяснить тѣмъ, что въ этомъ числѣ состоятъ большинство воспитанниковъ военныхъ академій. Вытребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ, на церковно-славянскомъ языкѣ, 120 томовъ (въ 1863 году 107 т.), на русскомъ языкѣ 22,051 томъ (въ 1863 г. 20,625 т.), и на иностранныхъ языкахъ 11,390 томовъ (въ 1863 г. 9,819 т.); изъ библіотеки при читальной залѣ 56,329 (въ 1863 г. 56,618 т.). Общее число взятыхъ посѣтителями въ чтенію книгъ было: въ общей читальной залѣ 230,384 тома (въ 1863 г. 222,845 т.) и въ кабинетѣ для художниковъ 7,398 т. (въ 1863 г. 8,008 т.). Въ теченіе 1864 г. было отказано по 7,625 требовательнымъ листкамъ, а именно: за неизвѣніемъ въ библіотекѣ сочиненій—по 2,017 листкамъ (въ томъ числѣ въ русскомъ отдѣленіи—по 196 требованіямъ), за выдачею уже въ чтеніе—по 3,168, за отдачею въ переплетъ—по 270, по случаю требованія сочиненій запрещенныхъ—по 17, по разнымъ причинамъ—по 2,153 листкамъ. Для чтенія повременныхъ изданій выдано 1,209 билетовъ; читателей было 8,998 человекъ, и ими вытребовано 30,522 номера журналовъ и газетъ. Изъ русскихъ повременныхъ изданій требованы: «Современникъ»—1,278 разъ, «Русское Слово»—1,141, «Отечественныя Записки»—719, «Русскій Вѣстникъ»—708, «Библіотека для Чтенія»—514, «Эпоха»—267, «Заграничный Вѣстникъ»—208, «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»—160, «Русская Сцена»—124, «День»—82 раза; изъ прочихъ русскихъ повременныхъ изданій 4 были требуемы отъ 75 до 50 разъ, 11—отъ 50 до 25 и 64—отъ 25 до 1. Рукописей потребовано въ чтеніе 929.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Быть студентамъ въ Германіи. *Изъ заграничныхъ писемъ Л. Модзолевскаго. Съ десятью рисунками Н. И. Лебедева. Спб. 1865.*

Книжка эта есть нѣчто въ родѣ монографіи о внутренней жизни нѣмецкаго студенчества; русская литература обогатилась этой книжкой потому, что г. Модзолевскому пришлось болѣе двухъ лѣтъ прожить въ маленькихъ университетскихъ городахъ Германіи, и онъ, заинтересовавшись бытѣмъ нѣмецкихъ студентовъ, сталъ «безъ особенной траты времени, но постоянно» всматриваться въ него со всѣхъ сторонъ и востарался «добиться до его внутреннего пониманія». Результаты этихъ своихъ усилій авторъ нашелъ нужнымъ наложить наукообразно, а вотъ явилась книжка «О бытѣ студентовъ въ Германіи». Строгость научнаго отношенія къ предмету г. Модзолевскій простираетъ до того, что, доискиваясь «органическихъ законовъ» жизни, «добиваясь внутренняго ея пониманія», онъ даже не рѣшился сдѣлать послѣднихъ выводовъ изъ своего изученія нѣмецкаго студенчества, и ограничился лишь тѣмъ, что установилъ точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, надо смотрѣть на дѣло. Встрѣтивъ въ предисловіи указаніе на такую ученую осторожность автора, а также и на то, что многіе факты собраны имъ путемъ личнаго наблюденія, мы хоть и удивились нѣсколько этому ученому аппарату труда, но все-таки съ интересомъ принялись читать сочиненіе, въ надеждѣ найти въ немъ что-нибудь новое и оригинальное.

Быть студентамъ въ многоученой Германіи есть, безъ сомнѣнія, довольно существенное явленіе въ жизни нѣмецкаго народа—такое явленіе, на которомъ лежитъ рѣзкая печать, какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ нѣмецкой національности. Германскій духъ по преимуществу характеризуется рѣзкою индивидуальностью и способностью къ развитію отвлеченной истины. Изъ коренной нѣмецкой индивидуальности развилось въ германскомъ обществѣ рѣзкое обособленіе на цехи и корпораціи, а изъ способности къ отвлеченному — духъ систематизированія и научнаго изученія. Обособленность повлекла за собою развитіе въ составныхъ частяхъ общества исключительности и узкой замкнутости въ своихъ интересахъ, а преобладаніе отвлеченнаго и страсти къ систематикѣ, постоянно отвлекало нѣмцевъ отъ высшей реальной дѣятельности и развивало въ нихъ педантизмъ. Все это отражается и въ жизни нѣмецкихъ университетовъ. Они возникли въ средніе вѣва, какъ корпораціи ученыхъ ex professo, съ своимъ самоуправленіемъ и самоуправленіемъ, какъ государства въ государствѣ. Издревле академическіе (то-есть университетскіе) граждане питали презрѣніе ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ ихъ ученой

корпорации, а внутри ея стремились развить государственныя формы, обладая въ видъ слѣдующее реальное, содержаніе своей жизни. Такимъ образомъ возникли разобщеніе между студентомъ и нестудентомъ — буршемъ и филлстеромъ — и ложная (ибо пошлая) узаконенность разныхъ порядковъ и обычаевъ студенческаго быта. Соблюденіе этихъ порядковъ: разныхъ нивныхъ уставовъ, коментовъ, законовъ студенческой чести, обычаевъ принятія въ фуксы и перехода въ бурши и т. д., и понятии наполняетъ исключительно жизнь многихъ студентовъ, которые тѣмъ выше дѣлать всю эту ветошь, что она доступна только имъ однимъ. Но если въ самой Германіи есть крайніе противники корпоративныхъ студенческихъ правовъ, то тѣмъ болѣе неприятное впечатлѣніе производятъ эти нравы на иностранцевъ. И дѣйствительно, въ самой книгѣ г. Модзолевскаго мы находимъ указаніе на неблагопріятные отзывы французовъ, англичанъ и американцевъ о нѣмецкомъ студенчествѣ. А потому, намъ тѣмъ болѣе странно показалось, что самъ русскій авторъ сочиненія говорить объ этомъ предметѣ крайне снисходительно и, несмотря на всю свою осторожность, все-таки даетъ понять, что его самцати клонятся положительно въ пользу корпоративнаго начала въ нѣмецкомъ студенчествѣ.

Свое возвращеніе на бытъ студентовъ въ Германіи, г. Модзолевскій выводитъ изъ точки зрѣнія, которую онъ называетъ историко-психологическою, то-есть онъ желаетъ, чтобы нынѣшнее нѣмецкое студенчество судили, принимая въ расчетъ его прошлое, и проявленія его вообще объясняли изъ особенностей юношеской природы. Противъ такихъ требованій возражать было бы нечего, но дѣло въ томъ, что самъ г. Модзолевскій преувеличиваетъ удобства ихъ примѣненія: съ одной стороны почетная давность историческаго преданія никоимъ образомъ не должна быть приводима въ оправданіе явленій, невыдерживавшихъ критики общественной нравственности даже въ старину, не только теперь; а съ другой — и въ психологій не слѣдуетъ такъ догматизировать, чтобы ставить рѣзкія преграды при переходѣ изъ возраста въ возрастъ—преграды, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ. Изъ книжки же г. Модзолевскаго видно, что корпоративный строй нѣмецкаго студенчества до начала XIX вѣка былъ явленіемъ скорѣй печальнымъ, чѣмъ хорошимъ: во первыхъ, почти съ эпохи основанія первыхъ германскихъ университетовъ есть длинный рядъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что университетская молодежь была по большей части буйной и задорной толпой, презиравшей и оскорблявшей все прочее населеніе, весьма мало прилежной въ наукѣ, но сильно прилежавшей къ пиву, картамъ и трубкѣ; вторыхъ, въ старинныхъ нѣмецкихъ университетахъ общій уровень возраста былъ гораздо выше нынѣшняго, а потому грубые и безобразные нравы стариннаго студенчества не могутъ быть объясняемы неустановившейся юношескою природою.

Съ начала нынѣшняго столѣтія нѣмецкое студенчество измѣнилось; вслѣдствіе событій 1813 и слѣдующихъ годовъ и потомъ позднѣйшихъ переворотовъ въ Европѣ, быть его оживился приливомъ новыхъ идей; уровень возраста понизился; произвола и грубости въ нравахъ поубавилось; но все же въ немъ, какъ свидѣтельствуется самъ г. Модзолевскій, старина чувствуется на каждомъ шагѣ. И донинѣ, по малой мѣрѣ, половина нѣмецкихъ студентовъ принадлежитъ къ корпораціямъ, и изъ нихъ едва-ли не самую значительную и самую прочно-организованную часть составляютъ корпораціи съ самыми отсталыми принципами; да и всякія другія корпораціи тоже не безъ грѣха въ этомъ отношеніи; это видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ г. Модзолевскаго, въ которыхъ онъ бросаетъ общій взглядъ на современное состояніе нѣмецкаго студенчества:

«Удобнѣе всего раздѣлить все обучающееся въ германскихъ университетахъ юношество на 4 главные класса: вопервыхъ, на корпораціи съ строго-корпоративными началами и съ стремленіемъ къ пропагандѣ этихъ началъ, которыя должны вѣсти къ связи и единству всѣхъ германскихъ университетовъ; къ такимъ корпораціямъ, преслѣдующимъ общестуденческіе интересы, принадлежатъ прежде всего вѣчно-праздныя Corps, имѣющіе свой общій съѣздъ (Bundestag) въ Кōзенѣ для совѣщанія *о средствахъ побудить реакцію*; и потомъ ихъ противники Verbindungen и Burschenschaften, но не всѣ; вовторыхъ, на корпораціи болѣе-замкнутыя и разрозненныя, равнодушно относящіяся къ другимъ корпораціямъ, если только съ ними не приходятъ въ соприкосновеніе ихъ собственные интересы; сюда относятся Wingolfiten съ ихъ ортодоксальными принципами, которыхъ они, однако, никому не навязываютъ, разсѣянныя тамъ-и-самъ Progress-Verbindungen, да-дѣе — Landsmannschaften и нѣкоторыя Burschenschaften; оба первые класса имѣютъ свои цвѣта, обязательныя собранія (Convents и Kneipen), и отчасти дуэль, которую безусловно признаютъ одни Corps, и отвергаютъ одни Wingolfiten; третьихъ, собственно *общества* (Vereine) безъ строгихъ корпоративныхъ началъ и часто безъ цвѣтовъ, какъ напримѣръ, разныя ученыя, гимнастическія, музыкальныя и шахматныя общества, неимѣющія никакихъ исключительно-студенческихъ и политическихъ тенденцій, всѣ такъ-называемыя Wilden, образующіе свои кружки (Blasen), разныя друзья по внейпѣ (Conkneipanten), правильно собирающіеся пять вмѣстѣ пиво и т. п. Но всѣ эти общества въ общихъ университетскихъ дѣлахъ и праздникахъ часто составляютъ чувствительную оппозицію другимъ корпораціямъ, и особенно корамъ; наконецъ четвертыхъ, всѣ Nichtverbündeten, неимѣющіе ничего корпоративнаго и обязательнаго, предпочитающіе черныя цвѣта всякимъ другимъ яркимъ, а потому называемые также Obscuranten, и во многихъ университетахъ величаемые Kameleelen. Къ этому же классу можно отнести всѣхъ отдѣльно стоящихъ иностранцевъ или взрослыхъ посѣтителей лекцій, которымъ даже необязательно матри-

кулиэироваться. Всѣ эти вольные люди, по большей части, суть самые сильные противники всякаго корпоративнаго начала, и потому они еще болѣе презираются корпораціями, чѣмъ третій классъ «двѣихъ», все же имѣющихъ сходки и выборы въ необходимыхъ случаяхъ. Къ послѣднимъ двумъ классамъ, по преимуществу, принадлежатъ всѣ скромные, трудолюбивые бѣдняки».

И вотъ, изъ числа этихъ студентскихъ группъ г. Модзолевскій съ наименьшимъ сочувствіемъ относится къ корамъ и съ наибольшимъ—къ буршеншафствамъ. Впрочемъ, его снисходительность простирается до того, что и въ первыхъ онъ видитъ «много юношески-свѣжаго и наивно-поэтическаго». На нашъ взглядъ и такая похвала слишкомъ велика и совершенно излишня: какъ онъ самъ же признаетъ, корни составляютъ крайнюю степень въ развитіи корпоративнаго начала; заключая въ себѣ многіе остатки старины, они впрочемъ окончателно устроились только въ эпоху романтизма, подъ покровительствомъ руководимой Меттернихомъ реакціи; они проникнуты устарѣлымъ и, въ этомъ случаѣ, вполне дежорализующимъ стремленіемъ поддерживать старинные студентскіе нравы со всѣмъ формализмомъ ихъ кутежей, съ пошлымъ презрѣніемъ къ филистерамъ, съ расточительностью и фразтовствомъ и наконецъ, съ феодальнымъ образомъ мыслей; это главное приближше всѣхъ пустыхъ людей, лѣнтаевъ и вообще людей наиболѣе старшихъ по возрасту, но нежелающихъ работать. Послѣ всего этого не мудрено, что и г. Модзолевскому пришлось назвать ихъ консервативнымъ началомъ въ нѣмецкомъ студенчествѣ; но, по правдѣ сказать, недалеко ушли отъ коровъ и тѣ буршеншафства и союзы, которые г. Модзолевскій считаетъ элементомъ прогрессивнымъ. Они возникли въ противодѣйствіе корамъ, послѣ событій 1813 г.; въ нихъ обнаружилась даже идея честнаго служенія отечественнымъ интересамъ (таковъ былъ и извѣстный «Союзъ добродѣтели», Tugendbund); но въ то же время «юношество не могло отказаться ни отъ фантастическихъ формъ, ни отъ увлеченій; новыя общества, въ пику корамъ, приняли также знамена, цвѣта, гербы, ленты и вдались въ ту же замкнутость и исключительность»; точно также завели и своихъ сеніоровъ, и секретарей, и свой конвентъ и обязательныя кнейпы, гимнастику и фехтованіе. Въ этомъ видѣ существуютъ буршеншафства и понинѣ; все, что можно сказать въ ихъ пользу, такъ это то, что буршеншафства не прочь позаботиться о самообразованіи своихъ членовъ, и потому заводятъ иногда своя бібліотека и чтеніе сообща самостоятельныхъ работъ. Но и такого рода успѣхи очень медленны; по крайней мѣрѣ къ этому неутѣшительному выводу неизбежно приводятъ слѣдующія слова автора: «Намъ болѣе всего хотѣлось бы поскорѣе истребить эту такъ называемую *поэзію студенчества*, отъ которой все зло; но для этого нужна геркулесовская мощь»—говорилъ мнѣ одинъ студентъ изъ описываемаго мною вида корпорацій (т.-е. изъ буршеншафствъ), и въ дальнѣйшемъ разговорѣ я узналъ, что

подъ поэзіей онъ разумѣлъ только ложное ея пониманіе, т.-е. ухарство, забіячество, щегольство, пьянство, воловѣство и т. п. Онъ доказывалъ мнѣ, что отъ поэзіи цвѣтныхъ лоскутковъ и пива студенту нетрудно отказаться, ибо взамѣнъ онъ найдетъ истинную поэзію въ дружбѣ, свободѣ, въ стремленіи къ завѣтному своему идеалу, и въ томъ счастливомъ покоѣ, для котораго у нѣмцевъ есть свое, ничѣмъ незамѣнимое слово «Gemüthlichkeit». Но такого широкаго и трезваго пониманія поэтической стороны жизни нельзя найти во всѣхъ буршеншафствахъ; въ нихъ еще замѣтно немало остатковъ старинной грубости и формализма, которые не могутъ исчезнуть вдругъ.» Къ тому же надобно замѣтить, что буршеншафства гораздо болѣе раздѣлены между собою, чѣмъ коры, и что съ послѣдними они въ отърытой враждѣ. Стало быть, съ этой стороны прогрессъ студентскихъ корпорацій и преуспяніе ихъ въ духѣ единства всего менѣе возможны. А если такъ, то, послѣ всего выше изложеннаго, мы вправѣ спросить г. Модволевскаго: почему онъ высказывается въ пользу корпорацій и почему признаетъ послѣднія такой необходимой и удобной формой для выраженія потребностей юношеской природы? Повидимому, г. Модволевскій считаетъ всѣ эти корпоративныя собранія, выборы, существованіе должностныхъ лицъ и пр. чѣмъ-то очень существеннымъ. «Всмотрѣвшись пристальнѣе въ образъ жизни и стремленія германскихъ студентовъ — говорить онъ по этому поводу — нельзя не замѣтить въ нихъ всѣхъ тѣхъ признаковъ юношеской природы, по которымъ она непосредственно примыкаетъ къ дѣтскому возрасту и является только новою, высшею степенью послѣдовательнаго развитія человѣческаго духа. И въ самомъ дѣлѣ: какъ ребенокъ обыкновенно любитъ играть представленіями изъ *семейнаго быта* и изъ ближайшаго окружающаго его міра, тогда какъ эта игра для него дѣлается важнымъ умственнымъ процесомъ — такъ юноша какъ-бы играетъ представленіями изъ быта *общественнаго*, то свободно подражая дѣйствительности, то приводя свои представленія, изъ нея же воспринятія, въ новыя сочетанія по прихотливымъ требованіямъ своей фантазіи... Каждый Corps-student, каждый Вингольфъ желалъ бы весь міръ перестроить за-ново на своихъ любимыхъ началахъ, но міръ не хочетъ понять его, и потому студентъ презираетъ его филистерскую тупость и неподвижность; онъ утѣшается по крайней мѣрѣ тѣмъ, что можетъ осуществить свою программу въ небольшомъ кругу своихъ единомысленныхъ сверстниковъ. Въ своей корпораціи онъ затрачиваетъ весь запасъ своихъ юношескихъ силъ на игру представленіями и идеями».

Слова эти очень благодущны; но они положительно невѣрно изображаютъ сущность дѣла: еслибы корпораціи были дѣйствительно необходимой и полевною школой для будущей дѣятельности молодыхъ людей въ общественной жизни, то мы не находили бы въ общественности нѣмцевъ того скучнаго и тяжелаго формализма, той увзости и раздѣленности интересовъ, того патриотизма

на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ, той скарденности и того эгоизма, которые видимъ теперь. Въ противоположность г. Модзюлевскому мы убѣждены, что именно корпораціи развиваютъ подобныя вещи: по крайней мѣрѣ общественный бытъ нѣмецкихъ студентовъ постоянно представляетъ эти явленія, такъ же постоянно повторяющіяся и въ жизни всего нѣмецкаго общества. Не распространяемся о другой, болѣе мелкой, но тоже вредной сторонѣ корпорацій — объ обязательности кутежей, которая тоже происходитъ не изъ одной, вполне законной юношеской игривости и которая оказываетъ также очень вредное вліяніе на нѣмецкую молодежь. Наконецъ замѣтимъ, что не изъ студенческихъ корпорацій выходятъ лучшіе представители университетскаго образованія, лучшіе дѣятели германскаго просвѣщенія; а это обстоятельство тоже не слишкомъ-то говорить въ пользу той общественной формы, которую защищаетъ г. Модзюлевскій. Принимая все это въ расчетъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, чтобы въ буршеншафствахъ и союзахъ находились элементы обновленія для нѣмецкаго студенчества. Мы уже упоминали о противникахъ корпорацій, такъ-называемыхъ «верблюдахъ» и «дикихъ», и вотъ, между тѣмъ какъ г. Модзюлевскій, защищая буршеншафства и союзы, становится на точку благоразумнаго и умѣреннаго прогресса, мы позволяемъ себѣ удариться въ дикую крайность. По сознанію самого автора, между «верблюдами» и «дикими» встрѣчаются самыя талантливыя и самыя дѣльные представители нѣмецкаго студенчества, хотя, живя внѣ корпораціи, они и теряютъ всякій собственно студенческой отпечатокъ. И въ то же время, нельзя сказать, чтобы эти молодые люди были лишены всякаго чутія въ выгодамъ общественности; напротивъ того, и они смыкаются въ кружки и группы, когда этого требуютъ обстоятельства и общая польза; такъ въ нѣкоторыхъ университетахъ они образуютъ нѣчто въ родѣ ученыхъ обществъ для совокупныхъ занятій; случается даже, что если весь университетъ, безъ различія корпорацій, празднуетъ какое нибудь торжество, то и «дикіе», и даже «верблюды» принимаютъ участіе въ его устройствѣ, выбираютъ для этого своихъ представителей. Несомнѣнно, что только тогда, когда большинство нѣмецкихъ студентовъ приметъ характеръ этихъ вольныхъ людей и выйдетъ изъ корпорацій, только тогда освѣжится духъ нѣмецкихъ университетовъ.

Такимъ образомъ, прослѣдивъ съ помощью г. Модзюлевскаго бытъ студентовъ въ Германіи, мы пришли однако совершенно не къ тѣмъ результатамъ, въ которыхъ онъ велъ свою рѣчь. Мы объясняемъ это тѣмъ, что мы судили по крайнему своему разумѣнію, а онъ почерпалъ источникъ своихъ снисходительныхъ сужденій въ разныхъ нѣмецкихъ книгахъ о германскомъ студенчествѣ, какъ это и видно изъ его собственныхъ словъ, которыми онъ характеризуетъ взглядъ самихъ нѣмцевъ на свое студенчество. Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что хотя въ нашей литературѣ и появляются голоса въ пользу студенческихъ корпорацій вообще

(какъ разбираемое мнѣніе г. Модзелевскаго), весьма желательно, чтобы студенты нашихъ университетовъ не соблазнялись въ этомъ случаѣ примѣромъ нѣмцевъ. Будетъ совершенно достаточно, если наши студенты станутъ группироваться въ кружки для общихъ ученыхъ занятій. Безъ сомнѣнія, главною, а пожалуй и единственною связью должны быть для нихъ интересы образованія.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи. *Полное собраніе матеріаловъ для исторіи крестьянскаго вопроса, на языкахъ русско-го и иностранныхъ, напечатанныхъ въ Россіи и заграничю. 1864—1865. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1865.*

Совершенно излишнимъ было бы съ нашей стороны по поводу этой книги пускаться въ длинныя разглагольствованія, при томъ всѣмъ уже давнымъ-давно извѣстныя, о важности и благотворительныхъ послѣдствіяхъ совершенной 20-го ноября 1857 года реформы—освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Реформа эта, какъ и всякая мысль человѣческая вообще, созрѣвала медленно, хотя потребность ея ощущалась многими весьма давно уже; она встрѣчала препятствія, вызывала борьбу мнѣній, которая разлилась какъ нельзя болѣе рельефно въ нашей литературѣ вообще и повременной въ особенности. Осмыслить и уяснить эту борьбу мнѣній, составить полную исторію всего вопроса, кончившагося освобожденіемъ крестьянъ—представляетъ собою весьма интересный и занимательный предметъ изслѣдованій для нашихъ ученыхъ, которымъ, при такомъ вполне достойномъ и необходимомъ трудѣ, можетъ служить превосходнымъ пособіемъ вышеназванный нами трудъ Межова. Составитель имѣлъ главною своею цѣлю, какъ онъ самъ говоритъ, соблюсти безусловную полноту, старался не пропустить рѣшительно ни одной статейки, какъ бы мала и ничтожна, повидимому, она ни была, и всѣ возможныя, относящіяся до этого вопроса статьи, число которыхъ достигаетъ на русскомъ языкѣ цифры 2,800 и на разныхъ иностранныхъ еще 505—сгруппировалъ въ слѣдующіе главные отдѣлы:

1) Историческія изслѣдванія о крѣпостномъ, помѣстномъ и вотчинномъ правѣ. 2) Статистика крестьянскаго вопроса. 3) Литература и библиографія, и періодическія изданія по крестьянскому вопросу. 4) Вопросъ о свободномъ (наемномъ) и обязательномъ (барщинномъ) трудѣ. 5) О разныхъ видахъ пользованія и владѣнія землею. 6) Теоретическія статьи по крестьянскому вопросу, рассматривающія его съ разныхъ точекъ зрѣнія. 7) Собственно крестьянскій вопросъ въ Россіи, то-есть статьи, въ которыхъ обсуживаются мѣры и способы рѣшенія крестьянскаго вопроса. 8) Хроника крестьянскаго вопроса. 9) Крестьянскій вопросъ въ поэзіи и искусствахъ.

Трудъ этотъ не имѣетъ, какъ и самъ авторъ это знаетъ, никакихъ претензій на ученое достоинство; въ немъ нѣтъ никакихъ выводовъ и заключеній; это просто—справочная книга, библиографическій указатель, который по своей полнотѣ и точности имѣетъ

большую важность и значение для изслѣдователя, но не для читателя. Это само-собою очевидно; мы же съ своей стороны, указывая на это новое полезное приобрѣтеніе нашей справочной литературы, исполнили лишь лежащую на насъ обязанность упомянуть о новомъ трудѣ г. Межова, принадлежащаго къ числу, къ сожалѣнію весьма незначительному, истинныхъ полезныхъ дѣателей нашей публичной библіотеки, который, независимо отъ своихъ обязанностей и этого труда, издаетъ съ 1859 года ежегодно, въ продолженіе уже пяти лѣтъ, библиографическій указатель выходящихъ въ Россіи книгъ и статей по части географіи, топографіи, этнографіи и статистики. Указатель книгъ, вышедшихъ по этимъ отраслямъ знанія въ Россіи въ 1863 году, уже появился въ продажу.

Земство, политико-экономическій сборникъ, Л. Демиса. Годъ 1-й, изданіе 2-е, пятая тысяча. 1864. С.-Петербургъ.

Обнародованнымъ 1-го января 1864 года положеніемъ о губернскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, какъ извѣстно, общество призвано къ самодѣятельности и поставлено лицомъ къ лицу съ государственною жизнью, нѣкоторая доля трудовъ и тягостей которой возложена на непосредственную заботливость общества; на немъ же остается большая часть отвѣтственности въ случаѣ безуспѣшности.

Чтобы облегчить обществу содѣйствіе въ осуществленіи означенныхъ государственныхъ дѣлей, г. Демисъ напечаталъ выше-названную нами книгу, въ которой и помѣстилъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, правила для приведенія ихъ въ дѣйствіе, со всѣми приложениями и составленнымъ имъ подробнымъ азбучнымъ (алфавитнымъ) указателемъ, необходимость и польза котораго очевидно всякому, кто будетъ имѣть надобность обратиться къ положеніямъ. Сверхъ того, ко многимъ правиламъ положенія сдѣланы объясненія, напечатанныя для отличія отъ текста закона курсивомъ, которыя весьма облегчаютъ уразумѣніе, какъ самыхъ статей, такъ и полного дѣйствія земскихъ учреждений. Для удобнѣйшаго соображенія статей земскихъ учреждений съ уставомъ о земскихъ повинностяхъ, на который сдѣлано такъ много ссылокъ, важнѣйшія статьи этого устава приведены въ особомъ продолженіи; съ этою же цѣлію помѣщены въ приложенияхъ: изложеніе основаній вводимаго представительства по соображенію статей, въ которыхъ они проявляются; извлеченіе изъ Свода Законовъ о составленіи государственной рѣдиси и финансовыхъ сметъ министерствъ, о распредѣленіи валога на городскія недвижныя имущества, о городскихъ расписяхъ, о земскихъ и мірскихъ повинностяхъ крестьянъ, а также постановленія о начальныхъ народныхъ училищахъ; о церковныхъ попечительствахъ, положеніе о взаимномъ страхованіи, о крестьянскихъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ касахъ, и правила объ избраніи мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей.

Конечно, послѣ всего этого, можетъ быть, покажется страннымъ нѣсколько самое названіе книги «Земство—политико-экономическій сборникъ», которое могло быть, для болѣе яснаго обозначенія содержанія, замѣнено другимъ, какъ, напримѣръ, земскія учрежденія или положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и т. д. Но очевидно, что дѣло не въ заглавіи книги, а въ ея содержаніи, которое въ этомъ отношеніи представляется трудомъ весьма добросовѣстнымъ и вполне удовлетворяющимъ непосредственному своему назначенію, лучшимъ доказательствомъ чему можетъ служить и самый успѣхъ ея распродажи.

Исторія нидерландской революціи и основанія республики соединенныхъ провинцій, Д. Л. Мотлея. Переводъ съ англійскаго. Томъ I, часть 1-я. 1865 г. С.-Петербургъ. Изданіе Я. А. Суляна.

О всѣхъ достоинствахъ этого замѣчательнаго произведенія знаменитаго англійскаго историка было своевременно уже говорено въ «Отеч. Зап.». Что же касается вновь вышедшаго перевода этого сочиненія на русскій языкъ, то хотя онъ и вполне удовлетворителенъ въ литературномъ отношеніи, но въ экономическомъ заставляетъ желать значительнаго пониженія цѣны. Первая часть перваго тома, содержащая въ себѣ 240 страницъ весьма обыкновенной печати, стоитъ 1 руб., что, конечно, еще немного, еслибы все сочиненіе и ограничивалось одною этою книжкою; но какъ издателемъ объявлено, что все изданіе будетъ состоять изъ 6-ти выпусковъ, по части въ каждомъ, то общая цѣна всего русскаго перевода Мотлея заставитъ многихъ очень и очень поразмыслить, прежде нежели купить хоть бы и первую часть этой исторіи. Къ чему же, и действительно, покупать одну часть, не имѣя средствъ и возможности купить и остальные, а *шесть* рублей не весьма многіе, къ сожалѣнію, могутъ пожертвовать на приобрѣтеніе сочиненія по исторіи Нидерландовъ, и притомъ не всей, а только одного изъ ея періодовъ. Намъ остается сожалѣть, что издатели не сочли себѣ выгоднымъ издать переводъ Мотлея въ такомъ же видѣ и по такой же дешевой цѣнѣ, какъ это сдѣлалъ г. Тибленъ относительно Исторіи цивилизаціи въ Англій, Бокля, переведенной г. Бестужевымъ.

Безъ сомнѣнія, этимъ они бы гораздо болѣе выиграли, и доставивъ выгоду публикѣ, главнымъ образомъ избавили бы ее отъ совершенно несправедливаго нареканія въ равнодушіи и отсутствіи сочувствія къ весьма полезнымъ переводамъ дѣльныхъ произведеній иностранныхъ литературъ.

Вышедшая пока первая часть содержитъ въ себѣ историческое введеніе и первыя три главы, въ которыхъ рассказъ доведенъ до отъѣзда Филиппа II изъ Нидерландовъ и тѣхъ ауто-да-фе въ Испаніи, которыми онъ праздновалъ свое спасеніе отъ кораблекрушенія, и бракъ съ Изабеллою французскою, заключенный, какъ извѣстно, вскорѣ по возвращеніи его въ Испанію.

Человѣкъ, въ отношеніи его физическаго и матеріальнаго благосостоянія, Составлено докторомъ Люнелемъ. Москва. 1865.

Суда по означенному заглавію, помѣщенному на самой оберткѣ, можно еще рѣшиться купить и прочесть эту книгу, повидимому представляющую немало интереса для насъ, живущихъ на землѣ и занятыхъ всевозможнымъ улучшеніемъ нашего матеріальнаго благосостоянія. Но самый заглавный листъ вселяетъ уже полное сомнѣніе въ полезности приобрѣтенія книги, которая, въ шести частяхъ, заключающихъ всего 332 страницы довольно крупной и разгонистой печати, содержитъ въ себѣ гигиену, медицину, домашнее приготовленіе лекарьствъ, составленіе домашней аптеки, и *множество* разнообразныхъ практическихъ свѣдѣній, относящихся (каково это, а не относящихся) къ домашнимъ и хозяйственнымъ потребностямъ (точки нѣтъ)... И все это вы приобрѣтаете за 2 рубля, что страшно дорого, если взять въ соображеніе, конечно, не только количество печатныхъ буквъ и словъ, но и достоинство самаго содержанія, которое представляетъ собою самую пеструю смѣсь домашней поваренной книги, народнаго лечебника, полицейскихъ правилъ о ѣздѣ на желѣзныхъ дорогахъ, о подачѣ пособій мнимо-умершимъ, о сохраненіи състныхъ припасовъ и т. д. Мы дадимъ нѣкоторое понятіе читателямъ о самой книгѣ, съ цѣлью *предупредить ихъ отъ покупки*, сдѣлавъ нѣкоторыя выписки на удачу. Напримѣръ, стр. 81. 1) занятія умственныя. Болѣзни, диспепсія, гастралгія, невроты, геморой, запоръ, каменная болѣзнь; не доказано, что эти занятія предоставляютъ болѣе случаевъ апоплексіи, нежели прочія.—Гигиеническіе совѣты. Хорошо провѣтривать рабочій кабинетъ; пищу должно употреблять легкую... и т. д., не работать ночью, должно зимою брать тепловатія, а лѣтомъ холодныя ванны (а мы думали до сихъ поръ, что обратно), каждую недѣлю нужно одинъ день отдыхать, гулять и развлекаться. 2) земледѣльческія занятія и т. д.

Для кого это все написано? При докторѣ, книга эта совершенно бесполезна, а безъ доктора, человѣкъ, незнакомый съ медициною, не будетъ знать, что это за болѣзнь гастралгія, диспепсія и проч. — въ книгѣ же никакихъ объясненій о нихъ нѣтъ.

Или напримѣръ, стр. 45. «Полезно или вредно дѣйствіе кофе на наши органы?» На подобные вопросы, авторъ, конечно, отвѣта не даетъ, а пускается въ наставленія: какъ его самымъ лучшимъ образомъ варить, замѣчая: «что не одинъ поэтъ, не одинъ музыкантъ обязаны *кофью* (какъ онъ дошелъ до подобнаго результата, намъ совершенно неизвѣстно; почему же кофе именно, а не пиво и не хлѣбу) лучшими своими произведеніями, и кромѣ того, кофе имѣетъ еще то достоинство, что прогоняя сонъ — продолжаетъ бодрствованіе для *пользы науки*». Каково!... что шагъ, то нелѣпость!...

На стр. 265 помѣщено свѣдѣніе, какъ на берегахъ Адриатическаго моря, именно въ Комачію готовятъ виноги — «ихъ

слегка поджариваютъ, солятъ, и закупориваютъ». Вотъ и все!... Хотите, читатель, сдѣлать обувь вашу непромокаемою, то на стр. 280 найдете должное къ этому указаніе, и тутъ же рядомъ наставленіе, какъ чистить мѣдныя вещи. Можете узнать также, какъ должно готовить чернила садовыя, неокисляющія металлическія перья, для мѣтокъ и проч.; какъ сохранять цвѣты и мѣха; найдете рецепты для приготовления лучшаго дѣвичьяго молока (стр. 296), parfait amour (стр. 279) и т. д. Къ сожалѣнію, г. Толмачевъ, предпринявшій совершенно бесполезный переводъ подобной пустой книги, не захотѣлъ снабдить его указателемъ, или просто оглавленіемъ; онъ, вѣроятно, пожалѣлъ труда на это, предчувствуя неуспѣхъ своего предпріятія; мы вполне желаемъ, чтобы подобное предчувствіе сбылось въ возможно полной мѣрѣ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. *Четыре лекціи, читанныя въ Royal Institution въ Лондонѣ В. Сэвори, переводъ подъ редакцію С. Ламанскаго. 1865 г. Спб.*

Въ означенныхъ лекціяхъ, Сэвори, самымъ общедоступнымъ языкомъ, чуждымъ всякихъ смѣлыхъ и пустыхъ фразъ, излагаетъ методъ изученія жизни, степени организаци и развитія, существенные признаки и условія жизни, жизненное начало, и послѣднюю лекцію посвящаетъ вопросу о смерти, ея значеніи и отношеніи къ жизни. Чтобы показать столь же трезвый, какъ и основательный взглядъ, обнаруженный г. Сэвори въ этомъ небольшомъ сочиненіи, мы приведемъ слѣдующія мѣста изъ него:

«Жизнь составляетъ великое различіе между органическимъ и неорганическимъ царствомъ. Кромѣ жизни, всѣ различныя черты разграниченія, проводимыя время отъ времени между ними, стирались, по мѣрѣ того, какъ развивалась наука, уничтожала прежнія заблужденія и открывала новыя истины. Различіе между живымъ и мертвымъ организмомъ гораздо значительнѣе, чѣмъ между мертвымъ организмомъ и неорганическимъ веществомъ. Чтобы выяснить это различіе, я не стану выказывать своего незнанія, пытаюсь опредѣлять или описывать жизнь. Я попробую говорить о жизни, какъ о необходимомъ состояніи динамическаго равновѣсія, какъ объ опредѣленномъ вознагражденіи между потерей и возстановленіемъ, которыя не измѣняютъ ея условій. Замѣтите, это—еще не опредѣленіе жизни; это только попытка отличить жизнь въ ея существенныхъ чертахъ, при ея простѣйшихъ условіяхъ» и т. д. (стр. 20).

«О смерти я могу сказать то же, что о жизни: что никакое опредѣленіе или описаніе, которое я могъ бы вамъ предложить, не дало бы такого живого представленія объ этомъ великомъ переворотѣ, какъ понятіе, которое вы сами уже составили о немъ. Мы знаемъ, что превращеніе *настоящей* нашей жизни называется смертью. Смерть есть измѣненное состояніе организма, въ которомъ не происходятъ извѣстные процессы, составляющіе жизнь (стр. 72). Намъ излишне прибавлять, что въ *духовномъ* отношеніи мы не

измѣняемся. Ни въ чемъ мы такъ не увѣрены, ничто мы такъ не сознаемъ, какъ это! То, что переживаетъ жизнь, должно пережить и смерть. Развѣ въ процесѣ смерти не происходитъ болѣе перемѣнъ, чѣмъ въ жизни? Нѣтъ смерти; что кажется смертию, не что иное какъ переходъ» (стр. 99). Намъ остается только поблагодарить г. Ламанскаго за исполнѣе удовлетворительный переводъ этихъ лекцій, и пожелать труда его возможно большаго успѣха.

Естественная исторія насѣкомыхъ, сочиненіе Кэрби и Спенсъ. *Переводъ съ англійскаго* А. Минна.

Книга эта содержитъ въ себѣ подробное описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, описаніе ихъ превращеній, пищи, пріемовъ, служащихъ для ея добыванія, жилищъ и пр. и пр.

Геологическая карта европейской Россіи, академика Гельмерсена.

Карта европейской Россіи и кавказскаго края, составленная по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и изданная военно-топографическимъ депо въ 1864 году, на 12-ти листахъ. Карта очень хорошая и цѣна ея 4 р. 50 к., въ листахъ, не слишкомъ высока.

Памятная книжка министерства народнаго просвѣщенія на 1865 г. С.-Петербургъ. Въ типографіи Роговскаго. 1865 г.

Книга эта, изданная въ видѣ приложенія въ «Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1865 годъ, состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ законы, уставы, положенія и штаты, до вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія относящіеся; вторая же заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о личномъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія и состоящихъ въ его вѣдѣніи ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній, о числѣ университетовъ, лицеевъ, ветеринарныхъ училищъ, гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, также свѣдѣнія объ уѣздныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ, городскихъ и сельскихъ (базенныхъ и общественныхъ) приходскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, женскихъ училищахъ, какъ-то гимназійхъ, образцовыхъ пансіонахъ и т. д., свѣдѣнія объ училищахъ при еврейскихъ синагогахъ и при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о числѣ учащихся въ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ. Таковыхъ лицъ въ 1864 году было вообще въ 3,531 учебномъ заведеніи 194,333 человекъ, въ томъ числѣ 151,571 мужскаго пола и 42,762 женскаго, именно:

	Муж. п.	Жен. п.
въ 6-ти университетахъ	4,084	—
» 3-хъ лицеехъ	140	—
» 2-хъ ветеринарныхъ училищахъ	99	—

	Муж. п.	Жен. п.
въ 96-ти гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	28,429	—
• землемѣро-тавсаторскихъ классахъ при 34 гимназіяхъ	1,039	—
• 413-ти уѣздныхъ училищахъ	25,658	—
• 2-хъ учительскихъ семинаріяхъ.	67	—
• 1,124 приходскихъ и начальныхъ училищахъ	49,320	7,319
• 431 народномъ училищѣ въ западныхъ губерніяхъ	14,325	1,179
• 37-ми женскихъ училищахъ 1-го разряда.	—	4,335
• 75-ти „ „ 2-го „	—	4,630
• 102 еврейскихъ училищахъ 1-го „	3,341	—
• 5-ти „ „ 2-го „	221	—
• 2-хъ раввинскихъ училищахъ	516	—
• училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій: пяти на степени гимназій.	799	174
• 19-ти на степени уѣздныхъ училищъ	1,369	754
• 102 „ „ приходскихъ училищъ.	11,892	10,271
• 74 частныхъ учебныхъ заведеній на степени гимназій	1,541	3,231
• 187 частныхъ учебныхъ заведеній на степени уѣздныхъ училищъ.	1,518	4,261
• 846 частныхъ учебныхъ заведеній на степени приходскихъ училищъ.	7,213	6,608

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

DEE NACHVERBODENE JUWA, von K. Seebach. 1864. (ГанOVERская юра, К. Зебаха).

НОМЕРИСНЕ ГОВВОНУНГЕН, von B. Gieseke. 1864 (Исслѣдованія Илиады Гомера, Б. Гизеке).

DER KORAN, aus dem Arabischen wortgetren neu übersetzt, 5 Auflage, von Dr. L. Ullmann. 1865 (Коранъ, подстрочный переводъ А. Ульмана).

LEHNBUCH der technischen Mechanik. 2 Heft. von Aug. Ritter. 1864. (Учебникъ технической механики, А. Риттера).

LEHNBUCH der anorganischen Chemie für den Unterricht an Realschulen, von Dr. C. M. Evers. 1864. (Учебникъ неорганической химіи для преподаванія въ реальныхъ училищахъ, К. М. Эверса).

LITERATUR UND CULTUR DES XIX JAHRHUNDERTS, von Dr. I. I. Hoegger. 1865. (Литература и культура XIX вѣка, I. Гонегера).

L. A. SONNKE'S Sammlung von Aufgaben aus der Differential und Integralrechnung. 3 Auflage, herausgegeben von Pr. Dr. Edward Heis. 1865.

(Собрание задачъ изъ дифференціального и интегральнаго исчисленія Л. А. Зонке, изданное Эдуардомъ Гейсомъ).

SPINOZA. Sein Lebensbild und seine Philosophie, von J. B. Lehmann. 1864. (Спиноза. Его біографія и философія, I. B. Лемманса).

SYSTEM DES ERBRECHTS NACH HEUTIGEM RÖMISCHEN RECHT, von Pr. Dr. Aug. Teweß. 1864. (Система наследственнаго права, Ав. Тевесса).

VORSCHULE DER VÖLKERKUNDE UND DER BILDUNGSGESCHICHTE, von Dr. Loy. Diefenbach. 1864. (Приготовительныя свѣдѣнія о народахъ и исторіи образованія, Л. Дифенбахъ).

ZUM THIER- UND KRÄUTERBUCHE des meklenburgischen Volkes, 3 Heft. Von Dr. Karl Schiller. 1864. (О мекленбургскихъ животныхъ и растеніяхъ, К. Шиллера).

CAPTAIN HERBERT: a Sea Story. 1865. (Капитанъ Гербертъ: морской разсказъ).

EAST AND WEST, a diplomatic History of the Annexation of the Jonian Islands to the Kingdom of Graece, by Stenafos Xenos. 1865. (Востокъ и Западъ, дипломатическая исторія присоединенія Ионическихъ острововъ въ Греціи, Стенафоса Ксеноса).

THE EAST AND THE WEST: our Dealings with our Neighbours, Essays by different Hands. 1865. (Востокъ и Западъ: наши сношенія съ нашими сосѣдями, опыты разныхъ писателей).

THE FINE ARTS AND CIVILIZATION of ancient Ireland, by Henry O'Neill. 1865. (Изящныя искусства и цивилизація древней Ирландіи, Генри О'Нейлла).

FIVE WEEKS' SPORT in the Interior of the Himalayas, by Capt. H. V. Mathias. 1865. (Охота впродолженіе пяти недѣль въ Гималайскихъ горахъ).

GRACE CLIFFORD, a NOVEL, by H. Bouverie Pigott. 1865. Грессъ Клиффордъ, романъ Г. Буверіи Пиготтъ).

HISTORIC PICTURES, by A. Baillie Ochrane. 1865. (Историческія картины, А. Б. Кохрана).

THE HISTORY OF THE REFORMATION of the Church of England, by Gilbert Burnet. 1865. (Исторія преобразованія англійской церкви, Ж. Бюрнета).

A HISTORY OF THE COMMONWEALTH OF FLORENCE, by Adolphus Trollope. 1865. (Исторія флорентійской республики, А. Троллопа).

MYSTIFICATIONS, by Clementina Stirling Grahame. 1865. (Мистификаціи, К. С. Грэмъ).

PRACTICAL CHEMISTRY, by Stevenson Macadam. 1865. (Практическая химія, Стевенсона Макадама).

A TREATISE ON DRILL AND MANOEUVRES of Cavalry combined with Horse Artillery, by Major-General M. W. Smith. 1865. (Трактатъ объ ученіи и маневрахъ кавалеріи вмѣстѣ съ конной артиллеріею, генералъ-маіора М. В. Смита).

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

Для скрипки съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

MARD. Les maitres classiques du violon. Collection de morceaux choisis. № 1. Sonate (Follia) par Corelli, op. 5. 1 r. 75 c.; № 2. Sonate (№ 6) par J. Séb. Bach 2 r.; № 3. Trille du diable. Sonate par Fartini 1 r. 75 c.; № 4. Sonate (le tombeau) par Leclair 1 r. 45 c.; № 5. Divertimento. Duo *pour violon seul* par. Stamitz 85 c.; № 6. Concerto (№ 24) par Viotti 3 r.; № 7. Sonate № 8. Sonate par W. A. Mozart 2 r.

— № 8. Fantaisies faciles, op. 39. № 1. L. Gazza Ladra. № 2. Donizetti. L'élisire d'amore. № 3. Adam. Le Chalet. № 4. Rossini. Le Barbier de Seville. № 5. Bellini. Norma. № 6. Donizetti. La fille du régiment. № 7. Bellini. Les Puritains. № 8. Bellini. La Sonnambula. à 1 r.

BAZZINI, A. L'absence. Mélodie, op. 22. 1 r.; La Calma. Sérénade 85 c.; Réverie 1 r. 30 c.; Calabrese 1 r. 75 c.; № 6. Morceaux lyriques. № 1. Elégie 1 r. 15 c.; № 2. La Joie. № 3. Le Muletier à 1 r. 45 c.; № 4. Bavardage. № 5. Rêves de bonheur à 1 r. 15 c.; № 6. Boléro 1 r. 45 c.; Le Carillon d'Arras. Air flamand, op. 36. 2 r.; Concerto militaire, op. 42. 2 r. 60 c.

BÉRIOT, Ch. de. 7-e Concerto, op. 76. 3 r.; Premier guide du Violiniste, 20 Etudes mélodiques, faciles et progressives. Op. 77. Cahier 1 et 2 à 1 r. 45 c.; 11-me Air varié en La mineur, op. 79. 1 r. 75 c.; Etude de salon, op. 85 bis. 1 r.; 12-me Air varié, en Ré majeur, op. 88. 2 r. 30 c.; 8-me Concerto en Sol majeur, op. 99. 3 r. 45 c.; Fantaisie ou Scène de Ballet, op. 100. 2 r. 30 c.; Les trois Bouquets, 3 Fantaisies, op. 101. № 1, 2, 3 à 1 r.; 9-me Concerto en La mineur, op. 104. 2 r. 30 c.; 2-me Fantaisie-Balet, op. 105. 2 r. 30 c.; Andante-Caprice, op. 108. 1 r. 75 c.; 2 Fantaisies sur des thèmes russes № 1. 1 r. 15 c., № 2. 1 r. 45 c.; Grande Fantaisie, op. 115. 2 r. 30 c.; 12 Mélodies italiennes, en 3 Suites à 1 r. 15 c.; 36. Etudes mélodiques, en 6 Suites à 1 r. 45 c.

- DAVID, F., 12. Salon-Stücke, op. 24. Heft 1, 2, 3 à 2 r. 30 c.
 HAUSER, M., 6 Morceaux de salon, op. 39. Liv. 1, 2, 3 à 1 r. 15 c.
 JANSA, L. Der junge Opernfreund. (Neue Folge), op. 75. № 1.
 Meyerbeer: Hugenotten. № 2. Auber: Stumme von Portici.
 № 3. Mozart: die Hochzeit des Figaro. № 4. Meyerbeer:
 Robert der Teufel à 1 r.
 JOACHIM, J. Concert (in ungarischer Weise), op. 11. 7 r. 45 c.
 KISSNER, Ch. 4 Mazurkas, op. 17, de Chopin 1 r. 45 c.; Nocturne,
 op. 55. № 1, de Chopin 85 c.
 LÉONARD, H. Concert-Stück (4-me Concerto), op. 26. 2 r. 30 c.;
 Prière à la Madonne 85 c.
 LICKL, C. G. 84 Étüden von J. B. Cramer, mit illustrirter Violin-
 Begleitung, Cah. 1, 2, 3, 4 à 1 r. 30 c. *Net.*
 LIPINSKI, Ch. Concerto militaire, D-dur, op. 21, genau bezeichnet
 von F. David. 1 r. 75 c.
 LOTTO, J. Fileuse. Romance sans paroles, op. 8. 2 r.
 SIEBMANN, Fr. 4 Romanzen, op. 31. 1 r. 45 c.
 SINGELÉE, J. B. L'Elisire d'amore. Fantaisie, op. 96. 1 r. 45 c.
 VIEUXTEMPS, H. Souvenirs de Russie. Fantaisie, op. 21. 1 r.
 75 c.; Bouquet américain. Mélodies populaires, op. 33, série
 1, 2 à 2 r. 30 c.; Haus-Mährchen, op. 34. № 1, 2 à 1 r. 45 c.
 № 3, 1 r. 75 c.; Halka. Scène et romance de l'opéra de
 Moniuszko 1 r. 15 c.
 WICHTL, G. 6 Petits morceaux, op. 51. № 1 à 6 à 1 r.

Для одного фортепьяно.

DREYSCHOCK, A. Elégie op. 138.	85 c.
LEWY, Ch. Le 12 Avril, Méditation.	75 c.
ВИЛЬМЪ, Н. фонъ. Траурный маршъ.	75 c.

- CRAMER, H. Bouquet de Mélodies de l'Africaine de Meyerbeer
 1 r. 85 c.
 KETTERER, E. «L'Africaine», Fantaisie de Salon. 1 r. 50 c.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *естъ музыкальнныя со-
 чиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя* или объявленныя
 въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе вотъ на три руб. сер.,
 получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проц.; на
 десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, промѣ-
 того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ
 исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

60 КОП. ВЪ МЪСЯЦЪ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ.

БИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ **К. ТРУБНИКОВА.**

Подписка принимается *на столько мѣ-*
сяцевъ, на сколько кто пожелаетъ, съ 1-го
и 15-го числа каждаго мѣсяца: въ конто-
рахъ редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и
„Вечерней Газеты“, въ *С.-Петербургѣ,* на
Конногвардейскомъ бульварѣ, въ домѣ
Мельникова № 11, и въ *Москвѣ,* на Твер-
скомъ бульварѣ, въ домѣ княгини Ухтом-
ской, а также въ конторѣ „С.-Петербург-
скихъ Полицейскихъ Вѣдомостей.“

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1865

І Ю Н Ъ

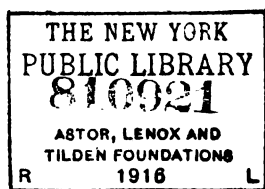
КНИЖКА ПЕРВАЯ

	СТР.
I. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЦОВЫ. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть четвертая. Заключенники. Главы XII—XVII. В. В. Крестовскаго</i>	335
II. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМІИ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ. <i>Статья вторая и послѣдняя. Д. В. Шатилова</i>	365
III. О ДАНТЕ. По поводу шестисотлѣтняго юбилея. <i>Статья вторая и послѣдняя. М. Пинто. Профессора с.-петербургскаго университета.</i>	391
IV. СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛИЯ. Повѣсть. Главы I—V. В. П. Авенариуса	422
V. ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Записки ЭРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО. Переводъ съ итальянскаго. (<i>Окончаніе</i>)	456
VI. ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ. <i>Статья вторая. «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности».</i> Изданіе второе. 1865 года. П. И. Соловьева	468
—	
VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. Мексиканскій вопросъ.....	139
VIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Иностранная литература. Новыя книги англійскія, нѣмецкія и французскія. — II. Русская литература.....	147 198
IX. КУРЬОЗЫ.....	208

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. А. КРАВЦОВАГО (Литейная, № 88).

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть четвертая.

ЗАКЛЮЧЕННИКИ.

XII.

Въ следственной камерѣ.

Мы въ следственной камерѣ. Обстановка извѣстна: это — обстановка любого присутственнаго мѣста средней руки. Комнаты, оклеенныя неопредѣленнаго цвѣта обоями, шкафы съ бумагами, столы съ кипами дѣлъ и геморoidalными чиновничьими фizioноміями, три-четыре солдата въ каскахъ и съ ружьями, подлѣ темныхъ личностей съ сѣро-затхлымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ которыми читатель познакомился уже въ «длинномъ домѣ»; затѣмъ — всякаго званія и состоянія люди обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, отъ воронки и нищенки до элегантнѣйшаго, великосвѣтскаго денди... Тутъ поэтъ смѣло бы могъ воскликнуть :

Какая смѣсь одеждъ и лицъ
Племенъ, нарѣчій, состояній!

И все это ждетъ очереди своего дѣла, все это притянуто къ слѣдствію: иной — какъ истецъ, другой — какъ отвѣтчикъ, третій — какъ свидѣтель, всѣмъ есть мѣсто, до всѣхъ есть дѣло.

Вводятъ изъ передней комнаты мужичонку, въ арестантскомъ сѣромъ востужѣ. Мужичонка на видъ — маленькаго роста; волосы каштановаго цвѣта, длинные, взбитые въ безпорядкѣ; безусое и безбородое лицо добродушно до того, что выраженіе его переходитъ даже во что-то дѣтское, безпечное, во что-то безконечно невинное и свѣтлое.

Т. CLX. — Отд. I.

23

— Кто таков? раздаётся голосъ слѣдователя.

— Изъ господскихъ... робко начинается, озираясь по угламъ, мужичонко.

— Какъ зовутъ, сказывай; какой губерніи, уѣзда какого? подшептываетъ ему сзади вольнонаемный писецъ, стоящій тутъ для того, чтобы выслушать допросъ и послѣ записать показаніе со словъ мужичонки.

— Брестыанинъ... Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда, Иванъ Марковъ, поправляется мужичонко, однако все еще робкимъ голосомъ.

— Сколько лѣтъ? спрашиваетъ слѣдователь.

— Двадцать-три.

— За что взять?

— Милостыньку просилъ, вашеско благородіе.

— По какому виду живешь?

Мужичонко заминается и молчитъ, уставя въ слѣдователя свои глаза, которые при этомъ вопросѣ вдругъ сдѣлались глупыми, бессмысленными и какъ-бы ровно ничего непонимающими изъ того, что спрашиваютъ у нихъ обладателя. Вообще, видно, что послѣдній вопросъ слѣдователя больно ему непонутру.

— Что жъ молчишь-то? или *безъ глазъ ходишь?* (*)

Мужичонко при этомъ вопросѣ вздрагиваетъ, и словно очнувшись отъ забытья какаго-то, встряхивается всѣмъ тѣломъ.

— Ну, что же? точно? безъ глазъ?

— Есть воля ваша, вашеско благородіе!

— На исповѣди и у святаго причастія бываешь?

— Нѣ, не бываю...

— Почему такъ?

— На исповѣдь не ходилъ — потому раскаяваться нѣ въ чемъ, значить, коли пашпорта нѣтъ.

— Такъ что жъ, что нѣтъ?

— Да какъ же безъ пашпорта каяться-то? знамо дѣло, безъ пашпорта и каяться нельзя.

— Зачѣмъ въ Петербургъ пришелъ?

— На заработки пришелъ... А какъ вышелъ срокъ пашпорту, домой собрался, продолжалъ арестантъ, немного пріободрившись и оправившись отъ перваго смущенія. — Двадцать-пять рублевъ

(*) *Безъ глазъ ходитъ* — безъ паспорта; *темной глазъ* — фальшивый паспортъ.

денегъ имѣлъ, да на серскасѣльской машинѣ украли и мѣшокъ, и деньги — я тамъ жилъ, значить... Ну, домой вернуться не съ чѣмъ — я такъ и остался...

— И давно безъ паспорта?

— Поболѣ года уже... да годъ по пашпорту жилъ.

— Женатъ, или холостъ?

— Женатъ... жену въ деревнѣ оставилъ...

— Какъ же она тамъ безъ тебя живетъ? поди, чай, избалуется?

— А пусть ее балуется!

Этотъ отвѣтъ немало изумляетъ слѣдователя.

— Ну, конечно, это твое дѣло!... Какъ же ты безъ глазъ-то больше года прожилъ? Чѣмъ занимался?

— Въ поденной работѣ жилъ... Тò у того, тò у другого хозяина, пока держали; гдѣ день, гдѣ два, а гдѣ и недѣлю — такъ вотъ и жилъ.

— А милостыню зачѣмъ сталъ просить?

— А вотъ — лѣтось жилъ я у хозяина на обводной канавѣ; порядимшись были дрова въ Берендакѣ на лѣсной дворъ таскать; да заболѣлъ я тутъ. Хозяинъ не сталъ держать на фатерѣ; говорить: «помрешь, пожалуй, а мнѣ съ тобой и тягайся тогда! — иди, благо, куда знаешь!...» Ну, я и пошелъ...

— Куда же пошелъ-то?

— А въ кусты...

— Какъ въ кусты?

— А такъ, въ кусты... за московскую заставу — тамъ и жилъ, въ кустахъ тѣхъ.

— Больной-то?

— Да, нездоровый; такъ и жилъ.

— А ночеваль-то гдѣ?

— А все тамъ же, въ кустахъ... былъ на мнѣ зипунчикъ таковой въ тѣ поры; такъ вотъ имъ-то прикроешься отъ холоду, и спишь-себѣ.

— А кормился гдѣ и какъ?

— Да ѣсть-то въ ту пору очень мало хотѣлося мнѣ... Ну, деньжата коѣ-какія пустышныя были; выйдешь на дорогу — тамъ лавочка была — купишь себѣ булочку да и кормишься день, а ино и два... А тò вотъ тоже травкой питался...

— Какою травкой?

— А кисленькой... Травка такая есть... шавелѣгъ прозываетъ.

ся—ею и питался... Ну, а тамъ ягода поспѣвать стала—такъ йно вотъ ягоды, алибо листовъ тамъ разныхъ пощиплешь—ну, и ѣшь-себѣ...

Мужичонко на минуту приостановился и о чемъ-то грустно раздумался.

— А потомъ въ здоровѣ чѹточку поправился, продолжалъ онъ: — вышелъ изъ кустовъ, только въ силу еще не взомель—работать не могъ и мѣста не сыскалъ себѣ — по той причинѣ и милостыню сталъ просить.

— И долго въ кустахъ ты прожилъ?

— Да за полтора мѣсяца прожилъ-таки—не очень долго!

— И ты не врешь, братъ?

Мужичонко остался очень удивленъ этимъ послѣднимъ вопросомъ: Дѣйствительно, онъ рассказывалъ все это столь просто-душно и съ такою дѣтски-наивною откровенностью, что трудно было тутъ подмѣтить неискренность и ложь.

— Пѹшто врать! заговорилъ онъ на вопросъ слѣдователя: — а долдонъ со всѣмъ усердіемъ открываться; какъ это было, такъ и рассказываю... Ужь соблаговолите, ваше благородіе, отправить меня на родину! прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія. — Надоскучило мнѣ тутотко безъ глазъ-то мотаться... Дома отецъ, алибо мѣръ хотъ и всплюють сотню — другую, а все же оно легче, потому—дѹма; значить, въ своей сторонѣ. А чужая сторона, какая она?—безъ вѣтру сушить, безъ зими знобить.—Ужь это само послѣднее дѣло!

И мужичонку уводятъ въ другую комнату — записывать его показаніе, а на мѣсто его появляются двѣ новыя личности.

— А!... божиі страннички, мѣрскіе ходебщики! добро пожаловать! опривѣтствовалъ вошедшихъ слѣдователь.

Тѣ по поклону.

Одинъ изъ нихъ — ражій, рыжебородный, длинноволосый и сопящій мужичина, въ послушническомъ подрясникѣ, съ чернымъ стальнымъ обручемъ вмѣсто пояса. Другой — нѣчто ползущее, маленькое, низенькое, горбатенькое и на видъ очень несчастненькое и смиренное. Вползло оно, вмѣстѣ съ ражимъ своимъ сотоварищемъ, и забилось въ уголь, какъ ѣжъ, откуда подозрительно поводило своими глазками, словно тараванъ, усиками.

Читатель, конечно, узналъ уже обоихъ.

— Кто таковъ? обратился слѣдователь съ обычнымъ форменнымъ вопросомъ къ Ѳомушкѣ блаженному.

— Кто? Я-то?

— Да, ты-то!

— Самъ по себѣ! отрывисто прожамкалъ блаженный, съ нахальствомъ глядя своими быстрыми, плутовскими глазами прямо въ глаза слѣдователю.

— Вижу, что самъ по себѣ; да каковъ ты человѣкъ-то есть?

— Божій.

— Всѣ мы божьи; а ты мнѣ объявись, кто ты-то собственно?

— Я-то?

— Да, ты-то!

— Я — птица.

— Гм... вотъ оно чтò!... Какая же птица?

— Немалая!...

— Однако, какая же?

— Да высокаго-таки полѣта...

— А какого бы, желательно знать?

— А по крайности будетъ—соколиного...

— Ого, какъ важно!... Ну, такъ вотъ, ваша милость, желательно бы знать чинъ, имя и фамилію.

— Чью фамилію, мою?

— Ну, разумѣется!

— У меня фамилія важная...

— Тѣмъ-то вотъ оно и интереснѣе.

— Да антересь — не антересь, а только важная. При всѣхъ постороннихъ не объявлюсь, а на секретѣ — пожалуй, ужъ такъ и быть, уважу!

— Ну, это, положимъ, вздоръ вы изволите говорить. А вы, мой милый, безъ штукъ: фамилія!

— Сказано разъ, что важная... А впрочемъ—ну ихъ! пушай всѣ знаютъ! тотчасъ же раздумалъ блаженный.

— Вотъ этакъ-то лучше!... Ну, такъ какая же?

— Князь Воротынскій! дерзко и громко брянулъ Омушка, и съ самодовольствіемъ окинулъ глазами всю комнату, какъ-бы желая поглядѣть, какой это эффектъ произвело на присутствующихъ.

— Ну, а паспортъ вашъ гдѣ, князь Воротынскій? съ улыбкою допытываетъ его слѣдователь.

— А нешто у князьѣвъ есть пашпортъ? съ увѣренностью стойкаго и законнаго права вздумалъ вдругъ авторитетно диспутировать Омушка, заложивъ руки за спину. — Насъ каждый знаетъ! Какіе у насъ пашпортъ? Никакихъ такихъ пашпортѣвъ мы не знаемъ,

да и знать не должны! Мы страннымъ житіемъ занимаемся, потому какъ мы это самое странное житіе возлюбили, такъ по немъ и ходимъ...

— Ну, а товарищъ-то твой, спросилъ слѣдователь, кивнувъ головой на ежа, врестившагося и копошившагося въ углу:— тотъ ужъ вѣрно тоже князь?

— Это ужъ пуцай онъ самъ объявляется, отвѣтилъ странникъ, лихо встрахнувъ своею рыжею гривой и отступилъ въ сторону, какъ человѣкъ сознающій, что вполне повончилъ свое дѣло и ждать отъ него больше нечего. Омушка явно билъ на изображеніе изъ себя юродиваго, сумасшедшаго, не безъ основанія полагаая, что это поможетъ ему отъ бѣды отвергѣться.

— Ну, отвѣчай, кто таковъ? слѣдуетъ тотъ же вопросъ къ горбату ежу.

— Господи Исусе!... слышится изъ угла, вмѣсто отвѣта, какой-то свистящій фистуловый шопоть, причемъ искалеченная рука какъ-то тревожно и торопливо мотается, творя крестное знаменіе.

— Да отвѣчай же, кто таковъ? понукая, подсказываетъ ему рядомъ стоящій писецъ.

— Не знаю, батюшко, не могу знать совѣмъ, скорбно отвѣтствуетъ ежъ.

— Ну, а имя какъ? допрашиваетъ слѣдователь, котораго, очевидно, развлекательнымъ образомъ занимають эти два интересные субъекта.

— Не знаю, батюшко, ничего не знаю... Люди зовуть Касьянчикомъ-старчикомъ, а самъ я не знаю; не знаю, отецъ мой... Господи Исусе!...

И опять та же исторія.

— Такъ не знаешь, какъ тебя зовутъ?

— Не знаю, батюшко, запоматовавъ!... Вотъ-те-Христось — запоматовавъ!

— Говоришь, что Касьяномъ? а?

— Сказываютъ людишки добрые, что надо быть Касьяномъ, сказываютъ, словно бы такъ, родненькій...

— А можетъ, и не Касьяномъ, а по другому какъ? играетъ съ улыбкой слѣдователь.

— Можетъ, и не Касьяномъ, родимый, все можетъ! охотно соглашается старчикъ: — можетъ, и по другому какъ, а мы обѣзфимъ безвѣстны... безвѣстны, родненькій!...

— На исповѣди и у святаго причащенія бываешь?

— Бываю, батюшко, бываю, четырежды въ годъ бываю... По монастырямъ все больше, по монастырямъ, отецъ мой...

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— Не знаю, отецъ мой, ничего не знаю. И гдѣ хрещѣнъ, и гдѣ рождѣнъ—и того не знаю!

А на видъ старчику лѣтъ окодо пятидесяти, если не больше.

— Гдѣ же ты проживалъ, чѣмъ занимался? Этого не упомянешь ли?

— Ничего не помню, родненькій, ничевошеньки! А вотъ съ измалѣтствія, какъ себя только запомню, такъ все больше по монастырямъ, да по обителямъ честнымъ въ странномъ житіи подвизался—а что до всего остального—ничего не помню...

— Ну, а какъ же вы, голубчики, за всеношной, на паперти у купца Верхобрюхова изъ кармана бумажникъ вытащили? Какъ онъ у тебя очутился за пазухой, да какъ его тебѣ товарищъ твой — его-то сіятельство, передалъ? Это какъ случилось, расскажи-ка ты мнѣ?

— Ничего не знаемъ, родители вы наши, ничевошеньки!... Это все по извѣту злыхъ людей, отъ діавола, иже плевелы посылаетъ, внушенному на насъ, странныхъ людей, честнымъ и сподобливымъ житіемъ изувращенныхъ.

— Ого, какимъ внижникомъ заговорилъ!... Впрочемъ, другъ любезный, вѣдь ничего не подѣлаешь: свидѣтели есть... съ личнымъ пойманы.

— Ничего не знаемъ, ничевошеньки, отецъ мой! А что если жесвидѣтельствовать—такъ это можно! И супротивъ апостоли—элины нечестивіи жесвидѣтельствовали; такъ это намъ же душѣ своей ко спасенію... А мы, какъ есть ничего, и знать не знаемъ, и вѣдать не вѣдаемъ — хоть подъ присягу святую идти!

— Да какъ же бумажникъ-то за пазухой вдругъ очутился?

— Золъ человекъ подсунулъ, нарочито подсунулъ, по злобѣ своей лютой; чтобы насъ-то странныхъ людей, лихой пагубой погубить. Я знаю, кто и подсунулъ-то: это молодецъ Верхобрюховскій, приващикъ его, съ нимъ рядомъ выходилъ, и пока, значить, его степенство милостыню честную творилъ намъ, молодецъ мнѣ и сунъ—толпа-то вѣдь большая—а самъ и схватилъ за меня съ товарищемъ злупѣ, а товарищъ-то мой—христа-ради юродивый, блаженный, онъ и воды не замутитъ объ оную пору, не токма что... А теперь этотъ самый молодецъ жесвидѣтелемъ

супротивъ насъ поставленъ. Онъ мало ли чего наскажетъ! потому у него супротивъ насъ—злоба—злоба, родитель мой, люта!

Такимъ образомъ Омушка, въ качествѣ сумасшедшаго, сопитъ да отмалчивается, а Касьяничъ-старчикъ, не видя на всѣ очевидности, упорно стоитъ на своемъ «ничевошеньки» и дѣлаетъ отводъ свидѣтеля, потому знаетъ и вѣдаетъ онъ, что съ помощію этихъ двухъ закорюкъ—пусть будетъ дѣло ясно, какъ дважды-два-четыре—онъ все-таки выйдетъ сухъ изъ воды.

Начинается затѣмъ очной сводъ со свидѣтелями кражи, при чемъ конечно обѣ стороны остаются при своихъ показаніяхъ.

На сцену выступилъ привезенный изъ тюрьмы, для неоднократно повторяющихся допросовъ, Иванъ Вересовъ и съ нимъ—Осипъ Грѣчка, который пока еще содержался при части, въ секретной. Грѣчка не отступался отъ первыхъ своихъ показаній, данныхъ при составленіи полицейскаго акта, на мѣстѣ преступленія. Онъ все еще надѣялся, что Морденко одумается, что въ немъ прорвется кровное чувство отца, которое не допуститъ его довести дѣло до уголовной палаты. А Морденко межъ тѣмъ упорно стоялъ на своемъ убѣжденіи въ виновности Вересова, доказывая, что онъ давно уже подозрѣвалъ въ «пріемномъ сынѣ своемъ» злостные умыслы противъ себя, что этотъ пріемный сынъ всегда былъ грубъ, дерзокъ, непочтителенъ и безнравственъ.

Показанія свидѣтелей, точно такъ же, говорили далеко не въ пользу Вересова—все это составляло явныя улики противъ него, такъ что для окончательнаго обвиненія не доставало только собственнаго сознанія его въ преступленіи.

Слѣдователь рѣшительно становился въ тупикъ. Съ одной стороны, эта полная гармонія въ показаніяхъ бухарки Христини Ютсолла, домоваго дворника и мелочнаго сидѣльца, подкрѣпляемая «чистосердечнымъ» сознаніемъ самаго Грѣчки и доводами Морденки, казалось, ярко указывала на слѣдующее очевидныя тѣсныя сношенія молодого человѣка съ преступникомъ, а слѣдственно и на участіе его въ преступномъ замыслѣ. Съ другой же стороны, одинъ взглядъ на честное, открытое лицо обвиненнаго, на ту неподдѣльную искренность, которая звучала въ его словахъ, на ту кроткую, безропотную покорность, съ

которой склонялся онъ передъ постигшей его бѣдой—невольно поселяли въ душѣ слѣдователя какое-то безотчетное убѣжденіе въ его невинности. Онъ свелъ его на очную ставку съ Зеленьковымъ—Зеленьковъ показалъ, что хотя и видалъ Вересова раза два у Морденки, въ прежнее еще время, но что онъ, сколько ему извѣстно, въ замыслѣ на убійство не участвовалъ—даже имени его почти не было произнесено въ Сухаревкѣ, гдѣ происходила при Зеленьковѣ первая стачка. Слѣдователь думалъ-было ухватиться за это показаніе, видя въ немъ фактъ, говорящій въ пользу обвиненнаго; но все-таки долженъ былъ тотчасъ же придти къ убѣжденію, что показаніе Зеленькова, при настоящемъ положеніи дѣла, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, такъ-какъ по его словамъ первая сухаревская стачка происходила въ пятницу, а Грѣчка наставлялъ на томъ, что встрѣтятся случайно съ Вересовымъ, держалъ съ нимъ уговоръ въ субботу, и уговоръ этотъ держалъ внизу, на лѣстницѣ Морденкиной квартиры. Спросили еще у Зеленькова, упоминалъ ли Грѣчка имя Вересова въ субботу, когда послѣ заклада жилетки, вернулся въ Сухаревку, доложить о своей ревогноспировкѣ?—Оказалось, что не упоминалъ. Но и это обстоятельство могло только указывать на возможность того факта, что Грѣчка нашелъ болѣе удобнымъ и выгоднымъ для себя сдѣлать преступленіе въ сообществѣ Вересова, чѣмъ въ сообществѣ Оомки блаженнаго и Зеленькова—поэтому, быть можетъ, онъ такъ настойчиво и отклонялъ при допросахъ всякую солидарность этихъ двухъ людей съ совершеннымъ преступленіемъ. Такъ думалъ слѣдователь. Грѣчка же, въ сущности, не запутывалъ ихъ потому, во первыхъ, что далъ слово блаженному, въ случаѣ неудачи, принять все дѣло исключительно на себя, а вовторыхъ—если не забылъ еще читатель—онъ, возвращаясь изъ Сухаревки, пришелъ къ соблазнительному заключенію, что лучше одному, безъ раздѣла, воспользоваться плодами убійства, тѣмъ болѣе, что по условію отвѣчать-то все-таки одному придется. Наконецъ доносъ Зеленькова оставался для Грѣчки полнѣйшею тайной: онъ могъ имѣть подозрѣніе столько же на него, сколько и на Оомушку, и на всякаго другого, кто бы какъ нибудь случайно подслушалъ ихъ уговоръ, и потомъ донесъ полиціи. У Грѣчки былъ все-таки своего рода гоноръ, воровской *point d'honneur*: коли ужъ разъ на стачкѣ далъ такое слово, не выдавать—такъ держись, значить, крѣпко этого самаго слова, чтобы и напередъ всякій другой товарищъ вѣру въ тебя имѣлъ.

— Вы соглашаетесь съ показаніями вухарки, дворника и сидѣльца? спрашивалъ слѣдователь у Вересова.

— Вполнѣ.

— Эти показанія почти несомнѣнно доказываютъ ваше прямое соучастіе въ дѣлѣ.

— Я знаю, и ихъ, можетъ быть, достаточно для суда, чтобы приговорить меня, сказалъ Вересовъ съ тѣмъ кроткимъ, покорнымъ спокойствіемъ, которое является слѣдствіемъ глубокаго и безысходнаго горя.—Можетъ быть, меня и дѣйствительно приговорятъ, какъ тяжкаго преступника, добавилъ онъ съ тихой улыбкой, въ которой сказывалась все та же безропотная покорность.

Слѣдователь поглядѣлъ на него съ участіемъ.

— Но, Бога-ради, сообразите, что можете вы сказать въ свое оправданіе! предложилъ онъ.

Вересовъ только пожалъ плечами.

— Я уже сказалъ, какъ въ дѣйствительности было дѣло. Но... у меня вѣдь нѣтъ свидѣтелей; слова мои безсильны... Все—противъ меня.—Что же мнѣ дѣлать?!

Началась очная ставка. Грѣшка съ наглымъ безстыдствомъ, въ глаза уличалъ Вересова въ его соучастіи.

— Что же, другъ любезный, врешь? гдѣ жъ у тебя совѣсть-то, безстыжіе твои глаза? говорилъ онъ, горячо жестикулируя передъ его фізіономіей:—вмѣстѣ уговоръ держали, а теперь на пятный? Это ужъ нечестно; добрый воръ такъ не виляетъ. Вѣдь ты же встрѣнулъ меня внизу на лѣстницѣ?

— Да, подтвердилъ Вересовъ.

— Вѣдь я же сидѣлъ и плакался на батьку-то твоего?

— Да, повторилъ Вересовъ.

— И ты же сталъ меня спрашивать, что это, дескать, со мною?

— Да, спрашивалъ.

— А я же тебѣ говорилъ, что спасите, молъ, меня—съ голоду помираю, съ моста да въ воду броситься хочу?

— Говорилъ....

— А ты мнѣ что сказалъ на это?.. Ну-ка-ся, припомни!

— Я къ отцу позвалъ; сказалъ, что выручу.

— Ну, да! это правильно! Только прежде чѣмъ къ отцу-то звать, ты сказалъ, что выручишь, буде помогу тебѣ ограбить, а не то, добрымъ часомъ, и убить его. Вотъ оно какъ было!

Ты же мнѣ разсказалъ, что и фатера у него завсегда при замкахъ на запорѣ состоитъ, и что деньги онъ при себѣ на тѣлѣ содержитъ.

— Это ложь! горячо вступился Вересовъ.

— А!.. теперь вотъ ложь! перебилъ Грѣчка.—Ахъ, ты Иуда иудейская! Аспидъ ты каинскій!.. Ишь вѣдь святошей-то какимъ суздальскимъ прикидывается, сирота казанская!.. А откуда жъ я могу знать, что деньги-то батька твой въ кожаномъ поясѣ подъ сорочкой носитъ? Кто жъ, окромя тебя, сына евойнаго, сказать бы мнѣ могъ про это?.. Чтò? замолчалъ, небойсь?... Пишите, ваше благородіе, обратился онъ къ слѣдователю:—что остались, моль, оба при своихъ показаніяхъ. — Видите, замолчалъ! Сказать-то ему больше нечего.

Вересовъ отвернулся къ окну, чтобы скрыть отъ постороннихъ глазъ навернувшіяся слезы—тихія, но горькія слезы безъисходнаго, беспомощнаго, придавленнаго горя.

— Чтò же вы скажете на это, Вересовъ? участливо отнесся къ нему слѣдователь.

— Видитъ Богъ—невиновать а!.. Ну, да что жъ... отъ судьбы не уйдешь вѣдь!... съ безнадежнымъ отчаяніемъ махнулъ онъ рукою, и голосъ его не выдержалъ, трепетно порвался. Онъ еще больше отвернулся къ окну, чтобы скрыть свою новую слезу, невольную и жгучую.

— Позвольте мнѣ, ваше благородіе, въ тюрьму! сталъ между тѣмъ проситься Грѣчка: — что жъ меня теперича занапрасно въ секретной держать? я вѣдь во всемъ, какъ быть должно, со всѣмъ усердіемъ моимъ открылся вашему благородію: начальство къ намъ тоже вѣдь навѣщать наѣзжаетъ, я могу начальству сказать, потому лишній народъ, сами знаете, безъ дѣла содержать по частямъ въ секретныхъ не приказано; а я открылся... такъ ужъ, стало быть, позвольте въ тюрьму.

Слѣдователь махнулъ рукою — и конвойный увелъ Грѣчку съ его мнимымъ сотоварищемъ.

Въ тотъ же день черный фургонъ привезъ въ подворотню тюремнаго замка новыхъ обитателей. Это были: Осипъ Грѣчка, Омушка-блаженный и Касьяничъ-старичъ.

XIII.

С Е К Р Е Т Н А Я.

Бероева нескоро пришла въ сознание. Она рѣшительно не помнила, какъ ее увозили изъ ресторана, какъ доставили въ одну изъ частей, какъ на утро, за неимѣніемъ тамъ мѣста, перевели въ другую часть, куда по сдѣланному въ тотъ же день экстренному распоряженію, было отдано для слѣдствія ея дѣло. Все это время мысль ея не дѣйствовала, нервы словно закоченѣли, потерявъ способность впечатлительности; ее не пронималъ ни уличный холодъ, ни спертая, удушливая духота женской сибирки, гдѣ она очутилась на нарѣ, въ обществѣ уличныхъ воровокъ, нищенокъ, самыхъ жалкихъ распутницъ и пьяныхъ бабъ, подобранныхъ на панели. Она глядѣла, дышала и двигалась, какъ автоматъ, вполне машинально, вполне безсознательно; ни въ одномъ взглядѣ ея, ни въ одномъ вздохѣ, ни въ одномъ движеніи не промелькнуло у нея ничего такого, что бы напомнило хоть легкую тѣнь какой-либо мысли, хотя бы малѣйшій признакъ отчетливаго сознанія и чувства. Душа и мысль ея были мертвы, скованы какою-то летаргіей—одно только тѣло не утратило способности жить и двигаться.

Очнулась она уже «въ секретной», послѣ долгаго, мертвецкаго сна, который одолѣлъ ее всею своей тяжестью, побѣдивъ наконецъ это болѣе чѣмъ суточное, напряженно-закоченѣлое состояніе.

Секретныя по частямъ отличаются видомъ далеко непрезентабельнымъ. Это обыкновенно—узкая комната, сажени въ полторы длиною, да около сажени въ ширину, съ рѣшотчатымъ, тусклымъ окномъ и кислымъ нежилымъ запахомъ. Мало свѣту и мало воздуху, а еще меньше простору: пройтись, расправить кости, размять члены свои ужъ рѣшительно негдѣ, потому на полуторасаженномъ разстояніи небольшо-то разгуляешься.

Бероева смутно очнулась и оглядѣлась вокругъ. Сѣроватый и словно сумеречный полусвѣтъ западалъ въ ея окошко. Передъ нею стоялъ убогій столикъ, грязный, пыльный, богъ-вѣсть съ которыхъ поръ немытый и нескобленный. Тутъ же кружка съ водою, на поверхности которой тоже плавала пыль да утонувшая муха. Въ углу стояло ведро подъ стѣннымъ умывальникомъ—и

эти предметы, за исключеніемъ постели, составляли все убранство секретной.

Бероева чувствовала какую-то усталость и ломъ въ костяхъ, и жгучій зудъ по всему тѣлу. Она оглядѣла себя и свое ложе—убогую деревянную кровать съ грязной подстилкой, съ соломеннымъ мѣшкомъ вмѣсто тюфля и такую же подушкой. Брезгливое содраганіе невольно передернуло ея члены, когда увидѣла она то, что служило ей изголовьемъ.... Міриады насѣкомыхъ, клоповъ и даже червей какихъ-то повисыпали сюда изъ своихъ темныхъ щелей, почувавъ съ голоду новую и свѣжую добычу. Она стала прислушиваться—все тихо, глухо, не слышать ни говора, ни отголосковъ уличной жизни; только крысы пищать да вояться за печкой. Одна изъ этихъ подпольныхъ обитательницъ торопливо пробѣжала по полу и вильнула чешуйчатымъ хвостомъ, мгновенно улизнувъ подъ половицу, въ свою маленькую норку.

Съ нервическимъ трепетомъ поднялась она съ кровати и толкнулась въ дверь; но плотно запертая, крѣпкая дверь даже и не шелохнулась отъ ея толчка—словно бы толчокъ этотъ пришелся въ каменную стѣну. Она постучалась еще, и на этотъ разъ послабѣе—отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ, и все попрежнему тихо да глухо. Бероева тоскливо прошла по своей тюрьмѣ—подъ ея ступней слегка скрипнула половица—и пискливая возня за печкой, казалось, будто усилилась отъ этого скрипу да отъ ея шаговъ, нарушившихъ тишину карцера. Изъ подполья снова выглянула большая рыжая крыса, и словно котенокъ, нетрусливо проползла до середины комнаты, понюхала воздухъ, поводила усиками, и спугнутая новымъ движеніемъ арестантки, шмыгнула въ темноту, подъ ея кровать, гдѣ и скрылась уже безвозвратно.

Бероева смутно сообразила теперь свое положеніе, собрала свои мысли, на сколько это было возможно въ ея состояніи, вспомнила все, что случилось съ нею—и тутъ-то, при этомъ страшномъ воспоминаніи, которое въ сущности и было для нея прямымъ, настоящимъ пробужденіемъ, возвратомъ въ дѣйствительной жизни, при видѣ всей этой мрачной, отвратительной обстановки, которая, словно могила, оковала ее своей безжизненностью въ настоящую минуту—на нее напалъ какой-то ужасъ, почти инстинктивно разразившійся невольнымъ, отчаяннымъ крикомъ. Она судорожно и что есть мочи стала колотиться въ дверь, не переставая кричать ни на минуту—и чрезъ нѣсколько

времени надзирательская форточка отворилась. Въ ней показалося апатичное лицо полицейскаго солдата.

— Чего орешь-то? что надо? кажись, все вѣдь есть, по порядку! просипѣлъ онъ крайне недовольнымъ тономъ.

— Пусти меня, пусти, Бога-ради! кричала она, совсѣмъ почти обезумѣвъ въ этотъ мигъ отъ отчаянія.

— Куда пусти!?... Что ты, чего бьешься-то?

— Дѣти... гдѣ дѣти мои?... Пусти!... Я въ судъ пойду... я къ царю пойду... я скажу ему! все скажу, всю правду!... Отпирай же дверь!...

— Ладно!... нивагъ съ ума спятила... Пусти да пусти, а куда и пушу?... Начальство не велить, съ насъ тоже выяснять будутъ... Сиди лучше добромъ, коли посадили.

— Да отворишь ли ты, бездушный!

— Какой я бездушный? я не бездушный, а только что намъ неприказано—ну, значить, и нельзя. Вотъ погоди, скоро обѣдъ изъ тюрьмы привезутъ, я-те обѣдать принесу, поѣшь себѣ съ Богомъ; а чего ужъ нельзя, такъ и нельзя!... Не моя воля; а будешь бунтовать—дежурному скажу—ей-Богу скажу! пуцай его самъ, какъ знаетъ, такъ и вѣдается съ тобою!

Бероева съ воплемъ грохнулась безъ чувствъ подлѣ двери.

Солдатъ поглядѣлъ: видать—лежить, не кричить и не дышетъ.

— Экая барыня какая несообразная, проворчалъ онъ, покачавъ головою, затѣмъ кликнулъ подчаска, отомкнулъ дверь—и вдвоемъ перетаскали ее на кровать.

— Вспрысни водой малость—можетъ, и прочухается, а не то дежурному да дохтуру доложить придется, сказалъ онъ подчаску, который исполнилъ все сполна по данному приказанію.

Бероева очнулась—и солдаты снова заперли дверь ея камеры.

Она увидѣла, что ужъ тутъ ничего не подѣлаешь, что это—сила, которая неизмѣримо превышаетъ ея собственныя силы и возможность, которая—Богъ-вѣсть что еще будетъ впередъ—а пока, въ настоящую минуту, давить, уничтожаетъ собою ея волю—и она смирилась въ какомъ-то тупомъ, деревянномъ отчаяніи.

Привезли изъ тюрьмы обѣдъ; а развозятъ его по всѣмъ петербургскимъ частямъ, для содержащихся тамъ арестантовъ, обыкновенно въ продолговатыхъ черныхъ ящичкахъ, куда вставляются сосуды, въ родѣ деревянныхъ коробокъ; въ эти коробки опускаются плотно-закрытые баки съ похлебкой, кладется хлѣбъ, въ

нужномъ количествѣ порцій, и затѣмъ ящики отправляются въ ежедневное свое путешествіе.

Бероева почти и не взглянула на эту холодную, мутно-сѣрую похлебку, которую солдатъ такъ и вынесъ нетронутой изъ ея номера. Голодь побудилъ ее только прожевать нѣсколько комковъ арестантскаго хлѣба, да запить ихъ стоялою водою изъ своей кружки. Да и эта-то пища, при ея тяжеломъ нравственномъ состояніи, показалась горькой и противной.

Въ этотъ день ее никто не тревожилъ, кромѣ добровольныхъ и неофициальныхъ обитателей ея камеры. Начинало темнѣть—и подъ свѣтомъ петербургскихъ сумерокъ, стѣны секретной становились еще мрачнѣй, холоднѣй и непривѣтнѣе. Одинъ только солдатъ полицейскій время отъ времени отмывалъ свою форточку и наблюдалъ, чѣмъ занимается арестантка. Часовъ около семи вечера, когда совсѣмъ уже стемнѣло, онъ принесъ ночникъ, распостранившій новую вонь отъ своей копоти и дрянного деревяннаго масла, и затѣмъ, на всю уже ночь, до утра, замкнулъ на ключъ секретную камеру.

Бероева кое-какъ застала своимъ салопомъ грязную подстилку съ изголовьемъ и, не раздвываясь, легла на свое скрипучее, арестантское ложе, тщетно стараясь какъ нибудь забыться.

Воцарилась опять мертвая тишина и глухое молчаніе. Только изрѣдка потрескивалъ нагорѣлый ночникъ, а въ окно мелкій, зимній дождь барабанилъ; петербургскій вѣтеръ иногда съ каинимъ-то стономъ завывалъ въ трубѣ, да крысы бѣгали по полу и отчетливо грызли зубами половицу... Въ камерѣ сдѣлалось холодно и сыро.

Среди ночи тревожно раздались вдругъ частые удары колокола и поднялся шумъ на съѣзжемъ дворѣ. Въ тишинѣ камеры ясно донесся до нея торопливый говоръ людей, понуканья, возгласы и конскій топоть, затѣмъ, черезъ какія-нибудь пять мнпуть, тяжелый грохотъ многочисленныхъ колесъ, затихавшій мало по малу въ отдаленіи—и все опять смолкло.

Бероева заглянула съ постели въ свое окошко, подняла вверхъ глаза, и увидѣла въ непроницаемой чернотѣ ненастной ночи, какъ на высокой каланчѣ зловѣщіе фонари подымались.

«Пожаръ гдѣ-то въ городѣ», подумала она: «можетъ быть, въ нашемъ домѣ... можетъ, мои дѣти горять»...

И душа ея сжалась мучительной, смертельной тоскою, а фантазія неотвязно и ясно стала рисовать ужасный кроваво-огненный

образъ пожара и двухъ ея малютокъ, задыхавшихся въ ѣдомъ дыму и жаркомъ пламени.

На утро дверь ея тюрьмы отворилась.

— Гдѣ былъ пожаръ? стремительно бросилась она къ вошедшему солдату.

— На Охтѣ... амбары, слышно, какіе-то горѣли, съ обычной апатіей отвѣтствовала сторожъ.

— Слава тебѣ Господи! отлегло у нея отъ сердца.

— Эка баба какая, нашла чему радоваться! замѣтилъ про себя полицейскій, покачавъ головою.

Бероева взглянула за дверь—тамъ, въ коридорѣ, стоялъ солдатъ съ ружьемъ и въ каскѣ. Ее повели къ слѣдственному допросу.

XIV.

ДѢЛО

О покушеніи на убійство князя Шадурскаго женою московскаго почетнаго гражданина Юлією Бероевою.

— Вы—Юлія Николавна Бероева? началъ слѣдователь обычнымъ официальнымъ порядкомъ, съ предварительныхъ формальныхъ вопросовъ.

Арестантка подтвердила.

— Ваше званіе? продолжалъ онъ.

— Жена бывшаго студента.

— Это не составляетъ званія. Кто вашъ мужъ — дворянинъ, купецъ или изъ мѣщанъ?

— Изъ почетныхъ гражданъ.

— Хорошо-съ; такъ и запишемъ. На исповѣди и у святого причастія, конечно, бываете... Подъ слѣдствіемъ и судомъ не состояли?

— Нѣтъ.

— Прекрасно-съ. Теперь я, какъ слѣдователь, долженъ васъ предупредить, что чистосердечное раскаяніе преступника и полное его сознаніе смягчаетъ вину, а потому смягчаетъ и степень самаго наказанія. Фактъ вашего покушенія на убійство князя Шадурскаго засвидѣтельствованъ подъ присягою достаточнымъ количествомъ разныхъ лицъ. Я отобралъ уже показанія отъ прислуги ресторана — и показанія ихъ всѣ до одного совершенно

следятся. Потрудитесь, пожалуйста, объяснить, что именно побудило вас рѣшиться на это убійство?

Краска — быть может стыда, быть может оскорбленной гордости — выступила на лицо Бероевой.

Въ это время кошачьей, мягкой походочкой, приглаживая височки рыженькаго паричка и уснащая физиономію улыбочкой самаго благодушно-богобоязненнаго и сладостнаго свойства, вступилъ въ камеру Поліевтъ Харлампіевичъ Хлѣбонасушенскій. Слива его изображала согбеніе самаго пріятнаго свойства — согбеніе, въ которомъ, однако, кромѣ нѣсколько почтительней пріятности, связывалась еще и подобающая его лѣтамъ солидность, вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ званію и рангу чувствомъ собственнаго достоинства. Онъ очень любезно, какъ знакомому, протанулъ руку слѣдователю, и обратился къ нему съ любезнымъ же ослабленіемъ:

— Вы, кажется, ужъ начали допросъ подсудимой? Извините, что имѣлъ неосторожность прервать... Продолжайте — я вамъ не мѣшаю.

Слѣдователь довольно сухо кивнулъ ему головою изъ-за кнпы бумагъ, а Поліевтъ Харлампіевичъ усѣлся на стулѣ и приготовился слушать. Онъ еще вчерашній день явился въ слѣдственное отдѣленіе съ поклонами о позволеніи присутствовать при производствѣ дѣла.

— Потому его сіятельство князь Шакурскій, по тяжелой болѣзни своей, очень желаютъ знать ходъ причивъ и обстоятельство.

Слѣдователь поморщился, но отвѣтилъ:

— Какъ вамъ угодно.

Бероева собралась съ мыслями, призвала на помощь весь запасъ своихъ силъ и воли, и начала обстоятельный разсказъ о происшествіи. Она не забыла ни визита генеральши фон-Шпилде, явившейся въ образѣ эксцентрической любительницы брильянтовъ, ни своего посѣщенія къ ней на другой день, ни угощенія кофеемъ, ни внезапнаго появленія молодого князя, ни своего страннаго припадка, слѣдствіемъ котораго была беременность.

— Это все очень заманчиво и занимательно, вернулъ свое слово Поліевтъ Харлампіевичъ, съ обычно-пріятнымъ ослабленіемъ: — но юридическія дѣла требуютъ точности. Вы можете подтвердить чѣмъ нибудь справедливость своихъ показаній? у васъ есть факты, на основаніи коихъ вы живописуете намъ?

— У меня есть ребёнок отъ князя, застѣнчиво, но твердо отвѣтила арестантка.

— Какъ же... ребёнокъ... Не гдѣ же доказательства, что это ребёнокъ ихъ сѣятельства? И гдѣ же онъ у васъ находится?

— Это уже, извините, до васъ не касается, сухо обратился къ нему слѣдователь.—Вы можете, пожалуй, наблюдать, сколько вамъ угодно, за правильнымъ ходомъ дѣла; но предлагать вопросы предоставьте мнѣ. Показаніе это слишкомъ важно, и потому извините, если я васъ попрошу на время удалиться изъ этой комнаты.

Полиевкъ Харлампіевичъ закусилъ губу и окислилъ физиономію, однако — дѣлать нечего — постарался скорчить улыбочку и, несолоно похлебавши, съ сокрушеннымъ вздохомъ вышелъ въ смежную горницу.

Бероева сообщила адресъ акушерки, который тотчасъ же и былъ записанъ въ показаніе.

— Кромѣ повивальной бабки зналъ еще ктонибудь о вашей беременности? спросилъ ее слѣдователь.

Подсудимая подумала и отвѣтила:

— Никто. Я отъ всѣхъ скрывала это.

— Какія причины побудили васъ скрывать даже отъ мужа, если вы—какъ видно изъ вашего показанія—были убѣждены, что обстоятельство это есть слѣдствіе обмана и насилія?

Бероева смутилась. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, какими словами, какимъ языкомъ передать въ сухомъ и краткомъ официальном актѣ, вполне вѣрно и отчетливо всѣ тѣ тонкія, неувимыя побужденія душевныя, тотъ женскій стыдъ, ту невольную боязнь за подрывъ своего семейнаго счастья и спокойствія—однимъ словомъ, все то, что побудило ее скрыть отъ всѣхъ обстоятельства беременности и родовъ? Она и сама-то себѣ едва-ли бы могла съ точностью опредѣлить словами всѣ эти побужденія, потому что она ихъ только чувствовала, а не называла. Однако, несмотря на это, Бероева все-таки, по возможности, постаралась высказать эти причины. Обстоятельство съ нашей формальной, юридической стороны, являлось темнымъ, бездоказательнымъ и едва-ли могло служить въ ея пользу.

— Вы хорошо были знакомы съ княземъ? продолжалъ слѣдственный приставъ.

— Нѣтъ, я его видѣла всего только три раза, отвѣтила аре-

станга:—въ первый разъ на вечеръ; гдѣ мнѣ это представилъ, потому у генеральши и, наконецъ, въ маскарадѣ.

— Вы говорите, что написали ему анонимное письмо по совѣту адушера?

— Да, по ея совѣту.

— Хорошо, такъ мы и запишемъ. Если показаніе подтвердится, то обстоятельство это можетъ отчасти послужить потому въ вашу пользу.

Затѣмъ слѣдователь перевернулъ нѣсколько листовъ изъ дѣла, прочелъ какую-то сѣрую четвертушку и снова обратился къ подсудимой:

— Медицинское свидѣтельство говоритъ, началъ онъ, держа передъ собою бумагу:—что нанесены двѣ довольно глубокія раны: одна въ горло съ лѣвой стороны, на полдюйма лѣвѣе отъ сонной артеріи; другая—въ грудь, непосредственно подъ лѣвой ключицею, глубиною около трехъ-четвертей дюйма. Точно ли вы нанесли эти раны, какъ называютъ свидѣтели, нашедшіе васъ съ выскою въ ругѣ?

Бероева слегка поблѣднѣла и выпрямилась. Въ ея глазахъ на мгновеніе мелькнулъ отблескъ гордаго достоинства женщины.

— Да, это правда! съ необыкновенной твердостью проговорила она:—я не отрекаюсь, я дѣйствительно хотѣла его убить—я защищалась отъ новаго насилія.

Слѣдственное дознаніе было все сполна прочтено Бероевой, которая каждый отвѣтъ по предложеннымъ вопросамъ пунктамъ скрѣпила своею подписью, и затѣмъ ее снова увели въ секретную подъ военнымъ ковоемъ.

Полюевкъ Харлампіевичъ, откланявшись слѣдователю, проскользнулъ въ смежную горницу, гдѣ работали вольнонаемные писцы съ «короннымъ» письмоводителемъ, и прокодя мимо стола того субъекта, которому только-что сдано было на руки «для подшитія» дѣло Бероевой, незамѣтно, но многозначительно мигнулъ ему глазкомъ на прихожую.

Субъектъ заглянулъ въ комнату слѣдователя, и видитъ — что тотъ прилежно занялся-себѣ другими спѣшными дѣлами. Вслѣдствіе этого субъектъ потянулся и вздохнулъ, словно бы отъ тяжелой усталости, вынулъ изъ кармана напирску и прошипытулъ

на цыпочкаѣ, съ ресориниъ качаніемъ въ корпусѣ, за дверь слѣдственной камеры, сказавъ мнѣходоуъ писъмоходителю:

— Покурить пойду.

Дока-писъмоводитель только ухмыльнулся, да головой потнулъ: «понимаемъ, могъ!» И точно, онъ понималъ, потому былъ каревый и пареный человекъ, президній огонь и воду и мѣдннн трубы и, по чистой совѣсти, съ гордостію могъ бы назваться «прюйдн-свѣтомъ».

Субъектъ вслѣдъ за Поліевктоуъ Харлампіевичемъ вышелъ на лѣстницу.

— Вы, милый мой, доставьте мнѣ нужную справочку, началъ послѣдній, пожимая руку субъекта, которая опутнла на своей ладони привосновеніе свернутой депозитки.

— Какую прикажете-сь? поклонился субъектъ въ любезно-благодарственномъ родѣ.

— Адресъ акушерки, чтѣ показывала Береева.

— Это могу! И всегда готовъ съ монимъ усердіемъ...

— Да только поскорѣе! Нынче же, какъ кончится присутствіе, такъ прямо во мнѣ и бѣгите. Вотъ вамъ моя карточка: тутъ мѣсто житѣльства обозначено. А я ужъ вамъ буду *еще* благодаренъ.

— Будьте безъ сумлѣнія-сь! успокоилъ субъектъ: — потому я людскую благодарность очень сердцемъ своимъ цѣню и завсегда понимаю... До свиданья-сь!

И въ пяти часамъ въ бумажнигѣ Поліевкта Харлампіевича уже покоился адресъ акушерки, а въ карманѣ субъекта лежала новая синенькая бумажка, въ придачу къ таковой же утренней.

XV.

Семейная горестъ и общее сочувствіе.

Книгиня Татьяна Львовна Шадурская разъягривала роль нѣжной, любящей матери и потому считала нужнымъ раза три въ день просиживать по часу и даже болѣе у изголовья своего сына. Она, по случаю трагическаго проишествія, уже второй день сряду облекала себя въ черное бархатное платье—какъ извѣстно, привлегированный цвѣтъ унынья и печали—и находила, что черныи бархатъ къ ней необиновенно идетъ, сообщая собою всеи фигурѣ ея нѣчто печально-грандіозное, и втайнѣ весьма сожа-

ѣла о томъ только, что возлюбленный рыцарь ея сердца, Владиславъ Карозичъ (Водлевскій тожъ) лишенъ возможности восклицать ея въ этомъ нарядѣ, который столь гарнибировалъ съ унылой блѣдностью лица блекнувшей красавицы. Влѣдность же она устраивала тѣмъ, что въ эти два дня румянъ вовсе не употребляла, ограничась одною пудрой и очень тонкими, дорогими бѣлками. Она находила, что особенно интересна въ то время, когда, облокотясь на ручку кресла, съ такой необычайной нѣжностью и скорбью устремляла томный взоръ свой на лежащаго сына, не забывая почти ежеминутно, съ подобающей граціей подносить изящный флаконъ съ освѣжающимъ спиртомъ къ обвѣмъ поздравъ своего носа. Княгиня, кромѣ шутокъ, любовалась собою въ этой новой для нея роли скорбящей матери, хотя, въ сущности-то, скорбѣть было вовсе не о чемъ, потому что раны князя не представляли никакой опасности ни для его жизни, ни даже для его дальнѣйшаго здоровья. Онъ бы весьма удобно могъ и не лежать, но—лежанье его входило въ тонкія, юридическія соображенія Поліевкта Харлампіевича, и потому надлежало безпрекословно покориться сему тягостному искусу. Князь Владиміръ даже и въ первую минуту катастрофы былъ вовсе не на столько слабъ и боленъ, какъ это казалось окружающимъ и ему самому; онъ просто-на-просто струсиль и перепугался; а трусость, соединенная съ этимъ внезапнымъ испугомъ и подкрѣпленная винными парами, въ конецъ разстроила его извѣщенные нервы. Князь и вообразилъ, что онъ очень опасно раненъ и еще опаснѣе боленъ. Старшій Шадурскій, нашъ разслабленный гамень, ради конвенабельности, тоже присутствовалъ порою у постели сына, особенно въ то время, когда пріѣзжали навѣщать его и освѣдомляться о «катастрофѣ» разныя особы обоого пола. Княгиня внушила гамену, что онъ долженъ казаться опечаленнымъ отцомъ, и гамень точно, во время этихъ визитовъ, добросовѣстно старался казаться таковымъ, и вставляя въ глазъ свое стеклышко, кисло взиралъ сквозь него на больного, уныло покачивая головою.

— Quelle grande malheur, quelle catastrophe tragique! въ минорномъ тонѣ восклицали навѣщавшія особы. — Скажите, Бога ради, какъ это все случилось?

— Не понимася! печально пожимала плечами интересная въ своемъ горѣ княгиня. Гамень тоже пожималъ плечами, но примѣру супруги, и тотчасъ же вбрасывалъ въ глазъ свое стеклышко. Молодой князь, съ своей стороны, въ качествѣ также больного,

предпочитать въ этихъ случаяхъ полное молчаніе, предоставивъ поде краснорѣчія либо матушкѣ, либо—въ ея отсутствіе—Полиевту Харлампіевну.

— Не понимаемъ! говорила княгиня:—анонимное приглашеніе въ маскарадъ... какая-то женщина... Богъ-знаетъ, какая она и кто она!... Онъ такъ ошарашиваетъ, молодежь... маскарадная интрига... побѣдилъ съ нею ужинать куда-то — и вдругъ она вонзала ему вилку...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа, на глазахъ княгини обыкновенно на-вертывались материнскія слезы и она спѣшила поднести флаконъ къ своему носу.

Посѣтители прилично вытягивали фізіономіи и вмѣстѣ съ га-меномъ сочувственно качали головами.

— Для чего же это сдѣлано? съ какою цѣлью? вопрошали они.

И въ этомъ случаѣ, по большей части, дальнѣйшимъ коммента-торомъ являлся Полиевтъ Харлампіевичъ. Онъ съ большою обстоя-тельностью разсказывалъ все событіе и приводилъ дальнѣйшее объясненіе на предложенные вопросы.

— Цѣль очень ясна, почтительнѣйше докладывалъ онъ:—эта женщина — жена какого-то мѣщанина, что ли, принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ извѣстной категоріи: акула-съ, какъ есть акула алчная!... Разыграла все это затѣмъ, чтобы сорвать съ ихъ сѣятельства изрядную сумму, будто бы за свое безчестіе по пово-ду мнимаго насилія... Насиліе!... Развѣ насильно при всей пуб-личкѣ побѣдетъ ктонибудь изъ маскарада ужинать въ рестора-цію?... А анонимное посланіе ея тоже должно быть насиліе? По-милуйте-съ!—Возмутительный фактъ, который слѣдовало бы въ на-стоящее время благодѣтельной гласности по всѣмъ журналамъ пре-дать... Теперь слѣдствіе идетъ, надо будетъ на одну доску съ этой женщиной становиться! Вѣдь бѣдный князь теперь, такъ сказать, жертва, мученикъ неповинный!...

И въ этомъ убѣдительномъ родѣ катился дальнѣйшій потокъ краснорѣчія Полиевта Харлампіевича, сладостные глазки ко-торого тоже подчасъ увлажнялись слезою искренно преданнаго и чувствительнаго сердца.

Посѣтители развѣзжались въ благородномъ негодованіи и раз-возили по городу толки о «катастрофѣ» съ комментаріями во вку-сѣ Хлѣбонадущенскаго. Нѣкоторые, впрочемъ, какъ водится всегда, не могли обойтись и безъ злословія: говорили съ ироническими улыбка-ми о силѣ побѣдителя женскихъ сердецъ, котораго побѣ-

для вилкой какая-то масса; но вообще князь Владимиръ гораздо болѣе обыкновеннаго обратилъ теперь на себя общее вниманіе; о немъ заговорили всѣ, и барыни, и камелии, всѣ немедленно признали его очень интереснымъ, сочувствовали его положенію и находили самое происшествіе весьма трогательнымъ, ужаснымъ и романтическимъ. Вся пучина презрѣнія, порицаній и самыхъ безобразныхъ толковъ съ отвратительными заключеніями, выпадала, конечно, на исключительную долю какой-то госпожи Бероевой.

XVI.

ФАМИЛЬНАЯ ЧЕСТЬ ЗАТРОНУТА.

Послѣ допроса Бероевой, Полевкть Харлампіевичъ вернулся прямо къ княгинѣ, весьма смущенный и озабоченный. Княгиня только-что проводила нѣсколькихъ посѣтителей, и потому пока еще находилась въ комнатѣ сына, вмѣстѣ съ разслабленнымъ гаме-номъ.

— Ну, что? какія вѣсти? подняла она томные взоры на вошедшаго.

— Недоброкачественныя, матушка ваше сіятельство, недоброкачественныя-съ! кисло сообщилъ Хлѣбонасущенскій. — Надо поговорить серьезно, посоветываться всѣмъ вкупѣ, съ откровенностію... Я, ужъ извините, распорядился, пока что, до времени, никого не принимать изъ постороннихъ.

— Что же такое? что тамъ еще, Бога-ради! говорите скорѣе! встревожилась Татьяна Львовна.

Молодой князь весьма бодро и быстро поднялся со своей подушки, вовсе несоотвѣтственно положенію тяжело больного.

— Да вотъ что-съ! съ нѣкоторымъ затрудненіемъ отъ щекотливости предстоящаго разговора началъ Хлѣбонасущенскій, откашлявшись и потирая руки:—тварь-то вѣдь эта показывается, будто у нея вмѣстѣ плодъ преступной любви, и будто виновникъ плода-то—ихъ сіятельство...

— Какъ-такъ!? изумилась опѣшенная княгиня.

— Не могу доподлинно знать, а только она показывается это очень настоячиво, отвѣтствовалъ почтенный адвокатъ и ходатай.—Указываетъ даже мѣсто жительства той акушерки, у кото-рой этотъ плодъ хранится въ воспитаніи.

Молодой Шакурскій вѣздилъ въ лицѣ.

— Если это истинная правда, продолжалъ Хлѣбонасущенскій: — то дѣло можетъ принять весьма зловредный оборотъ касательно личности и чести ихъ сіятельства, потому живая узда на лицо, оная же буде акушерка покажетъ соответственное, то на ихъ сіятельство непременно ляжетъ юридическая тѣнь подозрѣнія... Это можетъ повредить...

И вслѣдъ за этимъ вступленіемъ, Полѣветъ Харлампѣвичъ передалъ всю главную сущность показаній Беровой.

Мать и сынъ остались подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого разсказа; княгиню онъ даже вконецъ поразилъ своею новостью; одинъ только старый гаменъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вставилъ въ глазъ стебельшко, и какъ-то старчески облизываясь, спросилъ съ улыбкой:

— Et dites donc, est-elle jolie? Хороша она собою?

Но на его неумѣстный вопросъ даже и Хлѣбонасущенскій не обратилъ въ эту минуту достодолжнаго вниманія, а княгиня смѣрила гамена своимъ строгимъ и холоднымъ взглядомъ.

— Я ужъ тамъ подмазалъ кой-какія колѣса; мнѣ сегодня же сообщать адресъ акушерки, съ хитростнымъ подмигиваніемъ сообщилъ Хлѣбонасущенскій:—только ужъ вы, ваше сіятельство, для ясности дѣла, признайтесь-ко мнѣ, какъ-бы отцу духовному, правду ли она показывается-то? было у васъ такое дѣло, или не было?

— Было, нехотя прощѣдилъ сквозь зубы Шадурскій и тотчасъ же повернулся лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не встрѣтиться съ глазами матери и управляющаго. Въ эту минуту, вмѣстѣ съ сдѣланнымъ сознаніемъ, въ немъ заговорилъ слабый отголосокъ совѣсти.

Надолго ли только?

— Ну, стало-быть, все отъѣнно хорошо теперь! самодовольно петирая руки, заключилъ ходатай: — ужъ вы, значить, ваше сіятельство, на очной ставкѣ съ Беровой говорите на всѣ ея улики, что знать ничего не знаете и никогда никакой интриги съ ней не имѣли; а остальное—въ руцѣ божіей! Наде надѣяться и не унывать, а мы ужъ механику нашу подведемъ! будьте благодарны-съ!

Шадурскій ничего не отвѣтилъ, а княгиня позвала Хлѣбонасущенскаго и вышла вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты.

— Послушайте, мой милый, начала она ласково, но серьез-

на:—вы понимаете сами, какое это дѣло... вончайте его, не жадѣя денегу,—мы ужъ вамъ отдадимъ...

— Ужъ будьте благонадежны-съ, матушка ваше сіятельство! потерпѣть ходатай, передоу поклонн съ улыбками: — Полюевтъ Хгѣбонасущенскій надаромъ ужъ по этой части мудредомъ у самыхъ опытныхъ юристовъ санветы! будьте благонадежны!

— Вольдемаръ!... что жъ, она хороша собомъ?... а?... Quel est le genre de sa beauté, blonde ou brune? разскажи-ка ты мнѣ, пожалуйста! приставай межъ тѣмъ гамень къ своему сыну, шадливо погнривая своимъ стеклышкомъ.

Но Вольдемаръ не почелъ за вужное отвѣчать ему что либо и, лицомъ къ стѣнѣ, лежалъ все въ прежнемъ положеніи.

XVII.

Дѣльце почти обдѣлано.

Отпустивъ отъ себя, съ надбавочной пятирублевой благодарностью, субъекта, принесшаго адресъ акушерки, Полюевтъ Харлампіевичъ тотчасъ же было-приказалъ закладывать въ пролѣтки пару своихъ рыженькихъ шведовъ; но тутъ же одумался и отменилъ это приказанье. «На грѣхъ мастера нѣтъ, сообразилъ онъ съ присущей ему предусмотрительностью:—еще пожалуй, кто нибудь замѣтитъ, что прѣзжалъ, молъ, на своихъ лошадяхъ, да вѣтъ, да что, да зачѣмъ прѣзжалъ? да потомъ какъ нибудь лишнюю закорючку въ показанія того-гляди влѣпнуть!... Все-таки оно сомнѣніемъ называется—а лучше на извозикѣ поѣду». И точно, уложивъ въ бумажникъ полнолѣсную пачку ассигнацій и застегнувъ съ акуратностью на всѣ пуговицы свой синій фракъ и пальто, онъ взялъ на улицѣ перваго невазшагося ваньку и отправился по данному адресу.

— Я ниѣю къ вамъ нѣкоторое порученіе отъ госпожи Беревой, началъ Хгѣбонасущенскій, оставшись наединѣ съ акушеркой, въ ея гостиной: — мы одни, вѣдется?... можно говорить свободно?...

— Совершенно одни; здѣсь никто не услышитъ.—И она вполнуну приперла обѣ двери въ комнатѣ.—Вы это насчетъ чего же?

— А насчетъ того обстоятельства, которое вамъ извѣстно...

— То-есть что же, именно?

«Эге! да ты, матушка, видно себя-научилъ!» подумалъ Хгѣбонасущенскій: «надо полагать, нашего поля згода, старій воробей.»

— Именно, на счет ребѣнка, отвѣтилъ онъ, наблюдая косвенно, какое впечатлѣніе производятъ на нее эти слова. Не дѣйствіе словъ никакими внѣшними признаками не обнаружилось.

— Что же такое на счетъ ребѣнка? уклончиво спросила акушерка, которая думала: «ужь не подсылъ ли отъ мужа?»

— А вотъ... касательно дальнѣйшаго обезпеченія жизни и воспитанія, позанимъ Хлѣбонасущенскій.

— Вы, стало-быть, родственникъ?

— Нѣтъ-съ, но... я посредникъ въ этомъ дѣлѣ, беру участіе, потому мнѣ поручено... Вѣдь госпожа Бероева, какъ вамъ очень хорошо извѣстно, не имѣетъ средствъ сама платить за воспитаніе.

— Ну, такъ что же?

— Такъ вотъ... эту заботу принимаетъ на себя одно лицо... которое поручило собственно мнѣ это дѣло и уполномочило переговоры съ вами...

— Стало-быть, вы хотите, чтобы я взяла на себя воспитаніе?

— Да, чтобы вы его продолжали, такъ-какъ онъ ужь находится у васъ, и такъ-какъ въ этомъ дѣлѣ необходимо сохранить полнѣйшее инкогнито.

Хлѣбонасущенскій полагалъ, что эти слова заставятъ какъ-нибудь прорваться сдержанную акушерку; но та предпочла полнѣйшее молчаніе.

«Экой времянь-баба!» съ досадою подумалъ онъ въ это мгновеніе: «ни чѣмъ-то ее не проберешь, проклятую!»—И вслѣдъ за своей мыслию, продолжалъ дальнѣйшіе подходы:

— Средства ея очень ограничены; вы сами знаете, что она не могла даже уплатить вамъ за послѣднее время, такъ что вы совершенно справедливо отказывались отъ содержанія младенца... Теперь это неудобство устранено, благодаря вашему доброму совѣту, котораго она послушалась.

Времянь-баба увидѣла, что посреднику извѣстны такіе факты и отношенія, какихъ, но всѣмъ логическимъ видимостямъ, не могъ знать мужъ, и потому уразумѣла, что Хлѣбонасущенскій долженъ быть дѣйствительно посредникомъ и повѣреннымъ Бероевой.

— Что жь, если вамъ угодно—я, пожалуй, могу принять на себя воспитаніе, согласилась она.

— Очень обяжете, поклонился Поліевскій Харлампіевичъ:—только помните, подѣ условіемъ строжайшаго инкогнито... нужно какъ можно тщательнѣе скрывать отъ мужа.

— Это ужь вонечно, подтвердила адушерка.

— И такъ, если вы согласны, заключить оны:—то я буду имѣть удовольствіе каждый мѣсяцъ, считаа съ инадцатаго числа, привозить вамъ слѣдующую сумму. Угодно вамъ теперъ же получить впрядь за мѣсяцъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Сколько прикажете-съ?

— Да такъ, какъ было условлено, двадцать-пять рублей.

«Наконецъ-то прѣрвало», подумалъ великій законникъ.

— Потрудитесь получить, прибавилъ онъ вслухъ, вынимая деньги: — да кстати, тамъ есть еще должокъ за госпожею Бероевой, такъ заодно ужь, для очистки, и его прикинемъ! Сколько именно?

— Пятьдесятъ.

— Итого, семьдесятъ-пять рублей. Отмѣнно-съ!... Перечтите и потрудитесь выдать мнѣ расписочку въ полученіи. Оно, въ сущности, можно бы и безъ этого, но мнѣ собственно для бльшаго удостовѣренія того лица, которое...

— Извольте, я напишу, согласилась адушерка, и тутъ же настрочила все, что потребовалось, подъ диктовку Хлѣбонасущенскаго.

— Могу я поглядѣть младенца? любезно спросилъ онъ, пряча въ карманъ «документъ».

— Отчего же, сколько угодно.—И она крикнула въ дверь: — Рахиль! принеси ребенка!

Среднихъ лѣтъ служанка, по типу лица — очевидно, жидовка, внесла на рукахъ спеленатаго мальчика.

Хлѣбонасущенскій поглядѣлъ на него съ невинно-нѣжной улыбкой, даже слегка пощекоталъ мизинцемъ по щечкѣ, пролапетавъ при этомъ: «у, ти, дусинька какою, калапузык!» и отпустилъ съ Богомъ жидовку.

Едва затворилась дверь, какъ великій юристъ и хедатай измѣнили свою позу, свою улыбку, все выраженіе лица и началъ строго-холоднымъ, официальнымъ и даже отчасти злорадно-торжествующимъ и инквизиторскимъ тономъ:

— Ну-съ, теперъ, когда я лично удостовѣрился въ тайномъ нахожденіи у васъ незаконорожденнаго ребѣнка госпожи Бероевой, въ чемъ у меня даже и форменный документъ имѣется, гдѣ вы особо расписались въ полученіи долга за прошлое время, а вамъ

долженъ сообщить, что госпожа Бероева—уголовная преступница, и теперь находится подъ судомъ и слѣдствіемъ въ тюрьмѣ.

Эта неожиданная перемена тона и еще болѣе неожиданное сообщеніе произвели такой эффектъ, что кремень-баба изъѣвилась въ лицѣ, и почувствовать, какъ подбавиваются у нея ноги, оустилась на кресло.

Передъ нею круто выпрямась стоялъ и строго глядѣлъ въ упоръ торжествующій практикъ.

— Госпожа Бероева, продолжалъ онъ въ томъ же родѣ:—слѣдала покушеніе на жизнь князя Шадурскаго, ее схватили на мѣстѣ преступленія; и вотъ, она не далѣе какъ сегодняшняго числа объявила, что задумала преступленіе по вашему совѣту и наущенію, что вы первая подали ей мысль написать къ князю анонимное письмо. А знаете ли, чѣмъ это пахнетъ?

— Господи-Боже мой!... да что же я-то тутъ?... я вѣдь ни при чемъ, заговорила огорошенная женщина.

— Нѣтъ-съ, извините, при чемъ! и даже очень при чемъ! Вы, ни болѣе, ни менѣе, какъ сообщница убійцы; и вы не отвертитесь, потому у меня въ карманѣ доказательство сообщества—ваша росписка. Вы уже тѣмъ прикосновенны къ дѣлу, что тайно приняли къ себѣ родильницу, тайно оставили у себя ея незаконный и преступный плодъ, вы—потворица гибельнаго разврата; а все это—позвольте вамъ сообщить—пахнетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь, въ каторжныя работы.

— Ну, до Сибири-то еще сколько-то тамъ тысячъ верстъ считается! возразила кой-какъ собравшаяся съ мыслями кремень-баба:—оно нѣсколько далеко!... А я что жъ?... я ничего!... и никакихъ совѣтовъ не давала, а только по своей добротѣ душевной дала ей пріютъ... Опять же, по христіанству, я никакой родильницѣ въ помощи отказать не могу, на то я и бабушкой называюсь... Стало-быть, я тутъ ни при чемъ-таки.

— А все-таки она васъ въ дѣло запутала—и дѣло-то скверное, смягчила нѣсколько тонъ Полиевкъ Харлампіевичъ:—пойдутъ таскать по судамъ да слѣдствіямъ, да по полиціямъ; оно—глядя—и станеть въ копееку... Да еще, пожалуй, въ подозрѣніи оставить. А скандалъ-то, скандалъ! вѣдь это разойдется по городу, вы на-много правтви своей лишитесь, а это ужъ и сколь не-звусно!...

Кремень-баба призадумалась: въ послѣднихъ словахъ ея нежданнаго гостя была-таки существенная доля справедливости.

— Это, пожалуй, что и такъ, подтвердила она въ раздумьи:— да что жь съ этимъ дѣлать-то!

— А вотъ въ томъ-то и штука, что дѣлать-то!... подхватилъ еще болѣе умигченный Хлѣбонасущенскій: — я знаю, что нужно дѣлать тутъ; а вы вотъ хоть и куды какая дова тоже по своимъ частямъ, а не знаете!... Тѣ-то оно и есть!...

— Да вамъ-то что до этого? чего вамъ нужно? зачѣмъ вы явились ко мнѣ? что это за роли вы разыгрываете? взъялась акушерка, прядя наконецъ въ сильную досаду.

Полиевкъ Харлампіевичъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, улыбнулся и многозначительно потеръ свои рубли.

— Хе-хе... милая барыня!... въ ярость пришли... а вы не яритесь: это я только съ разныхъ сторонъ ощупывалъ васъ, испытать желалъ, съ кѣмъ то-есть дѣло имѣю—ну, и проникъ теперь всю вашу суть... Вѣдь вы дока, барыня, какъ я вижу, ухъ, какая дова!... Ну, такъ давайте-ка говорить всерьѣзъ! Хотите вы хорошія деньги получить?

— Кто жь отъ денегъ прочь! ухмыльнулась милая барыня.

— Ну, конечно никто, въ комъ мозговъ хоть на золотникъ имѣется! скрѣпилъ Хлѣбонасущенскій.— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! продолжалъ онъ:—эта госпожа точно—оговорила васъ и запутала; вы это сами увидите черезъ день-два на дѣлѣ. Стойте вы на одномъ: что и знать-то ее не знаете, и въ глаза никогда не видали, и дѣлъ съ ней никакихъ не имѣли, и ребѣнка у васъ никакого нѣтъ и не было! чѣмъ бы ни уличала она—отвѣчайте одно: вздоръ, ложь, оговоръ, ничего не знаю, ни въ чему непричастна!—Понимаете?

— Какъ не понять!... Только что жь изъ этого?

— А то, что извольте получить теперь три радужныхъ, да еще одну—на прислугу вашу, съ тѣмъ, чтобы вы внушили прислугѣ-то: пускай то же самое говорить, что и вы—понимаете? объяснилъ Полиевкъ Харлампіевичъ, вынимая изъ толстаго бумажника четыре сотенныхъ. — Въ этихъ ужъ я росписки не потребую, продолжалъ онъ съ величайшей любезностью: — потому онѣ только въ задатокъ идутъ, а буде исполните удачно мое порученіе, то и вновь получить имѣете!... Ну, что, теперь питаете еще все такую же симпатію къ Бероевой? шутя подмигнулъ Хлѣбонасущенскій.

— Какая тамъ симпатія! много ихъ таковыхъ-то! подхватила

милая барыня, вконец очарованная двойкой вытодой: деньгами, и успешнымъ выходомъ изъ предстоящаго дѣла.

— Въ прислугѣ-то вы увѣрены? заботливо осведомилась хозяйка.

— Ой, да что прислуга!—въ ней—какъ въ самой себѣ! особенно, если въ послѣдствіи еще что нибудь для нея приквешете, успокоила акушерка.—А младенца-то, я полагаю, лучше бы было какъ можно скорѣй съ рукъ сбить, посовѣтывалась она въ заключеніе.

— Всенепремѣнно!.... Совсѣмъ долой его, и какъ можно скорѣе!

Затѣмъ, Полиевкъ Харлампіевичъ приступилъ къ подробному и самому обстоятельному обученію — какъ и что говорить противъ всѣхъ показаній Бероевой; а послѣ этой назидательной лекціи, поскакалъ «къ матушкѣ ея сіятельству» съ увѣдомленіемъ, что подвунъ акушерки съ прислугой обошелся якобы въ четыре тысячи рублей серебромъ—просила, дескать, пять, да уторговалъ тышченку, и что за симъ дальнѣйшее дѣльце, по неизреченной милости Господа, почти совсѣмъ ужь улажено.

Воеволодь Крестовскій.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМІИ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ.

Статья вторая и послѣдняя.

И такъ, повторяемъ, для образованнаго офицера мы считаемъ одинаково нужнымъ имѣть какъ спеціально военное образованіе, такъ и общечеловѣческое, которое мы кладемъ краеугольнымъ камнемъ всякаго развитія и образованія. Но теперь рождается вопросъ: какое мѣрило и какую норму слѣдуетъ принять при опредѣленіи степени образованія, необходимой для офицера? Правительство имѣетъ еще пока только единственное, хотя и не всегда надежное средство убѣдиться въ развитіи человѣка, желающаго поступить на службу, по тѣмъ научнымъ свѣдѣніямъ, которыя онъ приобрѣлъ на школьной скамейкѣ. Разбирая значеніе, которое имѣютъ различныя науки въ умственномъ развитіи человѣка, мы должны будемъ согласиться, что minimum въ этомъ отношеніи—гимназическій курсъ. Только человѣка, имѣющаго научныя свѣдѣнія, соответствующія полному курсу гимназіи, можно подозрѣвать—да и то, конечно, не всегда—въ достаточномъ умственномъ развитіи. Само собою разумѣется, что могутъ встрѣтиться развитые люди и безъ гимназическаго образованія; но это—самородки, исключенія изъ общаго правила.

Но можемъ ли мы принять гимназическій курсъ за норму для каждаго офицера нашей арміи? Можемъ ли мы поставить каждому желающему быть офицеромъ этотъ курсъ необходимымъ условіемъ? Конечно, нѣтъ: такая почти норма принята въ Пруссіи, гдѣ образованіе массы, какъ мы видѣли, несравненно выше, чѣмъ у насъ; объ этомъ и думать нельзя. А между тѣмъ мы знаемъ, что многіе мечтаютъ объ этомъ; но мы это считаемъ физически невозможнымъ. По нашему мнѣнію, нельзя рассчитывать, чтобы оказалось у насъ много охотниковъ поступать въ военную службу изъ людей, имѣющихъ образованіе, дающее возможность къ дальнѣйшимъ умственнымъ занятіямъ и къ матеріальнымъ выгодамъ.

Намъ могутъ сказать на это, что военная служба хотя и не обезпечиваетъ человѣка въ младшихъ чинахъ, но за то она можетъ привлекать образованныхъ людей надеждою на будущее, общаа хорошую карьеру. Но едва-ли отъ подобной приманки выиграетъ служба. Въ статьѣ своей: «Наши отношенія къ службѣ» (*), мы подробно изложили свои мысли о томъ, какой вредъ, по нашему мнѣнiю, наносится службѣ людьми, видящими въ ней не цѣль, а только средство, и служащими исключительно изъ-за будущаго блага. Служба и теперь уже чрезчуръ страдаетъ отъ того, что всѣ служить, имѣя постоянно въ головѣ слова наипрѣдѣ: «будешь служить—дослужишься до генерала», и теперь уже весь корень зла, что служебныя обязанности исполняются, лишь бы съ плечъ долой—лежить въ такомъ взглядѣ на службу.

Нельзя ли допустить, что, на примѣръ, при помощи значительнаго содержанiя (чего, конечно, при громадности нашей армiи, государство не въ состоянiи будетъ дать), есть возможность заохотить поступать въ военную службу обончившихъ курсъ въ гимназiи? Но и тогда, какъ мы сейчасъ докажемъ, все-таки невозможно бы было пополнить всю нашу армiю такими офицерами.

Ежегодная убыль офицеровъ, по отчетамъ военнаго министерства за 1860 и 1861 годы (**)—время, когда особенныхъ сокращенiй въ армiи не было—среднимъ числомъ за два года составляетъ около 9% всего числа. На 31,856 человѣкъ офицеровъ, состоявшихъ къ 1 января 1862 года (***), это составитъ 2,867 человѣкъ. Это число можетъ дать приблизительное понятiе о ежегодной потребности въ офицерахъ для пополненiя обыкновенной убыли. Военно-учебныя заведенiя, по новому расчету, должны доставлять ежегодно отъ 400 до 500 офицеровъ (****); принимая высшую норму 500 человѣкъ, еще остается пополнить изъ строевыхъ источниковъ 2,367 человѣкъ. Въ находящихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенiя 100 среднихъ учебныхъ заведенiяхъ (87 гимназiяхъ, 3 дворянскихъ институтахъ, 8 прогимназiяхъ и 2 раввинскихъ училищахъ), въ 1862 году учащихся было 30,490 человѣкъ (*****). Отдѣливъ примѣрно для двухъ раввинскихъ училищъ 290 человѣкъ, имѣемъ въ нашемъ распоряженiи 30,200. Принадлежа къ числу получившихъ первоначальное образованiе въ гимназiи, мы знаемъ, что это будетъ весьма щедро, если положить, что изъ всего числа учащихся во

(*) Воен. Сборн. 1863. № 12.

(**) Воен. Сб. 1863. № 9. Рус. воен. обзор. стр. 251.

(***) Idem. стр. 249.

(****) Воен. Сб. 1863 г. № 7. Рус. воен. обзор. стр. 296.

(*****) Мѣсяцесловъ на 1864 г. стр. 105.

всѣхъ семи классахъ гимназій ежегодно выходитъ съ аттестатами, то-есть порадочно кончившихъ курсъ, 5% (въ дѣйствительности почти всегда меньше), что составить 1,510 человекъ.

Слѣдовательно, если мы предположимъ нелѣпость, то-есть что всѣ кончающіе ежегодно въ русскихъ гимназіяхъ курсъ будутъ поступать въ военную службу, то и тогда все еще не хватитъ 857 человекъ, для пополненія ежегодной убыли, то-есть все-таки не будетъ доставать нѣсколько менѣе $\frac{1}{3}$ всего нужнаго числа. Мы нарочно привели этотъ расчетъ, чтобы показать, какъ неосновательно бы было въ настоящее время гнаться за возможностью набрать для всей арміи офицеровъ, имѣющихъ достаточное образованіе.

Не имѣя возможности принять гимназическій курсъ за норму образованія армейскаго офицера, приходится поневолѣ ограничить требованія общаго образованія курсомъ уѣздныхъ училищъ, близко подходящимъ къ юнкерской программѣ. Но можно ли ограничиться такимъ низкимъ уровнемъ развитія всей массы офицеровъ безъ ущерба дѣлу службы и дѣлу развитія военнаго образованія, зависящаго главнымъ образомъ отъ общечеловѣческаго развитія? Имѣемъ ли мы право рассчитывать, что изъ массы, обладающей такою невысокою степенью образованія, мы будемъ всегда имѣть достаточное число людей для замѣщенія мѣстъ начальниковъ частей—мѣстъ, требующихъ довольно значительнаго образованія какъ общечеловѣческаго, такъ и военнаго для того, чтобы армія могла развиваться и идти на уровнѣ современныхъ требованій? Мы думаемъ, что нѣтъ. Если обязанности офицера въ младшихъ чинахъ не требуютъ ни особеннаго развитія, ни значительныхъ познаній, чтобы исполнять свое дѣло, то это еще не значитъ, чтобы и для начальника было достаточно тѣхъ невысокихъ условій, которыя поневолѣ приходится намъ принимать для желающихъ поступать въ военную службу. Такимъ образомъ уже невозможно будетъ принять для всѣхъ нынѣшній порядокъ производства всѣхъ заурядъ по старшинству; придется назначить особыя условія при выборѣ на такія мѣста, гдѣ необходимо болѣе обширное развитіе и образованіе; въ противномъ случаѣ надобно будетъ отложить всякую надежду, чтобы армія наша не отставала въ своемъ развитіи отъ прочихъ первостепенныхъ европейскихъ армій. Но находя, что для назначенія командиромъ части необходимо постановить условіе, чтобы назначаемый имѣлъ высшее научное образованіе, чѣмъ средній уровень образованія массы младшихъ чиновъ, мы не думаемъ этимъ утверждать, что научное образованіе составляетъ исключительное мѣрило для способностей человѣка и отрицать существованіе общезвѣстнаго

факта, что иногда попадаются весьма развитыя личности, не получившія повидному прочнаго образованія. Но, повторимъ, это исключенія: богъ-знаеть, какія обстоятельства сложились для того, чтобы изъ нихъ вышли надюжинные умы. Точно такъ же нельзя отвергать и того, что и между людьми, имѣющими научныя познанія, часто попадаются люди, вовсе неотличающіеся умственными и спеціальными способностями.

Это послѣднее явленіе въ военной службѣ можетъ имѣть мѣсто, можетъ быть, чаще, чѣмъ гдѣ либо: для хорошаго и способнаго боевого генерала недостаточно только быть умнымъ челоувѣкомъ и имѣть военно-научныя познанія; нѣтъ, онъ долженъ кромѣ того обладать быстротою и вѣрностію соображенія, умѣнемъ сохранять свое хладнокровіе и способность ясно обсуждать положеніе своего отряда среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ—качества, безспорно находящіяся, по-крайней-мѣрѣ при настоящемъ состояніи воспитанія и педагогикки, не во власти воспитателей и учителей, и ускользящія отъ всякой другой мѣрки, кромѣ испытанія на самомъ дѣлѣ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно приводятъ сдѣлавшійся уже отъ частаго употребленія стереотипнымъ — примѣръ австрійской арміи, гдѣ обращено большое вниманіе на теоретическое образованіе войска; но въ то же время едва-ли какаа-нибудь другая изъ первостепенныхъ европейскихъ армій терпѣла столько неудачъ — и именно вслѣдствіе неспособности и ошибокъ своихъ генераловъ — сколько австрійская.

Но съ другой стороны правда и то, что способность австрійскихъ генераловъ проигрывать сраженія происходитъ, можетъ быть, главнымъ образомъ отъ излишняго педантизма, съ которымъ они слѣпо держатся выводныхъ теоріею правилъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ полководцами, измѣнявшими существовавшія до нихъ правила тактики и стратегіи—какъ это было въ войнахъ съ Фридрихомъ-Великимъ и съ французами—австрійскіе генералы никогда не успѣвали во-время отказаться отъ своей отжившей теоріи веденія войны; они не умѣли никогда во-время разгадать ни системы, ни плановъ своего противника; и это обстоятельство, какъ хотите, не слишкомъ свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ умственной самостоятельности и особеннаго развитія ихъ мыслительныхъ способностей. Этотъ примѣръ доказываетъ только, что спеціальныя познанія не могутъ еще служить признакомъ умственныхъ способностей; и никакъ нельзя въ этомъ примѣрѣ видѣть отрицаніе закона, что несравненно болѣе вѣроятности выбрать способнаго боевого генерала изъ среды людей развитыхъ и обладающихъ научными познаніями, чѣмъ напасть

случайно на самородна-генія, развившаго въ себѣ эту способность подъ вліаніемъ, богъ-вѣсть, какихъ условій.

Но если умственное развитіе и научное образованіе человѣка не могутъ еще служить вѣрнымъ мѣриломъ его способности къ командованію войсками въ бою; если боевыя способности начальника предполагаютъ существованіе еще другихъ условій, кромѣ известной степени общечеловѣческаго развитія—то съ другой стороны нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что въ мирное время, чѣмъ развитѣе и образованнѣе командиръ, тѣмъ больше принесетъ онъ пользы развитію и образованію своей части. Здѣсь уже нѣтъ столько мѣста тѣмъ особеннымъ условіямъ, которыя дѣлаютъ начальника незамѣнимымъ въ бою.

Противъ убѣжденія нашего въ томъ, что существуетъ—и что нельзя не допустить существованія этого различія въ качествахъ начальниковъ въ военное и въ мирное время—могутъ возразить также стереотипною фразою, что въ мирное время войска должны исключительно приготавливаться къ дѣйствіямъ въ бою. Мы совершенно съ этимъ согласны; но должны предварительно условиться, въ чемъ должно состоять это приготовленіе. Мы допускаемъ, что для боевого приготовленія своей части начальникъ обязанъ образовывать и поддерживать въ ней прочную и разумную дисциплину, внушить своимъ подчиненнымъ довѣріе къ себѣ и своему званію, развивать и учить ихъ владѣть оружіемъ, приучать ихъ къ точному и разумному исполненію того, что можетъ быть потребовано отъ нихъ въ бою; но очевидно, что всѣ эти обязанности въ точности можетъ выполнить каждый развитой человѣкъ, достаточно знакомый съ дѣломъ: тутъ особенныхъ условій не нужно, и даже положительно можно сказать, что чѣмъ развитѣе будетъ учитель, тѣмъ большаго успѣха можно ожидать отъ учениковъ. Что же касается до тѣхъ особенныхъ качествъ, которыми отличаются даровитые и способные полководцы отъ прочихъ смертныхъ, какъ-то: умѣнье воодушевить и поддержать моральный духъ своихъ солдатъ, сохранять всегда и вездѣ ясную способность соображенія и не терять въ критическія минуты своего хладнокровія—однимъ словомъ все то, что составляетъ отличительную принадлежность военнаго генія — все это, по нашему крайнему разумѣнію, приобрѣтается въ бояхъ и не можетъ быть заранѣе приготовлено въ мирное время. Навѣрное никогда никакія ученія, никакія маневры не образовывали, да и никогда не въ состояніи будутъ образовывать великаго полководца.

Вотъ почему мы и думаемъ, что существуетъ различіе между качествами, которымъ долженъ удовлетворять хорошій начальникъ

въ бою, и тѣмъ, которыя отъ него слѣдуетъ требовать въ мирное время, что самый лучший командиръ въ мирное время можетъ оказаться неспособнымъ командовать частію въ сраженіи, и наоборотъ самый способный боевой генераль можетъ быть плохимъ командиромъ въ мирное время. Конечно, кто будетъ спорить противъ того, что слѣдуетъ стараться ввѣрять командование людямъ, соединяющимъ въ себѣ оба эти условія; но такихъ людей немного; и потому не всегда можно разсчитывать имѣть ихъ достаточное число подъ рукою; поневолѣ иной разъ придется выбирать что нибудь одно. Но что же слѣдуетъ предпочесть въ случаѣ выбора? Конечно, самое лучшее бы было для войны назначать боевого начальника; для мира предпочесть чловека, способнаго вести, какъ слѣдуетъ, свою часть въ мирное время. Въ сущности это такъ и дѣлается на практикѣ; но возвести это въ положительный законъ невозможно: практическія неудобства такого порядка слишкомъ очевидны для того, чтобы говорить о нихъ. Но такъ-какъ война составляетъ исключительное явленіе, обыкновенное же состояніе арміи — миръ, и такъ-какъ боевыя таланты могутъ обнаруживаться только во время войны, то и понятно, почему обыкновенно на дѣлѣ приходится выбирать начальниковъ, удовлетворяющихъ, если не исключительно, то по большей части условіямъ хорошаго командира въ мирное время. Конечно, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій этотъ порядокъ можетъ, по-крайней-мѣрѣ въ первое время, пока не обозначатся боевыя способности командировъ невыгодно отовался на успѣхахъ оружія; но едва-ли не болшій вредъ можетъ нанести нравственному состоянію арміи—командованіе въ мирное время войсками—людьми, хотя и имѣющими боевыя достоинства, но неспособными къ мирному развитію и управленію своими частями. Кто будетъ спорить противъ того, что Массена—этотъ, по выраженію Наполеона, *enfant chéri de la victoire*, генераль, можетъ быть, незамѣнимый въ военное время, могъ въ мирное время нанести своей всѣмъ извѣстною слабостію пользоваться доходами отъ содержанія своего корпуса — страшный нравственный вредъ арміи, деморализируя ее своимъ примѣромъ, не говоря уже о непосредственныхъ вредныхъ послѣдствіяхъ его любостажанія.

Вслѣдствіе этихъ-то соображеній, мы и думаемъ, что при назначеніи начальниковъ частей придется руководствоваться въ болшней части случаевъ—независимо отъ ихъ боевыхъ достоинствъ—преимущественно развитіемъ ихъ умственныхъ способностей, въ чемъ болше или менше вѣрнымъ мѣриломъ можетъ служить ихъ образованіе и научныя познанія—и находимъ совершенно основа

тельнымъ принятымъ, по словамъ г. М. (*), въ пруской арміи постановленіемъ 19-го сентября 1848 года принятимъ, что «въ мирное время только познаніи и образованіе, а въ военное—храбрость и распорядительность даютъ право на полученіе званія офицера».

Справедливость и основательность этого принципа, собственно говоря, признается всѣми; но не вездѣ обстоятельства позволяютъ примѣнять къ дѣлу этотъ принципъ во всей его чистотѣ и строгости. Конечно, въ Пруссіи, какъ мы видѣли, это — возможно; но, напримѣръ, уже французская армія не могла бы набрать для занятія всѣхъ офицерскихъ вакансій достаточнаго числа людей, удовлетворяющихъ столь строгимъ условіямъ, какія назначены въ Пруссіи для получения офицерскаго чина въ дѣйствующихъ полкахъ. Сознавая эту невозможность и, съ другой стороны, чувствуя необходимость имѣть начальниками частей людей, получившихъ достаточное образованіе, во Франціи принуждены были допустить два рода офицеровъ: вышедшихъ изъ военныхъ школъ, то-есть получившихъ предварительно въ гражданскихъ коллегіумахъ и лицеяхъ общее образованіе, и пріобрѣвшихъ въ военныхъ училищахъ необходимыя спеціальныя познанія, и другой—произведенныхъ изъ унтер-офицеровъ, не только безъ особенныхъ ручательствъ въ ихъ развитіи, но даже очень часто почти ничему неучившихся. Первые предназначаются къ занятію мѣстъ начальниковъ и, имѣя отдѣльное производство, довольно быстро поднимаются по службѣ; послѣдніе же, составляющіе около $\frac{2}{3}$ всего числа офицеровъ въ пѣхотѣ и кавалеріи и $\frac{1}{3}$ въ артиллеріи и инженеряхъ, занимаютъ мѣста младшихъ офицеровъ — мѣста, конечно, далеко не требующія той степени развитія и тѣхъ познаній, которыя желательно видѣть въ начальникѣ, и въ мирное время не имѣютъ въ виду особенно блестящаго движенія впередъ: капитанскій чинъ составляетъ геркулесовы столбы служебной карьеры офицеровъ этого разряда въ мирное время. Въ военное же время это различіе исчезаетъ, и каждый солдатъ можетъ рассчитывать быть маршаломъ Франціи.

Не вдаваясь въ частныя подробности этой системы, мы однако думаемъ, что основная идея ея весьма раціональна и могла бы быть съ успѣхомъ примѣнена въ нѣкоторой степени и въ нашей арміи, потому что обстоятельства, вызвавшія ея существованіе во Франціи, весьма походятъ на тѣ, въ которыхъ находимся мы въ настоящее время. Вникая поглубже въ сущность этой системы, мы придемъ къ убѣжденію, что она собственно имѣетъ мѣсто вездѣ: во всѣхъ арміяхъ стараются, по-крайней-мѣрѣ по

(*) Воен. Сб. 1863 г. № 4. стр. 402.

принципу, назначать командировъ частей изъ болѣе способныхъ людей. Вся разница въ томъ, какой принятъ способъ при опредѣленіи степени способности, и какую норму считать достаточною для назначенія избираемаго въ командиры. Въ одномъ случаѣ, какъ во Франціи — этотъ критериумъ болѣе или менѣе строго опредѣленъ закономъ, который предназначаетъ мѣста начальниковъ для людей, окончившихъ курсъ въ военныхъ школахъ, и даетъ имъ съ этою цѣлью болѣе быстрое повышение. У насъ же этотъ критериумъ опредѣляется начальствомъ, отъ котораго зависитъ назначеніе: оно опредѣляетъ по своему убѣжденію степень достоинства и способностей того или другаго кандидата на открывшееся мѣсто командира.

Очевидно, что и та и другая система имѣютъ своего рода неудобства. Мы уже говорили, что научныя познанія, а тѣмъ болѣе учебный аттестатъ—не есть еще непреложное доказательство умственной развитости; точно также и наоборотъ: отсутствіе ихъ не всегда еще составляетъ признакъ недостатка способностей. Это обстоятельство не позволяеть проводить во всей строгости на дѣлѣ формулу: такой-то окончилъ курсъ въ такомъ-то заведеніи, и потому онъ можетъ быть начальникомъ. Съ другой стороны, полное отсутствіе болѣе или менѣе строго назначеннаго закономъ критериума для опредѣленія качествъ, необходимыхъ для начальника, и предоставленіе личному убѣжденію назначающаго права выбора того или другаго кандидата — влекутъ за собою—не говоря уже о возможности злоупотребленій — вредную для дѣла шаткость основаній, на которыхъ лежитъ опредѣленіе необходимыхъ для начальника качествъ: одинъ будетъ признавать по своему убѣжденію нужнымъ то, что другой находить чуть-чуть не вреднымъ; одинъ будетъ руководствоваться при выборѣ однимъ взглядомъ, другой можетъ проводить совершенно противоположное убѣжденіе.

Впрочемъ, едва-ли гдѣ нибудь и примѣняются къ дѣлу эти крайніе способы оцѣнки способностей во всей строгости: строгость ихъ смягчается часто даже противъ воли единичныхъ личностей—требованіями жизни и вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Сила вещей, или то, что мы называемъ историческою необходимостью, играетъ слишкомъ сильную роль въ жизни общества, чтобы неизмѣнить иной разъ принципа, неудобоприлагаемаго на практикѣ, или вредящаго своею односторонностію правильному теченію этой жизни. Такимъ образомъ, несмотря на то, что у насъ оцѣнка способностей для командованія частями почти исключительно предоставлена начальству, все-таки можно заключить, какъ сейчасъ увидимъ, что предпочтеніе, можетъ быть, и

безъ желанія офицеровъ — отдавалось въ извѣстной степени тому, за кѣмъ предполагалось болѣе образованія и развитія. Къ сожалѣнію, скудость числовыхъ данныхъ, находящихся у насъ подъ рукою, не позволяетъ подтвердить яркимъ образомъ этой догадки; но и изъ того, что мы имѣемъ, можно предположить, что она не лишена основанія. Изъ таблицы, приводимой г. Ильяшевичемъ (*) и показывающей, сколько и въ какомъ чинѣ состоитъ въ разбираемыхъ авторомъ частяхъ офицеровъ изъ кадетъ и вольноопредѣляющихся—видно, что, несмотря на то, что общее число офицеровъ изъ кадетъ почти вдвое менѣе общаго числа офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся — число состоящихъ въ высшихъ чинахъ изъ первыхъ какъ относительно, такъ и абсолютно больше, чѣмъ изъ послѣднихъ. Такъ число генераловъ изъ кадетъ равно числу генераловъ изъ вольноопредѣляющихся; число же полковниковъ изъ кадетъ составляетъ 69% всего числа офицеровъ въ этомъ чинѣ; изъ вольноопредѣляющихся же 29,7%, то-есть почти въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше (**). Подполковниковъ изъ первыхъ 51,6, а изъ вторыхъ 47,1%. Мы совершенно согласны съ г. Ильяшевичемъ, что можно бы было объяснять этотъ фактъ предположеніемъ, что въ прежнее время число офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, было болѣе, чѣмъ теперь; но дѣло въ томъ, что прежде это число было менѣе, чѣмъ въ настоящее время. Объясненіемъ этихъ чиселъ можетъ, по нашему мнѣнію, служить то, что несмотря на всѣ недостатки прежняго корпуснаго воспитанія, уровень образованія воспитанниковъ этихъ корпусовъ въ массѣ былъ выше общаго уровня образованія офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся; и это превосходство ихъ, несмотря на отсутствіе всякой регламентации въ выборѣ при повышеніи, невольнымъ образомъ отразилось въ томъ, что они получали болшую чѣмъ другіе вѣроятность достигать тѣхъ чиновъ, изъ которыхъ назначаются командиры частей. Возраженіе, что быстрота повышенія въ гвардіи имѣетъ вліяніе на эти числа, не уменьшаетъ справедливости вывода, такъ-какъ въ гвардейскихъ

(*) Воен. Сб. 1868. № 11, Рус. воен. об. стр. 241.

(**) На такую высоту процента полковниковъ изъ кадетъ, конечно, имѣетъ мнѣніе и то, что въ число частей, разбираемыхъ авторомъ, включена и гвардія, въ полкахъ которой болшая часть офицеровъ изъ кадетъ и притомъ относительно число полковниковъ больше, чѣмъ въ армейскихъ полкахъ. Но и изъ 272 армейскихъ полковниковъ изъ кадетъ 66%, а изъ вольноопредѣляющихся только 32%, то-есть болѣе чѣмъ въ два раза меньше. Конечно, это число зависитъ и отъ того, что многие полковники въ арміи перешли изъ гвардіи, но это, какъ увидимъ, не можетъ уменьшать справедливости нашего заключенія.

полкахъ большинство офицеровъ, какъ мы уже видѣли, изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, по немѣннѣю числовыхъ данныхъ, мы не можемъ прослѣдить движенія по службѣ офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся различныхъ разрядовъ; но надобно думать, что и здѣсь степень полученнаго образованія не могла не оказать вліянія на быстроту повышенія. Уже приведенное выше обстоятельство, что 20%, то-есть $\frac{1}{5}$ лицъ, служащихъ въ штабахъ и управленіяхъ разбираемыхъ авторомъ частей войскъ—вышли изъ воспитывавшихся въ университетахъ и лицеяхъ, тогда какъ въ самыхъ частяхъ офицеры этой категоріи составляютъ едва 2%—можетъ указывать на справедливость нашего предположенія, такъ-какъ, вообще говоря, штабныя должности представляютъ большую вѣроятность повышенія, чѣмъ строевыя.

Но находя, что въ настоящее время армія наша относительно вопроса комплектованія офицерами находится въ такихъ же обстоятельствахъ, какія во Франціи создали принятую тамъ систему раздѣленія офицеровъ на двѣ категоріи, и признавая вслѣдствіе этого рациональнымъ примѣненіе этой системы у насъ, мы вовсе не думаемъ о рабскомъ подражаніи французскому порядку. Мысль наша—воспользоваться, по причинѣ тождественности обстоятельствъ, основною идеею, развить ее сообразно особенностямъ и условіямъ, существующимъ у насъ.

Взглядъ нашего правительства на армію и на солдатъ, ее составляющихъ, кажется намъ прогрессивнѣе, чѣмъ взглядъ французскаго правительства. У насъ обязанность офицера состоитъ не въ томъ только, чтобы учить солдата исключительно уставу: онъ обязанъ кромѣ того развивать его умственные способности. Лежащее на офицерахъ обученіе солдатъ грамотности, дѣлаетъ изъ арміи, при низкомъ уровнѣ образованія среды, изъ которой до сихъ поръ выходили солдаты—своего рода расадникъ для распространенія образованія въ народѣ. Мысль, что, при общесознаваемомъ у насъ недостаткѣ сельскихъ учителей, эту обязанность могли бы исполнить грамотные солдаты по выходѣ въ отставку, еслибы обученіе ихъ грамотѣ на службѣ соответствовало этому назначенію—принята нашимъ правительствомъ къ исполненію, и циркулярное распоряженіе по войскамъ отъ 17-го декабря 1862 г. предписываетъ снабжать нижнихъ чиновъ при отставкѣ особыми свидѣтельствами въ ихъ безпорочной нравственности и въ успѣхахъ по части грамотности. При этомъ военное министерство считаетъ полезнымъ указать на учебники, издаваемые министерствомъ народнаго просвѣщенія для руководства въ народныхъ школахъ; потому что употребленіе ихъ въ вой-

скалъ можетъ, между прочимъ, представить полное удобство возвращающимся на родину нижнимъ чинамъ безпрепятственно принимать свои познанія при обученіи грамотъ сельскихъ обывателей».

Понятно, что для достиженія подобнаго рода цѣли и для успѣшнаго хода развитія и образованія солдатъ — дѣла, лежащаго на офицерахъ—эти послѣдніе должны по своему развитію и по своимъ познаніямъ стоять выше тѣхъ, которыхъ обязаны учить. Слѣдовательно, мы не можемъ допустить, чтобы офицеръ въ своемъ развитіи и въ своихъ знаніяхъ ничѣмъ не отличался отъ солдата, и должны принять извѣстную норму развитія, обязательную для желающаго получить офицерскіе званія. Съ другой стороны, установивъ извѣстную степень развитія для званія офицера, то-есть обставивъ это званіе извѣстными условіями, мы не вправѣ принять исполнѣ французскую систему чиновпроизводства и лишить человѣка, удовлетворившаго уже извѣстнымъ требованіямъ, всякой надежды на будущее повышеніе. Мы должны допустить, что человѣкъ, уже достигшій извѣстной степени развитія, можетъ продолжать его и далѣе, и приобрѣсти уже на службѣ тѣ званія, которыхъ онъ не могъ имѣть ранѣе, можетъ быть, потому только, что не имѣлъ времени и средствъ на это. По нашему мнѣнію, справедливость требуетъ того, чтобы открыть всѣмъ вообще возможность, удовлетворивъ опредѣленнымъ требованіямъ, получать право на дальнѣйшее повышеніе; и даже слѣдуетъ, на сколько возможно, давать средства тѣмъ, кто пожелаетъ пользоваться этимъ.

Но теперь возникаетъ вопросъ: какое средство можетъ употребить правительство для оцѣнки способностей тѣхъ изъ офицеровъ второй категоріи, которые бы заявили свои притязанія на право дальнѣйшаго производства? Средство, разумѣется, одно—экзаменъ. Написавъ слово «экзаменъ», мы ждемъ уже, что много голосовъ поднимется противъ насъ и предлагаемаго нами экзамена: гдѣ вопросъ о возможности экзаменовъ для офицеровъ, какъ мы уже видѣли, не впервые появляется въ «Военномъ Сборникѣ». Мы знаемъ, что много противниковъ имѣетъ это учрежденіе; но тѣмъ не менѣе мы возобновляемъ это предложеніе и востараемся представить свои соображенія, которыя, можетъ быть, и оправдаютъ отчасти нашу смѣлость. Для этого разберемъ доводы, приводимые обыкновенно противъ возможности и практичности введенія у насъ офицерскихъ экзаменовъ, и выскажемъ нашъ взглядъ на значеніе и на форму предлагаемаго нами экзамена.

Первый, главный и, повидимому, имѣющій полное основаніе доводъ противъ экзаменовъ, состоитъ въ томъ, что введенные у

насть въ 1804 году для офицеровъ артилеріи экзамены признаки недостижавшими своего назначенія, и вслѣдствіе этого въ настоящее время отиѣнены: къ чему возобновлять мѣру, несостоятельность которой доказана на опытѣ? Совершенно справедливо; но почему опытъ не имѣлъ удачи? Лишь потому, что главная мысль при введеніи этихъ экзаменовъ была — заставить офицеровъ повторять ежегодно то, чему они учились въ школахъ. Что такова была главная цѣль, можно видѣть изъ того, что этотъ экзаменъ не для всѣхъ былъ одинаковъ: офицеры, кончившіе курсъ въ офицерскихъ классахъ артилерійскаго училища, должны были держать особый экзаменъ изъ дифференціального и интегральнаго исчисленія, изъ баллистики, механики и другихъ наукъ, необязательныхъ для прочихъ, какъ непроходившихъ ихъ въ школахъ. Понятно, что мысль заставлять людей, послужившихъ уже порядочно, повторять школьные зады — и не могла повести къ практической пользѣ. Не говоря уже о ея несостоятельности и непрактичности въ примѣненіи, замѣтимъ только, что при настоящемъ взглядѣ на вещи цѣль ея далеко не имѣла рациональнаго основанія. Часть знаній, приобретаемыхъ человѣкомъ въ школахъ и принадлежащихъ къ сферамъ общаго образованія, имѣетъ, какъ мы уже имѣли случай говорить, главную и непосредственную цѣль — развить его умственные способности и расширить его взглядъ на міръ божій; другая же часть наукъ даетъ ему спеціальныя знанія, необходимыя для его професіи. Когда человѣка признаютъ кончившимъ курсъ, необходимо предполагать, что онъ разумно усвоилъ себѣ то, чему его учили — и въ этомъ случаѣ дѣло наукъ перваго рода кончено: учиться — развить, горизонтъ его пониманія — расширился. Основныя истины науки имъ усвоены — иначе, онъ не долженъ быть признанъ кончившимъ курсъ — и останутся безъ всякаго повторенія навѣкъ въ его головѣ: подробности, конечно, могутъ быть современемъ забыты; но онѣ и ненужны ему; ихъ дѣло уже сдѣлано: вѣдь онѣ нужны были только какъ средства, поддѣрживающія и уясняющія главныя истины науки. Заставлять повторять ихъ бесполезно: это — то же самое, что заставлять человѣка, умѣющаго бѣгло читать, упражняться отъ времени до времени въ чтеніи по складамъ. Человѣкъ, понявшій разумно теорію электричества, можетъ современемъ забыть подробности устройства приборовъ, на которыхъ онъ изучилъ эту теорію; но самой теоріи не забудеть.

Точно также и практическія свѣдѣнія, необходимыя человѣку при отправленіи обязанностей его званія, не нуждаются въ повтореніи по учебнику: оныя безпрестанно встрѣчаются при занятіяхъ, и поэтому уже не могутъ быть забыты человѣкомъ занимающимся;

а для человѣка, незанимающагося своимъ дѣломъ, они совершенно безполезны. Такимъ образомъ, въ этомъ-то недостаткѣ рациональнаго основанія, и слѣдуетъ искать причину несостоятельности экзаменовъ для артиллерійскихъ офицеровъ. Все дѣло въ томъ, что въ то время, когда вводили эти экзамены, смотрѣли на образованіе съ школьной точки зрѣнія; но время обнаружило ложность такого взгляда, это учрежденіе оказалось не только бесполезнымъ, но повело даже къ вреднымъ послѣдствіямъ, заставившимъ отмѣнить его.

Другое дѣло экзаменъ, предлагаемый нами — это даже, собственно говоря, и не экзаменъ, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово: это — не что иное, какъ испытаніе, имѣть ли человѣкъ, ищущій получить навѣстное мѣсто, достаточно способностей для отправленія обязанностей, сопряженныхъ съ этою должностію, и обладаетъ ли онъ необходимыми для этого научными свѣдѣніями?—испытаніе, какъ видите, имѣющее совершенно естественное и разумное основаніе. Для достиженія первой цѣли, то-есть опредѣленія степени развитія мыслительныхъ способностей, вполне достаточно ознакомиться съ степенью познаній испытываемаго въ одномъ или въ двухъ предметахъ, взятыхъ по выбору самого экзаменующаго изъ отдѣла точныхъ наукъ — преимущественно изъ отдѣла чистой математики, или физики. Эти науки, неоставляющія мѣста для личныхъ воззрѣній, могутъ служить отличнимъ пробнымъ камнемъ для узнанія степени интеллектуальнаго развитія: здѣсь рѣшеніе одного вопроса, съ толкомъ и удачно заданнаго, даетъ полную возможность понимающему разумно свое дѣло экзаменатору — раскусить, какъ говорится, экзаменующаго и безошибочно опредѣлить то, что нужно знать. Для узнанія степени научныхъ специальныхъ познаній, призванныхъ необходимыми для экзаменующихся, достаточно рѣшенія нѣсколькихъ задачъ и преимущественно на самомъ дѣлѣ. Подобнымъ образомъ можно также безошибочно опредѣлить и степень познаній, и умѣнье пользоваться нужными пособіями.

Понятно, что какъ то, такъ и другое испытаніе должно производиться безъ всякихъ билетовъ, безъ всякой торжественной обстановки и другихъ, имѣющихъ угрожающій видъ аксессуаровъ, сопровождающихъ неизбѣжно наши обыкновенные экзамены. Съ внутренней стороны эти испытанія должны имѣть видъ бесѣды, и экзаменаторъ долженъ гораздо болѣе обращать вниманіе на степень пониманія главныхъ истинъ, чѣмъ на положительное знаніе подробностей, обыкновенно забываемыхъ на другой же день, и избѣгать малѣйшей тѣни педантическихъ требованій. Въ примѣръ правильнаго взгляда и яснаго пониманія сущности экзамена,

мы приведемъ одного профессора, читавшаго намъ одинъ предметъ изъ высшей прикладной математики. Онъ имѣлъ обыкновеніе предлагать экзаменуемому, послѣ того, какъ уже тотъ взялъ свой билетъ — передъ отвѣтомъ прочитать по руководству доставшійся ему вопросъ, основываясь на томъ, что незанимавшійся этою наукою, или плохо понимающій дѣло, ничего не приобрететъ съ одного раза; а между тѣмъ человекъ знающаго, это избавляетъ отъ безцѣльнаго запоминанія безчисленныхъ и безконечныхъ формулъ, вылетающихъ сейчасъ же послѣ отвѣта изъ головы. Ничего не можетъ быть, по нашему мнѣнію, логичнѣе и основательнѣе такого заключенія нашего профессора; и каждый, кто только хорошо знакомъ съ математическими науками и разумно понимаетъ значеніе ихъ, согласится навѣрно съ глубокою истиною, лежащею въ основаніи этой мысли.

Другой доводъ, приводимый въ особенности противъ экзамена на высшіе чины, какъ, напримѣръ, на первый штаб-офицерскій чинъ — состоитъ въ томъ, что для человека уже не первой молодости трудно приготовиться къ экзамену: умъ его уже не имѣетъ необходимой для этого гибкости, свойственной молодымъ годамъ, и притомъ щекотливо человеку, уже послужившему порядкомъ, подвергаться экзамену, напоминающему что-то школьное.

Но просимъ не забывать нашего взгляда на цѣль и на значеніе предлагаемаго нами экзамена. Это — не экзаменъ на чинъ, а испытаніе на право быть признаннымъ способнымъ къ исполненію извѣстныхъ обязанностей. Повторяемъ, что по нашему мнѣнію — съ тѣмъ, вѣроятно, согласится каждый, для кого ясна роль, которую играютъ науки въ образованіи человека — разумное изученіе наукъ, составляющихъ цѣль общаго образованія, имѣетъ исключительное назначеніе развивать интеллектуальныя способности, и что однажды разумно усвоенныя истины науки уже выполнили свое назначеніе: человекъ — развитъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности опредѣлять, что такой-то долженъ держать экзаменъ на право дальнѣйшаго повышенія непременно тогда, когда наступитъ время его повышенія: каждый долженъ имѣть право, во всякое время, когда ему угодно — заявлять о своихъ способностяхъ. Если мы доусумеемъ, что дипломъ или учебный аттестатъ, представляемый при вступленіи на службу, составляетъ достаточное ручательство для того, чтобы представившаго его сразу зачислить въ число офицеровъ, способныхъ внослѣдствіи занять высшую должностъ, то нѣтъ причины предполагать, что человекъ, заявившій уже на службѣ о своемъ развитіи, можетъ современемъ потерять его;

было бы несправедливо въ этомъ предположеніи отнимать у него право дѣлать это заявленіе, когда онъ призываетъ для себя удобнымъ, и препятствовать ему въ младшихъ чинахъ перейти въ разрядъ офицеровъ, предназначаемыхъ на высшія должности.

Подробности же специальныхъ знаній, конечно, могутъ, отъ недостатка упражненія, забываться; но очевидно, что это имѣетъ мѣсто одинаково для всѣхъ, и нѣтъ основанія полагать, что офицеръ, окончившій курсъ, ну хотя бы даже въ академіи генеральнаго штаба, и непримѣняющій, служа во фронтѣ, своихъ знаній въ дѣлу — будетъ долѣ помнитъ ихъ, чѣмъ человѣкъ, пріобрѣтшій ихъ въ академіи и доказавшій это экзаменомъ.

Поэтому-то мы и думаемъ, что нѣтъ основательной причины вводить этотъ экзамень непремѣнно на извѣстный чинъ, а надобно предоставить каждому офицеру втораго разряда во всякое время — въ чинѣ ли прапорщика, или въ чинѣ капитана — держать экзамень на право перейти въ разрядъ офицеровъ первой категоріи; причемъ, конечно, онъ сейчасъ же и долженъ получить всѣ права этого разряда. При этомъ послѣднемъ условіи, конечно, каждый желающій заниматься, будетъ стараться какъ можно ранѣе попасть въ этотъ разрядъ, чтобы ранѣе воспользоваться его правами, между которыми болѣе быстрое производство особенно заставитъ снѣшиться и не терять времени; а слѣдовательно, и разбираемое нами возраженіе едва-ли будетъ имѣть мѣсто.

Намъ могутъ представить еще одно возраженіе противъ практичности предлагаемаго экзамена: могутъ сказать, что едва-ли окажется большое число охотниковъ изъ среды армейскихъ офицеровъ воспользоваться правомъ перехода изъ одной категоріи въ другую; что весьма немногіе изъ неполучившихъ передъ поступленіемъ на службу достаточной подготовки, могутъ имѣть средства и возможность на столько пополнить свое образованіе, чтобы выдержать экзамень, и что, слѣдовательно, эта мѣра можетъ не принести ощутительныхъ результатовъ. Но, еслибы это было и такъ, еслибы только двое или трое въ годъ воспользовались этимъ правомъ, то и тогда бы эта мѣра имѣла свое нравственное значеніе: она служила бы живымъ доказательствомъ, что только познанія и дарованія имѣютъ привилегію на достиженіе высшихъ чиновъ, и что для каждаго, кто бы онъ ни былъ, открыта дорога къ высшимъ должностямъ, если только онъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Съ другой стороны мы не думаемъ, чтобы экзамень былъ рѣшительно невозможенъ для нашихъ армейскихъ офицеровъ. Сознывая себя недостаточно знающими съ бытомъ и обстановкою армейскихъ офицеровъ, мы не беремъ

положительно утверждать эту возможность; но не можем не указать по этому поводу на помещенную въ «Военномъ Сборникѣ» весьма замѣчательную статью г. Серебренничаго «Объ экзаменахъ офицеровъ» (*). Никто изъ читавшихъ эту статью не вздумаетъ, конечно, заподозрить автора въ идеализмъ: онъ все время стоитъ строго на почвѣ дѣйствительности, и, какъ видно, весьма коротко знакомъ съ наилучшею обстановкою армейской жизни. Признавая возможнымъ введеніе обязательныхъ для всѣхъ офицеровъ экзаменовъ, въ томъ видѣ, какъ они у насъ обыкновенно бывають, г. Серебренничій тѣмъ не менѣе находитъ возможнымъ — и даже подробно указываетъ на средства привести эту мысль въ исполненіе — сборъ офицеровъ поочередно на зимніе мѣсяцы по 10 человекъ отъ каждаго полка, при дивизионныхъ штабахъ, для слушанія лекцій, и затѣмъ допускаетъ возможность экзамена, производимагося именно на такихъ основаніяхъ, которыя мы высказали выше. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Серебренничаго о характерѣ этого экзамена: онъ долженъ быть именно тѣмъ-то въ родѣ лекціи на заданную тему, а не школьнымъ отвѣтомъ на вопросъ. Повторяемъ, что мы не беремъ судить о практическихъ удобствахъ мѣры, предлагаемой г. Серебренничимъ, но не можемъ не опереться на его статью для подтвержденія нашей мысли о возможности предлагаемыхъ экзаменовъ. Предполагаемое заведеніе окружныхъ юнкерскихъ школъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе будетъ способствовать этой возможности, доставляя юнкерамъ средства уже заранѣе готовить и собирать нужныя свѣдѣнія для будущаго экзамена, и можетъ значительно облегчить приведеніе нашей мысли въ исполненіе.

Наконецъ, независимо отъ экзаменовъ, существуетъ еще одно средство опредѣлять степень способностей офицера для дальнѣйшаго повышенія — средство, одинаково примѣнимое, впрочемъ, въ обѣимъ категоріямъ офицеровъ, потому что, еще разъ повторяемъ, учебный аттестатъ не всегда еще есть доказательство достаточныхъ способностей. Французскіе генералы, инспектирующіе полки, обязаны собирать офицеровъ осматриваемаго ими полка, и при помощи болѣе или менѣе продолжительной бесѣды съ ними, выводить свое заключеніе объ ихъ способностяхъ и дарованіяхъ. Говорятъ, этотъ порядокъ даетъ во Франціи весьма удовлетворительные результаты: выводимые инспектирующими генералами заключенія весьма близки къ дѣйствительности. Да оно, собственно говоря, и должно быть такъ: выбираемые военнымъ министромъ изъ числа способныхъ и опытныхъ генераловъ, инспек-

*) «Воен. Сборн.» 1863 № 11.

торы войскъ, какъ люди совершенно посторонніе войскамъ, и слѣдовательно стоящіе внѣ дравгъ и внутреннихъ интригъ полка, застилающихъ иногда глаза ближайшихъ начальниковъ — имѣютъ, при небольшомъ уже желаніи добросовѣстно исполнить свой долгъ, несравненно большую возможность произнести безпристрастное сужденіе, чѣмъ непосредственный начальникъ, который иногда, при всей добросовѣстности, можетъ видѣть въ своемъ подчиненномъ — вслѣдствіе различныхъ домашнихъ полковыхъ отношеній и сплетень — совсѣмъ не то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого мы убѣждены, что отзывы инспекторовъ войскъ могутъ давать болѣе правильное и болѣе ясное понятіе о способности офицера, чѣмъ отмѣтки нашихъ кондуктскихъ списковъ. Во всякомъ случаѣ, эта мѣра стоитъ того, чтобы подумать о ней.

Изложивъ передъ читателями соображенія, которыя мы считаемъ полезными положить въ основаніе новаго порядка комплектованія арміи офицерами, постараемся сдѣлать общій выводъ изъ нихъ, и изложить въ общихъ чертахъ тѣ элементы, изъ которыхъ долженъ, по нашему мнѣнію, состояться на будущее время корпусъ офицеровъ нашихъ армейскихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ.

При этомъ считаемъ нелишнимъ напомнить, что за точку отправленія мы принимаемъ:

1) заявленныя комисією для преобразованія рекрутской повинности основанія, которыя, по ея мнѣнію, должно принять военное министерство при обсужденіи вопроса объ измѣненіяхъ въ порядкѣ военной службы, то-есть: распространеніе въ принципѣ воинской повинности на всѣ сословія государства; отмѣна различія между поступившими по набору и вольноопредѣляющимися; отмѣна различія въ служебныхъ правахъ и преимуществахъ, основаннаго на сословномъ происхожденіи, и предоставленіе, при поступленіи на службу и при дальнѣйшемъ прохожденіи службы, особыхъ правъ и преимуществъ тѣмъ изъ поступающихъ въ войска, какъ по желанію, такъ и по набору, которые окончили курсъ въ извѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержали опредѣленный экзаменъ, примѣняясь къ правиламъ, существующимъ въ настоящее время относительно дворянъ, студентовъ университетовъ, воспитанниковъ гимназій и т. под. (*)

(*) «Военный Сборн.» 1864 года № 4. стр. 263.

и 2) предполагаемое сокращение сроков выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи, для всѣхъ вообще разрядовъ вольноопредѣляющихся, и для унтер-офицеровъ изъ сдаточныхъ. Сокращение это, хотя, можетъ быть, и не въ такихъ размѣрахъ, какъ это установлено въ видѣ временной мѣры вышеприведенными приказами г. военнаго министра—мы вправѣ ожидать на основаніи заявленія Русскаго военнаго обозрѣнія, апрѣльскаго нумера «Военнаго Сборника» за прошедшій годъ (*).

Слѣдовательно, пополненіе офицерскихъ вакансій будетъ производиться изъ унтер-офицеровъ, болѣе или менѣе безъ различія происхожденія. Нормою образованія для младшихъ офицерскихъ чиновъ, то-есть офицеровъ второй категоріи, можно, безъ особеннаго вреда для службы, принять курсъ уѣздныхъ училищъ, соотвѣтствующій, какъ мы уже говорили, нынѣшней юнкерской программѣ. Удовлетвореніе этого условія можетъ быть выполнено или представленіемъ свидѣтельства объ окончаніи курса, или сдачею экзамена передъ военнымъ начальствомъ, смотря, какъ удобнѣе будетъ признано. Затѣмъ, по выслугѣ опредѣленнаго срока въ званіи нижняго чина, унтер-офицеры этой категоріи могутъ быть производимы на вакансіи, разсчитываемыя по дѣвизіямъ; причемъ, конечно, предварительно они должны выдержать экзаменъ въ знаніи службы и въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя признаны будутъ необходимыми для офицера того рода войска, куда они производятся.

Въ число офицеровъ первой категоріи могутъ поступать: 1) окончившіе курсъ въ военныхъ училищахъ, преобразование которыхъ въ послѣднее время дозволяетъ надѣяться, что воспитывающіеся тамъ могутъ соединять, при порядочномъ общемъ образованіи, и прочныя познанія въ военныхъ наукахъ; 2) произведенные изъ студентовъ и окончившихъ курсъ съ аттестатами въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и сдавшихъ передъ производствомъ опредѣленный экзаменъ изъ военныхъ наукъ; и 3) офицеры, переходящіе по экзамену изъ второй категоріи на тѣхъ условіяхъ, какія мы изложили выше.

Пользуясь случаемъ, обратимъ вниманіе на то, что въ существующемъ назначеніи сроковъ для выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи, у насъ сдѣлано различіе между кончившими въ гимназіяхъ курсъ съ правомъ на чинъ XIV класса, и безъ этого права: первые служатъ до офицерскаго чина одинъ годъ, и должны быть производимы, хотя бы и не было вакансій; вторые же не пользуются этимъ преимуществомъ, и должны пробыть унтер-

(*) «Воен. Сборн.» 1863 г. № 4. рус. воен. обзор. стр. 586—545.

офицерами два года. По нашему мнѣнію, такое различіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Право на чинъ XIV класа дается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ за успѣхи въ греческомъ языкѣ; въ большинствѣ же гимназій это право получаютъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые, не разсчитывая продолжать свое образованіе въ университетѣ, слушаютъ, вмѣсто латинскаго языка, лекціи законовѣдѣнія и оважутъ при выпускѣ достаточные успѣхи по этому предмету. Конечно, условія для полученія права на чинъ XIV класа нѣсколько выше, чѣмъ условія, дающія право на полученіе просто аттестата объ окончаніи курса; но это обстоятельство не исключаетъ возможности случаевъ, что учившійся латинскому языку, и слѣдовательно неимѣющій права на чинъ, будетъ стоять по своему аттестату выше получившаго это право своего товарища; а между тѣмъ, еслибы по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, онъ вздумалъ измѣнить свое намѣреніе поступить въ университетъ — что очень возможно, такъ-какъ выборъ латинскаго языка или законовѣдѣнія долженъ быть рѣшенъ при переходѣ въ четвертый класъ, то-есть за четыре года до выпуска — и поступилъ бы въ военную службу, ему бы пришлось служить до офицерскихъ эполей по меньшей мѣрѣ два года, тогда какъ товарищъ его, хуже кончившій курсъ, долженъ непремѣнно быть произведенъ черезъ годъ. Могутъ сказать, что знаніе законовѣдѣнія полезнѣе для военной службы, чѣмъ знаніе латинскаго языка; но достаточно указать на получающихъ чинъ за греческій языкъ, чтобы убѣдиться, что не это обстоятельство лежитъ въ основаніи такого значительнаго различія въ правахъ. По нашему мнѣнію, было бы справедливѣе сравнять въ правахъ всѣхъ кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, съ опредѣленнымъ успѣхомъ.

Разбирая указанные нами источники для пополненія офицерскихъ вакансій первой категоріи, могутъ возразить, что этихъ источниковъ будетъ недостаточно для покрытія ежегодной убыли; но числа говорятъ другое. Изъ статистическихъ данныхъ можно предполагать, что уже число воспитанниковъ, выпускаемыхъ ежегодно изъ военныхъ училищъ, при высшей нормѣ выпуска, которая, какъ мы уже видѣли, назначена въ 500 человекъ — будетъ почти достаточно для замѣщенія вакансій офицеровъ этой категоріи. Мы уже видѣли, что число всѣхъ вообще строевыхъ и нестроевыхъ офицеровъ къ 1-му января 1862-го года было 31,856 человекъ (*). Изъ этого числа слѣдуетъ исключить офи-

(*) Воен. Сб. 1863 г. № 9. Рус. воен. об. стр. 249.

пероу гвардіи, артилеріи и инженероу — частей, комплектующихся, какъ знаемъ, почти исключительно изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, а также и офицеровъ мѣстныхъ войскъ артилерійскаго и инженернаго вѣдомства, гдѣ командиры частей назначаются изъ строевыхъ офицеровъ, а младшіе офицеры почти исключительно изъ выслужившихся унтер-офицеровъ. Число офицеровъ гвардіи, данное г. Ильяшевичемъ, составляетъ 1,404 человекъ (*); число же офицеровъ артилерійскаго и инженернаго вѣдомствъ составляетъ, какъ видно изъ отчета военнаго министерства за 1860 и 1861 гг., около 14,5% всего вообще числа офицеровъ (**), слѣдовательно равняется 4,619 человекамъ. Выключивъ оба эти числа изъ общаго числа офицеровъ, получимъ 25,833 человекъ.

Изъ приведенной г. Ильяшевичемъ таблицы по чинамъ мы видимъ, что число генераловъ и штаб-офицеровъ, то-есть чиновъ, изъ которыхъ назначаются начальники отдѣльныхъ частей — въ войскахъ разбираемыхъ авторомъ — было равно 1,711 (**), что составляетъ около 13,5% всего числа офицеровъ (12,652). Принимая это отношеніе для 25,833 офицеровъ, получимъ приближительное число генераловъ и штаб-офицеровъ въ 3,487 человекъ — положимъ, 3,500. Какъ мы уже знаемъ, средняя убыль офицеровъ составляетъ около 9% въ годъ, что даетъ ежегодную убыль въ этихъ чинахъ въ 315 человекъ. Могутъ сказать, что по причинѣ большей преклонности лѣтъ, убыль въ высшихъ чинахъ выше средней убыли; но это — невѣрно: изъ того же отчета военнаго министерства (****) мы видимъ, что въ то время, какъ убыль въ числѣ офицеровъ смертію составляла въ 1860 году менѣе 17%, а въ 1861 г. менѣе 16% всей убыли — остальные 85—84% приходятся на долю убыли отставкою, переводами въ другія вѣдомства, и т. п. Но понятно, что эти послѣдніе случаи убыли имѣютъ болѣе мѣста въ молодыхъ лѣтахъ и въ младшихъ чинахъ, чѣмъ тогда, когда человекъ уже достигъ болѣе или менѣе виднаго мѣста и обезпеченнаго положенія, и когда перемѣна дѣятельности становится вообще болѣе тягостною.

Вслѣдствіе этого, мы вправѣ заключить, что полученное нами число 315 не только не ниже, но даже, можетъ быть, выше дѣйствительной ежегодной потребности въ чинахъ, необходимыхъ для пополненія вакансій начальниковъ армейской пѣхоты и каза-

(*) Воен. Сб. 1863 г. № 11. Рус. воен. обоз. стр. 239.

(**) Воен. Сб. 1863 г. № 9. Рус. воен. обоз. стр. 252 и 253.

(***) Воен. Сб. 1863 г. № 11. Рус. воен. обоз. стр. 241.

(****) Воен. Сб. 1863 г. № 9. Рус. воен. обоз. стр. 250.

леріи. На покрытіе этой потребности, мы имѣемъ 500 человѣкъ офицеровъ, которыхъ предполагается выпускать ежегодно изъ военныхъ училищъ; но изъ этого числа слѣдуетъ исключить количество, необходимое для пополненія гвардіи, артилеріи и инженерныхъ войскъ. По свѣдѣніямъ, представленнымъ г. Ильяшевичемъ (*), можно видѣть, что изъ всего числа 3,278 человѣкъ, произведенныхъ изъ кадетъ въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1857 по 1861 г.) въ разныя войска, на пополненіе гвардіи, артилеріи и инженеровъ пошло 1,248 человѣкъ, что составляетъ 43,5⁰/₀ всего числа. Принимая это отношеніе, мы получимъ, что изъ 500 офицеровъ, на долю арміи достанется около 280 человѣкъ; причемъ, конечно, предполагается, что вслѣдствіе новой системы въ военныхъ училищахъ, случаи производства въ гарнизонъ будутъ исключеніями.

Слѣдовательно, разность между ежегодною потребностію въ офицерахъ первой категоріи и числомъ офицеровъ, выходящихъ изъ военныхъ училищъ, будетъ около 35 человѣкъ. Но эту цифру слѣдуетъ считать слишкомъ высокою, если вспомнимъ, что въ число 25,833 человѣкъ, изъ котораго мы вывели ежегодную потребность, вошли офицеры генеральнаго штаба, пополняющагося, какъ извѣстно, на половину — если не болѣе — офицерами гвардіи и артилеріи, невошедшими въ счетъ, и комплектующимися изъ отдѣленной нами особенной части кончившихъ курсъ въ военныхъ училищахъ; въ то же число вошли и офицеры корпуса топографовъ, комплектующагося также не изъ общихъ источниковъ. Принявъ же притомъ въ соображеніе, что не всѣ же штаб-офицеры командуютъ батальонами и другими отдѣльными частями, и что многіе штаб-офицеры гвардіи, невошедшей въ расчетъ, получаютъ армейскія части, мы вправѣ думать, что ежегодный выпускъ изъ военно-учебныхъ заведеній можетъ приблизительно покрывать ежегодную убыль офицеровъ, способныхъ къ командованію частями.

Съ другой стороны, открытіе возможности для образованныхъ офицеровъ болѣе быстрого повышенія, сравнительно съ другими, возбудитъ соревнованіе и, нѣтъ сомнѣнія, привлечетъ къ поступленію въ армейскіе полки большее число окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чѣмъ въ настоящее время,

Изъ всего этого читатель можетъ видѣть, что, не касаясь измѣненія системы чинопроизводства, мы собственно ничего новаго не предлагаемъ. Все то, что мы считаемъ полезнымъ, уже

(*) Воен. Сб. 1863 г. № 11. Рус. воен. обозр. стр. 246.

отчасти въ общихъ чертахъ приведено въ исполненіе, отчасти предполагается въ весьма недалекомъ будущемъ; вся наша цѣль и состояла въ томъ только, чтобы постараться отыскать ту нить, которая бы могла соединить отдѣльныя части въ общую систему.

Но не такъ легко примирить съ дѣйствительностію основное начало нашей системы — именно предлагаемое нами введеніе смѣшаннаго чиновпроизводства, на подобіе принятаго во Франціи, хотя и эта мысль уже не нова: она была уже высказана въ «Военномъ Сборникѣ» въ нѣкоторыхъ статьяхъ, объ уравниеніи чиновъ въ гвардіи и арміи (*). Мы уже говорили, что въ сущности — эта система уже существуетъ у насъ *de facto*: принятое по закону правило производить въ армейскихъ полкахъ въ штаб-офицерскіе чины не по линіи, а за отличіе и предоставленное ближайшему начальству право выбора, при замѣщеніи вакансій начальниковъ частей — есть не что иное, какъ фактическое примѣненіе этой системы. Вся разница, какъ мы уже сказали, состоитъ въ выборѣ критериума для опредѣленія способностей; но тѣмъ не менѣе введеніе этой системы *de jure* необходимо должно повлечь за собою серьезныя послѣдствія. Оно сразу разобьетъ офицеровъ на два рѣзко-отличающихся другъ отъ друга разряда, и поговорка: «плохой тотъ солдатъ, кто не надѣется быть генераломъ», и обольщающая, быть можетъ, многихъ въ настоящее время — тогда уже не будетъ имѣть мѣста, по крайней мѣрѣ въ мирное время. Не принадлежа къ числу людей, вѣрующихъ въ пользу какого бы то ни было ослѣпленія, мы думаемъ, что военная служба много выиграетъ отъ замѣны господъ, служащихъ изъ-за фиктивныхъ выгодъ, людьми, видящими въ службѣ болѣе положительную цѣль: тогда, по крайней мѣрѣ, устранится хотя отчасти указанный нами выше недостатокъ, происходящій оттого, что у насъ весьма многіе служатъ исключительно изъ-за будущихъ благъ, и вслѣдствіе этого несутъ службу, спустя рукава — лишь бы только не попасться въ несправности. Съ другой стороны — этою мѣрою отстраняется также и замѣченная всѣми необыкновенная подвижность личнаго состава низшихъ офицерскихъ чиновъ въ нашей арміи — необходимое слѣдствіе разочарованій и разбитыхъ надеждъ; а такая подвижность, несомѣнно, весьма вреднымъ образомъ отзывается на состояніи войскъ.

Но теперь возникаетъ другой вопросъ: не окажется ли это уничтоженіе надеждъ на будущее — вреднаго вліянія на число

(*) См. статьи гг. Бранта (В. С. 1864, № 4); В. Комарова (В. С. 1864 г. № 5), и др.

желающих поступать въ военную службу? Не уменьшится-ли это число вслѣдствіе того, что отнята будетъ приманка, притягивавшая, вѣроятно, до сихъ поръ многихъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ съ положительною увѣренностію невозможно ни въ ту, ни въ другую сторону: рѣшенія подобныхъ вопросовъ, основанна на однихъ умозрительныхъ заключеніяхъ, безъ прочныхъ данныхъ, надобно произносить съ большою осторожностію. Но нѣкоторыя соображенія позволяютъ намъ думать, что едва-ли это опасеніе имѣетъ достаточно прочное основаніе. Конечно, пока право быть офицеромъ составляло почти исключительную привилегію одного сословія, можно было опасаться, что при неблагопріятныхъ условіяхъ окажется недостатокъ въ охотникахъ; но при распространеніи этого права на всѣхъ, едва-ли это опасеніе основательно, тѣмъ болѣе при существованіи условія, что каждый молодой человѣкъ обязанъ будетъ отслужить опредѣленный срокъ въ арміи. Притомъ же мы не должны упускать изъ виду, замѣченную всѣми во всѣхъ вообще класахъ нашего общества наклонность къ государственной службѣ, вслѣдствіе которой, каждый, мало-мальски чему-нибудь учившійся, при первомъ удобномъ случаѣ поступаетъ на службу, не имѣя въ виду нетолько ничего особенно-привлекательнаго, но даже хотя сколько нибудь сноснаго. Конечно, причины этой наклонности кроются отчасти въ недостаточномъ еще развитіи у насъ умственной и промышленной дѣятельности; но тѣмъ не менѣе это — фактъ, что у насъ огромное количество чиновниковъ. А между тѣмъ, реформы по гражданской администраціи влоняты вовсе не къ тому, чтобы увеличивать это число; напротивъ, очень вѣроятно, что въ весьма непродолжительномъ времени, эта масса чиновниковъ значительно сократится: одна судебная реформа закроетъ огромное число существовавшихъ до сихъ поръ чиновническихъ должностей. Куда же дѣнется вся эта масса чиновниковъ, засѣдающая въ разныхъ судахъ и палатахъ, и молодежь, жаждущая полученія мѣстъ писцовъ и канцелярскихъ служителей? Они все-таки учились кое-чему въ уѣздныхъ училищахъ и низшихъ класахъ гимназій; они хлопочатъ теперь о мѣстахъ, на которыхъ не видать ничего, кромѣ перспективы въ какіе-нибудь восемь-девять рублей, а иной разъ и менѣе — въ мѣсяцъ сидѣть изо дня въ день надъ бумагами — и развѣ въ отдаленномъ будущемъ, лѣтъ черезъ пятнадцать-двадцать, добиться мѣста столоначальника, или секретаря. У насъ обыкновенно смотрятъ съ пренебреженіемъ на этихъ труженниковъ, а забываютъ ихъ обстановку, ихъ обстоятельства, убивающія въ нихъ всѣ силы и приводящія ихъ въ такое положеніе, гдѣ взятки составляютъ единственное вознагражденіе за убитую надъ

бумагами жизнь; а попробуйте дать просторъ этимъ силамъ, укажите имъ на болѣе благодарную дѣятельность — и будьте увѣрены, что изъ нихъ выйдутъ люди никакъ не хуже какого-нибудь недоросля изъ матушкиныхъ сынковъ. Поэтому-то и надобно думать, что съ уменьшеніемъ сроковъ службы до офицерскаго чина, и вообще съ облегченіемъ доступа къ нему — найдется много охотниковъ изъ этихъ людей служить изъ-за жалованы, до котораго теперь много времени приходится имъ тянуть ляжку похуже военной службы. Привыкшіе довольствоваться небольшими и не мечтать богъ-знаетъ о чемъ въ будущемъ, они, будучи произведены въ офицеры, будутъ вполне довольны своимъ содержаніемъ въ настоящемъ, и надеждою въ будущемъ получить за свою службу пенсію, которая, благодаря эмеритурѣ, вполне можетъ обезпечить ихъ неприхотливое существованіе въ старости — и, при правильномъ направленіи ихъ дѣятельности, могутъ дать весьма полезный элементъ для пополненія арміи офицерами второй категоріи. Во всякомъ случаѣ, заинтересованные непосредственно въ дѣлѣ и дорожащіе тѣмъ, что имѣютъ въ настоящемъ, они будутъ полезнѣе для службы, чѣмъ господа, которые сами не знаютъ чего хотятъ и чего ждуть отъ службы, и поступаютъ на службу не иначе, какъ съ мечтами о густыхъ эполетахъ.

Гораздо менѣе основательнымъ кажется намъ мнѣніе, раздѣляемое весьма многими, что дѣленіе офицеровъ на «образованныхъ» и «необразованныхъ» — вообще вредно (*), и что это обстоятельство несомнѣнно съ достоинствомъ офицерскаго званія. Такъ, напримѣръ, по поводу весьма основательнаго, по нашему мнѣнію, замѣчанія г. редактора «Военнаго Сборника», что при предполагаемой новой системѣ чиноустройства, можно бы было чинъ прапорщика предоставить тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые достойны по своей службѣ офицерскаго чина, но не могутъ выдержать вполне установленнаго экзамена, съ тѣмъ, чтобы они впоследствии держали полный офицерскій экзаменъ для полученія чина подпоручика (**) — г. Брантъ, въ своей статьѣ: «О сравненіи гвардейскихъ офицерскихъ чиновъ съ армейскими» (***) говоритъ: «каково бы ни было названіе офицерскаго чина — прапорщикъ или подпоручикъ — важность и значеніе его заключается не въ наименованіи, а въ самомъ званіи офицера, которое съ достоинствомъ и примичіемъ (?) можетъ поддерживаться только тогда, когда лицо, носящее его, удовлетворяетъ даннымъ (?) усло-

(*) См. статью г. Райковскаго. В. Сб. 1864 г. № 4 стр. 323.

(**) Воен. Сборн. 1864 г. № 2. стр. 269.

(***) Воен. Сб. 1864 г. № 4. Ст. г. Бранта, стр. 365.

вѣтъ, между которыми *известная* степень образованія не должна занимать послѣднее мѣсто». Не знаемъ, что авторъ разумѣтъ подъ словомъ *данныя* условія, и какія это условія, кромѣ образованія, необходимы для того, чтобы быть офицеромъ? Далѣе г. Брантъ продолжаетъ въ томъ же духѣ: «не слѣдуетъ забывать, что чинъ прапорщика есть все-таки офицерская степень (да кто же это забываетъ?) и что *следовательно* (почему же *следовательно*?) для *достоинства* офицерскаго званія все равно, будетъ ли оно *весьма мало* (?) *поддерживаться* носящимъ эполеты съ одною, или съ двумя звѣздочками».

Очевидно, что авторъ смотритъ въ этомъ случаѣ на офицера не какъ на человѣка, служащаго извѣстному дѣлу, а какъ на члена свѣтскаго общества; онъ измѣряетъ качества носящаго офицерское званіе, и даже степень его образованія не тѣмъ, способенъ ли онъ или нѣтъ къ разумному исполненію своихъ обязанностей, а тѣмъ, въ какой степени онъ можетъ съ *достоинствомъ и приличіемъ* поддерживать званіе офицера; но гдѣ? — да, разумѣется, въ обществѣ: гдѣ же иначе употреблять слова *приличіе*? Къ сожалѣнію, мѣреи для *приличія* весьма условны: было время, когда званіе гвардейскаго офицера съ *достоинствомъ и приличіемъ* могъ поддерживать только тотъ, кто могъ ѣздить на тысячныхъ рысакахъ; теперь же дѣло другое: никто не находитъ неприличнымъ даже для кавалергардовъ и лейб-гусаръ ѣздить на извожикахъ. Нѣтъ, теперь не время идеальничать, мечтать богъ-знаетъ о чемъ, не до того; теперь армія нуждается въ честныхъ служакахъ, умѣющихъ добросовѣстно исполнять свои незатѣйливыя обязанности, а не въ любезныхъ моншерахъ, способныхъ забирать вполонъ сердца провинціальныхъ барышень.

Мы согласны съ тѣмъ, что человѣкъ долженъ уважать свое званіе, и стараться поддерживать его значеніе въ глазахъ общества; но только никакъ не внѣшнимъ блескомъ, а внутреннимъ содержаніемъ, то-есть добросовѣстнымъ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя наложило общество на это званіе. Хлопотать же о корпоративной исключительности, силиться во что бы то ни стало придать своему званію какую-то особенную кастовую честь — мы считаемъ не только несомвѣстнымъ и бесполезнымъ, но даже вреднымъ дѣломъ: съ подобными стремленіями, какъ разъ можно попасть въ ту же колею, по которой прусскіе офицеры, несмотря на все свое образованіе, дошли уже до страннаго развитія понятія о воинской чести. Но у насъ такое стремленіе едва-ли возможно: здравый смыслъ русскаго народа не даромъ сложилъ пословицу: по платью встрѣчать — по уму провожать;

да притомъ еще въ настоящее время, промежутокъ между временемъ, когда по платью встрѣтять и по уму проводить, становится день ото дня короче. Такъ ужъ не лучше ли будетъ воздѣлываніе рыцарскихъ понятій о корпоративной воинской чести въ мирное время предоставить нѣмцамъ: пусть себѣ они на здоровье развиваютъ свои особенныя понятія объ офицерскомъ *point d'honneur*, отличномъ отъ *point d'honneur* прочихъ смертныхъ— и поддерживаютъ его, обнажая изъ-за всякой бездѣлицы свои сабли противъ мирныхъ гражданъ; а мы обойдемся и безъ этого, да у насъ и закономъ запрещено употреблять саблю въ дѣло, въ мирное время.

Д. В. ШАТИЛОВЪ.

О ДАНТЕ.

По поводу шестисотлѣтняго юбилея.

Статья вторая и послѣдняя.

Къ партіи *черныхъ*, во главѣ которой стоялъ Корсо-Донати, человѣкъ съ блестящими способностями, но въ высшей степени жестокой и безнравственный, принадлежали самыя смѣлые и благородныя изъ гражданъ Флоренціи. Партія *бѣлыхъ* имѣла предводителемъ Вieri-де-Черки и считала въ своихъ рядахъ много людей, замѣчательныхъ по уму и по заслугамъ, какъ напримѣръ, были историкъ Дино Компаньи, Гвидо Кавальканти и Данте Алигieri.

Посреди столь затруднительныхъ обстоятельствъ, Дантъ былъ избранъ въ число пріоровъ города Флоренціи (*). Онъ уже составилъ себѣ извѣстность и приобрѣлъ довѣріе своихъ согражданъ успѣшнымъ веденіемъ дипломатическихъ переговоровъ, какіе неоднократно на него возлагались, и теперь, на тридцать-пятомъ году своей жизни, долженъ былъ принять участіе въ правленіи страны, терзаемой междоусобіемъ и которой угрожала анархія.

Девять дней спустя послѣ вступленія его въ новую должность, приверженцы Корсо-Донати произвели во Флоренціи беспорядки, окончившіяся жестокимъ кровопролитіемъ. Это послужило Бонифацію поводомъ къ осуществленію давно задуманнаго плана о призваніи въ Италію Карла Валуа.

Флорентинское правительство, испуганное оборотомъ, какой принимали дѣла, послѣ серьезнаго совѣщанія, рѣшилось отправить Данте посломъ къ Бонифацію съ цѣлью отклонить его отъ намѣренія, столь гибельнаго для ихъ отечества. Данте, сознавая важность возлагаемаго на него порученія, но въ то же время пугаясь мысли оставить бразды правленія въ неопытныхъ и слишкомъ слабыхъ рукахъ своихъ товарищей, долго колебался, не зная, на что ему рѣшиться. Тогда-то, волнуемый сомнѣніями, онъ про-

(*) Пріоры, въ числѣ шести, стояли во главѣ правленія всей республики.

изнесъ знаменитыя слова, самыя горделивыя, но и самыя правдивыя и сознательныя изъ тѣхъ, которыя когда-либо выходили изъ устъ государственнаго человѣка: «*Есмь я поиду — воскликнуль онъ — кто останется? Есмь я останусь, кто поидеть*» (*)? Но послѣ зрѣлаго размышленія онъ рѣшился поѣхать и отправился въ Римъ.

Бонифацій смотрѣлъ на Данте съ затаенной злобой, и только выжидалъ случая, чтобы излить на немъ свой гнѣвъ. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ его съ большимъ почетомъ и отвѣчалъ на его ходатайство двусмысленными обѣщаніями и съ притворной благосклонностью. Все подготавливая для гибели республики, онъ ублаживалъ бдительность ея посла несбыточными надеждами и старался разсѣвать подозрѣнія, могущія возникнуть въ его душѣ.

Благодаря содѣйствію папы, слабости сеньоріи (**) и легковѣрію флорентинскаго народа, французскій принцъ имѣлъ полный успѣхъ. Но забывъ свое званіе посредника и безпристрастнаго судьи, онъ тотчасъ же началъ оказывать предпочтеніе партіи черныхъ и жестоко преслѣдовать всѣхъ, кто противился его вступленію во Флоренцію. Смертные приговоры сыпались въ огромномъ количествѣ на беззащитныхъ гражданъ, а имущества ихъ переходили въ руки Карла и обогащали его.

Одною изъ первыхъ жертвъ его мстительности и жадности былъ Алигieri.

Новый подеста, Канте Габриели да-Губбіо, желая угодить Карлу, избравшему его въ эту должность, не дожидаясь его приказаній, обнародовалъ указъ, присуждавшій Данте къ двухлѣтнему изгнанію и къ уплатѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней пени въ 8,000 флоринновъ и налагавшей запрещеніе на все его имущество. Затѣмъ, какъ-бы раскаяваясь въ столь вроткомъ приговорѣ, достойный слуга Валуа поспѣшилъ поправить свою ошибку. Въ тотъ самый день, когда истекалъ срокъ, назначенный для внесенія штрафа, вышло новое предписаніе, гласившее, что если Данте Алигieri попадетъ въ руки исполнителей закона, то онъ безъ дальнѣйшаго суда и замедленія будетъ преданъ сожженію: «*igne comburatur sic quod moriatur*».

Поэтъ, между тѣмъ, видя какъ событія не соотвѣтствуютъ обѣщаніямъ папы, наконецъ убѣдился въ его вѣроломствѣ. Онъ покинулъ Римъ, проклиная Бонифація и собственное ослѣпленіе, и отправился въ Сиену, гдѣ впервые услышалъ о приговорѣ, лишившемъ его имущества и осуждавшемъ его на изгнаніе.

(*) S'io vo chi resta? S'io sto chi va?

(**) Такъ называлась во Флоренціи исполнительная власть.

Съ тѣхъ поръ началась для него тяжелая, исполненная заботъ и лишней, жизнь изгнанника. У него не было никакихъ средствъ въ существованію и ему ничего болѣе не оставалось, какъ жить со дня на день вспоможеніемъ сострадательныхъ людей. «Я уподобляюсь — писалъ онъ однажды съ сердцемъ, преисполненнымъ горечью — я уподобляюсь кораблю безъ парусовъ и безъ руля, носимому по волѣ вѣтра и валовъ, и мнѣ ежеминутно угрожаетъ опасность разбиться о крутые берега изгнанія. Я скитаюсь какъ странникъ, почти какъ нищій, противъ воли показывая всѣмъ и каждому отвратительную рану бѣдности, всю вину въ которой несправедливый свѣтъ нерѣдко взваливаетъ на несчастнаго, отъ нея страдающаго, тогда какъ онъ есть не что иное, какъ ея жертва».

Наконецъ, истощенный нравственными и физическими страданіями, томимый непреодолимымъ желаніемъ увидѣть родину, онъ написалъ къ флорентинцамъ трогательное письмо, въ которомъ умолялъ ихъ позволить ему возвратиться въ отечество. Но флорентинцы, вслѣдствіе какого-то непонятнаго упрямства, отвѣчали ему отказомъ.

Мы не можемъ слѣдить за поэтомъ шагъ за шагомъ въ его продолжительномъ и тягостномъ странствованіи. Скажемъ только, что онъ переходилъ изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, получая гдѣ кусокъ хлѣба, гдѣ гостепримство. Болонья, Верона, Падуа, Лумиджіана, Лондонъ и Парижъ, по очереди, имѣли его въ своихъ стѣнахъ. Когда же онъ въ 1311 году вернулся въ Италію, судьба вздумала наградить его мимолетной улыбкой.

Императоръ Генрихъ VII, наслѣдовавшій Альберту австрійскому, возымѣлъ великодушное намѣреніе возстановить имперію въ Италіи. Обстоятельства повидимому ему благоприятствовали и надежда на успѣхъ снова оживила сердца патріотовъ.

Генрихъ короновался въ Миланѣ итальянскимъ королемъ въ январѣ 1311 года. Вскорѣ послѣ того, къ нему присоединился Данте и обѣщался поддерживать его права на римскую имперію всѣми силами своего ума и краснорѣчія. Онъ сдержалъ свое слово, написавъ книгу: *О монархii*.

Въ Тосканѣ Генрихъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Виродженіе двухъ мѣсяцевъ стоялъ онъ передъ Флоренціей, стараясь склонить ее на свою сторону, но наконецъ, видя, что всѣ усилія его разбиваются о рѣшимость флорентинцевъ не сдаваться ни на его увѣщанія, ни на угрозы, снялъ осаду и удалился въ Буонконвенто. Здѣсь ожидали его измѣна и смерть. Одинъ доминиканскій монахъ отравилъ его.

Съ этого рокового дня, жизненный горизонтъ Данте окончательно омрачился. Его любовь къ Генриху и надежды, которыя онъ на него возлагалъ, были послѣднимъ свѣтлымъ лучомъ въ его существованіи. Мы, какъ и всегда, находимъ въ Божественной комедіи отголосокъ этихъ чувствованій поэта къ великодушному императору. Въ XXX глѣснѣ Райа, Беатриче, показывая Данте самыя высокія степени славы и блаженства, говорить:

«На этомъ высокомъ тронѣ, привлекающемъ твои взоры, вслѣдствіе висящей надъ нимъ короны, восседеть душа великаго Генриха, который на землѣ получитъ названіе августѣйшаго и будетъ возстановителемъ мира въ Италіи» (*).

Вида, какъ всѣ попытки гибелиновъ вырвать Тоскану изъ рукъ непріятеля оставались безъ успѣха, Данте рѣшился вторично обратиться къ флорентинцамъ съ просьбою о позволеніи возвратиться на родину. На этотъ разъ онъ получилъ желаемое разрѣшеніе, но оно сопровождалось условіями столь оскорбительными и унижительными для человѣческаго достоинства, что онъ съ негодованіемъ отвергнулъ ихъ.

«Такимъ ли образомъ — писалъ онъ — слѣдуетъ призывать на родину Данте Алигьеріа, послѣ пятнадцатилѣтняго изгнанія? Того ли заслуживаетъ моя невинность, всѣмъ и каждому очевидная? Къ тому ли должны были меня привести мои труды и моя дѣятельность? Прочь отъ меня, философа, подобная низость, достойная подлаго сердца; прочь отъ меня и самая мысль о возвращеніи къ вамъ подобно злодѣю или несчастному идиоту, которые, кааясь съ веревкой на шеѣ, предлагаютъ за себя выкупъ. Прочь отъ меня провозвѣстники правосудія: оскорбленный моими братьями, я заплатилъ обидѣвшимъ меня благодареніями!... Если во Флоренцію нельзя войти путемъ чести, то я никогда болѣе не увижу моей родины».

Послѣ этого благороднаго отказа, Алигьеріа продолжалъ вести скитальческую жизнь, единственнымъ утѣшеніемъ которой было сознаніе собственной независимости. Онъ никогда не оставался долго въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но постоянно странствовалъ, размышляя, изучая природу и занимаясь своими литературными трудами. Наконецъ, утомленный этой жизнью, безъ отдыха и лишенный всякой радости, онъ согласился принять радушное приглашеніе Гвидо Новелло де'Полентани, который предлагалъ ему у себя въ Равенѣ жилище и совершенно независимое положеніе. Но знаменитый изгнанникъ недолго пользовался этими благами, слишкомъ поздно выпавшими ему на долю: его истощенное тѣ-

(*). Рай. Пѣс. XXX.

ло и утомленный дух стремился къ болѣе полному спокойствію могилы.

Онъ скончался на рукахъ Гвидо де'Полентани 13 сентября 1321 года, послѣ кратковременной болѣзни и на 57-мъ году своей жизни. Послѣднія слова его были обращены къ этому вѣрному другу; послѣдній вздохъ его принадлежалъ Беатриче, послѣднее сожалѣніе—дѣтямъ, послѣдняя мысль—отечеству.

Прахъ его и понынѣ покоится въ Равенѣ, въ небольшой часовнѣ, воздвигнутой стараніями Полентани. Римъ почтилъ память поэта, поручивъ рѣзцу Кановы воспроизвести черты его при входѣ въ эту часовню. А во Флоренціи, подъ величественными сводами церкви св. Креста, этого національнаго Пантеона, возвышается въ честь Данте Алигieri великолѣпный саркофагъ. Его окружаютъ памятники Макиавели, Микель-Анджело и Галилея—памятники всего, чтò есть самаго великаго въ области политики, литературы, науки и искусства.

Сложивъ въ могилу бранные останки поэта, перейдемъ теперь къ его поэмѣ, къ этому величавому памятнику политической и гражданской реформы, которую онъ завѣщалъ Италіи.

Данте начинаетъ поэму разсказомъ о томъ, какъ, дойдя до половины «жизненной дороги», онъ заблудился въ дикомъ, дремучемъ лѣсу. Послѣ утомительной ночи, проведенной въ тѣтнхъ усиліяхъ выбраться на прямую дорогу, онъ достигаетъ подножія холма, позлащеннаго первыми лучами восходящаго солнца. Онъ немного отдыхаетъ и затѣмъ начинаетъ взбираться на холмъ, какъ вдругъ его останавливаетъ появленіе пантеры, которая преграждаетъ ему путь. Въ испугѣ онъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія, но пестрая шкура животнаго, свидѣтельствующая объ его измѣнчивомъ нравѣ, утрення прохлада и чарующее обаяніе весны возвращаютъ ему бодрость духа и спокойствіе. Онъ уже готовится итти далѣе, но снова останавливается при видѣ льва и волчицы. Страшныя эти животныя окончательно лишаютъ его мужества, отнимаютъ у него всякую надежду на возможность достигнуть вершины горы и гонятъ его внизъ. Но въ то самое время, когда онъ стремглавъ катится назадъ, взорамъ его представляется образъ человѣка или, лучше сказать, легкой тѣни, и онъ обращается къ ней съ мольбой о помощи. Это—Виргилій. Онъ говоритъ Данте о зломъ нравѣ волчицы, о томъ, какъ она, выйдя изъ ада, «совокупляется со множествомъ животныхъ» и какъ она будетъ составлять несчастіе людей, пока не придетъ пестъ, который станетъ гнать ее изъ города въ городъ и наконецъ снова ввергнетъ въ адъ. Затѣмъ Виргилій объявляетъ, что если Данте желаетъ выдти изъ этого дикаго мѣста, то ему

слѣдуетъ идти другимъ путемъ. Онъ общается 'быть его проводникомъ и показать ему тѣни грѣшниковъ, осужденныхъ на вѣчное страданіе, души тѣхъ, которые, проходя сквозь очистительное пламя, надѣются достигнуть вѣчнаго блаженства и наконецъ привести его въ жилище праведниковъ. Путь къ этимъ послѣднимъ ему укажетъ Беатриче.

Данте, согласно духу эпохи и сложному характеру своей поэмы, ввелъ въ нее аллегорію и сдѣлалъ изъ нея фундаментъ, на которомъ воздвигъ тройное царство замогильнаго міра.

Вотъ какъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать эту аллегорію.

Италія сходитъ съ высоты римской цивилизаціи въ мрачную долину невѣжества, по другую сторону которой возвышается и сіяетъ гора новѣйшей цивилизаціи. Въ глубинѣ долины лежитъ дремучій лѣсъ—явный намѣкъ на времена варварства. Размышляя о бѣдственномъ состояніи, въ каѳое она впала, Италія приходитъ въ ужасъ и сама не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ она дошла до такаго униженія.

Но вотъ занялась заря новаго, XIV вѣка; ее-то и изображаетъ холмъ, освѣщенный первыми лучами новой науки и новаго языка. У подошвы горы, при блескѣ молодого солнца, Италія на мгновеніе останавливается и бросаетъ взглядъ назадъ. Она смотритъ и видитъ роковые предѣлы, за которые дотолѣ ни одна нація не могла перешагнуть. Египетская, греческая и всѣ другія цивилизаціи, достигнувъ высшей точки развитія, каковой могли достигнуть по своей природѣ, внезапно упали въ мрачную долину и въ ней исчезали навѣки, а если и являлись снова міру, то совершенно преобразованными и слитыми съ началами новой жизни и съ интересами другого народа. Одной Италіи предстояло выдти побѣдительницей изъ мрака, въ который она была низвергнута, возродиться самой подъ благотворнымъ лучомъ новой и болѣе прочной цивилизаціи, и озарить ея другіе народы. И дѣйствительно, послѣ небольшого отдыха, она, все олицетворяемая своимъ поэтомъ, снова пускается въ путь по обнаженной и пустынной крутизнѣ, поддерживаемая надеждой достигнуть вершины горы. Но почти при самомъ началѣ восхожденія, Флоренція, проворная и легкая пантера (безпрестанно мѣняющая партіи) съ пестрой шкурой, одѣтая въ цвѣта *бѣлота* и *чернота*, преграждаетъ Италіи путь и заставляетъ ее нѣсколько разъ сворачивать съ дороги.

Но то былъ первый часъ дня, въ который Сынъ Божій испыталъ родъ человѣческій; то было время весны, когда природа, пробуждаясь отъ сна, начинаетъ весело улыбаться. Все, казалось,

предвѣщало Италиі новую и счастливую будущность и подавало надежду побѣдить Флоренцію, тѣмъ болѣе, что этотъ городъ былъ раздѣленъ на партіи и не могъ успѣшно противиться прогрессивному ходу цѣлаго народа. Какъ вдругъ Франція въ лицѣ Филипа-Красиваго и Карла Валуа возстаетъ противъ нея подъ видомъ льва, сильная, гордая и жадная къ деньгамъ. Въ то же самое время Римъ, тощая волчица, преполненная всѣхъ желаній и которая уже

Для многихъ въ жизни сей была отравой (*)—

является, чтобы терзать Италию и парализировать ея старанія выдти изъ невѣжества. Эта волчица наступаетъ на несчастную націю, лишаетъ ее всякой надежды войти на вершину горы и гонитъ ее туда, гдѣ «солнца лучъ угасъ», т.-е. туда, гдѣ разумъ, дѣятельность и жизнь народовъ находятъ себѣ смерть.

По мнѣнію Данте, только одно средство могло спасти Италию. Оно заключалось въ образованіи политическомъ, философскомъ и христіанскомъ, распространяемомъ посредствомъ поэзіи. Но чтобы поэзія дѣйствительно могла возвратитъ Италию на истинный путь и ее на немъ удержатъ, ей слѣдовало облечься въ народную итальянскую форму и обратитъ за содержаніемъ къ богатому источнику народныхъ преданій. Она должна была гармонировать съ евангельскимъ ученіемъ и политическими началами, которыя ручались бы за возможность политическаго возрожденія—однимъ словомъ, ей надлежало сдѣлаться итальянской, христіанской и монархической.

Виргилій является на помощь этому патріотическому дѣлу. Осужденный на молчаніе впродолженіе эпохи варварства, онъ снова выходитъ на сцену, предлагаетъ себя въ проводники Италиі и обѣщается вести ее по пути новой цивилизаціи. Италиа со своей стороны проситъ его во имя любви, съ какою она хранила его произведенія, избавитъ ее отъ роковой волчицы—врага науки и образованія. Виргилій тогда отвѣчаетъ Италиі, обращаясь къ ея поэту (**):

«Держать ты долженъ путь другой отнынѣ»,
 Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою:
 «Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынѣ.
 Сей лютый звѣрь, смутившій грудь твою,
 Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ,
 Но путь пресѣвши губитъ всѣхъ въ бою,
 И свойствомъ онъ столь вреднымъ обладаетъ,
 Что, въ ачюности ничѣмъ не утоленъ,
 Всгдъ за ѣдой еще сильнѣй алкаетъ.»

(*) Адъ. Пѣс. I.

(**) Адъ. Пѣс. I.

Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ,
 И съ многими еще совокупится;
 Но близокъ пѣсъ, предъ кѣмъ надохнетъ онъ.
 Не мѣдъ съ землей псу въ пищу обратится,
 Но добродѣтель, мудрость и любовь;
 Межь Фельтро и межъ Фельтро пѣсъ родится,
 Италию рабу спасетъ онъ вновь,
 Въ честь коей дѣва умерла Камилла,
 Турнъ, Эвриаль и Низъ пролили кровь.
 Изъ града въ градъ помчятъ волчицу смя,
 Доколь ее не заключатъ въ аду,
 Откуда зависть въ мѣръ ее пустила.

Предметъ огромной эпопеи Данте составляетъ человѣкъ. Рукводимый нравственной философiей и добродѣтелью, онъ торжествуетъ надъ порокомъ, достигаетъ счастья на землѣ, и просвѣщенный наукой о божествѣ или богословіемъ, дѣлается достойнымъ соучастникомъ вѣчнаго блаженства.

Чтобы укрѣпить въ добрѣ человѣчество и въ особенности итальянскій народъ, Алигери посредствомъ разума и философiи показываетъ, какъ грѣхъ карается превѣчнымъ правосудіемъ, и вотъ передъ нами *Адъ*. Затѣмъ, съ помощью той же философiи, онъ указываетъ на раскаяніе и на дѣятельность, какъ на средства, которыя могутъ искупить проступки. Онъ подаетъ надежду на спасеніе, и мы видимъ передъ собой *Чистилище*. Наконецъ, вооруженный богословіемъ, онъ показываетъ, какъ человѣкъ, просвѣщенный на счетъ своихъ заблужденій и очищенный отъ житейской грязи, возвышается до лицезрѣнія Бога, источника всякой правды и всякаго блага, и достигаетъ вѣчнаго блаженства, и передъ нами возстаетъ величественная картина *Рая*.

Сообразно съ этой мыслью, вся поэма раздѣляется на три *книжки*, которые соотвѣтствуютъ тройному лучу, освѣщающему человѣчество свыше: могуществу, любви и премудрости. Три лица играютъ въ немъ главную роль: Данте, Виргилій и Беатриче, олицетворяющіе собой: человѣка, философiю и богословіе. Всѣ части поэмы гармонируютъ одна съ другою и согласуются съ дѣльнымъ посредствомъ мистическаго соотношенія чиселъ трехъ и девяти. *Адъ* раздѣляется на девять круговъ, *чистилище*—на девять ступеней, *рай*—на девять сферъ. Каждый гимнъ состоитъ изъ тридцати-трехъ пѣсней, не считая одной отдѣльной, которая стоитъ въ началѣ поэмы и служитъ какъ-бы введеніемъ. Каждый изъ гимновъ оканчивается словомъ *зѣзда*—символической цѣлью всѣхъ стремленій поэта.

Мы уже видѣли, какъ Данте, искуженный появленіемъ пантеры, льва и волчицы и готовый возвратиться назадъ въ мрачную

долину, былъ ободренъ Виргилиемъ, его совѣтами и обѣщаніемъ не покидать его въ трудномъ странствованіи, которое ему надлежало предпринять. Онъ слѣдуетъ за своимъ вождемъ съ любопытствомъ, но робко и боязливо. Сердце его преисполнено различныхъ ощущеній. Онъ то чувствуетъ неизмѣримое состраданіе къ мученіямъ грѣшниковъ и, облокотясь о скалу, громко рыдаетъ, то, объятый ужасомъ, падаетъ безъ чувствъ, то, воспламененный гнѣвомъ, разражается проклятіями противъ людей и городовъ, которые оказались виновными въ проступкахъ, наиболѣе возбуждающихъ его негодованіе.

Путешествіе это совершается въ 1300 г. Оно начинается въ четвергъ на страстной недѣлѣ и оканчивается въ торжественный день пасхи. Въ этотъ короткий промежутокъ времени, Данте не только успѣваетъ включить исторію прошедшаго, но еще предсказываетъ о превратностяхъ, которыя ожидали въ будущемъ его самого и Италію.

На вратахъ ада Данте читаетъ страшную надпись (*):

Здѣсь мною входятъ въ скорбный градъ къ мученымъ,
 Здѣсь мною входятъ къ мукамъ вѣковой,
 Здѣсь мною входятъ къ надниимъ поколѣнымъ.
 Подвигнуть правдой вѣчный Зодчій мой:
 Господня сила, разумъ всемогущій
 И первыя любви духъ святой
 Меня создали прежде твари сужей,
 И послѣ вѣчныхъ, и мнѣ вѣка нѣтъ:
 Оставь надежду всякъ, сюда идущій.

Густой лѣсъ скрываетъ входъ въ царство тьмы и оставляетъ обнаженной только небольшую покатость, которая служитъ берегомъ Ахерону. На этомъ берегу пребываетъ тотъ, печальный родъ, что

Жилъ безъ хулы и славы бытія (**).

Тамъ, говоритъ поэтъ:

Тамъ въ воздухѣ безъ солнца и свѣтилъ
 Проколотъ въ безднѣ вздохи, плачь и крики,
 И я замалкалъ, лишь туда вступилъ.
 Смѣсь языковъ, рѣчей ужасныхъ мники,
 Порывы гнѣва, страшной боли стонъ
 И съ плескомъ рукъ то хриплый гласъ, то дикій,
 Рождаютъ гулъ и въ вѣкъ кружится онъ
 Въ пучинѣ, мглой безъ времени покрытой,
 Какъ прахъ, когда крутится аквилонъ.

(*) Адъ. Пѣс. III.

(**) Адъ. Пѣс. III.

Мученье этихъ грѣшниковъ, которыхъ

... отвергли навсегда
Господь и врагъ, ведущій съ нимъ раздоры (*),

состоять въ томъ, что цѣлые рои мухъ и осъ язвятъ ихъ обнаженныя тѣла. Харонъ плаваетъ въ своей ладѣ по Ахерону и перевозитъ черезъ него грѣшниковъ на противоположный берегъ, гдѣ начинается первый кругъ ада. Тамъ, испуская вздохи, которые заставляютъ трепетать воздухъ, томятся души тѣхъ, что жили безъ грѣха, но и безъ вѣры. Это—души древнихъ ученыхъ и героевъ, незнавшихъ истиннаго Бога. Они не терпятъ никакой муки и страдаютъ только оттого

Что безъ надеждъ желаніемъ живутъ (**)

и не могутъ видѣть Бога.

Подъ этимъ кругомъ простирается второй, менѣе обширный:

Срежечетъ тамъ Минось, ужасный духъ,
Исследуетъ грѣхи у входа, судить
И шлетъ, смотря какъ обовѣтся вкругъ.

Я говорю: едва къ нему прибудетъ
На покаянье злая тѣнь и сей
Всѣхъ прегрѣшеній вѣдатель расудитъ:

Какое мѣсто въ адѣ выбрать ей—
Хвостъ столько разъ онъ вкругъ себя свиваетъ,
На сколько внизъ низпасть ей ступеней (***)

Данте и Виргилій вступаютъ туда,

Гдѣ воздухъ воетъ, какъ въ часъ бури море,
Когда сразятся вѣтры средь зыбей.

Подземный вихрь, бушуя на просторѣ,
Съ толпою душъ кружится въ царствѣ мглы:
Разъ, вращая, умножаетъ горе.

Вихрь втораго круга производитъ дождь, смѣшанный съ градомъ, подъ которымъ въ третьемъ кругѣ казнятся обжоры. Ихъ стережетъ

Тамъ Церберъ, звѣрь свирѣпый, безобразный,
который

По песнѣ лагетъ пастию тройной
На грѣшный родъ, увязшій въ тинѣ грязной.

(*) Адъ. Пѣс. III.

(**) Адъ. Пѣс. III.

(***) Адъ. Пѣс. V.

Онъ съ толстымъ чревомъ, съ сальной бородой,
Съ когтями на лапахъ, съ красными глазами,
Хватаетъ змѣхъ, рветъ кожу съ нихъ долой (*).

Въ четвертомъ кругѣ помѣщены скупые и расточительные; они вращаютъ огромными камнями. Катя ихъ въ противоположныя стороны полукругомъ, они сталкиваются другъ съ другомъ, осыпаютъ другъ друга ругательствами, расходятся и снова принимаются за ту же работу.

Ливень третьяго круга образуетъ потокъ, который въ пятомъ кругѣ разливается въ озеро стоячей воды и образуетъ смрадное болото, *Стиксъ*, окружающее адскій городъ *Дисъ*. На поверхности этого озера барахтаются гнѣвные, а завистливые погружены въ болотную тину, и постоянно въ ней захлебываются.

У окраины болота возвышается башня, исполняющая роль адскаго телеграфа. На ней зажигаются два огонька, которые возбуждаютъ приближеніе грѣшниковъ къ городу Дису. На этотъ сигналъ отвѣчаютъ другимъ подобнымъ же изъ самаго города, и коррицы адскаго болота, *Флегіасъ*, немедленно отправляется на встрѣчу осужденнымъ. Онъ осыпаетъ ихъ бранью, и мчитя по озеру съ необычайной быстротой.

Рой демоновъ охраняетъ входъ въ городъ Дисъ, и преграждаетъ путь Данте и *Виргилю*. Но является ангелъ, укрощаетъ демоновъ, и открываетъ врата адскаго города. Тамъ, въ полуоткрытыхъ могилахъ, изъ которыхъ выходитъ пламя, горятъ въ вѣчномъ огнѣ невѣрующіе, еретики и распространители ереси.

Площадь, на которой расположенъ городъ Дисъ, оканчивается обрывомъ; за нимъ начинается седьмой кругъ въ видѣ глубокой пропасти, издающей страшное зловоніе. Въ нее должны спуститься желающіе проникнуть далѣе въ Адъ.

Минотавръ охраняетъ этотъ седьмой кругъ, который раздѣляется на три отдѣла, гдѣ караются провинившіеся въ насиліи противъ ближнихъ, противъ природы и противъ Бога. На днѣ круга находится глубокій ровъ, наполненный кровью. Въ него погружены тираны. *Центавры*, вооруженные луками, подстерегаютъ тѣни, которыя поднимаются надъ кровавымъ потокомъ болѣе, нежели имъ дозволено, и пускаютъ въ нихъ стрѣлы. Это — первый изъ трехъ отдѣловъ. Во второмъ наказываются самоубійцы. Они превращены въ ядовитыя и сучковатыя деревья. Въ нихъ гнѣздятся *Гаріи*, которыя рвутъ и ѣдятъ ихъ листья. Въ третьемъ отдѣлѣ простирается сухая, бесплодная степь, гдѣ подъ полосами огненнаго ливня, карается насиліе противъ природы,

(*) Адъ. Пѣс. VI.

противъ искусства и противъ Бога. Эта пустыня простирается вдоль лѣса, откуда вытекаетъ рѣка Флегетонъ, вода которой, равно какъ и воды другихъ адскихъ рѣвъ, получаетъ начало отъ слезъ статуи Времени, воздвигнутой изъ различныхъ металовъ и возвышающейся на островѣ *Крета*. Рѣка течетъ въ нижнюю часть ада, гдѣ образуетъ ледяное озеро *Джидудехки*.

Восьмой кругъ называется *Злыми Рвами* (*Malebolge*), и отличается крутизною своихъ береговъ. Тамъ пребываетъ *Гереевъ*, крылатое чудовище, олицетвореніе обмана и лжи. Онъ на сплывъ переноситъ обоихъ поэтовъ въ Злѣ Рвы, соединенные между собою мостами, изъ которыхъ одинъ сломанъ. Этихъ рововъ число десять, и въ нихъ навазываются различнаго рода обманн. Въ первомъ изъ нихъ, демоны безпощадно бичуютъ обольстителей. Во второмъ вопять и стонуть льстецы, погруженные въ зловонную жидкость. *Симонисты* или люди, торговавшіе святыми вещами, занимаютъ третій ровъ. Они уткнуты головою внизъ, въ отвратительныя ямы, между тѣмъ какъ ноги ихъ торчатъ вверхъ и сожигаются огнемъ. Сюда поэтъ помѣщаетъ многихъ папъ, въ томъ числѣ Николая III, и здѣсь же заранѣе готовится мѣсто Бонифацію VIII. Ихъ жадность къ деньгамъ и образъ жизни, недостойный ихъ высокаго назначенія, возбуждаютъ въ Алигieri благородный гнѣвъ, который онъ выражаетъ въ сильной рѣчи, заслуживающей похвалы *Виргилія*. Вотъ какъ онъ описываетъ свою встрѣчу съ *Николаемъ III*. Увидя грѣшника, который повидимому страдаетъ брѣвѣ прочихъ, Данте обращается къ нему съ вопросомъ (*):

«Злосчастный духъ, ты скрывшій ликъ внутри!
Кто бъ ни былъ ты, уткнутый здѣсь какъ плаха»;
Такъ началъ я: «Коль можешь, говори».

Имѣлъ я видъ духовника-монаха,
Къ которому засыпанный злодѣй,
Чтобъ жизнь продлить, взываетъ изъ-подъ праха.

Но духъ кричалъ: «Ага! умъ въ лѣвъ сей,
Умъ въ лѣвъ сей стоишь ты, Бонифацій?»
Такъ я обмануть хартией моею?

Ты ль пресыщенъ на лонѣ благодати
Стыжась благъ, для коихъ смѣлъ нанести
Женѣ прекрасной срамъ своихъ объятій?»

Какъ человекъ, чей умъ не могъ прочесть
Словъ сказанныхъ, нѣмѣть безъ отвѣта—
Такъ я не могъ ни слова произнести».

Тогда поэтъ: «Скажи ему на это,
Что ты не тотъ, не тотъ, кого онъ ждалъ».
И я сказалъ ему слова поэта.

(*) Адъ. Пѣс. XIX.

Тогда ногами духъ затрепетагъ
И речь, взыхал, въ горести жестокой:
«Скажи, чего жь ты отъ меня желагъ?

Но если ты спустился въ ровъ глубокой,
Гордъ желаньемъ обо мнѣ увзатъ,
Такъ знай: вѣнчанъ гларой я високой.

И впрямь была медвѣдица мнѣ мать (*):
Для медвѣжатъ въ мѣшокъ сгребатъ я злато,
А здѣсь и самъ попалъ въ мѣшокъ, какъ татъ.

Въ провалъ скалы уже немало взято
Папъ симонистовъ, бывшихъ до меня:
Всѣ подо мной исчезли безъ возврата.

И я за ними свергнуся въ пылъ огня,
Лишь придетъ тотъ, за коего ты принять,
Когда вопросъ поспѣшный сдѣлалъ я.

Однакожь онъ скорѣй, чѣмъ я, покинеть
Провалъ, гдѣ я главою водруженъ:
За нимъ придетъ (и насъ собой задвинетъ)

Отъ запада поправшій весь законъ
Верховный жрецъ (**). Всѣмъ міромъ проклинаемъ,
Сей папиръ будетъ новыи Іасонъ

(У макавеевъ мы о немъ читаемъ),
И какъ того сирійскій царь ласкалъ,
Такъ королемъ французскимъ онъ ласкаемъ.

Быть можетъ, слишкомъ много я сказалъ,
Ему отвѣтивъ съ укоризной злою:
«Скажи жь ты мнѣ: какихъ сокровищъ ждалъ

Господь, когда вручилъ своей рукою
Ключи Петру? Повѣрь мнѣ, ничего
Онъ не желалъ, какъ лишь: иди за мною.

А Петръ и тѣ, что вмѣсто одного
Съ душой коварной избрали Матея,
Сребра ли, злата ль ждали отъ него?

Такъ стой же здѣсь и вѣчно пламенѣя,
Блуди мѣшокъ съ безчестной мадой своей,
Для коей шелъ на Карла, не робѣя:

И еслибъ я не уважалъ ключей,
Которыми, принявъ свой санъ высокій,
Ты въ свѣтлой жизни управлялъ, злодѣй —

Я бь жестокой привелъ тебѣ упрекъ:
Вашъ алчный духъ встѣмъ въ мѣръ омерзѣлъ,
Точка добро и вознося пороки.

Васъ, папирей, аполстоу разумѣлъ,
Когда средь водъ сидящую съ парями
Великую блудницу онъ узрѣлъ.

Она, рожденная съ семью главами,
Докогда мужъ ея любилъ добро,
Имѣла силу съ десятью рогами.

Вамъ стали богомъ злато и сребро

(*) Николай III былъ изъ фамилии Орсини. *Orsa* значить, — медвѣдица.

(**) Папа Климентъ V.

Невѣрникъ лучше ль вы? По крайней мѣрѣ,
Ихъ Богъ одинъ, у васъ ихъ нинѣ сто.

О, Константины! не обращаемъ къ вѣрѣ,
А тѣмъ, что первому отцу ты далъ,
Какъ много зла родилъ ты въ семь примѣрѣ!

Пока ему я это нагъвалъ,
Не знаю, гнѣвомъ, совѣстью ль терзался,
Ногами сильно грѣшникъ потрясалъ.

За то мой вожь, казалось, утѣшался:
Съ такой улыбкой слушалъ онъ слова,
Въ которыхъ гнѣвъ правдивый выражался.

Далѣе, въ четвертомъ рѣвѣ восьмого круга наказываются чародѣи и прорицатели. У нихъ повернуты лица назадъ, вслѣдствіе чего они должны пятиться назадъ, потому что не видятъ впередъ. Взяточники, или свѣтскіе симонисты, помѣщены въ слѣдующемъ рѣвѣ, гдѣ они погружены въ озеро кипящей смолы. Въ шестомъ казнится лицемѣръ. У нихъ головы окутаны въ свинцовые кашпоны, которые сверху позолочены, а внутри ихъ сильно давятъ. Въ седьмомъ рѣвѣ змѣи жалятъ воровъ, душатъ ихъ своими кольцами и совершаютъ съ ними разныя превращенія. Далѣе слѣдуетъ восьмой ровъ. Въ немъ души злыхъ совѣтниковъ носятъ въ воздухѣ, заключенныя въ пламенные языки. Между ними поэтъ находитъ извѣстнаго воина Гвидо ди-Монтефельтро, который на старости лѣтъ постригся въ монахи францисканскаго ордена, надѣясь загладить этимъ преступленія предъидущей своей жизни. Онъ казнится здѣсь за хитрый и жестокой совѣтъ, который однажды подаль Бонифацію VIII. Этотъ папа ненавидѣлъ семейство Колонна, и всячески старался его унижить. Ему удалось разорить нѣкоторыя изъ принадлежавшихъ ему крѣпостей, но онъ встрѣтилъ сильное и мужественное сопротивленіе, когда вздумалъ осадить городъ Палестрину. Въ высшей степени раздраженный этой неудачей, Бонифацій обратился за совѣтомъ къ графу Гвидо ди-Монтефельтро. Вызвавъ его изъ монастыря, онъ напомнилъ ему объ обѣтѣ безпрекословнаго повиновенія духовнымъ властямъ, и затѣмъ потребовалъ, чтобъ онъ ему указалъ на способъ, посредствомъ котораго можно было бы заставить Палестрину сдаться. Гвидо, осмотрѣвъ крѣпость, объявилъ, что ею невозможно овладѣть силою, но въ то же время намекнулъ на существованіе другого средства, о которомъ онъ не рѣшается говорить изъ боязни согрѣшить. Тогда св. отецъ поспѣшилъ успокоить совѣсть монаха, давъ ему предварительное отпущеніе въ грѣхѣ, изъ котораго намѣревался извлечь для себя выгоду, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія тайны. Гвидо, неудерживаемый болѣе никакими сомнѣніями, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Объщайте много и ничего не выполняйте». Затѣмъ онъ возвра-

тыся въ свой монастырь, а Бонифацій предложилъ осажденнымъ сдаться, на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Крѣпость сдадась, и жестоко поплатилась за свое довѣріе.

Этотъ лицемѣрный поступокъ монаха, обманъ и предварительное отпущеніе, дарованное папою во грѣхѣ, совершенномъ въ его пользу и по его требованію, обратилось въ рукахъ Данте въ оружіе, которымъ онъ безошадно поражаетъ Бонифація и его достойнаго слугу. Гвидо ди-Монтефельтро самъ рассказываетъ пошту о своемъ преступленіи, и кается въ немъ. Этотъ рассказъ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ эпизодамъ «Божественной Комедіи».

Въ девятомъ рвѣ демонъ, вооруженный мечомъ, поражаетъ распространителей ереси и сѣятелей несогласій. Онъ наноситъ имъ раны, и разсѣкаетъ ихъ тѣла на части, которыя тотчасъ соединяются и заживаютъ, чтобы снова получать удары и раны. Въ десятомъ и послѣднемъ изъ «Злыхъ Рвовъ», страдаютъ отъ лихорадки съ тѣлами, покрытыми отвратительными язвами, алхимии и дѣлатели фальшивыхъ монетъ.

Наконецъ поэты достигаютъ девятаго круга, который, вслѣдствіе постепеннаго съуживанія адской пропасти, имѣетъ видъ узкаго, обрывистаго колодца. Стѣны его поддерживаются страшными великанами. Одинъ изъ нихъ беретъ Данте и Виргилія на край восьмого круга, и спускаетъ ихъ въ мрачный колодезь.

Тамъ различнаго рода измѣнники караются въ ледяномъ озерѣ, которое состоитъ изъ четырехъ частей: изъ *Каины*, гдѣ содержатся души измѣнившихъ своимъ родственникамъ; изъ *Антеноры*, гдѣ находятся измѣнники отечеству; изъ *Толомеи*, куда помѣщены измѣнники друзьямъ, и изъ *Джигудеки*, гдѣ пребываютъ убійцы Цезаря — Врутъ, Кассій, и Іуда, предавшій Христа.

Сатана, или Дискъ, или Люциферъ, стоитъ въ центрѣ адской пропасти. Онъ машетъ громадными крыльями, и тѣмъ самымъ производитъ вѣтеръ, который леденитъ воды всего девятаго круга. Поэтъ говоритъ, что когда онъ былъ низвергнутъ съ неба, то, падая на землю, вонзился въ нее какъ стрѣла и образовалъ пустоту, которая и составляетъ адскую пропасть. Затѣмъ, огромное тѣло до половины выдвинулось въ противоположную сторону, и подняло гору Чистилища. Вотъ какъ самъ поэтъ описываетъ ужасъ, овладѣвшій имъ при видѣ Люцифера, и какъ онъ изображаетъ этотъ источникъ всякаго зла (*):

Какъ я нѣмѣлъ, какъ леденѣла кровь,
Тебѣ, читатель, я сказать не въ силахъ:
То выразить ни чьихъ не станетъ словъ.

(*) Адъ. Пѣс. XXXIV.

Не умеръ я, но жизнь застыла въ жилахъ:
 Вообрази жь, тѣмъ въ ужасѣ я сталъ,
 И жизнь и смерть утративъ въ ихъ могилахъ.

Владыка царства вѣчныхъ слезъ возсталъ
 До полу-груди надъ льдиной пещерой,
 И врьдъ гигантомъ я не такъ былъ малъ,

Какъ малъ гигантъ врьдъ дьявлю Люцифера:
 Представъ же самъ, каковъ былъ ростъ его,
 Коль члены въ немъ столь страшнаго размѣра.

И если онъ, возставъ на своего
 Творца, такъ гнусенъ сталъ, какъ былъ прекрасенъ,
 То онъ отецъ, конечно, зла всего.

О, дивный видъ! какъ былъ мнѣ Дись ужасенъ,
 Когда узрѣлъ я три лица на немъ:

Одинъ передній—былъ какъ пламя красенъ;

Другіе жь два сливались съ тѣмъ лицомъ
 Въ средній плечъ и, сросшись у вершины,
 Вадмались гребнемъ надъ его челомъ.

Былъ блѣдно-желтъ ликъ правой половины;
 Но тотъ, что слѣва, цвѣтъ иглъ людей,
 Живущихъ тамъ, гдѣ Нилъ падетъ въ долины.

Шесть грозныхъ крылъ, причинныхъ птицѣ сей,
 Подъ каждымъ ликою по два выходили:
 Такихъ вѣтрехъ не зрѣлъ я средь морей.

Безперья, на крылья походили
 Нетошпыра: такъ ими онъ махалъ,
 Что изъ-подъ нихъ три вѣтра бурей выли;

Концы же весь отъ стужи замерзалъ.

Шестью очами плагалъ онъ и токомъ
 Кровавыхъ слезъ три груди орошалъ

Какъ милами онъ въ каждомъ ртѣ глубокою
 Дробилъ въ зубахъ по грѣшнику, заразы
 Казни троекъ въ мученіи жестокомъ.

Но мощъ зубовъ переднему сто разъ
 Сносилъ лалъ, которыми по кожѣ
 Спина его онъ проводилъ подчасъ.

И вождь сказалъ: «Вонъ тотъ, казнимый строже,
 Съ главою внутри, съ ногами вѣвъ зубовъ—
 Искаріотъ на раскаленномъ ложѣ!

Изъ двухъ другихъ висащихъ внизъ духовъ—
 Вотъ Брутъ торчитъ главою изъ пасти темной:
 Смотри, какъ тамъ крутится онъ безъ словъ!

А тотъ плечистый—Касій вѣроломный.
 Но сходить ночь: уже нора намъ въ путь;
 Все видѣли мы въ безднѣ сей огромной».

Цѣпляясь за длинную шерсть, покрывающую Люцифера, Данте и Виргилій проходятъ съвозъ центръ земной, и слѣдуя теченію небольшого ручья, они, день спустя послѣ того, какъ начали свое странствіе, выходятъ на свѣтъ божій къ подножію горы Чистилища и видятъ блескъ и сіяніе звѣздъ.

Заря появляется на небосклонѣ и освѣщаетъ посреди океана пустынный островъ, на которомъ, по выходѣ изъ ада, очутились Данте и Виргилій. Островъ этотъ находится въ антиподахъ отъ Іерусалима, составлявшаго, какъ тогда полагали, центръ обитаемой земли. На островѣ возвышается гора, имѣющая видъ конуса съ срѣзанной верхушкой. Она опоясана девятью уступами, не считая перваго у ея подножія и послѣдняго на ея вершинѣ, гдѣ расположенъ земной рай.

Въ первой пѣснѣ Чистилища Данте радуется тому, что вышелъ изъ подземнаго царства, и выражаетъ восторгъ, какой возбуждаютъ въ немъ видъ яснаго неба и тихое мерцаніе звѣздъ. Берегъ, на который онъ вышелъ, освѣщенъ блестящимъ созвѣздіемъ Южнаго Креста.

«Заря уже одерживала верхъ надъ утренней порою, которая бѣжала передъ нею такъ, что вдали можно было различить колыханіе моря» (*), когда передъ Алигieri предстала величавая тѣнь Катона Утическаго. Виргилій обращается къ суровому старцу, охраняющему входъ въ Чистилище, и проситъ его во имя свободы, столь для него дорогой, что ради нея онъ «отказался отъ жизни», быть благосклоннымъ къ страннику, которому онъ, Виргилій, служить путеводителемъ и который ходитъ, всюду отыскивая свободу.

Между этимъ берегомъ и бесплодной пустыней, описанной въ первой пѣснѣ «Ада», есть нѣкоторое сходство въ положеніи, но обѣ мѣстности представляютъ совершенную противоположность по своему колориту, по звукамъ, ихъ наполняющимъ, и по ощущеніямъ, какія онѣ возбуждаютъ. Самъ поэтъ говоритъ:

«Ахъ, какъ эти врата непохожи на адскія! Сюда входятъ при звукахъ пѣнія, туда—при страшныхъ вопляхъ» (**).

Въ аду мрачный Харонъ ругательствами торопитъ грѣшниковъ въ свою ладью, здѣсь—свѣтлый ангелъ съ распушенными крыльями носится по волнамъ и въ легкомъ челнокѣ перевозитъ души въ чистилище.

Странника прежде всего встрѣчаютъ лѣнливыя и нерадивыя тѣни тѣхъ, которые медлили раскаяніемъ до послѣдняго дня своей жизни. Точно такъ же и въ аду мы видѣли, что сначала глазамъ Алигieri представились тѣни празднолюбцевъ или людей, никакой полезной дѣятельностью неознаменовавшихъ своего пребыванія на землѣ. Подобную же аналогію въ расположеніи грѣховъ и въ распредѣленіи наказаній находимъ мы и на послѣдующихъ сту-

(*) Чистилище. Пѣс. I.

(**) Чистилище. Пѣс. XII.

пеняхъ чистилища, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ одному изъ адскихъ круговъ.

Восхожденіе съ одной ступени на другую совершается по узкимъ и крутымъ лѣстницамъ. Очень утомительное въ началѣ, оно становится все легче и легче, по мѣрѣ того, какъ поэты приближаются къ вершинѣ горы.

Первыя четыре ступени составляютъ какъ-бы предверіе чистилища: тамъ пребываютъ души нерадивыхъ, доколѣ онѣ не получаютъ позволенія приступить къ искупленію своихъ грѣховъ. Остальныя семь составляютъ собственно чистилище. На каждой изъ нихъ подвергается временному наказанію одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ и каждая изъ нихъ охраняется ангеломъ.

Данте и Виргилій, дойдя до воротъ чистилища, останавливаются въ прелестной долиинѣ, оглашаемой звуками хвалебнаго гимна, который поютъ содержащіяся въ ней души. Данте сравниваетъ ощущенія, охватывающія его сердце, съ тѣмъ, что испытываетъ путешественникъ въ торжественный часъ, когда сумерки, опускаясь на землю, живѣе возбуждаютъ воспоминанія о родинѣ и о покинутыхъ друзьяхъ. Стихъ его, столь суровый при описаніи адской пропасти, здѣсь становится легковъ, какъ сонъ, и воздушенъ, какъ мечта.

«То былъ часъ — говорить онъ — который смягчаетъ сердце мореплавателей и обращаетъ ихъ желаніе ко дню, когда они сказали нѣжнымъ друзьямъ своимъ: простите — часъ, сильнѣе возбуждающій въ неопытномъ странникѣ чувство любви, лишь только коснется его слуха гулъ далекаго колокола, какъ-бы оплакивающаго день, что умираетъ» (*).

Эта пѣснь носить на себѣ отпечатокъ тихой, но небезотрадной грусти и нѣжной задумчивости, которыя даютъ тонъ всему гимну Чистилища.

Ангель, стоящій при входѣ, принимаетъ поэтовъ и напечатлѣваетъ на лбу Данте семь П (**), послѣ чего они безпрепятственно вступаютъ въ обитель, гдѣ искупаются грѣхи. Вотъ какъ распредѣлены различныя наказанія, имѣющія цѣлью очистить душу и сдѣлать ее достойною вѣчнаго блаженства.

Гордые ходятъ вокругъ горы, согбенные подъ огромной тяжестью. *Завистливые* одѣты въ грубую власяницу; они опираются одинъ на другого и всѣ вмѣстѣ на высокую скалу, и походятъ на слѣпцовъ, просящихъ милостыню: у нихъ вѣки проколоты и

(*) Чистилище. Пѣс. VIII.

(**) Каждое изъ семи П соотвѣтствуетъ одному изъ семи смертныхъ грѣховъ. П есть начальная буква слова *peccato*, которое означаетъ грѣхъ.

скрѣплены проволокой. *Гитаны* бродятъ въ непроницаемомъ мракѣ и густомъ сирадномъ дымѣ. *Ливисе* безъ отдыха и съ необыкновенной быстротой бѣгаютъ вокругъ горы. *Скутисе* и *расточительные* стонуть, лежа на землѣ лицомъ внизъ. *Обжоры*, страшные по своей худобѣ, терпятъ голодь и жажду, которые еще болѣе возбуждаются видомъ дерева, обремененнаго сочными плодами и тихимъ журчаньемъ прозрачнаго ручья. *Сладострастные* испускаютъ свой грѣхъ въ пламени.

Примѣры, взятые изъ библіи, изъ мифологіи, изъ св. писанія, изъ исторіи напоминаютъ душамъ проступки, за которые онѣ караются. Примѣры эти то вызываютъ мысль о наказаніи, то выставляютъ торжество добродѣтели. Въ трехъ отдѣленіяхъ, гдѣ казнится гордость, зависть и гнѣвъ, они съ поразительной истиной начертаны на гранитѣ и наглядно представляютъ событія, между тѣмъ какъ таинственные голоса, носящіеся въ воздухѣ, повторяютъ ихъ словесно. Въ другихъ же отдѣленіяхъ сами тѣни поютъ эти напоминанія, и тѣмъ самымъ подстрекаютъ другъ друга къ раскаянію. Замѣчательно еще то, что примѣръ награждаемой добродѣтели всегда предшествуетъ примѣру наказываемаго проступка.

На каждой новой ступени, Данте встрѣчаетъ ангель, который привѣтствуетъ его стихомъ изъ евангелія и концомъ крыла стираетъ одно изъ впечатлѣнныхъ на его лбу *II*. Въ отдѣленіи, гдѣ наказываются гордые, онъ, подобно другимъ, провинившимся въ этомъ грѣхѣ, долженъ идти согбенный подъ тяжестью страшнаго бремени. А тамъ, гдѣ находятся сладострастные, онъ вмѣстѣ съ ними идетъ въ пламени. Такимъ образомъ, онъ передъ лицомъ земли и неба исавѣдуется въ заблужденіяхъ, наиболѣе омрачившихъ его жизнь.

По выходѣ отсюда, Данте и Виргилій поднимаются по послѣдней лѣстницѣ, на подобіе предъидущихъ высѣченной въ скалѣ, и достигаютъ вершины горы, освѣщенной прекраснымъ, вѣчно-зеленымъ лѣсомъ. Это—земной рай. Здѣсь деревья слегка колыхаются подъ тихимъ, всегда ровнымъ вѣяніемъ легкаго вѣтерка, а птицы оглашаютъ воздухъ сладкими пѣснями, которыя сливаются съ шелестомъ листьевъ и образуютъ дивную гармонию. Изъ одного и того же источника, находящагося посреди лѣса, вытекаютъ и направляются въ противоположныя стороны двѣ рѣки: *Лета* и *Эноѳе*. Первая течетъ налѣво и орошаетъ менѣе прекрасную часть земнаго рая. Воды ея отнимаютъ у того, кто ихъ испьетъ, воспоминаніе о прошедшихъ заблужденіяхъ и проступкахъ. Воды второй стремятся направо и живѣе возбуждаютъ сознаніе о совершенномъ на землѣ добрѣ.

Огннѣй задача Виргилія выполнена: онъ сопутствовалъ Алигьери до вершины горы, и привелъ его ко входу въ первобытное жилище человѣка. Данте, со лба котораго стертъ всѣ семь П., можетъ туда проникнуть одинъ (*).

«Руководимый желаніемъ изслѣдовать внутри и вокругъ дивный лѣсъ, густой и зеленѣющій, который смягчалъ сіяніе новаго дня, я, не медля болѣе, покинулъ берегъ и пошелъ вверхъ по лужайкѣ, со всѣхъ сторонъ издававшей благоуханіе. Нѣжное дуновеніе, постоянно одинаковое, ударило меня по лицу не сильнѣе самаго легкаго вѣтерка и склоняло вѣтви всѣхъ деревъ въ ту сторону, куда священная гора бросаетъ свою первую тѣнь. Но они не на столько склонились, однако, чтобы заставить птичекъ перестать заниматься своимъ искусствомъ на ихъ вершинахъ. Напротивъ, въ избыткѣ радости, онѣ привѣтствовали первое дыханіе дня въ мѣстахъ, которыя составляли въ ихъ концертѣ басовый акомпаниментъ, подобно тому, какой слышится въ вѣтвяхъ сосноваго лѣса, въ Кьясси (**), когда извнѣ бушуетъ сирокко. Мои медленные стопы уже такъ далеко увлекли меня во внутрь древняго лѣса, что я болѣе не могъ видѣть, откуда вошелъ. Но вдругъ, мнѣ далѣе идти помѣшала ручей, маленькія волны котораго, устремляясь налѣво, сгибали траву, росшую на его берегахъ. Всѣ воды, даже самыя свѣтлыя, показались бы здѣсь содержащими въ себѣ какую-нибудь смѣсь въ сравненіи съ этой водой, которая ничего не скрываетъ, несмотря на то, что она имѣетъ коричневый оттѣнокъ, и течетъ подъ вѣчной тѣнью, никогда непронускающей ни солнечнаго, ни луннаго луча. Остановивъ шаги, я взоромъ перебрался черезъ ручей, желая разсмотрѣть великое разнообразіе свѣжихъ растений. Тамъ мнѣ явилась, такъ какъ внезапно является предметъ, изумляющій и отвлекающій отъ всякой другой мысли, женщина, которая шла одинокая, плѣла пѣснь и рвала цвѣты. «О, прелестная госпожа, согрѣваемая лучами любви, если вѣрить наружности, обыкновенно свидѣтельствующей о сердцѣ — пожелай — сказалъ я ей — приблизиться къ этой рѣкѣ, и дай мнѣ услышать то, что ты поешь. Ты мнѣ напоминаешь мѣсто, гдѣ была Прозерпина и видъ ея, въ то время, когда ее потеряла мать, а она сама потеряла весну». Какъ танцующая женщина скользитъ по землѣ, едва передвигая ноги одна за другою, такъ по алмѣ и желтымъ цвѣтамъ скользила она, направляясь ко мнѣ, подобная дѣвѣ съ скромно опущеннымъ взоромъ. Она исполнила мою просьбу и

(*) Чистилище. Пѣс. XXVIII.

(**) Мѣстечко на берегу Адриатическаго моря близъ Равенны.

такъ приближилась, что нѣжный звукъ сталъ достигать до меня со своимъ смысломъ».

Это—Матильда, олицетворяющая собою дѣятельную жизнь. Поэтъ бесѣдуетъ съ нею о различныхъ предметахъ.

По ту сторону Леты, на берегу которой стоятъ Алигieri, лѣсъ, вслѣдствіе простука нашей праматери Евы, не имѣетъ жителей. Посреди него возвышается древо Познанія добра и зла. Идя далѣе, по направленію къ востоку, поэтъ достигаетъ рѣки Эвное; онъ пьетъ изъ нея и чувствуетъ себя чистымъ и готовымъ вознестись къ звѣздамъ (*).

Здѣсь, въ этомъ Эдемѣ, гдѣ все дышетъ истиной, невинностью и любовью, является поэту Беатриче, и онъ начинаетъ съ нею свой восходъ на небо.

Описаніе этой встрѣчи Данте съ предметомъ его возвышенной любви, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ блестящимъ и въ то же время самымъ трогательнымъ мѣстамъ въ поэмѣ. Это—одно изъ самыхъ роскошныхъ и дивныхъ созданій новой поэзіи (**).

«Мнѣ случилось видѣть на зарѣ востокъ, подернутый туманомъ, тогда-какъ остальная часть неба бывала украшена тихимъ сіяніемъ, и солнце, восходящее въ тѣни, такъ что глазъ могъ долго выносить блескъ, смягченный парами. Такъ точно нынѣ за облакомъ цвѣтовъ, которые, ангелами бросаемые, взвивались, носились и падали въ воздухъ, передо мной явилась женщина въ оливковомъ вѣнкѣ надъ бѣлымъ покрываломъ, въ зеленомъ плащѣ и въ платьѣ огненнаго цвѣта (***)». Мой духъ уже давно не испытывалъ волненія и трепета, производимаго ея присутствіемъ; теперь же, лишенный возможности ее узнать посредствомъ глазъ (****), вслѣдствіе тайной силы, изъ нея исходящей, ощутилъ все могущество прежней любви. Лишь только моего зрѣнія коснулось дивное явленіе, поразившее меня еще въ дѣтствѣ, я съ умоляющимъ видомъ, съ какимъ ребѣнокъ бѣжитъ къ матери, когда ему страшно или больно, обратился влѣво, желая сказать Virgiliю: «Во мнѣ не осталось и капли крови, которая не тренетала бы; я узнаю признаки стараго пламени». Но Virgiliй насъ покинулъ—Virgiliй, сладчайшій отецъ, Virgiliй, которому она поручила мое спасенье: и все, что потеряла древняя мать (*****), не могло помѣшать тому, чтобы ще-

(*) Чистилище. Пѣс. XXXIII.

(**) Чистилище. Пѣс. XXX.

(***) Оливковый вѣнокъ означаетъ мудрость, зеленый цвѣтъ — постоительство, огненный—любовь.

(****) Потому что она была сокрыта облакомъ цвѣтовъ.

(*****) То-есть видъ земнаго рая, который находился у него передъ глазами со всѣми своими престелами.

ки мои, уже успѣвшія осушиться отъ слезъ, не омочились вновь росю. Данте, не плачь оттого, что Виргилій ушелъ, не плачь: тебѣ слѣдуетъ плакать отъ другого меча^(*). При звукѣ моего имени, которое я сюда по необходимости включаю, я взглянулъ на лѣвую сторону колесницы, и увидѣлъ, что женщина, сначала мнѣ явившаяся за облакомъ цвѣтовъ, бросаемыхъ ангелами, устремила на меня взоръ изъ-за ручья, подобно адмиралу, который приходитъ затѣмъ, чтобъ наблюдать отъ кормы до носа надъ тѣми, что управляютъ другими кораблями, и подстрекать ихъ къ работѣ. Хотя покрывало, ниспадавшее съ ея головы, украшенной листьями Минервы, и не позволяло мнѣ ее видѣть вполне — она съ царскимъ величіемъ, горделивая, продолжала, какъ тотъ, кто, говоря, самыя сильныя слова бережетъ къ концу. Посмотри на меня: я по истинѣ, я по истинѣ Беатриче. Какъ рѣшился ты приблизиться къ горѣ? Развѣ ты не зналъ, что здѣсь человекъ счастливъ^(**)? Опущенные взоры мои упали на свѣтлый источникъ, но увидѣвъ себя въ немъ, я быстро перенесъ ихъ на траву: такъ стыдъ обременилъ мое чело. Какъ мать бываетъ строга къ сыну — такою она мнѣ показалась: ибо горекъ вкусъ язвѣщаго милосердія^(***). Она замолкла; ангелы внезапно заплѣли: *In te Domine speravi*, но, дойдя до *pedes teos*, дальше не пошли. Какъ снѣгъ, скопляемый и гонимый славянскими вѣтрами, замерзаетъ на хребтѣ Италіи между живыми бревнами^(****), потомъ, растаявъ, просачивается сквозь самаго себя, и течетъ отъ дыханія страны, гдѣ пропадаетъ тѣнь^(*****) — такъ я стоялъ безъ вздоховъ и безъ слезъ, покуда не заплѣли тѣ, что своимъ пѣніемъ всегда сопровождаютъ мелодію вѣчныхъ сферъ. Но когда въ ихъ сладостныхъ акордахъ прозвучало ко мнѣ сожалѣніе, болѣе выразительное, чѣмъ еслибы они сказали: «О, госпожа, зачѣмъ ты его смущаешь?» — ледъ, который сжалъ мнѣ сердце, превратился въ росу и въ дыханіе, и съ тоскою вылился изъ груди сквозь уста и глаза. Но она, все стоя на той же сторонѣ колесницы, обратилась къ благимъ духамъ и сказала: «Вы бодрствуете въ вѣчномъ днѣ, и ни ночь ни сонъ не успѣваютъ скрыть отъ васъ ни одного шага, совершаемаго временемъ на его пути. Но пространенъ будетъ мой отвѣтъ затѣмъ, чтобъ могъ уразумѣть его тотъ, который пла-

(*) Отъ другой печали.

(**) Развѣ ты и прежде, когда отъ нея удалялся, не зналъ, что на ней человекъ находитъ счастье.

(***) Того милосердія, той любви, которыя побуждаютъ дѣлать упреки.

(****) Между деревьями.

(*****) Африки, гдѣ подъ перпендикулярными лучами солнца, тѣла теряютъ свой тѣнь.

четь тамъ, и чтобы раскаяніе его и вина были отмыты одной мѣры. Не вслѣдствіе вліянія планетъ, направляющихъ всякаго къ какой-нибудь цѣли — но по дару божественной благодати, дождь, который имѣетъ свой источникъ въ парахъ, столь высокихъ, что они недосыгаемы для нашего взора — этотъ человѣкъ былъ таковъ въ своей новой жизни (*), что могъ бы во всякой добродѣтели достигнуть совершенства. Но необработанная почва тѣмъ обильнѣе производитъ злыя и дикія растенія, чѣмъ она плодороднѣе. Я его нѣсколько времени поддерживала моей красотой, показывая ему ея юные глаза, которые вмѣстѣ со мной вели его по прямой стезѣ. Но лишь только я на порогѣ моего второго возраста (**) взмѣнила свое бытіе (**), онъ меня покинулъ и отдался другимъ. Когда я отъ праха къ духу вознеслась, когда моя красота и добродѣтель возвысились, я стала ему менѣе пріятной и дорогою. Онъ пошелъ по ложному пути, преслѣдуя обманчивые образы счастья, которые никогда не выполняютъ всего, что обѣщаютъ. И ни къ чему не послужили мои старанія удержать его посредствомъ вдохновеній, которые я ему приносила во снѣ и иначе: онъ слишкомъ мало обращалъ на нихъ вниманія. Онъ такъ низко упалъ, что для спасенія его не оставалось другого средства, какъ показать ему потерянное племя (**). Съ этой цѣлью я посѣтила обителъ мертвыхъ, и въ слезахъ обратилась съ мольбой къ тому, кто былъ его вождемъ доселѣ. Нарушеннымъ оказалось бы великое постановленіе божіе, еслибы кто перешелъ черезъ Лету, и вкусилъ подобной пищи (****), не заплативъ за то раскаяніемъ, которое слезы проливаетъ».

— «Потомъ (*****), обращая ко мнѣ остріе своей рѣчи и безъ того пронзавшей меня, она, нисколько не медля, продолжала: «О ты, стоящій по ту сторону рѣки, скажи, скажи, правда ли все это? Твоя исповѣдь должна подтвердить столь важное обвиненіе».—Сущеніе мое было такъ сильно, что голосъ мой исчезъ прежде, чѣмъ вылетѣлъ изъ устъ. Она же, немного погодя, сказала: «Что думаешь? Отвѣтствуй: воды (*****) еще не изгладили въ тебѣ тяжелыхъ воспоминаній».—Стыдъ и страхъ, соединенные вмѣстѣ, вызвали у меня столь тихое *да*, что для того, чтобы слышать его, понадобилось зрѣніе. Какъ лугъ, слишкомъ

(*) То-есть въ дѣтствѣ.

(**) Моей юности.

(***) Перешла въ другую жизнь.

(****) Осужденныхъ грѣшниковъ въ аду.

(*****) Вѣчнаго блаженства.

(*****) Чистилище. Пѣс. XXXI.

(*****) Воды Леты.

туго натянутый, ломается, когда его спускают и стрѣла съ меньшей силой касается цѣли — такъ я, изнывая подъ тяжкимъ бременемъ (*), изливаль наружу слезы и воздыханія, а голосъ мой замиралъ на пути. Тогда она ко мнѣ: «Что заставило тебя противиться моимъ желаніямъ, направлявшимъ тебя къ добру, за предѣлами котораго нѣтъ ничего, къ чему бы стоило стремиться? Какіе рвы, какія цѣпи могли у тебя отнять надежду на возможность успѣха? Какое очарованіе, какія выгоды нашелъ ты въ другихъ (**), что пошелъ за ними?» Я испустилъ тяжелый вздохъ; у меня едва хватило голоса, чтобы отвѣчать, а уста управляли имъ съ трудомъ. Заплакавъ, я сказалъ: «Настоящіе блага съ ихъ мнимыми радостями заставили меня поворотить наги, лишь только скрылся отъ меня вашъ ликъ». — А она ко мнѣ: «Когда бъ ты утанилъ или опровергъ все то, въ чемъ нынѣ сознаешься, то и тогда твоя вина была бы извѣстна: ее знаетъ Верховный Судья. Но когда изъ собственныхъ устъ вырывается обвиненіе въ проступкѣ, то въ нашемъ судѣ колесо обращается противъ острія (***)». Однако, чтобы ты еще болѣе устыдился своихъ заблужденій и въ другой разъ мужественнѣе сопротивлялся голосу Сирены, сложи съ себя сѣмя слезъ (****) и слушай. Ты узнаешь, какъ мой образъ, сокрытый въ землѣ, долженъ былъ бы направить тебя въ противоположную сторону. Ни природа, ни искусство, взятые вмѣстѣ, не давали тебѣ радости болѣе полной, чѣмъ та, какую тебѣ доставляли прекрасныя формы, меня заключавшія и которыя нынѣ расцвѣны въ прахъ. Но послѣ того, какъ моя смерть доказала тебѣ тщету и этой великой радости, что смертное могло еще возбуждать въ тебѣ желанія? Однажды раненный обманчивой мечтой, ты долженъ былъ возноситься за мною, которая была уже не та. Тебѣ не слѣдовало опускать крыльевъ и ожидать новыхъ ударовъ отъ молодой дѣвушки или отъ другого какаго-либо суетнаго и столь же быстро преходящаго созданія. Пичужка, вновь вылупившаяся изъ яйца, дается въ обманъ два или три раза, но передъ глазами оперившихся птицъ тщетно разстилаются сѣти и мечутся стрѣлы». Какъ дѣти, слушая выговоры, стоятъ стыдливо и въ молчаніи вперяютъ взоръ въ землю, сознавая свою вину и раскаяваясь въ ней — такъ я стоялъ. А она: «Ты только слушаешь и уже такъ

(*) Стыда и страха.

(**) Въ другихъ благахъ.

(***) Метафора, заимствованная отъ точильнаго колеса, которое тупитъ лезвіе, обращаясь въ противоположную отъ него сторону.

(****) Причину, заставляющую проливать слезы.

сильно печалишься; но подними бороду, и печаль твоя усугубится, когда ты будешь видѣть». Нашъ вѣтеръ или вѣтеръ земли Ярба (*), вырывая съ корнемъ здоровый дубъ, всгрѣчаетъ менѣе сопротивленія, чѣмъ ея приказаніе, когда она мнѣ велѣла поднять голову. И хорошо я понялъ ядъ выраженія, и зачѣмъ она мое лицо назвала бородой (**). Приподнявъ его, я увидѣлъ, что ангелы перестали бросать цвѣты, и глаза мои, еще не совсѣмъ окрѣвшіе, различили Беатриче, стоявшую, оборотась къ существу, въ которомъ видѣлись въ одномъ лицѣ двѣ природы (***). Подъ покрываломъ и за зеленою рѣвою, она казалась мнѣ прекраснѣе, чѣмъ та, какою была прежде, на столько же, на сколько тогда превосходила красотой всѣхъ другихъ. Жало раскаянія такъ сильно въ меня вонзилось, что наиболѣе возненавидѣлъ я ту вещь, которая меня преимущественно отвлекала отъ любви къ ней. Жестокое угрызение совѣсти овладѣло моимъ сердцемъ и я упалъ, побѣжденный; что со мной стало послѣ—знаетъ та, которая была всему причиной. Когда же ко мнѣ возвратилось сознаніе, я увидѣлъ передъ собою женщину, что сначала явилась мнѣ одна (****). Она говорила: «Держись за меня, держись за меня», и увлекла меня за собою по горло въ рѣву, сама шествовала по водѣ, легкая какъ челнокъ (*****). Когда я подходилъ къ благословенному берегу, внезапно раздалось *Asperges me*—столь сладостно и тихо, что я нетолько описать, но и вспомнить вполне не могу. Прекрасная женщина простерла ко мнѣ руки, обняла мою голову и погрузила меня въ воду тамъ, гдѣ слѣдовало напиться. Затѣмъ, выведя меня на берегъ, она меня, мокраго, ввела въ пляску четырехъ красавицъ (*****), изъ которыхъ каждая осѣнила меня рукою.—«Нимфы мы здѣсь, а въ небѣ звѣзды; когда Беатриче еще не сходила съ неба, мы были къ ней приставлены для того, чтобы ей служить. Мы проводимъ тебя передъ ея свѣтлыя очи, но сначала тѣ три (*****), что глубже видятъ, сдѣлаютъ болѣе пронизательными твои глаза, дабы они могли вынести блескъ, сіяющій въ ея взорѣ». Такъ онѣ цѣли;

(*) Афризъ, гдѣ царствовалъ Ярбъ.

(**) Упрекъ, заключающій въ себѣ тотъ смыслъ, что когда Данте соблазнился обманчивымъ блескомъ земныхъ благъ, онъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ.

(***) Грифонъ есть символическое изображеніе Христа, въ которомъ соединяются двѣ природы: божеская и человѣческая.

(****) Магальда.

(*****) Челнокъ у гячей.

(*****) Четыре главныя добродѣтели, олицетворяемыя четырьмя женщинами, стоящими по лѣвую сторону колесницы.

(*****) Три богословскія добродѣтели, олицетворяемыя тремя женщинами, направо отъ сторонъ колесницы.

потомъ подвели меня къ Грифону, на которомъ стояла Беатриче, повернувшись къ намъ. Онѣ сказали: «Не пади своего взора; мы тебя поставили передъ изумрудами (*), въ которыхъ и прежде Амуръ металъ въ тебя стрѣлы». Тысячи желаній, болѣе жгучихъ чѣмъ пламя, приковали мои глаза къ глазамъ, сверкавшимъ на Грифонѣ. Какъ въ зеркалѣ солнце, такъ двойственное животное въ нихъ отражалось, являясь то въ одномъ видѣ, то въ другомъ. Подумай, читатель, удивлялся ли я, видя какъ предметъ оставался все тотъ же, а образъ его измѣнился. Между тѣмъ, какъ душа моя, полная восторга и изумленія, вкушала эту пищу, которая, насыщая собою, возбуждала къ себѣ голодъ, три другія (**), походкой свидѣтельствуя о своемъ высочомъ санѣ, приближались и пѣли ангельскую пѣсню: «Обрати, Беатриче», было ихъ пѣсню, «обрати свои святые глаза на вѣрнаго твоего, который чтобы видѣть тебя совершилъ столь длинное странствіе. Дозволь намъ, молимъ тебя, открыть твой ликъ, дабы онъ могъ узрѣть вторую красоту, тобою отъ него скрываемую». О, яркій блескъ вѣчнаго свѣта! Кто, хотя бы онъ поблѣднѣлъ (***) подъ тѣнью Парнаса или исцѣль изъ его источниковъ, не оказался бы умомъ безсиленъ, еслибъ вздумалъ изобразить тебя такою, какою ты явилась тамъ, гдѣ небо окружаетъ тебя гармоніей и цвѣтами, когда, сбросивъ покрывало, ты показалась въ воздухѣ?»

Изъ земнаго Раа, все слѣдуя за Беатриче; Данте внезапно переносится въ сферу огня, то-есть въ ту возвышенную часть воздуха, гдѣ, полагали древніе, огонь поднимается по собственной своей природѣ.

Изъ этого пространства поэтъ и Беатриче перелетаютъ изъ неба въ небо съ неимовѣрной скоростью, которая равняется быстротѣ движеній праведниковъ, по словамъ св. Августина, переносящихся съ мѣста на мѣсто быстрѣе мысли. Данте замѣчаетъ переходъ изъ сферы въ сферу только по улыбкѣ Беатриче, которая становится все радостнѣе и свѣтлѣе по мѣрѣ того, какъ они поднимаются выше и выше.

Слѣдуя астрономической системѣ Птолемея, въ то время всѣми принятой, Данте располагаетъ свои девять сферъ въ видѣ круговъ, посреди которыхъ стоитъ неподвижно земля, какъ центръ всего мірозданія. Надъ небесными кругами, внѣ всякаго пространства, разстилается *Эмпирей*, престолъ божій и жилище ангеловъ и блаженныхъ духовъ. Подъ нимъ съ неимовѣрной бы-

(*) Глаза Беатриче.

(**) Богословскія добродѣтели.

(***) То-есть состарѣлся.

стретой движется *кристалльное небо*, самая обширная изъ сферъ, за которою простирается *небо неподвижныхъ звездъ*. Затѣмъ слѣдуютъ семь низшихъ круговъ, гдѣ съ большей или меньшей быстротой вращаются семь планетъ, носящихъ названіе древнихъ божествъ: *Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Солнце, Венера, Меркурій* и *Луна*, которая всѣхъ ближе къ землѣ.

Хотя праведники всѣ помѣщаются въ одной и той же обители славы, свѣта и любви—хотя они всѣ наслаждаются полнымъ спокойствіемъ и счастьемъ, какое только способны ощущать по своей природѣ, тѣмъ не менѣе Данте, проходя сѣвозъ различныхъ сферы, примѣчаетъ въ нихъ нѣкотораго рода іерархію или постепенность въ распредѣленіи блаженствъ.

Душа каждаго праведника послѣ смерти переносится въ планету, соответствующую добродѣтели, въ которой онъ наиболѣе подвизался во время своего пребыванія на землѣ. По аналогіи съ первыми кругами чистилища и ада, луна, какъ планета менѣе свѣтлая и высокая, заключаетъ въ себѣ души, наименѣе равновашія къ Богу и къ прославленію его имени. Это души тѣхъ, которые обрели себя на дѣяство и отреклись отъ всего мірскаго, но силою были вырваны изъ монастырей. Несовершенство этихъ духовъ двоякое: они, или недостаточно сопротивлялись насилию, ихъ умлекавшему, или вполнѣдствіи, когда исчезали всѣ препятствія къ ихъ возвращенію на первоначально избранный путь, они не пользовались случаемъ, но добровольно оставались въ мірѣ. Здѣсь Беатриче объясняетъ поэту астрономическую систему, служащую основаніемъ всего гимна, и развиваетъ начала милосердія, вслѣдствіе которыхъ всѣ души довольны выпавшей имъ на долю частью блаженства.

Изъ луны Алигieri переносится въ Меркурій и находитъ въ немъ души царей, составившихъ счастье своихъ подданныхъ посредствомъ добрыхъ дѣлъ и мудрыхъ законовъ. Въ порывѣ благоклоннаго чувства, эти души несутся на встрѣчу страннику и радостно привѣтствуютъ его приходъ въ ихъ планету. Между ними поэтъ находитъ императора Юстиніана, который разсуждаетъ съ нимъ о подвигахъ и правахъ римскаго орла и высказываетъ по этому случаю убѣжденія, согласныя съ мнѣніями Данте.

За Меркуріемъ слѣдуетъ Венера, гдѣ обитаютъ души тѣхъ, которые, безраздѣльно отдавшись чувству любви, успѣли однако очистить свою страсть, сдѣлавъ изъ нея орудіе добрыхъ дѣлъ. Они отъ любви къ твари перешли къ любви къ Творцу и достигли, такимъ образомъ, совершенства. Отсюда поэтъ возносится къ Солнцу и видитъ, что оно, какъ то и прилично столь яркой

и величавой планетѣ, населено душами тѣхъ, которые при жизни проникли во многія тайны вѣры и богословія.

Затѣмъ въ небѣ Марса пребываютъ распространители христіанства и воины, пролившіе кровь за вѣру и за церковь. Ихъ блестящія тѣла расположены такъ, что составляютъ крестъ, господство котораго они старались упрочить въ мірѣ. Въ числѣ этихъ свѣтлыхъ духовъ Данте узнаетъ своего предка, Каччагвидо. Знаменитый воинъ повѣствуетъ ему о различныхъ историческихъ событіяхъ, предсказываетъ ему его изгнаніе изъ отечества и долгое странствованіе, изображаетъ первобытную простоту нравовъ Флоренціи и порицаетъ ея настоящую раслушенность.

Алигieri обращается къ Беатриче, и по новому блеску, озарившему ея лицо, узнаетъ, что вступилъ въ планету Юпитера. Здѣсь находятся души тѣхъ, которые на землѣ были хранителями правосудія. Они разливаютъ вокругъ себя серебристый свѣтъ, носатся въ воздухѣ, слагаясь въ буквы и слова, и наконецъ соединяются въ изображение орла съ короной на головѣ: это есть символъ римскаго правосудія.

Въ Сатурнѣ обитаютъ души, посвятившія себя на землѣ соверцательному образу жизни. Тамъ глазамъ Алигieri представляется золотая лѣстница, столь высокая, что конца ея не видно. Свѣтлые духи восходятъ и нисходятъ по ея ступенямъ.

Все слѣдуя за своей путеводительницей, Данте достигаетъ неба неподвижныхъ звѣздъ и вступаетъ въ созвѣздіе Близнецовъ. Оттуда онъ бросаетъ взглядъ на только что пройденное пространство, и смотритъ на земной шаръ съ улыбкой сожалѣнія: до такой степени онъ ему кажется малымъ и ничтожнымъ.

Отнынѣ Данте начинаетъ собирать плоды своего утомительнаго путешествія. Взоръ его услаждается дивными видѣніями, а сердце наполняется невъяснимымъ восторгомъ, когда ему являютъся Христосъ, Пресвятая Дѣва Марія и цѣлый сонмъ Ангеловъ и Святыхъ. Ничто не можетъ сравниться съ гармоніей и воздушной, чисто-духовной прелестью, какою отличается вся XXIII пѣснь Рай.

«Какъ (*) птица, которая ночью, что скрываетъ предметы, въ родимыхъ листьяхъ садится близъ гнѣзда своихъ малыхъ птенцовъ, желая насладиться отраднымъ для нея зрѣлищемъ и пощипать для нихъ корма, находя пріятной заботу о нихъ—какъ птица, которая предупреждаетъ день на высочайшей вѣткѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ солнца и пристально смотритъ, подстерегая зарю—такъ стояла Беатриче со взоромъ, внимательно обращен-

(*) Рай. Пѣс. XXIII.

нимъ въ ту сторону, гдѣ солнце не торопится (*). А я, видя ее погруженную въ ожиданіе, походилъ на того, кто, желая, стремится къ тому, чего не имѣеть, но надѣясь, успокоивается».

Св. Петръ, по просьбѣ Беатриче, испытываетъ Алигieri въ вѣрѣ, св. Іаковъ въ надеждѣ, а св. Іоаннъ въ любви. Всѣ трое одобряютъ его отвѣты, согласные съ догматами католической церкви. Тогда его допускаютъ въ девятую сферу, гдѣ уже присутствуетъ слава божія, но еще сокрытая завѣсомъ, состоящую изъ девяти ангельскихъ чиновъ.

При вступленіи въ Эмпирей, Беатриче облачается красотой, которая превосходитъ всякое человѣческое пониманіе и можетъ быть постигнута только разумомъ Божьимъ. Здѣсь поэтъ слышитъ сладостное пѣніе и видитъ дивныя пляски. Передъ нимъ витаютъ воздушные, неизъяснимой прелести образы и сонмы свѣтлыхъ духовъ и ангеловъ. Ему представляется рѣка, сверкающая волны которой текутъ между берегами, гдѣ царствуютъ вѣчная весна. Отъ рѣки отдѣляются арія искры, онѣ опускаются на цвѣты и тогда имѣютъ видъ рубиновъ въ золотой оправѣ. Потомъ, какъ-бы упоенныя благоуханіемъ, эти искры снова поднимаются и погружаются въ ясныя воды, изъ которыхъ немедленно вылетаютъ другія. Омочивъ вѣки водою чудесной рѣки, Данте чувствуетъ въ себѣ новую бодрость и силу и можетъ уже безпрепятственно созерцать всѣ тайны и всю славу Эмпирей. Онъ видитъ ступени, расположенныя въ видѣ круга (**), на которыхъ воссѣдаютъ блаженные духи. Въ немъ возникаютъ сомнѣнія, и желая разрѣшить ихъ, онъ по обыкновенію обращается съ вопросомъ къ Беатриче, но она исчезла и на мѣстѣ ея стоитъ св. Бернардъ (**).

«— А гдѣ жъ она? внезапно я спросилъ? А онъ: «Дабы удовлетворять твоимъ желаньямъ, меня подвинула сюда Беатриче. Но если ты взглянешь вверхъ на третій рядъ самой высокой ступени, то ты узришь ее на тронѣ, который ей доставили ея заслуги». Не отвѣчая, подналъ я глаза и увидѣлъ, какъ она сама себя вѣнчала короной изъ вѣчныхъ лучей, изъ нея самой исходящихъ».

(*) Полдень, гдѣ движеніе солнца кажется не столь быстрымъ и тѣнь отъ предметовъ, по мѣрѣ того, что оно поднимается на горизонтѣ, уменьшается все медленнѣе.

(**) Данте сравниваетъ Эмпирей съ вѣчной розой самаго чистаго блага — цвѣта, листья которой расположены вокругъ ея лепестковъ.

(***) Рай. Пѣс. XXXI.

Затѣмъ слѣдуютъ иѣжныя и восторженныя мольбы Алигieri къ Беатриче—мольбы, которыя составляютъ такъ сказать сущность всѣхъ желаній и стремленій поэта (*).

— «О, жена! въ тебѣ цвѣтетъ моя надежда: ты не побоялась ради моего спасенія оставить слѣдъ своихъ шаговъ въ аду. Я знаю, что тебѣ, твоему могуществу и твоей благодати я обязанъ тѣми великими вещами, которыя видѣлъ. Ты меня отъ рабства привела къ свободѣ всѣми путями, всѣми средствами, какія были въ твоей власти. Сохрани же ко мнѣ твои недроты, дабы душа моя, тобою уврачеванная и достойная тебѣ нравиться, могла отдѣлится отъ тѣла.» Такъ я молился, а она какъ ни казалась далеко отъ меня, мнѣ улыбнулась, на меня взглянула и снова обратилась къ вѣчному источнику.»

Алигieri тоже устремляетъ взоръ на яркій свѣтъ, который есть начало всякой истины и добра. Глаза его мало по малу привыкаютъ къ его блеску и онъ различаетъ въ огромной глубинѣ три круга одинаковой величины, но различныхъ цвѣтовъ. Второй изъ нихъ кажется какъ-бы отраженіемъ перваго, а третій повидимому исходить изъ двухъ другихъ. Это — Богъ, Пресвятая Троица, это—

— «Вѣчный свѣтъ, который самъ въ себѣ поконится, одинъ себя постигаетъ, и собою постигнутый, себя знаетъ, себя любитъ и себя улыбается» (**).

Данте видитъ, что во второмъ кругѣ отпечатлѣнъ человѣческій образъ. Имъ овладѣваетъ непреодолимое желаніе проникнуть въ тайну воплощенія, но онъ этого не можетъ достигнуть посредствомъ собственныхъ силъ. Тогда яркая молнія поражаетъ его взоръ, освѣщаетъ все существо, и ему все становится яснымъ. Всѣ желанія его удовлетворяются, а воля его сосредоточивается въ волѣ Превѣчнаго и поглощается ею.

Такова поэма, которой авторъ далъ скромное названіе *Комедии*, но за которою потомство упрочило наименованіе *Божественной*.

Трудъ нашъ приближается къ концу. Согласно нашему намѣренію, мы рассмотрѣли многостороннюю дѣятельность и богатую событіями жизнь Данте Алигieri. Мы видѣли въ немъ поочередно поэта, любовника и реформатора, и постарались опредѣлить его значеніе и характеръ посредствомъ разбора его поэмы и краткаго очерка вѣка, въ который ему суждено было жить и который онъ обезсмертилъ.

Вѣкъ этотъ составляетъ самый бурный періодъ въ существованіи итальянскаго народа. Движеніе, его ознаменовавшее, было двойное, потому что общество въ то время представляло два совершенно различные элемента. Одна часть его вращалась въ свѣтѣ, наслаждаясь всѣми благами земли; другая укрывалась въ стѣ-

(*) Рай. Пѣс. XXXI.

(**) Рай. Пѣс. XXXIII.

нахъ монастырскихъ. Миряне любили поэзію и занимались ею; монахи оказывали болѣе склонности къ метафизикѣ. Многосторонній и гениальный умъ Данте свободно черпалъ изъ обоихъ источниковъ. Онъ заимствовалъ у однихъ содержаніе, у другихъ—форму, и ожививъ поэзію идеей, въ свою очередь опозэтизировалъ ее.

Какъ поэтъ, Алигieri не походитъ ни на одного изъ своихъ предшественниковъ. Гомеръ воспѣлъ героическія времена Греціи; Virgilій избралъ предметомъ своей поэмы древнюю Италію; Луканъ изобразилъ агонію римской республики, Стацій — роскошь города Оивъ. Всѣ они заимствовали содержаніе для своихъ произведеній изъ эпохъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, вслѣдствіе чего могли давать полную свободу воображенію и вносить въ свои сочиненія элементъ чудеснаго. Данте, напротивъ, строго держится въ предѣлахъ своего вѣка и описываетъ скорѣе то, что видитъ, нежели то, что воображаетъ. Чудесное, составляющее какъ-бы необходимую принадлежность эпохи, онъ почерпаетъ изъ новаго источника, ни на шагъ не удаляясь отъ исторической истины, и вмѣсто того, чтобы называть божество на землю, онъ самъ восходитъ въ нему на небо.

Данте любилъ Беатриче, науку и отечество. Онъ вѣрилъ въ славу своего отечества и стремился обновить ее, распространить и упрочить. Онъ вѣрилъ въ силу своего гения, искалъ истину и провозглашалъ ее. Онъ вѣрилъ въ женщину, и безъ вѣри въ нее не допускалъ и не понималъ любви ни къ отечеству, ни къ славі.

Посреди смутъ и волненій, во время борьбы демократіи, которая начинала заявлять свои права, и феодализма, усиливавшагося удержать за собой свои, въ Алигieri пробудился и выступилъ на сцену гений реформатора. Данте внесъ въ искусство элементъ свободы и далъ ему новое направленіе, стремившееся къ тому, чтобы разбить тяготѣвшія на немъ оковы. Самого себя онъ провозглашалъ защитникомъ независимости и покровителемъ народности и поднималъ національное знамя, которое нынѣ готово водрузиться въ его родномъ городѣ. Флоренція поистинѣ можетъ быть названа хранилищемъ итальянской славы и школою, которая дала человѣчеству первые уроки въ наукѣ, въ искусствахъ и въ политикѣ. Она была колыбелью Данте Алигieri, мастерской Микель-Анджело, обсерваторіей Галилея, тюрьмой Макиавели и могилой Альфиери. Но это въ прошедшемъ, а въ настоящемъ она становится залогомъ великой будущности народа, который въ лицѣ своихъ представителей и своего короля спѣшитъ заявить ей свою признательность перенесеніемъ въ нее столпы и достойнымъ празднованіемъ шестисотлѣтняго юбилея ея гражданина, великаго поэта-пророка.

М. Пинто.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

I.

ЗА РУЛЕТКОЙ.

Оркестръ военной музыки на балконѣ висбаденскаго курзала недавно умолкъ. Толпа гуляющихъ стала разбредаться. Смеркалось. Въ занавѣшенныхъ окнахъ игорнаго дома засвѣтились огни. Надъ прудомъ, сливавшимся въ отдаленіи съ неопредѣленной, иглистой чащей парка, всползали лѣтниво ночные пары. Померанцовыя деревья по берегу пруда рассыпали обильнѣе свои чистыя благоуханія. Вотъ вспыхнули одинъ за другимъ и фонари передъ курзаломъ и облили своимъ бѣлымъ газовымъ свѣтомъ нѣсколько пестрыхъ группъ, наслаждавшихся, за небольшими, симметрично разставленными столиками, прелестью лѣтняго вечера и произведеніями курзальской кухни, которыми расторопные кельнеры, шмыгавшіе отъ одного стола къ другому, старались наперерывъ удовлетворить желающихъ.

— Право, маменька, пустите! раздался за однимъ изъ столовъ свѣжій, звонкій голосъ.

Вкругъ этого стола сидѣли четыре женщины: одна пожилая, три молодыя. Дѣвушка, произнесшей приведенныя слова, было лѣтъ не болѣе пятнадцати; черты ея, еще неопредѣлившіяся, но необыкновенно миловидныя, дышали дѣтской довѣрчивостью. Темно каштановые волосы ея были выстрижены въ кружокъ, какъ у мальчика, вѣроятно въ подражаніе старшей сестрицѣ, еще короче остриженной; что онѣ были сестры — говорило ихъ близкое семейное сходство. Но если младшая походила на мальчика, то старшая, съ ея блѣднымъ лицомъ, выразительными, серьезными глазами, сильно смахивала на молодаго студента, только-что сдавшаго свой приемный экзамень и считающаго себя потому нѣсколькими головами

выше «непосвященной черни». Одѣты онѣ были обѣ просто, въ платья темныхъ цвѣтовъ. Тѣмъ рѣзче отличалась отъ нихъ изъисканностью и пестротою наряда третья дѣвица, весьма недурная, маленькая, подвижная, шестнадцатилѣтняя брюнетка. Густыя, смолины кудри ея, бойко зачесанныя на одинъ бокъ, сплетались на затылкѣ, какъ-бы нехотя, но въ сѣтку и выползали оттуда тамъ и сямъ рѣзвыми змѣйками. Пожилая дама, наконецъ, мать двухъ сестеръ, глядѣла кровной аристократкой.

— Нѣтъ, Наденька, отвѣчала послѣдняя рѣшительно на просьбу младшей дочери: — нельзя, неприлично.

Старшая дочь усмѣхнулась.

— Чтò жь тутъ неприличнаго? Если вы, маменька, бонтесъ, что кто нибудь увидитъ, такъ вѣдь завтра же насъ здѣсь уже не будетъ. Отчего не доставить дѣтямъ удовольствія?

— Mais elles joueront...

— Non, ma tante, вмѣшалась живая брюнетка: — nous observons seulement, nous ne jouerons pas.

— Vraiment? Eh bien, allez.

Отроковицы весело вскочили со своихъ стульевъ.

— Ты, Лиза, не пойдешь съ нами? спросила Наденька сестру.

— Нѣтъ. Но, Моничка, ты старше, пожалуйста слѣди за ней, чтобъ она не играла.

— Ужь будь покойна! смѣялась въ отвѣтъ брюнетка, увлекая подругу къ центральнымъ дверямъ игорнаго дома.

Миновавъ огромный залъ съ колонами, въ которомъ довольно часто даются общественные балы, и поворотивъ налево, дѣвушки проникли въ самый храмъ азарта. Благоговѣніе внушающею торжественностью повѣяло на нихъ оттуда. Стѣны, обитыя краснымъ сукномъ, увѣшанныя роскошными зеркалами, раздвинулись, казалось, въ стороны, чтобъ дать мѣсто длинному, зеленому столу, усыпанному деньгами и окруженному густою толпою играющихъ. Лица, или огненно-красныя, или смертельно-блѣдныя, дышали отталкивающею алчностью. Черты спокойныя, съ обыкновеннымъ выраженіемъ, были исключеніемъ. Среди сдержаннаго шопота (громко въ игорныхъ залахъ говорить воспрещено) раздавалось бряцаніе монетъ, круженіе рулетки, занимающей средину стола, скаканіе шарика и безпрестанный голосъ главнаго крупье:

— Faites votre jeu, messieurs! — Le jeu est fait, rien ne va plus!

Шарикъ успокоивался въ одной изъ клѣтокъ рулетки.

— Dix sept, noir, impair et manque!

Цвѣта лицъ измѣнялись, бормотались проклятiя, слышались сдержанные возгласы дикой радости. Крушье своими деревянными лопаточками сгребали немощно и проворно со всего стола большую часть денегъ; къ немногимъ выигравшимъ ставкамъ бросали они съ тою же ловкостью соответственныхъ суммы. Опять раздавался безстрастный голосъ: «Faites votre jeu, messieurs!» опять звякали деньги и прыгали шарикъ. Подобные же звуки доносились изъ смежныхъ комнатъ.

Нугливо подошли дѣвушки къ столу и съ видимымъ интересомъ стали наблюдать за игрой; глазки у нихъ разгорѣлись.

— Развѣ рискнуть? спросила шопотомъ Моничка.

— Да вѣдь мы общались не играть...

— Мало ли что! То бы вѣдь не пустили.

— Но меньше гульдена нельзя?

— А у меня, ты думаешь, нѣтъ гульдена? Я поставлю.

Она торопливо достала маленькое порт-моне, оглянулась по сторонамъ: кажется, никто не видитъ — и швырнула на столъ новенькiй, блестящiй гульденъ. Монета покатилась и остановилась на краю стола. Ближнiй крушье поднялъ ее и осмотрѣлся на окружающихъ.

— Куда же поставить?

Барышни переглянулись и, застыдившись, спрятались за сосѣдей. Одинъ изъ нихъ, сутуловатый, мрачный нѣмецъ, выручилъ ихъ изъ бѣды:

— Поставьте на rouge, сказалъ онъ крушье.

Рулетка завертѣлась — вышло rouge. Кушъ Монички удвоился. Рдѣя отъ удовольствiя, потянулась она за нимъ. Но въ то же время протянулась за выигрышемъ и чужая рука — рука услужливаго сосѣда.

— Да гульденъ былъ мой... осмѣлилась протестовать дѣвушка.

— Нѣтъ, мой! отвѣчалъ тотъ рѣшительно, и завладѣлъ спорной ставкой.

Бѣдная ограбленная сконфузилась и ретировалась къ подругѣ.

— Да вѣдь онъ былъ твой? замѣтила та съ изумленiемъ и негодованiемъ.

— Мой!

— Какъ же онъ, гадкiй, смѣлъ взять?

Онъ не подозрѣвали, что сосѣдъ ихъ *долженъ* былъ взять, что это была его профессiя: онъ принадлежалъ къ извѣстной категорiи тамошнихъ пролетарiевъ, существующихъ исключительно насчетъ

банка и играющих: никогда ничего не ставя, стараются они улучшить минуту, чтоб воспользоваться чужимъ выигрышемъ. Во избежаніе ссоры, имъ его обыкновенно и уступаютъ; если же нѣтъ, то круше, чтобъ не замедлить игры, выплачиваютъ кушъ обоимъ, прося и того и другого оставить комнату.

Настоящая же попытка грабителя не удалась. Тутъ же, за столомъ, сидѣлъ молодой человѣкъ, нѣсколько худощавый, блѣдный, но собой довольно красивый, съ небольшими усиками. Склонившись головою на лѣвую руку и запустивъ пальцы глубоко въ свои густыя, свѣтлыя кудри, передвигалъ онъ правою рукою посредствомъ лопаточки небольшія кучки денегъ съ одного поля на другое. Счастье ему замѣтно неблагопріятствовало: порядочная горка гульденовъ, еще недавно красовавшихся передъ нимъ, исчезала съ чародѣйной быстротою. Лицо играющаго разгорѣлось, рука затрепетала: имъ овладѣла игорная лихорадка. Тутъ заговорили за нимъ порусски; онъ, видно, понималъ этотъ языкъ, потому что оглянулся—за нимъ стояли наши двѣ подруги. Занятый игрою, онъ уже не пропускалъ ни одного слова ихъ, и когда вороватый нѣмецъ завладѣлъ спорнымъ гульденомъ, молодой человѣкъ остановилъ его за руку:

— Не трогать! Гульденъ не вашъ; я свидѣтель.

Тотъ сталъ оправдываться, но тутъ нашлись и другія лица, которыя видѣли, что онъ ничего не ставилъ. Деньги были возвращены по принадлежности — Моничѣвъ. Обличеннаго хищника вывели изъ комнаты.

Дѣвушки отошли въ сторону.

— Уйдемъ... сказала Наденька. — И такъ уже насъ замѣтили.

— Замѣтили, такъ значитъ дѣло не поправить; можно остаться здѣсь.

— Право, та сѣге, пойдемъ; вѣдь совѣстно...

— Ничего, только разиѣ...

Она повлекла Наденьку въ другому концу стола и, смѣлѣе прежняго, собственноручно положила гульденъ на красное поле. Увы! фортуна уже измѣнила — вышло поиг. Новыя совѣщанія, и новый проигранный гульденъ — уже кровный.

— Надо воротить его...

Опять поиг - и — опять! Въ портмоне уже не оказалось цѣлаго гульдена. Тогда раскрылось само-собою другое, такое же маленькое портмоне, прогулялось черезъ зеленое сукно еще нѣсколько гульденовъ — пока не изсякъ и этотъ источникъ. Бѣдныя жертвы,

безмолвныя, смущенныя, исчезли незамѣтно изъ обители коварныхъ демоновъ азарта.

Мы сказали: незамѣтно; но не совсѣмъ: молодой русскій, уличившій ихъ грабителя, вскочилъ со стула, стребъ въ карманъ остатокъ своихъ денегъ, и поспѣшилъ за барышнями. Въ саду онѣ подошли къ двумъ старшимъ дамамъ и, послѣ короткаго разговора, направились всѣ къ выходу. Молодой человѣкъ слѣдовалъ въ приличномъ отдаленіи. Миновавъ гостинный дворъ, дамы повернули направо, по главной улицѣ, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, поднялись на крыльцо высокаго дома. Молодой человѣкъ посмотрѣлъ вверхъ: между третьимъ и четвертымъ этажами, красовалась колысальная вывѣска: *Vier Jahreszeiten*. Обождавъ немножко, онъ самъ вошелъ въ домъ. Его встрѣтилъ кельнеръ. Молодой человѣкъ опустилъ ему въ руку гульденъ. Кельнеръ глубоко поклонился:

— Чего изволите?

— Кто, скажите, эти дамы, чтó вошли только-что?

— Это русскія: мать, двѣ дочери и племянница.

— Фамилія ихъ?

— Липецкія.

— Давно онѣ у васъ?

— Съ недѣлю; одна изъ барышень пользовалась здѣсь сѣрною водой, но доктора посовѣтовали ей пить сыворотки, и завтра же онѣ отправляются въ Швейцарію.

— Въ Швейцарію? Не знаете, куда, въ какую мѣстность Швейцаріи?

— Кажется, въ Интерлакенъ.

— Гм...

Молодой человѣкъ повернулся на каблукъ, и задумчиво спустился съ лѣстницы. Онъ поворотилъ за уголъ, и въ одной изъ ближнихъ улицъ вошелъ въ небольшой, одноэтажный домикъ, остановился въ темной прихожей и постучался въ дверь.

— Herein! послышался изнутри мужской голосъ.

Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, освѣщенную лампой. На кровати, съ книгой въ рукахъ, лежалъ, съ приподнятыми на стѣну ногами, молодой мужчина, съ флегматическимъ, умнымъ лицомъ; полная русая борода дѣлала его старше, чѣмъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ. Онъ повернулъ голову къ вошедшему:

— Ты Левъ?

— Какъ видишь.

— Продулся наконецъ?

— Да, удалось. Послушай, Александръ: вѣдь ты кончилъ свои работы у Фрезениуса?

— Кончилъ.

— Такъ завтра же можно въ Швейцарію?

Александръ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на пріятеля.

— Ты же самъ не хотѣлъ? Или уже не надѣешься взорвать банкъ?

— Не надѣюсь. — Madame Schmidt!

Въ сосѣдней комнатѣ задвигали стуломъ, и въ дверяхъ показалось добродушное лицо старухи.

— Вы звали меня, господинъ Ластовъ? спросила она понѣмецки.

— Звалъ. Мы улепетываемъ завтра.

— Какъ? уже завтра?

— Да. Scheiden thut weh! Aber was thun? sprach Zeus. Сосчитайте-ка, сколько мы вамъ должны.

II.

АРКАДСКІЙ УГОЛОКЪ.—Двѣ жажды: любви и воды.

Если раздаются иногда сожалѣнія, что миновалъ золотой вѣкъ молочныхъ и медовыхъ рѣкъ, что нѣтъ уже Аркадіи, то весьма неосновательно: Швейцарія—это обѣтованный край; въ ней не только потребляется непомятное количество молока и меду, но и самая мѣстность, обаятельно-прекрасная, располагаетъ лишь къ аркадскому время-препровожденію. Въ наиболѣе романтической части Швейцаріи—въ Berner Oberland, около уютнаго Интерлакена, сгруппировался цѣлый букетъ аркадскихъ уголковъ, и одинъ изъ благовоннѣйшихъ цвѣтовъ этого букета—Гисбахъ.

Застѣнчиво, какъ красная дѣвица, ненуждающаяся въ похвалахъ молодой красѣ своей, скрывается Гисбахъ отъ нескромныхъ взглядовъ въ своемъ таинственномъ царствѣ и, подѣвжая къ нему на пароходѣ по Бриенскому озеру, вы только угадываете его близость—по глухому шлопотанію падающихъ въ озеро водъ. Въ непосредственной близости вы различаете нижнюю часть его—пѣнистую массу, вырывающуюся изъ-подъ вѣковыхъ хвойныхъ деревьевъ. Но, взбираясь вверхъ по обрывистому краю водопада, вы внезапно выходите на свѣтъ, въ цвѣтущую горную котловину, въ собственную, сокровенную область Гисбаха, и, какъ очарованный, не видите и не слышите сначала ничего, кромѣ самаго водопада. Съ огромной высоты, болѣе тысячи футовъ, низвергается онъ съ

западнаго склона котловины почти стремглавъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшіе уступы скалъ удерживаютъ его бурный порывъ; но, какъ-бы негодя на такое замедленіе, онь неистово, глухо реветъ, разбрасываетъ по сторонамъ клубы серебристой пыли и, переведя такимъ образомъ дыханіе, бросается съ еще большею энергіей въ слѣдующую пропасть. Сверху донизу одна непрерывная лента бѣлоснѣжной пѣны; окаймляется онь темно-зеленою стѣною лѣсныхъ гигантовъ. Тамъ и сямъ легкіе деревянные мостики, какъ шаловливыя дѣти, осмѣлились пересючить бурный потокъ, но, оглушенные окружающимъ грохотомъ, замерли въ воздухѣ и повисли надъ стремительною бездною.

Укрѣпили вы себѣ музыкаю водъ духовныя силы—сдѣлайте нѣсколько шаговъ, и обрѣтете двѣ обители, гдѣ за извѣстное число франковъ можете возстановить и своего физическаго человѣка: въ углу котловины возвышается много-этажная, обширная гостиница *Hôtel Giesbach*, а противъ самаго водопада нѣсколько меньшее зданіе, прежняя отель *Giesbach*, составляющая нынѣ лишь родъ прибавленія къ главной отели.

Для любителей искусственныхъ развлеченій есть, наконецъ, и театральные эффекты: по вечерамъ весь Гисбахъ освѣщается бенгальскими огнями.

Быль тихій, солнечный вечеръ, съ недѣлю послѣ вышеописаннаго нами случая. Гисбахъ началъ уже облежаться въ тѣнь; только вершины окружающихъ деревъ и верхній мостикъ нѣжились еще въ золотыхъ лучахъ уходящаго свѣтила. Въ окружающемъ воздухѣ разливалась пріятная, освѣжительная сырость, никогда, даже въ знойный полдень, непокидающая окрестности водопада.

По лѣвому берегу Гисбаха, по крутой, извилистой тропинкѣ, то углублявшейся въ чащу, то выбѣгавшей къ самой водѣ, поднимались два путника — оба въ легкомъ, дорожномъ платьѣ, съ сумочкой черезъ одно плечо, съ сложеннымъ пледомъ черезъ другое. Одинъ размахивалъ, подъ тактъ распѣваемой имъ пѣсни, тростью, туземное происхожденіе которой изобличалось красиво-изогнутымъ рогомъ серны, служившимъ ей набалдашникомъ. Другой, пыhta, упирался на коренастый зонтикъ, какой совѣтуетъ путешественникамъ имѣть при себѣ красный Бедереръ. То были наши два пріятели: Левъ и Александръ.

Они остановились. Гисбахъ въ этомъ мѣстѣ низвергается съ перевѣсившейся утесистой глыбы, такъ-что между водою и утесомъ образуется небольшой гротъ, огороженный къ водѣ перилами.

Осторожно спустились туда молодые люди, поскользаясь на сырых подмосткахъ. Гулъ ватившихся черезъ головы ихъ водъ былъ оглушительнъ; казалось, вся гора дрожала въ своемъ основаніи и каждую минуту грозила обрушиться на смѣльчаговъ.

— Какъ здѣсь хорошо! замѣтилъ Левъ, и шумомъ водъ почти заглушило слова его.—Я люблю сильныя ощущенія. Еслибы не было тутъ периль, которыя свидѣтельствуютъ о частомъ посѣщеніи этого мѣста, можно было бы даже струсить.

Александръ не считалъ нужнымъ отвѣчать.

— А видѣ-то каковъ? началъ опять Левъ.—Точно сквозь вуаль.

— Вуаль? ну, да, такъ что жъ? Думаю я и не придумаю, откуда пришла на меня эта дурь? Съ какой стати я поднимаюсь на горы?

— Для наслажденія природой.

— Природой? Ахъ, матушки мои! Что ты называешь природой? Ключокъ водицы и землицы, которыя видны съ вышины? Кринку козьего молока? Какъ подумаю о немъ, такъ дѣлается уже скверно! Все это есть и въ долинахъ; къ чему же, скажи ты мнѣ, взлѣзай мнѣ на головоломныя вершины?

— Да хоть затѣмъ, наконецъ, чтобы укрѣпиться физически.

— Это такъ; тебѣ такое укрѣпленіе дѣйствительно необходимо; посмотри, на что твоя физика похожа? Ни одна *Schwizermad* не полюбитъ тебя.

— Э, не бойся, засмѣялся Левъ:—дѣвушки любятъ исхудалыхъ, блѣдныхъ; говорятъ: интересно. Но вотъ горе: если теперь скала обрушится на насъ, то имъ дѣйствительно не придется полюбить меня.

— Ты думаешь? Обрушится скала—вода снесетъ тебя внизъ, тамъ найдутъ твой трупъ, по паспорту узнаютъ фамилію и званіе, воздвигнутъ крестъ съ приличною надписью, и сентиментальныя посѣтительницы Гисбаха будутъ проливать горькія (gesehrte) слезы надъ прахомъ бѣднаго, влюбчиваго юноши, съ которымъ погибла вѣрная надежда на жениха.

— А ты, Александръ, развѣ никогда не думаешь жениться?

— Не знаю; не на комъ! Но тутъ сыро, какъ разъ насморкъ схватишь. Выйдемъ.

— Выйдемъ.

Пріятели поднялись изъ подводнаго грота на правый берегъ водопада, и тутъ, по взаимному соглашенію, расположились въ травѣ, подложивъ себѣ подъ головы пледы. Александръ закурилъ съ видимымъ удовольствіемъ сигару и забавлялся пусканіемъ дымныхъ

кружковъ. Левъ уставиля задумчиво въ влоковатнѣй подѣ ногами ихъ касадѣ.

— Ты, Александръ, проговорилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — отзывается всегда съ такимъ презрѣннѣмъ о женщинахъ; неужели ты никогда не любилъ?

— Не влюблялся, хочешь ты сказать?

— Ну, да.

— Случилось какъ-то разъ, но давно, когда былъ еще гимназистомъ, 3-го класса. Я читалъ въ то время много романовъ, такъ подѣ влияннѣмъ ихъ представилъ себѣ, что обожаю одну дѣвушку, которая, сказать мимоходомъ, была ровно пятью годами старше меня.

— И ты думаешь, что никогда болѣе не влюбишься? Недостойно разумнаго человѣка, а?

— Схи.

(Мы не знали, какими буквами передать этотъ носовой звукъ, употребляемый въ разговорѣ такъ часто вмѣсто болѣе внятнаго слова «да», и полагаемъ, что лучше всего онъ можетъ быть изображенъ приведеннымъ образомъ. Да не удивится же читатель, если мы и впредь будемъ при случаѣ пользоваться этимъ сопоставленнѣмъ буквъ.)

— Ну, а я неразумнѣ, сказалъ Левъ:—мнѣ стоитъ только быть въ обществѣ хорошенъкой, умной дѣвушки — и я какъ самъ не свой:

И какъ-то весело,
И хочется плавать,
И такъ на шею бы
Къ ней я кинулся!

— Да какая жѣ это любовь? Это просто въ тебѣ кровь молодая разыгрывается, какъ во всякомъ животномъ. А къ тому же теперь «Весна—весна, пора любви», какъ сказалъ одинъ изъ вашей братьи поэтовъ.

— Нѣтъ, Александръ, ты не понимаешь меня! Животная природа моя не играетъ тутъ ни малѣйшей роли; въ присутствнѣ молодой дѣвушки мои помислы чисты, какъ — какъ вотъ эта вода, этотъ ландшафтъ передъ нами. Я люблюсь только ея наивностью и застѣнчивостью, ея миловидностью и свѣжестью, но такъ же спокойно, какъ какой нибудь прекрасной статуей.

— И животная природа твоя ни гугу? молчить?

— Гробовымъ молчаннѣмъ.

— Ну, уж не повѣрю. Взгляни-ка на меня: вѣдь я недурень, а?
 — Да, такъ себѣ. Тебя красить особенно борода.
 — И вѣдь неглушь?
 — Нѣтъ, нельзя сказать.
 — Достойный, кажись, предметъ для любви? Чтò жь ты, съ ко-
 торымъ я такъ дружень, который знаетъ, что и характеръ мой не
 изъ самыхъ-то скверныхъ, не влюбилъсь въ меня?

— Что за дичь!

— Дичь, тобой же сочиненная. Ты отвѣть на мой вопросъ: по-
 чему бы тебѣ не влюбиться въ меня?

— Разумѣется, потому, что ты мужчина.

— А! такъ предметъ твоей любви долженъ быть непременно
 женщина, хотя бы она и не была такъ хороша, такъ умна, какъ
 иной мужчина. Значитъ, ты влюбляешься въ женщину только по-
 тому, что сознаешь, что она существо диаметрально тебѣ противо-
 положное, что ты положительный полюсъ, она — отрицательный,
 а разные полюсы, извѣстное дѣло, стремятся соединиться, допол-
 нить другъ друга. Это стремленіе совершенно безотчетно, какъ
 всякая животная потребность, какъ голодъ и жажда.

Левъ тихо засмѣялся.

— Чтò ты смѣешься? развѣ неправда?

— Ты и не подозрѣваешь, Александръ, что попалъ сюда, въ
 Швейцарію, вслѣдствіе той же любовной нужды, что пританулъ
 тебя сюда отрицательный полюсъ.

— Какъ-такъ? Магнитныя свойства мои въ настоящее время,
 какъ въ кускѣ желѣза, безразличны.

— Но ты забываешь, что отъ прикосновенія магнита и въ же-
 лѣзѣ возбуждается магнетизмъ; въ настоящемъ случаѣ этимъ ма-
 гнитомъ послужилъ я.

Левъ рассказалъ пріятелю о своей висбаденской встрѣчѣ.

— Такъ вотъ чтò! замѣтилъ Александръ. — А я не могъ объ-
 яснить себѣ, чтò тебя такъ приспичило ѣхать ту же минуту въ
 Интерлакенъ. Но неужели ты успѣлъ уже влюбиться? развѣ всего
 видѣлъ мелькомъ, да и то не говорилъ ни слова.

— Нѣтъ, я еще не влюбленъ, не знаю даже еще, которая изъ
 обѣихъ мнѣ больше нравится, но мнѣ хотѣлось бы влюбиться, я
 жажду любви.

— Ты, конечно, сочинилъ стихи по этому случаю?

— А ты почему знаешь?

— Да вѣдь ваша братья, поэты, рады всякому случаю излить
 Т. CLX. — Отд. I.

свои чувствованія. Ну, что жь, буду великодушнѣе, прочту, дай-ка сюда.

— Да вѣдь я и не предлагалъ тебѣ...

— Будто не видно по твоему лицу, какъ ты радъ? Вѣдь нескоро, пожалуй, представится опять случай блеснуть своимъ талантомъ; пользуйся же.

Левъ вынулъ какъ-бы нехотя небольшую барманную книжку и, отыскавъ, что требовалось, подаль ее другу.

— Я хотѣлъ бы только, чтобы ты понялъ мои чувства.

— Ну, да! А авторское самолюбіе такъ и просить щелотки.

Александръ взялъ книжку, повернулъ страницу, другую, и довольная улыбка пробѣжала по его лицу.

— Пододвиньтесь-ка сюда, *sig Leo*, надо васъ по головѣ поглядить?

— За что такая милость?

— Да ты хоть поэтъ, а здравомыслящъ и практиченъ, какъ мы, грѣшныя, немзбранные: тутъ у тебя въ перемежку—и стихи и дорожные счеты; за это люблю. И такъ:

Есть въ жизни странныя мгновенья,
Когда душа полна стремленья—
Къ чему? неясно ей самой...

Дѣйствительно странныя мгновенья. Душѣ твоей бываетъ, значить, что-нибудь ясно? Она у тебя мыслить?

Но въ жилахъ кровь играетъ чудно,
Дышать невыразимо-трудно,
И самъ невластенъ надъ собой.

Грустное положеніе, признаюсь: невластенъ надъ собой!

И на щекахъ плавать розы—

Гм!

«Изъ глазъ невольно капать слезы—

Александръ прервалъ чтеніе и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на друга.—Вотъ какъ? ты плакалъ?

— Нѣтъ, не то, чтобы... а близко было... запынчался поэтъ, опуская глаза и краснѣя.

— И на щекахъ плаваютъ розы—справедливо. Гдѣ жь я остановился... да:

слезы,
Сама душа мягка, добра,
И, позабывъ пору ненастья,
Желаетъ всѣмъ на свѣтѣ счастья,
Всѣмъ людямъ блага и добра.

Плеоназмы, брать: *счастья, блага, добра; желаеть всякъ и — всякъ людемъ*. Последнюю строчку можно бы вовсе выбросить. И какая рима: *добра—добра!* Точно, какъ гдѣ-то: *по калачу—поколочу*. Нехорошо! Далѣе:

Она томиться перестала—

Она? кто жъ это? Одна изъ висбаденскихъ красотокъ? Ты вѣдь про нихъ ничего покуда не говорилъ?

— И теперь не говорю. *Она* у меня—душа.

— Текъ-съ.

томиться, значить, перестала,

Осущественье идеала

Въ дали предвидеть наконецъ,

И чувство въ ней растеть и зрѣть,

И бѣдна повѣрить смѣть,

Что есть созвучіе сердець.

— Что есть созвучіе сердець! повторилъ чтець нараспѣвъ.—Ничего, гладко. Только душѣ твоей, я думаю, нечего догадываться, что есть созвучіе сердець: твои были студентскія интрижки достаточно свидѣтельствуютъ, какъ глубоко она понимаетъ это созвучіе. «Созвучіе сердець»! Вѣдь выдумаетъ же! О, поэты!

— Да чѣмъ же эта метафора нехороша? Я, напротивъ, очень доволенъ ею. Подай-ка мнѣ лучше тетрадку. Ты, Александръ, добрый малый, но поэзіи въ тебѣ ей-богу нѣтъ ни капли.

— Или по-крайней-мѣрѣ я не слышу капли ея въ морѣ прозы. Не гомеопать—что жъ дѣлать!

—Только пчела узнаётъ въ цвѣтѣхъ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ,

продекламировалъ съ шутливымъ пафосомъ поэтъ.

— Ты вѣчно съ своимъ Пушкинымъ!

— Пушкинымъ? не смѣши. Когда ты читалъ въ послѣдній разъ Пушкина?

— Въ дѣтствѣ; но развѣ это не изъ Пушкина? начинается еще:

«Уру съ водою уравнивъ» —

— Ну, полно, не срамись; стихъ, который я привелъ, былъ изъ Фета... Но отъ этихъ толковъ, у меня въ горлѣ сушня Сахара. Слѣдовало бы сходить въ отель, выпить рейнвейну, но лѣнь... Попробуемъ гисбахскихъ волнъ.

И, потянувшись, поэтъ приподнялся и сталъ спускаться по окраинѣ утеса къ водѣ.

— Разобьешься; предостерегалъ его сверху товарищъ.

Добравшись благополучно почти до самой воды, Левъ сдѣлалъ еще прыжокъ, и очутился на маленькой гранитной площадкѣ, непосредственно омываемой набѣгающими волнами водоворота, образовавшагося въ углубленіи скалы. Молодой человѣкъ опустился на колѣни, положилъ шляпу возлѣ себя, перевѣсилъ всѣмъ тѣломъ надъ водоворотомъ и, опустивъ голову къ поверхности воды, приложился къ ней губами. Вдругъ взоры его, устремленные бессознательно на гранитный обрывъ, приковались къ расщелинѣ утеса, гдѣ видѣлся какой-то свѣтлый камушекъ; Левъ быстро приподнялся и выломать его оттуда. То была раковина, облѣпленная кругомъ глиной. Отколунавъ глину, Левъ досталъ изъ жилета маленькую складную лупу.

— Любопытное приобрѣтеніе, Александръ, промолвилъ онъ, разглядывая раковину. — Какъ бы ты думалъ: *Orthis*? Да, *Orthis calligrapha*; спрашивается, какъ она сюда попала, на Гисбахъ? Этотъ видъ *Orthis* встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, только въ силурійской формациі, а силурійской формациі нѣтъ въ Швейцаріи. Надо будетъ справиться въ Мурчисонѣ.

— Спрячь-ка свою *Orthis* покуда въ карманъ, замѣтилъ Александръ.—Силурійская формациа изобилуетъ сѣрой ваккой, а здѣсь сѣрой вакки и слѣда нѣтъ; значить, что-нибудь да не такъ. Но Мурчисонъ самъ по себѣ, а гуманность сама по себѣ: ты утолилъ свою жажду и не думаешь обо мнѣ. Нѣ, зачерпни и для меня.

Онъ хотѣлъ бросить Льву шляпу. Тотъ наклонился уже къ водѣ.

— Да я въ свою; вѣдь ты не брезгаешь?

— Нѣтъ. *Naturalia non sunt turpia*. Ты не помадишься?

— Помажусь.

— Такъ выполоскни.

Левъ послѣдовалъ совѣту и зачерпнулъ шляпу до краевъ.

— Приобрѣтай. Чтобъ было вкуснѣй, вообрази себя героемъ извѣстной нѣмецкой баллады: ты—смертельно раненый рыцарь, томимый въ предсмертныхъ мукахъ невыносимой жаждой; я—твой вѣрный щитonosецъ, Кнарре, также тяжело раненый, но изъ безконечной преданности къ своему господину доплзшій до ближняго студенаго ключа и возвращающійся теперь съ полнымъ шлемомъ живительной влаги.

— Воображаю; только не мучь своего рыцаря, давай скорѣй... Эхъ, братъ, ну какъ же это можно! А все твоя баллада.

Изнывающему рыцарю не пришлось на этотъ разъ утолить свою жажду: до краевъ наполненный шлемъ, размокнувъ отъ живитель-

ной влаги, поддався съ одного конца давленію ея, и холодная струя плеснула въ лицо оруженосца. Выпустивъ импровизированную чашу изъ рукъ, испуганный Кпарре отпрянулъ мгновенно въ сторону. Но съ присутствіемъ духа, подобающимъ его высокому званію, рыцарь не выпустилъ шлема изъ искаженныхъ предсмертною мучкою пальцевъ; удрученный тяжестью заключенной въ немъ влаги, шлемъ опрокинулся, и освѣжительный напитокъ расплескался по обрыву.

— Vanitas, vanitatum vanitas! вздохнулъ рыцарь, качая предъ собою въ воздухѣ печально свѣсившуюся чашу.

— Ха, ха, ха! задивался щитносецъ, вытирая рукавомъ лицо. — Брось ее сюда; такъ и быть, налью снова.

— Нѣтъ, ужъ спасибо, я не танталъ.

Онъ вынулъ часы.

— Половина 7-го... Спустимся-ка въ гостиницу; тамъ рейнвейнъ, я надѣюсь, посущественнѣе твоихъ гисбахскихъ волнъ.

Вскарабкавшись на площадку, Левъ взялъ свою насквозь измокшую шляпу изъ рукъ пріятеля, выжалъ ее и накрылся ею.

— Какая холодная! проговорилъ онъ, морщась. — «Что жъ ты спишь, мужичокъ»? Зоветь съ собой, а самъ ни съ мѣста. Давай лапу. «Ну, проснись, подымись»... Фу, какой тяжелый!

Покраснѣвъ отъ напряженія, поэтъ успѣлъ однакоже приподнять товарища на столько, что тотъ самъ всталъ на ноги. Перебросивъ черезъ плеча плащъ, молодые люди начали спускаться по тропинкѣ. Съ озера донеслись звуки звонка.

— Вотъ и пароходъ изъ Интерлакена, сказалъ Левъ. — Ты, конечно, отправляешься утолить свою жажду? Я пойду встрѣчать интерлакенцовъ; можетъ быть, найдется кто русскій: въ Интерлакенѣ, говорятъ, всегда много русскихъ. Закажи пожалуйста и для меня порцію бифштекса и бутылку рейнвейна.

— Какого тебѣ? юганисбергера?

— Нѣтъ, либфрауенмильхъ; все, что находится въ какой-либо связи съ *Liebe* и *Frauen*, пользуется теперь моимъ особеннымъ благоволеніемъ.

Подъ водопадомъ друзья разошлись въ противоположныя стороны: Александръ повернулъ направо — къ гостиницѣ, Левъ взялъ вагъво — къ приставамъ.

III.

УЛЬТРАПРОГРЕСИСТЪ.

Когда Левъ спустился къ самой пристани, публики уже высаживалась съ парохода, и небольшая платформа пристани отказывалась вмѣстить всю толпу — болѣе впрочемъ по тому обстоятельству, что было много дамъ, а прекрасный полъ, проводящій лѣтній сезонъ въ Интерлакенѣ, рядится, какъ извѣстно, необыкновенно пышно и носить платья шириною чуть ли не въ Бриенцкое озеро.

Левъ остановился на краю дорожки, ведущей отъ пристани вверхъ къ отели, чтобы не пропустить никого незамѣченнымъ. Вдругъ на губахъ его мелькнула улыбка и онъ махнулъ рукой: съ парохода сходилъ одинъ знакомый ему русскій.

То былъ юноша лѣтъ девятнадцати, много двадцати. Пушокъ едва пробивался на благообразномъ, самонадѣянномъ, слегка уже измятомъ лицѣ его. Станъ его, и безъ того очень стройный и тонкій, дѣлался еще подвижнѣе и гибче отъ видимыхъ стараній внагъ *somme-il-faut* вложить въ каждое движеніе грацію. Въ правомъ глазу ущемлялось у него стеклышко. Платье, сшитое по послѣдней парижской модѣ, сидѣло на немъ превосходно, и страдало развѣ излишкомъ изящности и воздушности для наряда туриста въ гористой мѣстности, какъ Швейцарія.

Пріѣзжій также замѣтилъ Льва и мотнулъ ему издали головой.

— *Que diable! est ce toi, Lastow, que je vois?* началъ онъ скороговоркой, когда добрался до поэта, и протянулъ къ нему съ граціозной небрежностью свою маленькую, аристократическую руку, обтянутую въ палевою лайковую перчатку. — *D'où viens tu, parbleu?*

— Мы съ Змѣинымъ, однимъ университетскимъ товарищемъ, сколотили рубликовъ по триста и, когда сдали кандидатскій экзамень, пустились въ чужіе края. Вотъ мѣсяцъ уже какъ шатаемся изъ стороны въ сторону. Но ты, братъ Куницынъ, какими судьбами?

— *Moi? Mais je viens, comme toi, de finir mon cours — que le diable emporte toute l'école, «je veux bien, que le diable l'emporte!» maintenant je me suis pensionné à Interlaken... Quelle découverte j'y ai faite, te dis-je! fichtre! Il ne me reste rien, que de faire sa connaissance—un ange, un diable de fille, parole d'honneur! Coquette comme la belle Hélène, vive comme un chaton, spirituelle comme...*

— *Aber, Liebster, Lester, Gutester... перебилъ Левъ.— Du hast sie nicht einmal gesprochen, und rühmst schon ihren Spiritus?*

Купицынъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на говорящаго.

— Que veut dire tout cela, Lastow?

— Что?

— Да Германія?

— А Франція?

— Да вѣдь ты же говоришь пофранцузски?

— Говорю, только не такъ свободно, какъ порусски. Со времени же гимназій мы съ тобой объяснялись всегда порусски; такъ я не вижу надобности въ чужомъ нарѣчій.

— Образованному человѣку должно быть *absolument* все равно, на какомъ бы нарѣчій ни объясниться! Если же я разъ заговорилъ съ тобой пофранцузски, то тебѣ бы ничего не стоило отвѣчать мнѣ на томъ же языкѣ, а то вздумалъ еще подтрунивать... *Fraischement dit*, Ластовъ, ты поступилъ даже *bien impoliment*.

— Напротивъ, другъ мой, *impoliment* поступилъ ты самъ: ты заговариваешь со мною пофранцузски; я отвѣчаю порусски, тонко намекая тебѣ этимъ, что французскій языкъ между нами не у мѣста. Ты, и ухомъ не ведя, продолжаешь пофранцузски. Развѣ это не *impolitesse*? Съ такимъ же точно правомъ могъ я употребить нѣмецкій языкъ, который знаю лучше французскаго; тебѣ это не могло обидѣть: «вѣдь всякому образованному человѣку рѣшительно все равно, на какомъ бы нарѣчій ни объясниться»; слѣдовательно и все равно, отвѣчаютъ ли ему пофранцузски или понѣмецки.

— И ты говоришь это серьезно? спросилъ съ удивленіемъ Купицынъ.—Нѣмецкій языкъ трещить, шипить, скрипеть; французскій—благодаря своей гармоничности, сдѣлался *international*'нымъ европейскимъ языкомъ, какъ арабскій въ Азіи. Французскій языкъ—можно смѣло сказать—гарантія развитости человѣка, такъ-какъ помощью его сближаются народности, сближаются Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ, а сближеніе, какъ извѣстно, развиваетъ и ведетъ ко всемірному прогрессу, то-есть къ тому, что составляетъ цѣль всякаго, мало-мальски образованнаго человѣка XIX-го столѣтія.

— Ого-го, какъ ты краснорѣчивъ, хотъ сейчасъ въ адвокатъ! засмѣялся Левъ, просовывая пріятельски руку подъ руку молодого прогресиста.—Какъ разъ доведешь своими неодолимыми слогоизмами еще до раскаянья, что я не вложилъ гласу твоему, не поступилъ, какъ ты, въ училище правовѣдѣній, или не сдѣлалъ по-крайней-мѣрѣ изученія французскаго языка основною цѣлію своей жизни. Расскажи-ка лучше что-нибудь про свою прекрасную Елену.

— Пожалуй... Ее впрочем зовут не Еленой, а Надеждой, или, вѣрнѣе, Наденькой.

— Наденькой?

— Да. Ихъ двѣ сестры; она младшая. Есть и мать; ризъ наперсница; все какъ въ романѣ...

— Да какъ какъ, не Липецкими ли ужъ зовутъ?

— Липецкими. А ты почему знаешь?

— Видѣлъ въ Висбаденѣ; впрочемъ, незнакомъ. Такъ онѣ здѣсь, на Гисбахѣ?

— Да, пріѣхали вмѣстѣ со мною на пароходѣ. Не то бы зачѣмъ мнѣ пріѣзжать сюда? Эка невидаль!

— Но ты говоришь, Куницынъ, что также незнакомъ съ ними; какъ же это такъ? Ты, кажется, парень не промахъ, мастеръ на завязки.

— Je crois bien! Но тутъ совсѣмъ особенный случай. Заговорилъ какъ-то за столомъ—не отвѣчаетъ; отвѣтила за нее ея confidente, Моничкой зовутъ; не правда ли, оригинальное имя? вѣроятно производное отъ лимона? Впрочемъ, она скорѣе похожа на яблоко, на крымское. Вотъ бы тебѣ, а? Да и какъ удобно: она не имѣетъ надъ собой ни родителей, ни кого; Липецкимъ она приходится кузиной, или чѣмъ-то въ родѣ того, и г-жа Липецкая ея quasi-начальница. Но принадлежа къ новому поколѣнію, Моничка, разумѣется, не признаетъ этого начальства, дѣлаетъ что вздумается, прогуливается solo-solissima, и т. д. Совѣтую приволонуться.

— Да которая изъ нихъ Моничка? Что повыше?

— Нѣтъ, то Наденька. Моничка—маленькая, кругленькая бретка.

— Вотъ увидимъ. Покуда онѣ для меня обѣ одинаково интересны.

— А для меня нѣтъ! Моничка, знаешь, такъ себѣ, средній товаръ; Наденька—отборный сортъ. Тебѣ она, можетъ быть, покажется ребѣнкомъ, нераспустившимся бутонъ; но это—то и есть самая суть, съ настоящимъ haut-gout: я крыжовника терпѣть не могу, когда онъ переспѣлъ.

— Ты, братъ, какъ я вижу, энкуреець.

— А то какъ же? Ха, ха! Вы, университетскіе, воображаете, что никто, окромѣ васъ, не заглядывалъ въ Бюхнера, въ Прудона... Да, Прудонъ! Помнишь, какъ это онъ говоритъ такъ... Ah, mon Dieu, забылъ! Не помнишь ли, какал у него главная thèse?

— Самое извѣстное положеніе его: «La propriété c'est le vol»; но въ настоящемъ случаѣ оно едва-ли примѣнимо.

— Да не то!

— Онь, можетъ быть, говорить, что незрѣлый крыжовникъ лучше зрѣлаго?

— Ха, ха, ха! можетъ быть... Но ты самъ убѣдишься, что мой незрѣлый куда аппетитнѣе всякаго зрѣлаго. Qu'importe, что я не сказалъ съ ней и двухъ словъ: у молоденькихъ дѣвицъ все à découvrir — и хорошее и дурное; а если ты замѣчаешь въ дѣвицѣ одно хорошее, значить, она — chef-d'oeuvre.

— Chef-d'oeuvre или козленокъ: любовь глупа, полюбить и козла.

— Fi, какія у тебя proverbes! Впервыхъ, она и не можетъ быть козленкомъ, потому что не мужчина, козель же мужского пола; развѣ козочкой, а козочки — прелестныя животныя, des bêtes, qui ne sont pas bêtes; правда, un peu trop naïves, но d'autant mieux: тѣмъ болѣе вольностей можно позволять себѣ съ ними.

Въ такихъ разговорахъ пріатели наши взбирались вверхъ по правому берегу Гисбаха, черезъ груды камней и исполинскіе древесные корни, пока не вышли въ горную котловину.

Куницынъ удостоилъ водопадъ только бѣглою взгляда, снялъ шляпу и батистовымъ платкомъ вытеръ себѣ лобъ, на которомъ выступила испарина.

— Неужели нѣтъ другого пути, чтобъ добраться сюда? спросилъ онъ, отдуваясь.

— Какъ не быть; остальная публика, кажется, и предпочла большую дорогу. Но здѣсь ближе и романтичнѣе.

— Романтичнѣе! Очень мнѣ нужна романтичность! Въ настоящее время всякая романичность — анахронизмъ. Вотъ и ботинку разодралъ! Нѣчего сказать — романтично!

— Да, милый мой, ботинки — въ Швейцаріи вещь ненадежная; въ Интерлакенѣ ты, вѣроятно, можешь приобрести такіе же толстокожіе башмаки, какъ у меня, съ двойными подошвами и гвоздями.

— Да вѣдь они жмутъ?

— Жмутъ, но только первые два дня; потомъ ложатся по ногѣ. Впрочемъ, не надѣйся, что преодолѣлъ всѣ трудности: я намѣренъ вставить тебя еще вонъ куда...

Левъ указалъ на крутнзны Гисбаха.

— Шалишь, не заманишь!... Это что за душка? присовокупилъ правовѣдъ, завидѣвъ молоденькую швейцарку въ дверяхъ небольшого домика, о которомъ мы еще не упоминали. Домикъ этотъ, тигъ

швейцарскаго шале, съ перевѣсившеюся кровлею, расположенъ подъ сѣнью деревъ, сейчасъ возлѣ старой отели, и есть одинъ изъ магазиновъ брѣнскаго фабрики орѣховыхъ издѣлій, снабжающей всѣ главные пункты Швейцаріи своими красивыми бездѣлушками, которыя такъ охотно покупаются на память туристами.

— Сюда, если хочешь, пойду, продолжалъ Кунцингъ:— тутъ также своего рода романтизмъ.

— Можно. Видишь, какъ она привѣтливо улыбнулась, когда замѣтила, что мы повернули къ ней? Продувной народецъ! Улыбка ея относится исключительно къ нашему кошелку; дѣлается даже грустно, что и улыбки-то приходится покупать. Guten Abend Fräulein!

— Schönen Dank, meine Herren! Freten Sie nicht näher?

— Gewiss. Замѣчаешь?

И они послѣдовали за швейцаркой въ сокровищницу ея.

IV.

КАКЪ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ ИНЫЧЕ ЗНАКОМСТВА.

Александръ приближался между тѣмъ мѣрными шагами къ главной отели *Гисбахъ*, вошелъ въ общую столовую, сложилъ плащъ, зонтикъ и дорожную суму въ уголокъ на стулъ, и, подозвавъ къ себѣ кельнера, заказалъ двѣ порціи бифштекса—одну сейчасъ, другую черезъ полчаса, да по бутылкѣ юганисбергера и либфрауемильхъ. Кельнеръ, не подозрѣвая, что вторая порція бифштекса и одна изъ бутылокъ предназначались отсутствующему спутнику Александра, посмотрѣлъ на сего послѣдняго съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потомъ чуть ухмыльнулся и, проговоривъ: *Very well, sir,*— поспѣшилъ исполнить требуемое. Онъ сообразилъ, что сталъ прозорливый субъектъ можетъ принадлежать только къ англійской націи.

За длиннѣйшимъ столомъ, покрытымъ снѣжно-бѣлой скатертью, воссѣдало уже нѣсколько гостей, занятыхъ—кто ужиномъ, кто чаемъ. Александръ расположился на свободномъ концѣ стола. Рядомъ съ нимъ сѣлъ дородный, среднихъ лѣтъ нѣмецъ; въ ожиданіи заказаннаго имъ пива, заговорилъ онъ съ Александромъ. Тотъ, занятый своимъ ужиномъ, отвѣчалъ довольно неохотно. Но нѣмецъ, заводившій рѣчь на полевыя работы, удобреніе почвы и т. п., и оказавшійся по справкѣ агрономомъ, вскорѣ прочулъ въ Александрѣ знающаго химика, и, рѣшившись во что бы то ни

стало воспользоваться этимъ случаемъ эксплуатировать безвозмездно чужія знанія, осыпая его вопросами. Александръ, убѣдись наконецъ въ необходимости сносить терпѣливо эту невзгоду, доѣлъ на скорую руку свой бифштексъ, вытеръ салфеткою ротъ и, сдѣлавъ изрядный глотокъ изъ стакана, повернулся къ сосѣду.

— Ну, кончили. Теперь можете разспрашивать, сколько угодно.

Тотъ, конечно, не дакъ сгазать себѣ этого два раза.

Противъ и около нихъ расположилось нѣсколько дамъ — русскихъ, какъ оказалось по разговорамъ. Александръ, хотя и не видѣлъ еще Липецкихъ, но догадался, что должно быть онѣ. Лицо Лизы показалось ему сверхъ того какъ-будто знакомымъ, но онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, гдѣ именно видѣлъ ее. Г-жа Липецкая разговаривала съ одной французской графиней, съ которою сошлась на пароходѣ. Двухъ младшихъ дѣвицъ она разсадила намѣренно розно, чтобы обуздать ихъ пылкій нравъ, высказывавшійся въ подталкиваніи локтя сосѣдки, когда та подносила къ губамъ чашку, и т. п. Но, и разлученныя, онѣ не унимались, и упражнялись въ телеграфномъ искусствѣ особаго рода, приставляя пальцы то ко рту, то къ носу, то ко лбу, и хихикали потому дружно. Одна Лиза пила свой чай молча, не вмѣшиваясь ни въ разговоръ дамъ, ни въ мимическую болтовню дѣвицъ.

— Знаешь, о чемъ мы говоримъ? обратилась къ ней, смѣясь, Моничка.

— О чемъ?

— Да не говори! перебила Наденька.

— Отчего же? что за важность? Никто же не пойметъ. Хоть бы наши vis-à-vis: отъявленная нѣмчура. Послушай только, о чемъ они толкуютъ.

— За тѣмъ-то вѣдь и оставляютъ поля подъ паромъ, говорилъ Александръ:—запасъ неорганической пищи растеній истощается наконецъ, и только въ годъ отдыха, поле, вывѣтриваясь, разрыхляясь подъ вліяніемъ вѣшней сырости и тепла, усиѣваетъ выработать новый запасъ легко-растворимыхъ неорганическихъ частицъ, необходимыхъ для постройки скелета растенія и вбираемыхъ корневыми мочками его вмѣстѣ съ дождевою водою.

— А органическія вещества? возразилъ нѣмецъ.—Читалъ же я, что изъ почвы растеніе пользуется только неорганическою пищею; между тѣмъ доказано на опытѣ, что если удобривать землю падалиной, или вообще азотистыми веществами, какъ-то: копытами,

рогами, то урожай бывает не въ примѣръ обильнѣе. Что вы скажете на это?

— Что ни химія, ни физиологія конечно не показали еще, какъ именно происходитъ питаніе растений азотистыми веществами, но что не подлежитъ сомнѣнію; что они питаются ими. Это Либихъ распространилъ мнѣніе, будто весь свой азотъ растенія извлекаютъ исключительно изъ воздуха; ну, а что скажетъ Либихъ, то, разумѣется, свято, и затянули всѣ одну пѣсню.

— Слышали, mesdames? расхохоталась Моничка.— Чудо, какъ интересно. Передъ ними сидятъ хорошенькія дѣвицы, а они толкуютъ—объ удобреніи! Натурально колбасники.

— Впрочемъ, рассуждаютъ логично, замѣтила Лиза:—въ особенноти младшій, бородастый. Даже Либиха не признаётъ; должно быть, дѣльный химикъ.

— Дѣльный химикъ по части пива—это такъ! Взгляни на эти мужицки-атлетическія формы, на эту флегму, si contente de soi-même—ну, Бахусъ, да и только!

— Гамбринусъ, хочешь ты сказать? Богъ пива—Гамбринусъ.

— А вѣдь онъ вовсе недурень, замѣтила въ свою очередь Наденька.—Только носъ немножко широкъ да глаза зеленые. Зубы чистить тщательно; за то люблю: точно заглядываешь внутрь челоука, въ душу, которая такъ же чиста.

— Такъ сказать тебѣ, Лиза, о чемъ мы говорили съ Наденькой? начала опять Моничка.

— Да перестань, перебила опять Наденька.

— Eh pourquoi pas? Ничего. Видишь ли...

— Такъ постой же, дай, я сама; признаваться, такъ признаваться. Слушай, ma chère...

Наденька оглянулась по сторонамъ и продолжала, понизивъ голосъ :

— Вчера, часу въ 11-мъ вечера, когда мы уже улеглись съ тобой, раздается вдругъ легкій стукъ въ окошко. Я прислушиваюсь— снова стукъ. Я вскакиваю, завертываюсь въ одѣяло и—къ окошку. — Гляжу—Моничка. Я тихонько открываю окно. «Спитъ Лиза?» спрашиваетъ она шопотомъ. «Спитъ; а что?»—«Да не хочешь ли повожировать?» При этомъ она распахнула мантиль, которая прикрывала ей плечи. Я чуть не вскрикнула отъ удивленія. «Что съ тобою, Моничка?» прошептала я. Вообрази: она, сумасшедшая, совсѣмъ déshabillée, въ одной chemise...

— Неправда! перебила Моничка:—я была и въ туфляхъ.

— C' est vrai: послѣ ты потеряла одну въ травѣ... Я сперва не рѣшалась идти съ нею; но потомъ, разсудивъ, что все въ домѣ спать, не могла удержаться, надѣла ботинки, накинула тальму—и маршъ изъ окошка въ садъ.

— Милоточки! но къ чему все это?

— Къ чему! Хотѣлось набѣгаться. Мы перескочили ограду и бросились въ рожь, росистую, мокрую, ловить другъ друга...

Александръ, разговаривавшій все это время съ нѣмцемъ, вслушиваясь однимъ ухомъ и въ болтовню дѣвицы. При послѣднихъ словахъ Наденьки, онъ всталъ изъ-за стола, сказалъ своему сосѣду:—Im Augenblick bin ich wieder da, и, взявъ со стула въ углу шляпу, вышелъ изъ комнаты.

Въ поискахъ за Львомъ, Александръ добрелъ до старой отаи, когда завидѣлъ пріятеля сквозь отворенную дверь вышеописаннаго магазина швейцарскихъ издѣлій, любезничающимъ съ кокетливой продавцей.

— Вотъ этотъ альбомъ, говорила швейцарка вкрадчивымъ голосомъ:—вы подарите своей сестрицѣ—вѣдь у васъ есть сестрица? А то невѣстѣ... Но нѣтъ, для невѣсты мы выберемъ что-нибудь посолиднѣе... хоть бы эту брошю; видите: чистая слоновая кость, и олень-то какъ вырѣзанъ!

— Да у меня нѣтъ еще невѣсты... бормоталъ растерянный Левъ, перекладывая изъ руки въ руку два орѣховыхъ ножа для прорѣзыванія бумаги, чернильный приборъ и проч., которыми проворная дѣвушка успѣла уже нагрузить его.

— Ну, такъ есть возлюбленная? говорила она, взглядывая лукаво ему прямо въ глаза.—Чтобъ у такого у красавчика да не было возлюбленной—этому я ни за что не повѣрю.

— Въ томъ-то и дѣло, моя милая, отвѣчалъ въ ея-же тонѣ Левъ:—что у насъ не водится такихъ душекъ, какъ вы; потому даже и возлюбленной нѣтъ.

Кунницынъ тѣмъ временемъ разглядывалъ въ стеклышко разнообразныя вещицы, разставленныя въ шкапахъ. Онъ было-попытался заглянуть съ нѣжностью въ глазки швейцарки; но когда та, нимало не смущаясь этимъ, пристала и къ нему: «да возьмите это, да купите то», онъ сдѣлался поразительно холоденъ и снизошелъ только приобрѣсть крошечную орѣховую папиросницу, которую нашелъ въ самоновѣйшемъ вкусѣ.

— Послушай, Левъ, заговорилъ, входя, Александръ:—брось эти пустяки и пойдемъ со мной: важное дѣло.

Подошелъ Куницынъ.

— Что жъ ты, Ластовъ, не представишь насъ другъ другу?

— Виноватъ. Благословляя свою судьбу, о, Александръ, что удостоился узрѣть сего мужа! Се, онъ, le célèbre Kouncine, представитель петербургскихъ mauvais-sujets. До 4-го класса гимназій и имѣлъ счастье называть его своимъ товарищемъ; но тутъ, постигнувъ свое высшее назначеніе, онъ переселился въ храмъ Фемиды; до нынѣшняго года посвящался онъ въ таинства богини. Попеченія жрецовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: граціознѣе его никто не канканируетъ (у Ефремова предлагали ему по пяти рублей за вечеръ, съ открытымъ буфетомъ), лучше его никто не знаетъ приличій высшаго тона (по утру весь туалетъ заваленъ у него душистыми записочками); французскимъ языкомъ пропитанъ онъ насвозь, до кончиковъ ногтей, словно наэлектризованъ, такъ что стоить только дотронуться до него пальцемъ, чтобы вызвать искри изысканнѣйшихъ парижскихъ bon-mots...

— Но, Ластовъ, это безсовѣстно... протестовать, нахмурились, правовѣдъ.

— Впрочемъ, добрый малый, присокупилъ Левъ: — видишь, даже не сердится надъ моею нѣсколько изысканной рекомендаціей.

— Очень пріятно познакомиться, сказалъ Александръ, пожимъ Куницыну руку.

— Сей, продолжалъ рекомендовать Левъ, показывая на Александра: — Змѣинъ, натуралистъ, также вполне оправдавшій надежды своего начальства, ну, и — натуралистъ, однимъ словомъ. Принимаешь?

— Не совѣмъ. Должно быть, нѣчто въ родѣ тебя?

— Приблизительно; только еще воплощеннѣе. Зачѣмъ ты звалъ меня, Александръ?

— Да надо проучить трехъ землячекъ крайне неугомоннаго свойства. За чаемъ онѣ сѣли противъ меня, и, воображая, что никто въ комнатѣ не понимаетъ порусски, давай пускаться въ откровенности, которыхъ безъ сомнѣнія не предназначали для постороннихъ ушей. Бѣды еще въ этомъ нѣтъ: онѣ очень молоды; но чтобы предупредить впредь повтореніе такой вѣтрености, я рѣшился дать имъ наставленіе: я ворочусь и займу свое мѣсто противъ нихъ, ты подойди ко мнѣ да заговори порусски. Посмотримъ, придется ли имъ это по вкусу.

— C'est superbe, délicieux! захохоталъ Куницынъ. — Бьюсь объ закладъ, что это Липецкія. Меня уже заранѣе радуеть ихъ embar-

gas; играют таких impassibles, а сами... Вы, м-г Эмѣинъ, молодчина, ей-богу, молодчина! *sargisti!*

— О, подхватилъ Левъ: — онъ такой *sargisti*, что ай-люли! не приходи близко.

Молодые люди направились къ главной отели. Александръ вошелъ въ столовую первымъ. Занявъ свой стулъ, онъ возобновилъ разговоръ съ любознательнымъ нѣмцемъ. Моничка и Наденька пересмѣивались.

— Полноте, укрощала ихъ Лиза: — что жъ тутъ особеннаго? Дѣло самое натуральное.

Вскорѣ вошли Куницынъ и Левъ, и послѣдній, согласно условію, подошелъ къ своему пріятелю и спросилъ его во-всеуслышанье: — а ты, Александръ, заказалъ для меня бифштекса и рейнвейна?

Нельзя изобразить, какое магическое дѣйствіе произвели эти, сами по себѣ весьма невинныя слова на нашихъ дѣвицъ: Наденька, узнавъ во Левѣ съ перваго же взгляда висбаденскаго игрока, вспыхнула до висковъ и закрылась руками; Лиза подняла голову и молча вперила въ лицо Александра полный изумленія, серьезный взоръ; Моничка, наконецъ, приснувшая сначала, поняла тутъ же всю неловкость своего положенія и съ запальчивостью обратилась къ Александру:

— Вы, милостивый государь, знаете порусски и не могли объявить намъ это прежде?

— Напрасно вы горячитесь, отвѣчалъ спокойно Александръ: — не вы ли сами посвящали все присутствующее общество въ ваши частныя тайны? Чѣмъ виновать смертный, случайно понимавшій порусски?

— Но вы должны были предупредить насъ.

— Я и предупредилъ: позвалъ нарочно товарища, чтобы онъ заговорилъ со мною.

— Какъ, вы нарочно ходили за нимъ? *c'est horrible!*

— Скажите, сударь, обратилась тутъ къ Александру Лиза, вымѣривая его ледянымъ взглядомъ: — вы хотѣли дать намъ урокъ?

— Схи!

— Но по какому праву, позвольте васъ спросить?

— По очень простому: по праву взрослога наставлять дѣтей.

— Дѣтей! Еслибы вы знали, съ кѣмъ говорите...

— А именно?

— Я... я болѣе года посѣщала университетъ, покуда не вышло запрещенья...

— Такъ вы экс-студентка? Что жь, такихъ субъектовъ на свѣтѣ божья благодать.

— Ну да, благодать! И по настоящее время занимаюсь я дома своимъ предметомъ, въ будущемъ маѣ думаю сдать уже на кандидата, а тамъ, если богъ-дасть, на магистра, на доктора... Да-съ!

— Гм! промчалъ Александръ, преклоняя почтительно голову: — оно, конечно...

— Не думай, та сѣге, что онъ хотѣлъ предостеречь насъ, перебила съ жолчью Моничка: — это было одно мальчишество, желаніе посмѣяться надъ дѣвцами... Мы презираемъ васъ, сударь!

— Видите, какъ вы неразборчивы въ выборѣ выраженій, возразилъ съ прежнимъ хладнокровіемъ Александръ: — надо быть осторожнѣе, сударыня; другой бы на моемъ мѣстѣ, пожалуй, отплатилъ вамъ той же монетой. Я вижу, приходится изложить вамъ ходъ дѣла систематически. Я толковалъ безъ всякихъ заднихъ мыслей съ симъ достопочтеннымъ тевтономъ — о чемъ? вы, можетъ быть, слышали...

— Очень нужно намъ подслушивать ваши скучные разговоры!

— Зачѣмъ же отпираться, Моничка? замѣтила Лиза. — Ну, мы слышали, о чемъ вы говорили; чтѣ жь изъ того?

— Дѣло не въ предметѣ нашего съ нимъ разговора, а въ томъ, чтобы вы знали, что предметомъ этимъ были не вы. Тутъ долетаетъ вдругъ до моего слуха нѣсколько словъ обо мнѣ. Какъ было не насторожить уши! Сказать же вамъ, что я понимаю васъ, не было резонной причины: вы говорили только обо мнѣ — тема самая приличная. Да и пріятно же подслушивать лестный о себѣ отзывъ изъ такихъ прелестныхъ устъ!

— Пожалуйста, безъ колкостей, милостивый государь!

— Тутъ зашла у васъ рѣчь о вчерашней авантюрѣ, продолжалъ Александръ. — Я мысленно зажалъ себѣ уши, но чтѣ прикажете дѣлать, если мѣра эта не оказалась вполнѣ состоятельною? Я слышалъ нѣкоторое изъ вашего разговора и, не желая, чтобы вы и въ другой разъ когда нибудь скомпрометировали себя подобнымъ же образомъ, почелъ своимъ долгомъ преодолѣть природную флегму (чтѣ я второй Обломовъ — подтвердить вамъ всякій, кто сколько-нибудь знаетъ меня), всталъ и пошелъ воть за нимъ... Я думалъ, что вы еще поблагодарите меня!

Впродолженіе этой рацеи нашего философа, черты Лизы начали мало по малу проясняться.

— Я васъ гдѣ-то уже прежде видѣла, промолвила она.—Вы не изъ петербургскаго ли университета?

— Такъ точно.

— Зачѣмъ же вы не объявили намъ этого съ самаго начала? Вашъ пріятель, должно быть, также университетскій? Его я, кажется, видѣла вмѣстѣ съ вами на лекціяхъ.

— Да, мы были съ нимъ одного факультета и курса.

— Тò-то. Знаете, чтò? Вы, кажется, вовсе не такой злодѣй, какъ представились намъ сначала. Вы куда отсюда? въ Интерлакенъ?

— Въ Интерлакенъ.

— И играете въ шахматы?

— Играю.

— Послушайте; тутъ такая скука, хотите быть знакомымъ съ нами?

— Mais, Lise... шепнула ей Наденька, разгорѣвшаяся при послѣднихъ словахъ сестры, если возможно, еще пуще прежняго:— вѣдь онъ все расскажетъ своимъ товарищамъ...

— Да! обратилась къ Александру экс-студентка:—вы вѣдь ничего еще не говорили этимъ господамъ о сюжетѣ нашего давишняго разговора?

— Нѣтъ, не успѣлъ.

— Такъ и не смѣйте. Молодымъ дѣвушкамъ, знаете, конфузно. Такъ рѣшено, мы знакомы!

— Пожалуй, мнѣ все равно. А вы хорошо играете въ шахматы?

— Вотъ увидите. Но не угодно ли вамъ представиться, господа? Надо же знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Я и онъ, сказалъ Александръ, указывая на Льва:—кандидаты естественныхъ наукъ; я—будущій мыловарь, онъ—будущій просвѣтитель юношества.

— А зовутъ васъ?

— Меня Александромъ Александровичемъ Змѣинымъ, его — Львомъ Ильичемъ Ластовымъ.

— А вы? обратилась Лиза къ Куницыну. — Вѣроятно лицейскъ или правовѣдъ?

— Почему вы это заключаете? Да, я изъ правовѣдовъ, въ нынѣшнемъ году окончилъ курсъ—съ девятымъ класомъ; зовутъ меня Сергѣй Петровичемъ Куницынымъ.

— Il me semble, que nous avons déjà vu, monsieur, à Interlaken? замѣтила Моничка.

— A votre service, mademoiselle, отвѣчалъ, ловко раскланиваясь, правовѣдь.

— Вы вѣроятно желаете также узнать, кто мы? сказала Лиза.— Я — Лизавета Николаевна Липецкая, чинъ и званіе мое вамъ уже извѣстны. Это — сестра моя, Надежда Николаевна, петербургская гимназистка. Вотъ наша мать, жена тайнаго совѣтника Липецкаго. А вотъ Саломонида Алексѣевна Невзорова — одинъ изъ самыхъ блестящихъ перловъ петербургскихъ великосвѣтскихъ баловъ, прибавила экс-студентка не безъ ироніи.

Жена тайнаго совѣтника хотѣла-было вмѣшаться въ разговоръ спорившихъ, ибо находила неслыханнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ такое внезапное знакомство съ вовсе незнакомыми людьми; но никто изъ участниковъ маленькой интермедіи не удостоилъ ее вниманія, и, пожавъ плечами, непризнанная родительница повернулась опять къ своей французской графинѣ.

Нѣмецъ, сосѣдъ Александра, угадывая сердечное желаніе стоящихъ за нимъ молодыхъ людей подсѣсть къ своимъ новымъ знакомкамъ, допилъ на-скоро остатки пива и поднялся съ своего мѣста.

— Вы, господа, можетъ быть, устали? сказалъ онъ.—Я насидѣлся вдоволь. Какъ бы вамъ только помѣститься.

Но юноши помѣстились какъ нельзя лучше: сосѣди по обѣ стороны отодвинулись, въ открывшійся промежутокъ былъ втиснутъ стулъ — и ничего, помѣстились. Завязался разговоръ, непринужденный, веселый, какъ между старыми знакомыми. Куницынъ, который предшествующее лѣто провелъ въ разгульной столицѣ Франціи, зналъ множество «ароматныхъ» анекдотовъ изъ области тамошняго полусвѣта и преимущественно способствовалъ оживленности разговора. Отроковицы замѣтно успокоились отъ перваго волненія, изобличая самый похвальнѣйшій аппетитъ: наперерывъ намазывали онѣ себѣ на полумлотики рыхлой, бѣлой булки свѣжаго масла и сверху, какъ водится, зернистаго, полужидкаго меду. Блюда съ ветчиной, говядиной, сыркомъ, земляничкой, скудѣли видимымъ образомъ; земляники потребовалось даже второе увеличенное изданіе.

V.

Гисвахъ освѣщается. Взаимный дѣлежъ.

Въ девять часовъ раздался вдругъ за окнами столовой пушечный выстрѣлъ. Все вскопилось, переполошилось.

— Illumination! переходило изъ устъ въ уста.

Дамы схватились за мантильи и платки, мужчины за плады и шляпы; ужинъ и чай были забыты; всякій спѣшилъ выбраться изъ комнаты.

На дворѣ стояла ночь, чудная южная ночь, темная, безлунная. Въ темно-синей, почти черной безднѣ неба мерцала робкимъ огнемъ одинокая вечерняя звѣзда. Внизу, въ земной юдоли, въ горной котловинѣ, было непроницаемо темно, хотъ глазъ выноли. Только пѣнистые каскады неумоляемаго Гисбаха бѣлѣли въ отдаленіи.

На площадку передъ старою отелью, то-есть прямо противъ водопада, была вынесена армія стульевъ; гости атаковали ихъ съ ожесточеніемъ. Смѣхъ, говоръ, трескъ стульевъ! Въ окружающемъ мракѣ никто никого не узнаеть.

— Вы это, N. N.? (Называется имя).

— Нѣтъ, не я.

— Не вы?

Старая, но хорошая острота, возбуждающая общую веселость.

Вотъ отъ главной отели начинаютъ приближаться яркіе, блудящіе огни; за каждымъ огонькомъ вьется змѣйка освѣщаемаго имъ дыма. Вскорѣ можно различить людей съ факелами. Длинной процесіей тянутся они вдоль окраины чернѣющаго лѣса, въ направленіи къ Гисбаху. Теперь они взбираются, одинъ въ извѣстномъ разстояніи отъ другого, на крутизны водопада; то пропадутъ въ сумракѣ чащи, то явятся опять, чтобы въ то же мгновеніе снова скрыться. Вотъ мелькнулъ свѣтъ и на верхнемъ мостикѣ — и всѣ они исчезли. Наступила прежняя темь, оглашаемая только немолчнымъ гуломъ падающихъ водъ. Вдругъ — подъ ногами зрителей сверкнулъ огонь, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ. Всѣ вздрагиваютъ и вскрикиваютъ. Но крикъ испуга переходитъ въ возгласъ удивленія: вся водяная масса, сверху донизу, вспыхиваетъ мгновенно однимъ общимъ волшебнымъ огнемъ. Подобно расплавленному металлу, ярко свѣтятся насквозь, пѣнистыя воды Гисбаха низвергаются, словно звонче и шумнѣе, съ уступа на уступъ; прозрачная, свѣтлая дымка водяной пыли обвѣваетъ ихъ. Отъ воды освѣщаются трепетнымъ блескомъ и окружающіе мрачные лѣсные исполины. Ярко-бѣлый цвѣтъ водъ переходитъ незамѣтно въ красный, красный — въ пунцовый. Верхній каскадъ зеленѣетъ, и весь водопадъ донизу заливаешь зеленымъ отливомъ. Тихо-тихо меркнутъ свѣтлыя воды, сначала наверху, потомъ все ниже и ниже; мгновеніе — и все погрузилось въ прежній мракъ.

Зрители, любовавшіеся невиданнымъ зрѣлищемъ съ притаеннымъ

дыханіемъ, только теперь очнулись отъ очарованія. Все заговорило, задвигало стульями.

— А, въ самомъ дѣлѣ, очень недурно, замѣтила Лиза: — лучше даже, чѣмъ днемъ.

— Ахъ, нѣтъ, та снѣге, возразила Наденька: — бенгальское освѣщеніе — искусственное, слѣдовательно, хоть и поражаетъ сильнѣе, но не можетъ сравниться съ дневнымъ, естественнымъ.

— Ты сама себя противорѣчишь, моя милая: вѣдь бенгальское освѣщеніе, говоришь ты, дѣйствуетъ на тебя глубже дневного?

— Глубже.

— А между тѣмъ въ немъ нѣтъ для тебя ничего неприятнаго?

— Нѣтъ, оно даже, можетъ быть, пріятнѣе дневного, но оно искусственное, значить...

— Да полно тебѣ сентиментальничать! перебила Лиза. — Есть развѣ какое существенное различіе между освѣщеніемъ того или другого рода? И здѣсь, и тамъ происходитъ не болѣе, какъ сотрясеніе зѣира, игра свѣтовыхъ волнъ на одномъ и томъ же предметѣ — водѣ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ раздражается зрительный нервъ, и чѣмъ пріятнѣе раздраженіе, тѣмъ оно и благороднѣе: всякое вѣдь сотрясеніе зѣира естественно, неискусственно; солнце могло бы точно такъ же свѣтить бенгальскимъ огнемъ, какъ свѣтитъ теперь своимъ обыкновеннымъ свѣтомъ, и тогда бы ты сама не нашла въ такомъ освѣщеніи ничего неестественнаго.

— Да вотъ хоть сейчасъ въ профессора, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Сестра молода, отвѣчала экс-студентка: — всякая новая мысль не лишняя въ ея годы.

— Вы говорили про раздраженіе зрительнаго нерва, вѣшался Александръ: — я долженъ замѣтить, что прежде всего раздражается въ глазу сѣтчатая оболочка, а ужъ отъ этой раздраженіе передается черезъ зрительный нервъ мозгу.

— Ну, пошли философствовать! перебилъ нетерпѣливо Кунцынъ. — Бенгальское освѣщеніе развлекло насъ болѣе дневного, значить, оно и лучше — что тутъ толковать.

Общество подходило къ гостиницѣ.

— Не сдѣлать ли еще ночной прогулки? предложилъ Левъ.

— Ахъ, да! подхватили въ одинъ голосъ Наденька и Моничка.

— А я думаю, что нѣтъ, сказалъ Александръ. — Пароходъ отходить завтра чуть ли не въ 7-мъ часу утра, поэтому, если мы хотимъ выспаться, пора и бай-бай.

— Вы самый разсудительный изъ насъ, сказала Лиза: — въ самомъ дѣлѣ, мы уже вдоволь насладились вашимъ обществомъ, господя: хорошаго понемножку. Пойдемте, дѣтушки.

— Пойдемъ. Adieu, messieurs!

— Au revoir, mesdemoiselles, отвѣчалъ Куницынъ.

— Прощайте, сказалъ Левъ.

— Кланяйтесь и благодарите, заключилъ Александръ.

Наши три героя рѣшили единогласно потребовать три отдѣльные номера: оно удобнѣе, а цѣна та же, такъ-какъ въ гостиницахъ почти повсюду берутъ плату не за комнаты, а за кровати. На бѣду ихъ, въ отелѣ *Гизбалъ*, при большемъ стеченіи публики, бываетъ, несмотря на относительную просторность зданія, довольно тѣсно; почему пріѣзжіе, справившіеся предварительно въ краснокожемъ путеводителѣ, всегда позаботятся заблаговременно о ночлегѣ. Наня молодезь не заглянула въ Бедекера, а когда обратилась съ своимъ требованіемъ къ кельнеру, то получила альтернативу: или удовольствоваться вѣсѣмъ троишь однимъ номеромъ, или же искать пристанища въ окружающихъ дебряхъ. Последнее, какъ неудобно-исполнимое, было отвергнуто, первое со вздохами принято. Отведенная имъ комната оказалась подъ самую крышею, и имѣла полное право на названіе чердака; она была такъ низка, что Левъ (самый высокій изъ молодыхъ людей), не становясь на цыпочки, могъ достать рукою до потолка. Три кровати занимали почти все пространство комнаты.

— Ну, Ластовъ, заговорилъ Куницынъ: — какъ ты находишь мою *belle Hélène*? не достойна она этого титула, а?

— Какъ тебѣ сказать?... Прекрасной Еленой ее едва-ли можно назвать: троянская красавица, сколько мнѣ извѣстно, была женщина вполнѣ разцвѣтшая, въ соку, тогда-какъ Наденька — ребѣнокъ. Но она, слова нѣтъ, мила, даже очень... Видно, что ей и непривычно, неловко въ длинномъ платьѣ, и въ то же время хочется быть взрослой; застѣнчивость дитяти, съ эксцентричными порывами первой самостоятельности, и придаетъ ей эту особенную привлекательность.

— Bravo! такъ она тебѣ нравится? *malgré*, что незрѣлый крыжовникъ?

— Я и не возставалъ противъ незрѣлаго крыжовника; меня только удивляло, какъ ты, человекъ столь рафинированный, могъ прельститься ей; теперь отдаю полную честь твоему вкусу. Похвально также, что онъ съ Лизой не шнуруются: безъ корсета талья обри-

сбывается гораздо пластичнѣе, рельефнѣе, и въ то же время не даетъ повода опасаться, что переломится при первомъ дуновеніи. Да и въ умственномъ отношеніи Наденька, кажется, не изъ послѣднихъ: немногія слова, сказанныя ею, были такъ логичны...

— Та, та, та! Это что? воскликнулъ Куницынъ. — Пошелъ расхваливать! Ужь не собираешься ли ты и впрямь отбить ее у меня?

— А еслибы? Она и мнѣ нравится болѣе Монички.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйства не тронь. Ты ее знаешь всего съ сегодняшняго дня, значить, не такъ привязался къ ней... Условіе, господа: каждый изъ насъ пусть выбираетъ себѣ одну для ухаиванья и, какъ вѣрная тѣнь, слѣдить за нею; другими словами: не вмѣшивается въ дѣла остальныхъ тѣней. Насъ трое и ихъ три, точно на заказъ. Вы, ш-г Змѣинъ, берете, разумѣется, Лизу?

Александръ поморщился.

— Да полно вамъ кокетничать! Кому жъ, какъ не вамъ, играть съ нею въ шахматы? кто, кромѣ васъ, выдержитъ съ этой флегматической докой? Не взыщите за правду. Я не постигаю только, какъ вы еще не сходите съ ума отъ нея? Совсѣмъ одинъ съ вами темпераментъ, точно изъ одной формы вылиты, а наружность и тѣлеса — въ своемъ родѣ *magnifiques*.

— Это такъ, торсъ славный. Еслибы умъ ея былъ въ половину такъ роскошень...

— А почему вы знаете, каковъ у нея умъ? Изслѣдуйте напередъ. Это по вашей части: изслѣдованія, анализъ, химія...

— Къ тому же, подхватилъ Левъ: — хотя она и изъ студентокъ, но, какъ кажется, не составляетъ себѣ главною цѣлью поимку жениха; ужъ одно это должно бы возвысить ее въ твоихъ глазахъ.

— Знаемъ мы этихъ весталокъ новаго покроя, отвѣчалъ Александръ. — Пока не нашлось обожателя, дѣвушки, конечно, ничего не стобитъ играть неприступною; а попробуй возгорѣть къ ней безкорыстно-благороднымъ огнемъ, сирѣчь намеки ей про законныя узы — она тутъ же отдастъ тебѣ и руку и ногу, бросится къ тебѣ, какъ мошка въ пламя свѣчи, съ рискомъ даже опалить крылья.

— *Mais, mon cher ami*, вы разстроиваете весь нашъ планъ. Какъ же быть намъ, если вы отказываетесь отъ Лизы?

— Да я пожалуй сыиграю съ нею въ шахматы нѣсколько партій, чтобъ вы съ Ластовымъ могли утолить первый позывъ вашей любовной жажды. Но не пѣняйте, если я, въ случаѣ невозможности выдержать, поверну оглобли.

— Можете. Я съ своей стороны на столько довѣряю Лизѣ, что

надѣюсь, что она не такъ-то скоро отпуститъ васъ. И такъ, вашъ предметъ—Лиза? рѣшено?

— Рѣшено.

— Мой — Наденька, это также рѣшено; значить, на твою долю, Ластовъ, остается одна Моничка, Соломонда, Salomé!

— И то хлѣбъ. Вѣдь ты, Куницынъ, не воспрещаешь говорить иногда и съ твоей красоткой?

— Куда ни шло — можешь.

— И за то спасибо.

— Вы, господа, готовы? спросилъ Александръ, перевѣшивая послѣднiе доспѣхи свои черезъ спинку стула и подъ перину.

— Давно.

Александръ задулъ свѣчу.

— Это зачѣмъ? спросилъ Куницынъ. — При свѣтѣ болтаются гораздо веселѣе.

— Вотъ именно: вы бы проболтали до зари, а встать надо около шести. Buona notte!

— Кланяйтесь и благодарите, отвѣчалъ, смѣясь, правовѣдъ, повторяя любимое, какъ онъ замѣтилъ, выраженiе Александра.

Тѣмъ временемъ, въ другой комнатѣ гостиницы происходилъ разговоръ между дѣвицами, почти тождественный съ вышеприведеннымъ.

Липецкiя распорядились о ночлегѣ своевременно, и имъ отвели два номера въ бель-этажѣ, въ двѣ кровати каждый. Моничка и Наденька просились спать вмѣстѣ; г-жа Липецкая хотѣла-было отказать, но когда и Лиза ввернула свое доброе слово: «Да дайте же имъ погулять! не вѣкъ же пробудемъ за границей» — она, сообразивъ, что и взаправду рѣзвухи не дадутъ ей сомкнуть глазъ, если она одну изъ нихъ возьметъ къ себѣ, махнула рукой. — А Богъ съ вами! Дѣлайте, что хотите.

— Давно бы такъ! проговорила вполголоса Моничка. — Нада, allons.

Онѣ порхнули по коридору въ свои новыя, неоспоримыя владѣнiя.

Притворивъ плотно дверь къ владѣнiямъ двухъ старшихъ дамъ: «Намъ не помѣшаютъ, и мы не помѣшаемъ», Моничка открыла окно, и вывѣсилась за него.

— Досадно, что такъ высоко, сказала: она — опять бы повояжировать.

Наденъа вспомнила недавнюю интермедію изъ-за вчерашняго вояжа, и надулась.

— А вѣдь какою противный! Слушаетъ, точно агнецъ; точно ничего и не понимаетъ, а самъ только придумываетъ, какъ бы сильнѣе пристыдить насъ.

— Кто? Змѣинъ-то? Материалистъ, грубый, необтесанный материалистъ! Да развѣ отъ университетанта можно ожидать чего-нибудь? Какъ за то я его и отщелкала! Ты слышишь? «Вы, говорю, мальчишка, мы васъ презираемъ, сударь!» Ха, ха!

— Его это, однако, кажется, не очень тронуло.

— Не очень тронуло! Въ немъ нѣтъ ни капли врожденнаго благородства, оттого и не тронуло. Ты думаешь, что истинно-образованный человѣкъ принялъ бы такъ легко мои слова? А съ него, какъ съ рыбы вода.

— Какъ съ гуся, хочешь ты сказать.

— *C'est la même chose!* То ли дѣло правовѣдъ! Вотъ милашка, такъ ужъ милашка! настоящій *pur sang*, дусенька! Такъ бы и взяла за оба ушка, да разцаловала тысячу разъ!

— Чтò жъ? попробуй. Онъ, я думаю, и самъ не откажется: и ты вѣдь милашка, а — *qui se ressemble, s'assemble*. Но я все-таки не понимаю, какъ рѣшиться поцаловать его, правовѣда — *fi donc!*

— *Comment!* Цаловать, мы, женщины, имѣемъ, кажется, такое же право, какъ мужчины; Куницынъ же, болѣе чѣмъ кто-либо, достоинъ женскихъ поцалувей: онъ и *un homme très gentil* и *un vrai gentilhomme*.

— *Oui, mais il est un peu trop fat.*

— *Ah non, ma chère!* Ты слишкомъ взыскательна: если человѣкъ хорошъ, то долженъ и культивировать свою красоту, какъ культивируютъ, *par exemple*, какою-нибудь талантъ. Ты сама говорила, что въ прекрасномъ тѣлѣ должна заключаться и прекрасная душа.

— Моничка, Моничка! Ты, кажется, уже по уши влюблена въ него. Это тѣмъ грустнѣе, что онъ занятъ не тобой, а мной: и въ Интерлакенѣ онъ слѣдилъ только за мной, и здѣсь за чаемъ относился все болѣе ко мнѣ.

— *Que tu es presumptueuse, Nadine!* Въ Интерлакенѣ мы ходили съ тобою всегда *ensemble*, слѣдовательно нельзя опредѣлительно сказать, къ которой именно изъ насъ относилось его вниманіе; когда онъ заговорилъ съ нами, то обратился къ тебѣ *peut-être*, чтобы замаскировать свои чувства, а сегодня вечеромъ... да

вотъ еще, когда онъ разсказывалъ про парижскихъ львицъ, то сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что я стою любимой изъ нихъ; потомъ...

Наденька раскохоталась.

— Ты, ma chère, какъ Марья Антоновна въ *Ревизоръ*: «И какъ говорилъ про Загоскина, такъ взглянулъ на меня, и какъ разсказывалъ, что играть вистъ съ посланниками, то также взглянулъ на меня».

— Ну, да! Ты вѣчно съ своей русской литературой. Но мой правовѣдъ — человекъ симпатичный, не то, что эти два медвѣдя... По твоему, пожалуй, этотъ блѣдный, долговязый лучше?

— Разумѣется, лучше.

— Да вѣдь онъ глупенькій! Впродолженіе всего разговора сказалъ не болѣе двухъ-трехъ словъ.

— Значить, молчаливъ и хотѣлъ напередъ разглядѣть насъ. Помнишь, какъ любезно принялъ онъ нашу сторону въ Висбаденѣ за рулеткой?

— Очень нужно было! Еслибы онъ не вмѣшался, то я потеряла бы этотъ одинъ гульденъ и съ тѣмъ бы и ушла; а то по его милости спустила все, что имѣла съ собою.

— Ты забываешь, моя милая, что и я проиграла все, что было при мнѣ, но не сержусь на виновника нашей бѣды; чѣмъ же виновать онъ, что мы не могли удержаться отъ игры? Онъ поступилъ только весьма любезно... А что до его наружности, то черты у него правильныя, классически-благородныя; обхожденіе, хотя не такое ухарское, какъ у Куницына, зато болѣе натуральное, значить и болѣе приличное.

— Зачѣмъ не классически-приличное? Je suis très enchantée, что вкусы наши расходятся: не помѣшаемъ, значить, другъ другу. Вы съ Лизой обворожайте своихъ классиковъ; я удовольствуюсь *даже* правовѣдомъ, хотя онъ, какъ ты увѣряешь, и плѣненъ уже тобой. Что, сударыня, завидно?

— Ни чуть. Наслаждайся имъ, сколько душѣ угодно.

— Да? Ein Mann — ein Wort: ты общаешься не мѣшать мнѣ?

— Слово гимназистки! усмѣхнулась Наденька, поднимая вверхъ торжественно три пальца.

— Cela suffit.

В. АВЕНАРИУСЪ.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО.

(Изъ рода князей Форино, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

Votum feci,
Gratiam asseri.

(Я дала обѣтъ и приняла благодать).

(Окончаніе).

XXIV.

Шпіонство.

Еще разъ возвратилась я въ міръ живыхъ; еще разъ показала мнѣ новыми всѣ тѣ предметы, которыхъ я уже не надѣялась болѣе увидать. Полной грудью упивалась я чистымъ воздухомъ, какъ будто были сосчитаны часы, въ которые дозволялось мнѣ пользоваться имъ, и меня приводилъ въ сильное волненіе открытый, смѣющійся видъ проходящихъ мимо меня людей. Тяжелыя воспоминанія какъ-бы сжалась въ одну неумовную точку; дорога же, по которой несла меня коляска, напротивъ того, казалась мнѣ окаймленной такими необъятными пространствами, горизонтъ которыхъ простирался неизмѣримо дальше всѣхъ моихъ стремленій.

Епископъ замѣтилъ, что мнѣ лучше было бы воспользоваться возвращенной мнѣ свободой на первое время за городомъ, нежели въ самомъ городѣ, на что я отвѣтила, что таково именно и есть мое намѣреніе. Я жаждала воздуха, свѣта, простора, свободы, и каждое утро, сопутствуемая моей старушкой, взбиралась по лѣсистымъ уступамъ кастеламарскихъ холмовъ. Съ этихъ высотъ, господствующихъ надъ городомъ, всѣмъ неаполитанскимъ заливомъ и самыми живописными мѣстностями этого благословеннаго клочка земли, взоръ мой переносился то на одинъ пунктъ, то на другой, измѣрялъ стройныя пропорціи ландшафта, мчался черезъ пространство, и я ликовала въ упоеніи, возрождалась къ новымъ силамъ, вдохновлялась такой поэзіей надеждъ и чувствъ,

которую я дотолѣ не подозрѣвала въ себѣ. Отъ моихъ странствованій меня не могла удержать даже непогода—ни дождь, бѣшенными потоками лившій по горнымъ уступамъ, ни осенній туманъ, когда онъ, выбиваясь изъ лѣса, стался по оврагамъ и обступалъ меня густыми клубами. Устремивъ взоръ на самую далекую точку небосклона, я выжидала пока медленно рѣдѣла туманная пелена, и еще прекраснѣе, еще пышнѣе тогда, при свѣтѣ солнца, казалась мнѣ панорама, уже неограниченная для меня громадными стѣнами и желѣзными запорами.

Однажды, въ одной изъ моихъ горныхъ прогулокъ, я встрѣтила маленькаго контадина, несшаго въ грубо-сколоченной клѣткѣ десятка два только-что пойманныхъ птичекъ.

«— Сколько возьмешь за всѣхъ этихъ плѣнниковъ? спросила я его.

«— Три пиастра, отвѣчала плутишка.

Но онъ отдалъ свою добычу за одинъ пиастръ, вмѣстѣ съ клѣткой. Тогда, одного за другимъ вынимая маленькихъ узниковъ, я возвратила ихъ родной стихіи, и весело слѣдила за ихъ полетомъ, между тѣмъ какъ они, расправивъ крылушки, мгновенно скрывались въ зелени деревьевъ. Мальчику понравился этотъ торгъ, и онъ часто сталъ приносить мнѣ клѣтки съ новыми плѣнниками. Но такъ-какъ щедрость была мнѣ не по средствамъ, то я уговорилась съ нимъ давать ему по два грана за каждую птичку, и такимъ образомъ часто доставляла себѣ удовольствіе дѣлать другимъ живымъ созданіямъ такую же радость, какую сдѣлалъ мнѣ Господь.

Между тѣмъ начинали отрастать мои волосы, въ первый разъ павшіе подъ ножницы абатисы св. Григорія, и въ продолженіе тринадцати лѣтъ постоянно остригаемые, какъ у овцы. По мѣрѣ того, какъ длиннѣла моя коса, мнѣ казалось, что я дѣлаю новый шагъ на поприщѣ личной независимости, и я не знала, какъ дожидаться того времени, когда кудрямъ моимъ, избавленнымъ отъ прикосновенія рабскаго желѣза, возвратится прежняя ихъ краса.

Оставалась еще монашеское платье. Дома я уже бросила его, но надо было найти средство отдѣлаться отъ него и на улицѣ. Одежда эта наскучала мнѣ, стѣсняла меня на каждомъ шагу. Всѣ оборачивались, чтобы глядѣть на меня: кто изъ любопытства, кто изъ оскорбленнаго фанатизма, кто изъ любви къ оригинальнымъ явленіямъ, а мнѣ хотѣлось проходить незамѣченной. Развѣ всѣ эти глаза, устремленные на меня, все равно съ благожелательностью ли или со злобой, не были для меня стѣсненіемъ? Развѣ эти взгляды не уменьшали значительно капиталъ моей

личной свободы? Рѣшившись покончить разъ на всегда съ этой аномаліей, я въ одно прекрасное утро отправилась къ епископу.

«— Monsignore, сказала я ему:—это платье до того насучило мнѣ, что я должна буду осудить себя на добровольную ссылку, если вы не разрѣшите мнѣ бросить его.

«— Я бы вамъ совѣтывалъ остаться въ немъ, возразилъ епископъ; но потомъ прибавилъ съ улыбкой:—впрочемъ, если вы ужь непремѣнно хотите бросить его, то для чего же вамъ спрашивать у меня на это позволеніе?

Нѣсколько дней спустя я сложила съ себя монашескую одежду, и онъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ничего.

Одно только наслѣдіе осталось мнѣ отъ прошлаго, символъ моей безбрачной жизни — *черная вуаль*.

Между тѣмъ звѣзда Италіи снова восходила на небосклонѣ, еще неяркая, но сіяющая свѣтлыми надеждами. Крымская война дала доблести савойской династіи и генію Камила Кавура случай поднять Пьемонтъ, поборника національности и военнаго могущества Италіи, на степень европейской державы. Турниъ уже соединялся съ главными городами полуострова таинственными петлями невидимой сѣти; современнѣмъ электрическимъ токомъ итальянскій патриотизмъ содержался въ непрерывной дѣятельности. Это лихорадочное состояніе всего замѣтнѣе обнаружилось въ Неаполѣ, Взору наблюдателя Неаполь представлялъ вѣрное подобіе своего грознаго сосѣда — нагануи одного изъ самыхъ ужасныхъ изверженій, какія только запомнятся въ лѣтописяхъ волкановъ. Всѣ революціонныя партіи (печальное наслѣдіе, оставленное намъ происшествіями долгаго періода смутъ), всѣ партіи, не исключая и бурбонско-клерикальной, въ напряженномъ ожиданіи слѣдили за симптомами, предвѣстниками готовившагося кризиса, также внимательно какъ знаменитый «точльщикъ» флорентинской трибуны, вслушивающійся въ заговоръ... Что же въ это время дѣлала я, погруженная въ бездѣйствіе въ Кастеламаре? Друзья скорбѣли о моей ссылкѣ и писали ко мнѣ отчаянныя письма. Поэтому, полагая, что въ Неаполѣ найдется мѣстечко и для моей личной дѣятельности, я рѣшилась пренебречь всякой опасностью, чтобы хоть сколько нибудь содѣйствовать организовавшемуся движенію.

Послѣ одиннадцати мѣсяцевъ, праздно проведенныхъ въ Кастеламаре, я вторично явилась къ епископу.

«— Monsignore, спросила я его:—еслибы васъ прогнали съ вашей кафедрѣ, и осудили провести въ игнаніи остатокъ вашихъ дней, было ли бы вамъ это пріятно?

«— Кому же это можетъ быть пріятно? отвѣтилъ онъ, смѣясь, потому что понялъ, къ чему ведетъ мой вопросъ.

«— Вотъ видите ли, и мнѣ тоже непріятно изгнаніе; и такъ-какъ я не могу же остаться навѣки разлученной съ родными, я рѣшилась возвратиться въ Неаполь.

«— А Ріаріо? А правительство? А шпионы?

Я отвѣтила старой поговоркой:

«— *Dagli amici mi guardi l'ddio, dai nemici mi guarderò io*» (отъ друзей береги меня Богъ, отъ враговъ уберегусь и самъ.)

Нѣсколько дней спустя я уже наняла маленькую квартиру въ столицѣ, въ небольшомъ, вновь построенномъ палацо напротивъ «*Croce del Vasto*», и переселилась туда со вдовой, продолжая изъ предосторожности держать комнату и въ Кастеламаре, въ случаѣ неожиданной опасности. Отдаленность этого помѣщенія отъ центра города, переѣзна въ моей одеждѣ и великодушное снисхожденіе епископа долго ограждали меня отъ любопытства, а доходившія до мелочи предосторожности, которыя я принимала для сохраненія моего инкогнито, еще долѣе продлили бы мою безопасность, еслибы Ріаріо не провѣдалъ о моемъ возвращеніи вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства.

Въ верхнемъ этажѣ того же дома жилъ священникъ, съ которымъ мнѣ неоднократно случалось встрѣчаться на лѣстницѣ. Его зловѣщая фізіономія наводила на меня трепеть и отвращеніе. Однажды вечеромъ, въ февралѣ, около 9-ти часовъ, я вышла изъ комнаты вдовы, чтобы ложиться спать. Комната моя раздѣлялась отъ входа маленькой прихожей, освѣщенной фонаремъ, свѣтившимъ и на лѣстницу, такъ-какъ улица была отдаленная, а въ домѣ привратника не имѣлось. Въ эту минуту я услышала, что сверху спускаются два человѣка, какъ-будто спорившіе между собой. Вдругъ страшный вопль: «злодѣй!» заставилъ меня содрогнуться; въ то же мгновеніе я услышала, что обѣ полѣ грохнулся человѣкъ, повторившій нѣсколько слабымъ голосомъ: «ты меня убилъ!» Затѣмъ раздались поспѣшныя шаги вверхъ по лѣстницѣ, раздался крикъ и плачь надъ моей комнатой, наконецъ съ шумомъ разтворилось окно на задней половинѣ дома, и въ то же время я услышала паденіе какъ-бы тяжелаго тѣла изъ этого окна. Старушка, ея племянница и я оцѣпенѣли отъ ужаса; въ домѣ всѣ засуетились. Когда до слуха моего дошли голоса людей, извѣстныхъ мнѣ за порядочныхъ личностей, я взяла лампу и подошла къ двери: изъ-подъ нея сочилась кровавая струя. Я въ ужасѣ отступила назадъ, но ободрилась, и снова пошла впередъ, съ мыслью подать раненому помощь, еслибы онъ былъ еще живъ. Я отворила дверь, и какое страшное зрѣлище представилось

ми!... Молодой человекъ, съ густыми русыми кудрями, лежалъ распростертый около моей двери; широкая рана раскрыла ему животъ, и въ эту минуту, оскаливъ зубы, неподвижно уставивъ растерянный взоръ, несчастный испускалъ послѣднее дыханіе. Я спросила, кто убійца? Никто ничего о немъ не зналъ и точно такъ же неизвѣстно было имя убитаго. Между тѣмъ, служанка священника рвалась изъ рукъ удерживавшей ее хозяйки дома и кричала во все горло:

«— Нѣтъ! я хочу сейчасъ же уйти изъ этого разбойничьяго вертепа!

И съ этими словами она опростерлась кинулась внизъ по лѣстницѣ. Поровнявшись съ трупомъ, она начала плакать, кричать, ломать себѣ руки; и когда ее спросили: знаетъ ли она, кто убійца? она отвѣчала:

«— Священникъ!

Мы ошалѣли.

«— Да гдѣ же злодѣй?

«— Онъ выскочилъ изъ окна въ садъ.

Несчастный молодой человекъ девять мѣсяцевъ какъ былъ женатъ на сестрѣ этого священника, который раскрылъ ему животъ вслѣдствіе спора, возникшаго между ними изъ-за какихъ-то жалкихъ тридцати дубатовъ — приданаго со стороны матери. Вотъ какъ это случилось. Священникъ въ тотъ вечеръ послалъ за зятемъ, подъ предлогомъ желанія покончить дѣло попріятельски; но въ ту минуту, какъ молодой человекъ уходилъ отъ него, радуясь заключенному миру, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ прочесть ему какую-то важную бумагу, догнавъ его на лѣстницѣ, остановилъ подъ фонаремъ, освѣщавшимъ входъ въ мою квартиру, и тутъ, вмѣсто того, чтобъ дать ему бумагу, всадилъ ему въ животъ огромный кухонный ножъ. Совершивъ злодѣяніе, онъ хотѣлъ сорвать часы съ убитаго, и принялся кричать: «караул! рѣжутъ!» чтобъ свести на другихъ подозрѣнія въ преступленіи; но въ первую минуту смятенія, онъ забылъ про свой окровавленный ножъ, и кричалъ, продолжая держать въ рукѣ его. Служанка прибѣжала на крикъ:

«— А! сказала она:—это вы его убили: не этимъ ли окровавленнымъ ножомъ?

Тогда священникъ накинулся на нее, чтобъ зарѣзать и ее, но услыжавъ шумъ приближавшихся шаговъ, и боясь неминуемаго открытія, растворилъ окно и бросился изъ него.

Среди общаго испуга и переполоха никому не пришло въ голову посмотрѣть, живъ ли онъ или убится, пока не подошла полиція и не нашла его распростертымъ подъ окномъ. Онъ сло-

магъ себѣ обѣ руки, обѣ ноги, и выбилъ всѣ зубы, но еще дышалъ; онъ скончался на слѣдующій день въ тюрьмѣ S.-Francesco. Сестра его, жена убитаго, беременная шести мѣсяцевъ, въ тотъ же день была отвезена въ сумасшедшій домъ.

Ошеломленная этой трагедіей, послужившей обильной пищею городскимъ пересудамъ, старушка, жившая со мною, не захотѣла болѣе жить внѣ монастыря, боаясь снова подвергнуться подобнымъ ужасамъ; поэтому, оставивъ меня съ своею племянницей, она возвратилась въ пріютъ; я же, перемѣнивъ квартиру, укрылась въ другой, не менѣе уединенный кварталъ города.

Но преступленіе священника должно было навести полицію и архіепископа на мой слѣдъ. Кому неизвѣстна проникаемость бурбонской полиціи, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается либерализма?

Полиція, снявъ списокъ всѣхъ жильцовъ палацо, въ которомъ произошло убійство, не преминула увѣдомить кардинала о моемъ возвращеніи въ Неаполь и моемъ мѣстѣ жительства; тогда я узнала изъ вѣрныхъ источниковъ, что если да въ я чемъ нибудь попадусь, такъ, можетъ быть, дѣло еще обойдется безъ раскаленнаго стула, но ужъ безъ *бастонады* — никакъ. Съ этого дня шпионы закопошились, какъ какой нибудь рой пчелъ, а шпионствомъ, какъ извѣстно, по большей части занимались священники и монахи. Узнавъ о перемѣнѣ моей квартиры, они такъ и зашныряли по сосѣдству отъ моего жилища, и начали слѣдовать за мной повсюду, безмолвно и неотступно, какъ тѣнь моя. Я скоро ловчилась узнавать ихъ, хотя и переодѣтыхъ, и не обращала на нихъ вниманія; впрочемъ, крайне остерегалась подать имъ малѣйшій поводъ къ доносамъ, а этого-то они очевидно добивались; что же касается собственно меня, я не боялась преслѣдованій. Полученное мною изъ Рима разрѣшеніе повинуть обитель, въ которую меня насильно заперли съ одной стороны, а съ другой — мое перемѣщеніе подъ власть другаго епископа, эти обстоятельства должны были обуздать тираническія поползновенія Ріаріо. Не менѣе того я воспользовалась даннымъ мнѣ совѣтомъ: окружить свѣтскими шпионами осаждавшихъ меня клерикальныхъ шпионовъ, и получила прекраснѣйшіе результаты. Этимъ способомъ я получила возможность не только содержать себя въ оборонительномъ положеніи, но еще и свободно сообщаться съ моими друзьями, и даже бывать въ нѣсколькихъ домахъ, отиѣченныхъ чернымъ крестомъ въ книгѣ комиссара. Чтобъ дать понятіе о системѣ, которой я держалась, чтобъ обманывать бдительность шпионовъ, довольно сказать, что, впродолженіе шести мѣсяцевъ, я

восемнадцать разъ перемѣняла квартиру и тридцать-два раза при-
слугу.

Бурбонское шпіонство, достигшее чудовищныхъ размѣровъ, принимало тысячу различныхъ формъ, являлось въ тысячи видоизмѣненіяхъ, заражало собой воздухъ даже въ самомъ храмѣ божіемъ. Стоило мнѣ только ступить ногой въ какую нибудь сосѣднюю церковь, чтобъ священники съ самыхъ дверей жадно обступили меня съ вопросомъ: «Хотите исповѣдаться?» Какъ только я устраивалась на новой квартирѣ, сосѣди всякими приманками старались приручить мою служанку, и начинались разспросы:

«— Дѣвица она? или вдова? или замужняя? Почему она живетъ одна? Почему не выходитъ замужъ? Кто ея духовникъ? Есть у нея любовникъ? Какъ фамилія этихъ господъ, что были у нея сегодня утромъ? Ведеть она съ кѣмъ нибудь переписку? А письма?—сама она относитъ ихъ на почту или вамъ отдаетъ?»

И вотъ какими путями извивалось шпіонство: отвѣты моей служанки передавались лавочнику, домохозяину, аптекарю и нерѣдко доктору околodka; отъ нихъ переходили, подъ секретомъ исповѣди, къ приходскому священнику, оттуда къ епископу, отъ котораго уже «*ipso facto*» странствовали въ комисаріатъ, отбуда попадали прямо въ кабинетъ къ королю.

Однажды случилось такъ, что напротивъ моихъ оконъ жила старая дѣва—настоящій адовитный москитъ неаполитанскаго клерикальнаго болота. Въ домѣ съ утра до вечера то и дѣло входили да выходили монахи и священники всѣхъ сортовъ; она ихъ водила на балконъ, чтобъ доставлять себѣ оригинальное удовольствіе пальцемъ указывать имъ на меня каждый разъ, какъ я случайно выглядывала изъ окна. Она подарками подкупила мою служанку и этимъ путемъ вызнала все, что дѣлалось у меня въ домѣ. Чтобы избавиться отъ укушеній этого насѣкомаго, недавшаго мнѣ ни минуты покоя, пришлось пожертвовать деньгами, заплаченными за квартиру за треть впередъ, и принскать себѣ убижище въ другой улицѣ.

Но тутъ я попалась еще хуже. Къ ужасу моему я узнала, что домохозяинъ ни болѣе ни менѣе, какъ полицейскій чиновникъ. Едва услышала я это, первой моей мыслью было бросить и эту квартиру, хотя бы съ потерей денегъ еще за треть; но я разсудила, что такой поспѣшный отъѣздъ еще болѣе возбудилъ бы подозрѣнія полицейскаго, и поэтому рѣшилась остаться. Справа и слѣва, въ томъ же этажѣ какъ и я, постоянно квартировали два сбѣра мужескаго пола; въ нижнемъ этажѣ сторожили и билетничали два сбѣра женскаго пола—сестры домохозяина. У замочной скважины—шпіоны; на дворѣ и на террасѣ—шпіоны; на лѣстницѣ—

шпіоны—словомъ, нашествіе цѣлаго полчища шпіоновъ! Этотъ стоглазый Аргусъ, замѣтивъ, что я не исповѣдываюсь, сообщилъ о томъ приходскому священнику, который позвалъ къ себѣ на домъ мою служанку, чтобы подвергнуть ее длинному и обстоятельному допросу, преимущественно о томъ, что за люди бываютъ у меня. Я, однако, выпуталась благополучно, такъ-какъ служанка утверждала, что она не видала у меня никого, что, впрочемъ, была суцая правда; но все-таки мнѣ пришлось смѣнить ее.

Во все это время разъ только царапнула меня полиція, и то слегка.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Фердинанда II, я близъ музей встрѣтилась съ мужемъ, равно славнымъ по своему патриотизму и учености. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, мы въ краткихъ словахъ говорили о новомъ оборотѣ, принимаемомъ итальянскими дѣлами; затѣмъ бросивъ вокругъ себя испытующій взглядъ, знаменитый мужъ вынулъ изъ кармана письмо и вручилъ его мнѣ. Я положила его къ себѣ за лифъ, замѣтивъ однако при этомъ, что мое движеніе было уловлено моею неотступной тѣнью полицейскимъ, слѣдовательно, съ полной увѣренностью, что на слѣдующій день меня потребуютъ къ отвѣту.

Такъ и случилось.

Рано утромъ мнѣ доложили о приѣздѣ одного изъ адъютантовъ Айосса, который, съ величайшей вѣжливостью, попросилъ меня сообщить ему: когда, гдѣ и черезъ кого я познакомилась съ г. Б" Г", часто ли онъ посѣщаетъ меня, о чемъ онъ говорилъ со мною наканунѣ на улицѣ, и пр. и пр.

Отвѣты мои на всѣ эти вопросы, повидимому, удовлетворили его.

«— А бумага, которую онъ вручилъ вамъ? спросилъ наконецъ адъютантъ:—не угодно ли вамъ позволить мнѣ взглянуть на нее?

«— А! да вотъ она какъ разъ тутъ и есть! отвѣтила я быстро и развязно, съ меньшей вѣжливостью подавая ему сложенную бумагу, приготовленную съ этой цѣлью на моей письменной конторкѣ.

Это былъ послѣдній номеръ «Giornale di Napoli».

Утромъ 25-го іюня 1860 г., на всѣхъ углахъ неаполитанскихъ улицъ толпились люди всѣхъ сословій, внимательно прочитывая на стѣнахъ манифестъ: то былъ державный актъ, которымъ король судилъ своимъ подданнымъ *учрежденіе національнаго итальянскаго правительства*, союзъ съ королемъ сардинскимъ, принималъ трехцвѣтное знамя, и подавалъ надежду на введеніе подобныхъ же конституціонныхъ учреждений и въ Сициліи.

XXV.

Свобода.

Въ то время, какъ въ завѣтный лозунгъ: *Единая Италия!* со всѣхъ концовъ полуострова сливались стремленія двадцати вѣковъ и прорипанія глубокихъ мыслителей; въ то время, какъ геройскій вождь *тысячи* творилъ чудеса, раздался благовѣстный голосъ, пронесшійся могучимъ громомъ — голосъ поэта, который запѣлъ побѣдный гимнъ во славу возрожденной Италиі:

«Разверзаются гробницы; могилы обликаются возгласомъ: *Воскресните!* Это—болѣе чѣмъ жизнь, это—апоеозъ. О! то божественный трепеть, который объемлетъ сердце, когда униженный вознегодуетъ, когда павшій воспрянетъ; когда въ грозномъ сіяніи возрождается величіе, омраченное многими вѣками, когда Стамбулъ снова дѣлается Византіей, Сетинія — Афинами, Римъ — Римомъ!

«Всѣ мы, сколько ни есть насъ, рукоплещемъ Италиі; прославляемъ эту землю великихъ твореній—*alma parens!* Въ такихъ націяхъ, какъ она, нѣкоторые отвлеченные догматы облекаются въ дѣйствительность, дѣлаются видимыми, осязаемыми; эта нація, чю незапятнанной чести—дѣва, по неистощимой плодовитости—мать.

«Вы, которые внимаете мнѣ, представляете ли вы его себѣ, это волшебное видѣніе: Италию свободную, свободную отъ Тарантскаго залива до лагуны св. Марка...? (ибо, клянусь тебѣ, Маннинъ, могилой твоей клянусь, и Венеція будетъ участвовать въ празднествѣ!) Скажите, представляете ли вы себѣ это видѣніе, которое завтра назовется дѣйствительностью? Свершилось! Ложь, при творство, пепель, мгла—все миновалось: Италия сдѣлалась Италией!

«Да! тамъ, гдѣ была географическая фраза—есть нація; тамъ, гдѣ былъ трупъ—есть душа; гдѣ былъ призракъ, стоитъ съ распростертыми крыльями архангелъ, лучезарный херувимъ христіанской цивилизаціи — свобода! Италия, великая усопшая, пробудилась. Взгляните: она возстаетъ и любовно улыбается роду чловѣческому; она говоритъ Греціи—я твоя дочь, Франціи—я твоя мать!

«Царственный сонмъ окружаетъ ее: ея поэты, ея ораторы, ея художники, ея философы, ея великіе граждане—всѣ они, совѣтники чловѣчества, отцы конскрипты всемірной интеллигенціи, члены сената вѣковъ, и поправо и полѣво ея стоятъ два грозные владыки—Данте и Микель-Анжело. Какое торжество! Какое пришествіе! Какое дивное явленіе! Предъ нами величественнѣйшій

изъ совершившихся фактовъ—единство, молніей озарившее эту великогѣпную плеяду сестеръ: Миланъ, Туринъ, Геную, Флоренцію, Болонью, Пизу, Сиену, Парму, Палермо, Месину, Неаполь, Верону, Венецію, Римъ!

«Италія возстаетъ; вотъ — идетъ она: *incessu patuit Dea*; она сіяетъ, ливуетъ своимъ геніемъ, всему міру сообщила она пожирательную ея лихорадку, и Европа вострепнулась, наэлектризовалась отъ этого чудеснаго свѣта... Появленіе этого новаго свѣта зажжетъ неменьшій восторгъ во взорахъ народовъ, озаритъ чела ихъ неменьшимъ сіяніемъ, неменьшимъ удивленіемъ, сердца ихъ неменьшею радостью, нежели появленіе новой планеты на поднебесьѣ...!»

Наконецъ, высшія вѣгнія промисла свершались; предчувствія столькихъ вѣковъ воплощались въ одномъ изъ разгромовъ цивилизованныхъ временъ. Послѣдній монархъ изъ рода Капетовъ исчезалъ со сцены, между тѣмъ, какъ ослѣненное крестомъ знамя дома савойскаго, эмблема единства и независимости, водружалось на всѣхъ почти высяхъ полуострова, какъ предвѣстникъ новаго царствованія—царствованія національной совѣсти.

Ликующее и лучезарное, какъ нѣкогда надъ вершиной Фавора, надъ Неаполемъ взошло то самое солнце, которое, опускаясь накануне въ море, въ послѣдній разъ озарило своими лучами бурбонскую монархію.

7-е сентября — одно изъ тѣхъ памятныхъ чиселъ, къ которымъ не нужно прибавлять годъ и столѣтіе. Въ ту ночь, спали весьма немногіе. Кипѣли народныя, незаказныя приготовленія для торжественнаго приема освободителя. Разсвѣтъ уже насталъ: весь городъ на ногахъ. На главныхъ улицахъ тѣснились сотни тысячъ людей; окна, балконы, терасы, самыя крыши биткомъ набиты были народомъ. Въ Толедо не было прохода; не было ни одного дома, не убраннаго роскошно флагами, національными эмблемами, обоями, или драпировками. И среди этого бреда, этого безумнаго движенія, непрерывно раздавались воинственныя и патриотическія пѣсни, созвучіе голосовъ, осипшихъ отъ неистовыхъ виватовъ Италіи, Неаполю, Гарибальди.

Я поддалась маленькому припадку тщеславія: мнѣ хотѣлось, первой изъ моихъ согражданокъ, пожать руку Гарибальди. Эта прихоть чуть не стоила мнѣ жизни. Узнавъ дорогу, по которой онъ пройдетъ, я стала у подъѣзда гостиницы, въ которой долженъ былъ остановиться герой. Но стѣснившаяся въ этомъ мѣстѣ толпа

до того притиснула меня, что я чуть не была задушена. Мое желаніе было удовлетворено нѣсколько позже, на соборной площади, среди оглушительныхъ возгласовъ народа, подъ сѣнью трехцвѣтныхъ флаговъ, сотнями развѣвавшихся надъ моею головою, подъ дождемъ цвѣтовъ, сыпавшихся изъ всѣхъ оконъ. Нанливъ и сила обувшихъ его чувствъ, согнали румянецъ со щокъ триумфатора, и разстроили самыя его черты. Блѣдность его чела дышала какой-то томной грустью, представлявшей поразительный контрастъ съ шумнымъ упоеніемъ его поклонниковъ. Ни одинъ древній или современный герой, во всю свою жизнь не получилъ отъ народа столько вырвавшихся изъ сердца поцалуевъ, сколько получилъ Гарибальди въ этотъ одинъ день.

Что же сказать мнѣ о собственныхъ моихъ ощущеніяхъ?

Скажу, что я вознесла къ Богу мысль, и влажный отъ радостныхъ слезъ взоръ, и изъ глубины души принесла ему тройкую благодарность: за то, что онъ дважды спасъ меня отъ собственного моего отчаянія; за то, что онъ избавилъ меня отъ деспотизма священниковъ и преслѣдованій шпіоновъ; за то, что допустилъ меня быть свидѣтельницей одной изъ самыхъ великолѣпныхъ и потрясающихъ сценъ великаго христіанскаго палингенезиса.

Но кому какое отнынѣ дѣло до моихъ ощущеній? Они — совершенно лишняя подробность. Драма пришла къ развязкѣ: этимъ днемъ, бывшимъ для Италіи днемъ вторичнаго сотворенія, огованивается моя повѣсть. То бѣдное я, которое, облеченное въ траурную одежду, возбудило твою жалость и вниманіе, читатель, единственно потому что вокругъ него все было мрачно и мертво, теперь исчезаетъ, какъ звѣзда, утопающая въ сіяніи восходящаго солнца.

Снявъ съ головы черное покрывало и положивъ его на алтарь, этимъ актомъ возвратила его церкви, давшей мнѣ его двадцать лѣтъ назадъ.

Votum feci, Gratiam accepi.

Съ этой минуты я считала послѣднюю нить, связывавшую меня съ монашескимъ званіемъ, порванною, и названіе *гражданки*, издающее другимъ особеннаго отличія, для меня сдѣлалось самымъ дорогимъ названіемъ; еще болѣе славнымъ, чѣмъ древнее *civis romanus*, потому что оно замѣщаетъ идею о городѣ Римѣ идеей о другомъ, болѣе обширномъ городѣ единой Италіи! И если кто съ тѣхъ поръ, по старой привычкѣ, называлъ меня *сестрой* или *канонисой*, я всегда останавливала его и говорила: нѣтъ; зовите меня *cittadina*.

Впрочемъ, если я не люблю черную ясу, то я болѣе не питаю къ ней и враждебнаго чувства. Всякую злобу я сложила съ себя

вмѣстѣ съ чернымъ покрываломъ, оставленнымъ мною на altarѣ. Къ тому же я признаю себя обязанной долголѣтнему заточенію многими практическими знаніями. Еслибы я не влачила впродолженіе двадцати лѣтъ этой жизни, еслибы я съ ранней молодости вышла замужъ, научилась ли бы я въ школѣ міра такъ вѣрно разузнавать въ самомъ ихъ зародышѣ дурныя страсти, порождаемыя спертымъ воздухомъ и питающіяся гнѣвомъ, злобой, ревностью, подозрительностью?

Около этого времени мнѣ случилось познакомиться съ человекомъ среднихъ лѣтъ, возвышенныя чувства котораго, гармонирующія съ твердостью его характера, приобрѣли мое уваженіе, и съ первой же минуты заставили меня поставить его далеко выше того типа, къ которому обыкновенно подходятъ люди княжескаго происхожденія. Въ сердцѣ онъ носилъ святой образъ искупленной Италіи, а на лбу большой ирамъ — память о ранѣ, полученной 15 мая отъ швейцарской сабли.

Онъ полюбилъ меня за всѣ мои несчастья,
А я его за то, что пожалѣлъ меня (*).

Согласіе наше въ мнѣніяхъ и сходство нашей судьбы упрочили нашу дружбу. Скоро зашла рѣчь о томъ, чтобы освятить религіей эту обоюдную симпатію, и мы прибѣгли къ церкви, прося брачнаго благословенія.

Церковь формально въ немъ отказала.

Просьбы, старанія, искательства, ничто не помогло, все разбилось о неумолимый, пирамидальный *Non possumus*; пришлось просить священника другаго вѣроисповѣданія освятить нашъ бракъ.

И вотъ я наконецъ счастлива.

Живя съ боготворящимъ меня мужемъ, которому я плачу равною любовью, я нахожусь въ томъ положеніи, въ которое Господь поставилъ женщину въ первую же недѣлю бытія.

Почему, исполняя обязанности доброй жены, доброй матери, доброй гражданки, почему не могу и я надѣяться на неисчерпаемое божье милосердіе?

(*) Шекспиръ: *Отелло*, дѣйств. I, сцена III.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья вторая.

«Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». — Изданіе второе. 1865 года.

Результаты, вышедшіе изъ теоріи воспроизведенія или безобразія. — Безплодная плодовитость. — Новый литературный родъ — ругня. — Смѣшеніе искусства съ искусственностію. — Помѣсь науки съ поэзіей. — Налускной либерализмъ и самодурство въ литературѣ.

Что теперь дѣлается въ нашей литературѣ? Чѣмъ заняты, надъ чѣмъ скривить тысячи литературныхъ перьевъ? Надъ копированіемъ, подражаніемъ, обезьянчаніемъ поступковъ людей. Пишущій не столько изображаетъ, сколько передразниваетъ жизнь; потому что изображать жизнь безъ умѣнья группировать въ ней явленія, схватывать типичное — нельзя. Тщетное занятіе. Бумаги не хватитъ! Отъ копирования и подражанія печать наша такъ и разѣхалась и большинство пишущихъ впало въ такую бесплодную плодовитость. Искусство бережливо, разборчиво; искусственность же — болтлива и безцеремонна. Мелкая фельѳтонная дѣятельность, пожалуй, неизбежна, и тѣмъ болѣе, что природа вообще щедра на такіе таланты. Но знай же они свое мѣсто. Дагеротипистъ — не портретистъ, фельѳтонистъ — не критикъ. Слишкомъ большой перевѣсъ подражательной, передразнивающей жизнь дѣятельности только раздражаетъ людей, но мало совершенствуетъ. Оттѣнокъ злобы лежитъ черезъ это на всѣхъ проявленіяхъ ума, воли, чувства, веселости и юмора. Нельзя желать литературѣ ея прежняго простодушія, но нельзя оставить безъ пособій медицинскіхъ ея теперешней нервной раздражительности. Литература наша слишкомъ измельчала. На печатанную страницу смотреть почти какъ на простую бумагу. Со всѣхъ сторонъ летятъ листки, летятъ, и такъ же скоро улетаютъ. На чтеніе очень немногіе только смотрятъ какъ на что-то нужное. Читатель беретъ за книгу съ юношескимъ жаромъ и сейчасъ же охладѣ-

васть, вида задоръ и балаговство писателей. Прежде мы говорили, что театръ долженъ избавитъ отъ своего балаганнаго вида, чтобы быть театромъ; теперь мы скажемъ, что и литературѣ нашей, быть можетъ, слѣдуетъ освободиться отъ балагурства и пустословія, чтобы быть литературой.

Литература наша не только распространилась выше своихъ средствъ, но еще и разругалась донельзя. Это былъ второй плодъ, принесенный теоріею воспроизведенія. Ни въ чемъ, быть можетъ, такъ не выражается упадокъ нравственно-эстетическаго начала въ нашей литературѣ, какъ въ этой безобразной ругнѣ. И какъ разнообразенъ этотъ новый литературный родъ! Одинъ, какъ Посторонній сатирикъ, бранится съ недобримъ чувствомъ; другой, какъ г. Писаревъ, съ азартомъ и въ свое удовольствіе, третій злобно шипитъ, четвертый кусаетъ изподтишка и т. д. И никто вообще не помнитъ, что ругня въ печати, какъ и на улицѣ, поворотитъ больше всего ругателя. И сколько несправедливыхъ и обидныхъ попрековъ наговорятъ они другъ другу въ этихъ баталяхъ! Сатирикъ «Современника», напримѣръ, говоритъ: «Вы, г. Благосвѣтловъ, должно быть, сильно избалованы великодушной барской филантропіей. Повѣрьте, еслибы я былъ богатымъ баринкомъ, еслибы вы мнѣ хорошенъко угождали, я бы тоже озолотилъ васъ; я бы подарилъ вамъ журналъ; я бы далъ вамъ типографію и т. д.». Сатирикъ упрекаетъ г. Благосвѣтлова въ томъ, что будто ему подарили журналъ. Еслибы и такъ было. Когда я передаю другому вещь мнѣ ненужную, то я этимъ нисколько другаго не унижаю, а себя только освобождаю, себѣ опраствиваю руки отъ ненужной вещи. Журналъ имѣетъ цѣнность смотря по тому, у кого онъ въ рукахъ. И наконецъ повторимъ мы еще свои слова, что благодѣянія и благодѣтели вообще—слова безобразныя. Благодѣтелемъ человѣкъ можетъ быть только въ отношеніи животнаго, равному же себѣ онъ можетъ оказывать услуги. Къ чему же послужилъ послѣ того вашъ лозунгъ, когда вы попрекаете филантропіей и уличаете въ безденежномъ приобрѣтеніи собственности? «Остроту эту (бутербродъ), говорится тамъ же, замѣствовалъ я отъ одного изъ редакторовъ «Русскаго Слова», который всегда называетъ господина Благосвѣтлова въ глаза самыми поносными именами.» Какъ будто это—заслуга, что редакторъ ловко ругается или дерется. Несправедливо ли мы предсказывали недавно, что въ стремленіяхъ ихъ проглядываетъ желаніе ручной расправы?

Мы тоже угодили подъ эту литературную свалку. Давно-ли пишемъ, а сколько ужъ прозвищъ! Пріѣзжіи изъ губерніи (провинціалъ, значить), мудрецъ, орелъ, лукошко, скотина, лейтенантъ

Жевакинъ и т. д. Последнее прозвище намъ дасть г. Зайцевъ. Дѣлаетъ же онъ это не изъ простаго баловства, а изъ того, что если онъ станетъ часто произносить настоящее имя, то публика, пожалуй, прочтетъ, прочтетъ хоть изъ любопытства; и если найдеть правду въ моихъ статьяхъ, то вы, пожалуй, и проиграете. Г. Зайцевъ увѣряетъ, будто я скорблю, что по вечерамъ окна университета не освѣщены. Читатель, пожалуй, подумаетъ, что это такъ. Но г. Зайцевъ вовсе этого не думаетъ. Онъ знаетъ, что я говорю не объ освѣщеніи, а о просвѣщеніи; но смѣшалъ слова и опустилъ фразы потому, что не нашелъ ничего болѣе слабаго въ моихъ статьяхъ. Или, пожалуй, онъ нашелъ на счетъ сигаръ и брѣха, вставленныхъ намъ неловой рукой. Жаль, не замѣтилъ онъ еще тамъ тайныхъ пророчествъ русской няньки, рожденіе идеала, сравненіе социализма съ буржуазіей, обозваніе романа «Что дѣлать» наглнмъ, а нашихъ противниковъ—мальчишками. Всѣ эти слова и строчки лежали точно ярно на нашей совѣсти; и мы очень довольны и рады, что нашли наконецъ мѣсто и случай отъ нихъ освободиться. Прибави эти еще образецъ того давленія, которое производится многими въ видахъ направленія. Попрекаютъ также насъ (и даже неоднократно) администраторами, о которыхъ мы упомянули, говоря о невозможности прочесть всѣхъ безконечно длинныхъ публицистическихъ статей. Но никакой литераторъ не долженъ отказываться отъ желанія, чтобы его читало правительство. Какъ власть имѣетъ вліяніе на слово, такъ и слово желаетъ быть извѣстнымъ власти. Если мы будемъ давать другъ другу прозвища, выставлять себя въ смѣшномъ положеніи, то этимъ самымъ не только уменьшимъ значеніе слова въ глазахъ общества, но и выше; и этимъ обезсилимъ литературу.

«Я не намѣренъ вступать ни въ долгую ни въ краткую полемику съ орлами», высокоумно говорять намъ. Да васъ никто и не просить. Вы молчите, а мы васъ будемъ учить. Изъ этого, повѣрьте, выйдетъ толкъ и даже польза. Вы вотъ, наиримѣръ, попрекаете меня краткостію, а между тѣмъ слова объ этой добродѣтели пошли уже нѣкоторымъ въ прокъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ г. Писаревъ импровизировалъ до семи печатныхъ листовъ, что въ нашемъ холодномъ климатѣ совершенно ненатурально. Въ февралѣ же нѣшняго года онъ съѣхалъ на два съ половиною листика. Теперь, правда, онъ опять ободрился и угрожаетъ разругать Кавказскаго плѣнника. Полезное занятіе! Въ послѣдней же статьѣ (*) онъ является Мамаемъ только для г. Аверкіева. Знаетъ, на кого

(*) Прогулка по садамъ россійской словесности.—«Русское Слово».

нападать. Затѣмъ Бабиковъ двукратно приводитъ его въ ярость однимъ невиннымъ стихотвореніемъ; Островскаго тоже онъ щиплетъ за «Воеводу», но такъ нечувствительно, что едва-ли почувствовалъ авторъ этотъ щипокъ. Потомъ еще во время своей «Прогудки», отъ нечего дѣлать рассказываетъ содержаніе какихъ-то невѣстныхъ новѣстей; грызется съ Сатирикомъ и наконецъ съ остервененіемъ бросается на меня. Самая отборная и крупная брань сыплетъ са какъ горохъ. Въ порывѣ своего комическаго негодованія, онъ отдаетъ мнѣ тутъ же предписаніе, что я долженъ сдѣлать, чтобы оправдаться въ его глазахъ — какія книжки и журналы пересмотрѣть, на какія статьи указать, и тутъ же вдобавокъ называетъ меня безсо- вѣстнымъ шарлатаномъ, и такимъ же лжецомъ и т. д. Милостивый государь, да вы къ слугѣ обратитесь съ такими беззащитными ругательствами и высокоуміемъ, и тотъ васъ не послушается, а другой, пожалуй, и плюнетъ. Будьте же благоразумнѣй, вспомните, въ какое время вы живете! Отвѣчали ли вы на мои вопросы, высказанные въ разныхъ статьяхъ? Не съ терпѣніемъ ли почти зоологическимъ вы вынесли, когда я рѣзалъ ваши статьи на кусочки и растиралъ ихъ въ пыль? Вы, правда, рассчитывали на то, что я печаталъ въ мало распространенномъ журналѣ, но теперь вы уже на это не можете рассчитывать. Не прикрываетесь высокоуміемъ—оно соприкасается съ недоброе- вѣстностію. Еслибы вы знали побольше жизнь, вы бы не забывали, что она и безъ того проникнута грубостію, насиліемъ и деспотизмомъ, что всякое почти лицо, сколько нибудь поднявшееся, старается давить и смотрѣть свысока на собрата. Вы своими картиннымъ задоромъ только развиваете вкусъ къ грубымъ выходкамъ и ухарскимъ замашкамъ. Смѣсь семинарской грубости съ военною храбростію, введенную въ нашу литературу, вы усовершенствовали и теперь популяризируете. Вы думаете, что я бы не могъ отнестись къ вамъ съ гнѣвомъ? Могъ бы очень—но весь мой гнѣвъ, весь мой пылъ замираетъ, когда я подумаю, что насъ читаетъ множество, что мы не одинъ на одинъ, а передъ публикой.

Прежде я думалъ и даже говорилъ, что въ сущности, въ главномъ я съ вами согласенъ; теперь же вижу, что ни въ сущности, и ни въ чемъ съ вами нельзя сойтись. Г. Писаревъ, какъ вижу, даже человекъ хитрый. Замѣтивъ, что онъ разбитъ на своей же собственной почвѣ — польвѣ, и что ему доказана даже полезность искусства, онъ говоритъ, между прочимъ, въ своей послѣдней статьѣ: «Если вы ослзательно добавите, что искусства полезны, то мы съ величайшимъ уваженіемъ преклонимся предъ ихъ величіемъ. Но, взявшись доказывать ихъ пользу, вы

уже сами превращаетесь въ реалиста.» Не ясно ли, что онъ сбѣгъ съ своего мѣста и не хочетъ только сознаться, какъ много повредилъ ему тотъ психическій переворотъ, который послѣ прозванія съ Мессіадой заставилъ его говорить о крошаніи поэтовъ съ эстетиками и о превращеніи ихъ въ натуралисты. Смотрите, не пришлось бы реалистамъ простаться съ нигилистами.

И въ какое смѣшное положеніе ставить онъ свой кружокъ. Говорить, напримѣръ, что первымъ победомъ къ ссорѣ «Русскаго Слова» съ «Современникомъ» было слово «лукошко», которымъ онъ называлъ Посторонняго сатирика. Между нашими двумя родичами-журналами упало такимъ образомъ не яблоко, а лукошко раздора. Далѣе г. Писаревъ и себя ужъ не щадить. «Еслибы какойнибудь озорникъ поднесъ Шапову лукошко, то часть этого лукошка досталась бы редактору.» Но смотрите же, добрые люди, онъ не только называетъ себя озорникомъ, но еще плюетъ на себя. Согласившись вѣроятно насчетъ убійственнаго вліянія ихъ реализма на таланты, объясненнаго въ моей статьѣ, онъ говоритъ: «что же касается до гениальныхъ натуръ, то ихъ не остановить и не собьютъ съ толку никакая реалистическая критика. Гениальныя природы преодолеваютъ самыя серьезныя препятствія; онѣ борются съ деспотическою волею родителей, съ предрассудками общества, съ бѣдностію и съ невѣжествомъ, и все-таки, несмотря ни на что, идутъ туда, куда ихъ тянетъ преобладающая страсть. Если у насъ народится какойнибудь Рафаэль или Моцартъ, то онъ ни за какія коврижки не пойдетъ въ машинисты или въ медики и ваплетъ на всякія реалистическія проповѣди.» Ахъ, не одни Рафаэли и Моцарты на нихъ теперь плюютъ! Но этимъ еще Писаревъ не ограничивается. Какъ человѣкъ, привыкшій баловаться съ зоологіей, онъ нашель у г. Маркова какой-то зоологическій языкъ. И въ чемъ же бы вы думали? Въ выраженіи, которымъ г. Марковъ думалъ характеризовать міровоззрѣніе дикаго казака. «Скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо.» За это собственно г. Марковъ и получилъ такое лестное приглашеніе. Теперь только мы поняли, какую ошибку сдѣлали, когда слова г. Писарева «скотина», «морда» приняли за чистую монету. Быть можетъ, на его зоологическомъ языкѣ слово «скотина» имѣетъ возвышенный смыслъ.

Глядя на все это, можно право подумать, что публицистъ Русскаго Слова имѣетъ назначеніемъ компрометировать имъ прогресиста, радикала и всѣхъ вообще людей, посвятившихъ себя будущему. Будущее онъ какъ-бы совѣтуетъ всѣмъ прятать въ свой карманъ. Самъ онъ, конечно, этого не дѣлаетъ, а только другимъ совѣтуетъ. Служить исключительно пользѣ—это то же, что

заботиться о своемъ порт-монне. Постараемся это растолковать кому не объяснила жизнь. Всякій изъ живущихъ специальнымъ трудомъ, конечно, знаетъ изъ опыта, что, дѣйствуя въ практической жизни, онъ прежде всего старается быть полевымъ ради себя; пользою, приносимую себѣ, онъ мѣрять даже пользу, сдѣланную имъ для другихъ. Но вполне развитой практикѣ этимъ не ограничится, если не желаетъ обратиться въ машину для добыванія денегъ. Такихъ машинъ, иногда очень умныхъ и даровитыхъ, много на свѣтѣ; и это именно тѣ люди, которые думаютъ исключительно о пользѣ, пользованіи, приобрѣтеніи. Природа человѣка требуетъ, чтобы онъ поднимался надъ этимъ уровнемъ временныхъ интересовъ и, служа безкорыстно истинѣ и идеалу, связывалъ бы себя съ будущимъ, съ высшими интересами человѣчества. Словомъ «польза» нынче вообще запугиваютъ многихъ недогадливыхъ хоть и умныхъ людей; но насъ на этой мѣкнѣ не проведешь. Мы знаемъ хорошо, что исключительная польза есть только выраженіе эгоизма или самолюбія.

Самолюбіе въ головахъ поклонниковъ пользы и выгоды дѣйствительно разыгрываетъ какъ-бы роль вдохновенія. Эгоизмомъ же и самолюбіемъ мы объясняемъ и ваши ссоры съ «Современникомъ». Изъ чего бы, вѣжета, ссориться было? «Современнику» вы кругомъ обязаны: онъ васъ родилъ, вспоилъ, вскормилъ и по свѣту пустилъ. И вы же непочтительны къ нему. Вы пишете противъ него не столько изъ убѣжденія, сколько изъ того, что онъ другой журналъ, что на немъ не та обертка, не тотъ редакторъ. «Современникъ» въ самой своей измѣнчивости правѣе, чѣмъ «Русское Слово» въ своемъ упорствѣ. Если послѣднее имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, то это потому, что масса еще нигдѣ не двинута въ сторону, противную сухимъ выводамъ и рѣзкимъ парадоксамъ. Всѣ слишкомъ привыкли къ этого рода пранностямъ. Критикъ «Современника», какъ видно изъ послѣдней статьи, уже не одобряетъ вполне «Эстетическихъ отношеній». Хотя онъ еще и держится за нихъ, но за то ужъ говорить нѣчто такое, что и мы говорили. — Въ послѣднее время—говорить г. Антоновичъ (*)—нѣкоторые, возставая противъ ложныхъ направленій искусства, въ горячности, неразсудительности дошли до того, что стали возставать вообще противъ искусства и противъ эстетическаго наслажденія. Говорятъ, будто бы человѣкъ не долженъ предаваться никакимъ удовольствіямъ, даже эстетическимъ, будто бы дѣльный и раціональный человѣкъ

(*) Мартъ, «Современникъ» 1865.

никогда не позволить себѣ наслаждаться какимъ нибудь художественнымъ произведеніемъ, хотя бы то было произведеніе высшаго искусства поэзиі, будто бы такое наслажденіе только ослабляетъ человѣка и есть напрасная трата времени, которое гораздо лучше было бы употребить на полезныя дѣла» (61 стр. Совр. Рус. лит.). Далѣе говорится еще объ аскетическихъ воззрѣніяхъ. Мы тоже, если не забыть это читатель, говорили въ первой статьѣ своей объ аскетизмѣ мысли.

Но вотъ еще болѣе замѣчательная выписка изъ той же статьи г. Антоновича: «Эстетическое наслажденіе еще полезно тѣмъ, что оно значительно содѣйствуетъ развитію человѣка, уменьшаетъ грубость, дѣлаетъ его мягче, впечатлительнѣе, вообще гуманнѣе, сдерживаетъ его дикіе инстинкты, неестественные порывы, разгоняетъ мрачныя своекорыстныя мысли»... и т. д. (68 стр.). На мысль о связи нравственно-эстетическаго начала съ гуманнымъ мы налегали во всѣхъ своихъ статьяхъ. Это, можно сказать, самая дорогая, самая близкая намъ мысль. Еще въ ноябрѣ прошедшаго года мы говорили и доказывали, что «нравственное чувство есть то же, что чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни; что если человѣкъ станетъ всегда размышлять, полезно-ли это для него или нѣтъ, то онъ можетъ и солгать кстати, и обмануть невольно, и струсить тамъ, гдѣ бы онъ не побоялся, слѣдуя выбору своихъ нравственныхъ влеченій. Что же это такое за выборъ, которымъ человѣкъ руководствуется въ лучшія минуты своей жизни, въ минуты героизма? Разсудокъ прямо говорить, что это противно его интересамъ, угрожаетъ жизни, а онъ все-таки прельщается благороднымъ, великодушнымъ поступкомъ. Значить, не только представленіе и изображеніе, но и приведеніе въ исполненіе такого рода поступковъ приноситъ человѣку наслажденіе; въ своихъ гуманныхъ дѣлахъ онъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь руководствуется уваженіемъ къ красотѣ и выборамъ эстетическаго чувства. Герой — это какъ-бы поэтъ, проявляющій въ дѣйствительности изящнѣйшія и благороднѣйшія движенія нашей природы». Въ январѣ нынѣшняго года мы еще точнѣе, короче выразили эту же мысль. «Натуральное чувство — чувство эстетическое и гуманное чувство или чувство человѣческое, находясь въ неразрывной связи другъ съ другомъ, должны служить основой настоящаго воспитанія». Мы не хотимъ сказать всѣмъ этимъ, чтобы г. Антоновичъ отъ насъ заимствовалъ. Когда приходитъ время народненія новой мысли, то она является во многихъ головахъ разомъ, не съ одинаковою только силою и искренностію. Г. Антоновичъ говорить теперь уже иначе и объ идеализмѣ; видитъ гармонію между идеальнымъ и матеріальнымъ, и говорить даже о

созданіи высшихъ идеаловъ, къ которымъ должна стремиться дѣйствительность. Да онъ уже теперь не тотъ, да и время не то. Только еще «Русское Слово» ниводитъ въ прахъ гениальныхъ постовъ, и даже въ видѣ опыта вычеркиваетъ изъ своихъ страницъ всѣ стихотворенія. Современемъ, если только оно будетъ такъ же послѣдовательно, оно вычеркнетъ изъ себя и всѣ повѣсти. И будетъ тогда изъ «Русскаго Слова» нѣчто въ родѣ журнала общепользныхъ свѣдѣній.

Мы нарочно распространились здѣсь на счетъ полемики, чтобы показать, до какой изворотливости, бранчивости и пустословія она у насъ достигла, вслѣдствіе притупленія эстетическаго чувства. Теперь перейдемъ мы къ третьему результату, къ третьему послѣдствію пресловутой теоріи воспроизведенія. На него мы уже намекали и прежде—это смѣшеніе искусства съ искусственностію, отразившееся въ нашей бельетристикѣ. Вся современная бельетристика есть чистая искусственность и чистое неумѣнье авторовъ пользоваться своими способностями. Одни пишутъ повѣсти не потому, чтобы у нихъ было дарованіе, а потому чтобы легче скрыть въ своихъ повѣстахъ слабенькія публицистическія способности. Еслибы послѣднія не были слабы, имъ бы въ голову не пришло взяться за бельетристику, которую они не уважаютъ. Другіе же, напротивъ, имѣютъ способность наблюдать, группировать явленія, изображать характеры; но имъ засѣла въ голову чужая идея—они и гнутъ все подъ нее. Еслибы это была ихъ идея, то она, будучи сообразна съ способностями, и гармонировала бы съ рассказомъ. Но въ томъ-то и бѣда, что у гг. Рѣшетникова, Михайлова и другихъ нѣтъ своихъ идей, или они не хотѣли, не смѣли вывезти изъ сдѣланныхъ ими наблюдений. Итакъ мы видимъ два рода повѣстей: повѣсти людей съ своимъ природнымъ дарованіемъ и съ чужою, все подогнувшею подъ себя идеею, и повѣсти людей безъ художественнаго дарованія и съ своею крошечною публицистическою идеею. Чтò хуже—трудно рѣшить. У г. Тургенева и мысль и форма своя, и потому онъ такъ гармонируетъ между собой. Оттого онъ и сохранилъ свою самостоятельность, не поддався никакому вліянію. Самостоятельность таланта—дѣло великое; это, можно сказать, его сущность. Самымъ виднымъ примѣромъ искусственности можно привести приемы многихъ бельетристовъ, описывать жизнь съ точки зрѣнія ребѣнка. И не такъ, напр., какъ это дѣлалъ г. Л. Толстой, у котораго дѣти не перестаютъ быть дѣтьми, а такъ, наоборотъ,

что дѣти кажутся хуже стариковъ. Кольва, напр., у г. Михайлова, лежа въ постелькѣ съ подобнымъ себѣ мальчуганомъ, занимается разрѣшеніемъ вопросовъ, отчего ихъ родственники уважаютъ богатство больше, чѣмъ чины. Это потому, рѣшаетъ одиннадцатилѣтній мудрецъ, что они нечестны. И всѣ эти авторы, говорящіе отъ имени младенцевъ, надѣляютъ ихъ какою-то старческою ироніею. Это неестественно. Дѣти незапамятны, дѣти не могутъ быть, особенно младенцы, умнѣе родителей: на нихъ всѣ недостатки семьи. Съ другой стороны, взрослые у нихъ кажутся дѣтьми. Такъ, напр., Маевскій у г. Благовѣщенскаго ропщетъ, что Богъ не далъ человѣку хвоста. И зачѣмъ бы, вы думали, понадобился ему хвостъ? «Теперь вотъ встрѣтишься съ начальствомъ или съ знакомыми, такъ изволь непременно снимать фуражку да чинно раскланиваться, а тогда бы безъ хлопотъ повилалъ немного хвостикомъ да и дѣлу конецъ». Убийственный либерализмъ! Г. Благовѣщенскаго вообще можно причислить къ тому роду писателей съ маленькими публицистическими способностями, которыя онъ старается прикрыть самою узкою наблюдательностію. «Итакъ опять глушь, опять новое царство, опять семинаристъ герой, восклицаетъ онъ между прочимъ.—Прежде всего я долженъ сказать, что нашъ герой вовсе не герой... Несмотря на очень скромную дѣятельность такихъ людей, она не проходитъ безъ слѣда, и потому важно значеніе ихъ въ нашей жизни. Одинъ умный писатель очень удачно сравнилъ этихъ людей съ коралами. Чтѣ можетъ быть микроскопичнѣе жизни и дѣятельности кораловыхъ животныхъ? Однако изъ цѣлаго ряда такихъ жизней мало по малу образуется островъ, за которымъ и корабль часто ищетъ спасенія отъ бури...» Не слишкомъ-ли много вы берете на себя. Не будетъ впереди героевъ—станутъ на ихъ мѣсто пигмеи, которые даже по слѣдамъ великихъ дѣятелей могутъ надѣлать великихъ глупостей. Пигмеи-то эти и распространили фальшивую искусственность и запугали своимъ крикомъ и задоромъ талантливыхъ людей. Отчего, напр., не пишутъ г. Гончаровъ, г. Майковъ? Въ складѣ ихъ дарованій, пожалуй, нѣтъ лиризма, который легко уклоняется въ разныя стороны. Въ нихъ больше формъ, пластичности, чѣмъ звуковъ. Звуки дѣйствуютъ сильнѣй, интенсивнѣй, но они такъ же скоро и пропадаютъ, если слабы. Пластическія же формы остаются какъ мраморъ навсегда. Объективные таланты вообще рѣже, чѣмъ субъективные, а первые-то больше всего и губить тлетворное дыханіе семинаризма. Но и лирическимъ талантамъ отъ него не поздоровилось. Некрасовъ былъ главною жертвою; изъ этого замѣчательнаго таланта вышло бы не то, еслибы онъ развивался при другой об-

становлѣ. По мѣрѣ того, какъ мысль его дѣлалась прозаичнѣй, и стихъ его уже становился не тотъ. Между нѣкоторыми стихотвореніями г. Некрасова и г. Минаева нѣтъ почти разницы. А между тѣмъ Некрасовъ когда-то волновалъ всѣ свѣжія, юношескія головы, а теперь уже и онъ сталъ непотребенъ. Даже на Островскомъ, нашемъ единственномъ почти драматургѣ, мы видимъ нѣкоторые слѣды этого убійственнаго вліянія. На Писемскомъ еще болѣе. Начало его послѣдняго романа великолѣпно, но конецъ показываетъ такую раздраженность, каковую можно замѣтить только у отъявленныхъ нигилистовъ. Это—обличеніе, а не художественная картина. Въ дополненіе всего стали еще доказывать наши неловкіе прогресисты, что не должно быть критики, которой собственно и живится изящная литература. За всѣмъ этимъ наступило окончательное безплодіе. Точно мертвой водой всѣхъ окатили! Такъ все потеряло въ нашей литературѣ жизненность.

Четвертый результатъ, вышедшій изъ теоріи обще-интереснаго — это помѣсъ науки съ поэзіей. Чисто-литературныя способности захотѣли сдѣлаться научными. Всѣ серьезныя статьи стали писать съ какими-то завитушками. Еслибъ теперь вздумалъ кто написать какую нибудь научную статью ясно, просто, то ее, пожалуй, не стануть и читать: такъ привыкли у насъ къ крѣпкимъ словцамъ и рѣзкимъ выходкамъ, которыми популяризуется теперь наука. Настоящій ученый никогда не порадуется этимъ затѣямъ нашихъ виртуозовъ-ученыхъ. Въ глазахъ дѣйствительно ученыхъ людей они только и выигрываютъ лестью, какъ напр. г. Зайцевъ передъ г. Сѣченовымъ. «Я рискну замѣтить, что и преступникъ имѣетъ право на человѣческое обращеніе», отвѣчаетъ г. Зайцевъ на профессорскій хохоть. Это умственное движеніе, разрушающее искусство, не приноситъ пользы и наукъ: они не камни владуть въ общій фундаментъ, а лагируютъ только эти камни. Они могли бы и свое что нибудь вложить въ науку и камешекъ лишній подбросить; и вмѣсто того только берутъ напрокатъ науку у иностранцевъ. Поэтому мы даже въ интересахъ науки должны стараться, чтобы этотъ наплывъ литературныхъ талантовъ оставилъ въ покоѣ суровую дѣятельность науки.

Сила журналистики въ научномъ смыслѣ есть энциклопедизмъ. И во что же у насъ обратили эту силу? Всѣ стараются дать публикѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія, но не всѣ понимаютъ, что энциклопедизмъ долженъ быть основанъ на специализмѣ. Одинъ, напр. какъ г. Писаревъ, пишетъ критическій разборъ, историческіе очерки и статью по естественнымъ наукамъ; другой, какъ напр. г. Антоновичъ, печатаетъ въ одной и той же книж-

къ статью почти публицистическую, статью почти философскую и статью почти ругательную. Такъ точно и Шелгуновъ и многіе другіе. Какая книга подъ руку попала, ну и царапай изъ нея. Понятно, что какъ бы ни велики были умственные средства такихъ дѣателей, они являются либо плохими компиляторами, либо опрометчивыми мыслителями и кромѣ эксцентричности нитѣй другимъ не берутъ. Такого рода поверхностный энциклопедизмъ журналистовъ ошибоченъ еще тѣмъ, что въ немъ всѣ отдѣлы науки и всѣ факты гнутся подъ одну идею. Цѣлыя науки готовы они рушить, не говоримъ уже объ искусствѣ, лишь бы только проскочила напередъ взятая мысль. Они не смотрятъ, что мысль эта износила, измелъчала давно. Факты они любятъ, но только натянутые, нанизанные на извѣстныхъ идеи; и тагъ-какъ чисю этихъ идеекъ очень ограниченно, то онѣ у нихъ оказываются сгруженными, ни къ селу ни къ городу приведенными. По природѣ вещей не факты гнутся подъ идею, а идея видоизмѣняется и гнется отъ фактовъ. Вслѣдствіе этого, у нихъ нѣтъ собственного направленія, а *только наизъ въ одну сторону*. Направленіе предполагаетъ движеніе, а они толкуются только на одномъ мѣстѣ, съ одной и той же идеей въ головѣ и съ самыми противорѣчащими фактами подъ ногами.

Отъ этого публицисты наши болѣе сообщаютъ интересныя факты, чѣмъ стремятся къ развитію ихъ; болѣе стараются разжевать и положить въ ротъ, чѣмъ сдвинуться съ мѣста. Шуму много, но мало движенія; тревоги бездна, но нѣтъ прогреса. Одинъ кто нибудь вывинетъ пародоксъ, другой ему перечить; первый опять твердить свое или говорить что нибудь на зло второму; потомъ еще кто нибудь скажетъ въ пику первому и второму, и пошла писать... Такъ и вертятся на одномъ мѣстѣ.

И знаете-ли, отчего эта срединная дѣятельность между наукой и искусствомъ пришла всѣмъ по вкусу? Страшный упадокъ университетскаго образованія, малочисленность студентовъ и профессоровъ въ сравненіи съ лицами образованія семинарскаго, военнаго, инженернаго, артилерійскаго и т. д. Гдѣ наши университеты и какіе они? Чтѣ было дѣлать людямъ, неполучившимъ настоящаго универсальнаго развитія; а между тѣмъ стремленіе и любовь къ труду въ нихъ были. Они и бросались на литературу. Литература таковымъ образомъ осталась въ рукахъ людей самыхъ разнокалиберныхъ. Выходить напр. какой нибудь даровитый господинъ изъ учебнаго заведенія. Практическая дѣятельность ничтожна, ну, онъ и литераторствуетъ...

Есть три рода литераторовъ: писатели по призванію, писатели по незнанію что нибудь другое дѣлать, и писатели изъ лѣни.

Послѣдніе получаютъ иногда и ученныя степени и могли бы быть специалистами; но имъ хочется литераторствовать: они думаютъ, что это дѣло болѣе легкое. Самымъ крупнымъ явленіемъ въ этомъ родѣ можно назвать покойнаго Сенковского, который, вмѣсто замѣчательнаго ориенталиста, захотѣлъ быть барономъ Брамбеусомъ. Такихъ бароновъ, откармливающихся на нивахъ поэзій, и теперь еще немало. Существованіе цензуры не въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ сороковыхъ годахъ, а въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, очень способствовало развитію поверхностной литературы. Оно ее тормозило и кляло на нея печать запрещенности: запрещенный плодъ всегда заманчивъ. Еслибы мы вступили въ третій періодъ нашего слова, въ безцензурное писаніе, то тогда поверхностность нашихъ борзописцевъ выразилась бы вполнѣ. Всѣ бы тогда увидали, что они отняли бразды правленія прогресса у стариковъ, которые должны отдыхать, и отдали ихъ юношамъ, которые должны еще учиться.

Та теорія безобразія (*), которую мы затронули въ прошедшемъ году, и есть собственно то, что произвело сочиненіе «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Почти невѣроятно, чтобы идеи этого произведенія имѣли такой успѣхъ. Мѣсто, правда, Бѣлинскаго и тогда, какъ и теперь, было пусто; но отсутствіе критическаго ума, который бы разбилъ всѣ эти парадоксы, не объясняетъ еще всего. Тутъ кроется другая, болѣе важная, болѣе жизненная причина. Жизнь образованнаго общества отъ прошлаго, исковеркалась, извратилась. И школа и служба, все тогда портило людей—были или тоскующіе идеалисты, или безсовѣстные практики. Многіе впадали тогда въ глубокую меланхолію, близкую къ помѣшательству, или нервно раздражались, судорожно мыслили. Авторъ «Эстетическихъ отношеній» былъ продуктъ своего времени. Примирясь со всѣмъ безобразіемъ жизни, со всѣми осадками ушедшаго времени, онъ думалъ изъ этихъ осадковъ сдѣлать что нибудь благородное, великое.

Теперь его теорія въ свою очередь произвела новые осадки. Еще цѣлыя десятки даровитыхъ людей зарываютъ свои таланты въ бесплодную почву переводной науки, брагчливой публицистики и тенденціонной бельетристики. Цѣлыя тысячи свѣжихъ головъ еще довольствуются одной отрицательной литературой, стѣсняющей не только таланты, оригинальность, но даже и свободу мысли. Надзоръ за дарованіями въ этомъ смыслѣ, особенно старательно производимый прежде, дѣйствовалъ, намъ думается, подобно цензурѣ. Мы не говоримъ объ ученическихъ промахахъ или положительной не-

(*) См. жур. «Эпоха».
Т. CLX. — Отд. I.

зрѣлости мысли, съ которой обыкновенно не долженъ мириться ни одинъ редакторъ; нѣтъ, мы говоримъ о той узкой рамкѣ, о тѣхъ литературныхъ тискахъ, которые клались на молодыя головы многими знаменитостями. Въ этомъ-то и заключалось то направленіе, тотъ нагибъ, отъ котораго надламывалось столько талантовъ.

Когда-то, разбирая характеръ Базарова (*), мы говорили, что вся сатанинская гордость, сердитость, хмуренье и кутанье въ реалистическій плащъ были явленіями напускными; но мы забыли тогда же сказать, что и весь либерализмъ этого представителя нашихъ радикаловъ былъ напускной. Теорія воспроизведенія, сдѣлавши хаосъ изъ умственныхъ и эстетическихъ движеній, не дава въ то же время развиться и настоящимъ либеральнымъ стремленіямъ. Либерализмъ, изъ нея вышедшій, основывался не на скептицизмѣ, изъ котораго вытекаетъ плодотворная дѣятельность, а на полнѣйшемъ отрицаніи всего, чтѣ не перещупано руками и не поразило чувствъ. Базаровыхъ собственно занимаетъ не итогъ фактовъ и мысль изъ нихъ вырастающая, а какія нибудь рѣзкія, выдающіяся явленія съ привитою къ нимъ правоучительной идеей. Они видятъ, напримѣръ, лягушку, слышатъ, что на ней очень удобно производить рефлективные и автоматическія движенія; хватаются за этотъ фактъ, трубятъ во всеуслышаніе, и выводятъ изъ него то, чего даже и во снѣ не снилось физиологамъ. Можно ли назвать такое судорожное движеніе мысли зрѣлымъ и полезнымъ явленіемъ? Не случаются ли подобнаго рода ученіческіе экстазы со всякимъ входящимъ въ храмъ науки. Сейчасъ видно, смотри на такого человѣка, что ему дунули въ уши прежде времени о вещахъ, которыя можетъ переварить только вполне развитый умъ.

Какъ производилось это дуновение, это напущеніе, а не развитіе либерализма — объяснить нетрудно. Либеральными фразами старались замѣнить, во первыхъ, знаніе; и опыты эти производились не въ университетѣ, гдѣ подвижность и практичность науки умѣстна, а гораздо раньше — въ гимназіи; начинали даже съ четвертаго класса. Колокола звенѣли въ ушахъ дѣтей, играющихъ въ лапту; Фейербаха подпускали мальчишкамъ, играющимъ въ жмурки. И все это дѣлалось не какими нибудь бездарными верхоглидами. Неудивительно послѣ того, если это подпусканіе и звонъ производили въ дѣтахъ только тревогу и лишали возможности набираться духу, терпѣнія въ трудѣ и знаній. Выхода изъ гимназіи или дру-

(*) Теорія выгоды и пользы. Ноябрь. 1864. «Эпоха».

гаго средняго учебнаго заведенія, юноша былъ нерѣдко совсѣмъ оглушенъ и парализованъ для дѣятельности. При поступленіи въ университетъ или на какое нибудь поприще, фразы являлись еще въ болѣе неприличномъ видѣ. Онѣ были подаваемы въ видѣ лаковаго блюда вмѣстѣ съ виномъ и реалистическою любовью. Какъ въ гимназій вредили онѣ своей безвременностію, такъ тутъ поражали онѣ своимъ циническимъ смѣшеніемъ великаго съ грязнымъ, благороднаго съ шалостями.

Мы не хотимъ сказать, что все кроилось по этой мѣркѣ. Нѣтъ, трудящіеся и любящіе науку юноши существовали всегда и преемственно не переводились со временъ Грановскаго, Павлова, Пирогова, Каченовскаго, Мейера. Всякій университетъ имѣлъ въ свое время дорогаго для себя человѣка. Теперь не то. По волѣ обстоятельствъ и тревоги, давно уже распространенной въ обществѣ, этимъ скромнымъ и глубоко либеральнымъ юношамъ не суждено было явиться на свѣтъ. Ихъ отгѣснили люди, называвшіе Грановскаго сиреною и нечтившіе въ прошедшемъ почти ни одного имени. Такихъ было немало. Они образовали модную литературу. Рядомъ съ литературой кваснаго патриотизма и затлаго мистицизма, у насъ еще существуетъ, какъ извѣстно, литература грубаго нигилизма; и эта-та послѣдняя, полудуховная, полувоенная была въ модѣ. Путь распространенія ея чрезвычайно замѣчательнъ. Подобно профессорамъ-медикамъ, приобретающимъ нерѣдко практику черезъ студентовъ, слушающихъ ихъ лекціи, модная литература тоже пошла въ ходъ по протекціи учащихся. Женщины, начавшія теперь знакомиться съ наукой, тоже явились защитницами этого движенія, и какъ существа, вообще расположенныя къ модѣ и чувствительныя къ комплиентамъ, дѣлали тутъ много шума. Извѣстно, что никто теперь не читаетъ такъ много журналовъ какъ тѣ, которые еще не выпустили изъ рукъ учебниковъ; съ другой же стороны серьезные люди остаются теперь почти безъ книгъ. Мы не возстаемъ положительно противъ распространенія журналистики между гимназистами и кадетами; но скажемъ все-таки, что всякому пишущему очень-естественно желать, чтобъ его, положимъ, читали и гимназисты и кадеты, да только не въ то время, когда они подрастаютъ, а тогда, когда они уже выросли. Всѣ наши выводы и факты, весь ропотъ и злоба, желаніе добра и энтузіазмъ для начинающаго несравненно менѣе важны, чѣмъ учебники и учителя. И ужели наконецъ не можемъ мы имѣть достаточно вѣры въ долговѣчность нашихъ идей и убѣжденій, чтобъ спѣшить съ подсовываніемъ ихъ всякому? Не желаніе популярности, а жажда истины должна водить перомъ писателя.

*

Замѣчательно, что въ послѣдніе годы въ повѣстяхъ верѣдно говорится о сотрудничествѣ студентовъ въ журналахъ. Какъ-будто это такая легкая вещь, и будто у студентовъ такъ много свободного времени, что для нихъ лекціи и книги не важнѣе во сто разъ всѣхъ журнальныхъ дѣлъ и работъ. Редакторъ «Русскаго Слова» сообщаетъ даже въ своей повѣсти, что въ журналистикѣ участвовалъ одинъ семинаристъ передъ выходомъ его въ старшій классъ; значитъ, онъ былъ тогда еще въ младшемъ. Описывается даже и его восторгъ при извѣстїи о напечатанїи статьи; разсказывается о приглашенїи, присланномъ будто бы изъ редакціи въ семинарію — быть постояннымъ сотрудникомъ. Вѣроятно, очень вѣроятно! И за колкость даже нельзя принять такого неправдоподобнаго сообщенїя. Ужъ не пригласительный ли то билетъ редактора-бельлетриста ко всѣмъ семинаристамъ и гимназистамъ?

Теперь остается еще намъ сообщить объ одномъ довольно важномъ качествѣ нашихъ прогресистовъ, пущенныхъ сильною, но неловкою рукою и вертящихся, подобно волчкамъ, на одномъ мѣстѣ, это—о самодурствѣ въ литературѣ. Добролюбовъ (*), специально занимавшійся изученїемъ самодуровъ по комедїамъ г. Островскаго, открылъ, какъ извѣстно, что такихъ людей много во всѣхъ званїяхъ и во всѣхъ родахъ дѣятельности. Удивительно ли, что мы по слѣдамъ его нашли ихъ и въ литературѣ. Вотъ нѣкоторые изъ признаковъ, означенныхъ Добролюбовымъ, по которымъ легко можно отыскать этихъ особъ. «Не думайте—говорить Добролюбовъ—чтобы самодуръ проникся серьезнымъ уваженїемъ къ законамъ и выводамъ науки. Нѣтъ, онъ будетъ постоянно смотрѣть свысока на людей мысли и знанїя... Безправное самодурство подрываетъ довѣріе къ праву. (Это самодуры, отвергающїе юриспруденцію). Темное и ложное въ своей основѣ, оно гонитъ отъ себя лучъ истины. (Это дѣлаютъ самодуры, не признающїе гуманитарныхъ наукъ). Грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣренности». Но вотъ еще признакъ. Подобно тому, какъ Гордїи Карпычъ принимаетъ, по выраженїю Добролюбова, одну только чисто-внѣшнюю сторону образованїя, самодуры въ литературѣ тоже, говоря о наукѣ, хватаются часто за одну ея внѣшность; касаясь, напримѣръ, естественнѣдѣнїя, выражаются: «Ахъ, какъ прїятно смотрѣть на молодого человѣка, добывающаго соляную кислоту! Ахъ, какъ хорошо, если молодой человѣкъ заведетъ себѣ микроскопъ и незамѣтно для самого себя проникнется глубочайшимъ уваженїемъ и пламенною любовью къ распластанной лягушкѣ... Въ ней, въ лягушкѣ-то и

(*) О Добролюбовѣ мы въ слѣдующей статьѣ будемъ говорить подробнѣе.

заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа» (*). Вотъ онъ на что понадобился микроскопъ! Не то же ли это самое, что и Гордѣй Карпичъ говорить — что они что пьютъ по необразованію наливки тамъ и вишневки разныя, а не понимаютъ того, что на это есть шампанское!

Добролюбовъ, изучивши самодурство, самъ, впрочемъ, первый и показалъ примѣръ его въ литературѣ. Читатель, конечно, догадается, что мы говоримъ о свистаніи его на Пирогова и другихъ. Послѣ такъ же почти поступили по этому примѣру и съ другою подобною личностію. Чѣмъ бы, казалось, провинился этотъ человекъ передъ ними? Такъ нѣтъ же вотъ, не утерпѣли, и рукою г. Благосвѣтлова пустили ему брандсвугель въ мартѣ прошедшаго года. Пеняли даже на г. Яковлева за изданіе и назвали краткій историческій очеркъ тысячелѣтія совершенно бесполезною роскошью. Нивакого вообще радомъ стоящаго съ ними прогресиста не могутъ они терпѣть, если только замѣчаютъ, что онъ подымается. Будь онъ хоть сходенъ съ ними по образу мыслей, они сейчасъ же безъ дальнѣйшей церемоніи его обругаютъ. А уже о прошедшихъ дѣятеляхъ и говорить нечего. Здѣсь являются оплеванными не только безупречныя личности Грановскаго и Кудрявцова и отчасти родственнаго имъ Добролюбова, но даже и личность Бѣлинскаго. «Что же прикажете дѣлать, какъ прикажете говорить—выражается г. Писаревъ съ насмѣшкой—когда наша публика успѣла уже забыть, что толковалъ ей великій эстетикъ Бѣлинскій? Подумаешь и въ самомъ дѣлѣ, что наша публика любить и уважаетъ Бѣлинскаго: издано двѣнадцать томовъ его сочиненій; томы эти раскупаются, разрѣзываются и даже читаются (!)... Подумаешь, что теперь уже незачѣмъ твердить зады, и что теперь можно уже смѣло стронуть дальше на прочномъ фундаментѣ, который заложенъ Бѣлинскимъ. Подумаешь, и жестоко ошибешься! (Не думаете ли вы заложить новый фундаментъ?). Чему же научилась масса публики у Бѣлинскаго (у кого же она и училась-то больше?), когда она до сихъ поръ не умѣетъ отличить въ литературныхъ произведеніяхъ жизненную правду отъ риторической лжи? Чѣмъ подвинулась публика впередъ въ своемъ взглядѣ на литературу» (!) (**). И это уже не первыя строки, гдѣ г. Писаревъ голословно и неосторожно задѣваетъ Бѣлинскаго. Мы принадлежимъ къ числу поклонниковъ нашего перваго критика, и потому имѣемъ полное право припомнить г. Писареву слѣдующія слова Добролюбова о Бѣлинскомъ: «Въ литературныхъ кружкахъ

(*) Мартъ 1864 г. «Русское Слово».

(**) Сердцное безсміе. «Русское Слово», февраль 1865 г.

всѣхъ отгѣпковъ едва-ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести это имя. Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому гениальному челювѣку, и конечно это лучшіе люди Россіи!...»

Вышло рѣзко, но мы въ этомъ невиноваты. Кто нибудь да неправъ во всей своей дѣятельности: либо Добролюбовъ, либо г. Писаревъ, если такъ они расходятся въ главномъ пунктѣ. Это еще впрочемъ неважно; а важно вотъ что: каково, подумайте, положеніе того общества и того поколѣнія, къ которому прикрѣпляются двѣ силы, тянущія по такимъ разнымъ направленіямъ? Добролюбовъ и г. Писаревъ, положимъ—силы неравныя, но все-таки движеніе происходитъ, какъ извѣстно, по діагонали паралелограмма силъ, прикрѣпленныхъ къ предмету. Гдѣ же эта діагональ, эта дорога, по которой должно идти общество? Странно въ самомъ дѣлѣ положеніе нашего читающаго общества. Такой вражды между всею литературой вообще, какъ и между отдѣльными фракціями, оно еще никогда не видѣло. Сколько радости и потѣхи доставляетъ эта неладница для обскурантовъ и враговъ прогресса... Куда же прикажете идти? Старики прочь! О взрослыхъ нѣтъ и помину. Одна только молодость и молодость. Тѣ, которые дѣйствительно молоды и свѣжи душой, поймутъ, что мы говоримъ не противъ молодости, а за молодость.

Вы хотите сдвинуть съ мѣста юношей и отроковъ—эта штука нехитрая. Живость, подвижность—главное качество юности и свѣжести силъ, которое при слишкомъ большомъ вращеніи крови производитъ поверхностныхъ сангвиниковъ. Вы вотъ попробуйте сдвинуть съ мѣста взрослыхъ, отцовъ—это будетъ прогрессъ! А чтобы этого достигнуть, нужно не только умъ, но и талантъ, не только наука, но и искусство, и искусство во всемъ его объемѣ, со всею его упругою и неодолимою силою...

Чего же мы желаемъ отъ искусства? спросить, быть можетъ, насъ. Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, постараемся прежде точнѣе объяснить слова: искусство, литература, наука и поэзія, которыми такъ часто злоупотребляютъ.

Начало науки заключено, конечно, въ стремленіи къ истинѣ, называемомъ попросту любознательностію. И вотъ, удовлетворяя этому стремленію всезнанія, умъ извлекаетъ истину изъ природы. Процессъ этого умственного питанія есть не что другое, какъ философія, которая истину отвлекаетъ отъ природы въ глубинну сво-

его собственнаго я; и составляетъ такимъ образомъ міросозерцаніе. Философскую систему собственно можетъ имѣть всякій, потому что у всякаго можетъ быть своя точка зрѣнія на міръ. Но этого обыкновенно не бываетъ, и люди въ извѣстное время смотрятъ, на міръ болѣе или менѣе сходно. И это оттого, что философія есть приблизительно вѣрный выводъ изъ энциклопедіи наукъ извѣстнаго времени. Та философія, которая строится на основаніи одного отдѣла наукъ или только своего личнаго опыта и своего собственнаго мышленія, есть философія призрачная. Философія или попросту міровоззрѣніе есть синтетическій жорнгъ ума, основанный на добытыхъ анализомъ науки свѣдѣніяхъ; она есть дополненіе науки, а вмѣстѣ съ нею служитъ выраженіемъ нашего неодолимаго стремленія къ истинѣ.

Но этимъ воззрѣніемъ и фактами науки, явившимся, благодаря человѣческой любознательности, общество еще не довольствуется. Оно захотѣло ихъ примѣнить, воспользоваться. По мѣрѣ натурализованія наукъ развивался ихъ практицизмъ. Явились науки прикладныя, кругъ которыхъ столько же неопредѣленъ, сколько и широкъ. Въ паралель съ открытіями науки тутъ идутъ изобрѣтенія, которыми человѣкъ какъ-бы стремится дополнить природу съ ея полезной стороны. Въ изобрѣтеніяхъ человѣкъ руководствуется соображеніемъ и проникательностію, угадываніемъ; дѣятельность, отсюда происходящая, ограничивается и пространствомъ, и мѣрой, и вѣсомъ. Математика и расчетъ играютъ такую же роль въ прикладныхъ наукахъ, какую логика—въ наукѣ чистой. Всѣ прикладныя науки служатъ къ увеличенію матеріальнаго удобства и къ лучшему распредѣленію права и средствъ къ жизни.

Всѣ эти, добытые человѣкомъ факты и истины распространяются болѣе или менѣе быстро, смотря по препятствіямъ; потому что мысли, подобно растеніямъ, имѣютъ свое географическое распространеніе; на пути ихъ встрѣчаются и моря, и горы, и неблагоприятные вѣтры и т. д. И даже, подобно рѣдкимъ растеніямъ и животнымъ или моровымъ заразительнымъ язвамъ, мысли перевозятъ на корабляхъ и онѣ сидятъ въ карантинѣхъ. Распространеніе истины есть самый низшій родъ искусства и первая услуга, которую оно оказываетъ наукѣ. Это есть собственно литература науки. Ею-то и думаютъ ограничить дѣятельность искусства наши литераторы - популяризаторы. Но этимъ служеніемъ истинѣ и пользѣ еще не исчерпывается вся дѣятельность слова: литература этимъ путемъ только распространяетъ истину и уничтожаетъ ложь; старается всѣмъ принести пользу и превращаетъ вредъ. Человѣкъ же не только питается

и растутъ, но еще и совершенствуется. А совершенствованіе не можетъ быть произведено ни оди́ми истинами, какъ бы онѣ ни были глубоки, ни оди́ми матеріальными выгодами, какъ бы онѣ ни были усвоены. Совершенствованіе это — главнѣйшая роль искусства. Для этого искусство беретъ исходной точкой своей дѣятельности ужь не истину, не природу въ тѣсномъ смыслѣ, а жизнь. И, анализируя все нестройное цѣлое характеровъ, поступковъ, явленій, истинъ и заблужденій, въ жизни отразившихся, интересовъ и стремленій, въ ней столкнувшихся, оно старается вывести нѣчто органическое, законченное и плодотворное. Міровозрѣніе и практицизмъ дають искусству подготовку; но самое стремленіе впередъ обуславливается въ насъ ощущеніемъ идеала красоты; потому что стремленіе къ прекрасному есть стремленіе къ совершенству. И авторъ «Эстетическихъ отношеній», унижая понятіе красоты, недаромъ старался доказать, что человѣку несвойственно стремленіе къ совершенству.

Эта дѣятельность литературы, ограничивающаяся съ одной стороны стремленіемъ къ красотѣ, а съ другой — отвращеніемъ къ безобразію, несовершенству, есть сфера поэзін. Но что же руководить нами, что служить намъ мѣрою въ этой дѣятельности? Не опытъ уже, опирающійся на органы чувствъ, черезъ которыя мы имѣемъ связь съ міромъ, а ощущеніе гармоніи, красоты, которымъ нашъ организмъ несомнѣнно одаренъ. Черезъ каждое чувство въ извѣстной степени мы получаемъ впечатлѣніе красоты: посредствомъ уха, напримѣръ, кромѣ обыкновенной способности слышать, мы узнаемъ еще, разбираемъ звуки съ опредѣленнымъ числомъ колебаній; и этотъ музыкальный слухъ, это чувство гармоніи звуковъ служитъ основой музыкальному творчеству. Въ живописи такимъ же чувствомъ гармоніи одаренъ глазъ; въ скульптурѣ — осязаніе въ связи съ зрѣніемъ. Въ поэзін всѣ особенности каждаго чувства ощущать гармонію звуковъ, цвѣтовъ и формъ сливаются въ одно общее чувство эстетическое. Если мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ строго научномъ различіи музыкальнаго слуха отъ слуха вообще, то мы не имѣемъ также никакого права сомнѣваться и въ чувствахъ эстетическомъ, какъ дѣлають мечтающіе реалисты. Это такъ — сказать — шестое чувство.

Но какимъ же образомъ это чувство, это ощущеніе красоты обрѣтается въ форму? Авторъ «Эстетическихъ отношеній» говоритъ, что чувство и форма противоположны между собой. И говоря о пѣніи, доказываетъ даже эту противоположность очень подробно, хотъ и совершенно напрасно. Что же такое и есть форма, какъ не доконченное, вполнѣ вылившееся чувство? Когда чувство радо-

сти или горя незначительны, то они, обнаруживаясь въ пѣвнн, такъ и пропадаютъ въ воздухѣ, и слѣда не остается отъ нихъ кромѣ утѣшенія, приносимаго поющему; но если пѣвннн есть результатъ глубочайшаго душевнаго процесса, величайшаго порыва радости, горя или другихъ внутренннхъ движеній, то чувство, вылившись въ звукахъ или словахъ, не пропадаетъ въ воздухѣ, а принимаетъ форму и является такимъ образомъ *chef-d'oeuvre*, вѣщное произведеніе. Художникъ, создавая форму, создаетъ нѣчто неисчезающее, формально — реальное. Все безформенное, некрасивое дѣйствуетъ непродолжительно и остается большею частію безъ слѣда. Красота же есть форма доконченная, способная въ свою очередь произвести другую форму. Уроды не плодятся. И процессъ этого зачатія красоты, процессъ образованія формы искусства совершается въ минуты особеннаго гармоническаго состоянія души — вдохновенія. Оно есть высшее и чистѣйшее наслажденіе. Процессъ зачатія формъ въ природѣ тоже сопровождается наслажденіемъ; организмъ тоже находится въ самомъ гармоническомъ настроеніи. Рожденіе формъ жизни, какъ и рожденіе формъ искусства, уже не совершается такъ легко, потому что сопровождается препятствіями. Какъ чувство сенсуальное, такъ и чувство эстетическое имѣютъ въ мозгу вѣроятно одинъ и тотъ же исходъ. Чувство сенсуальное завѣдуетъ воспроизведеніемъ индивидуумовъ, чувство эстетическое — воспроизведеніемъ образцовъ. Оба они рѣдко находятся въ равновѣснн; обыкновенно беретъ перевѣсъ либо то, либо другое. Вслѣдствіе этой связи чувства наслажденія съ чувствомъ вдохновенія, поэты и склонны такъ къ первому и стремились и обжигались на этомъ огнѣ.

Говоря о преднамѣренности красоты въ искусствѣ и о непреднамѣренности ея въ природѣ, авторъ ставитъ первое какъ-бы въ достоинство; но преднамѣренность-то и губитъ болѣе всего поэзію. «Прекрасное въ сознательной сферѣ — говоритъ Фишеръ — исчезаетъ въ ту же минуту, какъ узнаетъ о своей красотѣ и начинаетъ ею любоваться». Преднамѣренность именно и производитъ искусственность. Искусство есть форма, вышедшая неожиданно, невольнн, но естественнымъ, такъ сказать, силамъ природы. Искусственность же есть форма, сочиненная умомъ и наполненная подведенными подъ эту форму чувствами. Опасаться нечего слишкомъ полной свободы творческихъ силъ. Силы чловѣка есть силы послѣдняго созданія все выше и выше стремящейся природы, какъ выразился Гёте. Безсознательное творчество именно и есть та непреднамѣренность поэта, которая проявляется въ минуты вдохновенія. Все воплнѣ прекрасное, вели-

кое вырывается изъ души неожиданно, невольно и не только въ другихъ, но и въ самомъ себѣ способно возбудить удивленіе. Вкусъ только поправляетъ, додѣлываетъ то, что выходитъ у человѣка въ тѣ минуты, когда онъ отдается на произволь творящихъ въ немъ силъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ произволѣ можетъ произойти и нѣчто нелѣпое, но тогда будетъ уже не душа поэта-мыслителя, а душа сумасшедшаго. Къ акту творчества человѣкъ долженъ быть приготовленъ наблюдательностію, мировоззрѣніемъ, наукой; но самый актъ творчества долженъ быть непредназначенъ, неожиданъ.

«Намъ, существамъ индивидуальнымъ, немогущимъ перейти за границы нашей индивидуальности—говорить авторъ—очень правится индивидуальность и индивидуальная красота, немогущая перейти за границу индивидуальности» (72 стр.). Напротивъ, въ стремленіи индивидуальнаго къ идеальному, конечнаго къ безконечному, есть сущность развитія и совершенства. Это прирѣчно какъ къ природѣ вообще, такъ и къ поэзіи. Органическія существа потому только и измѣняются въ теченіи времени, что въ нихъ индивидуальное не остается въ однѣхъ границахъ. Такое же движеніе, генерация формъ происходитъ и въ искусствѣ. Произведеніе искусства есть произведеніе органическое творческой дѣятельности человѣка. На сколько индивидуальное въ художникѣ равнялось къ абсолютному, на столько онъ и успѣлъ въ дѣлѣ искусства. Въ дрезденской Мадоннѣ оно ушло такъ далеко, что все въ этомъ родѣ оставило за собой; и произведеніе это какъ-бы божественное между человѣческимъ. Искусство начинается подражаніемъ, овлачиваетъ творчествомъ. Подражая жизни, художникъ, такъ сказать, учится приемамъ вѣчно творящей природы; послѣ, усвоивши эти приемы, онъ идетъ дальше и самъ творитъ вслѣдъ за природой.

«Многіе въ «общности» поэтическаго образа видятъ превосходство его надъ лицами въ дѣйствительной жизни» (102 стр.). Да какъ же не видѣтъ въ этомъ превосходства? Какъ въ естественствѣ ученые, обобщая виды, отличаютъ главное отъ побочнаго, существенное отъ случайнаго, постоянное отъ измѣняющагося, такъ и художникъ, при помощи другихъ только средствъ—достигаетъ той же цѣли. И основныя черты характеровъ, входя въ сознаніе читателей, дѣлаются индивидуальными. Въ обыденной жизни тоже встрѣчаются характеры, которые можно назвать какъ-бы представителями цѣлыхъ группъ, съ нихъ-то обыкновенно художникъ и начинается, хоть и беретъ не все. Но какую надо наблюдательность, чтобы замѣтить такія лица и черты; это уже не наблюдательность бельетриста. Типъ въ поэтическомъ

смыслъ есть идеальный характеръ, который, положимъ, не существуетъ въ дѣйствительности, но который возможенъ въ осуществленіи. Люди черезъ это обобщеніе характеровъ и явленій жизни не только двигаются впередъ, но и нивелируются. Да къ этому и стремится вся дѣятельность человѣка, чтобы частное право сдѣлалось общимъ, имущество—общедоступнымъ, а идеальныя, родовыя достоинства обратились въ индивидуальныя. Искусство такимъ образомъ уравниваетъ людей и служитъ въ этомъ отношеніи орудіемъ природы. Люди, имѣющіе счастье или несчастье родиться съ болѣе воспримчивой и производящей натурой, дѣлятся своимъ добромъ съ окружающими; другіе перенимаютъ, подражаютъ, и частное дѣлается общимъ. Оттого-то инстинктъ людей и заставляетъ чувствовать такую благодарность къ мученикамъ мысли, труженникамъ науки и предвозвѣстникамъ совершенства.

Если мы видимъ, что поэзія съ подчиненными ей искусствами не выполнила еще своихъ задачъ, то не видимъ ли мы въ то же время, что и наука мало выполнила свои. Вся она еще обстроена лѣсами; между ея отдѣлами нѣтъ еще почти связи. Всѣ они разрознены болѣе или менѣе и никакъ не могутъ согласиться, чтобы идти дружно противъ невѣжества. Удивительно ли, что и поэзія съ искусствами такъ мало сдѣлала противъ несовершенства. И многимъ ли доступна она, многіе ли участвуютъ въ научной, поэтической и практической дѣятельности въ настоящемъ ихъ размѣрѣ? Народъ стоитъ еще особнякомъ. Наканунѣ, быть можетъ, близкаго времени—соединенія съ народомъ, мы должны позаботиться, чтобы журналы, въ которыхъ все отражается, охватывали по возможности ясно весь кругъ энциклопедическихъ свѣдѣній съ точныя зрѣнія специализма и стремились бы къ примиренію всѣхъ наукъ между собой, науки съ искусствомъ и народа съ образованными классами, а не тащили бы все врозь, производя разладъ. Изъ этого дружнаго движенія образовалась бы сила верженія въ высшей степени прогрессивная. Критика въ смыслѣ этомъ имѣетъ значеніе глубокое. Есть критика разума, критика опыта и критика эстетическаго чувства. И философія, и наука, и поэзія, все подвергается критикѣ. Начало ея въ сомнѣніи, конецъ—въ примиреніи. Критика есть то связывающее и примиряющее, со всего взмскивающее и ничѣмъ недовольное начало, которое лежитъ въ основѣ человѣка, идущаго поступательно впередъ.

Но что же такое собственно поэзія? Мы нарочно отложили опредѣленіе этого слова на конецъ. Прежде говорили, что поэзія есть языкъ боговъ; нѣтъ, это—языкъ человѣка, находящагося только въ самомъ гармоническомъ, совершеннѣйшемъ настроеніи

духа. Поэтъ, слѣдя за всѣмъ, что гармонируетъ съ его душой, какъ-бы стремится, чтобы и въ жизни все гармонировало между собою; все чувствовало ту красоту, которую онъ чувствуетъ; все сознавало то совершенство, къ которому тянетъ его натура. Не отдѣляя понятія лучшаго отъ понятія будущаго, онъ весь проникнутъ влеченіемъ къ идеалу, какъ ученый—жаждой истинъ. Ученому, сколько бы онъ ни зналъ, кажется все, что онъ ничего не знаетъ; такъ и поэту — что бы онъ ни перечувствовалъ, до какого идеала бы ни дошелъ, кажется, что и вонца впереди нѣтъ. Идеаль предполагаетъ и идею, которая въ немъ заключается. Но въ чемъ собственно разница между идеей науки и идеей поэзии? Какая же разница, какое разстояніе между, наприимѣръ, закономъ тяготѣнія и статуей, между истинной и красотой? Въ истиннѣ идея опирается на *факты опыта*; въ красотѣ же идея связана съ *фактами гармоніи*. Въ истиннѣ научной или философской, идея выходитъ и варождается въ головѣ отъ чувствъ вообще, отъ которыхъ зависитъ опытъ. Въ красотѣ идея идетъ и развивается отъ ощущенія гармоніи или чувства эстетическаго, которымъ одарены органы наши сверхъ своей способности къ опыту. Изъ этого ясно, что какъ ученый мыслить изслѣдуя (или отвлекая), такъ поэтъ — мыслить, чувствуя; мыслить звуками, красками и образами. И выражаетъ такимъ же образомъ свою мысль. Отъ этого мысль является въ немъ неразъединенная отъ формы, неравнозначная отъ чувства наслажденія. Наука учитъ, развивая наше міровоззрѣніе; искусство воспитываетъ, увеличивая наше достоинство, нашу человѣчность.

Искусство, можно сказать, еще не оцѣнило вполне серьезности своего назначенія, и потому большею частію служило постороннимъ цѣлямъ и развлеченіемъ между дѣль. Цѣль его—гуманизировать людей. Класицизмъ изобрѣлъ слово «гуманность». Исторія опредѣлила и доказала возможность гуманности. Но распространить ее и осуществить, можетъ только поэзія.

Чувство гуманное есть особенность нашей природы. Люди, можно сказать, болѣе родственны между собой, чѣмъ животныя. Животное по природѣ—эгоистъ; весь его внутренній міръ сосредоточенъ въ эгоистическіе, растительные позывы. Стадное свойство въ немъ есть только выраженіе самосохраненія. Животныя болѣе ненавидятъ другъ друга, болѣе враждуютъ, чѣмъ сходатся. Люди на низшей степени развитія тоже полны вражды и свирѣпыхъ инстинктовъ; общества и партіи такихъ людей тоже подобны стадамъ. Неудивительно, что тѣ, которые ставятъ выше всего эгоизмъ, не понимаютъ въ то же время и поэзіи, считаютъ ласку хуже палки, гармонію ниже вражды, а грубость и рѣзкость

въ поступкахъ и словахъ—выше всего на свѣтѣ. Никакія истины, какъ бы онѣ ни были святы, и никакія удобства матеріальныя, какъ бы они ни были доступны, не могутъ смягчить нашихъ животныхъ стремленій. Только поэзія дѣйствуетъ противъ этой *зѣброобразности*, этой разъединенности, этой вражды и дисгармоніи между людьми. Гуманность, которую распространяетъ поэзія, есть поэтому уничтоженіе всего звѣрообразнаго въ человѣкѣ. Люди оттого такъ родственны другъ другу, что натуры ихъ гармонируютъ между собою; но гармонію умѣетъ скватывать только поэзія и распространяетъ въ мірѣ только она одна.

Для этого поэзія прежде всего овладѣваетъ воображеніемъ, въ которомъ стимулъ поступковъ. Умъ только пролагаетъ дорогу, фантазія даетъ содержаніе нашей дѣятельности. Шекспиръ въ Гамлетѣ, а Гёте—въ Фаустѣ давно уже показали, что ума и знанія недостаточно, чтобы дѣйствовать; что когда они берутъ перевѣсъ надъ всѣмъ, то воля человѣка ослабѣваетъ и онъ какъ-бы хромѣетъ для жизни. Воля человѣка возбуждается воображеніемъ, а не соображеніемъ. Но воображеніе можетъ быть наполнено образами прекрасными и уродливыми. Поэзія беретъ за первое и вытѣсняетъ изъ воображенія послѣднее; и въ этомъ вся ея вина передъ безобразниками. Наполняя воображеніе красотой, поэзія и страсти даетъ болѣе правильный исходъ, болѣе здоровое, болѣе нормальное направленіе: и такъ-какъ чувство эстетическое находится въ связи съ чувствомъ сенсуальнымъ, то она, разумѣется, регулируетъ страсть, идеализируя ее.

И наконецъ поэзія, не вѣря въ счастье жизни, зная, что оно неразрывно съ страданіемъ, даетъ людямъ нѣчто высшее, чѣмъ счастье и несчастье—это гармонію своихъ звуковъ, красокъ, формъ и идей. Поэтому-то мы и самыя печальныя пьесы можемъ слушать съ удовольствіемъ, самыя скорбныя стихотворенія читать съ наслажденіемъ, и передъ самыми потрясающими драмами стоять какъ на молитвѣ. Въ этомъ-то смыслѣ мы и говорили прежде, что поэзія есть великая утѣшительница нашей недолгой и невеселой жизни.

Но этимъ еще не исчерпывается все глубокое значеніе пов ин. У грековъ она была какъ-бы сущностію религіи. Греки боготворили красоту; но такъ-какъ красота эта была слишкомъ сенсуальна—слишкомъ, такъ сказать, скульптурна, то она и не принесла настоящаго плода. Древніе стремились преимущественно изображать красоту объективную, пластическую. Красота субъективная, красота движенія и борьбы еще была имъ меньше знакома. Въ послѣдніе вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ живописи, а потомъ, наконецъ, музыки—объективное уже не беретъ перевѣса

въ искусствахъ, а вмѣстѣ съ этимъ и сама поэзія стремится все къ большей гармоніи идеи и формы. Утилитаризмъ, правда, силится теперь разрушить эту форму, и обнаружить идею, не понимая того, что разрушеніемъ формы, идея поэтическая не обнажается, а уничтожается. Но напрасны его попытки. Онъ думаетъ, что вмѣстѣ съ паденіемъ мистическаго начала, и искусство должно потерять свое значеніе. Напротивъ, оно теперь должно расширить свою дѣятельность. Въ мистическихъ сказаніяхъ и наука, и философія, и поэзія, все соединялось въ одно, и составляло нѣчто туманное, сливающееся одно съ другимъ, неразрывное. Теперь все это распалось, отдѣлилось, специализировалось, но не должно никогда совсѣмъ разразниваться и враждовать одно съ другимъ.

Прежде воспитаніемъ завѣдывалъ либо мистицизмъ, либо схоластицизмъ. Но настаетъ скоро время, когда имъ будетъ завѣдывать искусство. Дѣло воспитанія будетъ занимать, такимъ образомъ, не одно школьное время, но всю жизнь; и оно собственно будетъ не воспитывать, а преобразовывать; дѣйствовать не порывами, за которыми слѣдуетъ охлажденіе и застой, а постоянно, не торопясь и безъ отдыха... Мечъ не страшень такъ застою, какъ перо — и въ особенности перо искусное, бывшее не на проломъ, а охватывающее все разомъ и непритупляющееся ни отъ какихъ препятствій. Природа — говоритъ Риттеръ — творить тихо, тайно и незамѣтно; такъ и искусство. Руссо утверждалъ, что воспитаніе должно сообразоваться съ природой; мы говоримъ, этого мало. Сообразованіе съ природой — только защита отъ мистицизма и фальши. Въ стремленіи же дополнить природу, усовершенствовать жизнь, развить человѣка — сущность прогресса и начало воспитанія.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой
Морской № 10.

ВЕЙЕРЪ. *Дѣтская фортепьянная школа*, предназначенная исключительно для самыхъ малолѣтнихъ учениковъ, и посвященная матерямъ семействъ; содержащая въ себѣ начальныя правила музыки, 106 примѣровъ, этюды, упражненій, гаммъ и маленькихъ пьесъ. Съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихихъ романсовъ, переложенныхъ для фортепьяно. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (3 р.).

ГЮНТЕНЪ. *Полная школа для фортепьяно*, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 10-е изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ 2 и 4 руки (3 р. 50 к.).

КОНТСКІЙ. *Полная школа для фортепьяно съ изложеніемъ теоріи музыки*, дополненная примѣрами изъ произведеній классическихкихъ композиторовъ и руководствомъ къ изученію генералбаса. 3-е передѣланное и умноженное изданіе съ портретомъ автора (3 р.). *Необходимый руководитель для пѣвиста.* Ежедневныя упражненія. Новое дополненное изданіе (3 р.).

ЧЕРНИ. *Лучшій фортепьянный учитель или школа игры на фортепьяно*. На русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Часть I (2 р.).

БЕРІО. *Новѣйшая школа для скрипки*. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ многими примѣрами, упражненіями, этюдами и пьесами для одной и двухъ скрипокъ (4 р.).

МАЗАСЪ. *Лучшій скрипичный учитель или школа игры на скрипкѣ*. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Новое, просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

РОДЕ, БАЛЬО И КРЕЙЦЕРЪ. *Скрипичный самоучитель или полная школа для скрипки*. Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Киндингеромъ. Съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа, для облегченія при самоученіи (3 р.).

ЛИ. *Новѣйшая школа для виолончели*. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.).

МОРКОВЪ. *Полная школа для семиструнной гитары*, съ объясненіемъ о вновь усовершенствованной десятиструнной гитарѣ и приложеніемъ нѣсколькихъ для нея пьесъ. Въ этой школѣ, кромѣ подробно-изложенныхъ правилъ для изученія

музыки и игры на гитарѣ, даже безъ помощи учителя, помѣщено слишкомъ 50 упражненій, экзерцицій, прелюдій и разныхъ, нигдѣ еще непечатанныхъ новыхъ пьесъ и русскихъ романсовъ для гитары. При нѣколѣ приложены два рисунка, кромѣ того, гитарный грифъ, для облегченія при самоученіи, и портретъ автора (3 р.).

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармонифлейты, съ изъясненіемъ и описаніемъ сего инструмента, просмотрѣнная и дополненная новыми пьесами М. Бернардомъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ (1 р.).

ЧАРДИ. Новѣйшая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 р.).

ПАНСЕРОНЪ. Музыкальная азбука, или первоначальная школа пѣнія (3 р.).

ГУНКЕ. *Руководство къ изученію гармоніи*, приспособленное къ самоученію (3 р.).

— *Полное руководство къ сочиненію музыки.* Отд. I. О мелодіи (2 р.). Отд. II. О контрапунктѣ (4 р.). Отд. III. О формахъ музыкальныхъ произведеній (4 р.). *Новое изданіе*, всѣ три отдѣленія въ одной книгѣ, печатается и выйдетъ къ 1-му октября (подписная цѣна 6 р., съ пересылкою 7 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной капелли и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которыхъ крайнія, и за пересылку которыхъ слѣдуетъ приложить особо.

Въ томъ же магазинѣ выйдетъ 1-го іюня шестая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVI), содержащая въ себѣ: *Траурный маршъ* по случаю кончины Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича, сочиненный М. Бернардомъ; *Mayer: Méditation lugubre*; *Lichner: Idylle*; *Gans: Pièce de salon*; *Satter: La seduissante, Styrienne* — 2 польки — 2 русскіе романса — 2 легкія пьесы и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться на «Нувеллистъ», получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *ролли, скрипки, смиччи, флейты, гитары, гармонифлейты, метрономы, камыфоль* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Дѣло лучшихъ итальянскихъ струнъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Мексиканскія дѣла. — Отзывъ о нихъ французскихъ газетъ — Разница между прежнимъ и настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Америкѣ. — Политика вашингтонскаго кабинета въ отношеніи Мексики. — Эмигранты-завоеватели. — Сѣверо-американская пресса и демократическая партія. — Вліяніе американскихъ событій на французскія дѣла. — Цѣль и послѣдствія испанско-англо-французской экспедиціи противъ Мексики. — Причины этой экспедиціи. — Настоящее положеніе Мексики. — Забѣтка о ней. — Сдѣлка съ банкиромъ Джекеромъ — Положеніе императора Максимиліана. — Временной статутъ мексиканской Имперіи.

Въ настоящее время, европейская журналистика весьма усердно занимается событіями, совершающимися въ Америкѣ. Тамъшніе дѣла важны не только сами по себѣ, но и по тому громадному вліянію, какое они могутъ имѣть на политику первенствующихъ европейскихъ кабинетовъ. Прекращеніе четырехлѣтней междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ даетъ поводъ думать, что вашингтонское правительство не оставитъ безъ своего вмѣшательства мексиканскія дѣла. Тюльрійскій кабинетъ озабоченъ этимъ и считаетъ его конечно важнымъ, если только справедливо извѣстіе, сообщаемое нѣкоторыми газетами о формированіи восьмидесяти-пятитысячнаго корпуса для отправки его въ Мексику. Понятно, что если мексиканскія дѣла и безъ вмѣшательства въ нихъ сѣверо-американцевъ представляли для императора Наполеона много хлопотъ и издержекъ, то вмѣшательство штатовъ усилитъ еще болѣе и тѣ и другія.

Полученныя изъ Нью-Йорка депеши сообщаютъ, что въ этомъ портѣ ожидаютъ флибустьеровъ, которые намѣрены подать помощь Хуаресу противъ мексиканской имперіи, созданной императоромъ Наполеономъ при обстоятельствахъ, неблагоприятныхъ для сѣверо-американской республики. Нельзя сказать, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ вашингтонское правительство, но можно предугадывать, что оно, несмотря на дѣлаемые имъ заявленія, непремѣнно, хотя бы косвеннымъ образомъ, будетъ благоприятствовать всѣмъ попыткамъ противъ монархіи, появившейся на американской территоріи вопреки ученію знаменитаго Монро. Распушеніе сѣверо-американскихъ

войскъ представить возможность къ образованію арміи волонтеровъ, готовыхъ идти противъ имперіи, установившейся въ Америкѣ изъ республики подъ властію иностранной династіи.

Правда, что «Мониторъ» разсѣиваетъ эти опасенія, утѣшаясь мыслію, что храбрые ветераны Сѣверной Америки предпочтутъ спокойствіе и трудъ превратностямъ войны. Офіціальный органъ императорскаго правительства заявляетъ, что общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ смотритъ весьма неблагопріятно на вербовки людей въ армію Хуареса. По мнѣнію этой газеты, президентъ Джонсонъ не имѣетъ извѣстнаго вліянія въ отношеніи къ Мексикѣ политику Линкольна. На основаніи же этой политики, сѣверо-американскій союзъ будетъ по дѣламъ мексиканскимъ соблюдать самый строгій нейтралитетъ, если только не будетъ задѣта честь союза.

Не надобно однако забывать, что политика Линкольна въ отношеніи къ Мексикѣ обуславливалась событіями, ослабившими силу сѣверо-американскаго союза, и что, поэтому, она была скорѣе вынужденною, нежели добровольною. Въ настоящее же время обстоятельства измѣнились, а вмѣстѣ съ-ними если не должна, то все же очень легко можетъ измѣниться и политика вашингтонскаго кабинета. При томъ понятіе о національной чести слишкомъ широко и неопредѣленно, такъ что всегда можетъ представиться много случаевъ, которые, въ силу этого понятія, заставятъ Соединенные Штаты принять въ отношеніи къ Мексикѣ иную политику, несходную съ той, которой слѣдовалъ Линкольнъ, озабоченный междуусобною войною.

При томъ если взглянуть поближе въ самые факты, то окажется, что они противорѣчатъ успокоительнымъ заявленіямъ «Монитора». Вашингтонское правительство до сихъ поръ не признало мексиканской имперіи, при немъ находится посланникъ мексиканской республики сенъоръ Матіасъ Ромеро, который сообщилъ государственному секретарю Сьюарду протестъ касательно предлагаемой императоромъ Максимилианомъ уступки нѣкоторыхъ мексиканскихъ областей въ пользу Франціи. На протестъ мексиканскаго посланника г. Сьюардъ отвѣчалъ, что изъ этого документа «будетъ сдѣлано впослѣдствіи употребленіе, соотвѣтственное обстоятельствамъ».

Между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ готовятся дѣятельно къ походу противъ мексиканской имперіи. Походъ этотъ устроивается такъ своеобразно, что нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ его особенностяхъ, которыя конечно и возможны только въ Сѣверной Америкѣ.

Въ Вашингтонѣ образовалась компанія эмиграціи въ Мексику и вскорѣ дѣятельность этой компаніи распространилась на значительную часть другихъ главныхъ городовъ республики. Компанія занимается подпискою между частными лицами на большую сумму. Собранныя такимъ образомъ деньги предназначены на отправленіе въ Сонору, въ одну изъ мексиканскихъ областей, 25,000 «эмигрантовъ». Компанія заявляетъ, что этихъ эмигрантовъ нужно воору-

жить, потому что въ настоящее время «положеніе Мексики таково, что даже мирные эмигранты могутъ быть вынуждены взяться за оружіе для личной своей защиты». При такой обстановкѣ похода въ Мексику, подъ видомъ мирной эмиграціи, президентъ Джонсонъ не можетъ предпринять ничего противъ ополченцовъ, хотя бы онъ по своимъ политическимъ соображеніямъ и не желалъ сталкиваться съ французами. Онъ даже не имѣетъ права запретить компаніи купить военныя суда, продаваемыя теперь вашингтонскимъ правительствомъ и на которыхъ «эмигранты» могутъ очень удобно отправиться куда имъ угодно. Точно также вашингтонское правительство не можетъ запретить «эмигрантамъ» запастись оружіемъ и боевыми снарядами.

По извѣстіямъ, сообщеннымъ газетою «Times», число американскихъ волонтеровъ въ арміи Хуареса дойдетъ въ непродолжительномъ времени до 100,000 человекъ, а газета «Standard» положительно увѣряетъ, что число ихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ возрастетъ до 200,000. По извѣстіямъ же, дошедшимъ изъ Вера-Круса, хуаристскія войска, ободряемыя окончаніемъ сѣверо-американской войны, удвоили свои усилія и снова овладѣли Монтереемъ, Салтильо и другими пунктами. Монтерей объявленъ временною столицею мексиканской республики.

Вообще мексиканскія дѣла сильно занимаютъ французскую прессу, и дѣла эти сдѣлались какъ-бы исключительнымъ интересомъ Франціи въ настоящее время. Французскія газеты только что и толкуютъ о Мексикѣ, при чемъ благоприятныя императорскому правительству органы объясняютъ по своему каждый фактъ, который, по видимому, подтверждаетъ прочность порядка, установленнаго въ Мексикѣ Франціей, и подаетъ надежду, что въ дѣла мексиканской имперіи не послѣдуетъ вышательства со стороны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Такъ упомянутыя газеты порадовали французскую публику извѣстіемъ, что всѣ органы демократической партіи въ Вашингтонѣ не одобряютъ вербованія въ армію Хуареса. Обстоятельство это было важно въ томъ отношеніи, что нынѣшній президентъ самъ принадлежитъ къ демократической партіи и въ ней главнымъ образомъ находитъ для себя поддержку. Слѣдовательно, надобно позачать, что штаты не предпримутъ ничего враждебнаго противъ мексиканской имперіи, если даже господствующая въ штатахъ партія и ихъ глава не противодѣйствуютъ порядку, водворившемуся въ сосѣдней странѣ. Въ сущности же, однако, соображенія эти лишены основанія. Демократическіе органы Сѣверной Америки дѣйствительно не одобряютъ эмиграціи или похода въ Мексику, задуманнаго въ Вашингтонѣ, но дѣлаютъ это только изъ опасенія, что подобное предпріятіе можетъ повлечь за собою упорную и продолжительную войну штатовъ съ Франціей, а быть можетъ, даже и съ другими европейскими державами, но и они не благопріятствуютъ вовсе тому порядку дѣлъ, который установился въ Мексикѣ при помощи французскихъ войскъ. Самая вліятельная изъ сѣверо-американскихъ газетъ «New-York-Herald» требуетъ со-

званія общаго конгреса, чтобъ согласить и утвердить ученіе Мора, которое, какъ мы видѣли, вовсе не благопріятствуетъ господству габсбургской династіи въ Мексикѣ.

Вообще извѣстія изъ Америки произвели во Франціи сильное впечатлѣніе. Парижскій корреспондентъ газеты «Standard» положительно увѣряетъ, что по полученіи въ Парижѣ этихъ извѣстій, былъ собранъ совѣтъ министровъ и вслѣдствіе его совѣщаній былъ отправленъ къ императору Наполеону нарочный съ депешами. Возвращеніе императора изъ Алжирѣи ранѣе назначеннаго для этого срока приписываютъ, не безъ основанія, тѣмъ извѣстіямъ, которыя доходятъ во Францію изъ Мексики. Бумаги прежняго мексиканскаго займа упали въ Парижѣ на 2—3%; бумаги же новаго займа принимаются въ дисконтъ на 20% ниже нарицательной ихъ стоимости.

Для сѣверо-американцевъ Мексика имѣетъ какую-то особую прелесть; они считаютъ ее такою страной, въ которой рано или поздно должно будетъ господствовать англо-саксонское племя. Молодежь въ большихъ городахъ союза смотритъ на Мексику, какъ на такой край, въ которомъ каждый отважный и энергическій человѣкъ, въ случаѣ войны, можетъ приобрѣсти себѣ такіа обширныя владѣнія, какихъ не захватывали въ Англии норманскіе бароны, пришедшіе туда съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ. Самая легкость французскаго завоеванія Мексики, при условіяхъ несравненно менѣе благопріятныхъ, нежели тѣ, которыя представляются въ этомъ случаѣ для союзнаго правительства, можетъ побудить сѣверо-американцевъ къ попыткѣ противъ мексиканской имперіи.

Оборотъ мексиканской экспедиціи съ исключительнымъ преобладаніемъ въ этомъ предпріятіи императора Наполеона, произошелъ въ противность союзному договору между тремя державами, которыя постановили между собою добиться отъ существующаго мексиканскаго правительства удовлетворенія за извѣстныя, опредѣленныя въ трактатѣ обиды и несправедливости, не касаясь вовсе государственнаго устройства страны, и не преслѣдуя какого либо плана относительно ея завоеванія или утвержденія въ ней иноземнаго господства. Между тѣмъ, военныя и дипломатическіе представители Франціи стали открыто пренебрегать и нарушать данныя имъ инструкціи, конечно не безъ конфиденціальнаго одобренія императорскаго правительства, и наконецъ дали понять, что присутствіе французской арміи на мексиканской территоріи значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ завоеваніе Мексики, уничтоженіе мексиканской республики и основаніе императорскаго трона, который будетъ предложенъ австрійскому эрцгерцогу. Согласіе же эрцгерцога на полученіе императорской мексиканской короны было получено — какъ это оказывается теперь — прежде, чѣмъ былъ подписанъ трактатъ, опредѣлившій и ограничившій вмѣшательство трехъ державъ въ мексиканскія дѣла.

Завоеваніе Мексики—страны, отдаленной отъ Франціи на разстояніи шести тысячъ миль, и находящейся въ сосѣдствѣ съ могуще-

ственной въ то время республикой, враждебной сосѣдству монархическому—не представляло собственно для французскаго народа никакихъ матеріальныхъ выгодъ, и не могло увеличить политическое значеніе Франціи.

Предпріятіе противъ Мексики, весьма чувствительно истощившее финансовыя средства имперіи и вызвавшее сильныя нападки со стороны оппозиціи противъ правительства, можно объяснить только личными стремленіями императора Наполеона. Для его самолюбія, конечно, было весьма лестно создать въ Новомъ Свѣтѣ имперію и посадить на императорскій престолъ государя по своему выбору. Это должно было быть для него тѣмъ отраднѣе, что онъ не можетъ распоряжаться европейскими престолами, какъ распорядился его дядя. Для представителя цезаризма пріятно было положить предѣлы могуществу сильной республики, указавъ ей, что владѣнія ея не могутъ распространиться на территорію, прикрытую императорскимъ знаменемъ Франціи. Политическое самолюбіе Наполеона не могло не торжествовать послѣ того, какъ онъ, поколебавъ въ Европѣ могущество австрійскаго императора, далъ его родному брату императорскую корону. Но это призрачное торжество стоило уже Франціи до ста миліоновъ рублей на наши деньги, и сорока или пятидесяти тысячъ человѣческихъ жизней, а между тѣмъ, дѣло некончено и въ половину.

Свѣдѣнія, получаемыя изъ Мексики, убѣждаютъ, что тамошнія дѣла приближаются къ кризису, который легко можетъ кончиться паденіемъ имперіи. Положеніе императора Максимилиана оказывается весьма затруднительнымъ, и новый государь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе долженъ тяготиться своимъ положеніемъ и соединенною съ нимъ отвѣтственностію. Одна изъ американскихъ газетъ замѣчаетъ, что не будетъ вовсе удивительно, если императоръ Максимилианъ отречется отъ престола и возвратится въ Европу еще до конца нынѣшняго года. Такимъ образомъ имперія исчезла бы безъ слѣда и показала бы неуспѣшность попытки водворить въ нынѣшнее время на американскомъ материкѣ монархическое начало. Замѣчаніе это тѣмъ справедливѣе, что масса мексиканскаго народа привержена къ республиканскому правленію, и самый выборъ на императорскій престолъ австрійскаго эрцгерцога, вовсе неизвѣстнаго мексиканскому народу, показываетъ, что народъ смотрѣлъ на совершившійся переворотъ не слишкомъ серьезно, считая его не болѣе, какъ случайнымъ событіемъ. Выборомъ австрійскаго эрцгерцога въ мексиканскіе императоры руководило въ сущности не желаніе націи, а внушеніе французскихъ военачальниковъ, захватившихъ въ свою власть столицу республики.

Хотя во французской прессѣ нѣкоторые газеты, а въ законодательномъ корпусѣ приверженцы правительственной системы дѣйствій и увѣряютъ, что имперія, которую издали въ Мексику французскіе штыки, не только побѣдоносна оружіемъ, но и принята огромнымъ большинствомъ освобожденнаго и умиротвореннаго населенія, тѣмъ не менѣе однако каждая почта приносила и прино-

сить извѣстіе объ осадѣ, о правильной битвѣ, или, по крайней мѣрѣ, объ отдѣльныхъ, утомительныхъ для французовъ стычкахъ съ регулярными или нерегулярными силами, находящимися въ распоряженіи разсѣянныхъ, но упорныхъ приверженцевъ республики.

Что касается Мексики, то о ней неизлишнимъ будетъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія для того, чтобъ познакомиться съ мѣстомъ событій, которыя очень легко могутъ отозваться и въ Европѣ.

До своего преобразования въ имперію, Мексика представляла федеративную республику, раскинувшуюся на огромномъ пространствѣ по направлению къ югу отъ Соединенныхъ Штатовъ, съ которыми она граничитъ. Южные ея предѣлы прилегаютъ къ гватемальской республикѣ, западные—къ Атлантическому океану и восточные — къ Тихому океану. На мексиканской территоріи, наибольшее протяженіе которой въ ширину достигаетъ до 2,500 верстъ и въ длину до 3,800 верстъ, считается до 8,000,000 населенія обо-его пола. Изъ нихъ болѣе половины туземцевъ, за тѣмъ остальная половина раздѣляется такимъ образомъ: двѣ-трети мулатовъ или метисовъ и одна—бѣлыхъ испанскаго происхожденія.

Въ Мексикѣ существуетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать нарѣчій, изъ которыхъ четырнадцать имѣютъ свои словари и свои грамматики.

Мексиканская республика была устроена на подобіе сѣверо-американскаго союза, заключаая въ себѣ 18 штатовъ и 3 территоріи. Власть была вѣрена сенату и малатѣ депутатовъ, президентъ былъ избираемъ на четыре года. Степень его власти и образъ его дѣйствій, на основаніи конституціи, сходствовалъ съ порядкомъ, установленнымъ въ этомъ отношеніи въ сѣверо-американскихъ штатахъ, конституція которыхъ и была принята за образецъ при учрежденіи мексиканской республики.

По Мексикѣ идутъ хребты чрезвычайно высокихъ горъ, составляющіе продолженіе южныхъ Кордильеровъ; хорошихъ рѣкъ въ Мексикѣ мало, но за то множество озеръ. Она изобилуетъ золотыми, и преимущественно серебряными рудниками, нѣкогда обогатившими Испанію; мѣдь, желѣзо, цинкъ, ртуть и соль составляютъ естественныя богатства этой страны,

Мексика, завоеванная Кортесомъ, представляла значительное развитіе цивилизаціи. Одно изъ населявшихъ ея племенъ, ацтеки, возвели замѣчательныя архитектурныя сооруженія; имъ были извѣстны: живопись, скульптура и астрономія, они устроивали дороги и каналы, и имѣли свою гіероглифическую письменность. Изъ завоеванной Мексики испанцы образовали вице-королевство, и господствовали тамъ спокойно до 1810 года, въ которомъ начались попытки мексиканцевъ отложиться отъ испанской короны. Борьба продолжалась до 1824 года. Въ промежутокъ этого времени, именно въ 1821 году, въ Мексикѣ былъ провозглашенъ императоромъ Итурбиде подъ именемъ Августина I. Вскорѣ мексиканцы лишили его престола, и онъ убѣжалъ изъ Мексики въ Италію, а потомъ уѣхалъ въ Лондонъ. Въ 1824 году онъ возвратился въ Мексику, надѣясь

снова присвоить себѣ императорскую власть, но былъ схваченъ приверженцами республики, и разстрѣлянъ въ Сан-Антонио-ди-Падилья.

Побѣда, одержанная инсургентами въ 1829 году надъ королевскими войсками при Тампико, окончательно упрочила независимость Мексики, какъ федеративной республики. Присоединение Техаса къ Сѣверо-американскимъ Штатамъ, въ 1845 году, вовлекло республику въ бѣдственную войну со штатами. Мексиканцы всюду терпѣли пораженія, столица ихъ была взята, а въ 1848 году они принуждены были заключить миръ, уступивъ штатамъ Новую Мексику и Новую Калифорнію. Вскорѣ въ Мексикѣ начались междоусобныя войны, сопроvoждаемыя анархіей, подавшей поводъ Франціи, Англіи и Испаніи вмѣшаться во внутреннія дѣла республики. Вмѣшательство это кончилось обращеніемъ республики въ имперію. Франція, какъ мы видѣли, издержала до ста миліоновъ рублей въ сущности для того, чтобъ принудить мексиканское правительство заплатить банкиру Джекеру около двадцати-пяти миліоновъ рублей на наши деньги. Кажется, что при этомъ условіи, если Франція считала почему либо себя обязанной помочь Джекеру свести счеты съ Мексикой, то ей выгоднѣе было бы заплатить банкиру изъ своихъ суммъ, избавивъ себя отъ огромной финансовой потери. Замѣчательно, впрочемъ, еще одно обстоятельство. Съ тѣмъ поръ, какъ французы овладѣли Мексикой, начались переговоры съ Джекеромъ объ уменьшеніи его претензіи къ мексиканскому правительству, болѣе чѣмъ на половину всей требуемой имъ суммы.

Что касается внутреннихъ дѣлъ Мексики, то они находятся въ положеніи, необѣщающемъ въ будущемъ много успокоительнаго. Императоръ Максимилианъ, какъ извѣстно, навлекъ на себя неудовольствіе весьма могущественной въ Мексикѣ клерикальной партіи, но въ то же время онъ не привлекъ на свою сторону и либераловъ, чего, впрочемъ, весьма трудно, или лучше сказать, невозможно достигнуть правительству, опирающемуся на иностранныя войска. Хотя главныя массы противниковъ имперіи и разсѣяны маршаламъ Базеномъ, но партизанская война продолжается весьма энергически и безпрестанныя стычки происходятъ въ разстояніи какихъ-нибудь ста верстъ отъ императорской резиденціи. Индійское племя остается на сторонѣ Хуареса, такъ-какъ отряды императорскихъ войскъ, въ случаѣ измѣжденія со стороны индійцевъ преданности новому правительству, и даже въ случаѣ какого либо подозрѣнія, допускаютъ въ отношеніи къ нимъ чрезвычайныя жестокости, сожигая ихъ жилища въ видѣ устрашенія всего племени. Австрійцы, прибывшіе въ Мексику съ императоромъ, считаютъ себя полновластными хозяевами, и тѣмъ самымъ раздражаютъ противъ новаго правительства не только его противниковъ, но и его и приверженцевъ.

Между тѣмъ до окончательной организаціи имперіи изданъ теперь временной статутъ. Статутъ этотъ утверждаетъ въ Мексикѣ ограниченную наследственную монархію, подъ властію католическаго государя. По статуту, императоръ есть представитель вла-

сти націи и, въ ожиданіи новыхъ распоряженій по окончательной организациі имперіи, онъ пользуется этою властью во всѣхъ отрасляхъ администраціи или лично, или посредствомъ государственныхъ властей и чиновниковъ. Мнѣнія государственнаго совѣта для императора необязательны, онъ выслушиваетъ ихъ только тогда, когда заблагоразсудитъ. Особый контроль будетъ ревизовать и сводить всѣ счета національныхъ учреждений, только въ такомъ случаѣ, если императоръ предоставитъ ему на это право по собственному усмотрѣнію. Императоръ, по собственному выбору, и на какой ему угодно срокъ, назначаетъ императорскихъ комисаровъ для управленія восьмью областями, на которыя будетъ раздѣлена имперія. Министры, въ числѣ одинадцати, отвѣтственны передъ закономъ. Судьи будутъ несмѣняемы; ихъ можно будетъ отставлять отъ должности только на основаніи особыхъ постановленій. Засѣданія судовъ будутъ открытыя, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда гласность преній можетъ сдѣлаться опасною для сохранения порядка и добрыхъ нравовъ. Члены контроля, имѣющіе такую важность для правильнаго веденія дѣлъ по государственнымъ финансамъ, будутъ назначаемы императорскою властію.

Что же касается такъ названныхъ «политическихъ префектовъ», то они будутъ управлять департаментами, и при каждомъ изъ нихъ будетъ состоять департаментскій совѣтъ, изъ высшаго мѣстнаго судебного чиновника, изъ завѣдывающаго мѣстными доходами, изъ землевладѣльца, изъ негоціанта, и изъ владѣльца рудниковъ или промышленника, сообразно съ интересами департамента. Впрочемъ, совѣтъ не иначе можетъ излагать свое мнѣніе, какъ только въ такомъ случаѣ, если ему будетъ предоставлено это самимъ префектомъ.

Муниципальнымъ совѣтамъ не предоставлено никакого значенія, такъ-какъ они въ самомъ существенномъ отпращиваніи своей власти—въ опредѣленіи сборовъ и налоговъ—подчинены наблюденію префекта, который представляетъ императору относящіеся къ этому проекты съ своими собственными замѣчаніями.

Вся имперія будетъ раздѣлена на восемь военныхъ округовъ.

Вообще въ статутѣ замѣтно сильное вліяніе французскихъ правительственныхъ теорій и, конечно, трудно сказать, въ какой степени онѣ привьются къ Мексикѣ, имѣющей инныя преданія и инныя понятія о государственномъ управленіи, несходныя съ тѣми, которыя существуютъ во Франціи, водворившей въ Мексикѣ новый порядокъ въ замѣнъ прежняго.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Справочная книга для государственнаго человѣка на 1865 годъ.

Всякій образованный человѣкъ, всякій читатель газетъ, безъ сомнѣнія, въ настоящее время, долженъ ощущать весьма часто недостатокъ въ точной справочной книгѣ, которая заключала бы въ себѣ, такъ сказать, портреты, наглядныя изображенія состояній современныхъ странъ и государствъ, точно также какъ хорошо составленный біографическій словарь представлялъ бы характеристики и очерки жизни людей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Въ современной политической жизни весьма часто упоминается о государствахъ какъ объ отдѣльныхъ существахъ, т.-е. употребляя слово Франція, Италия, Англія и даже Германія, подразумеваютъ всегда живыя личности, обладающія волею, силою, могуществомъ, количествомъ и качествомъ которыхъ предполагается всѣмъ извѣстнымъ.

Но лица, постоянно вращающіяся въ этой сферѣ дѣятельности, лица, которыя пишутъ и толкуютъ о политическихъ вопросахъ или принимаютъ участіе въ управленіи государствами, очень хорошо знаютъ, что подобныя существа далеко не всѣмъ извѣстны, а напротивъ того весьма часто, если и не вполне неизвѣстны, то, по крайней мѣрѣ, представляютъ собою много загадочнаго и немало трудностей къ ихъ разъясненію. Великій государственный мужъ Англіи Робертъ Пиль откровенно признавался въ томъ, что онъ часто ощущалъ недостатокъ въ справочной книгѣ, которая представляла бы въ сжатомъ видѣ и притомъ наглядно современное состояніе различныхъ государствъ образованнаго міра. Весьма удачная попытка удовлетворить этому недостатку сдѣлано Фредерикомъ Мартеномъ, издавшимъ подъ заглавіемъ *Ежегодника государственнаго человѣка* (*) книгу, которая заключала въ себѣ

(*) THE STATESMAN'S YEAR BOOK. FOR THE YEAR 1865, a statistical, genealogical and historical account of the states and Sovereigns of the civilized world, by *Frederick Martin*. London and Cambridge. 1865.

собранныя на основаніи официальных документовъ, а за недостаткомъ ихъ, на основаніи сочиненій, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, свѣдѣнія о всѣхъ государствахъ Европы, а также нѣкоторыхъ странахъ Азіи, Африки, Америки и Австраліи въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Книга эта, содержащая около 700 страницъ мелкой печати, снабжена алфавитнымъ указателемъ предметовъ и заключаетъ въ себѣ одни лишь факты съ необходимыми поясненіями, но безъ всякаго личнаго мнѣнія самаго составителя, который всѣ сообщаемыя имъ о каждомъ государствѣ свѣдѣнія группируетъ въ слѣдующихъ главныхъ отдѣлахъ, именно:

Отдѣлъ I. *Царствующія лица и ихъ семейства*—въ странахъ, имѣющихъ монархическую форму правленія, конечно. Тутъ же сообщаются также свѣдѣнія о родствѣ различныхъ царствующихъ домовъ между собою, играющемъ до сего времени не мажорную роль въ судьбахъ государствъ, о происхожденіи династій, ихъ численномъ въ настоящее время составѣ, ихъ родовомъ богатствѣ и т. д.

Отдѣлъ II. *Форма правленія*, съ краткимъ указаніемъ государственнаго строя каждой отдѣльной страны и образа дѣйствій законодательной и исполнительной власти. Къ этому присоединены свѣдѣнія о числѣ и кругѣ дѣятельности главныхъ государственныхъ должностей и фамиліи лицъ, отправляющихъ эти должности.

Отдѣлъ III. *Церковь и народное образованіе*—какъ главные факторы политическаго могущества страны.

Отдѣлъ IV. *Доходы и расходы*. Составляя одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ государственной жизни, свѣдѣнія о нихъ сообщены очень подробно, при чемъ указаны также случившіяся въ различныя времена, подъ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ, увеличенія и уменьшенія въ доходахъ или расходахъ. Свѣдѣнія о происхожденіи, постепенномъ увеличеніи и настоящемъ размѣрѣ государственныхъ долговъ заключаютъ этотъ отдѣлъ.

Отдѣлъ V. *Войско и флотъ*. Тутъ сообщены подробныя свѣдѣнія о военныхъ силахъ государствъ, а въ главныхъ чертахъ, и о способахъ формированія арміи и флота, ихъ составѣ, организаціи и т. д.

Отдѣлъ VI. *Народонаселеніе*. Составляя основаніе всякаго государства, оно разсматривается не только въ одномъ количественномъ, но также и въ нравственномъ, политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Тутъ же сообщаются свѣдѣнія объ увеличеніи народонаселенія, его занятіяхъ, преступленіяхъ и тому подобныя.

Отдѣлъ VII. *Промышленность и торговля*.

Отдѣлъ VIII. *Колоніи европейскихъ государствъ*, при чемъ обширныя колоніи и владѣнія Англій, какъ-то: Ост-Индіа, Канада,

Мысль Доброй Надежды, Наталь, Австралія, имѣющія свое политическое устройство и свои особенные интересы, рассматриваются отдѣльно.

Желая нѣсколько ближе ознакомить читателей съ этою вполне полезною справочною книгою, считаемъ неизлишнимъ сообщить при этомъ нѣкоторыя изъ свѣжихъ статистическихъ свѣдѣній, въ ней заключающихся.

Все народонаселеніе земнаго шара, составляя 1,221,000,000 жителей, распределено на обитаемой нами планетѣ, представляющей площадь въ 51,403,438 квадратныхъ англійскихъ миль, слѣдующимъ образомъ:

Части свѣта.	Количество жителей.	Площадь твердой земли въ ☐ англ. миль.	Плотность населенія на одной ☐ миліи.
Въ Азіи	780,500,000	17,805,146	44 человекѣ
» Африкѣ	80,000,000	11,475,000	7 »
» Америкѣ	79,000,000	15,840,000	5 »
» Австраліи	1,500,000	2,582,070	1 »
» Европѣ	280,000,000	3,701,222	75 »
въ томъ числѣ приходится на долю:			
Европейской Россіи	65,845,324	2,043,399	32 »
Франціи	37,382,225	211,852	176 »
Австріи	35,019,058	236,311	148 »
Великобританіи съ Ирландіею	29,070,932	119,924	242 »
Италіи	21,777,334	98,784	221 »
Пруссіи	18,497,458	107,300	156 »
Германскаго Союза	18,071,286	95,347	189 »
Швейцаріи	2,534,242	15,233	176 »
Бельгіи	4,529,560	11,313	401 »
Швеціи и Норвегіи	5,351,073	291,903	18 »

Такимъ образомъ въ ряду европейскихъ державъ занимаютъ *первое мѣсто*: по пространству вообще—Россія, а по *плотности народонаселенія*: наибольшему—Бельгія, наименьшему—Швеція и Норвегія.

Не менѣе любопытны слѣдующія свѣдѣнія:

	Число членовъ нар- ствующаго дома.	Величина государст. расходовъ послѣдн- го бюджета.	Величина государст- веннаго долга.	Количество ^{на} на- мныхъ по долгамъ про- центовъ.	Размѣръ суммъ, отну- скаемыхъ на содер- жаніе нарствующаго до- ма.	Число войска по мир- ному положенію.	Расходы по военному управленію.
Россія	27	60,164,219 (*)	142,600,685	9,049,365	1,703,289	1,000,000	21,169,600
Франція	8	85,336,353	461,819,133	17,849,846	1,060,000	404,192	17,384,961
Австрія	32	38,442,715	224,222,501	11,596,272	760,787	269,100	10,916,306
Великобританія	13	66,890,000	799,802,139	25,958,135	470,000	148,242	15,060,237
Италія	9	39,023,703	152,698,839	7,896,689	674,009	196,100	11,566,500
Пруссія	23	20,542,055	36,264,079	2,237,555	460,964	208,576	6,156,220
Швейцарія	»	771,441	160,000	8,469	»	»	»
Бельгія	6	6,099,328	25,939,442	1,256,156	168,056	73,718	1,331,685
Швеція " Нор- вегія	10	7,797,120	11,883,099	760,972	335,177	81,550	2,137,691

(*) Примѣчаніе: 1) сумми означены всё въ фунтахъ стерлинговъ, который равняется 6 руб. 28,000 копейкамъ; ш-лингъ — около 31 копейка, нибельъ 12 пенсовъ.

Изъ сравненія двухъ вышеприведенныхъ таблицъ оказывается, что на каждого отдѣльнаго жителя приходится среднимъ числомъ:

	Общихъ государственнхъ расходовъ.			государствен. долга.			Процентовъ, уплачиваем. по долгамъ.		Войска (т. - в.) солдатъ.
	ф. ст.	ш.	к.	ф. ст.	ш.	к.	мл.	кн.	
Въ Россіи	0	16	3	2	0	5	2	7	$\frac{1}{67}$
» Франціи	2	5	8	12	7	1	9	6	$\frac{1}{93}$ (*)
» Австріи	1	1	10	6	14	3	6	8	$\frac{1}{130}$
» Великобританіи	2	6	1	27	15	2	17	8	$\frac{1}{196}$
» Италіи	1	15	11	7	0	9	7	3	$\frac{1}{112}$
» Пруссіи	1	2	2	1	19	4	2	5	$\frac{1}{89}$
» Швейцаріи	0	6	1	0	1	3	»	1	(**)
» Бельгіи	1	6	9	5	15	7	5	2	$\frac{1}{62}$
» Швеціи и Норвегіи	1	9	2	2	4	2	2	10	$\frac{1}{70}$

Нельзя не замѣтить, что г. Мартенъ, опредѣляя для Россіи количество войскъ по мирному положенію въ *милльонъ*, очевиднымъ образомъ ошибся; военное управленіе наше имѣетъ намѣреніе, путемъ ежегодныхъ общихъ рекрутскихъ наборовъ и одновременныхъ съ ними увольненіемъ нижнихъ чиновъ въ безсрочные отпуски, достигнуть того, чтобы въ случаѣ надобности, для военныхъ дѣйствій имѣть боевую силу въ *милльонъ* солдатъ, признавъ для этого къ оружію всѣхъ находящихся въ безсрочномъ отпуску. Но настоящій численный составъ войскъ въ имперіи далеко не достигаетъ этой цифры, неизвѣстно откуда почерпнутой г. Мартеномъ. Онъ самъ, на стр. 404 своей книги, говоритъ: настоящій размѣръ войскъ въ Россіи неизвѣстенъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ журналѣ «Tygodnik» 10 мая 1863 г., число войскъ въ Россіи достигаетъ цифры 510,000. Далѣе опять: дѣйствительное число регулярныхъ войскъ въ Россіи въ 1863 году было 385,000. Отъ этой цифры очень рѣзко отличается свѣдѣніе, сообщенное, какъ видно, газетою «Биржевыми Вѣдомостями» (Stock Exchange Journal of St.-Petersburg. September 18. 1863), что армія въ Россіи состоитъ всего изъ 36,674 офицеровъ и 1,161,958 нижнихъ чиновъ; итого 1,198,632 человѣка.

Признавъ справедливымъ замѣчаніе Мартена, что частное лицо не имѣетъ никакой возможности повѣрить основательность и вѣрность этихъ цифръ (а также и всѣхъ прочихъ, прибавимъ мы отъ себя), сообщаемыхъ официальными органами, мы оставимъ этотъ вопросъ о числѣ войскъ въ сторонѣ и обратимся къ другому отношенію, не менѣе занимательному, именно къ вопросу объ отношеніи размѣра (civil list) суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе царствующаго дома къ величинѣ государственныхъ расхо-

(*) Это другими словами выражаетъ то, что во Франціи на 98 жителей приходится одинъ солдатъ, въ Англіи же одинъ на 195 и т. д.

(**) Въ Швейцаріи, на основаніи § 18 ея конституціи отъ 12 сентября 1848 г., не полагается содержать постоянного войска въ предѣлахъ всего Союза.

довъ вообще. Отношеніе это составляетъ слѣдующее количество процентовъ съ суммы всѣхъ государственныхъ расходовъ:

Въ Россіи . . .	3%	Бельгія	3
» Франціи . . .	1 ¹ / ₄	Швеція	4
» Великобританіи	² / ₃	Австрія	3
» Италіи . . .	2	Баварія	7
» Пруссіи . . .	2	Виртембергъ . . .	8 и т. д.

Всѣ эти цифры хотя и имѣютъ значеніе сами по себѣ, давая нѣкоторое понятіе о государственномъ устройствѣ странъ самихъ, однако утрачиваютъ немало своего истиннаго значенія при сравненіи съ подобными же расходами другихъ странъ. Цифры эти будутъ казаться слишкомъ великими или слишкомъ малыми, смотря по тому, будемъ ли мы брать въ сравненіе княжество Лихтенштейнъ, гдѣ на этотъ предметъ ничего не отпускается (civil list=0), или другія германскія владѣнія, въ которыхъ расходы по этому предмету немалы; такъ, напримѣръ, они составляютъ въ княжествѣ Вальдекъ 56%, Шаумбургъ-Липпе 75%, Рейсъ-Грейцъ 80%, а въ Мекленбургъ-Стрелицъ 100%, то-есть, другими словами, расходы на содержаніе герцогской фамиліи равняются всѣмъ прочимъ государственнымъ расходамъ сего самостоятельнаго княжества. Что же касается княжества Лихтенштейнъ, то владѣтель сего, самое незначительнаго въ Европѣ государства, неимѣющаго, правда, и государственнаго долга, ничего не получаетъ для своего существованія отъ своихъ подданныхъ, а состоитъ на австрійской службѣ, живетъ своими доходами преимущественно въ Вѣнѣ или въ замкѣ своемъ Эйсгрубъ въ Моравіи. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подданные наши для себя выгоднѣе и удобнѣе обязать своего властелина непремѣнно проводить опредѣленную часть года въ своемъ княжествѣ и тамъ проживать свои собственныя деньги.

Изъ двухъ вышеприведенныхъ сравнительныхъ таблицъ можно сдѣлать заключеніе, что въ ряду европейскихъ державъ занимаютъ *первое мѣсто*:

по величинѣ государственнаго долга	}	Великобританія.
и по величинѣ ежегодно уплачиваемыхъ		
по долгамъ процентовъ.		
по величинѣ ежегодно производимыхъ государственныхъ расходовъ вообще.		Англія и Франція.

Такимъ образомъ оказывается, что воспѣваемая «Имперія» представляетъ собою форму правленія столь же дорогую, какъ и пріятную для подданныхъ Наполеона!

по относительному количеству войскъ	Бельгія.
по относительному наибольшему размѣру ежегодно отпускаемой civil list.	Мекленбургъ-Стрелицъ.
по числу членовъ царствующаго дома, гдѣ число ихъ достигаетъ цифры 33.	Баварія.

по величинѣ ежегодно производимыхъ расходовъ по военному вѣдомству Россія.

по наибольшей стоимости ежегоднаго содержанія каждаго солдата Великобританія.

гдѣ стоимость эта достигаетъ цифры 101 ф. и 12 ш., затѣмъ въ Италиі она составляетъ 59 ф. 1 ш., въ Португаліи 43 ф. 3 ш., во Франціи 43 ф. 1 ш. и т. д.

Всеобщее вниманіе, которое обращаютъ на себя современныя замѣшательства въ соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ, валагаетъ на насъ обязанность подѣлиться съ читателями нѣкоторыми объ этой странѣ статистическими свѣдѣніями изъ числа сообщаемыхъ Мартеномъ.

Народонаселеніе соединенныхъ штатовъ, состоявшее въ 1800 году изъ 4.304,439 бѣлыхъ и 108,395 цвѣтныхъ свободныхъ, а также 893,041 рабовъ, всего 5.305,925, достигло въ 1860 году слѣдующихъ цифръ: 26.975,575 бѣлыхъ и 488,005 цвѣтныхъ свободныхъ, а также 3.953,760 рабовъ, всего 31.445,089.

Изъ общаго числа рабовъ оказалось по перенесимъ годовъ:

	1850 г.	1860 г.
бѣжавшихъ	1.011 челов.	803 челов.
освобожденныхъ владѣльцами	1.467	3,018

Война, порожденная стремленіемъ сѣверныхъ штатовъ положить конецъ рабству и освободить всѣхъ нынѣ состоящихъ въ рабствѣ, нисколько не подвинувъ до сего времени самаго разъясненія вопроса, имѣла уже слѣдующія послѣдствія:

Долгъ соединенныхъ штатовъ непомерно увеличился: составляя къ 30 іюня 1860 года 13.299,733 фун. ст. съ уплатою 650,372 ф. ст. ежегодныхъ процентовъ, достигли:

	долгъ	проценты по нему.
въ 1861 году	18.658,991	821,390.
1862	105.587,509	2.708,485.
1863	225.624,883	5.077,997.
1864	346.397,667	12.148,898.
1865 (вѣроятно, по соображеніи казначейства)	453.302,913	17.533,403.

Военныя же обстоятельства обусловили и чрезмѣрное увеличеніе войска вообще. Въ началѣ 1861 года вся армія соединенныхъ штатовъ состояла изъ 14,000 регулярныхъ войскъ, которыя и расположены были по преимуществу въ южныхъ штатахъ; часть ихъ передана на сторону южанъ при началѣ несогласій, такъ что вся армія союза состояла всего изъ 5,000 человекъ. Уже въ апрѣлѣ 1861 года президентъ Линкольнъ призвалъ для

защиты столицы охотниковъ числомъ	75,000.
въ маѣ мѣсяцѣ еще	64,748.
въ теченіе времени отъ іюля до декаб- ря 1861	500,000.
въ іюль 1862 года	300,000.
— августъ 1862 года	300,000.
лѣтомъ 1863 года	300,000.
февралѣ 1864 года	500,000.
	<hr/> 2.039 748.

Число негровъ въ рядахъ арміи сѣверныхъ штатовъ доходило въ октябрѣ 1863 года до 38,707 человекъ. Содержаніе этой арміи въ теченіе года (1863—64) обошлось въ 838.594,644 долларовъ, то-есть 174.607,261 фунт. стер.

Убыль людей этой арміи съ начала войны до конца іюля 1864 года исчислена въ 750,000 человекъ. Изъ отзыва губернатора штата Нью-Йоркъ видно, что этотъ небольшой штатъ съ народонаселеніемъ, недостигающимъ по переписи 1860 года четырехъ миліоновъ, выставилъ съ начала войны, въ ряды войска 232,836 человекъ охотниковъ, изъ числа которыхъ 125,000 уже пали жертвами, необходимыми для осуществленія великой задачи человечества.

Объ ирландской пенитенціарной системѣ. *Сочиненіе Ван-деръ-Бруггена, изданное по смерти автора съ предисловіемъ и заключеніемъ Гольцендорфа* (*).

Бывшій министръ юстиціи въ Голандіи, Ван-дер-Бруггенъ оставилъ послѣ себя вполне оконченную рукопись объ ирландской пенитенціарной системѣ, которую, по отзыву издателя и переводчика Гольцендорфа, профессора берлинскаго университета, онъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ. Подвергнувъ эту систему заключенія самому строгому и основательному разбору, Ван-дер-Бруггенъ отдаетъ ей полное предпочтеніе предъ всѣми другими видами заключенія, на томъ, вполне справедливомъ основаніи, что она всего болѣе соотвѣтствуетъ цѣли самаго заключенія. Не заставляя заключенныхъ исключительно привыкать къ принужденію и къ пассивному, безучастному съ его стороны подчиненію тюремной дисциплинѣ, эта система по преимуществу стремится приучить ихъ къ законамъ дозволенію пользованію свободою. Различными отличіями, а также пребываніемъ въ промежуточныхъ тюрьмахъ, система эта достигаетъ того, что обязательный трудъ въ глазахъ заключеннаго принимаетъ видъ добровольно исполняемой работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно сознавая, что заключенный не всегда будетъ находиться въ вѣдѣніи какихъ

(*) *ETUDES SUR LE SYSTÈME PÉNITENTIAIRE IRLANDAIS*, par Van-der-Bruggen, revu après la mort de l'auteur et accompagné d'une préface et d'un appendice par *Holtendorff*. Berlin. Libraire Luederitz. 1865.

либо исправительныхъ заведеній, она не упускаетъ изъ виду того, что выйдя на свободу, заключенный встрѣтитъ вновь множество соблазновъ и искушеній, съ которыми онъ долженъ будетъ вновь вступить въ борьбу, къ которой и должно, еще во время самаго заключенія его, по возможности, приучить и дать необходимыя къ тому средства.

Впрочемъ, должно замѣтить, что какъ авторъ и ни выхваляетъ эту систему заключенія, онъ тѣмъ не менѣе сознаетъ нетолько всю трудность дѣйствительнаго и успѣшнаго ея осуществленія, затруднительность въ присканіи необходимыхъ къ тому лицъ и такъ далѣе, но также и то, что нелегко найти даже *мѣста*, столь же для этой системы удобныя, какъ представляемыя Ирландію, а именно для работъ трудныхъ, но невредныхъ для здоровья, которымъ подвергаются заключенные въ первое время заключенія или даже для промежуточныхъ тюремъ. На этомъ основаніи онъ не рѣшается дать положительный отвѣтъ о томъ, существуетъ ли въ настоящее время, конечно, возможность ввести эту систему заключенія во всѣхъ странахъ безусловно.

Книга эта вообще представляетъ чтеніе очень поучительное.

Объ улучшеніи уголовнаго законодательства. Бонневиль-де-Марсанжи (*).

Это—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій, написанныхъ въ пользу смертной казни. Авторъ его, весьма извѣстный многими пользующимися большимъ уваженіемъ юридическими сочиненіями, принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя желаютъ, чтобы смертная казнь вообще была отмѣнена совсѣмъ въ скоромъ времени, но убѣждены при томъ, что удержаніе этого рода наказанія въ настоящее время можетъ быть допущено и оправдано. Въ доказательство этого онъ ссылается на дебаты, происходившіе 2-го мая 1864 года въ англійскомъ парламентѣ, въ которыхъ, правда, защищали удержаніе смертной казни, но для болѣе основательнаго рѣшенія вопроса назначили особую комисію. Авторъ, къ сожалѣнію, не приводитъ всѣхъ главныхъ доводовъ, высказанныхъ при этомъ противниками смертной казни и замѣчательнѣйшими поборниками ея отмѣны; онъ прямо переходитъ къ тому, что во французскомъ законодательномъ собраніи, въ маѣ 1864 года, рассматривался тотъ же самый вопросъ, и придаетъ особенное значеніе словамъ, высказаннымъ маркизомъ д'Авринкурромъ въ пользу удержанія смертной казни. Читатель, однако, тщетно ищетъ въ его словахъ ясныхъ доказательствъ въ пользу такого воззрѣнія; вмѣсто доводовъ онъ довольствуется громкими фразами, общими мѣстами и обвиняетъ противниковъ смертной казни въ расположеніи къ убійцамъ (*faveur des assa-*

(*) DE L'AMÉLIORATION de la loi criminelle en vue d'une justice plus prompte et plus edicace, par *Bonneville-de-Marsangy*. Paris. 1864.

vains) въ то время, какъ онъ самъ имѣеть сочувствіе къ ихъ жертвамъ (*sympathie pour le victime*). По его мнѣнію, смертная казнь оправдывается тѣмъ, что вообще общество (государство) имѣеть обязанностію защищать себя и¹ что законныя преступники могутъ быть воздержаны отъ преступленія лишь только страхомъ смертной казни. За тѣмъ авторъ говоритъ, что отмѣна смертной казни въ Тосканѣ въ 1786 году объясняется мягкосердіемъ и кротостію характера тосканцевъ, но и они все-таки должны были вновь ввести это наказаніе. При этомъ онъ упускаетъ изъ виду читателей, что великій герцогъ Леопольдъ, самъ въ 1848 году снова отмѣнилъ смертную казнь, и что вновь введенная въ 1853 году, но на дѣлѣ ни разу непримѣненная, она была опять отмѣнена въ 1860 году. Важный доводъ въ пользу удержанія смертной казни авторъ видитъ въ томъ, что она, послѣдно и преждевременно отмѣненная въ кантонѣ Фрейбургѣ, была снова введена въ немъ, но это ошибка. Смертная казнь не введена въ Фрейбургѣ; вопросъ о ней отложенъ до окончательнаго пересмотра всего уголовного устава. Всѣ благомыслящіе люди въ Фрейбургѣ не желаютъ вводить вновь смертную казнь. Къ чести автора должно впрочемъ сказать, что на стр. 479 онъ самъ говоритъ, между прочимъ: «христіанское общество рано или поздно отмѣнитъ смертную казнь, какъ скоро народъ станетъ нравственнѣе и образованнѣе, но настоящій моментъ такой великой побѣды разума и справедливости можетъ быть, какъ выражается авторъ, указанъ лишь самимъ Богомъ».

Для большей части европейскихъ государствъ (какихъ именно—не означено и не объяснено), Бонневиль считаетъ смертную казнь необходимою, а потому и справедливою; онъ замѣчаетъ при этомъ, что хотя и должно сознаться въ томъ, что и до сего времени, постоянно, несмотря на существованіе смертной казни, совершается много тяжкихъ преступленій, но тѣмъ не менѣе несравненно большее число ихъ (почему онъ ихъ знаетъ?) предотвращается страхомъ смертной казни, которая считается самымъ страшнымъ наказаніемъ. Взглядъ этотъ, по мнѣнію автора, самымъ лучшимъ образомъ подтверждается тѣмъ, что защитники подсудимаго напрягаютъ всѣ свои силы къ тому, чтобы по возможности отклонить примѣненіе такого наказанія; величайшіе преступники предпочитаютъ смертную казнь даже пожизненное заключеніе, и осужденные на смерть стараются отклонить примѣненіе ея хотя только на время подачею на апелляцію, часто безъ всякихъ основаній. Трудно, впрочемъ, усмотрѣть, какимъ образомъ изъ всего этого можетъ быть выведенъ аргументъ въ пользу устрашающаго вліянія смертной казни; совершенно понятно, что защитникъ будетъ употреблять всегда всевозможныя средства, чтобы достигъ для обвиняемаго по возможности самого легкаго наказанія; осужденный же будетъ прибѣгать къ закону дозволеннымъ средствамъ обжалованія или касациі, чрезъ что онъ, по крайней мѣрѣ, всегда достигнетъ того, что исполненіе состоявшагося рѣшенія откладываетъ

ся на нѣкоторое время. Изъ страха смерти, ощущаемаго осужденнымъ къ смертной казни, не можетъ быть выведено заключеніе о томъ, что встрѣчающаяся въ законахъ угроза смертною казнію воздерживаетъ отъ совершенія преступленія лицъ, къ этому склонныхъ. Если же видѣть, какъ это дѣлаетъ авторъ, главный доводъ въ пользу смертной казни въ томъ, что она необходима потому, что является крайнимъ средствомъ къ защитѣ государствъ, то весь доводъ этотъ теряетъ свою силу, какъ скоро вспомнимъ, что нельзя смѣшивать право наказанія съ правомъ защиты или обороны, и что государство, за исключеніемъ случаевъ полной его несостоятельности, имѣетъ къ этому совсѣмъ другія средства, чѣмъ смертная казнь. Въ доказательство, что даже и нѣмецкіе юристы не единогласно признаютъ пользу и цѣлесообразность отгнѣны смертной казни, Бонневиль приводитъ то обстоятельство, что на сѣздѣ юристовъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ вопросъ въ пользу отгнѣны смертной казни рѣшенъ былъ большинствомъ только *одного* голоса; но и это уже—доказательство противъ необходимости удерживать смертную казнь. Далѣе авторъ ссылается также на то, что и присяжные во Франціи признаютъ необходимость смертной казни, ибо они довольно часто не принимаютъ никакихъ, смягчающихъ вину преступника обстоятельствъ, чрезъ что могли бы устранить самое примѣненіе смертной казни. Но онъ упускаетъ опять изъ виду тотъ фактъ, что присяжные въ несравненно большемъ числѣ случаевъ, даже при самыхъ ужасныхъ и наиболѣе возмутительныхъ преступленіяхъ, принимая смягчающія обстоятельства, имѣютъ въ виду этимъ самымъ устранить смертную казнь, и что причина, по которой таковыя обстоятельства не принимаются ими во вниманіе въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, поражающихъ своимъ злодѣяствомъ, объясняется легко тѣмъ, что присяжные не всегда желаютъ отбавиваться обходить законъ существующій и ставить себя выше его. Если авторъ, какъ доказательство голоса народа въ пользу удержанія смертной казни, приводитъ тѣ случаи, въ которыхъ народъ въ Америкѣ, возмущенный ужасомъ преступленія, самъ творитъ расправу и казнитъ преступника, подвергнувъ его только для виду суду, то мы замѣтимъ, что такое проявленіе дикости необузданной толпы не можетъ быть принято за выраженіе народнаго желанія въ государствѣ, которое имѣетъ энергически организованную судебную власть и систему карательныхъ законовъ. Въ заключеніе авторъ, впрочемъ, дѣлаетъ признаніе въ пламенномъ желаніи, чтобы наступили такіа времена, въ которыхъ можно было бы обойтись безъ этого рода наказанія; но считаетъ однако едва-ли возможнымъ изъ результатовъ и указаній, добытыхъ въ государствахъ незначительныхъ, дѣлать какія либо заключенія и выводы въ отношеніи государствъ болѣе обширныхъ, для которыхъ весьма достаточно уже и то, если примѣненіе смертной казни будетъ встрѣчаться въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Бонневиль, какъ видно, довольствуется малымъ для большихъ государствъ. Впрочемъ, онъ допускаетъ, что безъ всякаго вреда и опасности

для общества *можно уже отменить* смертную казнь для женщин вообще и лицъ мужскаго пола моложе 21 года.

Но предложеніе это, основательность котораго трудно доказать, если только принять его относительно однихъ несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, влечетъ за собою довольно важное послѣдствіе: оно оскорбляетъ сознание правды и справедливости въ народѣ, какъ скоро онъ увидитъ, что при совмѣстномъ совершеніи мужчиною и женщиною вмѣстѣ убійства, къ совершенію котораго женщина, въ силу самыхъ возмутительныхъ обстоятельствъ, быть можетъ, слонила мужчину, она—истинная виновница преступленія, будетъ подвергнута менѣе тяжкому наказанію, чѣмъ одинъ изъ соучастниковъ преступленія, который будетъ *казненъ* въ то время, какъ она, истинная виновница, подвергнута будетъ только тюремному заключенію. Гораздо послѣдовательнѣе отмѣнить смертную казнь для всѣхъ лицъ и относительно всѣхъ преступленій, чѣмъ дѣлать общее это правило исключеніемъ лишь для весьма немногихъ случаевъ.

Философія уголовного права, Франка (*).

Въ подобномъ духѣ написано сочиненіе Франка: Философія уголовного права. Членъ парижскаго института и профессоръ въ Collège de France, Франкъ въ этомъ новомъ своемъ сочиненіи является послѣдователемъ теорій возмездія и защиты, которыя онъ признаетъ абсолютно справедливыми, относительно принципа наказанія, и имѣющими свое основаніе въ правѣ самозащиты гражданскаго общества. Показавъ вкратцѣ, на основаніи историческихъ данныхъ, всю для самосохраненія государства бесполезность смертной казни, Франкъ высказывается рѣшительно въ пользу ея безусловной отмѣны. Это небольшое, но прекрасно написанное сочиненіе, появившееся въ коллекціи Bibliothèque de philosophie contemporaine, отличается необычайною популярностію и простотою изложенія, при чемъ нисколько не нанесено ущерба научности содержанія самаго сочиненія, рассматривающаго съ необычайною ясностію, помимо всѣхъ громкихъ и пустыхъ разглагольствованій, всѣ вопросы, относящіеся до уголовного права вообще.

Уголовное право по священнымъ книгамъ Индіи (**).

Профессоръ католическаго университета въ Левенѣ (Louvain), городъ въ Брабантѣ) Тониссенъ представилъ въ высшей степени любопытное изложеніе началъ уголовного права, кроющихся въ самыхъ древнихъ источникахъ индійскаго права — въ священннхъ книгахъ

(*) PHILOSOPHIE DU DROIT PÉNAL, par A. Frank. Paris. 1864. Chez Baillière.

(**) LE DROIT CRIMINEL dans les livres sacrés de l'Inde, par Thomissen. Bruxelles. 1864.

этой первой страны цивилизации. Независимо от тѣсной связи, существующей между наказуемостію преступленій и раздѣленіемъ преступниковъ по различію кастъ, къ которымъ они принадлежать, какъ жители Индіи вообще, Тоинссенъ представляетъ намъ очеркъ высоко развитой общественной культуры Индіи, и основанную на началѣ справедливости систему наказаній, весьма умѣренную и человѣколюбивую въ сравненіи съ прочими системами другихъ восточныхъ государствъ, и очень отдаленную даже отъ господствующаго въ законѣ Моисеевомъ начала безусловнаго возмездія (*jus talionis*), по которому воздавалось око за око и рука за руку. Весьма основательно также дѣлаемое авторомъ западнымъ европейскимъ государствамъ предостереженіе, не слишкомъ-то предаваться самодовольствію въ отношеніи современнаго положенія всѣхъ началъ уголовного права, ибо, какъ онъ показываетъ, индійская бамбуковая трость нѣсколько легче и менѣе щедро расточается по плечамъ индійцевъ, нежели закономъ установленная грабиновая палка въ Мекленбургѣ.

Психологическіе взгляды на смертную казнь, Донкерслоота (*).

Безъ сомнѣнія, никто не станетъ опровергать, что между общимъ уровнемъ человѣческаго развитія (или вообще всею цивилизаціею) и искусствомъ управлять людьми, существуетъ тѣсная связь, такъ что можно утвердительно сказать, что царь Давидъ былъ бы довольно плохимъ королемъ на тронѣ Лудовика-Филиппа, или обратно, точно такъ же какъ и Драконъ былъ бы весьма плохой законодатель въ странѣ либеральныхъ конституціонныхъ учрежденій.

Люди и нравы мѣняются вмѣстѣ съ временемъ; этой же самой переизмѣнѣ подлежатъ и сочиняемые людьми законы, что и подтверждается опытомъ и исторіею. Ежедневно, такъ-сказать, современные новые взгляды въ области права вообще смыкаютъ понемногу остатки прежнихъ понятій въ этой сферѣ человѣческаго знанія; новые законы и права постепенно замѣняютъ старые, такъ что можно все болѣе и болѣе ожидать наступленія такого времени, въ которомъ все римское право и законодательство будетъ имѣть одно лишь чисто-историческое достоинство, потерявъ всякое значеніе дѣйствующихъ законовъ. Это совершающееся обновленіе законовъ преимущественно отличается болѣе человѣколюбивою кротостію и мягкостію постановленій, и болѣе разумною степенью ихъ строгости. Мечъ правосудія понемногу утрачиваетъ свой грозный и кровавый видъ, не переставая, однако, быть столь же полезнымъ и спасительнымъ для всего общественнаго устройства. Во всей системѣ уголовного

(*) Психологисне Ввзснouwіng der Doodstraf door *Donkersloot*. Tiel. 1864. Переведено на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: Die Todesstrafe und Psychologie von *Donkersloot*. Münster. 1865.

права по преимуществу проявляется предупредительное начало; жестокости и безчеловѣчія, совершавшіяся въ прежнія времена надъ виновными, понемногу исчезаютъ, уступая мѣсто мѣрамъ исправительнымъ, которыя никогда не упускаютъ изъ виду, что и самый ужасный преступникъ также такой же человѣкъ, и стараются не *истреблять* его, а по возможности *возстановить* его въ мѣвнн согражданъ путемъ исправленія. Стремленія всѣхъ народовъ и ихъ правительствъ направлены къ тому, чтобы улучшить и смягчить нравы, и придать все болѣе и болѣе уваженія человѣческому достоинству.

Но, несмотря на все это, всѣ почти народы сносятъ довольно спокойно въ сферѣ истинной гуманности существованіе смертной казни, рассмотрѣнію которой посвящено вышеприведенное сочиненіе голандца Донкерслота, врача дома умалишенныхъ въ Дортрехтѣ. Онъ старается показать, что всѣ теоріи, созданныя для доказательства необходимости и цѣлесообразности смертной казни, опровергаются опытами жизни; особенно же хорошо удалось ему показать несостоятельность теоріи примиренія, составленной для оправданія смертной казни; психологическія же изслѣдованія показали несостоятельность предположенія о внушеніи смертною казнію страха другимъ лицамъ. Авторъ за тѣмъ доказываетъ, что смертная казнь не можетъ считаться *наказаніемъ*, ибо она прямо противорѣчитъ истинному значенію наказанія, то-есть полной идеи раскаянія; приводитъ, заимствованныя изъ новѣйшихъ сочиненій, статистическія свѣдѣнія въ подтвержденіе того, что смертная казнь противорѣчитъ идеи христіанства и государства, и въ очень незначительной степени уменьшаетъ число совершаемыхъ преступленій; случающіяся же при совершеніи казни самыя ужасныя сцены имѣютъ весьма вредное вліяніе на нравственность. Авторъ показываетъ, что именно рѣшенія объ убійцахъ бываютъ самыя несостоятельныя и ненадежныя; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительная вина уменьшается до чрезвычайности, и что убійцы по указаніямъ опыта весьма часто вполне исправляются. По мнѣнію Донкерслота, смертная казнь можетъ быть вполне замѣнена наказаніемъ съ лишеніемъ свободы. Самая занимательная часть сочиненія та, гдѣ авторъ показываетъ несостоятельность рѣшеній въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ возникалъ о самой *вмѣляемости* обвиняемаго въ преступленіи — тутъ авторъ рассуждаетъ, какъ полный экспертъ этого дѣла. Главныя заключенія, къ которымъ пришелъ Донкерслотъ относительно вопроса о смертной казни, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) всѣ теоріи, доказывающія необходимость и цѣлесообразность смертной казни, опровергаются опытомъ жизни.

2) смертная казнь не есть наказаніе.

3) она противорѣчитъ ученію христіанской религіи и идеи государства.

4) примѣненіе смертной казни столь же мало способствуетъ уменьшенію числа преступленія, какъ и отмѣна ея — ихъ увеличенію.

5) она дѣйствуетъ вредно на народную нравственность.

6) существующее право помилованія, не оправдывая смертной казни, уменьшаетъ лишь могущество закона вообще.

7) убійцы и тому подобныя тяжкіе преступники не всегда бываютъ худые люди; они могутъ исправляться.

8) судьи могутъ ошибаться въ своихъ приговорахъ; вѣроятность преступленія также часто признается или отвергается совершенно ошибочно.

9) лишеніе свободы можетъ быть наказаніемъ болѣе тяжкимъ, нежели смертная казнь, относящимся прямо къ виновному преступнику, тогда какъ казнь налагаетъ наказаніе на другихъ, подвергая ихъ печали.

10) смертную казнь должно замѣнить наказаніемъ, лишающимъ свободы.

Въ заключеніе еще разъ должны мы повторить, что это—весьма замѣчательное сочиненіе.

Справочная книга для присяжныхъ въ Германіи, Видмана (*).

Книга Видмана, бывшаго очень долго президентомъ суда присяжныхъ, по назначенію своему принадлежащая къ числу популярныхъ и общедоступныхъ сочиненій, тѣмъ не менѣе написана очень основательно и строго-научно. Баварія, какъ извѣстно, принадлежитъ, на основаніи всѣхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, къ числу тѣхъ нѣмецкихъ земель, въ которыхъ судъ присяжныхъ наиболѣе прочно привился и укоренился; поэтому сдѣланное авторомъ, вслѣдствіе весьма многихъ случаевъ изъ его судебной практики, заключеніе, что очень многіе изъ присяжныхъ *весьма смутно сознаютъ* сущность судебного убѣжденія—тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе. Присяжные, по окончаніи засѣданій, выражали сожалѣніе, что имъ не довольно ясно была истолкована сущность убѣжденія, необходимаго для судебного, обвинительнаго приговора. Понятіе о нравственномъ убѣжденіи (*conviction intime*) у весьма многихъ присяжныхъ бродитъ въ общемъ кругу понятій, соединенныхъ со словами: ощущеніе, чувство, откровеніе, инстинктъ, знать, предполагать, думать, вѣрить, считать за вѣрное и т. д. Вопросъ, что должно считать истиннымъ—является не только вопросомъ богословскимъ и философскимъ, но и часто практическимъ вопросомъ, который присяжные имѣютъ полное право предложить суду, конечно, не ожидая получить достаточно яснаго и нагляднаго объясненія на это—въ заключительной рѣчи предсѣдателя суда. Книга Видмана имѣетъ цѣлю по возможности помочь этому печальному и недостаточному положенію дѣлъ. Если бы подвергнуть присяжныхъ экзамену, относительно различій, существующихъ между подозрѣніемъ, вѣроятностію и достовѣр-

(* Das Gmschwornenbuch oder die begriffliche Ueberzeugung. Für die Geschwornen Deutschlands von Widmann. Würzburg. Verlag von Stahel. 1864.

ностию, то безъ сомнѣнія, легко было бы убѣдиться въ шаткости и неопредѣленности понятій, соединяемыхъ ими съ этими словами; потому не только въ высшей степени полезно, но даже и необходимо дать присяжнымъ возможность ознакомиться, хотя и въ главныхъ общихъ чертахъ, съ основными началами теоріи доказательствъ и всего уголовного процесса. Книга Видмана имѣетъ цѣлью удовлетворить такой потребности, излагая весьма популярно основныя начала уголовного права, сущность доказательствъ и уликъ, и дознанное практикою ихъ значеніе и силу.

Дѣлая весьма лестный отзывъ объ этой книгѣ, Гольцендорфъ замѣчаетъ, что полезно было бы присоединить къ ней систематическое объясненіе главныхъ постановленій баварскаго кодекса, относящихся до суда присяжныхъ, и предлагаетъ себѣ вопросъ: будетъ ли достигнута главная цѣль ея издателя, то-есть проникнуть ли эта книга въ тотъ кругъ читателей, для которыхъ она предназначена? Чтеніе разнаго рода легкихъ произведеній, все болѣе и болѣе отбиваетъ охоту къ усиленной умственной дѣятельности, и затрудняетъ доступъ полезныхъ сочиненій къ народнымъ массамъ. Поэтому, при такомъ въ высшей степени полезномъ предпріятіи, каковымъ является изданіе Видмана, въ настоящее время, самая форма изложенія составляетъ самое главное условіе для ознакомленія съ содержаніемъ. Еслибы вся политическая газетная преса Германіи была бы одушевлена желаніемъ поднять значеніе суда присяжныхъ и упрочить его, то не мѣшало бы ей *подумать*, не будетъ ли полезно, вмѣсто довольно пустыхъ фельетонныхъ романовъ и темныхъ эстетическихъ разборовъ, помѣстить одновременно во всѣхъ газетахъ ясное, общедоступное и по возможности привлекательно-составленное по одному общему плану изложеніе всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ должностію присяжнаго. Но, къ сожалѣнію, мы видимъ, что преса газетная большею частію не считаетъ своею обязанностію дѣйствовать на народныя массы въ вопросахъ, относящихся непосредственно до интересовъ различныхъ партій, и не служить народу средствомъ къ его образованію. Въ своихъ пустыхъ хлопотахъ объ ежегодныхъ дрязгахъ, она упускаетъ изъ виду великія и постоянныя цѣли цивилизаціи.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько упрекъ, дѣлаемъ Гольцендорфомъ нѣмецкимъ газетамъ, можетъ быть примѣненъ и къ нашимъ, мы скажемъ только, что весьма желательно было бы видѣть книгу Видмана въ переводѣ на русскій языкъ, съ примѣненіемъ, конечно, не только къ вновь изданнымъ уставамъ о гласномъ судопроизводствѣ, но и къ статьямъ Свода Законовъ вообще. Польза такого изданія на русскомъ языкѣ слишкомъ очевидна чтобы о ней распространяться. Чѣмъ-то вообще будутъ руководствоваться наши присяжные при составленіи нравственнаго убѣжденія о виновности подсудимаго!...

Задатки гегелизма во французской философии, соч. Боссира (*).

Эта небольшая книжка заключаетъ въ себѣ раскрытіе одного въ высшей степени любопытнаго факта изъ исторіи новой философіи. Оказывается, что Гегель имѣлъ въ прошломъ вѣкѣ очень близкаго предшественника своей системы. И что еще удивительнѣе, предшественникъ этотъ былъ монахъ бенедиктинецъ Дешанъ, совершенно открыто проповѣдывавшій ученіе, въ конецъ разрушающее христіанскую догматику, и его начальники терпѣли это, потому что онъ ревностно исполнялъ свой христіанскій долгъ. Мало того: монахъ-философъ взялся защищать религію отъ своихъ современниковъ, свѣтскихъ философовъ. Онъ полагалъ, что не должно потрясать зданіе христіанства прежде, чѣмъ умы не будутъ подготовлены къ принятію новыхъ ученій, и издалъ два сочиненія противъ господствовавшаго тогда противухристіанскаго направленія. Болѣе послѣдовательный даже, чѣмъ многіе изъ современныхъ ему мыслителей, Дешанъ понималъ необходимость согласить социальныя условія со своей философской системой и задумывалъ реформу въ духѣ коммунизма. Но, боясь повредить успѣху своего проекта раннимъ его обнаруженіемъ, онъ удовольствовался тѣмъ, что обсуждалъ его принципы въ перепискѣ съ нѣкоторыми передовыми мыслителями — Вольтеромъ, Дидеро, д'Аламберомъ, Руссо и другими. Но они высказали ему очень мало участія, и бенедиктинецъ, обойдѣсь и безъ ихъ помощи, устремился къ развитію своей теоріи съ ревностію ересiarха. У него было нѣсколько горячихъ послѣдователей, въ томъ числѣ маркизъ Вои д'Аржансонъ; благодаря его дружбѣ, рукописи Дешана сохранились по его смерти. Копія ихъ находится въ пугатьерской библиотекѣ, съ помѣткой Д. Д. Авторъ разбираемой книги, Боссиръ, нашелъ и подлинникъ сочиненія, въ бумагахъ семейства Вои д'Аржансона. Затѣмъ изслѣдователь отыскалъ и нѣкоторые другіе дополнительные, но очень любопытные документы — письма Руссо, Вольтера, Гельвеція и другихъ къ Дом-Дешану, прокурору бенедиктинцевъ въ Монтрейль-Белле, близъ Самюра. При помощи этихъ документовъ Боссиръ представляетъ изложеніе философской системы Дешана. «Она представляетъ собою — говоритъ онъ — самый смѣлый социализмъ, основанный на метафизическихъ началахъ — на началахъ самого Гегеля, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ крайняя лѣвая сторона его школы. И дѣйствительно, радикальное отрицаніе собственности и семьи — вотъ практическая сторона ученія. Повсюду, какъ въ человѣчествѣ, такъ и въ природѣ, есть только прогрессивное движеніе идеи, которая есть то же, что существо, и которая, въ своемъ переходѣ черезъ различные свои моменты, ставитъ и разрѣшаетъ поочередно всѣ противорѣчія. Всѣ эти выводы и многіе дру-

(*) *Antécédents de l'hégélianisme dans la philosophie française; dom Deschamps, son système et son école, d'après un manuscrit et des correspondances inédites du XVIII siècle, par E. Beauvois. Paris. 1865.*

гіе, того же рода, создались раньше левцій Гегеля и Карла Грюна. Они принадлежат нашему XVIII вѣку, и даже не были въ немъ случайностію темною и исключительною. Они были извѣстны Вольтеру, Руссо, д'Аламберу и Дидеро. Они сгруппировали вокруг изобрѣтателя цѣлую школу, для которой онъ былъ учителемъ въ древнемъ, пинагорейскомъ смыслѣ этого слова». Нельзя не сказать, что явленіе подобнаго мыслителя среди католическаго монастыря въ высшей степени замѣчательно. Дидеро немало потѣшался «надъ тѣмъ добродушіемъ, съ какимъ этотъ проповѣдникъ утверждалъ, что его система, посягавшая на всѣ святѣни міра, совершенно невинна и не подвергала философа никакой опасности, между тѣмъ, какъ въ ней за каждую фразу можно было притянуть на костерь». Но монахъ зналъ, какъ дѣйствовать. Онъ не скрывалъ свой образъ мысли, и послѣдній былъ терпимъ исполнѣ, что видно изъ слѣдующихъ словъ письма одного покровителя Дешана къ епископу пуатьерскому: «Вы были бы очень несправедливы къ нему, если бы сочли его неспособнымъ уклониться отъ философскихъ размышленій для исполненія какой-нибудь общественной или духовной обязанности. Онъ, безъ сомнѣнія, умѣетъ мыслить съ мудрыми и дѣйствовалъ такъ, какъ прилично съ немудрыми и съ тѣми, которые не считаютъ нужнымъ быть мудрыми. Обращаю ваше вниманіе на его извѣстную вамъ скромность и благоразуміе». Эта скромность и благоразуміе философа состояли, впрочемъ, только въ желаніи «обезпечить религію всевозможными огражденіями, принимая ее за необходимое посредствующее звено между наивностію и сознаниемъ». Въ своихъ преніяхъ съ современными философами, Дешанъ особенно осуждаетъ ихъ страсть разрушать существующій порядокъ вещей, не имѣя ничего, чѣмъ бы его замѣнить. И онъ, и они шли къ одной цѣли и различались въ выборѣ выгодной минуты для приведенія его въ исполненіе. Замыслы бенедиктинца были даже еще шире и строже обдуманы. Онъ утверждалъ, что противники его готовятъ ужасный переворотъ, и самъ хвалился, что преобразуетъ міръ безъ потрясеній. Во всякомъ случаѣ эта мечта свидѣтельствуетъ о серьезности его характера и рѣдко въ тотъ вѣкъ уваженіи къ значенію нравственныхъ принциповъ, въ общественномъ организмѣ. Дешанъ, настолько проникательный, что предсказываетъ революціонную бурю, какъ будто не подозреваетъ, что за переворотъ влечетъ за собою его ученіе, отрицающее семью, собственность и личную отвѣтственность. Боссиръ очень вѣрно освѣщаетъ значеніе этого ученія въ связи съ современными ему явленіями, и потому его книжка достойна полнаго вниманія какъ по фактическимъ даннымъ, въ ней заключеннымъ, такъ и по взгляду и изложенію.

Исторія французской революціи, соч. Т. Карлейля. Перев. на французскій языкъ Е. Реньо и Одисса Баро. Т. I. (*).

(*) HISTOIRE DE LA RÉVOLUTION FRANÇAISE, par Th. Carlyle, traduit de l'anglais par E. Regnaud et Odysse Barot. T. I. Paris. 1865.

Карлейль извѣстенъ у насъ болѣе по наслышкѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, не пользуется симпатіями русскаго общества, поэтому мы считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе читателей на французскій переводъ одного изъ самыхъ капитальныхъ его произведеній. Сочиненіе это, можетъ быть, оправдываетъ то равнодушіе, съ которымъ относится къ Карлейлю наше общество.

Карлейль не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые возбуждаютъ безусловное сочувствіе трезвостью своего направленія; Карлейль человѣкъ чрезвычайно страстный, и въ его сужденіяхъ выражаются иногда взгляды до того исключительные, что нѣтъ возможности съ ними согласиться, и остается только отнестись къ нимъ вполне объективно; и такая объективность здѣсь возможна потому, что Карлейль — художникъ, и его характеристики и картины, каковы бы ни были ихъ смыслъ, нерѣдко поразительны по своей живости, меткости и рельефности. Въ характерѣ таланта у Карлейля есть тонкая пронизательность, любовь къ подробностямъ, оригинальность языка и слога; наконецъ, страсть къ великимъ личностямъ, а не массамъ, или демократизмъ на французскій манеръ. Кромѣ того у Карлейля есть злостная, безошадная иронія, которою онъ мастерски владѣетъ противъ своихъ историческихъ враговъ. Въ прогрессъ, въ саморазвитіе и творчество народовъ Карлейль не слишкомъ-то вѣритъ: онъ — скептикъ; можетъ быть, потому такъ и могущественна его иронія; но вмѣстѣ съ тѣмъ она заводитъ его слишкомъ далеко. Такъ, наприимѣръ, Карлейль не вѣритъ въ руководящее значеніе литературы и науки. Вѣка литературнаго развитія онъ называетъ бумажными вѣками. Онъ говоритъ: «Книжная бумага, блистающая теоріями, философией, чувствительностью; чудное искусство не только пробуждать мысль, но и дивнымъ способомъ скрывать ее отъ насъ». Онъ осмѣиваетъ анализъ, какъ въ наукѣ, такъ, и еще болѣе, въ его жизненномъ приложеніи. «Чтобы все починить и передѣлать—говоритъ онъ—у насъ есть торжествующій анализъ. Слава торжествующему анализу! Тѣмъ не менѣе, за предѣлами лавки в лабораторіи, что сдѣлалъ торжествующій анализъ? У насъ есть бездонныя пропасти туманной логики, въ которой крутятся и исчезаютъ сперва слово и потомъ дѣло. Посмотри въ глубь: что принимаютъ за основу надежды — есть въ сущности присутствіе отчаянія, съ вѣчными теоріями человѣка, разумомъ человѣка, прогрессомъ человѣка, философией правленія и такъ далѣе. Время и Монтескье, Мабли, адвокаты времени, раскрыли безчисленное множество вещей; и вотъ Жан-Жакъ издалъ свое сочиненіе — «Общественный договоръ», объясняющее всѣ тайны правленія, и даже то, какъ оно устроилось по договору и къ общему удовольствію. Теоріи правленія! Все это бывало и будетъ всегда въ вѣка упадка... и т. д.». Слова эти составляютъ замѣчательный примѣръ того, какъ далеко увлекаетъ Карлейля его скептицизмъ. Относясь съ справедливой ироніею къ фантастическимъ ученіямъ о государствѣ и гражданскомъ обществѣ,

Карлейль увлекается до того, что не шадить и той умственной силы человѣка, посредствомъ которой и во имя которой создались эти ученія. Онъ не умѣетъ остановиться въ пору. Называя Монтескьё и Мабли адвокатами времени, съ сочувствіемъ выставляя на видъ, что они разоблачили тайныя стороны существовавшего въ ихъ время порядка вещей, Карлейль не знаетъ, однако, въ чемъ ему найти исходъ и исцѣленіе противъ этихъ справедливыхъ обличеній. Онъ отрицаетъ не только фантастическія теоріи государства, но и явленія государственной жизни, имѣющія практическое значеніе. Вотъ что говоритъ онъ о народномъ собраніи, о выборныхъ людяхъ народа, откровенныхъ и сознательныхъ его представителяхъ: «Что можетъ сдѣлать несчастное народное собраніе? Вспомните только, что ихъ столпилось тысячу-двѣсти человѣкъ, и у всякой единицы свой собственный снарядъ мысли, свой собственный снарядъ слова. Во всякой единицѣ есть какое нибудь свое особенное вѣрованіе, своя особенная надежда относительно необходимаго возрожденія Франціи, относительно лично ему предстоящей миссіи. Тысяча-двѣсти отдѣльныхъ силъ, безпорядочно прикованныхъ къ одному предмету, безпорядочно относящихся ко всѣмъ сторонамъ предмета и обязанныхъ стрѣлять — подъ страхомъ смертной казни! Или ужъ это такъ въ порядкѣ вещей, что народныя собранія, послѣ многого шума и безконечныхъ трудовъ, не приходятъ ни къ чему? Представительныя правительства, въ сущности, можетъ быть, то же тиранія? Не приходится ли сказать, что эти тираны, эти честолюбивые спорщики, пришедшіе со всѣхъ концовъ страны, собираются, такимъ образомъ, въ одну залу и здѣсь разными движеніями и противодвиженіями, съ шумомъ, парализуютъ другъ друга, и въ результатъ даютъ *нуль*? А между тѣмъ страна управляется и руководится признанною, или непризнанною, мудростью, тамъ-самъ находящихся головъ разныхъ личностей. Но, впрочемъ, и это было бы большимъ прогресомъ: потому что въ старину, во время гвельфовъ и гибелиновъ, алой и бѣлой розы, партіи парализовали и всю страну. Да кромѣ того, эти дѣлаютъ дѣло на гораздо болѣе узкомъ полѣ битвы, въ четырехъ стѣнахъ залы, съ нѣсколькими передовыми постами на бочкахъ—работаютъ языкомъ, но не саблѣй, что, въ искусствѣ плодить пули, можетъ считаться великимъ успѣхомъ... Собраніе въ тысячу-двѣсти человѣкъ пригодно къ одному: что нибудь разрушить. А это есть только болѣе рѣшительное примѣненіе его таланта ничего не дѣлать. Не дѣлайте ничего или возбуждайте только и обсуждайте вопросы—все разрушится само собою».

Такова неутѣшительная политическая философія Карлейля. Народное собраніе бессильно, народное собраніе—нуль—тамъ, гдѣ слово должно перейти въ дѣло. И такъ, Карлейль убѣжденъ, что у людей совѣта нѣтъ на столько энергіи, чтобы они могли быть практическими дѣятелями. Но гдѣ же искать людей истинно энергическихъ и притомъ неносвящающихъ свою энергію осуществле-

нѣю какихъ нибудь фантастическихъ преній, а энергическихъ практиковъ общественнаго и народнаго дѣла? Тутъ, наконецъ, мы доискиваемся до положительныхъ стремленій Карлейля. Обязанность быть народными вожатами онъ исключительно предоставляетъ нѣсколькимъ великимъ людямъ, которыхъ называетъ героями челоуѣчества. «Все, что мы видимъ совершившагося въ мѣрѣ, собственно говоря, есть только внѣшній результатъ, практическое осуществленіе и воплощеніе идей, присущихъ великимъ людямъ, посланнымъ въ мѣрѣ». Эткихъ людей онъ называетъ образцами, покровителями и, въ широкомъ смыслѣ этого слова, творцами того, что старалась сдѣлать или чего хотѣла достигнуть вся масса людей».

Недавно мы встрѣтились съ тѣмъ же ученіемъ въ Наполеоновой «Исторіи Юлія Цезаря», и этого было довольно, чтобы раскрыть слабыя стороны подобной теоріи. Стало быть, снова исчислять ихъ лишнее. Даже допуская въ извѣстной степени это ученіе, любопытно было бы знать, чѣмъ челоуѣчество должно руководствоваться въ выборѣ своихъ героевъ. Карлейль не даетъ на это критериума, а между историческими личностями, предъ которыми онъ преклоняется, есть нѣсколько такихъ, которыя противоположны другъ другу по стремленіямъ. И такъ, стало быть, Карлейлевское ученіе о герояхъ челоуѣчества не выдерживаетъ критики; а принявъ это несомнѣнное положеніе, мы должны будемъ отвергнуть и другія убѣжденія, на которыхъ англійскій мыслитель строить свою теорію.

Но хотя несостоятельна политическая система Карлейля, это не лишаетъ значенія его книгу. Сила его мысли вызываетъ на работу мысль читателя, а сила его чувства и ироніи, при художественности изложенія, живо сообщается тому, кто слѣдитъ по его книгѣ за событіями революціи. Онъ вполне живетъ той жизнью, которую изображаетъ: такъ, онъ, вмѣстѣ съ французскимъ народомъ, ненавидитъ Лудовика XV. Когда онъ описываетъ приближеніе его смерти, онъ говоритъ: «Да, умереть ли онъ? Вотъ въ настоящую минуту величайшій вопросъ для Франціи, вотъ ея надежды; только въ этомъ смыслѣ ей любопытна смерть короля». Говоритъ ли Карлейль о скандалахъ царствованія Лудовика XV—гнѣвъ его напоминаетъ стихи Ювенала. Онъ ненавидитъ ложь; онъ показываетъ, какимъ образомъ сильные во всѣ вѣка обманывали слабыхъ и такимъ образомъ ихъ эксплуатировали; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавляетъ: «Если въ вихрѣ возмущеннаго общества ложь со своимъ бременемъ стремится осѣсть, за то бѣды, которыя она приноситъ, восходятъ все выше и выше». Руководясь этой мыслью, Карлейль сосредоточиваетъ содержаніе перваго тома «Исторіи Революціи» около знаменитаго перваго акта народной мести, взятія Бастилии. Тщетно Марія-Антуанета старается приобрѣсти себѣ популярность: «Молодое и нѣжное сердце призрѣваетъ сиротъ, даетъ приданое бѣднымъ дѣвушкамъ, помогаетъ нищему, всякому нищему, который живописно встрѣ-

чается на ея дорогѣ. Тщетно стараются, украшая Парижъ, развлечь народное раздраженіе. Народъ подъ стѣнами Бастиліи. Правительство встревожено и принимаетъ угрожающій видъ. Собираются войска. Но его же пушки обращаются противъ него, и Бастилія взята.

Мы не думали знакомить подробно съ книгой Карлейля, а только хотѣли вратѣвъ намегнуть на ея достоинства и недостатки.

Литературная исторія нравственнаго и религіознаго воспитанія во Франціи и романской Швейцаріи. Соч. Л. Бюрнье (*).

О воспитаніи писано очень много; но объ исторіи воспитанія, особенно во Франціи, французская литература не имѣетъ особенно хорошихъ сочиненій. Бюрнье даетъ исторію французской педагогикѣ съ кальвинистской точки зрѣнія. Онъ, разумѣется, не перечисляетъ весь составъ педагогической литературы, но все-таки называетъ двѣсти тридцать-шесть писателей, изъ которыхъ впрочемъ только шестеро раньше XVII вѣка. Первый—кавалеръ де-ла Туръ Ландри, который въ 1372 году написалъ книгу, для поученія замужнимъ женщинамъ и дѣвицамъ на выданье; въ ней встрѣчается много любопытныхъ данныхъ о нравахъ и идеяхъ его времени, но немногое только относится къ педагогикѣ. Затѣмъ являются писатели эпохи возрожденія: Вивесъ, Эразмъ, Аміо, Рабле, Монтанъ, Шаронъ. Отличительная черта ихъ—презрѣніе религіознаго элемента въ воспитаніи. Съ XVII вѣка является послѣдній, но только у писателей католическихъ, потому что протестанты слишкомъ гонимы, и имъ некогда заниматься вопросами педагогикѣ. Въ XVIII вѣкѣ опять упадокъ религіи и торжество философіи; наконецъ, въ наше время крайнее смѣшеніе всевозможныхъ направленій. Какъ ревностный кальвинистъ, Бюрнье между современными педагогами становится на сторону своихъ единовѣрцевъ. Онъ строго осуждаетъ и фамильно-набожные католическія тенденціи, и рационализмъ всѣхъ оттѣнковъ; даже между протестантскими педагогами, онъ хвалитъ только немногихъ и впадаетъ въ одностороннюю жесткость и нетерпимость; изъ этого видно, что авторъ не умѣлъ возвыситься до полнаго безпристрастія, и потому его сочиненіе представляетъ интересъ слишкомъ исключительный.

Женщина о женщинахъ, графини Дора д'Истрія (**).

Духъ женщинъ нашего времени, соч. Камиллы Сельданъ (***).

(*) HISTOIRE LITTÉRAIRE DEL'ÉDUCATION MORALE ET RELIGIEUSE EN FRANCE ET DANS LA SUISSE ROMANDE, par L. Burnier. 2 vols. Lausanne. 1865.

(**) DES FEMMES PAR UNE FEMME, par m-me Dora d'Istria. Paris. 2 vols. 1865.

(***) L'ESPRIT DES FEMMES DE NOTRE TEMPS, par Camille Selden. Paris.

Тагъ-называемый женскій вопросъ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ задачъ, которыя поставила передъ собою современная Европа. Обиліе и противорѣчивость взглядовъ, крайности новыхъ требованій и крутое отстаиваніе преданій, неразработанность фактической стороны задачи—все это въ женскомъ вопросѣ до такой степени сильно, что онъ, несмотря на множество писаннаго по этому поводу, представляется очень далекимъ отъ практики. Хотя въ наше время и признано нравственное равенство женщины съ мужчиной, но, по большей части, оно не упрочено законодательствомъ и правами. Равенство умственное, напротивъ того, еще находитъ себѣ противниковъ. Но надо отдать справедливость женщинамъ, что въ этомъ случаѣ онѣ сами, живымъ фактомъ своей дѣятельности, постарались опровергнуть невыгодное о нихъ мнѣніе. Авторъ сочиненія, котораго заглавіе выписано выше, графиня Дора д'Истрія требуетъ справедливости въ сужденіяхъ о женщинахъ, разбираетъ и защищаетъ всѣ права ихъ, какъ на нравственное, такъ и на умственное равенство съ мужчиной. На книгѣ надписанъ слѣдующій, заимствованный изъ Вольтера эпиграфъ: «идея справедливости кажется мнѣ истинной первостепенной важности». Впрочемъ, сочиненіе это, раздѣленное на двѣ части, изъ которыхъ первая посвящена обществу романскому, а вторая германскому, не есть полемическое: хотя авторъ и касается въ ней и психологической, и физіологической стороны вопроса, но говорить о нихъ лишь вкратцѣ. Гораздо болѣе занимаетъ современное состояніе вопроса, то-есть дѣйствительное положеніе европейской женщины, частное и общественное. Графиня Дора д'Истрія дѣлаетъ характеристику женщины во Франціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Германіи, Англіи, Бельгіи, Голландіи и Скандинавскихъ королевствахъ, изображаетъ ея юридическое положеніе и общественное вліяніе, перечисляетъ главныя женскія личности въ каждомъ народѣ и приводитъ сужденіе о женщинѣ изъ разныхъ литературъ. Это нѣчто въ родѣ справочной энциклопедіи по женскому вопросу. Авторъ не скрываетъ тѣхъ слабостей, которыя свойственны его полу, ни тѣхъ возраженій, которыя дѣлаются противъ эманципации женщинъ; поэтому и въ фактической части сочиненія мы встрѣчаемъ рядомъ съ женскими знаменитостями, личности, которыя обязаны своей славою одному скандалу; такъ напримѣръ, находится очеркъ жизни и походженій извѣстной Лолы Монтезъ. Тѣмъ не менѣе, точка зрѣнія и цѣль автора очевидны: госпожа Дора д'Истрія хочетъ, чтобы женщина въ частномъ и общественномъ быту получила равныя права съ мужчиной; что касается правъ политическихъ, то г-жа Дора д'Истрія о нихъ умалчиваетъ, хотя впрочемъ и тутъ она могла бы сослаться на авторитетъ Милля, который, какъ извѣстно, доказываетъ необходимость предоставить женщинамъ равноправность и въ отношеніяхъ политическихъ. Франція, разумѣется, отведено въ сочиненіи наибольшее мѣсто; авторъ горячо оспариваетъ извѣстныя мнѣнія Прудона, Милля и

др. Книга вообще написана живо и интересно, хотя обиліе фактов дѣлаетъ ея содержаніе нѣсколько сбитымъ.

Камилла Сельданъ есть псевдонимъ какой-то неизвѣстной особы, которая года два или три тому назадъ подарила французской литературѣ прекрасный романъ: «Даніель Влади», оставшійся однако совершенно незамѣченнымъ. Появленіе новаго сочиненія этого автора обратило на него вниманіе критиковъ и заставило ихъ вспомнить о забытомъ романѣ. И дѣйствительно, «Духъ женщинъ нашего времени»—книга очень любопытная. Впрочемъ, не должно ошибаться на счетъ истиннаго ея содержанія; это не общій очеркъ современной женщины, подъ влияніемъ новѣйшей цивилизаціи, характеристики трехъ женскихъ личностей, наиболѣе симпатичныхъ автору и принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ. Эти личности—Евгенія Геренсъ—француженка, типъ молодой дѣвушки, выросшей въ благочестивомъ католическомъ и дворянскомъ семействѣ, Рахиль Френгагень—нѣмецкая жидовка, свѣтская дама, и Шарлота Бранте—англичанка, извѣстная подъ псевдонимомъ Кореръ Белль, протестантка, родомъ изъ буржуазнаго семейства. Вѣрнымъ очеркомъ этихъ трехъ лицъ, г-жа Камилла Сельданъ хотѣла протестовать противъ ложнаго направленія, которое господствуетъ въ литературѣ, безъ сомнѣнія, французской, относительно воспроизведенія современнаго женскаго типа. Какъ въ романѣ своемъ она доказывала, что для развитія художественной природы вовсе не необходимо исключительной обстановки жизни, такъ въ этихъ очеркахъ она проводить ту мысль, что женщина можетъ пятать въ себѣ высшее развитіе, не оставляя своихъ домашнихъ житейскихъ заботъ. Умѣнье примирить то и другое составляетъ, по мнѣнію автора, лучшее украшеніе въ характерѣ его героинь, и потому-то онѣ и взяты образцами для опредѣленія современнаго женскаго типа. Несмотря на различіе условій происхожденія, религіи, національности этихъ женщинъ, онѣ отличаются одинаковымъ реальнымъ благородствомъ своей природы, которое и составляетъ отличительную идеальную черту женскаго типа нашего времени. Таковъ взглядъ автора. Что касается изложенія, то оно очень привлекательно: авторъ рассказываетъ очень живописно и чрезвычайно метко рисуетъ душевный міръ своихъ героинь.

Война и ея отношенія къ миру, К. Ф. Пфнора (*).

Авторъ этой книги, извѣстный въ нѣмецкой литературѣ своими философскими сочиненіями, принималъ участіе въ кровопролитныхъ войнахъ временъ Наполеона 1-го и, несмотря на всѣ труды и лишенія, вышавшіе на его долю въ молодости, пользуется до сихъ поръ хорошимъ здоровьемъ и хранитъ бла-

(*) DER KRIEG, SEINE MITTEL UND WEGE, so wie sein Verhältniss zum Frieden. Von C. F. C. Pfnor, grossherzoglich badischen Oberlieutenant des Armeecorps. 1864.

городную любовь къ наукѣ. Вообще г. Пфноръ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ нельзя не уважать, хотя съ ихъ мнѣніями можно и не соглашаться. Онъ познакомился съ войною во время испанской кампаніи, подъ предводительствомъ г. Дюпона. Въ составъ французскаго корпуса вошелъ тогда отрядъ голандской или батавской арміи, въ которой служилъ г. Пфноръ. По окончаніи этого похода онъ перешелъ на службу въ баденскому великому герцогу и былъ свидѣтелемъ бѣдствій, постигшихъ полчища Наполеона во время войны его съ Россією. Сочиненіе г. Пфнора раздѣляется собственно на двѣ части — историческую и умозрительную. Первая названа ижъ субъективною, потому что въ ней заключается личный взглядъ его на событія, въ которыхъ принималъ онъ участіе. По мнѣнію автора, причиною звѣрскаго характера испанской войны была извѣстная катастрофа, постигшая армію Дюпона. Этотъ человекъ не имѣлъ военнаго таланта, но такъ-какъ Наполеонъ желалъ наградить его маршальскимъ жезломъ за дипломатическую услугу, то и далъ ему случай отличиться, предполагая, что одержать нѣсколько побѣдъ надъ испанцами можно и неслишкомъ даровитому генералу. Это была съ его стороны огромная ошибка. Французы потерпѣли неудачу, вслѣдствіе которой ожесточеніе обоихъ воюющихъ народовъ достигло высшей степени. Авторъ полагаетъ даже, что позднѣйшая перемѣна въ судьбѣ Наполеона и Франціи имѣла здѣсь свое начало. Нашествіе на Россію признаетъ онъ также роковой ошибкою гениальнаго полководца, который былъ увѣренъ, что Австрія и Прусія ни въ какомъ случаѣ не посмѣютъ отложиться отъ него, и не понявъ характера Александра I-го, думалъ, что ему придется вести войну только съ старинной боярской партією и англійской политикою. Впродолженіе этого похода г. Пфноръ получилъ орденъ почетнаго легіона и лестный отзывъ «Монитѣра». Въ лейпцигскомъ сраженіи земля вокругъ него была въ буквальный смыслъ вспахана пушечными ядрами, и весь мундиръ на немъ залитъ кровью и обрызганъ мозгомъ убитыхъ товарищей. Г. Пфноръ увѣренъ, что Наполеонъ не былъ бы разбитъ подъ Лейпцигомъ, еслибы онъ присоединилъ къ своей арміи корпусъ Даву и отрядъ Сен-Сира, которые находились въ Гамбургѣ и Дрезденѣ. Съ этими силами онъ могъ бы побѣдить союзниковъ, принять угрожающее положеніе, отступить къ Рейну и, сдѣлавши его своимъ операционнымъ базисомъ, заключить миръ совершенно на иныхъ условіяхъ. Блюхеръ, по его мнѣнію, обязанъ успѣхомъ своего смѣлаго марша на Парижъ нерѣшительности маршала Мармона. Что же касается Шварценберга, то онъ увѣряетъ, что, за исключеніемъ австрійцевъ, вся союзная армія сомнѣвалась въ военныхъ способностяхъ этого фельдмаршала, и что его считали даже измѣнникомъ. За рассказомъ о событіяхъ слѣдуетъ изложеніе философскаго взгляда на войну. Авторъ признаетъ ее отрицательнымъ, а миръ положительнымъ

принципомъ въ жизни націй. Посреди этихъ двухъ началъ находится индифференцпунктъ, общая, безразличная точка, которая бываетъ или реальная, заключающаяся въ какомъ нибудь спорномъ предметѣ націй, или идеальная, состоящая въ нравственныхъ и умственныхъ ея интересахъ и склонностяхъ. Мысль свою выражаетъ онъ формулою — 0 +. Процессъ человѣческаго развитія обнаруживается постоянно въ замѣнѣ другъ другомъ этихъ двухъ противоположныхъ началъ, которыя вращаются около индифференцпункта хорошо или дурно понятныхъ національныхъ интересовъ. Война есть темная, миръ—свѣтлая сторона развитія, и смѣна ихъ такъ же необходима, какъ ночь послѣ дня, и день послѣ ночи. Народы и государства представляютъ соединенія отдѣльныхъ лицъ, семействъ и племенъ. Въ нихъ заключается по необходимости принципъ исключительности и отрицанія, обнаруживающійся при всякомъ столкновеніи двухъ націй въ видѣ войны или мира. Дуализмъ этотъ проявляется матеріально въ простѣйшемъ орудіи движенія—въ рычагѣ, сила котораго имѣетъ идеальный, самоопредѣляющій и потому отталкивающій, отрицательный характеръ, входящій въ соотношеніе въ точкѣ опоры — 0 со всякою данною положительною, живой силой. Также и въ человѣческомъ сознаніи обнаруживается взаимное тяготѣніе обоихъ началъ къ этой безразличной точкѣ. Сама себя опредѣляющая отвлеченная сила, духъ, свобода составляютъ одно начало, тогда какъ тотъ же элементъ, заключенный въ мыслящемъ организмѣ, образуетъ другой принципъ. Народы и государства, для того чтобы совершить актъ тяготѣнія, должны встрѣчаться или на отрицательной сторонѣ (война), или на положительной (миръ). Промежуточное положеніе, чуждое войны и мира, этотъ индифференцпунктъ = 0, можетъ существовать только между государствами, которыя не имѣютъ никакихъ отношеній другъ къ другу, которыя, находясь въ изолированномъ положеніи, не живутъ, но прозябаютъ. Естественной цѣлью войны долженъ быть миръ, ведущій за собою господство разума, побѣду свободы и права надъ несправедливостью. Упомянувъ коротко о древнихъ и средневѣковыхъ войнахъ, которыя, за немногими исключеніями, не имѣли разумной цѣли, авторъ останавливается съ уваженіемъ на войнахъ Наполеона I-го, которыя были будто бы направлены въ достиженію «общаго мира». Наполеонъ завоеванныя имъ части Италіи обратилъ, по образцу французской республики, въ самостоятельныя, свободныя государства, изъ завоеванной Голандіи создалъ батавскую республику, къ Франціи присоединилъ онъ только тѣ рейнскія провинціи, которыя должны были принадлежать ей по вердонскому договору, и которыя при началѣ войны сами бросились въ объятія его арміи. Онъ не овладѣлъ, какъ дѣлалось прежде, землями средней и южной Германіи, исклавшими его покровительствомъ, но составилъ изъ нихъ Рейнскій Союзъ и объявилъ себя его протекторомъ. Словомъ, авторъ убѣжденъ, что Наполеонъ во всѣхъ

своихъ войнахъ преслѣдоваль «общую мирную цѣль», къ которой постоянно стремился. Только войну съ Россіею не можетъ облагородить онъ мирными тенденціями, сознаваясь, что она была похожа болѣе «на походъ Атилы, или Тамерлана, нежели на военныя дѣйствія нашей эры». Пусть Наполеонъ остается во мнѣніи автора величайшимъ благодѣтелемъ Европы, но—да избавитъ судьба родъ человѣческій отъ такихъ ревнителей *мирнаго* прогресса! Авось и безъ нихъ дѣло обойдется. Далѣе г. Пфноръ говоритъ о войскахъ, какъ представитель силы и чести своей націи при ея столкновенияхъ съ другими государствами, о военномъ вѣдомствѣ, крѣпостяхъ, арсеналахъ, артилеріи, дисциплинѣ, вооруженіи и т. д. 3-я глава 4-го отдѣла посвящена мыслямъ о военной наукѣ. Авторъ недоволенъ теоретическими книгами по этой части. Лучшимъ сочиненіемъ признаетъ онъ «Основанія стратегіи, объясненныя походомъ 1796 г. въ Германію», эрцгерцога Карла. Это, по его мнѣнію—единственное произведение, гдѣ авторъ отирается отъ строго-опредѣленной точки зрѣнія, произведение не только интересное, но и полезное для всякаго образованнаго офицера. Книга заключается указаніемъ на дурныя послѣдствія разединенія Германіи, на страсть къ удовольствіямъ, апатію, бездѣйствіе высшихъ и своеволие низшихъ классовъ общества. При такихъ условіяхъ, говоритъ г. Пфноръ, нація всегда будетъ чувствовать недостатокъ во внѣшнихъ средствахъ и внутренней энергіи для борьбы со страстями, которыя возстаютъ со всѣхъ сторонъ.

Исторія 1815 года, I-й томъ. Г. Бейтце (*).

Знаменитый историкъ германской войны за свободу г. Бейтце смотритъ на дѣйствія Наполеона I-го въ продолженіе извѣстныхъ ста дней едва-ли не снисходительнѣе всѣхъ другихъ изслѣдователей этого событія, непринадлежащихъ къ лагерю бонапартистовъ. Въ отношеніи къ начитанности онъ, по собственному сознанію, уступаетъ многимъ изъ своихъ соперниковъ; но тонкая оцѣнка находившихся у него подъ рукою матеріаловъ, вѣрный взглядъ на факты, умѣнье живо изобразить ихъ, и то благородно-патріотическое чувство, которымъ проникнуть его рассказы, даютъ г. Бейтце огромное преимущество передъ большей частью другихъ историковъ. Онъ справедливо думаетъ, что самовольный возвратъ Наполеона во Францію представляетъ самое блестящее торжество силы генія надъ враждебными ему обстоятельствами. «Король племеевъ» съ горстью преданныхъ ему спутниковъ, обнаживъ мечъ, завоевываетъ отнятую у него Францію—развѣ это не удивительный подвигъ? Бѣгство Наполеона съ Эльбы достойно не менѣе семилѣтней войны карлейльскаго поклоненія героизму. Авторъ удивляется геніальности Наполеона, обнару-

(*) GESCHICHTE DES JAHRES 1815. ERSTER BAND. VON DR. H. BEITZKE. 1865.

женной имъ во время трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ его царствованія. Не одинъ Бейтцке, но очень многіе историки признають войну 1815 года кампанією европейскихъ правительствъ противъ Наполеона, которая только вслѣдствіе безпредѣльной ненависти народовъ къ этому деспоту получила отчасти характеръ народной войны. Очень понятна также причина непріязненнаго чувства французовъ ко второму парижскому миру. Если самовольно присвоенная Наполеономъ верховная власть была вопіющимъ нарушеніемъ права, то представляется вопросъ: веденная лично противъ него война должна ли была кончиться отнятіемъ у Франціи законно-принадлежащихъ ей владѣній? Можетъ быть, авторъ заходитъ слишкомъ далеко, считая войну противъ Наполеона заблужденіемъ легитимистовъ. Наполеонъ за годъ до этого объявилъ, что честь не позволяетъ ему принять границъ Франціи 1792 г. Эта гордость должна была рано или поздно повести къ новой войнѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ обязанъ престоломъ мечтавшему только о военной славѣ войску. Недовольные итальянцы имѣли сношенія съ императоромъ, когда жилъ онъ на Эльбѣ, и первое извѣстіе о его бѣгствѣ оттуда привело въ такое взволнованное состояніе всю южную Европу, что одна метко брошенная искра могла произвестъ страшный взрывъ. Если принять въ соображеніе эти обстоятельства, то нельзя не сознаться, что возвышеніе Наполеона было очень опасно для спокойствія Европы. Впрочемъ, трудъ г. Бейтцке неконченъ еще. Когда явится второй томъ, мы дадимъ болѣе подробный отчетъ о полномъ содержаніи этой замѣчательной книги.

Исторія Восточнофранкской Имперіи. II томъ. Последние каролинги. Конрадъ 1. Эрнста Дюмлера (*).

Г. Дюмлеръ почти вслѣдъ за первымъ томомъ издалъ второй, въ которомъ описывается царствованіе наслѣдниковъ Лудовика Нѣмецкаго и Конрада 1. Если продолженіе этой мастерской обработки историческихъ данныхъ и уступаетъ нѣсколько по своимъ достоинствамъ началу ея, то виновать не авторъ, но крайній недостатокъ источниковъ. Потому-то взаимныя отношенія между восточнофранкской имперією и другими землями, отдѣлившимися отъ общей монархіи Карла-Великаго, опредѣляются не вполне ясно. Авторъ и здѣсь нестрого держался хронологическаго порядка, но соединялъ факты въ сложныя картины на основаніи внутренней ихъ связи. Исторія Фрайціи, Италіи и формирувавшейся Бургундіи въ царствованіе сыновей Лудовика Нѣмецкаго и внука его Арнульфа почти такъ же ясна, какъ политическое развитіе германскихъ племенъ. Но въ правленіе Лудовика-Дитяти и Конрада первыя три страны все глубже уходятъ на задній планъ. Разсказъ отличается тѣми же качествами, ко-

(*). GESCHICHTE DES OSTFRÄNKISCHEN REICHES. II Band. Die letzten Karolinger. Konrad 1. Von Ernst Dömler. 1865.

горня заслужил общее одобрение критиковъ при оцѣнкѣ перваго тома. Г. Дюмлеръ первый обратилъ вниманіе на многіе ненапечатанные еще матеріалы и нѣкоторые изъ нихъ сообщилъ очень подробно. Онъ не любитъ смѣлыхъ комбинацій и безпошадно возстаетъ противъ произвольныхъ приѣмовъ Гфрѣрера и Лео. Впрочемъ, эта осторожность не препятствуетъ ему смотрѣть на событія съ новой, удачно-избранной точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, очень хорошо объяснилъ онъ политику законныхъ франкскихъ королей, направленную противъ похитителей власти Бозо и Гуго въ 879 г., и выдѣленіе отдѣльныхъ національностей изъ монархіи Карла III. Языкъ вообще хорошъ, и рассказъ чуждъ неумѣстнаго резонерства.

Суевѣріе и обычаи въ Богеміи и Моравіи, Іосифа Громана.

Г. Громанъ, извѣстный уже своими трудами по части богемскихъ древностей, говоритъ, что суевѣрныя преданія и обычаи, удерживающіеся въ нѣмецкомъ населеніи Богеміи, были бы необъяснимы, если отдѣлить ихъ отъ славянской старины. Многіе обычаи тамошнихъ нѣмцевъ объясняются только мнѣологіею славянъ, которой нельзя не признать источникомъ нѣмецкихъ преданій. Книга его тѣмъ интереснѣе, что онъ умѣлъ соединить свои изслѣдованія съ историческими фактами. «Въ первые вѣка богемской исторіи — ищетъ онъ — между нѣмцами и славянами существовали такіа духовныя сношенія, которыми едва можно повѣрить, особенно если мы обратимъ вниманіе на то, что въ одиннадцатомъ столѣтіи нѣмецкій элементъ богемскаго народонаселенія состоялъ только изъ нѣсколькихъ пражскихъ купцовъ и евреевъ». Знаюкамъ русской старины не мѣшало бы, кажется, обратить вниманіе на эту книгу. Нельзя допустить, чтобы не было тѣсной связи между богемскими преданіями и тѣмъ, что удерживается до сихъ поръ въ памяти русскаго народа, что относится къ его суевѣрію, демонологіи и т. д. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Богемцы для укрощенія мелковины — такъ называютъ они вихрь, бурю — владутъ на вѣтви сливы муку для того, чтобы вѣтеръ развѣялъ ее. У многихъ народовъ существуетъ повѣрье, что души умершихъ и духи носятъ въ воздухѣ и живутъ на деревьяхъ и въ можжевеловомъ кустарникѣ. Корни этого преданія таятся, вѣроятно, въ глубокой древности, слѣды которой до сихъ поръ остаются въ дѣйствительной жизни недивилизованныхъ народовъ. Мы говорили недавно, что сингапурскіе аборигены живутъ на деревьяхъ. Въ Африкѣ, южной Америкѣ, Новой Зеландіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ дикари удерживаютъ привычку къ устройству такихъ воздушныхъ жилищъ. Вивьен-де-Сан-Мартенъ говоритъ, что въ южныхъ провинціяхъ Китая живутъ цѣлыя семьи подъ сводами переплетенныхъ кустовъ. Можетъ быть, въ глубокой древности такой способъ домостроительства былъ несравненно въ большемъ употребленіи. Не-

даромъ же гласить наша сказка, что Соловей-Разбойникъ вѣталъ на дубу, или даже на двѣнадцать дубахъ. Самая архитектура жилища нашей Бабы-Яги, эта избушка на курьихъ ножкахъ, повертывающаяся къ лѣсу задомъ, а къ гостю передомъ; даже ступа, въ которой развѣзжала она, заметая слѣды свой—все это намекаетъ на исторію происхожденія и широкую общность богемскаго преданія. Тамъ держится еще обычай, вслѣдствіе котораго дѣти первую горсть собранной земляники кладутъ на древесный конь, въ даръ бѣднымъ душамъ. Въ одной моравской пѣснѣ говорится, что вылетѣвшая изъ тѣла душа садится на вершину рожи. Въ Кѣнигингоферской рукописи сказано, что душа Власлава влетѣла на дерево и потомъ перепархивала съ одного изъ нихъ на другое. Можно бы, кажется, употребленіе можжевельника въ похоронномъ обрядѣ объяснить преданіемъ, по которому души умершихъ избираютъ именно можжевеловые вусты для своего загробнаго жилища. Для того, чтобы узнать мѣсто, гдѣ лежитъ нодъ водою трупъ утопленника, въ Богеміи зажигаютъ освещенную восковую свѣчу и, воткнувъ ее въ дощечку, пускаютъ по рѣкѣ. Гдѣ остановится она, тамъ и начинаютъ искать утопленника. Кажется, этотъ приемъ употребляется и въ нашихъ деревняхъ. Англичане, ирландцы и сѣверо-американскіе индѣйцы, вмѣсто свѣчи, употребляютъ съ той же цѣлью ртуть, положенную въ хлѣбный мякишъ. Въ богемскомъ повѣрѣ, что слезы, проливаемые объ умершемъ, неприятны или вредны ему, звучитъ также отголосокъ широко-распространеннаго преданія. Наши простолюдины и люди средняго сословія забираются, какъ извѣстно, на кладбища съ самоварчиками, водочкой, кулебякой и разными закусками. Поклонившись безмолвно, или съ причитаньями праху усопшаго, начинаютъ они пить и ѣсть за упокой души его, причемъ неумѣренные весьма часто напиваются до пьяна. Послѣ похоронъ приглашаются у насъ обыкновенно всѣ провожаніе покойника «помянуть» его. Исключительно для этихъ поминковъ при кладбищахъ устрояются гостиницы. Въ началѣ стола подаютъ обыкновенно блины, въ заключеніе кисель, или что нибудь похитрѣе въ этомъ родѣ. Послѣ обѣда слѣдуетъ такъ-называемая «заупокойная чаша»: присутствующимъ разносятъ наполненные медомъ и пивомъ стаканы. Отказываться никто не долженъ, всякій обязанъ хоть немножко выпить. Богемцы вѣрятъ, что умершая мать не перестаетъ заботиться о своихъ дѣтахъ, что души принимаютъ порою видъ птицы, и что трава и цвѣты, вырастающіе на могилахъ—символь безсмертія души. Все это отзывается чѣмъ-то близкимъ, роднымъ русскому человѣку. Подождемъ, что скажетъ г. Громанъ во второй части, которая не вышла еще.

Проблема языка и исторія его развитія, г. Германа (*).

(*) Das Probleme der Sprache und seine Entwicklung in der Geschichte, von Pr. Dr. Hermann. 1865.

Г. Германъ начинаетъ исторію философіи языка взглядомъ на этотъ предметъ Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля, и потомъ уже переходитъ къ Монбеддо и новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Древніе греки слѣдили неключительно за отношеніемъ слова къ предметамъ, которые выражаетъ оно, тогда-какъ новѣйшіе филологи обращаютъ особенное вниманіе на внутреннюю связь его съ мышленіемъ. Отсюда обнаруживается ясно противоположность обоихъ направленій. Сверхъ того основаніе современныхъ изслѣдованій несравненно шире, потому что теперь принимаются во вниманіе всѣ извѣстные языки, на которыхъ говорятъ обитатели разныхъ частей земли. Очевидно, что въ наше время не существуетъ той узкой рамки, изъ-за которой не выступали греки, изучавшіе духъ и строеніе только своего роднаго языка. При этихъ преимуществахъ новѣйшаго взгляда, философія языка возведена въ самостоятельную науку, тѣсно связанную съ характеромъ духа человѣческаго. Греки шли отъ идеи языка и, при помощи умозрѣнія, достигали подраздѣленій рѣчи на ея составныя части. Этими логическо-грамматическимъ направленіемъ заключались труды александрійской школы. Въ средневѣковой Германіи эмпирическая обработка языковѣдѣнія началась тѣмъ же путемъ—отъ филологіи перешли къ лингвистикѣ и, наконецъ, къ философскому взгляду, который былъ вызванъ мыслями о происхожденіи языка. Авторъ, объясняя теорію Гердера, В. Гумбольдта и Гримма, излагаетъ свое мнѣніе о томъ, что начало языка современно развитію мышленія, т.-е. тому періоду, когда чисто-животныя побужденія переходятъ въ ясное сознаніе. Это собственно взглядъ Штейнтала. Дальнѣйшія мнѣнія о языкѣ, высказанныя со времени Гумбольдта, изложены авторомъ съ той ясностью, какой отличаются и его собственныя изслѣдованія. Вообще, какъ историческая, такъ и теоретическая часть этого ученаго труда заслужили очень лестный отзывъ критики.

Историческіе и философическіе опыты, В. Сеніора (*).

Г. Сеніоръ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей утилитарной и рациональной школы. Онъ признавалъ несовершенности всѣ доктрины, всѣ учрежденія, былъ убѣжденъ въ необходимости ихъ преобразования и отвергалъ пользу вліянія авторитетовъ, потому что оно стѣсняетъ независимую дѣятельность разума. Едва-ли самъ Вольтеръ смотрѣлъ неприязненно на дѣла человѣческія. Впрочемъ, причиною этой неприязни былъ не абсолютный скептицизмъ и не сварливый характеръ г. Сеніора, но желаніе подвести людскія дѣянія подъ общій уровень здраваго смысла, хотя онъ и заходилъ порою слишкомъ далеко. Отличительный характеръ его ума и направленія обнаруживается осо-

(*) HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ESSAYS, by Nassau W. Senior. 1866.

бенно рѣзко въ статьѣ «Франція, Америка и Британія». Здѣсь, на 140 стр., вполне развитъ многосторонній взглядъ автора на эти три націи. Говоря о Франціи, онъ высказываетъ свои мнѣнія о ея политическомъ образованіи, тщеславіи, гордости, честолюбіи, безнравственности, дерзости, неосновательномъ опасеніи на счетъ нашествія на нее враговъ, о недостаткѣ въ ней симпатіи и великодушія. Въ американцахъ не нравится ему національная ихъ гордость, ихъ слишкомъ большая вѣра въ свое будущее, дурно-направленныя попытки приобрести вліяніе на Англію, раздражительность, неблагоразумный обычай ввѣрить высшую власть необразованнымъ людямъ и т. д. Своей родинѣ также не щадить г. Сеніоръ. Статья эта богата указаніями на историческіе факты, которые хотя и многимъ извѣстны, но по большей части поверхностно, только по имени. Ее можно отнести къ числу самыхъ энергическихъ и умныхъ нападокъ вообще на человѣчество, какіе только можно найти въ новой литературѣ. Америка и преимущественно Франція осуждены въ ней окончательно. Англія хотя и заслужила строгое порицаніе, однако, пощажена нѣсколько за одну или двѣ хорошія черты ея національнаго характера. Но особенно замѣчательны статьи, написанныя авторомъ по поводу «Закона о бѣдныхъ». Онъ глубоко изучилъ исторію этого вопроса и даже принималъ участіе въ его юридической обработкѣ. Читая эти статьи, можно подумать, что большая часть англійскихъ законодателей состояла изъ помѣшанныхъ людей, которыхъ слѣдовало бы заключить въ домъ сумасшедшихъ, еслибы можно было найти смотрителей, которые превышали бы ихъ здравомысліемъ. Тутъ, разумѣется, многое преувеличено. Нельзя не сознаться, что авторъ порою принимаетъ на себя роль школьнаго учителя и распекаетъ за ошибки, какъ сержантъ. Однакоже, несмотря на это, онъ высказываетъ очень много дѣльныхъ мыслей и анализируетъ темную сторону вопроса съ неотразимой логикою. Цинизма и насмѣшекъ нѣтъ въ его анализѣ, но только чересчуръ силенъ тотъ педагогическій элементъ, котораго такъ не жалуютъ вообще взрослые люди. Чтѣ бы ни говорили, но утилитарная школа принесла Англіи большую пользу. Въ этомъ отношеніи Бентама и его послѣдователей никакъ нельзя сравнивать съ догматиками или идеалистами. Всѣ важнѣйшія социальныя реформы, измѣнившія строй англійскаго общества въ послѣднее время, были не только организованы при содѣйствіи утилитарной школы, но даже самая инициатива этихъ преобразованій принадлежать ей по преимуществу. И однакоже, едва ли существовали на свѣтѣ мыслители, которые возбуждали бы менѣе энтузіазма и были бы такъ мало вознаграждены за свои заслуги. Но обратимся къ книгѣ г. Сеніора. Начало закона о бѣдныхъ относится къ XIV столѣтію. Онъ явился впервые при Эдуардѣ III въ 1349 г., подъ видомъ «Земледѣльческаго устава». Главнѣйшій предметъ его заключался въ опредѣленіи максимума заработной платы, которую земледѣлецъ обязанъ былъ принять, если ему

предлагать ее, въ строгомъ наказаніи за бродяжничество и въ припискѣ неспособныхъ работать бѣдняковъ къ тѣмъ приходамъ, гдѣ родились они и гдѣ должны оставаться до конца своей жизни. Цѣлый рядъ послѣдовательныхъ законодательствъ запрещалъ перемѣну занятія и самовольную отлучку изъ опредѣленной мѣстности для отыскиванія себѣ работы. Вслѣдствіе этихъ постановленій, англійскіе земледѣльцы обращались рѣшительно въ невольники. Такова была первая система. Когда правительство сознало практическую невозможность установить опредѣленную цѣну за трудъ, оно отмѣнило прежніе законы и обратилось преимущественно къ облегченію участи убогихъ. Законъ не воспрещалъ уже бѣднякамъ отыскивать работы на чужой сторонѣ, но были учреждены особые надсмотрщики, обязанные удалить пришлыхъ работниковъ, еслибы вѣдумали они поселиться тамъ, гдѣ нашли для себя занятіе. Также была установлена такса на вспоможеніе неспособнымъ къ работѣ. Это — вторая система. Власть, данная надсмотрщикамъ удалять рабочихъ, вызвала очень естественный вопросъ—куда же удалить ихъ? Рѣшеніе этого вопроса привело послѣдовательно къ закону о припискѣ къ мѣсту жительства, объ осѣлости. Такса на пособіе бессильнымъ (impotent) была также причиною расширенія смысла, приданнаго слову бѣдный (poor), подъ которымъ стали разумѣть не только неспособныхъ къ работѣ людей, но вообще народъ, неимѣющій порядочной собственности. Вслѣдствіе этого земледѣльцы были систематически включены въ категорію пролетаріевъ. Каждый изъ нихъ принадлежалъ къ тому приходу, гдѣ находилось его законное мѣстожительство. Тамъ только могъ получить онъ такъ-называемыя «кормовыя» (allowance), и—говоря вообще—тамъ только могъ онъ достать себѣ работу. Законъ опредѣлялъ мѣсто его осѣлости, мѣстная власть исчисляла его валовой доходъ, община рѣшала, сколько долженъ влучать онъ заработной платы и сколько кормовыхъ, а надсмотрщикъ назначалъ ему хозяина. Такова была третья система. Лаская земледѣльца, она дѣлала его такимъ же невольникомъ, какъ первая своей незамаскированной суровостью. Г. Сеніоръ принадлежалъ къ числу главныхъ организаторовъ четвертой системы, вслѣдствіе которой былъ учрежденъ департаментъ новаго устава о бѣдныхъ. Члены составленной по этому случаю комисіи, несмотря на оппозицію торіевъ и радикаловъ, очень сократили выѣшнее пособіе (out door relief) и значительно ослабили дурныя послѣдствія прежней системы снисхожденія. Но хотя ни одна изъ англійскихъ реформъ послѣдняго времени не была такъ богата выгодными для общества результатами, однакоже въ ней есть чувствительные недостатки, и вообще она незакончена. По новому закону почти ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣетъ въ Англій законной осѣлости, право на которую, не говоря уже о другихъ тонкостяхъ, приобретается наймомъ квартиры въ 10 ф. ст., или ремесленнымъ занятіемъ. Но такъ-какъ хлѣбопашцы не ремесленники и никогда не платятъ за помѣщеніе по 10 ф. ст.,

то, слѣдовательно, они, по отношенію къ закону, остаются постоянно равнымъ-то неосѣдлымъ, кочующимъ народомъ. Конечно, каждый изъ нихъ, проживъ три года въ общинѣ, становится ея членомъ, но эту привилегію снова терять онъ съ переѣздомъ мѣстожителства, причемъ, разумѣется, утрачивается право на равномѣрное съ другими жителями данной мѣстности пособіе со стороны прихода. Замѣтимъ, что изданныя теперь статьи г. Сениора помѣщались въ разныхъ журналахъ и выходили особыми книжками отъ 1841 по 1850 г. Авторъ отчасти исправилъ, дополнилъ ихъ и хотѣлъ приступить къ новому изданію еще въ 1862 г., но умеръ. Потому-то въ этихъ двухъ томахъ, напечатанныхъ послѣ его смерти, есть статьи неполныя конченныя. Однако же, несмотря на этотъ недостатокъ, англійская критика не только ставитъ ихъ на ряду съ лучшими спекулятивными опытами Маболея и Минли, но даже отдаетъ имъ преимущество передъ послѣдними, въ отношеніи къ богатству специальныхъ свѣдѣній по тѣмъ предметамъ, о которыхъ говоритъ г. Сениоръ.

Старая исторія (*).

Это—очень хорошій романъ. Онъ оставляетъ въ душѣ грустное, но не безплодное впечатлѣніе. Въ немъ много ума и много житейской правды. Авторъ его принадлежитъ къ талантамъ, надѣленнымъ способностью глубоко вглядываться въ самыя повидимому простыя явленія, и передавать ихъ въ такой художественной формѣ, съ такими характеристическими подробностями, которыя могутъ занять не одно праздное воображеніе, но дать нишу серьезной дѣятельности ума, какъ тонко развитые вопросы изъ науки дѣйствительной жизни. Завязка этого романа основана на взаимномъ недоразумѣніи непонимающихъ друга друга характеровъ, которымъ хотѣлось бы дѣйствовать честно и справедливо, но у нихъ нѣтъ ключа къ той двери, которую прикрыты мысли и чувства другихъ людей, отчего и понимаютъ они ошибочно чужія слова и дѣйствія. Героиня этого романа—милая малютка, сдѣлавшаяся потомъ очаровательной дѣвушкой. Но всѣ благородныя качества, которыми надѣлила природа это прекрасное созданіе, обращены другими противъ ея же собственнаго счастья. Дѣйствительная жизнь богата подобными фактами. Счастливо организованная натура часто бываетъ неспособна употребить съ пользою тѣхъ силъ, которыя даны имъ природою. Эта неудача происходитъ повидимому отъ избытка хорошихъ началъ. Кажется, будь такой человекъ хоть нѣсколько побѣднѣе ими, тогда все пошло бы наоборотъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, неуспѣхъ зависитъ отъ неумѣнья распорядиться экономически своимъ внутреннимъ богатствомъ. Неспособность отличать лишнее отъ недостатка въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ справедливость становится съ великодушіемъ, влечетъ къ смѣшенію понятія о героическомъ

(*) OXEN AND AGAIN, A NOVEL, by the author of «Cousin Stella». 1863.

самопожертвованіи съ тѣмъ безнокійнымъ побужденіемъ, которое, такъ сказать, подстрекаетъ людей жертвовать собою героически. Когда недостаетъ человѣку того, что называется попросту здравымъ смысломъ, который выработывается, впрочемъ, знакомствомъ съ жизнью и практическимъ навыкомъ, тогда тѣмъ больше богатъ онъ рѣдкими способностями, тѣмъ хуже для него, тѣмъ больше вреда могутъ онѣ нанести ему. Впрочемъ, если такой благородный характеръ остается вѣренъ самому себѣ, то эти невзгоды не роковая еще бѣда для него. Промакхи, основанные на благородныхъ, честныхъ побужденіяхъ, способствуютъ высшему развитію характера. Нехорошо только, что жизнь наша бываетъ иногда слишкомъ коротка, для того, чтобы можно было воспользоваться уроками опытности; притомъ же человѣкъ, потерпѣвшій разъ кораблекрушеніе въ этомъ морѣ дѣятельности, не всегда бываетъ довольно храбръ, чтобы снова отважиться на такой же подвигъ. Во мнѣніи недалекихъ людей подобныя неудачи равняются полному банкротству, хотя и очень извѣстно имъ, что простой успѣхъ не есть доказательство образцовыхъ дѣйствій, которыя могли бы служить примѣромъ безусловнаго подражанія. Такова главная мысль, положенная въ основаніе романа «Старая исторія».

Дѣйствіе начинается въ Парижѣ. Въ одномъ домѣ съ мистрисъ Темплъ, матерью героини романа Лауры, живутъ профессоръ Гастино и очень богатый, любезный, пожилой маркизь, большой другъ г-жи Темплъ. Приязнь ихъ, далекая, впрочемъ, отъ взаимной любви и намѣренія сочетаться брачными узами, возбуждаетъ антипатію и зависть въ родственницѣ маркиза, г-жѣ Тильмонъ, которой хотѣлось бы имѣть исключительное вліяніе на своего богатого зятя. У этой женщины есть сынъ — пустой малый. Мистрисъ Темплъ испытала много непріятностей въ своей жизни. Она вышла за человѣка безъ связей, безъ значительнаго положенія въ обществѣ, и этимъ поступкомъ отдала отъ себя родныхъ, которыхъ сословные предрасудки были сильно затронуты ея бракомъ. По смерти мужа она осталась бездѣтною, богатой вдовою и отдала свою руку въ другой разъ человѣку хорошей фамилии, но моту, который не замедлил разстроить ея состояніе и скоро умеръ, оставивъ ее уже небогатою вдовою, и притомъ матерью очень милой малютки. Профессоръ Гастино, страшный деспотъ въ своей семьѣ, ухаживаетъ за мистрисъ Темплъ, которая отвѣчаетъ презрѣніемъ на его любезности и разыгрываетъ роль покровительницы жены и дѣтей этого господина. Маленькая Лаура производитъ сильное впечатлѣніе на старшаго сына профессора, мрачнаго и неуклюжаго мальчика, который начинаетъ обожать ее. У Гастино познакомилась мистрисъ Темплъ съ вивантомъ Грансономъ. Этотъ невзрачный и довольно грубый бѣднякъ долго жилъ въ Шотландіи. Его рассказы стали переносить воображеніе этой женщины на родную, давно покинутую сторону. Результатомъ пріятныхъ воспоминаній была любовь къ

человѣку, который умѣлъ вызвать ихъ. Г. Грансонъ сдѣлалъ предложеніе, мистрисъ Темплъ приняла его, и вслѣдъ за тѣмъ ввѣрила ему 5,000 ф. ст., въ видахъ увеличить свое маленькое состояніе какими-то выгодными операціями. Лаура была невинной причиною отергтія, которое разсынило гнусный характеръ этого человѣка почти наканунѣ предположенной свадьбы. Мать ея, столько же недалекая, сколько гордая, впечатлительная женщина, не можетъ забыть своего униженія и начинаетъ мстить дочери. Потерявъ отданныя Грансону деньги, она поселилась подлѣ маленькаго нѣмецкаго городка и, углубясь въ экономическія заботы и соображенія, предоставила нелюбимой уже дочери право безконтрольно распорядиться собою. Между тѣмъ профессоръ Гастино тоже разорился, и старшій сынъ его, получивъ мѣсто въ книжной лавкѣ того городка, близъ котораго жила Лаура, снова сошелся съ нею. Ее обрадовала встрѣча съ другомъ своего дѣтства, и она стала учить его поанглійски, не говоря объ этомъ матери, которая постоянно отвергала ея довѣренность. Послѣ этого слѣдуетъ очень правдоподобная перемѣна декорацій. Лаура введена въ тотъ кругъ, куда имѣла право войти она по своему происхожденію. Ее окружаетъ толпа поклонниковъ, ей удивляются, ищутъ ея руки. Но она, не любя Гастино, дала ему слово не выходить замужъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, и теперь мысль о томъ огорченіи, которымъ заплатитъ она за его безпредѣльную преданность, если нарушитъ свое обѣщаніе, заставляетъ ее отклонять всѣ очень лестныя предложенія. На возвратномъ пути въ Парижъ, она объясняетъ матери причину своихъ отказовъ, и эта откровенность еще больше усиливаетъ антипатію къ ней мистрисъ Темплъ. Исторія кончается тѣмъ, что Гастино, этотъ умный и твердый молодой человѣкъ, рѣшившійся пробить себѣ дорогу въ жизни, несмотря ни на какія препятствія, былъ все-таки сынъ своего грубаго отца, совершенно чуждый деликатности, свойственной истинному джентльмену. Онъ низко пользовался своимъ вліяніемъ на Лауру. Когда объяснилось это, и она получила свободу располагать собою, безконечныя придирки неугомонно-сварливой матери заставили ее принять предложеніе пошлаго племянника маркиза, г. Тильмона, который смотрѣлъ на этотъ бракъ, какъ на вѣрнѣйшій путь къ наслѣдству дяди. За свадьбою Лауры тянется рядъ интересныхъ, очень хорошо рассказанныхъ происшествій, и наконецъ Лаура остается вдовою. Она молода еще; практическіе уроки, данныя ей жизнью, не пропали даромъ, и авторъ увѣряетъ, что она будетъ счастлива.

Новые рассказы изъ римской исторіи IV и V вѣковъ, соч. Ам. Тьерри (*).

Эти новые рассказы могли точнѣе быть названы «рассказами

(*) *NOUVEAUX ÉVÉNEMENTS D'HISTOIRE ROMAINE AU QUATRIÈME ET CINQUIÈME SIÈCLES*, par M. Am. Thierry, sénateur, Paris. 1865.

о первомъ періодѣ борьбы римскаго государства противъ готъ». Во всемъ томъ рѣчь постоянно о готахъ, да о министрахъ, которые ведутъ съ ними переговоры. Эти министры — Руфинъ, Евтропій и Стиликонъ. Имъ посвящено каждому по разсказу: затѣмъ послѣдній очеркъ изображаетъ двѣ осады Рима Аларихомъ.

Мрачное впечатлѣніе выносишь изъ чтенія этой книги; непривлекательны ни римляне времянь упадка, ни германцы. Послѣдніе еще во всей свѣжести сохранили грубость своихъ нравовъ: они умѣютъ страдать, бороться и умирать; но это чистые дикари, которые жгутъ, грабятъ, насилуютъ женщинъ и пьянствуютъ. Нужны цѣлыя вѣка, чтобы ихъ пересоздало христіанство. Не лучше ихъ и византійскіе греки, и римскіе итальянцы: если германцы—это олицетворенная буря, то греки и римляне—смрадное болото, обитаемое ядовитыми гадами. Чтобы бороться противъ вторженій, у нихъ существуетъ одно только средство: хитрость, низкій, беззастѣнчивый обманъ, отвратительный до того, что радуешься его неудачѣ. Общественныхъ интересовъ больше нѣтъ; нравственные узы порваны, каждый закутывается въ своемъ эгоизмѣ. Само христіанство безсильно въ такой средѣ; это—внутренняя религія, до которой не касаются внѣшнія политическія событія; при томъ, въ IV вѣкѣ христіанскую вѣру многие исповѣдуютъ не искренно, а изъ видовъ политическихъ. Аларихъ, со своими дикарями, грабитъ Римъ — нѣсколько семействъ спасаются бѣгствомъ, большинство жителей остается; вы думаете, что они возстанутъ на грабителей—нѣтъ, они откупаются дарами, да еще правительство и правители отнять у нихъ то, что имъ осталось отъ грабежа вестготовъ. Такова среда, изображаемая историкомъ. Общій характеръ событій тутъ такъ ясенъ, что невозможно было освѣтить его какимъ-нибудь особеннымъ новымъ взглядомъ, не впадши въ ошибку. Поэтому и Тьерри остается при сужденіяхъ общепринятыхъ. Разбирая вражду трехъ министровъ-проходимцевъ, онъ отдаетъ справедливость дарованіямъ Руфина и Стиликона и порицаетъ евнуха Евтропія; но въ то же время онъ указываетъ на то, что одинъ личный интересъ руководилъ этими людьми. Любопытно, что Тьерри благосклонно отзывается о римской литературѣ этого времени: Клавдіана онъ считаетъ первымъ послѣ Вергілія поэтомъ римскимъ; это какой-то капризъ старческаго вкуса, объясняемый лишь тѣмъ, что авторъ, вслѣдствіе долгого изученія писателей эпохи паденія, свыкся съ испорченностью ихъ языка и скудостью ихъ содержанія. Изложеніе Тьерри, какъ всегда, очень живо, и потому книга читается съ удовольствіемъ.

Очерки французскихъ моралистовъ, соч. Право-Парадоля (*).

(*) *ÉTUDES SUR LES MORALISTES FRANÇAIS, suivies de quelques réflexions sur divers sujets, par Prévost-Paradol.* Paris. 1866.

Прево-Парадолъ, недавно избранный въ члены французской академіи, незадолго до своего избранія издалъ книжку литературно-критическаго содержанія, какъ-бы для того, чтобы захватить за собой право на кресло въ ареопагѣ французской словесности. Избраніе Прево-Парадола увѣнчалось успѣхомъ, и этимъ окончательно опредѣляется литературный характеръ этого писателя. Прево-Парадолъ въ полномъ смыслѣ французскій литераторъ. Онъ уменъ и изященъ; въ его образѣ мыслей и въ выраженіи много такту; онъ отличный стилистъ. Воспитанный въ школѣ редакціи *Journal des Débats*, онъ усвоилъ тотъ легкій и изящный, хотя и очень неглубокій тонъ, которымъ искони отличался литературный отдѣлъ этого журнала. Обстоятельства развили въ немъ тонкость сужденій. Но не ожидайте найти въ немъ сильную оригинальность и мужественную смѣлость свободного мыслителя. Его независимость чисто-относительная. Онъ возмущается противъ бремени политическаго и охотно несетъ бремя общественныхъ сужденій. Его «Очерки французскихъ моралистовъ» заключаютъ въ себѣ повтореніе мнѣній, уже не разъ высказанныхъ. Да и вообще тутъ мало критики: скептицизмъ Монтаня, ограниченная вѣра Паскаля, анализъ Ларошфуко только охарактеризованы, но не обсуждены Прево-Парадоломъ. Конечно, авторъ видитъ ихъ слабыя стороны, но какъ будто считаетъ необходимымъ, чтобы похвальный тонъ преобладалъ въ его отзывахъ. Съ большою смѣlostью онъ могъ бы выставить на видъ, на примѣръ, ту важную черту, что всѣ эти мыслители не точно усваиваютъ себѣ истинный смыслъ христіанской нравственности, и именно потому, что находились въ кругу возрѣній узко-католическихъ. Болѣе доступны Прево-Парадолю вопросы политическіе, и потому ему болѣе всего удалась характеристика Лабоеа, автора рѣчи о добровольномъ рабствѣ или *Contr'un*.

Мистицизмъ во Франціи, во время Фенелона, соч. Маттера (*).

Мистицизмъ, одна изъ очень важныхъ вѣтвей религіознаго сознанія, имѣлъ особенно сильное развитіе въ католичествѣ. А между мистиками католическими немногіе умѣли сдѣлать свое ученіе столь привлекательнымъ, какъ Фенелонъ. Мягкость характера, широта пониманія, возвышенность мысли, все соединялось въ немъ, и его набожность должна была производить особенно сильное впечатлѣніе на нѣжныя души, не увлекая ихъ однако въ движенія черезчуръ экзальтированныя и не облакаясь въ проявленія двусмысленныя. И дѣйствительно, около Фенелова образовалась группа послѣдователей. Но онъ былъ чловѣкъ искренній и скромный, постоянно охранявшій своихъ учениковъ отъ

(*) *Le mysticisme en France au temps de Fénelon, par Matter.* Paris. 1865.

того пути, на который ихъ влекло его сердце. Въ своихъ отношеніяхъ къ г-жѣ Гюйонъ, въ своихъ ссорахъ съ Боссюэтомъ онъ постоянно обнаруживалъ честность и благородство. Когда панское осужденіе произнесло приговоръ его мистическимъ стремленіямъ, Фенелонъ покорно склонился передъ высшимъ авторитетомъ католичества, и только это спасло его отъ окончательной гибели. Маттеръ заинтересовался этою замѣчательною личностію и изучилъ ее именно со стороны ея мистическихъ стремленій, которыми она взволновала на время французское общество и дворъ Людовика XIV. Маттеръ открыто становится на сторону Фенелона и, безъ сомнѣнія, поступаетъ совершенно основательно. Онъ высоко цѣнитъ нравственный характеръ архіепископа Камбрейскаго и придаетъ большое значеніе его религіознымъ и нравственнымъ идеямъ. Но, къ сожалѣнію, изложеніе въ этомъ интересномъ этюдѣ такъ скучно и утомительно, что книга, вѣроятно, не найдетъ большаго числа читателей.

Картины древняго міра.—Клеопатра.

Кому неизвѣстно имя Клеопатры, и кто не бросалъ камней въ эту удивительную женщину? Сладострастіе, честолюбіе, вѣтренность, кокетство, измѣна, трусость — вотъ качества, которыми постоянно надѣляли ее историки и поэты всѣхъ временъ. Клеопатру рисовали обыкновенно какою-то египетскою камеліей, и цивилизованное человѣчество такъ свыклось съ этимъ отзывомъ, что энергическій голосъ г. Штара, внезапно раздавшійся въ защиту этой египтянки, произвелъ очень пріятный для всѣхъ диссонансъ въ монотонномъ хорѣ этого — смѣшно сказать! — злобнаго, простодушнаго поруганія. «Цѣль моя — говоритъ авторъ «Картины изъ древняго міра» (*) — заключается въ желаніи смить съ историческаго характера тѣ пятна, которыми интересы партій и бессмысленность древнихъ и новыхъ историковъ затемнили образъ Клеопатры». Возстановить честь несправедливо униженной женщины, кто бы ни была она — это такой благородный поступокъ, которому нельзя не сочувствовать, и мы повторили бы здѣсь главныя мысли автора, не дѣлая никакихъ замѣчаній, еслибы ограничился онъ характеромъ Клеопатры. Но г. Штаръ старается облагородить также Антонія — это уже слишкомъ смѣло. Антоній былъ жестокій, злой тиранъ и самый грубый циникъ. Онъ извелъ сестру свою изъ храма, гдѣ искала она убѣжища, и умертвилъ ее. Такъ же поступалъ онъ и съ другими противниками. Склонности своей къ грязному разврату онъ не скрывалъ отъ римлянъ, и если Цицеронъ изображаетъ его чудовищемъ, то мнѣ кажется невѣрностію этой характеристикѣ нельзя объяснять политической враждою, потому что во второй филиппикѣ, описывая жизнь Антонія, ораторъ представилъ факты, извѣстные всему

(*) BILDER AUS DEM ALTERTHUME. CLEOPATRA. Von Adolf Stahr. 1864.

Риму. Еслибы онъ выдумалъ ихъ, онъ унизилъ бы только самого себя, и предположенная цѣль не была бы достигнута. Предпославши это необходимое замѣчаніе, мы можемъ обратиться къ главному характеру, и слѣдовать за рассказомъ автора. Когда Юлій Цезарь увидѣлъ въ первый разъ дочь Птоломея XI, Клеопатру, въ Александріи, ей было только семнадцать лѣтъ. Она явилась къ нему просить покровительства. «Пятидесятидвулѣтній герой—говорить г. Штаръ—отдалъ свое сердце этой египетской волшебницѣ, которая была несравненно умнѣй и прекраснѣй всѣхъ женщинъ, дарившихъ его своей благосклонностью. Гибкость ума и самое утонченное образованіе, соединенныя съ красотою, прелестью и всѣми тайнами усовершенствованнаго кокетства, произвели на Цезаря такое впечатлѣніе, которому онъ не въ состояніи былъ противиться. Хотя знаменитый римлянинъ принадлежалъ къ записнымъ поклонникамъ прекраснаго пола, однакоже, онъ не отличался особенной разборчивостью, и — по словамъ древняго историка — пользовался во время своей долгой боевой жизни тѣмъ, что давалъ ему случай. Теперь, когда вступилъ онъ въ Александрію, передъ нимъ явилось такое существо, прекраснѣе котораго ничего, можетъ быть, не создавалъ онъ въ своемъ воображеніи. Прелестнѣйшая женщина того времени, полная молодой, свѣжей и величественной красоты, обращалась къ нему съ мольбою о защитѣ, о помощи. Удивительно-ли, что побѣдитель полміра не могъ устоять, видя гордую грусть этого очаровательнаго созданія — грусть, которая дѣлала ее вдвое привлекательнѣй и достойнѣе сожалѣнія? Удивительно-ли, что онъ не могъ слышать равнодушно ея мелодическаго голоса, о которомъ, по прошествіи двухъ столѣтій, отыскался одинъ историкъ, какъ о чарующей силѣ, противиться которой не могли самые холодные люди, даже злѣйшіе враги женщинъ? Это свиданіе рѣшило судьбу ихъ. Сердце Цезаря было завоевано. Шестъ мѣсяцевъ прожилъ онъ неразлучно съ Клеопатрою, и успѣлъ въ это время убѣдиться въ ея умѣ, энергіи и твердости. Она осталась вѣрна ему, когда весь родъ ея принялъ участіе въ измѣнѣ. Хорошо зная Египетъ и людей, управлявшихъ имъ, она не разъ оказывала Цезарю важныя услуги своими совѣтами. Такимъ образомъ, связь, основанная на чувственномъ влеченіи, приняла иной характеръ, и политическому честолюбію Клеопатры открылось блестящее поприще. Съ этой поры задумала она сдѣлаться супругою повелителя вселенной, и неуклонно стремилась къ своей цѣли»... «Мысли Цезаря были постоянно обращены къ Востоку, и конечно, не безъ содѣйствія Клеопатры, которая думала, можетъ быть, о перенесеніи столицы изъ Рима въ свою милую Александрію. Самъ Цезарь былъ обвороженъ угонченными характеромъ восточно-греческой жизни». Когда Клеопатра пріѣхала къ нему въ Римъ, ихъ связь не осталась безъ вредныхъ послѣдствій для Цезаря — она ускорила катастрофу, которая кончилась его смертью. Счастливая наружность Антонія подробно описана

авторомъ. Онъ былъ высокій, красивый, стройный и очень сильный мужчина. Плутархъ сравниваетъ его съ Геркулесомъ. Онъ отличался личной храбростью, и былъ страшенъ въ пылу сѣчи. Однакоже «Нильская Афродита» — такъ называется г. Штаръ Клеопатру — умѣла подчинить своей власти и этого героя. Грубый развратъ и безумное обжорство, съ запусканьемъ павлиного пера въ горло не могли, конечно, смягчить и облагородить его характеръ. Потому-то александрийскій дворъ произвелъ на него совершенно новое впечатлѣніе. Когда очутился Антоній въ волшебномъ замкѣ нильской Афродиты, ему казалось, что онъ попалъ въ новый міръ, гдѣ таятся неизвѣданныя еще имъ, самыя роскошныя наслажденія. «До сихъ поръ—говоритъ авторъ—онъ былъ знакомъ только съ дикими оргіями и неразборчивымъ удовлетвореніемъ чувственныхъ побужденій; теперь же передъ нимъ открылась другая, болѣе заманчивая сфера облагороженныхъ удовольствій... Въ самомъ дѣлѣ, Клеопатра, замѣнивъ лагерныя грубости и отвратительный кутежъ остроуміемъ и легкой, милой шуткою, соединивши роскошь нѣги съ прелестью ума и красоты, облагородила характеръ его прежней чувственности.» Хотя Плутархъ называетъ эту связь «позорной слабостью», однакоже авторъ смотритъ на нее съ другой точки зрѣнія. Онъ говоритъ, что древность не представляетъ ничего подобнаго силѣ и глубинѣ привязанности Антонія къ этой женщинѣ. Любовь къ нему Клеопатры объясняетъ онъ также не однимъ чувственнымъ влеченіемъ. «Мужественная красота Антонія и его геройское, фантастическое появленіе должны были, конечно, произвестъ на нее сильное вліяніе. Но такъ-какъ она небезумно, нерабски покорилась ему, то, стало быть, въ этой игрѣ страсти, кромѣ чувственности и честолюбія, принимало участіе также сердце... Политика Клеопатры — несправедливо думать, чтобы такая умная женщина была только сладострастной кокеткою и безотчетно отдавалась минутнымъ порывамъ страсти—ея политика и честолюбіе стремились къ тому, чтобы возвратитъ державѣ своихъ предковъ былое величіе, и освободивъ ее изъ-подъ власти Рима, сдѣлать независимою отъ парянъ и дальняго Востока... Съ этой поры Антоній и Клеопатра думали только о политической самостоятельности Египта и объ отдѣленіи его отъ Запада». Однакоже, политическія соображенія заставили Антонія жениться на сестрѣ Октавіи. Хотя связь его съ Клеопатрою была прервана, но взаимная любовь ихъ не охладѣла. Антоній не выдержалъ борьбы съ этой страстью. По прошествіи двухъ лѣтъ, онъ бросилъ жену, оставилъ Аенны, и прежнія отношенія между влюбленными были восстановлены. Этотъ роковой поступокъ рѣшилъ судьбу ихъ. Антоній давно уже поселилъ отвращеніе къ себѣ въ римлянахъ. Октавію умѣла воспользоваться этимъ чувствомъ, и битва при Акціумѣ сдѣлала его полновластнымъ повелителемъ древняго міра. Г. Штаръ доказываетъ, что Клеопатра не измѣнила Антонію, что она старалась вооружить Египетъ для новой борьбы съ побѣдителемъ, но ей

не удалось достигнуть этой цѣли, потому что всѣ совѣтчики и полководцы оставили Антонія. Послѣ неудачной попытки войти въ переговоры съ Октавіемъ, произошла извѣстная катастрофа — влюбленные лишили себя жизни. Авторъ слѣдующими словами заключаетъ свою монографію: «Жизнь Клеопатры, какъ царича, была продолженіемъ храброй битвы за престолъ своихъ предковъ, даже ея послѣднія усилія были направлены къ тому, чтобы передать верховную власть надъ Египтомъ своимъ дѣтямъ. Когда же надежды ея рушились, она думала только о спасеніи своей царской чести, и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ самоубійствомъ, которое привело въ изумленіе весь міръ. Дикая пѣснь побѣды враговъ ея и торжество побѣдителей, освободившихся отъ противницы, передъ которою трепеталъ гордый Римъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ политическаго величія Клеопатры, съ гробницы которой до тѣхъ поръ, пока существуетъ исторія, не сладятся слова, сказанныя Горациемъ: *Non humilis mulier!*» Представленный здѣсь очеркъ этой превосходной монографіи даетъ очень слабое понятіе о ея историческомъ и литературномъ достоинствѣхъ. Египетскій дворъ съ его блестящими празднествами и обаятельной роскошью, битвы, характеры замѣчательнѣйшихъ людей того времени — все это изображено авторомъ такъ художественно, что мысль и воображеніе читателя, перенесенныя имъ въ этотъ былой міръ, нерольно увлекаются его дикой красотой и тонкой, роскошной чувственностью. Прибавимъ, что г. Штаръ подробно изучилъ древніе источники, на которыхъ основанъ его историческій рассказъ, и если порою увлекается онъ, то нельзя не согласиться, что причина этого увлеченія сокрыта не въ желаніи пощеголять дешевымъ либерализмомъ и приторной гуманностью, но въ томъ благородномъ чувствѣ, которое нерѣдко заставляетъ насъ смотрѣть снисходительно на человѣческія слабости и заблужденія.

Первобытный міръ Швейцаріи.

Горы можно, кажется, назвать нѣмой, но открытой лѣтописью тѣхъ переворотовъ, которыми подвергалась наша планета вродолженіе своего существованія. Подземная, вулканическая сила, поднимая на огромную высоту мощные пласты земной коры, даетъ возможность видѣть постепенный порядокъ ихъ наслоенія и изучать органическую природу, которая развивалась на поверхностяхъ этихъ толщъ въ долгіе, тысячелѣтніе промежутки, раздѣлявшіе другъ отъ друга періоды ихъ образованія. Разработка швейцарскихъ горъ принесла большую пользу естественнымъ наукамъ. Г. Освальдъ-Геръ задумалъ описать «Первобытный міръ Швейцаріи» (*). Трудъ его не конченъ еще, но то, что успѣлъ уже сдѣлать онъ, заслужило полное одобреніе специалистовъ. Мы уважемъ на любопытнѣйшія мѣста этой книги. Каменно-

(*) Die Urvwelt der Schweiz. 1—7 Liefer. Von Oswald Heer. 1864.

угльная земля Швейцаріи состоятъ изъ антрацита и песчаника. Приложенная къ книгѣ картинка ея флоры представляетъ удивительный пейзажъ. Ни цвѣтвъ, ни листьевъ нѣтъ на этихъ деревьяхъ, одна кора украшаетъ ихъ. Они не болѣе нашихъ березъ и сосенъ, но такъ-какъ эти лѣса принадлежали къ семейству низшихъ растений современной намъ природы, то они кажутся очень странными. Въ Швейцаріи добываютъ ежегодно около 60,000 центнеровъ антрацита. Микроскопическія наблюденія и химическій анализъ убѣдили автора, что каменноугольныя массы образовывались всегда въ торфяныхъ болотахъ. Триасовая формація очень распространена по Швейцаріи. Въ составъ ея входитъ соль, которой добывается каждый годъ болѣе 320,000 центнеровъ. Однако же этого количества недостаетъ для потребления швейцарцевъ, и они почти столько же соли получаютъ изъ Бадена и Виртемберга. Представителями растительнаго царства этой формаціи служатъ саговыя деревья, нѣчто среднее между пальмой и лиственницею. Въ Европѣ ихъ нѣтъ уже, они растутъ теперь только въ южной Африкѣ. Лѣсовая формація замѣчательна разнообразіемъ содержащихся въ ней органическихъ остатковъ, и потому къ этой главѣ приложено мною рисунковъ. Юрскій періодъ тянулся очень долго. Впродолженіе его земля была покрыта водою. Геологическое образованіе этого періода очень бѣдно окаменѣлостями. Изъ минераловъ замѣчательны особенно бѣлый известнякъ и желѣзная руда. Бѣглый взглядъ на приложенную къ тексту карточку знакомитъ читателя съ характеромъ отдѣленія земли отъ моря въ мѣловой періодъ, во время котораго понизился уровень моря и поднялся изъ него швейцарскія горы. Эоценовая, древнѣйшая изъ третичныхъ формацій доставляла Швейцаріи еще во времена римлянъ сланцовыя, аспидныя или шиферныя плиты. Въ 1862 г. изъ шифера было сдѣлано 29,500 аспидныхъ досокъ, около 85 $\frac{1}{2}$ тысячъ квадратныхъ плитъ для столовъ, печей и половъ, и до 700,000 штукъ кровельной обшивки. Гора Платтенбергъ близъ Матта обратила на себя особенное вниманіе палеонтологовъ чрезвычайнымъ богатствомъ ископаемыхъ рыбъ (около 53 родовъ). Растеній и животныхъ не найдено въ ней. Изъ другихъ образованій эоценовой системы замѣчательны мощные пласты известняка, сланца и песчаника, извѣстные въ геологіи подъ общимъ названіемъ *флиша*, который вошелъ въ составъ Альпъ, тянется по долинамъ и восходитъ до горныхъ вершинъ, на нѣсколько тысячъ метровъ. Эти пласты богаты нуммулитами, брошечными, чичевидными корненожками, изъ раковинъ которыхъ сформировались цѣлыя горы. Египетскія пирамиды, напримѣръ, построены преимущественно изъ нуммулитоваго известняка. Въ шахтахъ третичныхъ формацій найдено множество костей и зубовъ позвоночныхъ животныхъ. Моцасовая земля, принадлежащая къ среднетретичнымъ образованіямъ или миоценовому періоду, занимаетъ 152 квадратныя мили, то-есть почти $\frac{1}{8}$ всей поверхности Швейцаріи.

царин. Она подраздѣляется на пять слоевъ. Молассъ — это собственно песчаникъ, за нимъ слѣдуютъ мергель, известнякъ и другіе конгломераты, вошедшіе въ составъ нѣкоторыхъ горъ. Къ полезнѣйшимъ минераламъ молассовой системы относится лигнитъ, низшій сортъ каменнаго угля. Очень часто находятъ его въ видѣ цѣлыхъ окаменѣлыхъ деревьевъ, съ корой и сучьями. Они бураго цвѣта, горять хорошо, довольно ярко, но даютъ менѣе тепла и больше неприятнаго запаха, сравнительно съ каменнымъ углемъ. Лигнитъ добывается во многихъ мѣстахъ Германіи, особенно въ Богеміи, на границахъ Саксоніи, и служитъ очень полезнымъ суррогатомъ дровъ. Изъ него въ послѣднее время стали выдѣлывать коксъ. Въ Швейцаріи находятъ его преимущественно въ Бель-Кепфнахъ, на Цюрихскомъ озерѣ.

Переписка Фарнгагена фон-Энзе.

Г. Фарнгагенъ фон-Энзе принадлежалъ въ ранній періодъ своей жизни къ небольшому числу самыхъ энергическихъ патриотовъ, стремившихся освободить Пруссію отъ французскаго ига. Когда совершилось это событіе, онъ вмѣстѣ съ ними ревностно заботился о возрожденіи науки, литературы и искусства въ своемъ отечествѣ. Впрочемъ, государственная дѣятельность его была непродолжительна. Онъ прежде друзей своихъ сошелъ съ политическаго поприща и былъ болѣе зрителемъ несчастной распри двухъ партій, нежели участникомъ въ ней. Его нейтральное положеніе давало ему возможность слѣдить за ходомъ реакціи и знать тайны этой борьбы. Хотя онъ слылъ фрондѣромъ, но аристократическія связи и отвращеніе отъ жесткихъ мѣръ, охраняли неприкосновенность его положенія посреди двухъ враждующихъ лагерей. Благородство и правдивость этого человѣка не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію. Его умъ, краснорѣчіе и очень замѣчательное искусство владѣть перомъ, были признаны всѣми. Словомъ, онъ пользовался бы и теперь, по смерти своей, тѣмъ уваженіемъ, въ которомъ никто до сихъ поръ не отказывалъ ему, еслибы не повредила этому нескромность его наслѣдниковъ, которые слишкомъ поторопились издать дружескую переписку Фарнгагена. Многія изъ лицъ, о которыхъ говорится въ ней, живы еще; даже люди, писавшіе эти письма, не всѣ еще умерли. Потому-то неудивительно то неприятое впечатлѣніе, которое произведено этой книгою въ высшемъ кругу Германіи. Англичане также думаютъ, что ее слѣдовало бы напечатать лѣтъ черезъ пятьдесятъ, но не прежде. Впрочемъ, дѣло сдѣлано уже, и намъ остается только указать на эту часть «Изъ наслѣдства, оставшагося послѣ Фарнгагена» (*), въ составъ которой вошли дневникъ его и письма Штегемана, Меттерниха, Гейне и Беттины фон-Арнимъ. Имя Штегемана очень мало извѣстно въѣ

(*) AUS DEM NACHLASS VON Varnagen's von Ense. Briefe von Stagemann, Metternich, Heine und Bettina von Arnim. 1865.

Пруссіи. Онъ служилъ подъ начальствомъ Штейна и Гарденберга, принималъ дѣятельное участіе въ восстановленіи независимости и въ національномъ возрожденіи своего отечества, но остался на службѣ послѣ реакціи, и умѣлъ ужиться съ новымъ порядкомъ. Его письма служатъ доказательствомъ того либеральнаго образа мыслей, которымъ отличались бюрократы при Штейнѣ, Нибурѣ и Гумбольдтѣ. Впрочемъ, Фарнгагенъ неслестно отзывается объ этомъ человѣкѣ за то, что онъ свои личныя выгоды ставилъ постоянно выше интересовъ Пруссіи. «Когда — говорить онъ — я снова прочелъ его письма, по простетвиіи многихъ лѣтъ, они произвели на меня болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ прежде, когда я получалъ ихъ. Много наговорено здѣсь о конституціи, о свободѣ прессы и т. д. Но какъ измѣнился этотъ человѣкъ въ послѣдніе годы! Еслибы вздумалъ я напечатать письма г. Штегемана, какой вспыхнулъ бы пожаръ! Но я не хочу знакомить съ ними публику.» Онъ отказался даже написать его біографію, когда посланный къ нему съ этимъ предложеніемъ г. Эйхгертъ высказалъ очень невыгодное мнѣніе объ усопшемъ, давши понять, что его біографія должна быть составлена въ этомъ духѣ. Въ перепискѣ Штегемана съ Фарнгагеномъ, находится подробное извѣстіе о замѣчательномъ письмѣ короля Фридриха-Вильгельма, по поводу жалобы мѣстныхъ властей одного города на злоупотребленіе свободы печати. Имъ хотѣлось подвергнуть отвѣтственности редактора газеты, описавшаго дурное состояніе моста черезъ рѣку Руръ. Король отвѣчалъ, что если гласность въ отношеніи къ подобнымъ предметамъ будетъ уничтожена, тогда высшее правительство лишится самаго простаго средства узнавать о неправильныхъ дѣйствіяхъ низшихъ властей, которыя приобрѣтутъ такимъ образомъ весьма вредную для государства независимость. «Потому-то — прибавляетъ онъ — приличную гласность я признаю вѣрнѣйшей гарантіею, какъ для правительства, такъ и для управляемыхъ, противъ безпечности и злоупотребленій низшихъ чиновъ. Вслѣдствіе чего и должно поддерживать ее и повровительствовать ей всѣми средствами». Письмъ Меттерниха немного, но одно изъ нихъ очень замѣчательно въ историческомъ отношеніи. Благодаря г. Фарнгагена за его исторію вѣнскаго конгресса, онъ поправляетъ вкравшуюся въ нее ошибку. «Считаю долгомъ — пишетъ Меттернихъ — сдѣлать замѣчаніе относительно одного историческаго факта. Вы сказали, что г. Генцъ, по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, высказался въ пользу мирнаго соглашенія. Это невѣрно. Впрочемъ, еслибы и дѣйствительно случилось такъ, то мнѣніе нашего друга нисколько не измѣнило бы принятаго рѣшенія. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ, и, замѣтьте — вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ едва-ли не скорѣе, чѣмъ кончу я это краткое письмо къ вамъ. Я прежде всѣхъ получилъ извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона. Конференція уполномоченныхъ пяти державъ продолжалась въ моемъ кабинетѣ съ 6-го на 7-е марта, почти до трехъ часовъ пополудни. Я за-

претилъ намердинеру будить меня въ случаѣ, если курьеры придутъ ночью. Вопреки этому приказанію, онъ часовъ въ шесть утра принесъ ко мнѣ депешу, доставленную чрезвычайнымъ курьеромъ, съ надписью *urgent*. Увидавъ на конвертѣ слова: «Отъ Императорскаго Генеральнаго Консульства въ Генуѣ», я положилъ пакетъ, не вскрывъ его, на столъ, и хотѣлъ заснуть снова, потому что сонъ мой не продолжался двухъ часовъ. Однако же, такъ-какъ онъ былъ уже прерванъ, то трудно было возвратить его. Пробыло полчаса седьмого, и я рѣшился распечатать конвертъ. На шести строкахъ депеши было написано: «Англійскій комисаръ Кемпбель (sic) завѣжалъ въ гавань спросить, не видали ли въ Генуѣ Наполеона, который исчезъ съ Эльбы. Получивъ отрицательный отвѣтъ, англійскій фрегатъ отплылъ тотчасъ обратно въ море». Въ нѣсколько минутъ я былъ одѣтъ, и не пробыло еще восьми часовъ, какъ я находился уже во дворцѣ. Императоръ, прочитавъ депешу, сказалъ съ рѣшимостью и хладнокровіемъ, которыя никогда не повидали его въ трудныхъ обстоятельствахъ: «кажется, Наполеонъ задумалъ разыграть роль искателя приключеній. Это его дѣло. Что до насъ касается, то мы должны позаботиться о всеобщемъ спокойствіи, которое такъ долго нарушалъ онъ. Поѣзжайте немедленно къ русскому императору и прусскому королю, и скажите имъ, что я готовъ вестъ самъ свою армію обратно во Францію. Не сомнѣваюсь, что оба монарха будутъ согласны съ моимъ мнѣніемъ. Въ четверть девятаго я былъ у императора Александра, который сказалъ мнѣ то же. Въ половинѣ девятаго такое же рѣшеніе слышалъ я отъ Фридриха-Вильгельма. Черезъ полчаса послѣ этого я былъ уже дома, куда пріѣхалъ по моему приглашенію фельдмаршалъ князь Шварценбергъ. Въ девять часовъ представители четырехъ державъ собрались у меня. Въ то же время адъютанты сказали по всѣмъ направленіямъ съ приказаніемъ остановить отряды возвращавшейся арміи. И такъ вы можете видѣть изъ этого, что на рѣшеніе вопроса о войнѣ было употреблено менѣе часа. Когда министры собрались у меня, имъ не было еще извѣстно о случившемся событіи. Талейранъ пріѣхалъ первый. Я далъ прочесть ему депешу изъ Генуи. Она нисколько не встревожила его, и между нами произошелъ слѣдующій лаконическій разговоръ:

Талейранъ. — *Savez-vous, où va Napoleon?* (Знаете-ли вы, куда идетъ Наполеонъ?)

Я. — *Le rapport n'en dit rien.* (Донесеніе ничего не говоритъ объ этомъ).

Талейранъ. — *Il débarquera sur quelque côte d'Italie et se jettera en Suisse.* (Онъ выйдетъ на берегъ гдѣ-нибудь въ Италию и бросится въ Швейцарію).

Я. — *Il ira droit à Paris.* (Онъ пойдетъ прямо въ Парижъ).

«Вотъ исторія этого происшествія во всей ея простотѣ. Черезъ нѣсколько дней Талейранъ, Веллингтонъ и я отправились

въ Пресбургъ, гдѣ, отъ имени конгресса, старались войти въ соглашеніе съ саксонскимъ королемъ, который жилъ тамъ.»

Сдѣлаемъ, съ своей стороны, небольшое поясненіе, основываясь на книгѣ, которая въ настоящую минуту находится у насъ подъ рукою.

Саксонскій король со дня лейпцигскаго сраженія жилъ, какъ военнопленннй, въ Берлинѣ, и только въ первыхъ числахъ марта былъ перевезенъ оттуда въ Пресбургъ. Причиною этой перемены мѣстожителства было опасеніе со стороны союзниковъ, чтобы онъ, ссылаясь на пленъ свой, во время котораго заставили его жить въ столицѣ прусскаго короля, не объявилъ впоследствии протеста противъ раздѣленія Саксоніи. А такъ-какъ Франція, Англія и Австрія защищали на вѣнскомъ конгрессѣ интересы Саксоніи, то представители этихъ трехъ державъ и отправились въ Пресбургъ въ надеждѣ, что Фридрихъ-Августъ приметъ ихъ совѣтъ и подтвердитъ своимъ согласіемъ постановленія конгресса. Однакоже, они опоздали. Извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона достигло уже до саксонскаго короля, и потому онъ не только отвергъ ихъ совѣты, но сдѣлалъ такіа неудобноисполнимыя предложенія, что Талейранъ, Веллингтонъ и Меттернихъ принуждены были тутъ же составить и сирѣпнть своей подписью ноту, нисколько несогласную ни съ его требованіями, ни съ ихъ прежними тенденціями. И такъ повѣданъ Меттерниха въ Пресбургъ была въ полномъ смыслѣ неудачнымъ предпріятіемъ (*).

Письма Гейнриха Гейне, какъ ни интересны они, производятъ порою тяжелое впечатлѣніе. Для него не существовало идей правды и несправедливости въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ, и хотя врожденное стремленіе къ прекрасному могло удерживать его отъ низкихъ поступковъ, однакоже оно не обуздывало страстей Гейне и не всегда управляло его дѣйствіями. Онъ, какъ-бы шутя, просилъ Фарнгагена прислать ему опальный листъ, то-есть списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ почему-нибудь не влюбилъ этотъ человекъ, обѣщаясь наказать ихъ такъ, какъ только одинъ онъ умѣлъ это дѣлать. Фарнгагенъ часто не сходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ, и потому переписка ихъ иногда прерывалась. Но истинной пыткой для его терпѣнія была Беттина фон-Арнимъ. Онъ зналъ, что она—отчаянная лгуныя и доказываетъ ея закоренѣлую привычку говорить то, что, по ея же собственному убѣжденію нисколько несогласно съ правдою. Но онъ извинялъ ей эту непростительную слабость. «Беттина — пишетъ онъ — такое оригинальное, благородно-мыслящее и даровитое дитя, что еслибы можно было отдѣлать отъ нея эту темную пригѣсь лживаства и дикости, она была бы свѣтлымъ ангеломъ. И не то ли повторяется по большей части съ другими? Мы должны смот-

(*) См. Staatengeschichte der neuesten Zeit 7 Band. Von Theodor von Bernhardt. 1863. Стр. 177.

рѣтъ на лучшіе элементы, какъ въ насъ самихъ, такъ и въ другихъ людяхъ».

Историческіе этюды Мериваля.

Хотя г. Мериваль говоритъ, что на его «Историческіе Этюды» (*) надо смотрѣть, какъ на развлеченіе человѣка, занятаго другимъ, болѣе серьезнымъ дѣломъ, однакоже въ этихъ очеркахъ, за весьма немногими исключеніями, видно присутствіе здоровой мысли, большая опытность и эрудиція. Стихи его не совсѣмъ удачны, но проза очень хороша. Въ первой статьѣ «Иосифъ II» авторъ говоритъ: «Никогда старыя обычаи и учрежденія не уничтожались съ такою полнотою, какъ въ первыя пять лѣтъ царствованія Иосифа. Даже самая французская революція дѣйствовала не такъ быстро и широко, особенно если принять въ соображеніе несходство духа и подготовительныхъ условій обѣихъ націй. Реформы эти походятъ на внезапный переходъ отъ тяжелыхъ, неповоротливыхъ дилижансовъ къ быстротѣ желѣзной дороги. У людей, привыкшихъ къ медленнымъ, постепеннымъ преобразованіямъ конституціонныхъ странъ, захватываетъ духъ при одномъ чтеніи длиннаго списка реформъ, предпринятыхъ австрійскимъ императоромъ. Въ эти пять лѣтъ были совершенно отмѣнены всѣ исключительныя права, привилегіи и монополіи. Крѣпостное право и барщина прекратили свое существованіе съ юридической точки зрѣнія; всѣ подданные стали, по теоріи, равноправны; прежніе, разнохарактерныя уставы разныхъ земель, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, не исключая Венгріи, были—по крайней мѣрѣ на бумагѣ—отмѣнены, или подвержены кореннымъ измѣненіямъ. Самыя границы ихъ исчезли съ карты, и вся монархія раздѣлилась на тринадцать большихъ частей. Половина монастырей была уничтожена; взаимное отношеніе между церковью и государствомъ подверглось важнымъ преобразованіямъ; установлена полная вѣротерпимость, или даже равенство религій; воспитаніе получило національный характеръ; печать стала свободнѣе; старинныя гильдіи, городскія корпораціи и другія стѣсненія внутренней торговли были отмѣнены совершенно, и вѣковое зданіе рухнуло, рассыпалось до послѣдняго камня». Едва-ли надобно прибавлять, что очень многія изъ этихъ реформъ остались въ проектѣ и никогда не были приведены въ исполненіе. Въ статьѣ «Паоли» очень хорошо разсказана исторія борьбы корсиканцевъ за свою свободу съ Генуей и Франціей. «Парижскія Улицы XVII столѣтія» дадутъ читателю несравненно больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе статьи, потому что въ ней живо изображено французское общество того времени. «Посѣщеніе Мальты» бросаетъ новый свѣтъ на повнанія автора. Онъ трактуетъ здѣсь о характерѣ апостола Павла и о его посланіяхъ, какъ опытный теологъ.

(*) Historical Studies, by Herman Merivale. 1865.

Вообще книга г. Меривала очень разнообразна по своему содержанию и очень занимательна, хотя не всѣ статьи, вошедшія въ составъ ея, могутъ выдержать строгую критику.

Исслѣдованія первобытной исторіи человѣчества, Эдуарда Борнета.

Г. Эдуардъ Борнетъ, авторъ «Исслѣдованій въ области отдаленной исторіи человѣчества и развитія цивилизаціи» (*), принадлежитъ къ числу писателей, глубоко и добросовѣстно изучающихъ теоретическіе вопросы. Въ книгѣ его представлено много фактовъ для доказательства, что люди нескоро пріобрѣтаютъ способность отдѣлать мысли и предметы отъ способа ихъ выраженія. Онъ говоритъ о языкѣ мимическомъ и словесномъ, о письмѣ фигурами и словами, о портретахъ и именахъ, о возвышеніи и упадкѣ культуры, о каменномъ вѣкѣ, огнѣ, приготовленіи пищи, о замѣчательныхъ обычаяхъ, преданіяхъ и мифахъ. Въ главѣ о мимическомъ языкѣ онъ объясняетъ системы, усвоенныя глухо-нѣмыми. Здѣсь помѣщенъ рассказъ объ англійскомъ земледѣльцѣ, который, будучи лишень слуха, дара слова, и не умѣя ни читать, ни писать, составилъ на случай своей смерти очень сложное духовное завѣщаніе. Оно было написано по его знакамъ и утверждено законнымъ порядкомъ послѣ того, какъ писавшіе объяснили, какимъ образомъ завѣщатель сообщилъ имъ свою волю. Въ Берлинѣ, въ училищѣ глухо-нѣмыхъ, каждое воскресенье совершается церковная служба посредствомъ пантомимъ, и—по увѣренію автора—нѣкоторыя притчи, представленныя въ дѣйствіи, производятъ болѣе глубокое впечатлѣніе, нежели простое чтеніе евангелія. Мы привыкли думать, что дикари пользуются большей свободой сравнительно съ образованными народами, что ихъ не сковываютъ тѣ условія, которымъ подчинена жизнь цивилизованныхъ націй. Это—величайшее заблужденіе. Невѣжество и предразсудки создаютъ для дикаря такіе стѣснительные законы, которые почти совершенно уничтожаютъ свободу дѣйствія. Онъ такъ боится колдовства, что этотъ страхъ виситъ густымъ облакомъ надъ всей его жизнью и отравляетъ всѣ его удовольствія. Въ Индіи, Новой Голландіи и другихъ странахъ мужчина не можетъ жениться на дѣвушкѣ, принадлежащей къ клану, который называется одинаково съ его кланомъ. Аравакъ не долженъ видѣть лица своей тѣщи; на островахъ Фиджи братьямъ запрещено разговаривать съ сестрами и даже ѣсть изъ одной посуды съ ними. У низшихъ расъ нѣтъ совѣсьмъ религіи. Но какъ скоро идея божества коснется ихъ ума, они стараются дать ей вещественную форму. Потому-то несправедливо считаютъ идолопоклонство болѣшимъ зломъ. Напротивъ, оно есть первый шагъ къ духовному прогрессу. Грубость и без-

(*) *Researches into the early History of Mankind and the Development of Civilization*, by Edward Burnet Tylor. 1865.

образі идоловъ, которымъ поклоняются дикари, вѣрѣю возбуждали удивленіе. Но очень некрасивы бывають также и дѣтскія игрушки, однакожь, эта некрасивость не препятствуетъ имъ возбуждать игривость воображенія. Замѣчательно также, что дикари не позволяютъ снимать съ себя портретовъ. Они думаютъ, что человекъ, нарисовавшій ихъ, долженъ необходимо получить таинственную власть надъ ними. Г. Кенъ устрасилъ напавшихъ на него индійцевъ угрозою нарисовать ихъ, а г. Кетлина хотѣли убить за то, что онъ съ начальника дикарей снялъ портретъ въ профиль. Его заподозрѣли въ зломъ умыслѣ лишить этого человека половины лица. Въ Англии, лѣтъ триста назадъ тому, существовало мнѣніе, что бѣда, случившаяся съ портретомъ, должна пасть на оригиналъ. Король Іаковъ увѣрялъ, что если растопитъ восковую фигурку, то человекъ, имя котораго дано ей, будетъ сохнуть или таять отъ продолжительной болѣзни. На томъ же основаніи колдуны стараются добыть прядь волосъ, обрѣзки ногтей или слѣдъ, сдѣланный на землѣ ногою ихъ врага, думая, что вредъ, нанесенный этимъ предметамъ, непременно обратится на него. У многихъ нецивилизованныхъ народовъ строго соблюдается обычай скрывать собственные имена и не называть умершихъ изъ опасенія, чтобы духъ не явился человеку, нарушившему это правило. Древніе не смѣли назвать по имени фури; тунгусы, лапландцы и жители Суматры, говоря о тигрѣ и медвѣдѣ, никогда не называютъ этихъ звѣрей попросту медвѣдемъ или тигромъ, но употребляютъ непременно иносказательныя выраженія. Нетолько произнесенному, даже написанному слову придается таинственная сила. Китайскіе доктора, если нѣтъ у нихъ подъ рукою лекарства отъ болѣзни, заставляютъ пациента проглотить пепель рецепта. Мусульмане увѣждены, что вода, въ которую будетъ погруженъ стихъ, выписанный изъ корана, получаетъ цѣлебное свойство. Здѣсь соединяются оба конца этой цѣли — выраженію идеи звукомъ или знакомъ приписывается та же сила, какъ и ей самой. Необразованный умъ стремится придать этимъ способамъ своей внутренней дѣятельности вѣшнюю реальность. Такое смѣшеніе объективнаго съ субъективнымъ можетъ объяснить всѣ отрасли професіи колдуновъ и предсказателей. Ихъ дѣйствія, несоединенныя съ умственнымъ процесомъ, можно считать исключеніемъ изъ общаго правила. Авторъ полагаетъ, что несходство цивилизаціи и умственного уровня въ различныхъ расахъ происходитъ скорѣе отъ несходства развитія, нежели происхожденія, и что исторія человечества, въ широкомъ смыслѣ, есть исторія его прогресса. Г. Уэллсъ подтвердилъ уже справедливость этой мысли удачнымъ приложеніемъ къ человечеству начала естественнаго подбора. Націи могутъ возвышаться и упадать, но все же людской родъ въ его полномъ составѣ стремится къ совершенствованію.

Мадагаскаръ и его населеніе.

Исторія Мадагаскара, которымъ нѣсколько разъ хотѣли овладѣть европейцы, описана довольно подробно г. Мак-Леодомъ (*). Этотъ островъ, отдѣленный отъ восточнаго берега Африки Мозамбикскимъ проливомъ, не принадлежитъ къ числу земель, случайно открытыхъ мореходцами, подобно Америкѣ, Австраліи, Новой Зеландіи и т. д. Онъ былъ извѣстенъ задолго до этихъ открытій. Еще Марко Поло слышалъ о немъ въ Китаѣ, но португальцы посѣтили его только въ началѣ XVI вѣка, на возвратномъ пути изъ Ост-Индіи. Съ тѣхъ поръ они, англичане и французы нѣсколько разъ пытались основать тамъ колоніи. Однакоже эти предпріятія не имѣли успѣха, пока не явился тамъ въ 1773 г. Беніовскій. Исторія этого человѣка очень замѣчательна. Онъ былъ полякъ, посланный, вслѣдствіе своихъ политическихъ тенденцій, въ Камчатку. Тамъ попалось ему въ руки путешествіе Ансона, которое такъ сильно подѣйствовало на его воображеніе, что онъ рѣшился бѣжать. Былъ составленъ заговоръ, сосланные овладѣли русскимъ бригомъ, и послѣ разныхъ приключеній достигли Св. Маврыкія. Здѣсь Беніовскій составилъ проектъ колоніи, но встрѣтивъ недоброжелателя въ губернаторъ, этого острова, Пуаврѣ, долженъ былъ отправиться въ Парижъ гдѣ планъ его былъ одобренъ французскимъ правительствомъ. Послѣ это дѣло пошло на ладъ. Колонія была основана на берегу Антонгильскаго залива, въ сѣверовосточной части Мадагаскара. Были устроены дороги, каналы, и счастливый искатель приключеній умѣлъ такъ понравиться дикарямъ, что они провозгласили его королемъ. Этотъ успѣхъ еще сильнѣе раздражилъ самолюбіе Пуавра, и онъ нашелъ средство повредить окончательно смѣлому поляку во мнѣніи своего правительства. Не находя поддержки со стороны Франціи, Беніовскій предложилъ свои услуги англичанамъ. Встрѣтивъ и здѣсь отказъ, онъ отправился, по совѣту Франклина, въ Соединенные-Штаты, гдѣ и получилъ пособіе, позволившее ему возвратиться въ колонію съ надеждою на успѣхъ. Народъ принялъ его хорошо, но Пуавръ, справедливо признавая своего соперника измѣнникомъ Франціи, послалъ противъ него военный корабль. Произошла битва, и Беніовскій погибъ. Послѣ этого происшествія, французскія колоніи въ Индѣйскомъ морѣ стали приходить въ упадокъ и были въ 1810 г. завоеваны англичанами. Въ то время, когда совершались эти событія на берегу Мадагаскара, ювасы, жители внутренней возвышенности острова, усиливаясь постепенно, подчинили своей власти другія племена. Начальникъ ихъ Діанампонинъ, прославившійся многими побѣдами, сдѣлался мадагаскарскимъ королемъ, и послѣ 25-ти лѣтъго царствованія передалъ престолъ сыну своему Радамѣ, который старался войти въ дружескія сношенія съ европейцами. Англійскій губернаторъ острова Маврыкія заключилъ съ нимъ договоръ, отмѣнявшій торговлю

(*) Madagascar and its People, by Lyons M'Leod. 1865.

невольниками, за что обязался отъ имени своего правительства платить ежегодно по 2,000 ф. ст. Вслѣдъ за тѣмъ явились миссіонеры, научившіе мадагаскарцевъ грамотѣ и разнымъ ремесламъ. По смерти Радамы, прозваннаго Великимъ, верховная власть перешла въ 1828 г. къ женѣ его Ранаволонѣ. Первымъ подвигомъ ея было уничтоженіе договора, заключеннаго съ Англією. Потомъ, возстановивъ идолопоклонство, изгнала она европейскихъ миссіонеровъ и воздвигла страшное гоненіе противъ обращенныхъ въ христіанскую вѣру мадагаскарцевъ. Ихъ жгли на кострахъ, распиливали пополамъ и подвергали самымъ жестокиимъ пыткамъ. Въ 1842 г. болѣе двухъ тысячъ человекъ было приговорено къ смертной казни за религиозныя убѣждения. Послѣ тридцати-трехъ лѣтъ царствованія этой свирѣпой женщины, на мадагаскарской престолю вступилъ сынъ ея Радама II. Начало его правленія было ознаменовано возстановленіемъ религиозной свободы и дружбы съ иностранными націями. Но онъ жилъ недолго. Расположеніемъ его умѣли воспользоваться недобрые люди, развили въ немъ дурныя склонности и потомъ убили его. 12 мая 1863 г. была провозглашена королева Рабодо, давшая клятву не нарушать конституціи. Послѣдствія покажутъ, каково будетъ ея царствованіе.

II. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Жизнь животныхъ или естественная исторія животнаго царства, популярно изложенная докторомъ Бремъ, директоромъ зоологическаго сада въ Гамбургѣ. Переведено подъ редакціею И. Ѳ. и В. М. Москва. Типографія Готье. 1865.

Несмотря на множество замѣчательныхъ сочиненій, посвященныхъ изслѣдованію животнаго царства, мало однако такихъ, которыя содержали бы свѣдѣнія о жизни звѣрей; обыкновенно ограничиваются подробнымъ до крайности описаніемъ внутренняго и внѣшняго организма животныхъ, считая какъ-бы несогласнымъ съ достоинствомъ науки говорить о жизни и характерѣ животнаго. Причина этого отчасти заключается въ томъ, что ученые, пользуясь богатыми матеріалами для анатомическихъ и систематическихъ изслѣдованій, не имѣютъ времени наблюдать непосредственно самихъ живыхъ животныхъ, для чего нужно быть или путешественникомъ или охотникомъ. Съ молодыхъ лѣтъ началъ свои наблюденія надъ всевозможными животными, сперва въ своихъ обширныхъ путешествіяхъ въ различныхъ странахъ сѣвера и юга, а потомъ при занятіяхъ какъ директоръ зоологическаго сада, Бремъ издалъ въ высшей степени увлекательное сочиненіе о птицахъ (*).

(*) DAS LEBEN DER VÖGEL, von Brem. Glogau. 1861.

а также и о животных, которое и является въ русскомъ переводѣ отдѣльными выпусками. Изданіе это вполне удовлетворительно; переводъ очень хорошъ и цѣна ему очень умѣренная; тетрадь мелкой убористой печати съ очень хорошими литографированными картинками (ихъ 4 въ первомъ выпускѣ) стоитъ 25 копеекъ. Первый до сего времени вышедшій выпускъ перевода заключаетъ въ себѣ жизнь обезьянъ. При этомъ мы замѣтимъ, что обезьянамъ у насъ везетъ. Независимо отъ этого изданія Брэма, въ той же самой Москвѣ общество распространения полезныхъ книгъ издаетъ такъ-называемые *Разсказы изъ естественной исторіи обезьянъ* (переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ типографіи Грачева. Выпускъ 1—3. 1865). По нашему мнѣнію, это тотъ же самый Брэмъ, переведенный съ весьма небольшими измѣненіями (если только подобныя замѣщенія словъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, могутъ быть названы измѣненіями) и изданный хуже и *дороже*, хотя цѣна выпуску назначена и дешевле, именно 15 копеекъ вмѣсто 25. Это изданіе не имѣетъ литографированныхъ рисунковъ, печать и бумага хуже, и менѣе компактно, такъ что 1-й выпускъ издаваемого Брэма содержитъ въ себѣ весь 1-й выпускъ и 17 страницъ 2-го выпуска (то-есть половину его), издаваемыхъ обществомъ распространения полезныхъ книгъ *Разсказовъ изъ естественной исторіи*. Намъ совершенно непонятно, почему общество сообщая, что это *переводъ съ нѣмецкаго*, не сочло нужнымъ указать, съ какого же именно сочиненія оно переводило эти разсказы. Мы полагаемъ, что это тотъ же Брэмъ, и для большаго подтвержденія нашего предположенія и въ видахъ предостереженія публики отъ покупки въ двухъ экземплярахъ одного и того же сочиненія, но изданнаго на русскомъ языкѣ подъ двумя разными заглавіями, мы сдѣлаемъ нѣкоторые выписки изъ обоихъ переводовъ, замѣтивъ при этомъ, что общество распространения полезныхъ книгъ нѣсколько опередило изданіе перевода собственно Брэма; оно уже напечатало 3-й выпускъ, гдѣ говорить все объ обезьянахъ конечно, но называемыхъ мирики, капуцины, морозеть, индри и золотошерстый маки, тогда какъ послѣднее, то-есть Брэмъ въ переводѣ вышло пока въ одномъ 1-мъ выпускѣ, остановившемся на буденгахъ и разноцвѣтной обезьянѣ.

Жизнь животныхъ Брэма.

Стр. 34. Гиббоны составляютъ небольшую группу обезьянъ; въ настоящее время насчитываютъ ихъ семь видовъ и т. д.

Стр. та же. Изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ родовъ длиннорукихъ обезьянъ и т. д.

Разсказы изъ естественной исторіи, переводъ съ нѣмецкаго.

Выпускъ 2-й стр. 3. Гиббоны образуютъ небольшое семейство обезьянъ; въ настоящее время извѣстно только семь видовъ и такъ далѣе.

Изъ извѣстныхъ до сихъ поръ видовъ длиннорукихъ обезьянъ и т. д.

Стр. 36. Однако, несмотря на всё эти неблагоприятныя обстоятельства, гиббонъ представилъ такія доказательства своей способности, что присутствующіе были внѣ себя отъ удивленія и т. д.

Стр. 38. Она начинала основною нотою и потомъ полутонами доходила до полной октавы, пробѣгая такимъ образомъ хроматическую гамму.

(туть *отдымъ* не означенъ).

Стр. 39. Тошавки (*Semnopithecus*) водятся въ Южной Азій; обитаютъ въ мѣстахъ, возвышающихся отъ 10 — 11 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Стр. 40. Гульманъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между 30 милліонами боговъ у индусовъ и пользуется этою честью съ незапамятныхъ временъ.

Окончивъ съ гиббонами, рассказъ переходитъ у Брэма (русскаго) къ буденгамъ и ничего не говоритъ о носатой обезьянѣ, свѣдѣнія о которой помѣщены на страницахъ 12 — 13 изданія Рассказовъ изъ естественной исторіи. Затѣмъ они опять входятъ въ стройное гармоническое согласіе, такъ напримѣръ:

Стр. 42. Въ старости онъ (буденгъ) блестяще-чернаго цвѣта, лицо и руки какъ бархатъ, а спина шелковиста.

Стр. 42. Буденгъ въ молодости питается нѣжными листьями разныхъ растеній, въ старости всякаго рода дикими плодами, которыхъ очень много въ тѣхъ необитаемыхъ мѣстахъ.

Когда я увидѣлъ живаго буденга въ первый разъ въ зоологическомъ саду и т. д.

Стр. 5. Однако, несмотря на всё эти неблагоприятныя обстоятельства, гиббонъ *представлялъ* (?) такое доказательство своей способности къ прыганью, что всё посѣтители приходили въ крайнее удивленіе и т. д.

Стр. 7. Она начинала съ основнаго тона *ut* и полутонами возвышала его до цѣлой октавы, пробѣгая хроматическую гамму.

Семнопитеки (*Semnopithecus*).

Стр. 9. Всѣ семнопитеки живутъ въ Южной Азій; они живутъ въ странахъ, находящихся на десять и на *пятнадцать* (въ этомъ большая разница) тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Стр. 9. Гульманъ занимаетъ первое мѣсто между тридцатью милліонами индусскихъ божествъ и пользуется этою честью уже съ незапамятныхъ временъ.

Стр. 13. Въ старости буденгъ имѣетъ блестящую, черную шерсть, на лицѣ и на рукахъ похожую на бархатъ а на спинѣ шелковистую.

Стр. 15. Въ молодости буденги питаются молодыми листьями, а въ старости дикими плодами, въ большомъ количествѣ произрастающими въ необитаемыхъ мѣстахъ.

Когда я въ первый разъ увидѣлъ въ амстердамскомъ зоологическомъ саду живаго буденга и т. д.

Стр. 44. Въ Антверпенѣ бу- Стр. 17. Въ Антверпенѣ бу-
денгъ жилъ въ одной клеткѣ съ денгъ жилъ между маленькими
мартышками и макаками и т. д. мартышками и макаками и т. д.

Мы полагаемъ, что эти небольшія выписки вполне убѣдятъ въ правильности высказаннаго нами выше предположенія объ истинномъ авторѣ того нѣмецаго сочиненія, съ котораго и сдѣлать переводъ разсказа изъ естественной исторіи объ обезьянахъ. Только къ чему же такая таинственная скрытность со стороны издателей въ отношеніи дѣйствительнаго имени автора того сочиненія, которое служило оригиналомъ для ихъ перевода?

Иллюстрированная жизнь животныхъ. Изд. г Ковалевскаго.

Тѣ же самыя обезьяны, то-есть то же самое сочиненіе Брэма обратили на себя вниманіе въ С.-Петербургѣ г. Ковалевскаго, который издалъ уже 1-й выпускъ, хотя въ этой такъ названой иллюстрированной жизни животныхъ менѣ картинъ и рисунковъ, нежели въ изданіи Готье. Переводъ сдѣланъ подъ редакціею В. А. Зайцева, какъ заявлено на заглавномъ листѣ. Но къ чему же служить подобное заявленіе? и можетъ ли оно способствовать успѣху самаго изданія? Едва-ли. Извѣстенъ ли г. В. А. Зайцевъ публикѣ, какъ человѣкъ, обладающій основательными свѣдѣніями въ естественныхъ наукахъ, единственно представляющими гарантію вполне. что переводъ будетъ грамотный и толковый? И чѣмъ г. Зайцевъ заявилъ такія познанія въ такой мѣрѣ, что присутствіе его фамиліи представляло бы уже и ручательство за точность перевода? Читателямъ «Русскаго Слова», конечно, г. Зайцевъ извѣстенъ какъ критикъ, публицистъ, естествоиспытатель, философъ, агрономъ, историкъ и многихъ другихъ художествъ мастеръ; но вѣдь это же еще ничего не добавляетъ для тѣхъ, кто не имѣетъ терпѣнія читать «Русское Слово»; а потому, по нашему мнѣнію, рѣшительно все равно для публики, будетъ ли заявлено, что переводъ сдѣланъ подъ редакціею Зайцева, Аскоченскаго, Старчевскаго или другаго неизвѣстнаго естествоиспытателя.

По поводу *двухсотлѣтняго* юбилея нашего почтоваго вѣдомства, мы имѣли удовольствіе читать слѣдующую книгу:

Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи. Историческій очеркъ А. К. Фабриціуса. С.-Петербургъ. 1864 года. Въ типографіи императорской академіи наукъ.

Книга эта, несодержащая въ себѣ даже полныхъ ста страницъ, но изданная съ большимъ изяществомъ въ типографскомъ отношеніи, возбуждала въ насъ большое любопытство даже однимъ своимъ заглавіемъ, итскольбо для насъ страннымъ. *Почта и народное хозяйство.* Почему же непременно вмѣстѣ разсматриваются оба эти предмета, которые въ жизни и въ учрежденіяхъ яв-

ляются совершенно отдѣльными; *почта*, какъ всѣмъ извѣстно, составляетъ *отрасль* такъ-называемаго государственнаго хозяйства, то-есть финансоваго управленія страны, и въ большей части государствъ принадлежитъ къ числу государственныхъ регалій, состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи и зависимости отъ правительственной власти, управляется ея органами, чиновниками и т. д.—короче, является нѣчто отдѣльнымъ отъ *хозяйства народнаго*, разумѣя (г. Фабриціусъ же не опредѣляетъ слово народное хозяйство) подъ этимъ вообще непрерывную и послѣдовательную дѣятельность народа, съ цѣлію удовлетворить своимъ потребностямъ, которая возникаетъ, растетъ, процвѣтаетъ и падаетъ вмѣстѣ съ народомъ. Поэтому очеркъ народнаго хозяйства въ Россіи, хотя бы и въ XVII столѣтіи, самъ по себѣ одинъ, безъ всякой *почты*, служить уже очень обширною тѣмою для сочиненія въ 98 страницъ.

Но отложимъ въ сторону вопросъ о заглавіи и выборѣ тѣмъ для сочиненія: это вполне зависитъ отъ автора; посмотримъ лучше, какъ авторъ исполнилъ свою задачу, что онъ предлагаетъ публикѣ въ своемъ сочиненіи, содержаніе котораго, какъ означено въ оглавленіи, слѣдующее:

1) начало почты, 2) путешествіе графа Карлейля, 3) дневникъ Гордона, 4) народное хозяйство, 5) первая конвенція и первый почтмейстеръ, 6) газеты. Это, какъ видите, довольно пестрое содержаніе, мы и рассмотримъ. Первую главу своего сочиненія г. Фабриціусъ начинаетъ словами: «Въ 1664 году было основано въ Россіи почтовое вѣдомство». Почему же именно въ 1664 году? Графъ Толстой, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи», говоритъ: «основаніе почтамъ положено было въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1665 году» (стр. 221), и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ част. IV стр. 629. Въ прекрасной своей монографіи, помѣщенной въ Юридическомъ сборникѣ Мейера «Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части», Бржозовскій на стр. 359 говорить: впрочемъ, настоящая почта возымѣла начало свое въ 1665 году или, можетъ быть, даже немного раньше, принимая въ основаніе этому предположенію показаніе экономиста Шторха, будто бы почта *письменная* учреждена была въ Москвѣ Иоанномъ фон-Шведеномъ (Johann von Schweden, а не *Сведень*, какъ переименовалъ его г. Фабриціусъ) уже въ 1663 году! Опять-таки не 1664 годъ!

Фабриціусъ приводитъ этотъ годъ безъ всякихъ ссылокъ и, повидимому, не подозрѣваетъ существованія означенныхъ двухъ сочиненій, которыя бы ему пригодились; онъ же, при составленіи историческаго очерка о *русскихъ* почтахъ, пользовался тремя *иностранными* сочиненіями (O relation of three embassies performed by the earl of Carlisle. London. 1669; Tagebuch des Generalen Gordon; Killburger: Uber den russischen Handel). Изъ рус-

сихъ жѣ источниковъ, упоминаетъ онъ только о сочиненіи Пегарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ-Великомъ» (какъ разъ XVII столѣтіе—не правда ли?) и о Полномъ собраніи законовъ, которое можетъ служить матеріаломъ только для второй половины XVII столѣтія, а не для всего же.

Что разумѣть г. Фабриціусъ подъ словомъ: почты? Онъ нигдѣ этого не объясняетъ, а дѣлаетъ краткій историческій очеркъ, на трехъ страницахъ, только о какихъ-то почтахъ у аеннянъ, персовъ, французовъ и германцевъ; замѣчаетъ, что испанцы, открывъ Перу, были изумлены, найдя тамъ правильно организованное *почтовое ведомство* (какое же? неужели такое, какое помѣщается у насъ въ зданіяхъ почтамта?) и говорить (стр. 6): «въ Россіи также основаніе почты было вызвано потребностями *царя*, имѣть постоянныя сношенія съ провинціями». Это можетъ сказать г. Фабриціусъ, неподозрѣвающій сочиненій графа Толстого, Карамзина, Гегемейстера, Бржозовскаго; въ противномъ случаѣ, ему слѣдовало бы выразиться иначе, именно: «что для провоза гонцовъ—посланниковъ и разныхъ должностныхъ лицъ, *жмзья* (а не цари, которые въ нашей исторіи появляются позднѣе уже) наши, съ самыхъ древнихъ временъ устраивали особенныя *слободы* (а не почты), называемыя *ямъ*, появленіе которыхъ въ нашемъ отечествѣ относится къ концу XIII и къ началу XIV столѣтія».

Въ старину же въ Россіи за государевыми дѣлами посмѣались обыкновенно особенныя лица, которыя ѣздили или на своихъ или наемныхъ лошадахъ; только иностраннымъ посламъ и гонцамъ, по особому каждый разъ распоряженію мѣстныхъ начальниковъ, давались отъ города до города обывательскія подводы, съ выдачею за то хозяевамъ ихъ отъ казны небольшого вознагражденія денежнаго. Монголы, въ первыя еще времена своего владычества, ввели въ Россіи, существовавшую у нихъ издавна, постоянную обязанность всѣхъ жителей доставлять лошадей для всѣхъ проезжающихъ по дѣламъ великаго и удѣльныхъ князей—это и была *ямская повинность*.

Для чего г. Фабриціусъ посвятилъ цѣлую треть своего очерка выпискамъ и разнымъ извлеченіямъ изъ дневниковъ Карлейля и Гордона, и почему именно этихъ двухъ путешественниковъ, а не какихъ либо другихъ—намъ рѣшительно непонятно; собственно объ устройствѣ и состояніи почтовой части въ Россіи въ то время мы, изъ сдѣланныхъ Фабриціусомъ выписокъ, не приобращаемъ никакихъ свѣдѣній, хотя и узнаемъ, что Канцлеръ (а не Ченслеръ, какъ пишутъ обыкновенно) былъ занесенъ бурей въ Сѣверную Двину, что Карлейль нашелъ удобною русскую одежду, а русскій народъ—красивымъ, что женщины отличаются миловидностію и нѣжностію, что пожары бываютъ часто въ Россіи, что по ту сторону Самары растутъ особаго рода тыввы, называемыя баранцами, что тревожили ихъ очень комары и мухи, что дороги плохи и т. д.

Хотя дороги и теперь далеко еще нехороши, но зачѣмъ о нихъ упоминать, говоря о почтахъ? Дороги состоятъ въ вѣдомствѣ не почтоваго управленія, и г. Фабриціусъ не показалъ, чтобы онѣ въ XVII столѣтіи завѣдывались тѣмъ же учрежденіемъ, которое имѣло въ своемъ распорядженіи почты. Сдѣлавъ всякія бесполезныя выписки, онъ не считалъ даже нужнымъ сказать, какъ были устроены почты, какъ содержались и т. д., хотя изъ тѣхъ же самыхъ названныхъ нами сочиненій графа Толстого и Брюзовскаго, онъ могъ бы узнать, что вновь устроенныя почты были вѣрены содержанію частныхъ лицъ, получавшихъ за это известное вознагражденіе отъ казны, но что въ царствованіе императора Петра I, правительство взяло въ свое исключительное завѣдываніе управленіе почтами, и съ этого времени почтоваго сношенія внутри Россіи стали значительно умножаться и улучшаться (стр. 222).

Въ главѣ IV «Народное Хозяйство» сообщается, что первая почта отправлялась разъ въ недѣлю, именно во вторникъ вечеромъ изъ Москвы въ Новгородъ, Псковъ и Ригу, употребляя на этотъ путь 11 дней (стр. 469). Спрашивается: но какой этотъ путь? или неужели Фабриціусъ полагаетъ, что почта, выйдя изъ Москвы, шла равнымъ образомъ одинадцать дней что въ Новгородъ, что въ Ригу? Сказавъ, что одинъ золотникъ рогого стоилъ въ то время въ Новгородъ 6 копеекъ, а въ Ригу 10, авторъ замѣчаетъ, что «эти цѣны за письма не соответствовали цѣламъ народнаго хозяйства (каково это опять?), если взять въ соображеніе, что 25 копеекъ составляли тогда полефимка, полталера». Какъ мы много выиграли, читатель, принявъ въ соображеніе для составленія понятія о величинѣ денежной цѣнности 25 русскихъ копеекъ въ Россіи въ XVII столѣтіи иностранныя монеты? Что же составляли эти полефимки и полталеры въ то время и въ какомъ отношеніи находятся они къ современнымъ полталерамъ по ихъ цѣнности въ обращеніи—опять неизвѣстно. Затѣмъ г. Фабриціусъ подробно начинаетъ налагать предметы вывоза изъ Россіи и количество ихъ, стоимость главныхъ слѣстныхъ припасовъ въ 1674 году, и къ чему же все это?—къ тому, чтобы сдѣлать слѣдующее заключеніе на стр. 57-й: «Сдѣланный нами очеркъ доказываетъ, что при учрежденіи почтоваго вѣдомства въ Россіи народная производительность и мѣры, придуманныя въ то время для развитія ея, были далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Потому первоначальное устройство почтъ соответствовало потребностямъ торговли, такъ-какъ послѣдняя, при условіяхъ того времени, была весьма незначительна». Неправда ли, вотъ что называется у людей умъ за разумъ заходить, и они ученымъ образомъ начинаютъ писать великолѣпнѣйшую глупость. Мы сознаемъ, что народная производительность была въ то время далеко не въ цвѣтущемъ состояніи; мѣры, предпріятыя для развитія ея, можно сказать, не соответствовали своей цѣли, были нераціональны, неудовлетворительны и т. д.; но кто же когда либо говоритъ о цвѣту-

щемъ состояніи предпринятыхъ мѣръ? Но съ мнѣніемъ автора, что первоначальное устройство почты *соотвѣтствовало* потребностямъ торговли, такъ-какъ послѣдняя при условіяхъ того времени была весьма незначительна — согласиться нельзя; оно рѣшительно бездоказательно. Мы думаемъ, что торговля, сколь бы она незначительна ни была, нисколько не обуславливаетъ собою худое и неисправное устройство почты; правильная организація почты, исправное и дешевое доставленіе корреспонденціи всякаго рода, удовлетворительное содержаніе почтовыхъ дорогъ и т. д.—все это можетъ способствовать и быть благопріятно всякой торговлѣ, какъ значительной такъ и незначительной, которая нисколько своими размѣрами не обуславливаетъ извѣстное состояніе почты. Мы понимаемъ, что устройство почты, какъ и вообще всякое учрежденіе, находится въ зависимости отъ всего экономическаго и умственнаго состоянія гражданскаго общества, то-есть что во влѣчѣніяхъ африканскаго короля Дагомея нельзя устроить точно такую же почтовую систему вообще, какъ въ Англии, это такъ; но одна торговля не представляетъ собою все состояніе страны. Иначе мы прѣидемъ къ такому бессмысленному выводу: малая, незначительная торговля допускаетъ, извиняетъ и обуславливаетъ худую почтовую систему, хотя бы по другимъ причинамъ можно было бы устроить и хорошую.

Вообще говоря, весь очеркъ г. Фабриціуса крайне неудовлетворителенъ, до крайности переполненъ вытекаками, между которыми лишь изрѣдка авторъ говоритъ кое-гдѣ отъ себя, и это оказывается обыкновенно или общими мѣстамъ, или неосновательно.

Невольно задаешь себѣ вопросъ, что побудило автора написать сочиненіе, которое не доставитъ ему, какъ надо желать и надѣяться, ни литературной славы, ни экономической выгоды, ибо, по всей вѣроятности, книга эта лишь увеличитъ собою печатный баластъ книжныхъ лавокъ, что она вполнѣ и заслуживаетъ. Болѣе безкорыстное стремленіе вдохновило автора написать эту плохую книгу; онъ написалъ ее въ память 200-лѣтія почтоваго вѣдомства и посвятилъ ее главноначальствующему надъ почтовыми департаментомъ. Мы, по правдѣ сказать, упустили изъ виду подобный юбилей почтоваго вѣдомства, прошедшій незамѣтно, и сожалѣемъ, что онъ былъ ознаменованъ лишь появленіемъ этого очерка г. Фабриціуса, а не какимъ либо болѣе полезнымъ, существеннымъ явленіемъ, если не въ области литературы, то по крайней мѣрѣ въ ежедневной жизни, напримѣръ, хотя бы отгнѣною подорожныхъ, совершенно бесполезныхъ въ настоящее время. Намъ очень желательно, чтобы намъ объяснили и доказали, для какой пользы и надобности, при современныхъ условіяхъ всей общественной жизни, а слѣдовательно и средствъ сообщенія, заставляютъ частныхъ лицъ подвергаться немалымъ хлопотамъ, сопряженнымъ какъ съ денежнымъ расходомъ, такъ и значительною тратой времени, и все это для того, чтобы вы-

ѣхать, напримѣръ, за 40 верстъ, тогда какъ въ Астрахань, Таганрогъ, Варшаву и проч. мѣста уѣзжаетъ всякій безъ подорожной. Она ему вовсе ненужна, ибо онъ преспокойно ѣдетъ по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, не подвергаясь никакимъ хлопотамъ и неприятностямъ, повидимому, неизбѣжно сопряженнымъ у насъ съ ѣздомъ на почтовыхъ лошадяхъ. Чтобы получить подорожную, вы должны сказать или дать записку дворнику того дома, гдѣ живете, когда и куда желаете ѣхать; онъ отправляется въ кварталъ и получаетъ свидѣтельство о немѣнѣнн отъ стороны полиціи препятствій на выѣздъ изъ города, и только въ силу этого свидѣтельства вамъ дадутъ подорожную. Время уйдетъ немало, хлопотъ для частнаго лица много, а что за польза всего этого, какая цѣль достигается этимъ и существуетъ ли настоящая, безусловная необходимость въ сохраненіи безъ измѣненія этого порядка?

При выдачѣ подорожной, какъ извѣстно, взимается съ получателя по $\frac{1}{2}$ копейки за версту и лошадь (о 30 копейкахъ, которыя берутся за самую подорожную, то-есть бумагу, мы умалчиваемъ); весь этотъ сборъ поступаетъ на покрытие расходовъ, совершаемыхъ государствомъ по устройству и содержанію почтъ.

Такимъ образомъ частное лицо, проѣзжая на почтовыхъ лошадяхъ по тракту, на которомъ, напримѣръ, взимается прогонныхъ денегъ по $2\frac{1}{2}$ копейки на версту и лошадь, уплачиваетъ собственно говоря на версту и лошадь:

На самой станціи	$2\frac{1}{2}$ копейки.
И при полученіи подорожной въ установленномъ для этого мѣстѣ	$\frac{1}{2}$ "

Итого. . . 3 копейки.

Очевидно, что величина расходовъ при ѣздѣ на почтовыхъ будетъ совершенно одинакова для частнаго лица—будутъ ли съ него взимать за разъ три копейки или сперва полкопейки, потомъ двѣ съ половиною копейки; первое только представляетъ для него болѣе удобства, ибо въ такомъ случаѣ нѣтъ причины заставлять его брать подорожную. Доходъ же государства также нисколько не измѣняется, ибо сборъ съ частныхъ лицъ, какъ мы сказали, остается тотъ же самый.

Если же по какимъ либо особымъ государственнымъ соображеніямъ необходимо вести особый счетъ этимъ полкопейкамъ, взимаемымъ при выдачѣ подорожной за версту и лошадь, то весьма легко достигъ этого слѣдующимъ путемъ, нисколько не затрудняя частныхъ лицъ добываніемъ подорожныхъ. На каждой почтовой станціи имѣется особая шнуровая книга со многими графами, въ которыхъ при всякомъ отпускѣ проѣзжающему лошадей отмѣчается: сколько и когда отпущено лошадей, когда онѣ должны вернуться, число верстъ до слѣдующей станціи и количество причитающихся и уплаченныхъ проѣзжающимъ прогонныхъ денегъ. Кто мѣшаетъ къ этимъ графамъ прибавить еще

одну для означенія тѣхъ дополнительныхъ полукопеекъ, которыя, по нашему предположенію, взимались бы на каждой станціи при самомъ полученіи лошадей, вмѣсто взимаемыхъ нынѣ при выдачѣ подорожной?

Но позвольте, безъ сомнѣнія, возразить намъ: выдача подорожной, кромѣ этого чисто-фискальнаго значенія, имѣетъ еще и другое, чисто-полицейское; не имѣя подорожной, частное лицо не можетъ ѣхать на почтовыхъ и тѣмъ укрыться, хотя бы на время только, отъ преслѣдованія закона. Отказавъ кому либо въ выдачѣ подорожной, вы тѣмъ самымъ оставляете его на томъ мѣстѣ, въ которомъ пребываніе его считается необходимымъ.

Признавъ даже полную справедливость и основательность этого возраженія, нельзя не замѣтить, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы постановить правиломъ выдавать подорожныя всѣмъ, по ихъ требованію, за исключеніемъ только тѣхъ, о которыхъ заявлено было бы, что они, по какимъ либо обстоятельствамъ, не могутъ отлучиться изъ извѣстнаго мѣста, а не обременять всѣхъ и cadaго полученіемъ свидѣтельства изъ полиціи о неимѣніи препятствія на выѣздъ изъ города. Право переѣзда, перемѣщенія изъ одного мѣста въ другое по усмотрѣнію или желанію, принадлежитъ къ числу такихъ же естественныхъ правъ всякаго человѣка, какъ мыслить, говорить, ходить, располагать своей особой и своимъ имуществомъ и т. д.; всякое же ограниченіе въ этомъ, дѣлаемое вслѣдствіе какихъ либо особенныхъ причинъ, составляетъ исключеніе, ограниченіе права, безусловно всѣмъ принадлежащаго.

На основаніи этого, рациональнѣе, казалось бы, и отмѣнить эти свидѣтельства полиціи, которыя притомъ весьма часто не достигаютъ своей цѣли и составляютъ только стѣснительную формальность. Вообразите, что вы, проѣздомъ въ какомъ либо городѣ, находите нужнымъ взять подорожную. Ступайте сперва въ полицейское управленіе, которое и не знаетъ ничего о вашемъ существованіи, всего въ первый разъ видеть, и то только потому, что вы лично зашли за свидѣтельствомъ, а то и не видѣло бы въ глаза, еслибы вы прислали человѣка, но тѣмъ не менѣе преспокойно удостовѣряетъ, что препятствія вамъ на выѣздъ нѣтъ.

Но нельзя не замѣтить, что отказъ въ выдачѣ подорожной *нисколько не препятствуетъ* къ выѣзду: можно безъ всякой подорожной уѣхать съ помощью той же почты и тѣхъ же почтовыхъ лошадей, только уплачивая двойныя или тройныя прогонныя деньги, ибо нѣтъ да и не можетъ быть (по полной невозможности наблюдать за исполненіемъ такого запрещенія, еслибы оно даже и было) никакихъ правилъ, воспреещающихъ почт-содержателямъ возить кого бы то ни было безъ подорожной, по взаимному соглашенію въ цѣнѣ провозной платы. Помимо почтъ, вы, съ помощью разныхъ правительственныхъ же учрежденій, можете уѣхать не получивъ изъ полиціи свидѣтельства на безпре-

пятственный вѣздъ; вы можете ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, въ почтовыхъ экипажахъ, учрежденныхъ тѣмъ же почтовымъ вѣдомствомъ на различныхъ трактахъ, гдѣ не требуютъ предъявленія полицейскаго свидѣтельства для получения билета на проѣздъ, да и требовать нѣтъ никакой возможности, ибо послѣдовательность требовала бы тогда такого же свидѣтельства отъ всѣхъ отправляющихся на пароходахъ въ Ижору или Колонію или по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ и Петергофъ, хотя только на фейерверкъ и музыку.

Такимъ образомъ та полицейская дѣль, которая, можетъ быть, и достигалась выдачею подорожной въ то время, когда ѣзда на почтовыхъ представляла собою единственное средство сообщенія, въ настоящее время, при существованіи другихъ, болѣе удобныхъ и дешевѣйшихъ средствъ переѣзда, нисколько не осуществляется, а потому и самая выдача подорожныхъ должна быть, по нашему мнѣнію, совершенно отмѣнена, какъ мѣра, которая напрасно стѣсняетъ публику, не принося ни малѣйшей пользы видамъ правительства.

КУРЬОЗЫ.

«Русское Слово» о методахъ изученія и изложенія исторіи.

Я русскихъ лѣтописей не читалъ, и никогда не буду читать.

Д. Писаревъ. (Р. Сл. мартъ 1865, отд. II, стр. 17).

Нижеслѣдующія строки гораздо лучше могли бы быть озаглавлены словомъ: *Открытие*. Но мы думали, что это было бы не довольно скромно. Между тѣмъ, фактъ состоитъ въ томъ, что мы сдѣлали именно открытіе, и одно изъ самыхъ интересныхъ и неожиданныхъ. Мы открыли возможность примиренія между здравымъ смысломъ и «Русскимъ Словомъ».

Не спѣшите, читатель, улыбаться такъ ядовито; не спѣшите говорить вслухъ: «здравый смыслъ и Русское Слово — что за нелѣпное сочетаніе словъ?»

Сочетаніе словъ, дѣйствительно, довольно странное. И однако, ни не успѣемъ окончить этого краткаго, даже очень краткаго этюда, не успѣемъ, быть можетъ, довести его до половинны, какъ во взглядѣ читателя на эту странность должна произойти радикальная переѣна: здравый смыслъ и «Русское Слово» ему не будутъ болѣе казаться отрацающими одинъ другой терминами.

Да не снѣшите же, читатель, улыбаться такъ ядовито, или, не подумайте объяснить нашъ комплиментъ «Русскому Слову» однимъ только нашимъ деликатнымъ пристрастіемъ къ этому почтенному органу общечеловѣческой (*) гласности.

Правда, относительно послѣдняго пункта, можетъ быть, нужна оговорка. «Русское Слово», тронутое всѣми прославленіями, какія воздаются ему въ «Отеч. Запискахъ», недавно заклатило этому журналу долгъ вѣжливости: оно удостоило самаго лестнаго отзыва одну изъ его статей; самъ этотъ отзывъ оно выразило не вратцѣ, но посвятило ему цѣлую главу («Русское Слово» отличается многоглавиемъ), которая начиналась словами: «Свѣжая волна новой мысли влеснула недавно на сухія страницы «Отеч. Записокъ...» Скоромность запрещаетъ намъ продолжать эту хвалебную выпыску. И конечно, одна уже деликатность могла бы везвать насъ на взаимный обмѣнъ чувствъ съ «Русскимъ Словомъ». Но мы можемъ сослаться на все наше прошлое, и доказать, что прославленіе «Русскаго Слова» мы всегда включали въ число нашихъ обязанностей: выхвалять его сотрудниковъ, удивляться его наборщикамъ, намъ всегда казалось; дѣломъ далеко небезполезнымъ для развитія и укрѣпленія общественнаго смысла. Слѣдственно, и настоящее открытіе наше должно быть объясняемо не столько деликатными отношеніями нашими къ «Русскому Слову», сколько нашимъ пониманіемъ своихъ обязанностей.

Итакъ, намъ стѣитъ сказать нѣсколько словъ—и въ общественное сознаніе Россіи, а также и всего человѣчества, прольется новая струя свѣта; намъ стѣитъ сказать нѣсколько словъ—и человѣчество перестанетъ видѣть въ здравомысліи — съ одной стороны, и въ «Русскомъ Словѣ» — съ другой, отрицающія другъ друга крайности. Намъ удалось открыть ларчикъ, и будь это въ ущербъ не только намъ самимъ, но и журналистамъ всего человѣчества, мы все-таки обязаны открыть всѣмъ — какъ онъ открывается?

Для того, кто этотъ секретъ уже знаетъ, ничто не можетъ быть проще, хотя для того, кто его не знаетъ... впрочемъ, и для того едва-ли что-нибудь можетъ быть проще. Секретъ въ томъ, что вы не такъ читали и не такъ понимали «Русское Слово». Вы разсматривали его со стороны его сущности и читали его отъ начала къ концу. Но его нужно разсматривать со стороны его цѣли и читать отъ конца къ началу. Распространять здра-

---

(*) Извѣстно, что самыя почтенныя сотрудницы «Русскаго Слова», какъ м-съ Реклю и м-съ Жакъ-Лефренъ—францужки; г. Шелгуновъ—воложанинъ; остальные—съ гордостью говорятъ о своей солидарности со всѣмъ человѣчествомъ, а именно для сего послѣднее только поэта Ашкенева и г. Антоновича.

вня понятія есть два способа: одинъ прямой, другой—окольный. Первый—тотъ, когда вы прямо высказываете и доказываете то, что вамъ кажется истиннымъ: это пока общепринятый способъ, но съ успѣхами цивилизаціи онъ едва-ли удержится, какъ все первобытное. Второй тотъ, когда подъ маской добродѣтельнаго лицемѣрія, вы преднамѣренно становитесь на сторону нелѣпости, защищаете ее, доводите до послѣднихъ выводовъ, и хотя въ концѣ не прибавляете правоученія, но только изъ уваженія къ дальновидности вашихъ ближнихъ: это—способъ Макиавелли, особенно употребленный имъ въ извѣстномъ его сочиненіи «*Il principe*»; къ этому способу постоянно обращался также авторъ «*Философш бѣдности*», зацѣпившій на-смерть столько вонющихъ нелѣпостей; и этому способу, съ умноженіемъ деликатныхъ свойствъ въ человѣчествѣ, мы полагаемъ, предстоитъ будущность. «Русское Слово», прозрѣвая впередъ, проводить свои здравыя мнѣнія именно этимъ окольнымъ путемъ. Вы до сихъ поръ понимали его буквально, вы шли по немъ отъ начала къ концу, и вы смѣялись надъ всѣми его буквами, стоящими и въ концѣ и въ началѣ. Но попытайтесь понимать его какъ алегорію, пройдитесь по немъ отъ конца къ началу, и тѣ же самыя буквы вамъ представятся совершенно въ другомъ свѣтѣ, конечно, при томъ условіи, если вы не вспомните про бѣлаго медвѣдя. Чтобы не вдругъ перейти къ нашему главнѣйшему аргументу, который способенъ поразить читателя, мы представимъ сперва самый ничтожный. Читай «Русское Слово» по старому способу, вы встрѣчали, напримѣръ, въ его политикѣ, которая съ тѣмъ вмѣстѣ есть политика Жава-Лефрена, слѣдующія достопримѣчательныя слова:

«*Ради любопытства замѣтимъ, что возбужденъ вопросъ о сооруженіи желѣзной дороги между Жоппъ (Jorre) и Иерусалимомъ*». (Февраль 1866, Полит. стр. 11).

Что вы могли подумать при этихъ словахъ? Вы, конечно, принимали ихъ за либеральную выходку со стороны «Русскаго Слова», которое даже *Яффу* не хочетъ называть *Яффой*, а называетъ ее чортъ-знаетъ почему *Жоппъ (Jorre)*. И безъ сомнѣнія, какъ бы эта выходка, употребленная на двухъ языкахъ, ни казалась либеральной «Русскому Слову», вы признавали ее вполне бессмысленной. Но взгляните на эту самую выходку съ той точки зрѣнія, которую мы открыли, и что вамъ представляется? Вы прежде всего поймете, что Жавъ-Лефрень не могъ написать въ своей рукописи ни *Жоппъ*, ни *Jorre*, а написалъ *Jaffa* (*);

(*) Хотя могъ написать еще *Jorre*, такъ-какъ во французскихъ учебникахъ

но только написал так неразборчиво, что можно было принять и за *Jorre*. При этомъ, какъ вы тоже не можете не понять, онъ думалъ: «накажу я этихъ бессмысленныхъ людей, которые въ своемъ «Русскомъ Словѣ» проводятъ мою французскую политику». Вовторыхъ, для васъ становится ясно, что переводчикъ, которому дана была рукопись Жака-Лефрена, хотя и могъ бы справиться у умныхъ людей, что такое это *Jorre*, но тоже, въ свою очередь, подумалъ: «ниважу я эту бессмысленную редакцію, которая получаетъ свою политику изъ Парижа; вставлю я ей *Жонтъ (Jorre)*; пусть разбираетъ, какъ хочетъ». Наконецъ, сама редакція, какъ вы уже догадываетесь, хотя и могла бы снести съ Жакомъ-Лефренемъ на счетъ истиннаго значенія начертанныхъ имъ буквъ, но тоже себя подумала: «*Жонтъ — Jorre* — оставлю такъ, какъ есть; если окажется вранье, пусть оно послужитъ урокомъ этому бессмысленному переводчику». И такимъ образомъ, въ концѣ всего вы получаете уже не либеральную бессмыслицу, надъ которой вамъ хотѣлось смѣяться, а видите, напротивъ, что и Жакъ-Лефрень, и переводчикъ «Русскаго Слова», и даже само «Русское Слово» стремятся неукоснительно и съ своей стороны къ обличенію этой самой бессмыслицы.

Способъ чтенія и пониманія «Русскаго Слова», развитый въ этомъ примѣрѣ, мы намѣрены, въ этомъ же отдѣлѣ нашего журнала, примѣнить en gros ко всѣмъ научнымъ взглядамъ «Русскаго Слова», по всѣмъ отраслямъ знанія. Но на первый разъ останавливаемся на его воззрѣніи, относящемся до различныхъ способовъ изученія и изложенія исторіи. Статья, подавшая намъ поводъ къ настоящему упражненію, напечатана въ мартовской книгѣ «Рус. Слова», въ библиографическомъ отдѣлѣ. Вызвана эта статья переводомъ на русскій языкъ «Исторіи нидерландской революціи» Дж. Лотропа Мотлея. Подъ статью подписано: *В. Зайцевъ*. И это-то именно произведеніе мы и назвали, въ одной изъ предъидущихъ строчекъ, главнѣйшимъ аргументомъ въ пользу нашего открытія. Но вы поймите, но вы проникнитесь, читатель, что въ нашемъ аргументѣ вамъ будетъ предложенъ цѣлый и совершенно законченный взглядъ «Русскаго Слова» на цѣлую науку. Поймите это и оцѣните нашу заслугу.

«Русское Слово» находитъ, что понимать и излагать исторію

географіи обыкновенно встрѣчается: *Jaffa, Joppé, ville et port de la Syrie, sur la Méditerranée*. Но даже соединенный авторитетъ всѣхъ иностранныхъ сочинителей «Русскаго Слова» все-таки давалъ «Русскому Слову» право лишь на одно то, чтобы поставить французское слово (конечно, съ соблюденіемъ орфографіи) въ скобкахъ, а никакъ не на то, чтобы и въ русскомъ текстѣ вѣнчать *Жонтъ* вмѣсто *Яффа*.

существуетъ три метода: первый оно называетъ объективнымъ, второй — *Боклемъ*, даже не методомъ *Бокаля*, а такъ-таки просто *Боклемъ*, третій — субъективнымъ. Его мудрости предстояло рѣшить: который изъ нихъ предпочтительнѣй? Вопросъ весь въ этомъ; и понятно, что если вопросъ поставленъ такимъ образомъ, то вы имѣете право не сомнѣваться, что которому нибудь изъ этихъ трехъ методовъ «Русское Слово» должно отдать преимущество; должно, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если оно не рѣшится открыть новый. Но мы скажемъ заранѣе, что новаго метода оно не открываетъ. Который же оно предпочитаетъ изъ старыхъ? Въ разрѣшеніи этого вопроса мы усвоиваемъ себѣ методъ — снять показанія съ самого «Русскаго Слова».

Книгу Дж. Лотропа Мотлея оно находитъ написанной по первому изъ трехъ означенныхъ методовъ. А свою оцѣнку этого способа — излагать исторію оно выражаетъ въ слѣдующихъ строчкахъ:

«Для тѣхъ, кто уважаетъ объективный методъ въ исторіи, сочиненіе это (Мотлея) покажется вполне безукоризненнымъ, потому что авторъ судитъ лица и событія съ современной имъ точки зрѣнія, и въ добавокъ, сочиненіе читается какъ романъ. Но слишкомъ много можно сказать противъ самаго метода. Можно утверждать, что объективность въ историческихъ сочиненіяхъ лишаетъ ихъ всякаго серьезнаго значенія. Разсказъ, написанный съ объективной точки зрѣнія объ интересныхъ событіяхъ, можетъ быть, конечно, очень занимателенъ. Но трудно сказать (слушайте!), чѣмъ отличается занимательность этого рода отъ той, которую представляютъ романы и повѣсти, хорошо, то-есть занимательно, написанные. Я не вижу никакой разницы между, напримѣръ, «Исторіей Филиппа II» Прескотта и романами Вальтеръ-Скотта, и многихъ другихъ. Чтò изъ того, что въ первой нѣтъ ни одного слова, неподтвержденнаго актами, хрониками и компетентными авторами; а во вторыхъ многое или даже все принадлежитъ фантазій сочинителя. Вѣдь какъ то, такъ и другое относится къ области искусства и ни на какія житейскія цѣли непригодно. Для читателя можетъ быть равно интересно описаніе какъ вымышленнаго сраженія, такъ и самаго достовѣрнаго и подтвержденнаго всѣми источниками. Вѣдь все равно (слушайте! слушайте!), подробности какого нибудь аустерлицкаго сраженія, какъ бы онѣ ни были вѣрны, никакого серьезнаго значенія имѣть не могутъ».

Но здѣсь мы должны на одну секунду остановиться. Мы были столь самонадѣяны, что рассчитывали покончить съ объективнымъ методомъ безъ перерыва, мы полагали, что на это достаточно нашего терпѣнія. Однако, противъ жару — какъ говорить

дословица—и камень лопается. Потому намъ понадобилось во-просить «Русское Слово»: полагаетъ ли оно, что въ случаѣ опасности отечества, все равно—довѣрить ли армію такому генералу, который изучалъ бы одни только вымышленныя сраженія и невѣрныя описанія подлинныхъ, или такому, который упражнялъ свой умъ на однихъ подлинныхъ сраженіяхъ и руководствовался при этомъ самыми вѣрными описаніями? Положимъ, что «Русское Слово» отвѣтитъ на это, что его отечество—мѣръ и солидарность со всѣмъ человѣчествомъ, и что, поѣтому, ему все равно, какой бы генералъ ни одержалъ побѣду, нашъ или непріятельскій. Но предположимъ, что у «Русскаго Слова» на самой границѣ, со стороны нашествія непріятеля, находится помѣстье, или его бумажная фабрика или типографія, или, наконецъ, оно само находится на этомъ пунктѣ, или еще лучше, тамъ находятся всѣ помѣстья всѣхъ его подданныхъ: согласилось ли бы оно и тогда довѣрить нашу армію такому романтику, въ глазахъ котораго, наиримѣръ, *Жюль-Жорре* или Яффа, Аустерлицъ или «заколдованная роща» были бы одно и то же? Кстати мы вспомнили и про эту штуку: въ житейскихъ отношеніяхъ мирнаго времени, конечно, очень мало можно придавать значенія тому—называется ли Яффа Яффою, или Жюль-Жорре.—Но случись нашему генералу вести въ той мѣстности войну, тогда точность терминовъ, какъ историческихъ, такъ и географическихъ, будетъ нужна до безконечности. То же надобно сказать и объ истинномъ направленіи желѣзныхъ дорогъ; потому что въ предположенномъ нами случаѣ рѣшительно не все равно—думать ли, что желѣзная дорога лежитъ между Жюль-Жорре и Иерусалимомъ, или быть съ точностію увѣрену, что она находится между этимъ послѣднимъ и Яффою. Продолжаемъ прерванную цитату объ объективномъ методѣ:

«Какими мыслями я обогащусь, какіе результаты извлеку, если достоверно узнаю, что честь побѣды при Сен-Кентенѣ принадлежитъ именно Эгмонту? Не все ли равно мнѣ, еслибы я полагалъ, что честь эта принадлежитъ какому-нибудь герою романа, одаренному всѣми талантами и совершающему подвиги, чтобы покорить сердце героини. Знаніе или незнаніе такихъ фактовъ рѣшительно ни къ чему не ведетъ».

Нѣтъ, «Русское Слово», позвольте васъ опять приостановить pour un petit moment, какъ выражается вашъ Жюль-Лефранъ—въ одномъ мѣстѣ: знаніе подобныхъ фактовъ все-къ чему ведетъ; наиримѣръ, хотъ къ тому, чтобы вы не вереносили «стѣну Кароленга» въ Италію, чтобы «Пясть везиксийскій» не принимали за гору, чтобы не полагали, будто «Аониа-Паллада» есть на-

звание города, чтобы нимфу «Эгерію» не смѣшивали съ княжествомъ Монако, и не называли «счастливымъ, милымъ уголкомъ». Да и мало ли къ чему ведетъ вообще знаніе фактовъ. Конечно, что касается собственно «Русскаго Слова», мы, пожалуй, согласны, что его сотрудники безопасно могутъ думать, что, наприимѣръ, съ Порошъ — царемъ индійскимъ сражался не Александръ Македонскій, а Наполеонъ *двадцатый*; но «Русское Слово» не имѣетъ никакого права обобщать это явленіе. Ибо, случись его сотрудникамъ перейти въ какую-нибудь другую редакцію, и напиши они тамъ такую штуку, завтра же и откажутъ. Вотъ вамъ и не имѣетъ никакого серьезнаго житейскаго значенія.

Далѣе, «Русское Слово» разбиваетъ въ пухъ самую прочную, по-видимому, опору объективнаго метода, опору, извѣстную подъ именемъ такъ называемаго «справедливаго суда исторіи». Опровергнувъ мнѣніе ретроградныхъ историковъ о томъ, будто нельзя судить людей, жившихъ за тысячу и болѣе лѣтъ, съ нашей точки зрѣнія, доказавъ вдобавокъ къ этому, что подобное мнѣніе было прилично развѣ египтянамъ, а нивагъ не европейцамъ XIX вѣка, «Русское Слово» торжественно заключаетъ ссылкой на великій авторитетъ одного изъ великихъ своихъ сотрудниковъ:

«Г. Писаревъ—вѣщаетъ оно—въ одной изъ своихъ статей говорилъ о недѣлности историковъ, которые проводятъ всю жизнь, занимаясь какъ-будто чѣмъ-то серьезнымъ и важнымъ, отмѣчиваніемъ балловъ за поведеніе разнымъ историческимъ лицамъ. Это вполнѣ вѣрно относительно объективныхъ историковъ, для которыхъ важется чѣмъ-то необыкновенно важнымъ поставить данной личности именно тотъ баллъ, который она заслужила. Такое занятіе дѣйствительно праздно; но необходимо замѣтить, что замѣчаніе г. Писарева можетъ распространяться только именно на то, что носить величавыя названія «справедливаго суда исторіи» и «объективности въ исторіи».

Это, позвольте вамъ доложить, тотъ самый г. Писаревъ, которому принадлежитъ великое изреченіе, поставленное нами въ эпиграфъ: «я русскихъ лѣтописей не читалъ, и никогда читать не буду». Стало-быть, судья—вполнѣ компетентный. Потому компетентный, что свою общечеловѣческую точку зрѣнія не засорилъ изученіемъ казихъ бы ни было фактовъ. Но во всякомъ случаѣ, дѣло ясное, что объективный методъ въ исторіи, на взглядъ «Русскаго Слова», оказывается нигуда годнымъ.

Переходимъ къ методу, который «Русское Слово» такъ замисловато называетъ *Божлемъ*. Заранѣе предупреждаемъ читателя—не поддаваться на удочку утонченныхъ выраженій «Русскаго Слова». Съ историческимъ методомъ, который съ этихъ поръ бу-

дети называться *Боклемь*, оно, повидимому, деликатничает; но тѣмъ не менѣе этотъ *Бокль* — или этого *Бокля*? — ну, однимъ словомъ, этотъ методъ оно переицаетъ. Вотъ его собственныя выраженія:

«Очень жаль, что у многихъ развилась, отъ увлеченія Боклемь, охота распространять его (то-есть *Бокля*) на всякій историческій трудъ. Нѣтъ сомнѣнн, что переворотъ, произведенный въ историографіи Боклемь, громаденъ. Но было бы очень печально, еслибы значеніе Бокля, хотя на время, заслонило значеніе прежней историографіи. Весьма ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что послѣ Бокля всѣ прежніе историки совершенно лишились своего значенія».

Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть о тѣхъ безумцахъ (конечно, если они только существуютъ, что, однако, весьма сомнительно, по крайней мѣрѣ, сомнительно относительно тѣхъ странъ, гдѣ уровень просвѣщенія на столько высокъ, что туда могли проникнуть сочиненія Бокля) — нельзя не пожалѣть о тѣхъ безумцахъ, которые съ появленіемъ Бокля отвернулись отъ всѣхъ прежнихъ историковъ; ибо, говоря откровенно, имъ остается пребывать навсегда во мракѣ неисходнаго невѣжества. Бокль, какъ извѣстно, предпринялъ-было написать исторію Англій, и былъ застигнутъ смертію на половинѣ предисловія къ этой исторіи. Прошу покорно довольствоваться и не попадаться въ ловушку всякій разъ, когда дѣло коснется событія изъ исторіи Рима, Греціи, Карфагена или всякаго другаго государства—древняго или новаго. Но «Рус. Слово» сожалѣетъ о безумцахъ не съ этой стороны, на которую оно само хромаетъ, а съ той, что они увлекаются историческимъ методомъ, который ему—«Русскому Слову»—не кажется наилучшимъ. Оно совершенно справедливо разсуждаетъ, что Бокль смотритъ на исторію, какъ на науку, а въ наукѣ видитъ какую-то богиню; тогда какъ оно—«Русское Слово»—полагаетъ, что время прекрасныхъ богинь миновало и наступила пора распрекрасныхъ кухарокъ. Намъ остается, слѣдственно, записать послѣднее показаніе «Русскаго Слова», показаніе о томъ, какъ оно думаетъ о субъективномъ методѣ. Вотъ его строчки, относящіяся къ этому предмету:

«Объективная историческая школа, конечно, теперь не имѣетъ никакого значенія, но нельзя сказать того же о тѣхъ историкахъ, которые пользуются историческимъ матеріаломъ такъ, какъ, напри- мѣръ, Макиавели и Шлоссерь. У такихъ писателей исторія теряетъ свой научный характеръ (вотъ такъ исторія!), но за то приобретаетъ важное общественное значеніе (вотъ такъ колѣно!). Изъ богини она дѣлается слугою, но въ повседневной жизни слуги полезнѣе богоевъ. Правда, изъ Шлоссера читатель не вынесетъ *такого* богатства идей и знанія, *сколько* изъ Бокля (похвала Боклю),

но за то никогда не впадетъ въ филистерство (уязвленіе Боля). Такіе исторіи приносятъ громадную пользу, заставляя науку сходиться съ надобностями и служить ежедневнымъ нуждамъ людей. Для этого они пользуются ею не для изысканія вѣчныхъ истинъ и законовъ, а для того, чтобы примѣрами научать людей избѣгать вреднаго и злого, выбирать и находить полезное и хорошее, цѣнить доброе, презирать и преслѣдовать дурное.»

Конечъ этого разсужденія, очевидно, взять изъ какой-нибудь прописи, хотя въ то же время очевидно, что субъективный методъ въ исторіи, методъ Макиавели и Шлоссера приходится «Русскому Слову» по душѣ, преимущественно передъ всеми другими методами. Но дѣло въ томъ, что черезъ пять строчекъ — этому похвальному методу произносится такой приговоръ:

«Само собою разумѣется, что такой историческій разсказъ (то-есть въ родѣ того, какъ у Шлоссера и Макиавели) носитъ непремѣнно на каждой страницѣ прямой отпечатокъ личныхъ взглядовъ автора (какъ жалъ, что этого достоинства нѣтъ у авторовъ «Русскаго Слова»). Эта субъективность, когда личные воззрѣнія автора узки, умъ ограниченъ, характеръ мелочень, дѣлаетъ многія историческія сочиненія совершенно нецѣпными, крайне-вредными и безобразными. Примѣромъ такого рода произведеній могутъ служить сочиненія Маколея, о которыхъ я когда-нибудь поговорю подробно (то-есть спишу изъ «Современника», гдѣ ужъ эти подробности были). Для англичанина консервативно-либеральнаго (или либерально-консервативнаго) образа мыслей, какъ большинство англійской публики (то-есть либерально-консервативной или консервативно-либеральной), сочиненія Маколея могутъ казаться неопѣненными. Но для человѣка, неспособнаго увлекаться интересами англійскихъ либеральныхъ консерваторовъ (или консервативныхъ либераловъ) и даже понимать ихъ, трудно представить что-нибудь немыслимѣе сочиненій этого писателя (а ваши собственные разговоры, «Русское Слово?»). — Примѣровъ такого безобразія, художественныя историческія сочиненія, разсмагивающія свой предметъ объективно, не представляютъ. Но это потому, что они ни рыба ни мясо».

Ужъ хуже этого метода, кажется, ничего и быть не можетъ, исключая, можетъ быть, положенія читателя, которому бы хотѣлось уразумѣть—на что такое быть «Русское Слово»? Въ самомъ дѣлѣ, въ итогѣ всего—(конечно, если вы еще упорствуете понимать «Русское Слово» буквально) — вы имѣете такіа положенія: методъ, называемый (съ марта текущаго года) *Бокалемъ*, никуда не годится, потому что дѣлаетъ изъ исторіи богиню, тогда какъ «Русскому Слову» нужна, для его страпни, кухарка; объективный былъ бы сносень, еслибъ онъ былъ менѣе занимателень, и еслибы притомъ не былъ ни рыба ни мясо; субъективный имѣлъ бы преимущество передъ обоими, если бы въ этомъ

родѣ писали только Малиавели и Шлоссеръ и никогда не писалъ Маколей. И отъ васъ требуется разсудить теперь, который же лучше? Вы, можете быть, очертя голову, скажете: субъективный. Но почему же? Наука не можетъ довѣряться случайностямъ. А довѣряясь этому методу, она не избавляется отъ какого-нибудь Маколея; слѣдственно, не избавляется отъ того, чтобы не быть «крайне вредной и безобразной».

Такимъ образомъ—ясно, при буквальной пониманіи «Русскаго Слова», при чтеніи его отъ начала къ концу, вамъ нѣтъ выхода; вы должны признать, что оно написало абракадабру. Вы должны пойти далѣе и признать его цѣлкомъ за чудовище абракадабры. Но можете ли вы это сдѣлать? Впрочемъ, вы это ужъ и сдѣлали, и подобный вопросъ отчасти неумѣстенъ. Но въ правѣ ли вы были сдѣлать это? То-есть: въ правѣ ли вы приписывать одному «Русскому Слову» столько нелѣпости, сколько могло бы достать, по крайней мѣрѣ—на десять самыхъ либеральныхъ и замѣчательныхъ журналовъ? Съ одной стороны, вы какъ-будто въ правѣ, потому что имѣете достаточное основаніе; но съ другой, вамъ приходится допустить, что «Русское Слово» сочиняется сверхъестественными существами, и слѣдственно, вы не въ правѣ. Можете вы выдти изъ этой альтернативы?

Этими общими соображеніями вы уже достаточно затруднены; но возвратимся на минуту къ наиболѣе частному. Вообразите, что «Русское Слово» говоритъ вамъ (и оно, дѣйствительно, это самое и говоритъ вамъ): если вы будете подѣзжать къ исторіи объективнымъ путемъ, то сами будете цѣлы, коня лишитесь; если зайдете съ субъективной стороны, коня сбережете, но самихъ себя лишитесь; если, наконецъ, повернете по Боклю, то и себя лишитесь, и коня не сбережете.—Можете ли вы допустить, чтобы это такъ именно и слѣдовало понимать, какъ это написано въ «Русскомъ Словѣ»?

Этимъ соображеніемъ, мы надѣемся, вы стѣснены уже до послѣдней возможности, и вамъ волею-неволею приходится обратиться къ нашему открытію. Но какая же тутъ можетъ быть неволя, когда передъ вами открывается свѣтъ, когда въ приведенныхъ сужденіяхъ «Русскаго Слова», если вы прочитаете ихъ съ конца къ началу и поймете навыворотъ, вы не только не увидите предостереженія отъ котораго нибудь изъ вышеозначенныхъ путей, а услышите, напротивъ, вопіянiе во всю мочь: «свалая по всѣмъ по тремъ!»

PS. Въ этомъ краткомъ этюдѣ дано, между прочимъ, обѣщаніе. Открытый нами способъ—читать и понимать «Русское Слово»—мы

объщали оправдать и доказать, примѣнивъ его ко всѣмъ другимъ взглядамъ «Русскаго Слова» на всѣ другія науки. Это общаніе наше мы просимъ считать серьезнымъ, хотя бы для выполненія его намъ пришлось выписывать цѣликомъ прекрасныя статьи «Русскаго Слова», какъ мы и поступили въ этомъ скромномъ этюдѣ. При этомъ мы просимъ читателя даже съ нѣкоторою настойчивостью — не вѣрить утвержденіямъ «Русскаго Слова», обращеннымъ къ г. Антоновичу, будто оно не можетъ сочинить такую статью, которая бы могла быть напечатана въ «Отеч. Запискахъ», и напротивъ, вѣрить г. Антоновичу, утверждающему, что оно сочиняетъ такія статьи гораздо чаще, чѣмъ воображаетъ. И дѣйствительно, вышеизложенную статью, кажется, «Русское Слово» не можетъ не признать своею. Оно могло бы вспомнить, кромѣ того, про нѣкоторыя свои повѣи, которымъ «Отеч. Записки», къ полному удовольствію ихъ читателей, тоже съ охотою удѣляли мѣсто на своихъ страницахъ. Но цѣлая вереница статей, уже отмѣченныхъ нами въ «Русскомъ Словѣ», для вышеизъясненной цѣли, и какъ разъ подходящихъ къ этому самому отдѣлу нашего журнала, въ которомъ мы теперь бесѣдуемъ, обнаружить яснѣе всего, правъ ли былъ г. Антоновичъ, утверждавшій, что нѣкоторыя міросозерпанія «Русскаго Слова» (мы думаемъ, что всѣ), такъ и просятся въ «Отеч. Записки».

СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЯ.

VI

О КОМАРАХЪ И СНОВИДѢНІЯХЪ.

Настало утро. На гисбалской пристани толпился народъ. Отъ Бриенца приближался, усердно пыхтя, небольшой пароходикъ. Наши русскіе были въ числѣ ожидающихъ. Пароходъ ударился о дебаркадеръ, и толпа повалила на палубу. Русская молодежь усѣлась на табуреткахъ въ тѣсный кружокъ.

— Какъ вы почивали? обратился къ барышнямъ Левъ. — Не похѣшалъ вамъ водопадъ?

Наденька, казалось, совѣстилась начать разговоръ и смолчала; Моничка не считала нужнымъ отвѣчать на вопросъ «долговязаго университетанта». Отвѣтъ остался за Лизой.

— Помѣшалъ-таки, сказала она: — шумить такъ, что стекла дрожать. Съ непривычки трудно заснуть. Болѣе, однако, надоѣдали комары, и еслибы не одна уловка съ моей стороны...

— C'est vrai, подхватилъ Куницынъ: — комаровъ здѣсь легіонъ. Воевалъ я съ ними, воевалъ — просто мочи не стало

— А, такъ это ты билъ такъ звонко въ ладоши? спросилъ Левъ. — Я думалъ: неужто Александръ?

— Нѣтъ, я; да вѣдь вплоть до зари, бестіи, не давали сомкнуть глазъ! Кусаются, какъ собаки. Вѣроятно и послѣ кусали, да усталость одолѣла, заснулъ. Жужжать у тебя надъ самымъ ухомъ; въ темнотѣ ихъ и не разглядишь. Съ перваго-то начала, я отмахивался платкомъ, да никакого толку: только отгоню, опущусь на подушки — а они уже тутъ какъ тутъ, влять около самаго носу. Я, наконецъ, вышелъ изъ себя, и давай рубить сплеча и праваго, и виноватаго; поутру весь полъ около моей кровати былъ усѣянъ трупами, какъ *champ de bataille*.

— Вы человекъ горячій, замѣтилъ Александръ: — и принимаете все къ сердцу; а съ своей стороны не вижу, чего тутъ беспокоиться? Пусть сососутъ маленько: насъ отъ этого не убудетъ, имъ же надо чѣмъ-нибудь пропитаться. Къ чему хлѣбъ отнимать? Мое правило: *Leben und leben lassen*.

— Хорошо вамъ говорить! обросли кругомъ непроходимымъ муромскимъ гѣсомъ; тутъ и самому отчаянному комару-разбойнику не проникнуть.

— Ничего, проникали; только я не удостоивалъ вниманія. Одинъ изъ самыхъ бойкихъ запутался даже въ моихъ бакахъ и давай писать благимъ матомъ. Я человекъ съ сердцемъ и не могу видѣть чужихъ мученій: взялъ, высвободилъ осторожно ножи шалуна и пустилъ его на волю. Потомъ, въ сознаниі, что сдѣлалъ доброе дѣло, заснулъ безмятежно сномъ праведныхъ.

— Вы, должно быть, большой лимфатикъ, замѣтила теперь Наденька: — большая часть людей не можетъ вынести писка этихъ неотвязчивыхъ гѣвуновъ. Звенить комарикъ, распѣваетъ вокругъ васъ гдѣ-то въ воздухѣ, все ближе и ближе; вотъ - вотъ, кажется, сядетъ; но нѣтъ, отлетаетъ и снова заводитъ свою задорную серенаду. Это ожиданіе бѣды мучительнѣе самой бѣды.

— Совершенно справедливо, сказалъ Левъ. — Но если защититься отъ нихъ какъ слѣдуетъ, то можно слушать ихъ весьма хладнокровно. Такъ я, ложась ввечеру, придвинулъ къ изголовью стулъ, распустилъ черезъ ручку его и свою голову пледъ, и обезпечилъ себя такимъ образомъ отъ дальнѣйшихъ нападеній маленькихъ вампировъ. Дышать я могъ свободно, потому что между изголовьемъ и стуломъ оставался еще промежутокъ; выдыхаемая углекислота опускалась по тяжести къ полу и замѣнялась оттуда немедленно струею чистаго воздуха. Комары распѣвали вокругъ моей головы попрежнему, но проникнуть до меня не имѣли уже физической возможности. Съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ внималъ я ихъ концерту, слагая изъ нагѣвовъ ихъ, то глубоко-басистыхъ, то пронзительно-звонкихъ, мелодій штраусовскаго вальса, и, убаюканный, въ нѣсколько минутъ задремалъ.

— Я распорядилась пообстоятельнѣе, сказала Лиза. — Я имѣю обыкновеніе читать въ постели; вчера, когда начали докучать комары, я пошла со свѣчю въ смежную комнату, гдѣ почивали Моничка и Наденька, и поставила свѣчу на полъ. Дѣвушки спали, какъ убитыя, потому комары не могли обезпечить ихъ. Когда, по моему расчету, всѣ комары изъ нашей спальни перелетѣли къ

нимъ, къ свѣту, я задула свѣчу. Потомъ вернулась къ себѣ и плотно притворила дверь. Средство оказалось радикальнымъ: въ комнату не осталось ни одного комара.

— А мы удивлялись, сказала Моничка:— откуда ваялась у насъ поутру такая пропасть ихъ и свѣчка на полу.

— Она всегда такъ, замѣтила Наденька:— вотъ какъ искусили— просто ужаси! прибавила она, разглядывая свои красныя, полныя руки, испещренныя до локтей красными пятнами.

— *En vérité!* подхватила Моничка, осматривая и свои руки:— и меня тоже! *C'était bien méchant, Lise!* Я думаю, и на лицѣ есть слѣды?

— Есть-таки! засмѣялась Наденька:— но тебѣ это къ лицу.

— *Grand merci!* Въ наши лѣта можно, ваяется, обойтись и безъ косметическихъ средствъ. Ты впрочемъ не радуйся очень, *ma chère*, ты сама въ пятнахъ.

— Это ничего, пройдетъ. Пройдетъ, господа натуралисты?

— Пройдетъ, отвѣчалъ Левъ. — Комары принесли вамъ даже пользу: не пусти они вамъ крови, я увѣренъ, вы бы не выспались такъ славно, не видали таинхъ вещей во снѣ.

— Какихъ вещей?

— Да всего того, что молодыя дѣвушки любятъ видѣть во снѣ; гдѣ же намъ знать!

— А интересно бы знать, сказалъ Куницынъ. — Говорятъ, что если спишь въ первый разъ *vous le toit d'une maison*, то все, что приснится, и сбудется на дѣлѣ. *Mesdames*, будьте великодушны, расскажите ваши сегодняшніе сны.

— Какой вы любопытный! улыбнулась кокетливо Моничка. — Если *он* приснился мнѣ—неужели также рассказывать?

— *Eh certainement: franchise avant tout.* Мы въ Швейцаріи, въ странѣ откровенности и свободы.

— Вишь, вы какой!

— Да вамъ-то, *m-lle*, я пожалуй и не приснился...

— А! такъ вы думаете, что приснились одной изъ другихъ дѣвицъ? Поздравляю васъ, *mesdames!* Кому жь-то изъ васъ приснился *ш-г* Куницынъ?

— Не мнѣ, успѣшила увѣрить Наденька.

— А мнѣ и подавно нѣтъ, сказала Лиза.

— Вотъ видите ли, *Өома* невѣрующій? А мнѣ-то вы и приснились!

— Такъ расскажите, какъ и что.

Маленькая брюнетка лукаво засмѣялась. — Я думаю, лучше не рассказывать.

— Eh pourquoi pas?

— Вѣроятно ты предстань не въ очень лестномъ для тебя свѣтѣ, замѣтилъ Левъ.

— Cela ne fait rien: d' une demoiselle tout est d'estro. Racontez, m-lle, je vous en prie.

— Eh bien, m-g, si vous l'exigez infailliblement...

Фантазія у Монички оказалась довольно бойкая. Не задумываясь, сложила она тутъ же цѣлый волшебный сонъ.

Ей снилась — рассказывала она — тѣнистая роща при серебряномъ мерцаніи луны. Подъ прохладнымъ навѣсомъ деревъ, на бархатной муравѣ, пляшетъ группа нимфъ, облеченныхъ въ воздушныя, коротенькія платьица, на подобіе балетныхъ танцовщицъ. Является молодой, прекрасный рыцарь, съ зеленымъ, стоячимъ воротникомъ, въ треуголкѣ, и спящая узнаетъ въ немъ—m-g Куницына. Хороводъ нимфъ окружаетъ его и въ звучныхъ пѣсняхъ утѣшаетъ его въ невѣрности: «И на мнѣ обѣщались жениться, и на мнѣ, и на мнѣ!» Рыцарь въ смущеніи клянется, что съ своимъ бы удовольствіемъ женился на любой изъ нихъ, но какъ многоженство въ благоустроенномъ государствѣ нетерпимо, то онъ, достойный сынъ богини правосудія, не желаетъ обидѣть ни одной изъ нихъ и лучше отрекается отъ всей честной компаніи; говоря это, онъ пытается улезнуть. Дѣвы съ крикомъ удерживаютъ его за фалды и увлекаютъ съ собою. «Къ Пиею, къ великой жрицѣ!» вопіютъ онѣ: «она разрѣшитъ сомнѣніе, кому изъ насъ владѣть коварнымъ измѣнникомъ.» Надъ пещерой, изъ которой валитъ густой, смрадный дымъ, возсѣдаетъ на треножникѣ, въ облакахъ дыма, древняя, поросшая мохомъ старушонка. Рыцарь падаетъ граціозно ницъ. Но, странное дѣло! вглядываясь пристальнѣе въ черты жрицы, спящая узнаетъ въ ней—m-g Куницына! Значитъ, двое m-gs Куницыныхъ: и судья, и подсудимый. Судья собирается только что изречь роковой приговоръ надъ своимъ двойникомъ—какъ вдругъ Гисбахъ, богъ-вѣсть откуда вставшійся, низвергается съ высоты съ глухимъ, ошеломительнымъ ревомъ и заливаешь собою и Пиею, и рыцаря, и обиженныхъ дѣвъ. Буря понемногу улегается, изъ-за тучъ выплываетъ ясный мѣсяцъ и надъ зеркаломъ водъ начинаютъ порхать чайки. Картина въ родѣ послѣдней въ *Корсарь*. Вотъ выгнула голова, вотъ другая, третья, десятая. Это души утопшихъ, но преобразенныя: онѣ въ тѣхъ же коротенькихъ, газовыхъ платьяхъ, но лица ихъ—

фотографическіе снимки съ облива м-г Куницына: онѣ умерли любя, и потому въ смерти приняли образъ возлюбленнаго. Алооеоза: весь хоръ новорожденныхъ м-гс Куницыныхъ выходитъ на берегъ и, отряхнувшись отъ воды, затѣваетъ кадрили, дивную, достойную первыхъ львицъ мабиля. Мѣсяцъ, принявшій на радостяхъ также образъ м-г Куницына, спустился на землю и, умильно ухмыляясь, любитъся изъ-за кустовъ трогательной сценой.

— Un songe remarquable... промолвилъ недовѣрчиво правовѣдъ, когда Моничка окончила свой рассказъ.— Et vous l'avez effectivement vu?

— Eh sans doute! смѣялась въ отвѣтъ новая Шехеразада. — Кто изъ васъ, mesdames и messieurs, разрѣшитъ его?

— Наденька разрѣшитъ, сказала Лиза: — она вѣчно воображаетъ себя героиней какого-нибудь романа, и одно время, когда считала себя Татьяной Пушкина, обзавелась даже гадательной книгой, чуть ли не Мартыномъ Задекой. Повѣрите ли: восемь разъ перечла Онѣгина!

— Совсѣмъ не восемь! возразила обиженная гимназистка.

— А сколько же?

— Семь.

— Да, это, конечно, меньше. Она у меня олицетворенная поэзія, сама даже садится на Пегаса, и еще вчера...

— Ну, что это, Лиза? вишь, какая ты гадкая! Никогда тебѣ больше не буду показывать!

— Вы со Львомъ, значить, одна колбаса, какъ говорятъ нѣмцы, замѣтилъ Александръ: — онъ тоже еще вчера прочелъ мнѣ пьеску, въ которой встрѣчаются и «розы» и «слезы», и «созвучіе сердець».

Наденька встрепенулась.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, прочтите ее намъ!

— Съ условіемъ, чтобы и вы прочли свою.

— Ни за что въ мірѣ!

— M-lle Nadine, вмѣшался Куницынъ: — оставьте на минуту поэзію и помогите намъ разрѣшить сонъ вашей подруги.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лиза пошутитъ. Кто изъ насъ здѣсь старше? Тотъ пусть и разрѣшитъ.

— Старше всѣхъ, кажется, м-г Змѣинъ. Eh bien, сударь, разрѣшайте.

— Разрѣшить значеніе сна, сказалъ Александръ: — я не могу, потому что сны вообще чепуха; но почему именно вы, Куницынъ, приснились Соломонидѣ Алексѣвнѣ—берусь объяснить.

— Да это все равно. Объясняйте.

— Вы, Соломонида Алексѣевна, вѣроятно поужинали вчера довольно плотно?

— Не скажу. Чашки двѣ чаю, бутерброта съ медомъ — три, да жаркого и сыру ломтича по три.

— Гм! недурно; по вашему это мало? На ночь вообще много ѣсть не годится. Миѣ, однако, помнится, что, послѣ чаю, вы ѣли и землянику?

. — Ахъ, да, я и забыла. Ее я, въ самомъ дѣлѣ, съѣла изрядную порцію. Она здѣсь такая сочная, и сливки къ ней были такіа густыя...

— Вотъ видите ли. Обазывается, что вы легли съ переполненнымъ желудкомъ. Желудокъ, въ переполненномъ состояніи, производитъ давленіе на окружающіе кровеносные сосуды. Кровь, не имѣя возможности идти къ нижнимъ конечностямъ, гонится въ *arteriae sagites*, въ голову; оттого и грезы.

Моничка, замѣтно недовольная такимъ объясненіемъ натуралиста, съ неудовольствіемъ отвернулась.

— А цѣлый вечеръ, подхватила экс-студентка:— благодаря краснорѣчію г-на Куницына, ты не видѣла и не слышала ничего, кромѣ него; понятно, что и присниться тебѣ долженъ былъ онъ.

— Но я, хоть и слышала цѣлый вечеръ одного ш-г Куницына, брякнула необдуманно Наденька:—а видѣла во снѣ не его...

— Кого же? усмѣхнулась старшая сестра.

Гимназистка замѣтила тутъ свою наивность, и, не зная, какъ поправиться, зардѣлась.

Между тѣмъ пароходъ, загнувъ въ голубую Ааръ, приближался къ интерлакенской пристани. Шипя и качаясь, причалилъ онъ къ берегу, и все засуетилось около мостика, переброшеннаго съ пристани.

VII.

Двѣ коктейльвыя альпійскія дѣвы.

Отель *R.*, въ которой остановились Липецкіа и Куницынъ, въ которой искали теперь пристанища и наши натуралисты, принадлежитъ къ интерлакенскимъ гостиницамъ, наиболѣе посѣщаемымъ сезонными гостями, такъ что, хотя при ней и имѣется нѣсколько второстепенныхъ строеній (такъ-называемыхъ *dépendances*) и по сю, и по ту сторону дороги, однако, въ описываемый нами день, оказалась въ ней свободной лишь одна комната, которую друзья и

рѣшились удовольствоваться на первое время, но въ которой они оставались и до самаго отъѣзда изъ Интерлагена.

Левъ отправился на другую сторону Ааръ, на почту, узнать, не пришло ли изъ Россіи писемъ, да кстати захватить чемоданы, свой и Александровъ, пересланные ими сюда уже изъ Базеля. Писемъ не оказалось. Вываливъ чемоданы на плеча первому попавшемуся ему на углу носильщику, постъ вернулся въ отель, не давая себѣ еще времени осмотрѣть хорошенько окружающій міръ. Дома они съ Александромъ занялись разборкою своего имущества, вываливъ его предварительно въ живописномъ беспорядкѣ на кровать и диванъ.

Скрипнула дверь, и на порогѣ показалась молодая горничная, съ огромнымъ фоліантомъ подъ мышкой.

— Извините, если я обезпокою господъ, проговорила она, по-нѣмецки, на твердомъ, характерномъ діалектѣ дѣтей Альповъ. — У насъ уже такое заведеніе, чтобы пріѣзжіе вписывались въ общую книгу.

— Отличное заведеніе, красавица моя, отвѣчалъ Левъ, съ удовольствіемъ разглядывая дѣвушку. Полная, прекрасно сложенная, имѣла она глаза большіе, бархатно-черные; на здоровыхъ, румяныхъ щекахъ восхитительныя ямочки, носъ слегка вздернутый, но тѣмъ самымъ придающій всему лицу выраженіе милого лукавства. Одѣта она была въ національный бернскій костюмъ, съ пышными бѣлыми рукавами, съ серебряными цѣпочками на спинѣ.

— Вотъ чернила и перо, сказала она, переноса съ комода на столъ письменный приборъ, и раскрывая книгу. — Не угодно ли?

Левъ укладывалъ въ это время въ комодъ бѣлье.

— Распишись ты, Александръ, сказалъ онъ: — я послѣ.

Тотъ взялъ перо, обмакнулъ его и посмотрѣлъ въ книгу.

— Ага! правовѣдь-то твой какъ расписался: «Sergius von-Kunizip, Advocat aus St.-Petersburg». Намъ послѣ этого естественно нельзя назваться иначе, какъ «Naturforscher».

Сказано — сдѣлано.

Къ столу подошелъ въ свою очередь Левъ, наклонился надъ книгой и усмѣхнулся. Зачеркнувъ въ писаніи друга слово «Naturforscher», онъ надписалъ сверху: «Naturfuscher», и самъ расчеркнулся снизу: «Leo Lastow, dito».

— Naturfuscher? спросила съ сдержаннымъ смѣхомъ швейцарка, глядѣвшая ему черезъ плечо.

— Да, голубушка моя, Naturfuscher. Мы портимъ природу сколь-

ко силъ хватить; затѣмъ вѣдь и къ вамъ въ Швейцарію поехали.

— Какъ же это вы портите природу?

— Да такъ: разрушаемъ свалы, рѣжемъ животныхъ, срываемъ безжалостно душистые цвѣточки, ловимъ блестящихъ насѣкомыхъ; бѣда душистымъ цвѣтамъ и блестящимъ насѣкомымъ! И васъ я предостерегаю. Уничтожать — наша профессія, и самое великое — ну, что выше вашихъ Альповъ, воздымающихся гордо въ самыя облака — и тѣ трепещутъ насъ: дерзко пожираемъ мы ихъ... глазами, и вызываемъ ярій румянецъ на бѣлоснѣжныхъ ланитахъ ихъ. А вы какъ объясняли себѣ сіяніе Альповъ?

— Да, кажется, ваша правда, отвѣчала дѣвушка, невольно раскраснѣвшаяся подь неотвязчивымъ взоромъ молодаго Naturforscher'a: — вотъ и я покраснѣла; вѣроятно отъ того-же.

Левъ наклонился надъ чемоданомъ.

— Не краснѣйте, я не буду смотрѣть. Кстати или, вѣрнѣе, не кстати: въ которомъ часу обѣдаютъ у васъ? Я проголодался.

— Обѣдаютъ? въ два. Но я бы попросила васъ, господа, сойти въ садъ, тамъ вы найдете другихъ русскихъ; а бы тѣмъ-временемъ прибрала ваши вещи.

— Чтобы вамъ потомъ не пенять на себя, предостерегалъ Левъ: — товаровъ у насъ гибель.

— Вы очень милы, *charmé*, вмѣшался тутъ Александръ: — у меня ужъ и поясницу заломило. Вѣдь вы уложите вонъ въ этотъ ящикъ, гребенку и щетку отнесите на комодъ... Да вамъ, я думаю, нечего объяснять: нѣмки на счетъ порядка собаку съѣли. Я вамъ за то и ручку поцалую — если, само собою разумѣется, вамъ это доставить удовольствіе, ибо, что касается специально меня, то я лишь въ крайнихъ случаяхъ рѣшаюсь на подобныя любезности.

— А я въ губки поцалую, подхватилъ Левъ: — если, само собою разумѣется, вамъ это доставить удовольствіе, въ чемъ я впрочемъ ни чуть не сомнѣваюсь, ибо самъ записной охотникъ до подобнаго времяпрепровожденія.

— Прону, сударь, безъ нѣжностей, отвѣчала съ достоинствомъ молодая швейцарка: — не то уйду.

— Ой-ой, не сердитесь.

— Ну, такъ убирайтесь отсюда; я ужъ уложу все куда слѣдуетъ.

— Но какъ зовутъ васъ, милая нехотрога? Надо же знать, тѣмъ величать.

— Marie.

— Marie? прелестно! я очень люблю это имя, хотя у насъ, на Руси, зовутъ такъ обыкновенно кошекъ: «Машка, Машка!» Да кто васъ знаетъ: можетъ быть, и вы маленькая кошечка?... Знаете, я буду называть васъ: «Magischen»; можно? Опять насупились! Не гнѣвайтесь, о грозная дѣва! Мы идемъ, идемъ. Александръ, живѣй: какъ разъ еще въ уголѣ поставитъ.

Уходя, Левъ хотѣлъ ухватить швейцарку за подбородокъ, но та увернулась и стала серьезно въ сторонѣ. Смѣясь, молодые люди спустились съ лѣстницы и пошли бродить по Интерлакену.

Интерлакенъ—не то городъ, не то деревня. Нѣсколько грандіозныхъ отелей, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, пансіоновъ, нѣсколько небольшихъ обывательскихъ домиковъ, также приспособленныхъ къ принятію «пансіонеровъ»—вотъ и весь Интерлакенъ. Отели, окруженные цвѣтущими садами, почти всѣ расположены по правой сторонѣ главной алеи (если ѣхать отъ Бриенца); за ними бѣжитъ бистралъ, бирюзовая Ааръ, а непосредственно за Ааръ, возвышаются Гобюль (Hohbühl) и крутизны Гардера. По лѣвую сторону улицы тянется рядъ вѣковыхъ лиственныхъ деревьевъ: дубовъ, ясеней, липъ, и невысокая каменная ограда, за которою разстилаются тучныя нивы, ограничиваемыя вдали синевато-зелеными горами: Брейтлауененомъ, Зулекомъ, Абендбергомъ и Ругенами, большимъ и малымъ. Въ промежуткѣ между двумя первыми гордо воздымается неприступная, прекрасная царица бернскихъ Альповъ, Юнгфрау, покрытая вѣчными снѣгами, отъ которыхъ по всему ландшафту разливается какое-то чудно-свѣтлое сіяніе. Особенно хороша она въ солнечный полдень, когда чистое, бѣлое тѣло ея, ничѣмъ неприкрытое, тихо млѣетъ и искрится подъ горячими лучами свѣтила, и только тамъ и самъ игривое облачко легкой висеи скользитъ по вязиному склону ея плечъ. Но едва-ли она не лучше еще часу въ 8-мъ вечера, когда заходящее солнце окрашиваетъ блѣдныя краски ея теплымъ румянцемъ и вся она какъ-бы одушевляется, оживаетъ. Сидрите вы, сидрите, любуетесь безъ конца. Наглядѣлись наконецъ, пошли своей дорогою—и опять оглядываетесь, и, какъ прикованные къ мѣсту, начинаете снова любоваться—такую неодолимую притягательную силу оказываетъ на смертныхъ неземная дѣва горъ. Своенравная, однако, какъ всякая дѣва, она, если не захочетъ показаться вамъ, то и не покажется, напрасно вы будете и искать ея: съ вечера, плутовка, задернетъ передъ собою ночной пологъ, и такъ и скрывается до утра; глядите, сколько угодно, въ направленіи къ ней, на-

дѣясь высмотрѣть хоть очеркъ тѣла—ничего не увидите, какъ только прозрачный горизонтъ, слегка задернутый бѣловатой дымкой. Вы не можете никакъ сообразить, что на этомъ самомъ мѣстѣ вадѣли вчера цѣлую свѣжнюю гору, и начинаете мучиться сомнѣнiемъ, не исчезла ли она и взаправду... А тутъ выглянуло солнце, разсѣялся пологъ ночныхъ тумановъ—и пышныя, яркія плечи дѣвм обнажаются передъ вами во всей своей дѣвственной красѣ. И мужчины, и женщины съ одинаковымъ удовольствiемъ лобуются ею: мужчинъ плѣняетъ она, какъ красавица, недокучающая пустой болтовней и необижающаяся, если по часамъ и не заниматься ею; женщины—какъ прелестное созданіе, къ которому однако нѣтъ повода ревновать. Неудивительно, что Интерлакенъ, пользующійся сосѣдствомъ такого очаровательнаго существа, сдѣлался любимымъ мѣстопребыванiемъ туристовъ. Отсюда предпринимаются экскурсіи въ романтическія окрестности; здѣсь отдыхаютъ на волѣ отъ этихъ экскурсій, нерѣдко довольно утомительныхъ. Игорнаго дома въ Интерлакенѣ нѣтъ, общественныхъ баловъ не дается; вся жизнь сложилась на патриархальный, деревенскій ладъ: знакомства заключаются весьма легко, такъ-какъ всякій знаетъ, что, по выѣздѣ отсюда, вѣроятно уже никогда не встрѣтится съ здѣшними знакомыми; спать ложатся часу въ 10-мъ, потому что многіе собираются спозаранку на экскурсіи; а фізіономіи, даже по утру свѣжія и веселыя, не наводятъ унынія, подобно измятымъ лицамъ горожанъ.

А какъ хороши въ Интерлакенѣ вечера! Смеркнется; въ воздухѣ, напоенномъ теплою, благоухающею сыростью, тихо, неподвижно-тихо; развѣсистыя деревья, не шевеля ни листомъ, какъ-бы притая дыханіе, сплелись въ вышніи густымъ шатромъ. Темно, такъ темно, что не будь освѣщенныхъ оконъ отелей, изъ которыхъ льется трепетный полусвѣтъ, въ алеѣ не было бы ничего видно, такъ-какъ уличныхъ фонарей въ Интерлакенѣ не полагается. Но сумракомъ еще увеличивается уютность вечера. Болтая, хохоча, прохаживаются взадъ и впередъ праздныя толпы, оставившаяся грунами то тамъ, то здѣсь, послушать тирольцевъ или странствующихъ музыкантовъ, упражняющихся, среди кучки туземцевъ въ національныхъ нарядахъ, то передъ той, то передъ другой отелью. Уставшіе бродить располагаются у входа кандидтерской, гдѣ выставлено нѣсколько плетеныхъ столиковъ и стульевъ, и велятъ подать себѣ, по желанію, мороженаго, шоколаду, грогу.

Первый день пребыванія ихъ въ Интерлакенѣ прошелъ для друзей-натуралистовъ рѣшительно незамѣтно.

Въ садикъ пансіона *R.* выходитъ небольшой, двухэтажный флигель. Одна изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ носитъ названіе *садовой*—*Gartenzimmer*, и служитъ мѣстомъ собранія пансіонеро́въ въ свободное отъ ѣды и прогулокъ время. Есть въ ней фортепьяно, есть диваны по стѣнамъ и полка книгъ (по преимуществу французскихъ романовъ), есть на окнахъ горшки съ цвѣтами, заслоняющими своей густою зеленью даже наружный свѣтъ, отчего въ комнатѣ царствуетъ и въ свѣтлый полдень отраднѣй полусумракъ. Надъ входомъ въ *Gartenzimmer* распустился навѣсъ, весь изъ зелени: на желѣзныхъ, вертикальныхъ прутьяхъ, обвитыхъ широкостебельнымъ ползучимъ растеніемъ, покоится желѣзный же скелетъ крыши, скрытый въ сочно-зеленый пологъ того же растенія.

Подъ этимъ-то навѣсомъ, въ ожиданіи послѣобѣденнаго вожделѣннаго аравійскаго напитка, сразились впервые на шахматномъ полѣ Александръ и Лиза. Первый убѣдился вскорѣ, что имѣетъ дѣло съ достойнымъ противникомъ. Куницынъ собралъ около себя цѣлую компанію слушателей, въ томъ числѣ и двухъ нашихъ героинь, въ *Gartenzimmer*: съ талантомъ и вкусомъ сыгралъ онъ на фортепьяно нѣсколько блестящихъ салонныхъ пьесъ. Левъ усѣлся въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ рисовать интерлакенскій монастырь.

Насталъ вечеръ. Началось обычное фланированіе по главной алеѣ, а тутъ уже и 10-я часть, законное время къ отдохновенію отъ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ.

Когда Левъ проходилъ коридоромъ въ свою комнату, мимо него шелестило женское платье. Онъ оглянулся и узналъ, при свѣтѣ лампы, Мари, молоденькую горничную, взявшуюся поутру прибрать ихъ вещи. Онъ назвалъ ее по имени; она остановилась.

— Чего прикажете?

— Мнѣ бы хотѣлось поболтать съ вами, Мари.

— Мнѣ некогда.

— Ну вотъ! Для меня найдется минутка. Я долженъ сказать вамъ откровенно, что немножко уже влюбленъ въ васъ; вы и не воображаете, что вы за прелесть.

— Къ чему такіе плоскіе комплименты, которыми и повѣрить-то нельзя? Придумали бы хоть что поостроумнѣе.

— Да? ну, такъ дайте сюда вашу руку.

— Это къ чему?

— Да подайте; будеть остроумнѣе.

— Извольте — если ужь необходимо нужно.

Схвативъ протянутую къ нему руку, Левъ поднесъ ее къ губамъ.

— Ай! вскрикнула Мари, отдергивая съ быстротою руку, и продолжала, понизивъ голосъ: — какъ же это можно, сударь! онъ у меня такія грубыя отъ работы...

— А губки у васъ негрубыя отъ работы?

И молодой Дон-Жуанъ наклонился къ ней, чтобы удостовѣриться въ спрашиваемомъ. Дѣвушка отскочила и ретировалась на лѣстницу:

— Gute Nacht, Herr Naturfuscher!

Утро глядѣло уже свѣтло и жарко въ обитель Naturfuscher'овъ, когда проснулся одинъ изъ нихъ — Левъ. Онъ вскочилъ съ постели, протеръ глаза, взглянулъ на часы, лежавшіе на столѣ и показывавшіе 8, и подошелъ къ окну; цѣлую ночь оно оставалось настезь, и жгучіе поцалун солнца обдавали теперь поэта попеременно съ свѣжими струями утренней прохлады. Окно выходило на Юнгфрау, и, очарованный дивною картиною, юный сынъ Аполлона провелъ нѣкоторое время въ безмолвномъ созерцаніи ея.

— Александръ, проговорилъ онъ наконецъ: — вставай, посмотри, какая душка.

Пріятель пробудился, потянулся и приподнялся на лоботь.

— Душка? Кто, не ты ли? Хорошъ, нечего сказать decolté, какъ наши дѣвы.

— Какія дѣвы?

— Да, я и забылъ, что обѣщался не рассказывать. Но въ костюмѣ Адама ты вовсе не особенный душка.

— Нѣтъ, я говорилъ не про себя, а про настоящую душку, про Юнгфрау, прелестную дѣву горъ.

— Однако, у тебя жажда любви должна быть неодолима: даже въ гору влюбляешься, потому единственно, что она называется Jungfrau. Ты, конечно, написалъ уже ей хвалебный гимнъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ еще; какъ одѣнусь, не премину.

— И я бы совѣтовалъ тебѣ напередъ одѣться. Пора однако вставать; народы вѣроятно стекаются уже къ кофею.

Полчаса спустя друзья сходили въ столовую. Здѣсь застали они одну Лизу: она лечилась сыворотками и вставала правильно въ 6 часовъ; выпивъ въ кургаузѣ свою порцію всецѣлебныхъ Molken, она прогуливалась, согласно предписанію доктора, часовъ до 8-ми, и долѣе. Перебросившись съ нею двумя-тремя незначущими фразами, молодые люди, отпивъ кофе, вышли на улицу. У ограды воз-

сѣдала продавица черешень, столь же сочная и розовая, какъ плоды въ корзинѣ передъ нею. За полфранка отсыпала она друзьямъ въ шляпы по грудѣ спѣлыхъ черешень, и, отягощенные этимъ, въ полномъ значеніи слова сладкимъ бременемъ, вернулись они во свояси.

Комнатка ихъ была уже убрана. На столѣ красовался въ ставанѣ воды букетъ рододендроновъ, aliter—альпійскихъ розъ.

Александръ взялъ книгу и разлегся на диванѣ. Левъ сѣлъ къ раскрытому окну, писать—вѣроятно хвалебный гимнъ неземной дѣвѣ. Иногда одинъ изъ друзей сѣлаетъ теоретическій вопросъ, другой отвѣтитъ—и снова воцаряется молчаніе, прерываемое только скрипомъ пера или жужжаніемъ нечаянно влетѣвшей въ окошко пчелы. Пишетъ Левъ, пишетъ, вдругъ задумается, возьметъ нѣсколько черешень изъ лежащей на сосѣднемъ стулѣ кучки ихъ, вложить ихъ глубокомысленно въ ротъ, сложитъ головою на руку и глядитъ долго-долго, въ сладостной разсѣянности, на отдаленную горную красавицу. Изъ сада вносятся въ окошко теплымъ вѣтеркомъ благовопія акацій, левкоевъ, розъ—больше же розъ, которыми такъ изобилуетъ хорошенкій садикъ пансіона. Гардины надъ головою поэта чуть колышутся, а стора то надуется парусомъ, то опустится въ безсиліи, не смѣя пошевельнуть ни складкой.

Около полдня растворилась дверь; въ комнату глянуло привѣтливое личико Мари.

— Господь приглашаютъ къ прогулкѣ, промолвила она.

— Приглашаютъ? повторилъ разсѣянно поэтъ:—кто приглашаетъ?

— Барышни — Липецкія.

Левъ повернулся на стулѣ къ товарищу.

— Александръ, предметы наши стосковались по насъ.

— Очень радъ. Не мѣшай, пожалуйста.

— Да вѣдь насъ зовутъ; пойдемъ.

— Иди, если хочешь. Я на самомъ интересномъ мѣстѣ; нельзя же бросить.

— Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ бросить: все время, пока не раскроешь опять книги, ты будешь въ пріятномъ ожиданіи; а какъ возьмешься читать, такъ сряду начнешь съ интереснаго мѣста. Двойная выгода.

— Резонно. Иди же, я сейчасъ буду; дочестъ только главу.

— Знаемъ мы васъ! Ужь лучше я обожду.

Левъ обернулся къ посланницѣ, ожидавшейся еще у дверей от-
вѣта.

— Чтѣ жъ вы не взойдете, Мари? Мы васъ не съѣдимъ.

— Я и здѣсь постою.

— Да не бойтесь, не трону; мнѣ надо сказать вамъ...

— Ну, да, какъ вечеръ!...

Дѣвушка, однако, сдѣлала два коротенькихъ шага въ комнату.

— Ну-съ?

— Ну-съ, прежде всего — здравствуйте! Вѣдь мы съ вами еще
не здоровались.

Мари засмѣялась.

— Здравствуйте-съ.

— Это вы принесли намъ альпійскихъ розъ?

— Какихъ альпійскихъ розъ?

— Да вонъ, на столѣ.

— Н-нѣтъ, не я.

— Да кто жъ убиралъ нашу келью?

— Я.

— Такъ цвѣты, вѣроятно, сами влетѣли въ окошко?

Мари опять засмѣялась.

— Вѣроятно! А еслибы и я принесла ихъ, чтѣ жъ за бѣда?

— Бѣды бы тутъ никакой не было; я бы почелъ только своимъ
долгомъ разцаловать васъ.

— Вотъ еще!

— А вы чтѣ думали?

— У васъ въ Россіи, видно, поцалуи ни по чемъ.

— А у васъ ими торгуютъ? Нѣтъ, мы, русскіе, на этотъ счетъ,
какъ и вообще на всякій счетъ, народъ щедрый, особенно съ та-
кими милашками, какъ вы. Да вѣдь и милый вашъ цалуетъ васъ
безъ разбора, когда придется.

— Какой милый? У меня нѣтъ милаго.

— Рассказывайте! А съ кѣмъ вы шушукались вечеръ у барьера,
противъ *Hôtel des Alpes*?

— Это была не я, ей-богу не я; мало ли здѣсь дѣвушекъ. Я
слишкомъ дорожу своей репутаціей, чтобы позволять себѣ подоб-
ные поступки.

— Да какъ же? на головѣ у васъ былъ голубой платочекъ, на
шеѣ пунцовый шарфъ, продолжалъ сочинять поэтъ: — развѣ не
правда?

— Ха, ха! Платва я и въ жизнь не ношу, а шарфъ у меня хоть и есть, да не пунцовый, а оранжевый.

— Пунцовый ли, оранжевый — все одно; въ мотелкахъ всѣ кошки сѣры. Не заирайтесь! Я догадываюсь, отъ кого вы научились скрывать,

— Отъ кого-съ?

— Отъ Лотты въ *Вертеръ*; вѣдь вы читали *Вертера*?

Мари кивнула важно головой:

— Еще бы!

— А вѣдь она была прехитрая, точно вы, продолжалъ Левъ: — любить въ душѣ Вертера, а все удерживается, не выдаетъ себя; въ финалѣ только растрогалась.

— Ужь эта мнѣ Лотта! перебила съ сердцемъ молодая швейцарка. — Не понимаю, что хорошаго находятъ въ ней мужчины? Всякая другая на ея мѣстѣ была бы безъ ума отъ Вертера, а она, какъ дерево, какъ ледъ.

— Ага, такъ вы вотъ изъ какихъ! По вашему, примѣръ Вертера достоинъ подражанія?

— Я думаю. Такихъ, какъ Вертеръ, нынче и съ фонаремъ не отыщешь.

— Гм, да; и я полагаю, что такой нюни нынче и съ фонаремъ не отыщешь. Въ сущности вѣдь онъ малый даровитый, неглупый, могъ бы приносить еще пользу человѣчеству, а чѣмъ занимается? Носится съ недѣлѣйшею страстію къ чужой женѣ, и хоть бы пытался подавить это чувство, а то нѣтъ! находить еще какое-то тайное удовольствіе въ растравленіи своихъ сердечныхъ ранъ, какъ докторъ, слѣдящій съ сладостнымъ трепетомъ за ходомъ заразительной болѣзни, или какъ нищій, показывающій вамъ на улицѣ свои отвратительныя язвы, чтобы возбудить этимъ ваше сочувствіе: «Если не дашь ничего, такъ похнычь хоть для компаніи». Нечего сказать, примѣръ достойный подражанія.

— У всякаго свой взглядъ, г-нъ Ластовъ.

— А вы знаете, какъ меня зовутъ?

— Какъ же не знать, когда при мнѣ же расписались: Leo Lastow, dito.

— Могли бы забыть.

Дѣвушка, ничего не отвѣчая, потупилась.

— Я готовъ, сказалъ въ это время Александръ, приподнимаясь съ дивана. Подойдя къ столу, онъ оторвалъ уголокъ отъ хвалеб-

наго гимна поэта, заложить имъ книгу и опустить послѣднюю въ карманъ.—Идемъ.

— Идемъ. Ми съ вами, Мари, поратуюмъ еще изъ-за Вертера.

— Дай-богъ вамъ успѣха! потому что надежды на него для васъ очень мало-съ.

И она выпорхнула изъ комнаты.

VIII.

Корпорентъ, янки и эмансипированная.

Внизу уже цѣлое общество дождалось друзей. Знакомства, какъ мы выше замѣтили, заключаются въ Интерлакенѣ необычайно скоро; потому неудивительно, что настоящее общество состояло изъ людей, познакомившихся только на дняхъ или даже сегодня. Каждая страна прислала сюда своего представителя: были тутъ наши русскіе и нѣмецъ студентъ изъ Дерпта; были коренные нѣмцы изъ Гамбурга, изъ Франкфурта, была молодая чета парижанъ, проводившая, по издревле принятому обычаю, медовый мѣсяцъ въ путешествіи по чужимъ краямъ; былъ наконецъ и кровный янки изъ американскаго запада. Для полноты коллекціи недоставало только англичанина; но англичанинъ въ Интерлакенѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, свѣтоненавистничаетъ и дичится общества. Есть въ Интерлакенѣ даже привилегированныя отели, обитаемы исключительно бѣлокурными сынами Альбіона; но тамъ, говорятъ, такая тоска, что хоть вонъ бѣги: «торжественно безмолвно совершается обѣдъ, торжественно безмолвно утренній и вечерній чай (впрочемъ, нѣкоторые пьютъ и кофе или джинъ); если околѣешь не отъ хандры, то отъ голода, ибо въ обществѣ этихъ кавалеровъ спѣси и сплина всякій аппетитъ уходитъ къ чорту», рассказывалъ вышеупомянутый дерптскій студентъ, имѣвшій несчастье поселиться сначала въ Hôtel Jungfrau, одной изъ этихъ привилегированныхъ отелей.

Руиня Уншпунненъ, къ которой потянулся нашъ бараванъ, лежитъ въ $\frac{3}{4}$ часа ходьбы отъ Интерлагена и есть одно изъ самыхъ, такъ сказать, казенныхъ мѣстъ прогулокъ интерлакенскихъ пансіонеровъ. Дорожка къ ней пролегаетъ сначала между полисадниками хорошенькихъ обывательскихъ домиковъ, потомъ по орѣховой алеѣ и, обогнувъ малый Ругенъ, вступаетъ въ сосновый лѣсъ.

Вронинъ, дерптскій корпорентъ, въ цвѣтной корпоративной фуражкѣ, занималъ общество разсказомъ о своемъ подвигѣ на Ригѣ. Эпитетъ «faberhaft» — «баснословно» употреблялся имъ, по обыкновенію дерптцевъ, послѣ каждой втораго слова.

— И вотъ, подають мнѣ счетъ. Читаю и морщусь: дѣни баснословныя! Вдругъ — стой, батюшка, это чтб? «Bougies — deux francs». Теку къ хозяину. «Объясните, молъ, за чтб, про что? Легъ я въ потьмахъ и не зажигалъ свѣчей». «Да, это, говорить, все одно: зажжете или нѣтъ, дѣло вкуса; ми не смѣемъ стѣснить гостей; платили бы только». Я покажъ плечами; чтб съ нимъ подѣляемъ? Полиціи здѣсь въ области облаковъ и не види, а поднимать гвалтъ изъ-за двухъ франковъ не приходится — игра свѣчь не стѣитъ. «Дѣло вкуса!» Ну, если дѣло вкуса, такъ дѣло вкуса; я расштался. Но постой, голубчикъ, такъ-то ты! Свѣчи, значить, мое благопріобрѣтенное достояніе; не оставляю же ихъ тебѣ. Возвращаюсь въ свой номеръ, вынимаю свѣчи изъ подсвѣчниковъ и въ карманъ. Въ коридорѣ впростаеетъ передъ моимъ носомъ гаускнехтъ. «Я, дескать, такой-сякой; не изволяете ли сообщить чтб за труды». «За какіе тамъ труды? Я заплатилъ хозяину счетъ спозна, въ томъ числѣ и за прислугу». «Да, ми, говорить, съ портѣе не вхожди въ число прислуги. Облаговоляете же...» «Но опять-таки за чтб?» «За чистку башмаковъ.» «А, за лиску башмаковъ?» Я поднимаю къ физиономіи его ногу съ баснословнопыльнымъ башмакомъ, котораго нѣко не касалась щетка. «Облаговоляете взглянуть, такъ-то у васъ чистить?» Гаускнехтъ замаялся. «Да вы ихъ не выставили за дверь, а войти къ вамъ я не посмѣлъ, чтобы не обезпокоить...» «Такъ за что же наконецъ награждать васъ?» «Да у насъ уже такъ заведено.» «Ну, хорошо, говорю, будетъ съ васъ одного франка?» Гаускнехтъ просіалъ; онъ не ожидалъ такой баснословной щедрости. «О, да!» воскликнулъ онъ, ослабляясь. Я извлекаю изъ кармана свѣчу и подаю ему: «Примите, мой милый, это фравтъ; можете справиться у хозяина». Машинально взявъ онъ въ руки свѣчу, вытаращилъ на меня баснословно глаза, и такъ и остолбенѣлъ съ открытымъ ртомъ. Не имѣя болѣе надобности оставаться, я направился къ выходу. Тутъ дожидался уже портѣе; но онъ былъ свидѣтелемъ предъидущей сцены, и, не нуждаясь въроотно въ освѣщеніи, далъ мнѣ свободный пропускъ. Выйдя на улицу, я занялся баснословнымъ смѣхомъ.

— Ну, а другую свѣчу куда вы дѣли? спросилъ одинъ изъ
Т. СЛХ. — Отд. I.

слушателей.—Вѣроятно везете съ собой, какъ раливию, и, вернувшись домой, накроете стекляннымъ колпакомъ?

— То-то, что нѣтъ; теперь жалъ. Я отдалъ ее тутъ же мальчику, который несъ мою поклажу. Онъ баснословно обрадовался подарку и общался съ нею домой матери.

— Вы русскій? спрашивалъ между тѣмъ американецъ Александра.

— Да, русскій.

— Догадались же вы наконецъ освободить своихъ рабовъ; наши южане и по сю пору не уразумѣли истины, что съ людьми нельзя обращаться, какъ съ вещью, какъ съ неразумнымъ скотомъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ Александръ:—что ваши рабы и въ самомъ дѣлѣ не настоящіе люди.

— Какъ такъ?

— Они составляютъ переходное состояніе отъ обезьянъ къ людямъ; лучшимъ тому доказательствомъ ихъ черепъ, который несравненно площе нашего; негръ никогда не можетъ достигнуть одного развитія съ бѣлокуримъ.

— Будто? А Toussaint-Louverture?

— Toussaint—исключеніе; не всякій и у насъ Гумбольдтъ, Гёте. Да чѣмъ же необыкновеннымъ отличился Toussaint? Онъ былъ хорошимъ полководцемъ, и только.

— Такъ по вашему, плантаторы совершенно правы, обращаясь съ неграми, какъ съ животными?

— Все въ мірѣ относительно: съ своей точки зрѣнія плантаторы правы. Только толстокожее, коренастое племя чернокожихъ способно исполнять подъ знойнымъ солнцемъ юга тяжкія плантаторскія работы, которыя не подъ силу бѣлымъ. Да и нужно же дѣлать что нибудь неграмъ? Для головной работы они слишкомъ тупы, такъ пусть работаютъ, покрайней-мѣрѣ, тѣлесно, доставляютъ человѣчеству почтенные запасы грѣющего хлопка.

— Ну, и пусть работаютъ; но въ чему же изъ-подъ палки? Освободите ихъ — и они будутъ работать попрежнему, только добровольно, для дневного пропитанія.

— Вы думаете? Какъ же вы мало знаете чернокожихъ. Они рады скорѣе умереть съ голода, чѣмъ добывать кусокъ хлѣба вольнымъ трудомъ. Только авторитетъ господской палки подвигалъ ихъ до сихъ поръ на трудъ.

— Александръ Александровичъ! воскликнула съ изумленіемъ Лиза:—неужели вы такой консерваторъ, что стоите за рабство

— Я, Лизавета Николаевна, привожу только взгляд южанъ; по моему, негровъ все-таки слѣдуетъ освободить. Помытно, что и негры разовьются современемъ, если дать имъ на то возможность, и мы, бѣлые, какъ высшія существа, должны способствовать ихъ развитію, освобождая ихъ прежде всего отъ тѣлеснаго гнета, съ которымъ такъ неразрывно связанъ и гнетъ моральный. Пусть оттого цвѣтущія плантаціи американскаго юга въ началѣ даже заглохнутъ—плантаторы стануть взорвать свой умъ для изобрѣтенія мертвыхъ машинъ взаимѣнъ прежнихъ, одушевленныхъ, и по всему вѣроятію изобрѣтутъ.

— Messieurs! возвала тутъ Моничва къ Буницину и Льву, внивавши, подобно другимъ, предъидущему спору:— *savez vous de cette trombe sauvage de radotage savante d'un savant sauvage sur des sauvages savants!*

— Avec plaisir, m-lle, отвѣчалъ правовѣдъ я, шепнувъ Льву на ухо:—помни нашъ уговоръ, обратился къ Наденьгѣ. Левъ не замедлилъ приблизиться къ Моничгѣ.

— Не посѣщали ли вы, подобно старшей Липецкой, нашихъ университетскихъ лекцій? спросилъ онъ ее.

Барышня насмѣшливо взглянула на него.

— Вашихъ лекцій-то? Какъ же, разъ Лиза уговорила меня пойти съ нею; читаль знаменитый вашъ Костомаровъ; ну, ужъ веселилась, нечего сказать! Ни за что болѣе не пойду.

— Отчего же, что онъ плохо читаль?

— Не берусь судить; должно быть, по вашему, не очень плохо, потому что ему аплодировали; одной шивать не пришлось; но скука, mon Dieu, что за скука! Рассказываль онъ про древнихъ русскихъ, кажется про новгородцевъ; ну, сами посудите, чтó мнѣ въ древнихъ новгородцахъ? *C'est plus, que ridicule!* Если понадобятся ужъ очень, то чего же проще—справиться въ тоненькомъ Устряловѣ? А то сидѣть битый часъ въ душной, жаркой залѣ, не смѣть пошевелиться, *comme un automate*; поневолѣ раззѣваешься. Знаете, вѣдь я чуть не заснула? Ха, ха! жаль, что не заснула, было би прелестно! Душка Костомаровъ, я думаю, былъ би въ восхищеніи отъ магическаго дѣйствія своихъ лекцій. Прекрасное заведеніе для людей, у которыхъ бессонница. Если я разъ буду страдать ею, то можете быть увѣрены, не забуду вашего университета. До тѣхъ же поръ къ вамъ ни ногой.

Левъ слушалъ ее съ улыбкой.

— А, скажите пожалуйста, что другія слушательницы также заснули подъ снотворнымъ обаяніемъ лекціи?

— То-то, что нѣтъ. Это меня и удивило. Однѣ сидѣли какъ вкопаны, съ разинутыми ртами, точно проглотить хотѣли профессора; другія даже записывали! Я не иначе могла объяснить себѣ такую пассивность, какъ долгой привычкой: вѣдь и люди, нюхающіе табакъ, не чихаютъ болѣе отъ табаку. Что мнѣ одного менѣ всего понравилось у васъ, такъ это то... Не знаю, говорить-ли?

— Говорите; вы вѣдь эмансипированная, если не ошибаюсь?

— Скъ... Да, такъ, видите-ли, мнѣ было и удивительно и досадно, что студенты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на дѣвицы, точно ихъ тамъ и нѣтъ.

— Да, мы этимъ гордимся! выразился съ нѣкоторою горячностью Левъ.—Чтобы дѣвицы чувствовали себя вполнѣ нестѣсненными въ занятіяхъ, мы нарочно не замѣчаемъ ихъ.

— Какъ вы, милостивый государь, смѣшно разсуждаете. Если дѣвица удостоиваетъ ваши лекціи своимъ посвѣщеніемъ, то первый долгъ вашъ, я думаю, какъ *galants cavaliers*, показывать покрайней-мѣрѣ глубокое вниманіе.

— Вотъ какъ вы, Соломонида Алексѣвна, хотите видно сдѣлать изъ университета нѣчто въ родѣ Лѣтнаго сада съ его майскимъ парадомъ невѣсть? Покорно благодаримъ за незаслуженную честь! Если дѣвушка жаждетъ просвѣщенія — мы не помѣха ей, пусть посвѣщаетъ наши лекціи — но и только.

— Очень нужно намъ ваше просвѣщеніе! Истинное просвѣщеніе заключается не въ томъ, чтобы знать, когда жили древніе новгородцы, какъ назвать по имени и фамиліи всякую букашку; это дѣло особой касты чернорабочихъ—касты ученыхъ. Да, господа университетскіе, вы—черный народъ. Истинно-просвѣщенный пользуется вашими открытіями, пользуется желѣзными дорогами, телеграфами и т. д., но самъ не станеть марать себѣ рукъ университетнымъ трудомъ.

— Никакой трудъ неунизителенъ, отвѣчалъ Левъ:—менѣе всего умственный. Это уже до того общепризнано, столько разъ перетворено, что отзывается даже общимъ мѣстомъ. Такъ, по вашему, истинно-просвѣщенные тѣ, которые сидятъ сложа руки, загребаютъ жаръ чужими руками, то-есть паразиты? Bravo!

— Вы не дали досказать мнѣ! Эмансипація прекраснаго пола— вотъ что главнымъ образомъ характеризуетъ истинное просвѣ-

еще. Il n'y a plus roms nous des fruits interdits! Свобода во всемъ. Прежде, бывало, ни за что не дадутъ въ руки дѣвицъ Поль-де-Кова.

— А вамъ дадутъ?

Моничка расхохоталась.

— Que vous êtes naïf! Я сама беру его. Отчего же и не читать Поль-де-Кова? Вслухъ прочитывать конечно—un peu géant, ну, а про-себя...

— Поль-де-Ковъ—писатель очень хороший, замѣталъ Левъ:—рисуетъ прекрасно парижскій бытъ; но все-таки а того мнѣнія, что чтеніе его въ ваши лѣта болѣе вредно, чѣмъ полезно: очень молодые люди имѣютъ обыкновеніе вычитывать изъ романовъ именно то, чего не слѣдуетъ.

— Ну, да! Послушайте, вѣдь вы уважаете Лизу, какъ вашу же студентку?

— Положимъ, что уважаю; а что?

— Да то, что она и Наденькѣ позволить читать, что той вадумается...

— Не можете быть!

— Я же вамъ говорю; что мнѣ за выгода лгать?

— Наде переговорить объ этомъ серьезно съ Лизаветой Николаевной.

— Можете.

Моничка ускорила шагъ, чтобы поровняться съ Кундичкинымъ, который объяснялъ въ это время Наденькѣ что-то съ особеннымъ жаромъ; но осторожный правовѣдъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ вопроса, съ которымъ обратилась къ нему Моничка; и чтобы не возбудить общаго вниманія, эта послѣдняя вышла въ необходимости вернуться въ своему бунѣ—«университету».

— Еслибы вы знали, изъ-гъ Lastow, какой вы случный—ужасн! Какъ разъ еще заснешь съ вами..

Левъ засмѣялся.

— Спасибо, по крайней мѣрѣ, за откровенность.

— Не за что. Maintenant, que le progrès universel réveille l'émancipation de notre sexe, откровенность—первое дѣло. Ну, какъ же, сами согласитесь, ходить съ молоденькой дѣвицей и не умѣть занять ее?

Левъ зѣвнулъ въ руку.

— О чемъ говорить прикажете?

— Мало ли о чемъ. Если не можете ни о чемъ другомъ, тамъ

говорите хоть о театрѣ. Чѣсто вы бываете въ оперѣ? Говорите, острите, ну!

— Бываю.

— А, скажите пожалуйста, бываете! Какая же опера болѣе всего нравится вамъ? Каждое слово приходится выжимать изъ васъ, какъ изъ мокраго платка.

— Какая мнѣ опера болѣе всѣхъ нравится? Еслибы я былъ хвастливъ, то сказалъ бы: «Разумѣется *Дон-Жуанъ*!» Но я откровененъ и сознаюсь, что и музыку Верди слушаю съ большимъ удовольствіемъ; напримѣръ Трубадура, Травиату...

— Травиату? Да вѣдь всѣ наши примадонны *inexcusable* толсты, а Травиата умираетъ отъ чахотки? Да и декорации въ Травиатѣ очень незавидны.

— Опять-таки должное сознаться, что ни пѣвицы, играющей Травиату, ни декораций не видѣлъ.

— Какъ не видѣли, гдѣ жь вы сидѣли?

— Въ парадизѣ, и притомъ на второй скамьѣ. Первая скамья, какъ извѣстно, искони абонирована, и абонементы эти переходятъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, такъ что нашему брату, постороннему, неродившемуся подъ счастливой абонементной звѣздой, приходится удовольствоваться второй скамейкой; а съ этой ничего не видно, если съ опасностью жизни не перегибаться всѣмъ корпусомъ черезъ головы впереди сидящихъ. Я сажусь обыкновенно лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не ослѣпить отъ яркаго блеска люстры, висащей передъ самимъ носомъ, закрываю глаза и обращаюсь весь въ ухо.

— Все-таки не понимаю, зачѣмъ вы ходите наверхъ, а не въ партеръ?

— Очень просто, потому что по скудности финансовъ не имѣю доступа въ преисподнюю; пошевелѣ возлетѣшь въ высшія сферы.

Моничка посмотрѣла на него съ быстрымъ взглядомъ и сказала проницески губки.

— Вы, какъ поэтъ, вездѣ, кажется, возлетаете въ высшія сферы. «Окончательно провалился!» подумалъ Левъ.

IX.

Ржаной хлѣвъ и везе.

Не болѣе успѣха имѣлъ и правовѣдъ у гимназистки.

— Поѣдете вы отсюда въ Парижъ? спросилъ онъ ее пофранцузски.

— Не думаю, отвѣчала она на томъ же языкѣ:—сестра пьетъ сиворотки и вѣроятно придется пробить здѣсь все лѣто. Да въ Парижъ въ это время года, я думаю, и не стоитъ: жарко, душно, какъ во всякомъ большомъ городѣ; да и вообще туда, кажется, не стоитъ.

— Ай, ай, m-*lle* Nadine, какія вы вещи говорите! Парижъ—центръ всемірной цивилизаціи, всякаго прогресса: науки, искусства, высшее салонное образованіе, всевозможныя безобразія наконецъ—все это сосредоточено въ новомъ Вавилонѣ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, и всякаго мало-мальски образованнаго человѣка влечетъ туда съ неодолимой силой, какъ магнитная гора въ арабской сказкѣ. Приблизится къ такой горѣ на извѣстное разстояніе корабль—и все желѣзо корабля: гвозди, обивка и проч., вырывается само собою изъ стѣнъ его и мчится на встрѣчу волшебной горѣ.

— То-то, подхватила Наденька:—что когда желѣзные части корабля отрывались отъ него, существенныя составныя его части, какъ-то бревна и доски, лишались взаимной связи, распадалась, и бѣдные пассажиры судна погибали въ волнахъ. Молодежь, стремящаяся на всѣхъ парусахъ въ Парижъ, лишается тамъ своихъ гвоздей и распадается въ ничто. Не даромъ гласитъ нѣмецкая поговорка: «Nach Paris gehen Naggen, davon—kommen Gecken».

Правовѣдъ усмѣхнулся, подбросилъ себѣ въ глазъ стеклышко (въ чемъ достигъ настоящей виртуозности) и посмотрѣлъ на собесѣдницу съ боку.

— Съ вашихъ, m-*lle*, хорошенькихъ губъ какъ-то странно слышать такой рѣзкій приговоръ. Вѣрно Добролюбова начитались?

— Не скрываю, начиталась.

— А ргоровъ: какъ вы смотрите на танцы? Добролюбовъ, по своей неуклюжести, не танцевалъ, а поклонники его ненавидятъ танцы.

— Видите, m-*г* Куницынъ: я люблю побѣсоваться, покружиться; какъ-то особенно весело, точно улетаешь куда-то; но все-таки танцы—ребячество, глупость. Лиза тоже не танцуетъ.

Куницынъ расхохотался.

— Потому и глупость, что m-*lle* Lise не танцуетъ? Такъ она для васъ авторитетъ? Въ настоящее время авторитеты—нуль, всякій имѣетъ обо всемъ свое собственное мнѣніе.

— Да и я имѣю свое мнѣніе о танцахъ, отвѣчала серьезно гимназистка:—ну, сами посудите: въ огромный, празднично-освѣ-

ценный залъ сходится въ пухъ и прахъ разряженная толпа—для чего, спрашивается? чтобы попрыгать, какъ маріонетки, подь тактъ музыки! Неужели это не глупо? ✕

— А, вѣтъ, м-ше, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ музыка рѣшительно незамѣнима. Она заглушаетъ задушевный разговоръ, такъ-что изливайся передъ любимымъ существомъ сколько угодно — никто не услышитъ. Потому она даетъ случай обнять это любимое существо, прижать отъ глубины души къ сердцу, что во всякомъ другомъ случаѣ было бы преступленіемъ.

— Все это вздоръ! перебила Наденька. — Вы говорите про любимое существо, а любовь—недѣлность!

— Вотъ какъ! такъ вы и любви не признаете?

— Еще бы признавать. Въ сентиментальный періодъ романтиковъ она была въ модѣ; нынче она брошена, какъ шляпка стараго фасона.

— Такъ-съ. И всякая привязанность вздоръ?

— Привязанность? вѣтъ, разумная—не вздоръ. Разумная привязанность рождается вслѣдствіе долгаго знакомства съ предметомъ нашей привязанности, когда мы усѣли вполне убѣдиться въ душевныхъ достоинствахъ его. Любовь же, въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете, въ смыслѣ влюбленности, безотчетнаго, глупаго влеченія, разлетается, какъ дымъ, какъ скоро любимое существо сойдетъ съ пьедестала, на который вознесено нашей же фантазіей, и разоблачится въ свою обыкновенную, человѣческую форму.

— Прощу извиненія за откровенность, сказалъ смѣясь Кунцинь:—но слова ваши такъ и пахнутъ риторикой. Вѣрно цитируете Добролюбова?

— Съ чего вы взяли, что у меня нѣтъ собственныхъ убѣжденій? Впрочемъ, если не у Добролюбова, то у Бѣлинскаго, учителя его въ дѣлѣ критики, дѣйствительно есть нѣчто подобное: кажется, въ 8-мъ томѣ, гдѣ онъ разбираетъ Пушкина.

— Ха-ха!

— Чему обрадовались? Бѣлинскій, кажется, уважительный авторитетъ?

— Я только-что говорилъ вамъ, что не признаю авторитетовъ. Впрочемъ, смѣялся я не тому; меня забавляетъ, что вы запомнили такъ хорошо и томъ, и статью.

— Не диво вспомнить, когда въ 8-мъ томѣ всего двѣ статьи.

— Что же говорить Бѣлинскій о привязанности?

✕ Это съ заработантъ чужими ногами

— Онъ не отвергаетъ ея, однако, считаетъ ее возможною только въ случаѣ взаимности. Любить васъ (разумѣется, чувствомъ привязанности, а не влюбленности) — и это до такой степени льститъ вашему самолюбію, что вы начинаете сами благоволить къ любящему, пока не полюбите его такъ же нѣжно, какъ онъ васъ. Станетъ онъ опять иренебрегать вами — и вы, какъ обезчленные холодною водою, остываете мгновенно. Привязанность безъ взаимности и вѣрность до гроба могутъ быть допущены только, какъ натяжка воли или — разстройство мозга!

— Сама вы себѣ противорѣчите, судариня: только что говорили, что любовь не въ модѣ, а теперь допускаете ее въ случаѣ взаимности; вѣдь Бѣлинскій говоритъ же о любви между мужчиной и женщиной, а не между лицами одного пола?

— Ну, да...

Наденька замалась.

— А все виноватъ сеньоръ Бѣлинскій! Я хоть сознаюсь откровенно, что не могу одолѣть его: больно фразистъ и ученъ; вы же цитируете его, да сами сбиваетесь на пень.

Наденька покачала головой.

— Вы не понимаете меня... вы слишкомъ молоды. Поговорите о чемъ нибудь другомъ.

Правовѣдъ усмѣхнулся.

— Читали вы *Вѣчною Жидою*?

— Читала — порядочная дрянь.

— Дрянь? А характеры?

— Ну, умъ характеры. Развѣ есть такіе изверги, какъ Rodin?

— Я въ своемъ родѣ, напримеръ, тоже Rodin.

— Вы? Чтѣ вы въ своемъ родѣ левъ, никто не усомнится, но свѣтскіе льви нестрашны...

— Нѣтъ, я и въ душѣ левъ.

— Не повѣрю; вы или агненокъ, или заяцъ въ львиной шкурѣ.

Кунцынь закусила губу. «Кажется, острить надо мной?» разсудила онъ самъ съ собою, счастливая трестояною пылью съ своихъ свѣтлыхъ, широкихъ панталонъ. «Чѣмъ же разалеча, пригнечь ее? О Парижѣ, о танцахъ, о романахъ говорить не хочетъ; о чемъ же, наконецъ, толковать съ ней? Sacrebleu!» Онъ не догадывался, что гимназистѣ вообще не хотѣлось говорить съ нимъ.

— Вы не думайте, m-Ne, началъ онъ опять: — что я не беру въ руки сервизныхъ вѣнги. Напротивъ: я прочелъ всего Мале-

шота, всего Фейербаха, Прудона... Знаете, главный принцип Прудона: «Le vol c'est la propriété»...

— Что такое? Воровство—ниуществово?

— Да, ниуществово всякаго... то-есть всякому предоставляется воровать, сколько угодно, не попадешь только.

— И это главный принцип Прудона?

— Схм! это принципъ всѣхъ вообще коммунистовъ...

— Знаете, м-г Кунницынъ, мнѣ сдается, что вы не читали никого изъ этихъ господъ.

Правовѣдъ обидѣлся.

— Что жъ тутъ необыкновеннаго? Современному человѣку надо овладѣть со всѣми отраслями знанія. Я вѣдь и не говорю, что философія—вещь интересная, матерія скучнѣйшая, суше которой едва-ли что смыкать; но возьмите жъ опять—долгъ всякаго человѣка образоваться.. Если философы и посвящали лучшіе годы жизни сочиненію отвлеченныхъ теорій, не слыша около себя вѣянія окружающей жизни, то обязанность современнаго человѣка—дышать одною грудью со вселенной, мыслить со всѣми и за всѣхъ, а слѣдовательно, и съ философами. Понятно, однако, что философія для нашего брата лишь дѣло второстепенное, одно изъ звеньевъ всей цѣпи нашихъ знаній. А какъ философія такая непроходимая сушь, то чѣмъ скорѣе отдѣлаться отъ нея, тѣмъ и лучше; вѣдь все равно ничего путнаго, реальнаго не вынесешь. И могу похвалиться: перелисталъ на своемъ вѣку столько философскихъ переливаній, что на всю жизнь хватаетъ.

Наденька безмолвствовала.

«Странное дѣло!» думалъ Кунницынъ: «и это не дѣйствуетъ... Ударимъ опять по нѣжинимъ струнамъ».

— Такъ вы положительно никогда не любили? началъ онъ вслухъ: — что-то невѣроятно. Вѣдь обожали же въ гимназій полюбуйте изъ учителей?

— Были у насъ глупенькія, которыя обожали; а слишкомъ умненькая для того.

— Погодите немножко, придетъ и ваша пора, будете сами глупенькой.

— А вы уже глупенькій?

— Къ вашимъ услугамъ.

— То-то я замѣтила. — Наденька засмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Вспомните мое слово: не уснѣете оглянуться, какъ окажетесь глупенькой. Вы еще ребѣнокъ...

— Ребёнок! Извините, мнѣ споре 16, а дѣвочки развиваются несравненно ранѣ мужчинъ; вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать-первый.

— То-есть 20; дѣвушка въ 16 лѣтъ считается уже взрослой, а мужчина въ 20 все еще недоросль.

— Не хочу спорить, произнесъ съ достоинствомъ правовѣдь:— пусть за меня говорятъ факты: въ чемъ, спрашивается, заключается развитость 16-ти-лѣтней дѣвушки, чѣмъ превосходитъ она насъ: тѣлеснымъ или умственнымъ развитіемъ? Дѣвушка въ 16-ть лѣтъ еще большая невѣжда въ наукахъ, чѣмъ мальчикъ тѣхъ же лѣтъ, потому что начинаетъ уже выѣзжать на балы, тогда какъ мальчикъ еще продолжаетъ учиться; слѣдовательно развитость 16-ти-лѣтней дѣвушки только тѣлесная; что жъ, собаки взрослые уже восьми мѣсяцевъ. Я, положимъ, еще недоросль, а между тѣмъ окончилъ уже курсъ въ училищѣ правовѣднія, а между тѣмъ уже имѣю 9-й классъ.

— Что это: 9-й классъ?

— Это значить: титулярный совѣтникъ. Даже кандидаты университета получаютъ только 10-й.

— Да такъ и слѣдуетъ, сказала Наденька: — они знаютъ несравненно больше васъ.

— Да нѣтъ, вы, кажется, не такъ понимаете: 9-й классъ выше 10-го.

— Какъ выше?

— Конечно, выше. Самый высшій—первый классъ, потомъ 2-й, и т. д.; 14-й или китайскій императоръ—низшая степенъ.

— Какъ же я этого не сообразила! замѣтила насмѣшливо Наденька. — Станутъ студентамъ давать ту-же степенъ, какъ правовѣдамъ! Помните, у Добролюбова:

Правый берегъ Волги гористъ, а лѣвый берегъ низменъ,
Тамъ и все на Русь—что выше правѣ бываетъ.

Въ университетъ поступаетъ народъ немуншій, визшій, першій, народъ печеный изъ грубаго, ржаного тѣста. Ржаной хлѣбъ пожалуй и сытнѣе, и здоровѣе кондитерскихъ пирожковъ, но цѣна пирожкамъ всегда выше.

— Оттого выше, что они идутъ на столъ образованнаго сословія, тогда какъ ржаной хлѣбъ годенъ для однихъ мужиковъ.

— Неправда; и я люблю ржаной хлѣбъ — съ жарнымъ, съ супомъ. Посмотрѣла бы я, какъ бы вы сами стали заѣдать эти блюда сладнымъ пирожкомъ!

— Но подъ конецъ обѣда, въ видѣ десерта, всегда же приятно что-нибудь сладкое, напримеръ безе; или нѣтъ?

— Что касается специально меня, то я охотница до безе, но вкусъ у меня еще неразвитъ. Спросите-ка бивальныя люди, испробовавшихъ всего въ жизни — они пренебрегаютъ народнымъ, и вѣроятно надеромъ.

— Пренебрегаютъ кандитерскимъ безе, потому что вкушали уже безе болѣе сладостное — съ пралестныхъ устъ. Вы пока знаете только безе первого рода; но сдѣлайте плуновъкой, то-есть полюбите, и найдете вкусъ и въ безе второго рода.

— Вы, м-я Куняцкнхъ, какъ я вижу, большой эгоистъ: сами вы породы безе, такъ и расквашиваете свою братью...

X.

Синій чулокъ.

Мы видѣли, что правовѣдъ и поэтъ, оба занялись своими «предметами». Понемногу все общество раздѣлилось на кѣры. Александръ и Лиза составляли послѣднюю изъ нихъ.

— Не взыщите, если я не займу васъ хороненько, говоритъ Александръ: — но я не мастеръ толковать съ барышнями.

— А съ мужчинами мастеръ?

— Мастеръ — не мастеръ, а знаю, покрайней мѣрѣ, о чемъ говорить.

— Такъ, по вашему, женщина неспособна на разумный разговоръ? Себя же вы, вѣроятно, какъ вселій человѣкъ, считаете очень умнымъ? Знаете ли, что вы грубите?

— Очень можете быть; я вѣдь предупреждалъ васъ, что негораздъ на комплименты.

— Да отъ комплиментовъ до грубостей «дистанція огромнаго размѣра». Развѣ разговоръ мужчины съ женщиной долженъ ограничиваться комплиментами? Я думаю, если женщина собирается сдѣлать изъ кандидата...

— И то! я было даже забылъ. Но позвольте узнать, по какой вы это части?

— Сначала я занималась исторіей, но послѣ, когда естественныя науки получили такое большое значеніе въ общемъ образованіи, я перешла къ естественнымъ. Что вы смотрите такъ насмѣшливо? Вы, какъ Куторга, думаете, что могу у женщинъ менѣе, чѣмъ у мужчинъ? Такъ знайте же, что я хочу убѣдить

вась на себя, что женщина на все такъ же способна, какъ вашъ братъ, мужчина. Какой бы стороной ума прежде всегда блеснуть передъ вами?

— Да хоть сметливостью. Сметливость у женщинъ развита болѣе всего.

— Извольте. У вась есть теперь въ карманѣ книга?

— Есть.

— Видите, какая сметливость; ни вы, ни кто не говорилъ мнѣ, что вы взяли съ собою книгу, а я узнала.

— Какъ же вы узнали?

— По простой, логической дѣии мыслей: вы пренебрегаете женскимъ обществомъ; вамъ предстояло гулять съ женщинами, вы знали, что будете скучать. «Возьму-ка съ собою книжку, сказали вы себѣ: при первомъ удобномъ случаѣ улвизну въ сторону и расположусь подъ сѣнью струй». Вѣдь такъ?

— Положимъ, что такъ.

— Я вамъ скажу даже, какая у вась книга.

— Едва-ли.

— Бельетристикою вы заниматься не станете; значить, это не романъ. Ученаго сочиненія также не станете читать, потому что путешествуете для развлечения и не захотите скоромную жизнь туриста отравить постнымъ блюдомъ учености. Книга ваша должна быть изъ полуученихъ, популярно-ученихъ. Но вы натуралистъ и выбрали конечно сочиненіе по своей части... Нарн: у вась что-нибудь Карла Фохта?

Александръ не могъ скрыть нѣкотораго изумленія.

— Логика у вась дѣйствительно не женская!

— Что жъ, угадала? Фохта?

— Фохта.

— Покажите.

Александръ подалъ ей книгу.

— «Bilder aus dem Thierleben», прочла она.—Какъ кончите, такъ одолжите мнѣ. Я давно желала прочесть это сочиненіе, да неоткуда было взять. Въ библіотекахъ не даютъ: запрещено, молъ; студенты же знакомые хотя и обѣщались достать, да по обмкновенію забывали вѣчно.

— Можете взять хоть сейчасъ.

— Благодарю вась.

Перелистывая книгу, Лиза остановилась на одной страницѣ и прочла вслухъ:

— «Das Werden der Organismen hat für mich stets einen weit grösseren Reiz gehabt, als das Bestehen derselben und der Prozess der Selbsterhaltung. Es liegt etwas stabil-Langweiliges in der Erhaltung des thierischen Organismus—in dieser doppelten Buchführung, die über Einnahme von Nahrungsstoffen und Ausgabe verbrauchten Materiales von dem Organismus mit ermüdender Gleichförmigkeit geführt wird, und wo sich das Haben als Fett ansammelt, während das Soll sich durch Abmagerung kündigt und endlich ein Bankerott oder der zunehmende Iduchersins, welchen der Organismus zahlen muss, das ganze Geschäft endigt und die Firma zu den Todten wirft» (*).

— Остроуменъ, какъ всегда, сказала Лиза, по прочтении отрывка.—Но я не внолиѣ раздѣляю вкусъ Фохта. Его томить монотонное прозябаніе земныхъ тварей; меня тоже; но есть случай, гдѣ такое прозябаніе дѣлается въ высшей степени интереснымъ: это, если аклиматизировывать какую-нибудь животную или растительную породу. Существо экзотическое, выросшее подъ знойнымъ небомъ юга, вы начинаете перевоспитывать для своей холодной родины, холите его, защищаете отъ рѣзкихъ вліаній климата, и вотъ—старанія ваши увѣнчиваются успѣхомъ: вашъ протѣжъ перерождается на вашихъ глазахъ, и вы дарите отечеству новую породу! Жаль, что у насъ въ Россіи эта статья обращаетъ на себя еще такъ мало вниманія. Главная трудность заключается конечно въ натурализаціи животныхъ: растение, аклиматизируясь, въ то же время и натурализуется; животное же, перенесенное въ другой градусъ широты, хотя и существуетъ въ началѣ съ грѣхомъ вополомъ, какъ степной помѣщикъ, пріѣхавшій въ столицу пожуировать жизнью—однако это не болѣе, какъ прозябаніе, существованіе болѣзненное, отъ котораго еще далеко до полной натурализаціи. Что жъ вы молчите, Александръ Александричъ? Вы развѣ не интересуетесь этимъ вопросомъ?

На Александра краснорѣчивый монологъ экс-студентки не произвелъ почему-то того благоприятнаго впечатлѣнія, который она

(*) «Образованіе организмовъ имѣло для меня всегда несравненно болѣешую прелесть, чѣмъ существованіе ихъ и процессъ самосохраненія. Неодолимо скучно это поддержаніе животнаго организма—это двойное веденіе книгъ о приходѣ питательныхъ веществъ и расходѣ истраченного матеріала, исчисляемое организмомъ съ такою утомительною равномѣрностью; при чемъ кредитъ осаживается въ видѣ жира, а дебетъ выражается худѣніемъ, покажется окончательное банкротство или лихвиные проценты, платимые организмомъ, не остановить торговли и не закрыть фирмы».

обидела себя отъ него. Намурманить и смажь губы, натуральность отвечать рѣдко:

— Нѣтъ!

— Что нѣтъ?

— Нѣтъ, то-есть я несогласенъ съ вами.

— На счетъ чего?

— Гм... Да хоть на счетъ того, что можете найти разумный человѣкъ, который возьмется анимативировать имоземцину ради одного плезира, безъ всякаго вознагражденія.

— Отчего же, Александръ Александрычъ? На столько же всякій безкорыстенъ въ дѣлѣ общаго блага.

— Общаго блага? Что такое общее благо? Всякій человѣкъ печется только о себѣ — вотъ вамъ и общее благо. Да что жъ? Пусть каждый печется хорошенько о себѣ—и всѣ будутъ счастливы. Но такъ-вакъ кулачное право—основной законъ природы и жизни, то кто сильнѣе, тотъ и счастливѣе.

— Зарапортовались! перебила Лиза. — Скажите на милость, что такъ встревожило вашу жолчь?

— Да развѣ не правда? Эгонизмъ — этотъ рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ вывести землю изъ ея настоящаго положенія, составляетъ основу всякаго существа, потому что если мы сами не станемъ печѣся о себѣ, такъ кто же возьметъ на себя эту заботу? А слѣдовательно повсемѣстно и кулачное право. Котлету, приготовленную изъ филе невинно-замотаго быка, я съѣдаю съ тѣмъ же звѣрскимъ хладнокровіемъ, съ какимъ волкъ ушлетать ягвенка, и ни его, ни меня нельзя обвинять за нашу кровожадность. Логика голода — неотразимая логика. Умники-баснописцы, конечно, совѣтуютъ волкамъ довольствоваться травой; но еслибы такого баснописца оборотить въ волка — посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ плотоядными зубами, плотояднымъ желудкомъ пережевывалъ, переваривалъ растительную пищу! Иадохъ бы, неразумный, съ голоду, а все по незнанію анатоміи. Весь кодексъ нашей гуманности сводится къ одному правилу: «Не тронь меня—и я тебя не трону». Кто дошелъ до пониманія этого правила, тотъ считается человѣкомъ просвѣщеннымъ: уважаетъ, молъ, личность. Если же мы помогаемъ кому въ бѣдѣ, то изъ чистаго эгонизма, въ надеждѣ поживиться когда нибудь отъ него; или по-крайней-мѣрѣ изъ эгонистическаго побужденія: устранить отъ себя неприятное впечатлѣніе при видѣ несчастнаго. *Видна*

— То-есть изъ прикладнаго эгонизма? сострила Лиза. — Вы

чьмъ-то раздражены, Александръ Александричъ; и судите голо-словно. Подумайте хорошенько: не дѣлали вы развѣ когда-нибудь въ жизни добра?

— Какъ не дѣлать—если понимать подъ добромъ оказываніе помощи—но все изъ прикладнаго эгоизма. Я приготовилъ, на-примѣръ, бѣдныхъ молодыхъ людей безвозмездно въ универси-тетъ. Но чтѣ побуждало меня къ тому? Мое человѣческое до-стоинство было оскорблено видомъ людей, одаренныхъ отъ при-роды одними со мной мозговыми орудіями и неизбѣжныхъ случая развитія. Чтобы избавитъ отъ этого тягостнаго чувства, я брался учить бѣдняковъ.

— Такъ это очень похвальный эгоизмъ; дай-Богъ, чтобы всѣ эгоистическія побужденія на свѣтѣ были такъ же безкорыстны.

— Да, я согласенъ, что подобный эгоизмъ невреденъ; но онъ все-таки эгоизмъ, то-есть чувство, заставляющее насъ дѣ-лать добро другимъ — только для удовольвенія самихъ себя. Все на свѣтѣ дѣлается вслѣдствіе эгоизма; но эгоизмъ бываетъ трехъ сортовъ: вредный, безразличный и полезный.

— Такъ и я, вначитъ, дѣйствовала подъ вліяніемъ эгоизма, когда обучала въ воскресныхъ школахъ?

— А то какъ же?

— Какъ вы унижаете меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Бывало, какъ окончишь урокъ, всегда такъ довольна собой: «взглянь, говоришь себѣ, какая ты хорошая!»

— И вы имѣли полное право говорить себѣ это. Своими «до-брымъ дѣломъ» вы дѣйствительно возвышались надъ уровнемъ толпы, но опять-таки вы не можете имѣть себѣ это въ до-стоинство. Развѣ вы сами сдѣлали себя такой, какъ вы есть? Обстоятельства сложили вашъ характеръ: вы воспитывались, раз-вивались въ такой средѣ, гдѣ было понятно, что помогать бли-жнему выгодноѣ, чѣмъ оставаться къ нему безразличнымъ — уже изъ видовъ спокойствія совѣсти.

— Ваши софизмы довольно убѣдительно, согласилась экс-сту-дентка.—Грустно подумать, какъ поддаешься иногда силѣ обстоя-тельствъ, какъ теряешь иногда всякую силу воли. Помнится, въ Петербургѣ... идешь въ воскресную школу; зима, морозъ; спѣ-шишь по набережной Фонтанки и кутаешься въ салонъ, въ муф-ту. Стоишь на дорогѣ, прислонившись къ фенарю, оборванный пролетарій, дрожить, бѣдняжка, посиѣлъ отъ холода, проти-раетъ къ тебѣ руку съ жалобнымъ воплемъ: «Жена, дѣти... по-

можете!» Взглянешь, бывало, на него, завернешься теплѣе и поспѣшишь мимо, успокоивая себя мелочнымъ доводомъ: остановись, такъ опоздала бы на урокъ.

— А между тѣмъ поступокъ вашъ былъ совершенно естественъ и вы напрасно раскаяваетесь въ немъ: вы не могли поступить иначе, обстоятельства принудили васъ поступить такъ, а не иначе.

— Полноте! Сколько же тутъ требовалось воли? Еслибы я и опоздала минутою на урокъ—что жъ за бѣда! а одинъ или даже нѣсколько изъ моихъ ближнихъ были бы спасены отъ мученій года. Стоило только остановиться.

— Вы говорите: *только*; но это *только* и есть, быть можетъ, та лишняя гирька на вѣсахъ вашего состраданія, которая перетянула на сторону «неподанія помощи». Помочь велить вамъ чувство униженнаго человѣческаго достоинства, вопиющее виѣсть съ несчастнымъ: «Жена, дѣти... помогите!» Въ пользу же неоказанія помощи говорить несравненно большее число данныхъ, хотя и не столь полновѣсныхъ: предчувствіе, что если вы выпнете руку изъ муфты, то не отогрѣете ее скоро—разъ; предположеніе, что нищій, носъ котораго и безъ того превратился, отъ неумѣренныхъ возліаній Бахусу, въ нѣкотораго рода сливу, пропьеть ваши деньги въ первой распивочной—два; мысль, что проходящіе почтутъ вашъ поступокъ фарисейскимъ—три. И вотъ, приближаясь къ нищему, вы колеблетесь: помочь или не помочь? Но тутъ является внезапно новое данное въ пользу неоказанія помощи: вы вспоминаете, что поздно, что пожалуй опоздаете въ школу—и гордо проходите мимо. Будь климатъ въ Петербургѣ умѣреннѣе—однимъ неблагоприятнымъ даннымъ было бы менѣе, и вы вѣроятно помогли бы бѣдняку; но въ суровой климатической обстановкѣ и сердце человѣка черствѣетъ: жители юга всегда общительнѣе, добродушнѣе нашего брата, сѣверанина.

— Всякую волю въ человѣкѣ однако нельзя отрицать, возразила Лиза:—если я пересиливаю себя, если во мнѣ происходитъ борьба, то тутъ-то и дѣйствуетъ сила воли. Возьмемъ тотъ же примѣръ съ нищимъ. Положимъ, я отошла отъ него на нѣсколько шаговъ. Вдругъ мнѣ дѣлается жаль; я начинаю колебаться, обращаюсь наконецъ и возвращаюсь къ несчастному надѣлать его милостыней. Чѣмъ же я заставила себя преодолѣть свою неохоту вернуться, какъ не силою воли?

— Никакой тутъ воли не было. Что вы колебались, что вамъ пришлось, какъ вы выражаетесь, пересилить себя—это явленіе са-

мое обыкновенное, наблюдаемое во всѣхъ случаяхъ, гдѣ происходитъ борьба, вслѣдствіе большей или меньшей равности борющихся силъ. На вѣсахъ вашего человѣческаго достоинства чаши нагружены въ разсматриваемый моментъ почти одинаково и колеблются то въ одну, то въ другую сторону, оставляя васъ въ неизвѣстности, которая перетянетъ. Ваше положеніе здѣсь совершенно страдательное, и вы вовсе непричастны тому своей волей, если наконецъ одна изъ чашъ перетянетъ. Всякая воля—химера.

— Вы убѣдили и побѣдили меня, господинъ философъ; а между тѣмъ... Лиза лукаво засмѣялась:—между тѣмъ и я выхожу побѣдительницей!

— Какъ такъ?

— Да такъ. Помните, въ началѣ прогулки вы объявили, что скучаете во всякомъ женскомъ обществѣ; теперь вы съ жаромъ спорите съ женщиной, значить находите интересъ въ бесѣдѣ съ ней.

— Гм... да.

— Ваше жолчное настроеніе, кажется, прошло; скажите теперь по совѣсти: чему вы такъ разсердились, когда я говорила про акклиматизацію?

— Нѣтъ, зачѣмъ...

— Ну, однако? Не на меня ли извоили гнѣваться?

— А еслибы и на васъ?

— А! это интересно. Но за чтò? говорите, за чтò?

— Сами напрашиваетесь на откровенность. Видите: въ началѣ нашего знакомства вы произвели на меня пріятное впечатлѣніе, какъ умная, разсудительная дѣвушка. Легкая взбалмошность такъ обыкновенна въ ваши лѣта, что я не придалъ ей значенія въ васъ. Когда же вы заговорили объ акклиматизаціи, я сталъ убѣждаться, что имѣю дѣло съ синимъ чулкомъ...

— И я горжусь этимъ названіемъ! Пожалуйста, не измѣняйте своего мнѣнія; я хочу быть синимъ чулкомъ.

Александръ пожалъ съ сожалѣніемъ плечами.

— Вольному воля.

XI.

Гроза. О французскихъ романахъ и патриотизмъ. Schloss Unsprunnen.

Прогулка въ лѣтній полдень имѣетъ свои пріятности; но всѣ онѣ звѣриваются одною непріятностью — зноемъ: солнце, стоя-

щее въ зенитѣ, жжетъ изъ всѣхъ силъ, словно получаетъ за то богъ-вѣсть какое жалованье, такъ что и дыханіе у васъ спираетъ, и въ глазахъ рябитъ. Задыхаясь и обтираясь платками, общество наше едва обогнуло Ругенъ, какъ набѣжала тучка и раздался первый, внушительный рокотъ грома. Все засуетилось. Вдругъ—«ахъ, а!» Золотая, съ голубоватымъ отливомъ, молнія, дивно-ловко извиваясь, ворвалась съ неистовствомъ въ средину общества; лица какъ мѣль побѣлѣли—нельзя было сказать: отъ отблеска молніи, или отъ испуга. Вслѣдъ затѣмъ глухо загрохотало. Въ сосѣднихъ горахъ задребезжало въ отвѣтъ Трава, вѣтви деревьевъ, платья дамъ—все зашелестило подъ крупными каплями лѣтнаго дождя. «Sauve qui peut!» Дамы въ своихъ воздушныхъ одѣяніяхъ, съ крохотными зонтиками, недающими ни малѣйшей защиты отъ капитальнаго ливня, мужчины въ однихъ сюртукахъ, всякій бѣжалъ спастись. «Юнгфрауенблик!» былъ общій лозунгъ: изъ-за ближнихъ деревъ виднѣлась крыша этой отели.

— М-г Куницынъ, крикнула Моничка во слѣдъ правовѣду, искавшему, подобно другимъ, спасенія въ послѣднемъ бѣгствѣ:—soyez si aimable, prêtez moi votre chapeau et votre surtout.

Молодой человѣкъ остановился и снялъ съ себя то и другое. —Voilà, mademoiselle.

— Grand merci.

Она торопливо накрылась соломенной шляпой правовѣда и пиджакъ его одѣла въ накидку.

— Prenez, défendez vous par ceci, comme vous pouvez, прибавила она налету, оставляя въ рукахъ его свой маленькій зонтикъ, и уже мчалась къ спасительной кровлѣ.

Распустивъ надъ собою зонтикъ барышни, правовѣдъ поскакалъ во слѣдъ ей.

Левъ, такъ неожиданно покинутый своей собесѣдницей, отыскивалъ глазами мѣсто, гдѣ бы укрыться, когда завидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, подъ густолиственнымъ орѣшникомъ, Наденьку. Понятно, что въ мгновеніе ока онъ былъ у ней. Гимназистка встрѣтила его съ привѣтливой, дѣтской улыбкой и указала ему около себя, подъ деревомъ, сухое мѣсто.

— Какъ славно, Левъ Ильичъ, не правда ли? Чувствуешь, что живешь... Помните, у Майкова...

— Помню; оно такъ и начинается:

Помнишь—мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома...

— Нѣтъ, я думала про другое. Но и это, кажется, преми-
ленькое. Дальше, кажется:

Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью?

«— Не было конца тутъ страху и веселью», подхватилъ Левъ:

Дождикъ лиль сѣвозъ солнце и подъ елью мшистой
Мы стоимъ точно въ клеткѣ золотистой...

— Ахъ! вскрикнула тутъ Наденька, хватаясь бессознательно
за руку молодого человѣка: вся окрестность вспыхнула мгновенно
ослѣпительнымъ огнемъ, сопровождаемымъ гулливими раскатами.

«— Вдругъ надъ нами прямо громъ перевернулся», цитировалъ
поэтъ:

Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмура...
Благодатный дождикъ! золотая буре!

— Какъ я испугалась! вздохнула изъ глубины души гимна-
зистка, отодвигаясь отъ сосѣда. — А я, кажется, не трусиха...
Вы, Левъ Ильичъ, любите грозу?

— Островскаго?

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, я говорю про настоящую грозу. Я еще
ребенкомъ была безъ ума отъ грозы; меня такъ и называли:
маленькой волдуньей. Чуть блеснетъ первая молнія, брызнетъ
дождикъ, я — въ садъ, и стою тамъ съ непокрытой головой.
Дождь заливааетъ меня, гроза бушуетъ, а я стою, какъ очаро-
ванная. Явлюсь домой — маменька и гувернантка только ахнутъ:
волоса всклокочены, платье какъ губка: «Наденька, Наденька,
что съ тобой?» А я трахну головой да бѣгомъ опять подъ
дождь. Знаете, про какое майковское стихотвореніе я вамъ хо-
тѣла сказать?

— Про какое?

— Оно совсѣмъ коротенькое, но прелесть:

Жизнь безъ тревогъ — прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная — весны младня грозы.
Тамъ — солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь — и громъ, и молнія, и слезы...
О, дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ,
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

— И вы, Надежда Николаевна, вполне сочувствуете этому?
спросилъ тихимъ голосомъ поэтъ. — Вы понимаете горечь и сла-
дость слезъ?

— Н-да... — Наденька замаялась. — Ахъ, да вотъ и наши
философы! подхватила она съ живостью, увидѣвъ приближаю-

шихся Александра и Лизу.—Перемокли какъ, бабушки! Гдѣ это вы пропадали?

— Какъ видишь, подъ дождемъ, отвѣчала, отряхиваясь, экс-студентка. — Отстали немножко. Что жъ, теперь можно и далѣе; дождя нѣтъ.

Гроза дѣйствительно унялась. Тамъ и сямъ бродили еще на яркой синевѣ легкія облачка, но подъ жгучими лучами блестящаго солнца высыхали уже и дорожки, и зелень.

Молодежь поднялась опять въ путь къ первоначальной цѣли прогулки.

— Да! вспомнилъ Левъ:— правда, Лизавета Николаевна, что вы сестрицѣ своей даете читать французскихъ романистовъ?

— Правда.

— Да вѣдь увлекательныя переливанія Дюма, Сю, Февала, не имѣютъ ничего общаго съ нагою дѣйствительностью?

— Также правда.

— Такъ какъ-же давать ихъ въ руки невзрослой дѣвочкѣ, фантазія которой и безъ того черезчуръ притка, а при помощи этихъ небылицъ можетъ разыгратъ до безобразія?

— Невзрослой! обидѣлась Наденька. — Мнѣ 16.

— Зачѣмъ прибавлять, милая? замѣтила Лиза:—тебѣ всего въ маѣ минуло 15.

Наденька покраснѣла.

— Ну, да, минуло, значить уже нѣтъ.

— Положимъ, успокойся. Вы, Левъ Ильичъ, удивляетесь, что я Наденькѣ не воспрещаю читать французскихъ романовъ? Но для полнаго образованія всякому человѣку надо ознакомиться и съ вѣлѣпцами міра сего.

— Съ дѣтства-то? Для дѣтей это положительно ядъ. Я очень хорошо еще помню, какъ будучи гимназистомъ 2-го—3-го класса, бралъ съ собою въ классы *Монте-Кристо* или тому подобную дрянъ, чтобы читать во время уроковъ, подъ скамьей. Зато, какъ вызовутъ къ доскѣ—идешь шатаясь словно пьяный, станешь у доски и нетолько не знаешь чтò отвѣчать — не понимаешь даже заданнаго тебѣ вопроса. А какъ ядовито дѣйствуютъ романы на расположеніе духа, на характеръ ребенка! Ходишь всегда въ какомъ-то чаду, дѣлаешься сварливымъ, всѣмъ недовольнымъ: «Чтò я за несчастный! повтораешь себѣ: отчего со мною не происходитъ никакихъ приключеній? Минувало золотое время...» И начинаешь хандрить, дѣлаешься безучастнымъ ко всему обру-

жающему, бросаешь заниматься: «Что пользы? вѣдь все равно ни къ чему не послужить...» Является даже мысль о самоубійствѣ...

— Ну, вы слишкомъ поэтизируете, господинъ поэтъ, перебила экс-студентка.—До какого возраста, скажите, упивались вы романами?

— До 14-ти, можетъ быть и до 15-ти лѣтъ.

— И вы недовольны, что такъ рано отдѣлялись отъ пагубной страсти къ этому сладкому яду? А я скажу вамъ, почему онъ вамъ такъ скоро опротивѣлъ: вы допились до омерзѣнія. Чѣмъ скорѣе дойти до этой стадіи, тѣмъ лучше. Послѣ періода романовъ наступаетъ періодъ отечественныхъ журналовъ. Съ какою гордостью, бывало, возвращалась я изъ конторы редакціи *Современника* или *Русскаго Слова* съ новымъ номеромъ журнала подъ мышкой! Нарочно повернешь его еще заглавнымъ листомъ наружу, чтобы всѣ проходящіе видѣли, что вотъ ты, моля, какаа—прогресистка! Для Наденьки, видите ли, кончается и этотъ періодъ. Она въ журналахъ читаетъ уже ученые отдѣлы, и вскорѣ, подобно мнѣ, заинтересуется вѣроятно и самими науками, такъ что броситъ и журналы.

— Напрасно. Журналы всегда полезны, хотя уже тѣмъ, что знакомятъ васъ съ современными интересами. Что же до французскихъ романовъ, то я долженъ вамъ еще вотъ что замѣтить. Вы смѣтрите на нихъ, какъ на неизбежное зло, съ которымъ чѣмъ скорѣе познакомиться, тѣмъ лучше, чтобы получить скорѣе отвращеніе къ нему?

— Схм!

— Я же вижу въ нихъ зло, котораго можно избѣгнуть, если во-время изощрить вкусъ болѣе удобоваримыми вещами. Человѣкъ, испившій разъ хорошаго рейнвейну, не пристрастится уже къ шампанскому. Давайте молодежи Диккенса, Гейне, Тургенева, Бѣлинскаго—и французская шипучка не прельститъ ихъ.

— Такъ, 12-ти, 13-ти лѣтнимъ ребятишкамъ и давать Гейне, Бѣлинскаго? Да они половины не поймутъ.

— Нѣтъ, въ эти лѣта вообще не годится читать что-либо бельлетристическое. До 16-ти лѣтнаго возраста человѣкъ достаточно занять собираніемъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, и только съ этого времени, когда понятія у него приведены въ нѣкотораго рода систему, онъ можетъ безъ большаго для себя вреда оглядѣться и въ мірѣ литературы. Мнѣ живо вспоминается *Einwohner - Mädchenschule* Фрѣлиха въ Бернѣ, которую мы съ

Александромъ посѣтили проѣздомъ. Главныя старанія Фрѣлиха обращены на развитіе въ ученицахъ эстетическаго чувства. Для этого онъ уже снѣзжала учить ихъ музыкѣ, устраниваетъ прогулки по романтическимъ окрестностямъ Берна, а въ высшихъ классахъ знакомить и съ литературой. При этомъ онъ заставляетъ и самихъ ученицъ сочинять стихи.

— Какъ это должно быть весело! не могла удержаться воскликнуть Наденька.

— Мнѣ удалось присутствовать на такомъ урокѣ. Одна изъ ученицъ, 17-тилѣтняя, красивая дѣвушка, прочитывала элегію своего произведенія.

— А какимъ размѣромъ была написана эта элегія? перебила опять Наденька.

— Гекзаметрами; вѣдь это самый легкій размѣръ: въ семнадцать слоговъ да безъ рима. Содержаніе стихотворенія была любовь къ родинѣ. Живописную природу Швейцаріи, поэтическія легенды, гдѣ высказалась швейцарская доблесть, надежду на будущее благосостояніе отечества, твердую увѣренность, что народъ ея, самъ собою правящій и никому неотдающій отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, никогда не запятнаетъ своей чести — все это соединила она въ звучное попури, отъ котораго растрогались и она, и товарки ея. Самъ Фрѣлихъ прослезился и наградилъ поэтесу поцалуемъ въ лобъ. Сцена была самая трогательная, такъ что подѣйствовала раздражительно даже на слезныя желѣзки сѣвернаго скіеа, присутствовавшего тутъ постороннимъ зрителемъ. Невольно вспомнились ему родные разсадники женской премудрости, откуда, вмѣсто живыхъ цвѣтовъ, душистыхъ, свѣжихъ, выпускаются въ свѣтъ колекція цвѣтовъ красивыхъ, но бумажныхъ, на проволокѣ...

— Грустно въ самомъ дѣлѣ положеніе нашихъ дѣвицъ, замѣтилъ Александръ. — Онѣ скажутъ вамъ, пожалуй, когда и зачѣмъ почесалъ себѣ за ухомъ Александръ Македонскій, или какъ извлечь квадратный корень изъ... кубической селитры; а между тѣмъ въ состояніи при видѣ пожатой жнивы всплеснуть радостно руками: «Ахъ, теперь я знаю, какъ растутъ спички!» Самое же горькое то, что имѣя о Россіи такія-же смутныя понятія, какъ о Сандвичевыхъ островахъ, онѣ дѣлаются совершенно равнодушными къ благу своей родины, дѣлаются космополитками, въ самомъ жалкомъ значеніи слова.

— А вы развѣ не космополитъ, Александръ Александровичъ?

спросила Лиза. — Вы, кажется, такой холодный, что не можете быть патриотомъ, привязаться къ чему-нибудь серьезно.

— О, космополитизмъ — заманчивая вещь, согласился Александръ: — «Отказаться отъ всякихъ личныхъ симпатій, жить не для отдѣльнаго народа, а для цѣлаго человѣчества!» Какія громкія фразы! Люди, спитые на живую нитку, какъ Куницынъ, прельщаются ими. Но нашъ братъ — глубокая, тяжелая натура, сросшійся съ своимъ отечествомъ всѣми фибрами своего существа, не можетъ оторваться отъ того, что составляетъ его жизнь, его плоть и кровь. Если человѣкъ родился въ Россіи, воспитывался въ русскихъ заведеніяхъ, между русскими, вскормленъ русскимъ хлѣбомъ, русскими понятіями — какъ ему не любить Россіи? Любовь къ родинѣ совершенно такъ же естественна, какъ любовь къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ.

Въ такихъ разговорахъ путники наши вышли въ свѣтлую, прелестную долину. Справа и слѣва воздымались утесистыя громады, впереди вскрились снѣжные хребты Юнгфрау и Мѣнха. По близости, изъ-за вупы густого орѣшника, глядѣла зубчатая стѣна развалины.

— Вотъ, кажется, и Уншпунненъ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Около руины, между деревъ, мелькнули фигуры мальчика и нѣсколькихъ козъ.

— Сейчасъ узнаемъ, сказала Наденька, и подбѣжала къ па-
штуку.

— Послушайте, какая это руина?

Мальчуганъ съ любопытствомъ разглядывалъ молоденькую барышню, такъ неожиданно выросшую передъ нимъ изъ земли. Она должна была повторить вопросъ.

— Это Уншпунненъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Какія же у васъ о немъ легенды? Говорите, рассказывайте, молодой человѣкъ, повуда не подошли другіе.

— Что значить легенда?

— Легенда?...

Наденька смолкла: на шляпѣ мальчика увидѣла она большую, пышную розу, и забыла уже о своемъ вопросѣ.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула она: — подарите мнѣ ее.

И не дожидаясь согласія владѣльца цвѣтка, она сорвала шляпу съ кудрявой головы его, и отцѣпила розу. Потомъ достала портмоне и подала мальчику франкъ.

— На-ге.

Пастушокъ съ радости разинулъ ротъ, и забылъ даже поблагодарить щедрю дательницу. Когда же та обратилась къ другимъ, похвастаться своей добычей, осторожный мальчуганъ, опасаясь угрызений совѣсти барышни, за ея великую расточительность, заблагоразсудилъ скрыться съ своими питомцами.

— Руина, какъ руина, говорила Лиза, озирая башнеобразную, весьма необширную развалину замка.

— Только прежніе обитатели этой Burg, были вѣроятно липпуты, потому что иначе не объяснить себѣ, какъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ умѣщалась широкая жизнь рыцарей.

— Да, они и были липпуты, подтвердилъ Александръ: — въ прежніе вѣка и Швейцарія кишѣла мелкотравчатыми еоодалами. Всякій изъ «благороднаго» сословія рыцарей, считалъ необходимою принадлежностью своего сана неограниченное самоуправство, хотябъ на пространствѣ квадратной сажени; вотъ начало этихъ липпутскихъ замковъ.

— А чтò, вмѣщалась Наденька: — можетъ быть, и не всѣ липпуты этого замка вымерли? Пойдемте, поищемте: можетъ быть, вытащимъ изъ какой-нибудь щели карапуза-Зигфрида.

— Непремѣнно вытащите: здѣсь раздолье мышамъ и крысамъ.

— Ахъ, какой вы гадкій, Александръ Александрычъ! Недаромъ Моничка называетъ васъ материалистомъ. Левъ Ильичъ, вы хоть натуралистъ, но поэтъ; побѣжимте, догоните меня.

Наденька, и за нею Левъ, взбѣжали на холмикъ, на которомъ возвышалась развалина, и, отыскавъ на противоположной сторонѣ ея безформенное отверстие, служившее когда-то дверью, спустились въ самый замокъ. Ихъ обдало прокладою и сыростью. Крышу зданія, богъ-вѣсть когда уже снесло, и ласково млѣло въ вышніе отдаленное, лазурное небо. Въ ногахъ у нихъ валялись кирпичи и камни, обломавшіеся отъ стѣнъ; по волѣ разцвѣтали кругомъ чертополохъ, папоротникъ, крапива.

— Какъ бы взобраться вонъ туда? сказала Наденька, указывая глазами на верхушку стѣны: — какой, я думаю, оттуда видъ!

— Посмотримъ, сказалъ Левъ и, ухватившись обѣими руками за край высокаго окна, неизмѣннаго, какъ само собою разумѣется, ни стеколъ, ни рамы, вскочилъ на самое окно. — Ну, Надежда Николавна, теперь вы...

Онъ опустился на одно колѣно, и протянулъ въ ней руки.

— Да страшно...

— Ничего, не бойтесь, держитесь только крѣпче.

Наденька взялась за поданныя руки, оперлась носкомъ на выдавшійся изъ стѣны кирпичъ, Левъ приподнялъ ее — и она стояла уже на окнѣ возлѣ него.

— Ахъ, какой видъ! вѣдь я говорила!

Подъ ногами молодыхъ людей разстилалась во всей своей лѣтней красѣ лаутербрунненская долина, залитая лучами полуденнаго солнца.

— Послушайте, Надежда Николаевна, когда вы вглядываетесь въ такой ландшафтъ, не находить на васъ неодолимое желаніе броситься изъ окошка на встрѣчу всей природѣ, заключить въ объятія цѣлый міръ?

Дѣвушка засмѣялась.

— А на васъ находить? Ну, бросьтесь.

— Слушаю-съ.

Онъ готовился уже соскочить съ окна; Наденька во-время удержала его за руку.

— Чтò за ребячество! вѣдь расшиблись бы.

— Наденька! Левъ Ильичъ! домой! послышался снизу голосъ Лизы.

— Уже? сказала Наденька. — Надо бы какъ-нибудь увѣковѣчить свое пребываніе на этой высотѣ... Нѣтъ ли у васъ карандаша?

— Есть. — Левъ вынулъ бумажникъ. — Но стѣна слишкомъ шероховатая, сказалъ онъ: — ничего не напишешь. Вотъ у меня визитная карточка — распишите на оборотѣ.

— Гуси-лебеди, домой! раздалось опять снизу. — Гдѣ вы пропастились? Обѣдать пора, скоро два часа.

— Ахъ, скорѣй, скорѣй! заторопила Наденька, выхватила изъ рукъ молодого человѣка карандашъ и карточку и, приложивъ послѣднюю къ стѣнѣ, расчеркнулась на ней: «Н. Липецкая, $\frac{2}{14}$ іюля 186 — г.».

— Спрячьте же куда-нибудь, да подальше, чтобы никто не нашелъ.

Левъ приподнялся на цыпочки, и втиснулъ карточку въ глубокую расщелину надъ окномъ.

— Здѣсь и дождемъ не захватить.

Онъ соскочилъ внутрь развалины.

— А я-то какъ? сказала гимназистка: — вѣдь высоко, я боюсь.

— Упритесь на мое плечо.

— А вы закройте глаза.

— Могу.

Едва коснувшись плеча его, ловкая барышня въ мигъ соскочила на землю.

XII.

КАКОЕ НАЗНАЧЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ?

— Такъ вы, Александръ Александрычъ, о насъ одного мнѣнія съ Наполеономъ?

— Съ Наполеономъ?

— Да, съ I-мъ. Помните, какъ онъ выразился на вопросъ *m-me Staël*, какую женщину онъ уважаетъ болѣе всего?

— Онъ сказалъ: «Безъ сомнѣнія, *la respectable femme, qui a fait le plus d'enfants*». Со стороны француза подобный отвѣтъ былъ, конечно, не совсѣмъ деликатенъ, тѣмъ болѣе, что женщина, предлагавшая его, явно напрашивалась на любезность: «Васъ, моль, сударыня, я уважаю болѣе всѣхъ». Но съ своей точки зрѣнія, Наполеонъ разсуждалъ весьма логично.

— А съ вашей точки зрѣнія? Впрочемъ, что жъ я спрашиваю: вѣдь вы ученикъ Куторги.

— Во взглядѣ на женщинъ, я дѣйствительно схожусь съ нимъ отчасти.

— Значить, и по вашему, человѣческія самки только пищать, не поютъ?

— Гм, казусный вопросъ. Мнѣ нравится, признаться, женское пѣніе; но какъ знать — можетъ быть, изъ пристрастія? Вѣдь и птичьимъ самцамъ, я увѣренъ, пискъ ихъ самокъ кажется очаровательнѣйшимъ пѣніемъ.

— Ну, пошли! Птичьи самцы одѣты всегда въ пестрое, праздничное платье, самки — въ сѣрое, будничное, слѣдовательно онѣ сандрильоны, назначеніе которыхъ сидѣть дома, производить себѣ подобныхъ, и т. д., и т. д.

— Совершенно справедливо. И назначеніе человѣческихъ самокъ — семейная жизнь.

Лиза сдѣлалась серьезною.

— Вотъ вы, мужчины, какіе деспоты, что не хотите въ насъ признать даже равныхъ съ вами умственныхъ способностей! И все только потому, что вы тѣломъ сильнѣе. Смѣются надъ средне-вѣковымъ кулачнымъ правомъ, а что же это, какъ не вопиющее кулачное право? Я не отрицаю факта, что нынче много пустыхъ

женщинъ; но отчего ихъ много? Оттого, что вы, мужчины, сдѣлали изъ нихъ этихъ вуюль и рабынь, что вы не даете развиться имъ, что вы столько разъ напѣвали имъ: «волось бабы дологъ, умъ коротогъ», что онѣ, наконецъ, и сами тому повѣрива.

— Такъ вы, Лизавета Николавна, затѣмъ вѣроятно и остриглись, чтобы показать, что не подходите подъ общую мѣрку?

— Да, затѣмъ! отвѣчала съ сердцемъ экс-студентка. — Такъ какъ вы уже затронули этотъ вопросъ, то знайте же, что я пожертвовала своими волосами въ пользу недавнихъ питерскихъ погорѣльцевъ.

— Честь вамъ и слава; вы уподобились, значить, варсагенскимъ женщинамъ. Но спрашивается, куда дѣтъ погорѣльцамъ такой небольшой кусокъ ваната? Развѣ съ горя повѣситься?

— Ваши остроты, Александръ Александрычъ, совершенно неумѣстны. Въ жалкомъ положеніи погорѣльцевъ, и какіе-нибудь 8 рублей, которые я получила отъ парикмахера за свою шевелюру, немаловажная помощь.

— Ну, 8 рублей у васъ, пожалуй, и такъ бы нашлось; для такой суммы не стоило лишаться волось, этой истинной красы женщинъ.

— Хорошо, оставимъ этотъ вопросъ. Такъ, по вашему, только замужня женщина достигаетъ своего назначенія?

— Схм! замужня — незрѣлый плодъ...

— Который, въ ожиданіи великаго счастья быть выбранной въ сожительницы однимъ изъ васъ, долженъ сидѣть сложа руки и помирать съ голода?

— Нѣтъ, и замужня женщина должна трудиться. Я даже допускаю, что силамъ женщины довѣряютъ до сихъ поръ слишкомъ мало, что кругъ дѣятельности ея могъ бы быть обширнѣе нынѣшняго. Зачѣмъ бы ей не быть, напримѣръ, конторщикомъ, управляющимъ домошъ или имѣніемъ, фотографомъ, женскимъ врачомъ, и проч.? При незначительной семьѣ подобныя обязанности она могла бы исполнять даже во время замужества.

— А! вотъ видите ли: значить, замужество только помѣха, значить, замужня женщина еще лучше замужней можетъ исполнять свой человѣческій долгъ. Чтò жъ вы говорили о незрѣломъ плодѣ?

— И повторяю: замужня женщина — незрѣлый плодъ. Пусть ее ставитъ себя по возможности независимо, зарабатывая свой собственный хлѣбъ; но положеніе ея выжидательное. Уже по-

этому (не говоря о ея меньшихъ умственныхъ способностяхъ) женщина не можетъ занимать должностей, болѣе важныхъ: профессорскихъ, чиновничьихъ, потому что въ этихъ должностяхъ она не могла бы видѣти замужъ.

— Почему жъ такъ? въ Нью-Йоркѣ же есть профессорши...

— Которыя вѣроятно всѣ холосты, подхватилъ Александръ.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да представьте себѣ положеніе слушателей замужней профессорши. Сидятъ они, въ ожиданіи ея, въ аудиторіи — вдругъ объявляютъ имъ, что г-жа профессорша намѣрена подарить отчизнѣ новаго гражданина, почему не смѣетъ впродолженіе столькихъ-то недѣль выходить изъ комнаты. Слушатели и на бобахъ! Наконецъ, является она, начинаетъ только-что привѣтственную рѣчь — а тутъ изъ-за дверей доносится жалобный пискъ; стремглавъ видается профессорша за дверь, утолить жажду маленькаго пискуна, котораго оставила тамъ съ нянькой. Слушатели опять на бобахъ!

— Зачѣмъ ей кормить самой? возразила экс-студентка: — есть мамки.

— Добросовѣстная мать всегда кормить сама.

— Да, наконецъ, къ чему выходить ей вообще замужъ? Докажите мнѣ, что семейная жизнь необходима, что безъ нея женщина — незрѣлый плодъ...

— Извольте. Вы вѣдь допускаете, что основаніе всего органическаго міра — жизнь?

— Да. Такъ что жъ?

— Какъ произведенія законовъ природы, мы не имѣемъ права нарушать эти законы, и, рожденные однажды, не смѣемъ самовольно пресѣкать свое существованіе, а напротивъ всѣми силами должны поддерживать его.

— Такъ. Но кто же говорить о самоубійствѣ?

— Я говорю не о самоубійствѣ, а объ убійствѣ тѣхъ существъ, которымъ мы могли бы дать жизнь, и не даемъ. Умирая бездѣтно, мы дѣлаемся убійцами нашихъ потомковъ, членовъ будущаго поколѣнія. Хотя садовники и возвращаютъ съ особенною заботливостью махровые цвѣты, плѣняющіе насъ своимъ пышнымъ видомъ, но кому неизвѣстно, что всякій махровый цвѣтокъ въ сущности не что иное, какъ болѣзненное состояніе цвѣтка, какъ аномалія, такъ-какъ плодородныя части его: пестики и тычинки, превращены искусственнымъ образомъ въ болѣе низкіе органы — въ лепестки. Что же сказать о людяхъ, которые отказываются

отъ семейной жизни для того, чтобы сдѣлаться махровыми? Цвѣты махровые не теряютъ хоть своего натурального запаха, получаютъ болѣе роскошный видъ; а махровые люди?

— Такъ и мужчины же бываютъ махровыми?

— Бываютъ. Только мужчина и женщина вмѣстѣ взятые составляютъ цѣлаго человѣка. Мужчина — умъ, женщина — чувство.

— Старая пѣсня!

— Старая, но меткая, правдивая. Можете ли вы указать мнѣ на женщину, прославившуюся, напримѣръ, какъ скульпторъ, живописецъ?

— Гм... не припомню сейчасъ.

— И не припомните, еслибы даже стали припоминать. Женщина не можетъ сдѣлаться ни тѣмъ, ни другимъ. Вы занимались анатоміей, и замѣтили, можетъ быть, различіе въ формѣ ключицъ мужской и женской?

— Да, женская гораздо прямѣе.

— А что изъ того слѣдуетъ? что у женской руки не можетъ быть той ловкости, того «размаха». Скульптурныхъ произведеній женщинъ я даже и не встрѣчалъ; но отчего же женщины въ живописи не доходятъ далѣе цвѣтовъ и плодовъ? Даже нѣтъ попытокъ изобразить историческій, всемірный сюжетъ. Тутъ виновато нѣчто болѣе важное...

Александръ указалъ на лобъ.

— Мозгъ! спросила Лиза. — Такъ вы думаете, что онъ у васъ другой, какъ у васъ? Химія этого не показала.

— Не показала; но не потому, что вашъ мозгъ одинаковъ съ нашимъ, а просто потому, что химія стоитъ еще довольно низко. Надо разсматривать вопросъ съ отрицательной стороны: чего вы, женщины, не можете. Что вы не можете быть живописцами, скульпторами, съ этимъ и вы согласились. Посмотримъ, на сколько вы способны къ другимъ умственнымъ занятіямъ, въ которыхъ требуется болѣе ума. Составила ли себѣ когда женщина громкое имя, какъ первобластный литераторъ?

— Сафо, Жорж-Зандъ...

— Все звѣзды второй величины. Если женщины имѣли еще нѣкоторый успѣхъ на литературномъ поприщѣ, то потому, что могли выказать здѣсь чувство: Сафо — лирикъ, Зандъ — повѣствовательница любовныхъ интригъ. И такъ, и въ литературѣ женщина — пастырь. А раскройте исторію наукъ, изобрѣтеній — найдете ли вы хоть одно женское имя?

— Н-нѣтъ; но вѣроятно потому, что женщина была до сихъ поръ слишкомъ угнетена, что ей не давали случая развернуться.

— Пустяки! Такъ же можно бы сказать, что женщина ростомъ менѣе мужчины, потому что ей не даютъ развернуться. Возьмите извѣстныхъ мужчинъ: Шиллеръ цѣлый вѣкъ боролся съ бѣдностью, Ломоносовъ, Линкольнъ — дѣти мужиковъ, и т. д. Сила всегда возьметъ свое; а гдѣ ея нѣтъ, тамъ нечего ее и искать. Очевидно, что дѣятельность женщины должна вращаться въ другой сферѣ, не интеллектуальной...

— Ну, да! перебила Лиза:—чувство у нея развито несравненно глубже, и т. д.; та же пѣсня.

— Точно такъ. Чувство состраданія, способность переносить съ твердостью горе, мученія — отличительныя черты тѣлесно слабѣйшаго пола. Въ случаяхъ, гдѣ главную роль играло чувство, хоть бы любовь въ родинѣ, женщины нерѣдко обезсмертивались высокими подвигами, напримѣръ, Жанна д'Аркъ, Шарлота Кордэ. Но само собою разумѣется, что назначеніе женщины не можетъ ограничиваться выжиданіемъ случая спасти родину, или' сотворить иной подвигъ. Назначеніе ея слѣдуетъ искать гораздо ближе, и сама природа ея указываетъ намъ на него. Мужчина достигаетъ возмужалости не ранѣе двадцати-двадцати-двухлѣтняго возраста, женщина — врѣсла въ шестнадцать, много-много въ осьмнадцать лѣтъ. Такимъ образомъ, до супружества женщина имѣетъ на приобрѣтеніе элементарныхъ свѣдѣній нѣсколькими годами менѣе мужчины; замужемъ же она и подавно не можетъ серьезно заняться науками...

— Почему? Вы думаете, что дѣти займутъ у нея столько времени...

— Да, думаю. Только женщина, съ ея податливой, мягкой натурой, способна взлелѣять первый возрастъ малютки. А сколько разнообразныхъ занятій ждетъ ее при тщательномъ воспитаніи дѣтей до тѣхъ годовъ, гдѣ они могутъ быть отданы въ школу! Да и въ періодѣ школы мать оказываетъ на нихъ свое благотворное вліяніе. А если ко всему этому Господь надѣляетъ ее чѣмъ годъ новымъ дѣтищемъ, какъ то и должно быть при нормальномъ образѣ жизни? Тутъ ей ужъ не до возвышенныхъ мечтаній, не до общезнаемыхъ вопросовъ: самый близкій для нея вопросъ — тѣлесное и душевное здравіе ея Ванюши, ея Машеньки. Между прочимъ она, конечно, поддерживаетъ и связь съ общественною всемірною жизнью — чтеніемъ журналовъ, избраннымъ кругомъ

знакомыхъ, дружескими бесѣдами со своимъ вторымъ я, мужемъ, который совѣтуется съ ней во всѣхъ трудныхъ случаяхъ своей многоподвижной жизни. Свѣтлымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ сглаживаетъ она морщины заботъ на лицѣ друга жизни, а это, говорятъ, для истинной женщины удовольствіе не изъ послѣднихъ! Да, воспитывая отечеству въ своихъ дѣтахъ нѣсколько достойныхъ гражданъ, она въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлается даже важнѣе своего благовѣрнаго: онъ приноситъ пользу только какъ отдѣльный индивидуумъ, она—даритъ отчизнѣ цѣлую коллекцію полезныхъ индивидуумовъ. Что же до безбрачной жизни мужчины, то она почти такъ же неполна, какъ жизнь дѣвушки, и сколько ни трунать надъ старыми дѣвами — при видѣ этихъ бѣдныхъ, безцѣльныхъ существъ, беретъ меня только жалость, тогда-какъ одностороннія выходы стараго холостяка, имѣвшаго, какъ мужчина, безъ сомнѣнія, не одинъ случай найти себѣ подходящую пару, возбуждаютъ во мнѣ жолчный смѣхъ.

XIII.

Гдѣ искать поэзіи въ природѣ?

Тихонько насвистывая про себя модный въ то время романсъ *Скажите ей*, Левъ разсѣянно шелъ рядомъ съ Наденькой, отбивая тростью пушистыя головки одуванчиковъ, устилавшихъ край дорожки.

— Чтѣ вы казните несчастныхъ? промолвила гимназистка.

— Виноваты! очнулся поэтъ, и тутъ же замѣтивъ, о чемъ просить извиненія, разсмѣялся.—А вы думаете, имъ больно?

— Больно не больно, а все-таки жаль убивать хорошенкыя созданія природы, которыя ни въ чемъ неповинны. Вы, я вижу теперь, по истинѣ натуралистъ, холодный, безсердечный, и если сочиняете стихи, то вѣроятно только саркастическіе; мнѣ не вѣрится, что вы и въ душѣ поэтъ.

— Какая вы невѣроятная. Почему же вамъ это не вѣрится? объяснитесь ближе.

— Потому что, видите ли... — Наденька замолегла и опустила личико въ знакомую намъ уже розу, похищенную у пастушка.— Потому что человѣкъ, погрузившійся, такъ-сказать, по-уши въ сухой анализъ жизненныхъ процессовъ, долженъ поневолѣ потерять уваженіе ко всему прекрасному: встрѣтится ему чтѣ пре-

красное, возбуждающее въ немъ своей безукоризненной изящностью смутное, пріятное чувство — съ кровожадностью хищнаго звѣря бѣжитъ онъ за ножичкомъ, за микроскопомъ, съ холодною любознательностью разлагаетъ прекрасное на составныя части: надо же допытаться до основной причины пріятнаго чувства; ну, и допытается, найдетъ, что виновата во всемъ какая-нибудь мелочь, «недостойная разумаго человѣка!» Усмѣхается онъ съ сожалѣніемъ надъ самимъ собою и прочтетъ себѣ мысленно мораль, впредь быть осмотрительнѣе и не увлекаться всякой милой бездѣлушкой.

— Зачѣмъ же читать себѣ мораль? возразилъ Левъ. — Если бездѣлушка мила, то не грѣхъ и увлечься ею. Надо пользоваться всѣмъ въ сей жизни бренной; *Man lebt nur einmal*, Walzer von Straus.

— Это ужасно! Съ возмутительнымъ прилежаніемъ разискиваете вы значеніе всякаго винта, всякой пружинки въ механизмѣ прекраснаго творенія, а, опрофанировавъ его, извлекаете изъ него еще практическую пользу... Да это—уголовное преступленіе, это низ... непроситительно!

— Что жъ вы недоговорили? Вы высказываете чистосердечное убѣжденіе, я не имѣю права обижаться.

— Все равно... Эта роза напоминаетъ мнѣ одну мысль у Бѣлинскаго. Читали вы его статью о Лермонтовѣ?

— О стихотвореніяхъ его?

— Да.

— Читалъ; одна изъ лучшихъ статей Бѣлинскаго.

— Тамъ онъ даетъ опредѣленіе слова «поэзія». «Поэзія, говоритъ онъ, описывая розу, не заботится о ея химическомъ составѣ. Поэзія нѣтъ дѣла до клѣтчатки, красильнаго вещества и проч.; она беретъ лишь изящный очеркъ цвѣтка, нѣжные переливы красокъ, сладостный аромать его — и создаетъ изъ всего этого новую розу, которая еще лучше, еще прекраснѣе настоящей». Представьте же себѣ, что мы станемъ разрывать цвѣтокъ на части...—И, говоря это, Наденька приводила уже слова свои въ исполненіе:—на части, вотъ такъ—сперва лепестки, потомъ чашечку... Видите, какъ этотъ лепестокъ измялся, посинѣлъ въ моихъ пальцахъ? Гдѣ его чистый, розовый колоритъ, гдѣ его запахъ? Понюхайте... — Дѣвушка поднесла лепестокъ къ носу молодого человѣка, губы котораго по какому-то странному случаю прикоснулись къ пальчикамъ ея. Но не показывая вида, что она

подозрѣваетъ въ этомъ тайный умыселъ, гимназистка, удаливъ руку на приличное разстояніе отъ опасныхъ для нея губъ, продолжала: — чувствуете, чѣмъ пахнетъ? Какою-то сыростью, простой травой. Значить, ужь отъ немногосложнаго анатомированія такими простыми орудіями, какъ человѣческіе пальцы, роза лишилась природной красоты и свѣжести. Если же изрѣзать ее ножикомъ на маленькіе кусочки, разсматривать эти кусочки под стеклышкомъ, то улетучится и послѣдняя доля поэзіи, которую можно было бы найти еще въ увяданіи нѣжнаго, душистаго цвѣточка отъ грубыхъ рукъ человѣка... Ахъ, боже мой! опомнилась тутъ барышня:—что жъ я сдѣлала? оцѣпала мою душу, миленькую, прекрасную розу! А все по вашей милости, господинъ натуралистъ! извольте доставать мнѣ новую!

— Сію минуту?

— Да, разумѣется. А вы что думаете?

— Слушаемъ-съ. А если здѣсь, въ лѣсу, нѣтъ розъ?

— На нѣтъ и суда нѣтъ. Доставайте хоть что нибудь. Только поскорѣе, чтобы не отстать отъ другихъ.

Левъ скрылся въ чащѣ. Минуту спустя онъ уже вернулся съ торжествующимъ видомъ, съ ландышемъ въ рукѣ. Надежда Николаевна! *convalaria majalis!*

— Я — *convalaria majalis?*

— Да, и вы, и вотъ...

— О, первый ландышъ! изъ-подъ свѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

продекламировала Наденька, принимая цвѣтокъ и упираясь его нѣжнымъ благоуханіемъ.

— Первый ландышъ—въ іюль-то мѣсяцѣ? засмѣялся Левъ.

— Ну да, вамъ бы все критиковать. И ландышъ-то окрестили полатыни: *convalaria!* вотъ онъ и потерялъ половину своего природнаго запаха. Эхъ, вы, натуралисты!

— Натуралисты, Надежда Николаевна, глубже всякаго ненатуралиста понимаютъ поэзію природы.

— Скажите! Мы — дѣти въ естественныхъ наукахъ, такъ и не можемъ постичь всѣхъ затаенныхъ красотъ природы; такъ, что ли?

— Вы вотъ шутите, а не знаете, что высказываете глубокую истину. Послушайте, Надежда Николаевна: если вы ребѣнку про-

чтете что нибудь изъ Гейне, изъ Шиллера, доставите ли вы ему этимъ большое удовольствіе?

— Напротивъ; ребѣнокъ завѣвается и заснетъ.

— А прочтите ему сказку — онъ заслушается васъ съ такимъ упоеніемъ, что и не откажется отъ него. И мы, взрослые, не можемъ отречься въ фантастическихъ небывлицахъ сказокъ извѣстной доли поэзіи, но эта доля гомеопатична и поэзія изъ самыхъ наивныхъ, самыхъ простыхъ; тогда какъ Шиллеръ и Гейне читаются нами съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ дитя слушаетъ глупую сказку.

— Ну, а если Шиллеръ или Гейне, изъ которыхъ, сколько я знаю, ни тотъ, ни другой не былъ натуралистомъ, воспѣваютъ природу, то и это — поэзія дѣтская, наивная, въ сравненіи съ вашей поэзіей, натурализовъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Ха-ха-ха! Какое бы стихотвореніе взять для примѣра? Да вотъ хоть, помните, у Майкова есть переводы изъ Гейне; такъ одинъ изъ нихъ начинается такъ:

Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей.

— Ну-съ?

— Ну-съ, эта самая лилія въ лунномъ свѣтѣ

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ,
И, всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

— Это ли не поэзія, это ли не чувство? А по вашему, это только наивно?

— А то какъ же? Лилія, по словамъ поэта,

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ —

«Глядитъ?» Да чѣмъ же, позвольте узнать, какими органами глядитъ она, когда у нея нѣтъ глазъ? «Горитъ»? Отъ чего ей разгораться? отъ луннаго-то свѣта? Ужь если возвысится температурѣ вращающихся въ ней соковъ, то отъ знойнаго солнца, отъ котораго она

пугливо
Головкой прячется своей.

— Ну, пошли анатомировать! Такъ вы, пожалуй, скажете, что она и «упоенья и тоски» не можетъ чувствовать?

— А неужто можетъ? У нея нѣтъ нервной системы. И послѣ этого стихи эти не наивны? Да они, говоря по-просту, ерунда!

Краска выступила на щекахъ Наденьки.

— Любопытно бы знать, какую поэзію натуралисты находятъ въ цвѣткѣ? Чтò видите вы въ микроскопѣ, когда подложите туда кусочекъ растенія?

— Растительныя клѣточки.

— Растительныя клѣточки! Скажите, какъ поэтично! Я ужъ представляю себѣ, какъ вы, сидя надъ микроскопомъ, затагиваете гимнъ:

Растительныя клѣточки
 Любезныя мои!
 Все въ ровныя фасеточки
 Сложился вы, какъ въ сѣточки,
 Блондиночки, бринеточки,
 На голось: ай-люли, люли,
 Ай-люли!

— Брависимо! засмѣялся Левъ.— Но, шутки въ сторону: растительныя клѣтки—вещь весьма интересная. Прослѣдивъ зарожденіе, развитіе клѣтки, опредѣливъ ея значеніе въ каждой части растенія, вы прозрѣваете, вамъ раскрывается новый, невѣдомый міръ внутренней жизни растенія: процессъ питанія, движеніе соковъ по жиламъ растенія, обмѣнъ въ нихъ веществъ, дыханіе посредствомъ устьицъ на нижней поверхности листьевъ—все это для васъ полно поэзіи. Вамъ дѣлается понятной эта трепетная жажда тепла и свѣта, съ которою цвѣтокъ обращается всегда въ сторону солнца: какъ сердце человѣка наливается и зрѣетъ подъ лучами любви, такъ растеніе созрѣваетъ подъ живительнымъ огнемъ солнца. Наблюдайте и любуйтесь! Здѣсь также жизнь, также поэзія. Поэтъ, съ его тонкимъ чувствомъ, подмѣтилъ эту жизнь, эту поэзію, но, слѣдуя общей людской слабости—мѣрится по своей мѣркѣ, одушевилъ растеніе человѣческими ощущеніями: упоенъемъ и тоской. Это мило, но сказочно мило, наивно.

Мечтательно слушала Наденька поэта-натуралиста.

— Такъ послѣ этого, сказала она:—вы не только растеніе, но и всякое произведеніе природы, какого нибудь червяка или бувашку, должны найти прекраснымъ и поэтическимъ?

— Да. Чтò жъ изъ того, что вамъ, можетъ быть, непріятно съѣсть съ малиной полеваго клопа, проглотить муху или взять въ руку таракана? Вѣдь не могутъ же нѣкоторые люди ѣсть землянику — развѣ отъ того земляника что-нибудь дурное?

— Такъ вы любите таракановъ?

— Да чѣмъ же они нехороши? Если разглядѣть ихъ повнимательнѣе, то нельзя не признать извѣстной изящности въ очеркѣ ихъ крыльевъ, въ лихоскрученныхъ усикахъ.

— Такъ, что наконецъ они окажутся даже прекраснѣйшими произведеніями природы?

— Схи!

Наденька лукаво засмѣялась.

— Хорошо же, примемъ къ свѣдѣнію.

XIV.

Прекраснѣйшія произведенія природы.

За нѣсколько минутъ до вечерняго чаю, Наденька удалилась въ свою комнату поправить прическу. Въ окошко увидѣла она проходящую мимо, съ блюдомъ земляники, Мари. Она подозвала къ себѣ молодую швейцарку. Та подошла къ оконку.

— Чего прикажете, фрейлейнъ?

— Послушайте, есть у васъ здѣсь тараканы?

Мари посмотрѣла на гимназистку съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Тараканы?

— Да, прусаки, въ кухнѣ, что ли!

— Нѣтъ, фрейлейнъ, мы слишкомъ опрятны, чтобы терпѣть въ домѣ этихъ грязныхъ животныхъ.

— Какъ различны вкусы! Я знаю одного господина, который отъ нихъ безъ ума. Не можете ли вы, право, достать мнѣ ихъ?

— Таракановъ? Да на что они вамъ?

— Это мое ужъ дѣло. Послѣ увидите. Достанете?

— Достать-то почему не достать; здѣсь недалеко, у сосѣдей...

— Такъ пожалуйста, Мари. Да смотрите, побольше, цѣлую коробку. И никому не сказывайте.

— На этотъ счетъ будьте покойны. Куда же прикажете принести ихъ вамъ?

— Да мы сейчасъ будемъ чай пить; такъ вызовите меня.

— Слушаю-съ.

Качая головой, швейцарка отправилась исполнять странное порученіе.

За чаемъ Наденька была развязнѣе всѣхъ, шутила съ молодыми людьми, шушукалась съ Моничкой. Вскорѣ показалась въ

дверяхъ Мари, и кивнула головой гимназисткѣ. Та вскочила и торопливо послѣдовала за ней изъ комнаты.

— Что жь, достали?

— Какъ же, вотъ... отвѣчала посланница, подавая ей небольшую коробочку. Наденька подняла осторожно уголокъ коробки: оттуда высунулось нѣсколько подвижныхъ усиковъ.

— Отлично! Какъ я вамъ благодарна, Мари! Теперь еще одно: есть у васъ свѣжее тѣсто?

— Да вы никакъ хотите изъ нихъ пирогъ спечь?

— Схи!

Мари отвернулась съ отвращеніемъ.

— Тѣфу, мерзости! и вы ѣдите таракановъ? у васъ это національное блюдо?

— Нѣтъ, я не ѣмъ, смѣялась въ отвѣтъ Наденька.

— Такъ тотъ баринъ, про котораго мы говорили?

— Не знаю, ѣсть ли онъ ихъ; но онъ говорилъ, что очень любить таракановъ; вотъ я и хочу сдѣлать ему сюрпризъ.

— Кто жь это такой?

— Да знаете, этотъ длинный, бѣлокурый.

— Г-нъ Ластовъ?

— Онъ самый.

— Нѣтъ, фрейлейнъ, я не хочу... Отдайте мнѣ коробку, я выброшу ее.

— Зачѣмъ же! Я хочу ему только доказать, какъ тараканы противны..

— Да вѣдь и другихъ бы тутъ же стошнило. И что бы подумали пансіонеры о нашей отели, еслибы у насъ допускались подобныя вещи?

Наденька сдѣлала плачевную гримасу.

— Да какъ же быть мнѣ, душенька?

— Если г-нъ Ластовъ такъ любить таракановъ, то отдайте ихъ ему въ коробкѣ.

— Да я хотѣла бы, чтобы они были ему сюрпризомъ... Ахъ, знаете что, Мари? Суньте ихъ ему въ карманъ! Вамъ оно удобнѣе: какъ станете обносить чай...

— Нѣтъ, фрейлейнъ, увольте меня.

— Марихень, миленькая, пожалуйста!

— Отвѣтственность вы всю возьмете на себя?

— Всю, всю.

— Ну, хорошо. Обвязать коробку розовымъ шнуркомъ?

— Да, хоть розовымъ. Только стойте — надо еще сдѣлать надпись. Гдѣ бы достать чернила и перо?

— Пойдемте въ контору.

Минуты двѣ спустя, Наденька сѣдѣла опять въ столовой, возлѣ Монички. Мари, вошедшая вслѣдъ за гимназисткой, навлонилась черезъ плечо Льва, чтобы поставить на столъ хлѣбную корзинку. Когда за тѣмъ Левъ сталъ доставать изъ кармана платокъ, то ошупалъ тамъ нѣчто четырехугольное. Вытащивъ это нѣчто на свѣтъ, онъ съ недоумѣніемъ увидѣлъ въ своихъ рукахъ голубую воробочку, обвязанную розовою лентою; на крышкѣ были начертаны красивымъ женскимъ почеркомъ слова: «Прекраснѣйшія произведенія природы». Съ любопытствомъ развязалъ поэтъ ленту и раскрылъ коробку... Вокругъ стола поднялся общій гвалтъ:

— Schwaben, Russen!

По скатерти разбѣжалось стадо прусаковъ. Болѣе другихъ, однако, перепугалась сама виновница маленькой катастрофы, Наденька: ей не безъ основанія мерещилось, что буря всеобщаго недовольства сейчасъ разразится надъ нею... Къ счастью ея, Левъ, замѣтившій ея крайнее смущеніе, великодушно отвелъ роковой ударъ съ большой головы на свою — здоровую. Онъ спѣшилъ переловить краснокожихъ бѣглецовъ, а потомъ обратился къ присутствующимъ съ извинительнымъ спичемъ: «Онъ, дескать, натуралистъ, и приобрѣлъ прусаковъ для физиологическихъ опытовъ». Гимназистка вздохнула свободнѣе и, чтобы отблагодарить поэта, была съ нимъ цѣлый вечеръ необычайно любезна. Правовѣду это нисколько не пришлось по сердцу, и когда стали послѣ чаю расходиться, онъ взялъ Льва подъ руку и вывелъ его на улицу. Рука объ руку побрели они внизъ по алеѣ.

— Мнѣ надо переговорить съ тобою серьезно, началъ Куницынъ: — ты, cher ami, забываешь нашъ гисбахскій уговоръ; а уговоръ лучше денегъ.

— Какъ-такъ забываю?

— Да такъ: ты напропалую ухаживаешь за Наденькой.

— Ухаживаю? ни чуть. Что я хаживалъ съ нею, напримѣръ, къ Уншпуннену—не отрекаюсь, но хаживать не значитъ еще ухаживать. Да и кто жъ велѣлъ тебѣ давеча бросить насъ?

— Кто! Развѣ ты не видѣлъ, какъ эта Соломонида взяла у меня почти насильно сюртукъ и шляпу, и давай-богъ ноги? Поневолѣ побѣжишь за нею. Да еще и угощай ее: выпила на мой счетъ три чашки шоколаду.

— Я не зналъ, что ты такъ разсчетливъ. Пожалуй, я заплачу тебѣ за эти три чашки. Вѣдь, по твоему, и въ этомъ случаѣ виноватый — я?

— Разумѣется, ты. Ты не смѣлъ вовсе покидать ее...

— А если она меня покинула? Да и кто васъ знаетъ: можетъ быть, вы раньше уже сговорились съ нею; я имѣю въ своемъ очердь полное право ревновать къ тебѣ.

— А что жь, замѣтлялъ политичный правовѣдь: — вѣдь Моничка и впрямь весьма, и весьма аппетитный кусочекъ: ножка самая граціозная, миниатюрная, и *sou-de-pied* высочайшій. Умомъ она также перещеголяла Наденьку: отпускаетъ такіе каламбуры и эквивоки...

— Такъ она тебѣ нравится?

— Да какъ же не нравится...

— Такъ слушай: по старой дружбѣ я готовъ принести тебѣ жертву: помѣняемся нашими предметами: ты возьми себѣ Моничку, я возьму Наденьку.

— Нѣтъ, къ чему? отвѣчалъ въ томъ же шутовскомъ тонѣ правовѣдь: — я жертвъ не люблю. Но послушай, другъ мой, продолжалъ онъ серьезно: — опять-таки повторяю: ты слишкомъ волочишься за Наденькой; когда я во время грозы побѣждалъ спастись въ Юнгфрауенбликъ, ты также долженъ былъ оставить Наденьку: этого требовала уже деликатность.

— Какую ты дичь говоришь, душа моя! Есть ли въ этомъ сколько-нибудь логики: ты побѣждалъ спастись — бѣги, значить, и я. Да не хочу, мнѣ пріятно подъ дождемъ. А кто жь виновать, что и Наденька случайно находитъ ту же пріятность въ дождѣ?

— Такъ ты долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, держаться отъ нея въ сторонѣ.

— Какое тутъ держаться въ сторонѣ! Только мы сошлись съ нею подъ деревомъ, какъ подоспѣли Александръ съ Лизой; вчетверомъ мы и отправились далѣе. Самъ ты знаешь, какъ неразлучны тѣ двое. На мою долю оставалась, значить, одна Наденька, на ея долю — одинъ я. Да что жь я отдаю тебѣ отчетъ! очень нужно!

— Но ты наговорилъ ей вѣроятно кучу комплиментовъ: за чаемъ она такъ и увивалась около тебя.

— А знаешь, почему?

— Почему?

— Потому, что это она подсунула мнѣ тѣхъ таракановъ, что

надѣлали столько шуму. Въ благодарность, что я не выдалъ ея, она полюбезничала немножко со мной.

— Нѣтъ, не немножко. Что она подсунула тебѣ таракановъ, доказываетъ только, что она обращаетъ на тебя вниманіе, и я бы самъ былъ не прочь...

— Чтобы она подсунула тебѣ таковыхъ же? Что жъ, я, пожалуй, скажу ей.

— Нѣтъ, зачѣмъ... Но въ томъ-то и дѣло, что она нетолько обращаетъ на тебя вниманіе, а явно благоволяетъ къ тебѣ...

— Ты находишь?

— Да это должно броситься всякому въ глаза.

— Это меня радуетъ: и она мнѣ нравится.

Кунницынъ высвободилъ руку изъ-подъ руки пріятеля.

— Чтò съ тобой, Ластовъ! Она тебѣ не смѣетъ нравиться!

— Ха, ха, ха! не смѣши. Развѣ можно кому воспретить восхищаться чѣмъ-нибудь? Еслибы она была твоей женой, то и тогда бы я имѣлъ полное право находить ее милой, любезной, прекрасной. А теперь подавно. Знаешь, я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе: давай ухаживать за нею поочередно — ты сегодня, я завтра, ты послѣ-завтра, и т. д.; въ нѣсколько дней окажется, на чьей сторонѣ перевѣсъ; тогда другой отступится добровольно. Чтò жъ, по рукамъ?

— Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Она уже по уговору моя, значитъ—и толковать нечего.

— Такъ вотъ чтò, милый мой. Вѣдь ты согласишься, что я нравлюсь Наденькѣ болѣе твоего?

— Н-да.

— Къ чему же тогда поведетъ нашъ уговоръ? Ты ей будешь только надоѣдать...

— Да ужъ она по контракту моя, а всякіе контракты должны считаться свято.

— Какіе ты пустяки говоришь. Для чего заключаются контракты? для какой-нибудь же цѣли?

— Ну, да.

— А если цѣль ими не достигается? Значитъ, они распадаются сами собой.

— Это все парадоксы, софизмы!

— Ни то, ни другое, а строгая логика. Такъ, значитъ, и знай, что нашъ контрактъ для меня уже не существуетъ, и я впередъ не намѣренъ избѣгать Наденьку.

— Ты говоришь это серьезно?

— Да, даже съ сжатыми губами, съ сдвинутыми бровями; въ потемкахъ тебѣ только не видно.

— Въ такомъ случаѣ... До сегодняшняго дня я считалъ тебя человѣкомъ порядочнымъ, благороднымъ; теперь принужденъ измѣнить свое мнѣніе.

— Ты позволяешь себѣ личности; но такъ-какъ ты разгораченъ, то на сей разъ не взываю. Сегодня намъ, видно, не сойтись, такъ лучше—разойтись. Addio.

Левъ протянулъ обиженному руку. Тотъ не взялъ ея и, пробормотавъ:

— Хорошо же, отошелъ послѣшними шагами.

Весело пошвыстывая, поэтъ побрелъ ему во слѣдъ. Нѣсколько шаговъ не доходя до отели, увидѣлъ онъ сквозь окружающую темь особу въ кринолинѣ, слѣдовательно, женскаго пола, прислонившуюся спиной къ оградѣ. Онъ хотѣлъ пройти мимо.

— Herr Lastow, послышался робко тоненькій голосъ таинственной особы.

Левъ остановился.

— Вы это, Мари?

— Я...

Говорящая подошла къ нему на полшага, и при помощи слабого свѣта, падавшаго изъ ближнихъ оконъ, онъ различилъ черты молодой горничной.

— Простите меня, господинъ Ластовъ, начала она: — но я, право, не такъ виновата, какъ вы, можете быть, думаете...

— Виноваты? въ чемъ же? Я рѣшительно не понимаю.

— Я говорю насчетъ тарабановъ.

— А! такъ это вы имѣли любезность препроводить ихъ мнѣ въ карманъ?

— Я не отъ себя, а только по неотступной просьбѣ младшей Липецкой... Пожалуйста, простите!

— Великодушно прощаю! отвѣчалъ смѣясь Левъ, дѣлая видъ, будто хочетъ обнять ее. Къ удивленію его, дѣвушка не тронулась съ мѣста, а прошептала только:

— Ахъ! увидетьъ...

— Темно, никто не увидитъ, успокоилъ онъ ее, и уже смѣло обнялъ и поцаловалъ ее. Пылая и трепеща, какъ основной листъ, она съ любовью жалась къ нему.

— Милая моя, неглядная! шепталъ онъ, цалуя ее и въ лобъ, и въ глаза, и въ губы. Робко отвѣчала она его ласкамъ.

— Такъ вы меня немножко любите? спросила она чуть внятно.

— Отъ всей души, отвѣчалъ онъ, глядя ее съ нѣжностью по щегъ.

— Но я простая, вы — баринъ... вы не можете любить меня искренно, какъ слѣдуетъ... за что же вамъ и любить меня?

— Да какъ же не любить? такую милую, добрую? Вѣдь ты не случайно встрѣтила меня, ты нарочно обождала меня?

— Да; но я хотѣла только попросить у васъ извиненія за та-
ракановъ, и не знала, что вы такой неуправимый...

И она стыдливо припала къ нему. Въ верхушкахъ деревь зашестелѣлъ вѣтеръ. Дѣвушка переполошилась.

— Ахъ, кто-то идетъ! Прощай, мой милый, безцѣнный!

Она исчезла въ темнотѣ. Простоявъ нѣсколько времени, какъ ошеломленный, на одномъ мѣстѣ, Левъ невѣрными шагами направился къ отелю. Тихо поднялся онъ по лѣстницѣ и вошелъ въ свой номеръ. Александръ, съ книжкою въ рукахъ, лежалъ уже въ постели.

— Ты откуда? встрѣтилъ онъ поэта, когда тотъ, бросивъ на столъ трость и шляпу, опустился, тяжело дыша, на диванъ. — Красный, какъ изъ бани; вѣрно плисали или въ горѣлки играли?

— Да, то-есть нѣтъ...

Но Александръ, не дожидаясь отвѣта, углубился ужъ въ свою книгу.

XV.

Естественноисторическія наблюденія надъ улиткой и неожиданный исходъ ихъ.

Сама судьба, казалось, взяла Куницына подъ свое крылышко, ибо на слѣдующій же день доставила ему благовидный предлогъ въ открытому антагонизму съ его болѣе счастливымъ соперникомъ.

Около полудня нѣсколько гостей пансіона R., въ томъ числѣ и наши русскіе, предприняли, по обыкновенію, маленькую прогулку съобща. На этотъ разъ, конечно, точкою странствія былъ избранъ Гольдсвиль—небольшой холмикъ, также съ развалиной на вершинѣ, съ которой имѣется живописный кругозоръ на ин-терлакенскую долину.

Левъ, желая задобрить разревновавшагося правовѣда, даже не-поздоровавшагося съ нимъ поутру, занялся-было Моничкой, но та безъ околичностей препроводила его къ Наденьгѣ, а къ себѣ подозвала Куницына.

— Вчера при такой же прогулкѣ вы занимали Наденьку; à présent il n'est plus que juste de changer les rôles.

Что могъ отвѣтить на это молодой, благовоспитанный человекъ? Разумѣется, онъ могъ лишь увѣрить, что нимаго не случалъ, и почитаетъ за большую честь оказываемое ему баршней предпочтеніе.

Достигнувъ Гольдсвила, общество, какъ рѣзвое стадо дикихъ козъ, принялось въ разсыпную взбираться на лѣсистую вершину холма.

— Паладинъ мой, за мной! крикнула своему кавалеру Наденька и, приподнявъ край платья, побѣжала вверхъ по самому грутому мѣсту ската. Когда поэтъ поровнился съ ней, она слегка смутилась.

— Вы, Левъ Ильичъ, не удивляйтесь титулу, которымъ я осчастливила васъ; но вѣдь каждая изъ насъ, дѣвицы, имѣетъ своего кавалера: Лиза — Александра Александрыча, Моничка — Куницына, а я — васъ.

— И я официально могу называть себя вашимъ паладиномъ?

— Нѣтъ, къ чему... Достаточно, если вы знаете это про себя, чтобы тѣмъ усерднѣе прислуживаться...

— Какъ бы то ни было, обожаемая дама моя, но первый долгъ вашъ теперь — сорвать цвѣтокъ и вдѣть мнѣ его въ петличку.

— Вишь, какой вы ненасытный! Протянула вамъ палець — такъ подай вамъ и всю руку. Когда вы окажетесь паладиномъ въ полномъ смыслѣ слова — un chevalier sans peur et sans reproche, тогда, быть можетъ... Вы какъ долго остаетесь здѣсь, въ Интерлакенѣ?

— Недѣлю, я думаю, еще пробуду.

— Ну, значить, есть время, когда испытать ваше паладинство... А! вотъ и тѣнь; какъ славно!

Молодые люди добрались до опушки лѣска, и, вступивъ въ его прохладную сѣнь, должны были наклоняться и отбиваться руками отъ густыхъ вѣтвей, заграждавшихъ имъ дорогу. Сквозь золотистыя, солнечныя верхушки снѣгло кротко безоблачное небо. Въ одиночномъ солнечномъ лучѣ, пробившемся сквозъ гу-

ступу листву и стоявшемъ свѣтлой полосой въ воздухѣ, ронились весело мошки. Кругомъ разливался свѣжій, смолистый запахъ.

Наденька остановилась. Вдыхая полною грудью душистую прохладу чащи, она взглядомъ знатока окинула окружающую зелень, игравшую въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ зеленого цвѣта, отъ золотистаго гумигута до темнѣйшаго индиго. Тутъ замѣтила она на стволѣ стройной березы раковину, плотно присосавшуюся къ корѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, посмотрите: улитка. Какъ она вообразилась сюда? и для чего?

— Дневное пропитаніе добываетъ. Въ настоящую минуту она предается, послѣ тяжкихъ трудовъ, полуденной сіестѣ. Подъ своимъ известковымъ щитикомъ она, какъ страусъ, запрятавшій голову въ песокъ, считаетъ себя въ полной безопасности.

— И лежить вѣроятно свернувшись, какъ младенецъ въ люлькѣ, подхватила Наденька: — крошечные глазки закрыты... Ахъ, Левъ Ильичъ, какъ бы это увидѣть ее?

— Нѣтъ ничего проще: дотроньтесь до щитика; какъ выглянетъ — вы ее и цапъ-царапъ.

— А! вотъ вы какіе. А если укусятъ?

Левъ расхохотался.

— Развѣ у младенцевъ есть зубы? Это самыя безвредныя существа.

Наденька вооружилась смѣлостью, и коснулась пальцемъ до верхушки раковины; потомъ въ страхѣ отдернула руку.

— А ну, все-таки укусятъ?

— А увѣрили, что не трусиха. Позвольте, я покажу вамъ, какъ обходиться съ ними.

Онъ отодралъ раковину отъ кожи дерева; слизень, пуская пузырьки, ретировался во внутренность своего каменнаго жилища.

— И спряталась, m-lle улитка! А вы, Левъ Ильичъ, говорили, что выглянетъ?

— Погодите немножко; надо оставить ее только въ покоѣ — непременно выглянетъ. Любопытство свойственно и этимъ крошечкамъ: оправившись отъ перваго испуга, она захочетъ познакомиться ближе съ невѣдомою силой, оторвавшею ее отъ родной почвы.

— Такъ мы вотъ какъ устроимъ, сказала Наденька, садясь въ траву, и раскладывая передъ собою платокъ.

— Вотъ такъ, положите сюда...

Левъ, опустившись на колѣни противъ гимназистки, помѣстил раковину на средину платка.

Улитка не дала ждать себя: соскучившись въ крайнеиъ углу своей узкой раковины, она, къ немалому удовольствію Наденьки, стала пятиться назадъ.

— Смотрите, смотрите, лѣзетъ, говорила дѣвунка шовотомъ, какъ-бмъ страшась испугать слизня: — почти совсѣмъ высунулся. Дохнуть на нее?

— Дохните.

Наденька наклонилась надъ слизнемъ, и осторожно подулъ на него. Животное перестало выгѣзвать.

— Чтò жь остановилась, голубушка? вснужалась?

— Нѣтъ, она нѣжится въ нашемъ дыханіи.

— Полно вамъ глупости говорить. Дайте-ка какой-нибудь стелець. Мегсі. Пощекотать ее...

Кончикомъ податнаго ей стебля, гимназистка дотронулась въ бѣлой, слизистой спинки животнаго. Уколотое вѣроятно довольно чувствительно, оно, пуская пузыри, опять юркнуло въ глубинъ своего домика.

— Ахъ, бѣдная! сказала сострадательно Наденька. — Чтò, если я уколола ее до смерти? вѣдь шкурка у нея такая нѣжная...

— Нѣтъ, до смерти ей еще далеко; только испугали не шутку; молюски нервозны.

Наденька принялась опять дышать на раковину:

Молюсъкъ, молюсъкъ, выставь рожи,
Я дамъ тебѣ на пирожки.

— Видите, какой послушный; должно быть, пирожка захотѣлось.

Слизень, дѣйствительно, высунулся до половины и, выставивъ впередъ свои четыре маленькіе рога, началъ осторожно опухивать ими около себя воздухъ. Убѣдившись, что врага, настрашавшаго его, нѣтъ уже по близости, онъ рѣшился окончательно выползти изъ убѣжища.

— Послушайте, начала Наденька: — это у нихъ въ самомъ дѣлѣ роги, какъ на примѣръ, у коровъ, или чтò другое?

— Нѣтъ, не роги. Два верхнихъ рожка — глаза; видите: черныя точки на кончикахъ? это зрачки.

— Да улитки должны быть очень близоруки: эта даже насъ не видитъ.

— Да, глаза у нихъ не столько для зрѣнія, какъ для тѣни.

— Для тѣни?

— Да, какъ очень многое въ природѣ, какъ, напримѣръ, клыки у людей. Мы — млекопитающіи, а у большей части млекопитающихъ есть зубы всѣхъ трехъ родовъ: коренные, рѣзцы и клыки, потому и намъ даны клыки. Употребить же ихъ въ дѣло намъ никогда не придется, потому что клыкъ—зубъ хищный, служащій для удержанія добычи, а когда же мы ловимъ добычу зубами?

— А можетъ быть, клыки даны намъ для красоты? Представьте себѣ, что у человѣка не было бы клыковъ — на ихъ мѣстѣ образовалось бы пустое пространство?

Левъ улыбнулся.

— Если даже вырвать зубъ, то пустое мѣсто его понемножку зарастаетъ. Слѣдовательно, красота не нарушается.

— И то правда. Но мы отделились отъ нашего предмета. Вы не изволили еще объяснить мнѣ, что такое нижніе рожки у улитки?

— Это щупальцы, которыми она, какъ слѣпецъ палкою, рекогносцируетъ окрестность. Они у нея необычайно чувствительны; видите: чуть дотронется случайно до платка, какъ втягиваетъ ихъ опять въ себя, точно обжогшись.

Наденька не отвѣчала: все вниманіе ея сосредоточилось на искусныхъ эволюціяхъ слизня. Необезпокоиваемый болѣе своими зрителями, онъ почти весь выкарабкался изъ своей раковины, повернулся брюшкомъ къ землѣ, потянулъ себѣ домикъ на середину спинки и поползъ по платку, верхними рожками поводя въ воздухѣ, нижними ощущывая почву, на которую собирался ступить. Раковина, какъ паланкинъ на хребтѣ слона, колыхалась на немъ мѣрно вправо и влево.

— Еслибы и мы могли носить свои дома на себѣ, промолвила тихо Наденька: — всегда бы былъ случай укрыться отъ опасности...

Она и не подозрѣвала, какую глубокую истину высказывала этими словами, какъ ей самой въ эту самую минуту было бы необходимо убѣжище. Молодой поэтъ глядѣлъ на нее такими нѣжными глазами... Да и какъ было не любоваться! Отъ наклоненнаго положенія тѣла, кровь поднялась въ голову дѣвушки, и разлила по всему лицу ея свѣтлое сіяніе; ожиданіемъ полуоткрытыя, свѣжія губки, показывали блестящій рядъ перламутровъ; темно-синіе глаза свѣтились изъ-подъ длинныхъ, густыхъ рѣсницъ дѣтскимъ любопытствомъ, дѣтскою невинностью; широкополая шляпка, небрежно насаженная на остриженные въ кружокъ,

пышныя кудри, отдѣляла верхнюю половину лица; одинъ рѣзвый локонъ, отдѣлившійся своевольно отъ толпы товарищей, колыхался равномерно въ воздухъ, ударяясь всякій разъ тихонько о цвѣтущую, пылающую щеку...

Жаръ и трепеть пробѣжали по жиламъ юноши, въ глазахъ у него зарябило.

— Какъ вы хороши! прошепталъ онъ, сильною рукою обвилъ станъ дѣвушки, и съ горячностью поцаловалъ ее. Наденька вскрикнула, отбросилась назадъ, и въ тотъ же мигъ была на ногахъ. Не успѣлъ молодой человѣкъ опомниться, какъ ее уже какъ не бывало, и только легкій шелестъ вѣтвей говорилъ, въ какую сторону скрылась она.

«Такъ-то творятся глупости!» разсуждалъ самъ съ собою поэтъ, мрачно насупивъ брови, и не двигаясь съ мѣста: «ну, кто велѣлъ цаловать? никакой надобности не было. Сидитъ она противъ тебя такъ довѣрчиво, такъ спокойно, и вдругъ ты, ни съ того, ни съ сего... Тыфу ты пропасть! непростительно глупо!»

Разсуждая такъ, Левъ видно не обдумалъ, что по его натуралистической теоріи, всякое дѣйствіе простительно, ибо не въ волѣ человѣка, и если онъ, Левъ, повинувшись обстоятельствамъ, сдѣлалъ глупость, то глупость простительную.

Страхнувъ съ забытаго Наденькою платка слизня съ его раковины, и спрятавъ платокъ въ карманъ, герой нашъ, для приданія себѣ смѣлости, заломилъ на бекрень шляпу и, бойко распѣвая залихватскую пѣсню, вышелъ изъ опушки. Но когда онъ сталъ подходить къ обществу, расположившемуся на скатѣ, подъ руиной, и глянулъ въ нѣсколько лицъ, озиравшихъ его подозрительными, чуть не недружелюбными взглядами, пѣсня невольно замерла на губахъ его.

Дѣло въ томъ, что когда Наденька выбѣжала изъ лѣса, то тутъ же бросилась къ сестрѣ, обвила ее руками, прошептала что-то, и залилась слезами.

Подбѣжала Моничка.

— Чтò съ нею?

— Ничего, ребячество, отвѣчала Лиза: — онъ поцаловалъ ее.

— Кто? Куницынъ?

— Какой тамъ Куницынъ! Ластовъ.

Глядя плачущую по головкѣ, экс-студентка старалась утѣшить ее.

— Изъ чего жь тутъ убиваться, глупенькая? Ну, поцаловалъ — большая бѣда! Чтò такое поцалуй? Прикосновеніе губъ—и только.

Но аргументъ сестры нимало не успокоилъ гимназистку; слезы ея текли даже какъ-будто обильнѣе.

Подожли другіе, пошли разспросы. Ни Лиза, ни Моничка не выдали истинной причины горя плачущей, но всё и безъ того догадывались, что тутъ замѣшанъ какъ-нибудь молодой поэтъ, съ которымъ, какъ замѣтили они, дѣвушка вошла въ чашу. Веселое настроеніе общества разстроилось. Броннъ тщетно расточалъ свои доморожденныя остроты — разговоръ не клеился. Собрались домой.

Но обѣ стороны героини дня или Лиза и Моничка. Последняя, для выщшаго успокоенія подруги, изливалась цѣлымъ потокомъ обвиненій на «необтесаннаго университетанта».

— Еслибы ему аи юіона позволили, заключила она: — а то самъ, безъ спроса!

Непосредственно за дѣвицами, шель правовѣдь. Изъ рѣчей ихъ подхватилъ онъ нѣсколько крохъ и, тонкимъ чутьемъ обуянаго ревностью сердца, безъ дальнѣйшихъ объясненій, смекнулъ въ чужъ дѣло. Молвіеносные взгляды, съ которыми онъ оборачивался на шедшаго свади соперника, краснорѣчиво свидѣтельствовали о вулканѣ, клокотавшемъ въ глубинѣ души его.

Арьергардъ шествіа составляли натуралисты, рѣчь которыхъ вращалась около той же тѣмы.

— Только-то? говорилъ Александръ.—А я думалъ не вѣсть что.

— Да развѣ этого мало? Дѣвушка дѣвушка рознь, милый мой. Вотъ хоть Мари, что убираетъ нашу комнату — прехорошенькая, да и преблагонравная, а цалуется такъ, что любо.

— Да? ты испыталъ?

— Схи! Но тутъ мнѣ и передъ собою стыдно, и за Наденьку обидно... Слезы ея такъ вотъ и жгутъ, такъ и душатъ меня.

— Это отъ созвучія: она льетъ слезы, а его онѣ душатъ!

— Нѣтъ, не шутя, мнѣ страшно досадно за нее. Можетъ же человекъ при всемъ хладнокровіи дѣлать такіа несообразности!

— Зато какія великолѣпная тѣма для элегіи, подхватилъ Александръ. — Счастливыи вы народъ, сочинители, изъ всякой напаста извлекаете прибыль. Вотъ тебѣ и начало:

О, слезы женщины любимой!

или

О, слезы дѣвы дорогой!

смотря по климату, какая потребуется рѣма.

— Остри, братъ, остри! Элегію-то я и такъ вѣросте напишу, кстати воспользуюсь даже однимъ изъ предлагаемыхъ тобой стиховъ; но я увѣренъ: будь ты на моемъ мѣстѣ — самъ бы ты испыталъ угрызения совѣсти.

— Не думаю; угрызений совѣсти вообще никогда не слѣдуетъ имѣть, потому что во всемъ виноваты обстоятельства, не мы. Но ты вовсе не испортилъ своего дѣла, напротивъ, даже жодвинулъ его: поцалуй — лучший посредникъ между влюбленными.

— Да кто же влюбленъ!

— Оба влюблены. Ты жаждалъ любви, и вотъ нашелъ источникъ для утоленія этой жажды. Что Наденька влюблена въ тебя...

— Тс! пожалуйста, не такъ громко.

— Что она влюблена въ тебя, явствуетъ изъ всего ея обращенія съ тобой. Стала бы она такъ безутѣшно плакать, еслибы человекъ, обидѣвшій ее, по ея мнѣнію такъ кровно, не былъ ей дорогъ? Маленькій диссонансъ, вкравшійся въ ваше сердечное созвучіе, дастъ тѣмъ рельефнѣе выказаться послѣдующей гармоніи. Насильно похитивъ у нея поцалуй, ты какъ-бы далъ ей этимъ право и на себя; увидишь, какъ она теперь сама станетъ бѣгать за тобой.

— Не вѣрится что-то.

— Смѣло вѣрь. Послѣ дождя—извѣстное дѣло—выходитъ солнышко. Не разразись надъ вами этой грозы, вы бы, пожалуй, скоро наскучили другъ другу; теперь атмосфера опять очистилась до поры до времени, и благодушничанья могутъ возобновиться. Если не видно пока солнышка, то только потому, что оно кокетливо прячется за облачкомъ.

XVI.

ПЕРЧАТКА БРОШЕНА.

Подложивъ себѣ подъ ухо, вмѣсто изголовья, руку, Александръ отдыхалъ, послѣ сытнаго пансіонскаго обѣда, на своемъ диванѣ. Теплый солнечный воздухъ, вливавшійся изъ сада въ открытыя окна мягкими волнами, располагалъ къ лѣни и нѣгѣ. На полу около дивана лежали недорѣзанная книга и орѣховый ножъ. Но молодому матеріалисту не суждено было на этотъ разъ воспользоваться послѣобѣденнымъ покоемъ: въ коридорѣ раздались быстрые шаги, съ шумомъ растворилась дверь и вбѣжала Кунницынъ.

Окинувъ комнату быстрымъ взоромъ, онъ приблизился къ отды- хавшему и тронулъ его за плечо. Александръ открылъ глаза и вопросительно взглянулъ на неожиданнаго гостя.

— Прошу извиненія, если помѣшалъ вамъ выспаться, началъ правовѣдь:—но дѣло слѣдшее, нетерпящее отлагательствъ.

Александръ оперся на локоть.

— Пожаръ?

— Нѣтъ, не пожаръ, но...

— Такъ померъ кто скоропостижно?

— И то нѣтъ...

— Такъ что же? Не хотите ли присѣсть? у насъ, какъ видите, есть стулья.

— Нѣтъ, благодарю-сь, не до того. Чтобы обратиться прямо къ дѣлу: я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ быть моимъ секундантомъ?

Александръ съ непритворнымъ удивленіемъ вымѣрилъ говорящаго: не шутить ли онъ; но темная туча, облежавшая чело правовѣда, увѣрила его въ противное.

— Я—секундантомъ? да это два понятія несовмѣстныя.

— А я рассчитывалъ именно на васъ.

— Но, послушайте: если вамъ уже пришла такая охота драться, то почему бы вамъ не обратиться съ вашимъ предложеніемъ къ Льву?

— Да съ нимъ-то я и дерусь.

— Гм! въ такомъ случаѣ оно, конечно, неудобно: драться и быть въ то же время защитникомъ противника—какъ-то странно. Но почему бы вамъ не взять себѣ въ секунданты одного изъ здѣшнихъ нѣмцевъ—они всѣ любители дуэльныхъ упражненій. Да чего лучше Броннъ, дерптскій студентъ?

— Нѣтъ, я съ этой нѣмчурой не знаюсь. Такъ я могу рассчитывать на васъ, ш-г Змѣинъ?

— Пожалуй, можете; не знаю только, чѣмъ я заслужилъ такое предпочтеніе съ вашей стороны: кажется, не давалъ вамъ къ тому никакого повода. Но позвольте узнать, изъ-за чего у васъ началось съ нимъ дѣло?

— Дѣло еще не начиналось, я только собираюсь вызвать господина Ластова.

— Такъ скажите причину, зачѣмъ и почему? Вѣдь есть какая-нибудь причина?

— Это до васъ не касается; это мое дѣло.

— Какой вы забавникъ. Послѣ этого вы, пожалуй, и противника своего не посвятите въ тайну своей ненависти: «Дерись, мошь, да и кончено, осерчалъ да и все тутъ, а ужъ за что, про что— узнаеть могила одна».

— Вы, ш-г Зѣбинъ, развѣ не знаете, что милый другъ вашъ позволилъ себѣ съ младшей Липецкой?

— Знаю—поцаловалъ ее. И отлично сдѣлалъ: она премиленькая дѣвочка.

— Ахъ, вы нарочно не хотите понять меня! Пусть бы онъ цаловалъ ее, еслибы имѣлъ на то право; а то вѣдь мы заключили контрактъ—помните, на Гисбахѣ...

— Оно конечно! Зачѣмъ же вы не заключили этого контракта по установленной формѣ, на бумагѣ соотвѣтственнаго достоинства? Сами виноваты: кому жъ, какъ не правовѣду, знать чиновныя кляузы?

— Да и съ общечеловѣческой точки зрѣнія такой поступокъ былъ въ высшей степени неделикатенъ, негуманенъ, когда со стороны дѣвицы не было дано къ тому ни малѣйшаго повода.

— А почему вы знаете? Да она уже тѣмъ виновата, что такъ мила. Губки у нея свѣжія, полныя, такъ и просятся на поцалуи— вотъ вамъ и поводъ. Признайтесь-ка откровенно, любезнѣйшій, что вамъ только до смерти завидно, что вы не первый догадались поцаловать такую душку? Да-съ, что дѣлать, оюодали. Теперь она уже такъ скоро не поддастся.

Куницынъ скосилъ презрительно губы.

— Остро, необыкновенно остро! И такъ, позвольте же наконецъ узнать, могу я рассчитывать на васъ, или нѣтъ, согласны вы быть моимъ секундантомъ?

— И такъ, согласенъ; то-есть согласенъ *быть* имъ, но не *буду* имъ.

— Какъ понимать ваши слова? опять остроумничаете.

— Я хочу только сказать, что при всемъ моемъ желаніи, имѣ не придется быть вашимъ секундантомъ, потому что Левъ на столько все-таки разсудителенъ, что не станетъ рисковать жизнью изъ-за такихъ пустяковъ.

— Ну, такъ я найду себя принужденнымъ прибѣгнуть къ инымъ средствамъ!

— Другими словами: «Двоимъ намъ тѣсно на сей планетѣ— или онъ, или я! А не хочеть драться, такъ заколю изъ-за угла». Такъ?

— Если угодно, такъ.

— Ни чуть не угодно! Закадычного моего друга собираются зарѣзать ни съ того, ни съ другаго, в чтобы мнѣ это было угодно? вотъ новости! Нѣтъ, ужь лучше драться; тамъ хоть шансы равны. Но вамъ, я думаю, все равно, теперь ли я схожу за нимъ, или послѣ, немного погоды?

— А что?

— Да такъ, соснуль бы маленько. Вѣдь драться Левъ не будетъ; такъ раньше, позже ли не драться...

— М-г Змѣинъ! вы, какъ я вижу, изволите смѣяться надо мной; это можетъ обойтись вамъ дорого!

— Ой-ой, не буду, не замайте! сказалъ Александръ, поднимаясь съ дивана. — Я не зналъ, что вы такъ вровожажны. Сію секунду несусь къ Льву. Позвольте ли вы мнѣ хоть одѣться?

— Одѣньтесь, отвѣчалъ угрюмо правовѣдъ, отходя въ обнугу.

— Гдѣ бы найти его? проговорилъ послѣ небольшого молчанія Александръ.

— Онъ, кажется, отправился по алеѣ, съ какой-то тетрадью.

— А, да—съ альбомомъ. Онъ хотѣлъ срисовать Интерлакенъ съ того берега Ааръ. Ну-съ, скажите-ка на прощанье: не совѣстно вамъ посягать на жизнь юноши во цвѣтѣ лѣтъ, подающаго великія надежды, котораго сами еще такъ недавно считали своимъ лучшимъ пріателемъ?

— Увольте меня отъ вашихъ правоучительныхъ сентенцій, м-г Змѣинъ. Вы, надѣюсь, взялись серьезно исполнить мою просьбу?

— Еще бы! нарочно надѣлъ башмаки, сюртукъ...

— Такъ до свиданья. Теперь три четверти четвертаго, прибавилъ онъ, глядя на часы:—ровно черезъ часъ, въ три четверти пятаго, я захожу опять сюда.

— Можете. Для вѣщаго удостовѣренія Льва въ серьезности вашихъ намѣреній, не дадите ли вы мнѣ съ собою перчатку?

Но не удостоивая вопрошающаго отвѣта, Куницынъ вышелъ съ важностью изъ комнаты.

Виновника предстоящаго кровопролитія Александръ отыскалъ дѣйствительно на той сторонѣ Ааръ, лежащимъ подъ тѣнистымъ деревомъ и рисующимъ въ альбомъ женскую головку. Полюбовавшись нѣкоторое время черезъ плечо пріателя рождающимся произведеніемъ, принимавшимъ все болѣе и болѣе знакомыя черты, Александръ промолвилъ:

— Недурно.

Живописецъ вздрогнулъ и рукавомъ покрылъ рисунокъ.

— А! это ты?

— Какъ видишь. Ты Интерлакенъ срисовываешь?

Легкій румянецъ окрасилъ щоки Льва.

— Такъ, отъ нечего дѣлать...

— Что жъ, очень можетъ быть, что весь Интерлакенъ слился для тебя въ одну эту личность. Знаешь, вѣдь я къ тебѣ съ уморительнымъ предложеніемъ.

— Да?

— Все этотъ шутъ гороховый, Куницынъ. Вообрази... да ну, отгадай для смѣха, съ чѣмъ онъ прислалъ меня къ тебѣ? Ни за что не угадаешь.

— Вѣроятно, съ вызовомъ?

— Какъ это ты догадался? И вѣдь что все милѣе — меня онъ прочитъ себѣ въ секунданты! а что жъ ты не помираешь со смѣху?

— Я этого ожидалъ: онъ сильно влюбленъ и вспыльчиваго темперамента. Передай ему, что я согласенъ, что я принимаю его вызовъ.

— Левъ, позъ, что съ тобой? не для новой ли ужъ элегіи? Дуэль уже сама по себѣ нелѣпность, а тутъ и причины порядочной нѣтъ.

— Причины-то нѣтъ, но есть цѣль: пустить себѣ кровь. Я очень доволенъ, что не нахожусь въ необходимости обращаться за этимъ къ цирюльнику: тотъ, пожалуй, пустилъ бы ея слишкомъ много; здѣсь количество ея въ моихъ рукахъ.

— Другими словами, ты хочешь дать ранить себя?

— Схм! Кровь все кидается въ голову, какъ разъ еще сдѣлается ударъ. Да хочется и ощутить нѣкоторую боль — хоть этимъ способомъ наказать тебя.

— Это въ подражаніе средневѣковымъ монахамъ, истязавшимъ свое тѣло? Что жъ, вольному воля. Ты дерешься, конечно, на холодномъ оружіи?

— Конечно. Изъ-за одного поцалуя жертвовать собою не приходится, прибавилъ онъ съ печальной улыбкой.

— Ну, и изъ-за нѣсколькихъ бы не стоило. А если правовѣдь будетъ настаивать на пистолетахъ?

— Онъ не имѣетъ на то права: я вызванный и имѣю потому выборъ оружія. Притомъ замѣть: я дерусь не на рапирахъ, а на эспадронахъ — оно безопаснѣе.

— Ну, за это люблю. Въ секунданты себѣ ты, вѣроятно, возьмешь Бронна?

— Да, а то кого же? Сейчасъ отыскать его...

Удалый корпорентъ, котораго друзья нашли въ пивной, за кружкой пѣнистаго мюнхенскаго, былъ видимо тронуть сдѣланнымъ ему предложеніемъ.

— Вотъ за что спасибо, такъ спасибо! Позвольте угостить васъ за то никомъ. Kellner, posh zwei Schoppen! Пускаясь въ дальнія странствованія, я съ баснословнымъ сокрушеніемъ сердца оставлялъ родныя поля брани, плохо надѣясь на свою счастливую звѣзду; но PROVIDĖNTE сжалилось, и послало мнѣ васъ. Съ кѣмъ же, господинъ Ластовъ, у васъ дѣло?

— А съ Куницынымъ.

— Съ этою ходячею модною картинкою? Bravo! надѣюсь, вы поддержите нашего брата-студента? Я на него немножко золъ: онъ какъ-то назвалъ мою корпоративную шапку арлекинскимъ колпакомъ, я потребовалъ отъ него объясненія; онъ извинился незнаніемъ моего студентскаго званія, ибо никогда, говорить, не видалъ еще такихъ баснословно-пестрыхъ шапокъ, но говорилъ онъ это съ такой иронической улыбкой, что не могло быть никакого сомнѣнія, что онъ подтруниваетъ. Я махнулъ рукой: что связываться со всякою дрянью! Но теперъ я полагаюсь на васъ, господинъ Ластовъ: вы отомстите за меня, да?

— Извольте.

— Благодарю васъ. Кто жъ секундантъ картинки?

— Вотъ, Змѣинъ.

— А!...

Корпорентъ отвелъ поэта въ сторону.

— Вы, конечно, на пистолетахъ?

— Нѣтъ, на эскадронахъ.

— Ай, что вы! Ну, хоть на рапирахъ!

— Нѣтъ, я на эскадронахъ дерусь лучше, и потому выбралъ ихъ.

— Ничего съ вами не подѣлаешь. Извиненія просить вы, разумѣется, не намѣрены?

— Нѣтъ.

— А во сколько ударовъ вы подлагаете назначить свою стычку? Конечно, не менѣе, какъ въ семь?

— Мнѣ все равно. Я уполномочиваю васъ въ этомъ отношеніи устроить дѣло по благоусмотрѣнію.

— Ужь положитесь на меня: выторгую наибольшее число. Теперь оставьте насъ однихъ съ секундантомъ вашего противника: надо сговориться съ нимъ на счетъ мѣста и времени поединка.

— Да развѣ мнѣ нельзя быть при томъ?

— Положительно нельзя; удивляюсь, какъ это вы, пробивъ четыре года въ университетѣ, не знаете еще этого. Можете, впрочемъ, допить свою кружку.

Левъ послѣдовалъ послѣднему совѣту и потомъ вышелъ.

— Итакъ, началъ Броннъ, садясь противъ Александра:—прежде всегда позволяете предложить вамъ вопросъ: не раздумалъ ли вашъ дуэлянтъ драться?

Александръ улыбнулся.

— Еслибы онъ раздумалъ, я бы такъ и объявилъ Ластову и васъ бы вовсе не потребовалось. Поэтому вопросъ вашъ, по крайнему моему разумѣнью, совершенно лишній.

— Все своимъ чередомъ, сударь мой, все своимъ чередомъ; безъ формальностей нельзя.

— Почему же нельзя?

— Потому, что онѣ главный букетъ дуэли.

— Для меня это слишкомъ высоко. Ну, да все равно, давайте по пунктамъ. Вопросъ теперь вѣроятно за мной?

Корпорентъ сдѣлалъ петербургливое движеніе.

— Не знаю, чему учать въ вашемъ петербургскомъ университетѣ? Вы должны спросить меня: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Хорошо-съ: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Да не то! Съ какой стати вашему дуэлянту, обиженному, просить извиненія у обидчика?

— А! значитъ наоборотъ: не рѣшился ли вашъ дуэлянтъ просить извиненія у моего? Но опять-таки, къ чему этотъ вопросъ! Я и безъ того знаю, что Левъ не хочетъ просить извиненія. Да и еслибы хотѣлъ—вы думаете, Куницынъ бы удовлетворился? «Извини, молю, что поцаловалъ красотку, до которой ни тебѣ, ни мнѣ равно дѣла нѣтъ; никогда не буду.»

— А! такъ вотъ причина ихъ ссоры: въ этомъ случаѣ Ластову, конечно, неприходится просить извиненія. Теперь новая статья: Ластовъ, какъ вызванный, имѣетъ выборъ оружія, и выборъ ея палъ на эскадроны. Я надѣюсь, что вашъ дуэлянтъ не можетъ имѣть ничего противъ этого?

— Если Ластовъ имѣеть выборъ, то что же можетъ имѣть противъ этого противникъ его? По моему, опять лишній вопросъ.

Броннъ, нѣсколько обиженный насмѣшливымъ тономъ собесѣдника, насупилъ брови, однако воздержался отъ прямыхъ знаковъ неудовольствія.

— Теперь о числѣ ударовъ, сказалъ онъ. — Я думаю, проще всего положить обычные семь?

— Къ чему такую вучу? одного болѣе чѣмъ достаточно, какъ выражается нашъ профессоръ химіи.

— Да видано, слыхано ли, чтобы дрались люди на одинъ ударъ? Эдакъ насъ всякій осмѣетъ.

— Осмѣетъ-то осмѣетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но осмѣетъ не за число ударовъ, а за самые удары, то-есть за дуэль. Ну, да чтобы живѣе покончить, навишемъ еще одинъ: пусть будетъ два, и дѣло съ концомъ.

— И я сбавлю маленько, сказалъ корпорентъ:—хоть семь ударовъ самое законное число, но такъ-какъ вы человекъ столь не-сговорчивый, то надо уступить: порѣшимъ на шести—по три на брата.

— Къ чему же по три? Достаточно по одному.

— А если одинъ изъ нихъ будетъ побить оба раза?

— Такъ тѣмъ хуже для него: значить, дерется слабѣе противника; неужели и въ третій разъ подставлять спину?

— Нѣтъ, какъ хотите, перебилъ Броннъ:—а два удара—скандалъ; совѣстно и секундантомъ быть. Куда ни шло—пять.

— Мы какъ торговки на рынкѣ, сказалъ Александръ:—развѣ еще прибавить? Богъ любить тропцу, такъ и быть...

— Ну, да еще одинъ? четыре? тогда уступка будетъ одинакова съ каждой стороны.

Александръ махнулъ рукой.

— Будь по вашему!

— Насилу-то поладили! вздохнулъ изъ глубины души удалий корпорентъ и сдѣлалъ глубокой глотокъ изъ стоявшей передъ нимъ кружки.—Теперь о мѣстѣ стычкѣ.

— Проще всего, предложилъ Александръ:—устроить на дому, въ нашей комнатѣ: недалече по крайней мѣрѣ ходить.

— Нѣтъ, противъ этого я протестую. Воервыхъ, во всякой комнатѣ тѣсно и низко, а потомъ—что за дуэль въ четырехъ стѣнахъ? Поодинокъ долженъ происходить гдѣ нибудь въ баснословной просѣкѣ, тѣнистой, душистой; хоть бы за Ругеномъ.

— Можно и в Ругеномъ. Только бы насъ не накрыли. Вѣдь и здѣсь подобныя шалости запрещены.

— Ужъ будьте покойны, я отыщу такое мѣсто, куда никто не пойдетъ. А въ которомъ часу назначить стмычу?

— Да, этакъ послѣ кофе...

— Не поздно ли будетъ? Тогда уже много гуляющихъ.

— По мнѣ, хоть въ четыре, въ пять.

— Вотъ это такъ; возьмемъ же среднее: въ половинѣ пятого. Еще одинъ пунктъ: взять съ собою пива, и сколько?

— Это для отпразднованія примиренья?

— Нѣтъ, настоящее примиренье совершится уже дома, со всѣмъ комфортомъ. Но надо же поддѣрпываться и въ антрактахъ?

— Справедливо. Такъ возьмите по парѣ бутылокъ на брата, всего значить восемь.

— Десять, хотите вы сказать?

— Какъ десять?

— А посредника вы и забыли?

— Да къ чему же намъ посредникъ?

— Какъ къ чему? Я, положимъ, буду увѣрять, что вашъ дуэлянтъ раненъ; вы будете настаивать, что не раненъ; вотъ тутъ-то и нуженъ посредникъ.

— Да раненъ или нѣтъ—я всегда буду согласенъ, что раненъ.

— Э, такъ вы вотъ какъ! Теперь я положительно требую, чтобы былъ посредникъ.

— А гдѣ вы возьмете его?

— И точно гдѣ его взять?...

Броннъ погрузился въ размышленія надъ этимъ немаловажнымъ вопросомъ.

— Блестящая мысль, промолвилъ Александръ:— отчего бы не пригласить нашего же брата-студента?

— Кого же это?

— Да старшую Липецкую.

Насмѣшливая улыбка появилась на губахъ корпорента.

— Я и забылъ, что у васъ есть студентки. Да умѣетъ ли она пиво пить?

— А развѣ это такъ необходимо? Да кътому же она лечится здѣсь сыворотками, а такимъ больнымъ воспрещаются всякіе спиртуозныя напитки.

— Для нея, пожалуй, можно сдѣлать исключеніе. Хотите взять

на себя трудъ переговорить съ ней? Остальныя заботы я возьму на себя.

— Вепе. Но теперь и я съ своей стороны намѣренъ возбудить вопросъ: не взять ли съ собою доктора?

— Не стоитъ. Безъ надобности къ чему замѣшивать постороннихъ лицъ? Я въ случаѣ нужды съумѣю такъ же перевезать; невпервой. Пожалуй, можно взять даже экипажъ, пусть дожидается по близости.

— А я, подхватилъ Александръ:—запасусь квадратною саженью англійскаго пластыря и наличнымъ количествомъ носовыхъ платковъ. Но гдѣ вы возьмете эскадроны?

— Гдѣ нибудь да выкопаю. Пойду сейчасъ отыскивать, прибавилъ онъ, вставая и бросая на столъ должны за пиво деньги.— До свиданья.

— Смотрите, чтобъ были потупѣе.

— Напротивъ, чѣмъ будутъ они острѣе, тѣмъ легче потечеть кровь.

— И то правда. Кланяйтесь же и благодарите.

Александръ пошелъ отыскивать экс-студентку. Нечего, конечно, прибавлять, что та приняла его предложеніе—быть посредницей—какъ нѣчто подобающее, вполне естественное.

В. АВЕНАРИУСЪ.

ДИКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕДАГОГІИ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ВАКАЦІОННЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Въ послѣднее время вопросъ о пансіонахъ, институтахъ и вообще интернатахъ разнаго рода сильно занималъ педагоговъ. Разныя мѣры принимались разными учрежденіями и лицами для излеченія той огромной несостоятельности, въ которой справедливо были обвинены почти всѣ наши интернаты безъ исключенія.

Подумѣры принесли свой естественный плодъ, то-есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привели къ буквальной невозможности вести педагогическое дѣло.

Отчаявшись даже въ теоретической возможности интернатовъ, значительное число нашихъ педагоговъ склонилось въ пользу ихъ совершеннаго уничтоженія. Къ счастью, эти убѣжденія не повлекли за собою рѣшительныхъ правительственныхъ мѣръ въ такомъ смыслѣ. Допущены были частные случаи закрытія интернатовъ, необходимыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ, но теоретическое и законодательное рѣшеніе вопроса предоставлено было времени. Однако, споры и сомнѣнія относительно этого важнаго вопроса не остались и безъ положительнаго результата. Естественно, что для окончательнаго рѣшенія дѣла необходимо было предпринять серьезныя опыты. Новый уставъ гимназій замѣнилъ надзирателей—чисто-полицейскихъ чиновниковъ, безъ всякой гарантіи образованія—воспитателями университетскаго образованія; уставъ военныхъ гимназій развилъ это учрежденіе, сообразно матеріальнымъ средствамъ военно-учебнаго вѣдомства, еще съ большимъ широтою.

И такъ, проба предпринята при довольно благопріятныхъ условіяхъ; смѣлость перехода отъ дресировки къ воспитанію совершенно соотвѣтствуетъ щедрости средствъ, предназначенныхъ для этого перехода.

Говоря вообще, безъ практической оцѣнки этой пробы, ей нельзя не порадоваться отъ всего сердца. Стоявшіе за закрытіе

всякихъ интернатовъ—стояли не болѣе, не менѣе, какъ за уничтоженіе общественнаго воспитанія. Имъ казалось, что лекціи, класы будутъ достаточною замѣною этого воспитанія; что дѣти, избавленные отъ неестественныхъ условій пансіонской жизни, гораздо лучше воспользуются сообщаемыми имъ свѣдѣніями, гораздо свѣжѣ поддадутся вліянію педагогическихъ приемовъ своихъ учителей. По моему мнѣнію, это была бы важная ошибка, которая непременно отозвалась бы на нашей общественной жизни. Класы далеко не вся педагогія, а для маленькихъ они даже далеко не главная часть педагогіи. Пока дѣло въ томъ, какъ пойдетъ важная педагогическая проба, о которой мы говорили. Весьма много капитальныхъ интересовъ общества связано съ ея результатами. Никакія траты, никакія усилія не жалки, если ихъ плодомъ будетъ правильно воспитанный человекъ. Это—дорогой и рѣдкій продуктъ; возможность его добыванія скоро вознаградитъ всѣ пожертвованія, употребленныя на достиженіе этой возможности. Въ виду такой важности задачи, я считаю безплоднымъ изложить нѣсколько практическихъ замѣчаній своихъ о пансіонскомъ воспитаніи. Я знаю, что существуютъ цѣлыя стройныя системы этого воспитанія, въ которыхъ вопросы, здѣсь едва затронутые, анализированы съ исчерпывающей подробностью, и гдѣ всѣ части системы пригнаты ладно и ловко другъ къ другу.

Но я гонюсь совсѣмъ не за совершенствомъ и цѣльностью нѣмецкой системы; она-то пока можетъ быть особенно опасна для нашихъ интернатовъ. Мнѣ хочется, забывъ теоретическія свѣдѣнія свои, отрѣшившись отъ патентованныхъ положеній науки, высказать нѣсколько мыслей, выработавшихся въ моемъ убѣжденіи во время шестилѣтняго занятія пансіонскимъ воспитаніемъ. Поэтому мнѣ въ настоящую минуту рѣшительно нѣтъ дѣла до того, кто и какъ говорилъ это самое до меня, лучше меня и полнѣе меня.

I.

Противъ прометеевъ.

Прежде всего мнѣ хочется сдѣлать замѣчаніе касательно тѣхъ преувеличенныхъ надеждъ, которыя многіе возлагаютъ на педагогію. Постараюсь немного выяснитъ этотъ вопросъ. Я прямо отрицаю способность школы (понимая это слово въ самомъ обширномъ его смыслѣ, какъ практическое олицетвореніе педагогіи), даже самой совершенной, снабдить человека тѣми или другими

силами, освободить отъ тѣхъ или другихъ. Это—гордыя претензіи, постоянно осмѣиваемыя жизнью—претензіи, неосуществленіе которыхъ составляетъ между тѣмъ предметъ мученій и разочарованія многихъ благородныхъ умовъ. Нѣмецкая педагогія по преимуществу страдала и страдаетъ этою прометеевскою самонадѣянностью, плодомъ органической теоретичности нѣмецкаго мозга. Нѣмецкая голова—беззащитная раба логики; а можно ли давать господство логикѣ въ такомъ живомъ, подвижномъ и неуловимомъ для категорій фактѣ, какъ воспитаніе человѣка? Я совершенно согласенъ въ этомъ случаѣ со взглядомъ почти забытаго теперь Песталоцци, который, при всѣхъ практическихъ ошибкахъ своихъ, обладалъ драгоценнымъ преимуществомъ передъ большинствомъ извѣстныхъ педагоговъ нашихъ; это преимущество—былъ его педагогическій *зѣмий*, который далеко не всегда сопутствуетъ европейской извѣстности. Песталоцци былъ художникъ педагогіи, а не ученый и не ремесленникъ ея; у него было педагогическое вдохновеніе, педагогическое прозрѣніе, педагогическое призваніе, хотя ему и недоставало многихъ необходимыхъ педагогическихъ свѣдѣній и приемовъ. Оттого у него иногда врывались гениальныя мысли, разработанныя потомъ и примѣненныя къ дѣлу болѣе трезвыми, за то и болѣе дюжинными дѣятелями. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ, на своемъ восторженномъ языкѣ о силахъ воспитанія: «совсѣмъ не воспитатель влагаетъ въ человѣка ту или другую силу, совсѣмъ не воспитатель сообщаетъ этой силѣ жизнь и дыханіе. Онъ заботится только о томъ, чтобы никакое внѣшнее насиліе не нарушило и не остановило ходъ развитія природы въ ея отдѣльныхъ силахъ; заботится о томъ, чтобы развитіе каждой отдѣльной силы, по присущимъ ей законамъ, находило себѣ безпрепятственный путь», и въ другомъ мѣстѣ: «нравственныя, умственныя и художественныя силы нашей природы равнымъ образомъ должны выростать изъ самихъ себя, а ни въ какомъ случаѣ изъ послѣдствій искусства, которое вмѣшалось въ ихъ образованіе. Вѣра должна воспроизводиться самою вѣрою, а не знаніемъ и пониманіемъ умѣрованной, мышленіе — самимъ мышленіемъ, а не знаніемъ и пониманіемъ продуманнаго, или законовъ мышленія; также любовь должна истекать изъ любви, а не изъ знанія и пониманія достойнаго любви или самой любви, и искусство—изъ умѣнья, а не изъ тысячекратной болтовни объ этомъ умѣньи». Вотъ краткая, но меткая программа границъ педагогіи—программа, которую, къ несчастію, такъ старательно нарушала самъ знаменитый авторъ ея.

И такъ, слѣдуетъ помириться съ мыслию о невозможности формовать душевныя качества, какъ кусокъ глины. Эта мысль очень

проста и естественна, но между тѣмъ и до нея не всякій легко доходить. Человѣку, совсѣмъ неопытному въ воспитаніи дѣтей, приходится переживать много тягостныхъ минутъ. Если онъ не принадлежитъ къ числу фантазёровъ, которые принимаютъ свои планы за добитые результаты, то онъ часто будетъ въ уныніи и отчаяніи смотрѣть на безсиліе своихъ воспитательныхъ мѣръ; годы бѣтса, тратитъ онъ свою душу, свои силы, ухаживаетъ, какъ за нѣжнымъ растеніемъ; столько любви и старанія должны, кажется, вызвать то, къ чему они стремились. Два-три неожиданныхъ случая вдругъ провѣряютъ на опытѣ его ожиданія.—Господи! гдѣ же сѣмена, мною сѣянная, и такъ мнѣ дороги? И мимолетнаго слѣда ихъ часто не найдешь. Тамъ, гдѣ надѣялся позать любимыя свои розы, приходится пожирать самыя антипатичныя сорныя травы, противъ которыхъ преимущественно направлялъ свои усилія. Къ чему же послѣ этого мой трудъ и мои знанія, къ чему вообще педагогія? Ужь, по крайней мѣрѣ, не мучить дѣтей, не срамиться и не разочаровываться самому, думается тогда.—Какъ это объяснить? Дѣйствительно ли такъ трудно, почти недостижимо воспитательное вліяніе? Мнѣ кажется, что дѣйствительно чрезвычайно трудно. Человѣку какъ-то не хочется увѣрять въ ограниченность своей воспитательной власти; но между тѣмъ какъ же можетъ быть иначе. Пробовали ли вы когда нибудь заняться воспитаніемъ растенія, не вполне вамъ извѣстнаго, хотя самаго обыкновеннаго? Сколько разъ меня мучило мое неумѣнье сдѣлать цвѣтку то, что ему было нужно. Знаюмшій вообще съ ботаникой, я, кромѣ того, пытался обыкновенно направлять все свое вниманіе на ходъ развитія воспитываемаго растенія, поддѣлывалъ его зависимость отъ различныхъ вліяній, устранялъ одно, сообщалъ другое, и все-таки такъ часто приходилъ втупикъ, когда послѣ всѣхъ моихъ мѣръ и расчетовъ происходило именно то, чего одного я не ожидалъ. Это часто повторявшееся безсиліе сообщать жизни простого растенія то направленіе, котораго мнѣ хотѣлось, раскрыло мнѣ, между прочимъ, съ особенною очевидностью всю нелѣпость нашихъ претензій—оперировать надъ живыми людьми, какъ надъ анатомическимъ препаратомъ. Другое явленіе изъ сферы чисто-педагогической еще болѣе освѣтило для меня этотъ вопросъ. Къ намъ въ гимназическій пансіонъ поступаютъ дѣти 10-ти и 11-ти лѣтъ. Многіе еще говорить не совсѣмъ умѣютъ, и складъ ихъ тѣла такъ еще живо напоминаетъ тотъ періодъ ихъ жизни, когда они не могли сложить пальцевъ своей руки и не имѣли во рту ни одного зуба. Изъ нихъ ли еще нельзя ничего одѣлать? Изъ душевный матеріалъ представляется мягкимъ и впечатлительнымъ, какъ воскъ; кажево,

будто и кости-то ихъ еще такія же мягкія. Съ жадностью обращается педагогъ въ такой свѣжей, нетронутой сферѣ для своей воспитательной дѣятельности.

Онъ собирается чертить на бѣлоснѣжныхъ листахъ ума и совѣсти юнаго питомца высокіе догматы, которыхъ считаетъ себя хранителемъ, и вдругъ къ своему изумленію застаётъ на этихъ листахъ твердо начертанныя, незнакома ему письма. Въ этомъ полузародышѣ онъ вдругъ встрѣчаетъ дѣлаго человѣка съ рѣзко опредѣлившимися привычками и вкусами—человѣка, который даже умѣетъ бороться для защиты этихъ привычекъ и вкусовъ, который не желаетъ ихъ уступать и не уступить ихъ вамъ дешево. Съ виду кажется, онъ только чихнулъ первый разъ на свѣтъ божій, кажется такимъ невиннымъ и дѣвственно-безхитростнымъ звѣрькомъ: а ужъ онъ проводитъ васъ и надуваетъ васъ, сознательно кокетничая тою именно наивностью, которая васъ такъ плѣняетъ. Вы можете встрѣтить среди этого микроскопическаго народа такихъ закоренѣлыхъ лгунишекъ, ворюшекъ, льстецовъ, сластолюбцевъ, эгоистовъ, что потеряетесь въ догадкахъ—когда и откуда успѣли они запастись такъ прочно всѣмъ этимъ душевнымъ добромъ. Въ истинѣ этого наблюденія можно сослаться на всѣхъ воспитателей. По моему убѣжденію, даже въ родившемся ребенкѣ уже почти нельзя найти того пункта, откуда начинается зарожденіе его различныхъ духовныхъ свойствъ. Я присоединяюсь въ этомъ случаѣ къ тому мнѣнію, что качества будущаго организма болѣе всего опредѣляются въ періодъ его зародышнаго существованія и, можетъ быть, даже ранѣе, физиологическимъ состояніемъ организма его родителей. Поэтому правы тѣ врачи и педагоги, которые утверждаютъ, что воспитаніе начинается съ грудью матери. На грудныхъ дѣтихъ замѣчается рѣзкая разница уже въ первые мѣсяцы ихъ существованія, не смотря на одинаковость условій, въ которыхъ они часто стоятъ. Привычки у нихъ составляются иногда такъ неожиданно, какъ будто онѣ существовали издавна въ глубинѣ ихъ души и только теперь сбросили съ себя таявшую ихъ оболочку. Можетъ быть, впрочемъ, это уже крайности; не спорю. Но во всякомъ случаѣ для меня аксіома, что воспитаніе ребенка можетъ направляться сколько нибудь сообразно съ стремленіями воспитателя только въ ранній періодъ его дѣтства, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, то-есть усишнѣе. Какой психологическій взглядъ ни имѣйте на первобытное состояніе ребенка, считайте его при появленіи на свѣтъ настоящею *tabula rasa*, или раздѣляйте болѣе физиологическое убѣжденіе относительно разныхъ потенцій, вприсущихъ ему еще въ зародышѣ—педагогическій результатъ дѣла мало будетъ

разниться въ обоихъ этихъ случаяхъ. Какъ *tabula rasa* будетъ впечатлительнѣе въ моментъ своего неоформленнаго, неотвердѣвшаго состоянія, такъ и духовныя потенціи, присущія организму, могутъ тѣмъ легче принимать для своего развитія тотъ или другой путь, чѣмъ онѣ ближе находятся къ исходной точкѣ этого развитія. Извѣстно, что старики часто безслѣдно забываютъ недавно случившееся и съ юношескою ясностью припоминають даже незначительныя подробности изъ своей молодости. Я самъ, хотя далеко не старикъ, до сихъ поръ могу говорить на память длинныя тирады стиховъ, когда-то читанныхъ или ученыхъ; помню всякія имена и числа, интересовавшія меня во время оно, а между тѣмъ забываю самыя знакомыя вещи послѣднихъ лѣтъ. Это обстоятельство, общее, кажется, всѣмъ намъ, съ особенною осязательностью указываетъ на то, что впечатлѣнія дѣтства вырѣзываются на мягкомъ, податливомъ матеріалѣ чертами глубокими до неизгладимости. Формирующійся матеріалъ постепенно остываетъ въ сообщенныхъ ему формахъ, со всѣми нарѣзками, на немъ сдѣланными, и остываетъ довольно рано. Впечатлѣнія слѣдующаго возраста уже ударяются о болѣе твердый, какъ-бы окостенѣвшій матеріалъ, и успѣвають врѣзаться въ него только поверхностно. Поэтому они легче и прежде другихъ изглаживаются; впечатлѣнія ранняго дѣтства становятся какъ-бы самою природою, такими же незыблемыми, какъ свойства организма, и оттого впечатлѣніямъ позднѣйшимъ, исключительно называемымъ у насъ воспитаніемъ, такъ трудно бываетъ бороться съ ними. Я касаюсь этого вопроса слегка и только въ общихъ чертахъ. Но всякій внимательный читатель можетъ понять, на какомъ прочномъ историческомъ фундаментѣ основано высказанное мною мнѣніе. Каждому изъ насъ легко тотчасъ же привести рядъ біографій и доказать ими — какъ мало положительныхъ слѣдовъ часто оставляли различныя воспитательныя тенденціи на многихъ историческихъ характерахъ, имъ подвергавшихся. Столько сходства въ судьбѣ и дѣлахъ людей, находившихся подъ совершенно различными вліяніями, и такая поразительная разница въ продуктахъ одного и того же метода воспитанія, одной и той же сферы вліяній... Но это неудивительно, если мы будемъ понимать подъ воспитательнымъ вліяніемъ одно положительное и буквальное отраженіе въ воспитанникѣ той воспитательной системы, которую ему навязывали въ школѣ или (распространяя это сужденіе далѣе), во всей его юной жизни. Этимъ объясняются, между прочимъ, и тѣ рѣзкіе, многимъ непонятные факты, которые часто приводятъ въ недоумѣніе отцовъ и воспитателей—*факты*, если такъ можно выразиться, *безсмія школъ*.

Ребёнок идетъ плохо въ извѣстномъ заведеніи, его берутъ оттуда, приписывая неуспѣхъ тѣмъ или другимъ недостаткамъ заведенія, и переводятъ, иногда съ большими жертвами, въ другое заведеніе, въ характерѣ котораго вполне увѣрены. Оказывается вдругъ, что дѣло тамъ не только не поправляется, но окончательно портится; опять нареканья, жалобы и очень часто опять несправедливы. Рѣдко ли мы видимъ, что дѣти, живущія у педагоговъ съ прекрасною репутаціею, даже братья, сыновья этихъ педагоговъ, принадлежатъ къ числу отъявленныхъ и упорныхъ дикарей? Ребёнокъ—матеріаль такой живой, сложный и тонкій, что нивогда не поддастся вашему грубому и однообразному рецепту, въ томъ положительномъ смыслѣ, въ которомъ вы рассчитываете на него. Производите совершенно одинаковыя впечатлѣнія на различныя части физическаго организма человѣка. Вы думаете, что дождетесь столь же одинаковыхъ результатовъ? Всякій школьникъ знаетъ, что этого не будетъ; отъ прижатія нерва оптического блеснетъ въ глазу свѣтъ, въ ухѣ отъ этого же самаго послышится звонъ, въ носу—запахъ, въ однихъ частяхъ тѣла ощутится боль, въ другихъ проявится содраганіе мускула. Столько разноставности и столько разнообразныхъ функцій въ такомъ сравнительно-простомъ и грубомъ предметѣ. Понятно, во сколько разъ больше и тоньше должно проявиться это разнообразіе въ психическомъ организмѣ человѣка! Бурсаковъ усиленно учатъ латини, гомилетикѣ, риторикѣ, теологіи—всему тому, что способно убить чувство жизненной правды, художественное чутье, реализмъ. А между тѣмъ въ воскресныхъ рисовальныхъ классахъ нашей гимназіи сидятъ по 50, 60, часто 80 бурсаковъ, изъ которыхъ болѣе половины приходятъ въ чужихъ тулупахъ, изъ далекихъ кварталовъ города, нѣсколько, можетъ быть, рискуя навлечь на себя нерасположеніе своего начальства, преданностію чисто-свѣтскому дѣлу. Ихъ уже ничто не побуждаетъ, не уговариваетъ, хотя многіе отговариваютъ. И ученье въ этихъ классахъ не богъ-знаетъ какое привлекательное, и воскресенье другой разъ въ недѣлю не повторится для юнаго труженика. А между тѣмъ, нашихъ собственныхъ гимназистовъ собираетъ на эти самые классы, устроенные въ зданіи гимназіи, человѣкъ по шести и по восьми, и мы еще убѣждаемъ ихъ, да и вся наша свѣтская педагогія, какъ извѣстно, не мало работаетъ надъ эстетическимъ развитіемъ человѣка, *для сообщенія его духу всесторонности*, какъ говорятъ педагоги. Прошу предвидѣть такіе результаты. Точно также мало теоретичности обнаруживаетъ въ своей жизни воспитанный на голыхъ теоріяхъ какой-нибудь сельскій попъ или дьяконъ, имѣющій изъ всей деревни всегда лучшую корову въ хлѣвѣ и продающій на филі-

повки самыя жирныя свиныя туши. Кому изъ насъ незнакомы ваши институтки, выросшія въ такомъ же цѣломудренномъ заточеніи, въ которомъ живутъ кармелитки, да жили, говорятъ, сорокъ дочерей пушкинскаго царя Никиты, и которыя одваго чаще другнхъ и скорѣе другнхъ поддаются неизбѣжному жребію этихъ бѣдныхъ сказочныхъ дочерей царя Никиты? А между тѣмъ вѣдь нельзя сомнѣваться, чтобы онѣ не говорили вмѣсто «*амура*» — «*тамбуръ*», и чтобы онѣ не краснѣли до сихъ поръ при словѣ «юбка». Въ школьной практикѣ своей, я сначала былъ очень удивленъ тѣмъ явленіемъ, что нѣкоторые мальчики необыкновенно легко и уснѣшно поддавались мѣрамъ кротости, вразумленію, обращенію къ нимъ добрымъ чувствамъ. Другіе же, напротивъ, эксплуатировали нашу склонность къ этимъ мѣрамъ съ искусствомъ парижскихъ уличныхъ плутовъ; въ то же время, какъ было достаточно простой солдатской строгости, чтобы разомъ обезкуражить ихъ и заставить покориться нашей волѣ. Послѣ я узналъ ихъ домашнія обстоятельства, которыя пролили нѣкоторый свѣтъ на это странное различіе. Одни были ведены по теоріи воспитанія лягавыхъ щенковъ, на *милъ*, на *тубо!* на сокрушеніе реберъ; ихъ впечатлительность ко всякаго рода взысканіямъ совсѣмъ притупилась, но ласка къ нимъ и интересъ къ нимъ были имъ совершенно незнакомы и нежданны, такъ что они врывались въ ихъ душу со стороны, незащищенной никакими барикадами упорства или недовѣрія. О другихъ и говорить нечего, что это были капризники-барчуки и всякаго рода ребятишки, избалованные преимущественно женщинами; сыночки, которымъ мать безсилна отказать въ чемъ-нибудь; ученики, которые на столько умнѣ своихъ гувернантовъ, чтобы водить ихъ за носъ всякій разъ, какъ того требуетъ ихъ выгода. Они теряли вѣру въ себя и свои средства, когда видѣли ихъ безсиліе и ненужность, когда убѣждались, что новые воспитатели не гувернантки и не мамаша, отъ которыхъ такъ дешево можно было отдѣлаться. Строгое взысканіе потрясало ихъ своею неожиданностію, своимъ несходствомъ со всѣмъ тѣмъ, что они до тѣхъ поръ привыкли испытывать.

Впрочемъ, и этотъ примѣръ я привелъ только для уясненія своей мысли, нисколько не придавая ему абсолютнаго практическаго значенія. Такихъ простыхъ категорій не можетъ существовать въ истинной педагогій; исключеній всегда такъ много, что очень опредѣленные правила большею частью дѣлаются смѣшною и неискреннею формулою, рѣшительно непримѣнимою къ даннымъ случаямъ. Съ точки зрѣнія, нами сейчасъ высказанной, особенно антипатично приходится смотрѣть на всѣ исключительныя, фанатическія убѣжденія въ педагогій.

Такія убѣжденія и въ другихъ сферахъ жизни постоянно приносили міру величайшія несчастія, потому что по существу своему ошибочны. Всякій фанатизмъ есть ужь непремѣнно односторонность, слѣдовательно заблужденіе.

Стремясь доставить своему заблужденію господство надъ міромъ, фанатики истребляютъ съ спокойной совѣстью все нераздѣляющее этого заблужденія, или мѣшающее его распространенію. Въ свою очередь, новое заблужденіе вытѣсняетъ старое и очищаетъ себѣ тронъ тѣми же роковыми средствами и съ тѣми же плачевнымъ результатомъ. Въ этихъ случаяхъ истребленіе слѣдуетъ за истребленіемъ, какъ въ политической исторіи древняго міра, гдѣ одна имперія возставала на развалинахъ другой, и старые властелины поочереды дѣлались рабами новыхъ. Кто вознаградитъ человѣчеству вѣка инквизиціи, преслѣдованія вѣдьмъ и сожженія мыслителей? А между тѣмъ трудно сомнѣваться, чтобы какой-нибудь Шпренгеръ, авторъ знаменитаго *Malleus maleficarum*, не считалъ себя избранникомъ неба для спасенія рода человѣческаго; точно также крѣико и искренно было убѣжденіе Маръ, требовавшаго тридцати тысячъ головъ для торжества своей идеи; Сен-Жюсть обѣщаль заколотъ самого себя, если убѣдится въ невозможности перевоспитать людей кровью и огнемъ въ того идеальнаго человѣка, который мерещился этому до жалости ограниченному, до злодѣйства послѣдовательному и честному фанатику. И они заставили-таки поработать гильотину во славу своихъ идей!...

Такихъ ограниченныхъ педантовъ, такихъ Сен-Жюстовъ въ мѣшанскомъ размѣрѣ и мѣшанской одеждѣ, зло бичуетъ иногда несравненный поэтъ Дикенсъ въ лицѣ своихъ Томасовъ Градгриндовъ. Да мы и сами всѣ хорошо познакомились съ ними въ нашемъ дѣтствѣ въ лицѣ тѣхъ безпощадно-исполнительныхъ и безпощадно-грозныхъ нѣмцевъ, безъ которыхъ такъ недавно еще казалась невозможною русская педагогія. Жавѣръ, въ романѣ Гюго, развѣ не напомнилъ каждому изъ насъ кого-то кровно-знакомаго и давно знакомаго?

Нѣтъ, читатель, мы не имѣемъ права обольщать себя слишкомъ сильною вѣрою въ школу. Педагогу, какъ рудокопу, необходима крайняя умѣренность желаній и крайняя терпѣливость добыванья. Золото находятъ не въ готовыхъ слиткахъ въ десять пудовъ вѣсу, а мучительнымъ трудомъ вырубаютъ, выколачиваютъ, вымолочиваютъ, вымываютъ и осаждаютъ по песчинкамъ изъ тяжелыхъ каменныхъ глыбъ. Или душа человѣка дешевле золота? Кто хочетъ очень многого и очень скорого отъ педагогіи—тотъ романтикъ, теоретикъ, бесполезный революціонеръ; тотъ пусть идетъ дальше отъ педагогіи. Воспитаніе, захватывающее человѣка въ обыкно-

венномъ возрастѣ учебныхъ заведеній, не имѣеть возможности, а слѣдовательно обязанности и права—ожидать отъ своихъ усилій радикальнаго пересозданія дѣтей, составляющихъ предметъ этихъ усилій. Нужно быть довольну, если со всѣмъ трудомъ, искусствомъ и терпѣніемъ успѣешь добиться до самого повидимому незначительнаго, но несомнѣннаго результата.

Нечего бояться этой незначительности. Впервыхъ, это все—что заключается въ нашихъ силахъ (я считаю этотъ доводъ весьма успокоительнымъ); вовторыхъ, вы не должны преувеличивать эту незначительность. Положимъ, что эта незначительность есть отклоненіе отъ прежней линіи движенія только на $\frac{1}{10}$ градуса; вы понимаете, какъ вдругъ вырастаетъ значеніе этого ничтожнаго отклоненія, если представить себѣ, что двѣ линіи, раздѣленныя въ началѣ такимъ чуть примѣтнымъ разстояніемъ, при продолженіи своемъ очутятся далеко другъ отъ друга, даже если послѣ этого перваго отклоненія не послѣдуетъ никакого другого. Практика вполнѣ оправдываетъ такое разсужденіе; нерѣдко приходится замѣчать несомнѣнный результатъ разныхъ педагогическихъ вліяній на учениковъ не во время ихъ школьной жизни, а только впоследствии, по вступленіи ихъ въ болѣе самостоятельную жизнь. Аукнется рано—отвѣтнется позже, потому что всему ну-женъ ростъ, и всякому росту время.

II.

PAS DE ZÈLE.

Исходя изъ этой мысли, мы, конечно, совершенно не одобряемъ тотъ, самъ по себѣ прекрасный, идеаль воспитанія, который въ послѣднее время преслѣдуется нѣкоторыми заведеніями. Воспитатели тамъ обязываются внѣдряться въ голову и сердце ребѣнка, доставшагося имъ на долю, безъ устали и прерыва. вмѣстѣ съ ребѣнкомъ, воспитатели учатъ уроки, отстраняя всякое препятствіе, облегчая ему всякое встрѣчающееся затрудненіе. Ребѣнокъ виситъ болѣе на рукахъ воспитателя, чѣмъ идетъ на собственныхъ ногахъ, какъ-будто вмѣсто костей у него были младенческіе хрящи. Ребѣнокъ ничѣмъ не вынуждается напрягать мышцы своей воли или своего ума для усвоенія незнакомыхъ ему вещей во время класнаго преподаванія. Если онъ просчитаетъ мухъ въ класѣ, всѣтаки вечеромъ придетъ къ нему на помощь неутомимый воспитатель, разжуетъ ему всѣ, сколько нибудь твердые куски и, волею-неволею, почти безъ всякаго труда со стороны гарантированнаго питомца, вложитъ въ его голову то, что мы привыкли изъ вѣж-

ливости называть знаніемъ. Воспитательная польза такого легкаго приобрѣтенія знаній такого рода, мнѣ кажется, очевидна. Всюду разстелена соломка—ушибиться не обо что; и этому нельзя бы было не порадоваться, еслибы такая гарантированная школа продолжалась бы черезъ всю жизнь человѣка до его гробовой доски. Но въ томъ-то и дѣло къ несчастію, что длинный и суровый путь жизни, котораго не устелешь всего соломою, нуждается въ крѣпкихъ ногахъ болѣе, чѣмъ въ мягкой подстилкѣ. Но этого мало. И вѣдь ученая воспитатель не избавляетъ своего питомца отъ своего наблюденія и вліянія даже на одинъ часъ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ каждый мѣсяцъ, а можетъ быть и чаще, онъ обязанъ давать письменный отчетъ начальству о ходѣ развитія тѣхъ или другихъ качествъ, о всѣхъ колебаньяхъ душевной погоды ребенка за истекшее время. Любопытно читать эти полунаивные и, конечно, полушарлатанскіе отчеты. Читая, право, думаешь, будто воспитатели эти изобрѣли втайнѣ отъ всѣхъ насъ свои особые психологическіе термометры, барометры, гигрометры, вѣсы и реактивы.

Какъ ему ясно все въ дѣтской душѣ! Съ какою прозорливостью онъ предвидѣлъ всѣ пути внутренняго движенія чувствъ и идей, и съ какою расторопностью онъ обнаружилъ это движеніе передъ начальствомъ. И, что всего удивительнѣе — ему примѣтны мѣсячныя, чуть не недѣльныя стадіи этого движенія. Для него какъ дважды два понятно, чѣмъ отличается прилежаніе Иванова за ноябрь отъ прилежанія его же за октябрь, и какая педагогическая мѣра побуждаетъ Петрова придать своему дерзкому характеру въ послѣдней половинѣ марта мѣсяца (то-есть послѣ педагогической мѣры) нѣсколько иное направленіе, чѣмъ въ первой половинѣ того же мѣсяца, сирѣчь до этой знаменательной мѣры. Эти отчеты пишутся краснорѣчиво, съ употребленіемъ всѣхъ педагогическихъ терминовъ и иногда отсылаются, кажется, въ С.-Петербургъ, на разсмотрѣніе высшаго начальства. Но и мимо этихъ отчетовъ, мимо рапортовъ начальству, воспитателю нѣтъ никакой нужды (хотя часто есть большой вредъ) постоянно торчать на глазахъ дѣтей, искусственно сляясь внѣдриться въ ихъ жизнь. Воспитатель не отецъ, а и отецъ безсилень въ этомъ дѣлѣ. Полное сближеніе двухъ возрастовъ обоюдо-нестественно.

Ктонибудь долженъ лгать передъ собой—или воспитатель или воспитанникъ. Или тотъ или другой должны быть въ накладѣ; то-есть воспитатель долженъ надуваться до взгладовъ и цѣлей воспитателя, или воспитатель долженъ играть въ маленькіе. Отца всегда берутъ въ примѣръ педагога, и семью—въ образецъ школы. Я съ этимъ готовъ согласиться тѣмъ болѣе, что въ отноше-

ніяхъ отца къ сыну вы найдете полное подтвержденіе истины, мною защищаемой. Отець далеко не такъ близко къ своему сыну, далеко не такъ глубоко вливается въ его жизнь своимъ наблюденіемъ и совѣтомъ, какъ хочется этого добиться черезчуръ ревностнымъ педагогамъ. «*Pas de zèle, messieurs*», это классическое изреченіе Талейрана особенно идетъ къ настоящему случаю. Я такъ бы перевелъ его порусски для фанатиковъ-педагоговъ: не надоѣдайте дѣтямъ, Господа; ради Христа, дайте имъ вздохнуть отъ вашего благоразумія и отъ вашей благонамѣренности.

Прямое вмѣшательство воспитателя въ жизнь дѣтей, должно быть судебно-полицейское—полицейское впрочемъ въ англійскомъ, а не во французскомъ смыслѣ. Какъ милый лондонскій полицменъ, воспитатель долженъ едва зримо присутствовать при различныхъ отравленіяхъ дѣтской жизни. Пусть она волнуется и кипитъ свободно въ тѣхъ предѣлахъ, которые начерчены здравой педагогикою и уставами заведенія. Пусть инициатива всякаго рода по возможности не выпадаетъ изъ дѣтскихъ рукъ и переходитъ въ руки воспитателя только по требованію самихъ дѣтей, которые, въ случаѣ нужды, не преминутъ конечно воспользоваться этою наличною силою. Пусть онъ прекращаетъ большіе безпорядки, разбираетъ, судитъ тяжущихся, наказываетъ виновныхъ, наблюдаетъ за исполненіемъ формальныхъ обязанностей. Характеръ его суда и расправы скоро станетъ понятенъ дѣтямъ; дѣти, какъ простой народъ, скоро съумѣютъ различить въ судѣ Шемику или Соломона и съумѣютъ также по своему отнестись къ нему. Правда, внимательность, теплота сердца—не нуждаются въ логическихъ доводахъ и научныхъ свѣдѣніяхъ, чтобы дойти до другого живого сердца. Нетолько дѣти, собаки узнаютъ честныхъ людей. Творя судъ и расправу, на самомъ фактѣ воспитываешь ребѣнка. Приучите ребѣнка восемь-десять лѣтъ сряду видѣть кругомъ себя строгое соблюденіе справедливости, неумышленное отношеніе къ своему долгу, сочувствіе къ благородному и полезному и презрѣніе ко всякой нравственной дряни—какъ вы думаете—замѣнить это ему мораль прописей и гувернеровъ? Вѣдь мораль, какъ тебѣ читатель извѣстно, читаютъ намъ давнымъ давно, и какую возвышенную, святую мораль! Я думаю, на канунѣ кончины міра, она будетъ еще въ пору человѣческой души. «И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», съ сокрушеніемъ говорили навѣрное, вставая и отходя ко сну, всякіе преслѣдователи и губители душъ человѣческихъ, наполняющіе страницы старой европейской исторіи... Неужели же мораль нашихъ педагоговъ окажется сильнѣе евангельской морали?

Дѣти самобытны, какъ отдѣльные люди. Но человѣкъ есть животное, столько же упрямое, сколько подражательное. Я съ удивленіемъ наблюдалъ это поразительное двойственное качество человѣка на самыхъ маленькихъ дѣтяхъ.

Вы разговариваете съ кѣмъ нибудь и взмахиваете, положимъ, рукою; а двухлѣтній мальчуганъ, вашъ сыннишка, ужь слѣдитъ за вами, какъ мышонокъ, своими широкораскрытыми глазенками и повторяетъ въ своемъ уголку вашъ жестъ, или ваше восклицаніе. Всякая случайная гримаса ваша тотчасъ же переходитъ и на его розовую мордочку; вы потребуете чашку кофе — онъ не отстанетъ, пока ему не дадутъ другой чашки. Вы надѣваете, уходя изъ дома, перчатки — онъ останавливаетъ васъ за ногу, и лепечетъ на своемъ неизобразимомъ нарѣчій: «папа, и мнѣ перчатки»... Для него первымъ наслажденіемъ — быть такимъ же, какъ вы, дѣлать то же, что вы; другихъ идеаловъ онъ не можетъ имѣть, потому что не можетъ знать ихъ. Но съ другой стороны, попробуйте овладѣть сколько-нибудь грубо этою обезьянническою наклонностью его. «Вѣдь это большая тѣтя, а это маленькая?» спрашиваете вы его, скромно хвастаясь геніальностью вашего ребѣнка, передъ двумя чужими тѣтями. «Это маленькая», лукаво отвѣчаетъ вамъ полуаршинный плутъ, намѣренчо указывая пальцемъ на большую... И уже вы не переспорите его тогда. «Попалуй дядю, дядя добрый», увѣщеваетъ его нянька, поднося его къ какому-нибудь домашнему гостю, котораго онъ нѣсколько уже разъ самъ цаловалъ. — «Дядя гадкій, дядя ляка», вопить ребѣнокъ, отмахиваясь головою, руками и ногами. Вы его зовете гулять, а онъ вдругъ упрется обѣими ногами, и требуетъ, чтобы вы танцовали съ нимъ; вы нарочно, краснорѣчиво расхваливаете ему куриный бульонъ, для него приготовленный, и просите его покушать, а онъ отталкиваетъ тарелку, и лѣзетъ съ ложкою въ ваши кислые щи, которыхъ ему не даютъ.

Всѣ подобныя сцены слишкомъ хорошо знакомы отцамъ, матерямъ и нянькамъ, но не всякій выводитъ изъ нихъ одинаковое заключеніе. По моему мнѣнію, эти факты убѣдительно доказываютъ высказанное сейчасъ положеніе, что въ воспитаніи гораздо болѣе дѣйствуетъ на дѣтей характеръ, привычки и поступки воспитателя, чѣмъ его поученіе. «Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты таковъ» — говоритъ старая иностранная пословица; стало быть, и народъ издавна считалъ главнымъ воспитательнымъ элементомъ человѣка — характеръ окружающихъ его людей. Это — немаловажное указаніе для педагогій.

Простое сожителство порядочнаго человѣка съ дѣтьми — есть уже воспитаніе. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ сыщется много

случаевъ, въ которыхъ фактически раскроются характеръ и взгляды этого человѣка, безъ всякой навязчивости его къ дѣтямъ. Слова его должны только уяснять имъ его дѣло, и поэтому должны быть въ такой же правильной пропорціи съ этимъ дѣломъ, какъ количество асигнацій какого-нибудь банка — съ количествомъ его наличнаго капитала. Человѣкъ, говорящій сто хорошихъ поученій, и дѣлающій одно хорошее дѣло, такъ же легко очутится банкротомъ, какъ банкъ, выпускающій 100,000 асигнацій на одну тысячу звонкой монеты.

III.

За шалуновъ.

Я предложу вамъ вопросъ: отчего всегда бываютъ сильнѣе люди, которые терпѣли и шалили въ школахъ? Чтѣ за польза предупреждать всякое поползновеніе къ шалостямъ, постоянно отводить въ землю то электричество, которое скопившись, могло бы дать иногда опасную, но всегда красивую и выразительную искру? Это безцвѣтитъ человѣка. *Теряя способность къ вреднымъ выдумкамъ, къ антидисциплинарному риску, онъ теряетъ способность вообще къ выдумкамъ, предпріятіямъ, и риску.* Постоянно предупреждаемый, постоянно подкрѣпляемый благоразуміемъ взрослого, не доростая ни до какой страсти, ни до какого рѣзкаго желанія, онъ не можетъ познакомиться даже съ естественными послѣдствіями своихъ увлеченій, и долженъ только вѣрить пророчествамъ и морали воспитателя. Это, во первыхъ, досадуетъ, какъ приставаніе комаровъ на болотѣ; вовторыхъ, усыпляетъ дѣятельность ребѣнка, лишаетъ его самостоятельности.

Уничтоженіе наказаній не есть идеаль, и не есть даже благоприятный признакъ. Дѣти первые не любятъ уничтоженія наказаній, для меня это вѣрно, какъ дважды-два — четыре; простой народъ тоже не любитъ уничтоженія наказаній; и тѣ и другіе нѣсколько презираютъ мягкое начальство, говорящее жалкія слова, но неумѣющее строго и быстро выискивать. Ученики часто съ любовью вспоминаютъ даже то время, когда имъ было нѣсколько трудно жить. У нихъ является кабая-то гордость, при мысли о перенесенной трудной борьбѣ, о своей неустрашимости, о своей настойчивости и изобрѣтательности. Большею частью, они не помнятъ лихомъ даже очень суровыхъ людей, если только они не были низки. Они будто любятъ въ нихъ память о собственныхъ своихъ силахъ и подвигахъ, ими когда-то вызванныхъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову — чѣмъ будутъ вспоминать

наши воспитанники добрых и кротких воспитателей своих, всегда поступавшихъ съ ними терпѣливо, кротоко, тихо, увѣщательно. Никакихъ происшествій, никакого напряженія, памятнаго надолго. Право, рѣшительно нечѣмъ вспоминать! Добрѣй былъ, да и только; да развѣ еще прибавить кто: «скучный такой, все жалкое говорилъ». А между тѣмъ, сколько неизгладимыхъ и веселыхъ воспоминаній о разныхъ оригинальныхъ учителяхъ, строгихъ или взбалмошныхъ начальникахъ. Съ какою свѣжестью живутъ и передаются эти полныя жизни исторіи, блестящія такъ часто добрымъ юморомъ и наблюдательностью. Я увѣренъ, что у важдаго пзъ насъ, безъ исключенія, есть запасъ такихъ юношескихъ или дѣтскихъ исторій своего рода, не разъ, вѣроятно, заставляющихъ отъ души посмѣяться и вздохнуть о прошедшемъ. Богъ-знаетъ, право, кто больше пользы принесъ намъ: эти ли смѣшныя оригиналы и строгіе преслѣдователи наши, волновавшіе на всѣ манеры все наше существо—или добрые моралисты, подъ ласковый шопотъ которыхъ засыпали наши молодныя силы?

Я во всякомъ случаѣ поставилъ бы при этомъ немножко дерзкомъ парадоксъ большой вопросительный знакъ. Признаюсь, я не понимаю, какъ ребѣнокъ можетъ избѣжать наказанія? Его можно не воспитывать, оставить навѣки дичкомъ, но это все-таки не избавить его отъ жестокихъ возмездій разнаго рода, со стороны ли другихъ людей, неимѣющихъ причины шадить его, со стороны ли просто обстоятельствъ, неимѣющихъ вообще привычки шадить кого бы то ни было. Да наконецъ, рѣчь теперь идетъ вслѣдствіе о воспитаніи. *Воспитаніе*, какъ всѣ вѣроятно соглашаются, *есть чистѣйшее, абсолютнѣйшее насиліе*, какія бы благія цѣли оно ни имѣло въ виду.

Я вовсе не противъ этого насилія, вовсе не за одно съ *Ясной Полянкой* графа Толстаго. Я считаю это насиліе и необходимымъ, и полезнымъ. Но могу ли я или другой воспитатель требовать, чтобы жертва моего насилія не только слушалась меня, когда я въ состояніи принудить ее, но еще понимала бы необходимость этого послушанія, охотно бы покоряла свои естественные вкусы моимъ искусственнымъ требованіямъ. *Умный, общающійся ребѣнокъ, не можетъ быть особенно послушенъ*; ему надо быть слишкомъ вальнымъ и безжизненнымъ, чтобы легко отказываться отъ собственныхъ позывовъ, во имя непонятной ему цѣли. Приучить ребѣнка къ дѣйствительно-сознательному послушанію—мнѣ кажется, нельзя; я по крайней-мѣрѣ считаю это неимѣющимъ смысла. Но можно испортить ребѣнка; сдѣлать его до такой степени фальшивымъ, что онъ станетъ васъ слушаться самъ собою, притворяясь понимающимъ, увѣжденнымъ, раздѣляющимъ вполнѣ ваши тен-

денці по отношенію къ его личности. Чтò это за безобразіе, чтò за нелѣпность? а между тѣмъ и вы, и я, мы всѣ слышали не разъ умненькихъ мальчиковъ, которые покорнымъ голоскомъ объяснятъ вамъ, «что они чувствуютъ всю важность своей вины и понимаютъ необходимость заслуженнаго ими наказанія, что, впрочемъ, это они дѣлаютъ въ послѣдній разъ, ибо горько раскаиваются въ необдуманномъ поступкѣ». Нѣкоторые изъ такихъ выдержанныхъ дѣтокъ обладаютъ кромѣ того искусствомъ краснорѣчиво усовѣщевать своихъ товарищей, подпѣвая старшимъ: «вы не таятесь, NN» говорить это *artiges Kind*, столь цѣнное гувернантками-нѣмками и гувернерами-нѣмцами: «это нехорошо таяться передъ старшими; лучше все сказать откровенно; X. X. добрые, они васъ такъ скорѣе простятъ, вѣдь они для нашей же пользы съ насъ взыскиваютъ» и т. п. Поэтому, каюсь, во все время своей и ученической, и педагогической дѣятельности, я въ особенности не любилъ такихъ іезуитски-устроенныхъ мальчугановъ, которые обыкновенно становились на сторону старшихъ противъ своихъ товарищей, охотно вызывались быть цензорами, дежурными и т. п. Ихъ чиновнически-фарисейская натура сказывалась уже тогда во всякой мелочи: и стойтъ, какъ начальникъ, вздернувъ носъ, и заносчиво постукиваетъ своимъ опратнымъ карандашикомъ, которымъ записываются на жертву столько славныхъ ребятъ, шалуновъ и неслуховъ, какъ имъ и слѣдуетъ быть. Такія противныя дѣти всегда опратны и исполнительны; портфельчики ихъ безукоризненны до гадости; въ тетрадкахъ углушка не завернута, и каждая страница переложена прозрачной бумажкой; у насъ, бывало, карандаши изгрызены, день и ночь живутъ въ карманахъ шароваръ, въ одной квартирѣ съ резинковымъ мячикомъ, кускомъ булки и оторванной гербовою пуговицею; а поиски за перомъ начинались только по приходѣ въ класъ, частію способомъ мѣны, а частію военнымъ манеромъ. А у него—бестіи—всегда съ собой жестяной раскрашенный пѣналь, наполненный правильно очиненными карандашами и свѣжими, еще необмокнутыми въ чернила перьями. Смотрѣть было досадно. Оттого, каюсь еще, будучи школьникомъ, я значительную часть своихъ досуговъ посвящалъ на таску этого зарождающагося начальства и, могу сказать безъ преувеличенія, приобрѣлъ въ этомъ занятіи не только достаточный навыкъ, но даже серьезную репутацію. Даже и при отправленіи своихъ педагогическихъ обязанностей, я невольно вспоминалъ, прикасаясь къ подобнымъ ребятахъ, подвиги своей юности и жалѣлъ объ утраченной репутаціи.

Въ этомъ вопросѣ я—совершенный послѣдователь Руссо: я со-

гласенъ съ нимъ, что ребѣнку послушанье въ большей части случаевъ должно базаться зломъ, а непослушаніе.— добромъ. Я согласенъ, что онъ долго неспособенъ понять никакихъ отвлеченій, кромѣ своихъ непосредственныхъ позывовъ, такъ что даже въ дѣлѣ религиозныхъ вопросовъ, отъ него нечего ждать какихъ нибудь самостоятельныхъ побужденій, какого нибудь искреннаго усвоенія тѣхъ или другихъ правилъ. *«Все блаженство рая онъ отдастъ за кусочекъ сахару, и проскучатъ въ вечернѣ для него страшнѣе, чѣмъ мучиться въ аду»*, сказалъ Руссо. У одного изъ близкихъ мнѣ воспитателей, завѣдывавшихъ гимназическимъ пансіономъ, былъ въ этомъ пансіонѣ родной братъ, мальчикъ глѣтъ пятнадцати, бойкій, даровитый и бывший въ большой дружбѣ съ старшимъ братомъ до поступленія своего подъ его начальство. Родные ожидали необыкновенныхъ результатовъ для мальчика, рассчитывая, что вліаніе на него старшаго брата, хорошаго педагога и вмѣстѣ добраго родного, будетъ особенно опутительно въ такихъ обстоятельствахъ. Но вышла весьма странная вещь, изумившая столько же всѣхъ насъ, сколько родныхъ. Юный братецъ мало по малу сдѣлался совершенно чуждъ брату-воспитателю—воспитателю, поступавшему, надо сказать, въ отношеніи къ нему съ большою осмотрительностью. Виѣсто прежнихъ простыхъ, задушевныхъ отношеній, онъ его сталъ называть «вы» и побатюшкѣ, сталъ бѣгать его такъ, какъ не бѣгалъ ни одинъ изъ худшихъ его товарищей. Воспитатель, между тѣмъ, принадлежалъ къ числу мягкихъ педагоговъ и находился вообще въ хорошихъ отношеніяхъ съ воспитанниками; онъ пробовалъ все, что только могъ, для сближенія съ братомъ, для возобновленія своего вліанія. Но мальчуганъ оставался вѣренъ себѣ, вѣренъ преданіямъ школярства. Въ начальникѣ онъ не видѣлъ брата; онъ не былъ до такой степени испорченъ, чтобы ребенкомъ оцѣнить всю мудрость и всѣ благія послѣдствія педагогическихъ мѣръ, предпринимаемыхъ братомъ. Онъ видѣлъ его *змая дѣла*, то-есть его виѣшательство въ жизнь его самого и его товарищей; видѣлъ, что отъ него идутъ всѣ стѣсненія и кары; видѣлъ, что противъ него ведется потаенная борьба всѣхъ этихъ славныхъ малыхъ, друзей и товарищей, съ которыми такъ легко, весело и свободно живетъ. Естественно, чью сторону ему приходилось принимать; а принявъ ее—приходилось стать во главѣ, отличиться даже отъ другихъ враждующихъ упорствомъ своей вражды; надо же въ глазахъ товарищей совсѣмъ очиститься отъ тяжелаго подозрѣнія, невольно сопряженнаго съ званіемъ начальника брата—вотъ вамъ и загадка, вотъ и вѣрьте въ педагогическія системы, гладкія и полированные, какъ зеркало. И знаете, что я, съ своей

сторонн, смекнуть, въ чемъ дѣло, сталъ нѣсколько уважать этого неподатливаго мальчугана. Въ этой дикости, въ этомъ послѣдованіи своимъ органическимъ инстинктамъ—больше силы и самобытныхъ задатковъ, чѣмъ въ благоразумномъ послушаніи искусственно выдерженныхъ мальчиковъ. Послѣдніе всегда лжецы, и—что хуже всего—лжецы не ви́шнимъ образомъ, напротивъ, они большею частью никогда не дгутъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова—но они зато лжецы передъ самими собою. Дикій мальчикъ совретъ, недорого возьметъ; онъ даже перекрестится и побожится иногда, если чувствуетъ, что увернется этимъ отъ педагогическаго вразумленія; но эта ложь у него только на концѣ языка; это одно изъ его дикарскихъ орудій, которымъ онъ защищается въ опасности. Въ одномъ мѣстѣ кулакъ, а гдѣ кулаку нѣтъ хода—подчасъ враньемъ пробуетъ. Но эта ложь не такъ оскорбляетъ его собственныя, нравственныя чувства, не такъ унижаетъ передъ самимъ собою. Онъ все-таки остался вѣренъ своимъ природнымъ наклонностямъ, не отступилъ отъ своей обязанности, такъ, какъ онъ самъ ее понимаетъ—словомъ, онъ не позволилъ чужой волѣ осѣдлатъ его волю, и чужому вкусу—вести на арканѣ его собственный вкусъ. Было бы вовсе нежелательно такое процвѣтаніе педагогич, при которомъ исчезли бы дикіе мальчики, проказники, смѣльчаки; было бы очень грустно, еслибы вмѣсто этой разнообразной и сильной растительности, на педагогическихъ грядкахъ нашихъ прозябли бы пряменькія и блѣдненькія былиночки, вытянутыя рядами, въ ровномъ разстояніи другъ отъ друга, похожія другъ на друга какъ два глаза, доступныя въ равной степени однимъ и тѣмъ же орудіямъ педагогической обработки; недаромъ замѣчательные люди были замѣчательные и въ школѣ; но замѣчательные чѣмъ именно? Кто чѣмъ придется: иной былъ неисправимый лѣнтяй и повѣса, между тѣмъ предводитель товарищей во всѣхъ предпріятіяхъ; другой обгонялъ въ наукахъ цѣлую школу и поправлялъ учителей; третій не хотѣлъ знать латыни ни за какія розги, а ослѣпалъ надъ карандашомъ; мало ли какихъ было! Всякій изъ насъ тотчасъ вспомнить кучу примѣровъ, коли подумаетъ минуту.

Изгнавъ шалости, исторіи, борьбу противъ воспитателей, мы превратимъ милое время дѣтства со всѣми сладкими воспоминаніями его въ какую-то унылую жизнь методистовъ, все понимающихъ, все принимающихъ, отъ всего воздерживающихся. Мы оснуемъ царство скуки, безцвѣтности и бессилія. Дитя не старикъ и не взрослый. *Si la jeunesse savait!* говорятъ старики; но вѣдь они же сами понимаютъ, что надо выбирать одно чтонибудь: *savoir* или *pouvoir*. *Si la vieillesse pouvait!* Эти пословицы

весьма психологичны. Знаніе есть вѣнецъ, результатъ всякой мочи. Сначала сможешь, потомъ узнаешь. Дайте же сперва ребѣнку смочь, и не спѣшите навязывать ему ваше знаніе, которое даже васъ самихъ тяготитъ. «Много будешь знать, скоро состаришься»—это цѣлый курсъ педагогій, чуть ли не отъ всемірнаго потопа. Всѣ бабушки постоянно грозятъ своимъ внучкамъ бѣдой отъ мужчинъ; но какой былъ до сихъ поръ прокъ въ этихъ угрозахъ, и какая была въ нихъ правда? Первый естественный результатъ такихъ предупрежденій есть, безъ сомнѣнія, желаніе поскорѣе ознакомиться съ предметомъ ихъ. Какъ-будто можетъ имѣть малѣйшее значеніе безжизненный и фальшивый лепетъ правоученій, когда въ свое время раздастся въ сердцѣ человѣка могучій голосъ его природы? Помните ли вы въ *Декамеронѣ* знаменитый анекдотъ о чортикѣ, подъ ужаснымъ именемъ котораго женщина была показана въ первый разъ юному пустынноику? Это вѣдь не анекдотъ, а исторія человѣческаго сердца. Или вспомните въ шекспировской *Бурѣ* удивительно поэтическую картину, когда Миранда, взросшая въ сообществѣ духовъ и Калибана, неожиданно встрѣчается съ Фернандо? Въ этой сценѣ я вижу всю генеалогію человѣческой любви. Такова сила всякихъ природныхъ голосовъ, и великіе поэты понимали это.

Меня могутъ, пожалуй, понять такъ, какъ будто я проповѣдую уничтоженіе всякаго воспитанія, предоставленіе дѣтямъ совершенно свободнаго роста, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства. Но я этого не хочу проповѣдывать. Я думаю, что воспитаніе полезно и необходимо. Мы должны готовить своихъ дѣтей для себя или для нихъ самихъ, но, во всякомъ случаѣ, такъ, какъ мы понимаемъ. Они будутъ жить въ нашемъ гражданскомъ обществѣ, въ нашей семьѣ, подъ нашими законами и обычаями, стало быть намъ естественно приноровить ихъ ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, ожидающимъ ихъ впереди.

Хорошо ли дурно ли, вѣрно ли или ошибочно, но мы не можемъ отказаться отъ стремленія внушить имъ, что именно мы считаемъ зломъ, и что добромъ, за что у насъ уважаютъ, и за что преслѣдуютъ; мы естественно силится подѣлиться съ ними всѣмъ своимъ приобрѣтеннымъ сознаніемъ, точно такъ же, какъ стараемся оставить имъ въ наслѣдство землю, домъ, или денежный капиталъ. Дѣти — часть насъ, переживающая остальные наши части — и мы изъ одного ужъ эгоизма хлопочемъ о передачѣ въ эту уцѣлѣвшую часть насъ самихъ всего духовнаго и вещественнаго добра, скопленнаго нашими трудами.

И такъ мы должны дѣйствовать; должны учить, останавливать, вразумлять и наказывать. Эта работа наша не можетъ быть без-

слідва; это—елементъ, который, какъ всѣ другіе елементы жизни, содѣйствуетъ направленію ребѣнка. Одинъ елементъ — природенныя качества ребѣнка, другой елементъ — вліяніе его товарищей, третій елементъ — наше вліяніе на него; есть, конечно, и четвертый, и пятый, и двадцатый елементъ—намъ нѣтъ до нихъ дѣла—мы только утверждаемъ, что вліяніе на ребѣнка взрослыхъ вообще, а школы въ частности, не можетъ не быть опутительнымъ, точно также, какъ не можетъ не быть опутительнымъ вліяніе его органическаго устройства. Но тутъ-то и вся разница. Мы должны помнить, что одинъ елементъ — не есть все; что одна сторона не должна претендовать на исключительное господство; и даже еще болѣе: если она можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигнуть этого господства — то результатъ происходитъ весьма плачевный, весьма противоестественный, котораго поэтому никакъ не слѣдуетъ добиваться, но всячески слѣдуетъ избѣгать. То, что необходимо и полезно въ общемъ ходѣ дѣла, какъ одна изъ многихъ пружинъ, то дѣлается вреднымъ въ односторонней своей дѣятельности, ибо всѣ расчеты на эту силу основаны только въ виду противодѣйствія ей другихъ силъ, безъ участія которыхъ она будетъ, конечно, дѣйствовать непропорціонально потребности.

Сдерживать дикіе позымы мальчика, постепенно приучать его руководствоваться тѣми правилами, которыми мы руководимся—это и возможно и законно. При всемъ упорствѣ своихъ природныхъ вкусовъ, онъ все-таки кончитъ тѣмъ, что такъ или иначе приспособитъ ихъ къ требованіямъ старшаго поколѣнія. Но въ этомъ приспособленіи онъ не обязанъ будетъ потерять свою самостоятельность, свою оригинальную складку; не столько мы вдвинемъ его въ наши рамки, сколько онъ самъ вдвинется въ нихъ, на сколько будетъ ему нужно и какъ ему будетъ половчѣе. Онъ не потеряетъ нужды въ своемъ собственномъ руководствѣ, подвергшись нашему, если только онъ боролся съ нимъ, а не висѣлъ у него на помочахъ, какъ разслабленный. Многие отъ насъ согласится онъ взять, многое мы сорвемъ съ него во время долгой взаимной возни нашей; поэтому всякому понятно—какая можетъ быть разница между умною и глупою, добросовѣстною и безчестною, просвѣщенною и рутинною педагогіею. Несмотря на ограниченность ихъ вліянія вообще, относительная сила той и другой будетъ слишкомъ различна.

Но какъ та, такъ и другая, и третья, всѣ будутъ только частью дѣйствовать на ребѣнка: одна лучше, другая хуже, одна вреднѣе, другая полезнѣе. Какъ ни совершенна сдѣлается современемъ педагогія, все-таки она не должна стремиться исказить возрастъ ребѣнка, сдѣлать его мудрецомъ и самообладателемъ въ пятнадцать

дѣтъ, замѣнить рѣзвыя выходки его скучнымъ резонерствомъ, и истреблять *сошь его личности*, безумно подавля всякія проявленія личныя вусовъ. Хотя бы то подумали: «не нами міръ начался, и не нами кончится»; были люди и до насъ не хуже насъ; и когда до насъ! во времена Геродотовъ и Ликурговъ, и даже прежде гораздо, при Авраамѣ и Лотѣ. И все существенно-человѣческое въ нихъ было: и сила характера, и высота духа, чувство соревнованія и любознательность, терпѣніе и доброта, и уваженіе къ добру. И дѣти были тогда дѣтьми, а старцы мудрыми. И мудрые учили дѣтей, а дѣти не слушали мудрыхъ. Сынъ Сираховъ сокрушалъ во гнѣвѣ ребра чады своихъ, а за пророками бѣгали уличные мальчишки, и швыряли въ нихъ грязью. Все было какъ теперь, только на свой образецъ. Борьба повѣсь съ учителями кипѣла, какъ и у насъ, за тысячу лѣтъ до Р. Х., и изъ повѣсь выходили мужи совѣта и разума. Стало быть, педагогу прежде всего слѣдуетъ помириться съ тѣми неизбѣжными явленіями педагогіи, которыя въ послѣднее время многими стали считаться за явленія ненормальныя, подлежащія истребленію. Ихъ такъ же нельзя, и не слѣдуетъ истреблять, какъ волны, производящія бурю въ океанѣ; положимъ, что бури не особенно пріятны, но что же бы вы стали дѣлать, вычерпавъ эти безпкойныя волны? Или для васъ отраднѣ видѣть сухую и неподвижную, но за то покойную пустыню, вмѣсто этого живого моря, несущаго ваши корабли во всѣ страны міра, и орошающаго ваши поля своими дождями? Педагогія должна очищать и облагораживать свое вліаніе; качество этого явленія должно дѣлаться все прочнѣе и дороже; но границъ своихъ она не должна переступать, не должна такъ непрактически увеличивать самое количество этого вліанія. Шалость и непослушаніе, несочувствіе къ воспитательнымъ мѣрамъ — все это не есть нарушеніе дѣтской природы, не безпорядочныя и незаконныя явленія въ сферѣ воспитания, а напротивъ того — *самыя существенныя, неизбѣжныя, такъ сказать, органическія составныя части всякаго воспитанія* и всякой дѣтской природы.

Еслибы можно было изгнать изъ жизни дѣтей всю обширную область шалостей — не нужна бы была и педагогія, то-есть вліаніе старшихъ; дѣти тогда прямо изъ членовъ становились бы взрослыми, и пожалуй бы сами годились въ воспитатели.

«*Un pays, où personne n'éluderait les lois et n'abuserait de la magistrature, n'aurait besoin ni de magistrats ni de lois*» (*), говоритъ Руссо въ своей *Discours sur l'origine etc.* Эти остроумныя слова еще легче примѣняются къ занимающему насъ вопросу.

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

(*) Страна, въ которой бы никто не отступалъ отъ закона и не злоупотреблялъ властью, не нуждалась бы ни во властяхъ, ни въ законахъ.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

— —

IV.

Годовщина счастливаго дня.

Мистеръ и мистрисъ Вильферъ насчитывали со дня своей свадьбы ровно двадцатью-пятью годовщинами болѣе, чѣмъ мистеръ и мистрисъ Ламль; но несмотря на то, они ежегодно торжественно справляли этотъ день въ лонѣ своего семейства. Правда, торжество это никому не приносило удовольствія, да никто, по правдѣ сказать, и не ожидалъ отъ него чего-либо пріятнаго, такъ что и разочаровываться было не въ чемъ. Оно соблюдалось какъ нравственная обязанность, скорѣе какъ постъ, чѣмъ праздникъ, и доставляло мистрисъ Вильферъ удобный случай явиться во всемъ ея мрачномъ величїи.

Поведеніе этой почтенной дамы въ эти трогательные дни было полно геройскаго терпѣнія и всепрощающаго великодушія. Несмотря на своитор жественную покорность судьбѣ, она ясно намекала на всѣ прекрасныя партїи, которыя она могла бы сдѣлать на своемъ вѣку, и выставляла херувимчика, какъ маленькое чудовище, неизвѣстно за что покровительствуемое небомъ и обладающее сокровищемъ, котораго другіе, болѣе достойные, тщетно искали. Это положеніе относительно обладаемаго имъ сокровища, было такъ за нимъ упрочено, что при наступленїи каждой годовщины, онъ считалъ себя нравственно-вынужденнымъ приносить покаяніе. Весьма возможно, что его самоуничженіе порою доходило до того, что онъ дѣлалъ себѣ строгіе выговоры за дерзновенную мысль — сдѣлать такое возвышенное существо своей женой.

Что же касается до дѣтей этого брака, то опытъ многихъ лѣтъ заставлялъ ихъ ежегодно, при приближенїи этого радостнаго дня,

сожалѣть, что мама вышла не за кого другого, а не за папу, и что папа не нашелъ себѣ другой мамн. Однажды, когда дома оставалось всего двѣ сестры, смѣлая Белла даже задала себѣ, по поводу подобнаго случая, вопросъ: «что такое папа нашелъ въ мамѣ, чтобы рѣшиться играть такого жалкаго дурачка, женясь на ней?»

Когда обычной чередой наступилъ радостный день, Белла явилась въ экипажѣ Бофиновъ, чтобы участвовать въ торжествѣ. Въ этотъ день, по обычаю семейства, на алтарь Гименея приносились въ жертву пара куръ, и Белла предупредила родителей, что на этотъ разъ она доставитъ требуемое жертвоприношеніе. Согласноми усиліями двухъ лошадей, двухъ людей и четырехъ колесъ, Белла и пара куръ были доставлены къ отеческому порогу. Онѣ были встрѣчены самой мистрисъ Вильферъ, обычное достоинство которой, на этотъ разъ (какъ въ большей части исключительныхъ случаевъ), было увеличено таинственной зубной болью.

— Мнѣ вечеромъ не нужно кареты, сказала Белла: — я возвращусь пѣшкомъ.

Лакей приюжился къ шляпѣ, и удалился сопровождаемый грознымъ взглядомъ мистрисъ Вильферъ, долженствовавшимъ вселить въ его дерзновенную душу убѣжденіе, что ливрейные лакеи были ей вовсе не въ рѣдкость.

— Ну-съ, какъ вы поживаете, милая мама? сказала Белла.

— Хорошо, какъ только можно ожидать, отвѣчала мистрисъ Вильферъ.

— Что это вы, мама, говорите, словно мы только что родились.

— Это ужъ мама съ самаго утра въ такомъ настроеніи, вмѣшалась Лавви черезъ плечо матерн: — тебѣ-то хорошо смѣяться, Белла, но я думаю, трудно придумать чтонибудь болѣе досадное.

Мистрисъ Вильферъ бросила взглядъ слишкомъ величественный, чтобы нуждаться въ словесномъ поясненіи, и провела своихъ дочерей въ кухню, гдѣ должноствовало приготовляться жертвоприношеніе.

— Мистеръ Роксмитъ, сказала она смиренно: — предоставилъ свою гостиную въ наше распоряженіе, такъ что ты, Белла, будешь принята въ убогомъ жилищѣ твоихъ родителей, согласно твоимъ теперешнимъ привычкамъ, то-есть найдешь и гостиную и столовую. Твой папа пригласилъ мистера Роксмита на нашу скромную трапезу, но онъ отказался, по случаю какого-то необходимаго дѣла, и предложилъ свои комнаты.

Белла знала, что онъ не имѣлъ никакого дѣла у Бофиновъ, которое бы заставляло его не быть въ этотъ день дома, но вполнѣ

одобрила его отказъ. «Мы только бы конфузили другъ друга», думала она: «а это и безъ того слишкомъ часто случается».

И, однако, его комната настолько интересовала ее, что она не замедлила взглянуть въ нее и познакомиться со всѣмъ, что въ ней находилось. Комната была убрана съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ, хотя весьма скромно. На полкахъ были разставлены книги: англійскія, французскія и итальянскія, а въ портфѣлѣ, на письменномъ столѣ, валялось множество записокъ и счетовъ, очевидно касавшихся до управленія дѣлами Вофиновъ. На томъ же столѣ лежало тщательно наклеенное на холстѣ, покрытое лакомъ и скатанное въ трубку, какъ географическая карта — объявленіе съ примѣтами убитаго человѣка, пріѣхавшаго неизвѣстно откуда, чтобы сдѣлаться мужемъ Беллы. Она съ ужасомъ отшатнулась, при видѣ этого страшнаго документа, и поспѣшно свернула и перевязала его. Перехода отъ одной вещи къ другой, она наткнулась на гравюру, висѣвшую въ углу около покойнаго кресла. Гравюра эта была въ изящной рамкѣ, и изображала граціозную головку хорошенькой женщины.

— Ага, сэръ, воскликнула она, останавливаясь передъ картиной: — я догадываюсь, на кого *это*, по вашему мнѣнію, похоже. Только я вамъ скажу, что это болѣе похоже — на вашу наглость! И съ этими словами она выпорхнула изъ комнаты, не столько вслѣдствіе оскорбленія, сколько потому, что уже все осмотрѣла.

— Ну-съ, мама, сказала Белла, возвратясь въ кухню съ раскраснѣвшимся лицомъ: — вы съ Лавви полагаете, что я ни на что путное не гожусь, а я вотъ намѣрена доказать противное. Я буду сегодня стряпать у васъ.

— погоди! вступилась ея величественная мать: — я не могу этого позволить. Стряпать, въ этомъ платьѣ!

— А что ему сдѣлается? возразила Белла, весело роясь въ комодѣ: — я надѣну передникъ, и навѣшаю на себя полотенецъ; а что касается до вашего позволенія, то я и безъ него обойдусь.

— Ты будешь стряпать — *ты*, которая никогда не стряпала, даже когда была дома?

— Да, я, мама, отвѣтила Белла: — именно я, а никто другой.

Она подвязала передникъ, и при помощи булавокъ, закрыла и весь лифъ до самаго подбородка. Подъ этимъ уборомъ, ея фигурка была такъ же изящна, какъ и всегда, а ея свѣжее личико съ ямочками на щочкахъ, казалось еще миловиднѣе.

— Ну, мама, сказала Белла, откидывая назадъ свои локонь: — съ чего начинать?

— Прежде всего, торжественно начала мистрисъ Вильферъ: — если ты уже намѣрена упорствовать въ своемъ намѣреніи, ко-

торое я не могу не находить совершенно несогласнымъ съ тѣмъ экипажемъ, въ которомъ ты прѣхала...

— Положимъ, мама, что я этого не нахожу.

— Прежде всего надо поставить курь жариться.

— Да, да, да — сперва слѣдуетъ повалить въ мукѣ, и пусть ихъ жарятся! (Пуская въ ходъ вертель съ неимовѣрной быстротой).—Ну, что же далѣе?

— Далѣе, отвѣтила мистрисъ Вильферъ, дѣлая величественный жестъ своими перчатками, выразившій вынужденное отреченіе отъ кухоннаго престола: — я бы посовѣтовала изслѣдовать съ помощью вилки состояніе ветчины и картофеля, которые стоятъ въ бастрюлѣ на огнѣ; затѣмъ, понадобится приготовить зелень, если только ты намѣрена упорствовать въ твоемъ неприличномъ поведеніи.

— Какъ я и намѣрена, мамѣ.

Продолжая упорствовать, Белла обращала вниманіе на одно дѣло и забывала другое, хваталась за другое, и запускала третье, вспомнивъ третье, развлекалась четвертымъ, и каждый разъ желая чѣмъ нибудь загладить упущеніе, неустово пускала въ ходъ вертель, что дѣлало весьма сомнительной участь жаркого. За то стряпня была веселая. Между тѣмъ мисъ Лавинія то и дѣло какъ маятникъ моталась изъ кухни въ гостиную, гдѣ она накрывала столъ. Она исполняла эту службу съ обычной нескотой и грубостью, подымая сватертью вѣтеръ на всю комнату, гремя стекломъ, стуча и звеня приборами, словно въ рукопашной схваткѣ.

— Посмотри-ка на маму, шепнула она Беллѣ, когда онѣ обѣ, окончивъ свою работу, присматривали за жарившимися курицами. — Ну, будь ты тутъ самой почтительной дочерью въ мірѣ, а какъ помотришь на нее, какъ она сидитъ себѣ словно аршинъ проглотила, то, право, такъ вотъ и хочется хватить ее чѣмъ нибудь въ бокъ.

— Да, представь себѣ, еслибъ папѣ вздумалъ торчать, какъ она, въ другомъ углу, отвѣтила Белла.

— Онъ никогда не въ состояніи этого сдѣлать, возразила Лавви:—онъ тотчасъ же развалится въ креслѣ. Но я, право, думаю, что нѣтъ второго существа на свѣтѣ, которое стумѣло бы торчать такъ прямо, какъ мамѣ, и съ такимъ неприятнымъ выраженіемъ! Что съ вами, мамѣ? Здоровы ли вы, мамѣ?

— Безъ сомнѣнія, я здорова, возразила мистрисъ Вильферъ, обращая свои взоры на младшее дѣтище съ выраженіемъ геройскаго, нѣсколько презрительнаго терпѣнія. — Что жъ можеть со мною сдѣлаться?

— Да такъ, вы что-то не очень притки сегодня, возразила смѣлая Лавви.

— Притка? повторила ея родительница.—Притка? Откуда это ты набираешься такихъ низкихъ выраженій, Лавинія? Я не жалуюсь, я смиренно довольствуюсь своею участью—надѣюсь, что этого достаточно для моей семьи.

— Ну, мамá, возразила Лавинія:—какъ вы уже сами вызвали меня, такъ позвольте же почтительно замѣтить вамъ, что ваше семейство очень обязано вамъ за то, что у васъ каждый годъ въ этотъ день бываетъ зубная боль. Это съ вашей стороны очень безкорыстно, а для нихъ истинное счастье. Но все же и такимъ благодѣяніемъ не надо черезчуръ хвастаться.

— Ахъ ты, олицетворенная дерзость! воскликнула мистрисъ Вильферъ:— и это мнѣ ты смѣешь говорить такіа вещи? И въ какой день? въ самый торжественный день въ году! Да знаешь ли ты, что стало бы съ тобой, еслибъ я не согласилась въ этотъ день отдать свою руку Р. Вильферу, твоему отцу?

— Нѣтъ, мамá, отвѣтила Лавви:—право, не знаю, и при всемъ моемъ уваженіи къ вашимъ способностямъ и знаніямъ, я сомнѣваюсь, чтобы и вы знали.

Неизвѣстно, дорого ли бы обошлась побѣдительницѣ эта смѣлая вылазка противъ самой слабой стороны траншей мистрисъ Вильферъ, потому что военныя дѣйствія были вдругъ прекращены съ появленіемъ парламентаря, въ лицѣ мистера Джорджа Самсона, котораго поклоненіе было теперь перенесено съ Беллы на Лавинію и котораго Лавинія—должно быть, въ наказаніе за прошлое предпочтеніе къ ея сестрѣ—держала теперь въ черномъ тѣлѣ.

— Поздравляю васъ, мистрисъ Вильферъ, съ радостнымъ днемъ, произнесъ мистеръ Джорджъ Самсонъ, заранѣе приготовившій свое привѣтствіе.

Мистрисъ Вильферъ поблагодарила его великодушнымъ вздохомъ и снова погрузилась въ свою зубную боль.

— Меня весьма удивляетъ, нерѣшительно началъ мистеръ Самсонъ:—что мисъ Белла рѣшилась стряпать.

Лавинія тотчасъ же сразила его убійственнымъ замѣчаніемъ, что это во всякомъ случаѣ не его дѣло. Вслѣдствіе этого онъ впалъ въ меланхолическое самосозерцаніе, пока не появился херувимчикъ, который былъ также крайне изумленъ, заставъ Беллу среди страпни.

Но она настояла на томъ, чтобы не только приготовить, но и подать обѣдъ, и затѣмъ только снявъ передникъ и полотенце, сѣла за обѣдъ какъ важный гость. Мистрисъ Вильферъ, отвѣчая гробовымъ «аминь» на передобѣденную молитву мужа, поста-

ралась произнести это слово такимъ могильнымъ голосомъ, чтобы всякому отбить аппетитъ.

— Отчего это онѣ, папа, красноваты внутри? замѣтила Белла, слѣдя за отцомъ, рѣзавшимъ курь.— Ужь не отъ начинки ли?

— Нѣтъ, не отъ начинки, моя милая; я скорѣе думаю, что онѣ недожарены.

— Нѣтъ, онѣ должны быть дожарены.

— Я знаю, моя милая, что онѣ должны бы быть, но, къ сожалѣнію, онѣ недожарены.

Тотчасъ появился на сцену рашперъ, и добродушный херувимъ, привыкшій исполнять въ своемъ домѣ всякія службы, столь же мало согласныя съ его названіемъ, какъ тѣ, которыя его прототипъ исполнялъ на картинахъ древнихъ мастеровъ, принялся поджаривать курь. Дѣйствительно, за исключеніемъ празднаго глазѣнія по сторонамъ (отрасли общественной дѣятельности, къ которой весьма склонны живописные херувимы), этотъ домашній херувимъ справлялъ столько же смѣшныхъ обязанностей, какъ и его прототипъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онѣ исполнялъ музыкальныя пьесы не на громадныхъ басахъ и духовыхъ инструментахъ, а щеткой на сапогахъ всего семейства, и что вообще вся его дѣятельность была несравненно полезнѣе безпутнаго летанія по воздуху безъ всякой опредѣленной цѣли.

Белла помогла ему и въ этой добавочной стряпнѣ, чѣмъ доставила ему немало удовольствія, но смертельно перепугала его, спросивъ неожиданно, какъ жарятъ курь на гриничскихъ обѣдахъ и точно ли эти обѣды такъ замѣчательны, какъ иные увѣряютъ? Его таинственныя киванія и подмигиванія до того разсмѣшили шалунью, что она подавилась косточкой, и Лавинія принуждена была бить ее по спинѣ, что доставило новый источникъ смѣха.

Но мать была лучшимъ средствомъ, умѣрявшимъ это веселіе. Мистеръ Вильферъ съ самымъ невиннымъ добродушіемъ неоднократно обращался къ ней съ вопросомъ: — моя милая, я боюсь, что тебѣ недовольно вѣсело?

— Почему же такъ, Реджи Вильферъ? звонко отвѣчала та.

— Потому что, моя милая, вы, кажется, не совсѣмъ въ духѣ.

— Нисколько, возражала она тѣмъ же голосомъ.

— Хотите, моя милая, переломимъ душку?

— Благодарю васъ. Если это вамъ нравится, Робертъ Вильферъ.

— Но вѣдь, моя милая, я спрашиваю, угодно ли это вамъ самимъ?

— Я смотрю на это точно такъ же, какъ на все на свѣтѣ, Робертъ Вильферъ. Ивеличаявая женщина продолжала обѣдъ съ выра-

женіемъ полнѣйшаго самопожертвованія, словно она кормила не себя, а кого другого и ради общаго блага.

Белла привезла съ собою десертъ и двѣ бутылки вина, что общило празднеству еще невиданную торжественность. Мистрисъ Вильферъ взяла стаканъ и провозгласила тостъ:— Робертъ Вильферъ, за ваше здоровье.

— Благодарю, моя милая. А я за ваше.

— За папу и маму! подхватила Белла.

— Позволь, позволь, вступелась мистрисъ Вильферъ, протягивая свою перчатку:— я, кажется, пила за здоровье твоего отца. Впрочемъ, если ты хочешь включить туда и меня, я конечно могу быть только благодарна.

— Господи Боже мой, мама, виѣшалась смѣлая Лавви:— развѣ нынче не тотъ день, въ который вы и папа стали одна плоть? Право, съ вами никакого терпѣнія не хватаетъ.

— Чѣмъ бы ни былъ этотъ день ознаменованъ, я не допущу, чтобы мои же дѣти возставали на меня. Я прошу, я приказываю, чтобы ты замолчала: я надѣюсь, что теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь здѣсь слѣдуетъ напомнить Робертъ Вильферъ, что вы должны повелѣвать, я — повиноваться. Это вашъ домъ и вы полный хозяинъ за своимъ столомъ. За здоровье насъ обоихъ! (Залпомъ).

— Я, право, боюсь, моя милая, смиренно намекнуть херувимъ:— что вамъ недовольно весело?

— Напротивъ, отвѣтила мистрисъ Вильферъ:— вполне И почему бы мнѣ могло быть невесело?

— Я думала, моя милая, потому, что ваше лицо...

— Мое лицо можетъ выражать муки, но кому какое до того дѣло, если я улыбаюсь.

И она улыбнулась. Отъ этой улыбки у бѣднаго Джорджа Самсона кровь застыла въ жилахъ. Этотъ юный джентльменъ, встрѣтивъ ея улыбку, былъ такъ ею встревоженъ, что невольно сталъ перебирать въ умѣ своемъ, въ чемъ бы онъ могъ провиниться, чтобы навлечь ее на себя.

— Въ подобный день, сказала мистрисъ Вильферъ:— умъ невольно погружается, не знаю какъ собственно сказать, въ мечты или въ воспоминанія.

Лавви, сидѣвшая съ скрещенными руками и вызывающимъ выраженіемъ лица, пробормотала едва слышно:

— Да ну, ужъ рѣшите, одно или другое.

— Умъ, продолжала мистрисъ Вильферъ, ораторскимъ голосомъ:— естественно стремится къ родителямъ, я разумѣю своихъ родителей, когда еще не было помину о нынѣшнемъ днѣ.

Всѣ находили, что я высока. Должно быть, это и дѣйствительно было. Батюшка и матушка были, безъ сомнѣнія, высокаго роста. Я мало встрѣчала женщинъ величавѣ моей матери, и рѣшительно никого лучше моего отца.

Неугомонная Лавви замѣтила вслухъ :

— Каковъ бы онъ тамъ ни былъ, дѣдушка-то, но онъ, конечно, не могъ быть женщиной.

— Вашъ дѣдушка, продолжала мистрисъ Вильферъ, съ зловѣщимъ взглядомъ и зловѣщимъ тономъ:— былъ таковъ, какимъ я его описываю, и заставлялъ бы прикусить языкъ всякаго изъ своихъ внуковъ, который бы въ томъ усомнился. Завѣтной мыслью моей матушки было выдать меня за высокаго человѣка. Быть можетъ, это была слабость, но если я не ошибаюсь, она раздѣляла эту слабость съ королемъ Фридрихомъ прускимъ. (Замѣчанія эти относились къ мистеру Самсону, который, не рѣшаясь вступить съ ней въ единоборство, спустился какъ можно ниже подъ столъ и опустил глаза, почему мистрисъ Вильферъ продолжала еще болѣе строгимъ и выразительнымъ голосомъ, какъ-бы намѣреваясь принудить его къ сдачѣ). У матушки, повидимому, было смутное предчувствіе того, что послѣ случилось, потому что она не разъ говорила мнѣ: Только не выходи за маленькаго. Общай мнѣ, дитя мое, что ты не выйдешь замужъ за маленькаго человѣка. Ни за что, ни за что за маленькаго! Батюшка также иногда замѣчалъ мнѣ, что «семейство китовъ не должно родниться съ салакушками». Онъ былъ необыкновенно остроуменъ и всѣ блестящія умы того времени искали его знакомства и нашъ домъ былъ для нихъ сборнымъ мѣстомъ. Я помню, въ одно время у насъ собиралось не менѣе трехъ граверовъ на мѣди, которые блистали другъ передъ другомъ остроумными выходками и отвѣтами. (Здѣсь мистеръ Самсонъ сдался военноплѣннымъ, и безпокойно ворочаясь въ креслѣ, замѣчаетъ, что три—очень много, и что это, должно быть, было весьма занимательно). Въ числѣ самыхъ видныхъ представителей этого кружка, былъ одинъ джентльменъ въ шесть футовъ четыре дюйма. Онъ не былъ граверъ (мистеръ Самсонъ безъ всякой видной причины замѣтилъ: о, конечно!). Этотъ джентльменъ оказывалъ мнѣ лестное вниманіе, которое я не могла не понять (мистеръ Самсонъ замѣтилъ, что когда дѣло доходитъ до того, то всякій можетъ догадаться). Я тотчасъ же объявила обоимъ родителямъ, что это ухаживаніе было тщетно, потому что я не могу согласиться на его предложеніе. Они спросили, не потому ли, что онъ слишкомъ высокъ? Я отвѣтила, что не ростъ, а умъ его слишкомъ величественъ. Въ нашемъ домѣ, говорила я имъ, господствуетъ тонъ до того блестящій, и наши знакомства такъ

насканны, что я, женщина, не надѣюсь ихъ поддержать въ обиденной жизни. Я очень хорошо помню, какъ матушка всплеснула руками и воскликнула: — это кончится маленькимъ чело-вѣкомъ! (Мистеръ Самсонъ бросилъ торопливый взглядъ на своего амфитріона и грустно покачалъ головой). Она послѣ дошла до прямого предсказанія, что я выйду замужъ за маленькаго чело-вѣка, котораго умственныя способности будутъ ниже обыкновеннаго уровня, но это было въ припадкѣ материнскаго сожалѣнія. Черезъ мѣсяць, продолжала мистрисъ Вильферъ, понижая тонъ, какъ будто бы рассказывая какую нибудь повѣсть о привидѣніяхъ: — черезъ мѣсяць я въ первый разъ увидала мистера Вильфера, моего мужа. Черезъ годъ я вышла за него замужъ. Совершенно естественно припоминать въ этотъ день всѣ эти мрачныя совпаденія.

Мистеръ Самсонъ, избавившись наконецъ отъ надзора мистрисъ Вильферъ, вздохнулъ свободнѣе и слѣлалъ оригинальное и глубокомысленное замѣчаніе, что рѣшительно невозможно объяснить себѣ эти предчувствія. Робертъ Вильферъ почесалъ въ затылкѣ, обвелъ весь столъ взоромъ, просившимъ прощенія, свисхожденія, и остановивъ его наконецъ на женѣ, которая, казалось, была еще въ болѣе мрачномъ настроеніи духа, чѣмъ прежде, снова попытался намекнуть: — моя милая, я право думаю, что вамъ не довольно весело? На что она еще разъ отвѣтила: — напротивъ, Робертъ Вильферъ, вполне.

Положеніе несчастнаго мистера Самсона на этомъ веселомъ празднествѣ было по истинѣ достойно сожалѣнія. Онъ долженъ былъ беззащитный нетолько выносить одинъ весь напоръ красно-рѣчія мистрисъ Вильферъ, но и выдерживать градъ обидныхъ насмѣшекъ со стороны Лавиніи, которая отчасти для того, чтобы доказать Беллѣ, какую она имѣетъ надъ нимъ власть, отчасти для того, чтобы наказать его за прежнее поклоненіе красотѣ Беллы, рѣшительно отравляла его существованіе. Просвѣтленный съ одной стороны блестящимъ красно-рѣчіемъ мистрисъ Вильферъ, омраченный съ другой стороны насмѣшками и шпильками молодой женщины, которой онъ вполне предался послѣ первой неудачи, мистеръ Самсонъ испытывалъ муки, одинъ видъ которыхъ раздиралъ душу. Если его бѣдный умъ совершенно подкопился подъ этимъ двойнымъ гнетомъ, то въ защиту его можно сказать, что онъ никогда не былъ твердъ на ногахъ.

Часы незамѣтно пролетѣли въ подобной пріятной бесѣдѣ и Белла стала собираться въ обратный путь. Херувимчикъ долженъ былъ ее провожать. Выполнивъ обрядъ прощанія, они очутились

на свободѣ, и мистеръ Вильферъ глубоко потянулъ въ себя чистый воздухъ, какъ-бы находя въ немъ большое наслажденіе.

— Ну, милый папа, теперь день можно считать оконченнымъ, сказала Белла.

— Да, моя милая, отвѣтилъ херувимъ:—еще одинъ миновалъ.

Белла бѣпче прижала его руку, на которую опиралась, и нѣсколько разъ съ сочувствіемъ погладила ее.

— Спасибо, моя милая, отвѣтилъ онъ, словно она что-нибудь ему сказала: — я совершенно счастливъ. А какъ ты поживаешь, Белла?

— Я ничуть не исправилась, папа.

— Не можетъ быть?

— Право, папа. Я даже, напротивъ, стала хуже прежняго.

— Господи! воскликнулъ херувимъ.

— Я стала хуже, папа. Я такъ часто считаю, сколько мнѣ нужно будетъ годового дохода, когда я выйду замужъ, что у меня на носу уже появились морщины. Замѣтилъ ты, папа, морщины у меня на носу?

Папа засмѣялся въ отвѣтъ, за что Белла его нѣсколько разъ потрепала по плечу.

— Нечего смѣяться, сэръ, когда красавица становится безобразной. Лучше заранѣе приготовьтесь къ тому. Еще нежножко, и моя страсть къ деньгамъ начнетъ проглядывать и въ глазахъ; а когда вы это увидите, вамъ станетъ жалко, и это будетъ подѣломъ, зачѣмъ не позаботились вѣ-время. Ну-съ, сэръ, если мы пустились уже на откровенности, не найдется ли и у васъ какихъ-нибудь секретовъ.

— Я думалъ, что ты хотѣла что-то мнѣ рассказать, душа моя.

— Будто бы вы это думали — такъ зачѣмъ же вы тотчасъ не спросили, какъ мы вышли изъ дому. Довѣріемъ хорошенькихъ жещицъ не шутять. Ну, ужъ такъ и быть, я васъ на этотъ разъ прощаю. Повернитесь-ка сюда—и приложивъ къ губамъ указательный пальчикъ правой руки, она дотронулась имъ до губъ отца: — вотъ вамъ поцалуй. Ну-съ, и теперь я намѣрена не въ шутку сообщить вамъ, погодите-ка, я сосчитаю сколько — да, четыре секрета. Да смотрите, секреты-то важные, и должны остаться между нами.

— Номеръ первый, душа моя? сказалъ отецъ, съ довѣріемъ прижимая ее руку.

— Номеръ первый, папа, проговорила Белла: — поразить васъ, какъ громомъ. Кто бы вы думали — и здѣсь, несмотря на свой шутливый тонъ, она немного замялась — сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

Папа взглянулъ ей въ лицо, потомъ въ землю, потомъ снова ей въ лицо, и объявилъ, что онъ рѣшительно не въ состояніи отгадать.

— Мистеръ Роксмитъ.

— Быть не можетъ, душа моя!

— Мис—теръ Рок—смитъ, папа, повторила Белла, растягивая слова для большей выразительности. — Ну, что вы на это скажете?

Папа очень спокойно отвѣтилъ на это, контр-вопросомъ:

— Что жъ ты на это сказала, душа моя?

— Я сказала: нѣтъ, рѣзко отвѣтила Белла. — Разумѣется.

— Да, разумѣется, задумчиво повторилъ отецъ.

— И я сказала ему, что считаю это нарушеніемъ довѣрія, которымъ онъ пользовался, и оскорбленіемъ для меня, сказала Белла.

— Да, разумѣется. Я, право, удивляюсь, какъ это онъ могъ рѣшиться, не вывѣдавъ прежде, куда ли вѣтеръ дуетъ. Впрочемъ, подумавъ немного, мнѣ кажется, что онъ всегда восхищался тобой.

— Извозчикъ можетъ восхищаться мною, замѣтила Белла, съ величавостью, свойственною ей матери.

— И это очень возможно, душа моя. Нумеръ второй, моя милая?

— Нумеръ второй, папа—на ту же тѣму, только не такъ нелѣпъ. Мистеръ Лайтвудъ сдѣлалъ бы мнѣ предложеніе, еслибъ я допустила его до того.

— Понимаю; значитъ, ты не намѣрена допускать до этого?

Белла опять съ нетерпѣніемъ отвѣтила: разумѣется, нѣтъ! такъ что отецъ почелъ себя вынужденнымъ тоже откликнуться:—о, да, разумѣется.

— Я совершенно равнодушна къ нему, сказала Белла.

— Этого достаточно, замѣтилъ отецъ.

— Нѣтъ, папа, вовсе недостаточно, подхватила Белла:—развѣ я не сказала тебѣ сейчасъ только, какое продажное маленькое существо я теперь стала. Оно достаточно только потому, что у него нѣтъ ни денегъ, ни кліентовъ, ни ожиданій въ будущемъ—ничего, кромѣ долговъ.

— Ого! замѣтилъ херувимъ, съ легкимъ отгѣвкомъ грусти.— Нумеръ третій, моя милая?

— Нумеръ третій будетъ получше. Важное дѣло, благородное, чудное дѣло. Мистрисъ Бофинъ сама сказала мнѣ подъ секретомъ—а такой правдивой души, я думаю, не сыщется другой на свѣтѣ— сказала мнѣ, что они хотятъ меня прилично пристроить, и что если я выйду замужъ съ ихъ согласія, то дадутъ мнѣ хорошенькое приданое. — При этихъ словахъ благодарная дѣвочка непритворно заплакала.

— Не плачь, душа моя, началъ отецъ, поднося руку къ глазамъ: — это позволительно мнѣ, когда я вижу, что мое дорогое дѣтище, послѣ столькихъ разочарованій, наконецъ будетъ хорошо пристроено и будетъ имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, но *тебѣ* — то зачѣмъ плакать, *тебѣ* зачѣмъ плакать. Я очень благодаренъ. Поздравляю тебя отъ всей души. — Добрый, мягкосердечный человѣчекъ утеръ свои слезы, и Белла, несмотря на то, что они были на улицѣ, обняла его, нѣжно поцаловала, приговаривая, что онъ лучшій отецъ и лучшій другъ, и что въ день своей свадьбы она на колѣняхъ будетъ просить у него прошенія за то, что она когда нибудь въ своей жизни досаждала ему и не знала цѣну такой терпѣливой, сочувственной, вѣчно юной и свѣжей души. При каждомъ прилагательномъ она снова и снова принималась его цаловать, и наконецъ зацаловала его до того, что у него свалилась шляпа и покатилась по вѣтру, такъ что онъ былъ принужденъ пуститься въ погоню, что послужило ей нестоицимымъ источникомъ смѣха.

Возвратясь со шляпой и едва переведя духъ, онъ спросилъ ее:

— А нумеръ четвертый, моя милая?

Лицо Беллы изъ веселаго вдругъ сдѣлалось скучнымъ.

— Можетъ быть, мнѣ лучше было бы отложить четвертый нумеръ до другого раза. Пойнтаюсь-ка я еще нѣсколько времени не вѣрить своимъ подозрѣнiямъ.

Внезапная перемена, происшедшая въ ней, еще сильнѣе заинтересовала херувима.

— Не вѣрить — не вѣрить, чему моя милая?

Белла задумчиво посмотрѣла на него и покачала головой.

— И однако, я увѣрена, папа, я слишкомъ увѣрена.

— Душа моя, замѣтилъ отецъ: — я, право, начинаю безпокоиться. Не отказала ли ты еще кому нибудь?

— Нѣтъ, папа.

— Или, можетъ быть, дала кому свое согласіе? продолжалъ онъ, поднимая брови.

— Нѣтъ, папа.

— Можетъ быть, есть кто нибудь, которому ты еще не сказала ни да ни нѣтъ, душа моя?

— Нѣтъ, на сколько я знаю.

— Не можетъ же быть, чтобы нашелся кто-нибудь, кто не ищетъ этого согласія и которому однако ты дала бы его? замѣтилъ херувимъ въ видѣ послѣдняго возможнаго предположенія.

— Конечно, нѣтъ, папа! воскликнула Белла.

— Конечно, согласился онъ: — и потому, душа моя, мнѣ остает-

ся или не спать эту ночь, или я долженъ выпытать у тебя четвертый номеръ.

— Ахъ, папа, мало въ немъ хорошаго въ этомъ четвертомъ номерѣ. Я такъ сожалѣю о немъ, такъ неохотно вѣрю ему, такъ искренно старалась какъ можно долѣе срывая его отъ себя, что, право, больно упоминать о немъ даже тебѣ. Мистеръ Бофинъ съ каждымъ днемъ мѣняется, счастье рѣшительно испортило его.

— Милая моя Белла, я надѣюсь, я увѣренъ, что этого быть не можетъ.

— Я также надѣялась, я также была увѣрена, папа, но онъ съ каждымъ днемъ ведетъ себя хуже и хуже. Не со мной.—Со мной онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ — но съ другими, его окружающими. На моихъ глазахъ онъ становится подозрительнѣе, капризнѣе, жестокѣе, несправедливѣе. Если когда либо хорошій человѣкъ былъ испорченъ неожиданнымъ счастьемъ—то это мой благодѣтель. И однако, подумай только, папа, какъ страшно обаяніе денегъ! Я вижу это, и боюсь этого и ненавижу это, а сама не знаю, не сдѣлаютъ ли деньги изъ меня что нибудь еще хуже. Деньги постоянно у меня въ мысляхъ, и во всей жизни передъ собой я вижу только деньги, деньги, деньги и то, что деньги могутъ сдѣлать изъ жизни.

V.

Золотой мусорщикъ попадаетъ въ дурное общество.

Ошибалась ли свѣтлая, умная голова Беллы Вильферъ, или дѣйствительно золотой мусорщикъ не выдержалъ тяжелаго испытанія? Злыя вѣсти быстро распространяются, и потому мы скоро узнаемъ всю правду.

Въ тотъ же вечеръ, когда она возвратилась домой съ семейнаго праздника, случилось нѣчто такое, что она видѣла собственными глазами и слышала собственными ушами. Въ одномъ углу бофинскаго дома была небольшая комната, извѣстная всѣмъ подъ названіемъ собственной комнаты мистера Бофина. Далекое уступая въ великолѣпїи остальному его дому, эта комната отличалась гораздо бѣльшимъ комфортомъ и удобствомъ, въ ней царствовала какая-то уютность, которая была изгнана торжественною роскошью изъ остальныхъ блестящихъ покоевъ, несмотря на всѣ старанія и мольбы мистера Бофина. Такимъ образомъ, хотя она была очень скромная комната, но окна ея выходили на тотъ уголокъ, гдѣ сиживалъ прежде съ своимъ лоткомъ Сайлесъ Вегъ, и

хотя въ ней не видать было ни бархату, ни шелку, ни позолоты, она сдѣлалась такимъ любимымъ учрежденіемъ для отдыха и покоя, какъ на примѣръ старый, обносившійся халатъ или туфли, которыхъ вы ни на что не промѣняете. Поэтому, когда Бофинъ приходило въ голову провести вечерокъ спокойно, счастливо въ своемъ домашнемъ кружкѣ, они вѣчно отиравались въ комнату мистера Бофина и располагались около его уютнаго камелька.

Входя на лѣстницу, Белла узнала, что мистеръ и мистрисъ Бофинъ сидятъ въ своемъ любимомъ уголкѣ. Отиравшись прямо туда, она нашла тамъ и секретаря, повидимому, бывшего тамъ по должности, ибо онъ почтительно стоялъ съ бумагами въ рукахъ передъ мистеромъ Бофиномъ, который сидѣлъ развалился въ своемъ покойномъ креслѣ.

— Вы заняты, сэръ, сказала Белла, остановившись въ нерѣшительности у дверей.

— Ни мало, моя милая. Вѣдь ты не гостья, а членъ нашего семейства. Войди, войди, и старуха тутъ сидитъ на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ.

Мистрисъ Бофинъ съ улыбкой кивнула головой, и Белла, взявъ книгу, усѣлась на стулъ подлѣ рабочаго столика рядомъ съ мистрисъ Бофинъ и прямо противъ золотого мусорщика.

— Ну, Роксмитъ, сказалъ послѣдній, такъ крѣпко ударяя рукою по столу, что Белла вздрогнула: — на чемъ бишь я остановился.

— Вы говорили, сэръ, отвѣчалъ секретарь очень неохотно и бросая взглядъ на обѣихъ дамъ: — что, по вашему мнѣнію, настало время назначить мнѣ содержаніе.

— Не гнушайтесь, любезный, называть платимыя вамъ деньги жалованьемъ, сказалъ рѣзко мистеръ Бофинъ: — чортъ возьми, я никогда не толковалъ о содержаніи, когда самъ служилъ.

— Настало время назначить мнѣ жалованье, повторилъ секретарь.

— Я надѣюсь, вы негорды, Роксмитъ? замѣтилъ Бофинъ, смотря на него искоса.

— Я надѣюсь, что нѣтъ, сэръ.

— Я никогда не былъ гордъ, когда находился въ бѣдности, продолжалъ Бофинъ: — гордость не къ лицу бѣдности. Помните это всегда. Да это очень понятно. Бѣдному человѣку нечѣмъ и гордиться. Это просто — глупость.

Наклонивъ слегка голову и съ видомъ нѣвотораго удивленія, секретарь, казалось, хотѣлъ подтвердить замѣчаніе своего хо-

зянна, шевеля губами, точно повторяя его послѣднее слово «глупость».

— Ну, поговоримъ же о вашемъ жалованьѣ, продолжалъ Бофинъ:—присядьте.

Секретарь сѣлъ.

— Отчего вы прежде не сѣли? спросилъ подозрительно мистеръ Бофинъ: — я надѣюсь, что не изъ гордости? Но возвратимся къ жалованью. Я обдумалъ это дѣло, и полагаю достаточнымъ для васъ двѣсти фунтовъ въ годъ. Что вы на это скажете? Довольно ли вамъ?

— Благодарствуйте, ваше предложеніе очень приличное.

— Я не говорю, чтобъ оно было болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и я вамъ скажу, почему, Роксмитъ. Человѣкъ съ состояніемъ, какъ я, обязанъ всегда брать въ соображеніе рыночную цѣну. Сначала я на это смотрѣлъ не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало, но впоследствии я познакомился съ другими людьми, имѣющими состояніе, и понялъ всѣ обязанности, которыя налагаютъ на человѣка состояніе. Я не долженъ возвышать рыночную цѣну, по той только причинѣ, что не дорожу деньгами. Баранъ стобитъ на рынкѣ столько-то, и я долженъ за него заплатить именно столько, и ни гроша болѣе. Секретарь стодитъ столько-то, и я долженъ заплатить за него столько-то, и ни гроша болѣе. Впрочемъ, я не прочь и прибавить вамъ.

— Вы очень добры, мистеръ Бофинъ, отвѣчалъ секретарь съ нѣкоторымъ принужденіемъ.

— Такъ мы рѣшили, двѣсти фунтовъ въ годъ, снова началъ Бофинъ:—это дѣло конченное. Но теперь надо, чтобъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что я покупаю за двѣсти фунтовъ въ годъ. Если я плачу за барана, то покупаю его совсѣмъ, цѣликомъ; точно такъ же если я плачу за секретаря, то я его покупаю совсѣмъ, цѣликомъ.

— То-есть, другими словами, вы покупаете все мое время.

— Конечно. Это не значитъ, чтобы я хотѣлъ навалить на васъ столько работы, чтобы вы были заняты весь день, нѣтъ — вы всегда можете на минуту, на двѣ взять книгу почитать, если вамъ нечего дѣлать болѣе полезнаго, хотя я думаю, вы всегда найдете занятіе поважнѣе. Но я хочу, чтобъ вы всегда, всегда были у меня подъ рукою. Потому я желаю всегда васъ видѣть, когда ни пошлю, отъ вашего завтрака и до вашего ужина.

Секретарь молча поклонился.

— Въ то время, когда я самъ служилъ, продолжалъ Бофинъ:— я не могъ дѣлать что хотѣлъ, потому и вы не можете ожидать, чтобы вы были въ состояніи все дѣлать по своей волѣ. Вы

взяли въ послѣднее время эту привычку, но это, быть можетъ, произошло отъ недостатка правильной системы въ нашихъ отношеніяхъ. Теперь мы все это распредѣлимъ, и когда вамъ нужно будетъ куда отлучиться, то спрашивайте у меня позволенія.

Секретарь снова поклонился, но его манеры ясно выражали безпокойство, удивленіе и сознаніе собственнаго униженія.

— Я велю провести колольчикъ отсюда въ вашу комнату, и буду звонить, когда вы мнѣ понадобитсяъ. Вотъ все, кажется, что я вамъ хотѣлъ сказать.

Секретарь всталъ, собралъ свои бумаги и молча вышелъ изъ комнаты. Белла проводила его глазами до двери, и потомъ взглянувъ на мистера Бофина, развалившагося въ своемъ покойномъ креслѣ, опустила голову и сосредоточила свое вниманіе на книгѣ, бывшей у нея въ рукахъ.

— Я далъ этому мальчишкѣ, моему молодому человѣку, слишкомъ много воли, произнесъ Бофинъ вставая, и пройдя раза два по комнатѣ:—онъ зазнался. А этого не должно быть. Его надо немного осадить. Человѣкъ съ состояніемъ имѣетъ обязанности по отношенію къ другимъ людямъ съ состояніемъ и долженъ строго смотрѣть за тѣми, кто поставленъ гораздо ниже его.

Белла чувствовала, что мистрисъ Бофинъ было какъ-то неловко и что глаза доброй женщины старались вывѣдать, какое впечатлѣніе произвели на нее слова золотого мусорщика, поэтому она опустила голову и углубилась въ книгу.

— Нодди, задумчиво произнесла мистрисъ Бофинъ, бросая работу.

— Что, милая? отвѣчалъ Бофинъ, останавливаясь посреди комнаты.

— Прости меня, Нодди; но мнѣ кажется, что не слишкомъ ли ты строгъ былъ сегодня съ мистеромъ Роксмитомъ? Право, ты какъ-будто совсѣмъ измѣнился и не тотъ, что бывало.

— Надѣюсь, старуха, отвѣчалъ мистеръ Бофинъ весело, даже хвастливо.

— Какъ, надѣнешься?

— Быть здѣсь такими, какъ мы были въ старину, не пристало. Неужели ты этого еще не поняла? Быть такими, какъ мы были въ старину, значитъ — отдать себя въ добычу мошенникамъ и грабителямъ. Мы въ старину не имѣли состоянія, а теперь имѣемъ; это большая разница,

— Ахъ! промовила мистрисъ Бофинъ, снова откладывая свою работу и тяжело вздыхая:—большая разница.

— И мы обязаны идти въ уровень съ переменной, продолжалъ золотой мусорщикъ: — мы не должны ударить лицомъ въ грязь—

вотъ что. Мы должны теперь вѣрно держать то, что имѣемъ, ибо всѣ слятся опустить руку поглубже въ нашъ карманъ, а мы должны не забывать, что деньги дѣлаютъ деньги, точно такъ же какъ я все на свѣтѣ.

— А помнишь ли, Нодди, замѣтила мистрисъ Бофинъ, устремивъ глаза на каминъ: — какъ ты говорилъ мистеру Роксмиу, когда онъ въ первый разъ посѣтилъ насъ въ Павильонѣ, что еслибъ небу было угодно сохранить жизнь Джона Гармона, то мы бы совершенно довольствовались одной кучей, достававшейся намъ по наслѣдству, и никогда не желали бы большаго?

— Какъ же, я помню это, старуха; но вѣдь мы тогда еще не попробовали, что значить владѣть всѣми кучами. Мы еще тогда не примѣряли новыхъ башмаковъ, а они пришлись намъ какъ разъ впору. Мы носимъ ихъ теперь и должны выступать согласно новой обуви.

Мистрисъ Бофинъ молча принялась за работу.

— Что же касается до моего молодого человѣка, до Роксмита, продолжалъ мистеръ Бофинъ, понижая голосъ и бросая подозрительные взгляды на дверь, словно боясь, что его подслушиваютъ:— то онъ все равно, что лакей. Я нашель, что или господа должны ихъ прижимать, или они будутъ прижимать господъ. Если не обходишься съ ними свысока, то они не считаютъ васъ выше себя, особливо если имъ извѣстна ваша первоначальная жизнь. Вѣрь мнѣ, старая барыня, что надо принять на себя гордый видъ или совершенно пропадешь.

Белла взглянула изъ-подъ своихъ опущенныхъ рѣсницъ на золотого мусорщика, и на нѣбогда открытомъ, добромъ лицѣ его увидѣла ясныя слѣды подозрительности, скрытности, корыстолюбія.

— Однако, прибавилъ онъ:—этотъ разговоръ не долженъ быть интересенъ для мисъ Беллы. Не правда ли, Белла?

Хитрая Белла взглянула на него задумчивымъ взглядомъ, словно весь ея умъ былъ сосредоточенъ на ея книгѣ и она не слыхала ни слова изъ общаго разговора.

— А! Ты занята! Это, конечно, лучше, чѣмъ слушать нашу болтовню. Къ тому же, тебя-то нечего учить самоуваженію.

— Я надѣюсь, вы не считаете меня надменной, отвѣчала Белла, покраснѣвъ отъ комплимента.

— Нимало, моя милая. Но по мнѣ, это очень похвальная черта, что въ твои годы ты такъ хорошо знаешь свѣтъ, и на что бить. Ты совершенно права. Бей на деньги, милая моя. Деньги—лучшая цѣль въ жизни. Ты сдѣлаешь большія деньги твоей красотой и тѣми деньгами, которыя мы съ мистрисъ Бофинъ будемъ имѣть удовольствіе тебѣ назначить въ приданое — такъ что ты

будешь жить и умрешь богатой. Вотъ лучшее положеніе для человѣка, и въ жизни и передъ смертью — быть богатымъ! торжественно прибавилъ золотой мусорщикъ.

Мистрисъ Бофинъ взглянула съ безпокойствомъ на своего мужа, и обернувшись къ Беллѣ, промолвила:

— Не обращай на него вниманія, моя милая.

— Что? воскликнулъ мистеръ Бофинъ:—не обращать на меня вниманія?

— Я не это хотѣла сказать, отвѣчала мистрисъ Бофинъ: — я только просила ее быть вполне увѣренной, что ты, несмотря на свои слова, остаешься добрымъ, благороднымъ человѣкомъ, ибо ты — лучший изъ людей; да, Нодди, ты все же и всегда будешь лучшимъ изъ людей.

Она произнесла эти слова такимъ тономъ, точно онъ не соглашался съ нею, чего, конечно, ему никогда и въ голову не приходило.

— Что же касается до тебя, милая Белла, прибавила мистрисъ Бофинъ, все тѣмъ же безпокойнымъ голосомъ:—то онъ, право, какъ отецъ любитъ тебя, интересуется тобою, все равно, что бы ни говорилъ.

— Да, да! Все равно, что бы ни говорилъ! воскликнулъ Бофинъ:—я открыто въ этомъ сознаюсь. Ну, подалуй меня, милая, и позволь мнѣ подтвердить слова моей барыни. Я очень тебя люблю и совершенно раздѣляю твои мысли; будь увѣрена, что мы вмѣстѣ съ тобою постараемся нажать для тебя богатства. Твое красивое личико (которымъ ты могла бы совершенно справедливо гордиться, хотя ты этого и не дѣлаешь) стоитъ много денегъ и ты обратишь его въ деньги. На эти деньги ты наживешь еще большія деньги. У твоихъ ногъ золотой клубокъ, который, катаясь, все будетъ болѣе и болѣе увеличиваться. Ну, прощай, голубушка.

По какому-то странному случаю, Белла далеко не была такъ довольна увѣреніями и планами золотого мусорщика, какъ можно было бы ожидать. Прощаясь съ мистрисъ Бофинъ, она не могла не замѣтить безпокойства на лицѣ доброй женщины и очевиднаго желанія извинить своего мужа; Беллѣ сдѣлалось какъ-то странно неловко, и идя въ свою комнату, она спрашивала себя: «За чѣмъ она старается его извинить? Точно это нужно? Все, что онъ говорилъ, я увѣрена, очень умно и справедливо. Я сама повторяю себѣ то же самое каждый день. Развѣ оно мнѣ теперь не нравится? Да, не нравится, и я осуждала его за эти слова, несмотря на то, что онъ мой благодѣтель. Что же значить это противорѣчіе?» спрашивала она себя, смотрясь въ зеркало.

Зеркало, храня торжественное молчаніе, не удостоило ее отвѣтомъ, и Белла долго не могла уснуть въ эту ночь, но не отъ одной бессонницы, какой-то гнетъ тяготилъ ея сердце. На другое утро она снова стала слѣдить за мрачнымъ облакомъ, ежеминутно увеличивавшимся на челѣ золотого мусорщика.

Съ нѣкотораго времени она постоянно сопутствовала ему въ его утреннихъ прогулкахъ по улицамъ и принимала участіе въ довольно странномъ препровожденіи времени. Проведя почти всю свою жизнь въ мрачной дырѣ, мистеръ Бофинъ теперь съ дѣтскимъ восторгомъ любилъ глазѣть въ окна магазиновъ, что составляло также большое счастье и его доброй женѣ. Впродолженіе многихъ лѣтъ они выходили на лондонскія улицы только по воскресеньямъ, когда магазины закрыты, и потому теперь, когда каждый день въ недѣлѣ былъ для нихъ праздникомъ—они находили огромное удовольствіе въ разсматриваніи блестящихъ, великолѣпныхъ, вѣчно обновляющихся выставокъ въ окнахъ магазиновъ. Мистеръ и мистрисъ Бофинъ смотрѣли на улицы точно какъ на театръ, гдѣ давали постоянно новыя, неизвѣстныя имъ пьесы, которымъ они съ дѣтскимъ восторгомъ рукоплескали. Но теперь, повидимому, все вниманіе мистера Бофина сосредоточивалось на книжныхъ лавкахъ, и притомъ на одномъ родѣ книгъ.

— Посмотри, милая, говорилъ Бофинъ, останавливая Беллу передъ каждымъ книжнымъ магазиномъ:—у тебя глаза отличные, и ты можешь читать издали. Посмотри, пожалуйста, и скажи мнѣ: нѣтъ ли тутъ какой книжки о скупыхъ.

Если отвѣтъ Беллы былъ утвердительный, то мистеръ Бофинъ тотчасъ стремительно бросался въ магазинъ и покупалъ указанную книгу. И все же, точно ничего не нашли, они отправлялись далѣе, отыскивали новый книжный магазинъ, и опять мистеръ Бофинъ говорилъ:

— Посмотри хорошенько, Белла, нѣтъ ли тутъ «Жизни Скупаго» или какойнибудь другой подходящей книги, жизни какихънибудь странныхъ, эксцентричныхъ людей, которые могли быть и скупыми.

Белла, получивъ такое приказаніе, со вниманіемъ разсматривала всѣ книги, выставленныя въ окнѣ, пока мистеръ Бофинъ пристально слѣдилъ за ея глазами. Какъ только она указывала пальцемъ на книгу, подъ названіемъ «Біографія эксцентричныхъ людей», «Анекдоты о странныхъ личностяхъ» или что-нибудь въ этомъ родѣ, лицо Бофина тотчасъ сіяло радостью и онъ бросался въ лавку. Ему было все равно до величины, достоинства и цѣны книги, благо бы только онъ надѣялся найти въ ней біографію

какогонибудь скупого — онъ тотчасъ покупалъ ее и тащилъ къ себѣ домой. Услыхавъ случайно отъ книгопродавца, что въ «Статистическомъ Ежегодникѣ» есть отдѣлъ, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о характеристическихъ занятіяхъ людей, онъ купилъ всю коллекцію ихъ за нѣсколько лѣтъ, надѣясь непремѣнно найти тамъ богатую поживу; впродолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль онъ таскалъ къ себѣ «Ежегодники», томъ за томомъ, и когда эта работа кончилась и оказалась вполне напрасной, онъ принялся съ еще большею жаждою за прежніе поиски.

Вскорѣ стало совершенно излишне говорить Беллѣ, чего исвать; она уже прямо подходила къ каждому книжному магазину и отскаивала нужную вещь. Утро за утромъ ходили они по улицамъ Лондона все съ одной и той же цѣлью, и такъ-какъ литература о скушныхъ не очень обильна, то, конечно, успѣхъ въ ихъ поискахъ относился къ неудачѣ какъ 1 къ 100. Несмотря на то, мистеръ Бофинъ не успокоивался и все съ прежнимъ увлеченіемъ охотился за скупыми. Всего замѣчательнѣе во всей этой исторіи было то, что Белла никогда не видала въ домѣ купленныхъ ими книгъ, и мистеръ Бофинъ съ своей стороны никогда не упоминалъ о ихъ содержаніи. Онъ, казалось, пряталъ своихъ скупыхъ такъ же бережно, какъ тѣ прятали деньги; какъ они жаждали денегъ и сохраняли ихъ въ тайнѣ, такъ и онъ жаждалъ ихъ самихъ и сохранялъ ихъ въ тайнѣ. Но не было никакого сомнѣнія, особливо для Беллы, что чѣмъ болѣе онъ доставалъ этихъ мрачныхъ книгъ, тѣмъ менѣе и неохотнѣе сталъ самъ выдавать деньги. Часто, когда онъ выходилъ изъ магазина, неся въ рукахъ описаніе жизни одного изъ такихъ съумасшедшихъ, Белла невольно содрогалась отъ сухой, отвратительной улыбки, искажавшей его лицо. Повидимому, мистрисъ Бофинъ ничего не знала о новомъ вкусѣ своего мужа; онъ самъ никогда не говорилъ объ этомъ иначе какъ съ Беллой, и то лишь во время ихъ утреннихъ прогулокъ, а Белла съ своей стороны не упоминала ничего изъ деликатности, чтобъ не измѣнить довѣрію, которое оказывалось ей, а также изъ опасенія причинить безпокойство бѣдной женщинѣ, огорченное лицо которой въ описанный нами случай не выходило изъ ея головы.

Между тѣмъ, пова все это происходило, мистрисъ Ламль сдѣлала важное открытіе, именно, что Белла имѣла на нее какое-то чарующее вліяніе. Сначала Ламли, представленныя Венриригами, посѣщали Бофиновъ только по важнымъ случаямъ, и мистрисъ Ламль не имѣла ни малѣйшаго понятія о чарующемъ вліяніи Беллы, но теперь она вдругъ сдѣлала это великое открытіе. — Это вліяніе необычайное, странное, удивительное, говорила она мистрисъ Бофинъ: — меня ужасно привлекаетъ красота, но это не то: я ни-

когда не могла устоять передъ изящными, граціозными манерами, но и это не то: тутъ что-то больше, что-то неизъяснимое. Нельзя рассказать или опредѣлить, какъ этотъ прелестный ребенокъ очаровалъ меня.

Прелестный ребенокъ, узнавъ объ этомъ отъ мистрисъ Бофинъ, которая чрезвычайно гордилась когда хвалили Беллу, очень естественно призналъ въ мистрисъ Ламль много вкуса и проникательности. Желая отплатить ей той же монетой, Белла начала обходиться съ мистрисъ Ламль чрезвычайно любезно, и тѣмъ дала возможность этой почтенной барынѣ такъ обойти себя, что вскорѣ сама почувствовала чарующее вліяніе Софроніи, хотя никогда не выражала этого чувства такъ восторженно, какъ пламенная мистрисъ Ламль. Какъ бы то ни было, онѣ стали такъ часто видаться, такъ близко подружались, что вырождение нѣкотораго времени въ блестящихъ экипажахъ Бофиновъ гораздо чаще каталась Софронія, чѣмъ сама мистрисъ Бофинъ. Добрая женщина нисколько не жаловалась на это предпочтеніе, а очень спокойно замѣчала, что мистрисъ Ламль гораздо болѣе товарищъ Беллѣ по годамъ, чѣмъ она, и притомъ она гораздо приличнѣе.

Хотя дружба Беллы Вильферъ съ Софроніей Ламль и походила на дружбу этой послѣдней съ Джорджіаной Подзнаицъ, но была одна большая разница: Беллѣ нечего было опасаться чарующаго вліянія Альфреда. Она очень не жаловала его и питала къ нему большое недовѣріе; даже—такова была ея сметливость и наблюдательность — она подозрительно смотрѣла и на самую Софронію, но изъ тщеславія поборола въ себѣ это чувство и замкнула его въ самомъ отдаленномъ уголкѣ своего ума.

Мистрисъ Ламль приняла самое горячее участіе въ судьбѣ Беллы; съ жаромъ толковала она о томъ, какую выгодную партію ей надо сдѣлать, и увѣряла, что должна непременно показать своей очаровательной Беллѣ всѣхъ ея знакомыхъ богачей, которые бросятся тотчасъ къ ея ногамъ съ мольбою принять ихъ сердце и миліоны. Дѣйствительно, при первомъ удобномъ случаѣ, мистрисъ Ламль представила Беллѣ самаго приличнаго изъ пріателей Альфреда, одну изъ тѣхъ хвастливыхъ, беспокойныхъ, мрачныхъ личностей, которыя вѣчно хлопотали на биржѣ по дѣламъ греческаго, испанскаго, индѣйскаго и мексиканскаго займовъ, и возились съ дисконтомъ, преміями, акціями и т. д. Этотъ баринъ разсыпался въ любезностяхъ передъ Беллой, но такимъ тономъ, словно передъ нимъ было нѣчто, соединяющее въ себѣ и хорошенькую дѣвушку, и кровную лошадь, и модный кабріолетъ, и отличную сигару. Всѣ его старанія пропали даромъ,

даже всё прелести очаровательнаго Фледжеби не произвели никакого впечатлѣнія на Беллу.

— Я боюсь, милая Белла, сказала однажды мистрисъ Ламль, катаясь съ нею въ бофинскомъ экипажѣ:—что вамъ очень трудно понравиться.

— Я вовсе не ожидаю, чтобъ мнѣ ктонибудь понравился, милая, отвѣчала Белла, томно опуская глазки.

— Конечно, голубушка, замѣтила Софронія, съ улыбкой качая головой:— нелегко найти человѣка, который былъ бы вполне достоинъ васъ.

— Вопросъ не въ человѣкѣ, моя милая, отвѣчала Белла очень сухо:—а въ состояніи и положеніи въ свѣтѣ.

— Ахъ, голубушка, какія вы благоразумныя! право, я удивляюсь, гдѣ вы успѣли такъ хорошо изучить свѣтъ. Да, вы совершенно правы, для васъ главное—состояніе и положеніе въ свѣтѣ. Вы не можете выйти замужъ изъ дома мистера Бофина, за перваго встрѣчнаго, и потомъ, еслибы одна ваша красота, но такъ-какъ мистеръ мистрисъ Бофинъ...

— Ахъ, это уже давно рѣшено, перебила ее молодая дѣвушка.

— Какъ, неужели?

Оскорбленная тѣмъ, что мистрисъ Ламль подозрѣвала, не прибавила ли она, Белла рѣшилась не отступать.

— То-есть, поспѣшно объяснила она:—они мнѣ говорили, что намѣрены назначить мнѣ приданое, какъ усыновленному ребѣнку. Но, пожалуйста, не говорите никому объ этомъ.

— Сказать, повторила мистрисъ Ламль, какъ-бы не понимая, что это даже возможно:—сказать комунибудь!

— Я вамъ говорю это, мистрисъ Ламль, начала-было снова Белла, но та перебила ее.

— Называйте меня Софроніей, или мнѣ придется тоже звать васъ мисъ Вильферъ, голубушка моя Белла.

— О! возразила Белла съ нетерпѣніемъ:—хорошо. Такъ, Софронія, я вамъ могу сказать, что я убѣждена, что у меня нѣтъ сердца и такой вещи вообще нѣтъ на свѣтѣ, несмотря на всё пустяки, которыми кричатъ и проповѣдуютъ.

— Храбрая дѣвочка! промолвила мистрисъ Ламль.

— И такъ, продолжала Белла:— я вовсе не ищу, чтобъ мнѣ ктонибудь понравился, исключая, конечно, въ одномъ отношеніи.

— Но вѣдь ты не можешь запретить себѣ нравиться другимъ, Белла, замѣтила мистрисъ Ламль съ улыбкой:— вы не можете запретить, чтобы вашъ будущій мужъ восхищался и гордился вами. Вамъ, можетъ быть, все равно, нравитесь ли вы ему или нѣтъ, и нравится ли онъ вамъ или нѣтъ, но вы не можете за-

ставить себя не нравиться другимъ, это совершенно невозможно, и потому вопросъ въ томъ, нельзя ли такъ устроить, чтобы и вашъ мужъ вамъ нравился.

Грубая простота этой лести возбудила въ Беллѣ желаніе доказать ей, что она дѣйствительно нравилась, вопреки своему желанію. Она инстинктивно сознавала, что нехорошо дѣлаетъ и что ея откровенность можетъ въ послѣдствіи ей повредить, но мало она предчувствовала, какія именно будутъ послѣдствія отъ ея необдуманнхъ словъ.

— Не говорите лучше о томъ, что можно нравиться, нимало этого не желая, сказала она:—ужъ я довольно этого испытала.

— Ага! воскликнула мистрисъ Ламль:—значить, я угадала.

— Но, лучше не будемъ объ этомъ говорить, не спрашивайте меня ни о чемъ болѣе.

Ясно понимая, что это запрещеніе спрашивать значило въ сущности: пожалуйста, спроси—мистрисъ Ламль отвѣчала:

— Нѣтъ, милая Белла, скажите мнѣ непременно, какая это колючая вѣтка прицѣпилась къ прелестному вашему платью, такъ-что вамъ трудно было страхнуть ее?

— Досадно, право, что этой колючкой нельзя гордиться, лучше не спрашивайте.

— Хотите, я догадаюсь?

— Никогда не догадаетесь. Что вы скажете, напримѣръ, про нашего секретаря?

— Какъ, вашъ секретарь, который лазаетъ себѣ вверхъ и внизъ по черной лѣстницѣ и никогда не показывается въ люди?

— Я не знаю, какъ онъ лазаетъ по чернымъ лѣстницамъ, презрительно отвѣчала Белла:— но очень простой причинѣ, что онъ никогда этого не дѣлаетъ. Что же касается до того, что онъ никогда не показывается въ люди, то я была бы этому очень рада, но увь, онъ слишкомъ часто бываетъ на виду. Какъ бы то ни было, я по несчастью понравилась ему и онъ имѣлъ дерзость мнѣ въ этомъ признаться.

— Но вѣдь онъ никогда не дѣлалъ прямого объясненія, Белла! воскликнула мистрисъ Ламль.

— Увѣрены ли вы въ этомъ, Софронія? отвѣчала Белла:—я, съ своей стороны, нисколько. Дѣло въ томъ, что я увѣрена въ совершенно-противоположномъ.

— Онъ долженъ быть сумасшедшій, замѣтила мистрисъ Ламль спокойно.

— Онъ, кажется, былъ въ ту минуту въ полномъ разумѣ и имѣлъ многое сказать въ свою пользу. Я объяснила ему, что думала о немъ, о его поступкахъ и объясненіи и прогнала его. Ко-

нечно, все это было мнѣ очень неприятно, и до сихъ поръ это для всѣхъ всѣхъ тайна, потому я надѣюсь, Софронія, что вы никому объ этомъ не расскажете.

— Я комунибудь рассказать! повторила мистрисъ Ламль съ ожесточеніемъ.

На этотъ разъ столько было искренности въ ея восклицаніи, что она нашла нужнымъ нагнуться и поцаловать Беллу. Поцалуя этотъ походилъ на поцалуя Иуды предателя, ибо крѣпко пожимая руку Беллы, она думала про себя: «Но теперь, когда ты себя выказала въ настоящемъ свѣтѣ надменная, бездушная дѣвчонка, взлѣблянная безумной глупостью мусорщика, мнѣ нечего жалѣть тебя. Если мой мужъ, подославшій меня къ тебѣ, захочетъ тебя сдѣлать жертвой какихънибудь низкихъ плановъ, то, конечно, я уже на этотъ разъ ему мѣшать не стану».

Въ эту самую минуту Белла думала съ своей стороны: «Отчего я всегда колеблюсь, всегда веду борьбу сама съ собою? Зачѣмъ я рассказала то, что, какъ я очень хорошо сознаю, должно было бы остаться тайною? Зачѣмъ я дружусь съ этой женщиной, когда сердце мнѣ шепчетъ не знаться съ нею?»

Эти же самые вопросы она снова задала зеркалу, пріѣхавъ домой, и снова зеркало не дало ей никакого отвѣта. Быть можетъ, еслибъ она спросила у другого, лучшаго оракула, то результатъ былъ бы удовлетворительнѣе, но она этого не сдѣлала, и все, что могло отъ этого измѣниться, продолжало идти своимъ путемъ.

Продолжая слѣдить пристально за мистеромъ Вофинномъ, Белла очень занята была вопросомъ, слѣдить ли за нимъ также секретарь и видитъ ли въ немъ такую же пережѣну, какъ она? Вопросъ этотъ ей было очень трудно разрѣшить, ибо она очень мало имѣла теперь столкновеній съ мистеромъ Роксмитомъ. Ихъ сношенія ограничивались только поддержкой приличій передъ мистеромъ и мистрисъ Вофинъ; если же когда случалось, что они оставались вдвоемъ, то секретарь тотчасъ уходилъ. Она часто тайкомъ смотрѣла пристально на его лицо, стараясь такимъ образомъ угадать его мысли, но всѣ ея усилія ни къ чему не приводили. Онъ, казалось, совершенно покорно переносилъ свою судьбу и обладалъ такой силой воли, что у него не двигался ни одинъ мускулъ лица, что бы ни говорилъ ему Вофинъ въ присутствіи Беллы, какъ бы ни выказывалъ себя въ дурномъ свѣтѣ. Слегка нахмуренныя брови, означавшія только усиленное вниманіе, и крѣпко сжатія губы, быть можетъ, сдерживавшія презрительную улыбку — вотъ все, что она видѣла на этомъ лицѣ, холодномъ, неподвижномъ.

номъ, какъ-бы выточеномъ изъ мрамора. И это продолжалось утро за утромъ, день за днемъ, недѣля за недѣлей.

Всего же досаднѣе во всей этой исторіи было для Беллы то, что она, слѣдя за мистеромъ Бофинномъ, вѣчно слѣдила и за Роксмитомъ. Она себя за это очень упрекала, и постоянно, по нѣскольку разъ въ день, задавала себѣ все одни и тѣ же вопросы: «Не заставитъ ли его *это* измѣнить хоть на минуту его выраженіе? Неужели *это* не производитъ на него никакого впечатлѣнія? Неужели онъ такъ низокъ, что продалъ самую свою натуру за двѣсти фунтовъ въ годъ?»

— «Отчего же и нѣтъ?» отвѣчала она сама себѣ по временамъ: «вѣдь и у другихъ, кромѣ него, все сводится къ вопросу о деньгахъ. Мнѣ кажется, и я продала бы себя, еслибъ дали хорошую цѣну».

И снова она начала думать о себѣ, снова предавалась внутренней борьбѣ.

Мало по малу выраженіе лица мистера Бофина начало замѣтно измѣняться, старинная простота и чистосердечіе теперь ступали какой-то маской хитрости. Даже въ его добродушной улыбкѣ было теперь что-то хитрое, словно онъ изучалъ улыбки скупыхъ по ихъ портретамъ. Исключая немногихъ случаевъ, когда онъ выходилъ изъ себя или проявлялъ свою неограниченную власть, онъ сохранилъ свое прежнее, веселое, добродушное расположеніе духа, но оно теперь какъ-то постоянно говорило о недогадливости и подозрительности; даже въ минуты шумной веселости, когда онъ хохоталъ во все горло и глаза его блестяли удовольствіемъ, онъ какъ-то странно охватывалъ себя руками, словно охраняя себя отъ вѣчно грозившихъ ему нападеній.

Слѣдя постоянно за двумя лицами и сознавая вполне, что подобное занятіе должно было отражаться и на ея собственномъ лицѣ, Белла вскорѣ пришла къ тому убѣжденію, что изъ всѣхъ ихъ у одной только мистрисъ Бофинъ выраженіе лица было естественное, чистосердечное, хотя и оно далеко не было столь покойное и счастливое, какъ бывало; нѣтъ, на немъ отражалось вѣрнымъ признакомъ горя и сожалѣнія каждая новая пережѣна въ золотомъ мусорщикѣ.

— Роксмитъ, сказалъ однажды вечеромъ мистеръ Бофинъ, когда они всѣ по обыкновенію сидѣли въ его комнатѣ и онъ провѣрялъ какіе-то счеты съ секретаремъ: — я слишкомъ много проживаю денегъ или, по крайней мѣрѣ, вы слишкомъ ихъ много расходуете для меня.

— Вы богаты, сэръ.

— Нѣтъ, нимало, отвѣчалъ Бофинъ.

Рѣзкій отвѣтъ этотъ почти прямо говорилъ въ лицо секретарю, что онъ лжетъ, но его лицо все же сохранило свое обыкновенное, неизмѣняемое ничѣмъ выраженіе.

— Я вамъ говорю, я небогатъ, продолжалъ Бофинъ: — я не хочу этого болѣе терпѣть.

— Вы небогаты, сэръ? повторилъ секретарь очень почтительно.

— Ну, если и богатъ, то это мое дѣло, возразилъ Бофинъ. — Я не намѣренъ расходовать столько денегъ для вашего или чьего бы то ни было удовольствія. Вамъ бы небось это не понравилось, еслибъ эти деньги были ваши.

— Даже въ этомъ случаѣ, совершенно невозможно, сэръ, я...

— Молчать! крикнулъ золотой мусорщикъ: — вамъ не должно это нравиться во всякомъ случаѣ. Ну, вотъ я и всплилъ; право, я не хотѣлъ вамъ сказать грубость, но вы вывели меня изъ терпѣнія, да и потомъ я здѣсь господинъ. Я, право, не хотѣлъ вамъ сказать, чтобъ вы замолчали, извините меня, и сдѣлайте одолженіе, не молчите, но только не поперечьте мнѣ. Читали ли вы когданибудь «Жизнь мистера Эльвса?» прибавилъ Бофинъ, неожиданно обращаясь къ своему любимому предмету.

— Знаменитаго скупца?

— Да, его называли скупымъ, но вѣдь злые языки чего не говорятъ. Читали ли вы когданибудь его жизнь?

— Кажется.

— Онъ никогда не сознавался, что онъ богатъ, однако, онъ могъ бы меня купить со всѣмъ, что у меня есть, и все еще у него осталось бы болѣе моего. А слышали ли вы когданибудь о Даниелѣ Дансерѣ?

— Другой знаменитый скупецъ!

— Да.

— Вотъ былъ такъ молодецъ, и онъ имѣлъ еще достойную себѣ сестру. Они никогда не называли себя богатыми, и, вѣроятно, еслибъ они въ этотъ признавались, то никогда не были бы такими богатыми.

— Ихъ жизнь и смерть были самыя несчастныя, не такъ ли?

— Нѣтъ, я этого не знаю, рѣзко отвѣчалъ Бофинъ.

— Такъ это не тѣ скупцы, о которыхъ я говорю. Тѣ были презрѣнные нег...

— Не ругайтесь, Роксмитъ, прервалъ его Бофинъ.

— Тѣ образцовые братъ и сестра жили и умерли въ самомъ презрѣнномъ и унижительномъ положеніи.

— Они были довольны, и я полагаю, что бѣдшаго они никогда не добились бы, еслибы и сорили своими деньгами. Ну, какъ бы

то ни было, я не намѣренъ бросать свои деньги на вѣтеръ. Уменьшите расходы. Дѣло въ томъ, Роксмитъ, что вы слишкомъ мало времени здѣсь бываете. Надо слѣдить зорко за всякой бездѣлицей, или вы доведете насъ до богадельни. Но не въ томъ дѣло теперь. Вы отказались отъ своей квартиры?

— Да-съ, по вашему указанію, сэръ.

— Такъ знаете ли, что я вамъ скажу, продолжалъ Бофинъ:— заплатите впередъ за треть и переѣзжайте прямо къ намъ, такъ чтобъ вы могли во всякое время дня и ночи наблюдать за всѣмъ въ видахъ пониженія расходовъ. Вы, конечно, поставите деньги за треть на мой счетъ, мы ихъ постараемся воротить какой нибудь экономіей. У васъ, кажется, есть прехорошенькая мѣбель?

— Да-съ, вся мѣбель въ моей комнатѣ—моя собственность.

— Значитъ, намъ не придется ничего покупать вамъ. Если же вы съ благородной совѣстливостью захотите себя успокоить и переведете свою мѣбель на мое имя, какъ-бы въ уплату за полученные вами деньги, то-есть въ уплату за вашу квартиру, то не церемоньтесь и успокойте вашу совѣсть. Конечно, я этого не требую, но и не намѣренъ вамъ помѣшать, если вы сочтете это своимъ долгомъ. Что касается до комнаты, то выберите себѣ какую хотите въ верхнемъ этажѣ.

— Мнѣ все равно, хоть первая попавшаяся, отвѣчалъ секретарь.

— Вы можете себѣ выбрать любую и не забывайте, что такимъ образомъ ваше жалованье увеличится восемью или десятью шиллингами въ недѣлю. Я не намѣренъ ихъ вычитать у васъ, но надѣюсь, что вы ихъ воротите съ лихвою значительнымъ уменьшеніемъ въ расходахъ. Ну, теперь если вы мнѣ посвѣтите, то я пошелъ бы въ контору и продиктовалъ бы вамъ письма два.

Во время этого разговора Белла замѣтила на лицѣ доброй мистрисъ Бофинъ такіе ясные слѣды отчаянія, что она не смѣла взглянуть на нее, когда онѣ остались одни въ комнатѣ. Подъ предлогомъ, что она очень занята, Белла не подымала головы отъ своей работы и быстро водила иглой пока ея рука не была неожиданно остановлена крѣпкимъ пожатіемъ. Она чувствовала, какъ добрая, честная женщина поднесла ея руку къ своимъ губамъ, чувствовала какъ слеза омочила ее.

— О, милый мой Нодди! промолвила мистрисъ Бофинъ:— тяжело, грустно это видѣть и слышать! Но вѣрь мнѣ, Белла, что, несмотря на всю эту перемяну, онъ все же лучшій изъ людей.

Мистеръ Бофинъ возвратился въ эту самую минуту и воскликнулъ, смотря подозрительно на нихъ обѣихъ:

— Что это она тебѣ говорить, Белла?

— Васъ хвалить, сэръ.

— Меня хвалить? Да полно такъ ли? Не бранить ли скорѣе за то, что я защищаюсь всѣми силами отъ толпы грабителей, сляпшихся высосать изъ меня послѣднюю копейку?

Съ этими словами онъ подошелъ къ женѣ, и та, положивъ руки къ нему на плечо, грустно покачала головой.

— Ну вотъ, барыня, очень нужно, промолвилъ онъ довольно нѣжно.

— Я не могу видѣть тебя такимъ, Нодди, милый.

— Глупости! Помни, что мы не тѣ теперь, что были прежде. Помни, что мы должны жать, или насъ прижмутъ. Помни, что мы должны сохранять то, что имѣемъ, и никогда на забывай, что деньги дѣлаютъ деньги. А ты, Белла, дитя мое, не безпокойся: чѣмъ болѣе я сохраню, тѣмъ болѣе ты получишь.

Какъ хорошо для доброй женщины, подумала Белла, что она припала головой къ плечу горячо любимаго мужа и не видитъ его лица. Въ глазахъ его блеснуло столько коварной хитрости, что переживна, происшедшая въ немъ, казалась еще уродливѣе, еще отвратительнѣе въ нравственномъ отношеніи.

VI.

Золотой мусорщикъ попадаетъ еще въ худшее общество.

Въ послѣднее время мистеръ Сайлесъ Вегъ очень рѣдко являлся въ домъ баловня судьбы, а ожидалъ его въ павильонѣ въ извѣстные часы. Это распоряженіе очень не нравилось мистеру Вегу, ибо часы эти выпали на вечернее время, которое онъ считалъ самымъ удобнымъ для разработки дружескаго предпріятія. Но это совершенно въ характерѣ выскочки, замѣчалъ съ горечью Вегъ своему другу: совершенно естественно, что человѣкъ, поправшій подъ своими ногами великія личности, мисъ Елисавету, мистера Джорджа, тѣтку Анну и дядю Паркера, сталъ притѣснять теперь своего литературнаго человѣка.

Когда римская имперія окончательно выработала свое паденіе, мистеръ Бофинъ явился въ павильонъ съ древней исторіей Роллена, но этотъ почтенный трудъ сталъ скоро грозить слушателямъ летаргическимъ сномъ и вдругъ прервался въ ту самую минуту, когда армія Александра Македонскаго, числомъ въ 40,000 человѣкъ, неожиданно разразилась горькими воплями, узнавъ, что ихъ предводителя затрясла лихорадка послѣ купанія въ какой-то рѣкѣ. Войны евреевъ, также не имѣя успѣха подъ предводительствомъ Вега, были неожиданно прекращены, и мистеръ Бофинъ привезъ

въ кэбѣ Плутарха, жизнеописанія котораго ему очень пришлось по вкусу, хотя онъ и надѣялся, что Плутархъ не обидится, если онъ не всему будетъ въ немъ вѣрить. Но тутъ-то и явился самый трудный вопросъ: чему вѣрить и чему не вѣрить; долго колебался между тремя путями, вѣрить ли ему всему или половинѣ или ничему; наконецъ, когда онъ даже рѣшился, какъ человѣкъ умѣренный, на среднюю мѣру, то все же оставался роковой вопросъ, которой половинѣ вѣрить? И черезъ этотъ послѣдній камень преткновенія, онъ, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ перешагнуть.

Однажды, когда Сайлесь Вегъ привыкъ уже къ ежедневному появленію своего покровителя въ кэбѣ въ обществѣ съ какимъ нибудь языческимъ историкомъ, который описывалъ нескончаемыя войны безчисленныхъ армій съ неизвѣстными народами, за крайними предѣлами географическаго міра, прошли назначенные часы и покровитель не явился. Продавъ еще лишнихъ полчаса, мистеръ Вегъ тихонько направился къ воротамъ и тамъ протяжно свиснулъ, давая тѣмъ знать мистеру Винесу, если таковой находился случайно вблизи, что онъ, Вегъ, дома и свободенъ. Въ ту же минуту изъ-за сосѣдней стѣны показалась фигура Винеса.

— Братъ по оружію, сказалъ Вегъ весело:—привѣтствую тебя!

Въ отвѣтъ на это Винесъ поздоровался съ нимъ нѣсколько холодно.

— Взойди, братъ, продолжалъ Сайлесь, ударяя его по плечу:— и садитесь на свое мѣсто у камина, ибо, какъ говорить баллада:

Ты злобныхъ ковъ не бойся,
И жи, измѣны не страшися!
Очагъ сей правдой свѣтитъ
И чѣмъ-то веселитъ,
И чѣмъ-то руководитъ,
Но, право, позабылъ,
Но, право, позабылъ.

Съ этимъ поэтическимъ изліяніемъ, болѣе прелестнымъ по мысли чѣмъ по исполненію, мистеръ Вегъ проводилъ посѣтителя къ своему гостепрѣимному очагу.

— И вы походите, братъ, воскликнулъ Вегъ съ восторгомъ:— ужъ я, право, не знаю на что, но отъ вашего чела сіяетъ лучезарный свѣтъ.

— Какой свѣтъ? спрашиваетъ мистеръ Винесъ.

— Свѣтъ належды, сэръ, отвѣчаетъ Сайлесь.

Мистеръ Винесъ, казалось, усумнился въ этотъ предположеніи и съ неудовольствіемъ взглянулъ на огонь.

— Мы посвятимъ нашъ вечеръ, братъ, дальнѣйшей разработ-

и дружескаго предпріятія, продолжалъ Сайлесъ:—а потомъ примемся и за бутылочку, прибавилъ онъ, стараясь быть какъ можно веселѣе и гостепріимнѣе, такъ-какъ онъ замѣтилъ, что Винесъ былъ въ очень дурномъ расположеніи духа.

— Что касается до разработки дружескаго предпріятія, замѣтилъ почтенный Винесъ, потирая волѣнки: — то я долженъ сознаться, что оно вовсе не разрабатывается.

— Братъ, отвѣчалъ торжественно Вегъ: — Римъ—городъ, начавшій близнецами и волчицей и окончившій императорскими мраморами, не былъ выстроенъ въ одинъ день.

— А развѣ я это говорилъ? спросилъ Винесъ.

— Нѣтъ, братъ, какъ вы ловко замѣчаете.

— Но, я говорю, продолжалъ Винесъ:—что меня оторвали отъ трофеевъ анатоміи и заставили возиться не съ человѣкомъ, а съ мусоромъ, и изъ этого ничего не выходитъ. Я думаю, что мнѣ придется бросить это дѣло.

— Нѣтъ, сэръ, воскликнулъ съ энтузіазмомъ Сайлесъ:—нѣтъ!

Впередъ, Честеръ, впередъ!

Впередъ, мистеръ Винесъ, впередъ!

Никогда не говорите этого, сэръ! Никогда!

— Мнѣ рѣшительно все равно чтò говорить, но я не хочу дѣлать, отвѣчалъ Винесъ:—я не могу такъ терять времени и безъ толку возиться въ мусорѣ.

— Но, подумайте, сэръ, какъ мало времени вы посвятили на разработку дружескаго предпріятія, возразилъ Вегъ: — сдѣлайте итогъ всѣмъ вечерамъ, которые вы употребили на это дѣло, и посмотрите, чтò выйдетъ? И подумайте, что вы, которые раздѣляете всѣ мои понятія, чувства и мнѣнія—вы, которые имѣете терпѣніе нанизать на проволоку дѣлаго человѣка—вы такъ скоро бросите наше дѣло!

— Мнѣ не нравится оно, отвѣчалъ мистеръ Винесъ мрачно, и опустивъ голову взбилъ свои запыленные волосы.—И потомъ ничто не поощряетъ насъ продолжать.

— И эти горы не поощряютъ васъ къ дальнѣйшимъ трудамъ! Эти горы, чтò смотрятъ на насъ! торжественно произнесъ Вегъ, указывая рукой на мусорныя кучи, виднѣвшіяся въ окно.

— Онѣ слишкомъ велики, возразилъ нахмурившись мистеръ Винесъ: — чтò значитъ для нихъ, если мы пороемся въ одномъ мѣстѣ, да поскребемъ въ другомъ? Да къ тому же, чтò мы нашли?

— Чтò мы нашли? воскликнулъ Вегъ, очень довольный, что онъ наконецъ могъ согласиться со своимъ другомъ:—я совершенно со-

гласенъ, товарищъ—ничего. Но что мы можемъ найти? Вы должны согласиться со мною, что—все.

— Я не люблю этого дѣла, снова возразилъ мистеръ Винсъ:— я принялся за него, не подумавъ хорошенько. А вѣдь поразмыслите. Не знаетъ ли эти кучи лучше насъ съ вами самъ мистеръ Бофинъ? Не былъ ли онъ близко знакомъ съ покойникомъ, съ его правомъ и привычками? И все же выказалъ ли онъ хоть разъ надежду найти чтонибудь въ этихъ кучахъ?

Въ эту минуту на улицѣ раздался шумъ экипажа.

— Я не думаю, чтобъ онъ уже дошелъ до того, чтобъ пріѣхать въ такой поздній часъ ночи, воскликнулъ Сайлесъ съ видомъ терпѣливой жертвы:—но это, кажется, онъ.

У воротъ раздался звонокъ.

— Это онъ, промолвилъ Вегъ:—ну, признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ онъ былъ способенъ на такую штуку, и право мнѣ это очень жаль, ибо я желалъ бы сохранить хоть тѣнь уваженія къ нему.

— Эй, Вегъ! раздался голосъ Бофина за воротами.

— Оставайтесь на своемъ мѣстѣ, мистеръ Винсъ, сказала поспѣшно Вегъ:— онъ, можетъ быть, ненадолго. — Иду, сэръ! Иду, закричалъ онъ во все горло, выбѣгая къ воротамъ съ фонаремъ въ рукахъ.—Подождите минутку, мистеръ Бофинъ! Я лечу, какъ только позволяетъ мнѣ моя нога!

Отворивъ ворота съ веселымъ, радостнымъ видомъ, Сайлесъ увидѣлъ сквозь окно кѣба мистера Бофина, заваленнаго со всѣхъ сторонъ книгами.

— Помогите, Вегъ, воскликнулъ мистеръ Бофинъ, взволнованнымъ голосомъ:—я не могу тронуться, пока вы не очистите мнѣ немного мѣста. Это «Статистическій Ежегодникъ», а вонъ тамъ Музей рѣдкостей—Кирби, «Замѣчательныя личности»—Кальфильда и Вильсона. И ужъ какія личности-то, я вамъ скажу! Надо вамъ выбрать штуки двѣ изъ лучшихъ и прочитать сегодня же. Просто удивительно, куда они, голубчики, ухитрились запрятать свои гниен. Вонъ, возьмите ту кучу книгъ, или дверца откроется и я выпаду въ грязь. Да нѣтъ ли когонибудь вамъ помочь?

— У меня сидитъ одинъ пріятель, который пришелъ провести со мною вечеръ, такъ-какъ я уже не надѣялся имѣть счастье васъ видѣть сегодня.

— Позовите его, воскликнулъ мистеръ Бофинъ:— пускай онъ поможетъ, да не уроните книги, что у васъ въ рукахъ. Это Дансеръ. Онъ съ сестрою питался однажды пирогами изъ падали, которую они нашли на дорогѣ. Гдѣ вашъ пріятель? А вотъ онъ!

Сдѣлайте одолженіе, помогите намъ перенести эти книги въ домъ. Но не берите Джемѣ Тейлора и Джемѣ Вуда. Я ихъ понесу самъ.

Мистеръ Бофинъ не переставалъ говорить и суетиться, пока наконецъ книги не были уложены рядами на полу и вѣдь отпущенъ.

— Ну, вотъ они теперь всѣ тутъ рядышкомъ, съ восторгомъ произнесъ мистеръ Бофинъ, пожирая глазами свои сокровища.— Достаньте свои очки, Вегъ, и я вамъ укажу, гдѣ найти самого лучшаго человѣчка, такъ что мы сразу поймемъ всю прелесть этихъ книгъ. А какъ зовутъ вашего друга?

Вегъ тотчасъ представилъ своего друга.

— А! мистеръ Винесъ! воскликнулъ Бофинъ:—изъ Клеркенвела?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Винесъ.

— Я объ васъ много слышалъ, продолжалъ тѣмъ же взволнованнымъ тономъ Бофинъ:— во времена старика. Вы его хорошо знали. А покупали вы у него чтонибудь? вдругъ спросилъ онъ съ необычайной живостью.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Винесъ.

— Но онъ вамъ показывалъ нѣкоторыя вещи, не правда ли?

Мистеръ Винесъ, перемигнувшись съ своимъ пріателемъ, отвѣчалъ утвердительно.

— Чтѣ же онъ вамъ показывалъ? спросилъ съ пламеннымъ любопытствомъ мистеръ Бофинъ:—ящички, нѣтулки, бумажники или какойнибудь свертокъ, завязанный, запечатанный?

Мистеръ Винесъ покачалъ головой.

— Вы знатокъ въ фарфорѣ?

Мистеръ Винесъ снова покачалъ головой.

— Я это спрашиваю потому, что если онъ вамъ показывалъ когданибудь чайникъ, то я очень радъ былъ бы это узнать, продолжалъ Бофинъ.—Сказавъ это, онъ приложилъ правую руку къ губамъ и очень задумчиво повторилъ нѣсколько разъ:— чайникъ! чайникъ! При этомъ онъ такъ пристально глядѣлъ на книги, разложенныя на полу, словно въ нихъ было нѣчто очень интересное, касательно чайниковъ.

Мистеръ Вегъ и Винесъ посмотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ, и Сайлесь, надвѣвая очки, значительно взглянулъ черезъ нихъ и хлопнулъ себя рукой по носу, въ знакъ того, что надо держать ухо востро.

— Чайникъ, чайникъ, снова повторилъ Бофинъ, продолжая глядѣть съ любовью на книги:—ну, что жъ вы готовы, Вегъ?

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ, отвѣчалъ почтенный джентльменъ, занимая свое обычное мѣсто у стола и пряча подъ него свою ногу:—мистеръ Винесъ, будьте такъ добры, присядьте подлѣ меня и окажите намъ услугу, снимая со свѣчей.

Винсъеь тотчасъ исполнилъ желаніе своего друга, который сильно толкнулъ его ногой, чтобъ обратить все его вниманіе на мистера Бофина, задумчиво стоявшаго у каминна между двухъ сваемекъ, на которыхъ помѣщались наши друзья.

— Гм! Гм! произнесъ Вегъ, чтобъ обратить на себя вниманіе Бофина:—съ чего прикажете начать?

— Какъ называется эта книга, Вегъ? спросилъ Бофинъ, доставъ изъ своего боюваго кармана маленькую книжонку и осторожно подавая ее своему литературному человѣку.

— Это—сэръ, отвѣчалъ Сайлесь, отрывая заглавный листокъ:— «Жизнеописанія знаменитыхъ свущовъ». Мистеръ Винсъеь, сдѣлайте одолженіе, подвиньте свѣчки, прибавилъ Вегъ, и пользуясь этимъ случаемъ, взглянулъ съ изумленіемъ на своего товарища.

— О комъ изъ нихъ тутъ писано? спросилъ мистеръ Бофинъ:— вы можете это найти?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Сайлесь, отыскивая оглавленіе. — О, да тутъ, я думаю, они всѣ описаны, порядочная коллекція — вотъ Джонъ Оверсъ, Джонъ Литль, Дикъ Джарель, Джонъ Эльвсъ, пасторъ Джонсъ, Даніель Дансеръ...

— Ну-ка Дансера, Вегъ, прервалъ его мистеръ Бофинъ.

Бросивъ еще разъ удивленный взглядъ на Винеса, Сайлесь отвѣсилъ нужную страницу.

— Глава восьмая. Содержаніе. «Его рожденіе и состояніе. Его одежда и внѣшній видъ. Мисъ Дансеръ и ея красота. Замокъ скупца. Находка клада. Исторія о пирогахъ изъ падали. Мысли скупца о смерти. Бобъ, собака скупца. Гриффитъ и его господинъ. Какъ ставить копейку ребромъ? Чѣмъ замѣнить огонь? Преимущества табакерки. Скупецъ умираетъ безъ рубашки. Сокровища, скрытыя въ навозной кучѣ...»

— Что? Что? воскликнулъ Бофинъ.

— Сокровища, скрытыя въ навозной кучѣ, повторилъ очень явственно Сайлесь.—Мистеръ Винсъеь, сдѣлайте одолженіе, снимите со свѣчки, прибавилъ онъ только для того, чтобъ имѣть возможность произнести шопотомъ—*мусорной!*

Мистеръ Бофинъ подвинулъ къ камину кресло, и усѣвшись въ него, произнесъ, потирая руки:

— Ну-ка, послушаемъ про Дансера.

Мистеръ Вегъ началъ читать біографію этого замѣчательнаго человѣка; миновавъ всѣ различныя фазисы скупости, смерть мисъ Дансеръ, долго питавшейся однимъ холоднымъ пудингомъ, и смерть мистера Дансера, который согрѣвалъ себѣ обѣдъ тѣмъ, что садился на него и умеръ голый, Вегъ продолжалъ:

«— Дождь, или лучше, града разваливъ, въ которыхъ жилъ

мистеръ Дансеръ, досталась послѣ его смерти капитану Гольмсу. Это было самое несчастное жилище, ибо оно не поправлялось въ продолженіе полулѣтъ».

Тутъ Вегъ взглянулъ на своего друга и на стѣны комнаты, которая также не видала поправокъ уже многіе годы.

«— Но хотя нищенское по вѣшнему виду, это жилище скрывало внутри огромныя богатства. Нѣсколько недѣль потребовалось для того, чтобъ отыскать все, что находилось въ этомъ домѣ, и капитанъ Гольмсъ считалъ очень пріятнымъ занятіемъ эти поиски тайныхъ кладовъ».

Вегъ повторилъ «тайныхъ кладовъ» и толкнулъ ногой своего пріятеля.

«— Одной изъ самыхъ полныхъ шкатулокъ мистера Дансера, оказалась навозная куча на скотномъ дворѣ, гдѣ нашли до двухъ тысячъ пятисотъ фунтовъ. Также въ одной старой фуфайкѣ, старательно свернутой и приколоченной внутри ясель въ конюшнѣ, открыли до пятисотъ фунтовъ золотомъ и банковыми билетами».

Вегъ снова толкнулъ ногой мистера Винеса, но такъ сильно, что тотъ привскочилъ.

«— Найдено было также нѣсколько горшковъ, полныхъ монетами, и въ углахъ дома между досками вытащено нѣсколько свертковъ банковыхъ билетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ засунуты были въ трещины стѣнъ».

Тутъ мистеръ Винесъ взглянулъ пристально на стѣны.

«— Свертки такіе же были спрятаны подъ подушками креселъ и зашиты въ нихъ».

Винесъ подозрительно заглянулъ подъ свою скамейку.

«— Нѣсколько банковыхъ билетовъ преспокойно лежали въ концѣ отверстій для ящиковъ, а на шестьсотъ фунтовъ найдено ихъ было въ старинномъ чайникѣ. Трубы также не оставили безъ подробнаго осмотра, и онѣ съ лихвой заплатили за всѣ хлопоты, ибо въ сажѣ отыскано до двухсотъ фунтовъ различными монетами».

Въ эту минуту чтеніе было прервано самымъ неожиданнымъ образомъ. Вегъ такъ высоко поднялъ свою деревянную ногу и такъ сильно толкнулъ рукой въ бокъ Винеса, что потерялъ равновѣсіе и упалъ на своего друга. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ни тотъ, ни другой не могли очнуться отъ нашедшаго на нихъ столбняка.

Увидавъ, однако, что мистеръ Бофинъ попрежнему, ничего не замѣчая, покачивается въ своемъ креслѣ, устремивъ глаза на огонь, Вегъ сдѣлалъ страшное усиліе и приподнавшись самъ,

приводилъ и своего бѣднаго друга. Чтобъ скрыть все это отъ Бофина, онъ сильно расважлялся, словно это заставило его прекратить чтеніе.

— Ну-ка, еще, сказалъ Бофинъ съ жадностью голоднаго чело-
вѣка.

— Слѣдующій Джонъ Эльвсъ, сэръ. Желаете вы Джона Эльвса?

— Да, отвѣчалъ Бофинъ:— послушаемъ, чтò дѣлалъ Джонъ.

Оказалось, что этотъ скупой ничего не пряталъ въ потаенныхъ жѣстахъ, и потому его жизнь была прочитана безъ большого интереса. Потомъ слѣдовала примѣрная барыня, по имени Вильковъ, которая сохраняла свои деньги въ маленькой банкѣ, вложенной въ *футляръ отъ часовъ*, въ свою очередь скороненный подъ лѣстницей—эта барыня нѣсколько поддержала охладѣвшій интересъ. Затѣмъ на сцену явились еще двѣ барыни: одна, прикидывавшаяся нищей, и по смерти которой нашли огромную сумму денегъ, зашитыхъ въ лохмотьяхъ, и другая, торговавшая яблоками, оставившая послѣ себя десять тысячъ фунтовъ, спрятанныхъ подъ поломъ. Этихъ барынь смѣнилъ какой-то французъ, который изловчился записать въ трубу камина большой чемоданъ съ огромнымъ количествомъ драгоценныхъ камней и золотыхъ монетъ, всего на двадцать тысячъ фунтовъ, и, наконецъ, Вегъ пришелъ къ слѣдующему примѣру челоѣческой сороки-воровки:

«— Много лѣтъ тому назадъ жилъ въ Кэмбриджѣ одинъ скупой и скупая, по имени мистеръ и мистрисъ Джардинъ; они имѣли двухъ сыновей, и по смерти отца найдено было въ его постели, зашитыхъ въ матрасъ, тысяча гиней. Оба сына стали такими же скупыми и на двадцатомъ году отроду открыли лавку въ Кэмбриджѣ, которую и содержали до своей смерти. Эта лавка была извѣстна, какъ самая грязная во всемъ городѣ; никто у нихъ ничего не покупалъ, развѣ только иногда заходили изъ любопытства. Оба брата были на взглядъ отвратительны донельзя, ибо хотя ихъ окружали нарядныя матеріи въ лавкѣ, они сами ходили въ самыхъ грязныхъ лохмотьяхъ. Говорятъ, что они изъ экономіи не имѣли постели, а спали на товарныхъ тюкахъ въ лавкѣ. Что касается до ихъ ѣды, то они въ продолженіе двадцати лѣтъ не видывали куска мяса. И, несмотря на все это, когда старшій изъ нихъ умеръ, то младшій былъ очень удивленъ найдя большую сумму денегъ, которую тотъ съумѣлъ спрятать даже отъ него.

— Вотъ! воскликнулъ Бофинъ:—каково, ихъ было двое и то одинъ изъ нихъ съумѣлъ скрыть отъ другого.

Мистеръ Винсъ, который со времени разказа о французѣ на-
гнулся и пристально засматривалъ въ трубу камина, обратилъ

особенное вниманіе на послѣднюю фразу Бофина и даже взялъ на себя смѣлость повторить ее.

— Вамъ это нравится? спросилъ вдругъ Бофинъ, поворачиваясь къ нему.

— Простите, сэръ, что вы изволили сказать?

— Я спрашиваю, нравится ли вамъ то, что читалъ Вегъ?

Мистеръ Винесъ отвѣчалъ, что онъ нашелъ это чтеніе очень интереснымъ.

— Такъ приходите и въ другой разъ, сказалъ мистеръ Бофинъ:—приходите послѣ-завтра, но пораньше. А тутъ есть, что послушать—этихъ личностей безъ конца.

Мистеръ Винесъ съ благодарностью принялъ приглашеніе.

— Удивительно, сколько вещей скрываютъ, замѣтилъ Бофинъ задумчиво:—просто удивительно.

— Разумѣя подъ этимъ, сэръ, деньги? замѣтилъ Вегъ, желая вывѣдать какъ можно болѣе отъ мистера Бофина.

— Да, деньги, отвѣчалъ мистеръ Бофинъ:—и бумаги.

Мистеръ Вегъ снова перекосясь на бокъ и едва не упавъ на Винеса, но тотчасъ поправился.

— Вы сказали, что и бумаги прятали, сэръ? спросилъ онъ.

— Прятали и потомъ забывали, отвѣчалъ Бофинъ:—да вотъ книгопродавецъ сказалъ мнѣ, что въ Музей рѣдкостей... да гдѣ же Музей рѣдкостей?

И съ этими словами онъ поспѣшно опустился на колѣна и сталъ перебирать книги, разложенныя на полу.

— Не могу ли я вамъ помочь, сэръ? спросилъ Вегъ.

— Нѣтъ, я нашелъ уже, вотъ она, отвѣчалъ Бофинъ, доставая одну изъ книгъ и сдувая съ нея пыль:—это четвертый томъ, я очень хорошо помню, что книгопродавецъ прочелъ мнѣ этотъ рассказъ изъ четвертаго тома. Поищите, Вегъ.

Сайлесъ взялъ книгу и сталъ перевертывать страницы.

— Замѣчательный случай оцѣпененія, сэръ?

— Нѣтъ, это не то, отвѣчалъ Бофинъ:— это не могло быть оцѣпененіемъ.

— Жизнь генерала Джона Рида, прозваннаго Блуждающимъ Огонькомъ? Съ портретомъ, сэръ?

— Нѣтъ, все не то.

— Исторія о господинѣ, проглотившемъ золотую монету, сэръ?

— Чтобъ скрыть ее? поспѣшно спросилъ Бофинъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Сайлесъ, пробѣжавъ страницу:— это была чистая случайность. А вотъ должно быть то, что мы ищемъ: «Удивительная находка завѣщанія, пропадавшаго въ продолженіе двадцати-одного года».

— Это, это самое! воскликнулъ Бофинъ: — читайте поскорѣе.

«— Очень странное, удивительное дѣло было рѣшено на послѣднихъ ассизахъ въ Мариборо, въ Ирландіи. Оно заключалось въ слѣдующемъ: Робертъ Болдвинъ сдѣлалъ завѣщаніе въ мартѣ 1782 г., по которому онъ раздѣлилъ свои земли, за владѣніе которыми теперь тягнутся, дѣтямъ своего младшаго сына; вскорѣ послѣ этого онъ лишился своихъ умственныхъ способностей и умеръ осьмидесяти лѣтъ отроду, впадъ въ совершенное дѣтство. Теперешній отвѣтчикъ, старшій сынъ его, объявилъ, что старикъ уничтожилъ свое завѣщаніе и потому, на основаніи законовъ, вступилъ во владѣніе землями, и владѣлъ ими впродолженіе двадцати-одного года. Но по истеченіи этого времени умерла жена отвѣтчика, и онъ вскорѣ, несмотря на свои семьдесятъ-восемь лѣтъ, женился на очень молодой дѣвушкѣ, чему очень противились его два сына; эти неудовольствія между дѣтьми и отцомъ дошли до того, что онъ, въ порывѣ своего гнѣва, написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ старшаго сына лишилъ наслѣдства. Но онъ до того увлекся своимъ гнѣвомъ, что показавъ это завѣщаніе своему сыну, который, рѣшившись во что бы то ни стало уничтожить этотъ документъ, сломалъ шпательку отца, но, къ своему великому удивленію, нашелъ не завѣщаніе отца, которое искалъ, но завѣщаніе дѣда, о которомъ всѣ въ семействѣ уже давно позабыли».

— Вотъ! воскликнулъ Бофинъ:—какіе бывають случаи. Люди прячуть вещи, да потомъ и забываютъ, хотять что нибудь уничтожить и не дѣлають этого! Уди...ви...тельно! прибавилъ онъ протяжно и оминнулъ взглядомъ всю комнату.

Его примѣру послѣдовали Вегъ и Винесъ и также внимательно обвели глазами комнату. Послѣ этого Вегъ устремилъ свои глаза на Бофина такъ пристально, словно онъ хотѣлъ броситься на него съ угрозой убить его, если тотъ не откроетъ все, что знаетъ или думаетъ.

— Однако, уже поздно, промолвилъ Бофинъ послѣ нѣкотораго молчанія:—мы побольше почитаемъ послѣ-завтра. Книги вы хорошенько разставьте на полкахъ, Вегъ; вѣроятно, мистеръ Винесъ будетъ такъ добръ, что поможетъ вамъ.

Говоря это, онъ сунулъ руку въ боковой карманъ своего пальто и, послѣ долгихъ усилій, вынулъ, къ величайшему удивленію обонхъ друзей, маленькій глухой фонарь, очень старый и истертый. Не обращая никакого вниманія на ихъ неумленіе, Бофинъ поставилъ себѣ фонарь на колѣни, вынулъ спичечницу, зажечь спичку, потомъ свѣчу въ фонарь и бросилъ кончикъ спички въ каминъ.

— Я пройдуся, Вегъ, по двору, сказалъ онъ:—мнѣ васъ вовсе не нужно. Мы съ этимъ фонаремъ сотни и тысячи разъ дѣлали подобныя обходы.

— Но я, право, не могъ думать... никакъ не могъ... началъ было очень учтиво Вегъ, но Бофинъ, который уже въ это время подошелъ къ дверямъ, остановилъ его.

— Я уже вамъ сказалъ, Вегъ, что вы мнѣ вовсе не нужны.

Вегъ задумался, словно онъ не сразу понялъ смыслъ этихъ словъ, но ему ничего не оставалось сдѣлать, какъ выпустить молча мистера Бофина и закрыть за нимъ дверь. Не успѣвъ, однако, онъ это исполнить, какъ схватилъ Винеса обѣими руками и произнесъ задыхающимся шепотомъ, словно его кто нибудь душилъ:

— Мистеръ Винесъ, за нимъ надо слѣдить, его надо караулить, его не надо выпускать изъ глазъ ни на минуту.

— Отчего не надо? спросилъ Винесъ, также едва переводя духъ.

— Товарищъ, вы могли замѣтить, входа сюда сегодня вечеромъ, что я былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Я нашелъ что-то.

— Чтò вы нашли? спросилъ Винесъ, схватывая его также обѣими руками, такъ-что они теперь представляли групу двухъ сдѣвившихся гладиаторовъ.

— Теперь не время говорить. Я полагаю, что онъ пошелъ именно искать то, чтò я нашелъ. Мы должны тотчасъ идти за нимъ.

Выпустивъ другъ друга изъ своихъ мощныхъ объятій, они тихонько подкралась въ двери, открыли ее безъ малѣйшаго шума и очутились на дворѣ. Ночь была темная, и громадная тѣнь, бросаема мусорными кучами, увеличивала еще общій мракъ.

— Если онъ сюда пришелъ не съ дерзкой цѣлью, то зачѣмъ же глухой фонарь? шепнулъ Сайлесъ на ухо своему товарищу:— будь это обмывенный, то мы бы легко увидѣли все, чтò онъ дѣлаетъ. Тихонько, сюда.

И оба друга очень медленно, осторожно слѣдовали за мистромъ Бофиномъ по узенькой тропинкѣ, усѣянной по сторонамъ черепками разбитой посуды. Они слышали очень явственно, какъ онъ бѣжалъ передъ ними своей любимой рысцою, какъ хрустѣлъ угольный мусоръ подъ его ногами.

— Онъ знаетъ эти мѣста вназусь, промолвилъ Сайлесъ:— ему ненужно и фонаря поворачивать, провлятому!

Но въ эту самую минуту Бофинъ навелъ свѣтъ фонаря на первую изъ мусорныхъ кучъ.

— На этомъ мѣстѣ? спросилъ шопотомъ Винесь.

— Да, близко, отвѣчалъ Сайлесъ:—должно быть, онъ за этимъ пришелъ. Но что это у него въ рукахъ?

— Заступь, отвѣчалъ Винесь:—и онъ умѣетъ съ нею обходиться въ тысячу разъ лучше любого изъ насъ.

— Если онъ будетъ искать и найдетъ, что намъ дѣлать? зашѣтилъ Вегъ.

— Прежде всего, подождемъ и посмотримъ, отвѣчалъ Винесь.

Этотъ совѣтъ былъ очень разумный, ибо Бофинъ вскорѣ отвернулъ свой фонарь въ другую сторону и перешелъ ко второй кучи; тогда онъ снова освѣтилъ пространство передъ собою и сталъ такъ высоко приподнимать фонарь, словно хотѣлъ обозрѣть однимъ взглядомъ всю поверхность кучи.

— Не можетъ же быть, чтобъ и это было данное мѣсто, сказалъ Винесь.

— Нѣтъ, онъ теперь далеко, отвѣчалъ Вегъ.

— Мнѣ кажется, что онъ старается узнать, не возилса ли кто въ этихъ кучахъ.

— Тише! возразилъ Вегъ:—онъ удаляется все болѣе и болѣе. Ну, совсѣмъ чутье потерялъ!

Это восклицаніе вырвалось изъ груди Вега, когда фигура Бофина показалась у подножія третьей кучи.

— Онъ взбирается на нее! произнесъ Винесь.

— Да и съ заступомъ! подхватилъ Вегъ.

Скорой рысью—словно заступъ, лежавшій у него на плечѣ, придавалъ ему новыя силы, воскрешая старинныя воспоминанія—мистеръ Бофинъ взобрался наверхъ кучи по извилистой дорожкѣ, о которой онъ говорилъ Сайлесу при самомъ началѣ ихъ знакомства. При этомъ онъ отвернулъ фонарь, но наши друзья все же слѣдовали за нимъ, сгибаясь въ дугу, чтобы ихъ фигуры не обрисовались на фонѣ неба, когда онъ направитъ лучъ свѣта на кучу. Мистеръ Винесь шелъ впередъ и тащилъ на буксирѣ за собою Вега, чтобъ имѣть возможность вытянуть его деревянную ногу изъ всякой трещины, въ которую она провалится.

Вотъ золотой мусорщикъ остановился, чтобъ перевести духъ, и они сдѣлали то же.

— Это его собственная куча, шепнулъ Вегъ своему товарищу.

— Да вѣдь онъ всѣ три—его, возразилъ Винесь.

— Такъ онъ думаетъ; но онъ потому называетъ ее своею, что она ему оставлена, даже и въ томъ случаѣ, когда все состояніе перейдетъ прямому наслѣднику.

— Когда онъ повернетъ фонарь, сказалъ Винесь, пристально

слѣда за фигурой Бофина:—нагнись пониже и держись во мнѣ поближе.

Бофинъ шелъ все далѣе вверхъ по кучѣ, и они слѣдовали за нимъ. Достигнувъ верха, онъ поставилъ на землю фонарь подлѣ голаго шеста, съ давнихъ временъ торчавшаго тутъ посреди окружающаго мусора. Фонарь освѣщалъ нижнюю часть шеста, окружающую поверхность кучи, и бросалъ совершенно безвредную полосу свѣта на воздухъ.

— Онъ не станетъ же вырывать шеста! шеннулъ Винесъ, когда они согнулись въ дугу, и крѣпко прижались другъ къ другу.

— Пожалуй, онъ выдолбленъ и чѣмъ-нибудь наполненъ, отвѣчалъ Вегъ.

Съ какой-бы то ни было цѣлью, но Бофинъ, дѣйствительно, принялся копать, передъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ, засучивъ рукава и поплевавъ на руки. Онъ не имѣлъ никакихъ видовъ на шестъ, а только отсчиталъ отъ него разстояніе, равное длинѣ засова, точно также онъ нимало не намѣревался копать глубоко. Ему совершенно достаточно было съ дюжину ловкихъ ударовъ. Послѣ этого, онъ посмотрѣлъ въ углубленіе, нагнулся, и вынулъ изъ него обыкновенную несесерную стеклянку, плоскую, широкую, съ узенькимъ горлышкомъ. Покончивъ съ этимъ, онъ повернулъ фонарь, и сталъ въ темнотѣ засыпать сдѣланное отверстіе. Наши друзья-шпіоны тотчасъ поняли, что имъ пора убраться, и мистеръ Винесъ побѣжалъ внизъ первый, потащивъ за собой внизъ на буксирѣ и Вега. Но этотъ спускъ подъ гору не обошелся для Вега безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ ощущеній: его упрямая, деревянная нога, завазала посреди дороги, и Винесъ, видя, что терять времени нельзя было ни секунды, такъ сильно дернулъ его зашиворотъ, что тотъ упалъ, и всю остальную дорогу сдѣлалъ на спинѣ, спрятавъ свою голову въ полахъ своего сюртука. мистеръ Вегъ былъ такъ пораженъ этимъ новымъ способомъ путешествія, что когда достигнувъ плессти его поставилъ на ноги, онъ никакъ не могъ прійти въ себя, и никогда не нашель бы своего жилища, еслибъ Винесъ не насильно втолкнулъ его въ дверь. Даже и тогда онъ нѣсколько минутъ шатался со стороны на сторону, и какъ-то дико, бессознательно смотрѣлъ вокругъ себя, пока, наконецъ, Винесъ не привелъ его въ чувство, проѣхавшись въ волю по всей его запыленной фигурѣ крѣпкой щеткой.

Мистеръ Бофинъ не торопился своимъ возвращеніемъ, и далъ время всему прійти въ порядокъ, даже Винесъ успѣлъ перевести духъ. Не было никакого сомнѣнія, что стеклянка была на мистерѣ Бофинѣ, но гдѣ—это было неизвѣстно. На немъ былъ надѣтъ ши-

рокій, теплый пальто, застегнутый доверху такъ, что стѣланка могла находиться въ любомъ изъ полдюжины его кармановъ.

— Что съ вами, Вегъ? сказалъ Бофинъ, входя: — вы блѣдны какъ стѣариновая свѣча.

Вегъ отвѣчалъ съ удивительной точностью, что онъ чувствуетъ, словно его оттащали.

— Это желчь, замѣтилъ Бофинъ, погасивъ свѣчу въ фонарѣ, и спрятавъ его въ карманъ. — Вы страдаете желчью, Вегъ?

Мистеръ Вегъ отвѣчалъ, точно также строго придерживаясь истинѣ, что онъ, кажется, никогда не чувствовалъ ничего подобнаго въ головѣ, какъ въ эту минуту.

— Примите завтра лекарства, Вегъ, сказалъ Бофинъ:—чтобъ быть здоровымъ къ слѣдующему чтенію. Да, я и забылъ сказать, что этой мѣстности предстоитъ большая потеря, Вегъ.

— Потера, сэръ?

— Да, она потеряетъ мусорныя кучи.

Наши друзья съ такими явными усиліями побороли въ себѣ желаніе переглянуться, что рѣшительно было бы все равно, еслибъ они вынули другъ на друга глаза.

— Развѣ вы разстались съ ними, мистеръ Бофинъ? спросилъ Сайлестъ.

— Да, онѣ уходятъ изъ моихъ рукъ. Моя-то уже въ сущности все равно, что ушла.

— Вы говорите о маленькой кучѣ съ зотнутымъ въ нее шестомъ?

— Да, отвѣчалъ мистеръ Бофинъ, потирая постарому свое ухо, хотя уже съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ хитрости:—она принесла конейку и ее начнутъ свозить завтра же.

— Такъ вы ходили прощаться со старымъ другомъ? спросилъ съ улыбкой Сайлестъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бофинъ:—какой дьяволъ вложилъ вамъ въ башку такой вопросъ?

Эти слова были такъ неожиданны, такъ грубы, что Вегъ, который все вертѣлся вокругъ Бофина, стараясь какимъ нибудь образомъ ощупать гдѣ находится стѣланка, въ ту же минуту отскочилъ на нѣсколько шаговъ.

— Я нимало не хотѣлъ васъ оскорбить, сэръ, произнесъ онъ очень смиренно.

Бофинъ посмотрѣлъ на него подобно тому, какъ собака смотритъ на другую собаку, снѣжающуюся отнять у ней кость; онъ даже заворчалъ, точно какъ ворчать собаки.

— Прощайте, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, впродолженіе котораго очень подозрительно смотрѣлъ на Вега. —

Нѣтъ, не провожайте меня: ненадо, оставайтесь тутъ, я знаю дорогу и мнѣ свѣта ненадо.

Скупость, рассказы о скупости, прочитанные въ этотъ вечеръ, сильное вліяніе того, что онъ видѣлъ, и наконецъ, быть можетъ, приливъ крови къ головѣ во время его быстрого путешествія—привели Сайлеса Вега въ такое бѣшенство, что не успѣла дверь затвориться за Вофиномъ, какъ онъ бросился къ ней, таща съ собою и Винеса.

— Мы недолжны отпустить его! диво кричалъ онъ:—мы не должны отпустить его! стѣллка на немъ. Мы должны имѣть ее.

— Вы не захотите же вять ее силой? возразилъ Винесъ, стараясь его удержать.

— Не захочу? нѣтъ, захочу. Я возьму ее силой, во что бы то ни стало! Развѣ вы, трусь, такъ боитесь старика, что дадите ему уйти.

— Я такъ боюсь васъ, что не дамъ вамъ идти, промолвилъ Винесъ, схватывая его обѣими руками.

— Развѣ вы не слыхали, что онъ сказалъ? возразилъ Вегъ:—развѣ вы не слыхали, что онъ рѣшился идти противъ насъ? Развѣ вы не слыхали, что мусорныя кучи будутъ снесены и тогда конечно здѣсь обшарять каждый уголокъ? Если вы трусь и не хотите защищать свои права, то я нетрусь, пустите меня, я догоню его.

Съ этими словами онъ такъ сильно рванулся, что мистеръ Винесъ нашелъ всего удобнѣе повалиться съ нимъ вмѣстѣ на полъ, зная очень хорошо, что въ лежачемъ положеніи Вегу будетъ очень трудно встать съ его деревянной ногой. Такимъ образомъ они валялись по полу, до тѣхъ поръ, пока не раздался ввзгъ воротъ, затворяемыхъ мистеромъ Вофиномъ.

ГИЗО, О СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСТВА.

MÉDITATIONS SUR L'ESSENCE DE LA RELIGION CHRÉTIENNE, par M. Guizot. 1864. 1 vol. РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ. Сочиненіе Гизо. Переводъ священника И. Сергиевскаго, ординарнаго профессора богословія въ московскомъ университетѣ. М. 1865.

Не прошло еще двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ самыхъ тонкихъ и проникательныхъ по уму дѣятелей русскаго просвѣщенія доказывалъ, что русскій народъ рожденъ атеистомъ; разумѣется, что подобный парадоксъ, порожденный ослѣпленіемъ ума, загнаннаго обстоятельствами, не могъ быть ни для кого убѣдительнымъ; но замѣчательно самое появленіе его: оно характеризуетъ ту степень религіознаго интереса, которою отличалось еще недавно, да отличается, можетъ быть, и понинѣ русское образованное меньшинство. Дѣйствительно, ничто не можетъ быть печальнѣе того невниманія, которое у насъ оказывается религіознымъ вопросамъ.

«Всякое народное просвѣщеніе — говоритъ Хомяковъ — опредѣляется народною личностью, то-есть живою сущностью народной мысли; болѣе же всего опредѣляется оно тою вѣрою, которая въ немъ является предѣломъ его разумѣнія». Таково значеніе религіи въ связи съ другими сторонами народнаго развитія, и вотъ именно въ этомъ-то смыслѣ религіею бѣдно наше общество. Очевидно, что религія, чтобы быть предѣломъ народнаго разумѣнія, должна быть не только наивнымъ вѣрованіемъ, но и вполне осмысленнымъ и прочувствованнымъ жизненнымъ элементомъ; стало быть, необходимо постоянное движеніе религіозной мысли. Но, по странному обстоятельству, такое движеніе обнаруживается у насъ не въ сознательной части народа, то-есть не въ обществѣ, а въ народной массѣ, бѣдной развитіемъ и образованіемъ: это свидѣлствуется дѣятельною жизнью русскаго раскола. Въ нашемъ образованномъ обществѣ нѣтъ ничего подобнаго той оживленности религіозныхъ интересовъ, которою отличается вниманіе нашего народа къ расколу. Причины такого безучастія понятны: умственная жизнь

нашего образованнаго общества зависить отъ западнаго умственнаго движенія; если тамъ притихаютъ религіозные интересы, то и мы остаемся къ нимъ безучастны. Но нельзя не сказать, что это подчиненное безучастіе — крайне печально, и что выходъ изъ него необходимъ. Выходъ изъ него неизбеженъ — и въ скоромъ времени, какъ слѣдствіе общаго обновленія нашей умственной и общественной жизни; еслибы мы и сохраняли въ значительной степени бремя чуждыхъ просвѣтительныхъ вліяній, въ настоящую минуту на Западѣ совершается своего рода религіозный кризисъ, который является преимущественно какъ реакція разнымъ противорелигіознымъ ученіямъ; если могли отозваться у насъ эти ученія, то неужели мы останемся чужды этой замѣчательной реакціи противъ нихъ, и не внесемъ ни одной своей самобытной мысли въ ихъ анализъ и опроверженіе? Далѣе, въ настоящее время у насъ только и твердятъ, что о сближеніи съ народомъ: но возможно ли такое сближеніе, возможно ли вліяніе на народъ со стороны образованнаго общества, если послѣднее будетъ оставаться безучастнымъ къ верховнымъ интересамъ народной жизни, интересамъ религіознымъ? Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что мы должны, сближаясь съ народомъ, лицемѣрить и поддѣлываться къ нему въ дѣлѣ религіи; но несомнѣнно, что, подходя къ народу, мы должны быть готовы раздѣлять съ нимъ его интересъ къ вопросамъ религіознымъ и, въ силу своего образованія, должны, не оскорбляя наивнаго народнаго чувства, вносить осмысленіе и разумность въ народныя вѣрованія. Наконецъ, въ настоящую минуту передъ нашими глазами совершается еще одинъ фактъ, обязывающій насъ не оставаться безучастными къ религіознымъ интересамъ: мы разумѣемъ стремленіе представителей англиканской и американской церкви къ соединенію съ церковью православною: неужели и на это явленіе мы будемъ смотрѣть, какъ на официальную дипломатическую сдѣлку, которая можетъ совершиться или не совершиться, и успѣхъ которой мы не должны поддерживать авторитетомъ нашего религіознаго сознанія.

Таковы обстоятельства, вызывающія къ пробужденію въ настоящую минуту религіозные интересы въ нашемъ обществѣ. Посмотримъ теперь на пользу и возможныя слѣдствія этого явленія, еслибы оно состоялось (*). Есть вѣроятіе, что пробужденіе у насъ религіозныхъ интересовъ повлекло бы за собой дробленіе мнѣній общества по этимъ предметамъ. И вотъ этого-то нѣкоторые боятся

(*) Для объясненія этого явленія мы пользуемся нѣкоторыми соображеніями одной замѣчательной статьи «Дня» (№ 1 нынѣшняго года): «О движеніи религіозной мысли образованнаго класса въ Россіи».

у насъ; но намъ кажется это опасеніе несправедливымъ. Всякій процессъ умственной жизни всякаго общества состоитъ въ большемъ обособленіи личныхъ мнѣній, но въ то же время это еще не знаменуетъ полного распада общества относительно своихъ идей. Напротивъ того, опытъ неопровержимо доказываетъ, что вообще, при всякомъ движеніи мысли впередъ, единство ея, то-есть истина, выигрываетъ, и что при этомъ даже между отдѣльными личностями является гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ было прежде. Въ этомъ отношеніи времена поздняго существованія общества, поздняго періода его цивилизаціи нѣсколько похожи на его первобытныя эпохи — съ тою только разницею, что во времена позднія единство болѣе осмысленно, чѣмъ въ младенческій періодъ общества. Всего тяжеле пережить обществу моментъ своего пробужденія къ умственной дѣятельности, къ уясненію своего сознанія: тутъ, отъ недостаточной полноты въ представленіяхъ, отчасти отъ неумѣренной энергіи новыхъ идей или пробуждающихся стремленій, отъ недоразумѣній и поспѣшности въ сужденіяхъ являются рѣзкости и крайности въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ лицъ. Но и онѣ съ теченіемъ времени сглаживаются, а между тѣмъ общественная мысль начинаетъ работать на большемъ просторѣ и примиряетъ внутреннія свои противорѣчія. Такой путь умственнаго развитія, въ отношеніи религіозномъ, прошелъ нѣкогда греческій востокъ. Было время, когда и онъ кипѣлъ разнообразіемъ севтъ и расколовъ, а между тѣмъ, подъ конецъ существованія греческой имперіи, когда уже подрывались всѣ другіе общественные элементы, одно православіе, какъ вполне сознанный и уясненный всѣмъ обществомъ, связующій принципъ, одно православіе сохраняло свою жизненную крѣпость, и даже въ виду опасности не хотѣло идти на сдѣлку съ католичествомъ, предлагавшимъ ему свою помощь. Русское общество въ настоящее время выходитъ изъ младенчества мысли въ отношеніи религіозномъ и вступаетъ въ періодъ сомнѣній, колебаній, анализа своихъ религіозныхъ стремленій; стало-быть, чтобы дать имъ правильное развитіе, необходимо не стѣснять, ихъ, а напротивъ того предоставить просторъ для критики разногласій, внутри ихъ возникающихъ; въ концѣ концовъ — это самоизученіе приведетъ къ прочному и осмысленному признанію тѣхъ религіозныхъ началъ, которыя дѣйствительно свойственны русскому народу.

Итакъ, возбужденіе религіозной мысли въ русскомъ обществѣ крайне желательно; можно надѣяться, что расширеніе университетской программы богословія и основаніе новыхъ кафедръ каноническаго права в церковной исторіи будетъ сопровождаться расширеніемъ большей противъ прежняго массы богословскихъ

свѣдѣній въ нашемъ обществѣ. Но все это въ будущемъ; а что касается настоящаго, то нужно сознаться, что наша духовная литература неслишкомъ-то богата сочиненіями, которыя были бы вполне доступны и привлекательны для свѣтскихъ читателей по простотѣ своего изложенія, по силѣ своего интереса и пр. Нѣкоторые признаки оживленія замѣчаются въ нашей духовной журналистикѣ, и это не можетъ не остаться безъ вліянія на общество; но чтобы вліяніе это становилось сильнѣе и прочнѣе, необходимо, чтобы и лица, руководящія духовной журналистикой, короче узнавали и тверже помнили высокія потребности какъ современнаго просвѣщенія, такъ и современныхъ религіозныхъ обстоятельствъ. Наконецъ, мы полагаемъ, что для разумныхъ успѣховъ нашего религіознаго сознанія небезполезно намъ и знакомство съ религіозной литературой Запада. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые лица изъ нашего блага духовенства посвящали свои труды переводу западно-европейскихъ богословскихъ сочиненій — не внося, однако, въ общество ложнаго пониманія христіанскихъ истинъ и не унижая своего сана; такъ и въ наше время, мы видимъ — и съ сочувствіемъ встрѣчаемъ — дѣятельность профессора богословія въ московскомъ университетѣ, о. Сергіевскаго, который перевелъ въ прошломъ году сочиненіе кальвиниста Навила «Вѣчная жизнь», а въ нынѣшнемъ — сочиненіе Гизо: «Размышленія о сущности христіанской вѣры». Подобныя труды далеко небезполезны, и значеніе ихъ очень вѣрно указано самимъ о. Сергіевскимъ въ его предисловіи къ книгѣ Гизо, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается и его сужденіе объ этомъ сочиненіи: «Нельзя похвалиться достаткомъ у насъ книгъ общаго богословскаго содержанія, которыя могли бы возбуждать къ себѣ вниманіе людей свѣтскихъ и которыя были бы для нихъ сообразнымъ съ потребностями времени руководствомъ къ большому и большому, разумному знакомству съ тѣми важными предметами религіознаго познанія, изученіе которыхъ у большей части заканчивается годами юношескаго воспитанія. Между тѣмъ, временемъ и обстоятельствами въ наше общество не мало внесено идей, болѣе или менѣе противорелигіозныхъ, путемъ и книжнымъ, и некнижнымъ, которыя овладѣютъ вниманіемъ не однихъ юношей — тѣмъ легче, чѣмъ менѣе эти идеи встрѣчаютъ себѣ противодѣйствія мысли, полной инымъ содержаніемъ и твердо въ себѣ устроенной. При такомъ положеніи вещей, предлагаемая въ русскомъ переводѣ книга извѣстнаго французскаго ученаго и писателя можетъ принести довольную пользу большинству нашего общества. Правда, она не исчерпываетъ своего предмета вполне, сколько онъ можетъ быть исчерпанъ человѣческимъ разумомъ и

сердцемъ, но она можетъ возбудить живой интересъ къ религиозному знанію, можетъ дать нѣкоторое руководство противъ современныхъ антирелигіозныхъ идей, отклонить отъ слѣпой вѣры въ нилъ. Она не обставлена вооруженіемъ учености, но и не забываетъ дознанныхъ и оправданныхъ выводовъ науки, представляя ихъ самымъ доступнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи она можетъ быть назидательна и не для однихъ свѣтскихъ людей. Мы не отдали бы должной справедливости этой книгѣ, еслибы не сказали о ея глубоко-искреннемъ и благородно-спокойномъ тонѣ. Таково и должно быть истинное свидѣтельство вѣчнымъ истинамъ вѣры.»

Мы охотно соглашаемся съ этимъ отзывомъ почтеннаго переводчика и охотно присоединяемъ свой голосъ къ выраженному имъ желанію, чтобы книга Гизо нашла себѣ многихъ читателей у насъ въ Россіи. Это сочиненіе истинно замѣчательное по силѣ своего религиознаго воодушевленія и очень поучительное по стройно-гармоническому соединенію въ немъ строго-религіозныхъ принциповъ съ либеральными стремленіями новаго времени. Эту черту читатель замѣтитъ въ сочиненіи Гизо, съ первыхъ страницъ ея предисловія, гдѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ на современный религіозный кризисъ въ Европѣ и на тѣ потребности религіознаго общества, которыя имъ вызваны. Гизо настаиваетъ на сохраненіи христіанской вѣры во всей ея цѣлости—во имя самой свободы. По его мнѣнію, кризисъ этотъ, замечательный рѣзкими нападеніями на христіанскую религію, есть одно изъ слѣдствій того великаго умственнаго и общественнаго переворота, который послѣ многовѣковаго броженія и подготовленія разразился и совершается нынѣ. Еще съ прошлаго вѣка этотъ переворотъ ознаменовался развитіемъ идеи терпимости, которыя въ наше время привели къ тому, что утвердили почти во всей Европѣ болѣе или менѣе полную религіозную свободу. Въ другихъ сферахъ существенныя черты этого переворота—духъ науки, преобладаніе демократическаго начала и политическая свобода. Эти начала такъ прочно утвердились въ современномъ обществѣ, что теперь уже къ нимъ должны приспособляться и всѣ политическія учрежденія, и съ ними необходимо жить въ мирѣ всѣмъ властямъ нравственнымъ. Но какъ же именно относятся къ нимъ представители христіанской церкви (именно *всей* христіанской церкви, ибо нападеніе направлено противъ всего христіанства, безъ различія исповѣданій), какъ смотрять они на тѣ крупныя вопросы, о которыхъ имъ приходится препираться со свободнымъ и смѣлымъ умомъ человѣческимъ? «Можно опасаться—отвѣчаетъ самъ себѣ Гизо—что чувство этой общей опас-

ности не во всёхъ христіанскихъ церквахъ такъ ясно, такъ живо и сильно, какъ требуется существомъ дѣла. Можно сказать, что въ виду однихъ и тѣхъ же повсюду поднятыхъ вопросовъ и однихъ и тѣхъ же нападеній, повсюду направленныхъ противъ жизненныхъ фактовъ и догматовъ христіанской вѣры, христіане различныхъ исповѣданій не въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало, сосредоточиваютъ всё свой слымъ на предстоящей имъ великой борьбѣ. Впрочемъ, этому нечего много удивляться. Хотя опасность одинакова для всёхъ, но преданія, привычки, а вслѣдствіе этого и настоящія расположенія различны. Многіе изъ латинянъ убѣждены, что вѣра была бы спасена, еслибъ она была избавлена отъ свободы мысли. Многіе изъ протестантовъ воображаютъ, что они, отрываясь отъ основаній и удаляясь отъ источниковъ вѣры, только пользуются правомъ свободнаго изслѣдованія и тѣмъ не менѣе остаются христіанами. Латинство не имѣетъ достаточно довѣрія къ своимъ корнямъ и слишкомъ держится за свои вѣтви; всякое дерево нуждается въ заботливомъ уходѣ за нимъ, смотря по климату и времени года, но забота должна быть о томъ, чтобы корни дерева были цѣлы и живы. Протестанство забываетъ слишкомъ часто, что и у него есть корни, отъ которыхъ оно не можетъ оторваться, не погибнувъ—что вѣра не есть годовалое растеніе, которое можно воздѣлывать по произволу, и которое, если пропадетъ, то легко можетъ быть опять посажено. Латиняне слишкомъ трусятъ свободы, протестанты слишкомъ трусятъ авторитета. Одни думаютъ, что такъ-какъ вѣра имѣетъ неизмѣнныя основанія, то и общество религіозное не можетъ терпѣть никакого прогресса; другіе воображаютъ, будто религіозное общество не можетъ имѣть никакихъ неизмѣнныхъ сторонъ, будто религія заключается въ религіозномъ чувствѣ и въ индивидуальномъ вѣрованіи. Что стало бы съ христіанствомъ, еслибъ оно съ самаго своего рожденія было обречено на такую неподвижность, за которую стоятъ латиняне, и чѣмъ бы было теперь христіанство, еслибы, по мысли протестантовъ, оно было отдано на произволъ каждаго ума и на волю духа всякаго времени? Къ счастью, Богъ не попускаетъ, чтобы въ такомъ кризисѣ истинныя начала и истинныя блага вѣры христіанской оставались безъ добрыхъ защитниковъ. Есть и между латинянами люди, понимающіе свое время и новый общественный бытъ и умѣющіе здраво относиться къ религіозной и политической свободѣ. Есть и между протестантами люди, съ неутомимою ревностію употребляющіе во благо пріобрѣтенную протестанствомъ свободу; имъ обазаны всё тѣ общества и всё творенія, въ которыхъ выражается жизнь и дѣятельность протестан-

стантской церкви; они провозгласили и постоянно провозглашают необходимость восстановления соборовъ (синодовъ) въ церкви, то-есть необходимость ея религіозной автономіи. Изъ среди этихъ протестантовъ люди, ненаходящіе полного удовлетворенія своимъ убѣжденіямъ въ протестантской церкви, поддерживаемой государствомъ, видѣются и основываютъ свободныя церкви. И это именно люди, открыто исповѣдающіе догматы вѣры христіанской и твердо стоящіе за права законнаго авторитета въ нѣдрахъ церкви. Либеральные латиняне нашего времени суть самые ревностные защитники преданій и основныя установленія католицизма. Изъ протестантовъ самые ревностные къ свободѣ протестанства суть самые твердые охранители его ученій и его жизненныхъ уставовъ. Мирный исходъ современнаго кризиса въ христіанствѣ зависить, говоря почеловѣчески, именно отъ вліянія этихъ истинно просвѣщенныхъ членовъ церкви того или другаго исповѣданія. Такъ-какъ христіанская религія живетъ нынѣ въ присутствіи свободы, то тѣ единственно и могутъ назваться въ наше время дѣйствительными защитниками религіи, которые въ одно и то же время проповѣдуютъ во всей полнотѣ христіанскую вѣру и столь же искреннимъ сердцемъ приемяютъ испытаніе свободы. Впрочемъ, совершая свой благой и спасительный трудъ, эти люди пусть не обольщаютъ себя скорымъ и полнымъ успѣхомъ; они утверждаютъ, они распространять христіанскую вѣру, но не уничтожать въ нѣдрахъ общества невѣрія и сомнѣнія; въ царствѣ свободы по необходимости пережытаи добро и зло, истина и заблужденіе; здѣсь мысли и расположенія противоположныя являються и развиваються одновременно. «Не думайте, сказалъ Иисусъ Христовъ своимъ апостоламъ, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ» (Мате. X, 34). Этотъ мечъ Христовъ есть христіанская истина, поборающая заблужденіе и несовершенство челоѣческое; побѣда, но побѣда всегда неполная среди постоянной борьбы — вотъ условіе, которому должны подчиняться защитники христіанской истины въ средѣ свободы. Но если эти мужественные и разумные защитники христіанской вѣры будутъ отринуты тѣми церквами, къ которымъ они принадлежатъ; если латинство не перестанетъ дѣйствовать существенно враждебно внутреннимъ началамъ и правамъ новаго общества; если съ другой стороны противники сверхъестественнаго, боговдохновенности писанія и божества Иисуса Христа возобладаютъ въ протестанствѣ, которое тогда вырождается изъ религіи въ философію, какъ ни медитъ оно принять на себя это настоящее свое имя—тогда, хотя христіанство конечно не погибнетъ, и свѣтъ его не отойдетъ вовсе отъ

человѣковъ, но тѣмъ не менѣе, чтобы люди опять смогли выйти изъ такихъ заблужденій, чтобы свѣтъ оварилъ ихъ души, и мѣръ снизошелъ на современное общество, надлежитъ страдальческимъ смутамъ поразить человѣческіи души и общество, разразиться ужасной переверотной бурей, уроками которой люди воспользуются, только выстрадавши всѣ бѣдствія, ею внесенныя.»

Приведа эти строки, мы не можемъ опустить и того замѣчанія, которое присоединяетъ къ нимъ о. Сергіевскій: «Читатели замѣтатъ—говоритъ онъ—что, изображая современный кризисъ въ христіанствѣ, авторъ смотритъ только на латинство и протестанство. Это общій недостатокъ всѣхъ западныхъ писателей; и этимъ обуславливается ихъ взглядъ на вѣру и церковь, съ которымъ мы, православные, не можемъ быть вполне согласны. Впрочемъ, хотя Гизо и не говоритъ ни слова о православіи, тѣмъ не менѣе взглядъ его на отношеніе современныхъ идей и христіанства можетъ имѣть назидательное значеніе и для насъ: ибо, если характеръ и судьбы православія иные, чѣмъ — латинства и протестанства, то современныя идеи и въ нашемъ обществѣ тѣ же самыя, что на Западѣ.» Это совершенно справедливо, и потому-то и можно считать полезнымъ знакомство русскихъ читателей съ книгой Гизо, что въ ней есть повсюду одинаково поучительное сопоставленіе современныхъ идей съ вѣчными истинами христіанства.

Не имѣя въ виду исчерпать все содержаніе «Размышленій», мы позволимъ себѣ однако, пользуясь переводомъ о. Сергіевского, познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми частями этого прекраснаго сочиненія. Постараемся выбрать именно то, что Гизо говоритъ о значеніи христіанскихъ идей по отношенію къ современности.

Исходную точку и основу «Размышленій» составляетъ та вѣчная истина, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, существуетъ и нѣсколько вопросовъ, задачъ, лично ему свойственныхъ и вѣчно его занимающихъ, вопросовъ не только науки, но и жизни, бытія: «Откуда происходятъ мѣръ и человѣкъ среди міра? Какъ они начались и къ чему идутъ? Какіе ихъ начало и конецъ? Есть законы, которые управляютъ ими, есть-ли законодатель? Подъ властью этихъ законовъ человѣкъ чувствуетъ и считаетъ себя свободнымъ; дѣйствительно ли онъ свободенъ? Какъ примирить его свободу съ законами, которые управляютъ имъ и міромъ? Есть-ли онъ нѣкоторое слѣпое орудіе или дѣятель отвѣтственный? Какія его связи и отношенія съ законодателемъ міра? Мѣръ и самъ человѣкъ представляютъ странное и скорбное зрѣлище.

Добро и зло, нравственное и матеріальное, порядок и безпорядок, радость и скорбь тутъ совершенно переиначены и въ вѣстальной борьбѣ. Отъ чего это смѣшеніе и эта борьба? Добро и зло—что составляетъ условіе и законъ человѣка и міра? Если добро, то какъ привзошло сюда зло? Откуда страданіе и смерть? Откуда нравственный безпорядокъ — столь часто встрѣчающееся несчастіе добрыхъ и столь смущающее счастье злыхъ? Нормальное и рѣшительное ли такое состояніе человѣка и міра? Человѣкъ чувствуетъ себя съ разу великимъ и малымъ, крѣпкимъ и слабымъ, сильнымъ и безсмыслнымъ. Онъ удивляется себѣ, онъ любитъ себя; и однако онъ недоволенъ собою; онъ ищетъ опоры, помощи вѣ и выше себя; онъ проситъ, призываетъ, молится. Что высказывается этими внутренними смущеніями, этими переиначенными порывами, то гордости, то слабости? Имѣютъ ли они смыслъ и соответствуетъ ли имъ дѣйствительность? Что значить молитва?»

Этими вопросами и всѣмъ, что съ ними соприкасается, человѣчество не только вѣчно занято, но только одно оно и можетъ заниматься. Только для него эти вопросы доступны; изъ всѣхъ живыхъ существъ только человѣкъ можетъ ихъ понять и волноваться ими. Тѣмъ не менѣе, эти вопросы, которые Гизо называетъ *естественными проблемами*, далеко не вполне ясны человѣку; они представляются ему въ какихъ-то неопредѣленныхъ, туманныхъ образахъ, и потому толкуются имъ различно. Но какія бы различія ни проводили мы въ человѣчествѣ — по племенамъ, по поламъ, по возрастамъ, по степенямъ цивилизаціи, по климатамъ и мѣстнымъ условіямъ—повсюду эти задачи являются болѣе или менѣе грозными и требующими себѣ посильнаго разрѣшенія. Это законъ—общій, вѣчный и повсемѣстный. Но что же даетъ человѣку разрѣшеніе этихъ тайнъ? Мы видѣли уже всю важность этихъ «естественныхъ проблемъ» и ихъ неотразимое значеніе. Тѣмъ не менѣе, въ кругу человѣческаго мышленія существуютъ философскія системы, которыя стараются извратить смыслъ этихъ проблемъ, обратить ихъ въ случайность, чисто-личную, въ порожденіе темперамента, въ слѣдствіе обстоятельствъ. До нашего времени философія не шла дальше по этому пути. Никто не осмѣливался отрицать извѣчное существованіе самыхъ задачъ. Старались только подорвать ихъ значеніе. Но нынче сдѣланъ новый шагъ. Чтобы упразднить разрѣшеніе этихъ задачъ, стараются подорвать самые вопросы. Такова отличительная черта системы, которая имѣетъ успѣхъ въ наше время, хотя и повторяетъ вещи, много разъ отвергнутыя, но которой новизна состоитъ въ томъ, что она не страдаетъ туманностью, а высказывается

вполнѣ точно и откровенно. Система эта есть такъ-называемая «положительная философія», позитивизмъ. Какъ извѣстно, онъ общаетъ человѣчеству освободить его отъ тѣхъ тревожныхъ вопросовъ жизни, которые отъ вѣка смущаютъ человѣческое сознаніе. По понятіямъ позитивистовъ, «міръ существуетъ отъ вѣчности и притомъ самъ по себѣ, какъ и законы, въ силу которыхъ онъ поддерживается и развивается. Въ своихъ началахъ и въ своей цѣлости, всѣ вещи всегда были тѣмъ, что онѣ есть и чѣмъ будутъ. Въ этой вселенной нѣтъ никакой тайны; есть только событія (факты), и законы, которые связываются естественно, необходимо, и надъ ними-то трудится человѣческая наука, неуловная, но безпрестанно прогрессивная въ своемъ могуществѣ и въ своемъ дѣланіи». Представивъ въ этихъ словахъ profession de foi позитивизма, Гизо не вдается въ подробный разборъ этого ученія; онъ ограничивается тѣмъ, что указываетъ на его слабыя стороны. «Такимъ образомъ — говоритъ Гизо — твореніе, божественное провидѣніе и человѣческая свобода, происхожденіе зла, смѣшеніе и борьба добра и зла въ мірѣ и человѣкѣ, несовершенство настоящаго порядка и судьбы человѣка, надежда возстановленія этого порядка, все это — мечты, игра человѣческой мысли; въ дѣйствительности нѣтъ такихъ вопросовъ; міръ, будучи вѣчнымъ, въ своемъ настоящемъ положеніи есть міръ полный, нормальный, окончательный и въ то же время прогрессивный; начала премирнаго нѣтъ никакого; потому исцѣленія отъ зла нравственнаго и вещественнаго, отъ котораго страдаетъ человѣческій родъ, надобно ожидать только отъ успѣховъ науки и просвѣщенія. Уже при первомъ и самомъ простомъ взглядѣ видно, какое позитивизмъ оказываетъ презрѣніе къ свободнымъ и всеобщимъ влеченіямъ человѣка! Какое въ немъ забвеніе событій, которыхъ полна всеобщая и пребывающая исторія человѣчества! Несмотря ни на что, тутъ предлагается не такое или другое рѣшеніе, но рѣшительное отрицаніе тѣхъ естественныхъ задачъ, надъ которыми неутомимо и неуклонно трудится духъ человѣческій — и это предлагается ему вмѣсто всякаго удовлетворенія и успокоенія. Будьте математикомъ, физикомъ, механикомъ, химикомъ, критикомъ, романистомъ, поэтомъ; только не входите въ сферу религій и богословія; тутъ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ вопросовъ къ рѣшенію, нѣтъ ничего для изслѣдованія, тутъ нѣчего дѣлать, нечего надѣяться...» Словомъ, Гизо старается выяснить, что позитивизмъ, требуя, чтобы человѣчество забыло о раскрытіи основныхъ и вѣчныхъ принциповъ своего бытія, требуетъ невозможнаго. На этомъ-то и обнаруживается несостоятельность названной системы: чело-

вѣческое сознаніе не можетъ вытерпѣть тѣхъ стѣсненій, которыя хочетъ наложить на него «положительная» философія.

Рядомъ съ этой попыткой отрицанія религіи, Гизо указываетъ на другую попытку, повидимому, не столь смѣлую, но также стремящуюся упразднить то, что онъ называетъ «естественными проблемами». Это не система, но душевное состояніе, часто замѣчаемое у людей возвышеннаго ума (теоретически этотъ взглядъ рѣзче всего высказанъ Ренамомъ); оно выражается стремленіемъ «полагать религію собственно, можно сказать—единственно, въ религиозномъ чувствѣ, въ тѣхъ прекрасныхъ, но неопредѣленныхъ порывахъ, которые называютъ поэзію души, порывахъ вѣи и выше предѣловъ дѣйствительной жизни». Здѣсь не отрицаются великія тайны жизни; напротивъ того, имъ дается важное мѣсто, но на эти запросы не выставляется никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній; вмѣсто нихъ одни впечатлѣнія, однѣ мечты: «Посредствомъ религиознаго чувства душа входитъ въ отношеніе съ божественнымъ порядкомъ; и это отношеніе вполнѣ личное, вполнѣ внутреннее, вполнѣ независимое отъ всякаго положительнаго догмата, говорить, достаточно, и должно быть достаточно человѣку; въ этомъ и состоитъ для него религія истинная и необходимая». Какъ видно, это обожаніе религиознаго чувства составляетъ полную противоположность позитивизму. Противъ такого взгляда, Гизо возражаетъ такъ: религія не исчерпывается личнымъ отношеніемъ души въ божественному порядку; человѣкъ не только чувствуетъ и мечтаетъ, не только порывается за предѣлы видимаго міра, но онъ еще мыслитъ. «Для него мало, что душа его восторгается и восхищается: ему нужно установить и успокоить ее въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ, сообразныхъ съ ея стремленіями. Этого-то человѣкъ и ищетъ въ религіи; онъ проситъ у нея, кромѣ благородныхъ и чистыхъ радостей, проситъ еще свѣта. Если она не разрѣшаетъ ему тѣхъ нравственныхъ задачъ, которыя обступаютъ его мысль, то она можетъ быть поэзіей, но не религіей.» Стало-быть, и здѣсь человѣчество не можетъ удовлетвориться красотой своихъ сомнѣній и мечтаній; «естественныя проблемы всегда будутъ тревожить души, и неопредѣленное чувство идеала не сдѣлается религіей, достаточною для человѣческаго рода».

Итакъ, что же нужно человѣку, чтобы удовлетворить высшія потребности его духа? Сознаніе человѣка не есть одинъ голый разумъ и не одно чувство; въ немъ соединяется то и другое. Стало быть, чтобы разрѣшить естественныя проблемы, человѣку необходима вѣная стройная система идей, внушеній, вѣрованій, которая удовлетворяла бы и мысль его, и чувство, указывала бы

ему нравственный путь, поддерживала бы въ немъ храбрость, воодушевляла бы его надеждой и воспламеняла бы любовью, которая бы, наконецъ, давала разрѣшеніе на всѣ запросы бытія, врожденные человѣческому сознанию. Изъ какихъ же элементовъ составится эта система?...

Прежде всего надобно взглянуть на то, что можетъ въ этомъ случаѣ дать человѣку наука. Благо наукъ, если она отвѣтитъ на всѣ основные вопросы человѣческаго духа и, какъ точная и надежная руководительница человѣческаго ума, раскроетъ человѣку и цѣль жизни, и начало, и конецъ всего сушаго. Но, къ сожалѣнію, силы науки далеко не такъ велики. Авторитетъ ея вовсе не такъ неоспоримъ; она можетъ возбуждать большее или меньшее довѣріе, смотря по тому, какіе предметы она изучаетъ.

Нужно, стало быть, говоря о средствахъ науки, обращать вниманіе на тѣ предѣлы, дальше которыхъ она не распространяется. Но что это за предѣлы? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ французскій мыслитель приводитъ глубокомысленныя слова шотландца Чальмерса. «Истинная философія новаго времени—говоритъ послѣдній—никогда не обнаруживаетъ яснѣйшимъ образомъ свой основной характеръ, какъ въ томъ случаѣ, когда она касается предѣла, отдѣляющаго извѣстное отъ неизвѣстнаго. Тутъ она является двоякимъ образомъ: съ одной стороны—съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ ко всѣмъ открытіямъ опыта по сю сторону этого предѣла, съ другой—съ недоувѣріемъ ко всѣмъ умозрѣніямъ остроумнымъ и благовиднымъ, касающимся области идеальной по ту сторону предѣла. Употребляя языкъ болѣе кроткій, можно сказать, что долгъ истинной философіи состоитъ въ томъ, чтобы она болѣе искала, чѣмъ гадала. Ея произведенія суть копія, а не творенія. Она можетъ открыть систему въ природѣ, но не изобрѣсти ее. Она начинаетъ наблюденіемъ отдѣльных фактовъ, и если эти факты ей удастся привести въ систему, то это лишь вслѣдствіе болѣе обширныхъ наблюденій. Въ своемъ трудѣ къ построенію системы, истинная философія не выступаетъ внѣ области дѣйствительной природы, ибо дѣйствительныя явленія природы представляютъ собою первые матеріалы для науки, и дѣйствительныя отношенія этихъ явленій образуютъ связь, цементъ, которому построенія современной науки одолжены своею прочностію и твердостію. Этимъ существенно отличается философія нашего времени отъ древней философіи: та старалась изобрѣтать, наша по преимуществу описываетъ; ея описательный трудъ одинаково прилагается и къ однороднымъ, сходнымъ отношеніямъ вещей, и къ ихъ отличительнымъ чертамъ, и при помощи этихъ-то отношеній, наблюдаемыхъ въ дѣйствительности,

новая наука часто приходит къ гармоніи болѣе величественной и болѣе славной, чѣмъ блестящія картины, нѣкогда изобрѣтенныя воображеніемъ теоретиковъ.

«Въ томъ и состоитъ одинъ изъ разумныхъ признаковъ этой философіи, что она соединяетъ силу зрѣлаго возраста съ скромностію младенчества. Она идеаломъ жертвуетъ дѣйствительности, и какъ бы ни была блестяща и заманчива какая-либо гипотеза, но если въ дѣйствительной исторіи природы хотя одно явленіе противорѣчитъ ей, гипотеза оставляется. Для нѣкоторыхъ умовъ — это оставленіе можетъ быть столько же болѣзненнымъ, какъ отсѣченіе своей правой руки или лишеніе себя глаза; тѣмъ не менѣе, кто остается вѣрнымъ началу школы Бэкона, тотъ переноситъ эту болѣзнь. Для учениковъ этой школы, одно твердое дозавательство имѣетъ болѣе вѣса, чѣмъ тысяча вѣроятныхъ догадокъ, и твердость, съ какою они отвергаютъ теоріи воображенія, у нихъ равняется послушанію, съ какимъ они подчиняются урокамъ опыта. То же самое начало, которое управляетъ здоровою философіею во всемъ, что дано въ области человѣческаго наблюденія, внушаетъ ей полную и терпѣливую скромность въ отношеніи ко всему, что находится за предѣлами этой области. Если какой-либо новый свѣтъ откроется тамъ, куда не достигалъ глазъ наблюдателя, можно быть увѣреннымъ, что изъ всѣхъ людей — ученики Бэкона и Ньютона окажутъ самое высокое почтеніе къ этимъ неожиданнымъ откровеніямъ; ихъ умъ не предзанатъ и безъ предразсудка, и твердость ихъ увѣренности въ утвержденныхъ фактахъ *земли отдаленой* находится въ совершенной гармоніи съ ихъ скромною осторожностію относительно всѣхъ понятій, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, касающихся *міра невидимаго*».

Проведя такимъ образомъ черту раздѣла между міромъ конечнымъ и безконечностію, Чальмерсъ объясняетъ, что наукѣ доступны только первый: «Чѣмъ болѣе наши познанія въ естественныхъ наукахъ расширяются — говоритъ онъ — тѣмъ болѣе они должны не увеличивать нашу надменность, а давать намъ болѣе глубокое чувство нашего невѣдѣнія и нашей естественной неспособности въ отношеніи къ знанію вещей божественныхъ. Представимъ, что изучая политику какого-нибудь отдаленныхъ областей и земель, которыя ему принадлежать и относительно которыхъ мы узнали бы только то, что онѣ существуютъ, и такъ-то называются; конечно, наше изученіе стало бы слишкомъ сложнымъ, а главный его предметъ оттого не сдѣлался бы болѣе понятнымъ и болѣе яснымъ. Точно то же бываетъ при всякихъ по-

вѣхъ чудесахъ, какия открываетъ наука предъ взорами своихъ адентовъ; они могутъ значительно увеличить предъ нами отдаленные виды творенія, но въ то же время они бросаютъ болѣе густую тѣнь на пути и намѣренія Творца. Телескопъ, открывая намъ путь къ солнцамъ и безчисленнымъ системамъ, оставляетъ въ глубочайшей тайнѣ нравственное управленіе міровъ; болѣе и болѣе открывающееся зрѣлище вещественной вселенной болѣе и болѣе научаешь насъ, какъ мало мы знаемъ о духовной вселенной; относительно міровъ, обращающихся въ пространствѣ, мы узнаемъ только объ ихъ движеніи, ихъ величинѣ и ихъ числѣ, но при этомъ относительно управленія божественнаго остаемся еще въ большемъ затрудненіи, чѣмъ когда говоримъ о нашей землѣ, какъ о вселенной, и о человѣческомъ родѣ, какъ единственномъ духовномъ семействѣ, которое Богъ облекъ плотію и поставилъ среди вещественной системы. Знать, что есть нѣкоторые предметы, которыхъ мы не можемъ знать, это само по себѣ — познаніе драгоцѣнное и вѣрное, и самая высшая заслуга въ отношеніи къ знанію состоятъ въ вѣрномъ опредѣленіи его границъ.»

Итакъ, по согласному мнѣнію Чадмерса и Гизо, предѣлы науки не выходятъ за предѣлы конечнаго міра; разумѣется, что подъ этими словами не должно разумѣть одну физическую природу: жизнь отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ также подлежитъ научному изученію: и здѣсь могутъ быть опредѣляемы научные законы. Но дѣло въ томъ, что и этимъ еще не исчерпываются потребности человѣческаго духа. «Человѣкъ — говоритъ Гизо — носить въ себѣ самомъ понятія и желанія, которыя простираются гораздо дальше и устремляются гораздо выше міра конечнаго — понятія и желанія безконечнаго, идеала, полнаго, совершеннаго, неизмѣннаго, вѣчнаго. Эти понятія и эти желанія сами есть факты, которые признаетъ умъ человѣка; но признавая ихъ, онъ останавливается; они даютъ ему предчувствовать или, говоря точнѣе, они открываютъ ему порядокъ иныхъ вещей, нежели каковы событія и законы міра конечнаго, которые онъ наблюдаетъ; но въ то же самое время, какъ человѣкъ инстинктивно представляетъ себѣ въ отдаленіи этотъ высшій порядокъ, онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть о немъ знанія. Что душа его предвидитъ безконечное и стремится къ нему — въ этомъ заключается высота его природы; а что его знаніе ограничивается міромъ конечнымъ, гдѣ онъ живетъ — въ этомъ немощь его дѣйствительнаго состоянія.» И вотъ, соврѣкосновеніе человѣка съ этимъ міромъ безконечнаго, и заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе естественныхъ проблемъ его жизни. Правда, человѣкъ

объектъ и это рѣшеніе въ научную форму метафизики; но тутъ наука, по свойству своего содержанія, имѣла совершенно особую судьбу: «Умъ человѣческій, относительно высшихъ вопросовъ, очень рано дошелъ до такихъ опытовъ рѣшенія, которые нѣкоторымъ образомъ истощили его, не давши ему удовлетворенія... И метафизика осталась въ сущности неподвижною, великою ирреальностию своего рожденія, но какъ-бы предназначенною не расти, тогда какъ другія науки, называемыя естественными, существенно прогрессивны и, сначала слабыя, постепенно дѣлають пріобрѣтенія, сохраняють ихъ, и со дня на день расширяють и утврѣждаютъ свою область.»

Выше было уже упомянуто о той философской школѣ, которая стремится упразднить то, что Гизо называетъ естественными проблемами. Извѣстно, что позитивизмъ отрицаетъ и метафизику, потому что и ея содержаніемъ служить безконечное, неподлежащее опытному изученію человѣка. И вотъ, Гизо слѣдуетъ опровергнуть приговоръ позитивизма противъ метафизики: «Умъ человѣческій — говоритъ онъ — никогда не приметъ его; великія проблемы, превосходящія міръ конечный, поставлены предъ нимъ; онъ никогда не откажется отъ попытки рѣшать ихъ; непреодолимый инстинктъ побуждаетъ его къ тому, инстинктъ воли и вѣры и надежды, несмотря на повторяющійся неуспѣхъ его усилій. Человѣкъ одинаковъ въ области мысли и въ области дѣйствія; онъ стремится выше того, чего можетъ достигнуть; въ этомъ состоитъ его существо и его слава, и если онъ откажется отъ этого, то самъ засвидѣтельствуетъ о своемъ паденіи. Но нужно, чтобы не дѣлая такого отреченія, онъ позналъ себя; надобно, чтобы онъ зналъ, что его настоящая сила безконечно меньше его стремленій, и что ему не дано научно познать тотъ міръ безконечнаго и идеала, къ которому онъ порывается. Факты и проблемы, какіе онъ встрѣчаетъ здѣсь, суть такого свойства, что методы и законы, управляющіе человѣческимъ разумомъ при изученіи міра конечнаго, неприменимы къ нимъ. Безконечное для насъ есть предметъ вѣрованія, а не науки, равно неспособной ни отвергнуть, ни проникнуть его.»

Путемъ такихъ разсужденій мы необходимо приходимъ къ тому, что единственной сферой, въ которой возможно разрѣшеніе естественныхъ проблемъ человѣческаго бытія, является религія. Гизо въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ эту связь: «Изъ этихъ естественныхъ и собственныхъ человѣку задачъ родились всѣ религіи; всѣ онѣ имѣють предметомъ удовлетворить жаднѣе человѣка рѣшеніемъ этихъ задачъ. Какъ самыя задачи составляютъ источникъ религіи, такъ тѣ или другія рѣшенія ихъ составляютъ ея сущность

и основу.» Но здѣсь, на самомъ ходѣ своей мысли, мыслитель встрѣчается еще съ однимъ вопросомъ, требующимъ настоятельнаго разрѣшенія—съ вопросомъ о сверхъестественномъ. Гизо беретъ его подъ свою защиту. «Нинѣ—говоритъ онъ—имѣютъ притязаніе известна сверхъестественное въ ничтожество и отогнать его отъ міра и человѣка, во имя науки, во имя человѣческихъ наукъ—физическихъ, историческихъ и философскихъ». Противъ этого Гизо вооружается не безъ проны: «Мы глубоко уважаемъ науку и желаемъ, чтобъ она была столько же свободна, сколько и уважаема. Но желали бы также, чтобы она какъ можно менѣе затрудняла сама себя, чтобы она не была исключительно преданята своими особенными (спеціальными) работами и своими взаимными успѣхами, чтобы она была болѣе внимательна, не забывала и не уносила изъ вида ни одной изъ идей, ни одного изъ фактовъ, которые имѣютъ связь съ вопросами ея изслѣдованія, и которыя она должна принимать въ расчетъ при рѣшеніяхъ, ея постановленнымъ.» Нѣкоторые возражаютъ противъ сверхъестественнаго указаніемъ, что простые, мало образованные классы народа перестаютъ вѣрить въ сверхъестественное. «Значитъ—отвѣчаетъ Гизо возражателю— вы не знаете, что такое народъ, что такое народы, живущіе на землѣ! Значитъ, вы никогда не проникли въ среду этихъ миллионъ душъ, у которыхъ вѣрованіе въ сверхъестественное есть и остается присущимъ и дѣйствующимъ, даже когда на словахъ оно повидимому не признается. Значитъ, вы не знаете, какое безмѣрное разстояніе существуетъ между основаніемъ и поверхностью этихъ душъ, между неизмѣнными влеченіями, возбуждающими умъ человѣка, и неизмѣнными инстинктами, присущими его жизни! Правда, въ наше время есть и въ народѣ нѣсколько отцовъ, матерей, дѣтей, считающихъ себя невѣрующими и посягающихъ на чудеса: но послѣдате за ними внутри ихъ жилищъ, среди испытаній ихъ жизни; что дѣлаютъ эти родители, когда болитъ ихъ дитя, эти земледѣльцы, когда волнень ихъ угрожаетъ опасность, эти матросы, когда плывутъ они по морю во время бури? Они возводятъ очи къ небу, молятся, звываютъ къ тому сверхъестественному могуществу, которое вы считаете уничтоженнымъ въ ихъ мысли. Своими дѣйствіями, волеями и неодолимыми, они даютъ рѣшительное опроверженіе вашимъ словамъ и своимъ собственнымъ рѣчамъ.» Но и не только въ простомъ народѣ замѣчается постоянное стремленіе къ чудесному; мы видимъ постоянно, что и люди образованнаго общества изобрѣтаютъ себѣ новыя чудеса и тайны и привлекаютъ къ нимъ тысячи зрителей.

Доказавъ такимъ образомъ, что вѣра въ сверхъестественное

врождаетъ человѣку, что это — «фактъ естественный, изначальный, всеобщій, постоянно пребывающій въ жизни и исторіи человѣческаго рода», Гизо приходитъ и къ тому, что человѣкъ, постоянно стремясь выйти изъ предѣловъ конечной природы, въ этомъ стремленіи, которое всегда было источникомъ религіи, никогда не обходитъ вѣри въ сверхъестественное. Итакъ связь сверхъестественнаго съ религіей—необходимая, и именно изъ этой связи возникаетъ вѣра въ Божество личное.

Съ другой стороны, Гизо опредѣляетъ отношенія сверхъестественнаго къ естеству, природѣ. «Ссылаются—говоритъ онъ—на твердость, неизмѣнность законовъ природы; это—говоритъ, фактъ осязательный и неоспоримый, оправдываемый опытомъ рода человѣческаго. Въ виду пребывающаго порядка природы и ея законовъ, невозможно допустить въ ней никакихъ частныхъ и временныхъ нарушеній этого порядка и этихъ законовъ, и потому нельзя вѣрить въ сверхъестественное чудо.

«Правда, всеобщіе и постоянные законы управляютъ природою. Но значить ли это, что эти законы необходимы, и что никакое нарушеніе ихъ невозможно? Никто не можетъ не признать, что между всеобщимъ и необходимымъ есть существенное и безусловное различіе. Постоянство настоящихъ законовъ природы есть фактъ, утверждаемый опытомъ, но не единственный возможный и не единственный постижимый разуму; эти законы могли бы быть иными и могутъ подлежать измѣненію. Многіе изъ нихъ не всегда были такими, каковы они теперь, ибо сама наука утверждаетъ, что состояніе природы было иное, чѣмъ каково оно теперь; всеобщій и пребывающій порядокъ, который намъ современенъ, и которому мы вѣруемъ, не всегда былъ таковъ, какимъ мы его видимъ; онъ имѣлъ начало; твореніе дѣйствительнаго порядка природы и ея законовъ есть столь же достовѣрный фактъ, какъ и фактъ самого этого порядка. А что такое твореніе, какъ не фактъ сверхъестественный, актъ могущества или силы, высшей настоящихъ законовъ природы—силы, которая можетъ измѣнить ихъ такъ же, какъ утвердить ихъ? Первое чудо, это—Богъ.

«Есть еще второе чудо, это—человѣкъ. Повторимъ прежде сказанное: какъ существо нравственное и свободное, человѣкъ живетъ внѣ и выше общихъ и пребывающихъ законовъ природы; онъ творитъ свою волею факты, которые не суть необходимое слѣдствіе предшествующаго закона; и эти факты занимаютъ мѣсто въ порядкѣ рѣшительно отличномъ и независимомъ отъ видимаго порядка, управляющаго вселенной. Нравственная свобода человѣка есть фактъ столько же достовѣрный, столько же естественный, какъ и порядокъ природы, и между тѣмъ свобода есть

фактъ сверхъестественный, то-есть существенно чуждый порядку природы и ея законамъ. Богъ есть существо нравственное и свободное по преимуществу, то-есть существо по преимуществу способное дѣйствовать какъ первая причина, внѣ причинъ, которыя связываются одна съ другой. А человѣкъ, какъ существо нравственное и свободное, находится во внутреннемъ отношеніи съ Богомъ. Кто опредѣлитъ возможныя событія и измѣритъ таинъ этого отношенія? Кто скажетъ, будто Богъ не можетъ измѣнить и никогда не измѣняетъ, сообразно своимъ намѣреніямъ въ порядкѣ нравственномъ и касающемся человѣка, законовъ, которые онъ установилъ и поддерживаетъ въ вещественномъ порядкѣ природы?»

Такимъ образомъ, христіанское вѣрованіе въ Божество, во всей его полнотѣ, составляетъ конечный результатъ философскихъ соображеній Гизо, дающій вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленный отвѣтъ на выставленныя имъ «естественныя проблемы» человѣческаго бытія.

Остаиваемся здѣсь, такъ сказать, на порогѣ христіанскихъ догматовъ и не послѣдуемъ за Гизо въ ихъ изложеніи и въ тѣхъ двухъ очеркахъ, которые у него озаглавлены «Богъ по Библии» и «Исусъ Христосъ» по Евангелію». Эти части его «Размышлений», въ которыхъ онъ, не принимая богословскаго тона, прямо подходит къ самымъ глубокимъ истинамъ вѣры и излагаетъ ихъ во всей простотѣ и величіи, имъ пріусущихъ, эти части надобно читать цѣликомъ; иначе онѣ много теряютъ отъ отрывочности. Мы хотѣли только возстановить и прослѣдить для читателей, интересующихся предметомъ, логическій путь мысли автора, возводящій его отъ идей современной цивилизаціи къ истинамъ христіанства.

«Размышленія о сущности христіанской вѣры» составляютъ только первый отдѣлъ большого сочиненія о христіанствѣ, задуманнаго Гизо. Въ цѣломъ это произведеніе должно заключать въ себѣ и изложеніе основныхъ идей христіанской религіи (что и видимъ мы въ книгѣ вышедшемъ томѣ), и ея исторію, прежнюю и современную, и наконецъ, попытку представить будущее развитіе христіанской вѣры. Несомнѣнно, что позднѣйшіе томы могли бы многое разъяснить и дополнить въ этой книгѣ «Размышлений».

Н. И—овъ.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ (*).

Вотъ справедливы и нашими пороками
насъ же бичуютъ.

Шекспиръ.

I.

Всякій кто находился, въ пятницу 24-го августа 185... года, посреди Атлантического океана или точнѣе на равномъ разстояніи отъ мыса Мантовскаго и мыса Яснаго—могъ видѣть почтовый пароходъ *Ассирію*, летѣвшій на западъ съ ободной быстротой своей громадной машины и попутнаго вѣтра. День клонился къ вечеру, одинъ изъ тѣхъ жаркихъ, душныхъ дней, навѣвающихъ, особливо на морѣ, тоскливую томность, которая какъ-бы усиливаетъ веселую реакцію, когда послѣ захода солнца наступаетъ живительная прохлада. Море впродолженіе всего дня было спокойно, колыхаясь лишь одной широкой, безпредѣльной лентой, ясно говорившей объ отдаленныхъ буряхъ и такъ часто замѣняющей при отсутствіи вѣтра чистый штиль. Тенерь

(*) Переведенный нами романъ американскаго автора имѣлъ большой успѣхъ, особливо въ Англіи, какъ живая, разносторонняя картина правовъ и обычаевъ образованнаго класса Америки. Авторъ, искренно преданный демократіи, указываетъ, однако, чистосердечно на ея злоупотребленія и на слабыя стороны американской конституціи, на рабство, на преобладаніе честолюбивыхъ крикуновъ, представителей необразованной, деспотической черни и слишкомъ сильное вліяніе иностранныхъ переселенцевъ, по большей части искателей приключеній. Первое изъ этихъ золъ—рабство, уже исчезло, благодаря той грозѣ, которую авторъ даетъ предчувствовать въ романѣ (дѣйствіе романа происходитъ до войны). Побѣда Сѣвера надъ Югомъ, въ ея послѣдующихъ результатахъ, должна совершенно преобразовать и пересоздать великое зданіе американской свободы. Но чтобы постигнуть все громадное значеніе грозы (войны) и всю прелесть слѣдующихъ за нею лучшихъ дней, надо прежде видѣть картину того, что было передъ грозой. Эту-то картину, какъ рисуетъ ее нашъ авторъ, мы и представляемъ читателямъ, обращая ихъ вниманіе на его разсужденія, отличающіяся строгимъ, трезвымъ политическимъ тактомъ.—*Переводчикъ.*

же, когда солнце склонялось все болѣе и болѣе къ горизонту, забѣгали волнистые барашки, задулъ свѣжій юго-восточный вѣтеръ, и *Ассирія*, величественно разрѣзывая синія воды и водная цѣлое облако блестящихъ брызговъ, летѣла съ быстротою шестнадцати узловъ въ часть.

Полчаса тому назадъ, широкая палуба парохода была безжизнна и почти пуста; но теперь, какъ-бы во мновенію волшебнаго жезла, она представляетъ самую оживленную, веселую картину. Мужчины оставили обѣденный столъ и бутылки вина, дамы не ищутъ болѣе въ темныхъ каютахъ защиты отъ палящаго солнца. Большинство публики столпилось въ бучки, весело разговаривая и смѣясь; нѣкоторые попарно ходили взадъ и впередъ; а были и такіе, хотя очень немногие, которые удалившись поодиначкѣ въ отдаленные углы, предавались чтенію или безмолвному созерцанію голубой дали. Общество пассажировъ было многочисленное и самое разнородное, какъ по возрастамъ и положенію въ свѣтѣ, такъ и по національности. Въ одно мгновеніе можно было услышать съ дюжину различныхъ языковъ и почти столько же нарѣчій одного и того же языка. Тутъ были и лондонскіе зѣваки съ ихъ уродливымъ выговоромъ, и янки, издѣвавшіеся надъ ними, сами произнося всѣ слова въ носъ; юные англичане съ взычными манерами и въ мѣшковатыхъ широкихъ пальто, и молодые люди съ тѣми манерами и тономъ, которые отпечатлѣваютъ на своихъ сынахъ «Современные Аонны запада». Жида, банкиры и мѣнялы съ ихъ обычнымъ полудержкимъ, полууниженнымъ видомъ, ясно доказывающимъ, что они помнятъ свое прошлое униженіе и сознаютъ настоящую силу денегъ, перемѣшивались съ американцами, отличающимися жесткими чертами, грубымъ ртомъ, влючковатымъ подбородкомъ и хитрымъ выраженіемъ, и съ англичанами, которыхъ гладко выбритыя, откормленные физиономіи не выражаютъ рѣшительно ничего. Вотъ южный плантаторъ, рядомъ съ манчестерскимъ фабрикантомъ; далѣе нѣсколько нью-йоркскихъ адвокатовъ, пара исхудалыхъ, загорѣлыхъ калифорнцевъ, литераторъ изъ Бостона и почтенный пасторъ, возвращающійся къ своей паствѣ послѣ продолжительнаго леченія въ Европѣ. Тутъ же и Слаймеръ, который вѣчно ѣздитъ взадъ и впередъ даромъ въ качествѣ курьера съ депешами. Въ эту самую минуту онъ бесѣдуетъ съ мистеромъ Спригомъ, корреспондентомъ *Нью-Йоркскаго Глашатая* касательно хвалебной статейки о немъ, Слаймеръ, которая должна появиться въ газетѣ на другой день послѣ прибытія *Ассиріи* въ Нью-Йоркъ. Господинъ въ желтомъ жилетѣ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и крашенными усами, не кто иной, какъ Мак-Свиндль, членъ муниципальнаго совѣта Нью-Йорка,

ѣздившій въ Великобританію для свиданія съ друзьями. Тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ чистил сапоги въ Саквилльской улицѣ, но вкорѣ поднялся въ странѣ свободы. Полная, торжественная барыня, которая сидитъ на кормѣ у самой лодки съ двумя хорошевыми барышнями—генеральша Ван-Донкъ, а барышни—ея дочери. Это, по счету—пятый ихъ переѣздъ по океану въ нынѣшнемъ году. Генеральша Ван-Донкъ впервые заявила о себѣ свѣту въ качествѣ драчки. Она стирала рубашки капралу Ван-Донку, служившему въ миланціи и содержавшему мелочную лавку. Благодаря ея такту и ловкости, онъ вышелъ въ люди, и потому вовсе не сдѣлалъ никакой глупости, женившись на ней, какъ увѣрили сосѣди. Немногіе теперь помнятъ эти старыя, темныя времена; они совершенно затмѣваются блескомъ роскошнаго дома въ Пятой улицѣ, красотой Церллии и Виолеты, чванствомъ и росвоюшью юнаго Госсамера Ван-Донка и политическимъ значеніемъ толстаго генерала. Въ одномъ только теперь нуждается это почтенное семейство—въ смѣшеніи своей крови съ хорошею, аристократической; *mater familias* знаетъ это лучше насъ, ибо это-то и составляетъ тайную цѣль ея вѣчныхъ передвиженій по морамъ и твердой землѣ. Она ищетъ англичанина съ хорошимъ именемъ, или жителя континента съ громкимъ титуломъ. Она охотится за этимъ прелестнымъ незнакомцемъ всюду: недѣлю тому назадъ она бѣжала по лондонскимъ магазинамъ, теперь сидитъ на налубѣ *Ассири*, черезъ нѣсколько дней вы ее увидите въ Нью-Йоркѣ, потомъ въ Ньюпортѣ, Саратогѣ, а въ октябрѣ она уже снова будетъ въ Европѣ.

Вотъ нѣкоторые изъ примѣчательныхъ пассажировъ, придававшихъ такое оживленіе еще недавно-пустынной, безмолвной налубѣ. Но чтобъ найти тѣхъ лицъ, которыми мы исключительно теперь интересуемся, надо пойти далѣе къ небольшой группѣ у самаго гака борта.

Всего болѣе выдавался въ этой группѣ мужчина лѣтъ шестидесяти, благородной, открытой наружности, который сидѣлъ безъ шляпы. Его серебристо-сѣдые волосы и обладистая широкая борода придавали ему старческій видъ, тогда какъ его щоки покрыты были здоровымъ румянцемъ, а на высокомъ лбу не видать было еще морщинъ. Его фигура также, хотя худощавая, была очень статная, мускулистая и на нѣсколько вершковъ выше средняго роста. Платье на немъ было темнаго цвѣта, но отличалось изысканностью, рѣдко встрѣчаемой у людей его лѣтъ, а маленький кисейный галстухъ изящно обнималъ его шею. Его манеры и осанка представляли то смѣшеніе достоинства и граціи, которая въ наше грубое время отличаютъ «джентльмена старой

инвалид»; что же касается до выраженія его лица, то оно было удивительно нѣжно и кротко, и рѣдко, очень рѣдко выказывало безневольство или страданіе. Таковъ былъ Оливеръ Вернонъ, который, оставшись на своей родинѣ, вѣроятно былъ бы однимъ изъ передовыхъ англійскихъ законодателей и мудрецовъ, но теперь, послѣ тридцатилѣтняго пребыванія въ Америкѣ, онъ довольствовался спокойной, мирной жизнью философа, окруженный книгами, художественными произведеніями, друзьями и всѣми удобствами, которыя могло доставить большое состояніе, нажитое имъ счастливыми торговыми оборотами. Зачѣмъ онъ оставилъ свою родину и общество, въ которомъ долженъ былъ занять видное мѣсто по своему положенію и воспитанію—никому не было извѣстно, даже его собственному семейству. Когда, бывало, кто-нибудь изъ любопытства или случайно спрашивалъ его объ этой таинственной сторонѣ его жизни, онъ тотчасъ, несмотря на всю свою доброту, принималъ гордый, серьезный видъ и сразу отбивалъ охоту задавать ему подобные вопросы.

По обѣимъ сторонамъ мистера Вернона сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, его дочь и воспитанница, присутствіе которыхъ объясняло, почему онъ, наконецъ, рѣшился посѣтить Европу, чего до сихъ поръ ни за что не хотѣлъ сдѣлать. Откладывая съ года на годъ удовольствіе, котораго онъ постоянно жаждал и въ которомъ отказавъ имъ окончательно онъ считалъ себя не вправѣ, мистеръ Вернонъ, наконецъ, пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, оставилъ свое веселое жилище на зеленыхъ берегахъ Гуднона, и спустившись въ многолюдный градъ при его устьѣ, доставилъ своимъ дѣвочкамъ неизъяснимое счастье повидать всѣ чудеса стараго свѣта. Пожилая женщина, взявчившая его дочь—живой образъ и единственный завѣтъ безпредѣльно любимой жены, умершей въ родахъ—сопровождала скорѣе въ качествѣ друга, чѣмъ слуги, это счастливое семейство, которое возвращалось теперь домой, послѣ своего веселаго путешествія.

Элиора Грѣзбрукъ и Грѣсъ Вернонъ такъ были не похожи другъ на друга, какъ только могли два созданія, имѣвшія столько общаго въ чувствахъ и мысляхъ. Элиора, которой недавно минуло двадцать-два года, видѣла въ жизни до восемнадцати лѣтъ только горе и страданія. Она была дочь чрезвычайно умнаго, но очень нервнаго и чувствительнаго человѣка, который, испытавъ жестокия разочарованія въ жизни, предался пьянству еще до рожденія Элиоры. Его жена, прелестная, но своенравная женщина, изъ которой рѣшительный и стойкій человѣкъ могъ бы сдѣлать самое благородное, восхитительное созданіе, потеряла наконецъ всякое терпѣніе, и послѣ двѣнадцати лѣтъ каторжной

жизни, бѣжала съ бывшимъ товарищемъ своего мужа, мистеромъ Киривудомъ. Пять лѣтъ спустя, она въ свою очередь была брошена, и ея любезный скрылся въ Калифорнію. Несчастливая женщина бросилась искать мужа, чтобы выпросить у него прошеніе и позволеніе взглянуть хоть разъ на своего ребенка, но Грѣзбрукъ уже умеръ за нѣсколько дней передъ тѣмъ отъ *delirium tremens*. Несмотря на всю свою безумную жизнь, онъ скопилъ нѣсколько тысячъ для своей бѣдной Элиноры, которую очень любилъ, хотя и заставлялъ вести самую несчастную жизнь. За нѣсколько времени до своей смерти, предчувствуя ея приближеніе, онъ упротсилъ Оливера Вернона, во имя ихъ прошлой дружбы, взять его дочь на свое попеченіе и держать какъ можно далѣе отъ всѣхъ сношеній съ погибшей матерью. Вернонъ очень охотно взялъ на себя отвѣтственность, хотя и сомнѣвался въ законности послѣдняго условія. Прошло однако пять или шесть лѣтъ съ того дня, какъ Мэри Грѣзбрукъ узнала о смерти своего мужа; и никто не видалъ и не слыхалъ о ней; потому всѣ, кто интересовались ея участью, вполне согласились съ мнѣніемъ Вернона, что она, должно быть, умерла.

Горькія испытанія, перенесенныя въ жизни Элинорой, оставили скорѣе слѣды на ея характерѣ, чѣмъ на ея наружности. Обладая въ сущности чрезвычайно чувствительной натурой, она казалась всегда холодной, безчувственной. Живо воспринимаемая всѣ внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія, она какъ-бы оставалась одинаково равнодушной ко всему. Горестныя обстоятельства ея дѣтства и удушливо-гнетущая атмосфера, которой она дышала въ то время, до того поразили и унизили въ собственныхъ глазахъ бѣдную молодую дѣвушку, что она теперь очень естественно искала спасенія въ гордомъ, безмолвномъ спокойствіи, походившемъ даже иногда на чрезмѣрную надменность. Ея красота увеличивалась еще впечатлѣніе, производимое ея обхожденіемъ и манерами. Высокаго роста, статная, она, быть можетъ, показалась бы слишкомъ худощавой, еслибъ ея бюстъ не былъ вполне изящно развитъ. Черты ея были бы чисто-греческія, еслибъ хорошенькій носикъ не смахивалъ немного на орлиный. Губки ея можно было бы назвать слишкомъ полными, еслибъ онѣ не были сжаты тѣмъ тономъ рѣшимости, который, ступенчатая всякую тѣнь чувственности, напротивъ, придаетъ губкамъ интеллектуальное выраженіе. Цвѣтъ лица ея поражалъ своей бѣлизной, а глаза, почти черные, казались совершенными угольками изъ-подъ темныхъ, густыхъ рѣсницъ. Чудные, длинные волосы свѣтло-каштановаго цвѣта переливались въ различные оттѣнки, чѣмъ ближе къ головѣ, тѣмъ свѣтлѣе, и спереди казались совершенно

русьми отъ прически, введенной въ моду императрицей Евгеніей. Руки Элиноры, хотя и не очень маленькія, были чисто-аристократическія, а прелестныя ножки съ ихъ высокимъ подъемомъ и миниатюрнымъ каблучкомъ, были до того граціозны, что всякій невольно благодарилъ услужливый вѣтерокъ, когда онъ волновалъ складки ея широкаго платья.

При первомъ взглядѣ на Гресь Вернонъ, вы тотчасъ замѣчали нѣчто въ ея тонѣ и манерахъ, ясно говорившее, что она еще никогда не испытала ни горя, ни страданій. Дѣйствительно, привыкнувъ съ малолѣтства быть вѣчно окруженной любовью и попеченіями, она не имѣла ни малѣйшаго понятія о горькихъ минутахъ въ жизни; даже несчастье, котораго не могутъ избѣгнуть самые счастливые и богатые люди, то-есть смерть милыхъ людей—миновало ее, ибо ея мать скончалась въ минуту ея рожденія, а потомъ она даже не лишилась ни одной изъ своихъ подругъ. Вся ея жизнь прошла въ веселой прогулкѣ по тихому, прелестному морю подъ безоблачнымъ голубымъ небомъ. Чистая, невинная, неподозрѣвавшая ничего дурнаго въ свѣтѣ, Гресь была часто легкомысленна и безразсудна, но никогда не выказывала ни малѣйшаго эгоизма или себялюбія. Она наслѣдовала отъ отца не только его гуманности, но и ясное сознаніе истины и справедливости — качество, столь облагораживающее и уравновѣшивающее умъ. Страстно привязанная къ отцу, она горячо сочувствовала его идеямъ и мнѣніямъ, которыя всегда были человѣчны, а иногда до того впереди нашего утилитарнаго вѣка, что ихъ называли съ усмѣшкой «крайними и радикальными». Не имѣя матери, она сосредоточила ту любовь, которая выпала бы на ея долю, на своей старой нянькѣ Мерси Тредвель, прозванной «тѣкой Мерси», почтенной и доброй женщиной, вдовѣ бѣднаго фермера изъ Масачусета. Гресь съ восторгомъ привѣтствовала переѣздъ въ ихъ домъ Элиноры, и мало по малу между обѣими дѣвушками возникла самая пламенная дружба. Мы уже сказали, что между ними была огромная разница, и дѣйствительно различіе во вѣшнемъ видѣ было такъ же велико, какъ и въ характерахъ. Гораздо ниже ростомъ Элиноры, Гресь не имѣла ни одной правильной черты, но все же, безъ всякаго сомнѣнія, была очень хороша собою. Ея фигура была прелестная, глазки нѣжно-голубые, а густые темно-каштановые волосы овайляли личико, на которомъ вѣчно играла обворожительная улыбка, выказывавшая блестящій рядъ бѣлыхъ зубовъ.

Обѣ молодыя дѣвушки были въ легкихъ висейныхъ платьяхъ и круглыхъ шляпкахъ, только-что тогда входившихъ въ моду.

Вокругъ трехъ описанныхъ нами лицъ, собрался дѣльный кру-

жокъ мужчинъ, частію принимавшихъ участіе въ общемъ разговорѣ, частью просто слушавшихъ, что другіе говорятъ. Оживленная бесѣда эта вдругъ была прервана восклицаніемъ, обратившимъ всеобщее вниманіе на молодого человѣка, торчавшаго на мачтѣ съ громадной зрительной трубой въ рукахъ.

— Ну, что это по вашему, мистеръ Мидльтонъ? воскликнулъ капитанъ Станченъ, останавливаясь у мачты.

— Большой пароходъ, сэръ, на три румба съ навѣтренной стороны, и идетъ прямо на насъ, отвѣчалъ юноша.

— А, а! Мистеръ Эдвардсъ, приготовьте частный сигналъ. Это не можетъ быть вест-индійскій пароходъ: мы слишкомъ близки къ землѣ янки.

— Новости изъ Нью-Йорка, господа, прибавилъ капитанъ, подходя къ нашимъ друзьямъ.

— Насколько онѣ позже послѣднихъ извѣстій, полученныхъ нами, капитанъ? спросилъ Вернонъ.

— Около пятнадцати дней, сэръ. Мы вышли восемнадцатаго, а нашъ пріятель, вѣроятно, оставилъ Нью-Йоркъ днемъ раньше. Наши же послѣднія извѣстія изъ Америки были отъ 2-го.

— Нельзя ли бы намъ остановиться и взять газеты? спросилъ Спригъ, поспѣшно подходя къ капитану.

— Мы веземъ почту ея величества, которая ни для кого не останавливается, отвѣчалъ, качая головой, капитанъ.

— Ничего, Спригъ, замѣтилъ Слаймеръ: — намъ еще ѣхать не болѣе недѣли, а если до тѣхъ поръ республика исчезнетъ съ лица земли, то, вѣрно, раздастся на небѣ гласъ трубный.

— Нечего объ этомъ беспокоиться, торжественно произнесъ Максвиндль: — великая республика переживетъ насъ съ вами.

— Великая республика — неудачная ошибка, замѣтилъ вполголоса Госсамеръ Ван-Донкъ: — знаете ли, мистеръ Эліотъ, и теперь уже ни одинъ джентльменъ не можетъ подавать голоса въ Нью-Йоркѣ? Человѣкъ хорошей фамиліи и въ приличномъ платьѣ, не можетъ пробраться къ избирательнымъ урнамъ отъ толпы низкой, оборванной черни, особливо прландцевъ.

— Неужели это правда, мистеръ Вернонъ? спросилъ Эліотъ, молодой агличанинъ съ очень либеральными мнѣніями и впервые переѣзжавшій Атлантическій океанъ: — неужели ваша общая подача голосовъ такъ худо примѣняется?

— Увы, эта система имѣетъ много слабыхъ сторонъ, отвѣчалъ очень серьезнымъ тономъ Вернонъ: — еслибъ все могло остаться въ томъ видѣ, какъ оно было въ первые тридцать лѣтъ республики, то эта система была бы какъ нельзя болѣе полезна. Юная нація тогда только-что вышла изъ страшнаго испытанія, очищенной, возвышенной, и ея основатели рассчитывали, что

всеобщее распространение образования будетъ сопровождать всеобщую подачу голосовъ, и такимъ образомъ, люди, благодаря воспитанію, сдѣлаются вполнѣ достойными этого права, прежде чѣмъ они воспользуются имъ. Но послѣдовавшее за этимъ громадное, непредвидѣнное, матеріальное благосостояніе посылало первыя сѣмена развращенія и упадка. Это привлекло гигантскую эмиграцію, состоявшую большею частью изъ самаго необразованнаго класса иностранцевъ. Эти люди, какъ бы они, впрочемъ, ни были честны, не могли въ одинъ день научиться, что демократія не значитъ безпорядокъ и своеволіе. Часто подверженные на своей родинѣ очень тяжелому гнету, они по большей части не привыкли къ свободѣ и не знали, какъ съ нею обращаться.

— Но, конечно, туземное населеніе многочисленнѣе иностранцевъ, и всегда въ состояніи держать ихъ въ порядкѣ, обуздывать, замятиль Эліотъ.

— Туземцы многочисленнѣе, правда; но что касается до обузданія иностранцевъ, то это невозможно, ибо при естественномъ раздѣленіи американцевъ на партіи, иностранный элементъ придаетъ той партіи первенство, къ которой онъ присоединяется, а очевидно онъ примкнетъ къ той сторонѣ, гдѣ ему выгоднѣе, то-есть къ неправой.

— Но зачѣмъ же имъ непременно пристать къ неправой сторонѣ? спросилъ Эліотъ:—отчего же имъ, по незнанію, точно такъ же не попасть и на истинный путь?

— Потому что ихъ невѣжество и незнаніе не простираются до такой степени. Тѣ, которые выселяются въ Америку, особливо изъ Великобританіи, претерпѣли или воображаютъ, что претерпѣли на себѣ жестокой гнетъ законовъ и общества. Поэтому они питаютъ ненависть ко всякому закону, который стремился бы ихъ ограничить, и не терпятъ никакого общества, которое было бы немного выше ихъ среды. Они постоянно смѣшиваютъ политическое равенство съ социальнымъ, или, по крайней мѣрѣ, они упорствуютъ въ подобномъ толкованіи того принципа, который только тогда справедливъ, когда онъ выражаетъ равенство для всѣхъ людей политическихъ и юридическихъ правъ. На этомъ основаніи они сочувствуютъ всему, что понижаетъ уровень общества, и всякому революціонному движенію, не обращая никакого вниманія на то, не нарушаются ли такимъ образомъ права другихъ людей.

— Однако, Соединенные Штаты никогда не достигли бы своего теперешняго положенія безъ наплыва иностранныхъ работниковъ.

— Очень вѣроятно, но и иностранные работники, съ своей стороны, были очень рады случаю получить хорошую плату и хоро-

шій кормъ. Впрочемъ, и сама Европа выиграла отъ этого, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи.

— Какимъ образомъ?

— Да потому, что фабричная промышленность—главный источникъ силы въ Западной Европѣ, особливо въ Англии, а эта промышленность наиболѣе зависитъ отъ хлопчатки, которая въ свою очередь зависитъ отъ рабства. Вотъ почему иноземцы въ Америкѣ, во всякомъ случаѣ бѣльшая часть ихъ, именно пришельцы изъ Великобританіи, всегда были и есть самой твердой опорой всѣхъ мѣръ, стремящихся къ упроченію и распространенію позорнаго невольничества.

— Но вѣдь это—странная аномалія, что люди угнетенные дѣлаются сторонниками угнетателей?

— Какъ ни странно, но это дѣйствительно такъ; природа челоука такова, что однажды вступивъ на дурной путь, онъ не такъ-то легко съ него сходитъ. Конечно, есть благородныя исключенія, но большинство ирландцевъ и жидовъ питають дружескія чувства въ *домашнему учрежденію*. Мысль, что цѣлая раса или класъ людей подверженъ систематическому угнетенію, ихъ не устрашаетъ, какъ только дѣло касается не лично до нихъ. Эти люди еще не доврѣли до свободы въ нашемъ широкомъ значеніи этого слова; они не готовы для ея принятія точно такъ же, какъ были бы негры, еслибъ ихъ вдругъ освободили въ одинъ день. Въ обоихъ случаяхъ перерожденіе можетъ совершиться медленно и постепенно.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ общимъ волненіемъ, произведеннымъ быстрымъ приближеніемъ парохода, шедшаго на встрѣчу *Ассирии*; однако дамы были очень рады этой остановкѣ, ибо онѣ замѣтили, что Максвиндль, подслушавъ мелькомъ нѣсколько замѣчаній Вернона, преисполнился негодованіемъ, что ясно было видно по его лицу, которое грозило неприятой исторіей. Дѣйствительно, онъ только что хотѣлъ воскликнуть: «Такъ вы хотите сравнить насъ съ неграми?» какъ всѣ бросились къ баббordu шканцевъ и онъ долженъ былъ проглотить свое неудовольствіе.

Незнакомецъ, отстоявшій теперь не болѣе какъ полмили отъ *Ассирии*, былъ большой винтовой пароходъ, походившій своими изящными снастями на военный фрегатъ. Онъ шелъ на всѣхъ парусахъ, хотя по необходимости на крутой бейдевиндѣ. Но вотъ онъ спустилъ грот-марсъ и остановилъ машину. Съ каждой минутой разстояніе между пароходами убавлялось; на обоихъ развѣвался благородный англійскій флагъ, и толпа народа высыпала на палубы, смотря на друга съ интересомъ и любопытствомъ. Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что новый пришелецъ спускаетъ лодку.

— Они хотят идти на abordажъ, сэръ, сказалъ мистеръ Эдуардъ, подходя къ капитану и прикладываясь къ козырьку.

— Я знаю, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ капитанъ. — Мы не можемъ остановиться, но вы задержите ходъ, мистеръ Эдуардъ; море тихо, и они, конечно, легко передадутъ намъ что нужно.

— Слушаю, сэръ.

Черезъ минуту громадное чудовище подвигалось уже съ четвертью своей прежней скорости. Къ этому времени лодка съ незнакомаго парохода была спущена, и четыре здоровыхъ молодца налегли на весла. Пока они давировали чтобы подойти къ *Ассирию* съ кормы, публика съ обояхъ шканцевъ вела переговоры. Оказалось, что незнакомецъ былъ *Стромболи*, вышедшій изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль 17-го числа, а теперь остановилъ *Ассирию* чтобы передать ей одного пассажира, желавшаго возвратиться съ полдороги снова въ Америку. Этотъ баринъ вѣхалъ въ лодкѣ, и дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ маленькая лодочка заплесала въ волнистомъ слѣдѣ, оставляемомъ громаднымъ винтомъ «Ассирию», и послѣ шумныхъ криковъ и разнѣна газетъ и писемъ, были перекинуты черезъ бортъ два чемодана, и вслѣдъ за ними влѣзъ на палубу и мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ.

Это былъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, очень загорѣлый, съ черными, блестящими глазами и бѣлоснѣжными зубами. Его лицо и вся фигура были вполне достойны служить образцомъ для Аполлона—такъ все въ немъ было соразмѣрно и изящно, развѣ только плечи были слишкомъ полны. На немъ былъ бѣлый шерстяной сюртукъ и такіе же жилетъ и панталоны. Въ его манерахъ выказывалась та смѣсь беззаботной небрежности съ удивительнымъ тактомъ хорошо воспитаннаго человека—смѣсь, которую такъ трудно поддѣлать и которая обыкновенно есть результатъ хорошей крови, прошедшей уже черезъ многія опасности.

— Доброго вечера, капитанъ Станченъ, воскликнулъ молодой человекъ, снимая соломенную шляпу:—надѣюсь, что вы меня примете и дадите мнѣ уголокъ, хотя я появился совершенно неожиданно.

— Клянусь своей жизнью, мистеръ Дангерфильдъ, отвѣчалъ капитанъ:—что вы послѣдній человекъ, котораго я думалъ увидѣть сегодня! Привѣтствую васъ отъ всей души, хотя, признаться сказать, ваше появленіе нѣсколько странно.

— Ничего, мы уладимъ, со смѣхомъ возразилъ молодой человекъ.—Я боюсь, однако, прибавилъ онъ, обращаясь съ учтивымъ поклономъ къ собравшимся въ кучу пассажирамъ:—боюсь, что я здѣсь совершенно чужой.

— Не совершенно чужой для меня, мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ, сказалъ Оливеръ Вернонъ, подходя къ нему:—по край-

ней мѣрѣ, вашъ отецъ не былъ мнѣ чужимъ, хотя я васъ и видѣлъ въ послѣдній разъ еще ребѣнкомъ.

— Вы хотите сказать, прежде чѣмъ я бѣжалъ изъ дома и пошелъ въ моряки, отвѣчалъ молодой человекъ, нѣсколько покраснѣвъ:—я васъ помню, сэръ, хотя, если вы дѣйствительно мистеръ Вернонъ, то вы очень измѣнились въ эти пятнадцать лѣтъ.

— И къ лучшему, я надѣюсь, весело замѣтилъ Вернонъ.—Но пойдемте со мною, я имѣю на васъ права, какъ сосѣдъ.

Съ этими словами онъ повелъ его къ заколдованному кругу, главнымъ привлеченіемъ котораго служили его хорошенькая дочь и воспитанница.

Такимъ образомъ, благодаря случайности, встрѣтились эти люди, которые должны были имѣть такое сильное вліяніе на будущность другъ друга. Вечеръ прошелъ весь въ разговорахъ, безъ сомнѣнія, очень пріятныхъ для всѣхъ участвующихъ; но, быть можетъ, Стивенъ Дангерфильдъ нашелъ въ нихъ всего болѣе удовольствія. Однако, эти разговоры не сдѣлали на него столь сильнаго впечатлѣнія, чтобъ побудить его лечь спать непрочитавъ внимательно двѣ бумажки: одну писанную, другую—печатную, которыхъ онъ перечитывалъ съ полсотни разъ въ послѣдніе четыре дня. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ очень осторожно сложилъ и спряталъ бумажки въ свой портфель, который въ свою очередь положилъ подъ подушку. Первая изъ нихъ была слѣдующая телеграмма:

Филадельфія, 17-го августа.

«Мистеру Стивену Дангерфильду. Кларендонскій оттель. Н. Г. Что-то неладно. Не уѣзжайте.»

Другая бумажка была вырѣзка изъ одной нью-йоркской газеты, изъ отдѣла частныхъ объявленій:

«— К. не вышелъ въ море въ А. — Уѣхалъ на Сѣверъ, въ Пріютъ.»

II.

— Я надѣюсь, вамъ понравится Америка, сказала Грѣсъ Вернонъ Роберту Эліоту, который, стоя подлѣ нея, смотрѣлъ задумчиво на голубую даль:—то-есть не водопадъ ніагарскій, не большія озера и другія живописныя мѣстности, этимъ, конечно, всякій человекъ поневолѣ будетъ восхищаться; но я надѣюсь, что народъ не покажется вамъ такимъ непріятнымъ, какъ его изображаютъ ваши соотечественники въ книжкахъ. Они всегда какъ-то выбираютъ худшіе типы, съ которыми имъ случилось встрѣтиться, и потомъ выдаютъ ихъ за образцы цѣлаго класса людей.

Разговоръ этотъ происходилъ тотчасъ послѣ восхода солнца, на третій день послѣ описанной сцены въ предыдущей главѣ.

Легкій южный вѣтеръ едва обруглялъ паруса, и пароходъ шелъ одной силой пара. Благоухающая влага разливалась въ воздухъ, а солнце тускло мерцало сквозь клочковатая облака тумана, отражавшія всевозможные цвѣта радуги. Сѣрватая хладная полоса еще виднѣлась на западѣ, и послѣдняя звѣзда догарала передъ рождающимся днемъ. Вновь вымытая палуба блестяла чистотой и свѣжестью. Каждая веревка была на своемъ мѣстѣ, всѣ бѣгучія снасти убраны какъ-бы на военномъ кораблѣ, вся мѣдъ сіяла и искрилась, какъ золото. Море было усѣяно небольшими, но быстро перекатывающимися волнами, которыя набѣгали другъ на друга подъ прямымъ угломъ, ясно указывая на перемѣну вѣтра. Изрытая волнистая поверхность не давала разглядѣть блестящихъ дельфиновъ, рѣзвившихся вокругъ, но за то мнѣριάды морскихъ свинокъ, ловко лавирующихъ, то выказывая свои черныя мордочки, то исчезая подъ пѣной парохода, придавали жизнь и оживленность этой сценѣ.

Молодежь выползла изъ своихъ душныхъ каютъ, чтобъ подышать воздухомъ; утро на морѣ—лучшее время дня, и къ тому же палуба почти совсѣмъ пуста, нѣтъ ни шума, ни давки. Дѣйствительно, кромѣ Эліота и Грэсъ, на ней было три человѣка, исключая немногихъ матросовъ, которые однако своимъ постояннымъ присутствіемъ какъ-бы ступеньваютъ свою индивидуальность. Элинора Грезбрукъ въ своемъ бѣлоснѣжномъ утреннемъ платьѣ сидѣла неподвижно какъ статуя, въ безмолвномъ созерцаніи безпредѣльной дали; тѣтка Мерси что-то усердно вязала, а Стивенъ Дангерфильдъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, очищая апельсинъ и разсуждая самъ съ собою, кому его поднести—Элинорѣ или Грэсъ.

— Большая часть путешественниковъ находятъ выгоднымъ для себя критиковать все, что они видѣли, сказалъ Эліотъ, продолжая начатый разговоръ:— главное для нихъ, чтобъ книга вышла занимательная, а порицаніе гораздо остроумнѣе похвалъ. Писаки французы ругаютъ Англію, писаки англичане ругаютъ Францію, и тѣ и другіе поддаются одному и тому же соблазну; но вѣдь то, что дѣйствительно хорошо въ той или другой странѣ, отъ этого ни мало не терпится.

— Ахъ! воскликнула молодая дѣвушка:—это вамъ кажется потому, что Англія и Франція такъ недалеко другъ отъ друга и что клевета скорѣй опровергается, когда разстояніе ничтожно. Но дѣло совершенно иное, когда васъ раздѣляетъ широкій океанъ.

— Я съ вами согласенъ; но въ этомъ случаѣ не перевѣшиваетъ ли то обстоятельство, что мы говоримъ однимъ языкомъ по обѣ стороны океана?

— Это только увеличиваетъ легкость обоюднаго порицанія.

— Но виѣсть съ тѣмъ это помогаетъ и объясненіямъ, которыя всегда слѣдуютъ рано или поздно.

— Ну, продолжала Грессъ: — я полагаю, что газеты служатъ главнымъ средствомъ объясненія между Англійей и Америкой; однако наврядъ ли, чтобъ онѣ поддерживали дружескія чувства между той и другой страной?

— Пожалуй, и нѣтъ въ настоящее время, отвѣчалъ Эліотъ:— это по той же самой причинѣ, которую я указалъ относительно путешественниковъ. Въ газетѣ главное—красное словцо, острая статейка, и потому журналисты по большей части поддаются соблазну кадить самымъ закоренѣлымъ предрассудкамъ своихъ читателей. Но этому скорѣ настанетъ конецъ, и все блестящее остроуміе *Saturday Review* не спасетъ журналъ отъ презрѣнія, если въ немъ истинной будутъ жертвовать ради остраго слова.

— Ничто не можетъ быть хуже нашей прессы, замѣтилъ Стивенъ Дангерфильдъ, останавливаясь и разрѣшивъ свои сомнѣнія раздробленіемъ апельсина на двѣ половины:—ваши журналы и газеты хоть издаются образованными людьми, которые, по крайней мѣрѣ, когда хотятъ, высказываютъ глубокія знанія и начитанность. У насъ же совершенно противоположное, конечно, за небольшими исключеніями. Если, какъ мистеръ Вернонъ говоритъ, иностранные поселенцы отличаются грубой дикостью по пріѣздѣ къ намъ, то, конечно, *Нью-Йоркскій Глашатай* и ему подобныя газеты дѣлаютъ все, что только могутъ, чтобы поддерживать въ нихъ эту дикость.

— Вѣроятно, спрость, какъ всегда, обусловливаетъ и тутъ предложеніе, отвѣчалъ Эліотъ:—ваши газеты очень дешевы и предназначены для самыхъ разнородныхъ читателей, поэтому и журналисты, какъ актеры, «должны нравиться, чтобъ жить».

— Да, но вѣдь благодаря этимъ газетамъ, взводятъ клевету на весь народъ. Европа принимаетъ ихъ за выраженіе американской цивилизаціи, американскихъ идей и американскаго духа. Въ сущности же приморскій городъ, наполненный торгашами и иноземными бродягами, никакъ не можетъ служить образцомъ всей страны; уже скорѣе въ этомъ отношеніи можетъ служить Бостонъ, несмотря на всѣ его предрассудки и провинціализмы.

— Но вѣдь если это такъ, то оно должно быть извѣстно образованнымъ класамъ, а газеты, о которыхъ вы говорите, имѣютъ огромный сбытъ во всѣхъ слояхъ общества, слѣдовательно и большее вліяніе?

— Мы судимъ совершенно иначе. Всякій видитъ и понимаетъ зло; но мы слишкомъ заняты и хладнокровны, чтобъ приняться за его искорененіе. Да и потомъ мы читаемъ газеты только для новостей, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучше нью-Йорскіихъ; что же ка-

сается до вліянiя газетъ, то оно почти не существуетъ, то-есть я говорю объ образованныхъ класахъ.

— Поистинѣ странное положеніе.

— Да, но вы убѣдитесь сами въ истинѣ моихъ словъ. Это одно изъ косвенныхъ слѣдствій того горестнаго факта, что переселенцамъ позволяютъ оставаться въ приморскихъ городахъ, вмѣсто того, чтобы ихъ селить на западъ, гдѣ бы имъ можно было отводить огромныя земли и гдѣ бы они, вмѣсто теперешнаго вреда, приносили бы только пользу и вскорѣ обратились бы въ отличныхъ гражданъ. Все это доказывается какъ нельзя яснѣе статистическими цифрами.

— А какъ вы думаете, мистеръ Элиотъ, воскликнула вдругъ Грэсъ съ прелестной улыбкой:—если мы такъ гостепріимны, что даемъ право всѣмъ нашимъ гостямъ участвовать въ общей подачѣ голосовъ, то не должны ли бы и американки, по крайней мѣрѣ образованныя, пользоваться тѣмъ же правомъ?

— Отвѣтъ очень легокъ, отвѣчалъ Элиотъ, съ восхищеніемъ смотря на обѣихъ красавицъ:—кто можетъ сомнѣваться въ немъ, имѣя счастье видѣть передъ собою такіе образчики вашихъ соотечественницъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула Грэсъ, вспыхнувъ:—вы не должны прикрываться такими комплиментами; извольте отвѣчать серьезно.

— Въ такомъ случаѣ я скажу вамъ, что вопросъ этотъ очень трудный, щекотливый, мисъ Вернонъ, до того трудный, что я сердечно благодаренъ благодѣтельной судьбѣ, посылающей намъ вашего отца; онъ гораздо лучше моего разрѣшить эту задачу.

Въ эту минуту Оливеръ Вернонъ подошелъ къ разговаривающимъ. Нѣжная, кроткая улыбка играла на его благородномъ лицѣ. Знвшіе его близко дорого цѣнили эту улыбку, которая все болѣе и болѣе привязывала ихъ къ нему: какъ дороже и милѣе была бы она для нихъ, еслибъ они знали еще, что эта улыбка была вѣнчаніемъ признакомъ и выраженіемъ той умственной, душевной зрѣлости, до которой достигла эта благородная, широкая натура, несмотря на всѣ обстоятельства его жизни, которыя сдѣлали бы большую часть людей злобными мизантропами, а нѣкоторыхъ даже преступниками.

Оливеръ Вернонъ покинулъ свою родину, чтобы избѣгнуть позорныхъ послѣдствій преступленія, совершеннаго тридцать лѣтъ тому назадъ. Младшій сынъ, потомокъ древняго, аристократическаго рода, онъ рано вкусилъ горькую чашу униженія — результатъ закона первородства. Его мать, слабая, легкомысленная женщина, сосредоточила всю свою любовь на старшемъ сынѣ Вильямѣ, а меньшого почти совсѣмъ забросала и обходилась съ нимъ съ презрѣніемъ. Отецъ былъ слишкомъ занятъ

политическими дѣлами, чтобъ обратить хоть малѣйшее вниманіе на семейство; однако, желая помѣстять Вильяма въ парламентъ, онъ съ неудовольствіемъ видѣлъ праздную, легкомысленную жизнь, которую тотъ велъ съ самой юности, несмотря на свои блестящія способности. Всѣмъ было извѣстно, что Вильямъ Вернонъ держалъ огромныя пари на скачкахъ, но никто кромѣ его и жидовъ, дававшихъ ему деньги, не подозрѣвали, до какихъ громаднхъ размѣровъ доходили его долги. Оливеръ, найдя наконецъ жизнь въ родительскомъ домѣ невыносимой, оставилъ его, и имѣя единственнымъ средствомъ къ пропитанію небольшой капиталъ, оставленный бабушкой, началъ жить своими трудами; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудной борьбы съ жестокой судьбой, онъ, наконецъ, поступилъ въ секретари къ одному богатому аристократу — дальнему своему родственнику.

На этого лорда С., старикъ Вернонъ рассчитывалъ всего болѣе, для вывода въ свѣтъ своего старшаго сына-наслѣдника; поэтому Вильямъ постоянно ухаживалъ за лордомъ, старался снискать его благосклонность, и очень часто посѣщалъ его домъ. Однажды, во время поѣздки лорда въ отдаленную провинцію Англій, его лондонскому банкиру была представлена чека въ пять тысячъ фунтовъ. Сумма хотя была и большая, но такъ-какъ эту чеку представили вмѣстѣ съ другими меньшими, которыя прошли черезъ руки Оливера Вернона, то банкиръ выплатилъ требуемую сумму безъ малѣйшаго подозрѣнія. Вскорѣ оказалось, однако, что подпись лорда С. была подложная, и это открытіе сопровождалось такими явными уликами противъ Оливера Вернона, что его преступность была всѣми признана, особливо послѣ его неожиданнаго бѣгства изъ Англій.

Это всеобщее убѣжденіе было окончательно подтверждено несомнѣннымъ фактомъ, когда черезъ два года лордъ С. получилъ отъ неизвѣстнаго изъ Америки чеку въ тысячу фунтовъ, что было повторяемо ежегодно до тѣхъ поръ, пока вся похищенная сумма была уплачена. Хотя это дѣло не было публично судимо, и оставалось извѣстнымъ только кружку знакомыхъ преступника, но съ той минуты Верноны уже болѣе никогда постарому гордо не поднимали головы. Старикъ умеръ черезъ три года послѣ бѣгства Оливера, какъ говорили, съ горя и стыда. Послѣ этого, Вильямъ Вернонъ сталъ вести жизнь еще болѣе разгульную, и надѣлалъ столько долговъ, что, наконецъ, совершенно разорился, и всѣ его помѣстья были взяты подъ опеку, для уплаты кредиторамъ. За годъ передъ этимъ умерла и несчастная мать, съ которой онъ въ послѣднее время обходился самымъ жестокимъ образомъ; она, говорятъ, на одрѣ смерти проклинала Вильяма, и жалобно звала Оливера, умоляя простить ее. Оставшись безъ гроша, Вильямъ бѣжалъ въ Аме-

рику — къ брату, который, между тѣмъ, нажилъ хорошенъное состояніе. Оливеръ всѣми силами старался втянуть его въ какое-нибудь занятіе, однако, напрасно: дурныя привычки слишкомъ вкоренились въ немъ; онъ продолжалъ вести свою прежнюю жизнь, предался игрѣ, пьянству. Десять лѣтъ спустя послѣ своего бѣгства изъ Англіи, Оливеръ женился и купилъ великолѣпное помѣстье на берегу Гудсона, гдѣ съ тѣхъ поръ постоянно и жилъ. Одной изъ причинъ, побудившихъ его удалиться изъ города, была боязнь поселить свою нѣжную, молоденькую жену съ развратнымъ братомъ; но и тутъ онъ не рѣшился прогнать Вильяма, ибо все еще любилъ его, несмотря на все горе, претерпѣнное по его милости.

Въ слѣдующемъ году онъ лишился обоихъ, и жены и брата; первая умерла, родивъ на свѣтъ Грэсъ; второй — пропалъ безъ вѣсти. Одни полагали, что онъ вернулся въ Англію, другіе — что погибъ въ драгѣ съ такими же пьяницами, какъ онъ; третьи — что онъ потонулъ, но всѣ поиски полиціи ни къ чему не привели и, наконецъ, Оливеръ пересталъ его разыскивать, приди къ тому убѣжденію, что вѣрнѣе всего, Вильямъ въ пьяномъ видѣ спотынулся и упалъ въ рѣку. Прошло пять-десять, пятнадцать лѣтъ, и наконецъ страховыя компаніи, въ которыхъ была застрахована жизнь Вильяма Вернона, выдали слѣдующія съ нихъ суммы его прямому наслѣднику Оливеру, который, выплативъ всѣ долги брата, выкупилъ отцовскія помѣстья и впервые посѣтилъ передъ началомъ нашего разсказа.

Но возвратимся къ нашимъ друзьямъ, на палубѣ *Assurini*.

— Я боюсь, что мистеръ Вернонъ возстанетъ противъ вашего вывода, сказалъ съ улыбкой Стивенъ Дангерфильдъ: — вы предлагаете исправить зло, происходящее оттого, что нѣкоторые пользуются правомъ подачи голосовъ, котораго бы они не должны имѣть, дарованіемъ этого же права другимъ, немѣющимъ его.

— Я припомню вамъ, господа, ваши комплименты, отвѣчала Грэсъ: — теперь же я надѣюсь на папу, онъ за меня вступится.

— Я сомнѣваюсь, чтобы вашъ отецъ поддержалъ васъ на этотъ разъ, замѣтилъ Эліотъ: — на сколько я замѣтилъ, и я признаю въ этомъ съ удивленіемъ, онъ скорѣе въ пользу ограниченія, чѣмъ увеличенія числа избирателей.

— Опять полетѣла, и избиратели! воскликнулъ Оливеръ Вернонъ, нѣжно палуя молодыхъ дѣвушекъ

— Не слушайте ее, мистеръ Эліотъ, а то она васъ обратитъ въ радивала, прежде чѣмъ вы попадете въ Новый-Свѣтъ. Намъ же интересно будетъ узнать ваши мнѣнія, какъ человѣка свѣжаго, нормальнаго, безъ предразсудковъ и предвзятыхъ идей.

— Я только выразилъ, сэръ, мое удивленіе, возразилъ Эліотъ: — что вы, повидимому сторонникъ такъ-называемыхъ прогрессивныхъ

миѣній, въ то же время противникъ, конечно, въ нѣкоторой степени, всеобщей подачи голосовъ.

— А изъ этого, подхватила Грэсъ: — мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ выводитъ, что вы точно такъ же будете противиться и распространенію этого права на женщинъ.

— Я—самый искренній сторонникъ всеобщей подачи голосовъ, началъ Вернонъ: — но я бы ввелъ ее только послѣ того, какъ повсемѣстно распространится образованіе, которое можетъ сдѣлать всеобщую подачу голосовъ дѣйствительно полезною для человечества. Для истиннаго прогресса *названіе вещи* ничто, важно — самое *существо вещи*. Сказавъ, что всеобщая подача голосовъ существуетъ въ какой-нибудь странѣ — вы этимъ нисколько не говорите, чтобъ эта страна пользовалась наибольшимъ благосостояніемъ, но это само собою подразумѣвалось бы, еслибъ мы знали, что въ той странѣ царствуетъ повсемѣстное, всеобщее образованіе. Еслибъ можно было доказать, что дѣти въ пятнадцать лѣтъ достаточно развиты, чтобъ вполне понимать значеніе и обязанности избирателя, то я готовъ тотчасъ дать имъ право голоса; точно также, до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ доказать, что сотни тысячъ необразованныхъ выходцевъ изъ странъ, гдѣ нѣтъ народныхъ школъ, имѣютъ подобное, необходимое развитіе—я бы не давалъ имъ права голоса. Я въ пользу ценза не по имуществу, а по образованію. Распространеніе избирательнаго права, если оно что нибудь означаетъ, то, конечно, распространеніе благосостоянія и счастья; но въ практикѣ, за отсутствіемъ всеобщаго образованія, оно приводитъ постоянно къ совершенно инымъ результатамъ. Возьмемъ примѣръ: самый невѣжественный классъ въ Южныхъ Штатахъ—это бѣлые бѣдняки; самый невѣжественный классъ на Сѣверѣ — иностранные переселенцы. Оба эти класса, впродолженіе долгихъ лѣтъ, подавали голоса вмѣстѣ, и упорно придерживались той политики, которая діаметрально противоположна ихъ благосостоянію и счастью. Они подавали голоса въ пользу сохраненія и распространенія рабства, которое, дѣлая трудъ презрѣннымъ, заставляетъ бѣлыхъ бѣдняковъ на Югѣ оставаться нищими и невѣжественными, и въ то же время закрываетъ доступъ въ самыя богатыя страны континента бѣлымъ бѣднякамъ Сѣвера. И, однако, замѣтите, непремѣнное послѣдствіе, къ которому ведетъ наше примѣненіе принципа всеобщей подачи голосовъ, будетъ то, что когда, по волѣ провидѣнія, неминуемая борьба вспыхнетъ между двумя принципами свободы и рабства, эти самые люди, по своему положенію, должны будутъ вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть битвы, которую начать безъ ихъ помощи, рабство никогда бы не имѣло довольно силы.

— Что же касается до женщинъ, продолжалъ Вернонъ, въ минутнаго молчанія: — то нѣтъ сомнѣнія, что есть тысяча женщинъ въ Америкѣ, которыя въ состояніи подать голосъ гораздо сознательнѣе и благоразумнѣе массы иноземцевъ. Поэтому вопросъ этотъ дѣлается лишь вопросомъ времени и обстоятельствъ. Что женщины будутъ современемъ избирателями—это очень вѣроятно, но въ настоящую минуту я сомнѣваюсь, созрѣло ли наше общество для такого нововведенія. Теперь еще очень мало женщинъ, которыя дѣйствительно желаютъ воспользоваться этимъ правомъ; но предположимъ, что ихъ одна на десять, то остальные девять будутъ поставлены въ самое неловкое и несчастное положеніе честолюбіемъ одной.

— Но отчего же, папа, спросила Гресь:—женщинамъ не пользоваться правомъ мужчинъ подавать свой голосъ или нѣтъ, какъ заблагоразсудится?

— Я думаю, это будетъ невозможно, по крайней мѣрѣ при существующемъ общественномъ порядкѣ. Мужья, отцы и братья, конечно, станутъ претендовать, чтобъ ихъ жены, дочери и сестры подавали голосъ, за кого они желаютъ, или вовсе не подавали бы, такъ что результатъ выборовъ не измѣнится.

— Одно достовѣрно, замѣтилъ Эліотъ:—что участіе женщинъ въ политикѣ и особливо въ выборахъ, произвело бы много хорошихъ переимѣнъ: такъ навѣрно уничтожились бы нѣкоторые грубые обычаи и уменьшились подкупы и взятничество.

— Но, возразилъ Дангерфильдъ:—не потеряли ли бы отъ этого женщины своей нѣжности, скромности и утонченной деликатности?

— Я не думаю, отвѣчала Гресь:—турки и другіе восточные народы полагаютъ, что въ такимъ результатамъ должны привести многія права, данныя западными государствами женщинамъ; но мы видимъ, какъ ошибочно это мнѣніе. Во Франціи, женщины торгуютъ въ магазинахъ и имъ открыты многія другія отрасли промышленности, которыя въ Америкѣ для насъ недостижимы, и нельзя сказать, чтобъ отъ этого женскій полъ понижался въ какомъ бы то ни было отношеніи.

— Вопросъ о женскомъ трудѣ у насъ еще находится въ младенствѣ, сказалъ мистеръ Вернонъ:—но довольно о серьезныхъ вопросахъ, мы совсѣмъ убавляли Нелли. Она, кажется, преспокойно спитъ. Однако! воскликнулъ онъ, обращаясь къ Элиноръ:—что съ ней!

Молодая дѣвушка сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разговаривавшихъ на подвѣтренной сторонѣ палубы. Она во все время ихъ разговора молчала, только раза два сказала попотомъ нѣсколько словъ тѣткѣ Мерси, вазавшей подлѣ нея; теперь же она вдругъ

вскрикнула, и устремивъ пламенный взглядъ на западъ, указала пальцемъ на что-то чернѣвшееся вдали.

— Клянусь, это лодка, воскликнула Грэсъ, бросаясь къ Элиноръ и смотря по указываемому ею направленію:—это лодка—на боку и со сломаннымъ парусомъ.

— Лодка, воскликнулъ смѣясь Стивенъ Дангерфильдъ:—это большая шкуна, потерпѣвшая крушеніе.

— Часовой проспалъ, вѣрно, сердито пробормоталъ мистеръ Эдуардъ, появляясь на палубѣ:—дай ходу, Максвелл!

— Есть!

— Большая шкуна... мачтъ нѣтъ... стойкамъ на бимсѣ... продолжалъ Эдуардъ, смотря въ зрительную трубу:—Джэкобъ, позови капитана Станчена.

— Есть, сэръ.

— Нѣтъ ли признаковъ людей на палубѣ, мистеръ Эдуардъ? спросилъ поспѣшно Вернонъ:—матросовъ или пассажировъ?

— Нѣтъ, на сколько я вижу. Судно, вѣроятно, брошено и, пожалуй, находится въ такомъ положеніи уже съ мѣсяцъ.

Черезъ нѣсколько минутъ выбѣжалъ на палубу капитанъ въ бѣлыхъ панталонахъ и впопыхахъ застегивая сюртукъ. Онъ взглянулъ на погибавшій корабль вдали, потомъ на компасъ и наконецъ скомандовалъ уклониться отъ вѣтра.

— На нѣсколько румбовъ! прибавилъ онъ:—надо посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ людей. Лодку на готовѣ, мистеръ Эдуардъ. Хорошо, Максвелл! Держи такъ!

— Есть!

Пароходъ теперь быстро подходилъ къ разбитому кораблю, который оказался красивой, длинной шкуной, въ сто или пятьдесятъ тоннъ. Обѣ ея мачты исчезли, отъ грот-мачты остался пень футовъ въ десять, а бизань-мачту оторвало у самого основанія. Бортъ былъ проломанъ спереди и сзади, и все, что находилось на палубѣ, было смыто. Одинъ только бугшпритъ оставался на мѣстѣ и висѣвшіе съ него обрывки линий колыхались въ волнахъ. Палуба склонялась къ водѣ подъ очень крутымъ угломъ, какъ-бы показывая, что весь грузъ или баластъ сбило въ одну сторону, когда судно легло стойкомъ на бимсѣ, и что даже облегченное потерей мачтъ, оно не могло уже прійти въ нормальное положеніе. Множество морскихъ растений и всякого рода наносовъ нѣсколькими слоями покрывало несчастные обломки.

Опытный глазъ капитана Станчена однимъ взглядомъ объялъ всѣ эти подробности и вывелъ надлежащее заключеніе.

— Ни одной живой души, ни малѣйшаго признака, воскликнулъ онъ.—Я боюсь, мы только даромъ потеряемъ время. Кажется, нестоитъ и спускать лодки.

— Конечно, некого спасать, отвѣчалъ Эдуардъ:—на палубѣ не видать ни одной трапки, а конечно никто не ушелъ бы внизъ на такомъ суднѣ, не оставивъ какого нибудь знака наверху.

— Не стоять, не стоять, повторилъ рѣшительно капитанъ, съ шумомъ закрывая зрительную трубу:—мы не можемъ попустому терять время.

— Прикажете идти впередъ, сэръ?

— Да. Но прежде дадимъ имъ сигналъ. Зарядить пушку! Если тамъ кто есть, такъ пускай воспользуется этимъ послѣднимъ средствомъ къ спасенію.

Оба приказанія были исполнены въ одно и то же время. Сдѣлавъ ловкій поворотъ, *Ассирия* стала подъ вѣтеръ и въ то же мгновеніе раздался выстрѣлъ. Дымъ на секунду скрылъ отъ любопытныхъ обломки шкѣны. Настугило мертвое молчаніе, выродоженіе котораго обѣ молодыя дѣвушки смотрѣли другъ на друга съ какимъ-то горькимъ разочарованіемъ. Но вотъ Элинора громко воскликнула:

— Нѣтъ, сэръ! Капитанъ Станченъ! Посмотрите! Посмотрите!

Дымъ разсѣялся въ прихотливыхъ, фантастическихъ струйкахъ, и снова показалось несчастное судно на разстояніи не болѣе трети мили отъ *Ассирии* съ подвѣтренной стороны. Изъ задняго люка показалась палка съ лоскутомъ разорваннаго американскаго флага; очевидно, ее держала человѣческая рука, ибо она дрожала и подымалась все выше и выше, пока, наконецъ, сила, поддерживавшая ее, казалось, вдругъ истощилась и древко съ флагомъ покатилося по палубѣ.

Всѣ на *Ассирии* поняли эту безмолвную мольбу. Почти безъ всякихъ приказаній, пароходъ снова уклонился отъ вѣтра, матросы бросились на корму, и послѣ нѣсколькихъ движеній винта, лодка была спущена. Инстинктивно вслѣдъ за командой прыгнули въ нее Стивенъ Дангерфильдъ и Элиотъ, и шесть здоровыхъ молодцовъ налегли со всей силой на весла. Тѣ, кто остались на палубѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали результата, который не заставилъ себя долго ждать, хотя Элиноръ это время показалося цѣлой вѣчностью.

Догреть до шкѣны, взобраться на нее и прыгнуть обратно въ лодку, заняло не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Вотъ они уже возвращаются—пристаютъ. Всѣ глаза обращены съ лихорадочнымъ ожиданіемъ на ту сторону палубы, откуда должны появиться прибывшіе. Ихъ теперь десятеро вмѣсто восьми. Трое или четверо матросовъ перепрыгиваютъ черезъ бортъ, вслѣдъ за ними Элиотъ съ помощью одного матроса втаскиваютъ негритянку среднихъ лѣтъ съ истощеннымъ, омертвѣвшимъ лицомъ и посинѣвшими губами. Тутъ Оливеръ Вернонъ проталкивается впередъ къ шкафуту и принимаетъ въ свои объятія изъ рукъ Стивена Дангерфильда—маленькаго ребѣнка.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Замѣтка объ американскихъ событіяхъ. — Засѣданіе законодательнаго корпуса. — Рѣчь Тьера противъ расходовъ второй имперіи. — Какъ составляется государственный бюджетъ Франціи. — Вліяніе воинственности на финансы Франціи. — Безцеремонность преній во второй пруской палатѣ. — Столкновѣніе Бисмарка съ Вирховвильмъ. — Мысль объ устройствѣ прусскихъ колоній на островѣ Формозѣ. — Шлезвиг-голттинскій вопросъ. — Кандидатура великаго герцога Ольденбургскаго. — Поддержка его правъ Россіей. — Значеніе вопроса о пьянствѣ въ экономическомъ и нравственномъ бытѣ Россіи. — Доходъ государства отъ питейной акцизной системы. — Содержаніе чиновъ питейно-акцизнаго управленія. — Вознагражденія мѣстамъ и частнымъ лицамъ за потерю или убыль питейныхъ доходовъ. — Постановленія нашего законодательства о пьянствѣ. — Необходимость ихъ измѣненія. — Открытіе комисіи для пересмотра правилъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ. — Цѣль этой комисіи. — Недостаточность ея личнаго состава. — Необходимость болѣе широкой совѣщательности по этому дѣлу.

Въ настоящую пору ходъ политическихъ событій въ Европѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго, такъ что общее вниманіе европейской журналистики сосредоточивается, попрежнему, на дѣлахъ Сѣверныхъ штатовъ и Мексики. Отъ исхода этихъ дѣлъ будетъ зависѣть одно весьма важное обстоятельство для всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, а именно — сближеніе Англій и Франціи по дѣламъ американскимъ, или взаимное ихъ охлажденіе. Между тѣмъ, насчетъ этого нельзя сказать пока ничего определеннаго, такъ-какъ политика вашингтонскаго правительства въ отношеніи къ мексиканской имперіи еще недостаточно опредѣлилась. Особенное вниманіе обращаетъ на себя процессъ лицъ, которые обвиняются въ убійствѣ президента Линкольна.

Засѣданія французскаго законодательнаго корпуса продолжаютъ, но въ общемъ своемъ ходѣ засѣданія эти не представляютъ

ничего особеннаго. Можно только остановиться на рѣчи Тьера, и на размовкѣ депутата Вирхова съ министромъ фон-Бисмаркомъ.

Рѣчь Тьера важна въ томъ отношеніи, что она направлена противъ веденія финансовыхъ дѣла Франціи со времени учрежденія имперіи. Онъ указываетъ на то, что въ послѣдніе годы расходы правительства, какъ обыкновенныя, такъ и чрезвычайныя возрасли отъ 1,500 миліоновъ до 2 миліардовъ 300 миліоновъ. Онъ обращаетъ вниманіе законодательнаго корпуса на тотъ фактъ, что впродолженіе двухъ недѣль потребовали увеличеніе бюджета на 360 миліоновъ для Франціи вообще, и на 250 миліоновъ собственно для Парижа; къ этому онъ добавилъ, что въ государственномъ совѣтѣ приготавливается проектъ закона о дополненіи бюджета еще на 100 или даже на 200 миліоновъ. Увеличеніе французскаго бюджета г. Тьеръ объясняетъ, съ полною откровенностію, такимъ образомъ:

Съ того времени, сказалъ г. Тьеръ, когда новыя наши учрежденія уменьшили то участіе, какое принимала нація въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, стали опасаться, чтобы та дѣятельность разсудка, въ которой укоряють французовъ, не сдѣлалась бы вредною, если не будутъ принсваны такія средства, которыя заняли бы вниманіе страны. Эти средства, иногда опасныя и всегда дорого стоящія, были: война внѣ государства, а внутри его огромныя издержки и громадныя предпріятія.

Такимъ образомъ, Франція вела двѣ большія войны: въ Крыму и въ Италіи. Послѣ этого слѣдовали войны незначительныя по количеству употребленнаго войска, но потребовавшія большаго издержекъ и неустраившія тѣхъ столкновеній, которыя могутъ произойти во всякое время. Г. Тьеръ указываетъ на то, что война въ Мексикѣ стоила Франціи дороже, нежели война въ Италіи, а по встрѣченнымъ въ мексиканской войнѣ затрудненіямъ, она такъ же важна, какъ и война итальянская. Военные расходы были покрыты займами, вслѣдствіе которыхъ государственный долгъ Франціи значительно увеличился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Что же касается громадныхъ работъ, производимыхъ во Франціи, то, какъ замѣчаетъ г. Тьеръ, каждый благоразумный членъ вѣкъ долженъ согласиться, что подобныя работы могутъ быть предприняемы только въ мирное время. Онъ возстаетъ противъ мнѣнія о пользѣ такихъ работъ, замѣчая, что только часть сбереженныхъ государствомъ суммъ должна идти на постройку дорогъ и каналовъ, и что должно держаться крайней разсчетливости при расходахъ на украшеніе городовъ. Значительную же долю сберегаемыхъ суммъ слѣдуетъ обращать на улучшеніе земледѣлія, и на развитіе промышленной дѣятельности.

Въ особенности г. Тьеръ нападаетъ на производимыя нынѣ перестройки Парижа, посредствомъ которыхъ въ сущности разрушаютъ столицу Франціи, для того только, чтобы имѣть случай построить ее снова. Полусутильнымъ тономъ онъ замѣтилъ, что

слава сенскаго префекта г. Гаусмана мѣшаетъ спать другимъ префектамъ, изъ которыхъ одинъ уже построилъ для себя помѣщеніе на подобіе тюльрійскаго дворца, стоящее государству до 14 миліоновъ.

За префектами тянутся подпрефекты, которые, если и не перестраиваютъ занимаемыхъ ими отелей, то все же требуютъ отдѣлки и новой мѣбели для своихъ помѣщеній. Гдѣ же остановится этого рода соревнованіе? спрашиваетъ г. Тьеръ, и отвѣчаетъ, что если данный свѣше толчокъ остановится, то онъ сдержитъ и ниже. Нужно, продолжаетъ г. Тьеръ, чтобы министръ публичныхъ работъ, пресмыщенный, наконецъ, славою, сдѣлался чувствителенъ къ заботамъ министра финансовъ; но явится новый министръ публичныхъ работъ—для него нужна будетъ новая слава, и тогда требованія увеличатся на миліоны.

Не церемонясь слишкомъ много, знаменитый министръ замѣтилъ, что такая система заимствована изъ бывшихъ бурбоновскихъ временъ, и что если министръ финансовъ успѣетъ защитить свою кассу отъ подобныхъ расходовъ, то тогда обратятся къ государственнымъ имуществамъ. Удержать такой потокъ издержекъ г. Тьеръ считаетъ обязанностію членовъ законодательнаго корпуса, которые въ этомъ случаѣ должны руководиться патриотизмомъ, благоразуміемъ и примодушіемъ. Онъ говоритъ, что отвѣтственность за финансы Франціи прямо падаетъ на законодательный корпусъ, хотя и можно до нѣкоторой степени оспаривать у этого учрежденія право вліянія на дѣла политическія.

Далѣе г. Тьеръ прочелъ своимъ сотоварищамъ весьма вразумительное поученіе на счетъ образа ихъ дѣйствій, какъ представителей законодательной власти: онъ прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ притчѣ о двухъ отцахъ—притчѣ, весьма ясной по содержащемуся въ ней намеку на нынѣшнее положеніе Франціи. Изъ рѣчи г. Тьера видно, что законодательному корпусу представляется на разсмотрѣніе пять бюджетовъ, съ постепеннымъ въ каждомъ изъ нихъ уменьшеніемъ расходовъ, но вслѣдъ за тѣмъ представляютъ еще бюджетъ непредвидимыхъ расходовъ, которые вдругъ увеличиваютъ государственныя траты на сотни миліоновъ, такъ что онѣ достигаютъ до 2,200,000. Неправильности французскаго бюджета, по указаніямъ г. Тьера, содѣйствуетъ причисленіе предвидимыхъ расходовъ къ непредвидимымъ. Такъ, напримѣръ, въ бюджетъ 1865 года внесено непредвидимыхъ расходовъ 82 миліона, и изъ нихъ 60 назначено на содержаніе французской арміи въ Римѣ, Кохинхинѣ и Мексикѣ, какъ будто — замѣчаетъ г. Тьеръ — правительство не предвидѣло, что ему въ этомъ году придется оплачивать занятіе французской арміей Рима, Кохинхины и Мексики.

Особеннымъ нападкамъ со стороны г. Тьера подверглось непогашеніе долговъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Не погашать долговъ въ продолженіе этого срока и, быть можетъ, еще въ продолженіе слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ, словомъ, неуплатить никакихъ долговъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ — значитъ —

сказалъ г. Тьеръ — идти, зажмура глаза, къ банкротству. Единственное средство, по его мнѣнію, къ сокращенію расходовъ — сбереженія по мексиканской экспедиціи и по публичнымъ работамъ.

Возраженія, сдѣланныя г. Тьеру, были слабы. Одинъ изъ сторонниковъ императорской финансовой системы, г. Латуръ-Дюмулень, старался доказать, что нападенія, направляемыя противъ финансовъ имперіи, ничего незначать въ сравненіи съ нападеніями, которыя направлялись противъ финансовъ во времена короля Луи-Филиппа. Здѣсь, конечно, было не столько опроверженія мнѣній, высказанныхъ г. Тьеромъ, сколько личной колкости на счетъ того положенія, которое занималъ г. Тьеръ во время царствованія орлеанской династіи. Прочія же возраженія заключались въ томъ, что облегченіе бюджетныхъ тягостей слѣдуетъ искать не въ внезапномъ оставленіи Мексики французскими войсками — что можетъ совершиться только цѣною униженія Франціи — и не въ прекращеніи огромныхъ публичныхъ работъ, а въ общихъ разумныхъ сокращеніяхъ военнаго бюджета, и, главное, въ принятіи такихъ мѣръ, которыя не дозволили бы сдѣлать какой-либо издержки безъ предварительнаго одобренія со стороны законодательнаго корпуса. Такой порядокъ придалъ бы палатѣ дѣйствительный контроль надъ финансами имперіи. Съ своей стороны, комисія, занимавшаяся разсмотрѣніемъ бюджета, признала, что финансовыя соображенія, вмѣстѣ съ политическими причинами, заставляютъ желать возможно-скорѣйшаго окончанія мексиканской экспедиціи. Отказавшись отъ военныхъ предпріятій, Франція будетъ въ состояніи посвятить всю свою дѣятельность развитію внутреннихъ экономическихъ силъ, что необходимо для всѣхъ отраслей промышленности, торговли и земледѣлія. Увеличивать же размѣръ долга неплатежемъ прежняго было бы неудобно, а прибѣгать къ займу для продолженія развѣхъ публичныхъ работъ, значило бы не соображаться съ настоящими финансовыми условіями. Оживить публичныя работы можно — по мнѣнію комисіи — другимъ способомъ, а именно, помогая личнымъ предпріятіямъ, и поддерживая торговыя и промышленныя асоціаціи.

Вообще надобно замѣтить, что рѣчь г. Тьера произвела большое впечатлѣніе. На другой день послѣ этой рѣчи, палата приступила къ преніямъ объ отдѣльныхъ бюджетахъ, и отвергла кредиты, которыхъ требовало правительство по устройству Парижа.

Что же касается прусскихъ палатъ, то тамъ раздраженіе оппозиціи противъ министерства дошло уже до слишкомъ безцеремонныхъ объясненій. Главными представителями продолжающейся между ними борьбы, является въ настоящее время съ одной стороны депутатъ Вирховъ, а съ другой — министръ Бисмаркъ. Они договорились наконецъ до того, что вѣроятной развязкой ихъ преній считали дуэль, которая, конечно, засвидѣтельствовала бы о личной храбрости парламентскихъ борцовъ, но не разрѣшила бы государственныхъ вопросовъ, вызвавшихъ вооруженное столкно-

веніе. Первенствующимъ вопросомъ въ пруской палатѣ продолжаетъ быть попрежнему вопросъ объ устройствѣ приэльбскихъ герцогствъ, и соединенный съ ними вопросъ объ усиленіи прускаго флота, а также объ устройствѣ укрѣпленной гавани на шлезвиг-голштинской территоріи. Чтобы показать, до какой безцеломонности доходятъ въ прускихъ палатахъ въ своихъ объясненіяхъ представители обѣихъ сторонъ, правительственной и оппозиционной, можно привести слѣдующія заявленія, дѣлаемые въ палатѣ.

Депутатъ Дункеръ, осуждая внутреннюю и внѣшнюю политику берлинскаго кабинета, заключилъ свою рѣчь словами: «министерство имѣетъ на своей сторонѣ силу, но умные и опытные люди могутъ обойтись безъ помощи сильныхъ, а сильнымъ необходимо нужна помощь умныхъ и опытныхъ». Истинный смыслъ такого политическаго афоризма слишкомъ понятенъ, чтобы нужно было истолковывать его. Другой депутатъ Блакенбургъ сказалъ, что «министерство хочетъ дѣйствовать самовластно и намѣрено заключить заемъ для того только, чтобы продолжать подобный образъ дѣйствій. займы, да все займы! а гдѣ же остатки? До сихъ поръ всякій годъ увѣряли, что бюджетъ нашъ въ равновѣсіи. слѣдовательно все это были фразы» — заключилъ депутатъ.

Въ свою очередь президентъ министровъ сказалъ народнымъ представителямъ, что «они ничего не понимаютъ, въ предлагаемыхъ имъ вопросахъ по технической части, на что депутатъ Вирховъ отвѣтилъ замѣчаніемъ, что и самъ г. Бисмаркъ ничего въ этомъ не понимаетъ. Къ этому впослѣдствіи Вирховъ добавлялъ, что «если министръ читалъ докладъ, то онъ не знаетъ, что и думать о любви министра къ истинѣ». Обиженный этимъ министръ обратился къ палатѣ съ вопросомъ: куда ведетъ этотъ тонъ и не хотятъ ли довести его споръ съ Вирховымъ до боя Гораціевъ и Куріацевъ? Если вамъ этого хочется, добавилъ Бисмаркъ, то можно пойти и до этого. Если же нѣтъ, то что же мнѣ остается? Развѣ противъ сильнаго выраженія употребить еще болѣе рѣзкое. Такъ-какъ жаловаться суду на депутатовъ нельзя, то это единственныя для насъ пути, чтобы доставить себѣ удовлетвореніе — добавлялъ министръ. Наконецъ дѣло дошло до выраженій, дѣйствительно слишкомъ рѣзкихъ. Говоря о разсмотрѣваніи техническихъ бюджетовъ, Вирховъ замѣтилъ, что члены комисіи, занятые вопросомъ о флотѣ, похожи на животныхъ отгрыгающихъ жвачку; а одинъ изъ депутатовъ, принявшій такое выраженіе на свой счетъ, поблагодарилъ Вирхова за это сравненіе потому, что эти животныя, по словамъ его, составляютъ контрастъ съ породою нечистыхъ, то-есть, просто сказать, хрюкающихъ животныхъ.

Само собою разумѣется, что подобныя перебранки не только мѣшаютъ правильному, спокойному обсужденію внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ по дѣламъ государственнымъ, но и роняютъ во мнѣніи страны достоинство, какъ правительственной власти, такъ и народнаго представительства. Предложенный г. Бисмаркомъ

способъ рѣшать спорные вопросы, не поведетъ къ цѣли, да и общественное мнѣніе поставляетъ нынѣ преграду кулачной расправѣ. На предложеніе министра-президента депутату Вирхову сознаться, что онъ, Вирховъ, не имѣлъ въ виду оскорбить его, Бисмарка, или, въ случаѣ отказа представить такое объясненіе, дать г. Бисмарку обычное удовлетвореніе, самъ г. Вирховъ, какъ увѣряютъ, готовъ былъ исполнить первое изъ этихъ предложеній, но политическіе его друзья настояли на томъ, чтобъ онъ прежде потребовалъ объясненія отъ г. Бисмарка: не имѣлъ ли онъ въ виду оскорбить его, Вирхова, нѣкоторыми отзывами о составленномъ г. Вирховымъ докладѣ по вопросу о флотѣ? Заносчивый г. Бисмаркъ съелъ тавой оборотъ дѣла оскорбительнымъ для своей чести и послалъ г. Вирхову прямо вызовъ на дуэль. Тогда г. Вирховъ отвѣтилъ, что онъ, какъ депутатъ, не можетъ принять этотъ вызовъ, и что въ настоящемъ случаѣ онъ не отступить нивакъ отъ своего рѣшенія.

Тогда члены той партіи, къ которой принадлежитъ Вирховъ, прислали къ нему депутацію благодарить его за «гражданское мужество», выраженное имъ въ неприятнн вызова, сдѣланнаго г. Бисмаркомъ.

Въ свою очередь, члены консервативной партіи внесли въ палату предложеніе, что если президентъ палаты и не найдетъ въ рѣчахъ депутатовъ варушенія порядка, то сама палата въ слѣдующемъ засѣданіи обязана заняться обсужденіемъ этого вопроса, если только онъ будетъ поднятъ 15 членами. Основаніемъ такого предложенія послужило со стороны сдѣлавшихъ его лицъ, крайнее, по ихъ мнѣнію, пристрастіе президента къ членамъ партіи прогресистовъ. Пристрастіе это — замѣтили упомянутыя лица — доходитъ нынѣ до того, что выраженія въ родѣ тѣхъ, что преобразование арміи носятъ на себѣ печать клятвопреступленія, что судьи въ Пруссіи отличаются рабскою покорностію министрамъ, что министръ юстиціи поддупаетъ судей, что нѣкоторые члены палаты похожи на животныхъ со жвачкой, что, наконецъ, министру-президенту недостаетъ правдивости и т. д. — остаются безъ малѣйшаго замѣчанія со стороны президента. Большинство палаты не оказало, однако, сочувствія къ этому предложенію, и остается полная вѣроятность, что рѣзкія выраженія, какъ съ той, такъ и съ другой стороны будутъ принадлежностію палатскихъ преній въ Берлинѣ.

Кого, однако, приходится винить въ такомъ ненормальномъ ходѣ преній—г. Бисмарка ли и его приверженцевъ, или Вирхова и его сторонниковъ? Полная справедливость требуетъ сказать, что теперь вообще депутаты объясняются въ палатѣ безцеремоннѣе, нежели представители министерства; но къ этому надобно прибавить, что самый образъ дѣйствій со стороны министерства и его невниманіе къ представленіямъ палаты, когда они отличались еще благоразумною сдержанностію, довели до такого раздраженія партію прогресис-

товъ, что она въ своихъ заявленіяхъ переходитъ уже границы парламентскихъ приличій.

Между тѣмъ палата, попрежнему, продолжаетъ противиться предложеніямъ правительства, и составленная при ней комісія, по доводу г. Твестена, отвергла проектъ закона о расходахъ на войну, а на другой день палата огромнымъ большинствомъ голосовъ окончательно отвергла проектъ реорганизациі арміи, изъ-за чего собственно и начались всѣ нынѣшнія несогласія между палатой и правительствомъ. Нынѣшняя сесія прускихъ палатъ не привела ни къ какому результату. 3-го іюня засѣданія закрыты. Въ тронной рѣчи, прочитанной по этому случаю г. Бисмаркомъ, сказано, что взаимное дѣйствіе народнаго представительства и правительства тогда только привели бы дѣла къ желанному исходу, когда, даже при борьбѣ политическихъ партій, благо отечества считалось бы выше всего.

«Но этого не случилось — сказано далѣе въ тронной рѣчи. — Ясно выраженное намѣреніе большинства палаты депутатовъ создать затрудненія министерству, повело къ нанесенію ущерба матеріальному благу страны. Непринятіемъ закона о военномъ преобразованіи, отказомъ въ займѣ для флота, неутвержденіемъ расходовъ войны и государственнаго бюджета палата депутатовъ отказала въ требованіяхъ, которыя правительство вынуждено было заявить, и постановила такія рѣшенія, которыя не могутъ быть приняты правительствомъ. Въмѣсто желаемаго соглашенія, сесія оканчивается подъ впечатлѣніемъ взаимнаго отчужденія. Правительство сохранить однако правильный ходъ дѣлъ, защитить интересы страны какъ извнѣ такъ и внутри, и надѣется, что недалекъ уже тотъ день, когда народъ черезъ своихъ представителей выразитъ за то королю свою благодарность и признательность».

Вмѣстѣ съ тѣмъ палатѣ господъ изъявлено королевское благоволеніе за ея вѣрность и преданность.

Забываясь объ устройствѣ флота, Прусія стремится къ тому, чтобъ сдѣлаться морскою державою. Кромѣ старанія упрочить за Прусіей Кильскую гавань, въ Прусіи начинаютъ думать объ основаніи колоній, и указываютъ на островъ Формозу, какъ на самую удобную для этого мѣстность, потому что на этомъ островѣ нѣтъ европейскихъ поселеній. Нѣкоторое время владѣли имъ голландцы, переселившіеся потомъ въ Японію и Индію. Во время послѣдней войны съ Китаемъ, французы располагали овладѣть Формозою, но вскорѣ отказались отъ этого предпріятія, потому что флотъ ихъ былъ отозванъ въ Анамскую имперію и въ Мексику. Формоза занимаетъ пространство въ 12,600 квадратныхъ верстъ. Только нѣкоторая часть острова находится въ слабой зависимости отъ Китая. Въ другой же части живутъ дикари, считаемыя людоедами. Впрочемъ, прускія газеты, заявляющія мысль о колонизациі Формозы, отвергаютъ это свойство у будущахъ сосѣдей пруской колоніи. Торговый договоръ, заключенный между Китаемъ и нѣкоторыми европейскими государствами, откры-

васть нѣмецкой торговлѣ единственныя, доселѣ извѣстныя порты порты Формозы, Таи-ванъ и Тамчунъ.

Прусское министерство поддерживаетъ мысль о колонизаціи Формозы, заявляя въ официальномъ своемъ органѣ, что если прусская политика въ отношеніи колоній приметъ за образецъ Голландію, то островъ Формоза, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, можетъ сдѣлаться ядромъ «Германской Индіи», потому что пруссаки, упрочившись однажды на островѣ, могутъ воспользоваться слабостію Китая и посредствомъ различныхъ завоеваній и завладѣть не только всѣмъ островомъ, но и частію твердой земли, подвластной китайскому императору. Безъ всякаго сомнѣнія, подвиги французовъ въ отдаленныхъ частяхъ свѣта не даютъ покоя пробудившейся въ пруссакахъ воинской славѣ. Въ Европѣ для нея мало пищи, такъ-какъ другаго похода, подобнаго походу на Данію, нельзя придумать. Между тѣмъ и этотъ походъ принимается въ соображеніе при вопросѣ о заведеніи прусскихъ колоній въ сосѣдствѣ съ Китаемъ и, быть можетъ, даже при завоеваніи китайской территоріи. Газеты, сочувствующія осуществленію предполагаемой колонизаціи, рассчитываютъ, что планъ о прусскихъ колоніяхъ не можетъ возбудить неудовольствіе въ Англіи, если эта держава не видѣла повода къ разрыву съ Пруссіей въ завоеваніи прусскими приэльбскихъ герцогствъ и въ водвореніи прускаго господства на берегахъ Сѣвернаго моря. По соображеніямъ упомянутыхъ газетъ, Англія никогда не начнетъ войны изъ-за приобрѣтенія, сдѣланнаго на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль отъ Лондона. Кромѣ того, замѣчаетъ одна изъ прусскихъ газетъ — Англія всегда признаетъ совершившіеся факты.

Кажется, однако, что прусскіе политики ошибаются въ своихъ расчетахъ. Англія не вмѣшалась въ войну Пруссіи и Австріи съ Даніей по весьма дальновидному расчету. Она предвидѣла, что Пруссія не воспользуется безусловно результатами этого похода, встрѣтивъ въ Европѣ соперничество со стороны другихъ державъ, а не исключительно одной Англіи. Между тѣмъ, колониальный вопросъ коснется ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ коммерческихъ выгодъ одной только Англіи. При томъ самая дальность разстоянія будетъ способствовать Англіи для противодѣйствія Пруссіи на счетъ колонизаціи. Въ этомъ случаѣ Англіи не нужно будетъ предвидѣть сухопутной войны. Небольшой англійской эскадры и нѣсколькихъ отдѣльныхъ крейсеровъ будетъ достаточно, чтобы истребить прусскую колонизацію въ сосѣдствѣ съ Китаемъ въ самомъ ея зародкѣ, прежде нежели совершится фактъ. Наконецъ, при разрывѣ Англіи съ Пруссіей по колониальному вопросу, англичанамъ нечего будетъ опасаться какихъ либо столкновеній съ другими европейскими державами или какихъ либо коммерческихъ затрудненій, такъ-какъ Пруссія не найдетъ въ этомъ случаѣ никакой посторонней поддержки, и британскій флотъ достаточно силенъ самъ по себѣ для того, чтобы разстроить весь прусскій флотъ, который заводится теперь

съ такимъ противодействиюмъ со стороны берлинской палаты депутатовъ.

Что же касается шлезвиг-голландскаго вопроса, съ которымъ до сихъ поръ не могутъ окончательно справиться, то въ послѣднее время въ переговорахъ, происходившихъ между правительствами германскихъ державъ, выступило впередъ и поддерживалось мнѣнiе на счетъ созванiя государственныхъ чиновъ шлезвигскаго и голландскаго герцогствъ. вмѣстѣ съ этимъ предполагалось, чтобъ прусское правительство вошло въ непосредственное соглашенiе съ претендентами, предъявившими право на шлезвиг-голландскую корону. При этомъ Австрія должна была оставаться въ сторонѣ, и вмѣшательство свое въ разрѣшенiи шлезвиг-голландскаго вопроса ограничить заявленiемъ формальнаго обѣщанiя признать кандидата, избраннаго Пруссiей, съ тѣмъ только условiемъ, чтобы органическія основанiя конституціи Германскаго Союза оставались неизмѣнными въ сношенiяхъ будущаго шлезвиг-голландскаго герцога съ сѣверо-германскими государствами.

Несмотря на такое уклоненiе вѣнскаго кабинета отъ вмѣшательства въ шлезвиг-голландскiя дѣла, упомянутое предложенiе было сдѣлано самой Австріей. Принимая это предложенiе, Пруссiя, въ лицѣ г. Бисмарка, отвѣчала, что она вовсе не прочь вступить въ соглашенiе съ претендентами на шлезвиг-голландскiй престолъ, и даже согласна съ Австріей по многимъ другимъ вопросамъ относительно будущаго устройства герцогствъ. Но такъ-какъ означенныя лица—замѣтилъ г. Бисмаркъ— не могутъ принять на себя какихъ-либо обязательствъ, не истребовавъ предварительно по этому предмету мнѣнiя населенiй Шлезвига и Голландiи, то было бы небезполезно спросить сначала эти населенiя и ознакомиться съ настоящимъ ихъ образомъ мыслей посредствомъ національнаго собранiя, составленнаго изъ представителей шлезвиг-голландскаго населенiя. Въ такомъ случаѣ— замѣтилъ прусскiй министръ— окончательные результаты этой мѣры могутъ быть приняты впоследствии въ основанiе дальнѣйшихъ переговоровъ прускаго правительства съ претендентами на шлезвиг-голландскую корону. вмѣстѣ съ тѣмъ Пруссiя высказалась въ пользу нравъ, предъявленныхъ на герцогства великимъ герцогомъ ольденбургскимъ. Особенный вѣсъ этимъ правамъ придаетъ г. Бисмаркъ вслѣдствiе нейтральнаго положенiя, которое великiй герцогъ сохранялъ по настоящее время относительно различныхъ политическихъ партій, дѣйствующихъ въ герцогствахъ, тогда какъ принцъ аугустенбургскiй принялъ на себя множество обязательствъ въ отношенiи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ членамъ Германскаго Союза, отъ которыхъ ему трудно будетъ уклониться.

Замѣтимъ при этомъ, что по извѣстiямъ, сообщеннымъ «Кельнской Газетой», Россiя въ недавнее время особенно сильно высказалась въ пользу кандидатуры великаго герцога ольденбургскаго, и обѣщавалась облечь въ законныя формы актъ объ уступкѣ ему

со стороны Россіи правъ на герцогства. Въ то же время, по мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ, весьма сомнительно, чтобъ великій герцогъ безусловно подчинился требованіямъ Пруссіи, заявленнымъ въ депешѣ отъ 22-го февраля настоящаго года. Какъ бы то ни было, но теперь вѣроятность достиженія шлезвиг-голштинскаго престола остается на сторонѣ великаго герцога ольденбургскаго. Что же касается принца аугустенбургскаго, то одна изъ вѣнскихъ газетъ, «Neue Freie Presse», сообщаетъ, что Австрія, въ угоду Пруссіи, согласилась даже и на то, чтобъ обратиться къ принцу аугустенбургскому съ дружескимъ совѣтомъ оставить Голштинію на время сесіи тамошнихъ членовъ, и отказала Пруссіи только въ требованіи берлинскаго кабинета удалить изъ герцогствъ австрійскую бригаду. Между тѣмъ берлинскія газеты не совсѣмъ согласны съ этими сообщеніями вѣнской газеты, утверждая, что отношенія между Австріей и Пруссіей по поводу герцогствъ стали до такой степени натянуты, что австрійскій посланникъ графъ Кароли проситъ о переѣщеніи его изъ Вѣны къ какому либо другому двору.

Извѣстія о поѣздкѣ императора Наполеона въ Алжиръ, о поѣздкѣ короля прускаго сперва въ Ахенъ и потомъ въ Стральзундъ для празднованія пятидесятилѣтней годовщины присоединенія къ Пруссіи, въ первомъ изъ этихъ городовъ, рейнскихъ провинцій, а въ другомъ—Помераніи; о поѣздкѣ принца Наполеона въ Аяціо для присутствія при открытіи памятника фамиліи Бонапарте, сказанная имъ тамъ рѣчь, письмо императора къ принцу по поводу этой рѣчи, просьба принца объ отставкѣ отъ занимаемыхъ имъ должностей; свѣдѣнія о поѣздкѣ императора Франца-Иосифа въ Пештъ; описаніе празднованія шестисотлѣтняго юбилея со смерти Данте—наполняли въ послѣднее время столбцы европейскихъ газетъ. Въ сущности, однако, всѣ эти поѣздки и празднества не представляютъ такой политической важности, чтобъ слѣдовало останавливаться на ихъ подробностяхъ. Наиболѣе знаменательнымъ фактомъ должно считать приѣмъ, сдѣланный венгерцами въ Пештѣ австрійскому императору. Если въ газетныхъ объ этомъ извѣстіяхъ нѣтъ особыхъ преувеличеній и прикрасъ, то надобно сказать, что въ политическомъ настроеніи Венгріи произошелъ крутой переворотъ. Венгерцы остаются теперь въ ожиданіи обѣщаннаго имъ императоромъ сейма, но что будетъ происходить на этомъ сеймѣ?—вотъ вопросъ.

Между разными вопросами, обусловливающими степенъ благосостоянія нашего народнаго быта, занимаетъ непослѣднее мѣсто вопросъ о пьянствѣ. Въ слѣдствіе того значенія, какое имѣютъ въ общей нашей государственной экономіи винокуреніе и продажа крепкихъ напитковъ, вопросъ объ этомъ предметѣ принимаетъ характеръ не только вопроса нравственнаго, но и политико-эконо-

мическаго. Употребленіе вина въ Россіи должно доставлять государственной казнѣ важную отрасль доходовъ; и въ то же время— поддержаніе этого дохода въ значительной цифрѣ зависитъ прежде всего отъ употребленія вина въ большой количествѣ, что, конечно, никоимъ образомъ не можетъ содѣйствовать развитію въ народѣ воздержности и трезвости, и соединеннаго съ ними благосостоянія. При поднятомъ нынѣ самимъ правительствомъ вопросѣ объ уменьшеніи пьянства въ Россіи, представляются въ сущности двѣ крайности: или государству нужно лишиться болѣе или менѣе значительной части дохода, получаемаго отъ питейной продажи, въ надеждѣ поднять ограниченнымъ употребленіемъ вина народную нравственность, весьма замѣтно ослабляемую сильнымъ развитіемъ пьянства; или же нужно смотрѣть на это явленіе съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, предпочитая денежныя выгоды казны не только нравственному, но и матеріальному благосостоянію массы народа. Надобно однако сказать, что къ чести нашего времени, первое изъ этихъ предположеній беретъ замѣтно верхъ надъ послѣднимъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство финансовъ признаютъ неумѣренное развитіе пьянства въ нашемъ народѣ, и стараются противопоставить этому пороку разныя административныя мѣры.

Въ первой майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», мы коснулись вопроса о пьянствѣ, и привели миѣніе объ этомъ предметѣ, высказанное шестьдесятъ-пять лѣтъ тому назадъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ дѣятелей, графомъ Мордвиновымъ. Между тѣмъ, вопросъ о пьянствѣ въ Россіи представляетъ теперь много новыхъ условій, на которыхъ нужно остановиться, чтобъ вполне ознакомиться съ этимъ предметомъ и оцѣнить достоинство и умѣстность мѣръ, нынѣ предлагаемыхъ относительно этого дѣла.

Изъ «Приложенія къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1865 годъ» видно, что валовой питейный доходъ въ означенномъ году простирается до 129.439,500 рублей, и за отчисленіемъ изъ этой суммы издержекъ взиманія, въ количествѣ 9.447,634 руб. 24¹/₄ коп., чистый питейный доходъ, ожидаемый въ настоящемъ году, восходитъ до 119.991,865 руб. 75¹/₄ коп. Кромѣ того, въ питейный доходъ этого года должны еще поступить откупныя недоимки прежнихъ лѣтъ, въ количествѣ 2.810,062 руб. 49³/₄ коп., такъ что общая сумма чистаго дохода по питейной части будетъ простирается до 122.801,928 руб. 25 копеекъ.

Сблизивъ цифру питейнаго дохода съ цифрою всѣхъ государственныхъ доходовъ, достигающею въ общей сложности только 315.511,042 руб. ¹/₂ коп., мы увидимъ, что питейный доходъ составляетъ болѣе трети всѣхъ денежныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи правительства. Такой размѣръ питейнаго дохода заставляеть дѣйствовать въ отношеніи его источниковъ съ крайнею осмотрительностію. Легко можетъ быть, что разныя мѣры, предполагаемыя къ ограниченію пьянства, не достигнутъ волиѣ

своей прямой цѣли, но только, уменьшивъ цифру питейнаго дохода, заставитьъ правительство, въ возмѣщеніе причиненной потери, обратиться къ другимъ прямымъ или косвеннымъ налогамъ, которые въ свою очередь будутъ тоже вліять невыгодно на развитіе народнаго благосостоянія. Вообще вопросъ о питейной продажѣ является слишкомъ сложнымъ, такъ-какъ при разрѣшеніи его приходится въ одно и то же время преслѣдовать двѣ цѣли—матеріальныя выгоды государства, и нравственное развитіе народа.

Главной статьей въ росписи питейныхъ доходовъ оказываются акцизы съ питей, раздѣляющіеся на три вида: акцизы со спирта и вина, въ количествѣ 120.000,000 руб.; съ водокъ, выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ остатковъ и такъ-называемыхъ пейсаховыхъ, приготовляемыхъ изъ изюма и употребляемыхъ евреями въ праздникъ пасхи или пейсаха—въ количествѣ 200,000 рублей; съ портера, пива всѣхъ родовъ и меда 1.583,700 руб. Всего акцизный сборъ съ питей простирается въ настоящее время до 121.783,700 рублей, за исключеніемъ издержекъ по его взиманію. Другой значительной статьей питейнаго дохода служить патентный сборъ съ заведеній, для выдѣлки питей и издѣлій изъ вина и спирта и съ заведеній, открываемыхъ для продажи напитковъ. Патентный сборъ долженъ въ 1865 году доставить дохода 7.000,000 рублей. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ онъ увеличился на 2.500,000 рублей; этимъ увеличеніемъ доказывается, между прочимъ, размноженіе такихъ заведеній, въ которыхъ выдѣлываются и продаются крѣпкіе напитки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность удовлетворить съ болѣею легкостію желанію, выпить при каждомъ удобномъ случаѣ. Случайныя поступленія по питейному доходу весьма незначительны, ихъ полагаютъ въ нынѣшнемъ году 241,800 рублей. Замѣчательно при этомъ, что цифра взысканій за нарушеніе постановленій о питейномъ сборѣ, простирается только до 30,800 рублей. Если же сравнить количество существующихъ у насъ мѣстъ винной продажи, а также принять въ соображеніе, что у насъ разныя правила вообще, а по торговлѣ въ особенности, соблюдаются весьма плохо, то нельзя не придти къ тому заключенію, что или и уклоненія за нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ преслѣдуются весьма слабо, или что размѣръ взысканій слишкомъ ничтоженъ, если на всю Россію приходится, по упомянутой статьѣ, такая незначительная цифра.

Расходы по взиманію питейныхъ доходовъ, представляютъ весьма почтенную цифру, достигая до 10.000,000 рублей. Такъ на содержаніе штатныхъ чиновниковъ питейно-акцизнаго управленія, въ числѣ 351 лица, требуется 695,392 рубля, слѣдовательно крупнымъ числомъ на каждого изъ нихъ приходится до 2,000 рублей въ годъ, не считая вознагражденія должностныхъ лицъ акцизнаго управленія 2⁰/₁₀₀ изъ всего питейнаго дохода, что составитъ 2.487,189 руб. На содержаніе штатныхъ чиновниковъ питейно-акцизнаго окружнаго управленія, въ числѣ 1,669 лицъ, расходуется

1.850,234 руб. 25 коп., такъ что здѣсь на каждаго изъ нихъ, кромѣ наградныхъ процентовъ, приходится 1,200 рублей въ годъ. Положительно можно сказать, что ни одно изъ существующихъ у насъ вѣдомствъ не представляетъ такого обезпеченія служащихъ, какъ питейно-акцизное управленіе. Конечно, опытъ долженъ показывать, въ какой мѣрѣ возможны сокращенія по этой статьѣ на будущее время; но нельзя не замѣтить, что при введеніи акцизной системы, когда участіе или завѣдываніе питейными дѣлами, при существованіи откуповъ, представляло весьма выгодную статью занятій, необходимо было предоставить матеріальныя выгоды тѣмъ лицамъ, которые принимались за подобное занятіе по новой системѣ. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что современемъ предствится возможность произвести нѣкоторое сокращеніе по этой статьѣ. Съ предполагаемымъ уменьшеніемъ пьянства, должно будетъ убавиться число заведеній для выдѣлки и продажи вѣрнихъ напитковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ уменьшиться и размѣръ надзора со стороны питейно-акцизнаго вѣдомства за заведеніями этого рода. Обстоятельство это, безъ всякаго сомнѣнія, дастъ возможность сократить въ болѣе или менѣе значительной степени расходы по взиманію питейнаго дохода, и уменьшить расходы по содержанію лицъ упомянутаго вѣдомства.

Кромѣ издержекъ, сопряженныхъ съ взиманіемъ питейныхъ доходовъ, на эти доходы падаетъ еще вознагражденіе мѣстъ и лицъ за отошедшіе въ казну питейные доходы, а также вознагражденіе и тѣхъ и другихъ за убыль въ питейномъ доходѣ, происшедшую отъ введенія въ привилегированныхъ губерніяхъ положенія объ откупахъ. На вознагражденіе за отошедшіе въ казну питейные доходы расходуется въ годъ 2.699,771 руб. 50¹/₂ к., изъ нихъ временные расходы простираются только до 8,178 руб., прочіе же причислены къ расходамъ постояннымъ. Самое большое вознагражденіе получаютъ казачьи войска, а изъ нихъ донское, въ пользу котораго назначено къ постоянному отпуску 1.239,000 рублей. Города получаютъ однопроцентное вознагражденіе, простирающееся въ общей сложности до 359,747 руб. 37¹/₂ коп. Вознагражденіе за убыль питейныхъ доходовъ не требуетъ большихъ издержекъ; на этотъ предметъ назначено къ отпуску всего 28,961 руб. 72¹/₂ коп., и изъ нихъ 21,375 руб., асигнованные въ пользу городовъ и мѣстечекъ, отнесены къ расходамъ временнымъ, такъ что въ этомъ случаѣ цифра постоянныхъ расходовъ не превышаетъ 7,586 руб. 72¹/₂ копейекъ.

Хотя главный доходъ казны и извлекается у насъ изъ употребленія вѣрнихъ напитковъ, тѣмъ не менѣе законодательство наше издавна преслѣдовало пьянство какъ общественный, и даже домашній порокъ. Еще при Петрѣ Великомъ, въ то время, когда пьянство было принадлежностію увеселеній самаго высшаго класса, былъ изданъ указъ, въ силу котораго повелѣвалось полиціи смотрѣть, чтобы по улицамъ и переулкамъ пьяныхъ не было и чтобы тѣ, которые по улицамъ и переулкамъ кричатъ и пѣсни

поютъ и въ пьяномъ видѣ шатаются, были забираемы подъ стражу. Указъ этотъ, съ двумя дополнительными подтвержденіями, введенъ въ нѣмѣ дѣйствующій уставъ о предупрежденіи преступленій. Императрица Екатерина II издала 8 апрѣля 1782 года указъ, въ которомъ сказано: «воспрещается всѣмъ и каждому князю». Запрещеніе это было подтверждено 23 марта 1839 года и 15 августа 1845 года, и было введено въ Сводъ Законовъ. Одна изъ статей закона говоритъ: «кто, предаваясь пороку пьянства, будетъ въ публичныхъ мѣстахъ или многочисленныхъ собраніяхъ являться въ безобразномъ, противномъ приличію или даже соблазнительномъ видѣ, или же будетъ найденъ на улицѣ или въ другомъ общенародномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства, того брать подъ стражу и подвергать отвѣтственности по статьѣ 1345 уложенія о наказаніяхъ». По силѣ же этой статьи, виновный подвергается: аресту въ первый разъ на время отъ одного до трехъ дней; во второй на время отъ трехъ до семи дней и въ третій разъ на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ.

Непрактичность и скажемъ даже бесполезность этихъ узаконеній, въ смыслѣ мѣръ для прекращенія пьянства, слишкомъ очевидны. Они относятся только къ нарушенію благочинія пьяными на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, не препятствуя въ сущности развитію пьянства, какъ пороку самому по себѣ. Строгости закона скорѣе подвергается только подгулявшій человекъ, нежели завзятый пьяница. При томъ извѣстно, что и эти постановленія вовсе не приводятся въ исполненіе. Кромѣ того, имъ недостаетъ главной принадлежности исправительныхъ наказаній—постепенности, которая является въ данномъ случаѣ не болѣе, какъ мертвою буквою закона. Спрашивается, какъ можно узнать, въ который разъ забираютъ пьянаго подъ стражу, чтобы сообразно съ этимъ подвергнуть его аресту на срокъ, установленный закономъ? Очень понятно, что нѣтъ никакой возможности слѣдить за этимъ, а извѣстно, что законоположеніе, непримѣнимое на практикѣ, теряетъ свою силу не только въ частностяхъ, но и въ самомъ основаніи. Вѣдь нужно согласиться, что было бы крайне несправедливо подвергать кого либо взысканію, не имѣя возможности опредѣлить мѣру, требуемую закономъ, а между тѣмъ законъ о преслѣдованіи пьянства ведетъ прямо къ подобной несправедливости.

Въ виду всего этого, необходимо, при разсмотрѣніи вопроса о пьянствѣ вообще, составить такія законоположенія, которыя, преслѣдуя этотъ порокъ, могли бы имѣть практическое значеніе.

Въ настоящее время открыта въ Петербургѣ комісія для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками. Комісія эта составлена изъ лицъ, служащихъ въ различныхъ вѣдомствахъ. Сверхъ того, въ эту комісію приглашаются нѣкоторые помѣщики, винные заводчики, домовладѣльцы и лица, служащіе по акцизнопитейному вѣдомству. Само собою разумѣется, что еслибы цѣль комісії состояла только въ регламентаціи питейной торговли, какъ одной изъ такихъ отраслей промышленной дѣятельности,

ходъ которой соединить съ выгодами казны, то такой личный составъ комисіи можно бы было признать удовлетворительнымъ. Между тѣмъ комисія учреждена не исключительно для этой цѣли. Необходимость пересмотра дѣйствующихъ нынѣ уставовъ по продажѣ крѣпкихъ напитковъ вызвана, между прочимъ, и въ видахъ установленія «болѣе умѣреннаго и равномѣрнаго употребленія вина». При томъ, по замѣчанію г. предсѣдателя, неумѣренность въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ обуславливается не одною недостаточностію дѣйствующихъ правилъ о торговлѣ ими, но происходитъ также и отъ многихъ другихъ причинъ, каковы, напримѣръ, разныя послѣдовавшія въ последнее время измѣненія, какъ въ экономическихъ отношеніяхъ, такъ и въ самомъ гражданскомъ бытѣ крестьянскаго населенія.

Эта обусловленность вопроса о питейной продажѣ заставляетъ смотрѣть на него не только какъ на казенное, но какъ на общенародное дѣло. Не отвергая нисколько достоинствъ лицъ, призванныхъ къ участию въ комисіи, нельзя однако не подумать о томъ, въ какой мѣрѣ они могутъ быть знакомы съ практическимъ знаніемъ этого вопроса по примѣненію его къ массѣ населенія, поставленнаго въ разныхъ мѣстахъ Россіи не въ одинаковыя условія матеріальнаго и нравственнаго быта?

Такъ, напримѣръ, члены комисіи отъ департамента удѣловъ и министерства государственныхъ имуществъ едва-ли могутъ удовлетворить частностямъ разсматриваемаго въ комисіи вопроса, будучи такъ-сказать истолкователями того положенія, въ которомъ находятся удѣльные и государственные крестьяне. Крестьяне же, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, не имѣютъ собственно своего представителя въ лицѣ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, а между тѣмъ, какъ замѣчено выше, вопросъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ или, вѣрнѣе сказать, часть его—вопросъ о пьянствѣ обуславливается измѣненіемъ экономическихъ отношеній и гражданскаго быта прежнихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Наконецъ, участіе духовныхъ лицъ, а не чиновника духовнаго вѣдомства, было бы весьма важно для успѣшнаго обсужденія дѣла въ комисіи во всѣхъ его частностяхъ. Духовенство соприкасается къ народу не посредствомъ своей администраціи, но посредствомъ лицъ, принадлежащихъ къ церкви. Сельскіе священники, знакомые съ бытомъ крестьянъ, могли бы сообщить комисіи такія свѣдѣнія и такіе доводы, которыхъ очень легко можетъ не имѣть въ виду лицо, служащее въ качествѣ чиновника при центральной духовной администраціи.

Мы позволяемъ себѣ думать, что приглашеніе въ комисію нѣсколькихъ выборныхъ изъ среды городскаго и сельскаго духовенства, а также изъ среды крестьянъ удѣльныхъ, государственныхъ и вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, весьма бы много облегчило труды комисіи и доставило бы ей практическія свѣдѣнія, столь необходимыя, въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждается дѣло, имѣющее прямо отношеніе къ народной жизни. Нельзя также исклю-

и многочисленное мѣщанство, населяющее наши города, среди котораго пьянство причиняетъ вреда не менѣе, какъ и среди сельскаго населенія.

Призывъ этихъ лицъ въ комисію не противорѣчилъ бы нисколько той главной цѣли, съ которою она учреждена, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время представители всѣхъ сословій, въ качествѣ членовъ земскихъ собраній и управъ, получили право обсуживать вопросы, касающіеся земства. Голоса такихъ лицъ были бы, безъ всякаго сомнѣнія, весьма полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда сужденія комисіи касались бы разныхъ сторонъ быта городскихъ и сельскихъ обывателей.

До настоящаго времени происходили два засѣданія упомянутой комисіи, но въ нихъ не было еще высказано такихъ мнѣній, которыя поставили бы обсуждаемый ею вопросъ на вѣрную исходную точку. Такъ одинъ изъ членовъ комисіи поддерживалъ мнѣніе, предварительно выраженное предсѣдателемъ, о томъ, что было бы полезно установить такія правила, на основаніи которыхъ возникающіе вопросы относительно разстоянія, для открытія питейныхъ заведеній отъ мѣстъ, близъ которыхъ помѣщеніе этихъ заведеній будетъ признаваемо вреднымъ, могли бы быть разрѣшаемы акцизными управленіями по соглашенію съ мѣстами и лицами другихъ подлежащихъ вѣдомствъ.

Мы находимъ, что такой порядокъ былъ бы крайне неудобенъ для достиженія одной изъ главныхъ цѣлей, которую должна преслѣдовать комисія, а именно: онъ не способствовалъ бы къ уменьшенію пьянства. Надобно замѣтить, что чины акцизнаго вѣдомства являются первыми охранителями питейно-акцизныхъ выгодъ казны и, слѣдовательно, они всегда будутъ находиться въ затрудненіи, когда имъ нужно будетъ сокращать эти выгоды недовозволеніемъ учреждать питейныя заведенія, увеличивающія доходы питейно-акцизнаго вѣдомства. Мы не говоримъ уже здѣсь о томъ, что съ развитіемъ питейно-акцизныхъ доходовъ, увеличивается, вслѣдствіе наградныхъ процентныхъ денегъ, и содержаніе, получаемое упомянутыми лицами, и что, слѣдовательно, въ увеличенномъ пространеніи винной продажи заключаются и ихъ собственныя выгоды. Мы не говоримъ этого потому, что предполагаемъ въ чинахъ питейно-акцизнаго управленія полную готовность жертвовать своими удобствами общественному благу; но не примѣняя къ этому обстоятельству ни чьихъ личныхъ качествъ, а смотря на это дѣло отвлеченно, нельзя не согласиться, что подобное право, предоставленное акцизнымъ управленіямъ, поставить весь вопросъ въ положеніе, несоответственное его сущности.

Во второмъ засѣданіи комисіи обращаетъ на себя вниманіе только слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ членовъ комисіи предъявилъ приговоръ крестьянъ села Большаго Паволока (С.-петербургской губерніи) о желаніи ихъ не имѣть въ этомъ селѣ никакой питейной продажи, въ видахъ уничтоженія соблазна, который представляетъ для крестьянъ подобная продажа. Казалось бы нужно бы-

ло, въ видахъ улучшенія народной нравственности, воспользоваться такимъ заявленіемъ, выходящимъ изъ такой части населенія, которую всего болѣе упрекаютъ въ пьянствѣ. Но такъ-какъ съ нитейной продажей соединены не только выгоды казны, но и частныхъ лицъ, то этому благому стремленію крестьянъ противопоставили въ комисіи особыя соображенія. Одинъ изъ присутствовавшихъ винокуренныхъ заводчиковъ, конечно, и лично заинтересованный въ сбытѣ вина, возразилъ, что если будетъ дозволено сельскимъ обществамъ составлять приговоры о запрещеніи имѣть какую бы то ни было нитейную продажу въ ихъ селахъ и деревняхъ, то такихъ обществъ найдется весьма много, и въ такомъ случаѣ, главная статья нашего государственнаго дохода будетъ въ опасности... Впрочемъ, по этому вопросу не было постановлено никакого рѣшенія, а жаль будетъ, если попытка къ водворенію трезвости, исходящая изъ среды народа, пройдетъ безслѣдно. Тогда, безъ всякаго сомнѣнія, труды комисіи ограничатся въ сущности регламентаціею продажи крѣпкихъ напитковъ, а нравственная сторона этого дѣла выиграетъ слишкомъ мало отъ новыхъ порядковъ...

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

Воздухъ, вода и огонь—публичныя лекціи въ Парижѣ.—Объ ивовыхъ листьяхъ, Секки и Гершеля.—Арктическія горы.—Записки лондонскаго этнологическаго общества.—Мюнхенская историческая лѣтопись за 1865 г.—«Африканка», опера Мейербера.—Почтовая конференція въ Парижѣ.—Дискутъ г. Невлюдова въ петербургскомъ университетѣ.

Воздухъ, вода и огонь.—Вслѣдъ за наступленіемъ весны прекратились въ Парижѣ публичныя лекціи, которыя были замѣчательны тѣмъ особенно, что на нихъ съѣзжалось по вечерамъ очень много дамъ въ сорбонскую аудиторію. Професоры, замѣчая вниманіе, съ которымъ слушательницы слѣдили за ихъ словами, сочли долгомъ поддержать это полезное направленіе умовъ, а потому, избѣгая слишкомъ сухихъ и трудныхъ подробностей, ограничились легкимъ, популярнымъ объясненіемъ предметовъ, неразрывно связанныхъ съ условіями нашей дѣйствительной жизни. Г. Эйро помѣстилъ въ «Grand Journal» краткій отзвѣвъ о трехъ лекціяхъ. Специалисты не встрѣтятъ, конечно, здѣсь ничего особенно замѣчательнаго; но не для нихъ читались эти лекціи, не для нихъ написана и статья г-мъ Эйро. Полагая, что у насъ тоже найдутся люди, которыхъ не менѣе французовъ могутъ интересовать вопросы объ огнѣ, водѣ и воздухѣ, въ томъ видѣ, какъ изложены они въ «Grand Journal», мы считаемъ несомнѣнно полезнымъ дѣломъ познакомить ихъ съ содержаніемъ этой статьи.

Профессоръ политехническаго училища г. Ринъ, читалъ о физическихъ свойствахъ атмосферы, о ея химическомъ составѣ и томъ участіи, какое принимаетъ она въ отравленіяхъ органической жизни. Онъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что древніе считали воздухъ духомъ, и что много послѣ того прошло времени, пока были узнаны въсь, эластичность и другія его качества. Полагавтъ, что толстота окружающаго землю атмосфернаго слоя имѣетъ оболочку двѣнадцать миль. Плотность его неодинакова. Высшіи или дальнѣйшіи отъ земли части атмосферы рѣже тѣхъ, которыя находятся ближе къ ней. Еслибы воздухъ былъ одинаково плотенъ снизу доверху, тогда толстота его слоя не превышала бы $7\frac{1}{2}$ верствъ. Въсь его опредѣленъ Галилеемъ въ 1630 г. Атмосфера давитъ съ тяжестью $16\frac{1}{2}$ ф. на каждый квадратный дюймъ земной поверхности и, стало быть, всего, что находится на ней. Это зависитъ отъ притяженія земли, которому подвержено все близкое къ ней, не исключая и воздуха. Если мы примемъ въ соображеніе, что на квадратную четверть аршина давленіе атмосферы равняется 20 пудамъ, то насъ нисколько не удивитъ извѣстный опытъ Отто-фон-Герике. Онъ сдѣлалъ два большія металлическихъ полушарія и, плотно сложивъ ихъ краями другъ съ другомъ, вытянулъ воздушнымъ насосомъ изъ внутренняго пространства ихъ воздухъ. Послѣ этого двадцать лошадей не могли разорвать ничѣмъ, повидимому, нескрѣпленныхъ между собою частей этого складнаго шара. Понятно, что ихъ сжимало внѣшнее давленіе атмосферы съ такой силою, которой не могли преодолѣть 20 лошадей. Эти полушарія называются *магдебургскими*, потому что опытъ былъ произведенъ въ городѣ Магдебургѣ. Доказано также, что воздухъ въ 770 разъ легче воды, и что давленіе атмосферы равняется тяжести водянаго столба въ 34 фута вышиною. Въ этомъ убѣдились очень просто. Погрузили въ прудъ однимъ концомъ длинный насосъ съ опущеннымъ внутри его поршнемъ. Когда стали за рукоятку или стержень подымать поршень, подъ нимъ начало образовываться безвоздушное пространство; а такъ-какъ атмосфера на всю остальную поверхность пруда, за исключеніемъ той маленькой части ея, которая находилась внутри насоса, давила съ тяжестью слишкомъ 16 фунтовъ на каждый квадратный дюймъ, то вслѣдствіе этого давленія вода, бывшая подъ поршнемъ и нажимаемая снизу подвижною, ничѣмъ неотдѣленною отъ нея массою остальной воды, стала возвышаться въ безвоздушной пустотѣ вслѣдъ за поршнемъ, по мѣрѣ того, какъ посторонняя механическая сила, подымавшая его, отражала въ этомъ мѣстѣ напоръ воздуха. Поднявшись, такимъ образомъ, на 34 фута надъ уровнемъ пруда, она не пошла выше, и при дальнѣйшемъ возвышеніи поршня между имъ и ею осталось безвоздушное пространство. Причина остановки ясна: тяжесть искусственно поднятаго столба воды, сравнявшись съ давленіемъ атмосферы на всѣ остальныя точки поверхности пруда, вполне замѣнила и въ этомъ мѣстѣ безъискусственный нажимъ воздуха. Но въ началѣ XVII вѣка не былъ еще извѣстенъ этотъ законъ, и потому, ученыхъ того времени чрезвычайно

удивило настойчивое упрямство воды, которая никакъ не хотѣла идти вверхъ выше 34 футовъ, когда вздумали поднять ее при помощи такихъ насосовъ въ верхній этажъ дворца герцога флорентинскаго.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, Торичелли, ученикъ Галилея, объяснилъ настоящую причину этого упрямства. Онъ же изобрѣлъ барометръ, сообразивъ, что если атмосферное давленіе на поверхность воды поднимаетъ въ безвоздушномъ пространствѣ часть ея на 34 фута или на 408 дюймовъ, то, слѣдовательно, оно подыметъ ртуть, которая слишкомъ въ 13 разъ тяжелѣе воды, только на 30 дюймовъ. Предположеніе это оправдалось опытомъ. Торичелли взялъ стеклянную трубку длиннѣе 30 дюймовъ, съ одного конца запаялъ ее, потомъ внутрь этой трубки налилъ ртути и, зажавъ пальцемъ другой, опрокинутый внизъ конецъ, опустилъ его въ чашку, наполненную тоже ртутью. Когда былъ снятъ палецъ — ртуть, находившаяся внутри стеклянной трубки, понизилась и остановилась дѣйствительно на высотѣ 30 дюймовъ надъ уровнемъ ртути, наполнившей чашку. Очевидно, что здѣсь насосъ замѣнила стеклянная трубка, а прудъ — чашка съ ртутью (*). Эластичность воздуха доказывается слѣдующимъ образомъ. Ненадутый, сморщенный пузырь, въ которомъ почти нѣтъ воздуха, кладутъ, съ завязаннымъ отверстіемъ, въ приемникъ пневматической машины, и начинаютъ выкачивать воздухъ. По мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ онъ въ приемникѣ, часть его, заключенная внутри пузыря, начинаетъ расширяться. Съ каждымъ движеніемъ поршня внутреннее давленіе все болѣе пересиливаетъ наружное, и наконецъ, разрываетъ пузырь. Воздухъ же передаетъ звукъ. Колокольчикъ не звенитъ въ безвоздушномъ пространствѣ, какъ бы сильно ни сотрясали его. Звукъ распространяется въ воздушной средѣ съ быстротою 160 саженъ въ секунду. Хотя воздухъ кажется безцвѣтнымъ, однакоже значительная масса его имѣетъ голубоватый цвѣтъ, вслѣдствіе котораго мы видимъ надъ собою какъ-бы небесный сводъ.

Древніе считали воздухъ простой, несложной стихіею. Это мнѣніе удерживалось до конца прошлаго вѣка. Въ 1775 г. французскій физикъ Лавуазье открылъ, что онъ состоитъ изъ кислорода и азота. Несмотря на то, что первый изъ этихъ двухъ газовъ составляетъ только пятую часть окружающей насъ атмосферы, онъ играетъ въ природѣ главнѣйшую роль. Думаютъ, что назначеніе азота заключается въ томъ, чтобы умѣрять силу дѣятельности кислорода, разбавлять его, какъ вино разбавляется водою. Кислородъ, соединяясь съ водородомъ или углеродомъ тѣлъ, производитъ процессъ горѣнія. Если онъ соединенъ съ водородомъ, то слѣдствіемъ горѣнія бываетъ водяной паръ; если же съ углеродомъ, то — углекислота. Горѣнія дерева или каменнаго угля, особенно же дыханіе людей и животныхъ производятъ большое количество угле-

(*) Безвоздушное пространство, остающееся въ трубкѣ надъ ртутью, называется *торичеллиевой пустотою*.

кислоты. Замѣнивъ поглощенный кислородъ, она прекратила бы органическую жизньъ, еслибы растительному царству природы не суждено было дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Мы, поглощая кислородъ, выдыхаемъ углекислоту; растенія же, напротивъ, поглощая углекислоту, оставляютъ въ себѣ углеродъ и выдыхаютъ кислородъ. Такимъ образомъ, восстанавливается равновѣсіе, поддерживающее органическую жизньъ нашей планеты.

Г. Вурцъ (Wurtz), говори о водѣ, упомянулъ, что до 1791 г. не имѣла о ней вѣрнаго понятія. Англійскій физикъ Кэвендишъ, первый открылъ начала, входящія въ составъ воды, а черезъ два года послѣ этого открытія г. Лавуазье доказалъ окончательно, что она состоитъ изъ двухъ частей водорода и одной части кислорода. Когда соединяются эти газы при помощи электрической искры, то изъ нихъ высвобождается блестящая теплота, сопровождаемая сильнымъ звукомъ, послѣ котораго водяной паръ наполняетъ внутренность сосуда и охлаждается на его стѣнкахъ. Электрическая искра, соединяя эти газы, можетъ также раздѣлять ихъ, то-есть разлагать воду, равно какъ очень высокая температура (около 1,500°) и нѣкоторые химическіе агенты. Если, напримѣръ, положить на кусокъ льда нѣсколько потасія или калия, то этотъ металлъ мгновенно поглотитъ кислородъ и освободитъ водородный газъ, который воспламенится. Содій, фосфористый кальцій и нѣкоторые другіе вещества обладаютъ въ разной мѣрѣ тѣмъ же свойствомъ, какъ и потасій. Мы видимъ воду въ трехъ состояніяхъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ. Твердымъ тѣломъ становится она при температурѣ ниже 0, и тогда объемъ даннаго ея количества значительно увеличивается. Отъ этого, замерзая въ герметически закрытыхъ сосудахъ и внутри камней, вода разрываетъ ихъ.

Слѣдовательно французское выраженіе «il gèle à pierre fendre» вѣрно въ ученоемъ отношеніи. По той же причинѣ не тонетъ ледъ—онъ легче равнаго съ нимъ по объему количества воды. Ея покрыто почти $\frac{3}{4}$ земной поверхности. Хотя глубина моря очень различна, но можно допустить, что вся масса морской воды могла бы окружить земной шаръ сплошнымъ слоемъ въ 300 сажень глубиною. Исландскій шпатель, горный хрусталь и много другихъ кристаллизованныхъ минераловъ образовались изъ осадковъ той смѣси, которая въ эпоху формировація земныхъ пластовъ была растворена водою. Многие изъ этихъ минераловъ теперь не растворяются въ водѣ, и человекъ не можетъ искусственно создать ихъ, потому что природа творила при недоступныхъ для насъ условіяхъ. Мы употребляемъ стабанъ воды, тогда-какъ она дѣйствуетъ океанами; мы ждемъ часть, годъ, она же измѣряетъ свою дѣятельность вѣками. Можетъ быть, алмазъ, который такъ часто пробовали воспроизвести при помощи огня, образовался мокрымъ путемъ, подобно вышеозначеннымъ кристалламъ (?). Извѣстно, какое важное участіе принимаетъ вода въ жизни растений и животныхъ. Она образуетъ главную составную часть растительныхъ соковъ, и при ея помощи питаются растенія. Она же есть главный элементъ крови и другихъ жидкостей,

постоянно поддерживающихъ плазность, необходимую для внутреннихъ органовъ нашего тѣла. Нѣкоторые инфузоріи, будучи вынуты изъ воды, засыхаютъ и, кажется, окончательно лишаются способности къ дальнѣйшему существованію. Но если, по прошествіи даже нѣсколькихъ гѣтъ, снова опустятъ ихъ въ воду — жизнь и движеніе снова возвращаются къ нимъ. Поверхность воды испаряется при всякой температурѣ; но ее нижніе слои, подверженные сравнительно сильнѣйшему давленію, обращаются въ паръ только при 80° Реом. или 100° Цельс. выше 0. Пузырки, образующіеся на болѣе нагрѣтыхъ частяхъ сосуда, подымаясь вверхъ, производятъ такъ называемое кипѣніе. Точка кипѣнія воды (80° Реом.) отличается отъ прочихъ температуръ тѣмъ собственно, что упругость пара, который образуется при ней, равна атмосферному давленію. Вслѣдствіе этого она всегда постоянна. Вода можетъ достигнуть высшей температуры только въ герметически закрытыхъ сосудахъ. Чѣмъ выше температура воды, тѣмъ болѣе упругъ паръ, образуемый изъ нея при помощи огня, а потому онъ можетъ разорвать сосудъ, который не въ состояніи выдержать давленія, происходящаго отъ общей способности къ расширенію всѣхъ газообразныхъ тѣлъ, вслѣдствіе того, что частицы ихъ взаимно отталкиваютъ другъ друга. На законахъ природы, относящихся къ переходу воды при разныхъ температурахъ изъ капельнаго въ газообразное состояніе, основано устройство паровыхъ машинъ. Замѣтимъ, однакоже, что главный дѣятель въ этомъ случаѣ все-таки огонь, безъ котораго не могла бы вода обратиться въ паръ, способный производить полезную работу и быть могучимъ механическимъ двигателемъ.

Профессоръ бонапартовскаго лицея г. Тростъ, называлъ огонь слякнемъ теплоты и свѣта, которые не всегда бывають соединены между собою, но существуютъ и отдѣльно другъ отъ друга. Горячая вода, напримѣръ, не испускаетъ свѣта, и наоборотъ, лунный свѣтъ, фосфорный блескъ моря и т. д. не производяють теплоты. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ того, что называется *оимеа*. Изученіе механическихъ средствъ, при помощи которыхъ можно производить теплородъ, дало начало совершенно новой теоріи, отъ которой ученый міръ ожидаетъ очень важныхъ результатовъ. Предметъ ее заключается въ опредѣленіи *механическихъ эквивалентовъ теплоты*. Пушечное ядро, внезапно остановленное въ своемъ полетѣ препятствіемъ, раскалется до-красна. Наука объясняетъ это явленіе тѣмъ, что движеніе, сообщенное ядру, не пропало безслѣдно, но обратилось въ тепло. Думаютъ, что еслибы земной шаръ былъ остановленъ вдругъ при своемъ движеніи вокругъ собственной оси и около солнца, онъ раскалился бы до такой степени, что всѣ составныя части его улетучились бы мгновенно. Теплота въ свою очередь обращается въ движеніе, и точнѣйшее изученіе этого вопроса можетъ привести огромную пользу динамикѣ. Огонь блещетъ потому только, что онъ накаливаетъ до-бѣла твердыя частицы, выходящія изъ горючихъ матеріаловъ во время процесса ихъ горѣнія. Производимый двумя соединенными токами кислорода и

водорода — огонь имѣеть блѣдно-голубоватый цвѣтъ, но жаръ этого огня такъ силенъ, что въ состояніи расплавить самыя твердые металы. Если же хотимъ мы сдѣлать этотъ огонь блестящимъ, то стоитъ только ввести въ него кусокъ мѣлу, который, достигши очень высокой температуры, начнеть испускать блескъ, подобный электрическому свѣту. Однакоже, вмѣстѣ съ тѣмъ поглощаемый мѣломъ теллородъ, обратившись въ пламя, утратитъ свою прежнюю температуру. Этимъ объясняется причина, почему жаръ пламени далеко не соотвѣтствуетъ его блеску — пламя охлаждается по мѣрѣ того, какъ становится оно ярче. Первобытныхъ людей освѣщало и согрѣвало только солнце. Впрочемъ, несмотря на прогрессъ цивилизаціи, и мы недалеко ушли отъ похитителя солнечныхъ лучей Прометей, потому что и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, свѣтъ и тепло болѣе или менѣе непосредственно похищаются у солнца. Мы заимствуемъ ихъ изъ углерода, заключеннаго въ горючихъ веществахъ. Но углеродъ не могъ бы образоваться въ нихъ безъ помощи солнца, лучи котораго даютъ возможность растеніямъ поглощать углекислоту, и обращать ее въ углеродъ. Всѣ животныя усвояютъ этотъ газъ, питааясь растительной, или мясною пищею, и освобождаютъ изъ себя часть его — при процессѣ дыханія. Слѣдовательно, безъ солнечнаго свѣта не существовало бы углерода. И такъ, солнце есть начало всякаго тепла и всякаго свѣта, и — стало быть — всей органической жизни, свойственной условіямъ нашей планеты.

Новые листья. — Извѣстный итальянскій астрономъ, отецъ Секки, пишетъ къ г. Варрену де-ла-Рю: «Послѣднее пятно, которое наблюдать я, дало мнѣ возможность всмотрѣться хорошо въ явленіе, извѣстное подъ именемъ «иновыхъ листьевъ». Если ихъ именно хотѣли изобразить на заглавномъ листѣ «Руководства къ астрономіи» г. Чэмберса, то, признаюсь, я не видалъ ничего подобнаго. Эта картинка представляетъ темный фонъ, покрытый множествомъ маленькихъ бѣлыхъ штриховъ. Мой телескопъ не показываетъ такой фигуры. Но, я полагаю, она изображаетъ другое явленіе — именно, оконечности пенумбры и ея внутреннюю часть, которая дѣйствительно походитъ на кисть, сдѣланную изъ верблюжьей шерсти. Что же касается «иновыхъ листьевъ», то они представляютъ массу бѣлыхъ, продолговатыхъ тѣлъ, имѣющихъ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ секунды дуги въ ширину, и очень разнообразной длинн. Трудно сравнить ихъ съ какимъ-нибудь существующимъ на землѣ предметомъ; но названіе «листья» придумано для нихъ недурно. Только со словомъ *листъ* соединяютъ обыкновенно понятіе о нѣкоторой правильности и однообразіи формъ, которыхъ въ иновыхъ листьяхъ не замѣчалъ я».

Джонъ Гершель пишетъ къ тому же лицу: «Полагаю, что г. Нэсмитъ хочетъ лишить правильной формы и опредѣленнаго объема «иновые листья», извѣстные вообще подъ именемъ *облаковъ*. Но я несогласенъ съ нимъ. Кажется, мною найденъ ключъ къ объясненію

ныхъ природы. Я признаю ивовые листья *постоянно плотной (solid) матеріею*, состоящею изъ фибръ или волоконъ, которыя, будучи приближены другъ къ другу, способны соединяться въ комья, какъ пухъ. Однакоже представляется вопросъ: почему они, и только одни они, блестятъ такъ ярко? На это я отвѣчу: потому, что это плотныя тѣла, и притомъ плавающія (на уровнѣ, опредѣленномъ ихъ плотностью) въ *изобразной средѣ*, или въ *прозрачной жидкости* или, наконецъ, въ *среднѣ между ними* (и тоже прозрачномъ) *веществѣ* неизмѣримо высокой температуры. «Среднимъ» я называю то состояніе между газомъ и жидкостью, которое обнаружено опытами г. Каньяра де-ла-Тура. Отсутствие блеска въ окружающей ихъ средѣ, кажется мнѣ, намекаетъ очень ясно на ея *безцвѣтную прозрачность*. Безцвѣтные газы, или прозрачныя жидкости не испускаютъ изъ себя свѣта. Убѣдиться въ этомъ очень просто. Растопите въ тиглѣ, раскаленномъ до-красна, нѣсколько селитры. Вы увидите свѣозъ нея *однообразный* блескъ дна тигля, отчего вся площадь расплавленной селитры будетъ свѣтиться *одинаково*, тогда какъ болѣе глубокия части этой жидкости (которыя нетрудно обнаружить мѣстами) свѣтились бы сравнительно ярче, еслибы испускала она блескъ изнутри себя. *Поверхность* же солнечной атмосферы не блестятъ потому — такъ по крайней мѣрѣ думаю я — что у нея нѣтъ собственно такой опредѣленной поверхности. Плотность фотосферы уменьшается снизу до 0 въ высшихъ слояхъ ея, гдѣ совсѣмъ нѣтъ давленія».

АРКТИЧЕСКІЕ ГОРЦЫ. — Г. Марктэмъ прочелъ въ лондонскомъ этнографическомъ обществѣ записку, въ которой собраны всѣ свѣдѣнія объ арктическихъ горцахъ, самыхъ близкихъ къ сѣверному полюсу жителей земного шара, по крайней мѣрѣ на сколько извѣстно это въ настоящее время. Къ числу ихъ авторъ относитъ не всѣхъ вообще эскимосовъ, но только изолированное племя ихъ, живущее къ востоку отъ Бафинова залива и Смитова Зунда, въ странѣ, граничащей къ югу Мельвилемъ, а къ сѣверу большими гумбольдовыми глетшерами. Эту землю посѣтили слѣдующіе путешественники: первый Вафинъ въ 1616 г., на кораблѣ «Открытие». Однако неизвѣстно, выходилъ ли онъ на берегъ. Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ него, въ 1818 г., былъ тамъ Джонъ Россъ. Онъ первый изъ европейцевъ вошелъ въ сношенія съ арктическими горцами. Въ 1849 г. пароходъ «Сѣверная Звѣзда» прозимовалъ въ Вольстенгольмскомъ проливѣ, и англійскіе матросы все это время жили очень дружно съ эскимосами. Въ 1850 г. капитанъ Омманей познакомился съ ними на мысѣ Йоркъ. Пароходъ «Неустрашимый», заходившій также въ Вольстенгольмскій проливъ, взялъ на палубу молодого арктическаго горца. Капитанъ Ингльфильдъ посѣтилъ этихъ эскимосовъ на петоваскомъ глетшерѣ, и былъ въ ихъ селеніи мѣль за двадцать отъ мыса Парри. Докторъ Гэйнъ, одинъ изъ офицеровъ доктора Кэна, прожилъ съ ними нѣсколько мѣсяцевъ отъ 1853 до 1855 г. Наконецъ, сэръ Леопольдъ Мак-Клинтонъ

входилъ въ сношенія съ восемью урожденцами миса Йорка въ 1858 г. Флора этой страны состоитъ изъ 44 родовъ и 76 видовъ, открытыхъ до сихъ поръ. Къ числу арктическихъ растений принадлежатъ четыре вида ранункула или жабника, четырнадцать крестовидныхъ злаковъ, къ которымъ относится скорбутная трава, нѣсколько маленькихъ, очень красивыхъ астръ, лапчатна растенія, верескъ, низенькіе, стелющіяся ивы, папоротникъ и множество мховъ. Впрочемъ, пригодность арктической страны для жизни человѣка обуславливается близостью моря. Гренландія, на примѣръ, несравненно богаче растеніями и животными, нежели сухой архипелагъ къ западу отъ нея, но безъ открытаго моря — зимою она была бы необитаема. Ледъ, идущій весною на югъ, оставляетъ за собою впродолженіе лѣта открытое море въ сѣверной части Баффинова залива, извѣстное подъ именемъ «сѣверной воды», тогда какъ зимою морскія теченія и ледяныя горы, плавающія во всѣхъ направленіяхъ, производятъ полыньи, и поддерживаютъ ими же образованные каналы. Такова эта страна, гдѣ находится множество живыхъ существъ при температурѣ, доходящей въ самыя жаркія мѣсяцы до 38°, а въ самыя холодныя до — 38°. Въ зимнее время бывають здѣсь страшныя вьюги. Годъ раздѣленъ на долгій день, и еще болѣе длинную ночь. Лѣтомъ, въ покоѣ и безмолвіи свѣтлыхъ ночей, можно видѣть здѣсь такія картинны, какихъ нигдѣ нѣтъ. Безлѣсность и однообразіе земли, не заключають въ себѣ ничего особенно-привлекательнаго, но ледъ, вода, наклонные утесы и особенный колоритъ воздуха, придають чрезвычайную эффектность этимъ пейзажамъ. На пространствахъ между берегомъ и глетчерами живутъ сѣверные олени, волки, медвѣди, лисницы, зайцы, вороны, сокола, совы, глухари, черноногіе зуйки и турухтаны. На островахъ и утесахъ гнѣздятся огромныя стаи водяныхъ птицъ. Въ полыньяхъ и каналахъ плаваютъ множество моржей, тюленей и китовъ, привлекаемыхъ сюда мириадами моллюсковъ, мелкой рыбы и маленькихъ морскихъ животныхъ. Эта страна имѣетъ не болѣе 140,000 жителей, которые проводятъ зиму въ построенныхъ ими селлахъ, а лѣтомъ ставятъ свои неходныя палатки тамъ, гдѣ найдутъ лучшее мѣсто для охоты. Г. Маригэмъ утверждаетъ, что эти эскимосы азіатскаго происхожденія. Они строятъ зимнія жилища изъ камня, а не изъ снѣга, какъ американское племя. Ихъ каменные млы совершенно схожи съ разрушенными юртами, которыми находятся на сѣверныхъ берегахъ Сибири и на островахъ Парри. Это одинъ изъ многихъ признаковъ сибирскаго происхожденія арктическихъ горцевъ.

По прочтеніи этой записки, докторъ Ре (Ree) сказалъ, что онъ былъ въ Гренландіи, Чорчилѣ, Гудзоновомъ заливѣ, въ устьяхъ Магензи и Мѣдной рѣки, на арктическомъ берегу, и прожилъ два года близъ Ренюльсеа. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ видѣлъ онъ эскимосовъ, и могъ сравнить ихъ. Земля къ югу отъ Чорчила, ниже 59° сѣверной широты — признаются страной индійцевъ, и потому сюда заходятъ только эскимосы, состоящіе на службѣ у

гудсон-байской компании. Они носят европейское платье, и употребляются по торговымъ дѣламъ. Это — трезвый и честный народъ. Никогда не просятъ оми милостини, какъ краснокочкіе индійцы, и очень заботятся, какъ о своей, такъ и вѣренной имъ чужой собственности. Ростомъ невысоки они, но все же не карлики, хорошо сложены и сильны. У нихъ низкій и широкій лобъ, высокоприподняты скулы, лицо плоское, но довольно-прямое, и внутренніе углы глаза направлены, какъ у китайцевъ, нѣсколько книзу. Волосы черные, прямые и грубые. Мужчины коротко стригутся; бороды почти не растутъ у нихъ. Голодъ и гриппъ произвели въ послѣднее время большое опустошеніе между эскимосами. Г. Ре, въ доказательство ихъ доброты и честности, сообщилъ слѣдующій случай. Онъ, для присмотра за своими вещами, оставилъ на зимней квартирѣ трехъ человѣкъ — по сосѣдству съ нѣсколькими семействами жившихъ тамъ эскимосовъ. Вещи, прикрытыя только клеенкою, лежали на камняхъ, и никто не тронулъ ихъ. Когда весной сталъ таять снѣгъ, то эскимосы, найдя потерянныя или унесенныя водою вещи, доставляли ихъ сторожамъ, которымъ во все это время не было нанесено ни малѣйшей обиды, хотя двое изъ нихъ часто находились въ отлучкѣ. Другое племя, живущее на рѣкѣ Магензи, отличается совершенно инымъ характеромъ. Когда въ 1848 г. Ре сопровождалъ экспедицію, отыскивавшую Франклина, эскимосы помянутой рѣки преслѣдовали англичанъ на своихъ омыкахъ, напали на отставшую шлюпку и ограбили ее. Это — чрезвычайно-отважные и дерзкіе люди. Вѣроятно, ихъ предки истребили нормановъ, поселившихся въ южной Гренландіи. Всѣ мужчины этого племени носятъ на щекахъ украшенія, сдѣланныя изъ камня, мамонтовой кости, или большихъ разноцвѣтныхъ бусъ.

Зависки лондонскаго этнологическаго общества (*). — Къ отличительнымъ чертамъ этого журнала, который пользуется большимъ уваженіемъ ученаго міра, должно отнести совершенную свободу его сотрудниковъ. Ихъ нисколько не стѣсняетъ программа, или какое-либо определенное направленіе этихъ «Записокъ». Почти въ каждомъ номерѣ можно найти діаметрально-противоположныя мысли объ одномъ и томъ же предметѣ. Напримѣръ, въ III томѣ, который вышелъ въ апрѣлѣ, помѣщено нѣсколько статей, направленныхъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи рода человѣческаго. Г. Ферраръ говоритъ, что физиологическое различіе людскихъ расъ объяснялось прежде вліяніемъ климата, пищи, образа жизни и т. д., но что въ настоящее время большинство натуралистовъ совершенно оставило эту мысль и признаеть нѣсколько отдѣльныхъ другъ отъ друга центровъ первоначальнаго появленія людей. Г. Кристи, напротивъ, высказывается въ пользу единства происхожденія человѣческаго рода, удлиняя только періодъ его существованія. Г. Уэллсъ также думаетъ, что гипотезу о разнобѣст-

(*) Transactions of the ethnological Society of London. Vol. III. 1865.

номъ появленіи на землѣ многихъ паръ можно опровергнуть не иначе, какъ допустивъ глубочайшую древность происхожденія человѣка. Наконецъ, вице-президентъ общества г. Крауфордъ рѣшительно возстаетъ противъ населенія земли изъ одной точки ея поверхности, отъ одной родоначальной четы. Сравнивать другъ съ другомъ отдѣльные номера «Записокъ» было бы послѣ этого совершенно лишнимъ трудомъ, потому что сравненіе подтвердило бы только то, что вполнѣ доказывается ихъ послѣдней книжкою. Впрочемъ, мы указываемъ на эту странность, какъ на фактъ, нисколько не придавая ему похвального значенія. Изъ помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ статей, особенно замѣчательны: «О первыхъ попыткахъ къ прирученію домашнихъ животныхъ», г. Гэлтона, «О жителяхъ малайскаго архипелага», г. Уэллеса, и «О доисторическихъ обитателяхъ пещеръ южной Франціи», г. Кристи. Гэлтонъ думаетъ, что прирученіе животныхъ началось исподоволь, полусознательно, и что къ нему приступили не цивилизованные люди, какъ полагаютъ нѣкоторые мыслители, но еще грубое, нисколько необразованное чело-вѣчество, которому послѣ очень медленнаго выбора удалось наконецъ сдѣлать домашними нѣкоторыхъ животныхъ. На время, когда начались эти попытки, можетъ, по мнѣнію автора, указать сравнительная этимологія. Въ большей части аріанскихъ нарѣчій названія быка, собаки и лошади сходны, тогда какъ имена дикихъ звѣрей очень различны. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что помнута животныя были приручены аріанами еще задолго до переселенія ихъ въ Европу изъ средней Азіи. Трудно допустить мысль о возможности прогресса цивилизаціи безъ прирученія человекомъ по крайней мѣрѣ собаки и коровы. Собака названа «le premier élément du progrès de l'humanité», и это въ нѣкоторомъ отношеніи вѣрно. Востокъ, по мнѣнію г. Тусснеля, былъ колыбелью цивилизаціи, потому что онъ родина собаки. Краснокожіе индѣйцы, у которыхъ нѣтъ собакъ, не могутъ собирать животныхъ въ стадо, также въ продолженіе охоты должны они тратить много времени на отыскиваніе дичи. Азіатцы, напротивъ, держа большія стада, не имѣли надобности употреблять особенныхъ усилій для надзора за ними, потому что имъ помогала въ этомъ собака. Они не унижали своего чело-вѣческаго достоинства излишней заботою о развитіи чувства обонянія, которое довели американскіе индѣйцы до тонкости собачьяго чутья. Хотя мнѣніе г. Тусснеля о существованіи канібализма только у народовъ, неимѣвшихъ собакъ, можетъ показаться слишкомъ смѣлою гипотезою, однако же его подтверждаютъ дикари Америки и большей части острововъ Малайскаго архипелага. Въ Америкѣ только вскиномы владѣютъ собаками, и только у нихъ никогда не существовало людоедства.

Г. Уэллесъ прожилъ восемь лѣтъ на островахъ Малайскаго архипелага, переѣзжая съ одного изъ нихъ на другой. Его описанія картинъ природы, животныхъ и особенно людей чрезвычайно живы и типичны. Читатель какъ-будто видитъ гладковолосаго, смуглаго, низенькаго и безбородаго *малайца*, гордо-крутыяго

мнимый усъ, или едва замѣтныя клоки бороды, пробившіяся у него съ одной стороны подбородка. Такъ же отчетливо рисуется въ его воображеніи высокая, черноволая, курчавая, бородатая и весь поросшій волосами *папуанъ*, помпращающій со смѣху при видѣ всякаго новаго предмета. Первый широколицъ, съ маленькимъ носомъ и плоскими бровями, у другаго продолговатое лицо, длинный носъ и выпуклыя брови. Малаецъ робокъ, холодець и молчаливъ; папуанъ смѣлъ, горячъ и любитъ пошумѣть. Кромѣ этихъ двухъ расъ, на островахъ Жилоло, Церамъ и Буро живутъ *альфуру*, похожіе тѣлосложеніемъ на папуановъ, но цвѣтомъ кожи на малайцевъ. *Неритовъ*, этихъ почти карликовъ съ маленькимъ плоскимъ носомъ и черными, курчавыми волосами, живущихъ на Филиппинскихъ островахъ, смѣшиваютъ съ папуанами, тогда какъ она походитъ болѣе на малайцевъ. Г. Уэллсъ говоритъ, что если провести черту отъ восточнаго берега Филиппинскихъ острововъ на западъ къ Жилоло, продолжить ее черезъ Буро и окончить островомъ Ротти, тогда архипелагъ раздѣлится на двѣ части: западную и восточную. Въ первой будутъ находиться малайская и азиатская расы, а во второй папуаны и раса Жилоло. Эта линія раздѣлитъ архипелагъ въ зоологическомъ отношеніи на индо-малайскую и австромалайскую страны. Индо-малайская раса имѣетъ физическое сродство съ восточно-азиатскимъ населеніемъ отъ Сіама до Манджурии. Хотя негрты или негртосы очень отличаются отъ малайцевъ, однако же ихъ можно встрѣтить на андаманскихъ островахъ и на азиатскомъ континентѣ. Къ востоку же отъ проведенной линіи живетъ, напротивъ, племя, сходное съ папуанами на всѣхъ островахъ до Фиджи, за которыми по всему Тихому океану разбѣяна смуглая полинезійская раса, очень похожая на альфуру, живущихъ на островахъ Жилоло и Церамъ. Авторъ полагаетъ, что это племя, равно какъ папуаны, фиджіане, жители Сандвичевыхъ острововъ и Новой-Зеландіи, суть разныя виды одной полинезійской расы, которая вѣроятно населяла большой континентъ, скрытый теперь отчасти подъ водою. Хотя это мнѣніе основано преимущественно на гипотезѣ, однако же оно принадлежитъ г. Уэллсу, который хорошо знакомъ съ фактами, относящимися къ этнологіи Малайскаго архипелага, а потому наука не можетъ не дорожить имъ.

Г. Кристи собралъ орудія каменнаго вѣка со всѣхъ концовъ земли. Берега арктическаго моря, Скандинавіи, Великобританія, Франція, Россія, Греція, Китай, Японія, Синай, ливанскія и вилеескія пещеры, вавилонская долина, Индія, индійскій архипелагъ, Нубія, сѣверныя и южныя сваты Атласа, мисъ Доброй-Надежды, Вест-Индія и американскій материкъ — словомъ, всѣ страны, гдѣ находили каменные орудія первобытнаго человечества, внесли обильную дань въ его богатый музей. Замѣчательно, что всѣ они, какъ самыя простыя, такъ и болѣе замысловатыя по формѣ, чрезвычайно сходны между собою. Вслѣдствіе этого нельзя опредѣлить по нимъ тѣхъ ископаемыхъ остатковъ, вмѣстѣ съ которыми были они найдены, а напротивъ по костямъ животныхъ

можно расположить их въ хронологическомъ, или палеонтологическомъ порядкѣ. Древнѣйшіе образцы этихъ орудій лежали въ пещерахъ, гдѣ преобладали кости мамонтовъ и носороговъ, были здѣсь также нецѣлыя остовы лошадей и порою сѣверныхъ оленей. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ пещеръ, продолженіе котораго преобладающимъ животнымъ былъ сѣверный олень. Каменные топоры здѣсь шлифованы, и нѣтъ никакого слѣда тѣнней и гончарнаго ремесла. Далѣе идетъ *можжедвинскій* періодъ Данія—сѣверныхъ оленей нѣтъ, колпированныхъ топоровъ также, но остались признаки гончарнаго мастерства и кости домашнихъ животныхъ. Послѣ этого тѣнется вѣкъ озерныхъ или свайныхъ построекъ—топоры по большей части шлифованные, горшечныхъ остатковъ множество, вмѣстѣ съ ними попадаются тѣнны, сѣверный олень окончательно смѣненъ домашними животными, есть признаки обработки пшеницы. Наконецъ мы достигаемъ періода верхняго слоя земли, гдѣ уже остатки фауны наиболѣе приближаются къ существующимъ теперь животнымъ, и бронзовыя орудія свидѣтельствуютъ о концѣ каменнаго вѣка.

Мюнхенская историческая лѣтопись 1865 года. (*)—Много было говорено въ свое время о желаніи короля баварскаго Лудовика сдѣлать столицу своего государства чѣмъ-то въ родѣ новыхъ Аѳинъ, лучшимъ въ Европѣ пріютомъ науки и искусства. Преемникъ его, недавно умершій Максимилианъ II, былъ ученикомъ Шеллинга, и до конца жизни сохранилъ теплую вѣру въ утопію своего наставника. Умиротвореніе враждебныхъ началъ, раздѣлившихъ западную церковь, казалось ему возможнымъ дѣломъ. Онъ думалъ, что Баварія, населенная тремя германскими расами: франконцами, швабами и баварцами, суждено быть исходной точкою движенія, о которомъ мечтали Лейбницъ. Вѣрнѣйшимъ путемъ къ этой цѣли онъ признавалъ исторію, и едва-ли кто изъ покровителей науки умѣлъ съ большимъ тактомъ отстранить тотъ вредный элементъ протекціи, который препятствуетъ свободной дѣятельности ученыхъ людей, получающихъ постороннее пособіе. Профессоръ Деллингеръ очень хорошо объяснилъ это въ панегирикѣ покойному королю. Наука не искусство. Она неспособна доставлять ожидаемаго отъ нея удовольствія и находится въ совершенно-гармоническомъ отношеніи къ духовной атмосферѣ, которая окружаетъ ее. Покровитель науки дѣйствуетъ скорѣе для будущаго, чѣмъ настоящаго, и его усилія, не рѣшая окончательно задуманнаго дѣла, бывають преимущественно только содѣйствіемъ къ достиженію результатовъ, которые, можетъ быть, никогда не будутъ дѣйствительно достигнуты. Король Максимилианъ, покровительствуя ученымъ трудамъ, никогда не вмѣшивался въ нихъ. Онъ избиралъ только главный предметъ занятій, нисколько не стараясь дать имъ опредѣлен-

(*) Münchener historisches Jahrbuch für 1865. Herausgegeben von der historischen Classe der königlichen Akademie der Wissenschaften.

наго заранѣ направленія. Онъ былъ также далеко отъ несбыточной мысли сдѣлать Мюнхенъ центромъ европейской, или даже германской науки. Его желаніе заключалось въ томъ только, чтобы столица Баваріи была школою ученыхъ иыскавшей истины. Съ этою цѣлю учредилъ онъ академію наукъ и художествъ, состоящую изъ пятидесяти членовъ, уполномоченныхъ замѣщать открывавшіяся вакансіи по своему собственному выбору. Въ составъ первой академіи вошли два отдѣленія: физическое и историческое, управляющія своими трудами тоже безъ посторонняго вмѣшательства. Физическимъ отдѣленіемъ были добыты богатые результаты по части астрономіи, геологіи и ботаники. Но особеннымъ сочувствіемъ покойнаго короля пользовалось историческое отдѣленіе, къ трудамъ котораго принадлежитъ, между прочимъ, изданный теперь первый томъ «Мюнхенской исторической лѣтописи». Цѣль этого журнала заключается въ томъ, *чтобы знакомить публику съ трудами академіи*. Предсѣдатель историческаго отдѣленія—Леопольдъ Ранке; въ числѣ его членовъ находятся извѣстные историки: Лапшенбергъ, Корнелиусъ и Деллинггеръ. На это отдѣленіе, сверхъ особыхъ премій, отпускается ежегодно 40,000 флориновъ. Имъ были собраны и изданы пять томовъ германскихъ лѣтописей, съ критической оцѣнкою, акты имперскаго сейма со времени золотой буллы, отдѣльныя хроники нѣкоторыхъ городовъ и много другихъ, весьма важныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ первомъ томѣ «Мюнхенской лѣтописи» помѣщена очень замѣчательная статья г. Деллингера объ имперіи Карла Великаго и его преемниковъ. Въ ней объяснены взаимныя отношенія, существовавшія между императоромъ и папою. Хотя папство обязано своею духовною и свѣтскою властью Григорію VII, но неоспоримо, что папа призналъ своимъ главою императора, и что Карлъ, получивъ императорскую корону, сталъ такимъ же повелителемъ Рима, какъ и папы, который обратился въ подданнаго. Орлеанскій епископъ Теодольфъ говоритъ, что Петръ апостолъ вручилъ ключи церкви королю, который управляетъ ею и господствуетъ надъ духовенствомъ. Замѣчательна также статья г. Корнелиуса о германской лигѣ въ первые годы тридцатилѣтней войны, основанная на источникахъ, найденныхъ въ архивахъ Мюнхена, Вюрцбурга и другихъ баварскихъ городовъ. Вѣроятно, этотъ ученый трудъ образумитъ нео-католиковъ, которые, изображая защитниковъ протестантизма искателями приключеній, желавшими основать свое счастье на развалинахъ германской имперіи, представляютъ австрійскій домъ безкорыстѣйшимъ поборникомъ католицизма. Огромная масса германцевъ не стала бы поддерживать ни Христіана IV, ни Густава-Адольфа, еслибы корысть и личное честолюбіе были главными причинами дѣятельности этихъ монарховъ; притомъ же божеское возстаніе, подавшее непосредственный поводъ къ войнѣ, имѣло чисто-религіозный характеръ. Несчастіе XVII вѣка заключалось въ томъ, что какъ отдѣльныя лица, такъ и націи, стоявшія въ главѣ движенія, не могли не имѣть смѣшанныхъ побужденій. При самомъ началѣ тридцатилѣтней

войны, австрийскій домъ принялъ столько же сторону богатыхъ земель, сколько и католической религіи, руководствуясь корыстными тенденціями. Авторъ доказываетъ неопровержимо, что коварства Австріи была понята другими государствами, и что баварскій герцогъ сталъ дѣйствовать въ слѣдствіе этого независимо. Онъ стремился составить лигу безъ участія въ ней Австріи. Находясь подъ вліяніемъ папы и Испаніи, онъ часто измѣнилъ образъ своихъ дѣйствій, но все же до тѣхъ поръ не протянулъ руки Габсбургамъ, пока не уничтожили они его недовѣріи на счетъ своихъ религіозныхъ намѣреній, поземельнымъ обезпеченіемъ. Теперь не вѣстно, что наканунѣ вестфальскаго мира Максимилианъ хотѣлъ сдѣлать, какъ выражаются негодующіе на него империалисты, вопреки интересамъ императора и католической церкви, которую Габсбурги привыкли сливать съ своей личностью. Но онъ былъ въ правѣ заключить особый миръ, потому что велъ войну отдѣльно отъ Австріи, поддерживаемый своими союзниками. Еслибы герцогъ баварскій исполнилъ это, въ такомъ случаѣ вѣнскій дворъ пожалъ бы только плоды политики, которой слѣдовалъ онъ такъ часто и совершенно безнаказанно.

«Африканка», опера Мейербера. — «Композиторъ отвѣчаетъ за избранный имъ сюжетъ; не думайте, чтобы композитору можно было сунуть въ руки либрето, какъ ребѣнку сюжетъ яблоко.» Такъ говорилъ еще Веберъ, и съ тѣхъ поръ это убѣжденіе постоянно возростало и приобретало все болѣе и болѣе силы. Въ наше время всѣми признано, что одна музыка не исчерпываетъ интереса оперы; необходимо, чтобы въ соотвѣтствіи съ музыкальною частью произведенія былъ и сюжетъ его. И хотя мы полагаемъ, что для композитора нѣтъ неизбѣжной необходимости быть самому и либреттистомъ, но твердо убѣждены въ томъ, что работа либретиста должна вполне зависѣть отъ тѣхъ требованій, которыя заявляетъ фантазія композитора. Такъ понималъ это дѣло Мейерберъ, и потому-то онъ такъ и дорожилъ Скрибомъ, какъ человѣкомъ, который умѣлъ вполне подчинять себя его творческимъ замисламъ и облекать ихъ въ стройную словесно-драматическую форму. Такимъ образомъ Мейерберъ всегда былъ полновластнымъ творцомъ и господиномъ своихъ музыкальныхъ драмъ. Такъ создались нѣкогда «Робертъ», «Гугеноты»; такъ создались и «Африканка». Либретистъ далъ для нея только канву, по которой уже композиторъ создалъ образы сценично-пластическіе и музыкальные. И такъ, чтобы понять это произведеніе, нужно сперва взглянуть на основную сѣть его сюжета, и затѣмъ уже разсмотрѣть узоры, вышитые по ней рукою композитора.

Сюжетъ «Африканки» заключается въ слѣдующемъ:

Васко-де-Гама, молодой офицеръ португальскаго флота, возвращается въ отечество послѣ неудачной попытки капитана Бартоломео Диаза обогнуть южную оконечность Африки, и предлагаетъ королевскому совѣту планъ новаго путешествія, которое должно довести мореплавателей до Индіи. Рассказывая о богатствахъ видѣн-

ныхъ имъ странъ южной Африки, онъ всмѣется на свидѣтельство двухъ рабовъ, которыхъ онъ привезъ съ собою, купивъ ихъ на какомъ-то невольничьемъ рынкѣ. Это—Селика, царица Мадагаскара, и Нелюско, ея рабъ. Но плѣнники поклялись не говорить ни слова; тогда совѣтъ рѣшаетъ отвергнуть планы Васко, и несчастный мореплаватель рѣзко изливаетъ свой гнѣвъ и оскорбляетъ все собраніе, за что великій инквизиторъ произноситъ противъ него проклятіе и приказываетъ заключить его въ тюрьму. Сюда сопровождаетъ его Селика, которая любитъ его. Она стережетъ сонъ Васко, который въ бреду произноситъ имя Инесы, любимой имъ дочери адмирала Дом-Діега. Проснувшись, Васко предается своимъ провѣтамъ и вычисленіямъ и отмѣчаетъ на картѣ тотъ путь, котораго ищетъ; когда онъ доходитъ до мыса Буръ, Селика говоритъ ему: «Ты идешь не тѣмъ путемъ: сюда, сюда! Здѣсь островъ Мадагаскаръ, котораго я царица.» Это извѣстіе есть цѣлое открытіе для Васко; онъ вѣетъ себя отъ радости и, принимая свою благодарность за любовь, объявляетъ Селикѣ, что любитъ ее. Селика отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Въ эту минуту Нелюско приходитъ и объявляетъ о свадьбѣ Инесы съ Дом-Педро, предсѣдателемъ королевскаго совѣта. По этому случаю Васко прощенъ и освобожденъ изъ темницы. Онъ находитъ случай объяснить новобрачной, что вовсе не любитъ Селику, но попрежнему вѣренъ ей, Инесѣ. Затѣмъ Дом-Педро рассказываетъ, что онъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, которой такъ добивался Васко, и увозитъ съ собою и жену. Нелюско предлагаетъ ему себя въ кормчіе, и Дом-Педро имѣетъ неосторожность принять это предложеніе. Они плывутъ; Нелюско имѣетъ намѣреніе направить корабль на родной свой берегъ, окруженный подводными скалами. Командиру корабля даютъ знать о приближающемся небольшомъ суднѣ; оказывается, что это—легкое судно, которое Васко снарядилъ съ помощью своихъ друзей, и на которомъ онъ послѣдовалъ за Дом-Педро, чтобы не уступить ему чести открытія новыхъ земель. Васко вступаетъ на корабль Дом-Педро и предупреждаетъ капитана, что его судно направлено на ложную дорогу. Между нимъ и Дом-Педро, ревнующимъ его къ своей женѣ, происходитъ ссора. За послѣдняго заступается Селика, сопровождающая Инесу; по просьбѣ жены Дом-Педро прощаетъ Васко, но въ то же время приказываетъ Нелюско избавить его отъ соперника. Селика, напротивъ того, приказываетъ Нелюско спасти любимаго ея Васко. Нелюско общается ей это, съ тѣмъ однако, что онъ утопитъ остальныхъ европейцевъ. Внезапно разражается страшная буря; въ то же время множество дикихъ, на пирогахъ, осаждаютъ судно, и оно тохнетъ: спасены Селика, Нелюско, Васко и еще немногіе. Дикіе—жители Мадагаскара—признаютъ Селику своей царицею; она приказываетъ жрецамъ, чтобы они вѣнчали ее съ европейцемъ. Между тѣмъ оказывается, что Инеса тоже спасена; при видѣ ея въ сердцѣ Васко возгорается прежняя любовь къ ней. Между двумя соперницами происходитъ взрывъ ревности. Но Селика, несмотря на свою страсть, понимаетъ, что Васко сталъ ея мужемъ по необходимости, и что

она никогда не получит отвѣта на свою любовь. Ей остается только умереть... Она призывает Нелюско и приказывает ему отвезти Инесу и Васко на берегъ, гдѣ приготовленный къ отплытію корабль отвезетъ ихъ въ отечество. Сама же она рѣшается умереть подъ сѣнью ядовитого дерева; и въ то время, когда выстрѣлъ возвѣщаетъ отплытіе португальскаго мореплавателя, Селника испускаетъ духъ, отравленная смертоносными испареніями мянценіи.

Такова програма, которую Сбриль сообщилъ Мейерберу. Нечто и говорить, что она не страдаетъ точностью историческихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи Мейерберу оставалось только ограничиться общими чертами мѣстности и времени, чтобы создать нѣчто живое и рельефное, и дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, это удалось ему вполне. Точно также богатства его творчества сгладили и другіе недостатки либрето (какъ напримѣръ, натянутость, искусственность положеній). Наименѣе удался Мейерберу характеръ самого героя. Въ чертахъ, которыми онъ отмѣченъ, есть чрезмѣрное усложненіе, какая-то двойственность. По существу своего характера, разумѣется, не историческаго, а вымышленнаго композиторомъ, Васко де-Гама есть вдохновенный мечтатель, весь преданный своей идеѣ и преслѣдуемый за нее тѣми, кто не въ состояніи понять ея значенія. И вотъ, этотъ мученикъ своего открытія—такимъ мы видимъ его въ первыхъ дѣйствіяхъ оперы — во второй половинѣ произведенія является жертвою любви двухъ соперницъ и самъ отдается нѣжной страсти. Нельзя не сказать, что съ этой перемѣной окружающихъ условій зритель перестаетъ обращать вниманіе на лицо мореплавателя: подобная личность только и интересна на сценѣ, что исключительными обстоятельствами своей борьбы съ судьбой; иначе это просто дюжинный jeune premier. Но если не удовлетворяетъ зрителя герой, за то личность героини, личность Нелюско созданы превосходно; много движенія и выразительности даже во второстепенныхъ лицахъ цѣсы, какомъ-нибудь великомъ инквизиторѣ или великомъ жрецѣ Браммы, этихъ двухъ столь противоположныхъ типахъ фанатизма. Въ подобныхъ персонажахъ Мейерберъ обнаружилъ поразительное разнообразіе и богатство своего таланта.

Могущественное впечатлѣніе первокласнаго художественнаго произведенія дало себя почувствовать съ первой же сцены. Здѣсь, послѣ пріятнаго романса и изящнаго тріо, зритель прямо вступаетъ въ міръ творчества по истинѣ гениальнаго. Композиторъ изображаетъ засѣданіе королевскаго совѣта, обсуждающаго вопросъ объ эскадриці Васко де-Гама; сюжетъ почти не музыкальный, но что сдѣлалъ изъ него Мейерберъ! Члены совѣта появляются на сцену подъ звуки важнаго торжественнаго марша; затѣмъ епископы произносятъ воззваніе къ Богу, призывающее лучъ его мудрости на трудъ совѣщанія: унисонная фраза изумительной простоты и величія, нѣсколько разъ повторяющаяся въ теченіе всей сцены и всегда вполне умѣстная какъ въ драматическомъ, такъ и музыкальномъ отношеніи. Среди ея входитъ Васко де-Гама. Онъ рассказываетъ ве-

удачу предъидущей экспедиціи и излагаетъ свой планъ; это не бойкая каватина, а речитативъ сжатый и исполненный спокойствія и достоинства. Свидѣтели, на которыхъ Васко ссылается, упорствуютъ молчать: мореплаватель умоляетъ ихъ страстными звуками. Совѣтъ приказываетъ имъ удалиться: вотъ начинаются пренія, духовныя лица (басы) составляютъ оппозицію грандамъ (тенорамъ). Вражда между старымъ и новымъ возгорается, растутъ; наступаетъ минута крайняго раздраженія, какъ вдругъ епископы внезапно встанутъ со своей скамьи и снова произносятъ воззваніе къ Божеству, и послѣдніе его такты звучатъ съ торжественностью церковныхъ возглашеній. Васко снова появляется на сценѣ, слышитъ отказъ, высказываетъ свой гнѣвъ, и великій инквизиторъ произноситъ ему проклятіе, которое епископы повторяютъ унисономъ. Вообще, вся эта сцена поражаетъ историчностью своихъ красокъ. Тайны ритма и гармоническихъ сочетаній были извѣстны Менделсону и Шпору точно такъ же, какъ Мейерберу; высокое искусство оркестровки не менѣе поразительно у Вагнера; Россини неистощимо богатъ мелодіею; но нѣтъ сомнѣнія, что никто лучше Мейербера не могъ бы очертить драматическое положеніе, придать жизнь дѣйствующимъ лицамъ, сообщить драматическому дѣйствию всю историческую живописность, требуемую сюжетомъ. Въ сценѣ засѣданія совѣта композиторъ съ удивительною силой переноситъ зрителей въ своеобразную жизнь средневѣковой Европы и внутреннюю борьбу ея еще разъ изображаетъ съ тѣмъ же могуществомъ, съ которымъ далъ ее почувствовать въ знаменитомъ «благословеніи мечей» въ «Гугенотахъ».

Совѣтъ иной музыкальный характеръ второго акта, дѣйствіе котораго происходитъ въ темницѣ Васко. Здѣсь, въ колебательной пѣснѣ Селики, въ мечтаніяхъ заключеннаго, идиллическіе и элегическіе звуки сливаются съ мягкими, тягучими мелодіями, рисующими подавленное чувство любви въ душѣ Инеси. Въ третьемъ актѣ, дѣйствіе котораго происходитъ на кораблѣ Дом-Педро, опять преобладаетъ грандіозное. Но справедливость требуетъ сказать, что это слабѣйшая часть въ произведеніи Мейербера. Начало акта, изображающее вообще корабельную жизнь, пробужденіе матросовъ, молитву и т. д., лишено драматическаго интереса, равно какъ и балада о духѣ бурь, которую поетъ Нелюско. Впрочемъ, нитересь возбуждается съ появленіемъ Васко-де-Гама, но финалъ акта, прекрасный въ музыкальномъ отношеніи, затмѣвается декоративнымъ эффектомъ бури и гибели корабля.

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ царствѣ Селики—собственно на Мадагаскарѣ; но либреттистъ сообщилъ этому острову индійскую обстановку, и Мейерберъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы начертать превосходную картину Индіи. Передъ зрителемъ брамины и бадерки, весь религиозный пантеонъ индійскаго міра. А извѣстно, какой мастеръ Мейерберъ въ музыкальномъ изображеніи религиознаго элемента. Нѣтъ возможности передать словами всю оригинальность звуковъ, которыми рисуется суровый, до-

ходящій до безсознательности экстазъ великаго брамина. У этого лица всего двѣ сцены, но оно вполнѣ жизненно и носитъ на себѣ печать удивительной оригинальности. Есть что-то священное даже въ музыкѣ, сопровождающей пляску. Появленіе Васко среди этого новаго міра тоже даетъ композитору случай новѣйшимъ способомъ обнаружить свое дарованіе: мореплаватель, ступая на открытую имъ землю, созерцаетъ окружающую его природу и какъ-бы отдается весь райскимъ очарованіямъ: дивная мелодія его *cantabile*, покоясь на легкомъ аккомпаниментѣ флейтъ и скрипокъ, передаетъ зрителю его восторги.

Но главная сцена четвертаго акта—это дуэтъ между Селикой и Васко де-Гама, послѣ того, какъ ихъ повѣнчали, и какъ Селика отдается вся порывамъ своего чувства, которые минутно увлекаютъ и Васко. Эта сцена могла бы напомнить знаменитую сцену «Гугенотовъ», но въ томъ и другомъ случаѣ есть разница въ положеніяхъ. Любовь Рауля не будетъ знать конца раньше смерти; чувство Васко де Гама—мгновенный порывъ, для котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго; и среди ласкъ Селики его не покидаетъ воспоминаніе объ Инесѣ, и въ этой-то борьбѣ чувствъ композиторъ нашелъ лучший мотивъ своего произведенія. Трудно вообразить себѣ что-нибудь соразмѣрнѣе, изящнѣе, колоритнѣе этого дуэта. Въ его богатой мелодіи высшее выраженіе чувственного восторга сверхва вырывается изъ устъ Селики страстной фразой, которую она произноситъ всѣмъ голосомъ, и которую какъ-бы въ бреду Васко повторяетъ въ *mezzo voce*; подъ конецъ дуэта мелодія испаряется въ какой-то шопотъ подъ тихіе звуки оркестра.

Въ пятомъ актѣ особенно замѣчательны дуэтъ Селики и Инесы, гдѣ ревность африканки прорывается великолѣпными вокальными фразами, и сцена смерти Селики подъ тѣнью манценыла. Блестящій колоритъ музыки, соответствующій роскошной обстановкѣ индійской природы, здѣсь мгновенно измѣняется, и предсмертныя чувства африканской красавицы надрываютъ сердце мелодіей, пронзительной, какъ горе, и въ то же время трогательной и нѣжной.

Трудности этой сцены въ исполненіи вполнѣ объясняютъ—почему Мейерберъ такъ долго не могъ отыскать пѣвицы, по силамъ которой онъ считалъ бы роль «Африкани». Въ музыкѣ этой сцены—говоритъ музыкальный рецензентъ *Revue de deux Mondes*—чувствуется воспоминаніе то объ одной, то о другой гениальной пѣвицѣ, которыя исполнились исполненіемъ мейерберовскихъ оперъ; видно, что композиторъ въ этихъ живыхъ образахъ олицетворялъ свою гереиню. Между современными представительницами драматическаго пѣнія, можетъ быть, и трудно было бы прискать для этой роли исполнительницу вполнѣ совершенную. А потому французскіе рецензенты не находятъ исполненіемъ г-жи Маріи Салье, которая постаралась возможно ближе подойти къ идеалу, намѣченному Мейерберомъ. Тенору Нодему, исполнявшему роль Васко де-Гама, эта трудная партія удалась не вполнѣ. Но говорятъ, что лучшимъ эпизодомъ его роли былъ дуэтъ въ четвертомъ актѣ. Баритонъ

Форъ (Нелюско) особенно хорошо бьетъ въ третьемъ дѣйствіи, гдѣ его роль выступаетъ особенно рельефно. Наконецъ басы Обенъ, великій браминъ, соблюлъ чрезвычайно типично характеръ этого оригинальнаго лица.

Вообще, исполненіе «Африканки» было очень тщательное, мѣстами даже прекрасное, но все-таки не вполне достойное самаго произведенія. Большая часть исполнителей не могутъ быть названы истинными художниками и, стало-быть, не соответствуютъ той идее, которую составилъ себѣ самъ композиторъ о созданныхъ имъ лицахъ. Что касается постановки, то она была удивительная; только корабль не удовлетворилъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя задолго до представленія обнаруживала публика.

Но все это—вещи второстепенныя и исправимыя рано или поздно. Главное же дѣло въ томъ, что наконецъ завѣтное созданіе Мейербера сдѣлалось доступно публикѣ и обнаружило передъ ней красоты первоклассныя. Дѣйствительно, подводя итогъ всему сказанному, нельзя не признать, что «Африканка» есть произведеніе образцовое, вполне достойное стать наряду съ «Робертомъ», «Гугенотами» и «Пророкомъ». Больше, чѣмъ гдѣ нибудь, въ этой послѣдней своей оперѣ Мейерберъ является, по словамъ *Revue de deux Mondes*, великимъ музыкальнымъ колористомъ и щедро пользуется этой своей способностью, чтобы отгнать драматизмъ сценическихъ положеній. Это главное и самое рельефное достоинство «Африканки». Виѣсть съ тѣмъ композиторъ обнаруживаетъ въ ней такое богатство мелодій, котораго до сихъ поръ не бывало въ его произведеніяхъ. Какъ то, такъ и другое съ перваго разу обезпечили успѣхъ его произведенія въ Парижѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣмъ же успѣхомъ «Африканка» обойдетъ и всѣ другія главныя оперныя сцены—и достигнетъ Петербурга.

О почтовой международной конференціи въ Парижѣ.—Въ 1862 году главноуправляющій почтами въ Соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ Блэръ (Blair) представилъ государственному секретарю Сварду докладъ о пользѣ назначенія международной конференціи для возможнаго отстраненія различныхъ неудобствъ, недостатковъ и затрудненій, встрѣчающихся въ почтовыхъ учрежденіяхъ современныхъ государствъ, чрезъ что, какъ извѣстно, происходитъ излишняя потеря времени въ доставленіи всякаго рода корреспонденціи и значительно увеличивается стоимость провозной платы.

Одобривъ вполне предложеніе Блера, Свардъ сдѣлалъ циркулярное приглашеніе всѣмъ государствамъ принять участіе въ предполагаемой конференціи, которая и открыла свои засѣданія въ Парижѣ еще въ 1863 году, при участіи уполномоченныхъ отъ многихъ европейскихъ государствъ, какъ-то Англии, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Австріи, Пруссіи, Италиі, Испаніи, Даніи, Португаліи, Швейцаріи, а также уполномоченныхъ отъ Соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатовъ, Коста-Рики, и даже острововъ Сандвичевыхъ. Помѣщенная объ этомъ обширная статья, въ «Deutsches

Vierteljahres-Schrift № 109, Januar-März 1865, откуда мы и сдѣлали заимствование это, не упоминаеть, впрочемъ, чтобы въ конференціяхъ этихъ участвовали Швеція, Норвегія, Греція, Турція и Россія.

Засѣданія конференціи продолжались очень долго, и только весьма недавно она покончила всѣ свои занятія, при чемъ Кассонъ, главный представитель на этой конференціи Сѣверо-американскихъ штатовъ, въ заключительной своей рѣчи сказалъ, между прочимъ, о значеніи почтъ вообще слѣдующее: «Почты занимаютъ доставленіемъ корреспонденціи, которая весьма много способствуетъ торговлѣ странъ, дѣятельности торговаго флота и развитію промышленности въ народѣ—корреспонденціи, которая составляетъ необходимую потребность для всѣхъ родственныхъ и дружественныхъ связей и отношеній, и очень много содѣйствуетъ благосостоянію рода человѣческаго. Тѣ же почты, разсылая печатные журналы, распространяютъ элементы цивилизаціи, прогресса и образованія, и чрезъ это служатъ сильнымъ и полезнымъ орудіемъ къ уничтоженію преградъ и непріязненныхъ отношеній, воздвигнутыхъ между различными народами еще въ прежнія времена по невѣжеству, а также по неакуратности и даже недостатку средствъ сообщеній. Короче сказать, почтовые учрежденія служатъ предвѣстниками какъ постояннаго или продолжительнаго мира и покоя, такъ и взаимнаго процвѣтанія народовъ (*de prosperité internationale*).

«Непосредственно способствуя удобствамъ общества, комисія наша имѣла свою цѣлью достиженіе вышеупомянутыхъ сейчасъ интересовъ и послѣдствій. Мы являемся представителями болѣе нежели 400 милліоновъ людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ образованныхъ и промышленныхъ народовъ земнаго шара. Вполнѣ сожалѣя объ отсутствіи представителей нѣкоторыхъ странъ, нами на конгрессъ приглашенныхъ, мы тѣмъ не менѣе представляемъ себою, въ отношеніи почтовыхъ учрежденій, комечко, девять-десятихъ всей міровой торговли и девятнадцать-двадцатыхъ корреспонденціи всего земнаго шара. Начертать простыя, общія и однообразныя правила для всей этой корреспонденціи во взаимныхъ ея отношеніяхъ между различными странами, и въ то же время значительно понизить провозную плату—составляетъ дѣйствительно задачу, вполнѣ достойную внимательныхъ обсужденій лучшихъ умовъ всѣхъ народовъ. Мы можемъ надѣяться, милостивые государи, что возвратясь каждый въ свою родину, мы не упустимъ изъ виду значенія лежавшей на насъ здѣсь обязанности и тѣсной ея связи съ благополучіемъ и цвѣтущимъ, счастливымъ развитіемъ всего человечества; заявленные же во время засѣданій мнѣнія, чуждыя всякихъ своекорыстныхъ интересовъ, и взгляды вполнѣ свободныя и глубокіе даютъ намъ полное основаніе надѣяться на ирреденіе въ весьма непродолжительномъ времени въ исполненію на дѣлѣ всѣхъ тѣхъ предположеній, осуществленія которыхъ мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ.»

Сообщаемъ здѣсь о главныхъ заключеніяхъ конференціи въ

возможно краткомъ извлеченіи, предоставляя желающимъ поближе ознакомиться съ этимъ вполне важнымъ предметомъ обратиться непосредственно къ вышеназванному журналу, гдѣ онѣ напечатаны со всею полнотою на стр. 248 — 328. Заключенія конференціи слѣдующія:

1) Предметы, которые могутъ или должны быть пересылаемы посредствомъ международныхъ почтовыхъ учреждений, дѣлятся на шесть классовъ, а именно:

а) Обыкновенныя письма.

б) Страховыя (Recommandirte) письма безъ означенія цѣнности содержанія ихъ (Werthisinhalt).

в) Страховыя письма всякаго рода съ означеніемъ цѣнности содержанія ихъ.

г) Коректуры, дѣловыя бумаги и всякаго рода написанныя бумаги, неимѣющія характера собственно личной корреспонденціи.

д) Образцы товаровъ—до извѣстнаго вѣса и не представляющіе собою собственно стоимости какъ товары.

е) Всякаго рода произведенія печати, въ листахъ, тетрадькѣ, книгахъ, ноты, литографіи, рисунки, карты, планы и т. д.

2) Вести раздѣленіе мѣстъ корреспонденцій по поясамъ (зонамъ), приписать къ каждому возможно большее количество странъ.

3) Избѣгать по возможности самую пересылку денегъ между различными мѣстами, принадлежащими къ международной почтовой системѣ. Въмѣсто денегъ пересылать лишь увѣдомленія о выдачѣ денегъ по принадлежности.

4) Предоставить полному свободному усмотрѣнію отправителя письма франкировать его или нѣтъ, то-есть уплачивать деньги, причитающіяся за доставку онаго по назначенію, или нѣтъ, предоставляя взимать ихъ съ получателя письма; но постановить, однако, правиломъ, чтобы за нефранкированныя при отправленіи письма взималось бы нѣсколько болѣе, нежели за франкированныя. За письма вполнѣ франкированныя, въ размѣрѣ, закономъ определенномъ, не должно ничего взимать и ни подъ какимыъ видомъ уже съ получателя.

Письма, отправляемыя особенно, экстренно, съ надписью объ этомъ на письмѣ, должны подвергаться дополнительному, нѣсколько высшему платежу, нежели обыкновенныя письма.

5) Отправителю предоставляется право означать на письмѣ, какимъ путемъ желаетъ онѣ его отправить; почтовое же вѣдомство, не имѣя такого особеннаго указанія, отправляетъ письма путемъ, *наиболѣе выгоднымъ въ интересахъ публики (а не почтоваго ведомства?)*

6) Принимая во вниманіе, что слишкомъ высокая плата за корреспонденцію была бы рѣшительнымъ препятствіемъ для учреждений международной почты, полагается принять за правило, что транзитныя письма, то-есть проходящія лишь по странѣ, для достиженія своего назначенія по адресу, подвергаются въ такой странѣ платѣ, составляющей отнюдь не болѣе половины той цѣны, ко-

торую оплачивают письма внутренней корреспонденции страны; въ странахъ незначительныхъ по пространству — эта транзитная плата писемъ должна быть еще болѣе уменьшена.

7) Письма оплачиваются по вѣсу, за единицу котораго принимается 15 граммовъ съ десятичною системою въ дальнѣйшихъ расчетахъ.

8) Письма и корреспонденція *обратныя*, то-есть недоставленныя по назначенію, должны быть отправлены назадъ въ мѣсто ихъ первоначальнаго отправленія — *безденежно* (не взявъ уже платы за обратную доставку, какъ это дѣлается теперь въ нѣкоторыхъ странахъ).

Вообще можно пожелать полнаго успѣха всѣмъ принятымъ конференціею заключеніямъ, которыя ясно выражаютъ, что она руководилась исключительно прямымъ назначеніемъ подобнаго рода государственныхъ учреждений, то-есть имѣла въ виду не одну лишь фискальную сторону, и выгоду отъ нихъ проистекающую для государственнаго казначейства, но прежде всего заботилась о благомъ общественномъ, объ удобствахъ и выгодахъ, доставляемыхъ почтами частнымъ лицамъ, для удовлетворенія различныхъ потребностей которыхъ и сложилась вся государственная организация, а отнюдь не обратно, въ чемъ повидимому еще очень сильно убѣждены еще многіе, хотя подобныя взгляды могутъ въ наше время смѣло быть причислены къ различнаго рода *prejugés gothiques!*

Диспутъ г. Неклюдова. — 9-го мая нынѣшняго года въ стѣнахъ здѣшняго университета происходилъ диспутъ; г. Неклюдовъ защищалъ написанную имъ диссертацию для полученія степени магистра, на тѣму: «Статистическій опытъ изслѣдованія фізіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію». Диспутъ этотъ прошелъ, кажется, еще менѣе замѣченный, чѣмъ многіе другіе менѣе интересные по важности предмета. Въ свое время мы говорили о самой книгѣ, теперь скажемъ о диспутѣ. Диспуты у насъ мало обращаютъ на себя вниманіе публики потому, что они ведутся слишкомъ формальнымъ образомъ; официальные опоненты считаютъ своею исключительною обязанностию сдѣлать нѣсколько каверъ бы то ни было возражений, даже иногда самыхъ незначительныхъ, въ родѣ указанія мелкихъ промаховъ или опечатокъ; посторонніе носѣители рѣдко принимаютъ участіе въ спорѣ. Намъ, пожалуй, возразятъ на это, что диспуты существуютъ не для забавы публики, а съ чисто-учебною цѣлію, для испытанія защищающаго диссертацию. По сущности дѣла это такъ должно бы было предположить, но въ дѣйствительности выходитъ иначе: диспутъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на участіе диспутанта, относительно признанія и непризнанія его достойнымъ той степени, которой онъ ищетъ. Но еслибы это было и такъ, то диспуты, по нашему мнѣнію, все-таки могли бы имѣть болѣе серьезное значеніе. Мы помнимъ, что они дѣйствительно *мальзовались* таковымъ одно время у насъ: когда именно въ ряду

профессоровъ нѣкоторыхъ университетовъ находилось нѣсколько очень даровитыхъ и замѣчательныхъ личностей. Таковы именно были диспуты въ московскомъ университетѣ, когда въ числѣ представителей науки были такія личности, какъ Грановскій и Кудрявцевъ; а между тѣмъ, общественная обстановка въ то время вовсе неблагоприятствовала какому бы то ни было способу развитія идей, устнымъ или печатнымъ образомъ. Тогда нерѣдко вопросы, поднятые въ стѣнахъ университета, переходили въ литературу и рѣшались тамъ болѣе полнымъ образомъ. На страницахъ «Отеч. Записокъ» не разъ появлялись ученые разборы диссертаций, написанные самими официальными оппонентами, или отзывы о самыхъ диспутахъ. Намъ пожалуй скажутъ, что не всякая диссертация заслуживаетъ серьезнаго опроверженія, или что бывають даже такіе случаи, когда оппоненту нечего возражать диспутанту, что они сходятся положительно въ своихъ мнѣніяхъ. Но намъ кажется, что человекъ, истинно-преданный своему дѣлу, воспользовался бы, во всякомъ случаѣ, представляющимся ему поводомъ для разъясненія вопроса публикѣ. Мы помнимъ одинъ случай, когда официальный оппонентъ употребилъ болѣе полтора часа времени для подобнаго дѣла. Намъ кажется, что диссертация г. Неклюдова затрагиваетъ именно такой вопросъ, который можетъ интересовать не только специально ученыхъ, но и всѣхъ. И однакожъ, никто изъ оппонентовъ г. Неклюдова не сталъ на высоту вопроса.

ОБЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Проектъ новаго устава императорской публичной библиотеки. — Министерство народнаго просвѣщенія опубликовало въ своемъ журналѣ (*) означенный проектъ, съ цѣлью вызвать о немъ мнѣнія нашихъ ученыхъ и специалистовъ, и нашего общества. Предметъ, дѣйствительно, касается интересовъ всего ученаго и литературнаго міра, а слѣдовательно и умственныхъ интересовъ цѣлаго общества. Главныя преобразованія, вводимыя проектомъ новаго устава, можно опредѣлить двумя общими чертами: увеличеніе денежныхъ средствъ библиотеки, для приобрѣтенія рукописей и книгъ, и увеличеніе содержанія чиновниковъ.

До сихъ поръ библиотека имѣла весьма недостаточныя штатныя средства на содержаніе управленія, а для приобрѣтенія книгъ пользовалась только случайными, болшею частію незначительными отпусками изъ государственнаго казначейства, и щедрыми, ежегодными подарками изъ собственныхъ суммъ государя импера-

(*) 1886 г. № 1.

тора, а также частными пожертвованиями и деньгами, выручаемыми от продажи дублетовъ. Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ бібліотека ежегодно расходовала, среднимъ числомъ, на приобрѣтеніе книгъ и рукописей, переплетъ ихъ и печатаніе каталоговъ и отчетовъ 18,965 р. 6 к., а считая отпуска изъ государственнаго казначейства на покупку цѣлыхъ коллекцій, какъ напримѣръ, Погодина, кн. Долгорукова, Каратаева, Аделунга, Фирковичей и др., ежегодный расходъ бібліотеки на приобрѣтенія составлялъ 43,456 р. 58 к. На содержаніе чиновниковъ, всего 25 человекъ, расходуется ими ежегодно 21,354 р. 93 к., на содержаніе зданій 12,194 р. 26 к. и на прислугу 2,368 р. 14 к., всего 79,374 р. 1 к.; испрашивается же по новому штату всего 84,377 р. 76 к., слѣдовательно, болѣе существующаго на 5,003 р. 75 к. — цифра ничтожная и неспособная внушить надежду на обогащеніе бібліотеки. Новый штатъ распределяетъ такимъ образомъ текущіе расходы бібліотеки: на содержаніе чиновниковъ, въ числѣ 24, на наемъ дежурныхъ для читальной залы и добавочныхъ писцовъ 38,697 р. 76 к. (болѣе прежняго на 17,252 р. 83 к.), на приобрѣтеніе и переплетъ рукописей, книгъ и проч. и на печатаніе каталоговъ, отчетовъ и проч. 26,500 р. (менѣе прежняго на 16,956 р. 58 к.), на содержаніе зданій 13,770 р. (болѣе прежняго на 1,575 р. 74 к.), и на содержаніе слугителей, швейцара, служанокъ для дамской комнаты, и на одежду имъ 5,500 р. (болѣе прежняго на 3,131 р. 86 к.). Такимъ образомъ, увеличеніе расходовъ на личный составъ и хозяйственныя надобности отнесено на счетъ цифры расходовъ на приобрѣтенія; впрочемъ, эти послѣднія цифры, хотя и были до сихъ поръ болѣе ожидаемыхъ въ будущемъ, но онѣ не были постоянными, штатными, а представляли единовременные крупныя расходы изъ государственнаго казначейства, какъ напримѣръ, 150,000 за приобрѣтенное бібліотекой книгохранилища Погодина, и 100,000 р. за коллекцію еврейскихъ рукописей Фирковичей, купленную въ 1862 г., и т. п.; теперь же бібліотека будетъ имѣть ежегодный, штатный доходъ, изъ государственнаго казначейства, въ 25,500 р., на приобрѣтеніе рукописей и книгъ и печатаніе каталоговъ, независимо отъ частныхъ пожертвований; слѣдовательно, текущіе расходы бібліотеки на эти существенныя ея потребности будутъ уменьшены, сравнительно съ прежними 18,965 р., болѣе чѣмъ на 8,000 руб. Реформа въ личномъ составѣ ограничивается увеличеніемъ содержанія, и замѣной однѣхъ должностей другими.

Наша публичная бібліотека давно уже вполне обеспечена относительно приобрѣтенія всего, что только печатается, гравировается, литографируется, и даже фотографируется въ предѣлахъ Россіи. По закону, два экземпляра каждаго изданія представляются въ бібліотеку, и это, конечно, составляетъ существенное богатство бібліотеки; слѣдовательно, отечественныя издаванія требуютъ отъ нея лишь переплета и каталогизаціи; приобрѣтать остается развѣ только древнія произведенія русской литературы и рукописи знаменитыхъ писателей, ученыхъ и знаменитыхъ русскихъ людей. Что касается

иностранныхъ литературъ, то кромѣ специальныхъ ученыхъ изданій періодическихъ и одновременныхъ, для полноты библіотеки необходимы и собранія сочиненій иностранныхъ классиковъ; но эти послѣдніе не требуютъ ежегодныхъ и постоянныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что даже коллекція рукописей и рѣдкія иностранныя изданія будутъ доступны нашей библіотекѣ.

Но какими средствами администрація библіотеки будетъ каталогизировать свои сокровища? Отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ въ публикуемыхъ документахъ. А между тѣмъ каталоги, особенно отечественнымъ произведеніямъ всѣхъ родовъ и временъ, вообще необходимы. Безъ каталога существованіе библіотеки не приносить и сотой доли той пользы, какая была бы возможна при полномъ каталогѣ. Если до сего времени 25 штатныхъ чиновниковъ, кромѣ вольно-трудившихся, не довели своихъ трудовъ по составленію каталога до того, чтобы хоть часть его могла быть напечатана для публики, то почему можно будетъ ожидать успѣха въ этомъ дѣлѣ отъ 24 чиновниковъ, назначаемыхъ новымъ штатомъ? Ихъ текуція занятія, безъ сомнѣнія, будутъ достаточно велики для того, чтобы они могли удѣлять довольно времени для составленія каталога, особенно если эти чиновники будутъ служить въ другихъ вѣдомствахъ, какъ это допускаетъ уставъ. По составленію каталога новый уставъ не представляетъ никакихъ надеждъ, такъ же, какъ и нынѣ существующій.

Если каталогъ составляется чиновниками библіотеки, то не было ли бы полезно испросить по новому уставу временный штатъ этихъ чиновниковъ. По крайней мѣрѣ, этотъ важный трудъ получилъ бы организацію въ заводательномъ порядкѣ, что могло бы служить ручательствомъ за его успѣхъ.

Изъ числа статей устава мы считаемъ обязанностью обратить особенное вниманіе на относящіяся къ журналамъ. По ст. 183—108, открытъ доступъ для занятій *получаемыми библіотечкой поврежденными изданіями ученою содержаніемъ*. Намъ кажется нѣсколько тѣсно это опредѣленіе: наши губернскія вѣдомости и другія подобныя мѣстные изданія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы *учеными* изданіями; но они весьма многимъ и очень часто могутъ надобиться для журнальныхъ обзоровъ, статей и даже для ученаго статистическаго и этнографическаго труда. По уставу, эти изданія не могутъ быть доступны, если администрація библіотеки строго будетъ держаться правила давать лишь *ученыя* изданія. Всѣ политическія газеты также не суть ученые изданія, но онѣ бывають необходимы для каждаго литератора и публициста, если трудъ ихъ касается современныхъ фактовъ.

По ст. 94, не выдаются въ читальную залу поврежденные изданія за текущій годъ, то-есть до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ переплетены. Этими ограниченіями администрація, повидимому, имѣеть цѣлью устранить изъ библіотеки людей, ищущихъ легкаго чтенія, безъ всякой серьезной цѣли. Библіотека имѣла основаніе убѣдиться, какъ видно изъ ея отчета, что легкое чтеніе

привлекает болѣе, чѣмъ серьезное; мы скажемъ объ этомъ свое слово ниже.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту говорится, между прочимъ, что въ большей части общественныхъ книгохранилищъ Европы существуетъ правило, по которому книги, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условий, выдаются для занятій на домъ. Ввести у насъ такое правило, при всей очевидной пользѣ, которая можетъ произойти отъ того, едва ли не преждевременно. У насъ, въ обществѣ, *большинство* считаетъ общественную собственность личнымъ своимъ достояніемъ, и пока не измѣнится этотъ ложный взглядъ, слѣдуетъ ее всемирно оберегать. Примеры вырванныхъ листовъ, рисунковъ, гравюръ и проч. въ довольно большомъ числѣ книгъ, бывшихъ въ рукахъ нашихъ читателей, не дозволили ввести въ проектъ правило, на основаніи котораго читатели могли бы брать изъ библиотеки книги на домъ для занятій; тѣмъ не менѣе найдено возможнымъ разрѣшить пользоваться ими лицамъ, которыхъ званіе служитъ *мажорнымъ* (?) ручательствомъ въ сохраненіи книгъ и въ должномъ къ нимъ уваженіи, а именно: академикамъ, профессорамъ и доцентамъ высшихъ учебныхъ заведеній, и всѣмъ служащимъ въ библиотекѣ по учебной части.

Нельзя не замѣтить, что проектъ устава уже слишкомъ ограничиваетъ разрядъ людей, которымъ можно бы было довѣрить на домъ книгу изъ общественной библиотеки. Вполнѣ справедливо, что *большинство* продолжаетъ еще считать общественную собственность личнымъ достояніемъ, но и заслуживающее полного довѣрія *меньшинство* не такъ же незначительно, чтобы не считать въ себѣ никого, кромѣ академиковъ, профессоровъ и доцентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Притомъ же эти лица менѣе всѣхъ нуждаются въ пособіяхъ библиотеки, потому что имѣютъ у себя подъ руками богатая библиотекѣ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ служатъ. По нашему мнѣнію, исключеніе въ пользу лицъ, имѣющихъ право получать книги на домъ, должно быть значительно расширено, разумеется, съ условіемъ объ отвѣтственности за утрату или поврежденіе книги, и даже съ требованіемъ соответственнаго залога. Законъ, устанавлиющій это исключеніе, необходимо сообразить съ насущными потребностями лицъ, нуждающихся въ полученіи книгъ на домъ, по роду своихъ занятій. Преподавателю каждаго средняго учебнаго заведенія, какъ напр. гимназій, прогимназій, даже частныхъ пансіоновъ, можетъ встрѣтиться необходимость въ книгѣ, чтобы прочесть извлеченіе изъ нея своимъ ученикамъ; но ни директоръ этихъ заведеній, ни преподаватели, по уставу, не будутъ въправѣ получать книгу на домъ даже на вѣсколько дней и съ залогомъ, а дѣлать выписки—потребуется значительнаго расхода и трата времени. Всякому частному человеку, занимающемуся какъ либо болѣе или менѣе обширнымъ литературнымъ трудомъ, всякому журналисту встрѣчаются неизбежно-необходимые случаи, когда нужно имѣть книгу, которой почему бы те ни было нельзя получить

отъ книгопродавца; такъ напримѣръ, всякій русскій, и тѣмъ болѣе иностраннѣй журналъ прежняго времени и т. п. Нужно отправляться въ публичную бібліотеку. Но какія удобства ожидаютъ тамъ всякаго посѣтителя? Читальныя залы, согласно уставу, открыты лишь до 9-ти часовъ вечера, а по праздникамъ до 3-хъ часовъ пополудни. Надо замѣтить, что у насъ еще весьма мало людей, занимающихся исключительно ученымъ или литературнымъ трудомъ, безъ другихъ постороннихъ занятій по государственной службѣ или какимъ-либо другимъ практическимъ отраслямъ дѣятельности; къ тому же, обычай нашего времени относительно распредѣленія часовъ дни нисколько не похожи на обычай прошедшаго столѣтія: обѣдъ современнаго человѣка кончается въ 5—6 часовъ, а вечернія занятія начинаются въ 8—9 часовъ вечера, то-есть тогда, когда публичная бібліотека уже близка къ закрытію, или закрыта; утромъ же, то-есть до обѣда, занятія въ бібліотекѣ возможны лишь для людей, неимѣющихъ никакихъ общественныхъ или служебныхъ обязанностей, а такихъ людей у насъ, какъ мы уже замѣтили, мало; даже студентъ и гимназистъ, занятый до обѣда лекціями, не имѣетъ достаточно времени для занятій въ бібліотекѣ вечеромъ. Такой отрывочный трудъ не только не привлекаетъ, но отталкиваетъ всякаго энергическаго и любознательнаго человѣка. Для чтенія серьезной книги въ 30—40 печатныхъ листовъ въ читальной залѣ бібліотеки, всякому, кто не имѣетъ времени до обѣда, необходимо двѣ-три недѣли. У кого же достанетъ на это терпѣнья? А если съ чтеніемъ необходимы еще выписки и замѣтки, то и мѣсяца мало; тогда какъ для занятій дома безъ траты притомъ времени на сообщеніе съ бібліотекой, напримѣръ съ Выборгской стороны, Песковъ, Васильевскаго острова и т. п., на тотъ же трудъ достаточно не болѣе одной недѣли. Такимъ образомъ, кромѣ академиковъ, профессоровъ и приватъ-доцентовъ, есть еще весьма много людей, нуждающихся въ полученіи книгъ на домъ; если не всѣ изъ этихъ лицъ могутъ быть навѣстны начальству бібліотеки, для того, чтобы безъ риска могли быть выдаваемы имъ книги на домъ, то вполне возможно требовать отъ нихъ денежнаго обезпеченія и установить правила о томъ, какія именно книги могутъ быть даваемы на домъ, на какой срокъ и каково долженъ быть залогъ. Все это не представляется не только невозможнымъ, но и особенно труднымъ.

Официальные отчеты бібліотеки о количествѣ посѣтителей и числѣ и родѣ потребованныхъ ими въ теченіе года книгъ, конечно, не могутъ считаться полнымъ выраженіемъ оказываемой бібліотечной пользы обществу. Къ этимъ отчетамъ необходимо присоединить свѣдѣнія, получаемыя изъ наблюдений частныхъ лицъ, потому что наблюденія эти идутъ гораздо далѣе статистики. Мы надѣемся, что никто не признаетъ естественнымъ то обстоятельство, что въ такомъ многолюдномъ городѣ какъ Петербургъ—городѣ, преимущественно населенномъ чинными и пролетаріагомъ,

весьма много людей одинокихъ, недостаточныхъ, неэнергическихъ, ни къ чему неспособныхъ, и живущихъ или скуднымъ казеннымъ жалованьемъ, или еще болѣе скуднымъ пенсіономъ; при этихъ условіяхъ, конечно, трудно имѣть и теплую сухую квартиру, и домашнія удобства, и общество, и даже матеріалъ для чтенія. Публичная бібліотека, снабженная тепломъ, свѣтомъ, покойной мебелью и всевозможными книгами, дѣлается естественнымъ пріютомъ, на цѣлую осень и зиму, всѣхъ подобныхъ людей въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, кромѣ публичной бібліотеки, могутъ болѣе удобно проводить свои дни, безъ малѣйшихъ расходовъ, такіа бездольныя существа, какъ чиновные пролетаріи, неимѣющие средствъ даже на самыя скромныя удобства и развлечения? Всякій, посѣщающій публичную бібліотеку, дѣлая наблюденія надъ большинствомъ ея посѣтителей, невольно усумнится въ томъ, что ученый трудъ или любознательность привлекаетъ ихъ въ читальную залу. Кромѣ нѣсколькихъ студентовъ, работающихъ надъ диссертациями, кромѣ немногихъ лицъ разныхъ званій, приготовляющихся къ экзамену, и кромѣ весьма немногихъ литераторовъ, все остальное шлетъ въ бібліотеку своего собственнаго развлечения и теплаго, свѣтлаго, покойнаго и чистаго помѣщенія. Подтвержденіе этого можно видѣть и въ отчетѣ бібліотеки, гдѣ самое значительное требованіе книгъ относится къ литературнымъ журналамъ, и въ отсутствіи какъ въ періодической, такъ и неперіодической литературѣ такихъ статей и сочиненій, которыя свидѣтельствовали бы о развитіи въ Петербургѣ ученой или даже серьезной журнальной дѣятельности.

Было бы бесполезно изыскивать какія либо средства противъ посѣщенія бібліотеки бѣдными класомъ Петербурга, ищущимъ въ ней не столько чтенія, сколько пріюта, потому что всякія сколько нибудь стѣснительныя мѣры или опросы относительно объясненія цѣли посѣщенія, не соотвѣтствовали бы общедоступности нашего книгохранилища, и не имѣли бы никакой существенной цѣли: горимые непривѣтливостью своего жилища въ читальную залу, и даже отводящіе свою душу благоуханными страницами «Современника» и «Русскаго Слова», не дѣлаютъ никому никакого зла, ни у кого ничего не отнимаютъ, и если причинять бібліотеку излишекъ расхода на освѣщеніе на 100 рублей въ годъ, то все-таки перевѣсъ будетъ на сторонѣ добра, потому что всякое чтеніе спасаетъ отъ праздности, которая издавна почитается матерью всѣхъ пороковъ. Еслибы бібліотека не служила отчасти благотворительнымъ заведеніемъ, то дѣятельность ея по слабженію книгами была бы очень скромная, потому что, повторяемъ, она не представляетъ для дѣятельно и дѣйствительно трудящихся тѣхъ удобствъ, которыя требуются привычками и положеніемъ большинства этихъ людей. О главномъ изъ этихъ неудобствъ, заключающемся въ невозможности получать книги на домъ, мы уже говорили. Другое, не менѣе значительное неудобство заключается въ томъ, что въ 9 часовъ вечера бібліотека закрывается. Назначеніе этого часа для закрытія, по

всей вѣроятности, относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ, когда еще обѣдали въ 2 часа, а въ 10 ложились спать. При нѣкѣтнѣхъ привычкахъ людей, занимающихся умственными трудами, порядокъ этотъ является анахронизмомъ. Дежурные чиновники въ читальныхъ залахъ и прислуга, конечно, очередуются, такъ что до обѣда одни, а вечеромъ другіе, почему и не было бы невозможнымъ продлить срокъ для занятій въ библіотекѣ до 11 часовъ вечера. Во всѣхъ театрахъ чиновники остаются же и далѣе 11 часовъ, а жалованье ихъ, какъ извѣстно, весьма скромно въ сравненіи съ окладами, предположенными для чиновниковъ библіотеки. Къ числу неудобствъ библіотеки также слѣдуетъ отнести отсутствіе въ зданіи библіотеки такой комнаты, гдѣ можно бы было, занимаясь нѣсколько часовъ сразу, выкурить папиросу и найти стаканъ чаю. Было бы весьма полезно обязать швейцара, или кого либо изъ живущихъ въ домѣ библіотеки, содержать въ особой комнатѣ буфетъ, въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ во всѣхъ театрахъ. При продолжительныхъ занятіяхъ, какъ всякому извѣстно, необходимо и куреніе, кто къ нему привыкъ, и стаканъ чаю или что нибудь подобное; теперь же занятія въ библіотекѣ сопряжены съ такими физическими лишениями, которыя переносятъ болѣе или менѣе продолжительное время крайне тяжело самому преданному ученымъ занятіямъ и самому любознательному посѣтителю. Конечно, это послѣднее неудобство не касается проекта устава, но мы сочли приличнымъ указать на него, какъ на одну изъ причинъ, дѣлающихъ занятія въ библіотекѣ весьма непривлекательными. Никакое сравненіе въ этомъ случаѣ нашей библіотеки съ другими европейскими учрежденіями не можетъ имѣть мѣста, потому что, какъ мы замѣтили выше, въ Россіи еще весьма мало людей, преданныхъ исключительно ученому или литературному труду и, слѣдовательно, свободно располагающихъ своимъ временемъ.

Самой существенной реформой выставляется въ проектѣ устава назначеніе 13 библіотекарей (вмѣсто прежнихъ 9) *собственно для ученыхъ работъ* и для завѣдыванія отдѣленіями; эти же библіотекари, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, составляютъ и совѣтъ библіотеки. Вся инициатива въ дѣлѣ наполненія библіотеки, наблюденіе за составленіемъ каталоговъ, избраніе кандидатовъ на всѣ вакантныя мѣста *по ученой части* библіотеки и проч., возлагаются на совѣтъ. Такимъ образомъ библіотекари, каждый отдѣльно—являются исполнительнымъ лицомъ, а всѣ вмѣстѣ—властью разрѣшающей, ревизующей и направляющей. Съ совѣщательнымъ голосомъ допускаются къ присутствованію въ совѣтѣ и почетные члены и корреспонденты библіотеки. Служебныя преимущества библіотекарей самыя привлекательныя: содержаніе — старшимъ по 2,500 р., младшимъ—1,750 р.; при чемъ предоставляется право занимать въ то же время должности и по другимъ вѣдомствамъ. Права на пенсію присвоиваются служащимъ въ библіотекѣ по ученой части такія же, какъ университетскимъ профессорамъ, то-есть полная пенсія за 25 лѣтъ, и въ случаѣ продолженія службы—полученіе жало-

ванья и пенсин, съ прибавкой къ оной $\frac{1}{5}$ части за каждыи пять лѣтъ, прослуженными свыше 25 лѣтъ.

При всемъ желаніи намѣтъ уяснить себѣ, въ чемъ будутъ состоять *ученые* труды гг. бібліотечарей и почему они сравнены по службѣ съ профессорами университетовъ, мы не могли вычеркнуть объ этомъ никакихъ свѣдѣній ни изъ проекта устава, ни изъ объяснительной записки; поэтому за разрѣшеніе этого вопроса и принимаемся непосредственно сами.

Библіотечарство, какъ извѣстно, не составляетъ особой науки и даже не входитъ ни въ одну науку какъ отрасль, слѣдовательно невозможны никакія научныя, ученныя труды по бібліотечарской части. Библіотека совмѣщаетъ въ себѣ всевозможныя произведенія человѣческаго ума и слова; изучить всю эту массу неестественно и немислимо; знаніе же заглавій и обертовъ этихъ произведеній не составляетъ науки и также невозможно, потому что и для этого нужны невообразимыя филологическія и бібліографическія познанія. Но какъ всякое преподаваніе человѣческаго ума принадлежитъ къ какой либо отрасли знаній, такъ сказать, подъѣдомъ какой либо наукѣ, то возможно изученіе литературы какаго либо предмета; относительно же словесности народовъ возможно изученіе произведеній ея за извѣстные періоды исторіи народа, или даже всей — какъ древней, такъ и новой. Такъ напримѣръ, можно знать греческую, латинскую литературу, славянскую и т. и., можно знать литературу астрономіи, философіи, физики, химіи, политической экономіи и проч. слѣдовательно, при невозможности быть всезнающимъ, можно быть специально-знающимъ съ литературой извѣстнаго народа, или съ литературой извѣстнаго предмета, и быть въ этомъ болѣе или менѣе свѣдущимъ. Каждая отрасль человѣческихъ знаній, каждый народъ, извѣстный въ исторіи, имѣютъ свою литературу; такимъ образомъ число литературъ, требующихъ знакомства съ ними, значительно болѣе числа ученыхъ бібліотечарей, предложенныхъ для нашей бібліотеки. Если допустить, что каждый изъ 13 бібліотечарей обладаетъ знакомствомъ съ 10 или болѣе специальностями, то и тогда знанія ихъ неостанетъ для того, чтобы объять всѣ предметы книгохранилища. Было бы неестественно требовать, чтобы эти бібліотечари были знаемы съ литературой всѣхъ отраслей знаній, напримѣръ, на столько, на сколько знакомство это возможно и даже присуще *каждому* профессору университета по его специальности. Поэтому мы думаемъ, что бібліотечари, въ особенности при своихъ текущихъ занятіяхъ во звѣдываніи отдѣленіями, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть достаточно компетентными въ самыхъ существенныхъ обязанностяхъ по бібліотечарству, именно: въ наполненіи бібліотеки наиболѣе полезными и достойными произведеніями иностранныхъ литературъ, по разнымъ отраслямъ знаній и въ составленіи хорошихъ систематическихъ каталоговъ. Въ первомъ случаѣ бібліотечари будутъ страдать полнымъ незнаніемъ многихъ специальныхъ литературъ, а во второмъ — недостаточнымъ знакомствомъ съ

презведеніями для размѣщенія ихъ по отраслямъ знаній, систематически. Однимъ словомъ, мы сомнѣваемся, чтобы бібліотекари могли хорошо выполнить обязанности, возлагаемыя уставомъ на совѣтъ бібліотеки, состоящій изъ бібліотекарей. Еслибы этотъ совѣтъ составлялъ коллегію болѣе разнообразную и слѣдовательно болѣе многочисленную, чѣмъ 13 бібліотекарей, и имѣлъ бы въ себѣ компетентныхъ представителей отъ всѣхъ отраслей знаній, то пополненіе бібліотеки и систематизированіе каталоговъ, по указаніямъ совѣта, могло бы быть несравненно рациональнѣе, чѣмъ слѣдуетъ ожидать отъ совѣта, организуемаго настоящимъ уставомъ.

Професоры университета и другихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ знакомые съ литературой своего предмета по обязанности, только и могутъ быть, по нашему мнѣнію, истинно-полезными членами совѣта бібліотеки, въ особенности указаніями по наполненію ея книгами. Составленіе систематическаго каталога, конечно, должно относиться къ обязанностямъ бібліотекарей, но всё возбуждаемое по этому труду вопросомъ, весьма важныя для правильнаго систематизированія, должны бы подлежать также разрѣшенію совѣта бібліотеки, болѣе компетентнаго, чѣмъ составляемый изъ 13 бібліотекарей. Трудъ по назначенію къ приобрѣтенію для бібліотеки книгъ и опредѣленію имъ надлежащаго мѣста въ систематическомъ каталогѣ, весьма простъ для всякаго знакомаго съ предметомъ профессора, и потребуетъ въ теченіе года столь ничтожнаго количества времени, что едва-ли возможно ожидать со стороны профессоровъ возраженія, еслибы они, по оставаемой министру просвѣщенія власти, могли быть назначаемы членами совѣта публичной бібліотеки, за особое вознагражденіе, во всякомъ случаѣ незначительное, судя по свойствамъ и размѣру труда. Затѣмъ бібліотекари, назначаемые для завѣдыванія отдѣленіями, получили бы другое значеніе: они были бы хранителями книгъ и составителями каталоговъ, трудъ же научный по составленію бібліотеки и систематической регистраціи книгъ былъ бы отдѣленъ отъ нихъ, какъ несвойственный имъ по незнакомству съ литературой, каждой отрасли наукъ, чего нельзя и требовать ни отъ кого, кромѣ ученыхъ спеціалистовъ. вмѣстѣ съ этимъ устранялось бы весьма важное неудобство, допускаемое проектомъ устава, именно смѣшеніе въ лицѣ бібліотекарей двухъ властей: исполнительной—въ качествѣ бібліотекарей, и разрѣшающей, наблюдающей и контролирующей—въ качествѣ членовъ совѣта.

Для того, чтобы выбрать книги цѣлесообразно и систематизировать каталогизацію ихъ, нужно быть ученымъ спеціалистомъ, а для того, чтобы тщательно хранить книги и составлять разные каталоги, нужно быть только привыкшимъ къ дѣлу бібліотекаремъ. Не отнимая нисколько значенія у этого послѣдняго труда, мы рѣшаемся, однако, замѣтить, что находимъ совершенно излишнимъ присвоивать бібліотекарямъ права и преимущества ученаго званія и назначеніе имъ жалованья, почти равнаго съ жалованьемъ про-

фесоровъ университета, тѣмъ болѣе, что предоставленіе права служащимъ въ библіотекѣ быть въ то же время на службѣ и въ другихъ вѣдомствахъ, можетъ быть очень выгодной и прикладной привилегіей для этихъ чиновниковъ, въ ущербъ такъ давно ожидаемымъ каталогамъ.

О СПОСОБАХЪ СОДЕРЖАНІЯ РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІИХЪ. — Въ историческомъ изслѣдованіи по этому предмету, извлекаемомъ нами изъ духовнаго журнала «Православный Собесѣдникъ», издающагося въ Казани (*), изложены способы содержанія нашего духовенства въ означенномъ періодѣ и послѣдствія каждаго изъ этихъ способовъ. Изслѣдованіе это указываетъ на всю важность современнаго вопроса объ улучшеніи быта православнаго духовенства, и потому заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ изслѣдованіи этомъ мы найдемъ объясненіе и того обстоятельства, почему религіозный элементъ въ Россіи не оказалъ *достаточно* цивилизующаго и смягчающаго вліянія на нравственное воспитаніе народныхъ силъ.

Въ древности содержаніе русскаго духовенства не было определено закономъ. Источники духовенства опредѣлялись откошевіемъ церквей въ приходанамъ. Церкви соборныя состояли на повечеліи цѣлой области, церкви приходскія—одного общества; церкви домовныя содержались частными лицами и, кромѣ того, были церкви, состоявшія подъ покровительствомъ царей—ружницъ. Соборное духовенство пользовалось частію архіерейскихъ пошлннъ, сборами съ приходскаго духовенства и мирянъ—за треби, а также помѣстьями и разными угодами. Одну изъ пошлннъ—вѣчную (за свидѣтельство на вступленіе въ бракъ) Петръ I отгаль у духовенства, обративъ ее, указомъ 3-го іюня 1714 г., въ государственнй доходъ; въ Малороссіи же, на которую указъ этотъ не простирался, уже послѣ, указомъ Екатерины II 10-го іюня 1765 г., превращень сборъ вѣчныхъ денегъ. Самымъ вѣрнымъ и богатымъ источникомъ доходовъ для соборнаго духовенства были вотчинны, земли и угодыя, то-есть луга, рожи, строевой лѣсъ, мельницы, рыбныя ловли, пустопорожнія мѣста, земли, отдаваемыя половникамъ, и т. п. Въ XVII вѣвѣ недвижимыя имѣнія духовенства не были умножаемы новыми пріобрѣтеніями; имѣнія соборовъ были незначительны сравнительно съ имѣніями монастырскими. Права и условія, съ которыми соединено было владѣніе вотчинами для священноцерковно-служителей, были тѣ же самыя, какія существовали и для другихъ вотчинниковъ (разумѣется, кромѣ наслѣдственныхъ правъ на эти имѣнія). Впослѣдствіи князья стали думать о передачѣ церковныхъ вотчинъ въ казенное управленіе. Первую мысль объ отгитіи ихъ у духовенства высказалъ еще Іоаннъ III. Іоаннъ IV, на соборѣ 1580 г., постановилъ впредь не умножать церковнымъ имѣніи ни куплею, ни даромъ; Федоръ Іоанновичъ утвердилъ во

(*) 1865 г. Мартъ.

всей силѣ поставленіе своего отца, но оба они, слѣдуя древнему обычаю, нерѣдко жаловали духовенству новыя имѣнія; почти такъ же дѣйствовали и государи XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ владѣніе вотчинами подверглось разнымъ перемѣнамъ. Петръ I, указомъ 31-го января 1701 г., повелѣлъ графу Мусину-Пушкину взять всѣ церковныя имѣнія подъ свое вѣдѣніе, приставить къ нимъ свѣтскихъ управителей, доходы съ нихъ распредѣлить на благолѣвіе церковное и приличное содержаніе служащихъ алтарю, а остатки отъ доходовъ употребить на учрежденіе духовныхъ училищъ и на пропитаніе старыхъ, раненыхъ и больныхъ воиновъ и другихъ бѣдныхъ и немощныхъ. Въ 1724 г. учреждена при синодѣ камер-контора изъ свѣтскихъ лицъ, для завѣдыванія всѣми церковными имуществами, а духовенству выдавалось опредѣленное жалованье. Въ 1726 г. Екатерина I, преобразовавъ эту контору въ коллегію экономіи, поставила ее въ нѣкоторую зависимость отъ сената. При Аннѣ Іоанновнѣ духовное вѣдомство совсѣмъ было устранено отъ управленія церковными имуществами. Въ 1745 г. Елисавета Петровна, вмѣсто коллегіи, учредила при синодѣ канцелярію экономіи, и всѣ доходы съ церковныхъ имѣній предоставила въ распоряженіе членовъ синода. Петръ III возстановилъ коллегію экономіи, а духовенству положилъ назначить жалованье, но мѣра эта не была исполнена за смертію Петра III. Екатерина II опять уничтожила коллегію экономіи, учредивъ особую комисію изъ двухъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ, для разсужденія о содержаніи духовенства. Комисія эта представила докладъ объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе государства и о штатахъ денежнаго жалованья духовенству. Указомъ 26-го февраля 1764 г. императрица повелѣла привести въ исполненіе докладъ комисіи. Состояніе за духовенствомъ крестьяне съ землями и угодыями перешли въ вѣдомство коллегіи экономіи, учрежденной на новыхъ основаніяхъ, а взамѣнъ доходовъ съ имѣній назначено денежное жалованье: на первоклассныя кафедральныя соборы по 820 р. въ годъ, на второклассныя 500 р. и третьеклассныя 356 р. ас. на весь причтъ; изъ этихъ суммъ причталося на протоіереевъ отъ 60 до 100 р., на священниковъ отъ 60 до 30, дьяконовъ — отъ 40 до 25 р. Соборамъ некафедральнымъ также положено было жалованье отъ 50 до 115 р. въ годъ на весь причтъ. Прочимъ соборамъ, имѣвшимъ не болѣе 20 душъ крестьянъ (то-есть мелкопомѣстнымъ), въ жалованьи отказано; они остались при доходахъ, которые получали прежде отъ своихъ небольшихъ приходовъ (некафедральныя соборы имѣли свои приходы) и отъ земель и угодьевъ, принадлежавшихъ имъ прежде. Указъ этотъ распространенъ на Малороссію въ 1786 г., а вотчины церковныя отданы въ вѣдомство казенныхъ палатъ. Въ 1797 г. императоръ Павелъ I удвоилъ окладъ жалованья соборному духовенству.

Особенный разрядъ церквей, по средствамъ содержанія, составляли церкви ружныя, которыхъ, по словамъ Кошкина, было въ царствованіе Алексѣя Михайловича до 1,500. Онѣ получали отъ

парой ругу, состоявшую въ однихъ деньгахъ, или въ деньгахъ, хлѣбѣ и другихъ житейскихъ предметахъ. Деньги получались духовенствомъ ружныхъ церквей изъ мѣстныхъ таможенныхъ доходовъ, а за хлѣбомъ они должны были ѣздить въ Москву; иногда же и хлѣбъ выдавался на мѣстахъ изъ казенныхъ сборовъ. Ружное духовенство, какъ состоявшее подъ особеннымъ покровительствомъ царя, преимущественно предъ прочимъ духовенствомъ обязано было совершать царскія службы (панихиды, молебны и т. п.), и за это получало особое жалованье, по 4—6 руб. въ годъ на протоиерея съ братьями. При особыхъ торжествахъ давались также, сообразно съ годовыми окладами жалованья, деньги и подарки вещами, какъ, напримѣръ, сукно. По словамъ Кошкина, въ царствованіе Алексѣя Михайловича давались такіе подарки ружному духовенству ежегодно, инымъ чрезъ два, три и пять лѣтъ. Число служебниковъ при церквахъ, содержимыхъ ругою, было болѣе 18,000 человекъ.

Въ XVIII вѣкѣ содержаніе духовенства ругою продолжалось, но съ значительными измѣненіями, какъ въ числѣ ружныхъ причтовъ, такъ и въ количествѣ руги. Еще въ 1699 г. Петръ I прекратилъ выдачу руги тѣмъ соборамъ и церквамъ, за которыми были приходскіе дворы, земли, покосы, мельницы, рыбныя ровни, и оставилъ ихъ при однихъ доходахъ отъ угодій и приходовъ. Въ 1764 г. руга сравнена была съ жалованьемъ духовенства кафедральныхъ соборовъ; а тѣмъ соборамъ и церквамъ, которыя получали ружнаго жалованья не болѣе 10 р., положено не производить жалованья, отдавъ духовенство этихъ церквей на попеченіе епархіальныхъ архіереевъ.

Приходское духовенство содержалось частными приношеніями прихожанъ, хлѣбною ругою съ нихъ же, по количеству земли, находившейся у прихожанъ, и разными мелкими доходами, какъ, напримѣръ, сборъ яицъ, масла и др. два раза въ годъ—лѣтомъ и осенью; также имѣло земли, а прежде и вотчины, съ отобраніемъ которыхъ въ 1764 г. было положено имъ жалованье наравнѣ съ соборами третьяго класса; тѣмъ изъ приходскихъ церквей, которыя не имѣли постоянныхъ и вѣрныхъ доходовъ, отмежевывались, по царскимъ грамотамъ, небольшіе участки земли; бромъ земель, приходскія церкви часто имѣли другія недвижимыя имущества—лавки, сады, огороды, мельницы и др. Для сельскаго духовенства издавна служила однимъ изъ средствъ содержанія земля, даваемая прихожанами, какъ даръ, въ пособіе; но въслѣдствіе земля отмежевывалась отъ правительства. Частныя приношенія за требы поддерживали вездѣ скудныя средства духовенства, скудныя съ того времени, какъ отъ него отобраны были помѣстья. Петръ I имѣлъ намѣреніе вовсе прекратить эти приношенія, обезпечивъ содержаніе духовенства другими средствами. Онъ повелѣлъ синоду, по совѣщаніи съ сенаторами, опредѣлить для приходскаго духовенства именную подать съ прихожанъ, но это повелѣніе не было приведено въ исполненіе. Екатерина II установила опредѣленную плату за требы для немощныхъ: за

молитву родильницѣ 2 к., за крещеніе 3 к., вѣнчаніе 10 к., погребеніе взрослыхъ 10 к., младенцевъ 3 к., за исповѣдь же и причастіе не брать ничего; людямъ же состоятельнымъ предоставлялось платить за всѣ требы по своему состоянію и усердію.

Духовенство при домовыхъ церквахъ получало жалованье отъ тѣхъ лицъ, которымъ принадлежали церкви. Кошкинъ говоритъ о содержаніи священниковъ при такихъ церквахъ слѣдующее: «я даютъ они, бояре и бляжніе люди, попомъ своимъ жалованье, по сговору, погодно, и дается жеватымъ людямъ попомъ помѣщичный кормъ и ѣствы и питье, и вдовы пона ѣдятъ съ боярами своимъ вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось».

Всѣ вышеисчисленныя средства содержанія духовенства не были повсемѣстными и постоянными. Они существовали не вездѣ, не во всѣхъ епархіяхъ, и не всѣ вмѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ Россіи порознь: гдѣ духовенство пользовалось одними средствами, тамъ не было другихъ. Они часто измѣнялись: одни были отнимаемы, другія были вводимы снова. Поэтому не было повсемѣстно равномернаго распредѣленія средствъ содержанія духовенства; въ иныхъ мѣстахъ духовенство имѣло достаточное содержаніе, а въ иныхъ, и большею частію, жило въ крайней бѣдности. Екатерина II говорила о своемъ времени: «соборы и бѣлое духовенство такъ были не уравнены, что одни передъ другими весьма малые доходы, а другіе и никакихъ не имѣли». Достаточными способами содержанія пользовалось только соборное, особенно кафедральное духовенство, и то не само по себѣ, а потому что получало часть доходовъ архіерейскихъ, обильныхъ и даже богатыхъ, и, кромѣ того, пользовалось особыми, посторонними доходами. Такъ, напримѣръ, причтъ новгородскаго софійскаго собора получалъ вѣнечныя пошлыны въ четырехъ пятинахъ новгородскихъ, пошлыны съ выдачи антиминсовъ и отъ освященія церквей около Новгорода и др.; но съ XVIII вѣка и доходы соборовъ постепенно были ограничиваемы и сокращаемы. Положенное жалованье было несоразмѣрно мало съ прежними доходами и вообще недостаточно. Одинъ священникъ ружной церкви писалъ въ челобитной къ государю: «хочется, государь, мнѣ нищему богомольцу твоему государеву съ тобою государемъ въ твоемъ государевѣ селѣ Болтинѣ по старинѣ, гдѣ прежде сего живаль, жити и кормитися отъ твоей государевой царской милости; заводцу никакого, ни хлѣбца, ни влячки вѣту, взяти негдѣ, а купиши нечѣмъ... Милостивый государь, пожалуй мени нищаго богомольца твоего своимъ царскимъ жалованьемъ на хлѣбецъ и на влячку... и ябъ нищей твой богомолецъ съ женишкой и дѣтишками межъ дворъ волочасъ въ конецъ не погибъ».

При надѣленіи духовенства землею, помѣщики и крестьяне не хотѣли уступать части своей земли въ пользу духовенства, или вовсе не давали земли, а если и давали, то землю неплодную, негодную къ обработкѣ. Для сельскихъ церквей руга не была опредѣлена закономъ, такъ-что прихожанинъ могъ дать и не дать

ругу, а духовенство не могло требовать, тѣмъ болѣе, что руга не была ничѣмъ обезпечена. Назначеніе на церковныя должности зависѣло не столько отъ власти духовной, сколько отъ выбора прихожанъ, а прихожане для своихъ выгодъ часто выбирали въ духовныя должности такихъ людей, которые соглашались какъ можно менѣе требовать себѣ отъ нихъ обезпеченія въ содержаніи. Это было тѣмъ удобнѣе для прихожанъ, что къ концу XVII в. духовенство слишномъ умножилось. Искателей церковныхъ мѣстъ время отъ времени становилось больше и больше, а самыя мѣста прибывали единицами. Въ XVIII в. начались разборы духовенства, лишннихъ стали отдавать въ солдаты. Тогда всякій, кому грезала опасность, готовъ былъ согласиться на самую ничтожную ругу.

Вотъ что говоритъ Посошковъ о нашемъ духовенствѣ того времени: «У насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ ватажныхъ мужиковъ не отиѣнены; мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства обается въ сторонѣ. И отъ такого вхъ земледѣлія многіе христіане умирають не токмо не скодобившимся пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются и умирають яко свотъ. И сіе какъ бы поисправити, не вѣмъ; залованья государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подавнія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ житатися, богъ-вѣсть».

Духовенство находилось слишкомъ въ большой зависимости отъ прихожанъ, особенно тамъ, гдѣ оно состояло на ругѣ отъ прихода; чтобы поддержать расположеніе къ себѣ прихожанъ, отъ священника иногда требовалась немалая жертва нетолько въ отношеніи къ собственному достоинству, но и въ отношеніи къ долгу: онъ вынужденъ былъ иногда постоянно унижаться, рабобѣнствовать предъ своими прихожанами. Какъ скоро священникъ былъ настойчивъ въ своихъ требованіяхъ относительно условленнаго содержанія, прихожане отказывали ему отъ мѣста и избирали другаго, часто безъ вѣдома духовной власти. Митрополитъ Маркелъ, въ 1685 г., писалъ къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, что «въ Псковѣ и пригородѣхъ съ уѣзды сто шестьдесятъ церквей, и надъ тѣми де церквами архіерей воли не имѣють... владѣють мужики и корчемствуютъ церквами, на всякій годъ сговариваются со священниками на дешевую ругу, это менши ругу возьметъ, хотя которые попы и пѣаницы и безчинники... и отъ того архіерею великое преобидѣніе и безчестіе, что церквами архіерей не владѣеть, а владѣють мужики, а священники бѣдные и причетники у нихъ вмѣсто рабовъ и говорятъ противъ нихъ ничего не смѣють». Въ наибольшей зависимости были священники въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ они часто дѣлаемы были изъ крѣпостныхъ, оставаясь почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ помѣщику, въ какихъ были въ крѣпостномъ состояніи. Помѣщикъ, уволившій своего крестьянина для священства, видѣлъ въ немъ, какъ и прежде, своего раба и слугу; и если священникъ имѣлъ несчастіе упасть въ немилость господина, ему

приходилось испытать всю тяжесть барскаго гѣва; съ нимъ была та же расправа, какъ и съ грѣшными людьми, для него были тѣ же наказанія и побои. «Нѣкоторые номѣщики — говорится въ сенатскомъ указѣ 15 апрѣля 1769 г. — священно-церковно-служителей не только побоями, но и наказаніями на тѣлѣ оскорбляютъ; напротивъ того обиженные ныне отъ свѣтскихъ командъ во просьбамъ своимъ удовлетворенія не получаютъ, а другіе во причинѣ своего неимущества отъ судаго по формѣ процесса отрицаются».

Такое положеніе, естественно, убивало духовенство нравственно и лишало его возможности имѣть вліяніе на развитіе религіознаго чувства и воспитанія въ народѣ. Отъсценное снизу и сверху, духовенство не могло не чувствовать своего униженія передъ обществомъ, и не имѣя средствъ подняться на высоту общественнаго положенія, нравственно слабѣло, забывало свое назначеніе, грубѣло само въ невѣжествѣ и нерѣдко вдавалось въ самыя мрачныя дѣла.

Приведенный нами очеркъ исторіи духовенства за два предшествовавшія столѣтія объясняетъ причины, почему на массахъ народа не видно вліянія духовенства и почему оно само находится и нынѣ еще на недостаточной степени развитія и образованности. Оно пахало землю и нищенствовало болѣе чѣмъ два вѣка, поэтому ему было не до теологіи, не до проповѣди. Теперь духовенство имѣетъ весьма многихъ представителей въ земскихъ учрежденіяхъ, среди прочихъ сословіи, и можно ожидать, что, независимо отъ вопроса о матеріальныхъ средствахъ его, самое общественное положеніе духовенства значительно измѣнится и болѣе не будетъ причинъ, ослаблявшихъ вліяніе его на массы народа къ смягченію правовъ и распространенію христіанскихъ истинъ.

О военныхъ приготовленіяхъ Турціи. — «Военный Сборникъ» (№5) сообщаетъ слѣдующее объ усилившемся вооруженіи Турціи: Несмотря на разстроенное положеніе финансовъ Турціи, не смотря на государственный долгъ, простирающійся до 280 м. руб. и ежегодно возрастающій вслѣдствіе постоянныхъ займовъ, заключаемыхъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, вооруженіе не перестаетъ усиливаться, и усиливаются они какъ-бы подъ вліяніемъ толковъ иностранныхъ газетъ, будто бы Россія угрожаетъ Турціи. Какъ ни ложно подобное предположеніе, въ виду сосредоточеннаго вниманія нашего правительства на внутреннемъ развитіи государства, но во всякомъ случаѣ усиленіе вооруженій Турціи въ видахъ охраненія себя отъ Россіи — фактъ дѣйствительно существующій: въ нынѣшнемъ году турецкое военное министерство послало на малеазіатскую границу Россіи спеціальную комисію изъ высшихъ инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, для того, чтобы произвести разсмотрѣніе относительно необходимыхъ предложенныхъ прежнею подобною комисіею укрѣпленій и составить въ возмож-

но-сверѣйшемъ времени смѣту расходовъ на укрѣпленія. Устройство прочныхъ и соответственныхъ цѣли укрѣпленій на этомъ обширномъ пространствѣ потребуетъ весьма много времени и нѣсколькихъ миліоновъ рублей, которыхъ турецкому правительству неоткуда вѣсть. Оно и безъ того уже тратитъ огромныя суммы на вооруженія свои и въ улучшеніи ихъ сдѣлало въ послѣднее время большіе успѣхи, но крайней мѣрѣ, гораздо большіе, чѣмъ при прежнихъ султанахъ. На военныя школы обращено вниманіе; весь корпусъ офицеровъ преобразованъ; гарнизонамъ дѣлаются частіе смотрѣнія; всякое злоупотребленіе наказывается гораздо строже, чѣмъ прежде; армія снабжена 40 т. англійскихъ штуцеровъ; такіе же штуцера, въ количествѣ 240 т., частію уже заготовлены, а частію заготавливаются на турецкихъ заводахъ; на литейныхъ заводахъ изготавляется большое число нарѣзныхъ орудій самыхъ большіхъ калибровъ; заботятся также о снаряженіи броненоснаго флота. Во всѣхъ приготовленіяхъ особенно дѣятельное участіе принимаютъ англичане; управленіе турецкимъ флотомъ вѣрено англійскому капитану Слиду, состоящему теперь въ турецкой службѣ адмираломъ, подъ именемъ Мухавер-пашы. Въ послѣднее же время, изъ Англій прибыли въ Константинополь, съ официальными рекомендательными письмами, нѣсколько молодыхъ людей, получившихъ военное образованіе, и всѣ они тотчасъ же были приняты въ турецкую армію штаб-офицерами. Вліяніе этихъ инструкторовъ должно обнаружиться на самомъ образованіи турецкихъ войскъ, въ составъ которыхъ теперь влечены и два польскіе полка—казацкій и драгунскій. Полки эти существовали до сихъ поръ лишь временно и ожидали, что ихъ распустиятъ, но теперь они окончательно присоединены къ гвардіи. Это—первый опытъ допущенія христіанъ въ военно-сухопутную турецкую службу. Рядомъ этихъ полковъ большею частію состоятъ изъ албанцевъ, болгаръ и сербовъ.

По нашему мнѣнію, на вооруженія эти нельзя смотрѣть такъ индифферентно, какъ смотритъ нашъ военный журналъ. Указаніе его на то, что Россія занята внутренними дѣлами, нисколько основательно, но начало войны можетъ зависѣть и не отъ Россіи. Вооружившись и приготовившись къ войнѣ, Турція, можетъ бить, найдетъ для себя выгоднымъ начать войну; слѣдовательно, опасенія Турціи, будто Россія угрожаетъ ей, скорѣе слѣдуетъ признать предложемъ вооруженій для нея, скрытой цѣли. Въ минувшую войну, Турція была орудіемъ Франціи и Англій; роль эта остается за ней и нынѣ; такимъ образомъ, вооруженія Турціи въ сущности всегда будутъ усиленіемъ операціоннаго пункта Наполеона III и Англій на Востокъ. Иначе мы не можемъ и не должны ихъ разсматривать; всякая другая точка зрѣнія будетъ ложной и опасной. Борьба *одной* Турціи съ Россіей невозможна, но мы не можемъ оставаться равнодушными къ военнымъ приготовленіямъ Турціи потому, что приготовленія эти могутъ обнаруживать скрытыя цѣли другихъ, могущественныхъ соперницъ Россіи.

Исслѣдованіе воды с.-петербургскихъ каналовъ д-ромъ Дранддог-омъ. Вода петербургскихъ каналовъ, при своемъ теченіи чрезъ городъ, безпрерывно, принимаетъ въ себя значительное количество постороннихъ веществъ, которыя, хотя и не могутъ быть прямо признаны за яды, тѣмъ не менѣе должны считаться источниками разложеній, способныхъ разрушительно дѣйствовать на человѣческіе органы. Въ обширномъ изслѣдованіи состава воды разныхъ петербургскихъ каналовъ, помѣщенномъ въ «Архивъ судебн. медіц. и обществен. гігіены» (№ 1), конечно, самой любопытной частью слѣдуетъ считать результаты изслѣдованій и основанныя на нихъ положенія, изъ которыхъ наиболѣе существенныя мы и извлекаемъ въ наше обозрѣніе. Быстрота теченія Невы 3.38 фута въ секунду, а при глубинѣ въ 40 футовъ и ширинѣ 2,400 футовъ — 86.728,437 нудъ въ секунду. Приращеніе постороннихъ веществъ увеличивается, по мѣрѣ увеличенія пути, пройденнаго каналомъ по городу, и пропорціонально густотѣ населенія, живущаго въ окрестности канала и движенію, происходящему на его набережныхъ. Продукты выдѣленій и разложеній животнымъ организмомъ увеличиваютъ въ водѣ каналовъ азотистыя вещества, изъ которыхъ замѣчена *мочевина*. Жидкихъ изверженій отъ 500 т. жителей изслѣдователь вычислилъ 1,830,000 фунтовъ въ сутки; слюны и слезы 2,500 фунтовъ. Банный бульонъ и отдѣленія человѣческія на бѣльѣ также поступаютъ частію въ почву, а частію непосредственно въ воду каналовъ. На 100 фунтовъ воды причитается $\frac{1}{25}$ фунта мочи, или на 25 ф. 1 золотникъ, на 1 ф. отъ 3 до 4 капель, на большой чайный стаканъ по 1 капль. Кромѣ многихъ растворенныхъ органическихъ веществъ, въ водѣ нашихъ каналовъ встрѣчаются еще другія, только плавающая въ ней живая вещества, которыя населяютъ воды каналовъ въ видѣ грибовъ или наливочныхъ животнымъ, микроскопическіе зародки и яйца новыхъ существъ, какъ напримѣръ яички ленточной глисты, содержащіяся въ большомъ количествѣ въ человѣческихъ испражненіяхъ, и стада вертячекъ, зарождающихся изъ твердыхъ испражненій собаки. Вода нашихъ каналовъ, какъ содержащая громадное количество разлагающихся веществъ, вредно дѣйствуетъ на здоровье. Вода Невы, текущая у береговъ вплоть до сенатской площади, немногимъ лучше воды каналовъ. Одна лишь вода въ срединѣ рѣки столь же чиста, какъ вода, взятая въ верхнихъ частяхъ ея.

Чтобы ограничить употребленіе воды каналовъ, есть два исхода: артезіанскіе колодцы и водопроводы. Объ этихъ послѣднихъ говорится, что вода, протекающая чрезъ нихъ, различается составомъ отъ чистой невской воды, что слѣдуетъ отнести на счетъ самыхъ грубъ. Въ будущемъ водопроводы должны подвергнуться обстоятельствамъ, ведущимъ къ ухудшенію воды, потому что мѣсто для собранія воды выбрано не совсѣмъ удобное, не на достаточномъ разстояніи отъ города. По мѣрѣ того, какъ будетъ наростать населеніе въ частяхъ, лежащихъ выше водонесущей башни, по мѣрѣ того, какъ будутъ тамъ устроиваться фабрики и т. п. заведе-

ни; должна усудившая мало жести и самая вода. Дѣло медицинскій полиція будетъ отъ времени до времени изслѣдовать свойство воды водопроводовъ. Мы же дѣло стараться устранить обстоятельство, производящія временную порчу воды. Изъ этихъ обстоятельствъ отъносится недостатокъ чистоты въ водопроводахъ (чего въ настоящее время не существуетъ) и накопленіе веществъ, измѣняющихъ качество воды, вблизи мѣста, гдѣ оканчиваются всасывающія трубы водопроводной башни. Весьма полезно бы было для этого предпріятія устранить выгрузку дровъ около башни, а также отвести другое мѣсто для зимовки баркавъ съ сѣномъ. Во всякомъ случаѣ, вода водопроводовъ всегда останется неясною водою, со всеми преимуществами и недостатками, принадлежащими этой бѣдой солими водѣ; она всегда останется текущей жидкостью, въ которой будутъ плавать инфузоріи, ихъ зародки и проч., такъ какъ эта вода собственно не прокѣживается, и только пропускается сѣвомъ проволоочнымъ рѣшотомъ. Дѣло администрація будетъ—изыскивать средства для настоящаго прокѣживанія воды, чего до сихъ поръ нельзя было сдѣлать.

Что касается воды, притекающей въ каналы изъ почвы, то въ будущемъ представляется еще вредъ отъ насиченія ея газомъ отъ сѣти газовыхъ трубъ, протягивающихся по Петербургу. Абсолютная плотность этихъ трубъ невозможна: всегда найдутся въ нихъ маленькія сѣвины, чрезъ которыя, хоть бы онѣ въ опредѣленную единицу времени пропускали едва замѣтныя количества газа, въ теченіе годовъ перейдутъ въ почву, въ которой заложены трубы, чрезвычайно значительныя массы освѣтительнаго газа; газъ этотъ большую частію будетъ задержанъ въ почвѣ до тѣхъ поръ, пока, по простествіи извѣстнаго времени, не настанетъ моментъ насиченія, то-есть когда составныя части почвы не будутъ больше въ состояніи поглощать новыя количества этого газа. Тогда вода, находящаяся въ почвѣ, овладѣетъ этимъ избыткомъ непоглощеннаго газа, и современемъ, по-крайней-мѣрѣ отчасти, переведетъ его въ каналы.

Въ городахъ, гдѣ газовое освѣщеніе давно существуетъ, это несчастіе уже наступило. Вода колодезей и притоковъ Шпиритъ п. въ Берлинѣ имѣетъ запахъ и вкусъ составныхъ частей освѣтительнаго газа. Полагають также, что потребители этихъ водъ обязаны имъ многими страданіями. Въ Петербургѣ этотъ вредъ еще не обнаружился, потому что въ то короткое время, въ которое имъ пользуемся освѣтительнымъ газомъ, почва не успѣла насытиться имъ; но что современемъ онъ обнаружится—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Умираніе деревъ вблизи газоваго освѣщенія, на что уже обратили вниманіе въ Гамбургѣ, Берлинѣ и Парижѣ, объясняется, по мнѣнію автора, пропитанностью почвы выступающимъ изъ трубъ освѣтительнымъ газомъ.

Нева, во быстротѣ своего теченія, провоняетъ большую часть плавающихъ въ ней веществъ мимо города и, только вливаясь

въ Финскій заливъ, гдѣ движущая сила ея нарастаетъ напоромъ воды изъ моря и мелами, осаждаетъ значительное количество этихъ веществъ; въ каналахъ же теченіе замедляется вслѣдствіе тренія объ узкіе берега и дно, почему здѣсь происходятъ значительныя отложенія отчасти органическихъ, отчасти неорганическихъ веществъ, и тѣмъ въ большихъ количествахъ, чѣмъ глубже каналъ, и чѣмъ больше оны дѣлаютъ оборотовъ. Эти отложенія, не говоря о веществахъ, прямо попадающихъ въ каналъ, какъ, напримѣръ, трупы животныхъ и т. д. и подвергающихся гніенію, представляютъ главные фокусы химическихъ превращеній, центръ самаго обширнаго гніенія, въ которомъ разлагаются не только органическія вещества, но и другія, какъ, напримѣръ, сѣрнокислыя соли, которыя восстанавливаются въ сѣрнокислыя металы, въ свою очередь служащіе источниками сѣро-водорода. Въ то же время газообразныя и растворимыя продукты этихъ разложеній переходятъ въ воду. Въ доказательство того, что вода каналовъ дѣятельно находится въ состояніи гніенія, и пропитана продуктами этого гніенія, можно указать на то, что въ каналахъ, вслѣдствіе окисленія органическихъ веществъ, является недостатокъ въ кислородѣ, такъ-что легко разлагающіяся азотнокислыя соединенія, отдавая свой кислородъ, весьма быстро разрушаются, между тѣмъ какъ количество органическихъ веществъ все болѣе возрастаетъ. Зимой отъ льда быстрота теченія еще болѣе замедляется, и матеріалы для гніенія скопляются болѣе, чѣмъ лѣтомъ, вслѣдствіе чего зимой, хотя процессъ гніенія въ это время года происходитъ гораздо медленнѣе, недостатокъ кислорода сильнѣе, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда воздухъ непосредственно соприкасается съ поверхностію воды. По недостатку кислорода, рыба изъ Невы не переходитъ въ каналы, несмотря на то, что во время метанія икры она ищетъ воды съ медленнымъ теченіемъ. Для развитія своихъ яицъ рыбы нуждаются въ большемъ количествѣ кислорода, чѣмъ во всякое другое время своей жизни, и потому удаляются каналовъ, зная, что каналъ отравитъ ихъ, какъ отравляетъ людей наполненная угаромъ комната.

Таковы непривлекательныя свойства петербургскихъ водовмѣстителейъ, снабжающихъ водою большинство здѣшняго населенія.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Человѣкъ и развитіе его способностей или опыты общественной физики. Сочиненіе А. Кетле. С. Петербургъ. Изданіе Бабста. Томъ I. 1865 г.

Никто, безъ сомнѣнія, не станетъ отвергать, что для весьма многихъ и важныхъ государственныхъ цѣлей безусловно необхо-

даны точныя и по возможности повѣдѣнія числовыя данныя о народонаселеніи вообще, а также и правильно, съ надлежащею полнотою составленные выводы о его движеніи. Такъ напримѣръ, государство по числу общаго своего народонаселенія можетъ заключать о количествѣ войска, которыхъ оно можетъ располагать въ данное время, предпологая, конечно, что имѣются свѣдѣнія о распредѣленіи народонаселенія по возрастамъ. Свѣдѣнія о числѣ дѣтей, которые по возрасту своему обязаны посѣщать школы, служатъ основаніемъ для устройства государствомъ школъ въ необходимомъ числѣ и размѣрѣ, для назначенія потребнаго числа учителей или учительницъ и т. д. Число ежегодно рождающихся въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ можетъ привести къ заключенію о числѣ необходимыхъ для этого повивальницъ, которое будетъ тѣмъ точнѣе и тѣмъ лучше удовлетворять истинной, дѣйствительной потребности, чѣмъ болѣе будетъ обращено вниманія на то обстоятельство, что число рожденій не бываетъ равномерно въ теченіе всего года, что, напротивъ того, число оно достигаетъ наибольшей цифры, а потому и обуславливается усиленным, хотя на это время только, назначеніемъ акушеровъ. То же самое скажемъ мы и о докторахъ, число которыхъ для каждой мѣстности должно быть опредѣлено не только по одному числу народонаселенія, но по числу заболѣвающихъ и умирающихъ. Нередко число выборныхъ для отправленія государственныхъ или общинныхъ должностей опредѣляется по числу жителей известной мѣстности; не зная этого числа, нельзя опредѣлить числа избирателей и выборныхъ и можно легко впасть въ ошибку при назначеніи избирательныхъ округовъ.

Но не менѣе извѣстно, что одни лишь свѣдѣнія о положеніи или движеніи народонаселенія еще весьма недостаточны для многихъ обстоятельствъ государственной жизни и не высказываютъ непосредственно всѣхъ тѣхъ выводовъ и результаты, которые въ свѣдѣніяхъ этихъ дѣйствительно заключаются. Поэтому является необходимость всѣ данныя эти обработать научнымъ образомъ, отыскать тѣ естественные законы, по которымъ слагаются различные отношенія и явленія въ народонаселеніи и которые, однажды найденныя, могутъ служить не только кратчайшимъ выраженіемъ собранныхъ фактовъ, но и постоянною ихъ причиною.

Выраженіе «законы народонаселенія» не можетъ, конечно, считаться совершенно правильнымъ, ибо при этомъ идетъ рѣчь не объ открытіи или точномъ опредѣленіи той силы, которая причиняетъ извѣстныя явленія въ народонаселеніи вообще, но только о правильномъ и постоянномъ проявленіи ея. Такъ, напримѣръ, при этомъ не отыскиваютъ и не изслѣдуютъ ту силу природы, вслѣдствіе которой число рождающихся мальчиковъ или дѣвочекъ находится въ извѣстной пропорціи, или ту причину, по которой число умирающихъ находится въ связи съ возрастомъ и т. д., но стараются только найти и опредѣлить отношеніе числа рождающихся мальчиковъ къ числу рождающихся дѣвочекъ и т. д. и найти,

сколько из известнаго числа лиц вообще умираетъ, на 20, 30 и 40-мъ году и т. д. Безспорно, аналіе законовъ народонаселенія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ правильное проявленіе производительной силы природы, было бы столь же любопытно, какъ и желательно; но изслѣдованіе оныхъ, оставивъ въ сторонѣ вопросъ, увѣрились ли бы они успѣхомъ, принадлежитъ физиологіи, а не политическимъ наукамъ, которыя довольствуются и тѣмъ, что могутъ считать несомнѣнными правилами, законами, какія либо опредѣленныя явленія, или состоянія, встрѣчающіяся въ различныхъ отношеніяхъ народонаселенія. Явленія эти принимаютъ для насъ характеръ закона, потому что встрѣчаются неизмѣнно и не подвержены вліянію человѣческаго произвола.

Попытки отыскать эти законы, были дѣлаемы довольно давно уже, и притомъ прежде, нежели подготовлены были достаточныя для этого матеріалы. Первые труженники, какъ-то Грауэть, Петти, Галлей, Эюсмилъхъ, Шюртъ, Мако и проч. должны были довольствоваться при своихъ изысканіяхъ рядомъ весьма незначительныхъ наблюденій, относительно небольшихъ количествомъ числовыхъ данныхъ и при томъ не всегда точныхъ; развитіе же и усовершенствованіе всѣхъ статистическихъ матеріаловъ въ послѣднее время дали возможность многимъ ученымъ, занимавшимся вѣлюбивыми изысканіями, представить весьма обстоятельныя выводы. Въ ряду подобныхъ изслѣдованій, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ трудамъ Кетле. Будучи еще профессоромъ математики въ Гентѣ, гдѣ онъ и родился въ 1796 году, а потомъ въ Брюсселѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ учрежденій для статистики, и по приказанію голландскаго короля Вильгельма, написалъ въ то время свои статистическія изслѣдованія о голандскомъ королевствѣ. Послѣ революціи 1830 года, онъ былъ назначенъ, по распоряженію бельгійскаго правительства, сперва директоромъ главнаго статистическаго бюро при министертвѣ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ, при учрежденіи въ 1841 году центральной статистической комисіи—ея президентомъ. Занимая эти должности, онъ воспользовался находящимися подъ рукою богатыми статистическими матеріалами и написалъ весьма важныя изслѣдованія, какъ-то о рождаемости и смертности бельгійскаго народонаселенія, объ уголовной статистикѣ въ Бельгіи, теоріи вѣроятности въ примѣненіи къ наукамъ нравственнымъ и политическимъ, объ организаціи общества и законовъ, управляющихъ имъ (*) и т. д. Всѣ сочиненія эти отличаются необычайною математическою точностію, обширными изысканіями для достиженія правильныхъ пріемовъ вычисленій и ихъ выводовъ, а также многочисленными и весьма

(*) Recherches sur la reproduction et la mortalité et sur la population de la Belgique. 1832. V. I. Statistique criminelle de la Belgique. 1832. Sur la théorie des probabilités appliquées aux sciences morales et politiques. 1846. Du système social et des lois qui la régissent. 1848.

точными данными, которые были собраны въ Бельгии подъ непосредственными наблюденіями и указаніями самого Кетле. Это все дало ему возможность не только составить первыя таблицы о смертности для городского и сельскаго населенія, но и явиться основателемъ дѣловой школы, известной въ статистикѣ подъ именемъ математической.

Желая съ математическою точностію опредѣлить границы статистики, какъ науки, и сдѣлать невозможнымъ всякую неопредѣленность и шаткость въ мнѣніяхъ и изображеніяхъ, относящихся до статистики, Кетле въ своихъ статистическихъ послѣдованіяхъ принялъ числа за исходную точку и, на основаніи ихъ, сталъ анализировать законы единичной жизни человѣка и цѣлаго ряда общественныхъ состояній. Онъ хотѣлъ посредствомъ изслѣдованій длиннаго ряда числовыхъ фактовъ показать, что въ разныхъ физическихъ и нравственныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, какъ-то въ рожденіяхъ, бракахъ, смертныхъ случаяхъ, преступленіяхъ, состояніи образованности и т. п., существуетъ большая правильность, обнаруживающаяся, конечно, не въ отдѣльныхъ явленіяхъ, но въ ихъ совокупности, и найти причины этой правильности. Для этого онъ пользуется средними числами и средними состояніями; и изъ отношеній однородныхъ фактовъ заключаетъ о причинахъ, ихъ обуславливающихъ. Статистика, по его опредѣленію, есть наука, которая учитъ изъ аналогическихъ рядовъ цифръ вывести законы для послѣдовательности общественныхъ фактовъ. Если на это и можно замѣтить, что въ фактахъ, выраженныхъ числами, а поэтому и способныхъ къ вычисленію, никакимъ образомъ не заключается все содержаніе статистики, что отрывая порядокъ явленій и его причины, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что порядокъ этотъ до тѣхъ поръ остается неизмѣннымъ, пока существуютъ однѣ и тѣ же причины, и что въ различныхъ странахъ или въ одной и той же странѣ, но въ разныя времена, могутъ оказаться другіе результаты и другой порядокъ явленій, тѣмъ не менѣе должно признать, что Кетле рассмотрѣлъ вопросы о народонаселеніи съ необычайнымъ талантомъ. Въ своемъ самомъ главномъ, въ этомъ отношеніи, сочиненіи *Sur l'homme et le developpement de ses facultés ou essai de physique sociale*, 1835 г., переводъ котораго лежитъ предъ нами, Кетле доказываетъ всю необходимость большого количества числовыхъ данныхъ, путемъ которыхъ и можно только составить себѣ вѣрную систему вѣроятностей и придти къ точнымъ предположеніямъ и заключеніямъ. Не входя въ разборъ этого классическаго сочиненія, составившаго эпоху въ исторіи статистики, мы укажемъ на главные пункты ученія, съ которыми тѣсно связано направленіе школы, основанной бельгійскимъ ученымъ. Доказать, что главнѣйшія явленія человѣческой жизни—рожденіе, человѣка, постепенное возрастаніе его и смерть—подчиняются опредѣленнымъ естественнымъ законамъ, Кетле спрашиваетъ, подчиняются ли также и законамъ произвольна дѣянія человѣка, и рѣ-

шасть вопросъ этотъ утвердительно. Чтобы открыть эти законы, нужно отрѣшиться отъ представленія человѣка и всего случайнаго и подвергнуть наблюденію большое количество фактовъ; тѣмъ болѣе лицъ будетъ подвергнуто наблюденіямъ, тѣмъ болѣе будутъ стираться и исчезать индивидуальныя, личныя особенности физической природы каждаго изъ нихъ, и тѣмъ яснѣе будутъ выступать тѣ общія условія, на которыхъ основано существованіе обществъ. Путемъ такихъ-то наблюденій открываεται то, примѣнимое одинаково къ физической и духовной природѣ человѣка, основное положеніе, что дѣйствіе однихъ и тѣхъ же причинъ предпологаетъ всегда возвращеніе однихъ и тѣхъ же слѣдствій. Путемъ указанныхъ изслѣдованій можно всегда открыть не только эти причины, но и самыя законы, въ нихъ обнаруживающіеся. Въ предупрежденіе возраженія, что если законъ, дѣйствуя постоянно и вызывая рядъ однихъ и тѣхъ же слѣдствій, остается неизмѣннымъ, то человѣкъ, слѣдовательно, представляетъ собою одну лишь бездушную машину, Кетле далѣе говоритъ, что причины эти не заключаютъ въ себѣ ничего непреложнаго; напротивъ того, онѣ измѣняются вмѣстѣ съ развитіемъ человѣческаго общества и успѣхами цивилизаціи. Онъ различаетъ въ этомъ отношеніи два рода причинъ: физическія и духовныя. Первые обнаруживаютъ всегда постоянное дѣйствіе, а вторыя — оказываютъ вліянія какъ-бы случайныя, измѣняющіяся. Такимъ образомъ, при постоянно-дѣйствующихъ физическихъ и измѣняющихся духовныхъ причинахъ, самый результатъ ихъ можетъ быть различенъ въ различные періоды общественной жизни. Характеръ изслѣдованій и способъ воззрѣнія Кетле на общественную систему заключаетъ въ себѣ нѣчто положительное, могущее на первый взглядъ испугать извѣстнаго сорта умы. Одни увидятъ здѣсь наклонность къ матеріализму, а другіе, ложно толкуя его мысли, заподозрятъ въ немъ излишнюю претевзію расширить область положительныхъ наукъ и перенести геометра на чуждую для него почву. «Кто можетъ сказать (выражаясь словами самого Кетле, на стр. 19), что оскорбляется божество, когда изощрается самая благородная способность, какую только вложило оно въ насъ, обращеніемъ ея дѣятельности на изслѣдованіе самыхъ высокаихъ законовъ вселенной, затѣмъ, чтобы уяснить для всѣхъ удивительную экономію и безконечную мудрость, руководившихъ ея устройствомъ? Гениальный умъ только съ благоговѣніемъ осмѣливается изслѣдовать глубины необозримой вселенной. Безъ сомнѣнія, знаніе удивительныхъ законовъ, управляющихъ системой міра—знаніе, которымъ мы обязаны изслѣдованіямъ философовъ, даетъ несравненно болѣе высокое понятіе о могуществѣ божества, чѣмъ то слѣпое суевѣріе, которое хотѣлъ втѣснить намъ старый міръ. Наблюдая путь, которымъ шла наука въ дѣлѣ изученія міровъ, мы не понимаемъ, почему бы намъ не идти той же дорогой въ дѣлѣ изученія человѣка? Не нелѣпо ли думать, что въ то время, какъ все совершается по извѣстнымъ законамъ, одинъ человѣче-

свѣтъ родъ остается слѣпо предоставленнымъ самому себѣ и не имѣетъ никакого охраняющаго начала? Мы не боимся сказать, что это предположеніе дѣйствительно было бы оскорбительно для божества, но вовсе не то изслѣдованіе, которое мы хотимъ предпринять».

Въ означенномъ сочиненіи Кетле нѣтъ намѣреніе рассмотреть:

1) Законы, по которымъ человекъ воспроизводитъ себѣ подобнаго и развивается относительно роста, физической и нравственной силы, въ отношеніи большей или меньшей склонности къ добру и злу — законы, по которымъ развиваются его страсти и влчкности, по которымъ совершается производство и потребление, по которымъ онъ умираетъ и пр. пр.

2) Какое дѣйствіе природа оказываетъ на человека; каковы ея вліянія; каковы нарушающія силы и каковы были ихъ дѣйствія въ продолженіе того или другаго періода, и какъ общественные элементы были имъ главнымъ образомъ затронуты?

3) Наконецъ, могутъ ли силы человека дѣйствовать подрывающимъ образомъ на прочность общественной системы?

Убѣжденный въ великой важности и полезности подобныхъ изслѣдованій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая всю ихъ трудность, Кетле не считаетъ своего сочиненія окончательнымъ отвѣтомъ на предложенныя имъ изысканія, а напротивъ того, желаетъ, чтобы на его сочиненіе смотрѣли бы только какъ на эскизъ огромной картины, рамки которой могутъ быть наполнены посредствомъ огромныхъ трудовъ и обширнѣйшихъ изслѣдованій.

Вышедшій въ настоящее время въ русскомъ переводѣ первый томъ этого замѣчательнаго сочиненія, содержитъ въ себѣ лишь первую книгу, въ которой разсматривается все, что относится до жизни человека, его воспроизведенія и смертности. Разсмотрѣвъ подробно вопросы о рожденіяхъ вообще и плодовитости, о вліяніи естественныхъ причинъ на число рожденій, о вліяніи нарушающихъ причинъ на число рожденій, о мертворожденныхъ, о вліяніи естественныхъ причинъ на смертные случаи и о вліяніи нарушающихъ причинъ на число смертныхъ случаевъ, Кетле разсматриваетъ вопросъ о народонаселеніяхъ и его приращеніяхъ, и всю теорію о народонаселеніи сводитъ къ двумъ слѣдующимъ принципамъ, на которые и смотритъ, какъ на долженствующіе служить главными основаніями анализа относительно развитія народонаселенія и причинъ, на него вліяющихъ (стр. 193), а именно: 1) народонаселеніе стремится къ увеличенію въ геометрической прогрессіи; 2) сопротивленіе или сумма препятствій, мѣшающихъ его развитію, равняется при одинаковыхъ условіяхъ квадрату скорости, съ которой народонаселеніе стремится увеличиться. Такимъ образомъ видимъ мы, что Кетле принимаетъ безусловно первую часть известной теоремы знаменитаго Мальтуса, котораго въ настоящее время у насъ также произвели въ безумные дурни, въ узкоболбые и т. д. Онъ признаетъ, что англійскій великій экономистъ очень тонко изслѣдовалъ главныя пре-

питствія къ размноженію народонаселенія, и не менѣе удачно (стр. 192) опредѣлялъ тѣ границы, которыя еще не слѣдуетъ переступать подъ опасеніемъ большаго ущерба. Но говоря, что средства существованія не развиваются такъ быстро, какъ народонаселеніе, и что при обстоятельствахъ самыхъ благопріятныхъ для промышленности она могутъ развиваться только въ прогрессіи арифметической, Мальтусъ и его послѣдователи не опредѣляли, по мнѣнію Кетле, довольно ясно способъ дѣйствія этихъ препятствій къ увеличенію народонаселенія въ геометрической прогрессіи; тотъ законъ, въ силу котораго эти препятствія дѣйствуютъ, остался неопредѣленнымъ; слѣдуетъ, не дано средствъ перенести теорію народонаселенія въ область математическихъ наукъ, къ которой она, по мнѣнію Кетле, повидимому, специально должна быть отнесена. Съ этою цѣлью Кетле измѣнилъ вторую часть мальтусовской теоремы, замѣстивъ оную выраженіемъ или формулою, выше нами приведенною, для степени сопротивленія, оказываемаго развитію народонаселенія различными къ тому препятствіями.

При этомъ мы считаемъ неизлишнимъ напомнить гг. читателямъ, что извѣстный Робертъ фон-Моль, пользующійся большимъ авторитетомъ въ области политическихъ наукъ, признавая вполне справедливымъ, что увеличеніе средствъ существованія не происходитъ вездѣ и всегда по одной и той же арифметической прогрессіи, замѣчаетъ однако (въ 3-мъ томѣ своей исторіи и литературы политическихъ наукъ), что и выставленная Кетле для ея замѣны новая формула, не можетъ быть также принята; онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ и доводовъ въ подтвержденіе своей формулы, въ которой вообще трудно добиться истиннаго смысла и значенія. Нельзя никакъ понять, какими образомъ могутъ быть математически вычислены и измѣрены всѣ препятствія, мѣшающія развитію народонаселенія въ геометрической прогрессіи; и вся формула, вообще говоря, ничего новаго и особеннаго собою не выражаетъ, а только то, что препятствія, мѣшающія развитію народонаселенія, становятся все сильнѣе и ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ народонаселеніе само все болѣе и болѣе увеличивается въ отношеніи къ средствамъ, для его существованія необходимымъ. Но это же всѣ давнымъ давно уже знали.

Если въ сочиненіи Кетле могутъ быть найдены и другія неточности, несогласныя съ общимъ состояніемъ экономической науки въ настоящее время, тѣмъ не менѣе книга Кетле не утратила для насъ своего достоинства и значенія по тому глубоко-научному методу и приему, съ которымъ Кетле приступилъ къ разработкѣ статистическихъ данныхъ. Это и заставляетъ насъ съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтить появленіе этого сочиненія у насъ въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ, правда, спустя 30 лѣтъ послѣ перваго изданія книги, и пожелать г. Бавсту успѣха въ его предпріятіи и попросить по возможности поспѣ-

шить окончаніемъ предпринятаго перевода, не откладывая его, по примѣру другихъ переводныхъ сочиненій, въ слишкомъ долгій ящикъ.

Слуги желудка. Исторія пяти чувствъ. Сочиненіе Массе. Передѣлка съ французскаго и изданіе Сувориной и Лихачевой. С.-Петербургъ. 1865 г.

Лишне говорить о той важности и занимательности, которыя представляетъ собою физиологія; что же можетъ быть для человѣка ближе и интереснѣе, какъ не знакомство съ дивнымъ устройствомъ его собственнаго организма и различными его отправленіями? Этимъ объясняется тотъ успѣхъ, которымъ пользуются извѣстные, общедоступныя сочиненія по части физиологіи. Конечно, трудно составить популярное, общедоступное изложеніе по какой бы то ни было отрасли знаній; но, при добромъ желаніи и небольшомъ талантѣ, правда, можно излагать понятно и образно самыя сухія повидимому вещи, чему примѣромъ служить французскій писатель Массе. Онъ попробовалъ рассказать дѣтямъ нѣкоторые факты изъ физиологіи въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Histoire d'une bouchée de pain» (переведенномъ на русскій языкъ подѣ заглавіемъ «Исторія кусочка хлѣба»), и имѣлъ блистательный успѣхъ какъ на французскомъ языкѣ, такъ и у насъ. Какъ бы продолженіемъ этому сочиненію, Массе написалъ другое, переведенное теперь также на русскій подѣ заглавіемъ «Слуги желудка», въ которомъ онъ старается передать читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ анатоміи, начавъ самымъ сухимъ ея отдѣломъ—остеологіею (ученіемъ о костяхъ, о скелетѣ человѣческомъ вообще), которой и посвященъ весь лежащій предѣ нами первый выпускъ этого сочиненія. Упомянувъ вкратцѣ о составныхъ частяхъ всякой кости, именно о гелатинѣ (то-есть хрящѣ или студенистомъ веществѣ) и постепенно проникающемъ ее все болѣе и болѣе, каменистомъ веществѣ (фосфорно-кислой извести), выдѣляющемся изъ нашей крови, Массе переходитъ къ разсмотрѣнію жизни костей, то-есть тѣхъ процессовъ, путемъ которыхъ кости питаются, растутъ и разрушаются—измѣняются въ своемъ составѣ. Во всѣхъ этихъ процессахъ принимаетъ главное и самое дѣятельное участіе такъ называемая надкостная плева, облегающая всякую кость на подобіе того, какъ кора, заболонь облекаетъ всякое дерево. Въ эту плеву входятъ самыя мелкія развѣтвленія сосѣднихъ артерій, наполняютъ ее кровью и питаютъ такимъ образомъ самую кость, то-есть хрящъ, который постепенно окостенѣваетъ снаружн, въ то время какъ снаружн продолжаетъ выдѣляться хрящъ, пока кость совершенно выростетъ. Позже дѣятельность надкостной плевы ограничивается лишь тѣмъ, что она наполняетъ снаружн кости то, что утрачивается во внутреннихъ ея слояхъ; благодаря ей же, послѣ вырѣзанной кости изъ надкостной плевы, оставшейся въ видѣ пустаго мѣшка, вырастаетъ новая кость, а два конца сломанной кости опять весьма крѣпко срачиваются, оставаясь

нѣкоторое время въ совершенно спокойномъ положеніи, безъ всякаго движенія. Подъ микроскопомъ мы легко увидимъ, что кость состоитъ изъ безчисленнаго множества костяныхъ пластинокъ или волоконъ, вездѣ одинаковыхъ, которыя мѣстами сжаты вмѣстѣ и образуютъ *плотную ткань*; мѣстами же перекрещиваются между собою по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, образуя легкое вещество — *клеточную, сѣтчатую или губчатую ткань*; сія послѣдняя находится внутри костей, а первая — на наружной ихъ поверхности непосредственно надъ надкостною плевою. Въ костяхъ черепа обѣ наружныя пластинки плотной ткани такъ плотно и близко сходятся между собою, особенно въ старости, что трудно отыскать слѣды губчатой ткани; отъ этого и сами кости становятся очень хрупкими. Въ самой серединѣ каждой кости проходитъ артерія съ веною, приносящая пищу мозгу, заключенному какъ-бы въ каменной трубчкѣ. Войдя въ эту трубчечку, артерія и вена развѣтвляются до безконечности и обертываютъ мозгъ такой сѣтью, что онъ принимаетъ красноватый оттѣнокъ, особенно у молодыхъ существъ, у которыхъ питаніе, а слѣдовательно и кровообращеніе гораздо дѣятельнѣе. Костный мозгъ, наполняющій собою все пустое пространство внутри костей, есть родъ маслянистаго, жирнаго вещества, о назначеніи котораго ученые еще сильно спорятъ. Одни утверждаютъ, что онъ служитъ для питанія и роста кости, какъ и надкостная плева; другіе говорятъ, что она сама образуется вслѣдствіе всасыванія кости, какъ продуктъ отживанія, т.-е. прямо сказать, костный мозгъ есть не что иное, какъ разложившаяся кость; во всякомъ случаѣ значеніе костнаго мозга неясно.

Какъ только человѣкъ достигаетъ зрѣлаго возраста, кости его перестаютъ расти, т.-е. достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ, и тѣ хрящи, которые должны окостенѣть — окостенѣваютъ. Но тутъ жизнь не оканчивается еще: кости продолжаютъ непрерывно измѣняться, но уже незамѣтнымъ для обыкновеннаго наблюдателя образомъ. На всемъ протяженіи кости происходитъ постоянное замѣщеніе отжившихъ частицъ новыми; по мѣрѣ разрушенія и удаленія отжившихъ частичекъ, вырастаютъ новыя, для того, чтобы въ свою очередь разрушиться и уступить мѣсто другимъ. Вотъ въ этихъ-то постоянныхъ замѣщеніяхъ смерти и рожденія заключается вся загадка жизни, въ какихъ бы формахъ и размѣрахъ ни проявлялась эта жизнь — въ формѣ ли историческихъ переворотовъ, смѣняющихъ одно государство другимъ, въ формѣ ли мировыхъ переворотовъ, измѣняющихъ поверхность нашей планеты, или въ формѣ переворотовъ духовно-нравственныхъ, какъ-то въ области религіи, наукъ, или въ микроскопической дѣятельности постоянного умиранія и возрожденія въ какомъ нибудь ничтожномъ кусочкѣ нашей кости.

Сказавъ о строеніи костей, Массе переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ сочлененій, посредствомъ воихъ нашъ скелеть, составленный изъ множества отдѣльныхъ кусковъ, представляетъ собою

нѣчто цѣлое, вполне стройное, дѣйствующее такъ дивно хорошо, что люди до сихъ поръ не изобрѣли еще ни одной машины, которая могла бы выдержать сравненіе съ человѣческой машиной, состоящею изъ простыхъ восточекъ, на концахъ которыхъ находятся *связки*, то-есть сочлененія или составы.

Сочлененія эти бываютъ двоякія:

Неподвижныя — при чемъ кости лишь плотно соединены одна съ другою, и не могутъ двигаться одна независимо отъ другой, какъ напримѣръ сочлененія костей черепа.

Подвижныя — какъ напримѣръ у насъ въ рукахъ и въ ногахъ; они устроены иначе; каждая отдѣльная кость, связанная съ другою посредствомъ сочлененія, въ силу онаго можетъ дѣйствовать и двигаться самостоятельно, независимо отъ той кости, съ которою соединена.

Подвижныя сочлененія напоминаютъ собою маленькій закрытый мѣшокъ, внутри котораго концы костей двигаются свободно до извѣстныхъ границъ, но не переходятъ ихъ, это имъ не позволяется; этотъ мѣшокъ, называемый фиброзная (волоконистая) сумка или сумочная связка, не позволяетъ кости смѣщаться съ своего мѣста. Но это сопротивление связокъ, удерживающихъ кости на мѣстѣ, неодинаково во всѣхъ возрастахъ: у дѣтей связки эти гораздо гибче, потомъ постепенно вѣрннуть, и наконецъ, рѣшительно отказываются принимать всякое неестественное положеніе, становясь въ старости словно окаменѣлыми, то-есть пропитанными известковымъ слоемъ. Снявъ сочлененіе, мы увидимъ на обоихъ концахъ костей, бывшихъ во взаимной связи между собою, точно выточенные возвышенія и впадины, которыя вкладываются другъ въ друга съ замѣчательною точностію; края ихъ заканчиваются хрящами, которые не должно смѣшивать съ тѣми, о которыхъ выше говорено. Эти хрящи сочлененій или *составныя* хрящи, находятся у человѣка во всѣхъ его возрастахъ; они неподвижны, и составляютъ существенную часть всей системы сочлененій; они очень упруги, а главное ихъ назначеніе заключается въ томъ, чтобы ослабить взаимное давленіе костей, и предупредить переломы.

При этомъ должно еще замѣтить, что два суставныхъ хряща, соприкосновеніе которыхъ ничѣмъ не облегчается, мало-по-малу сѣвлиются вмѣстѣ, то-есть сочлененіе изъ подвижнаго становится неподвижнымъ, а слѣдовательно, кость члена не можетъ болѣе дѣйствовать. Для отвращенія подобнаго несчастнаго обстоятельства, подъ сумочною связкою лежитъ другая *оболочка*, выделяющая постоянно изъ себя клейкую жидкость, извѣстную подъ названіемъ синовиальной или членосуставной влаги. Эта оболочка некрѣпка, похожа на мокрый пузырь, и принадлежитъ къ числу *серозныхъ*, то-есть выделяющихъ изъ себя жидкость, взятую ими изъ *сыворотки* (*serum*, желатини) крови; жидкость эта или влага, подобно маслу или жиру въ машинѣ, имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать движенію членовъ и костей, находящихся между

собой въ подвижномъ сочлененіи. Послѣ бездѣйствія, въ первыя минуты трудно двигать членами, что происходитъ оттого, что синовиальная влага слишкомъ сгустилась въ сочлененіи, такъ сказать, застыла его. Но дѣло становится весьма серьезнымъ, когда эта влага совсѣмъ засыхаетъ, что происходитъ отъ продолжительной неподвижности, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и годовъ, какъ это и случается при весьма опасныхъ болѣзняхъ, сильныхъ ушибахъ, ранахъ, и т. д. Тогда является страшная болѣзнь — неподвижность суставовъ, или лучше сказать, *спаяніе* ихъ, обозначаемое греческимъ словомъ — *анкилозъ* (ankylosis — спайка).

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, устройство костей вообще, относящееся до *общей* анатоміи, Массе переходитъ къ такъ называемой *описательной* анатоміи костей, которая разсматриваетъ каждую кость отдѣльно, одну за другою, и съ такою же ясностію и занимательностію излагаетъ устройство позвоночнаго столба и составляющихъ его различныхъ позвонковъ, также черепа, зубовъ, груди, рукъ и ногъ, что и занимаетъ остальную, большую часть всего выпуска.

Русскій переводъ этого сочиненія вполне удовлетворителенъ, и намъ остается только благодарить переводчицъ-издательницъ за столь же полезный, какъ и прекрасно выполненный трудъ. Онѣ не только перевели, но и мѣстами значительно измѣнили самъ текстъ, избавивъ его съ одной стороны отъ той чрезмѣрной болтливости, которая обнаруживается у Массе, съ другой же — дополнивъ тѣ мѣста, которыя были слишкомъ поверхностно изложены. Онѣ при томъ же старались сдѣлать по возможности полезнымъ и самостоятельнымъ это сочиненіе, которое могъ бы безъ затрудненія прочесть всякій, даже незнакомый съ *Исторіею кусочка хлѣба*, и написали вполне хорошую и обстоятельную статью о зубахъ, о которыхъ Массе говорить чрезвычайно поверхностно. Вообще говоря, подобное изданіе сочиненій Массе въ русскомъ переводѣ, обогащая небольшое число истинно полезныхъ и толковыхъ книгъ, существующихъ въ нашей литературѣ для популярнаго чтенія, составляетъ явленіе, которому нельзя не сочувствовать. Безъ сомнѣнія, публика оцѣнитъ подобный трудъ издательницъ-переводчицъ; мы же съ своей стороны думаемъ, что наше сочувствіе къ переводу г-жъ Сувориной и Лихачевой можетъ быть всего болѣе выражено желаніемъ не только полного успѣха ихъ изданію, но чтобы и другія переводчицы послѣдовали ихъ примѣру, издавая одинаково полезныя, какъ и толковыя книги, чуждыя всякой пустой болтовни и вполне неуважительнаго фразѣрства, столь же непонятнаго для читателей, которымъ оно предназначается, какъ и вполне вреднаго.

Надѣемся, что издательницы не замедлятъ подарить русской публикѣ и послѣдующіе выпуски Массе, по мѣрѣ ихъ выхода.

Исторія Польши. Сочин. И. Кулжинскаго. Изданіе Бредихина. Киевъ. 1864 г.

Появленіе этого сочиненія составляет въ области нашей литературы явленіе столь же замѣчательное, какъ и горестное. Горестное оно потому самому, что мы вынуждены заглянуть о явленіи сочиненія Кулжинскаго, названнаго имъ же самимъ *очеркомъ*, которое даже не на полныхъ 200 страницахъ выйдаетъ въ себѣ исторію Польши—государства, прежде столь же обширнаго, какъ и замѣчательнаго, впродолженіе безъ малаго тысячъ лѣтъ, то-есть отъ доисторическихъ временъ Польши до возстановленія Царства Польскаго въ 1815 году. Очень горестно, что наши различныя отечественныя исторіи, тратившіе время на вслѣдованія и характеристики изъ сферы исторіи западныхъ государствъ, очень мало или даже вовсе неотносящіяся до нашего отечества, не возмѣтили благодѣтельнаго желанія составить намъ, русскимъ читателямъ, общедоступную исторію Польши—страны, которая, вслѣдствіе различныхъ событий мировой исторіи, составляетъ одну изъ частей цѣлаго нашего государства въ настоящее время. Въ курсахъ гимназій или университета, и въ литературѣ всегда слышали мы о Польшѣ урывками; о ней говорили при случаѣ, и то вкратцѣ. Тамъ, наиримѣръ, рассказывая о Дмитрѣй Донскомъ и битвѣ его съ Мамаемъ, скажутъ, что былъ у сего послѣдняго союзникъ Ольгердъ и два слова о немъ, и еще болѣе краткій очеркъ о его предшественникахъ, о вторыхъ иногда и вовсе ничего не скажутъ, только развѣ Ягелло съ Ядвигою поманутъ; говорятъ о войнахъ Іоанна III съ Казиміромъ IV, но едва-ли кто слышалъ когда либо отъ учителя или профессора о вилницкихъ статутахъ. Тамъ, потомъ являютъсѣ Лжедмитрій, Владиславъ Жолкевскій, а что было въ самой Польшѣ во время всего этого періода—мимо; потомъ сѣверная война, Петръ-Великій, Карлъ XII и Станиславъ Лещинскій, король польскій, тутъ-какъ-тутъ, а потомъ смотришь—Польша является со своими конфедераціями—барскою, тарговицкою, а Суворовъ очутился въ Прагѣ, и пошли раздѣлы и т. д. Короче, все это выходитъ безъ склада и лада, какою-то фантазмагоріею, совершенно непонятною, подъ вліяніемъ которой, однако, и въ настоящее время слышатся взгляды и сужденія о такъ называемомъ польскомъ вопросѣ, столь же дико-фантастическія, сколько и неслышныя съ ходомъ польской исторіи, которой бѣльшая часть изъ насъ не училась, потому что не учили, и о которой не читала, ибо порусски о ней не писали, а мы попольски не разумѣемъ.

Поэтому намъ крайне необходимо имѣть разумную, общедоступную исторію Польши, своеобразная жизнь и странная судьба которой для насъ, русскихъ, владѣющихъ нынѣ прежними этническими королевствомъ, едва-ли не любопытнѣе, и во всякомъ случаѣ поучительнѣе судебъ и исторій многихъ другихъ племенъ, которыя, однако, въ силу какого-то страннаго и непонятнаго каприза, случая, мы знаемъ гораздо лучше, точнѣе и обстоятельнѣе, нежели исторію страны, не только намъ соплеменной, но и вполне связанной съ судьбою и жизнью нашего отечества.

Но можете ли намъ указать кто либо на полную исторію Польши, написанную на русскомъ языкѣ? Едва-ли: мы не рѣшаемся сказать положительно *нѣтъ*, и желаемъ очень для вѣщей славы нашей исторической литературы даже ошибиться и въ этомъ сомнѣніи. Правда, въ началѣ 1864 года появился первый томъ перевода исторіи польскаго народа — Генриха Шмитта, молодого польскаго ученаго, занимающагося разработкою польскихъ историческихъ памятниковъ; но переводъ этого сочиненія, сдѣланный очень удовлетворительно Шрейеромъ, доведенъ только до 1496 года, то-есть до царствованія Іоанна-Альбрехта; затѣмъ, для самаго поверхностнаго только знакомства съ дальнѣйшими, послѣдующими событіями въ Польшѣ, оставалось обратиться къ краткимъ очеркамъ исторіи польскаго народа Іоахима Лелевеля, переводъ Я. Ивановскаго 1862 г., которые также не обнимали всей исторіи Польши, а остановились, почему только, неизвѣстно, на третьемъ раздѣлѣ Польши въ 1796 году. Вновь вышедшая исторія Польши и представляетъ явленіе, замѣчательное въ томъ отношеніи, что сообщая читателю довольно ясный очеркъ всей политической жизни польскаго королевства, она доведена уже до 1815 года, когда императоръ Александръ даровалъ полякамъ 12 декабря учредительную хартію, и единогласно, отъ искреннаго сердца, названъ былъ ими *Воскресителемъ Польши*; они сами не вѣрили своему счастью, получивши новое бытіе, увидѣвъ возстановленіе Польскаго Царства (стр. 195).

Сочиненіе это читается очень легко; въ раздѣленіи исторіи Польши на періоды Кулжинскій не придерживается ни Лелевель, ни Шмитта; онъ принялъ свое, нелишенное, впрочемъ, оригинальности, и едва-ли строго научное, именно слѣдующее: 1) доисторическое время Польши до 965 года; 2) Польша подъ управленіемъ государей изъ дома Пястовъ, отъ 965—1386 года; 3) подъ правленіемъ королей изъ дома Ягеллоновъ, отъ 1386—1572 годъ; 4) подъ правленіемъ королей изъ разныхъ домовъ (1572—1796 г.). Въ заключеніе авторъ говоритъ о варшавскомъ герцогствѣ (1807—1815 г.) и возстановленіи Царства Польскаго, предоставляя исторіи позднѣйшаго времени обязанность разсказать, какъ воспользовалась Польша благосостояніемъ подъ мирною сѣнью своей единоплеменницы Россіи.

Разказы о старинныхъ людяхъ. 4 выпуска. С.-Петербургъ. 1864—65 г. Тип. Бакста.

Намъ рѣшительно непонятно, почему разказы, написанные для простаго народа или дѣтей очень молодого возраста, о древнихъ индійцахъ, египтянахъ, финикіянахъ, персахъ, грекахъ и римлянахъ, приняли названіе разказовъ *о старинныхъ людяхъ*, хотя точнѣе было бы сказать *народовъ* и сообщить о нихъ свѣдѣнія болѣе интересныя, понятныя и точныя, нежели сдѣлано это означеннымъ изданіемъ *переводчицъ*, какъ напечатано это начиная со 2-го выпуска. Что значить собственно «изданіе переводчицъ»? Издали ли

онѣ на свой счетъ *переводъ* этихъ разсказовъ, сдѣланный другими, или общество переводчицы, если такое существуетъ только, издало, а не переводило эти разсказы, представляющіе собой трудъ саомытный или переводный? Въ послѣднемъ случаѣ не мѣшало бы, конечно, указать, съ чего именно переводъ сдѣланъ. Какъ бы тамъ ни было, мы только замѣтимъ, что воистинѣ сочувствуя благой цѣли переводчицы — дать народу возможность познакомиться съ главными народами, появившимися на театрѣ всемірной исторіи, мы тѣмъ не менѣе не считаемъ ихъ трудъ удовлетворительнымъ. Разсказы на двухъ самыхъ маленькихъ страничкахъ о финикіянахъ, асиріянахъ и вавилонянахъ дадутъ объ этихъ народахъ понятіе едва-ли иное, чѣмъ самое смутное, мало чѣмъ отличающееся отъ извѣстной фразы «исторія финикіанъ темна и баснословна». Мы думаемъ, что взявъ въ основаніе исторію Дункера, или даже просто всеобщую исторію Вебера, можно составить весьма краткую и тѣмъ не менѣе наглядную и занимательную исторію древнихъ государствъ для простаго народа, не вдаваясь, конечно, въ объясненіе ихъ вѣронсповѣданій и мифологии, крайне непонятной и рѣшительно безъ всякаго значенія, какъ скоро она излагается на полустраницѣ. Да и разсказъ вератцѣ греческихъ *драмъ* (?) «Прометей» и комедіи Аристофана «Птицы» (какъ это сдѣлали издательницы въ 3-мъ выпускѣ разсказовъ) не дасть ровно никакого понятія о греческой литературѣ, а если и дасть, то самое невѣрное, подобно тому, какое получить читатель разсказовъ о римскихъ кліентахъ, прочитавъ на стр. 6 и 9 четвертаго выпуска, напримѣръ, «Отецъ съ нѣсколькими слугами (*клиентами*) обрабатывалъ землю»; или «война доставляла добычу *дворянамъ-патриціямъ*, а дома земли ихъ обрабатывали ихъ слуги (*клиенты*)». Ужъ не считаютъ ли переводчицы патриціевъ такими же дворянами, какъ и нашихъ помѣщиковъ, а бывшихъ вѣрностныхъ, а нынѣ временно-обязанныхъ крестьянъ — кліентами! Да лучше было бы справиться о значеніи кліентовъ и патриціевъ хотя бы въ сочиненіи Момзена, чѣмъ писать подобныя вещи; переводчицы могли бы воздержаться такъ же, что бы не писать въ введеніи къ 1-му выпуску слѣдующаго: «листъ да наземъ сталъ на землю падать да гнить — вотъ и черноземъ сдѣлакс!» Каково объясненіе? Или: «а пожалуй скоро высчитаетъ (т.-е. человекъ), когда какая погода будетъ, когда дождь, а когда ненастье...» или стр. 8 предисловія къ 3-му выпуску: «въ наше время народы *достигли* (замѣчательно! жаль что не указано, кто же именно) или по-крайней-мѣрѣ стремятся достигнуть совершенной отмѣны рабства, *полной* свободы мысли и слова, *полнаго* равенства всѣхъ половъ и сословіи, и мечтаютъ (кто эти народы-мечтатели?) о братскомъ союзѣ народовъ». Желательно очень знать, какую пользу можно ожидать отъ сообщенія и распространенія въ народѣ какихъ-то неопредѣленныхъ понятій о полной свободѣ мысли и слова (что же, и ругаться можно?), полнаго равенства всѣхъ половъ и т. д. Для чего упоминать въ предисловіи къ народному изданію

о такихъ понятіяхъ, въ опредѣленіи, а также развѣрахъ и степени возможнаго осуществленія которыхъ едва-ли можно найти двухъ мыслящихъ людей, вполне между собою согласныхъ; переводчицы же и не думаютъ дать опредѣленіе всѣмъ этимъ громкимъ фразамъ, предоставляя это собственному соображенію тѣхъ читателей, которымъ, однако, объясняютъ, что «въ Греціи было не очень жарко и не холодно»... «Вотъ дерево растетъ красиво, а съ мѣста сойти не можетъ... А у рыбы хоть ни рукъ, ни ногъ нѣтъ и голосу нѣтъ, а только одинъ пискъ какой-то да чавканье (у рыбы-то), а все она развитѣе *дерева*: плавать можетъ, буда ни захочетъ, да и глаза у ней есть. А у птицы двѣ ноги *да вмѣсто рукъ*—крылья. Звѣрь реветъ (*всякій ли?*), а птица пѣть можетъ... Обезьяна, такъ та всѣхъ звѣрей *хитрѣе*; можетъ *все* сдѣлать, что увидитъ какъ люди дѣлаютъ» (будто бы и все уже? и рассказы о старинныхъ людяхъ написать можетъ?) и т. д. «Въ самую глубокою старину люди-то и пахать не умѣли, какъ дикіе жили (а какъ жили дикіе?), каждая семья врозь, городовъ не было и т. д. (все это въ предисловіяхъ къ выпускамъ IV и VI)... Вотъ это такъ послѣдовательно! Словно такіе читатели понимаютъ сами, безъ всякаго объясненія, значеніе полной свободы слова, мысли, полного равенства половъ, сословіи, имущества и т. д.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

ÄGYPTISCHE PERSOGEN NAMEN BEI DEN KLASSIKERN, gesammelt von G. Parthey. (Египетскія собственные имена людей у классическихъ писателей, собранныя Г. Партейемъ). 1864.

ALGEMINE ÄSTHETIK ALS FORMWISSENSCHAFT, von Pr. Dr. R. Zimmermann. (Общая эстетика, какъ наука о формѣ, Р. Циммермана). 1865.

BILDUNGSABWEICHUNGEN BEI EINIGEN WICHTIGEREN PFLANZENFAMILIEN, von Dr. C. Crater. (Уклоненія отъ нормальнаго образованія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ семействъ растений, К. Крамера) 1864.

ELEMENTARBUCH DER DIFFERENTIAL-UND INTEGRALRECHNUNG, von Fr. Autenheimer (Элементарная книга дифференціальныхъ и интегральныхъ вычисленій, Ф. Аутенгеймера). 1865.

FORM UND INHALT IN DER ÄSTHETIK, von Dr. T. Vogt. (Форма и содержаніе въ эстетикѣ, Т. Фохта). 1865.

LEBENSERINNERUNGEN UND DENKWÜRDIGKEITEN, von C. G. Carus. (Воспоминанія К. Г. Каруса). 1865.

LEITFADEN FÜR DEN UNTERRICHT IN THEORIE UND PRAXIS DER RATIONELLEN Bienenzucht, von A. Schmit und G. Kleine. (Теоретическое и практическое руководство къ рациональному пчеловодству, Э. Шмидта и Г. Клейне). 1865.

LEITFADEN DER NATURESGESCHICHTE DES MINERALREICHES, von W. Kükula. (Руководство къ естественной исторіи, царство ископаемыхъ, В. Кукулы). 1865.

G. E. LESSING, von Fr. Dr. W. Loebell. (Г. Е. Лессингъ, В. Лёбелъ). 1865.
 OSTERREICH'S VERTREITUNG AM WELTHANDEL, von P. Revoltella
 (Участіе Австріи въ мировой торговлѣ, П. Революелла). 1864.

POPULÄRE ÄSTHETIK, von Dr. C. Letzke. (Популярная эстетика К.
 Летске). 1865.

PREUSSISCHE GESCHICHTE, von W. Pierson. (Прусская исторія, В. Пирсо-
 на). 1865.

ATALANTA IN CALYDON. A tragedy. By A. C. Swinburne. (Аталанта въ
 Каллидонѣ; трагедія А. Ч. Свинборна). 1865.

CAWNPORE, by G. O. Trevelyan. (Каунпуръ, Г. О. Тревеллиана). 1865.

THE HISTORY OF PLAYING-CARDS, with Anecdotes of their Use in Conju-
 ring, Fortune-Telling and Card-Sharpping, by S. Taylor and Others. (Исторія
 игорныхъ картъ, съ анекдотами относительно ихъ употребленія при ворожбѣ,
 гаданіи и шулерствѣ, С. Тэйлора и другихъ). 1865.

A LADY'S WALKS IN THE SOUTH OF FRANCE IN 1868, by Mary Eyre.
 (Развѣды леди по южной Франціи въ 1868 г., Мери Эйръ). 1865.

THE LIFE, Times and Scientific Labours of the second marquis of Worcester,
 by Henry Dircks. (Жизнь, время и ученые труды втораго маркиза Уорче-
 стерскаго, Г. Диркса). 1865.

MODERN WARFARE AS INFLUENCED BY MODERN ARTILLERY by Colo-
 nel Macdougall. (Новая война, обусловленная новой артилеріею, полковника
 Макдугалла). 1865.

NOTICES ILLUSTRATIVE of the Drama and other popular amusements
 chiefly in the 16 and 17 centuries. By W. Kelly. (Пояснительныя свѣдѣнія
 о драмѣ и другихъ народныхъ увеселеніяхъ преимущественно въ 16 и 17 сто-
 лѣтіяхъ, В. Келли). 1865.

PUBLIC RESPONSIBILITY AND VOTE by Ballot, by an Elector. (Обще-
 ственная отвѣтственность и выборъ посредствомъ баллотирования). 1865.

VILLAGE LIFE IN SWITZERLAND, by Sophia Delmar. (Сельская жизнь въ
 Швейцаріи, Софія Дельмаръ). 1865.

HISTOIRE DE L'ESPAGNE DEPUIS LES PREMIERS TEMPS JUSQU'A NOS
 JOURS, par Mary Lafon. (Исторія Испаніи съ древнѣйшихъ временъ и до
 нашихъ дней, соч. Мари Лафона). 2 vols. Paris.

LA FAMILLE. LA MÈRE, par Eugène Pelletan. (Семейство. Мать. соч. Ею.
 Пеллетана). Paris.

CAUSERIES SUR LES FEMMES ET LES LIVRES, par G. Merlet. (Бесѣды
 о женщинахъ и книгахъ, соч. Г. Мерле). Paris.

LA HAUTE-SAVOIE, recits d'Histoire et de voyage, par Francis Wey.
 (Верхняя Савойя, историческія и путевыя замѣтки, соч. Ф. Вей). Paris.

LES GRANDS HOMMES DE L'ORIENT, par Alph. de Lamartine. (Великіе
 люди Востока, соч. Альф. Ламартина). Paris.

DRAMES POLITIQUES, par Alfred Michiels (Политическія драмы, соч.
 Альфреда Мишельса) Paris.

LES MYSTÈRES DES VIEUX CHATEAUX DE FRANCE, par une société d'archi-
 vistes, sous la direction de A. B. Lefrançois. (Тайны старинныхъ француз-
 скихъ замковъ; собраны обществомъ архиваріусовъ, подъ редакцію А. Б. Лес-
 франсуа). Т. I. Paris.

ESSAI D'ULTIMUM ORGANUM OU constitution scientifique de la méthode,
 par J. de Strada. 1-ere Série Bases de la méthaphysique. (Система философ-
 скаго метода, соч. I. Страды. Отдѣлъ I. Основы метафизики). Tomes I et II.
 Paris.

LA CRISE PHILOSOPHIQUE. MM Taine, Renan, Littré et Vacherot. Par
 Paul Janet. (Философскій кризисъ. Тэнъ, Ренанъ, Литре, Вашеро). Paris.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

«АФРИКАНКА».

Опера въ 5-ти дѣйствіяхъ; музыка Г. Мейннера.

Полная опера для пѣнія съ фортепяно въ большомъ форматѣ
Net 16 руб.

Полная опера для пѣнія съ фортепяно въ маломъ форматѣ (in 8-vo);
роскошное изданіе Net 12 руб.

Полная опера для пѣнія съ фортепяно въ маломъ форматѣ
(in 8-vo); обыкновенное изданіе Net 8 руб.

Отдѣльные номера для пѣнія съ фортепяно, и для
одного фортепяно арранжированные «A. Croisez» и
одобренные Ф. И. Фетисомъ (arrangées par F. J. Fétis).

	ц. р.	к.	ц.	к.
№ 1. Romance «Adieu mon doux rivage» (pour Soprano ou Mezzo-Soprano)		75		60
» 2. Terzettino «Ou par devoir»	»	85	»	60
» 3. Choeur des évêques.	»	60	»	60
» 3-bis Quintetto, extrait du Final	»	75	»	—
» 4. Air du sommeil «Sur mes genoux»	»	85	»	60
» 5. Air «Fille des rois, à toi l'hommage» pour Bariton, Toner ou Basse à	»	85	»	60
» 6. Du «En vaion leur impuissante rage, pour Soprano et Tenor.	»	1 —	»	85
» 7. Septeor, extrait de Final «Moi seul il m'aime»	»	1 —	»	60
» 8. Choeur des femmes «Le rapide et léger navire»	»	60	»	60
» 9. Quatuor et choeur de matelots . . . . . «Debout matelots, l'équipage debout	»	1 —	»	60
» 10. Prière (Double choeur) «O, grand saint Dominique»				
» 11. Ballade «Admirator, roi des vagues profondes»; pour Basse, Bariton ou Tenor. . . . . à	»	75	»	60
» 12. Duo «Quel destin, ou plutôt quel aveugle délire»	»	1 15	»	60
» 13. Choeur des Indiens «Brahma, Brahma»	»	60	»	60
» 14. Choeur de Sacrificateurs «Soleil qui sur nous t'élèves brûlant»	»	60	»	60
» 15. Grand air, Ô Paradis sorti de l'onde, } pour Tenor ou Baryton. . . . . à	»	75	»	75
» 15-bis Mélodie extraite de l'air, pour Tenor ou Baryton. . . . . à				

	Для гиты съ фортепьяно.	Для одного фортепьяно.
• 16. Cavatine «L'avoir tant adorée», pour Baryton ou Basse	à p. 60 r.	60 r.
• 17. Grand Duo «Eh bien fais loin de nous»	1 30 »	75 »
• 18. Choeur dansé «Remparts de gaze, cachez l'extase»	» 85 »	60 »
• 19. Arioso «Fleurs nouvelles, arbres nouveaux», pour Soprano et Mezzo-Soprano ou Contralto.	» 75 »	60 »
• 20. Grand Duo «Avant que ma vengeance»	1 45 »	75 »
• 21. Grande Scène du mancenillier «D'ici je vois la mer immense».	1 30 »	75 »
• 21-bis Cavatine extraite de la Scène précédente. «La haine m'abandonne», pour Soprano, ou Mezzo-Soprano	» 60 »	— »
• 22. Air extrait de la Scène précédente «O délices qui m'inondent», pour Soprano, ou Mezzo-Soprano	» 75 »	60 »
• 23. Choeur aérien «C'est ici le séjour de l'éternel amour».	» 75 »	60 »

Разныя сочиненія на мотивы, изъ оперы «АФРИКАНКА».

- A. JAELL, Trois paraphrases brillantes, pour piano. à 1 r. 50 c.
 AUG. VINCENT, Fantaisie Transcription, op. 18. 1 r. 10 c.
 E. KETTERER, Fantaisie de Salon, op. 170. 1 r. 45 c.
 CRAMER, Bouquet de mélodies, mosaïque 1 r. 75 c.
 GRANDE marche Indienne, édition originale, pour piano 1 r. 45 c.
 La même, arrangée à 4-mains par E. Wolff 2 r. 30 c.
 MARCHE religieuse, arrangée pour le piano, par Vauthot 75 c.
 La même, arrangée à quatre mains, par Ed. Wolff 1 r. 15 c.
 Dernière pensée musicale de G. Meyerbeer: Prélude de la scène du Mancenillier, au 5-e acte de l'opéra «l'Africaine»; pour piano (avec accomp.) de Violon et Violoncelle ad lib. 50 c.

Для одного фортепьяно.

- ВИЛЬМЪ, Н. фонъ. Траурный марш . . . . . 75 c.
 LEWY, Ch. «Le 12 Avril», Méditation . . . . . 75 »
 STRAUSS. «Homage au public russe» — большое понуря на любимые русскіе мотивы . . . . . 1 р. 50 k.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать вся ~~какая~~ ^{какая} сочиненія, итъ и какъ бы то ни было изданія или объявленны въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проц.; на десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. многогородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящей почтой.

А. ВИТТЕРЪ.

668

299

15

